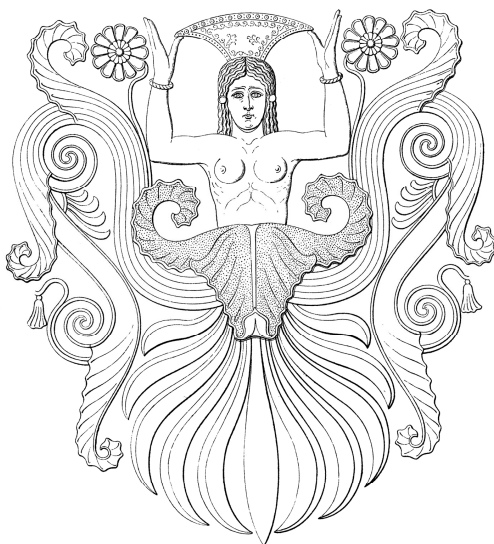

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН

ГРЕКИ И ВАРВАРЫ
НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПЕРЕКРЁСТКЕ

Санкт-Петербург

2013

**THE ACADEMY OF SCIENCES OF RUSSIA
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE SAINT-PETERSBURG INSTITUTE
FOR HISTORICAL STUDIES
THE SOUTH RUSSIA CENTRE FOR
ARCHAEOLOGICAL STUDIES**

THE STATE HERMITAGE MUSEUM

**THE BOSPORAN
PHENOMENON:
GREEKS AND BARBARIANS
ON THE CROSSROADS
OF EURASIA**

**PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE**

**Saint-Petersburg
Nestor-Historia Publishing House
2013**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
▮▮▮▮▮▮▮▮
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН

ГРЕКИ И ВАРВАРЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПЕРЕКРЁСТКЕ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

УДК 930.26:947.011
ББК 63.4:63.3(0)329.48

Печатается по решению
Учёного Совета ИИМК РАН

Редколлегия:

*М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина,
С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова,
В. А. Хршановский*

Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). – СПб. : Нестор-История, 2013. – 828 с.

ISBN 978-5-4469-0150-0

Крупнейшая в Российской Федерации Международная научная конференция, посвящённая проблемам истории и культуры Северного Причерноморья, в десятый раз собирает археологов, историков, искусствоведов и филологов. Тема конференции 2013 года – встреча греков и варваров на Евразийском перекрёстке. Данное издание рассчитано на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся проблемами древней истории.

УДК 930.26:947.011
ББК 63.4:63.3(0)329.48

Издание осуществлено при поддержке
Института истории материальной культуры РАН
и Южно-Российского Центра археологических исследований

ISBN 544690150-0

© Коллектив авторов, 2013
© Издательство Нестор-История, 2013

Предисловие

Десятый! Юбилейный! Пятнадцать лет спустя... «Боспорский феномен» – конференция, которая давно переросла свой изначально задуманный скромный формат и превратилась (как мечтал когда-то один из его основоположников Евгений Яковлевич Рогов) в международный форум историков и археологов-античников, филологов-классиков, и примкнувших к ним эпиграфистов, нумизматов, историографов, реставраторов, представителей точных и естественных наук, применяющих свои методы для решения общих антиковедческих задач. Раз в два года, в последнюю декаду ноября, они съезжаются на своё «биеннале», в Санкт-Петербург.

Осень 2013 года не стала исключением. Когда весной мы получили заявки на участие в юбилейной конференции, стало понятно – «мало не будет». Правда, кто-то прислал только заявки, а кто-то – сразу тезисы. Ближе к осени, многие сообщили о своем желании приехать с сообщением (без публикации в сборнике) или даже просто присутствовать на докладах и участвовать в дискуссиях... В итоге, когда мы подсчитали количество потенциальных выступающих, выяснилось, что «рабочего» времени для этого потребуется примерно в два раза больше, и конференцию следовало бы растянуть ещё на неделю, что, увы, невозможно.

Конечно, организаторам «Боспорского феномена» это было лестно. Очень хотелось как-то выделить юбилейную конференцию из общего ряда: придумать тему, позволяющую подвести итог всем предыдущим, вывести «вечные» проблемы Боспорского царства на новый уровень осмысления и обобщения. Материалов, принятых и подготовленных к публикации, хватило бы на том объёме в тысячу страниц, но удастся ли, как это всегда было раньше, при регистрации вручить участникам солидный юбилейный сборник, оставалось неизвестным. Не хватало самой малости: средств на проведение конференции. В трудной ситуации на помощь приходят друзья. Узнав о нашем сложном положении, откликнулись и вызвались помочь Институт истории материальной культуры, Государственный Эрмитаж и Южно-российский центр археологических исследований. Спасибо им от организаторов и участников конференции! Благодаря этому сборник всё же появился на свет... Но хоть как-то компенсировать приедем

участникам расходы на транспорт и проживание во время конференции в Санкт-Петербурге (что иногда бывало), увы, возможности нет. Вероятно, именно по этой, сугубо материальной причине, мы не увидим многих из тех, кто хотел бы приехать, и кому мы были бы искренне рады.

Как уже отмечалось, у организаторов было желание придать этой конференции особый – итоговый характер. На это нацеливал будущих участников уже первый циркуляр. Однако, по мере получения заявок, а затем и тезисов становилось ясно: рассчитывать на какой-то «финал» не приходится: даже при попытке обобщения, остро чувствуется потребность в продолжении – исследований, публикаций новых материалов, дискуссий о том, что за пятнадцать лет вобрал в себя Боспорский феномен. Всё, что оказалось возможным сделать – это в первом разделе, открывающем сборник, сгруппировать и выстроить в хронологическом и тематическом порядке материалы, посвящённые основному предмету изучения и осмысления – «боспорскому феномену» как особому историко-культурному явлению античного мира на Евразийском перекрестке. В следующем – разместить материалы, относящиеся к многообразному варварскому окружению Боспора, далее – осветить результаты новых исследований античных центров Северного Причерноморья – от Аполлонии Понтийской на западе, до границ Колхиды на востоке, дополнив основную часть сборника историографическими публикациями и материалами о последних достижениях в археологии точных и естественных наук.

Завершает издание «Memorabilia». Два года – срок небольшой. Но между последними конференциями от нас ушли наши коллеги и друзья: Дмитрий Алексеевич Мачинский, Валентина Владимировна Крапивина, Борис Ильич Бабич, Пиа Гулдагер Билде... Их памяти посвящены публикуемые в этом разделе мемориальные заметки.

Редколлегия сборника сочла возможным не подвергать присланные для публикации материалы скрупулезной научной редакции: свою задачу мы видели лишь в том, чтобы предоставить слово каждому автору. Главными критериями при отборе материалов были соответствие заявленной теме конференции (в очень широком диапазоне) и высокий научный уровень. Редакторская правка, в основном, сводилась к устранению выявленных неточностей, погрешностей стиля и оформления текстов.

Вопрос, который у многих возникает: пройдёт (надеемся, что пройдёт) юбилейная конференция, а что дальше? У Оргкоми-

тета нет ответа на этот вопрос. Есть ощущение, что какой-то цикл завершился. Наверное, проведенные десять конференций были небесполезны, прежде всего, для того, чтобы сохранить общее научное поле и дружеские связи на постсоветском пространстве, что – пусть в шутку, но точно и ёмко – выразилось в любимом тосте «За Боспор, единый и неделимый!». Пусть нам не удалось до конца разгадать загадку «Боспорского сфинкса», но, может быть, общими усилиями мы хотя бы приблизились к осознанию её сложности, а, значит, в перспективе, и к решению. Конференция вышла на определённый, как представляется, достаточно высокий, научный уровень, стала своеобразным «брендом», привлекающая в качестве постоянных участников крупнейших специалистов в разных областях антиковедения. Наверное, для всех, кто профессионально занимается или просто интересуется античной археологией и историей, будут полезны изданные материалы десяти конференций и одного «круглого стола». Став за полтора десятка лет одной из крупнейших в отечественном антиковедении, наша конференция одновременно способствовала сохранению традиций широких демократических научных форумов, и, таким образом, тоже выполнила своё историческое предназначение...

Не будем пока ставить точку. Пусть останется многого...

Оргкомитет конференции

**ИЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН»**

Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы конференции. СПб., 1998. 117 с.

Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы Международной научной конференции. СПб., 1999. 359 с.

Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. Т. 1. 317 с. Т. 2. 195 с.

Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2002. Т. 1. 349 с. Т. 2. 299 с.

Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2004. Т. 1. 381 с. Т. 2. 331 с.

Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2005. 451 с.

Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2007. Т. 1. 409 с. Т. 2. 299 с.

Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвящённого 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 2008. 183 с.

Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2009. 555 с.

Боспорский феномен: Население, языки, контакты. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2011. 711 с.

І. БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО НА ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА

А. А. Масленников

Тёмные века боспорской истории ¹

Должен сразу же дважды оговориться. Во-первых, было бы правильно добавить в заглавие и археологию. Без неё просто никак, и никакой истории Боспора не получится вовсе. Но так – лучше для краткости. А краткое название всегда приятнее. Во-вторых, ну кто же не знает, что, говоря о «тёмных веках», должно признать, что и прочие – в боспорской истории – тоже либо сумерки, либо потёмки. Разница, естественно, не цветосветовая, а в том, что во втором «случае» речь идёт о более или менее конкретной проблематике, а в первом... и речи не о чем вести. Иными словами, нам, ну совсем ничего не известно. Что же это за эпохи такие?

Каждый исследователь наверняка выделит для себя несколько таких эпох. Но вот те из них, относительно которых, пожалуй, мнения совпадут. Самый ранний период местной истории, который когда-то называли эмпириальным, потом – долгое время даже слово это боялись произнести. Теперь – никуда не деться от Таганрогского поселения, а, может быть, и некоторых пунктов (отдельные, самые ранние находки) на территории будущего Азиатского Боспора и Прикубанья. Небогат, вернее, однообразен набор этих артефактов (керамика); горизонт же соответствующих предположений и фантазий и подавно ограничен. Немногим шире он о периоде собственно первопоселенцев и первопоселений. Почти никакой исторической конкретики, кроме полуполюгендарного основания Пантикапея. Споры о датах, первоначальном облике и статусе всех этих будущих городов и городков, в общем, мало продвинули наши познания. Далее (через одно-два поколения), согласно одной из периодизаций, следует этап первоначальной урбанизации. Кажется, он продолжался с последней трети VI по конец первой четверти V в. до н.э. Может быть, условно его можно назвать также и раннескифским или про-

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президиума РАН и ОИФН РАН. Проект «Боспор в VI в. до н.э. –VI в. н.э. От полиса к монархии, эволюция государственности».

персидским (сатрапия на самых дальних окраинах ахеменидской империи?). Появилось довольно много материалов и наблюдений в пользу такой хронологии, но яснее от этого не стало. (Кто или в чём причина археологически засвидетельствованных негативных явлений, которыми он «маркируется»?) Затем как будто бы следовал упадок раннегородских структур, некоторый спад активности на пространствах азиатской хоры. И тоже вопросы: почему и кто виноват? Скифы, персы, сами греки? Попутно ещё раз отметим, что ни чисто географический, ни военно-политический, ни антично-традиционный факторы убедительно не объясняют ставшего уже почти аксиомой различия в динамике освоения и развития сельской территории двух частей будущего государства именно в эти периоды.

Боспор при Археанактидах: это что и даже где? Проперсидский «анклав» с центром на Семибратнем городище? И не потому ли Перикл (вместе с Геродотом?) на Боспор не плавал, а последний – о нём почти не писал? Наверняка прав И. Е. Суриков: раз не писал, значит, ему это было не надо. Но как же тогда явное знакомство отца истории с некоторыми местными боспорскими (но не антично-греческими) этнографо-климатическими и отчасти историческими реалиями? Опосредованное? Через кого? По-прежнему актуален и вопрос: Афинское «архе» и полисы Северного Причерноморья: кто, когда, сколько и на сколько?

Тогда же и при первых Спартокидах – период полисной автономии. Потом – собственно государство, а затем и царство ближайших преемников Сатира и Левкона. Блестящий взлёт всего и вся, известность в масштабах античной «вселенной» и вдруг... почти полный провал всякой письменной традиции. Вот тут-то и начинаются уж совсем тёмные века.

О системном (всеобщем) кризисе в Северном Причерноморье, наступившем около рубежа первой и второй трети III в. до н.э., написано немало. Похоже, что в отношении его причин все по-своему правы.

Подытожить же можно известными русскими пословицами: «где тонко, там и рвётся» или «пришла беда – отвори ворота». (То же самое и с тем же основанием можно повторить и о другом этапе боспорской истории шесть столетий спустя.)

Думается, все сойдутся во мнении, что в исторических реконструкциях событий и ситуаций III–II вв. до н.э. уповать можно, главным образом, на полевую археологию, причём не столько городскую, сколько сельскую. Почему? А потому, что в боспорских городах слои и находки этого времени хотя и постоянно фиксируются, однако целостную и в достаточной степени масштабную картину выявить трудно в силу хроностратиграфических обстоятельств, из-

вестных каждому полевику-антиковеду. Относительно монослойные поселенческие структуры известны, да, собственно, и вообще возможны (за редким исключением) лишь на пространствах ближней или дальней хоры. Даже там, где ситуация со стратиграфией и строительными периодами неоднозначная, она предполагает и лучшую сохранность вторых и более ясные и узкие хронологические границы. Да и всякого рода потрясения на них, в силу всего только что сказанного, фиксируются легче. К тому же сельская округа, особенно её окраины, наиболее чувствительна ко всем сопредельным событиям и влияниям. А новейшие открытия на этих территориях порой вообще ставят нас в тупик своей необъяснимой неожиданностью. Особенно это касается так называемого западного направления, которое на сегодняшний день кажется лучше исследованным. Но обо всём по-порядку, хотя и кратко, повторив, что письменные источники об этом полутравековом периоде почти отсутствуют, а те, что неожиданно появляются, делают политическую историю Боспора ещё более загадочной.

Итак, время перемен обозначается для европейской, да и азиатской хор Боспора более или менее чётко. А вот обстоятельства – вроде бы противоречивы. Есть археологические свидетельства насильственных, военных действий, но они не повсеместны и, может быть, даже не одновременны. Совершенно очевидно (по крайней мере, для территории Европейского Боспора), что резко меняется как «география», так и типология поселений. Факт этот был зафиксирован ещё И. Т. Кругликовой, а вот причины... Полагаем, что глубинные, социально-экономические – лежат в области поземельных отношений. А они, по-видимому, характеризуются в это время распадом или скорее трансформацией прежней крупной земельной собственности вне зависимости от её принадлежности. В силу ряда не вполне ясных обстоятельств, вернее, целой совокупности разнообразных факторов, таковая – становится экономически неэффективной, а в военно-политическом отношении и уязвимой. Организация дальней хоры, к тому же, вероятно, сократившейся в размерах, приобретает с этого времени иной характер. (На смену немногим комплексным хозяйствам усадебного типа и античного облика здесь приходят сначала хорошо укреплённые прибрежные городища, как правило, с однотипной линейной застройкой блоками-кварталами. А затем, примерно с середины I в. до н.э., со второй половины I в. н.э. и даже впоследствии – большие поселения типа крепостей и даже городков-крепостей, главным образом, в глубинных районах полуострова, до этого пребывавших в запустении.) Статус и этнокультурная характеристика их населения не вполне ясны. Скорее всего, юридически оно являлось не собственниками, а пользователями (может быть, коллективными, на правах неких издольщиков, или,

что более вероятно, военных поселенцев) земельных участков, а точнее – угодий, окружавших эти городища и крепости. Это военно- (и не только?) обязанное центральной власти население стало особой и довольно многочисленной социальной группой негорожан со своими собственными интересами, культурой и менталитетом. Сохранялось ли в это время собственно царское (с кавычками и без, в зависимости от времени) землевладение, и особые хозяйства, мы не знаем. Не исключено, что первое – фактически было как бы скрыто под видом только что описанного мелкого в массе своей землепользования. Полисная хора тоже, надо думать, как-то изменилась (сократилась?), но тут наша археологическая конкретика не позволяет высказаться даже в самой осторожной форме. В какой мере только что сказанное касалось всей территории государства – тоже не вполне ясно. Но для несколько более поздних (митридатовского или постмитридатовского) периодов с их «батареями» и сторожевыми домами башенного типа – очень даже вероятно. А поскольку экономика, как известно, в конечном счете, определяет политическую «сцену», а основой таковой во всех доиндустриальных обществах являлось сельское хозяйство, мы и начали наши «реконструкции» со всего выше сказанного. Так что же причины и обстоятельства этих перемен? Да и сам политический «сценарий»? А ведь он, так сказать, относительно самостоятелен.

Политическая история Боспора, да и всего сопредельного региона, начиная с гибели Эвмела и по эпоху последнего из Спартокидов и Митридата, нам практически неведома. И все попытки восполнить эту лауну нельзя признать иначе, как отчаянными. Внешние обстоятельства, по крайней мере, на западном направлении, в свете всего, что нам на сегодняшний день известно в Крыму, предполагают как бы два сценария с вариантами общего сюжета. (Должно признать, что в гипотетических штудиях, вроде нижепредлагаемых, мы не первенствуем. Два эпиграфических документа, введенных в научный оборот в последние четверть века, не могли не обратить на себя внимание специалистов (Ю. Г. Виноградов, С. Р. Тохтасьев, В. П. Яйленко, В. А. Сидоренко, Ю. П. Зайцев, В. П. Толстиков, Е. А. Молев). Но также должно в очередной раз оговориться, что обещанные надписи, особенно – из т.н. Неаполя Скифского, как это чаще всего бывает, чрезвычайно сложны и очень плохой сохранности. Отсюда «разноголосица» в их переводах и трактовках на «широком историческом фоне». И тем не менее...).

Первый сценарий. Воспользовавшись резкой сменой этнополитической ситуации в Северной Таврии (развал Великой Скифии под почти одновременными ударами соседей с востока (сарматы) и запада (кельты) и (или), действуя в соответствии со сложившейся к этому времени практикой и договорными обязательствами, Боспор

быстро заполняет (либо вынужден заполнить) наметившийся крымский «вакуум» власти и силы. При этом «достаётся» владениям Херсонеса в западной части полуострова. Огромные (по местным масштабам) территории, населённые (занятые) некими варварами (скифами Крыма в массе своей уже не кочевниками или не вполне кочевниками, а также близкими им по этносу выходцами из-за Перекопа – бывшей Великой Скифии), требовали организации управления и хозяйственной жизни. Частично (дальняя хора) всё это затронуло и прежние боспорские «владения». Господствовавшие на этой территории формы хозяйствования (примитивное земледелие, стойловое и полукочевое скотоводство), явный рост внешней опасности и вместе с тем сохранение прежнего античного опыта и традиций выразились в появлении на пространствах т.н. дальней хоры и «зоны влияния» других, более отвечающих всем этим новым реалиям поселенческих структур. (Весьма схожие по ряду характеристик укрепленные городища.) Неким центром управления и влияния Боспора в степно-предгорном Крыму становится крупнейшее из них – городище Ак-Кая (Вишенное)², помимо всего прочего, наверняка удачно расположенное на пересечении основных древних дорог полуострова. Его оборонительные сооружения, (об облике прочих строений пока нам почти ничего не известно) – поразительный пример провинциально-античного (боспорского?!) фортификационного искусства и практики именно начала III в. до н.э. Каким был статус и происхождение жившего тут «наместника», да и населения вообще, мы пока не знаем. Но в целом на значительной части полуострове складывался тот симбиоз культур и этносов, который теперь принято именовать «позднескифским». Не исключено даже, что всё это (вместе с прежним Боспором) было весьма обширным, хотя и «аморфным» греко-варварским государственным образованием с очень непростой этносоциальной стратификацией и культурой. (Некое относительно недолговременное союзное «государство», занимавшее большую часть Крыма.) Боспорская элита включила в себя новую «волну» скифской (крымской и не только) «аристократии». Её наиболее родовитые представители воспитывались при дворе Спартокидов (т.н. вскормленники), составляя в дальнейшем верхний «эшелон» боспорской администрации на «местах».

Описанная «перестройка» была проведена в весьма короткий срок (не более одного-двух десятилетий), потребовала значительных административных и материальных усилий и ресурсов, и оказалась не столько экономически выгодной, сколько весьма затратной для Боспора (отсюда финансовый кризис). Но она обеспечила относительную политическую и военную стабильность на полуострове в

² Раскопки Ю. П. Зайцева.

течение, по крайней мере, столетия или даже более. Эта «идиллия» продолжалась где-то до 50-х или 40-х годов II в. до н.э., (первое предпочтительнее) когда, надо думать, влиятельнейший в местной полуварварской среде второй муж царицы Камасарии – Аргот, по личным или каким-то иным мотивам (смерть Камасарии и воцарение законного наследника Перисада IV) отделился от Боспора. Столицей своего «государства» он сделал другой пункт – городище Керменчик (Ю. П. Зайцев). Новый «полис» начал строиться (под влиянием боспорских «впечатлений» и воспоминаний его основателя) с некоего подобия дворца и иных культово-общественных построек, а вовсе не с укреплений. А зря. Около 130 г. до н.э. (опять-таки по Ю. П. Зайцеву) так называемый Южный дворец и всё вокруг погибли в сильном пожаре. Возможно, отражая неприятеля (карательный поход боспорян ?) гибнет и первый царь крымской Скифии – Аргот. Впрочем, не исключено, что он умирает или погибает на десятилетие-полтора раньше. Новый – (Скилур) сооружает в честь него мавзолеей-героон, восстанавливает дворец и, наконец, возводит (уже явно без помощи боспорских или херсонесских военных архитекторов – столь низок уровень строительной техники этих укреплений) оборонительные стены Неаполя. Союзные (скорее вассальные?) отношения с Боспором на какое-то время возобновляются («декрет» из Пантикапея с упоминанием дочери Скилура, восстановление имени которой как Сенамотис, (Ю. Г. Виноградов) весьма сомнительно (В. П. Яйленко). Что же было дальше? Дальше уже другая эпоха. (И, вообще, читайте С. А. Жебелёва, Е. А. Молева, А. К. Гаврилова и... трёхтомный роман В. Полупуднева.)

По второму «сценарию» – изначально всё было наоборот. Скифы (и крымские, и вытесненные сюда с «севера») консолидировались в некое протогосударство со «столицей» в привычно-знакомой им Ак-Кае, укрепленной с помощью или скорее при вынужденном участии (пленных) греческих «спецов». И сразу стали потенциальными и реальными соперниками как херсонеситов, так и боспорян. Первые, как известно, потеряли все свои владения в Западном Крыму. Вторые – уступив значительные территории в округе Феодосии, а, может быть, временно и сам город, в спешке строят мощную линию полевых, пограничных укреплений (Узунларский вал). (Впрочем, на сей счёт существует несколько мнений, в том числе и самые парадоксальные: вал насыпали варвары – скифы, отгородившись от греков.) Дальше – финансовый кризис, царская хора заброшена и разорена, военных сил не хватает... В итоге ценой «всё возраставшей дани варварам» большую часть владений на западе удалось сохранить. Но организацию дальней хоры пришлось радикально изменить, о чем и писалось выше. А как же Аргот? (Если, конечно, в обеих надписях это один и тот же персонаж.) (Кстати,

ввиду краткости и совершенно «прозрачной» индоевропейской этимологии, ни один из специалистов в области ономастики не берётся однозначно определиться с греческой или варварской (иранской) принадлежностью этого имени). При новом царе (Перисаде IV) делать на Боспоре ему вроде бы как было нечего. И, надо думать, умудрённый опытом, известный в этом регионе человек «...на ловлю славы и чинов...» отправился в крымскую Скифию, где... основал новую «столицу» и новую династию (?). (А небезызвестный Савмак – не его ли сын от Камасарии и, следовательно, «сводный брат» Перисада IV, могущий претендовать «на престол» после отречения последнего из династии Спартокидов?). Он или уже Скилур (?), помогая эллинам (боспорянам?), победил неких меотов и фракийцев. Под вторыми, вероятно, можно подразумевать кельтов, точнее – племена или отряды, проникавшие в Северное Причерноморье через Фракию. А вот с меотами объясниться сложнее. Помогал боспорянам? Ходил в далёкие походы? Или мы чего-то не знаем об этногеографии Крыма и всего Северо-Восточного Причерноморья и Приазовья во II в. до н.э.? Впрочем, согласно другому переводу (В. Сидоренко) Аргот (или Скилур?) не был расположен и к грекам, обложив «данью» их города. А это уже «созвучно» информации Страбона. Но что-то тут всё же «не сложилось, не сошлось, у него...» у Аргота. Дальнейшее – известно благодаря раскопкам Ю. П. Зайцева. И, вообще, хватит фантазировать!

Возвращаясь на Боспор, точнее, на его Европейскую часть, почти о том же временном периоде (сер. – вторая пол. II в. до н.э.) можно отметить следующее. Благодаря многолетним раскопкам стало совершенно очевидно, что ближе к концу II в. до н.э. на территории, по крайней мере, Крымского Приазовья происходят какие-то негативные события, повлекшие за собой резкое сокращение населения, если не вовсе временное обезлюдение оной. На данное обстоятельство, а равно лагуну в хронологии местных сельских некрополей, было обращено внимание уже довольно давно. Делалась даже попытка увязать все эти факты с известным пассажем у Страбона («... всё это побережье (Меотиды) на европейской стороне пустынно...»). В качестве причины предполагались набеги сатархов на рубеже двух веков, или, что вероятнее, незадолго до первой войны Митридата с Римом (т.е. до 88 г. до н.э.). Позднее, как известно, последовала победа Неоптолема зимой и летом над некими варварами в проливе. Да и демографическая ситуация в Крымском Приазовье уже к середине I в. до н. э. и, тем более, впоследствии, как показывают данные археологии, изменилась к лучшему. (Был, правда, короткий период аналогичного запустения, связанный с утверждением на Боспоре Полемона. Но в данном случае информаторы Страбона почти наверняка отражали состояние дел, имевшее место ранее. К

тому же, оно как бы ложится в контекст его сообщения об обстоятельствах и мотивах передачи власти на Боспоре от последнего из Спартокидов к Понтийскому царю.) Но вернёмся к причинам.

Из текста Страбона (а других источников именно об этом периоде у нас нет) ничего в интересующем нас плане нельзя извлечь, кроме варварской угрозы. Но в свете новейших раскопок их «круг» можно расширить, хотя и не слишком широко, поскольку уж очень узок сам хронологический диапазон. (Напомним: слои, остатки строений и массовые находки эллинистического времени выявлены практически на всех известных поселениях Крымского Приазовья, заселённого, в отличие от «глубинки» полуострова, в этот период весьма основательно.) В сущности, эти «новые причины» сводятся к гипотезе о некоей сейсмической катастрофе, случившейся в Приазовье (а, может быть, и в более обширном регионе?) примерно в последней четверти II в. до н.э. или даже на рубеже веков. При этом одни поселения были разрушены почти полностью, другие пострадали меньше, но жители были вынуждены их оставить. Последнее обстоятельство могло, например, иметь место по причине исчезновения питьевой воды в колодцах вследствие подвижек геологических горизонтов, перекрывших водоносные слои. Обитатели таких поселений, вероятнее всего, ушли, забрав всё ценное и необходимое, и больше не возвращались ни сами, ни кто-либо впоследствии. На других – жизнь возродилась или не прекращалась вовсе. (Кстати, колодцы, не исключено, хотя бы частично древние, были выявлены практически рядом со всеми поселениями Приазовья, но палеогидрологическая ситуация в каждом конкретном случае могла складываться по-разному.)

Итак, ещё одно сильное, но не засвидетельствованное письменной традицией землетрясение. Возможно ли такое? Не слишком ли часто и много для маленького Боспора? Впрочем, не «заколись» в 63 г. до н. э. Митридат, мы вообще не узнали бы ни о каком землетрясении. Более ранним же десятилетиям в этом плане совершенно не повезло, и остаётся уповать на археологию при всей неоднозначности, вернее, как бы опосредованности сделанных с её помощью наблюдений, выводов и реконструкций.

Продолжая данную тему, можно было бы выбрать и ещё один хронологический период: вторую половину IV – начало VI в. н. э. или даже более узкой – вторую половину V в. (гуннский протекторат). Но, к сожалению, кроме достоверно (археологически подтверждённого) факта того, что древние римляне с трагически-неизбежным оттенком констатировали как «vixerunt», мы не можем. Пока. Впрочем, и вышесказанного достаточно, чтобы автор надоел слушателям и читателям своими фантазиями.

Так или иначе, но понемногу, на уровне предположений разной степени достоверности, даже самые тёмные века боспорской истории вроде бы наполняются каким-то содержанием.

N. K. Gourova

The early Bosporan settlements: poleis or pre-poleis?

The status of the Bosporan apoikiai during the initial period of their existence (6th – first quarter of the 5th century BC) remains unclear, not just because of the contradictory definitions provided by ancient authors. A well known example is that of Myrmekion, which is defined as a *polis* by Ps. Scylax (Ps. Scylax, Peripl. 68), as a *polichnion* by Arrian (Arr. PPE, 50; Strabo, 7. 4. 5), and as a *polichnion* or *kome* by Strabo (Strabo, 11. 2. 6). It is obvious then that the problem cannot be clarified by our written sources alone, because they are confusing, and information therein is generally chronologically vague. However, their correlation to information offered by other disciplines, such as landscape archaeology, geography, and demography, could lead us to a new understanding of the initial status of these settlements.

It is generally accepted that the Greek colonies of the Northern Black Sea were established as poleis from the very beginning. However, we have to remember that the foundation of these apoikiai took place during the period when the formation of polis in Greece was still in progress (Morgan. 2003. P. 69).

Despite the fact that urban features are still considered among the basic indications of polis (Hansen. 1997. P. 9–86; Hansen. 2006. P. 56–57; Hansen, Nielsen. 2004. P. 21), they are in fact only the external indications of cities as social and physical entities (Morgan. 2003. P. 48). Thus, we cannot expect any uniformity in their appearance; neither can we consider them alone as exclusive indications of transformation of the status of apoikiai.

Rather, they should be perceived along with other indications, such as the management of territory, the presence of specific cult places, as well as the economic development, and building local social and political relations. At the same time the persistence and the wide spread of dugouts in the archaic layers of the Bosporan apoikiai are indicative of the existence of some pre-urban stage of the settlements. Indeed, the dugout type of constructions was not only the most sustainable in the region, but also archetypal *sui generis*: each time when a new settlement appeared, dugouts were primarily used (Кузнецов. 1995. С. 104–105). Such local specification can be perceived for the Bosporus as a specific indicator of

the initial stage of the development of the settlements. This stage can be called the infancy of the communities.

Space-planning of the settlements during the earliest stage of their development is another essential feature for the understanding of their status. We keep in mind that the almost complete lack of public and/or administrative buildings, as well as of any temples, indicates public concern and investment. Meanwhile, the presence of these types of buildings presupposes the existence of social and power structures developed to a certain level, i.e. something that should be added to the group of local criteria for identifying the polis status of a settlement. It is significant that the appearance of such constructions on the territory of the Bosporan settlements is usually dated no earlier than the fourth quarter of the 6th century BC. Moreover, the most representative administrative and religious complex in Panticapaeum was erected exactly in this period (Толстиков. 2001. С. 49; Буйских. 2009. С. 12).

The data accumulated during the studies of the earliest stages of the development of these apoikiai, show that in the Bosphorus this process had certain specific local features. This concerns the long-term formation of centres of local systems, which can first be illustrated by the way chora of the Bosporan apoikiai was formed, a process that shows application of several different models.

Thus, in Nymphaion, the chora was formed in a way that can be called traditional, by the gradual development of the adjacent territory and the establishment of a net of agricultural settlements. Theodosia constructed its local system by establishing new settlements and by gaining economic control over those of the indigenous population that gradually arrived in the South-Eastern Taurica. In the Asian Bosphorus, some hierarchical relations between settlements appeared only from the late 6th century BC, when some agricultural settlements became drawn into the zones of economical activity of the apoikiai. The chora of Panticapaeum followed a completely different formation model, the roots of the city's future central position in the Bosporan state to be traced in its application. This system was formed by the submission of neighbouring settlements with distinct urban characteristics, such as Мурмекцион or Тиритаке. We can thus hardly agree with Vinogradov, who argued that it was Panticapaeum that organised these settlements (Виноградов. 1993. С. 88–91).

It is also fairly clear that only two apoikiai of the European Bosphorus, Panticapaeum and Theodosia, belonged to the category of political communities, which expanded over the adjacent territories with the specific aim to exploit resources for exchange (Vlassopoulos. 2007. P. 158). Of course, it was the geographical factor that allowed these two apoikiai to expand their territory in this way. The situation in the Asian Bosphorus is more uncertain, but such *apoikiai* as Phanagoria and Hermonassa also probably belonged to the same category. It is worth mentioning that the appearance of such relationship between the central community and its periphery can be traced only from the late 6th – early 5th century BC (Абрамов, Паромов. 1993. С. 73; Гаврилов. 2004. С. 137–138; Зинько. 2003. С. 196–197; Масленников. 1998. С. 291).

Recent studies have shown that the population of these settlements during the archaic period was limited in number from a few dozen to a few hundred inhabitants (Колесников. 2003. С. 115–116; Vachtina. 2003. P. 38; Бутягин. 2006. С. 20). Consequently, one can hardly expect any kind of social structuring in these small communities of the early settlers. There is no doubt that these settlers were at an approximately similar economic and social level during the first decades after their relocation.

However, the evolution of the settlers' communities to an organised society with a more clear social and economic structuring and more complicated social and economic relations can be an indication of the transition to a more advanced political formation, the one that we call a state. The most characteristic example from this point of view is Panticapaeum. The minting of its earliest coins at the end of the 6th – beginning of the 5th century BC shows that its local political system was already in place. Moreover, the use of these coins in the whole of Bosphorus already indicates its political and economical potential. In other words, it indicates the early prevailing of Panticapaeum in comparison with the other local political systems within the wider region.

The hypothesis, proposed some decades earlier, about a supposed existence of a pre-urban stage in the evolution of the Bosphoran apoikiai, was limited to ascertaining that not all the Bosporan colonies were fully-fledged poleis. Yet the features we focus on here, testify to the archetypal simplicity of the social and political organization, characteristic for the majority, if not for all, the early settlements of the Cimmerian Bosphorus. This concerns, first, such significant apoikiai as Panticapaeum or Theodosia, and probably Phanagoria as well. The archaeological data indicates that this stage varied in duration for different settlements. In Panticapaeum, for instance, this stage seems to have finished by approximately the third quarter of the 6th century BC, meaning that it lasted several decades after the settlement's foundation. Similar was the duration of this period for Theodosia, if we take the dynamics of expansion of its chora

into consideration. In Phanagoria this period was much shorter and it lasted no longer than one or two decades.

It is also essential to note that political and social transformation of the early settlements did not follow a single model, and not in all the cases resulted in the formation of a state. This explains the inconsistency of our written sources in defining the political status of some Bosporan towns.

Certainly, these early communities should not be referred to as emporia, as they were by Blavatsky. Their further evolution demonstrates a completely different orientation in their economical activity. Neither should we consider this stage as a period of adaptation to local conditions, a statement that is still based on the urbanism alone.

Looking at, and comparing all the available archaeological and written sources concerning the Bosporan apoikiai before the end of the 6th century BC, it can be argued that a specific form of regional communal organisation was being set up, namely the one where a polis remained latent, but did not exist in reality. I would propose to give this stage the name of '*pre-polis*'. What we have in reality during this period is the existence of some loose and small, even tiny communities, consisting of small nuclei of relatives and connected only by a common residence, a common place of religious worship, some kinship ties, and a ruler or chieftain, who would hold administrative power. In this context the Bosporan apoikiai were only potential but not actual poleis, and their transformation was quite specific, especially in the case of Panticapaeum.

Panticapaeum transformed into a polis by submission of the neighbouring apoikiai, a political move that opened the opportunity for further expansion northwards and the formation of its chora in the Azov area. Moreover, the expansion of Panticapaeum's control over smaller settlements transformed into a power that controlled the whole zone. In fact, concentration of loose settlements within a rather narrow strip of the European coast of the strait, and their competition, as well as the stronger potential of Panticapaeum, led to the formation of its chora not by nucleation but by its expansion. This, which can be considered as a real Bosporan phenomenon, was only the beginning of the transformation of Panticapaeum into the *metropolis* of the entire Bosporan state.

We should therefore focus not on the rise of the polis per se, but on the formation of local socio-political systems, distinct in content, forms and dynamics, which also predetermines the further evolution of wider regional political systems. In the case of Bosphorus, the way of development of the early communities during the archaic period created preconditions for the specific way Panticapaeum followed to rise as the leading political and economic centre of the entire region, and for the formation of the Bosporan territorial state. Thus, the problem of the formation of a

polis should be investigated through the contemporary regional context, and considering the whole spectrum of multiple local factors.

Bibliography

- А. П. Абрамов, Я. М. Паромов.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. Вып. 2.
- А. В. Буйских.* Общая характеристика монументальной ордерной архитектуры Боспора Киммерийского в VI в. до н.э. – V в. н.э. // Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. IV. Кн. 1. Античная архитектура. Киев, 2009.
- А. М. Бутягин.* Акрополь Мирмекия в свете археологических исследований // БИ. 2006. Вып. XIII.
- Ю. А. Виноградов.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 1993. Вып. 9.
- А. В. Гаврилов.* Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
- В. Н. Зинько.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. 2003. Вып. IV.
- М. А. Колесников.* Греческая колонизация Средиземноморья (опыт анализа миграционного механизма). Киев, 2003.
- В. Д. Кузнецов.* Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. Вып. 6.
- А. А. Масленников.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- В. П. Толстиков.* Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспоро-скифских отношений в VI–V вв. до н.э. // БФ: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб., 2001. Ч. I.
- M. H. Hansen.* The Polis as an Urban Centre: The Literary and Epigraphical Evidence // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Symposium. August, 29–31. 1996. Acts of the Copenhagen Polis Centre. *M. H. Hansen* (ed.). Copenhagen, 1997. Vol. 4.
- M. H. Hansen.* Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-state. Oxford, 2006.
- M. H. Hansen, Th. H. Nielsen* (eds.). An Inventory of Archaic and Classical Poleis. Oxford, 2004.
- C. Morgan.* Early Greek States Beyond the Polis. London; New York, 2003.
- M. Ju. Vachtina.* Archaic Buildings of Porthmion // The Cauldron of Ariantas. Eds. *P. Guldager Bilde, J. M. Højte, V. F. Stolba.* Aarhus, 2003. – (Black Sea Studies 1).
- K. Vlassopoulos.* Unthinking the Greek Polis: Ancient Greek History beyond Eurocentrism. Cambridge, 2007.

В. П. Толстиков

Новые материалы к локализации древнейшего теменоса Пантикапея

Одна из важнейших проблем археологии Пантикапея – определение функционального зонирования населённой территории в ранний период его истории, до сих пор всё ещё весьма далека от разрешения. Несмотря на то, что планомерные археологические исследования столицы Боспора Киммерийского насчитывают 67 лет, эта проблема продолжает оставаться в ряду наименее изученных.

Нельзя сказать, что этот центральный участок городища был обойдён вниманием раскопщиков XIX в. Согласно сохранившимся документам, в 1846–1855 гг. здесь вёл раскопки К. Р. Бегичев, который в 1849 г. «на вершине горы Митридат в насыпи, покрывающей все пространство между памятником Стемповскому и так называемым Креслом Митридата» на уровне поверхности материка, обнаружил отрезок «водопровода» протяжённостью 40 саженей (84,8 м). Водовод был сооружён из плит и архитектурных деталей вторичного использования. В насыпи были встречены раннесредневековые захоронения в «каменных ящиках» и простые. В 1871 г. А. Е. Люценко в ходе раскопок на юго-восточном склоне верхнего плато, близ церкви Александра Невского, обнаружил на подрезанном четырьмя уступами материке остатки какой-то постройки, снабжённой водопроводным желобом. На нижнем уступе сохранился ряд столбов, сложенных из блоков насухо.

Этими данными, по сути дела, ограничивается объём информации о древних строительных объектах, открытых до 1949 г. на верхнем плато горы Митридат и его склонах. Очевидно, что перечисленные остатки не имеют отношения к древнейшему периоду Пантикапея.

Впервые участки наиболее ранних культурных напластований были выявлены лишь в 1949, 1952–1953 гг. на Верхнем Митридатском раскопе. Здесь, под руководством В. Д. Блаватского, был открыт и первый строительный объект раннего времени – так называемый «Дом эмпория», датируемый, по уточненным данным, началом последней четверти VI в. до н.э. На остальных участках раскопа шёл преимущественно переотложенный слой, относящийся ко второй половине VI – первой половине V вв. до н.э. В этих более поздних напластованиях, наряду с синхронным амфорным материалом и чернофигурной аттической керамикой, содержалось довольно значительное количество выразительных обломков ионийской керамики

различных типов, в том числе и первой половины VI в. до н.э. Расписная ионийская керамика первой половины VI в. до н.э. неоднократно встречалась и на других участках территории центрального района городища: на раскопах Новый Эспланадный, Центральный, Восточный, но везде только в более поздних слоях, то есть в перемещённом состоянии. Кроме того, и это следует подчеркнуть особо, никаких строительных остатков первой половины VI в. до н.э. на этих раскопах, суммарная площадь которых составляет сегодня 15 600 м², обнаружено не было.

Результаты раскопок 2010–2012 гг. совместной Пантикапейской (Боспорской) экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина и Керченского историко-культурного заповедника³ на Новом Верхнем Митридатском раскопе⁴ позволяют несколько расширить наши представления о районировании Пантикапея в ранний период его истории. Во-первых, они подтверждают предположение о том, что первоначальное ядро апойкии сформировалось на верхнем плато Вершины Первого кресла. Во-вторых, получен ряд находок, подтверждающих нашу гипотезу о том, что именно здесь мог находиться древнейший теменос Пантикапея. Вывод относительно локализации на верхнем плато Первого кресла раннего теменоса пока основывается лишь на косвенных доказательствах, а именно на нескольких группах находок различных категорий, обнаруженных в разные годы на северном крае и восточном склоне плато.

Фиксируемая археологически высокая концентрация ранних ордерных архитектурных деталей, эпиграфических памятников и скульптурных фрагментов, а также находка мраморного светильника особого типа в различных пунктах, расположенных по периметру верхнего плато Первого кресла, могут служить веским доказательством существования здесь как минимум с третьей четверти VI в. до н.э., сакрального центра Пантикапея, а может быть, и всего Европейского Боспора. Не случайно, что именно здесь, на теменосе, в пределах участка, изначально посвященного Аполлону и Артемиде, между 510 и 485 гг. до н.э. мог быть воздвигнут храм, выполненный в самосском варианте ионического ордера, посвященный верховному божеству ионийского эллинизма – Аполлону, почитавшемуся, как это зачастую бывало в античной практике, совместно с Артемидой. В этом контексте открытое в 2010 г. на Новом Верхнем Митридатском раскопе захоронение коня с элементами набора сбруи, выполненными в скифском зверином стиле, приобретает особый смысл. Обезглавленная и расчлененная туша коня, лежащая на левом боку с

³ В 2009–2010 гг. начальником экспедиции с украинской стороны была д.и.н. А. В. Буйских; с 2011 г. – к.и.н. Ю. Л. Белик.

⁴ Руководство работами осуществляла М. Б. Муратова.

аккуратно подогнутыми под брюхо четырьмя ногами, вероятно, представляет собой следы некоего магического действия, совершенного на границе теменоса, которое должно быть классифицировано как sphagion – ритуальное заклинание, а не как обыденное жертвоприношение.

В. П. Яйленко

Политическое состояние Боспора в VI–V вв. до н.э.

Основной вопрос политической истории Боспора VI–V вв. до н.э. – были ли здесь полисы – сомнений у исследователей не вызывает: были, предложен и ряд индикаторов полисного статуса нескольких городов (Виноградов. 1993, 1999, 2000, 2002 и др.; Молев. 1997; Кузнецов. 2001; Прокопенко. 2006; Бутягин. 2009; Вахонеев. 2011). Добавим к числу индикаторов наличие ойкиста. На Боспоре известны два примера основания апойкии по классической схеме во главе с ойкистом: Гермонассу основали ионийцы во главе с Гермоном и зольицы Семандра, Фанагорию основали теосцы, ведомые Фанагором. Очень вероятно, что ойкистом был и Археанакт, основатель рода Археанактидов, но неизвестно, какой именно город он основал. Кроме того, по Псевдо-Скимну, Кепы, Феодосию, Пантикапей основали милетяне, так что ойкисты были и у этих городов (один из них Археанакт?). Задача ойкиста, вытекающая из самого термина *oikistēs* «устроитель *государства*» (к *oikein* «селиться», «устраивать государство или домашнее хозяйство») – создание полиса как гражданского коллектива. Так что где есть ойкист, там есть полис (остальные поселения VI в. до н.э. – Нимфей, Тиритака, Мирмекий, Патрей, Торик и др., по вероятной мысли А. М. Бутягина (2009), заложены малыми группами переселенцев, которые, сохраняя гражданство метрополии, осваивали местные природные ресурсы). Однако пять указанных полисов были таковыми больше формально, нежели в действительности, ибо реальных проявлений полисного статуса у них почти нет. Такую картину даёт и Ольвия: у неё был ойкист и в надписи ок. 512 г. до н.э. упомянут «Ольвийский полис», но полисных учреждений – народного собрания и совета – не было до второй четв. IV в. до н.э., а с полисным гражданским законодательством дела обстояли и вовсе плохо.

Если говорить о полисе как политической форме организации населения, то в числе его признаков значатся: народное собрание всех граждан как верховный институт (либо собрание сотни, 200, 500, 600 и пр. в олигархических полисах); полисная администрация – готовящий важные вопросы Совет и осуществляющие текущую деятельность городские чиновники во главе с архонтом; права и обязанности граждан, регулируемые полисным законодательством. Далее войско, налоги, бюджет, собственная монета; территория с фиксированными границами, автономия, автаркия, суверенная внешняя политика. Всего два-три этих признака фигурируют в источниках времени первых Спартокидов, с приходом к власти которых завершилась архаическая эпоха истории Боспора. Но в VI и большей части V в. до н.э. они отсутствуют, что свидетельствует о политической и организационной неразвитости местных полисов. Мы располагаем свидетельством истории правления Евмела, написанной придворным боспорским историком в конце IV или начале III в. до н.э. (в пересказе Диодора), что в IV или даже V вв. до н.э. в Пантикапее существовала экклесия – народное собрание, что было бы признаком его как полиса. Когда Евмел устроил в 309 г. до н.э. резню родных и их окружения, в Пантикапее поднялось волнение, и он вынужденно созвал народное собрание, на котором произнес оправдательную речь (Diod. XX, 24). Но ни созыв народных масс на экклесию (*synagagōn eis ekklēsiai ta plēthē*), ни восстановление «отеческого устройства» (*tēn patrion politeian apokatestēse*), не свидетельствуют о возобновлении Евмелом полисного устройства Пантикапея, на что, казалось бы, указывает аорист *apokatestēse* «восстановил»: ибо тут же разъясняется, что Евмел вернул пантикапейцам свободу от пошлин на ввозимые товары (*ateleian*) и от чрезвычайных податей (*tōn eisphorōn*), и под *patrion politeian* подразумевается не «государственное устройство» Пантикапея при предках, а старинные «гражданские права». Наличие их и экклесии подтверждает полисный статус Пантикапея в прошлом, но в ограниченном виде: участники народного собрания обозначены не техническим термином полисного статуса *politai* «граждане», а словом *ta plēthē* «народная масса», население Пантикапея вообще, и речь шла не гражданских свободах, а об его пошлинном иммунитете. Это больше имитация полисных установлений монархами Спартокидами, нежели полисные реалии прошлого. Таков и их титул *arkhōn*: по природе это полисная должность, но царь – это архонт не города, а страны в целом – *arkhōn Bosporou*. Примечательно, что экклесию созвал не Совет народного собрания, а царь, что подчеркивает ее квазиполисную сущность. Таким образом, оба полисных инструмента – народное собрание и титул архонта у Спартокидов – лишь косвенно намекают на полисный статус Пантикапея.

Выясним, почему имевшие ойкистов пять боспорских центров не развились в полноценные полисы. Поскольку основная цель греческой колонизации – аграрное освоение новых земель, обосновавшиеся на новом месте переселенцы обычно делили землю между собою на участки (Яйленко. 1982. С. 130–134). Возникавшие взаимоотношения частных землевладельцев требовали юридического регулирования, что способствовало раннему развитию права в колониях Сицилии и Южной Италии. Но там свободной земли было немного, особенно ввиду немалого туземного населения, отсюда и необходимость ее дележа, а в Северном Причерноморье её масса. Поэтому и дележа не было: каждый брал столько, сколько мог освоить. Отсюда замедленная урбанизация и еще более замедленное складывание полиса как политической организации населения. Наглядно это проявилось в Нижнем Побужье, где земли было много, потому освоение территории вылилось в стихийное формирование большой сети сельских поселений, городов же не было. Ольвия урбанизовалась так медленно, что о ней как о городе говорят применительно к V в. до н.э. в целом, лишь констатируя увеличение территории и наличие общественных зданий. Становление Ольвии как города не стало результатом роста её как полиса, то есть внутреннего экономического и социально-политического развития, на это повлиял внешний фактор – сокращение хоры в первой четверти века из-за скифской угрозы, которое привело к концентрации населения в ней, что и вызвало увеличение городской территории.

Близкая картина наблюдается на азиатском Боспоре: в третьей четв. VI в. до н.э. здесь сформировались четыре аграрных округа вблизи Фанагории, Кеп, Старотитаровки, Корокондамы; каждый округ представлял собой «куст» из трёх – шести сельских поселений, всего их 26 (Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев. 2011. С. 97. Карта). Это означает, что в первой пол. VI в. до н.э. на Тамань прибыло четыре партии колонистов, которые в основном рассеялись по сельским поселениям: теосцы и милетяне освоили район Фанагории, «куст» Кеп освоили милетяне (на аграрный характер их поселений указывает само название Κέροι «Сады»). «Кусты» Гермонассы и Кеп залегают в отдалении на три – четыре км от «городского» центра (хорой Гермонасы был «куст» в районе Корокондамы). О происхождении же колонистов, освоивших Старотитаровский «куст» письменные источники ничего не сообщают. В последней четв. VI и первой четв. V в. до н.э. развитие хоры на Тамани достигло пика: площадь освоенных земель значительно расширилась, на них было ок. 56 сельских поселений (Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев. 2011. С. 103. Карта). Значительно увеличили свою хору и число поселений Гермонасса (за счет цукурской группы), Кепы, Фанагория. По масштабам этот процесс сравним с освоением Нижнего Побужья, где

в это время насчитывалось около 70 поселений. На них проживало от 5 до 7 тыс. человек, возможно, до 5 тыс. осваивало и Тамань.

Помимо того, что в VI в. до н.э. колонисты в основном занимались аграрным освоением территории, был и внешний фактор, не способствовавший в последней четверти столетия ни материальному строительству городов, ни развитию их в качестве суверенных полисов – протекторат Персидской империи над Боспором. По данным V колонки Бехистунской надписи и рассказу Ктесия, в 520 или 519 г. до н.э. персы предприняли успешный морской поход на боспорских скифов, в результате которого «та страна стала его», Дария, то есть Боспор вошел в орбиту Персидской державы (Яйленко. 2010. С. 10). По контексту обоих источников создается впечатление, что суть этой акции состояла в реституции персидской власти над регионом, то есть за некоторое время до этого скифский царь захватил Боспор. Персидское господство могло быть установлено при Кире (559–530 гг.) или Камбисе (530–522 гг.), то есть в период первоначального освоения его греками. Понятно, что персы не желали политической консолидации местного эллинизма, так как разрозненными общинами легче управлять. Нежелательным было и строительство боспорскими греками городов, которые стали бы их оплотом, в том числе против самих персов, чему есть красноречивая аналогия – рассказ Геродота (Hdt. V. 11. 23–24) о строительстве тираном Милета Гистиеем Миркина во Фракии. Город уже строился с разрешения Дария, когда сатрап Фракии Мегабаз убедил царя, что это несет угрозу их господству: Миркин может стать оплотом борьбы местного населения против персов. Дарий отозвал Гистиея к себе, а город персы разрушили.

В числе признаков полисного статуса указывают монетный чекан и этникон (демотикон) граждан (Ю. А. Виноградов и др.). Но выпуск монеты сам по себе не служит таким показателем, ибо это скорее индикатор развития торговых отношений. Не случайно первое эпиграфное серебро на Боспоре несет храмовую легенду $\text{A}\rho\omega\lambda(\acute{\iota}\omega\nu\omicron\varsigma)$ «Аполлона» или $\text{A}\rho\omega\lambda(\text{I}\omega\nu\acute{\iota}\delta)$ «монета храма Аполлона» (по характеру письма его дата – третья или последняя четв. V в. до н.э.). Это может означать, что и предшествующая анепиграфная монета была храмовым чеканом. Судя по письму легенд, в последней четв. V в. до н.э., но особенно в IV в. до н.э., на монетах появляются этникины пантикапейцев, нимфейцев, фанаторийцев, феодосийцев. Однако в других боспорских источниках V в. до н.э. местные этникины не упоминаются. Показательно, что в эпитафии жителя Пантикапея V в. до н.э. Тихона (КБН № 114) указан не его этникон «пантикапеец», но этнос – «тавр». Присутствие этниконов в позднем V в. до н.э. лишь на монете подчеркивает их связь не с политическим развитием выпускавших ее городов в качестве полисов, а с их эко-

номическим ростом. Да и это имело место уже во время правления Спартокидов, когда они употребляли полисные термины в политических целях для камуфляжа своего самодержавия (см. выше). То же самое происходило и в Ольвии: она являлась полисом, но лишь формально: народное собрание и Совет появляются в 350-х гг. в финансовом декрете Каноба, адресованном инополитам, а регулярно декреты от имени народа и совета стали издаваться только с 270-х. С конца V в. и весь IV в. до н.э. ольвийские декреты представляют собой только ателии и проксении, так что они обслуживают лишь сношения с иностранцами, приняты они от имени «ольвиополитов». Поскольку этот этникон помещен и на местной монете, то ясно, что сфера его употребления ограничена торговыми операциями, внутренними и внешними. Внутренняя жизнь полиса, его граждане и население Ольвии в целом не освещаются декретами до III в. до н.э., что указывает на крайне узкую сферу его деятельности.

На Боспоре в надписях IV–III вв. до н.э. этникон жителя тамошнего города – Kēpītēs – упомянут только один раз, да и то лишь потому, что житель Кеп скончался в Пантикапее. Употребление этникона в данной надписи понимается по-разному (КБН 188, *комм.*), но в свете приведенных данных об узусе этникона в Ольвии ясно, что кепит был торговцем и его этникон отражает не столько полисный статус Кеп, сколько его «прописку», место постоянного жительства. Правда, надо иметь в виду, что эта эпитафия относится к первой пол. IV в. до н.э., ко времени правления Археанактидов, когда какие-то полисные учреждения могли существовать. Показательна в этом отношении эпитафия КБН. 199, в которой упомянут этникон кромнита, жителя города Кромны на северном побережье Азовского моря. По графеме $\bar{o} = ou$ и письму она датируется первой третью IV в. до н.э. Ее язык чисто ионийский, так что город основали ионийцы, происходящие с Боспора или из Ионии. Кромны – самостоятельный полис, ибо, судя по дате, эпитафия сделана еще до правления Археанактидов, когда полисы существовали сами по себе, так что этникон его жителя – показатель полисного статуса Кромн. По этой причине и этникон кепита в какой-то мере отражает полисный статус Кеп, хотя в эпитафии он скорее обозначает «прописку» покойного.

Когда нет сильных полисов, но есть внешняя угроза, складываются условия для формирования надполисной политической структуры типа симмахии. Уже Археанактиды, вероятные потомки ойкиста Археанакта, правили не своим городом, а регионом в целом: они *hoi tou Kimmeriou Bosporou basileusantes* «царствовавшие над Киммерийским Боспором» (Diod. XII, 31). На наш взгляд, они были царями, но особого свойства, царями-ойкистами древнеионийского типа с функциями военачальников и судей.

Н. Ф. Федосеев

К вопросу о существовании полисных магистратур на Боспоре

Один из ключевых вопросов в истории Боспорского царства – существовали ли там полисные магистратуры? Сложилось мнение, что, несмотря на то, что Боспор управлялся царями, в некоторых его городах имелись полисные магистраты. И это несмотря на то, что за двухсотлетнюю историю изучения Боспора не было найдено ни одной надписи, в которой было бы зафиксировано имя магистрата, их имена отсутствуют на боспорских черепичных клеймах и на боспорских монетах – в то время как в соседних причерноморских государствах: Херсонесе, Ольвии или Синопе – они неоднократно засвидетельствованы и в лапидарной, и в керамической эпиграфике. Руководствуясь именно тем фактом, что эти должности есть в других причерноморских полисах, некоторые исследователи (среди них есть и студенты, и академики) предположили их наличие и на Боспоре Киммерийском. Наиболее развернуто это мнение изложено в работах Д. В. Грибанова (Грибанов. 2008; 2010) и А. И. Иванчика (Ivantchik. 2012).

Веским аргументом в защиту подобного предположения, по мнению приверженцев полисной идеи, является свидетельство Диодора Сицилийского о народном собрании (Diod. XX, XXII, 1–24, 4). Этот вывод сделан на основании пассажа об Евмеле, который умертвил всех законных претендентов на престол – своих братьев, а на созванном собрании обещал сохранить образ правления своих предшественников и подтвердил привилегии пантикапейцев (Шелов-Коведяев. 1985. С. 166–167). Похожая история произошла ранее с Александром Великим, который умертвил всех претендентов на престол, и был провозглашен царем войсковым собранием, на котором он заявил, что переменялось только имя царя, а «бразды правления будут натянуты так же крепко, как и при отце» (Diod. XVII, 2).

Другим и «наиболее весомым аргументом» является наличие агораномной магистратуры. Имена агораномов находят на свинцовых гирях и керамических мерных сосудах. Исследователей не смущает тот факт, что агораномия – лишь одна из многих магистратур. Ее наличие подразумевает существование и других полисных магистратур, что никак не подтверждается в источниках. Непонятно и то, почему в Пантикапее было несколько агораномов, а в Гермонассе лишь один (Ivantchik. 2012. P. 125).

И Д. В. Грибанов и А. И. Иванчик ссылаются на одну из гирь, опубликованную Л. И. Чуистойвой (Чуистова, 1962. С. 73. № 11), на которой представлены имена двух агораномов Исиада и Феомнеста, а также полное название города Пантикапея (Грибанов. 2010. С. 193; Ivantchik. 2012. P. 125): ἄγο[ρανο] | [μοῦντ]ων | Ἰσιάδου | Θεομνήστου | Παν(τι)κάπαιον).

Начать следует с того, что название магистратуры восстанавливается лишь на основании первых трех букв и, строго говоря, АГО имеет другие возможные варианты восстановления: С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников в аналогичном граффити восстановили имена Ἄγορά(κρίτος) или Ἄγορα(νδος) (LGPN II, P. 8; Сапрыкин, Масленников. 2007. № 384. 7). Кроме того, предложенное восстановление названия магистратуры в две строки не соответствует имеющемуся на гире месту.

По всей видимости, в ПАН следует признать сокращенное обозначение Пантикапея, однако плохая сохранность надписи не позволяет с уверенностью утверждать, что в ее первых двух строках содержалось указание именно на агораномную магистратуру. Как нельзя и проецировать возможное существование агораномной магистратуры на более раннее время⁵.

Вторая гиря, которая приведена в качестве примера, была найдена в 1957 году в одной из могил пантикапейского некрополя. На одной ее стороне сохранилась надпись: ἄγορανομο | ὄντων | Βακχίου | Νουμηνίου | Στράτωνος - «При агораноммах Бакхе, Нумении, Стратоне», а на другой - изображение головы Сатира, которая, по мнению Д. В. Грибанова, служит неопровержимым доказательством его пантикапейского происхождения (Грибанов, 2010. С. 193; Ivantchik. 2012. P. 125). Ему вторит А. В. Ковальчук, которая считает, что «изображение сатира на гире близко к образу, вырезанному в клейме пантикапейской ойнохои» (Ковальчук. 2012. С. 225). Следует все же заметить, что сходство весьма отдаленное, а голова Сатира – достаточно распространенный в античном мире сюжет и, помимо Пантикапея, присутствует на керамических клеймах Синопы и моне-

⁵ Судя по альфе с наклонной гостой дата этой гири – III в. н.э. (Болтунова, Книпович. 1962. Таб. IV).

тах Кизика. Характерно, что Бакх, Нумений, а также Стратоник известны среди имен на синопских керамических клеймах (Федосеев. 1993). Поскольку никаких других доказательств принадлежности этой гири к Пантикапею нет, то для утверждения, что это агораномы Пантикапея, оснований нет.

Также нет оснований считать боспорскими и целый ряд других гирь, упомянутых Л. И. Чуистой, Д. В. Грибановым и А. И. Иванчиком. Напомню, что одна гиря со списком агораномов и сокращением ПАН признана В. Д. Блаватским привозной, сделанной по персидской весовой системе (Блаватский. 1955. С. 204. Рис. 4). Лишь некоторые из числа хранящихся в Керченском музее и опубликованных Л. И. Чуистой свинцовых гирь имеют надписи. Большая их часть отнесена к привозным самими издателями, остальные же отнесены к боспорским лишь на основании веса.

Другой источник сведений о боспорских магистратах – это мерные ойнохои. Встречающееся на них название агораномной магистратуры, по аналогии с гирями, является, по мнению, например, Д. В. Грибанова, доказательством их боспорского происхождения (Грибанов. 2010. С. 199). Должен сразу отметить, что основным указанием на место производства все же является глина сосуда. Первый сосуд был опубликован В. Д. Блаватским (Блаватский. 1962. С. 61). Здесь сохранилась лишь окончание первой строки, где восстанавливается [ἀγορα]νομοῦντων. Д. В. Грибанов считает возможным исправить дату В. Д. Блаватского «эллинистический или римский период» на III–II вв. до н.э. (Грибанов. 2010. С. 199). Про глину ни Д. В. Грибанов, ни В. Д. Блаватский ничего не пишут. Между тем, клеймо этого же штампа было обнаружено в 1982 г. в Нимфее⁶. Серо-коричневая глина с обилием мелких блесков никак не может быть отнесена к боспорскому производству. По стилистике и составу теста глины этим клеймам близко другое клеймо на мерном сосуде⁷ (Рис. 1. 2) из раскопок Загородной усадьбы (Гайдукевич. 1981. С. 64. Рис. 7. 3). Характер легенды и эмблемы говорят о том, что все три клейменные ойнохои изготовлены в одном центре, возможно на Книде.

Конечно, клейма на мерных сосудах боспорского производства должны существовать, однако отнесение рассматриваемых оттисков к Боспору на основании лишь эмблем – метод недопустимый, учитывая отсутствие строгой персонализации в античном мире. Вывод о боспорской принадлежности того или иного сосуда к Боспору делается лишь на основании визуального сравнения, и здесь большое

⁶ НФ.82.344. Я благодарен О. Ю. Соколовой за возможность ознакомиться с клеймами на мерных сосудах из раскопок Нимфея.

⁷ М/53–195; КИКЗ, КМАК № 1737.

значение имеет опыт. Мне известно не менее десятка таких оттисков, они требуют отдельного анализа, но уже сейчас их можно разделить их на две группы: с именами и с эмблемами.

В первой группе клейма из 2-х или 4-х имен (возможно, меньше, если часть имен были с отчествами), но абсолютно точно всегда без названия агораномной магистратуры. Нет никаких оснований восстанавливать и другие магистратуры, например астиномию, как это делает Е. А. Молев. Публикуя интереснейшее клеймо на стенке мерного сосуда боспорского производства, с легендой Πολυξενίδου Σατυρίωνος (Рис. 2. 4), он пишет: «клеймо астинома (? – Н. Ф.) Сатириона сына Поликсенида⁸ (? – Н. Ф.), что свидетельствует о существовании в городе полисных магистратур» (! – Н. Ф.) (Молев. 2010. С. 52. Рис. 72). Вывод более чем смелый, поскольку в легенде нет названия магистратуры, да и принадлежность этого клейма к Китею также не доказана. Аналогичное клеймо было найдено в Гермонассе (Коровина. 2002. С. 62). Не исключено, что этот же оттиск был обнаружен в Ольвии (Рубан. 1982. С. 39). А. И. Иванчик, на основании находки аналогичного клейма в Китее, предположил, что Китей принадлежал Гермонассе (Ivantchik. 2012. P. 124). Не думаю, что имеет смысл искать контраргументы для этого предположения.

Весьма интересна находка в Гермонассе клейм на мерных сосудах агоранома Аполлодора (Коровина. 2000. С. 62). А. В. Ковальчук считает, что это клеймо, как упомянутое выше клеймо Поликсенида-Сатириона, вырезано одним мастером⁹, работавшим где-то на Азиатском Боспоре (Ковальчук. 2012. С. 221), а сами агораномы¹⁰ принадлежали к Гермонассе. К сожалению, я не имел возможности познакомиться с этой ойнохоей *de visu*, поэтому не могу утверждать насколько соответствует боспорской описанное тесто глины, но наличие в керамике слюды (Ковальчук. 2012. С. 226), заставляет меня сомневаться в боспорском происхождении этих сосудов.

⁸ «Поликсена, сына Сатириона», по Д. В. Грибанову (Грибанов. 2010. С. 200) и «Сатириона и Поликсенида» по А. В. Ковальчук (Ковальчук. 2012. С. 221).

⁹ Предположение, вызывающее ряд возражений: шрифт разный, в одном случае с апексами, в другом нет, в одном случае со множеством ошибок, в другом без единой и проч.

¹⁰ А. В. Ковальчук считает, что оба клейма произведены там, где были обнаружены, то есть в Гермонассе.

Рис. 1. Клейма на квидских (?) мерных сосудах: 1 – Пантикапей; 2, 4 – Загородная усадьба; 3 – Нимфей

Отдельно и, видимо, в качестве исключения, следует рассматривать клеймо с надписью ΔΗΜ(Ο)ΣΙΟΝ¹¹. Находка была сделана на поселении Заветное 5 (Федосеев. 2004. № 42). Легенда «общественное» встречается в клеймах на херсонесских амфорах (Кац. 1994. С. 80), черепичных клеймах Синопы, а также клеймах Немейи (Miller. 1994. P. 85–98), Пеллы, Иллирии, Пирея, Афин, Танагры и Спарты (Kaltsas. 1988. P. 101, Note 314), Мессены (Themelis. 1994). Во всех этих центрах подобные клейма имеют одно и то же значение – они были изготовлены в общественных мастерских.

¹¹ Нельзя полностью исключить и другое восстановление – ΔΗΜΟΚΙΟΝ, которому, впрочем, мне найти аналогии не удалось. В таком случае, чтение ΔΗΜΟΣΙΟΝ снимается.

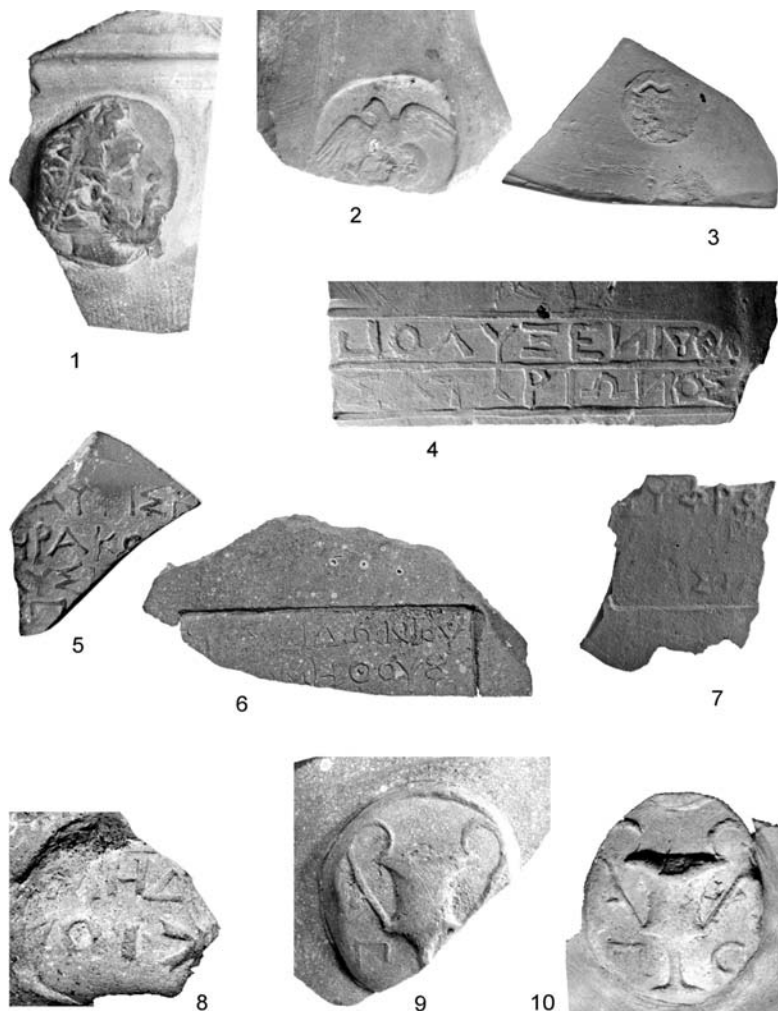

Рис. 2. 1 – Пантикапей; 2 – Генеральское Западное; 3 – Нимфей; 4 – Китей; 5 – Генеральское Западное; 6 – Нимфей; 7 – Крутой Берег; 8 – Заветное-5; 9, 10 – Пантикапей

А. В. Ковальчук датирует это клеймо временем не раньше второй половины III в. до н.э. (Ковальчук. 2012. С. 225). Действительно, палеография клейма выглядит несколько странно и достойна специального анализа, однако А. В. Ковальчук игнорирует тот факт, что весь комплекс на поселении датируется не позднее первой четверти III в. до н.э. (Федосеев. 2004. С. 45). Но самое загадочное то,

что это клеймо было обнаружено лишь после того, как от стенки кувшина откололся фрагмент, который закрывал клеймо! Что заставило гончара закрыть уже поставленное клеймо – для меня остается загадкой. Видимо, кувшин, который ранее был изготовлен для «общественных» нужд, получил другое предназначение.

Вторая группа наиболее разнообразна: здесь и анэпиграфное клеймо с изображением головы в плющевом венке (Рис. 2. 1)¹², и орла со змеями (Рис. 2. 2) (Масленников. 2012. С. 224), и монетного типа с изображением лука, стрелы и надписью ПАН (Рис. 2. 7). Это клеймо повторяет монетный тип на медных ободах с реверсом лук-стрела и надписью ПАН, которые известны с 275-245 гг. до Р.Х., но наиболее близкая аналогия, конца 3-й четверти III в. до Р.Х. опубликована Д. Б. Шеловым (Шелов. 1956. № 73).

Интересно проанализировать клейма с изображением канфара и двумя буквами П-О по сторонам (рис. 2. 9–10). Очевидно, что оба клейма сделаны одним штампом, однако если в первом случае глина явно не боспорская, то во втором сомнений в центре производства нет. находка похожего клейма в Фанагории с буквами Ф-А интерпретировалась, как название города (Завойкин. 2011. Рис. 13). В свое время В. Грейс, публикуя два схожих клейма с Самоса с ретроградной легендой Ф-А (Grace. 1971. P. 90), отмечала их наличие в Фанагории, но не стала относить их к Фанагории. Возможно, мы имеем здесь дело с особым типом сосуда, клейма которых имеет единую эмблему, но различные буквенную маркировку, связанную с названием города.

На основании анэпиграфных клейм, Д. В. Грибанов делает вывод: «Сопоставление полисных демотиконов и “говорящих” изображений, содержащихся в некоторых из таких клейм с учётом места их находки, позволяет предположить, что кроме Пантикапея, Нимфея и Гермонассы агораномия могла существовать и в других крупных городах Боспора (Фанагории, Горгииппии)». Допущение, построенное на предположении, не может являться аргументом в исторических исследованиях, равным образом, далеки от них и другие предположения Д. В. Грибанова – «боспорские агораномы тратили большие суммы денег на благотворительные цели – строительство за свой счёт общественных сооружений, перепродажу важнейших продуктов по более низким ценам. Всё это позволяло сглаживать социальные противоречия, неизбежно возникавшие внутри полисных общин. Подобная деятельность богатых граждан могла способствовать тому, что Боспорскому государству во время правления Спартокидов удавалось избегать крупных социальных волнений,

¹² Благодарю А. В. Куликова за информацию об этом клейме.

характерных для древнегреческого общества в период так называемого «кризиса полиса» (Грибанов, 2010. С. 212).

Группа анэпиграфных оттисков требует подробной публикации, но сегодня ясно одно – никаких следов имен магистратов на них нет!

Таким образом, на данный момент, не существует безусловных артефактов, свидетельствующих о наличии в Боспорском государстве полисных магистратур, в том числе и агораномии.

Литература

- В. Д. Блаватский.* О пантикапейской весовой системе // СА. 1955. XXIII.
- В. Д. Блаватский.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // Пантикапей. М., 1962. – (МИА. № 103).
- А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович.* Очерк истории лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. 3.
- В. Ф. Гайдукевич.* Загородная усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Боспорские города. Л., М., 1981.
- Д. В. Грибанов.* Боспорские агораномы (по материалам магистратских клейм) // Вопросы эпиграфики. М., 2010. Вып. 4.
- Д. В. Грибанов.* К вопросу о боспорских агораноммах // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2008. Вип. 11.
- А. А. Завойкин.* Заметки о культуре Диониса в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 4 (34).
- В. И. Кац.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994.
- А. В. Ковальчук.* Боспорские мерные сосуды IV–III вв. до н. э. // ДБ. 2012. 16.
- А. К. Коровина.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002.
- А. А. Масленников.* Оттиски перстней-печатей и другие анэпиграфные клейма на некоторых типах керамики из раскопок сельских поселений Крымского Приазовья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 4 (34) = ДБ. Suppl. III. 2012.
- Е. А. Молев.* Боспорский город Китей // БИ. 2010. Suppl. 6.
- В. В. Рубан.* Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. 1982. 39.
- С. Ю. Сапрыкин, А. А. Масленников.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора // Боспорские исследования. Симферополь, Керчь, 2007. Supplementum 1.
- Н. Ф. Федосеев.* Керамические клейма из раскопок 2002 г. на поселении Заветное-5 // С. Л. Соловьев, Л. Г. Шенко. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. СПб., 2004. Часть 1.
- Н. Ф. Федосеев.* Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. 1993. № 2.

- Л. И. Чуистова.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // АИБ. 1962. II.
- Д. Б. Шелов.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.
- Ф. В. Шелов-Коведяев.* История Боспора в VI–V вв. до н.э. М., 1985. – (Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год).
- V. Grace.* Samian Amphoras // *Hesperia*. 1971. 40.
- A. Ivantchik.* Agoranomes dans les cités du Pont nord et occidental // *Agoranomes et édiles. Institutions des marchés antiques. Scripta Antiqua.* Bordeaux, 2012. 44.
- N. Kaltsas.* Πήλινες διασκομημένες κεραμώσεις από τη Μακεδονία. Athens, 1988.
- S. G. Miller.* Architectural Terracottas from Ilion // *Hesperia*. 1994. Suppl. XXVII.
- P. Themelis.* Hellenistic Architectural Terracottas from Messene // *Hesperia*. 1994. Suppl. XXVII.

В. П. Копылов

О времени распространения импортной греческой керамики архаического времени на островной части дельты Дона¹³

Одной из проблемных тем, обсуждавшихся на заседаниях «Боспорского феномена», является проблема хронологии и датировки памятников, которой была посвящена конференция 2004 года. Тема эта и сегодня является актуальной и дискуссионной. Объясняется это тем, что именно на основании определения хронологии греческой импортной керамики определяется датировка как погребальных комплексов, так и поселенческих структур архаического времени. (Копылов. 2002. С. 282–284; 2002 а. С. 24–26; Вахтина. 2004. С. 204; Копылов. 2009. С. 30–32).

На островной части дельты Дона, в материалах Елизаветовского городища, обломки ионийских амфор впервые были выделены И. Б. Брашинским, который отметил их важное значение для уточнения времени основания этого городища (Брашинский. 1980. С. 14–15. Табл. XXII, 1–2). В ходе его дальнейших исследований коллекция фрагментов архаических транспортных амфор увеличилась. Автор публикации датировал их VI – началом V в. до н.э. и на основании этого предложил «удревнить время возникновения Елизаветовского поселения или, точнее, начало освоения кочевниками скифского периода территории будущего городища и отнести его к последней четверти или, скорее всего, к концу VI в. до н.э.» (Житников. 1995.

¹³ Работа выполнена в рамках научной программы Министерства образования и науки РФ № 65523.

С. 179–183. Рис. 1–2). Однако в результате дальнейших исследований этого поселения и его могильника Южно-Донской экспедицией НМЦА предположение о его возможном основании в конце VI в. до н.э. не нашло подтверждения. Особо отметим, что за всё время исследований этого памятника, как городища, так и его могильника, не было обнаружено ни одного закрытого комплекса, который можно было бы уверенно датировать временем ранее первой четверти V в. до н.э. Кроме того, разработки в области определения хронологии архаических транспортных амфор (Cook, Dupont. 1998; Монахов. 1996. С. 39. Табл. 1–2; 1999; 2003), позволяют сегодня уточнить хронологию, предложенную В. Г. Житниковым. Все опубликованные этим исследователем фрагменты амфор архаического периода не могут датироваться временем позже конца третьей четверти VI в. до н.э. Мы уже неоднократно отмечали, что в Нижнедонском историко-культурном регионе отсутствует греческая импортная керамика, которую можно датировать последней четвертью VI – началом V в. до н.э. (Копылов. 1995. С. 112; 2006. С. 88; 2009 а. С. 226). Нами было специально указано, что в данном регионе в течение нескольких десятилетий археологически не фиксируются следы поселений и отсутствуют погребальные комплексы кочевников, надёжно датированные последней четвертью VI – началом V в. до н.э., что, несомненно, было связано с процессом дестабилизации военно-политической ситуации во всём Северном Причерноморье (Копылов, Коваленко. 2012. С. 206; Копылов, Андрианова. 2013. С. 321–322).

В последние годы Южно-Донской экспедицией НМЦА на островной части дельты Дона были открыты раннескифские погребальные комплексы¹⁴ (Копылов. 2009. С. 31–32. Рис. 5; 6). Ранее были известны только отдельные находки, происходящие из разрушенных раннескифских погребений в районе хутора Дугино, расположенного в районе одной из «киммерийских переправ», упоминаемых Геродотом (Копылов. 1994. С. 90). Открытые раннескифские погребальные комплексы маркируют участок пути, начиная от переправы через р. Дон, по островной части дельты, с выходом на правый берег через брод, находящийся в районе Гниловского городища. О существовании брода через реку Мёртвый Донец, являвшейся в древности одним из рукавов реки Танаис, ещё помнят старожилы хуторов, расположенных на островной части дельты. Именно этим сухопутным путём, соединявшим восточные и западные области степного Причерноморья с лесостепными районами, пользовались номады в раннескифское время, о чём свидетельствуют многочис-

¹⁴ В 2012 году при исследовании восточной части Елизаветовского могильника были открыты два скифских погребения первой половины VI в. до н.э., впущенные в курган эпохи бронзы, располагавшийся в районе переправы через один из протоков реки Дон – «Чёрную музгу».

ленные погребальные комплексы, сосредоточенные как на левом, так и на правом берегах в районе устьевой области реки Танаис.

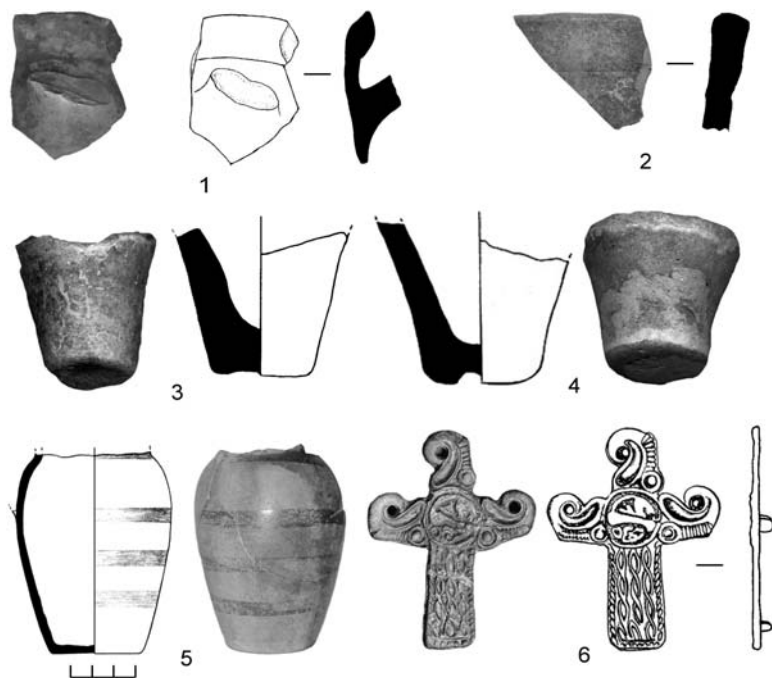

Рис. 1. 1–4 – фрагменты амфор: 1–2 – венчики; 2–4 – ножки; 5 – кувшинчик; 6 – крестовидная бляха. 1–2, 5 – Милет; 3–4 – Лесбос; 6 – Ольвия

В ходе работ последних лет на территории Елизаветовского городища, как на его «акрополе», так и на западной окраине, были встречены фрагменты транспортных амфор архаического времени, которые представлены фрагментами венчиков милетских (Рис. 1. 1, 2) и ножками лесбосских амфор (Рис. 1. 3, 4). Большая часть этих фрагментов амфор была встречена в верхних культурных напластованиях городища, но нет сомнений в том, что они происходят из нижнего горизонта памятника, где также встречаются фрагменты лепных сосудов кобьяковской культуры, слой которой на памятнике пока не обнаружен. Находки на городище фрагментов восточно-греческих амфор, одновременных времени существования Таганрогского поселения, свидетельствуют о посещении его жителями наиболее высокого участка островной части дельты Дона, где позже, в

первой четверти V в. до н.э., скифами будет основано своё поселение.

Как уже отмечалось выше, отдельные находки первой половины VI в. до н.э. встречались в районе хутора Дугино. Это ольвийская крестовидная бляха (Рис. 1. 6) и милетский кувшинчик (Рис. 1. 5), которые можно связать с разрушенными погребениями на песчаных буграх, расположенных в районе находившейся здесь в древности переправы. Следует отметить, что песчаные бугры тянутся полосой от западной оконечности Елизаветовского курганного могильника до конца дельты и, как было отмечено ещё первыми исследователями П. М. Леонтьевым и А. А. Миллером, на этих буграх встречался разновременный археологический материал, свидетельствующий о постоянном пребывании здесь людей начиная с эпохи каменного века. Однако долговременные поселенческие структуры в районе песчаных бугров археологически были зафиксированы в незначительном количестве. Одно из них, долговременное поселение «Малахов Ерик II», исследованное экспедицией НМЦА, относится к эпохе поздней бронзы, а поселения «Дугино I, II, III» (Брашинский и др. 1972. С. 116; Брашинский и др. 1973. С. 99–100) и «Лагутник» (Каменецкий. 2013) – ко времени функционирования скифского Елизаветовского городища. Примечательно, что поселение «Дугино III» было основано на месте существовавшего здесь ранее поселения эпохи поздней бронзы. Все поселения, синхронные скифскому Елизаветовскому городищу, прекращают своё существование не позже конца IV в. до н.э. Развернувшиеся в последние годы интенсивные строительные работы на островной части дельты Дона практически уничтожили большую часть песчаных бугров. На отдельных из них коммерческими археологическими структурами проводились охранные работы, и некоторые результаты этих работ были опубликованы. Однако отсутствие в коммерческих археологических структурах специалистов, знающих античные материалы, приводит порой к неоправданно широким их датировкам, что влечёт за собой неверные выводы. Так, в ходе охранных работ на дюнном возвышении «Дугино XI» среди разновременного материала было обнаружено 4 фрагмента транспортных амфор архаического времени, а также 2 венчика хитосских пухлогорлых амфор, синхронных уже Елизаветовскому городищу (Ларенок и др. 2011. С. 114–115. Рис. 5). По предварительному определению авторов публикации фрагмент венчика с ручкой (№ 333) датируется в хронологическом интервале «начало VI – первая треть V в. до н.э.», другой (№ 346) «концом VI – первой третью V в. до н.э.», а два остальных (№ 345 и 323), очевидно, в пределах VI в. до н.э. Указание авторов статьи, что «немногочисленные фрагменты амфор VI–V в. до н.э. отражают первую фазу жизни поселения...» не соответствует действительности, поскольку, во-первых,

исследованиями не зафиксировано долговременной поселенческой структуры, а, во-вторых, судя по иллюстративному материалу, отдельные фрагменты архаических амфор, которые поддаются определению, не могут датироваться временем позже конца третьей четверти VI в. до н.э. Материалы V–IV вв до н.э. связаны уже с функционированием Елизаветовского городища. Мы уверены, что материалы, синхронные времени существования Таганрогского, а позже – Елизаветовского поселений, обнаруженные на местонахождении «Дугино XI», свидетельствуют лишь о посещениях жителями этих стационарных, долговременных поселенческих структур района, в котором располагалась переправа и где можно было произвести обмен товарами с кочевыми скифами.

Продолжая тему хронологического ранжирования различных видов архаической греческой керамики с целью определения времени существования поселенческих структур, расположенных в устьевой области реки Танаис, следует остановиться на отдельных публикациях, связанных с исследованиями в районе Таганрогского поселения. В публикации немецких коллег, посвящённой подведению итогов работ в Таганроге в 2004–2007 г., авторы, не приводя соответствующих археологических материалов указывают, что верхняя граница всей керамической коллекции, происходящей из раннегреческой колонии относится к концу VI – началу V в до н.э. (Далли, Шунке. 2009. С. 198). И это притом, что в совместной информации о работах на Таганрогском поселении время прекращения функционирования Таганрогского поселения «датируется временем не позднее третьей четверти VI в. до н.э.» (Копылов и др. 2005. С. 38). Непонятно, как остатки культурного слоя Таганрогского поселения, которые, по мнению немецких коллег, были зафиксированы в ходе раскопок на берегу¹⁵, в то же время помещаются ими на дне Таганрогского залива в 1,5 км от берега. Особо отметим, что совместный археологический проект России, Греции и Германии по изучению Таганрогского поселения, предложил и усиленно продвигал в жизнь Ю. Г. Виноградов. Именно вместе с ним мы обсуждали отдельные детали данного проекта с послом Греции в России, а в ходе своей последней поездки в Германию Ю. Г. Виноградов вёл переговоры с немецкой стороной. Однако трагическая смерть этого выдающегося учёного в 2000 году, к сожалению, не позволила тогда претворить этот проект в жизнь. Именно поэтому позже, когда Германский институт археологии предложил проведение совместных исследований на Таганрогском поселении, я согласился возглавить эти работы.

¹⁵ Работы 2004–2005 г., выполнялись российско-германской группой экспедиции НМЦА РГПУ под руководством автора этого доклада и проводились по его Открытым листам. С германской стороны работами руководил Ортвин Далли.

Однако работы 2004–2005 гг., проводимые российско-германской группой экспедиции НМЦА РГПУ, вызвали у нас сомнения в перспективности поисков остатков культурного слоя этой греческой колонии на берегу Таганрогского залива, а консультации специалистов геоморфологов окончательно нас в этом убедили (Копылов, Рылов. 2006. С. 91. Рис. 3). Незначительные находки восточно-греческой керамики в ходе раскопочных работ были обнаружены, очевидно, на пляжевых образованиях хазарского времени, а также в переотложенных слоях, и они лишь подтвердили наше определение времени функционирования Таганрогского поселения в хронологическом диапазоне – третья четверть VII – третья четверть VI в. до н.э. Однако следует отметить, что уже в коллективной статье, опубликованной в Германии, в которой были приведены иллюстрации фрагментов восточно-греческой керамики, полученных в ходе раскопок в районе Таганрога (Dally et al., 2012. Abb. 30–43), отсутствуют датировки, относящиеся к концу VI в. до н.э., а в публикации каталога таганрогской керамики, хранящейся в Танаисском музее (Нуу, П'jashenko. 2012. S. 179–190) за исключением четырёх фрагментов (Kat. TS 6–8; 19), датируемых в широком диапазоне: первая половина VI – третья четверть V в. до н.э. – также отсутствуют материалы конца VI в. до н.э.

В заключение следует указать, что только достоверные датировки греческого керамического импорта архаического времени могут позволить нам представить наиболее достоверные реконструкции военно-политического, демографического и экономического процессов в Нижнедонском историко-культурном регионе в столь сложное для всего Северного Причерноморья время – VII–VI вв. до н.э.

Литература

- И. Б. Брашинский.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980.
- И. Б. Брашинский, К. К. Марченко, Г. М. Миленьева.* Исследования в дельте Дона // АО-1972. М., 1973.
- Брашинский и др., – *И. Б. Брашинский., К. К. Марченко, В. Г. Житников, И. П. Засецкая.* Работы в дельте Дона // АО-1973. М., 1974.
- М. Ю. Вахтина.* О начале распространения южно-ионийского керамического импорта в варварском мире Северного Причерноморья // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.
- О. Далли, Т. Шунке.* Греки на Дону – предварительные результаты германороссийских раскопок в Таганроге (2004–2007) // Археологические записки. Ростов-на-Дону. 2009. Вып. 6.
- В. Г. Житников.* Фрагменты амфор позднеархаического времени из Елизаветовского городища // ДД. 1995. Вып. 4.

- И. С. Каменецкий.* Лагутник // Причерноморье в античное и хазарское время. Сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 2013. (В печати).
- В. П. Копылов.* О транспортных сухопутных коммуникациях, проходящих через дельту Дона в скифское время // ПССА. Тез. докл. международной конференции, посвящённой 95-летию Б. Н. Гракова. Запорожье, 1994.
- В. П. Копылов.* К вопросу о метрополии греческой апойкии в районе Таганрога // Античное Причерноморье и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.
- В. П. Копылов.* Греко-варварские взаимоотношения на Нижнем Дону в VII–VI вв. до н.э. // ИАИАИАНД. 2002. Вып. 18.
- В. П. Копылов.* Греческие транспортные амфоры из Таганрогского поселения // МОБЧМ. Ростов-на-Дону, 2002.
- В. П. Копылов.* Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII–VI вв. до н.э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. СПб., 2006.
- В. П. Копылов.* Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII – первая треть III в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009.
- В. П. Копылов.* Этапы развития греко-варварских отношений в Нижнедонском культурно-историческом регионе в скифо-античный период // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. – (БЧ. X).
- В. П. Копылов, О. Далли, П. А. Ларенок, А. Н. Коваленко.* Разведочные работы в районе Таганрогского поселения // АО-2004. М., 2005.
- В. П. Копылов, В. Г. Рыло.* Историко-географические предпосылки начала освоения греками устьевой области реки Танаис // ДП. 2006.
- В. П. Копылов, А. Н. Коваленко.* К вопросу об урбанистических центрах скифо-античного времени в Нижнедонском историко-культурном регионе (первая половина VI – первая половина III в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. – (БЧ. XIII).
- В. П. Копылов, Н. В. Андрианова.* Специфика развития международных отношений в Нижнедонском историко-культурном регионе в раннескифский период // ДП. 2013. Вып. X.
- П. А. Ларенок, С. Хьюи, А. В. Цибрий.* Поселение «Дугино XI» (предварительные итоги раскопок 2009 г.) // Археологические записки. Донское археологическое общество. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 7.
- С. Ю. Монахов.* Амфоры Клазомен и «круга Клазомен» // МОБЧМ. Тез. докл. VIII международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1996.

- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Саратов, 1999.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Каталог-определитель. М., Саратов, 2003.
- Dally et al. 2012 – *O. Dally, S. Huy, V. Larenok, T. Shunke.* Die Grabung Taganrog 2010 // *AAAn.* 2012. Н. 1.
- R. M. Cook, P. Dupont.* East Greek pottery. London, New-York, 1998.
- S. Huy, S. Il'jashenko.* Keramikfunde aus Taganrog im Museum Tanais // *AAAn.* 2012. Н. 1.

А. В. Батасова

Пространственный анализ расположения поселений на раннем этапе греческой колонизации Таманского полуострова

Пространственный анализ может играть важную роль в решении вопросов, связанных с пониманием процесса освоения новых территорий в ходе греческой колонизации. Очевидно, что этот процесс не носил стихийный характер, и основание того или иного поселения было обусловлено рядом факторов. Следствием этого осознанного выбора стала система расселения, сформировавшаяся, как стоит полагать, уже на ранних этапах колонизации, её ключевыми элементами являлись поселения. При этом на расположение поселений, независимо от культурной принадлежности коллективов, неизменно оказывают влияние две противоположные тенденции. Первая, обусловленная экологическими факторами – рассредоточение населённых пунктов (дисперсия). Высокая плотность расселения ведёт к большей нагрузке на природные ресурсы и обостряет конкуренцию между поселениями, что приводит к нарушению баланса в системе расселения. Вторая, противоположная тенденция – это стремление группироваться, как в силу экологических факторов (желание обитать в наиболее благоприятной зоне), так и социальных (Lundmark. 1984. Р. 13). Можно предположить, что эта тенденция была особенно актуальна для греческих переселенцев, оказавшихся на чужой территории в непривычных экологических условиях и в инородном окружении.

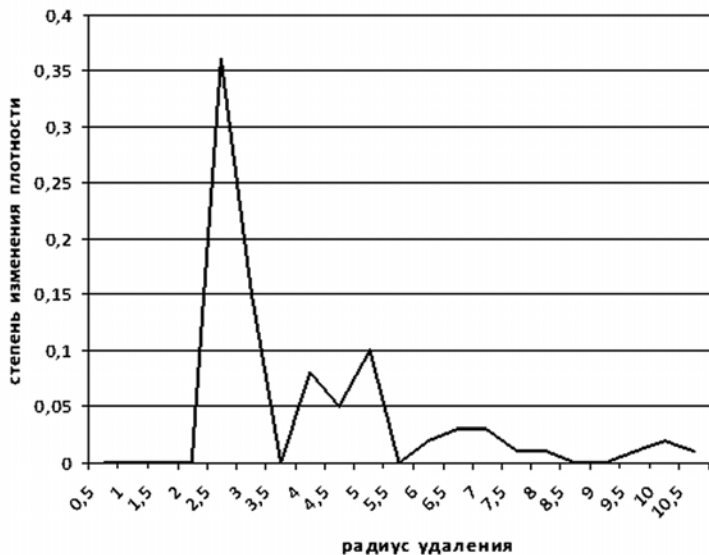
Взаимодействие этих тенденций, дополненное влиянием прочих факторов, приводит к формированию определенной картины расположения памятников.

Кластерный анализ является, пожалуй, одним из самых известных способов анализа пространственной организации совокупности памятников. Суть его заключается в том, что карта расположения поселений представляется в виде точечной модели, которая трансформируется в изоритмическую карту. Инструментом для составления этой карты является сетка, в каждой ячейке которой подсчитывается количество поселений, и это значение присваивается ячейке. Полученная в итоге карта точек с разными значениями позволяет объединить области с равным значением ячеек в области концентрации поселений, разделенные буферными зонами. Однако применение этого метода имеет два принципиальных момента, которые могут влиять на результат анализа: форма ячеек и их размер. Подробное рассмотрение этих моментов и пути их решения рассмотрены в статье Ханса Лундмарка (Lundmark, 1984). На мой взгляд, подход, предложенный в этой работе, позволяет значительно уменьшить погрешности, возникающие при кластерном анализе, поэтому данный подход был применён для пространственного анализа системы расселения, сформировавшейся на ранних этапах греческой колонизации Таманского полуострова.

Греческие поселения Таманского полуострова в своей совокупности изучены довольно слабо. Большинство сведений о них получены благодаря разведкам, в особенности работам Я. М. Паромова. В той или иной мере раскопаны лишь около 15 из более чем 200 выявленных памятников. Однако, поскольку для кластерного анализа требуются одновременные памятники, для данного исследования были отобраны те поселения, на которых в ходе разведок или раскопок были зафиксированы фрагменты, позволяющие предположить существование этого поселения в VI – первой четверти V в. до н.э. Их общее число составило 109 памятников.

Итак, первый вопрос, который необходимо решить для проведения данного анализа, это форма ячеек. Традиционные квадратные ячейки, несомненно, дают результат, позволяющий судить о концентрациях поселений и буферных зонах, однако этот результат сильно зависит от положения ячеек. Таким образом, в исследовании присутствует момент случайности. Выходом из этого может являться «наложение» ячеек друг на друга и частичное пересечение значений. В таком случае оптимальная форма ячеек – круг. Как предложено в вышеупомянутой статье Х. Лундмарка, логично сочетать сетку из круглых ячеек с базовой сеткой из треугольников, которым присваивается значение описанного вокруг них круга (ячейки). На мой взгляд, базовая сетка из ромбических ячеек также позволяет это сделать, поскольку также допускает наложения круглых ячеек, но более удобна в техническом исполнении.

Следующий момент, требующий внимания – размер ячеек. Х. Лундмарком предложен расчет оптимальной сетки ячеек исходя из анализа плотности распределения поселений вокруг центральной точки. На Таманском полуострове такой точкой была выбрана Фанагория. Этот памятник очень удобен, поскольку расположен практически в геометрическом центре полуострова, что позволяет использовать довольно большие значения радиуса для анализа плотности распределения поселений. Показатели степени изменения плотности вокруг Фанагории представлены на графике:

Как можно наблюдать, на расстоянии чуть больше 3,5 км степень изменения плотности достигает нуля и, таким образом, маркируется буферная зона. Это обусловлено тем, что с увеличением радиуса в зону концентрации поселений попадает всё больше и больше пустых пространств. Следствием этого является спад графика. В исследуемую зону с увеличением радиуса попадает очередное скопление поселений, плотность которых, по сравнению с предыдущим показателем, возрастает. В качестве размера ячейки 3,5 км является вполне удовлетворительным показателем, не ведущим к излишней обобщённости результатов, и при этом также не представляет картину слишком дробной.

После наложения сетки с ромбическими ячейками, вписанными в круг с диаметром 3,5 км с картой распространения памятников (Рис. 1), и подсчёта результатов, была получена следующая картина (Рис. 2), на которой можно отметить следующие моменты:

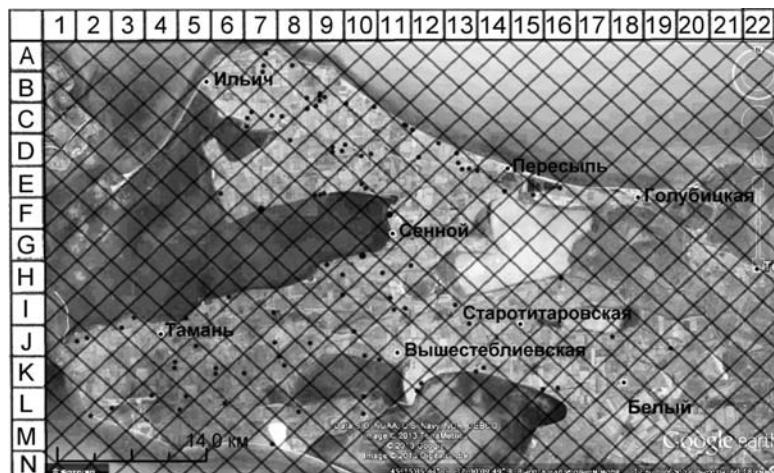

Рис. 1. Карта Таманского полуострова с памятниками VI – начала V в. до н.э. с нанесённой сеткой

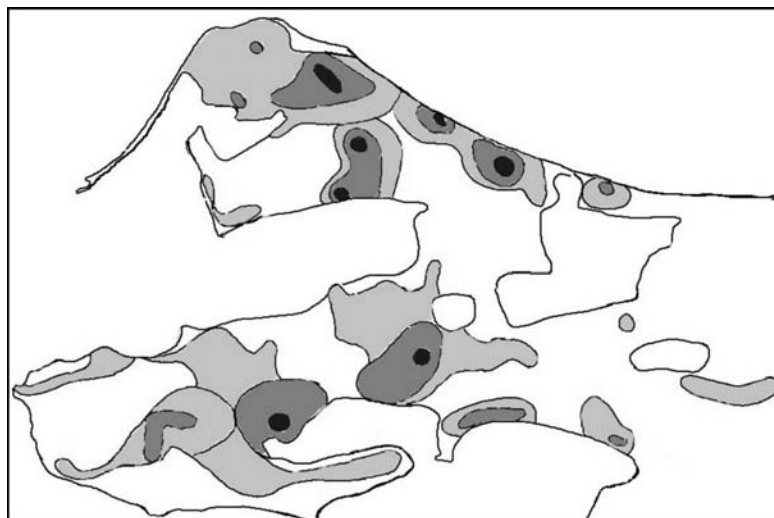

Рис. 2. Изоритмическая карта плотности расселения на Таманском полуострове в VI – начале V в. до н.э. Градация плотности расселения соответствует цветовой градации (от светлого к тёмному)

– Территория освоена неравномерно. Есть несколько зон, отделённых друг от друга незаселёнными пространствами (буферными зонами).

– Наибольшая плотность распространения памятников и более четкая внутренняя структура наблюдаются в северной части Таманского полуострова.

– Освоение центральной и южной части Таманского полуострова противоположно ситуации в северной части. На значительной территории памятники распределены равномерно, выделение внутренней структуры и локальных образований осложнено общим гомогенным обликом картины расселения.

– Восточная часть освоена наиболее слабо и представлена отдельными небольшими группами поселений или отдельными памятниками.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что результаты предложенного подхода к анализу расположения памятников не дают окончательных ответов, однако в его рамках могут быть сформированы представления о дальнейшем направлении исследований, детализации полученной информации и выяснении причин формирования имеющейся картины системы расселения.

Литература

H. A. Lundmark. Method of analyzing hierarchical organization in settlement patterns // Papers in northern archaeology. Edited by Evert Bado. Department of archaeology. University of Umea. Umea, 1984. – (Archaeology and environment. Vol. 2).

А. Е. Терещенко

«Аполлонийская» чеканка на Боспоре Киммерийском. В поисках эмитента

К боспорской «аполлонийской» чеканке, на мой взгляд, должно относиться только три типа серебряных монет:

Ап-1. Ав. Голова (в очень редких случаях) или шура с головы льва в фас (триобол, диобол, гемиобол). На тетартемориях – муравей. Rv. Вдавленный квадрат с четырьмя таблетками, образующими противочасовую свастику. На двух диагональных таблетках буквы «А» и «П» в правильном написании, в двух других – четырёхлучевые звезды (Рис.1. 1–3).

Датировка: ок. 475–450 гг. до н.э. (Зограф. 1951), 450–438 гг. до н.э. (Анохин. 1986), середина V в. до н.э. (Фролова. 1996), конец второй – начало третьей четверти V в. до н.э. (Терещенко. 2004).

Ап-2. Ав. Шкура с головы льва в фас (диобол, гемиобол) или муравей (тетартеморий). Rv. Углубленный квадрат с четырьмя рельефными таблетками, в центре четырёхлучевая звезда, на таблетках надпись АПОЛ (Рис. 1. 4–6).

Датировка: V в. до н.э. до н.э. (Зограф. 1951), третья четверть V в. до н.э. (Шелов. 1956), 423–413 гг. до н.э. (Анохин. 1986), последняя четверть V в. до н.э. (Фролова. 1996), первая половина третьей четверти V в. до н.э. (м.б., 446–442 гг. до н.э. Терещенко. 2004).

Ап-3. Ав. Голова льва в фас (диобол, гемиобол) или муравей (тетартеморий). Rv. Вдавленный квадрат, разделённый на четыре части, в каждой по букве А-П-О-Л (Рис. 1. 7–12).

Датировка: V в. до н.э. (Зограф. 1951), вторая четверть V в. до н.э. (Шелов. 1956), 423–413 гг. до н.э. (Анохин. 1986. С. 138), последняя четверть V в. до н.э. (Фролова. 1996), первая половина – начало второй половины третьей четверти V в. до н.э. (м.б., 442–438/7 гг. до н.э. Терещенко. 2004).

Надо сказать, что проблема происхождения монет с надписью «А-П-О-Л» до сих не имеет однозначного решения. На сегодняшний день можно выделить две концепции их принадлежности: полисная (Giel. 1886; Minns. 1913; Орешников. 1922; Крушкол. 1951.; Зограф. 1951; Блаватский. 1954; Шелов. 1956; Pochitonov. 1960; Строкин. 2007; Строкин. 2009; Строкин. 2012) и конфедеративная, или храмово-союзная. Дабы избежать разночтений, необходимо уточнить приведённое здесь определение «конфедеративная, или храмово-союзная». Данная дефиниция восходит к гипотезе Ю. Г. Виноградова, предположившего, что монеты с надписью «АПОЛ» представляют собой чеканку союза нескольких боспорских полисов, объединившихся в симмахию, чтобы противостоять военной угрозе со стороны скифов.

Кроме того, эта чеканка предназначалась для обслуживания празднеств и оплаты расходов по строительству храма Аполлона в Пантикапее. Эта идея сразу же нашла многочисленных приверженцев, попытавшихся, в той или иной степени, её адаптировать (Фролова. 1988; Фролова. 1995; Фролова. 1996; Мельников. 1989; Мельников. 2001; Мельников. 2003; Мельников. 2009; Терещенко. 1999; Мельников. 2004; Болдырев. 2002).

Вместе с тем, в последние годы «полисный» вариант приобрёл (в определённой степени) новых сторонников в лице А. А. Завойкина

(Завойкин. 2009)¹⁶ и И. Е. Сурикова (Суриков. 2012). Заметную роль в этом сыграла деятельность В. Л. Строкина, который с 2007 г. активно публикует монетные находки с Таманского полуострова.

Основная идея В. Л. Строкина, импонирующая вышеотмеченным исследователям, заключается в том, что, по мнению автора, якобы наблюдается превалирование находок раннего серебра в азиатской части Боспора над европейской (Строкин. 2010), и в первую очередь это касается монет с легендой «АПОΛ». Базируясь на этой, неизвестной никому, кроме самого автора, информации, В. Л. Строкин совершенно безапелляционно утверждает, что «...мы располагаем куда более вескими основаниями для локализации центра производства анэпиграфных монет с львиной головой в фас на Тамани, нежели в Восточном Крыму, причём предпочтительней всего видеть в нём крупнейший полис восточно-боспорского региона – Аполлонию, который... в начале IV в. до н.э. был переименован в Фанагорию» (Строкин. 2010). Впрочем, исследователь не исключает, что это могла быть и Гермонасса. Всё это должно ещё больше утвердить читателя в мысли, что и «аполлонийские» монеты также чеканились где-то на Тамани (Строкин. 2012).

Убеждённость В. Л. Строкина в своей правоте базируется на сформулированном им самим постулате, гласящем, что монеты, наиболее часто встречающиеся на какой-либо территории, там же и чеканились (Строкин. 2010). Честно говоря, тезис весьма и весьма сомнительный. В конце концов, подавляющее количество известных кизикинов были обнаружены достаточно далеко от места их изготовления.

Кроме того, при всём уважении к исследователю, считать, будто бы он владеет всей полнотой информации о действительном соотношении монет, обнаруженных и обнаруживаемых на западной и восточной сторонах Керченского пролива, вряд ли разумно.

Вновь переходя к «аполлонийской» проблеме, хочу особо подчеркнуть тот факт, что выпускам Ап-1 и Ап-2 мы находим соответствие в пантикапейской чеканке. Это серии: Па-8 и Па-10 (П-9 и П-11 по В. А. Анохину (Анохин. 1986)).

Рассмотрим подробнее пантикапейскую эмиссию этого периода.

¹⁶ Благодарю А. А. Завойкина за любезно предоставленные, но ещё не опубликованные тезисы доклада: «Аполлонийские» монеты и образование Боспорского государства (историографический аспект проблемы) // Конференция памяти Ю. Г. Виноградова «Античная эпиграфика и история Северного Причерноморья» (ИВИ РАН, декабрь 2011).

Па-8. Ав. Голова льва в фас (драхма (пентобол?), тетробол, диобол, гемиобол) или муравей (тетартеморий). Rv. Углубленный квадрат с четырьмя таблетками, образующими свастику, идущую по часовой стрелке. На двух таблетках размещаются восьми или четырехлучевые (только на мелких номиналах, таких как гемиоболы и тетартемории) звезды, на двух других буквы – «Π» и «Α», развернутые на 180° по отношению друг к другу (Рис. 1. 1 а–4 а). Датируется ок. 475–450 гг. до н.э. (Зограф. 1951), вторая четверть V в. до н.э. (Шелов. 1956), 450–438 гг. до н.э. (Анохин. 1986), середина V в. до н.э. (Фролова. 1996), конец второй – середина/начало третьей четверти V в. до н.э. (Терещенко. 2004).

Па-9. Ав. Голова льва в фас (диобол, гемиобол) или муравей (тетартеморий). Rv. Вдавленный квадрат с четырьмя таблетками, образующими противочасовую свастику, на трех таблетках надпись Π-Α-Ν, на четвертой – восьмилучевая звезда (Рис. 1. 5 а–7 а). Датируется ок. 450–425 гг. до н.э. (Зограф. 1951), третьей четвертью V в. до н.э. (Шелов. 1956), 438–433 гг. до н.э. (Анохин. 1986), третьей четвертью – концом V в. до н.э. (Фролова. 1996), началом третьей четверти V в. до н.э. (м.б., 450–446 гг. до н.э. Терещенко. 2004).

Па-10. Ав. Голова льва в фас (диобол, гемиобол) или муравей (тетартеморий). Rv. Вдавленный квадрат с четырьмя таблетками, в центре – восьмилучевая звезда, на таблетках надпись Π-Α-Ν-Π. Таблетки образуют свастический рисунок, направленный по часовой стрелке (Рис. 1. 8 а–11 а). Датируется ок. 450–425 гг. до н.э. (Зограф. 1951), третьей четвертью V в. до н.э. (Шелов. 1956), 433–423 гг. до н.э. (Анохин. 1986), третьей четвертью – концом V в. до н.э. (Фролова. 1996), первой половиной третьей четверти V в. до н.э. (м.б., 446–442 гг. до н.э. Терещенко. 2004). Относительно датировки, предлагаемой мною ранее, должен сказать что, в связи с новыми, представленными здесь, аспектами проблемы, я склоняюсь к мысли считать завершение выпуска данной серии приблизительно 444–м годом до н.э.

Па-11. Ав. Голова льва в фас (диобол, гемиобол) или муравей (тетартеморий). Rv. Вдавленный квадрат, в центре которого восьмилучевая звезда, между лучами надпись ΠΑΝΤΙ. Буквы развернуты на 90° по отношению друг к другу (Рис. 1. 12 а–15 а). Датируется третьей четвертью V в. до н.э. (Шелов. 1956), 423–413 гг. до н.э. (Анохин. 1986), второй половиной – концом V в. до н.э. (Фролова. 1996). Ранее эта серия была отнесена мною к 438/37–431/30 гг. до н.э. (Терещенко. 2004), однако, сейчас полагаю наиболее адекватной вторую половину 40-х гг. V в. до н.э. (м.б. 444–442 гг. до н.э.). После серии Па-11 в чеканке пантикапейской монеты, по-видимому, происходит перерыв.

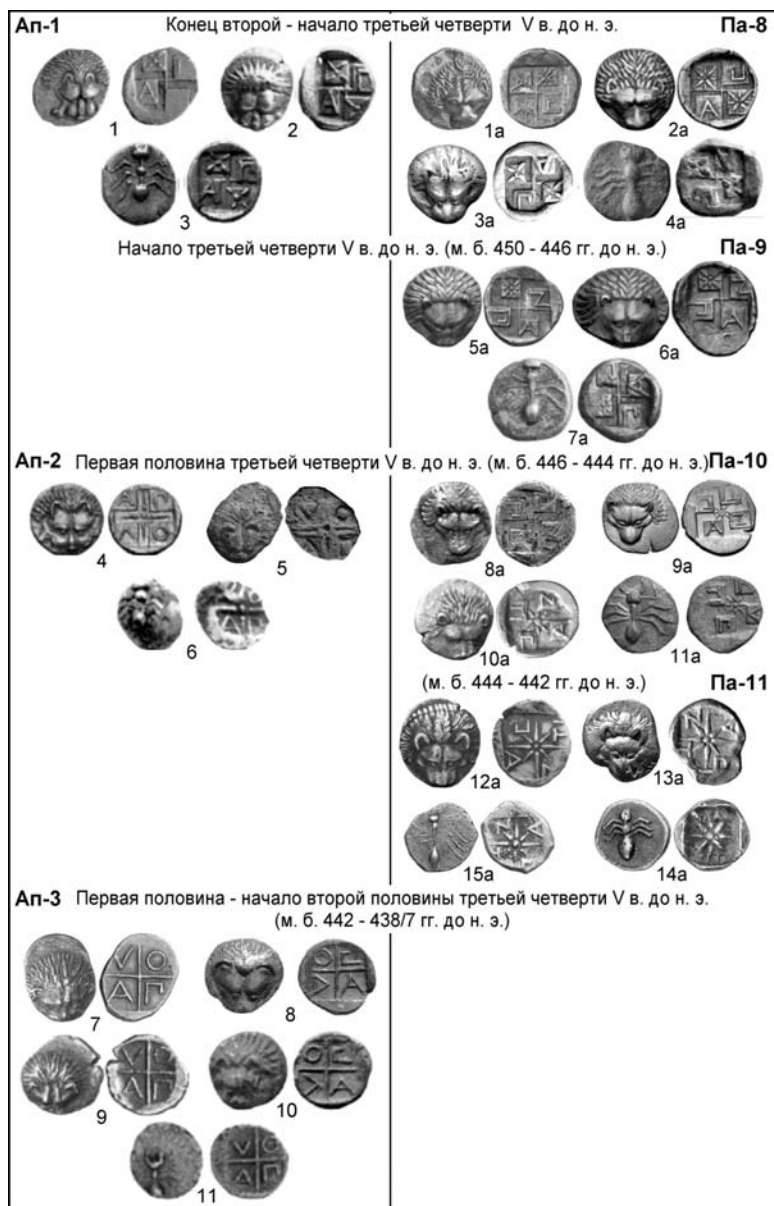

Рис. 1. Образцы боспорской серебряной «аполлонийской» чеканки

На краткое время отвлечёмся от основной темы и рассмотрим типологическое развитие «аполлонийской» и пантикапейской чеканок. Представленный в таблице монетный ряд рисует нам чрезвычайно любопытную картину.

Как можно видеть, реверсный облик пантикапейских серий с Па-8 по Па-11 являет собой стройный эволюционный ряд, характеризующийся изменением главного элемента – свастической фигуры, называемой также «крылья мельницы», и написания легенды на ней. Чрезвычайно показательно, что когда в серии Па-11 эта фигура уже полностью исчезает, буквы легенды «Π-Α-Ν-ΠΙ» всё равно, располагаются таким образом, как будто они всё ещё находятся на таблечках противочасовой свастики. Стоит принять во внимание и такую интересную деталь, как чередование в указанных сериях направления хода свастического рисунка. Чем это было вызвано, я затрудняюсь ответить, но отметить данный факт необходимо.

Оформление же «аполлонийских» выпусков происходит в ином ключе. Если серия Ап-1 повторяет/копирует(?) пантикапейскую Па-8, то сходство Ап-2 и Па-10 уже чисто формальное, основывающееся исключительно на присутствии в центре реверсного поля звезды, в одном случае четырёх-, в другом – восьмилучевой. На мой взгляд, здесь перед нами происходит процесс дистанцирования образа аполлонийской монеты от облика пантикапейской городской чеканки при соблюдении общих принципов заполнения монетного поля.

В качестве объяснения вышеприведённых наблюдений рискну предложить следующий сценарий развития событий. Как представляется, Археанактиды, на основе предполагаемой симмахии-амфикинии попытались создать государство, объединённое, главным образом, по принципу конфессионности – поклонение Аполлону (Врачу?). Одним из способов конституционирования и стала, по видимому, чеканка монет с легендой «Α-Π» и «ΑΠΟΛ». Судя по первым двум выпускам, Археанактиды проводили весьма осторожную монетную политику. Следует сказать, что, собственно, нет никаких оснований полагать, будто чеканка «аполлонийской» монеты осуществлялась из союзных взносов, да и существовали ли они на самом деле? Скорее, учитывая небольшие объёмы серий Ап-1 (58 экз.), Ап-2 (31 экз.), а также синхронных им Па-8 (70 экз.) и Па-10 (60 экз.)¹⁷, можно счесть, что все они выпускались исключительно из средств пантикапейской казны.

¹⁷ Количественные данные взяты из составляемого с 2003 года корпуса ранних боспорских монет.

По всей вероятности, новые монеты были встречены населением благосклонно, что, в общем-то, неудивительно, поскольку ни по весовым характеристикам, ни по составу металла они не отличались от пантикапейского чекана. В принципе, это могло подвигнуть Археанактидов на такой решительный шаг, как полный отказ от пантикапейской полисной монеты и замена её союзной «аполлонийской» серией Ап-3. Она стала одним из самых значительных по количеству известных находок, выпусков боспорской чеканки V в. до н.э. – 225 экз. Поскольку данный тип не имеет соответствия в пантикапейской эмиссии, то можно предположить, что весь монетный металл, предназначенный для очередных пантикапейских серий, пошёл на изготовление «аполлонийской» монеты. Учитывая тот факт, что большинство отечественных исследователей считают власть Археанактидов тиранической (Виноградов Ю. Г. 1989; Виноградов Ю. А. 2002; Завойкин. 2011), в возникновении описываемой ситуации нет ничего невероятного.

Весьма значительной особенностью рассматриваемого типа является присутствие на лицевой стороне не львиного скальпа, как на двух предыдущих выпусках Ап-1 и Ап-2, а головы льва. Таким образом, облик данной серии демонстрирует нам симбиоз двух традиций: голова льва в фас на аверсе, что, несомненно, должно указывать на пантикапейское происхождение, и «аполлонийский» реверс – легенда «А-П-О-Λ».

Хотелось бы отметить ещё один момент. В уже упомянутых тезисах доклада А. А. Завойкина было высказано сомнение по поводу того, что чеканка монет с легендой АПОΛ могла иметь прямое отношение к образованию Боспорского государства. На мой взгляд, это абсолютно некорректная формулировка. Конечно же, к *образованию* государства данные монеты не имеют ни малейшего отношения. Здесь, следует говорить, что они иллюстрируют попытку создания некоей политической формации, чьё существование должно было строиться, по большей части, на религиозной основе. Или же данное мероприятие должно было официально закрепить за уже существующим союзом статус амфикионии.

Однако, насколько можно судить, Археанактиды не особо заботились об интересах пантикапейской общины. Они лишь пользовались её ресурсами, при этом, не предоставляя никаких преференций по отношению к другим боспорским полисам. Пантикапей же, обладая достаточно мощным экономическим и военным потенциалом, сам стремился к гегемонии, что и привело к вполне закономерному финалу – свержению Археанактидов и приходу к власти новой династии – Спартокидов, что, впрочем, не изменило аполлонийской тематики в облике пантикапейских монет в целом.

Конечно, предлагаемая версия может показаться несколько надуманной, вместе с тем, она не требует ни поисков таинственной Аполлонии, ни переименования в таковую Фанагории или Гермонассы.

Литература

- В. А. Анохин.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- В. Д. Блаватский.* Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33.
- С. И. Болдырев.* Монеты АПОЛ. Храмовый ли чекан? // БФ: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. 2002. Ч. I.
- Ю. А. Виноградов.* Объединение Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство (политические отношения и государственные отношения в античном мире). СПб., 2002.
- Ю. Г. Виноградов.* Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М., 1989.
- А. А. Завойкин.* О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. 2009. Т. 13.
- А. А. Завойкин.* Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора»? // ΕΜΒΑΤΗΡΙΟΝ. М., 2011.
- А. Н. Зограф.* Античные монеты. М., Л., 1951 – (МИА. № 16).
- Ю. С. Крушкoл.* Ранние монеты Пантикапея как исторический источник // ВДИ. 1951. № 1.
- А. В. Орешиников.* 1922. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. Ч. 8. Пантикапей, Мирмекий и Фанагория под разными наименованиями // ИРАИМК. 1922. Т. 2.
- Т. Н. Смекалова, Ю. Л. Дюков.* О смене источников серебра для монетной чеканки Боспора VI–V вв. до н.э. // ДБ. 1992. Т. 2.
- Т. Н. Смекалова, Ю. Л. Дюков.* Монетные сплавы государств Причерноморья. СПб. 2001.
- В. Л. Строкин.* АПОЛ [лония Боспорская] или [храм] АПОЛ [лона]? // ДБ. 2007. Т. 11.
- В. Л. Строкин.* Нимфей – Сама(?) – Нимфей // ДБ. 2009. Т. 13.
- В. Л. Строкин.* Монеты с поселения Голубицкая 2 // ДБ. 2010. Т. 14.
- В. Л. Строкин.* Синдские монеты: взгляд из «Синдики» // ДБ. 2012. Т. 16.
- И. Е. Суриков.* Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 2012. № 16.
- В. П. Толстиков.* К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3.
- А. Е. Терещенко.* О монетах с надписью ΣΙΝΔΩΝ // Stratum plus. СПб., Кишинёв, Одесса. 1999. № 6.
- А. Е. Терещенко.* Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н.э. Авт. дис... канд. ист. наук. СПб., 2004.
- Н. А. Фролова.* Проблемы монетной чеканки Боспора VI–V вв. до н.э. (По поводу выхода книги В. А. Анохина «Монетное дело Боспора». Киев, 1986) // ВДИ. 1988. № 2.

- Н. А. Фролова.* О проблеме монет с надписью АПОЛ // Боспорский сборник. М., 1995. № 6.
- Н. А. Фролова.* Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н.э. // РА. 1996. № 2.
- Д. Б. Шелов.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.
- Chr. Giel.* Kleine Beiträge zur Antiken Numismatik Sudrusslands. Moskau, 1886.
- E. H. Minns.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- E. Pochitonov.* Několik sporných otázek nejstarších bosporských mincí // Numismatický sborník. Praha, 1960. IV.

П. Г. Столяренко

Новые данные об архаической оборонительной стене Парфения

Теме архаической фортификации Боспора посвящено немало научных работ. Довольно подробно, с учётом археологического контекста, изучены и описаны участки ранних оборонительных стен, выявленных на Тиритаке, Мирмекии, Порфмии и Пантикапее. Тем не менее, эта тема продолжает оставаться актуальной и дискуссионной.

К наиболее ранним оборонительным сооружениям на античных памятниках Северного Причерноморья относят систему из нескольких кладок, укреплявших акрополь Мирмекия и участок стены, выявленной в восточной части Порфмия. Их сооружение датируется исследователями в пределах второй половины VI в. до н.э. (Вахтина, Виноградов. 2001. С. 41–45; Виноградов. 2008. С. 53; Вахтина. 2012. С. 29). Постройке этих стен предшествовали разрушения и пожары. По мнению ряда исследователей, эти разрушения могут быть связаны с набегами небольших групп кочевников.

Следующий этап фортификационного строительства связан с остатками ранних оборонительных стен, выявленных в разные годы на некоторых городищах Европейского Боспора (Гайдукевич. 1952. С. 87–89; Виноградов, Тохтасев. 1994. С. 54–63; Толстикова, Журавлёв, Ломтадзе. 2003. С. 319–325). Ряд исследователей рассматривают строительство этих стен как одну из акций Археанактидов, направленную на отражение скифской агрессии в конце первой трети V в. до н.э. Постройке стен, как правило, предшествуют слои пожара и разрушений, отмеченные в это время и на ряде исследованных поселений.

К числу памятников, на которых выявлены фортификационные сооружения этого периода, наряду с Пантикапеем, Тиритакой и Мирмекием с недавних пор можно относить и Парфений. Небольшой фрагмент кладки мощной стены, протяженностью около 2 м был выявлен на участке 1 в южной части городища ещё в 2006 г., окончательно он был доследован и интерпретирован как остатки архаической оборонительной стены только в ходе работ 2011 г. (Столяренко. 2012. С. 404–408). Продолжение этого участка кладки к востоку было прослежено на площади 50 м², исследованной в сезоне 2012 года (Рис. 1. 1). Выявленный отрезок стены, прослеженный в пределах раскопа более чем на 9 м, ориентирован по направлению восток – запад (Рис. 1. 2). Ширина кладки достигает 2,5 м. В высоту она сохранилась на расстояние до 0,58 м от основания. Кладка стены двухпанцирная, с забутовкой из горизонтальных рядов рваного камня, аккуратно уложенных на глинистом растворе. Фасы стены сложены из рваных, почти необработанных глыб мшанкового известняка, размерами до 0,6×0,7×0,4 и 0,8×0,46×0,45 м, а внутреннее заполнение – из мелких и средних кусков того же камня. Ближайшие выходы этого известняка расположены в 25 метрах от исследованного участка стены, в возвышенной юго-восточной части мыса, вокруг которого и построена сама стена.

Для датировки стены необходимо рассмотреть стратиграфическую ситуацию на прилегающем к ней участке. Практически по всей длине кладку стены перекрывает мощение улицы римского времени, сохранившееся фрагментарно. Вымостка проложена над трассой и по направлению этого отрезка оборонительной стены, а в западной части попросту уложена на него. Поэтому культурные напластования, расположенные непосредственно над кладкой, и саму кладку оборонительной стены удалось исследовать только на отдельных участках. Открыт лишь её северный внутренний фас, а внешний почти полностью перекрыт мощением улицы и прослежен на двух незначительных по протяженности участках.

Ниже мощения римского времени над кладкой расчищены плотные золистые напластования, содержащие материал V–III вв. до н.э. Эти слои перекрывали остатки стены, что свидетельствует о её выборке к указанному периоду и утрате оборонительных функций. В пользу этого свидетельствует и датировка комплексов двух хозяйственных ям. Они выявлены по направлению трассы стены, на западном её участке, где кладка разобрана до основания. В заполнении ям обнаружен материал IV в. до н.э., среди которого отметим фрагментированную гераклейскую амфору конического типа, корпус фасосской амфоры, фрагменты аттических чернолаковых киликов и канфаров указанного периода. *Terminus ante quem* для датировки стены даёт так же находка горла и верхней части тулова фасосской

биконической амфоры, расчищенная непосредственно в теле стены, в небольшой выборке камней у северного её фаса. На ручке амфоры имеется клеймо, датированное 343 г. до н.э. (определение Н. Ф. Федосеева).

Одним из самых существенных вопросов является определение времени возведения стены. Для её датировки необходимо рассмотреть стратиграфические напластования, предшествовавшие строительству. Под внешним (южным) фасом стены прослежен слой золистой супеси тёмно-серого цвета мощностью до 0,1 м, содержащий фрагменты закопчённой керамики и вкрапления древесного угля. Этот слой является, по всей видимости, следами пожара. Его перекрывает тонкая прослойка рушенной глины, которую следует интерпретировать как слой засыпки пепелища. Внутренний (северный) фас стены, располагаясь несколько выше по склону, прорезает эти напластования и впущен в подстилающий их слой плотного суглинка, а в западной части исследованного участка основание стены впущено в материковую глину. Не вызывает сомнений, что слой пожара предшествовал постройке стены. Материал, происходящий из слоя пожара и глинистой засыпки, представлен фрагментами профильных частей хиосских пухлогорлых амфор, характерных для первой четверти V в. до н.э. Прочая амфорная тара раннего времени, выявленная в слое, представлена фрагментами клазоменских, лесбосских красноглиняных, протофасосских и фасосских пифоидных амфор второй половины – конца VI – первой половины V в. до н.э. Среди столовой посуды выделяется группа восточногреческой керамики, представленная фрагментами киликов, чаш и светильников, орнаментированных горизонтальными полосами лака, а также красноглиняных ионийских кувшинов с полосами красной краски. К аттической продукции принадлежат фрагменты киликов и скифосов, датировка которых также укладывается в конец VI – первую треть V в. до н.э.

Таким образом, датировка описанных напластований пожара синхронна следам катастрофических событий первой трети V в. до н.э., которые зафиксированы на ряде городов и сельских поселений Боспора. В то же время эта дата является *terminus post quem* для оборонительной стены Парфения. Это даёт основания рассматривать её постройку как единовременную с ранними оборонительными стенами Пантикапея, Тиритаки и Мирмекия.

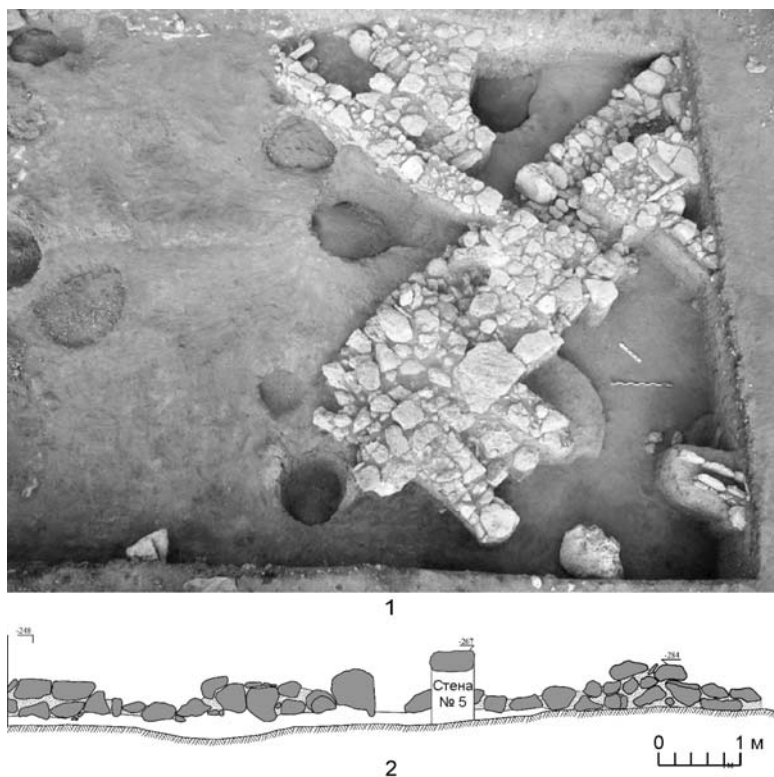

Рис. 1. Архаическая оборонительная стена Парфения: 1 – фрагмент стены, открытый на участке 1, вид с юго-запада; 2 – северный (внутренний) фас стены

Представляется, что на Парфении, который также подвергся разрушению и пожару, фортификационные сооружения должны были возводиться в кратчайшие сроки, с максимальной экономией сил и средств. В пользу этого может свидетельствовать и тот факт, что при их постройке использовался ближайший подручный камень.

Оборонительная стена Парфения на исследованном участке пока открыта не полностью, что не позволяет составить полного представления о характере кладки. Тем не менее, угадывается её конструктивное и типологическое сходство с оборонительной стеной Мирмекия, близкой ей не только хронологически, но и территориально. Обе рассматриваемые стены имеют двухпанцирную конструкцию, с забутовкой из горизонтальных рядов рваного камня. Оборонительная стена Парфения, возможно, как и мирмекийская, не ок-

ружала всю территорию поселения, а отсекала его возвышенную центральную часть, примыкавшую к обрыву, на котором в последующую эпоху начал формироваться зольник.

Интересен факт того, что на Пантикапее и Тиритаке в трассы оборонительных стен были включены каменные кладки домов, что было отмечено как сближающий их типологический признак и показатель поспешного возведения (Толстиков. 2003. С. 324). Выявленный участок стены Мирмекия был проложен таким образом, что стена не задевала предшествующие наземные постройки, незначительные остатки которых были выявлены вблизи её внешнего фаса. Возможно, разрушения были тут более значительны, в силу чего уцелевшие остатки строений оказались непригодными для включения в кладку и полностью выбраны для её сооружения. На Парфении постройки, предшествующие или современные стене, пока не зафиксированы.

Такие сходства конструктивных особенностей ранних оборонительных стен Пантикапее и Тиритаки с одной стороны и Мирмекия и Парфения с другой, вероятно, могут объясняться какими-то особенностями рельефа, степенью застройки городища или масштабами его разрушения, поспешностью возведения самих стен или нехваткой стройматериалов.

Восполнить пробелы в истории событий одного из наименее изученных периодов существования боспорских городов поможет, вероятно, только продолжение их планомерного археологического исследования.

Литература

- М. Ю. Вахтина.* Об оборонительных системах Порфмия // Древности Боспора. М., 2012. Т. 16.
- М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов.* Ещё раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 1.
- Ю. А. Виноградов, С. Р. Тохтасьев.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1.
- В. Ф. Гайдужевич.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. М., 1952. № 25.
- П. Г. Столяренко.* О раннем этапе урбанизации античного Парфения // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. – (Боспорские чтения XIII).
- В. П. Толстиков.* К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3.

В. П. Толстиков, Д. В. Журавлёв, Г. А. Ломтадзе. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V веков до н.э. // Древности Боспора. М., 2003. Т. 6.

В. Н. Зинько

Актуальные вопросы ранней истории Тиритаки

Археологические исследования, проведённые В. Ф. Гайдукевичем в 30–50 гг. прошлого века в Тиритаке, дали определённые материалы о ранней истории этого города. Сведения о нескольких домах и позднеархаической крепостной стене города стали хрестоматийными и без должного анализа до сих пор используются исследователями при моделировании позднеархаической истории Боспора. Хотя в свое время В. Ф. Гайдукевич справедливо отмечал, «что тот материал, который имеется в наличии и относится к доримскому времени, всё же ещё недостаточен для того, чтобы можно было уже набросать, хотя бы в самых общих чертах, картину устройства города и главных особенностей последнего в его хозяйственной и культурной жизни. Слишком капитально была перестроена Тиритака в первые века н.э., когда она заняла на Боспоре одно из первых мест как крупнейший пункт рыбного промысла» (Гайдукевич. 1952. С. 132). Однако, как ни фрагментарны строительные остатки, представленные в самом нижнем культурном слое, всё же они позволили В. Ф. Гайдукевичу «установить, что уже на рубеже VI–V вв. до н.э. восточный край верхнего плато Тиритаки был застроен домами» (Гайдукевич. 1958. С. 179). А учитывая позднеархаические здания, открытые на западной окраине города, исследователь сделал смелое заключение о «широком заселении всего плато к концу VI – началу V в. до н.э.» (Гайдукевич. 1958. С. 179).

Основание эллинской апойкии Тиритака (Тиристака, Тириктака) на западном побережье Боспора Киммерийского датируется первыми исследователями временем «около середины VI в. до н.э.» (Книпович, Славин. 1941. С. 41; Гайдукевич. 1949. С. 30, 38; Гайдукевич. 1952. С. 131; Шмидт. 1952. С. 246–247; Gajdukevič. 1971. S. 35), или даже второй половиной этого столетия (Гайдукевич. 1940. С. 306; Гайдукевич. 1949. С. 172). Однако, в конце 80-х гг. XX в. в научной литературе появляется новая дата основания Тиритаки – вторая четверть VI в. до н.э. (Кошеленко, Кузнецов. 1990. С. 35), которая закрепилась в публикациях и стала наиболее употребляемой (Виноградов. 1995. С. 153–154; Завойкин. 2004. С. 59; Zin'ko. 2007. P. 827 и др.).

Особо следует отметить, что наиболее ранними постройками, исследованными при раскопках Тиритаки, длительное время являлись сырцово-каменные дома конца VI – начала V в. до н.э., (Книпович, Славин. 1941. С.41; Гайдукевич. 1949. С. 37–38; Гайдукевич. 1952. С. 88). Незначительные фрагменты стен таких построек были открыты в разных частях города, но лучше всего они сохранились лишь на западной окраине Тиритаки, на раскопе XIV. Здесь располагался ряд жилых зданий, ориентированных своими узкими, как предполагалось, сторонами по линии восток-запад. В. Ф. Гайдукевичем было исследовано две постройки, одна из которых состояла из трех помещений (Гайдукевич. 1952. С. 74–80. Рис. 85).

Суммируя результаты раскопок В. Ф. Гайдукевича, можно отметить, что основание Тиритаки им датировалось в пределах 550–540 гг. до н.э. Наиболее ранними постройками, которые начали возводить греческие колонисты, были сырцово-каменные дома, просуществовавшие до первых десятилетий V в. до н.э. и затем погибшие в пожаре. На рубеже VI–V вв. до н.э. эти каменные постройки были обнесены крепостной стеной, которая охватила нижнюю и верхнюю часть города. Однако была ли стена в северной части города и где она проходила, осталось невыясненным. Собственно это и всё, что было известно до недавнего времени о позднеархаической Тиритаке.

Проводимые Крымским отделением института востоковедения НАН Украины совместно с Центром археологических исследований Фонда «Деметра» с 2002 г. раскопки в центральной части верхнего плато Тиритаки (между участками XIV и XVII) на площади в 1025 м² (участок XXVI) открыли в 2007–2010 гг. постройки и археологические слои самых ранних этапов жизни древнего города. В последние годы позднеархаические слои исследуются в западной части городища – польско-украинский участок XXVII. Все это не только внесло коррективы в прежние датировки и представления о ранней истории Тиритаки, но позволило совершенно по-новому представить процесс основания и урбанизации этого боспорского города.

Наиболее ранние строительные комплексы, открытые мной в восточной части участка XXVI, представляли собой три частично заглублённые в материковый суглинок небольшие однокамерные постройки, вытянутые в линию вдоль восточного края верхнего плато. Судя по найденному здесь керамическому материалу, основание апойкии теперь можно относить ко времени не позднее 565–560 гг. до н.э., а выделенный новый, ранее неизвестный, I этап застройки поселения в виде непритязательных жилищ датировать второй третью VI в. до н.э. Так, полуземлянка № 1 имела овальную форму и была вытянута с севера на юг на 3,12 м, а с востока на запад на 2,55 м, при глубине врезанного в материк котлована около 0,86 м. В

северо-западном углу полуземлянки находился вход. Здесь прослежен входной тамбур размерами в плане 1,10 x 0,52 м. Пол полуземлянки ровный, а в центральной части находилась круглое углубление диаметром около 1 м и вокруг которого – 5 небольших ямок. После того как отпала надобность в использовании, полуземлянка № 1 была единовременно засыпана рыхлым золистым слоем с включением небольших камней и сырца. На основании полученного материала не представляется возможным определить, было ли это сооружение жилым или хозяйственным. К западу от полуземлянки располагалось несколько хозяйственных ям. К югу от полуземлянки № 1 находилась землянка № 2, которая представляла собой округлое в плане сооружение, выкопанное в материковом суглинке, глубиной 1,69 м и вытянутое с ЮЗ на СВ на 3,25 м. Стенки котлована – вертикальные, а в ЮЗ борту находился небольшой входной тамбур с несколькими оплывшими ступенями. В центре пола землянки имелось небольшое углубление, вероятно, для опорного столба.

Далее к югу располагалась ещё одна заглубленная постройка – полуземлянка № 3, которая имела прямоугольную форму с закругленными углами. Она была вытянута с ССЗ на ЮЮВ на 4,33 м, а с востока на запад – на 2,40 м. Глубина врезанного в материк котлована – 0,68–0,73 м. В северо-западном углу полуземлянки находился вход, где прослежен овальный входной тамбур шириной 0,92 м, состоящий из двух дугообразных ступенек.

Около 530 г. до н.э. заглублённые постройки в центральной части верхнего плато единовременно засыпаются и перекрываются домами. Начинается новый II этап – строительство сырцово-каменных наземных построек. В центральной части города (раскоп XXVI) в настоящее время исследованы остатки не менее 5–6 больших сырцово-каменных домов, состоящих из нескольких помещений и внутреннего двора. От некоторых построек (СК-XXXV, СК-XXXVI, СК-XXXVII) сохранились лишь незначительная часть помещений и отдельных стен, другие, несмотря на значительные утраты, могут быть реконструированы. Так в восточной части раскопа расположен большой дом (СК-XXXIV), внешние размеры которого в направлении СВ–ЮЗ достигают не менее 10,40 м, а в направлении СЗ–ЮВ – не менее 15,70 м. Можно предположить, что он имел прямоугольную форму.

Исследована лишь южная часть комплекса (северная его часть находится за пределами раскопа). Внутреннюю планировку дома полностью реконструировать не удалось, но можно выделить три помещения и хозяйственный двор.

Рис. 1. Тиритака. Слои пожаров с внешней стороны западной крепостной стены

Ещё один дом (СК-XXXIII) расположен в центральной части раскопа. Внешние его размеры в направлении СВ–ЮЗ достигают не менее 12,70 м, а в направлении СЗ–ЮВ – не менее 12,90 м. В плане дом имеет форму неправильного прямоугольника. Городские усадьбы возводились вплотную друг к другу и, вероятно, образовывали небольшие кварталы. В планировочном отношении среди них выделяются дома типичной схемы с двух- и трёхсторонним расположением крытых помещений вокруг внутреннего двора. Закладываются основные градостроительные оси города, которые будут в дальнейшем соблюдаться вплоть до ранневизантийского времени. Площадь города уже к концу VI в. до н.э. составляла не менее 5 га. Причём особо следует отметить, что часть ранних построек на западной окраине города, как это показали раскопки 2009–2010 гг. на участке XXVII, оказалась за пределами первой крепостной стены, сооружение которой на основании исследований последних лет следует датировать не позднее чем концом VI в. до н.э. К тому же до сих пор не установлено, где проходила в это время северная граница города. Мои раскопки у северной крепостной стены (участок XXVIII–

XXIX), показали, что эта линия обороны возводится не ранее III–II вв. до н.э., и слоев с постройками позднеархаического времени здесь не выявлено.

В застройке города II этапа (последняя треть VI – первая четверть V в. до н.э.) выделяется две значительные фазы II-A, II-B, которые завершаются какими-то военными столкновениями (находки предметов вооружения) и пожарами. Так в конце VI в. до н.э. на всей исследованной площади центральной и западной части верхнего города отмечается пожар, после которого возводится крепостная стена. Она перекрывает часть построек на западной окраине, отдельные помещения которых продолжают функционировать и включаются в систему обороны. После пожара определенной реконструкции подвергается ряд помещений и дворов ранних городских усадеб. В конце первой четверти V в. до н.э. происходит новый военный конфликт, разрушения и пожар. Стратиграфически эти слои пожаров и разрушений особенно хорошо прослеживаются с внешней стороны западной крепостной стены (Рис. 1). В результате последнего набега все стены домов в прилегающих к западной крепостной стене кварталах Тиритаки были просто утыканы бронзовыми наконечниками стрел. С этими событиями связывается ритуальное жертвоприношение, совершённое во дворе дома со святилищем у западной крепостной стены Тиритаки. Здесь в 2012 г. в яме были найдены остовы четырёх низкорослых степных коней, а также три разбитые чернолаковые аттические чаши первой трети V в. до н.э. Судя по совершённому жертвоприношению, набег кочевников был отбит, хотя город, вероятно, существенно пострадал.

На основании археологических исследований последнего десятилетия Тиритака предстаёт как значительный ранний городской центр европейского Боспора, основанный не позднее 565–560 гг. до н.э. На I этапе застройки, который датируется второй четвертью VI в. до н.э., возводились небольшие углубленные однокамерные постройки, вероятно, временного характера. Для II этапа (последняя треть VI – первая четверть V в. до н.э.) характерны уже сырцово-каменные дома площадью 160–170 м². Закладываются основные градостроительные оси города. После какого-то военного столкновения и пожара в конце VI в. до н.э. город был укреплен крепостными стенами, охватившими кварталы с сырцово-каменными домами на площади не менее 5 га. Новому нападению город подвергся в конце первой четверти V вв. до н.э. Скифы были отбиты, но для реконструкции дальнейшей жизни Тиритаки во второй половине V в. до н.э. пока не имеется ни одного археологического комплекса.

И. А. Тульпе

Некрополь – поле реконструкции мировоззренческих констант

Археология, занимающаяся прошлым, востребована современностью как один из источников самопознания культуры. Многолетние раскопки некрополей Илурата и Китея убеждают в особом значении некрополя для реконструкции мировоззренческих констант традиционного общества.

Насколько необходимы усилия археологии в культурах, где миропонимание древних предстает в философских текстах, например, для «века Платона» – времени «всепоглощающего» рационализма, где современный человек чувствует себя своим (Mithen, Spivey. 2002. P. 733)? Если же не забывать, что наряду с аполлонической рациональностью была и дионисийская иррациональность и что греки были не так уж привержены первой (Доддс. 2000), то неизбежен вопрос: что из «греческого ума» раскрывается в археологических памятниках? Исследования «в поле» подводят к мысли о том, что поведение греков в святилищах демонстрирует то, что хочется назвать «прелогическим мышлением» или «примитивной ментальностью» (Mithen, Spivey. 2002. P. 736), что ментальное оснащение человека верхнего палеолита в основе — то же, что у жителя классических Афин, и не надо быть структуралистом, чтобы соглашаться с существованием «когнитивных универсалий». (Mithen, Spivey. 2002. P. 747.)

Предполагая, что для древних смерть не была ещё экзистенциальной проблемой, следует понимать, что действия, разворачивавшиеся на некрополе, восходят к предельным основам существования. То есть, обряды, связанные со смертью, не допускают ничего случайного, и поэтому любой артефакт, преднамеренное использование которого не вызывает сомнения, должен рассматриваться как необходимый элемент системы. Остается определить, какова система и как выявить мировоззренческие паттерны, заключенные как в «сакральных», так и в «профаных» объектах – материальных носителях представлений, которые реализовывались в погребально-поминальных практиках. Таким образом, речь пойдёт не о реконструкции и описании локального погребального обряда как системы, состоящей из некоторого количества предписанных традицией действий, а о том, что происходящее на некрополе дает репрезентативное выражение способа мировосприятия древних и его содержания.

Говоря о значимости любого элемента погребального комплекса, можно предполагать, что он несет часть информации и/или воплощает её содержание целиком. Это может быть семантический анализ погребального сооружения вообще или его конкретных типов (грунтовые и вырубные могилы, «каменные ящики», склепы и катакомбы). Предметом мировоззренческо-религиозной интерпретации нередко является и положение погребённого тела (особенно в случае скорченной позы, а не самой распространённой – вытянутой на спине), если костяк сохранился в анатомическом порядке. Хотя единственно достоверным может быть суждение о преднамеренности позы. Между тем, действия с человеческими останками, отмеченные на некрополях, позволяют выделить важнейшую черту, отделяющую современность от древности.

Круг объектов, попадающих в разряд погребально-поминального инвентаря, практически неизменен в течение веков. Это касается не только предметов обихода, орудий труда, оружия, монет, украшений, то есть того, что перемещается на некрополь из хозяйственно-производственной, военной, бытовой сфер, но и таких изымаемых из природы экофактов, как раковины морских моллюсков, галька, костные остатки домашних и диких животных и т.п. Эта устойчивость, практически независимая от этнических различий и вариантов социального устройства, делает вещную составляющую незаменимым предметом исследования мировоззрения. Проблема извлечения из неё непротиворечивого содержания требует уточнения задач и подходов: анализ рядов однородных объектов, взаимосвязанный рассмотрением их в комплексах, главным образом, поминальных. В результате прояснилось следующее.

Прижизненные функции утилитарных предметов, включенных в погребально-поминальный обряд, делают их медиаторами между земным и хтоническим мирами: например, жернов «умерщвлял» зерно, чтобы дать жизнь хлебу (а смерть продукта даёт жизнь съевшему), его вторичное использование в качестве алтаря-жертвенника имело ту же цель – смерть ради жизни; кухонная посуда (превращение «сырого» в «вареное», вещества природы в продукт) и тарелка/миска (смертный одр продукта), амфора (вместилище и перевозчик/медиатор) и т.п. Фаллы от глиняных ритуальных терракот, зерна (универсальный символ возрождения), яичная скорлупа и эмбрионы (в том числе и человека), наконец, открытая палеозоологами закономерность – принесение в жертву старой и молодой особей одного вида одновременно (Хршановский. 2000. С. 250). Клешни крабов, угольки, кремни и гранитные сколы, морские раковины (особенно неожиданные на степном некрополе) и прочие природные объекты дополняют инвентарную опись звеньев-«переходников» в непрекращающемся жизнедающем цикле смертей и (воз)рождений.

Таким образом, наблюдается синонимичность объектов, принадлежащих различным рядам природного и искусственного, их взаимозаменяемость, всеобщая связь «всего со всем», одноприродность всего, что составляет модель мира. Этим объясняется отсутствие «образцового» репертуара инвентаря.

Непосредственная задача погребально-поминального обряда – обеспечение перехода умершего из одного мира в другой. Правильность же этого перехода имела целью не загробную участь конкретного умершего, а восстановление нарушенного его смертью миропорядка. То есть погребально-поминальные практики, восстанавливающие непрерывность жизненного цикла, направлены на самосохранение архаического сообщества. Гораздо очевиднее «пренебрежительное» отношение социума к человеку некрополь фиксирует, поставив его в один ряд с животными и предметами. Особое значение для реконструкции содержания архаического сознания имеет анализ способов обращения с умершими детьми, прежде всего младенческого возраста. Полифункциональность останков детей на некрополе подтверждается обнаружением их в могилах в качестве вспомогательного элемента обряда. Человеческие останки в тризне дают дополнительный повод к размышлениям об особенностях антропологических представлений традиционного общества.

Человек здесь предстает одним из инструментов и способов, посредством которых происходит самоорганизация мироздания. Для того чтобы он стал хорошим инструментом и эффективным способом действия, новорожденный (вещество природы) в процессе «ритуального оформления», т.е. воспитания, социализации и т.д. наделяется конкретной социокультурной формой и тем вводится в миропорядок, занимает место, определенное ему Космосом, сообразно исполняемой им функции. Человеческий индивид приобретает жизненное содержание как элемент (узел) действующего механизма мифоритуальной модели мира. В этой вне-индивидуальности человек однороден вещи: материал, способ изготовления, форма, украшение – есть ритуальное наделение вещи определенными свойствами и функциями в миропорядке. Мифоритуальное мышление, создавшее соответствующую модель мира, это своего рода операционная система с «корневым каталогом», классификатор, действующий на основе непрерывающихся дуальных операций. Человек не просто расщепляет действительность и её фрагменты, но и связывает элементы разной степени общности в каждой из образовавшихся «рубрик». Это бессознательно усвоенный механизм общения с миром, механизм, который вводится в сознание социумом не только специальными процедурами передачи традиции, но и всем своим способом существования, в том числе и в обрядах, проводившихся на некрополе.

Направление и цель ритуальных действий обусловлены космологическими представлениями. Они могут отличаться в деталях, но по существу однотипны: мир происходит, оформляется, рождается из неисчерпаемого, бесструктурного Хаоса, который включен в миропорядок (Космос) и взаимодействует с ним. Процесс непрерывающегося воссоздания миропорядком самого себя и есть цель. Космизация хаотического, лежащая в основании всей структуры, характеризует и её подсистемы. Таким образом, и мироздание, и каждая его составляющая, включая человека, богов и отдельные вещи, имеют общую природу, происхождение и способ функционирования. В различных «обрядовых» и «бытовых» ситуациях, маркирующих различные временные точки в цикле смерть – возрождение/жизнь, каждый предмет, поскольку содержит в себе фундаментальные свойства мира, «живя» или подвергаясь разрушению, выражает «фрагмент» и/или эпизод космогонии. Эта взаимосвязанность и взаимообусловленность элементов (самый простой из них есть изоморфная миру часть и его действующая модель) и систем, предстающих как элемент систем более сложного уровня, объясняет ритуальную заботу о правильности функционирования всего, что составляет мир: нарушение в одном чревато резонансным разрушением целого. Все единичности соотносимы с целым и через целое, и в этом смысле – однородны. Отсюда и мифоритуальная¹⁸ тождественность совершенно несходных внешне предметов, их отмеченная в связи с погребально-поминальным обрядом синонимичность. Отсюда и идентичность объекта и образа, которая определялась тем, что и то и другое были равнобытийными планами выражения общего содержания мифоритуальной модели мира. Этим объясняется, в частности, тождественность божества и его изображения.

В ряде комплексов некрополей Илурата и Китея было открыто некоторое количество, главным образом, фрагментированных, изображений (на разных носителях) божеств. То есть боги находились на некрополе в ряду с другими природными и рукотворными объектами, составляющими погребально-поминальный инвентарь. Некрополь едва ли можно рассматривать как значимый источник для реконструкции древних пантеонов. Но контекст, в котором у «городе мертвых» использовались изображения богов, и сам способ их использования позволяет ставить весьма интересные вопросы. В том числе касающиеся согласованности политеистических верований, универсальных для древнего мира, с его мировоззренческими константами. Различные формы общения человека и божества хотя и

¹⁸ Всякая деятельность – освоение вещества природы в охоте, скотоводстве, земледелии, ремесле – имеет космологические основания, что обуславливает её ритуальный характер. Поэтому архаическую модель мира как само-организующуюся систему, структуру-процесс корректнее называть мифо-ритуальной.

определялись конкретными ситуациями, были частью общей программы мироупорядочения, а сама его возможность определялась их бытийной (онтологической) общностью как частей и действующих моделей мира. Эффективность культовых (воз)действий обусловлена правильностью исполнения конкретного ритуала в конкретной ситуации (не только набор действий, но и место, время, участники, исполнители, инвентарь). Если все сделано правильно, то адресат-божество не может не действовать «как надо», требующийся результат не зависит от его милости, а происходит неотвратимо.

Ключом к проблеме погребально-поминального комплекса служит «только известный характер мышления, характер восприятия окружающей действительности, характер репродукции мира в обрядово-словесном действии...» (Фрейденберг. 1997. С. 172), который отличается от современного мировидения. Суть этих отличий особенно видна на некрополе. Нетрудно заметить, что мифоритуальная модель мира принципиально отличается от картины мироздания, которой оперирует современный человек. Что, вероятно, обусловлено различием типов мышления, что было замечено и описано, но не объяснено достаточно убедительно ещё Л. Леви-Брюлем (Леви-Брюль. 1999).

Литература

- Э. Р. Доддс. Греки и иррациональное. СПб., 2000.
- Л. Леви-Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.
- О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- В. А. Христановский. Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности Европейского Боспора II в. до н. э. – IV в. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея) // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М., 2000.
- St. Mithen, N. Spivey. Cognition. Thought, ideas and belief // Companion Encyclopedia of Archaeology / Ed. by Graeme Barker. London; New York, 2002. Vol. 1.

Я. М. Паромов

Характерные черты погребального обряда раннеантичных могильников Таманского полуострова

Погребальные памятники Таманского полуострова всегда вызвали повышенный интерес. Большой заслугой советской археологии были раскопки в 1960-е годы двух грунтовых могильников этого региона – некрополя Тирамбы и некрополя Кеп. Первый опубликован самой исследовательницей – А. К. Коровиной (Коровина. 1968 а; Коровина. 1987). Во втором Н. П. Сорокиной было раскопано 426 погребений. Этот могильник не опубликован. Лишь самые общие сведения о нем приведены в нескольких статьях и заметках (Сорокина. 1961; 1962; 1963; 1966; 1967). Главная цель нашей работы – освещение характерных особенностей обряда ранних могильников Таманского полуострова, а первоочередная задача – сравнение некрополей Тирамбы и Кеп, и сопоставление их с синхронными меотскими могильниками у хутора им. Ленина и станицы Старокорсунской, исследованными и опубликованными Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко (Лимберис, Марченко. 2001).

Наиболее характерная черта рассматриваемых могильников – присутствие в них значительного числа мужских погребений с оружием, которые в VI–V вв. до н.э. составляли, вероятно, важные захоронения некрополей Таманского полуострова и Прикубанья. Перечислим погребения этой категории в упомянутых могильниках.

Некрополь Тирамбы (1–10): [1. Погр. № 53: перв. пол. V в. до н.э. (Коровина. 1966. С. 8; 1987. С. 14); 2. Погр. № 68: V в. до н.э. (Коровина. 1967. С. 2; 1987. С. 14, 15); 3. Погр. № 71: кон. VI – нач. V в. до н.э. (Коровина. 1967. С. 3; 1987. С. 15); 4. Погр. № 85: кон. V в. до н.э. (Коровина. 1967. С. 3, 4; 1987. С. 15); 5. Погр. № 95: кон. VI – нач. V в. до н.э. (Коровина. 1968. С. 8; 1987. С. 16); 6. Погр. № 120: перв. пол. V в. до н.э. (Коровина. 1968. С. 10; 1987. С. 17); 7. Погр. № 142: V в. до н.э. (Коровина. 1969. С. 1, 2; 1987. С. 17); 8. Погр. № 145: нач. V в. до н.э. (Коровина. 1969. С. 3; 1987. С. 19); 9. Погр. № 149: не позднее сер. V в. до н.э. (Коровина. 1970. С. 3, 4; 1987. С. 19, 20); 10. Погр. № 1/191: сер. V в. до н.э. (Паромов. 1989. С. 10–13; 2011. С. 299)].

Некрополь Кеп (11–18): [11. Погр. № 74: V в. до н.э. (Сокольский, Сорокина. 1961. С. 6); 12. Погр. № 76: V в. до н.э. (Сокольский, Сорокина. 1961. С. 30, 31); 13. Погр. № 124: не позд. V в. до н.э. (Сокольский, Сорокина. 1961. С. 41); 14. Погр. № 132: V в. до н.э. (Сокольский, Сорокина. 1961. С. 44); 15. Погр. № 140: перв. пол. V в. до

н.э. (Сокольский, Сорокина. 1961. С. 48, 49); 16. Погр. № 155: перв. пол. V в. до н.э. (Сокольский, Сорокина. 1962. С. 135, 136); 17. Погр. № 368: V в. до н.э. (Сокольский, Сорокина. 1966. С. 31, 32); 18. Погр. № 382: вт. пол. V в. до н.э. (Сокольский, Сорокина. 1966. С. 34)].

Некрополь у хутора им. Ленина (19–23): [19. Погр. № II. 20: V в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 35); 20. Погр. «Второе»: вт. пол. V в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 46, 47); 21. Погр. № I.2: V в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 37, 38); 22. Погр. № III. 14: V в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 42); 23. Погр. № II.3: вт. пол. V в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 40)].

Некрополь у станицы Старокорсунской (24–29): [24. Погр. № 85: перв. пол. VI в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 49, 50); 25. Погр. № 127: вт. – тр. четв. V в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 50, 51); 26. Погр. № 139: V в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 52, 53); 27. Погр. № 180: кон. V в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 56, 57); 28. Погр. № 234: вт. – тр. четв. V в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 58–60); 29. Погр. № 395: кон. VI – нач. V в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 67, 68)].

Подлинное значение погребений с оружием выявляется при их соотношении с другими захоронениями. В некрополе Тирамбы исследовано 21 погребение рассматриваемого времени (Коровина. 1987. С. 14–20; Паромов. 1989. С. 10–15). Половина из них (1–10 по приведённому списку) содержала оружие. Это свидетельствует о его обязательном помещении в могилы мужчин. В некрополе Кеп зафиксировано 60 погребений того же периода. 19 – захоронения младенцев в амфорах, девять – не поддавались интерпретации. Из 60 только 32 погребения могут участвовать в анализе. Восемь из них (11–18 по списку) являются мужскими погребениями с оружием. К той же категории, возможно, могут быть отнесены ещё две могилы (№ 135, 366). По определению Н. П. Сорокиной, мужскими (без оружия) являлись ещё четыре погребения (№ 40, 114, 170, 188). Таким образом, в раннем некрополе Кеп среди мужских погребений большую часть (восемь или десять из 14) составляли захоронения с оружием.

Близкая картина наблюдается в меотских могильниках. У хутора им. Ленина исследовано 26 погребений VI–V вв. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2001. С. 32–48. Табл. I). Исключив восемь разрушенных и две детские могилы, получим 16 захоронений. Пять из них (19–23 по списку) являлись мужскими погребениями с оружием. В остальных 11 могилах погребённые лежали в скорченной позе на боку: в восьми – на правом и в трёх – на левом. Если в могильниках у хутора им. Ленина мужские и женские погребения делились поровну, то восемь скорченных правобочных погребений были, скорее всего, женскими, а три, лежавшие на левом боку, –

мужскими. И здесь среди мужских захоронений почти две трети (пять из восьми) являлись погребениями с оружием.

В могильнике у станицы Старокорсунской выявлено 31 раннее погребение (Лимберис, Марченко. 2001. С. 48–78. Табл. II). Исключив 10 разрушенных и две детские могилы, получим 19 захоронений. Шесть из них являлись мужскими погребениями с оружием (24–29 по списку). В 13 могилах погребённые лежали по-разному. По тем же соображениям, которые были высказаны относительно могильников у хутора им. Ленина, мы можем предположить, что среди мужских захоронений фиксируется то же самое соотношение: две трети (шесть из десяти) являлись погребениями с оружием.

Остается предположить, что в VI–V вв. до н.э. на Таманском полуострове и в Прикубанье положение оружия в могилу мужчины было нормой погребального обряда, не являя ни следствием «особой воинственности населения», ни «исторической обстановки, требовавшей сплошного вооружения». Это явление отражало сложившиеся ранее традиции. Значение и престижность церемонии требовали включения в комплекс погребального инвентаря оружия, принадлежавшего покойному. Все погребённые с оружием лежали в вытянутой позе на спине. Среди инвентаря, помещавшегося в могилу, можно выделить несколько категорий находок, отвечавших определённым целям: 1) оружие; 2) вещи, связанные с оружием и бытом; 3) сосуды для воды, вина и других напитков, столовая посуда и сосуды для питья; 4) вещи, связанные с пищей и ритуалом; 5) редкие предметы вооружения и всадничества; 6) украшения и сосуды для умачения (рис. 1).

Оружие однородно во всех могильниках и включает железные мечи и наконечники копий, а также бронзовые и железные наконечники стрел, представленные в своде А. И. Мелюковой (Мелюкова. 1964). Среди мечей – акинаки, бронзовые наконечники стрел, аналогичные встречающимся в скифских курганах, аналогии железным наконечникам находятся преимущественно в меотских могильниках Прикубанья. Мечи лежали наискосок, на поясе погребенного, наконечники копий – преимущественно справа (гораздо реже – слева), у стенки могилы, колчаны со стрелами – у левого бедра.

Вторая категория включает железные ножи, бронзовые и железные ворворки, шила, иглы, острия.

могильник	№№ п/п	№№ погребений	меч копье стрелы	нож ворворка шило/иглы/острие	амфора/корчага миска/чаша кувшин/корчажка килик/скифос/кружка	кости дом. животных солонка/мал. чашечка вазочка на ножке	боевой топор псалии, удила оселок	лекиф/сос. финик. стекла браслет
Тирамба	1	53	x x					
	2	68	x x	x x	x x x	x		
	3	71	x	x x	x x x			
	4	85	x x 23	x x	x x		x	x
	5	95	x x	x	x x			
	6	120	5	x	x			
	7	142	x		x			
	8	145	x	x				
	9	149	x	2	x 4	x	x x x	x
	10	1/191	x x	x 2	x	x	x	x
Келы	11	74	x x	x x x	x x x			x
	12	76	x x					
	13	124	x		x x			
	14	132	x		x x			
	15	140	x 6	x	x x x	2		x
	16	155	x	2	x x x x			
	17	368	x x 32	2	x			
	18	382	x		x			
хут. Ленина	19	П.20	x		x			
	20	Второе	x 2 4	x	x 3 2 2	x		2
	21	I.2	x x		2 x x	x x		
	22	III.14	x x	x	x x x	x		x
	23	П.3	x x	x	x x			
Старокорсунская	24	85	x		x x x			
	25	127	2 2 6	2	x x x		x	
	26	139	3 35		x x x x			
	27	180	x	2	x x 2			
	28	234	x 6	x x	x x 3 x		x	
	29	395	x x 4	x x	x 2 x x	x	x	x

Рис. 1. Инвентарь погребений с оружием

Третью категорию составляют наиболее многочисленные находки – фрагменты и целые формы глиняной посуды. В могильниках Таманского полуострова в рассматриваемое время присутствует значительное количество остродонных греческих амфор, импортной чернолаковой и расписной керамики. Однако и в Прикубанье, и на Тамани сосуды, поставленные в могилы, служили одним и тем же целям – для хранения воды, вина и других напитков, для трапезы и питья. В обряде погребения одни и те же функции выполняли амфоры и корчаги, ойнохои/кувшины и корчажки, килики/скифосы и кружки. В некрополях Кел и Тирамбы импорт не мог полностью вытеснить местные традиции.

В четвёртую категорию вошли находки, связанные с различными сторонами погребального обряда, в первую очередь – остатки заупокойной пищи. Они зафиксированы лишь в тех случаях, когда в могиле были найдены кости домашних животных. Однако, по мнению И. С. Каменецкого (Каменецкий. 1989. С. 236), Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко (Лимберис, Марченко. 2001. С. 48), этот обычай был распространён значительно шире. Редко встречаемые солонки и лепные чашечки использовались, скорее всего, как в быту, так и в культовых целях (иногда их заменяли отбитые поддоны импортных чернолаковых сосудов с обточенными сколами). Столь же редкими были лепные вазочки на ножке, принесённые в могилы из домашних жертвенников, сохранявших местные культовые традиции (Зайцева. 1997. С. 52).

Среди редких предметов вооружения и всадничества уникальной находкой следует признать железный боевой топор из некрополя Тирамбы. На территории Таманского полуострова единственной аналогией ему служит топор из погребения первой половины V в. до н.э., раскопанного в 1956 г. в могильнике Гермонассы (Сорокина. 1961. С. 49, 50). Эти находки тонкими, но прочными нитями связывают оба некрополя с Келермесским грунтовым могильником раннемеотского времени, в котором были захоронены «воины-всадники», вооружённые железными боевыми топорами (Галанина. 1989. С. 81, 82). Украшения в виде бронзовых и железных браслетов найдены только в могильниках у хутора им. Ленина и станицы Старокорсунской, а сосуды для умащения (чернофигурные лекифы и алабастры из финикийского стекла) – только в некрополях Тирамбы и Кеп, что подчёркивает появление на Таманском полуострове традиций, пришедших сюда вместе с греческой колонизацией.

Здесь мы лишь коснулись характерных черт погребального обряда раннеантичных могильников Таманского полуострова. Более углубленное исследование их требует подробного рассмотрения и анализа каждого погребения. Однако даже самое общее сравнение могильников по их лидирующей группе – погребениям с оружием наглядно показывает близкое родство некрополей Тирамбы и Кеп, а также их родство с меотскими могильниками Прикубанья.

Литература

- Л. К. Галанина.* Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.
- К. И. Зайцева.* Культовые чаши V–I вв. до н.э. из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1997. Т. XXVIII.

- И. С. Каменецкий.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1989.
- А. К. Коровина.* Отчёт о раскопках городища и некрополя древней Тирамбы в 1966 г. // Архив ИА РАН: Р-1. № 3247.
- А. К. Коровина.* Отчёт о раскопках некрополя Тирамбы в 1967 г. // Архив ИА РАН: Р-1. № 3569.
- А. К. Коровина.* Отчёт о раскопках некрополя Тирамбы в 1968 г. // Архив ИА РАН: Р-1. № 3762.
- А. К. Коровина.* Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // СГМИИ. 1968 а. Вып. IV.
- А. К. Коровина.* Отчёт о раскопках некрополя Тирамбы в 1969 г. // Архив ИА РАН: Р-1. № 3911.
- А. К. Коровина.* Отчёт о раскопках некрополя древней Тирамбы в 1970 г. // Архив ИА РАН: Р-1. № 4309.
- А. К. Коровина.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. 1987. Вып. VIII.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Погребения VI–V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // МИАК. 2001. Вып. 1.
- А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов. М., 1964. – (САИ. Вып. Д1–4).
- Я. М. Паромов.* Отчёт Разведочного отряда Таманской экспедиции ИА АН СССР о работах в Темрюкском районе Краснодарского края в 1989 г. // Архив ИА РАН: Р-1. № 30730.
- Я. М. Паромов.* Ранние погребения с оружием в могильниках Таманского полуострова // БФ. 2011.
- Н. И. Сокольский, Н. П. Сорокина.* Отчёт об археологических работах Таманской экспедиции. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // Архив ИА РАН: Р-1. № 2291.
- Н. И. Сокольский, Н. П. Сорокина.* Отчёт о работах Таманской археологической экспедиции. Раскопки грунтового некрополя Кеп в 1962 г. // Архив ИА РАН: Р-1. № 2524.
- Н. И. Сокольский, Н. П. Сорокина.* Отчёт о работах Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1966 г. Кепы. Грунтовый некрополь // Архив ИА РАН: Р-1. № 3262.
- Н. П. Сорокина.* Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. // КСИА. 1961. Вып. 83.
- Н. П. Сорокина.* Раскопки некрополя Кеп в 1959–1960 гг. // КСИА. 1962. Вып. 91.
- Н. П. Сорокина.* Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95.
- Н. П. Сорокина.* Раскопки некрополя Кеп в 1964–1965 г. // Пленум Института археологии 1966 г. Секция «Античная археология». Тез. докл. М., 1966.
- Н. П. Сорокина.* Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109.

В. А. Горончаровский

Престижные предметы из погребальных комплексов синдской аристократии¹⁹

К погребальным комплексам синдской аристократии, помимо знаменитых Семибратних курганов (СК) середины V – начала IV в. до н.э., можно отнести сходные с ними по конструкции и сопровождающему инвентарю синхронные варварские захоронения на территории азиатского Боспора. Для них характерны большие сырцовые склепы с деревянным перекрытием, захоронения лошадей и определённый набор погребального инвентаря, в котором обязательно присутствует оружие, а предметы в зверином стиле, как правило, сочетаются с художественной продукцией эллинских мастеров. Эти комплексы в полной мере отражают процесс нарастающей социальной дифференциации синдского общества в ходе развития греко-варварских отношений на восточном пограничье Боспорского государства, завершившегося включением Синдики в его состав. Представляется интересной попытка проследить отражение этого процесса в археологическом материале, демонстрирующем его косвенное проявление, выразившееся в присутствии в погребальном инвентаре определённого круга престижных предметов, наглядно указывающих на принадлежность конкретных индивидов к властным структурам, находящимся в данном случае на пороге государственности. Этот этап в современной зарубежной и отечественной этнологической литературе оценивается как период существования кланового общества или вожества. Само это понятие предполагает сочетание власти успешного военного вождя и его окружения с наглядной демонстрацией их богатств.

Основным источником материального благополучия синдской знати, очевидно, были посредническая торговля и периодическое поднесение даров, своего рода дани, зависимыми от синдов племенами Прикубанья (торетами, дандариями и псессами?) и греческими полисами азиатского Боспора. В число последних, надо полагать, входили, прежде всего, те, возле которых, начиная с середины V в. до н.э. появляются курганы варварской знати. Таким своеобразным маркером оказались отмечены упоминающиеся в области синдов (Ps.-Scyl. 72) Фанагория и Кепы, а также Лабрис (Семибратнее горо-

¹⁹ Работа выполнена в рамках проекта «Элита Боспора Киммерийского. Традиции и инновации в аристократической культуре» Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государства в мировой истории».

дище). Упомянутая дата – середина V в. до н.э., скорее всего, не случайна, так как окончательная ликвидация скифской опасности для Боспора (Толстиков. 1984. С. 44)²⁰, и соответственно для синдов, неизбежно должна была способствовать формированию на азиатской стороне пролива новой системы греко-варварских взаимодействий.

Как самый ранний из интересующих нас синдских погребальных комплексов можно рассматривать курган 6, раскопанный К. Р. Бегичевым под Фанагорией в 1852 г. (ФК 6)²¹. Высота насыпи, которая достигала 13,9 м, позволяет с полным правом отнести его к категории «царских». Там был обнаружен расположенный над материком сырцовый склеп с провалившимся деревянным перекрытием. Размеры его невелики: 3,6 x 3,2 м = 11,5 м² при высоте 1,8 м, да и сопровождающий инвентарь достаточно скромный. На дне склепа находились два плохо сохранившихся костяка в простых деревянных саркофагах. Один из них, с бронзовыми скобами и ножками, принадлежал мужчине, облаченному в железный панцирь. Слева от него находились обломки меча, копий и множество стрел с бронзовыми и железными наконечниками. Другой саркофаг содержал остатки женского костяка, возле которого были найдены штампованные золотые бляшки с изображениями розеток, летящей птицы, овода, сфинкса и лежащего оленя (ДБК. Табл. XXII, 12, 13, 17, 18, 20, 21), удлинённые подвески и шарики с петельками. Часть их (птица, сфинкс) полностью аналогична бляшкам из нимфейского кургана 24, относящегося ко времени около середины V в. до н.э. (Силантьева. 1959. С. 71. Рис. 38, 16, 18). Отметим также пару массивных спиралевидных подвесок с пирамидками из зерни на концах, которые считаются изделиями боспорских мастерских и по классификации П. Ф. Силантьевой связаны с вариантом II а, датирующимся третьей четвертью V в. до н.э. (Силантьева. 1976. С. 125–126. Рис. 3 а). В правом углу склепа и у входа стояли по две амфоры, в каждой из которых «найден по золотой подвеске в виде продолговатых остроконечных шариков». В первом случае возле амфор обнаружено несколько бронзовых наконечников стрел и наконечник копья. Рядом оказалась конская могила из сырцового кирпича площадью около 6 м² с четырьмя скелетами лошадей и бронзовыми уздечными наборами.

²⁰ О регулярных скифских походах в Синдику (или перекочёвках, связанных с внеэкономической эксплуатацией племён Прикубанья) (Виноградов. 2005. С. 224 и сл.), в рассказе Геродота говорится в настоящем времени (Hdt. IV. 28), что делает их вполне вероятными вплоть до середины V в. до н.э. (Молев. 1997. С. 27).

²¹ Данные о раскопках ФК 6 из дневника К. Р. Бегичева были любезно предоставлены м.н.с. СПб филиала Архива РАН Е. Г. Застрожной.

Появление около середины V в. до н.э. в окрестностях столицы азиатского Боспора огромного погребального комплекса, который К. Р. Бегичев в своём дневнике назвал самым большим «из всех видимых на берегах Босфорского залива» (НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 2), конечно, не вызывает удивления. Фанагория, несомненно, имела интенсивные контакты с синдами уже на раннем этапе существования созданного ими «царства». Несколько позднее близ Лабриса начинает формироваться Семибратний курганный некрополь, связанный с представителями правящей династии синдов. Среди СК выделяются 3 хронологические группы, условно датированные в пределах нескольких десятилетий:

1 группа (450–430 гг. до н.э.) (СК 2 и 4) – захоронения, ориентированные на восток или с небольшими отклонениями от этого направления, совершались в возведённых над материком сырцовых склепах, в специальных отделениях, отгороженных стенкой из сырцовых кирпичей или досок. В пределах склепа или отдельно присутствуют захоронения лошадей, число которых может достигать тринадцати.

2 группа (430–400 гг. до н.э.) (СК 5 и 6) – для погребений, ориентированных на восток или северо-восток, использовались каменные гробницы в углу сырцового склепа над материком или в материке. Количество захороненных лошадей сокращается.

3 группа (400–370 гг. до н.э.) (СК 7, 3, 1)²² – погребения, ориентированные на восток или юго-восток, связаны с отдельными впущенными в материк каменными гробницами вытянутой формы; сырцовые склепы с немногочисленными конскими костяками располагаются по соседству.

Таблица 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
ФК 6	13,9 м	1/3/-/«множество стрел»/1/-	>6	1	-	-	-	-	-
СК2	6 м	1/3/1/347/1-	ок. 300	3	3	1	-	4	-
СК4	12,8 м	-/-/-/-/1/1	-	-	2	3	1	5	1
СК6	11,4 м	1/1/1/«колчаный набор»/1/-	114	1	3	-	3	5	2

1 – № кургана; 2 – высота кургана; 3 – оружие (мечи, копья, дротики, стрелы, панцири, кнемиды); 4 – золотые бляшки; 5 – шейные украшения; 6 – серебряные сосуды; 7 – рога для вина; 8 – браслеты, перстни; 9 – художественная бронза; 10 – художественные ткани

²² Данная последовательность обусловлена относительной хронологией этих комплексов. Более подробно см.: Горончаровский. 2011. С. 115 сл.

Из этих комплексов наибольший интерес для анализа круга предметов, престижных для синдской аристократии, представляют СК 2 и 4 из группы 1 и СК 6 из группы 2, поскольку остальные курганы были ограблены почти полностью. Если свести в одну таблицу данные по интересующим нас показателям, включив сюда ФК 6 1852 г., получится следующая картина (Табл. 1).

Становится очевидным, что первая декада второй половины V в. до н.э. действительно стала переломной для синдских вождей по причине значительно расширившихся возможностей в сфере получения ими даров и различных ценностей. ФК 6 был возведен в тот период, когда только начинала складываться система, обеспечивавшая синдскую элиту престижными товарами. Собственно, за исключением оружия, явно изготовленных на заказ двух золотых подвесок с пирамидальными концами, деталей золотого ожерелья и нескольких нашивных бляшек, они здесь практически отсутствуют. Да и то, немногочисленное золото относится к совместному с основным женскому погребению. В данном случае высший социальный ранг подчеркивался не помещенным в могилу богатством, а количеством труда, затраченного на сооружение кургана для увековечения памяти умершего. Самый ранний из Семибратних – СК 2²³ демонстрирует уже совершенно другой уровень благосостояния. Некоторые пластинки чешуйчатого панциря плакированы золотом. С остатками горита связана большая серебряная с позолотой пластина, на которой имеется двухъярусное изображение оленихи с оленёнком и орла, несущего в когтях зайца. Золотыми бляшками расшит целый полог, а возможно, и одежда погребённого, шею которого украшают такие золотые изделия, как массивная гривна, несколько витков пронизей и ожерелье. В состав погребального инвентаря включаются вещи, связанные с пиршественной тематикой: первоклассные серебряные сосуды (килик с изображением Беллерофонта и фиал с головками силенов), серебряный рог с наконечником в виде головы льва и набор бронзовой посуды (таз, два киафа, ситечко).

В частично ограбленном СК 4 был найден не только панцирь, украшенный бронзовой пластиной с головой горгоны Медузы, но и пластинчатые поножи. Здесь же присутствуют ахеменидский серебряный ритон с наконечником в виде протомы крылатого козла и два рога для питья вина с деталями из золота. В числе художественных изделий из бронзы, помимо посуды, оказывается канделябр этрусского производства. В этом комплексе можно отметить также появ-

²³ Наличие в склепе СК 2 таких чернолаковых сосудов, как глубокий аск (ок. 450 г. до н.э.) и чашка с вогнутыми стенками (450–430 гг. до н.э.) (Sparkes, Talcott. 1970. P. 294, 318. Fig. 8, 817. Pl. 39, 1168), свидетельствует о том, что он вряд ли был сооружен намного позднее середины V в. до н.э.

ление такого наручного украшения, как плетёный проволочный браслет с головками змей, и шерстяной узорчатой ткани.

Своеобразной иллюстрацией дальнейшего развития процесса обогащения синдской элиты является СК 6 конца V в. до н.э. Меняется привычная конструкция погребального сооружения: в угол сырцового склепа теперь встраивается гробница из известняковых плит ($2,3 \times 1,5$ м), куда помещен деревянный резной саркофаг с крышкой, обитой покрывалом из тонкой шерстяной ткани с трёхцветной росписью. Другой кусок шерстяной ткани с изображением уток и голов оленей прикрывал ноги покойника, одежду которого украшали многочисленные нашивные бляшки. Происходят некоторые изменения в составе престижных предметов погребального инвентаря. Из их числа выпадают рога для питья вина, тогда как оружие, серебряные сосуды греческой работы и художественная бронза по-прежнему сохраняют свой статус. Безусловным новшеством является ношение золотых перстней. На костях пальцев рук погребенного их было три: один с гладким горизонтальным щитком, другой – с изображением барса, терзающего оленя, третий – вращающийся на продольной оси халцедоновый перстень-печатка с резным изображением свиньи. Обращает на себя внимание и находка в склепе трёх выполненных из слоновой кости пластин от шкатулок средиземноморского происхождения с изображениями на мифологические сюжеты и орнаментальными мотивами, а также точёных ножек типичной греческой клине.

О сохранении тех же тенденций в начале IV в. до н.э., когда охваченная затяжными военными действиями Синдика переживает далеко не лучшие времена, в какой-то мере можно судить по основательно ограбленному СК 3. На дне впущенной в материк каменной гробницы там сохранились рукоятка меча в виде головы орлиноголового грифона, отделанная золотом и серебром, и наконечник копья. Среди находок присутствовали также обломки нижней части серебряного сосуда, оправленный в золото вращающийся халцедоновый скарабеоид с изображением медведя и отдельные золотые нашивные бляшки в виде треугольников, пальметок, льва и лежащего козла.

Период возведения Семибратних курганов практически совпадает со временем чеканки нескольких серий серебряных монет от имени всего племени синддов. Существование легенды ΣΙΝΔΩΝ в неизменном виде на протяжении нескольких десятилетий указывает на длительное сохранение элементов родоплеменной структуры власти, когда руководство племенем осуществляется от имени его членов, а царь выступает как «первый среди равных». О значительной роли синдской аристократии в сфере внешних сношений, как области, где обращались престижные предметы, определявшие место че-

ловека в социальной структуре, свидетельствуют погребальные памятники, синхронные царским и имеющие ту же конструкцию, но меньших размеров. Они рассеяны на довольно большой территории к западу от Лабриса (Малые СК, ФК 2, курган 1880 г. близ Кеп и др.). В данном случае состав находок даже из ограбленных комплексов говорит сам за себя: захоронения коней с уздечными наборами; саркофаг с отделкой из слоновой кости, предметы вооружения, мелкие изделия из золота (бляшки, пронизи, подвески), золотая гривна, серебряный аттический килик с изображениями персонажей круга Диониса, бронзовые котёл и трёхрожковый светильник.

Литература

- Ю. А. Виноградов.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху. СПб., 2005.
- В. А. Горончаровский.* Синдика в период возведения Семибратних курганов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., Изд-во СПбГУ, 2011. Вып. 10.
- Е. А. Молев.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997.
- П. Ф. Силантьева.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.
- П. Ф. Силантьева.* Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. 1976. Т. XVII.
- В. П. Толстиков.* К вопросу об образовании Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3.
- В. А. Sparkes, L. Talcott.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. 1970. Vol. XII.

И. Ю. Шауб

Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели

Исследование произведений искусства, обнаруженных в курганных погребениях греко-варварской знати Боспора (особенно IV в. до н.э.), позволяет предполагать, что за всеми запечатлёнными на этих памятниках сюжетами и образами стоят глубокие религиозные представления, связанные с посмертным существованием души (её странствиями, борьбой с враждебными силами и т.п.). Совпадение большинства сюжетов на вещах из боспорских курганов (прежде всего, на золотых штампованных бляшках) с изображениями на аналогичных предметах из курганов Скифии, наряду со спецификой изображений, запечатлённых на погребальных «керченских вазах»,

даёт возможность заключить, что в их образности нашли отражение те религиозные представления обитателей Боспора, которые сформировались под сильным воздействием варварской среды (Шауб. 2007; 2008; 2011; 2013).

Особое внимание обращает на себя сюжет, который широко представлен не только на произведениях боспорской торевтики (Куль-Оба, Карагодеуашх, Мерджаны и др.), но и в скульптуре (надгробный рельеф из Трёхбратнего кургана, надгробия первых веков н.э.) и живописи (росписи склепов римского времени). Речь идёт об изображении мужчины (пешего с рогом для питья в руке или конного) в скифской одежде (в погребальном контексте – усопшего) рядом с сидящим женским персонажем в роскошном уборе – несомненно, божеством, образ которого в разных ипостасях является доминирующим в боспорской (равно как и скифской) изобразительной традиции.

Эта Великая богиня, многоимённая и безымянная, образ которой был воспринят как скифами, так и греками-колонистами у тех племён, которые обитали в северо-восточном Причерноморье до их появления здесь, в соответствии с логикой мифологического мышления представлялась владычицей всего сущего не только в мире живых, но и в обители мёртвых (Шауб. 1999). Как известно, для людей не только Древности, но и Средневековья рубеж между этими мирами был несравненно более условным, и множество людей, а тем более на краю ойкумены, ощущало себя существующими у этой границы. Поэтому встреча с Великой богиней (приобщение к ней через вкушение священного напитка и/или трапезу, а, возможно, и мистическое слияние с нею; см.: Шауб, 2005; Шауб, 2008) должна была представляться важнейшим событием посмертного существования каждого представителя боспорской знати.

Великая богиня на Боспоре могла мыслиться не только паредрой, но (в соответствии с эгео-анаатолийскими верованиями) и матерью синкретического бога мёртвых, который (подобно самой Богине, имевшей одной из ипостасей Горгону и ассоциировавшейся с греческими Афродитой, Афиной, Артемидой, Деметрой и Корой), судя по всему, имел общие черты не только с Аполлоном и Дионисом, но и Парисом, а также Гераклом. (Причины синкретизации мужских божеств Боспора заслуживают специального изучения).

Учитывая сходство и даже идентичность сюжетов приобщения к богине, представленных на бляшках и других предметах погребального инвентаря курганов как боспорян, так и ираноязычных скифов, особенно интересны иранские параллели к рассматриваемому нами сюжету. Прежде всего – это фравашы (Лелеков. 1982; Бойс. 1988), олицетворения души (зафиксированные уже у мидян), которые имеют женский пол. Они выступают и как творцы мира, и как

закованные в броню крылатые воительницы, подобные германским Валькириям. Кстати, Валькирии, правда, уже в средневековье, изображались с сосудом в руке, что отчасти роднит их с некоторыми образами Великой богини, представленными на предметах искусства, которые были найдены в боспорских курганах. В более позднее время фраваша уже создаёт Ахурамазда, но, в соответствии с древней традицией, он и сам их имеет.

Та же архаическая традиция прослеживается и в ряде других иранских памятников. Так, в одном из сохранившихся фрагментов XX наска Авесты содержится описание судьбы человека после смерти. Душа умершего праведника три ночи восседает около его головы, читая молитву. По прошествии третьей ночи, на рассвете, душа ощущает благодатный ветер, с которым приходит прекрасная девушка, символизирующая веру умершего, чтобы сопроводить его в область вечных светил, к престолу Ахурамазды. Что касается души грешника, то её на третью ночь встречает злой ветер в сопровождении безобразной женщины, символизирующей его грехи, которая направляет эту душу в беспредельный мрак (Равгу. 1929; Хисматуллин. Крюков. 1997; Мейтарчиан. 1999; Сергеев. 2004). «Из текста не совсем ясно, действительно ли девушка сопровождает душу в иной мир, или она сливается, отождествляется с душой, вселяя в умершего знание о его вечной судьбе» (Сергеев. 2004).

В надписи (к сожалению, сильно фрагментированной) верховного зороастрийского жреца Картира (Кирдира), «хранителя души царя царей» (конец III в. н.э.), повествуется о его путешествии в иной мир, где Картир (вернее, его «двойник») встречает прекрасную женщину, которая приводит его к золотому престолу, близ которого стоят души праведников. После ритуальной трапезы все эти души вместе с двойником Картира идут в рай (Gignoux. 1968;1989; Сергеев. 2004).

Отмечая сходство подобных иранских верований с боспорскими, необходимо оговориться, что в то время как в Иране загробное блаженство считалось привилегией только мужчин-воинов, на Боспоре (как и в Скифии) дело обстояло совершенно иначе. Судя по богатству и характеру женских погребений, ярчайшими примерами которых являются погребения в курганах Куль-Оба, Карагодеуашх и, конечно, Большая Близница, где усопшие в роскошном облачении с массой золотых украшений с изображениями Великой богини в разных ипостасях имитировали её облик, высокий социальный и сакральный статус этих «цариц»-жриц должен был сохраняться и в потустороннем мире.

С тем же кругом представлений, что и прослеженные выше рудименты архаических иранских верований, явно связана суфийская практика создания внутри сознания образа возлюбленной, кото-

рый отождествляется с божественным светом и тем приближает человека к высшей реальности. Хорошо известно, что эту традицию унаследовали провансальские трубадуры, и таким путем она укоренилась и в европейской культуре (Сергеев. 2004). Ярким воплощением той же традиции является красочно описанная Данте в «Божественной комедии» его встреча с Беатриче в земном раю (Purg. XXX–XXXI). (Ср. этот сюжет с «каннибальским» эпизодом в дантовой «Новой жизни» (Vit. n. III), где явившаяся автору во сне Беатриче, называемая *donna della salute* (госпожа спасения!), вкушает его сердце; весьма архаичен также тот момент видения загробного мира, где Данте предрекают смерть простоволосые дамы (Vit. n. XXIII)). Несомненно, к глубокому языческому пласту народных верований восходит и древнерусское представление, в соответствии с которым одним из провожатых души по «загробью» выступает Божья Матерь (Соболев. 1913).

Наличие верований в загробное приобщение к Великой богине – владычице царства мёртвых – должно было в той или иной форме существовать на Крите минойской эпохи (Шауб. 2005; 2008). Однако в Греции I тыс. до н.э. картина потустороннего мира была уже совершенно иной. Обращение к связанным с царством Аида богиням Деметре и Коре (Персефоне) предполагало их покровительство, а не мыслилось как непосредственное приобщение к их божественной сущности, встреча или единение с божеством. Возможно, древнейшие минойские представления сохранились в отдельных (глухих и неявных) свидетельствах об идентификации умерших девушек с Корой (Девой). Однако в любом случае эти девушки уже рассматривались в качестве невесты бога мёртвых.

Таким образом, прослеживаемая нами вера представителей боспорской элиты в загробную встречу со своей Великой богиней при существенном отличии от классических эллинских представлений о потустороннем мире находит более или менее близкие аналогии в ряде других евразийских культурно-исторических традиций.

Литература

М. Бойс. Зороастрийцы: верования и обычаи. М., 1988.

- Ю.А. Виноградов.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // *Stratum plus: Международный археологический журнал.* Кишинев, 2000. № 3.
- Л. А. Лелеков.* Фраваши // *Мифы народов мира.* М., 1982. Т. 2.
- М. Б. Мейтарчиян.* Погребальный обряд зороастрийцев. М., 1999.
- К. В. Сергеев.* Театр судьбы Данте Алигьери: введение в практическую анатомию гениальности. М., 2004.
- А. Н. Соболев.* Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913.
- А. А. Хисматулин, В. Ю. Крюков.* Смерть и погребальный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997.
- И. Ю. Шауб.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // *Stratum plus: Международный археологический журнал.* Кишинев, 1999. № 3.
- И. Ю. Шауб.* Ритуальное превращение в женщину у скифов и этрусков // *Итальянский сборник: Историко-искусствоведческий альманах.* 2005. № 8.
- И. Ю. Шауб.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб., 2007.
- И. Ю. Шауб.* Италия–Скифия: культурно-исторические параллели. М., СПб., 2008.
- И. Ю. Шауб.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.). Saarbrücken, 2011.
- И. Ю. Шауб.* Боспорские курганы и загробные представления боспорян (в печати).
- Ph. Gignoux.* L'inscription de Kartir à Sar Mashad // *Journal asiatique.* 1968. Т. 256.
- Ph. Gignoux.* Le mage Kirdīr et ses quatre inscriptions // *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 1989. Vol. 133. № 3.
- J. C. Pavry.* The Zoroastrian Doctrine of a Future Life from Death to Individual Judgement. New York, 1929.

С. В. Кашаев

О хронологии погребальных комплексов некрополя Артющенко-2

Грунтовый некрополь Артющенко-2 находится в южной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края). Памятник расположен на крутом, обрывистом берегу Чёрного моря (Кашаев. 2009. С. 188). В настоящее время он интенсивно разрушается по двум причинам: естественной (природной) – мощная абразия

и антропогенной – систематическое разорение захоронений грабителями.

В 2009 г. на некрополе Артющенко-2 впервые были зафиксированы следы крупномасштабных грабительских работ. К весне 2013 гг. на территории некрополя было обнаружено 63 грабительских шурфа.

За 2003–2012 гг. исследована площадь около 3600 м², обнаружено 138 погребений, из которых 12 доследовано за грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

Среди открытых захоронений 116 являются индивидуальными. Из них: мужских – 43, женских – 34, детских – 26 (среди которых 9 погребений младенцев в амфорах), 3 – неопределимых. Сюда же отнесено 10 могил, предположительно интерпретированные как кенотафы. Это могилы с инвентарем, но без следов костяков или признаков кремации.

К парным или, точнее сказать, «семейным» можно отнести 22 погребения. В таких могилах чаще всего находились мужской и женский костяки (предположительно семейная пара) – 14 случаев. Трижды встречались погребения, в которых находились костяки мужчины, женщины и ребенка (семья) и столько же раз – женщины и ребенка (мать и ребенок). Единично встретившиеся сочетания: два ребенка (брат и сестра), два мужских костяка (отец и сын), взрослая женщина и подросток (мать и сын).

На основании проведенных исследований можно выделить основные элементы погребального обряда. Для некрополя Артющенко-2 наиболее характерными особенностями погребального обряда являлись: определенная ориентация погребенных, устойчивый набор сопроводительного инвентаря, конструкция погребальных сооружений и другие. В большинстве случаев погребенные были ориентированы головой на восток или на восток с отклонением к северу. Инвентарь располагался вдоль южной или западной стенок могилы.

Почти всегда среди погребального инвентаря находился набор из трёх предметов: сосуд для вина, сосуд для еды, сосуд для питья. Такой набор клали независимо от пола и возраста захоронённого. В случае если погребение было семейным – стандартный набор из трёх предметов клали каждому погребенному.

Сосудом для вина – чаще всего являлись красноглиняные ойнохой, сероглиняные были единичны. В редких случаях клали кувшин или амфору. Сосудом для еды были миски, чаще всего были красноглиняные (сероглиняные единичные), иногда чернолаковые – на ножке или с одной петлевидной ручкой, очень редко – лепные. Из сосудов для питья в качестве погребального инвентаря преимущественно использовались чернолаковые килики, скифосы, канфары.

Наличие в могиле «столового набора» из сосуда для вина, миски и сосуда для питья можно считать наиболее стабильным элементом погребального обряда. Хотя имеются погребения, в которых отсутствовал какой-либо из указанных сосудов. Это может быть связано с тем, что по каким-то причинам положили неполный набор или с тем, что до нас дошли не все предметы, когда-то положенные в могилы. Например, часть погребального инвентаря могла быть из органических материалов – кубки из дерева.

Кроме названного «стандартного» набора из трёх предметов можно выделить мужские и женские вещи, наиболее часто встречающиеся в захоронениях. К мужским относятся, прежде всего, различные предметы вооружения, детали конской упряжи, орудия вишечерпия. К женским – украшения, зеркала, приспособления для шитья и косметических целей. Такие находки, как лекифы, пряслица, шила, небольшие ножи и др. встречены как в мужских, так и в женских захоронениях.

Таким образом, основными датирующими находками, на которых строится хронология погребальных комплексов, являются различные сосуды греческого производства. С одной стороны они являются достаточно частыми находками, присутствующими во многих погребениях, с другой – хронология таких сосудов хорошо разработана. К группе хорошо датируемых находок относится чернолаковая и расписная керамика, а также тарные амфоры (Кашаев. 2010. С. 88).

Дополнительными хронологическими реперами могут служить находки предметов вооружения (Ворошилов, Кашаев. 2010. С. 66), изделия из бронзы, лепные сосуды.

Наиболее ранние обнаруженные захоронения датируются концом VI – началом V в. до н.э., а самые поздние – II в. до н.э. На сѣмьх северных и самых восточных исследованных участках, помимо ранних захоронений, фиксируется возрастающее количество разновременных (VI–II вв. до н.э.) могил.

Это позволяет предположить, что топографически некрополь распространялся с юго-запада на северо-восток. Действительно, если на исследованных южных и западных участках могильника преобладают погребения конца VI – начала IV в. до н.э., то на северных и восточных – могилы периода эллинизма.

Все обнаруженные в некрополе Артющенко-2 погребения можно разделить на семь условных хронологических групп.

1. Погребения конца VI – первой половины V в. до н.э.

В первую группу вошли 58 самых ранних погребений некрополя, датируемых концом VI – второй четвертью V в. до н.э. Это погребения № 3, 6, 7, 10, 12, 13, 16, 17, 18, 20, 21, 32, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 81, 86, 87, 102, Г 3, Г 5, Г 8, Г 10, Г 12. Из них самыми ранними, относящимися предположительно к рубежу VI–V вв. до н.э., можно считать погребения 86 и Г 10 (Кашаев. 2013. С. 52).

2. Погребения середины – второй половины V в. до н.э.

В эту группу вошли 20 погребений, № 27, 28, 30, 82, 83, 88, 89, 90, 92, 93, 103, 106, 111, 112, 117, 122, 123, 124, 125, Г 4.

3. Погребения начала IV – первой половины IV в. до н.э.

В группу вошли 7 погребений, № 24, 25, 62, 78, 97, 105, Г 7.

4. Погребения середины IV – второй половины IV в. до н.э.

Малочисленная группа, в нее входят всего 3 погребения, № 76, 94, 96.

5. Погребения III в. до н.э.

В группу вошли 9 погребений, № 11, 33, 91, 99, 113, 114, 118, 119, 120.

6. Погребения II в. до н.э.

В группу вошли 3 погребения, самого позднего периода. Погребения № 14, 100, Г 6.

7. Недатируемые погребения.

В эту группу вошли 38 недатируемых погребений некрополя – безинвентарные, с минимальным или плохо датируемым набором инвентаря, полностью разрушенные абразией и уничтоженные грабителями. Погребения № 1, 2, 4, 5, 8, 9, 15, 19, 22, 23, 26, 29, 31, 36, 42, 48, 75, 77, 79, 80, 84, 85, 95, 98, 101, 104, 107, 108, 109, 110, 115, 116, 121, 126, Г 1, Г 2, Г 9, Г 11.

Полученные данные сведены в Таблицу 1. В ней же приводится процентное соотношение погребений каждой хронологической группы от общего количества исследованных погребений (138) и от количества датируемых погребений (100).

Таблица 1. Количество погребений в условных хронологических группах.

Хронологическая группа	1	2	3	4	5	6	всего	
кол-во погребений	58	20	7	3	9	3	38	138
% от 138 погр.	42,03	14,5	5,07	2,17	6,52	2,17	27,5 4	100 %
% от 100 погр.	58	20	7	3	9	3	-	100 %

Дополнительно можно разделить обнаруженные погребения на хронологические группы каждая из которых соответствует одному из веков до н.э. Полученные данные сведены в Таблицу 2, там же посчитано процентное соотношение погребений V–II вв. до н.э. от общего количества исследованных погребений (138) и от количества датированных погребений (100).

Таблица 2. Количество погребений в V–II вв. до н.э.

Дата, в. до н.э.	V	IV	III	II	?	всего
кол-во погребений	78	10	9	3	38	138
% от 138 п.	56,52	7,25	6,52	2,17	27,54	100 %
% от 100 п.	78	10	9	3	-	100 %

Представленные результаты хронологического анализа показывают, что на исследованном участке некрополя преобладают погребения V в. до н.э. Эта группа составляет около 57 % от общего количества погребений и 78 % от всех датированных погребений.

Дальнейшие исследования и открытие новых погребений могут привести к корректировке имеющихся на сегодня данных и выводов.

Литература

- А. Н. Ворошилов, С. В. Кашаев.* Клинковое оружие из некрополя Артюшенко-2. М., 2010. – (ДБ. Т. 14).
- С. В. Кашаев.* Некрополь Артюшенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–05 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь, Керчь, 2009. (БИ. Т. XXII).
- С. В. Кашаев.* Исследования некрополя Артюшенко-2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки. Москва, Киев, 2010. Вып. 1.
- С. В. Кашаев.* Раскопки некрополя Артюшенко-2 в 2010–2012 гг. // «Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования». Тезисы научной конференции. СПб., 2013.

Д. В. Бейлин, Д. Ю. Пономарёв

Комплекс хозяйственных ям поселения Бондаренково VII

Поселение Бондаренково VII расположено в восточной части села Бондаренково в районе провалов подземных галерей каменоломен в 0,3 км к северо-западу ($340,71^\circ$) от развилки асфальтированных дорог «Керчь-Бондаренково» и дороги, ведущей через северную часть села к городским очистным сооружениям. Впервые в археологическом плане поселение исследовалось Керченским отрядом Крымского филиала Института археологии НАН Украины в 2011 г. Изучение поселения и его археологических комплексов (хозяйственных ям) продолжилось Разведочным отрядом Керченской охранно-археологической экспедиции Керченского историко-культурного заповедника. В ходе работ подъёмный археологический материал был выявлен на площади до 4–5 га. При исследовании провалов каменоломен обнаружено семь хозяйственных ям, вырубленных в трещиноватом известняке. Выявленные хозяйственные ямы можно разделить на два типа: 1 – ямы грушевидной формы, оштукатуренные известковым раствором (2 ямы); 2 – ямы колоколовидной формы, не оштукатуренные (5 ям) (Рис. 1. 1).

На данном этапе изучения поселения наибольший интерес представляет яма № 6. В 2011 г. она была открыта в северной части провалов у заброшенного открытого карьера по добыче строительного щебня. Обвалом (просадкой скалы) полностью разрушена её южная часть. Яма вырублена в верхнем трещиноватом слоистом слое известняка. Горловина фиксируется на глубине 1,1 м от уровня современной дневной поверхности. Диаметр прослеженной горловины ямы – 0,56 м. Сохранившаяся глубина составила 2,5–2,7 м. В плане она имеет округлую форму, а в разрезе колоколовидную. Заполнена суглинистым грунтом тёмно-серого оттенка, содержащим мелкий, средний и крупный бутовый камень размерами от $0,04 \times 0,1 \times 0,12$ м до $0,28 \times 0,3 \times 0,46$ м. При визуальном осмотре в срезе ямы были зафиксированы фрагменты человеческих костей (погребение № 1). Фрагментированный скелет обнаружен на глубине 3,0 м от уровня современной дневной поверхности.

В стратиграфии заполнения ямы можно выделить лишь локальные прослойки грунта, которые фиксируются небольшими линзами в незаполненном каменным бутом пространстве ямы. Основным заполнением ямы является бутовый и частично обработанный камень от $0,04 \times 0,1 \times 0,12$ м до $0,28 \times 0,3 \times 0,46$ м. Каменное запол-

нение можно условно разделить на два уровня – верхний и нижний (уровень погребений).

Верхний уровень отмечен на глубине 1,5–2,3 м от уровня современной дневной поверхности и на глубине 0,6–1,4 м от горловины ямы. Нижний уровень заполнения ямы отличается большей плотностью каменного завала, его «рядностью» и характером грунта, заполнившего пространство между камнями. Условно выделенный нами нижний уровень заполнения ямы зафиксирован на глубине 2,5–2,6 м от уровня современной дневной поверхности и на глубине 1,5–1,65 м от горловины ямы (дно ямы зачищено на глубине 2,55–2,7 м от горловины ямы). При расчистке условного «нижнего» уровня заполнения ямы была обнаружена основная масса археологического материала, среди которой практически в равной мере были представлены как транспортная тара, так и столовая посуда. В процентном соотношении преобладают фрагменты транспортной тары, среди которой можно выделить хиосские, книдские, самосские, фасосские, пепаретские, синопские, гераклейские, колхидские амфоры IV–III вв. до н.э. Наибольшее число непрофильных частей сосудов принадлежит продукции мастерских Синопы (96 фр.) и Фасоса (63 фр.). На фрагмент горла и плечика красноглиняной амфоры неустановленного центра производства, внешняя поверхность которой покрыта бежевым ангобом, нанесено граффито в виде трехстрочной (?) надписи: 1) нижняя гаста буквы «Е»; 2) СТА[.....]; 3) ΛΕΥ[.....].

Столовая керамика представлена обломками красноглиняных, коричневоглиняных, оранжевоглиняных и сероглиняных столовых сосудов, большинство из которых закрытых форм (кувшины). Особое место среди находок столовых сосудов занимает ионийская чаша конца VI – начала V в. до н.э. (Рис. 1. 2).

При расчистке каменного завала в заполнении ямы обнаружены фрагменты семи терракотовых протом Деметры, в основном сохранившихся в виде их голов. Также, в придонной части ямы, найден обломок каменного топора или молотка, изготовленного из твердой горной породы зеленовато-серого цвета и необработанный фрагмент кремневого отщепа. На дне ямы находился каменный алтарь, изготовленный из известняка, прямоугольный в плане, с профилированным основанием и карнизом, а также невысоким бортиком по периметру верхней плоскости. В основном подобные алтари датируются концом IV–III в. до н.э. (возможно, верхней границей датировки может быть и первая половина II в. до н.э.) (Рис. 1. 5). Ближайшей аналогией являются мраморные алтари такого типа. В этом случае найденный алтарь можно считать местной репликой. Судя по размерам, он вполне мог служить домашним алтарём.

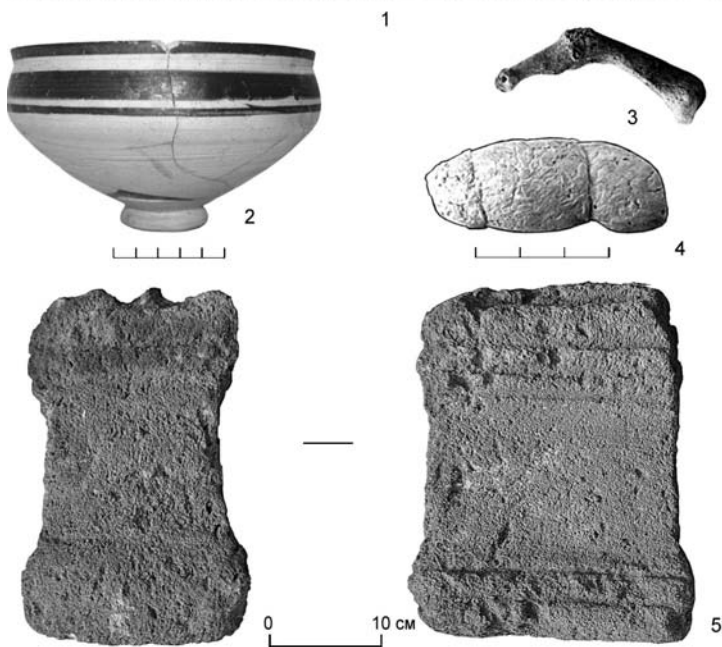

Рис. 1. Поселение Бондаренково VII. 1 – место расположения; 2 – ионийская чаша; 3–4 – палеопатологические данные костного материала погребений: 3 – гонорейный артрит межфалангового сустава левой кисти с развитием костного анкилоза; 4 – карбонатный камень желчного пузыря в виде полного слепка; 5 – алтарь

Погребение 1 выявлено в 2011 г. при визуальном осмотре комплекса. Зафиксировано оно в восточной части ямы, на глубине 1,55 м от горловины ямы и в 1,1 м от ее дна. Погребение сверху было перекрыто мощным каменным завалом. Скелет принадлежит женщине. Погребенная умерла в возрасте 41–50 лет, а рост её при жизни составлял порядка 150–157 см. Кости располагались не в анатомическом порядке, а на разном уровне залегания, перекрытые бутовым камнем. Часть скелета утрачена в результате обрушения (проседания) потолка штольни подземной выработки камня. *In situ* зафиксированы только фрагмент позвоночника и череп. Кости нижних конечностей обнаружены на 0,01 м выше местоположения черепа, а рёбра залежали на 0,15 м ниже. Пространство между костями скелета заполнено средними и крупными бутовыми камнями. Изученные фрагменты скелета *in situ* свидетельствуют о том, что в момент ингумации тело находилось в положении лежа на спине, голова запрокинута на затылок. Правая верхняя конечность отведена от туловища вправо практически горизонтально. Погребенная ориентирована головой на северо-восток. Расстояние от черепа скелета до зафиксированных нижних его конечностей не превышает 1,0 м. Точно установить позу, которая была придана женщине, не представляется возможным. Вероятнее всего, в момент проседания грунта и крупных камней труп был скелетирован и подвергся деформации. Это, в какой-то степени, объясняет разный уровень залегания костей скелета.

Погребение 2 выявлено при расчистке северо-западной части заполнения ямы, на глубине 2,8–2,83 от уровня современной дневной поверхности и на глубине 1,83 от горловины ямы, в 0,75 м от ее дна. Скелет принадлежал женщине, биологический возраст которой на момент смерти составлял 30–40 лет, а рост при жизни находился в пределах 151–153 см. Ориентирован в направлении СЗ–ЮВ с отклонением к северу, головой на северо-запад. Его длина в этом направлении составляет не менее 1,0 м. В результате изучения костей скелета *in situ* установлено, что в момент ингумации тело находилось в положении лицом вниз, лежа на правой передне-боковой поверхности тела. Правая и левая верхние конечности согнуты в плечевых и локтевых суставах, при этом предплечья находились под передней поверхностью грудной клетки. Особо уникальным является расположение нижних конечностей. Учитывая расположение бедренных костей, вполне вероятно, что на момент ингумации труп находился в стадии выраженных гнилостных изменений с деструкцией мягких тканей, включая связочный аппарат суставов. При осуществлении захоронения левая нижняя конечность была отведена кверху, кзади и вправо с локализацией ее вдоль левой боковой поверхности туловища, при этом левая бедренная кость в состоянии фрагментации. Правая бедренная кость расположена также вдоль левой боковой по-

верхности тела (проксимальный эпифиз в области суставной впадины левой лопатки, дистальный в области гребня левой подвздошной области), что свидетельствует о том, что правая нижняя конечность была выделена из тазобедренного сустава механическим путем.

Как и погребение 1, погребение 2 перекрыто сверху мощным каменным завалом. Скелет лежал на выровненной площадке, основу которой составляли плоские камни, уложенные на широкую плоскую поверхность. На одном из пальцев, носившем следы гонорейного артрита, зафиксировано медное кольцо спиралевидной формы в 4 оборота, концы которого слегка приплюснуты в виде змеиных головок. В районе костей таза найдена бусина округлой формы, изготовленная из пастового стекла. Внешняя поверхность бусины украшена глазчатым орнаментом, выполненным белой и голубой красками. Следует отметить, что при расчистке скелета обнаружен желчный камень. В яме также выявлено 5–6 скелетов собак, которые зафиксированы на уровне погребений 1 и 2. В основном скелеты собак располагались у стенок ямы.

Таким образом, на данный момент археологический комплекс хозяйственной ямы № 6 поселения Бондаренково VII является уникальным для северо-восточной оконечности Керченского полуострова. Археологический материал из ямы датируется в пределах конца VI–V – IV–III вв. до н.э. Не менее интересными оказались палеопатологические данные. Так, на скелете из погребения № 1 выявлены только лишь вполне характерные для данного возраста проявления сенильного дегенеративно-деструктивного процесса в позвоночнике, а именно фиксирующего лигаментоза или же болезни Форестье. В отличие от него, у покойной из погребения № 2 имелся целый букет заболеваний, которые редко встречаются в палеопатологической практике. Во-первых, это гонорея, которая осложнилась развитием гонорейного артрита межфалангового сустава левой кисти с развитием костного анкилоза, в результате чего сформировалась приобретенная деформация пальца с нарушением функции кисти (Рис. 1. 3). Таким же редким для палеопатолога недугом является и желчнокаменная болезнь. Среди костей скелета женщины был обнаружен известковый камень желчного пузыря, который формировался на протяжении длительного времени и, возможно, явился причиной смерти (Рис. 1. 4).

Д. В. Грибанов

Левкон I, Мемнон и Аркадия: к вопросу о месте Боспора в международной политике периода фиванской гегемонии

Рассказ Полиена о разведывательной акции, организованной на Боспоре Мемноном Родосским с участием кифареда Аристоника, является одним из тех сюжетов боспорской истории, которые служат основой для различных, иногда диаметрально противоположных выводов исследователей. На сегодняшний день в историографии сформировалось три основных подхода к датировке и исторической интерпретации этого события: 1) Мемнон осуществлял разведку на Боспоре в интересах Гераклеи Понтийской ещё до своего поступления на службу к персам в 366 г. до н.э. (Блаватский. 1981. С. 22); 2) визит Аристоника на Боспор состоялся в период нахождения Мемнона на службе у сатрапа Артабаза, когда гераклеоты ещё продолжали борьбу против Левкона I, т.е. в 366–364 гг. (Завойкин. 2000. С. 266; 2008. С. 92–100); 3) данная акция не была связана с боспоро-гераклеийской войной и относилась ко времени после 353 г. до н.э., когда Мемнон находился при дворе македонского царя Филиппа II (Шелов-Коведяев. 1985. С. 138–139; Павленков. 1994. С. 46–49; Сапрыкин. 2004. С. 319–320).

Некоторые из предложенных версий, объясняющих причины и цели акции Мемнона, вызывают определенные сомнения. До 366 г. до н.э. Мемнон вряд ли мог участвовать в подготовке войны против Боспора, т.к. в это время он был ещё очень молод (Dem. XXIII. 157). У нас также нет никаких свидетельств его участия в войнах Филиппа II. Позднейшее возвращение Артабаза и его родственников на службу Артаксеркса III указывает на то, что на протяжении всех лет своего вынужденного изгнания Мемнон и его брат Ментор стремились добиться реабилитации в глазах персидского царя (Рунг. 2012. С. 12–18). Следовательно, вряд ли они могли исполнять какие-то важные задания в интересах Филиппа II. К тому же непонятно, зачем македонскому правителю на рубеже 350–340-х гг. понадобилось готовить почву для войны против Боспора, назначая для этой миссии греческого военачальника, очевидно, сохранявшего некоторые связи с Персией.

Поэтому боспорскую акцию Мемнона, скорее всего, следует относить к начальному периоду его службы у персов, а точнее 366–362 гг. Последовавшие за этим события – масштабное восстание малоазийских сатрапов в 362/361 г. до н.э., политическая дестабилизация в Персидской империи в конце правления Артаксеркса II и под-

готовка Артабазом своего собственного восстания против нового царя (357–353 гг.) – ставили перед Мемноном более насущные задачи, чем подготовка к войне против Боспора. Впрочем, еще более значимо другое: акция Мемнона на Боспоре была явно направлена против интересов Афин в этом регионе и поэтому, вероятнее всего, относилась к периоду наибольшего обострения афино-персидских отношений в 366–362 гг. Уже в 363 г. до н.э. Афины и Персия начали предпринимать дипломатические шаги по взаимному сближению, а с 362 г. до н.э. афиняне окончательно отказались от поддержки восставших сатрапов и приняли условия очередного «всеобщего мира», гарантированного царем (Мойзи. 2000. С. 148–151).

Следовательно, стоит согласиться с А. А. Завойкиным в том, что боспорская акция Мемнона относилась к 360-м гг., хотя вряд ли можно говорить о связи этого события с войной Гераклеи против Левкона I. Как справедливо отметил С. М. Берстейн, гераклеотам в этот период было не до Боспора, так как их полис испытывал большие трудности из-за внутренних смут (Burstein. 1974. P. 413–414). В 364 г., опасаясь установления у себя на родине тирании, гераклейские олигархи уже сами обращались за военной помощью к афинянам, а затем и к Эпаминонду. Кроме того, необходимо помнить, что, согласно сообщению Юстина, приходу к власти Клеарха предшествовал длительный период, когда гераклеоты не воевали с внешними врагами (Justin. XVI, 4, 3). В связи с этим возникает закономерный вопрос: какими мотивами была продиктована акция Мемнона на Боспоре и в чьих интересах она осуществлялась? Полагаем, что пролить некоторый свет на эту проблему позволяет один примечательный эпиграфический документ, найденный в Пантикапее – декрет аркадян в честь Левкона I (КБН. 37). Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что данное постановление было принято Аркадским союзом, и следовательно, пантикапейскую надпись следует относить к 370–362 гг., когда полисы Аркадии впервые в своей истории сформировали единое государство (Гайдукевич. 1960. С. 105–111; Яйленко. 1986. С. 223–224; Завойкин. 2004. С. 63. Прим. 1). На наш взгляд, и эта датировка может быть уточнена. Существование каких-либо тесных связей между Аркадией и Боспором до 366 г. до н.э. представляется маловероятным. В 370–367 гг. внешнеполитические интересы и влияние Аркадского союза не распространялись за рамки Пелопоннеса. Внешняя политика Аркадии в этот период находилась полностью в русле дипломатии Фив и, конкретно, Эпаминонда, который, без преувеличения, был одним из главных творцов союза Аркадских полисов.

Дополнительную ясность в вопрос о датировке декрета аркадян вносит анализ особенностей его формуляра. От других постановлений Аркадской лиги, в преамбуле которых упоминались союзный Совет и народное собрание (IG. V. 2. 1; SEG. XXIX. 405), пантикапейский декрет отличается краткой начальной формулировкой (ἔδοξεν τοῖς Ἀρκάδιον). Изменение стандартной формы прескрипта в аркадском постановлении в честь Левкона I, как нам представляется, не было случайным, а имело конкретную историческую подоплеку. Как известно, в 364–362 гг. в Аркадской лиге произошел раскол между «демократической» группировкой полисов (Тегея, Мегалополис и др.), ориентированной на Беотию, и «олигархической» партией (Мантинея и её союзники), которая обратилась за помощью к Афинам и Спарте (Roy. 1971. P. 585–588). Это противостояние, приведшее к фактическому выходу Мантинеи из союза, имело и институциональное измерение: позиция мантинейцев нашла поддержку в народном собрании Аркадской лиги, которое выступило против инициатив союзных магистратов, опиравшихся на поддержку беотийцев. Вероятно, именно в этот период (364–362 гг.) Левкон I мог оказать существенную помощь аркадянам, за что и был удостоен неких почестей от тех полисов, которые и после раскола продолжали выступать от имени Аркадского союза. Однако союзное народное собрание они уже не контролировали. Возможно, именно это стало причиной изменения традиционного формуляра аркадских декретов, которое отразилось в пантикапейской надписи.

Предполагаемая связь Левкона I с одним из ближайших союзников Беотии заставляет по-новому взглянуть и на рассказ Полиена об акции Мемнона на Боспоре, которая, как мы выяснили, могла относиться примерно к тому же времени, что и декрет аркадян. Прежде всего, необходимо обратить внимание на тот факт, что акция, организованная Мемноном, носила не только разведывательный, но и дипломатический характер. При этом в качестве посланника к Левкону I был отправлен византиец Архивиад. Происхождение посла, отправленного Мемноном на Боспор, является немаловажным нюансом, так как именно Византий во второй половине 360-х гг. до н.э. оказался непосредственным образом вовлечен в борьбу между Беотией и Афинами за контроль над путями хлебного экспорта из Понта.

Все началось с того, что в 366 г. до н.э. персидский царь переориентировался в своей политике на поддержку Фив в их усилиях по установлению собственной гегемонии в Греции. Благодаря финансовой поддержке царя, фиванцам удалось за два года построить внушительный флот, и в 364 г. до н.э. Эпаминонд во главе ста кораблей совершил свой знаменитый вояж по восточной Эгеиде. Первым ключевым пунктом, который посетил Эпаминонд, был именно Ви-

зантий. Здесь беотарху удалось добиться едва ли не главного своего успеха во всей морской кампании 364 г. до н.э. – член Афинского морского союза Византий, вероятно, перешёл на сторону Беотии. Позднее в речи против Поликла Демосфен сообщал о том, что византийцы задерживали торговые корабли, следовавшие из Понта, что привело к повышению цен на хлеб в Афинах (Dem. L, 6). Вояж Эпаминонда, безусловно, имел полную поддержку со стороны персидской администрации и, в частности, покровителя Мемнона Артабаза. Исходя из этого, можно предположить, что разведывательно-дипломатическая акция Мемнона на Боспоре была прямым следствием действий Эпаминонда в Пропонтиде в 364 г. Пытаясь закрепить результаты усилий своего беотийского союзника по подрыву хлебных поставок в Афины, Мемнон и Артабаз могли использовать в отношении Левкона I как дипломатические методы, так и угрозу войны. Если предположить, что усилия Мемнона по привлечению боспорского правителя на свою сторону обернулись хотя бы частичным успехом, то труднообъяснимые в любой другой ситуации контакты Левкона I и Аркадского союза становятся понятными, по крайней мере, в рамках общей картины противостояния Беотии и Афин. Стремясь гарантировать безопасность боспорского хлебного экспорта, Левкон I мог пойти на установление более тесных контактов с беотийцами, а также их союзниками в Аркадии и Персии. Во всяком случае, связи Левкона I с аркадянами свидетельствуют о том, что в «большой игре» периода фиванской гегемонии Боспор был не просто объектом воздействия со стороны влиятельных держав, а напротив, выступал в качестве одного из заинтересованных «игроков».

Разумеется, имеющихся сведений недостаточно для того, чтобы говорить о кардинальной перестройке внешней политики Боспора в 360-е гг. до н.э. Вряд ли традиционные связи с Афинами в это время могли отойти на второй план в дипломатии Левкона I. Тем не менее, нам представляется очевидным, что события конца периода фиванской гегемонии, в частности морской вояж Эпаминонда и восстание сатрапов в Малой Азии, не могли не отразиться на Боспоре, поскольку они непосредственно затрагивали важнейший для Спартокидов вопрос безопасности и стабильности хлебного экспорта.

Литература

- В. Д. Блаватский.* Феодосия VI–V в. до н.э. и её название // СА. 1981. № 4.
В. Ф. Гайдукевич. Боспор и Аркадия (По поводу надписи IPE, II, 4) // ЗОАО. 1960. Т. 1 (34).

- А. А. Завойкин.* Афины – Боспор – Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000.
- А. А. Завойкин.* О времени присоединения к Боспору Синдской гавани // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.
- А. А. Завойкин.* Заметки о войне Спартокидов за Феодосию // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008.
- Р. А. Мойзи.* Греко-персидские отношения в 367–360 гг. до н.э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000.
- В. И. Павленков.* Пролог македонской экспансии в Причерноморье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1994.
- Э. В. Рунг.* Артабаз, Ментор и Мемнон: семья персидских «диссидентов» // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. Н. Новгород, 2012.
- С. Ю. Сапрыкин.* Заметки по истории Боспорского царства // ДБ. 2004. Т. 7.
- Ф. В. Шелов-Коведяев.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. М., 1985. – (Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1984 год).
- В. П. Яценко.* Одна боспорская эпитафия // Проблемы античной культуры. М., 1986.
- S. M. Burstein.* The War between Heraclea Pontica and Leucon I of Bosphorus // Historia. 1974. Bd. 23. N. 4.
- J. Roy.* Arcadia and Boeotia in Peloponnesian Affairs, 370–362 B. C. // Historia. 1971. Bd. 20. N. 56.

Е. В. Власова

Куль-Оба. Кто погребён?

В кургане Куль-Оба были обнаружены четверо погребённых: мужской остов находился в грунтовой могиле под плитами пола погребальной камеры, женский остов и двое мужских – в каменном склепе, состоящем из короткого дромоса и четырёх-угольной камеры с уступчатым пирамидальным сводом. Погребальный инвентарь свидетельствует о высоком социальном положении погребенных.

Первоначально захоронения в склепе воспринимали как одновременное погребение трех человек. В 1978 г. в докладе в Эрмитаже Н. Л. Грач высказала мнение о том, что Куль-Оба – многократный погребальный комплекс (Грач. 1997), на что указывают теснота в склепе и плотность находок, а также отсутствие раствора в каменной кладке, закрывавшей вход в камеру, т. е. камни легко разбирались и

собирались при очередном захоронении. Это мнение поддержали и другие исследователи (Яковенко. 1985. С. 320, 324, 386; Мозолевский. 1979. С. 164. Примечание).

Н. Л. Грач отметила, что для V–IV вв. до н. э. однократный погребальный обряд нескольких человек не характерен и не встречается на территории Северного Причерноморья ни у греков, ни у варваров.

Для погребального обряда греков не были свойственны коллективные захоронения. Погребения в боспорских курганных некрополях – индивидуальные. В курганах Юз-Оба, в камерах склепов с уступчатыми перекрытиями IV в. до н.э., которые, по общему мнению исследователей, являлись погребениями пантикапейской знати, стоял саркофаг с одним умершим. Под насыпью кургана Большая Близница на Тамани, где, по-видимому, было родовое жреческое кладбище, открыто несколько гробниц, совершенно независимых друг от друга. В некрополях с местными чертами погребального обряда, как, например, в Нимфее (Силантьева. 1959. С. 5–107) или в Семибратних курганах (Vlasova. 2005), также были только однократные и индивидуальные захоронения. Т.е., ни у греческого населения Боспора, ни у местных племен, обитавших на Таманском полуострове – синдов, ни у эллинизированных варваров /скифов?/ Нимфея нет коллективного погребального обряда с жертвоприношениями точно так, как нет обычая подхоранивать родственников в одну и ту же гробницу.

Неоднократность основных погребений была зафиксирована в скифском «царском» кургане Толстая Могила, где после погребения царя в боковой могиле последовательно были захоронены царица и ребенок (Мозолевский. 1979). Центральная камера Александропольского кургана служила для погребения дважды (Болтрик. 1987; Алексеев. 1992. С. 154–157). Многократными были погребения рядового скифского населения восточного Крыма: склепы с дромосами и каменные ящики служили семейными усыпальницами, в которых последовательно подзахоранивались родственники. Неоднократность коллективных захоронений и отсутствие обычая сопроводительного убийства женщины зафиксированы при исследовании курганов азиатского пояса степей (Грач. 1980. С. 52–53).

По-видимому, курган Куль-Оба следует рассматривать как фамильную усыпальницу, где несколько раз совершались захоронения, одним из которых было грунтовое погребение под плитами пола склепа, наиболее раннее по времени. Опираясь на погребальный инвентарь, курган Куль-Оба разные исследователи датировали по-разному: от V до II вв. до н.э. Большинство датировало курган различными периодами IV в. до н.э. или рубежом IV–III вв. до н.э. А. Ю. Алексеев относит грунтовую могилу к концу V – первой по-

ловине IV в. до н.э., погребения в склепе – к середине – второй половине IV в. до н.э., точнее – к 340–315 гг. до н.э. (Алексеев. 2003. С. 229, 262, 276–277). Ю. А. Виноградов (Виноградов. 2010. С. 423) относит погребение под плитами – к концу V в. до н.э., а сооружение склепа – ко времени правления Перисада I (349/8 – 311/10 гг. до н.э.).

С открытием в 1830 г. этого погребального комплекса встал вопрос о том, кто погребен в кургане Куль-Оба. Поль Дюбрюкс увидел в нём коллективное скифское царское захоронение – иллюстрацию к рассказу Геродота (АГЭ. Оп.1. 1831 г. Д. 19. Л. 85, 89 сл.; ДБК. 1854. С. XXII–XXIII, XXXIV–XXXV; Gavignet, Ramos, Schiltz. 2000. P. 362; Дюбрюкс. 2010. С. 173, 185). Принадлежность погребального комплекса к скифской правящей элите была поддержана многими исследователями (Ашик. 1848. II. С. 32–33; Ростовцев. 1925. С. 382; Мозолевский. 1979. С. 152, 156–157; Алексеев. 1996. С. 101; Алексеев. 2003. С. 230; Виноградов. 2010. С. 245). В. Ф. Гайдукевич отметил, что «в Куль-Обе скифский погребальный ритуал носит явные следы греческого культурного влияния». По его мнению, главный погребённый – один из «скифских номархов, поддерживавших дружественные взаимоотношения с Боспором». Он также отметил, что подобное погребение было также открыто на рубеже 1820–1821 гг. в кургане Патиниоти²⁴, расположенном близ Куль-Обы (Гайдукевич. 1949. С. 274–277; Gajdukevič. 1971. S. 286–289). Дата погребения в кургане Патиниоти, по мнению И. В. Тункиной (Тункина. 2002. С. 549) – не ранее середины IV в. до н.э., а найденная там гераклеяская амфора с клеймом может датироваться по С. Ю. Монахову, серединой 370-х гг. до н.э.

Появилась также версия, что главный погребённый в кургане Куль-Оба – боспорский царь (Dubois de Montpereux, 1843. V. P. 219–222), которая также нашла приверженцев (Ашик. 1848. II. С. 38–39; Neumann, 1855). Ф. А. Жиль (ДБК. 1854. I. С. XLVI) полагал, что Куль-Оба – усыпальница Левкона I (389/8 – 349/8 гг. до н.э.) или его отца Сатира I (433/2 – 389/8 гг. до н.э.). Помимо Куль-Обы, другие курганы также рассматриваются как усыпальницы боспорских правителей. Полагают, что в Баксинском кургане был погребён Сатир I (Виноградов. 2011. С. 191), в Царском кургане – Перисад I (Gajdukevič. 1971. S. 272), а в Золотом кургане /Алтын-Оба/ находились усыпальницы враждовавших братьев (Виноградов. 2010 а. С. 476; Виноградов. 2011. С. 190): Сатира II (311/10 – 310/9 гг. до н.э.), Притана (310/9 г. до н.э.) и Евмела (310/9 – 304/3 гг. до н.э.). А если считать, что кульобский склеп возведён при Перисаде I (Виноградов. 2010. С.

²⁴ Курган Патиниоти по юлианскому календарю открыт 31.12.1820, а по григорианскому календарю 12.01.1821. Наиболее полная информация о кургане собрана И. В. Тункиной (Тункина. 2002. С. 547–552).

423), а дата погребения в кургане Патиниоти – «не ранее середины IV в. до н.э.» (Тункина. 2002. С. 549), то не связать ли захоронения в этих курганах с Перисадом I, с его отцом Левконом I и с его братом Спартоком II (349/8 – 344/3)?

Относительно происхождения боспорской правящей династии есть различные мнения. Полиэтнический состав боспорского населения, негреческие имена боспорских правителей и боспорской знати («из варяг в греки») соединяются с институтами античной цивилизации. Боспорское государство называют греко-варварским, но оно появилось вследствие колонизации греками данной территории, т.е. Боспор – локальный вариант пришлой, т.е. античной цивилизации, и говорить можно только о некоем симбиозе двух основных этнокультурных компонентов (Масленников. 2011. С. 49).

Литература

- А. Ю. Алексеев.* Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: Историко-археологический очерк). СПб., 1992.
- А. Ю. Алексеев.* Хронография европейской Скифии. СПб., 2003.
- А. Б. Ашик.* Воспорское царство. Одесса, 1848.
- Ю. В. Болтрик.* К вопросу о наиболее позднем хронологическом пласте курганов скифской знати // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. ТД областной научной конференции. Омск, 1987.
- Ю. А. Виноградов.* Курган Куль-Оба // *Поль Дюбрьюкс.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I. Тексты.
- Ю. А. Виноградов.* Золотой курган (Алтын-Оба) // *Поль Дюбрьюкс.* Собрание сочинений. Т. I. Тексты. СПб., 2010 а.
- Ю. А. Виноградов.* Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011.
- Е.В. Власова.* Куль-Оба. О характере погребения // БЧ. Вып. VI. 2005.
- В.Ф. Гайдудевич.* Боспорское царство. М., Л., 1949.
- А. Д. Грач.* Древние кочевники в центре Азии. Л., 1980.
- П. Дюбрьюкс.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I. Тексты.
- А. А. Масленников.* О боспорской государственности // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011.
- Б. М. Мозолевський.* Товста Могила. Київ, 1979.
- М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. РАИМК, 1925.
- Л. Ф. Силантьева.* Некрополь Нимфея. М., Л. 1959 – (МИА. № 69).
- И. В. Тункина.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

- Э. В. Яковенко. Скифы на Боспоре. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Чернигов, 1985.
- V. F. Gajdukevič. Das Bosporanische Reich. Berlin, Amsterdam, 1971.
- J.-P. Gavignet, E. Ramos, V. Schiltz. Paul Du Brux, Koul-Oba et les Scythes: présence de Paul Du Brux, Koul-Oba et les Scythes: présence de Paul Du Brux dans les archives françaises // Journal des Savants. Paris, juillet-décembre 2000.
- F. Dubois de Montpéroux. Voyage autor du Caucase chez le Tcherkesses et les Abchases en Colchide. Paris, 1843. Vol. V.
- N. Grač. Der Kurgan Kul²-Oba // Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bonn, 1997. Band I.
- K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin, 1855.
- E. V. Vlasova. Les kourganes de Sept-Frères et les les Sindes // Etudes et Travaux. Warsaw, 2005. Vol. XX.

А. А. Завойкин

«Царская хора» и ранние Спартокиды ²⁵

Первоначальным импульсом, стимулирующим меня затронуть эту тему, стала публикация в «Вестнике древней истории» (2013. № 1) рецензии Е. И. Соломатиной на монографию А. А. Масленникова «Царская хора Боспора...» (Соломатина. 2013. С. 218–222; Масленников. 2010). В целом этот вполне доброжелательный отзыв коллеги вызвал у меня довольно необычные ощущения. В нём последовательно критикуется высказанная А. А. Масленниковым идея, что серия раскопанных им синхронных памятников Крымского Приазовья, «ядром» которых был усадебный комплекс Генеральское Западное, представляет собой образец организации сельской территории на «царских землях». Поскольку речь идёт о памятниках, жизнедеятельность которых по преимуществу приходится на период, предшествующий официальному принятию Спартоком III царского титула, термин «царские», разумеется, следует принимать как некую условность, не требующую особых оговорок. Речь идёт о земельных владениях, которые принадлежали правителям Боспорского государства, были их доменом. В любом случае, насколько можно судить, эта территория располагалась за чертой полисных земель. Но рецензент, в целом и в деталях следуя концепции С. Ю. Сапрыкина (на работы которого исключительно и ссылается в данном вопросе), по-

²⁵ Работа выполнена по проекту «Структура сельских территорий Европейского и Азиатского Боспора в период эллинизма: общее и особенное», финансируемому РФФИ (№ 13-06-00081а).

лагает иначе (Соломатина. 2013. С. 221, ссылаясь на: Сапрыкин. 2013. С. 219).

Стоит отметить, что этой важнейшей для истории Боспора темы касались немного и нечасто, что находит естественное объяснение в состоянии источниковой базы: прямых свидетельств практически нет, а косвенные (в том числе археологические) трудны для понимания и неоднозначны. В этих условиях определяющую роль играют концептуальные представления исследователей и подбор уместных, по их мнению, аналогий. Если А. А. Масленников в целом следует традиционным в нашей историографии взглядам на характер власти Спартокидов (как справедливо было отмечено Е. И. Соломатиной (2013. С. 219), со ссылками на: Блаватский. 1953. С. 46–47; Кругликова. 1975. С. 8, 54, 58, 75, 148, 160, 249–250; Шелов-Коведяев. 1985. С. 160) и опирается в вопросе о статусе земель на аналогии из эллинистической Малой Азии, то его оппонент (С. Ю. Сапрыкин) исходит из окончательно утвердившихся в последние десятилетия представлений о тиранической природе власти боспорских правителей, отрицающая уместность какого-либо аналогизирования с эллинистическими государствами в принципе. Исследователь последовательно отстаивает мнение, что *реально* царская власть (монархия) устанавливается на Боспоре с Митридата Евпатора. Этим и объясняется его бескомпромиссная критика точки зрения А. А. Масленникова: раз не было царской власти (коронацию Спартока III он считает фикцией), значит, и «царских земель» быть не могло. Поскольку, как считает С. Ю. Сапрыкин, Боспор при Спартокидах был «полисной тиранией», а не «эллинистическим царством», «это позволяет определить социально-экономические отношения в государстве и формируемую ими социально-политическую структуру как полисную, включавшую понятие “Боспор” как *конгломерат* (курсив здесь и всюду далее мой. – А.З.) полисных владений крупнейших городов. Следовательно, боспорские земли, расположенные по обеим сторонам пролива, по-прежнему должны рассматриваться как ближняя и дальняя хора Пантикапея и других крупных полисов Боспорского государства» (Сапрыкин. 2003. С. 29).

Благодаря термину «конгломерат» (не находящему адекватных соответствий в античной политической лексике) можно догадаться, каким образом мыслится исследователем структура политических и социально-экономических (прежде всего, аграрных) отношений Боспорского государства при Спартокидах. Сущность этого «конгломерата» уточняется в другом пассаже. Сославшись на известный отрывок Страбона (Strabo VII. 4, 5), С. Ю. Сапрыкин пишет: «Это свидетельствует о том, что владыки Боспора, а к ним можно причислить Археанактидов и ранних Спартокидов, владели лишь землями в окрестностях Пантикапея, исключая Феодосию, хора ко-

торой граничила с таврами и областью восточнее от нее, подчиненной Пантикапею, т.е. боспорцам. Ею владели «тираны», т.е. Археонактиды и Спартокиды. Это означает, что, во-первых, эти земли являлись полисными, т.е. приращение владений осуществлялось из Пантикапея, а, во-вторых, *подключение* к ним других полисов с их хорошей по берегам пролива составило своего рода *союз* или *симмахию*, основанную в основном на *подчинении* (sic!) и лишь отчасти добровольно» (Сапрыкин. 2003. С. 24–25). Из этого текста трудно понять: кому же принадлежали земли в округе Пантикапея, тиранам или «боспорцам», но вполне определенно следует, что тот самый «конгломерат» (т.е. Боспорское государство) мыслится С. Ю. Сапрыкину как «своего рода насильственный союз» боспорских полисов, в котором роль Спартокидов, лишённых исследователем каких-либо прав на земельную собственность (помимо, наверное, их гражданского надела), чуть ли не сводилась к главенству в самом Пантикапее, а если и распространялась на весь «союз», то разве что вследствие приоритета Пантикапея над другими полисами. И Пантикапей, и другие полисы пользовались едва ли не в полном объёме всеми правами без ограничений и не понесли никакого урона в правах на земельную собственность.

Представить себе такой «насильственный союз» весьма сложно²⁶. Из действительно насильственного акта присоединения боспорских полисов к государству (если угодно, на первых порах – к Пантикапейскому полису) Сатиром I и Левконом I с неизбежностью следует возникновение права победителя над завоеванными землями. Другое дело, как этим правом завоеватель распорядился (ср. Бикерман. 1985. С. 158). Многочисленные примеры из истории тирании показывают, что альтруизм – не был характерной её чертой. Напротив, ещё не выйдя за границы родного полиса, тираны начинают травлю недовольных новым режимом правления сограждан, охотно присваивают себе (или раздают своим приверженцам) их собственность, движимую и недвижимую. Это своего рода универсальный закон тирании – обеспечить себе социальную поддержку (для этого пригодна помощь не только сограждан, но и иностранных купцов или варваров – см.: Polyaeu. V. 9, 2 и 4), любыми средствами сломить оппозицию (Ps.-Agt. PPE.77; Polyaeu. VI. 9, 2–3), в том числе опираясь на «негодяев», необходимость которых для авторитарного режима отчетливо понимали и сами тираны (Athen. VI. 71 (257e); ср.: Arist. Polit. V. 9, 2–9; Ростовцев. 1925. С. 135). А для этого и для упрочения власти вообще необходимы деньги (см.: Polyaeu. VI. 9, 1) и

²⁶ Примечательно, что термин *συμμαχία* в государстве Селевкидов, вероятно, обозначал совокупность свободных полисов и народов, которым царь даровал особые права, в противоположность *χώρα*, территории, подчиненной общему режиму правления (Бикерман. 1985. С. 131).

другие богатства, основным источником которых была земля. Вовсе не хочу сказать, что следствием этой жажды наживы стало тотальное изъятие из гражданского землепользования полисных земель. Вполне достаточно было заявить на неё свои права как завоевателя и на этом основании требовать доли продукта, на ней производимого, через систему налогов, без которой ни одно государство существовать не может. Еще более эффективным было введение монополий, в первую очередь – на внешнюю торговлю хлебом. Представляется, что пошлины, установленные на вывоз и ввоз товаров (достаточно эффективно контролируемые в портах, о которых Спартокиды просят особую заботу), стали одним из главных источников благополучия Спартокидов, по крайней мере, на протяжении всего IV и, может быть, первой четверти III в. до н.э. (Шелов-Коведяев. 1985. С. 158).

Для меня несомненно, что все эти источники благосостояния боспорской тирании проистекают из заявленных Спартокидами прав на землю, основанных на праве победителя (ср. Бикерман. 1985. С. 124–126). Структура же землевладения и землепользования была неоднородной. С формальной стороны, права суверена как «верховного собственника» не распространялись на хору Пантикапея (напротив, пантикапейская община могла бы в принципе претендовать на долю в завоеванных землях). Помимо «столичных» земель, разумеется, сохранялось полисное землевладение и на завоеванных греческих территориях, притом что в каждом конкретном случае отношения тирании и отдельного полиса на предмет политических свобод и прав собственности на землю могли быть различны (см. Завойкин. 2002. С. 95–101). Например, Горгиппия, судя по всем источникам и самому её переименованию в честь Горгиппа, её нового основателя, находит сходство с «царскими колониями» эллинистической эпохи (Кошеленко. 1979. С. 231) или с военно-земледельческими колониями, выведенными Дионисием Старшим (Фролов. 1979. С. 141). О Феодосии или Фанагории ничего такого сказать не можем. Особая речь о землях храмовых. Уточнить что-либо в этом вопросе в виду полного отсутствия источников нет возможности. Кроме этого следует говорить о землях пустовавших, ещё не освоенных греческими полисами к рубежу V и IV вв. до н.э. И, наконец – земли племён, которые были завоеваны Спартокидами и упомянуты в их титулатуре, над которыми простиралась сначала «архонтская», а вскоре – «царская» власть боспорских владык (Шелов-Коведяев. 1985. С. 168)²⁷. О том, каким образом здесь реализо-

²⁷ Исследователь выделяет три категории земель: полисную; «принадлежащую тираниям (включая подаренную ими своим приближенным), которой они распоряжались по своему усмотрению, основывая на ней города и нарезая участки поселенцам» и территории местных племён.

вались права завоевателя, судить практически невозможно. Включение этих территорий в западном Прикубанье в состав Боспорского государства кажется мне скорее номинальным. Хотя не следует исключать значения военно-политического аспекта, а также и экономической заинтересованности боспорских правителей в устойчивых поставках зерна на боспорские рынки для его дальнейшей продажи. Очевидно, что Спартокиды не «отнимали» земли варваров, не пытались обустроить на них специализированных зерновых хозяйств или чего-либо в том же духе (см. Завойкин. 2013).

О том, что боспорские правители (уже Сатир I) имели право распоряжаться землёй на завоеванных территориях, мы имеем немногочисленные, но вполне содержательные источники. Из них едва ли не самый яркий – свидетельство Эхина (Aesch. III. 171–172) и Гарпократиона (Harpocr. s.v. Νύμφιον) о передаче Гилону «в дар» или ещё конкретнее – «на пропитание» Кеп. Этот сюжет проанализирован с исчерпывающей полнотой Г. А. Кошеленко и О. Н. Усачевой, пришедших к убедительному выводу, что Сатир I был в праве распоряжаться подвластной ему землёй (сама практика предоставления городов «в кормление» восходит, по мнению исследователей, к ахеменидским традициям) и назначил Гилона своего рода наместником города Кепы и его округа (Кошеленко, Усачева. 1992. С. 51–57; ср. Суриков. 2009. С. 393–413). Разумеется, речь не идёт об изъятии полисных земель. Гилон получает лишь право на часть доходов с неё, причитающуюся Сатиру I в виде налогов. Со свидетельством Эхина перекликается сообщение Исократ (XVII. 3). Из него следует, что некий Сопей, приближенный Сатира I, «управлял большой областью», а сверх того имел «попечение о всех его владениях» (δύναμις) (ср.: Колобова. 1953. С. 59; Молев. 1999. С. 31–34). Перед нами крупный представитель центральной администрации, совмещавший обязанности «попечителя» (эпимелета) государева достояния и своего рода наместника (архонта) одной какой-то значительной административной области (χώρα), видимо, подобно Гилону. Низовые слои администрации (эпимелеты сёл – κόμαι) упомянуты в сообщении Полиена (VI. 9, 3).

Мы видим, что уже во времена Сатира I и Левкона I существовала разветвленная административно-территориальная система управления подвластными боспорским владикам землями. Представить себе дело таким образом, что Спартокиды выступали лишь в роли главы государственной администрации, абсолютно нереально. Напротив, перед нами полновластные и суверенные правители, которые свободно распоряжаются не только своим личным имуществом, но и доходами (их частью) с различных категорий земель (включая полисные). Это вполне типичные греческие тираны классической эпохи, с той лишь особенностью, что их владения не огра-

ничивались рамками одного полиса, но включали ряд полисов и сверх того подвластные варварские территории. Наиболее существенный момент, отличающий тиранию в одном полисе от аналогичных режимов в «надполисных» (территориальных) державах («архэ»), – не столько расширение властных полномочий и экономического потенциала правителя за счёт новых приобретений, сколько более или менее реальная возможность для правителя разорвать или хотя бы ослабить его взаимосвязь с гражданской общиной, породившей режим его единоличной власти. Такой возможности у тиранов, не имеющих альтернативной опоры силам своего родного полиса, не было в принципе (если не говорить о наемниках, ресурс которых ограничен возможностями самого полиса).

Итак, пусть и с рядом оговорок, мы вправе говорить (если пользоваться терминологией державы Селевкидов) о ἡ χώρα, государственных землях в державе Спартокидов постольку, поскольку их власть простиралась над территорией нескольких завоеванных полисов и землями ряда варварских племён. Эта территория располагалась за пределами хоры полисов, права которых на землю были опосредованы правом победителя, «уступившего» её подчиненной ему гражданской общине, обязанной теперь налогами в пользу центральной власти, а также – рядом уступок в политических правах. И нет никаких оснований для отрицания самой вероятности того, что в составе государственных земель имелась особая категория – личные владения тиранов (ἡ βασιλικὴ χώρα или, если угодно, γῆ βασιλική).

Другой вопрос, что по существу мы лишены возможности предметно судить о местоположении доменов правящей династии или о границах полисных земель. Исследования структуры и динамики освоения сельских территорий на Таманском п-ове в период ранних Спартокидов не выявили пока, вопреки гипотезам А. А. Масленникова (2001. С. 183–186) и Ю. А. Лопанова, Ю. В. Горлова (1995. С. 15–20), явных следов вторжения боспорских правителей в земельный фонд подвластных им полисов (Гарбузов, Завойкин. 2012. С. 125–130). Однако, пожалуй, этот анализ позволил сделать вывод о том, что хора отдельных полисов в IV в. до н.э. «консервируется» в ранее достигнутых пределах (вследствие чего наполненность их сельскими поселениями существенно возрастает). В восточной же части Таманского п-ова в благоприятных для региона в целом условиях подобного роста численности сельских поселений не наблюдается, несмотря на то, что здесь имеется серьёзный по площади массив плодородных земель. Поскольку известно, что Спартокиды, завершив объединение под своей властью греческих территорий, последовательно устанавливали свое господство над окрестными меотскими племенами, следует думать, что границы Азиатского

Боспора довольно далеко отодвинулись в восточном направлении от прежних рубежей полисных земель. Логично предположить, что новые земли, завоёванные боспорским тиранами, целиком находились в их личном распоряжении. Каким образом Спартокиды этими землями распоряжались – вопрос в полной мере открытый. В то же время известно, что Евмел предоставил землю для поселения тысяче каллатийцев (дал им «город для поселения, а кроме того разделил на участки так называемую Псою и область (ψόαν καὶ τὴν χόραν – Diod. XX. 25). Следовательно, в его распоряжении имелась земля, которой он мог распоряжаться по полному своему усмотрению. А если это так, в чем тогда суть вдруг возникшей дискуссии?

Литература

- Э. Бикерман. Государство Селевкидов. М., 1985.
- В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- А. А. Завойкин. Киммериды – полис на Киммерийском Боспоре // ПИФК. 1997. Т. 4. Вып. 1.
- А. А. Завойкин. Синдская Гавань (Синдик) – Горгиппия // ВДИ. 1998. № 3.
- А. А. Завойкин. Периодизация истории Киммериды // ДБ. 1999. Т. 2.
- А. А. Завойкин. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. Т. 5.
- А. А. Завойкин. Боспорские греки и «азиатские варвары» в период архаики – раннего эллинизма // Scripta antiqua. Vol. III. М., 2013. (в печати).
- Г. П. Гарбузов, А. А. Завойкин. Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вт. пол. VI–V вв. до н.э.) и в составе державы Спартокидов (IV– начало III в. до н.э.) // ДБ. 2012. Т. 16.
- К. М. Колобова. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. №4.
- Г. А. Кошеленко. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Г. А. Кошеленко, О. М. Усачова. Гилон і Кепи // Археологія. 1992. №2.
- И. Т. Кругликова. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Ю. А. Лопанов, Ю. В. Горлов. Древнейшая система мелиорации на таманском полуострове. Материалы к конференции «Древний мир: проблемы экологии», 18–20 сентября 1995 г. М., 1995. (Отд. оттиск).
- А. А. Масленников. «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н.э. (К вопросу о локализации) // ВДИ. 2001. № 1.
- А. А. Масленников. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М., 2010. – (ДБ. Suppl. III/1)
- Е. А. Молев. Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // АМА. 1999. Вып. 10.

- М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. РАИМК, 1925.
- С. Ю. Сапрыкин.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1.
- Е. И. Соломатина.* Рец.: *А. А. Масленников.* Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Том 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М.: «Триумф-принт», 2010. (Древности Боспора. Suppl. III). 244 с., ил. // ВДИ. 2013. № 1.
- И. Е. Суриков.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромпет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 2009. Т. 13.
- Э. Д. Фролов.* Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979.
- Ф. В. Шелов-Коведяев.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. М., 1985. – (Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год).

М. В. Скржинская

Досуг населения античного Боспора

Время, не занятое различными видами труда, общественной деятельностью или войной, эллины называли словом *σχολή*, то есть досугом; его наличие считалось отличительным качеством свободного человека. Археологические находки и некоторые известия античных авторов свидетельствуют, что боспоряне проводили свой досуг столь же разнообразно, как и греки в других античных государствах. Формы организации досуга можно разделить на общественные и частные. К последним относятся вечерние застолья с друзьями, игры в кости, шашки и охота. О коллективном досуге заботились власти государства или монархи, а его организацией занимались выборные гимнасиархи и агонотеты. Две надписи из Нимфея и Гермонассы (КБН. 1039; Соколова. 2001. С. 268–271) сохранили имена боспорских агонотетов, а гимнасиархи названы во многих надписях из разных боспорских городов.

В любом более или менее крупном античном городе на общественные средства или пожертвования богатых соотечественников строились и содержались здания театров для проведения драматических представлений и концертов, а также гимнасии для спортивных тренировок и состязаний. В обоих строениях все граждане часто проводили свой досуг. Не случайно Павсаний (X, 4, 1) написал, что поселение без этих построек нельзя назвать городом.

Посещение гимнасия входило в жизнь полноправного эллина с отроческих лет, так как занятия атлетикой включалось в обязательную программу средней школы. После её окончания одни граждане продолжали тренироваться и участвовать в состязаниях, другие приходили, чтобы посмотреть, как занимается и соревнуется молодежь. Греческие гимнасии играли также роль культурных центров, где собирались для бесед на философские темы, слушали выступления поэтов, брали книги из существовавших при гимнасиях библиотеках (Блаватская. 1983. С. 67, 108).

Гимнасии находились в столице Боспора и в других городах, о чём свидетельствуют надписи IV в. до н.э. – III в. н.э. из Пантикапея, Горгииппии, Фанагории и Танаиса. Там упоминаются либо все посещавшие гимнасий (КБН. 129), либо его здание (КБН. 983, 991), но чаще всего названы имена с отчествами его руководителей гимнасиархов (КБН. 90, 103, 823, 1140, 1260 а, 1263, 1264, 1268, 1277–1280, 1282, 1287, 1288). Архитектурные остатки гимнасия открыты в Фанагории (Кобылина. 1989. С. 25, 26). В гимнасиях боспоряне собирались на практиковавшиеся во всей Элладе ежегодные праздники с агонами в честь Гермеса, о чём свидетельствует надпись из Горгииппии (КБН. 1137). Анализ её содержания показывает, что в гимнасии тренировались и зачастую побеждали на соревнованиях мужчины 25–30 лет, а некоторым это удавалось даже после 40 лет (Берзин. 1961. С. 115; Анохин. 1999. С. 210–212).

О боспорских театрах сейчас известно из рассказа Полиэна о проходивших там в IV в. до н.э. концертах знаменитого кифарода (то есть певца, аккомпанировавшего себе на кифаре) Аристоники (Polyaen. V, 44). Вероятно, в боспорских театрах выступал прославленный кифарод Стратоник, живший некоторое время при дворе царя Перисада (Athen. VIII, 41, С. 247). В Пантикапее обнаружено мраморное кресло для почетных зрителей в театре и мраморный рельеф с изображением актёра в роли силена, который, по видимому, украшал столичный театр (Гайдукевич. 1949. С. 162. Рис. 27; Блаватский. 1957. С. 247). Многочисленные находки терракотовых статуэток с изображением трагических и комических актёров косвенно свидетельствуют о драматических представлениях в боспорских театрах (Скржинская. 2010. С. 203–207). Кроме выдающихся солистов в театре выступали также музыкальные ансамбли. Трио из двух аулосов и ручного органа изображено на фреске, украшающей стенку пантикапейского саркофага римского времени (Ростовцев. 1914. Табл. 92).

В первые века нашей эры в пантикапейском театре наряду с традиционными греческими зрелищами под влиянием римской культуры появились бои гладиаторов. Их изображения были включены в роспись роскошного, наверное, царского склепа (Ростовцев. 1914. С. 357, 358. Табл. 90). Гладиаторы вооружены по-разному; один из них ретнарий с сетью, которую он набрасывал на противника, чтобы его опутать, а затем повалить. Вероятно, фигуры гладиаторов напоминали о том, что царь устраивал для своих подданных гладиаторские бои (Гайдукевич. 1949. С. 414), а может быть, гладиаторы сражались перед боспорянами во время торжественной многолюдной церемонии похорон того, кого погребли в этом склепе.

Другим новшеством в проведении досуга, сложившимся под влиянием римлян, было посещение общественных бань (терм). В них получали удовольствие от разных видов купания в горячей и холодной воде и массажа, кроме того, посетители общались, сидя на подогретых скамьях, и обсуждали всевозможные новости. Остатки терм на Боспоре найдены в Пантикапее, Фанагории и Кепях (Кобылина. 1984. С. 209).

Симпосион, то есть совместное питье вина, сопровождавшееся застольными беседами, был излюбленным времяпровождением греков в вечернее время. Симпосионы устраивались в частных и в общественных зданиях. Для пиров в богатых домах служили андроны, большие комнаты для приема гостей. Совместные трапезы в специально построенном или нанятом помещении широко практиковались среди членов всевозможных союзов. Таковыми на Боспоре были религиозные и профессиональные объединения; к последним относился, например, союз навклеров Горгиппии (КБН. 1134). Различные религиозные и другие союзы, получившие широкое распространение в первые века нашей эры, известны по многочисленным надписям из Пантикапея, Мирмекия, Илурата, Фанагории, Гермонассы, Горгиппии и Танаиса.

На симпосионах вино подавали в разнообразных, часто дорогих сосудах. Обломки парадных керамических амфор, кратеров, ойнохой, киликов и других видов винных кубков найдены при раскопках боспорских городов. На некоторых имеются застольные надписи, нанесенные острым предметом (Толстой. 1953. С. 72–74, 98–101). На фризе одного чернофигурного кратера, использовавшегося в Пантикапее для смешивания вина с водой в конце VI в. до н.э., изображена сцена симпосиона: флейтист развлекает мужчин, возлежащих на ложах, а слуга подносит килик с вином; стены андрона украшены цветочными венками (CVA. 1996. Т. 1. Pl. 25, 2).

Образованные эллины посвящали свой досуг занятиям философией, историей и литературой, реже они обращались к естественным и точным наукам. Аристотель в «Политике» и «Никомаховой этике» посвятил немало рассуждений о том, как свободный человек должен проводить досуг, посвящая его интеллектуальным занятиям. Сохранились лишь косвенные свидетельства о таком досуге у боспорян. Такова, например, надгробная стела Стратоника, сына Зенона (КБН. 145; Гайдукевич. 1949. С. 385, 386. Рис. 64). На двух рельефах памятника I в. н.э., поставленного в некрополе Пантикапея, Стратоник изображен как учёный со свитками в руке и на стоящем рядом столе, а также как воин, вооруженный мечом и горитом со стрелами и луком. В нижней части стелы написана стихотворная эпитафия со словами о том, что мудрость умершего известна из его книг. Корзина со свитками у ног молодого человека, современника Стратоника, изображена на мраморной статуе боспорянина; этот атрибут также указывает на интеллектуальные занятия этого жителя Пантикапея (Соколов. 1973. № 133). Рано умерший в I в. до н. э. боспорянин Геродор назван в эпитафии любителем наук (КБН. 125).

Подобно другим эллинам, боспоряне любили охотиться, о чём свидетельствуют находки костей диких животных, главным образом зайцев, оленей и кабанов (Цалкин. 1960. С. 7–109). Их малое количество по сравнению с костями домашних животных показывает, что дичь не играла существенной роли в питании жителей Боспора. Значит, они, как и все греки, охотились для развлечения и упражнений в ловкости (Webster. 1969. P. 32.). Многочисленные находки костей лошадей и собак указывают на то, что на Боспоре могли устраивать псовую и конную охоту.

Эллины нередко развлекались всевозможными играми; наиболее распространенными были игры в кости, а также бои петухов и перепелов, во время которых делали ставки на ту или иную птицу. Находки костей и изображений боевых петухов дают основание думать, что боспоряне устраивали петушиные бои (Скржинская. 2010 а. С. 111). Игры в кости, которыми занимались и взрослые мужчины, и женщины, и дети, бывали просто развлечением и азартным увлечением со ставками на деньги. Из произведений древних авторов известно несколько разновидностей подобных игр. Т. В. Блаватская (1959. С. 68–80) на основании многочисленных археологических находок показала, какими именно играми увлекались в Пантикапее. Обнаруженные при раскопках разнообразные костяные игральные кубики, шашки и астрагалы показывают, что боспоряне посвящали свой досуг этим играм на протяжении всей античной эпохи (Петерс. 1986. С. 77–90).

Литература

- В. А. Анохин.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Э. О. Берзин.* Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1.
- Т. В. Блаватская.* Игральные кости из Пантикапея // Listy filologicke. 1959. № 8. – (Eunomia III, 2).
- Т. В. Блаватская.* Из истории интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.
- В. Д. Блаватский.* Мраморный трон из Пантикапея // СА. 1957. № 2.
- В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М., Л., 1949.
- М. М. Кобылина.* Архитектура // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- М. М. Кобылина.* Фанагория. М., 1989.
- Б. Г. Петерс.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
- М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
- М. В. Скржинская.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- М. В. Скржинская.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010 а.
- Г. И. Соколов.* Античное Причерноморье. Л., 1973.
- О. Ю. Соколова.* Новая надпись из Нимфея // Древности Боспора. М., 2001. Т. 4.
- И. И. Толстой.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., Л., 1953.
- В. И. Цалкин.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья // МИА. 1960. № 53.
- T. V. Webster.* Everyday Life in Classical Athens. L., 1969.

Н. В. Завойкина, Н. А. Павличенко

Новое свинцовое письмо из округа античного Патрея²⁸

Осенью 2012 г. в затопленной водами Таманского залива части городища Патрей один из местных жителей случайно нашел свинцовую трубочку. После развертывания стало очевидно, что найдено ещё одно свинцовое письмо (Рис. 1). Фотография письма и информация о месте его находки были предоставлены одному из авторов.

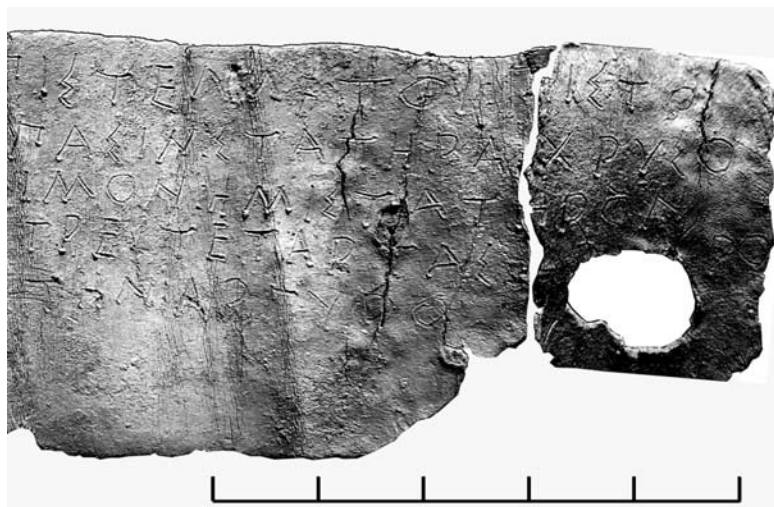
²⁸ Н. В. Завойкина работала в рамках гранта РГНФ № 2012-01-00116.

Рис. 1. Свинцовое письмо из Патрея

Текст располагается на одной стороне пластины неровной формы (мах дл. 15,05, мах шир. 4,10 см), отломанной от более длинной свинцовой полоски, по всей видимости, специально для этого письма. Письмо состоит из пяти строк. Первые буквы в начале каждой строки едва различимы, остальная его часть сохранилась достаточно хорошо. Буквы процарапаны острым предметом, они чёткие и хорошо читаются. Крупная лакуна округлой формы уничтожила несколько букв в конце 4-й строки.

Место находки публикуемого письма позволяет предположить, что его автор и/или адресат находились в Патрее. Поселение с созвучным названием было известно ещё Гекатею Милетскому (St. Byz. s.v. Πάτραυς: *понтийский город, как говорит Гекатей в описании Азии*). Однако на протяжении полутысячелетия оно больше ни разу не упоминается в античной письменной традиции, вплоть до Страбона (XI. 2, 8), который сообщает, что неподалеку от него располагался памятник Сатиру и что от селения Патрей до деревни Корокондамы расстояние 130 стадиев. К сожалению, метрополия Патрея остается неизвестной, хотя столь раннее упоминание Патрея Гекатеем Милетским наводит на мысль о том, что это была ионийская (?) апокия, этому не противоречат и диалектные особенности публикуемого памятника. Поселение Гаркуша I, отождествляемое с античным Патреем, располагается на западной окраине современного пос. Гаркуша (Темрюкского района Краснодарского края) (Абрамов. 2010. С. 529). Свинцовое письмо происходит, как уже было отмечено

(Абрамов. 2010. С. 530), из затопленной части поселения, где в течение последних двадцати лет на удалении от 20 до 130 м от центральной береговой части городища исследовались керамические комплексы и строительные остатки конца VI–I вв. до н.э. (Абрамов. 2010. С. 530. Рис. 1; Османова. 1999. С. 34–44; Таскаев. 1999. С. 58–64). Таким образом, свинцовое письмо вполне может происходить из одного из археологических комплексов затопленной части поселения.

К сожалению, из-за отсутствия археологического контекста, дата письма может определяться только по его палеографическим особенностям. Использование интерпункции в виде двух точек в пафрейском письме, определяет время его написания не позднее V в. до н.э. (Jeffery. 1991. С. 325–326), хотя в периферийных полисах, таких как Ольвия Понтийская, этот знак был в ходу и в первой половине IV в. до н.э. (Lebedev. 1996. С. 276; Павличенко, Кашаев. 2012. С. 289). Наиболее близкая аналогия формам букв пафрейского письма обнаруживается в гермонасском письме Кледика (Павличенко, Кашаев. 2012. С. 290. Рис. 1; Сапрыкин, Белоусов. 2012. С. 352. Рис. 1)²⁹. Исследователи, опубликовавшие письмо из Гермонассы,

²⁹ Ещё одно свинцовое письмо из Гермонассы (находка 2001 г.) (Finogenova. 2003. P. 1019, 1044. Fig. 9) было представлено на выставке, приуроченной к Ежегодной Отчётной сессии научного коллектива ГМИИ им. А. С. Пушкина, в разделе «Новые находки Гермонасской археологической экспедиции», которая проходила в Москве в период с 15.10.2012 по 18.11.2012 г. Судя по шрифту, оно датируется несколько более

независимо друг от друга датируют его второй половиной V в. до н.э. Однако С. Ю. Сапрыкин и А. В. Белоусов склонны относить надпись ближе к концу столетия или же к рубежу V–IV вв. до н.э. (Сапрыкин, Белоусов, 2012. С. 349; Belousov, Saprykin. 2013. P. 155). Совпадения прослеживаются в начертании ряда букв: «широкие» *альфа* и *мю*, *тхета* с точкой, *сигма* с широко расставленными гас-тами, *омега* в форме полукруга с отогнутыми в стороны ножками, «узкая» *эта*, *ню* наклонённая вправо и с приподнятой правой гас-той. Но есть и отличия: в патрейском письме *сигма* более узкая и вытянута по вертикали; *эпсилон* – с короткими и скошенными вниз горизонтальными гас-тами; *ипсилон* – только трёхчастный, тогда как в письме Кледика отмечена и архаическая форма в виде латинской «V» (Павличенко, Кашаев, 2012. С. 289, 290. Рис. 1); *пи* – с наклоном вправо и с укороченной правой гас-той, тогда как в письме Кледика *пи* с вертикальными гас-тами одинаковой длины встречается наряду с *пи* с укороченной правой гас-той; *альфа*, *лямбда*, *мю*, *ню* и *ипсилон* в большинстве случаев, в отличие от письма Кледика, не имеют искривлённых гас-т. Но отмеченные отличия, скорее, следует рассматривать как особенности почерка автора письма, нежели как хронологический репер. В целом, судя по палеографическим особенностям, патрейское письмо может датироваться в пределах второй половины V в. до н.э. или несколько уже – третьей четвертью этого столетия.

В письме сообщается, предположительно, об уплате долга или выполнении неких финансовых обязательств – в порядке убывания перечислены выплачиваемые суммы, причём к одной из них добавляется ещё и раб. Многочисленный амфорный и керамический материал второй половины VI–V вв. до н.э., опубликованный исследователями, свидетельствует об активных экономических связях Патрея с различными центрами Средиземноморья. Предполагается, что Патрей входил в число участников 1-го Афинского морского союза и в 425/4 гг. до н.э. платил форос в его казну (МИС 1; IG I². 63; ATL 1, P. 116 (A 9, № 38, 39)). Такого рода обширная торговая деятельность полиса требовала соответствующей переписки. Возможно, публикуемое письмо как раз и является примером деловой корреспонденции древнегреческого купца из Патрея.

Литература

- А. П. Абрамов. Патрей // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 1.
 Н. А. Павличенко, С. В. Кашаев. Новая эпиграфическая находка из Гермонассы // ДБ. 2012. Т. 16.

- С. Ю. Сапрыкин, А. В. Белоусов. Письмо Кледика из Гермонассы // ДБ. 2012. Т. 16.
- С. Р. Османова. Археологические памятники на затопленной части Патрейского городища // Патрей. Материалы исследования. М., 1999. Вып. 1.
- В. Н. Таскаев. Подводная археология и палеографическая реконструкция древнего Патрея // Патрей. Материалы исследования. М., 1999. Вып. 1.
- A. V. Belousov, S. Yu. Saprykin. A letter of Kledikos from Hermonassa // ZPE. 2013. Bd. 185.
- S. I. Finogonova. Hermonassa // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Eds. D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos. Thessalonique, 2003. Vol. II.
- L. J. Jeffery. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1991.

И. Е. Суриков

Греческое имя Дем(ос) на Боспоре? К интерпретации одного недавно опубликованного граффито

В издание граффити и дипинти с хоры Боспора в последние годы особенно большой вклад вносят С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников. Относительно недавно они выпустили объемистый том, посвященный этим памятникам (Сапрыкин, Масленников. 2007). Однако наука не стоит на месте, регулярно становятся известными новые надписи на керамике, и довольно быстро появилась необходимость в некоторых *addenda* к вышедшему своду. Таковые и были сделаны в новой публикации вышеупомянутых авторов (Сапрыкин, Масленников. 2012).

Нас в рамках данных тезисов будет интересовать преимущественно одно из новоопубликованных граффити (№ 25 по нумерации, принятой издателями) (Рис. 1). Приведем основные сведения о нём: «Фрагмент чернолаковой чашки светло-коричневой с блестками глины и покрытой блестящим лаком с металлическим оттенком. С внешней стороны донца почти посередине, где сохранился штампованный орнамент, надпись [...]НМОΣ» (Сапрыкин, Масленников. 2012. С. 208, С. 205. Рис. 2). Что касается датировки, во вступлении к публикации оговаривается относительно всех издаваемых надписей: «их датировка укладывается в целом в пределы от середины IV до конца первой трети III в. до н.э.» (Сапрыкин, Масленников, 2012. С. 200).

Как же надлежит реконструировать рассматриваемое граффито? В качестве наиболее вероятного варианта публикаторы настаивают на следующем: «...Надпись можно восстановить как [Δ]ῆμος.

Она показывает, что владельцем сосуда являлся некий Демос». Чуть ниже из этого даже делается далеко идущий вывод: «Поскольку в Боспорском государстве в IV – первой половине III в. до н.э. существовало тираническое правление Спартокидов, распространение подобных имен (т.е. типа «Демос» и других с корнем δῆμ- – *И. С.*), пусть и достаточно ограниченное, возможно, свидетельствовало о живучести полисных традиций» (Сапрыкин, Масленников, 2012. С. 209).

Относительно пресловутого «распространения» (о котором, впрочем, сказано, как видим, достаточно осторожно) имен с корнем δῆμ- на тираническом Боспоре и о причинах этого «распространения», если оно действительно имело место, в рамках данных тезисов не будем говорить. Остановимся на самой интерпретации издателями интересующей нас надписи – интерпретации, которая вызывает у автора этих строк самые серьёзные сомнения и никак не представляется наиболее вероятной. Если допустить, что она верна, то придется говорить о пополнении известного науке ономастического фонда античного Боспора новой единицей – весьма редким именем Дем, или Демос (возможна как та, так и другая передача на русском языке греческого личного имени Δῆμος), что буквально означает «народ». Имеем ли мы право пополнять свод наших знаний о Боспоре этой информацией, воспринимая её как безусловный факт? Думается, оснований для этого явно недостаточно. Дабы аргументировать свою позицию, обратимся к сопоставительному анализу, привлекая релевантные данные из других регионов греческого мира. Теперь есть такая возможность, поскольку в своей значительной части уже издан фундаментальный справочник LGPN, материалом которого мы и будем активно пользоваться.

Предварительно представляется необходимым ещё подчеркнуть, что подлинно доказательную ценность могут иметь только те случаи употребления имени Дем(ос), которые либо предшествуют по времени анализируемому граффито, либо хотя бы современны ему. Более поздние примеры аргументами в пользу гипотезы С. Ю. Сапрыкина и А. А. Масленникова служить не могут, поскольку не представляют собой *прецедентов*; к тому же начиная с III в. до н.э. общие политические условия в греческом мире резко изменились – произошла своеобразная девальвация самих понятий «демократия», демос (ср. в связи с этим: Суриков, 2008 а. С. 308 слл.). А это не могло не сказаться и на принципах имянаречения. Также оговорим, с другой стороны, что в сопоставительных целях нами будет привлекаться не только собственно имя Δῆμος, но и имя Δᾰμος – его эквивалент в дорийском и некоторых других диалектах.

С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников утверждают: «Такое имя (Δῆμος. – *И. С.*) было достаточно популярно в Афинах в V–IV вв. до н.э.», ссылаясь как раз на LGPN. Однако подобное суждение является слишком уж сильным преувеличением. За всю многовековую историю афинского полиса зафиксировано всего лишь четыре носителя интересующего нас имени (LGPN. II. P. 110), да к тому же относительно одного из этих четырёх существуют сомнения в плане принадлежности этого персонажа именно к Афинам, так что в LGPN он фигурирует со знаком вопроса. Из оставшихся трех один жил в конце II в. до н.э., еще один – на рубеже н.э.; эти два случая, стало быть, являются поздними и, соответственно, не могут, согласно принятому выше критерию, привлекаться в качестве довода в поддержку оспариваемого здесь восстановления граффито.

И что же мы в результате имеем? Одно-единственного афинянина по имени Дем(ос), жившего в V–IV вв. до н.э. Факт, мягко скажем, несколько контрастирующий с уверенным заявлением С. Ю. Сапрыкина и А. А. Масленникова о «достаточной популярности» этого имени в Афинах в V–IV вв. до н.э. Кстати, афинский гражданин, о котором идет речь, неплохо известен из источников. Это Дем(ос), сын Пирилампа – видного политического деятеля второй половины V в. до н.э., соратника Перикла (и, кстати, отчима философа Платона). Пирилампа совершенно сознательно дал своему сыну от первого брака имя Дем(ос), нарушая принятые в Греции традиции имянаречения (о которых см., например: Суриков. 2009) в политических целях, стараясь подчеркнуть на ономастическом уровне свою верность демократии (Карпюк. 2003. С. 213 слл.; Суриков, 2008 б. С. 87 сл.). Ведь термин «демос», помимо прочего, часто употреблялся в значении «демократическое государственное устройство» (Hansen. 2010. P. 502). Иными словами, тут перед нами отнюдь не типичный, а уникальный случай, порождённый конкретным стечением обстоятельств. Уникальные же факты некорректно привлекать в качестве исторических параллелей.

Далее, публикаторы разбираемого граффито указывают и на другие примеры появления имени Дем(ос) или Дам(ос) в различных регионах греческого мира. Таковые действительно наличествуют, но в крайне незначительном количестве. Дадим соответствующий перечень, опираясь на данные LGPN (из этого перечня пока будут исключены несколько особых случаев, на которых затем придется остановиться подробно).

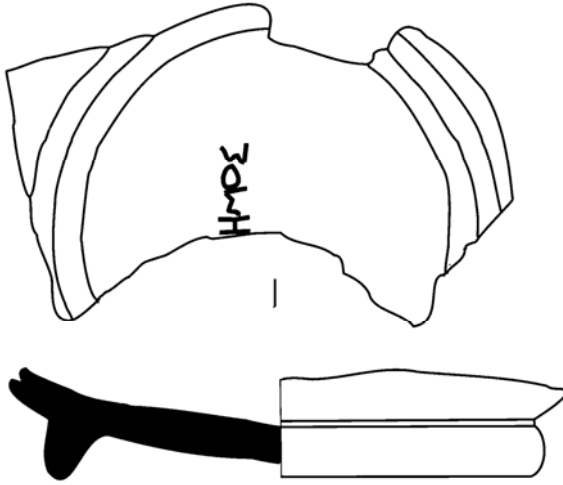

Рис. 1 Граффито на фрагменте чернολаковой чашки из раскопок поселения Генеральское (западное)

Смирна – 1 случай (первая половина III в. до н.э.); Приена – 1 случай (рубеж н.э.); Самос – 1 случай (рубеж III–II вв. до н.э.); Лесбос – 4 случая (один датируется серединой IV в. до н.э., остальные – эллинистическим временем); Вифиния – 1 случай (II в. н.э.); Арголида – 2 случая (II в. до н.э.); Фессалия – 1 случай (II в. до н.э.). Бросятся в глаза три обстоятельства. Во-первых, почти все перечисленные носители данного имени – поздние. Во-вторых, ни одного Дем(ос)а нет в Милете – метрополии большинства эллинистических колоний в Северном Причерноморье. В-третьих, что особенно важно, вообще нет носителей имени в самом Причерноморье; в IV томе LGPN ни единица Δῆμος, ни единица Δᾶμος просто не присутствуют. Правда, С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников апеллируют к выкладкам В. П. Яйленко, который прочитал одно граффито рубежа IV–III в. до н.э. из Панского I (на хоре Херсонеса Таврического) как «(сосуд) Дамоса, сына Евполе(ма)» (Яйленко. 2001. С. 176). Однако это не факт, а лишь гипотеза В. П. Яйленко, одна из возможных и притом не самая убедительная (существует, как минимум, не менее вероятное чтение Ю. Г. Виноградова, в котором никакого имени Дамос нет); гипотеза эта не принята, как видим, и составителями LGPN.

Теперь об особых случаях. В LGPN значится некий Дем(ос) с Хиоса, отнесенный к архаической эпохе, но, подчеркнём, со знаком вопроса (LGPN I. P. 128). Последнее не оговорено С. Ю. Сапрыкиным и А. А. Масленниковым, которые просто замечают: «Та-

кое имя... встречается на Хиосе в эпоху архаики» (Сапрыкин, Масленников. 2012. С. 209). Разумеется, столь ранний прецедент употребления имени Дем(ос) был бы достаточно сильным аргументом в пользу их версии. В действительности, однако, для лица, о котором идёт речь (оно дважды упоминается Плутархом – Мог. 91 f; 813 а) нельзя уверенно определить ни время жизни, ни даже точное написание имени (некоторые издатели предлагают не $\delta\epsilon\mu\omicron\varsigma$ Δῆμος, а $\delta\epsilon\mu\acute{\omicron}\delta\eta\mu\omicron\varsigma$). Так что перед нами опять шаткий довод.

Два довольно ранних примера употребления имени Δᾶμος имеются в силлабических надписях Кипра (LCPN I. P. 117). Один из них (первая половина IV в. до н.э.), впрочем, сомнителен: соответствующее место может быть транслитерировано и как Δάμω φίλος, и как Δαμόφίλος, причём последний вариант кажется нам даже предпочтительным. Второй пример, кажется, безусловен; датируется он VII–VI вв. до н.э. Но неясно, что мог означать для архаических киприотов (прямых потомков ахейцев II тыс. до н.э.) термин δᾶμος и имел ли он какое-либо отношение к «демосу» в привычном нам смысле (о проблемах, возникающих в связи с лексемой *da-mo* даже в микенском греческом, см.: Молчанов, Нерознак, Шарыпкин. 1988. С. 41).

Подведём предварительные итоги. Имя Дем(ос) с диалектным вариантом Дам(ос) слишком редко, чтобы можно было его предлагать как наиболее вероятный вариант восстановления граффито. Между тем, С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников идут еще дальше. Они читают нечто аналогичное ещё на двух керамических фрагментах (№ 23–24 по их нумерации). На одном они вообще восстанавливают одну букву Δ в Δ(ῆμος?) (слава Богу, хотя бы со знаком вопроса!), что, мягко говоря, совсем уж негоже. Касательно другого, где стоит ΔΗ ΔΗ, тоже наблюдаем какие-то фантазии, как, например, δη(μόσιον) Δή(μου), что признаётся публикаторами наиболее предпочтительным вариантом (Сапрыкин, Масленников, 2012. С. 208). Зачем искать черную кошку в тёмной комнате, в которой её заведомо нет? Зачем придумывать мифического боспорянина Дем(ос)а, якобы оставившего свои метки на сосудах, которые просто находились в общественной собственности? Как прекрасно известно, ΔΗ = ΔΕ (ср. граффито № 14 из той же публикации С. Ю. Сапрыкина и А. А. Масленникова, с совершенно верной интерпретацией авторов). Просто в Афинах «старомодное» ΔΕ держалось дольше, как наследие аттического алфавита, официально принятого в афинском полисе вплоть до конца V в. до н.э. и, ясное дело, оставившего свои следы.

Что же касается, собственно, интересующей нас надписи [...]НΜΟΣ, мы согласны с публикаторами, что видеть в ней что-либо в духе δημόσιον не приходится. Иначе, конечно, она не была бы оборвана на *сигме*, а либо раньше закончена (ΔΗ), либо дописана до конца.

Так что же перед нами? Собственно, «ларчик просто открывался». Данное частично сохранившееся граффито, безусловно, представляет собой вторую половину какого-то из композитных имен на -δημος. Таковых имен (Филодем, Никodem, Клеodem и пр., и пр., и пр.) хоть пруд пруди; нередки они и в Северном Причерноморье. Данное прочтение (более чем естественное), вообще говоря, рассматривается и самими С. Ю. Сапрыкиным и А. А. Масленниковым, но почему-то тут же отвергается в пользу куда более фантастичного, которое и критиковалось выше. Последнее занятное замечание. Если бы рассматривавшийся черепок с надписью происходил из Афин, никто и не усомнился бы, что перед нами остракон для остракизма. Но, полагаем, в античном населённом пункте, ныне обозначаемом как Генеральское-западное (именно оттуда происходят «Демосовы» граффити), остракизм проводиться не мог?

Литература

- С. Г. Карпюк. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.
- А. А. Молчанов, В. П. Нерознак, С. Я. Шарыпкин. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М., 1988.
- С. Ю. Сапрыкин, А. А. Масленников. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь, Керчь, 2007.
- С. Ю. Сапрыкин, А. А. Масленников. Граффити и дипинти с памятников «царской» хоры европейского Боспора. Addenda I // Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал. М., 2012.
- И. Е. Суриков. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008 а.
- И. Е. Суриков. Antiphoneta III: Друзья и враги Антифонта (просопографический этюд) // Studia historica. Т. 8. М., 2008 б.
- И. Е. Суриков. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. М., 2009. Вып. 3.
- В. П. Яйленко. Некоторые вопросы интерпретации Херсонесской присяги и почетной надписи Агасикла // Проблемы истории, филологии, культуры. 2001. Вып. 10.
- М. Н. Hansen. The Concepts of *Demos*, *Ekklesia* and *Dikasterion* in Classical Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2010. Vol. 50.

Н. В. Молева

Боспорские антропоморфные изваяния с обозначенными чертами лица (происхождение традиции)

На некоторых боспорских антропоморфных изваяниях есть обозначенные черты лица. Таких памятников известно 14. Их можно подразделить на две группы: первая – с чертами лица и деталями одежды, выполненными в контррельефе; вторая – с обозначенными в рельефе чертами лица (Рис. 1. 1–6 – контррельефные изображения, 7–9 – рельефные).

Контррельефная разметка носит весьма условный характер и не отличается тщательностью исполнения. Иногда это могут быть только глубоко просверленные или выбитые в камне глаза, как это хорошо заметно на изваяниях из Пантикапея. Порфмия, Артезиана (Рис. 1. 3, 5, 6). Однако встречаются и памятники с детально проработанными глубоко врезанной линией и выдолбленными глазами, носом, бровями, ртом (Рис. 1. 1, 2, 4). Все эти обозначения, нанесенные на лицевой поверхности изваяний, выглядят достаточно примитивными и носят подчеркнуто геометрический характер. Отмечу, что случаи находки антропоморфных надгробий с подобной разметкой имеются в Ольвии (Папанова. 2006. С. 145. Рис. 64. 10) и в Херсонесе (Щеглов. 1968. С. 214). В тех случаях, когда на боспорских антропоморфных изваяниях черты лица обозначены рельефом (брови, глаза, нос, рот), облик их ассоциируется с погрудными статуями-полуфигурами или с рельефными стелами их изображающими. Это иллюстрируют три памятника из Пантикапея, Фанагории и Кеп (Рис. 1, 7–9).

Что обозначала такая разметка и для чего она наносилась? Наиболее вероятным будет предположение, что черты лица обозначались для того, чтобы сохранить ориентир при росписи лица после побелки или обмазки таких изваяний, совершавшихся ежегодно: простояв зиму на некрополе, они теряли свой внешний вид. Глубоко врезанные глаза могли служить основой для какой-либо инкрустации (из глины, дерева), как это было принято в античной пластике. Рельефные черты лица, в сочетании с раскраской, придавали памятнику более благородный вид, приближая его к надгробной скульптуре. Как выглядели такие расписные изваяния в древности, можно представить по живописной стеле Апфы, жены Афинейя, на втором плане которой изображена антропоморфная герма (Иванова. 1961. Рис. 51).

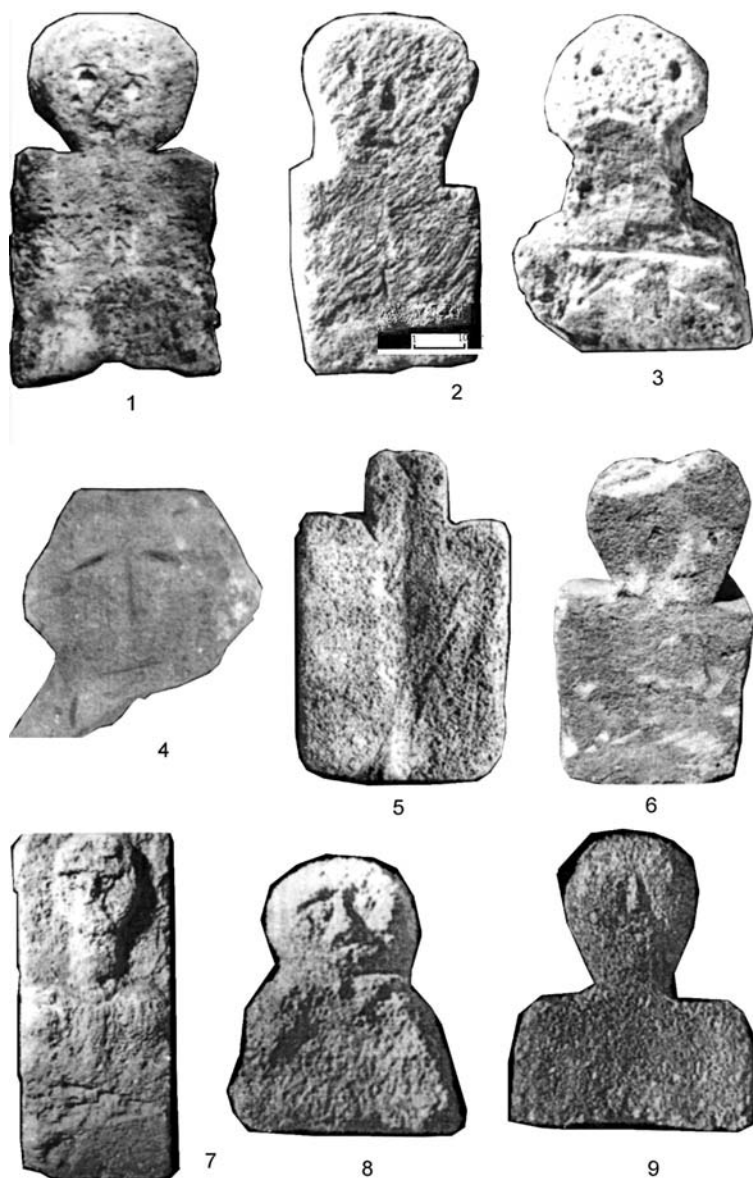

Рис. 1. Боспорские антропоморфные изваяния с обозначенными чертами лица: 1–2 – Мирмекий; 3 – Пантикапей (?); 4 – Горгиппия; 5 – Артезиан; 6 – Порфмий; 7 – Пантикапей; 8 – Фанагория; 9 – Кепы

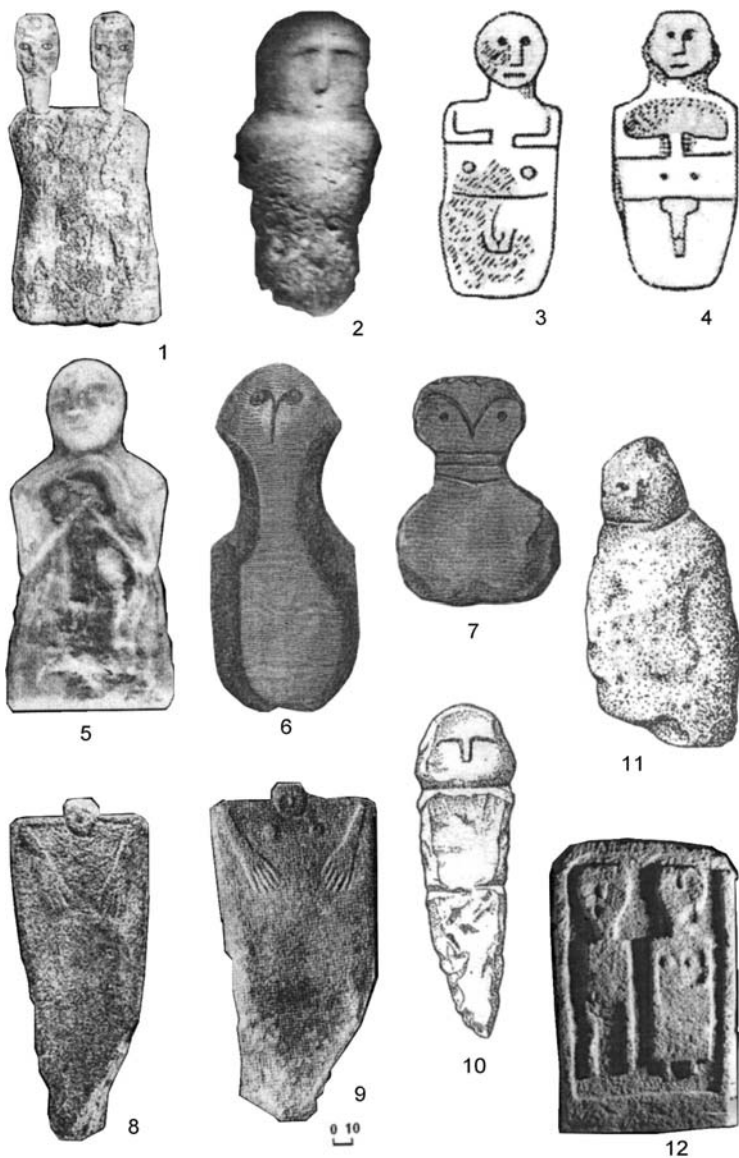

Рис. 2. Антропоморфные изваяния с обозначенными чертами лица различных эпох: 1 – Месопотамия; 2 – Израиль; 3, 4 – Сирия; 5 – Крит; 6, 7 – Троя; 8, 9 – Восточный Крым; 10, 11 – Северное Причерноморье; 12 – Восточный Крым. 1, 2 – неолит; 3, 4 – эпоха бронзы; 5–9 – II тыс. до н. э.; 10, 11 – IV в. до н. э.; 12 – III в. до н. э.

Происхождение обычая воспроизводить некоторые черты лица на антропоморфных памятниках очень древнее. Впервые такая традиция прослеживается еще в неолитических изваяниях Месопотамии (Корниенко. 2006. Рис. 55) и Израиля (Рис. 2. 1–2). Она имеет продолжение в изваяниях эпохи бронзы в Ближневосточном регионе, в частности в Сирии (Рис. 2. 3–4). В Средиземноморье и бассейне Эгейского моря антропоморфные памятники с обозначенными чертами лица появляются во II тысячелетии до н.э. Последние могли быть выполнены в рельефе (Рис. 2. 5), к примеру, на изваянии из Агиа-Триады на Крите (Rutkowski. 1973. P. 169. Fig. 76). В Малой Азии (Троя) в большом количестве обнаружены изваяния разных размеров с врезанными деталями: брови и заостренный книзу нос выполнены непрерывной линией (Г. Шлиман называл такие лица «свиными»), а глаза просверлены (Шлиман. 2009. Т. I. Рис. 202, 204–209) Рис. 2. 6, 7).

Какими-то путями традиция обозначения черт лица на антропоморфных стелах II тысячелетия до н.э. проникла в Северное Причерноморье, в частности – на Керченский полуостров. Именно там были обнаружены 2 изваяния, мужское и женское, помещенные в основание крепостной стены Тиритаки в V в. до н.э. Исследователи связывают такие памятники с населением, обитавшим в Крыму в доскифское, и даже в докиммерийское время (Кислый. 2009. С. 245). На них непрерывной рельефной линией обозначены брови и нос (Рис. 2, 8, 9).

Что касается антропоморфных изваяний скифского времени, то почти все они отличаются подробно проработанными рельефными деталями: вооружение, символы сакральной власти, и, конечно, черты лица. Некоторые из них все же напоминают более ранние, лаконичные в символике памятники с традиционной линией бровей и носа (Рис. 2. 10–11). Они относятся к IV в. до н.э. и могли принадлежать остаткам доскифского населения, обитавшим небольшими группами в Причерноморье. В эллинистическое время сильное влияние на варварскую антропоморфную пластику оказывают сакральные и культурные традиции греческих колоний. Своеобразным символом античных и местных признаков на одной стеле может быть вотивный рельеф, происходящий с г. Опук (больше о нем ничего не известно). На нем внутри рельефной рамки размещены парные изображения фронтально стоящих мужской и женской фигур антропоморфных очертаний (Рис. 2. 12). Они имеют гендерные признаки, на лицах одной непрерывной линией обозначены брови и нос. Замечу, что техника обработки камня – плоский рельеф, форма стелы и её рельефное обрамление – типично боспорские, характерные для III в. до н.э. Изображения же – варварские, перекликающиеся по своему содержанию с парными изваяниями эпохи бронзы.

Таким образом, очевидно, что антропоморфные изваяния с обозначенными чертами лица и некоторыми другими деталями, были характерны для различных культур Европы и Азии, начиная с неолита, и имели сакральное значение. Они получили распространение со II тысячелетия до н.э. Такая традиция перешла и в культуры эпохи железа.

В Северном Причерноморье антропоморфная скульптура свойственна скифской культуре (Ольховский, Евдокимов. 1994. С. 5–6). На ранних скифских изваяниях VI–V вв. до н.э. изображение черт лица считалось обязательным. В IV–III вв. до н.э. встречаются памятники с условно переданными чертами лица или даже без таковых.

В греческих государствах Северного Причерноморья, в Ольвии, Херсонесе и, в особенности, на Боспоре, при изготовлении антропоморфных изваяний, отличных от скифских по облику и содержанию, с конца III и во II в. до н.э. иногда прибегали к практике обозначения черт лица, возможно, под влиянием скифской традиции. Однако способы нанесения черт лица на надгробия (в частности использование техники «граффито»), да и цели такого обычая были совсем иными.

Литература

- А. П. Иванова.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.
- А. Е. Кислый.* Типология и хронология антропоморфных стел Северного Причерноморья в контексте экономо-демографических исследований. М., 2009. – (ДБ. Т. 13).
- Т. В. Корниенко.* Первые храмы Месопотамии. М., 2006.
- Н. В. Молева.* Боспорские антропоморфные изваяния: кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. Н. Новгород, 2012.
- В. С. Ольховский, Г. Л. Евдокимов.* Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994.
- В. А. Папанова.* Урочище 100 могил. Некрополь Ольвии Понтийской. Киев, 2006.
- Г. Шлиман.* Илион. М., 2009.
- А. Н. Щеглов.* Херсонеські антропоморфні стели з врізними зображеннями // Археологія. Київ, 1968. Т. XXI.
- В. Rutkowski.* Sztuka Egejska. Warszawa, 1973.

Е. В. Фокеева

Боспорские гермы и особенности гермы Демарха

Гермы как один из типов монументальной скульптуры в Древней Греции были широко распространены, однако на Боспоре они встречаются достаточно редко. Эти памятники не образуют сколько-нибудь однородной группы, и своеобразие каждого из них требует специального обсуждения. Из известных примеров назовем двустороннюю герму с посвящением Демарха с Азиатского Боспора (КБН. 1111; Керченский музей. Инв. № КЛ 794), а также памятники, которые были найдены в Пантикапее: так называемая герма Деметры, герма Геракла (Керченский музей. Инв. № КЛ 799; КЛ 147), герма Гермеса (ГЭ. Инв. № П. 1899.80) и герма Геракла с рогом изобилия, также представленная в экспозиции Эрмитажа.

Герма Гермеса, найденная в Керчи в 1899 г. (ГЭ), восходит к основополагающему типу герм, известному с конца VI в. до н.э.: она представляет собой четырёхугольный столб с завершением в виде головы бородатого бога (название этих памятников, как известно, происходит от имени бога Гермеса). Герма выполнена из известняка, который встречается в окрестностях Керчи. Особенностью эрмитажной гермы является необычная трактовка длинных волос, украшенных лентой: в низком рельефе показаны поднятые наверх крупные пряди, образующие сложный орнаментальный рисунок.

К другому типу герм относится изображение Геракла в львиной шкуре, с рогом изобилия в левой руке и палицей – в правой (ГЭ). Антропоморфное завершение суживающегося книзу столба занимает почти половину высоты изваяния.

Герма Деметры, найденная в Керчи, и неизвестного происхождения герма Геракла выполнены из мрамора – привозного материала. Эти памятники стилистически неоднородны и сильно повреждены: как следствие, их анализ представляет собой сложную задачу, а атрибуция и датировка иногда вызывают разногласия. Так, по мнению Т. А. Матковской и Г. И. Соколова, монументальная герма богини в венке (в ней видят Деметру) относится к IV или даже V в. до н.э. (Античная скульптура. Кат. № 29. С. 74; Соколов. 1973. С. 64; Соколов. 1999. С. 40–41), тогда как А. П. Иванова предполагает, что это копия, выполненная в первой половине II в. н.э. с греческого оригинала IV в. до н.э. (Иванова. 1951. С. 195). Несомненно, герма требует более пристального специального изучения, и эти работы ведутся в настоящее время. Но здесь хотелось бы сосредоточить

внимание на герме Демарха, которая в ряду боспорских примеров занимает особое место.

Единственная известная в Северном Причерноморье двусторонняя мраморная герма с надписью – посвящением Демарха Афродите Урании (КБН. 1111; КБН. Альбом; Античная скульптура. Кат. № 30), она была случайно найдена на берегу Цукурского лимана (Таманский полуостров) в 1871 г. «в кургане» (КБН. С. 646). Памятник датирован временем правления Левкона I (389–348 гг. до н.э.) по надписи, которая неоднократно обсуждалась в связи с особенностями её диалекта и титулатурой боспорского царя. Меньшее внимание уделялось особенностям пластического решения изображений, венчающих столб с обеих сторон.

Серьёзные затруднения в постановке этого вопроса вызывает то, что герма Демарха сохранилась со значительными утратами: утрачены головы обоих изваяний, имеются обширные сколы у основания столба, многочисленные сбои поверхности. Как бы очерчивая границу между двумя фигурами, по боковым сторонам столба проходят прорезные вертикальные линии. На одной из сторон (без надписи) изображение, насколько можно судить, относилось к традиционной разновидности герм, изображавших мужское божество. От его причёски сохранились части локонов, спускающихся по плечам.

С лицевой стороны (где надпись) столб гермы завершается задрапированной в плащ фигурой (Рис. 1. 1). Верхние края короткого плаща собраны на правом плече, а нижние расходятся по обеим сторонам фигуры, открывая сбоку (справа) подпоясанный хитон с неширокими складками. Уже на самом столбе в низком рельефе показан вшитый в угол плаща грузик. Руки статуи не сохранились; возможно, они были изображены плотно прижатыми к телу или скрытыми под плащом. С обеих сторон гермы имеются углубления неправильной прямоугольной формы, возможно, предназначенные для крепления отдельно изготовленных деталей.

Принадлежность гермы пока не была прояснена, но известна попытка идентифицировать это изображение как женское, исходя из надписи, говорящей об адресате посвящения – Афродите Урании, владычице Апатура (Шауб. 2007. С. 326).

Гермы Афродиты в древности были известны. Павсаний, описывая святилище Афродиты в Садах, сообщает о статуе Афродиты, «которая стоит недалеко от храма; её внешний вид – четырёхугольный, такой же, как и у герм. Надпись объясняет, что это Афродита Урания (Небесная) – старшая из так называемых Мойр (богинь Судьбы)» (Paus. I, 19, 2)³⁰.

³⁰ Переводы даны по: Павсаний. Описание Эллады. Пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева. СПб., 1996.

О древнем обычае совместного почитания Гермеса и Афродиты напоминают парные гермы, стоящие на одном основании и обращённые в одну сторону: обычно это итифаллическое изображение бородатого бога и задрапированная фигура богини. Пять таких герм из свинца было найдено в домах Олинфа IV в. до н.э. Терракотовые парные гермы IV в. до н.э. найдены в Пергаме, на Делосе, Книде (Harrison. 1965. P. 138–139).

Двусторонне ориентированные гермы, как правило, изображают богов, влияние которых в некоторых сферах пересекается (например, Гермеса и Геракла, Гермеса и Диониса и т.д.). Одним из письменных свидетельств существования подобного типа скульптуры Н. Wrede считает эпиграмму Леонида Тарентского о Гермесе и Геракле (AP, 9, 316, по: Wrede. 1985. S. 24). Предполагается, что у двойных герм этого типа до римского времени антропоморфная часть заканчивается на уровне плеч и груди, как у классической гермы Гермеса (Wrede. 1985. S. 24).

Существует тип одиночной гермы, верхняя антропоморфная часть которой развита настолько, что фактически являет собой круглую скульптуру. Из них особенный интерес для нас представляет разновидность гермы, изображающей юношу в коротком плаще (иногда его ткань закрывает одну или обе руки). Павсаний описывает одну из таких статуй Гермеса в Фигалии: «он представлен как будто с накинутым на плечи гиматием, но он не доходит ему до ног, так как статуя оканчивается четырехугольной колонной» (Paus. VIII, 39, 4).

Такого рода памятники дошли и до наших дней. Известно, что их посвящали Гермесу как покровителю состязаний гимнасиархи и победители соревнований, и в IV–III вв. они приобрели особенную популярность (Siebert. LIMC. V). Показательным примером может служить герма стоящего юноши в коротком плаще (Рис. 1. 2), датированная 330–320 гг. до н.э. (НАМА. Kaltsas. 2001. Kat. № 528). Судя по надписи на базе, она была установлена после победы на состязаниях в беге с факелами. Как и в случае с гермой Демарха, юноша изображён одетым в хитон, поверх которого наброшена собранная на плече хламида. В постановке фигуры угадывается принцип контрапоста: плечи юноши показаны на одном уровне, но левое бедро выше правого. Левая рука упирается в бедро, правая опущена вдоль тела.

Рис. 1. 1 – герма Демарха (по: Савостина. 2010); 2 – герма из Национального археологического музея (Афины), 330–320 гг. до н.э. (по: Kaltas. 2001. № 528)

Изображение на лицевой стороне гермы Демарха более уплощённое. Большая часть его выведена на фронтальную поверхность, частично фигура заходит на боковые стороны столба. Однако, безусловно, изображение напоминает скульптуру из НАМА, в том числе

своим построением. Асимметрия фигуры подчеркивается вертикальной линией края хламиды и косо обрезанными складками одежды, заканчивающиеся у поверхности столба. На правом боку, где края плаща расходятся, виден подпоясанный хитон. Похожие примеры ношения короткого плаща можно найти и в скульптуре V в. до н.э. В качестве аналогии можно привести римскую копию статуи Гермеса V в. из музеев Ватикана.

Всё сказанное и приведённые аналогии убеждают в том, что фигура на лицевой стороне гермы Демарха изображает мужчину, возможно, юношу-эфеба (как в примере из НАМА), закутанного в хламиду.

Герма Демарха замечательна не только тем, что является своеобразным примером двойной гермы, в которой совмещены изображения двух мужских божеств, выполненные в разных иконографических схемах. Герма Демарха – единственный известный на Боспоре памятник, в котором непосредственно сочетаются изображение и надпись, позволяющая точно определить время его создания (Савостина. 2012. С. 33). Таким образом, стилистические особенности гермы представляют интерес в контексте изучения скульптуры IV в. до н.э. и её стилистических особенностей, проявившихся на Боспоре.

Литература

- Античная скульптура. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Киев, 2004. Т. I.
- А. П. Иванова.* Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора // СА. 1951. XV.
- Е. А. Савостина.* Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь, Керчь, 2012.
- Г. И. Соколов.* Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры и искусства. Л., 1973.
- Г. И. Соколов.* Искусство Боспорского царства. М., 1999.
- И. Ю. Шауб.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007.
- E. Harrison.* The Athenian Agora. Princeton, New Jersey, 1965. Vol. 11. Archaic and Archaistic Sculpture.
- N. Kaltsas.* Ethniko Archaialogiko mouseio. Ta Glypta. Katalogos. Athena, 2001.
- G. Siebert.* Hermes. LIMC (V).
- H. Wrede.* Die antike herme. Mainz, 1985.

Е. А. Савостина

Мастера боспорских стел. Горгиппийская группа

Изображения на боспорских стелах имеют свой «стандарт», как и многие изображения такого рода в Греции и Малой Азии. Их можно объединять в типологические ряды, основываясь на применении близких изобразительных формул (мотив, композиция, типы фигур). Такая работа предпринималась неоднократно, недавно боспорский материал подвергся полновесному обобщению (Kreuz. 2012), и все же многие вопросы остаются не вполне прояснёнными. В том числе такой: выделяются ли в этом обилии стел группы, в которых проявилась индивидуальная манера мастеров? Известна попытка проанализировать с этой точки зрения надгробия Европейского Боспора (Матковская. 1992. С. 387–407). Территориальную группу стел Таманского полуострова упоминает П.-А. Кройц (Kreuz. 2012. S. 179. Anm. 70). Но наше внимание привлекла другая совокупность памятников, обладающая своей художественной спецификой и требующая отдельного внимания.

Небольшая группа стел в Горгиппии выделяется уже по материалу – мрамору среди известняков (Каталог: см. ниже)³¹. Группа определяется и по другим параметрам: пропорциям, форме стел, структуре декора – многоярусные построения (Рис. 1). Как бы само собой возникает ощущение общности этих произведений. Но требуется пристальный сравнительный анализ памятников для обоснования этого предположения.

Иконография всех сцен надгробий рассматриваемой группы разнообразна, часто встречается на Боспоре и может быть определена как характерная: всадник на спокойном стоящем коне (№ 1, 2, 3) и всадник перед сидящей женщиной (4), стоящий мужчина перед сидящей женщиной (5) и просто сидящая женщина (3) – тип «*prudicitia*» (Cremer. 1991. S. 87. Abb. 13), возлежащий на ложе мужчина (3). Выделяются особенности исполнения, присущие именно этой группе. Преобладает направленность движения справа налево. Точность исполнения деталей вооружения, конской сбруи, обычно соотносимая со всеми боспорскими стелами, здесь соединена с их однотипностью, свойственной данной совокупности стел.

³¹ К ней присоединим мраморную стелу неизвестного происхождения из Одесского музея, близкую по структуре, сюжетам и иконографии (Каталог. № 1).

Рис. 1. Стелы из горгиппийской группы: 1 – стела Гликариона (кат. 3); 2 – Стела Фаллона (кат. 4)

Детали вооружения, костюма, конской сбруи в изображениях таковы. Под всеми всадниками рассматриваемых стел есть сёдла, помимо того, у всех их изображены одинаковые гориты с луками «скифского» типа (Горнчаровский. 2002. С. 184). На левых запястьях всадников стел 1, 2 (?), 3 и 4 изображены наручи для защиты от тетивы. Рука воина на стеле 2 трактована обобщенно, можно принять ее за защитную рукавицу, как на рельефе Трифона из Танаиса (КБН-Альбом 1238; Kreuz. 2012. S. 180). Все всадники в одеждах с рукавами, в штанах, коротких плащах. Плащи всадников на стелах 2 и 3 застегнуты круглой фибулой – привозные «пружинные броши» известны в Причерноморье со II в. до н.э.

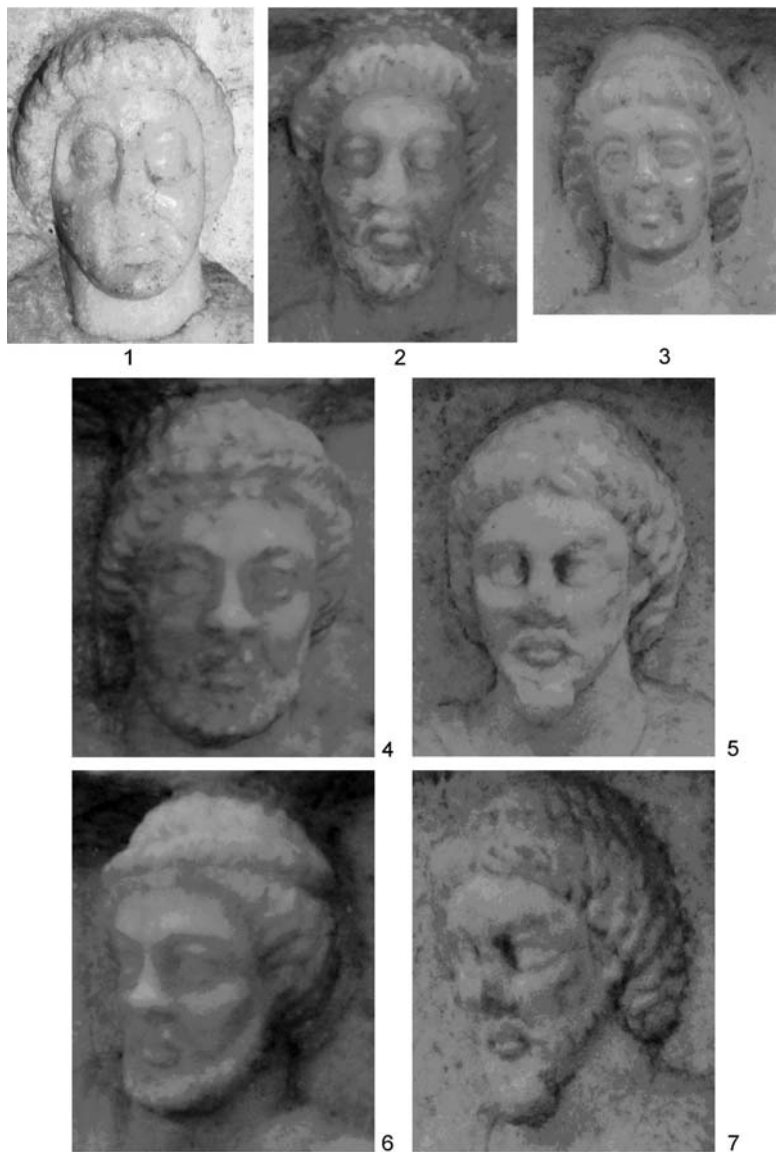

Рис. 2. Сопоставление изображений лиц персонажей в горгиппийской группе стел: 1 – Аполлоний или Антипатр (кат. 2); 2 – Агаф. (кат. 5); 3 – Всадник (кат. 3), средний рельеф; 4 – Гликарion (кат. 3), верхний рельеф; 5 – Фаллон (кат. 4); 6 – Гликарion (кат. 3), вид в ракурсе, верхний рельеф; 7 – Фаллон (кат. 4), вид в ракурсе

Есть она и на плаще закованного в панцирь Трифона. На стеле № 4 всадник изображён в кольчуге³². Возлежащий на ложе и стоящий мужчины (3, 5) показаны в длинных хитонах и плащах, драпированных множественными складками. Особого внимания заслуживает веноч-диадема, венчающий голову возлежащего Гликариона (3 – верхний рельеф), что нечасто встречается в боспорской практике, но известно в репертуаре малоазийских мастеров. На позднеэллинистических стелах из Смирны, Коса и Митилены герой надевает веноч на себя – объёмный и рельефный, как на горгиппийской стеле (Pfuhl, Möbius. 1977. S. 87–88. № 145–147, 149).

Одинаковы кресла, на которых сидят женщины: с точеными в виде жемчужника опорами и перекладинами, подлокотниками без дополнительной опоры. За пределами Боспора близкая аналогия также известна – стела с о. Делос, II в. до н.э. (Stemer. 1991. Taf. 16).

Кони изображены на четырёх памятниках. В многоярусной композиции на стелах 1 и 2: верхний рельеф – всадник на спокойно стоящем коне, нижний – несколько запасных лошадей с сопровождающим грумом, конным или пешим. Аналогия сцены со множеством лошадей – памятник Юлия Патия, сына Деметрия, из Керчи (КБН. Альбом. 612). На стеле 4 оседланные кони в нижнем ярусе привязаны к шесту. Фигура правого коня из этой пары при сопоставлении с конём всадника стелы 3 (средний рельеф) демонстрирует их идентичность. Так возникает вопрос о родстве стел 3 и 4, которое устанавливается далее и по другим пунктам. Очевиден близкий общий стиль исполнения всех фигур группы – большеголовых, большеглазых, с характерной трактовкой причёсок у мужчин – с венчиком волос, разделенным вертикальными «буклями» (Рис. 2). Но если изображение стелы 2 носит более схематичный характер – овал лица служит нейтральным фоном, на котором распределены «основные черты лица», то изображения на стелах 5, 3 и 4 проработаны более тщательно. Лицам же персонажей, названных надписями Гликарион и Фаллон, приданы, бесспорно, индивидуальные черты (Рис. 2. 4–7). Все изображения в группе характеризует вытянутый овал лица, невысокий лоб, выделенные рельефно высокие скулы, широко расставленные крупные глаза, нависающее верхнее веко, утолщённое нижнее. Брови немного взрлёт. У Гликариона к тому же показаны вертикальные складки у бровей. Линия его верхних век как бы преломляется гранями, что придаёт особую выразительность взгляду. Короткий, слегка вогнутый нос, немного «курносый», с очерченными ноздрями и треугольным основанием, что отмечается и у Фалло-

³² Находка этой стелы «реабилитировала» другую – фрагмент железной кольчуги. Когда мы обнаружили его на раскопе в Горгиппи, никто не поверил, что этот вид доспеха уже существовал ещё в первые века нашей эры. Хорошо, что спёкшийся кусок железа сохранили, и он занял свое место в фондах Анапского музея.

на, верхняя часть носа которого сбита. Высокая верхняя губа (от основания носа до рта) и припухлая нижняя.

Интересные данные даёт сопоставление построения лицевого угла в изображениях персонажей, которых условно именуем Гликарионом и Фаллоном. От основания носа до наружных углов глаз у них выстроен тупой «фасовый» угол. «Профильный» лицевой угол построен с некоторым выдвиганием переносицы над верхней челюстью. Построение лиц, характерный лицевой угол, моделировка щёк с ложбинкой от скул, основание носа, аналогичное в портретах 3 и 4, допускает не только заключение об одной мастерской, изготовлявшей эти рельефы, но и предположение о том, что изображённые мужчины на стелах 3 и 4 являлись родственниками. Образ женщины на рельефе 4 решён также мастерски, с применением тех же стилистических приемов, однако лицу её приданы другие черты – свидетельство того, что обнаруженное сходство в лицах мужчин на стелах 3 и 4 не является «производственным штампом».

Сделанные наблюдения не решают всех вопросов, наоборот, скорее их заостряют. Озадачивает выбор архитектурной композиции стелы 4. Помимо избрания редкой формы надгробия, неясны причины ряда особенностей ее осуществления: очевидны нарушение вертикальной оси стелы, не выдержанная параллельность горизонталей, невнятная трактовка архитектурных элементов обрамления эдикулы, в которой размещена главная сцена. Само же изображение в эдикуле отличается высокой степенью художественного мастерства, ясностью композиции, тонкой проработкой лиц и других деталей.

Портрет Гликариона является наиболее завершённым из рассмотренных изображений мужчин. Несомненно, в нём отразились черты римского провинциального портрета. Возможно, это первый пример, известный на Боспоре. С ним можно сопоставить только изображение Фаллона, отличающееся манерой изображения волос, типом бороды, более отвлечённым выражением лица.

Датировка стел, высказанная в литературе, не является однозначной. Публикаторы по шрифту относят их к рубежу нашей эры (№ 1 – Горончаровский. 2002), к I–II вв. (КБН. 1197), либо ко II в. н.э. (№ 4 – Алексеева. 2010). По Кройцу, все стелы, в том числе 3, 4, 5, относятся к I в. н.э. (Kreuz. 2012. S. 895, 135, 613).

Стилистический анализ стел также показывает, что они делались в одно время и хронологический разрыв между ними может быть очень небольшим. Что касается определения конкретной даты, то при её дальнейшем обсуждении нужно учесть, что такие стелы и подобные надписи, известные в Малой Азии, Фуль, Мёбиус и Кремер часто относят ко II–I вв. до н.э. и к эллинистически-римскому периоду.

Рассмотренную совокупность памятников из Анапы можно связать с определенным кругом мастеров: одна ветвь их связана со стелами 1 и 2, другая – с изготовлением стел 5, 3 и 4. Таким образом, в Горгиипии в I в. н.э. существовали мастера, работавшие с привозным мрамором (ранее найдены и архитектурные детали из проконесского мрамора). Можно предположить, что это были мастерские, где применялись усилия нескольких камнерезов, в том числе, скульпторов высокого уровня, обладающих навыками изготовления портрета в провинциально-римском стиле. Работа производилась на Боспоре, судя по характеру стилистических совпадений в нескольких стелах. Но вопрос о происхождении самих мастеров остается открытым – ни боспорские, ни малоазийские аналогии подобных работ пока не известны. Важно отметить, что изображения Фаллона и Гликариона представляют собой документальное свидетельство появления римского портрета в пластике Боспора и являются его первыми известными примерами.

Каталог стел

1. Стела всадника. Происхождение неизвестно. Одесский музей (Савостина. 1992. Кат. 15. С. 14). Верхний рельеф – всадник влево, в коротком плаще, на левом боку лук в горите, перед конем слуга с сосудом. Нижний рельеф – сохранились фигуры двух лошадей влево, юноша держит коней в поводу.
2. Стела Аполлония и Антипатра, сыновей Панталеонта. Анапский музей (Горнчаровский. 2002. С. 187; Kreuz. 2012. Кат. 889).
3. Стела Гликариона, сына Пофиска. Анапский музей (КБН. 1197; Савостина. 1992. Кат. 22. С. 21; Kreuz. 2012. Кат. 1052).
4. Стела Фаллона, сына Пофа, и Гедин. Анапский музей (Алексеева. 2010. С. 506. Рис. 37; Алексеева и др. 2010. С. 120; Kreuz. 2012. Кат. 943).
5. Стела Агафа, сына Протогена. Анапский музей (Салов. 1976. С. 63. Рис. 2, 4; Kreuz. 2012. Кат. 407).

Литература

- Е. М. Алексеева.* Горгиипия // Античное наследие Кубани. М. 2010. Т. I.
Е. М. Алексеева, О. В. Галут, И. Н. Мельникова, Е. А. Хачатурова. Анапский археологический музей-заповедник // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. III.

- В. А. Горончаровский.* Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгииппии // *Hyperboreus. Studia Classica.* 2002. Vol. 8. Fasc. 1.
- Т. А. Матковская.* Мастерские надгробного рельефа Европейского Боспора // *Археология и искусство Боспора.* М., 1992. – (СГМИИ. Вып. 10).
- Е. А. Савостина.* Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // *Археология и искусство Боспора.* М., 1992. – (СГМИИ. Вып. 10).
- А. И. Салов.* К вопросу о топографии Горгииппии // *КСИА.* 1970. Вып. 145.
- M. Cremer.* Hellenistisch-römische Grabstelen im nordwestlichen Kleinasien. *Asia Minor Studien. Mysien.* Bonn. 1991. Band. 4. Ht. 1.
- P.-A. Kreuz.* Die Grabreliefs aus dem Bosporianischen Reich. Leuven, 2012. – (Colloquia Antiqua. 6).
- E. Pfuhl, H. Möbius.* Die ostgriechischen Grabreliefs. Mainz am Rhein, 1977. Band I.

Л. Г. Шенко, Ю. В. Апрощенко

Тенденции развития боспорского ремесла в VI–II вв. до н.э.

В экономической структуре Боспора ремесленное производство занимало немаловажное место. Его изучение находится в сфере постоянного внимания многих исследователей. Выявлены основные виды и номенклатура изделий, исследованы вопросы технологии производства. Вместе с тем дифференциация ремесла, уровень его специализации и товарности, отражая степень общественного разделения труда, являются основанием для выявления определенных социальных групп и позволяют конкретизировать социальное развитие общества. При этом изучение боспорского ремесла сопряжено с некоторыми трудностями. Археологических комплексов, характеризующих отдельные виды ремесел, известно немного. Ремесло долгое время сосуществовало с домашним производством и промыслами. Их технологические базы в подавляющем большинстве случаев были близки. Это затрудняет выявление продукции домашнего и специализированного товарного производства.

В ранних поселениях Боспора ремесленные производства первоначально играют вспомогательную роль, поскольку основная потребность в промышленных изделиях удовлетворялась, главным образом, за счет импортных товаров. Но привязанность к привычным продуктам – вину и маслу, качественной столовой посуде – стимулировали как обмен, так и развитие собственного производства. Для колонистов особое значение имело железодельное и бронзолитейное производство. Свидетельством собственного металлургического производства на Боспоре являются находки изделий из железа, кричное железо. Наиболее ранние свидетельства в Пантикапее дати-

руются второй половиной VI в. до н.э. и концом VI–V в. до н.э. (Блаватский. 1964. С. 29), в Торице: VI – середина V в. до н.э. (Онайко. 1984. С. 92). Процесс производства в металлообрабатывающих мастерских, скорее всего, еще не был дифференцированным (Марченко. 1971. С. 148–156). Но в это время (V в. до н.э.) кузнецы работали как в городе, так и в небольших поселениях, например, Волна-4 (Сударев и др. 2012. С. 410). Мастерские по обработке железа в эллинистический период действовали в Южно-Чурубашском (Зинько. 2010. С. 150–155), Артюшенко-1 (Виноградов. 2010. С. 80–84), Западно-Цукурское, 7 км, 12 км, Пятиколодезное (Блаватский. 1959. С. 48.). Собственные кузнечные мастерские, очевидно, существовали в Горгиппии и её окрестностях (Алексеева. 1994. С. 157–176), в Лабрисе (Горончаровский. 2010. С. 51–57).

Разделение кузнечного и бронзолитейного производства, вероятно, намечается в V в. до н.э. Бронзовые изделия встречаются в большем количестве и ассортименте, чем железные. Центрами обработки цветных металлов являлись Пантикапей, Фанагория (Кузнецов. 2010. С. 256–265; Долгоруков. 1986. С. 145–149), Гермонасса (Коровина. 2002. С. 37). Обломки тиглей, форм, шлаков обнаружены также в Мирмекии, Нимфее, Танаисе, Раевском. Большое количество бронзовых изделий происходит из Горгиппии и ее окрестностей (Алексеева. 1997. С. 180–181). Возможно, небольшие производства по изготовлению мелких изделий и ремонту были в Порфмии (Вахтина. 2010. С. 66–67), Андреевке Южной в IV–III вв. до н.э. (Кругликова. 2001. С. 182–226).

Наряду с медью использовались и другие цветные металлы. Куски свинца, в т.ч. оплавленные, свинцовые пряслица, скобы, скрепы встречаются в Китее (Молев. 2010. С. 79), на поселениях Михайловка (Петерс. 1975. С. 88–89), Заветное-V, на селищах Феодосийской округи (Гаврилов. 2004. Рис. 72–73).

Конец V–IV в. до н.э. – время наивысшего подъема искусства художественной обработки металлов на Боспоре. Известные боспорские изделия из золота и серебра характеризуют высокий уровень ювелирного искусства. В Пантикапее в IV и III–I вв. до н.э. существовали мастерские торевтов (Трейстер. 1992. С. 83; Прушевская. 1955. С. 325–355). С 370 г. до н.э. Боспор начинает чеканить золотую монету. Вероятно, пантикапейские монетарии и торевты были объединены в одну мастерскую, принадлежавшую Спартокидам. В городе существовали мастерские по отливке бронзовых статуй, использовались приемы обработки металла, только появившиеся у мастеров Аттики; видимо, последние работали и в столице Боспора. В каждом из районов Боспора в IV–III вв. до н.э. были собственные мастерские по обработке и ремонту изделий из бронзы, свинца. Уже со второй пол. V в. и особенно в IV в. до н.э. ювелирные

украшения отличаются разнообразием форм и тонкостью отделки (Силантьева. 1979. С. 50; Кашаев. 2010. С. 193–197).

III–II вв. до н.э. можно характеризовать как время экономических трудностей. Мастерские III–II вв. до н.э. археологически не зафиксированы. Проблемы с поступлением металлов отразились не только на чеканке крупных номиналов монет. Как сырье использовались вышедшие из обихода монеты и бронзовые изделия (Трейстер. 1992. С. 86, 96). Количество предметов из бронзы невелико по сравнению с предшествующим периодом. Ассортимент не отличается большим разнообразием типов.

В металлообработке в основном преобладали мелкие мастерские. Существовала практика приглашения мастеров высокой профессиональной квалификации, особенно ювелиров. Бронзолитейные мастерские в ранний период работали в Пантикапее, Нимфее, Фанагории, Гермонассе, в IV–III вв. до н.э. они появляются в Китее, Горгиппии, Танаисе. Мастера по золоту работали в столице и Фанагории.

Одной из наиболее развитых отраслей ремесла на Боспоре было гончарное дело. Доказательствами его существования являются остатки керамических печей, инструменты и оборудование, керамический брак, а также формы сосудов, характерные для данной местности, состав глины, подражание привозным типам, отсутствие прямых аналогий для ряда типов лепных светильников. В керамическом ремесле Боспора выделяются три периода, различающиеся по категориям изделий, характеру и объему производства. Наиболее ранние керамические печи VI–V вв. до н.э. обнаружены в Пантикапее и Нимфее. В это же время и в Фанагории производилась местная керамика, которая по составу глины отличалась от импортной. Остатки производства посуды, подражающей ионийской, открыты в ряде городов (Книпович. 1955. С. 376; Шмидт. 1952. С. 228–230; Скуднова. 1957. С. 73–75; Цветаева. 1972. С. 21–23).

Особенно широкого развития керамическое производство достигло в IV в. до н.э. Наряду с действующими мастерскими появляются новые центры гончарного дела в Китее (Молев. 2010. С. 77) и Горгиппии (Алексеева. 2009. С. 27; 32–33). Изготовление посуды организовывается не только в городах, но и в сельских поселениях (Сокольский. 1969. С. 59–67). Боспорская керамика свидетельствует о художественном своеобразии местного производства в эллинистическое время. В этот период повышается качество фанагорийской керамики. Особую группу в ассортименте их продукции составляли фигурные сосуды. Широко распространяются полихромные, или акварельные, сосуды, производство которых относится главным образом к IV–III вв. до н.э. (Кобылина. 1951. С. 136–170).

Самостоятельной отраслью керамического ремесла в IV в. до н.э. было достигшее значительного уровня производство амфор. Благодаря особенностям глин выделяются пантикапейские (Марченко. 1984. С. 100), фанагорийские и горгиппийские амфоры IV–III вв. до н.э. (Зеест. 1960. С. 26–30, 94–98).

Массовое производство черепицы на Боспоре фиксируется не только по глине, но и по клеймению, которое началось в конце второй четверти IV в. до н.э. и прекратилось в сер. II в. до н.э. Боспорская строительная керамика, как и амфоры, предназначались главным образом для местных нужд и внутреннего рынка, что, впрочем, не исключает и экспорта боспорской продукции. Судя по характеру глины и сходству клейм на ручках боспорских амфор и штемпелей на черепицах, можно полагать, что они производились в одних и тех же мастерских. Боспорская черепица производилась в трех центрах: Пантикапее, Фанагории, Горгиппии. Вероятно также производство отдельных типов черепицы в Гермонассе и Кепях. В европейской части Боспорского царства существовал единый (пантикапейский) тип черепицы. На азиатской стороне отмечено несколько локальных подтипов, различающихся метрическими параметрами. Азиатское производство возникло позже, в самом конце IV – начале III в. до н.э. и было менее централизовано (Ковальчук. 2007. С. 12–14).

В самостоятельную ветвь гончарного ремесла выделяется изготовление терракот в IV–III вв. до н.э. Их многочисленные образцы демонстрируют серийность и массовость производства. Мастерские коропластов открыты в боспорской столице (Кобылина. 1974. С. 47–53), Тиритаке (Денисова. 1981), Кепях (Сокольский. 1969), Горгиппии (Кругликова. 1962. С. 218–224). Мастерская, обслуживающая потребности населения в сакральной пластике, с середины V до середины III в. до н.э., располагалась вблизи святилища на Майской Горе (Егорова и др. 2008. С. 258–286). В конце II – начале I вв. до н.э. на Боспоре существует собственное производство рельефной керамики (Коваленко. 1998. С. 9–16). В слоях позднеэллинистического времени присутствуют образцы боспорской сигиллаты, одним из основных центров производства которой был Пантикапей (Журавлёв. 2005. С. 242–243).

Ещё одной группой местных керамических изделий были светильники. Во II–I вв. до н.э. на Боспоре начинается их массовое производство. Они различались формами, среди которых наиболее яркой является группа многорожковых светильников (Журавлев. 2001. С. 131–149). В сельских памятниках значительное место принадлежит лепной посуде. В связи с этим важен вывод о том, что греческие колонисты могли самостоятельно изготавливать лепную посуду для собственных нужд. Изготовление лепной посуды осуществлялось на поселениях Артюшенко-1, Волна-1, Вышестеблиевская-11 (Стоянов. 2009. С. 274–276; Рогов и др. 2005. С. 193).

Итак, остатки керамического производства и его продукция позволяют сделать следующие выводы. Гончарное производство рано возникло в греческих поселениях Боспора. В первоначальный период VI – начала V в. до н.э. продукция местного ремесла представлена подражаниями ионийской столовой посуде, светильниками, терракотой. Широкий размах гончарное дело приобретает на Боспоре в IV в. до н.э. На вторую четверть IV – начало III в. до н.э. приходится особо интенсивное производство и специализация некоторых мастерских на изготовлении отдельных видов изделий (амфор, черепицы, терракот). Она предназначалась для продажи, о чем свидетельствует масштабы производства и распространения, а также определенная стандартность изделий. Анализ видовой структуры продукции гончаров III–II вв. до н.э. показывает сокращение ассортимента изделий. Вместе с тем появляются формы, отвечающие новейшим технологическим приемам этого ремесла. Это доказывает существование тесных связей с эллинским миром. О деятельности царских керамических мастерских в этот период ничего неизвестно. Среди изделий местных гончаров преобладает столовая и кухонная посуда, при этом наблюдается некоторое огрубение изделий. Сокращение внешней торговли Боспора явилось предпосылкой интенсивного развития боспорского керамического производства в раннеэллинистический период. С этого времени прослеживается массовое изготовление столовой посуды. Керамическое производство на Боспоре было наиболее развитым по сравнению с другими ремеслами.

В целом развитие боспорского ремесла в рассматриваемый период происходило в направлении расширения местного производства и его специализации.

Литература

Е. М. Алексеева. Коропластика в Горгиипии // ДБ. 2009. Т. 13.

- Е. М. Алексеева, Н. В. Розанова, Н. Н. Терехова.* Горгиппия: продукция железоделательного и железообрабатывающего ремёсел // РА. 1994. № 3.
- Е. М. Алексеева.* Античный город Горгиппия. М., 1997.
- В. Д. Блаватский.* Пятый год работы в Синдике // КСИИМК. 1959. № 74.
- В. Д. Блаватский.* О боспорском ремесле IV–I вв. до н.э. // СА. 1959. Т. XXIX–XXX.
- В. Д. Блаватский.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
- Ю. А. Виноградов.* Железоделательная мастерская на поселении Артющенко-1 // БЧ. 2010. Вып. XI.
- А. В. Гаврилов.* Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
- В. А. Горончаровский.* Лабрис (Семибратнее городище): итоги исследований 2001–2008 гг. // Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки. М., Киев, 2010. Вып. 1.
- В. С. Долгоруков.* Литейная форма из Фанагории // Проблемы античной культуры. М., 1986.
- Т. В. Егорова, Т. А. Ильина, Т. М. Кутинова.* К вопросу о датировании культового комплекса на Майской горе // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. 1.
- Д. В. Журавлёв.* О керамическом производстве на Боспоре в позднеэллинистическое время // Antiquitas aeterna. Казань. 2005. Вып. 1.
- Д. В. Журавлёв.* Позднеэллинистические многорожковые светильники Боспора // ДБ. 2001. Т. 4.
- И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора. М., 1960. – (МИА. № 83).
- В. Н. Зинько.* Сельская кузница IV в. до н.э. на хоре Нимфея // БЧ. 2010. Вып. XI.
- С. В. Кашаев.* Находки из золота в некрополе Артющенко-2 (к вопросу о ювелирном производстве на Боспоре) // БЧ. 2010. Вып. XI.
- Т. Н. Книпович.* Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М., Л., 1955.
- М. М. Кобылина.* Поздние боспорские пелики. М., 1951. – (МИА. № 19)
- М. М. Кобылина.* Мастерские пантикапейских коропластов. М., 1974. – (САИ. Г 1–11. Ч. 3).
- А. К. Коровина.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002.
- И. Т. Кругликова.* Поселение Андреевка Южная // ДБ. 2001. Т. 4.
- И. Т. Кругликова.* О гончарной мастерской Горгиппии // СА. 1962. № 2.
- В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин.* О мастерских фанагорийских ювелиров второй половины VI в. до н.э. // БЧ. 2010. Вып. XI.
- И. Д. Марченко.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. М., Л., 1957. – (МИА. № 56).
- И. Д. Марченко.* Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА. 1971. № 2.

- И. Д. Марченко.* Раскопки Пантикапея в 1965–1972 гг. // СГМИИ. 1984. Вып. 7.
- Е. А. Молев.* Боспорский город Китей. Симферополь, Керчь, 2010.
- Н. А. Онайко.* Раевское городище. Торик // АГСП. М., 1984.
- Б. Г. Петерс.* О некоторых металлических изделиях из античного поселения у с. Михайловки // КСИА. 1975. № 143.
- Е. О. Прушевская.* Художественная обработка металла. Торевтика // Античные города Северного Причерноморья. М., Л., 1955.
- Л. Ф. Силантьева.* Филигранные бусы классической эпохи из некрополей Боспора // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- В. М. Скуднова.* Местная расписная керамика Нимфея VI в. до н.э. // КСИА АН УССР. 1957. Вып. 7.
- О. Ю. Соколова.* О керамическом производстве в Нимфее // БЧ. 2001. Т. II.
- Н. И. Сокольский.* О гончарном производстве в Азиатской части Боспора // КСИА. 1969. № 116.
- Н. И. Сударев, О. Д. Чевелев, А. А. Крайнева.* Раскопки поселения Волна-4 в 2009 г. // БЧ. 2012. Вып. XIII.
- М. Ю. Трейстер.* Бронзолитейное ремесло Боспора // СГМИИ. 1992. Т. 10.
- Г. А. Цветаева.* Производство расписной керамики в Фанагории // КСИА. 1972. Вып. 130.
- Р. В. Шмидт.* Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. М., 1952. – (МИА. № 25).

М. И. Венцова

Орудия труда и предметы быта в погребальной практике Боспора

До настоящего времени орудия труда и предметы быта, обнаруженные в грунтовых некрополях Боспора, не были предметом специального исследования. Чаще всего они рассматриваются в рамках общей археологической характеристики погребального инвентаря отдельных некрополей (Кастанаян. 1959. С. 257–295; Коровина. 1987. С. 3–70; Кашаев. 2009. С. 220 и др.). В некоторых работах поднимаются вопросы семантики данной категории вещей в погребальном ритуале. Прослеживаются два подхода к интерпретации их значения – функциональный (Марченко. 1956. С. 108) и сакральный (Сорокина, Сударев. 2001. С. 136–138; Молева. 2006. С. 91; Молева. 2010. С. 318).

В статье предполагается выявить особенности использования орудий труда и предметов быта в погребальном обряде грунтовых некрополей Боспора на протяжении VI–II вв. до н.э. с учётом их количественного разнообразия. Также предпринимается попытка срав-

нить данную группу захоронений с материалами других греческих центров Причерноморья – Ольвией и Аполлонией. При этом за основу исследования принимается погребение как единый самостоятельный комплекс, характеризующий конкретного человека.

Для изучения выбраны погребения некрополей Европейского Боспора: Пантикапей (466), Нимфей (139), Мирмекий (96), Войково (57). Азиатский Боспор представляют: Тузла (103), Горгиппия (49), Тирамба (55), Артющенко-2 (34). Выборка по некрополям Ольвии и Аполлонии составляет соответственно 690 и 349. Таким образом, источниковую базу составляют 2038 погребальных комплексов.

Некрополи большинства рассматриваемых городов начинают функционировать с VI в. до н.э. При этом могильники Войково и Артющенко-2 являются хронологически компактными. Наибольшее количество погребений Войково представляют конец V– рубеж IV–III вв. до н.э., а Артющенко-2 – VI – начало IV в. до н.э. В некрополе Аполлонии наиболее ранние погребения датируются концом V в. до н.э.

Весь ассортимент орудий труда и предметов быта представлен веретёнами, пряслицами, иглами, намотками, шильями, грузилами, крючками, оселками/точилами, ножами, ножницами, топориками, зернотерками, растиралками, щипчиками, стержнями, скрепами, кирками, спицами, количество которых различное во всех некрополях.

Количественное распределение по некрополям выглядит следующим образом. Так, веретена в некрополе Пантикапея представлены 5 экз., Нимфея – 1 экз., Тузлы – 1 экз., Ольвии – 10 экз. Пряслица представлены 2 экз. в некрополе Пантикапея, 7 экз. – Нимфея, 1 экз. – Войково, 19 экз. – Тузлы, 8 экз. – Горгиппии, 9 экз. – Тирамбы, 11 экз. – Артющенко-2, 30 экз. – Ольвии.

Иглы представлены 26 экз. в некрополе Пантикапея, 8 экз. – Нимфея, 2 экз. – Мирмекия, 12 экз. – Войково, 7 экз. – Тузлы, 5 экз. – Горгиппии, 7 экз. – Тирамбы, 6 экз. – Артющенко-2, в 1 женском захоронении помимо иголки найдена также игольница, 40 экз. – Ольвии, 19 экз. – в Аполлонии. Оселки/точильные камни представлены 7 экз. в некрополе Пантикапея, 3 экз. – Нимфея, 4 экз. – Мирмекия, 2 экз. – Войково, 3 экз. – Тузлы, 2 экз. – Тирамбы, 74 экз. – Ольвии. Ножи представлены 20 экз. в некрополя Пантикапея, 5 экз. – Нимфея, 4 экз. – Мирмекия, 15 экз. – Войково, 7 экз. – Тузлы, 7 экз. – в Горгиппии, 12 экз. – Тирамбы, 8 экз. – Артющенко-2, 91 экз. – Ольвии, 1 экз. – Аполлонии. Шилья представлены 2 экз. в некрополе Пантикапея, 2 экз. – Тирамбы, 5 экз. – Артющенко-2, 1 экз. – Ольвии. Металлические стержни представлены 2 экз. в некрополе Пантикапея, 2 экз. – в Нимфее, 19 экз. – Ольвии. Крючки представлены 1 экз. в некрополе Артющенко-2, 7 экз. – Ольвии, 1 экз. – Аполло-

нии. Ножницы представлены 1 экз. в некрополе Войково, 2 экз. – Аполлонии.

Единичны находки кирки в некрополе Мирмекия, топорика в некрополе Тирамбы, грузила и костяной спицы в некрополе Пантикапея, щипчиков в некрополе Ольвии и Аполлонии. 3 каменные зернотерки, 1 растиралка, 2 скрепы, 4 намотки найдены только в некрополе Ольвии.

В большинстве случаев орудия труда и предметы быта встречаются в погребениях в одном экземпляре и присутствуют как в мужских, так женских и детских захоронениях. При этом веретёна, пряслица, иглы преобладают в женских погребениях, а оселки – в мужских, но в незначительном количестве.

Данные сгруппированы в рамках следующих периодов: 1) VI–V вв. до н.э.; 2) последняя треть V – начало IV в. до н.э.; 3) IV в. до н.э.; 4) конец IV – начало III в. до н.э.; 5) вторая половина III–II в. до н.э., демонстрирующих особенности использования орудий труда и предметов быта в погребальном обряде на разных этапах.

Норма распределения и тенденция признака приведены в таблице 1. (В таблице «0» – нет орудий труда и предметов быта в выборке, «–» – нет данных по некрополю).

Таблица 1. Тенденция признака и норма распределения погребений с орудиями труда и предметами быта

Пункт	VI–V вв. до н.э.	п.тр. V– н. IV вв. до н.э.	IV в. до н.э.	к. IV– н. III вв. до н.э.	вт. п. III–II вв. до н.э.
Пантикапей	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6
Нимфей	0,8	0,4	0,3	2,0	0,4
Мирмекий	0	0,5	0,6	0,3	0
Войково	–	0	1,3	1,5	–
Тузла	0,6	1,9	1,4	2,0	1,4
Горгиппия	0,5	1,7	0	0,6	1,3
Тирамба	1,4	2,0	2,8	0,7	1,7
Артющенко-2	2,0	1,1	–	–	–
Ольвия	1,2	0,8	0,9	1,4	1,2
Аполлония	–	0,2	0,4	0,1	0,4
Норма рас- пред.	32,6	19,6	24,0	20,3	17,4

Проведённый анализ грунтовых некрополей Боспора, Ольвии и Аполлонии дает представление об использовании орудий труда и предметов быта в погребальном обряде разных территориальных центров Причерноморья. Найденные в могилах вещи данной категории имеют отношение, прежде всего, к домашнему хозяйству: ткачеству и прядению, изготовлению одежды, приготовлению пищи, рыболовству. Наиболее часто как в боспорских памятниках, так и в Ольвии, и Аполлонии встречаются ножи, оселки/точильные камни, иглы, пряслица, веретена. Однако утверждать о существовании конкретного устойчивого набора нет оснований.

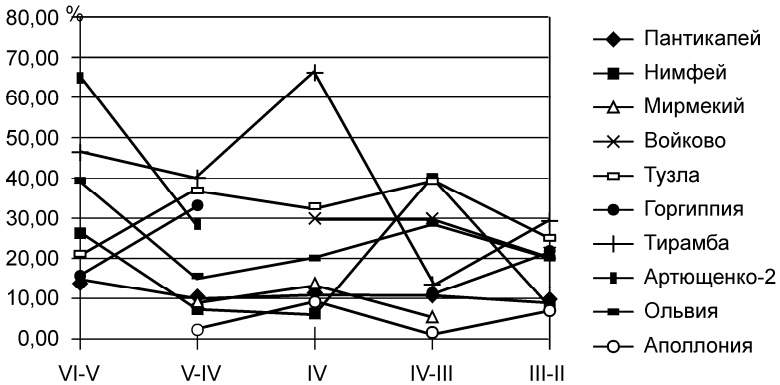

Рис. 1. Распределение погребений с орудиями труда и предметами быта

Судя по графику (Рис. 1), можно отметить относительно равномерное распределение количества погребений с данными вещами в Пантикапее, что позволяет говорить о существовании сравнительно однородной стабильной группы населения. При этом, вероятно, население столицы было более дифференцировано в профессиональном и социальном плане, чем в других центрах и доля данных вещей понижается за счет иных групп инвентаря. Данные некрополя Нимфея демонстрируют резкую динамику изменения количества погребений с орудиями труда и предметами быта. Относительно высокие показатели наблюдаются в VI–V вв. до н.э., но к последней трети V–IV в. до н.э. они существенно уменьшаются, возрастая к концу IV – началу III вв. до н.э., и вновь понижаясь во второй половине III–II в. до н.э. В Мирмекии наблюдается близкая динамика распределения орудий труда и предметов быта с Пантикапеем с последней трети V в. до н.э. до конца IV в. до н.э. Сокращение количества погребений с орудиями труда и предметами быта к рубежу IV–

III вв. до н.э. скорее всего, отражает изменения в жизни населения этого периода. Некрополь Войково демонстрирует довольно высокие показатели погребений с данной категорией инвентаря, что вполне закономерно для развития сельского памятника.

Что касается азиатской части Боспора, то здесь отмечаются более высокие показатели погребений с орудиями труда и предметами быта, в сравнении с европейским Боспором. К последней трети V – началу IV в. до н.э. наблюдается увеличение количества захоронений в некрополях Тузлы, Горгиппии и сокращение в некрополе Тирамбы, Артющенко-2. Однако уже в IV в. до н.э. заметен рост погребений с данной категорией инвентаря в Тирамбе, с дальнейшим сокращением их числа к концу IV – началу III в. до н.э. Увеличение погребений с рассматриваемым инвентарем во второй половине III–II вв. до н.э. вновь отмечается в Тирамбе, а также в Горгиппии. Что касается некрополя Тузлы, то здесь также прослеживается столь ярко выраженная динамика: сокращение погребений с орудиями труда и предметами быта в IV в. до н.э., увеличение их количества к концу IV – началу III в. до н.э. и вновь сокращение ко второй половине III–II вв. до н.э.

Некрополи Ольвии и Аполлонии также демонстрируют специфичные показатели подобных погребений и динамику их распределения, что отличает их от боспорских центров, хотя количественные показатели находятся в тех же пределах.

Сравнение тенденции признака по некрополям Боспора, Ольвии, Аполлонии позволило провести дифференциацию их на всеобщие, локальные и частные (Генинг и др. 1990. С. 88–90). В большинстве случаев она относится к локальным, которые характерны лишь для части сравниваемых выборок, и свидетельствует об отсутствии четкого регламента использования данных предметов в погребальной обрядности, которая могла зависеть от особенностей социально-экономического развития общества. На протяжении VI–II вв. до н.э. каждый из рассматриваемых центров обладал собственным темпом развития, что может свидетельствовать об определённой их самостоятельности в структуре Боспорского образования.

Литература

- В. Ф. Генинг, Е. П. Бунятян, С. Ж. Пустовалов, Н. А. Рычков. Формационно-статистические методы в археологии. К., 1990.
- Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные особенности. М., Л., 1959. – (МИА. № 69).
- С. В. Кашаев. Некрополь Артющенко-2 // БИ. 2009. Т. XXII.

- А. К. Коровина.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970). // СГМИИ. 1987. № 8.
- И. Д. Марченко.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // Фанагория. М., 1956. – (МИА. № 57).
- Н. В. Молева.* Находки орудий ткацкого ремесла в Китейском святилище // Ремесла и промыслы // БЧ. 2010. Вып. XI.
- Н. В. Молева.* Орудия труда как votivные подношения в Китейском святилище // БИ. 2006. Т. XIII.
- Н. П. Сорокина., Н. И. Сударева.* Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н.э. // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001.

Н. А. Гаврилюк

Лепная керамика Боспора IV–I вв. до н.э.

Лепная керамика из раскопок античных памятников – явление уникальное, присущее в основном памятникам Северного Причерноморья. Однако её специальное изучение начинается лишь в середине прошлого столетия. В 1950-е годы появляются первые работы по лепной посуде боспорских городов. Тогда же в работе Е. Г. Кастанаян сформировалась гипотеза о принадлежности этой керамики местному населению Северного Причерноморья (Кастанаян. 1981. С. 127). За последние годы накопился материал, позволяющий по-новому оценить комплекс лепной керамики из боспорских городов. Цель этой публикации – представить лепную керамику из базовых античных памятников боспорского Причерноморья – Нимфея (Гаврилюк, Соколова. 2007), Китея (Гаврилюк, Молев. 2013) и прилегающих к ним поселений, определить её состав и место в керамическом комплексе античных памятников Боспора. Исследуются материалы классического и раннеэллинистического периодов. Именно в IV–III вв. до н.э. формируется набор лепной керамики, составляющий специфику керамического комплекса памятников этого региона. Аналогии описанным выше лепным сосудам позволяют говорить о том, что в основном они восходят к двум различным по происхождению группам.

В классическое время в античных центрах Северного Причерноморья формируется «греческая» группа лепной керамики, состоящая из сосудов, либо повторяющих формы гончарной керамики, либо выполнявших функции гончарной керамики в быту первых греческих переселенцев. В неё входят горшки с горлом в виде раструба, с дуговидной в разрезе шейкой; миски с завернутым внутрь венчиком и

усеченноконические, миниатюрные горшочки, кастрюли, миски-солонки, светильники (Рис. 1. 1–11).

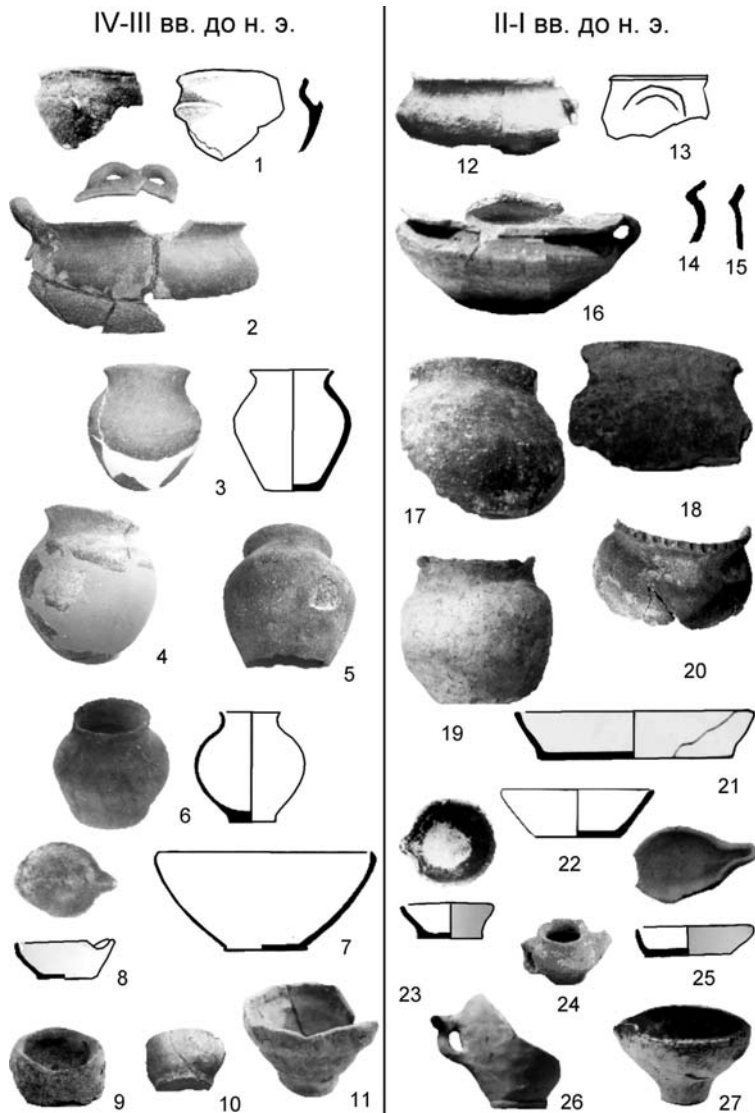

Рис. 1

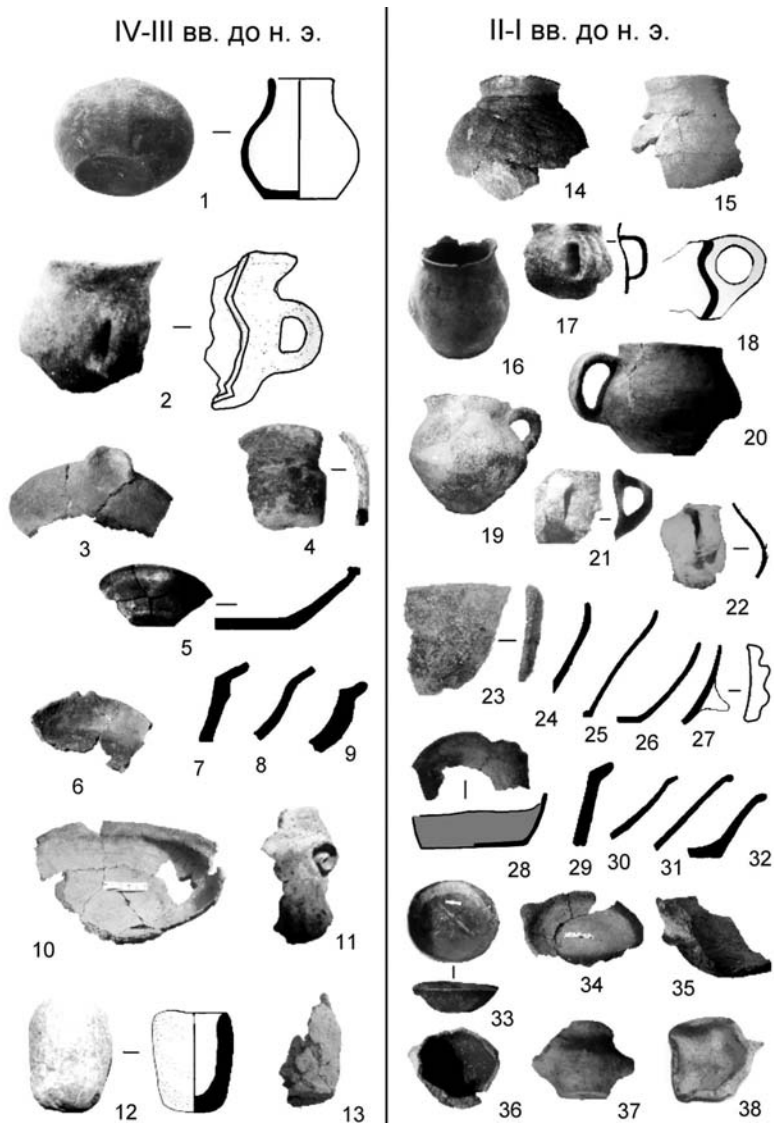

Рис. 2

Рис. 1. «Греческая» группа лепной керамики. IV–III в. до н.э. *Кастрюли*: 1 – Китей, раскоп 3, кв. В9 (1989 г.); 2 – Нимфей, участок М, цистерна 1 (НФ.84.392). *Горшки с горлом, отогнутым в виде раструба*: 3 – Китей, раскоп 2, кв. 12 (2005 г.); 4, 5 – Нимфей, 1984 г., участок М, цистерна последней четверти IV – середины III в. до н.э. *Горшки с прямым слабо профи-*

лированным горлом: 6 – Китей, раскоп 4, яма 67 (1991 г.); *миска*: 7 – Китей, раскоп 4, яма 67 (1991 г.). *Культовые*: 8 – светильник – Китей, раскоп 4, кв. В5/15; 9 – «солонка» – Китей, раскоп 2, яма 79 (2008 г.) («солонка»); 10 – «солонка» – Китей, раскоп 2, кв. 4 (1975 г.); 11 – чашка на ножке – Китей, раскоп 2 кв. 7 (1984 г.). II–I вв. до н.э. *Кастроли*: 12, 13 – Китей, раскоп 1, кв. 3 (1970 г.); 14, 15 – Китей, раскоп 4, яма 75 (1992 г.); 16 – Нимфей, 1960 г. (НФ.60.297). *Горшки*: 17 – Нимфей, 1949 г. (НФ.49.506); 18 – Нимфей, 1949 г. (НФ.49.505); 19 – Нимфей, 1951 г. (НФ.51.760); 20 – Нимфей, 1966 г. (НФ.66.316). *Сковородка*: 21 – Китей, раскоп 1, кв. 1 (1970 г.). *Миска*: 22 – Китей, раскоп 4, яма 66 (1991 г.) (миска). *Светильники*: 23 – Китей, раскоп 2, кв. 11 (1989 г.); 24 – Китей, раскоп 1, кв. 21 (1993 г.); 25 – Китей, раскоп 4, кв. В0 (1987 г.); 26 – Нимфей, 1958 г. (НФ.58.211); 27 – Китей, раскоп 2, кв. 12 (1987 г.)

Рис. 2. «Боспорская» группа лепной керамики IV–III вв. до н.э.

Горшки с прямым горлом: 1 – Китей, раскоп 2, помещение Г яма 22 (1972 г.). *Горшки с ручками*: 2 – Китей, раскоп 2 кв.11 (1990 г.). *Банки*: 3 – Нимфей, участок Г цистерна 3 (НФ.60.320); 4 – Нимфей, 1958 г. (НФ.58.218). *Миски*: 5 – Китей, раскоп 4, кв. В5 (1991 г.); 6 – Нимфей, 1950 г. (НФ.50.131); 7–9 – Китей, раскоп 4, кв. В5 (1991 г.); 10 – Нимфей, 1991 г. (НФ.91.191). *Культовые сосуды*: 11 – Нимфей, участок Г, центральная часть (НФ.86.148); 12 – Китей раскоп 2, кв.23 (1995 г.); 13 – Нимфей, 1991 г. (НФ.91.187). II–I вв. до н.э. *Горшки с прямым горлом*: 14 – Нимфей, 1970 г. (НФ.70.198); 15 – Нимфей, 1962 г. (НФ.62.219). *Горшки-кувшины*: 16, 17 – Китей, раскоп 4, кв. Б8 (1984 г.); 18 – Китей, раскоп 2, кв. 5 (1976 г.); 19 – Нимфей, 1969 г. (НФ.69.97) - I в. до н.э.; 20 – Нимфей, 1968 г. (НФ.68.127). 21 – Китей, раскоп 1, кв. 11 (1975 г.); 22 – Китей, раскоп 2, зольное пятно под мостовой 13 (1972 г.). *Котлы-банки*: 23 – Китей, раскоп 2, кв. 19/9 (2008 г.); 24–27 – Китей, раскоп 2, яма 75 (1992 г.). *Миски*: 28 – Китей, раскоп 2, кв. 19 (2008 г.); 29–32 – Китей, раскоп 4, яма 66 (1991 г.); 33 – Нимфей, 1969 г. (НФ.69.181); 34, 35 – Нимфей, участок Г, 1989 г. (НФ.89.145; НФ.89.134). *Культовые сосуды*: 36 – Нимфей, 1983. (НФ.83.196); 37 – Нимфей, 1987 г., участок М, северо-восточный раскоп (НФ.87.89); 38 – Нимфей, 1986 г., участок Г, яма 7 (НФ.86.159)

Наиболее ранние горшки с горлом в виде раструба в причерноморской части Боспора зафиксированы в материалах сельской хоры Акры – в материалах поселения Заветное 5, в хозяйственной яме 31, датируемой последней четвертью V в. до н.э. (Соловьев, Шепко. 2006. С. 48, 49. Рис. 135. Табл. 76). Горшки с горлом в виде раструба найдены в слоях V в. до н.э. Мирмекия (Кастанаян. 1952. С. 252).

Однако первые горшки с горлом в виде раструба появляются в античных памятниках Нижнего Побужья уже в VI в. до н.э. Наиболее ранний из них происходит из слоя VI в. до н.э. Ольвии (Марченко, 1976. Рис. 3, 7). Фрагмент такого горшка найден в Ольвийском святилище последней четверти VI – первой половины V в. до н.э. (Жозуб. 1974. Рис. 15, 6). В архаических слоях поселений Побужья горшки этого типа встречаются на поселениях Большая Черноморка 2

(6 % лепной керамики), Бейкуш (3,1 %), Ягорлык (3,3 %) (Гаврилюк. 1981. С. 80). То есть, горшки с горлом, отогнутым в виде раструба появляются в Северном Причерноморье, в Нижнем Побужье, вместе с греками, и с материальной культурой степных скифов они не связаны. На всё Северное Причерноморье они распространяются лишь в IV в. до н.э. (Гаврилюк. 1981). Отсюда ошибочное мнение о том, что эти горшки являются определяющим признаком скифского этноса.

Лепные кастрюли, повторяющие форму гончарных кастрюль, в причерноморских памятниках Восточного Крыма представлены кастрюлями с горизонтальными ручками–жгутами и приземистыми кастрюлями с подкововидными ручками–налепами. Такие же сосуды характерны для приазовских памятников Боспора (Масленников. 2007. С. 174, 177, рис. 79, 10). В Нижнем Побужье начало изготовления кастрюль относится к позднеархаическому периоду (Марченко, Доманский. 1983. Рис. 8, 20).

В южнобоспорских памятниках широко представлены лепные миски с завернутым внутрь венчиком и миски в форме усеченного конуса. Наиболее ранняя миска с завернутым внутрь венчиком найдена в материалах Мирмекия, которые датируются VI в. до н.э. (Бутягин, Виноградов. 2006. С. 16. Рис. 10). Такие миски встречаются не только на Боспоре, но и в Нижнем Побужье, Поднепровье, Северо-Западном Крыму.

Лепными подражаниями чернолаковым являются мисочки с завернутым внутрь венчиком (солонки). Наиболее ранние находки таких мисочек зафиксированы в слоях второй половины VI – начала V в. до н.э. Нимфея (Яковенко. 1978. С. 39. Рис. 4). Они встречаются также в материалах Елизаветовского городища (Марченко. 1972. Рис. 2, 10). Две мисочки варианта 2 найдены в степных скифских погребениях IV в. до н.э. – в погребении 2 кургана 16 у с. Вышетарасовка, в кургане 2 группы Широкое 3 (Гаврилюк. 1980. С. 27).

Для памятников Боспора IV–III вв. до н.э. характерны открытые ладьевидные однорожковые лепные светильники (Молев. 2010. С. 227), повторяющие форму гончарных.

Лепная керамика «греческой группы» из слоёв II–I вв. до н.э. южнобоспорских городов представлена горшками трех типов, кастрюлями двух типов, мисками двух типов и чашками на невысокой ножке, открытыми круглыми и ладьевидными светильниками и двумя закрытыми (Рис. 1. 12–25). То есть, состав «греческой» группы керамики качественно не изменился, но количество её в античных центрах Боспора заметно увеличилось.

Вторую группу лепной керамики, условно названную «боспорской», составляют горшки с прямым горлом, горшки-кувшины, котлы, миски с отогнутым широким венчиком, необычные цилиндрической формы курильницы (Рис. 2). Круг аналогий этим сосудам ограничен территорией Восточного Крыма и Таманского полуострова, что позволяет предположить местное происхождение лепной керамики этой группы.

Горшки с прямым горлом в материалах южнобоспорских памятников присутствуют начиная с IV в. до н.э. (Рис. 2. 1) и существуют до I в. до н.э. (Рис. 2. 14–15). Они встречены в скифских погребениях Восточного Крыма (Яковенко. 1974. С. 110. Рис. 46, 4). И. Т. Кругликова опубликовала целый горшок с прямым горлом из поселения IV–III вв. до н.э. у с. Марфовка, расположенного в глубокой части Керченского полуострова (Кругликова. 1975. С. 68. Рис. 27). Коллекция похожих горшков происходит из святилища в гроте на вершине горы Сююрташ в Восточнокрымском Приазовье (Масленников. 2007. С. 366–367. Рис. 157, 2, 4, 13)

Отличительной особенностью «боспорской» группы лепной керамики являются горшки-кувшины – горшки с ручками. Форма таких сосудов изменяется во времени – от котловидных в IV–III вв. до н.э. (Рис. 2. 2) до типичных горшков с ручками во II–I вв. до н.э. (Рис. 2. 16–22). Горшковидные сосуды с ручками встречаются в материалах почти всех античных памятников Крыма, однако в Восточном Крыму их количество особенно велико.

Ещё одной особенностью «боспорской» группы являются горшки без венчика с загнутым внутрь краем, баночные сосуды (Рис. 2. 3–4) или котлы (Рис. 2. 23–27), форма которых также слегка изменяется к периоду эллинизма. Сосуды подобного вида известны в материалах памятников Азиатского Боспора. Ближайшая аналогия – изям классического периода поселения Вышестеблиевская 11 на юге Таманского полуострова. Авторы публикации этих материалов сопоставляют такие горшки с сосудами IV типа, выделенными по материалу Елизаветовского городища (Рогов, Кашаев, Форназир. 2005. С. 196, 217. Рис. 17, 3).

Для южнобоспорских памятников характерно большое количество мисок различных форм (с широко отогнутым венчиком с рельефными выступами-ручками на стенках, с ручками-выступами на венчиках) (Рис. 2. 5–10, 28–35). Такие миски характерны для всех боспорских памятников (Кастанаян. 1981. С. 141. Табл. IV, 3).

Культовые сосуды представлены небольшими чашечками с вертикальными стенками (Рис. 2. 11–13) в IV–III вв. до н.э. и горшковидными с ручками-упорами во II–I вв. до н.э. (Рис. 2. 36–38).

Таким образом, «боспорская» группа лепной керамики в эллинистический период становится более разнообразной. В ней увеличивается количество сосудов с ручками – кувшинов и горшков-кувшинов, котлов, культовых сосудов, аналогии которым можно найти в памятниках Азиатского Боспора.

Аналогии описаным выше сосудам и сопоставление форм лепной посуды с находками с других территорий Северного Причерноморья позволяют говорить о существовании генетически неоднородных групп лепной керамики и дают возможность проследить их изменения (Рис. 1; 2). Замечено, что в классический период в южнобоспорских памятниках преобладала «греческая» группа керамики, сформировавшаяся в среде этнических греков. Эта группа лепной посуды характерна для всех античных центров – от Северо-Западного Причерноморья до Азиатского Боспора.

Вторая, «боспорская» группа лепной керамики, круг аналогий которой ограничен территорией Восточного Крыма и Таманского полуострова, позволяет предположить присутствие в Восточном Крыму в классический и эллинистический периоды некоего местного, но вряд ли скифского, этнического компонента.

В керамике II–I вв. до н.э. «греческая» группа остается господствующей, но процентное соотношение обеих групп меняется – количество местной, «боспорской» лепной посуды заметно возрастает. Эта тенденция развивается и в последующие периоды.

Таким образом, исследование лепной керамики античных центров Боспора позволяет говорить о том, что мнение Е. Г. Кастанаян о варварской принадлежности лепной посуды подтверждается лишь частично. Лепная посуда, генетически и формально связанная с греческой материальной культурой, не только присутствует, но и преобладает в материалах античных памятников практически в течение всего времени их существования.

Литература

- А. М. Бутягин, Ю. А. Виноградов.* Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб., 2006.
- Н. О. Гаврилюк.* Кераміка степових скіфських поховань IV–III ст. до н.е. // Археологія. 1980. № 34.
- Н. А. Гаврилюк.* Лепная керамика Степной Скифии / Автореф. канд. дисс. Киев, 1981.
- Н. А. Гаврилюк., Е. А. Молев.* Лепная керамика Китея. М., 2013. (ДБ. Т. 18).
- Н. А. Гаврилюк., О. Ю. Соколова.* Лепная керамика Нимфея // Античный мир и варвары на юге Украины и России. Скифия. Ольвия. Боспор. Москва, Киев, Запорожье, 2007.

- Е. Г. Кастанаян.* Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки // Боспорские города. I – Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М., 1952. – (МИА. № 25)
- Е. Г. Кастанаян.* Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
- Ю. И. Козуб.* Некрополь Ольвии V–IV ст. до н.э. Київ, 1974.
- И. Т. Кругликова.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- К. К. Марченко.* Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII–V вв. до н.э. // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
- К. К. Марченко, Я. В. Доманский.* Культовый зольник на поселении Куцуруб 1. М., 1983. (КСИА. Вып. 174).
- А. А. Масленников.* Сельские святилища Европейского Боспора. М., 2007.
- Е. Я. Рогов, С. В. Кацаев, Й. Форназир.* Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская 11 на юге Таманского полуострова. Симферополь, 2005. – (БИ. Вып. VIII).
- С. Л. Соловьев, Л. Г. Шепко.* Отчет Античной комплексной археологической экспедиции 2003–2004 гг. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное-5. СПб., 2006. Ч. II.
- Е. В. Яковенко.* Скіфи Східного Криму в V–III ст. до н.е. Київ, 1974.
- Е. В. Яковенко.* Ліпна кераміка VI–V ст. до н.е. з Німфея // Археологія. 1978. № 27.

А. М. Бутягин, В. П. Колосов

Керамические материалы из раскопок зольника 2 городища Мирмекий: комплексный анализ

Необычные археологические комплексы, представляющие собой высокие холмы, состоящие из прослоек рыхлого слоя с высоким содержанием золы, расположенные непосредственно на территории боспорских городов в эллинистическое время, постоянно находятся в центре то затухающей, то возобновляющейся с новой силой дискуссии. Её центральной частью обычно оказывается вопрос о том, являются ли «боспорские зольники» культовыми сооружениями или же они имели какое-либо другое назначение. В своё время за такими зольниками закрепилось данное им не совсем удачно название «эсхары» (Гайдукевич. 1965. С. 28–37). Отдал дань этим дискуссиям и один из авторов этого сообщения (Бутягин. 2005. С. 101–107). В результате этих научных споров прийти к единому мнению относительно функционирования зольников так и не удалось.

Между тем, полных публикаций таких объектов до сих пор, как кажется, не предпринималось. Результаты, полученные в результате раскопок мирмекийского зольника 2 экспедицией В. Ф. Гайдукевича, были опубликованы посмертно и не выходят за рамки стан-

дартного полевого отчёта (Гайдукевич. 1987. С. 66–90). Здесь отсутствует не только количественный анализ материала, но и сам он представлен случайным образом, с концентрацией внимания на особо интересных находках, а также на тех немногочисленных предметах, которые были зарисованы для публикации. Недавно опубликованные раскопки Китея рассматривают зольник в ряде других объектов на территории памятника, а предметы, обнаруженные при его раскопках, представлены в дополнительных приложениях (Молев. 2010. С. 24–30). В целом, это важное подспорье для изучения функционирования китейского зольника, но целостную картину комплекса находок на этой основе выяснить невозможно. Обычно при описании подобных объектов особое внимание сосредотачивается только на некоторых предметах из состава комплекса, в первую очередь, на фрагментах керамики с посвящениями, а также на терракотах. Терракоты, посвящения и фрагменты амфор с клеймами оказались наиболее востребованной частью находок из «боспорских зольников».

Единственным возможным выходом из логического тупика, в котором оказалась дискуссия, предполагается ревизия всего наличного материала о зольниках с целью скрупулёзного изучения картины функционирования объектов, а также сравнения с аналогичными комплексами. Такой подход позволит, с одной стороны, разделить зольники на различные категории, в зависимости от тех различий, которые будут обнаружены, а с другой, выяснить истинную роль зольников в структуре древнего города.

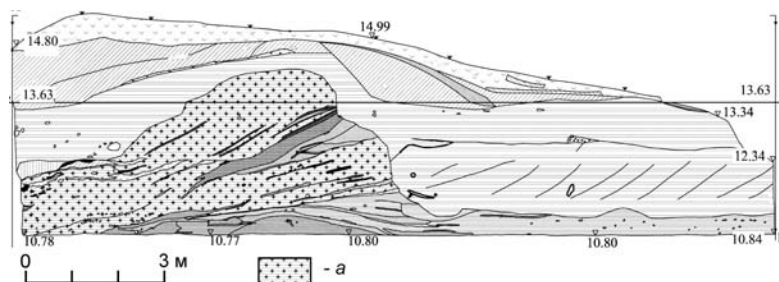

Рис. 1. Мирмекий. Зольник 2. Разрез по центральной бровке. Отмечены непо потревоженные слои зольника (а – коричневый суглинок с раковинами мидий)

В 2008–2011 гг. Мирмекийская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа сосредоточила основные усилия на исследовании оставшейся части мирмекийского зольника 2, другая часть которого была исследована в ходе работ под руководством

В. Ф. Гайдукевича. С самого начала работ предполагалось, что в результате данного исследования должны быть по максимуму зафиксированы все особенности объекта. К сожалению, выяснилось, что значительная часть площади была подвергнута перекопам в период Великой Отечественной войны (Рис. 1). Материал из перекопанных слоёв преимущественно соответствовал таковому из непо потревоженных напластований зольника, но стратиграфическое положение вещей было безвозвратно утеряно. Тем не менее, удалось установить квадраты, на которых стратиграфическая колонка сохранилась полностью. С первого года работ стало ясно, что мелкослоистая структура зольника практически исключает его послойное изучение, так как прослойки оказались чрезвычайно тонкими. В результате исследование велось условными горизонтами, а в тех случаях, когда удавалось, послойно. Руководство экспедиции сознательно не публиковало никаких предварительных обобщающих работ по зольнику до его окончательного изучения. В данный момент, когда экспедиция перешла к раскопкам нижележащих культурных напластований, можно уверенно утверждать, что раскопки зольника 2 Мирмекия окончательно завершены. Полученный материал можно анализировать с самых разных сторон, но наиболее интересным, на наш взгляд, моментом является общая картина распределения артефактов.

Учитывая их огромное количество (общее количество фрагментов керамики 315 556) и разнообразие (общее количество разновидностей – групп и видов находок более 1500), наиболее простым и удобным методом анализа является представление количественных данных в виде единой электронной таблицы, позволяющей легко оперировать большими объемами информации, объединять все данные в различные группы и проследивать в этих группах изменения. Таким образом, теперь имеется возможность уточнить количество находок в зольнике в целом, и по разным выделяемым категориям, в зависимости от стратиграфической или планиграфической ситуации, сравнивать эти категории между собой, проследивая этапы формирования комплекса.

Систематизация материала проведена на базе программы MS Office Excel 2007, ввиду её простоты, доступности, возможности импортировать данные в другие программы и легкости вывода информации в виде графиков или диаграмм. Общий объём данных, представленных в таблице, составляет более 2000 строк и более 3000 столбцов. Для большей наглядности в программе AutoCAD 2011 выполнена трёхмерная модель раскопа, где участки, материал из которых заносился по описи в отдельные списки, представлен в виде условных блоков разных цветов. Цвета маркируют принадлежность участков к различным культурным напластованиям.

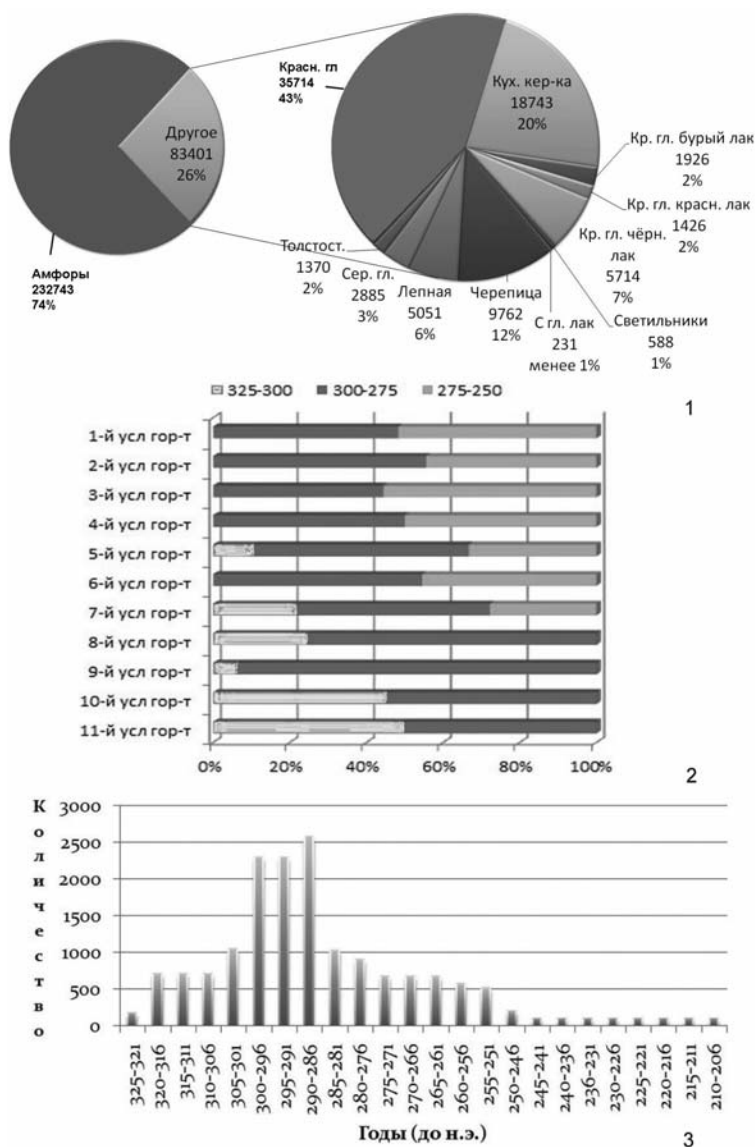

Рис. 2. Мирмекий. Зольник 2. Графики соотношений археологического материала

В основной массе материал представлен фрагментами керамических сосудов: фрагменты амфорной тары (производственных центров Синопы, Гераклеи Понтийской, Фасоса, Родоса и Книда, реже Колхиды и Херсонеса), красноглиняная хозяйственная посуда, расписная столовая керамика, кухонная посуда. Кроме посуды, встречаются такие керамические изделия, как грузила, пряслица, терракотовые статуэтки. Другие находки представляют собой изделия из кости, металла, известняка: костяные пластины, гвозди, обломки ножей, монеты и др. В слое часто встречаются кости животных и рыб. Основная масса представлена фрагментами амфорной тары: 232 743 находки, что составляет порядка 74 % от всего объема. Далее, без учёта амфорной тары, основные группы керамического материала распределяются следующим образом: красноглиняная – 35 714 фрагментов (43 %), кухонная – 18743 (20 %), красноглиняная лаковая – 9066 фрагментов (11 %), из которой чернолаковая насчитывает 5714 фрагментов (7 %), буrolаковая – 1926 (2 %), краснолаковая – 1426 (2 %), сероглиняная керамика насчитывает 2886 (3 %), кроме того сероглиняная лаковая – 231 (менее 1 %), лепная – 5051 (6 %), толстостенная – 1370 фрагментов (около 2 %), и, наконец, 588 фрагментов светильников, (около 1 %) (Рис. 2. 1). Представление о периоде бытования зольника и этапах его формирования может быть получено на основе анализа распределения в слоях различного датировочного материала, в частности амфорных клейм, ввиду достаточно хорошо разработанной хронологической классификации для данной группы материала и многочисленности находок.

Всего в слоях зольника было обнаружено более 500 клейм по большей части таких центров, как Синопа и Гераклея Понтийская, реже встречаются клейма Родоса, Фасоса и Книда. Основная часть клейм, поддающихся датировке, относится к IV–I вв. до н.э. Тем не менее, распределение датировочного материала в слоях имеет несколько противоречивый характер, так как в каждом отдельно взятом условном горизонте имеются находки, относящиеся практически к значительному хронологическому диапазону. К тому же, ввиду наличия в слоях зольника многочисленных перекопов позднего времени, получение ясной картины для всех культурных напластований вызывает определённые сложности.

В подобной ситуации целесообразным представляется статистический анализ, в результате которого можно было бы проследить изменение процентного соотношения датировочного материала по условным горизонтам. Кроме того, важно учесть, что наибольшей достоверностью обеспеченностью обладают те участки комплекса, которые не были нарушены позднейшими перекопами.

Наилучшая сохранность слоёв зольника наблюдается в северной его части, в частности в квадрате «Д». Несмотря на большой разброс в датировках клейм во всех условных горизонтах, имеется определённая последовательность в распределении датирующего материала. В целом, на данном участке обнаружены клейма, по большей части относящиеся к периоду от начала IV до конца III в. до н.э. Тем не менее, основная часть укладывается в рамки последней четверти IV – первой половины III в. до н.э. Подробно разработанная хронологическая классификация позволяет датировать клейма с точностью до десятилетий. Таким образом, удалось уловить устойчивую закономерность в изменении процентного соотношения раннего и позднего материала и стратиграфической ситуации (Рис. 2. 2). Данная закономерность прослеживается на других квадратах раскопа, в большей или меньшей степени, в зависимости от сохранности слоёв зольника. Можно предположить, что процентное соотношение датирующего материала в каждом отдельном условном горизонте отражает распределение во времени остальных находок, выявленных в этом горизонте. Таким образом, можно получить предположительную картину интенсивности формирования зольника (Рис. 2. 3). Гистограмма распределения амфорного материала показывает, что основной пик интенсивности формирования комплекса приходится на рубеж IV–III вв. до н.э.

Таким образом, первые попытки использовать имеющуюся базу данных дали весьма любопытные результаты. Выяснилось, что, несмотря на значительную перемешанность слоёв, делать некоторые хронологические выкладки на основании имеющейся стратиграфии вполне можно. Кроме того, видно, что время интенсивного формирования зольника оказывается весьма небольшим, фактически не выходя за пределы первой половины III в. до н.э., а наибольший пик наблюдается в первой четверти столетия. В дальнейшем накопление грунта происходило весьма медленно.

Естественно, данные выводы носят пока предварительный характер, но можно ожидать, что на основании имеющегося материала можно будет сделать более уверенные выводы.

Литература

- А. М. Бутягин.* К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- В. Ф. Гайдукевич.* Мирмекийские зольники – эсхары // КСИА. 1965. Вып. 103.
- В. Ф. Гайдукевич.* Античные города Боспора: Мирмекий. Л., 1987.

Е. А. Молев. Боспорский город Китей. Керчь, 2010. – (Боспорские исследования. Supplementum 6).

С. А. Данильченко

Столовая керамика из раскопок Нимфея (2008–2012 гг.)

Открытие уникального архитектурного ансамбля на южном склоне нимфейского плато (Соколова. 2001. С. 368) позволило высказать предположение об особом характере данного участка, возможно, использовавшегося в качестве теменоса в эллинистическое время. Среди объектов следует особо выделить комплекс пропилей, датирующийся первой половиной IV в. до н.э. В результате дальнейших работ, проводившихся на площади к югу от пропилей, исследован мощный слой засыпи, толщиной около 7,0 м. Следует отметить, что слои, датированные первыми веками нашей эры, прослеживались до уровня 1,5–2,0 м от дневной поверхности, перекрывающая нижележащие слои эллинистического времени. По срезу западного борта раскопа можно было наблюдать падение слоев к центру площади, до уровня 4,9–5,0 м от дневной поверхности, далее падение слоев выравнивается. В 2012 г. работы на исследованной площади были завершены на уровне, соответствующем уровню дневной поверхности в период функционирования пропилей.

Среди многочисленного и разнообразного материала, основная масса которого датируется второй половиной IV–III вв. до н.э., с включением находок V и II вв. до н.э., до 75% составляют фрагменты амфор. Следующими по численности идут столовая и кухонная керамика, далее – импортная чернолаковая и краснолаковая посуда. Целью данного предварительного исследования является рассмотрение одной из самых многочисленных групп материала из эллинистических слоев, а именно столовой керамики, которая, в первую очередь, представлена красноглиняными и сероглиняными сосудами.

Вопросам изучения «простой» керамики из раскопок северо-причерноморских городов посвящены многочисленные работы российских исследователей – Т. Н. Книпович (Книпович. 1934, 1940), В. Ф. Гайдукевича (Гайдукевич. 1934), Д. Б. Шелова (Шелов. 1954), И. Т. Кругликовой (Кругликова. 1957), и др.

Рассмотрим основные формы сосудов. К группе толстостенной керамики относятся пифосы и лутерии. Пифосы, как правило, боспорского производства, с массивным подтреугольным венчиком (Рис. 1. 24). На некоторых из них встречаются граффити, которые представляют собой цифровые обозначения, возможно, объема или

массы. Отметим единичные находки изделий синопского и колхидского производства.

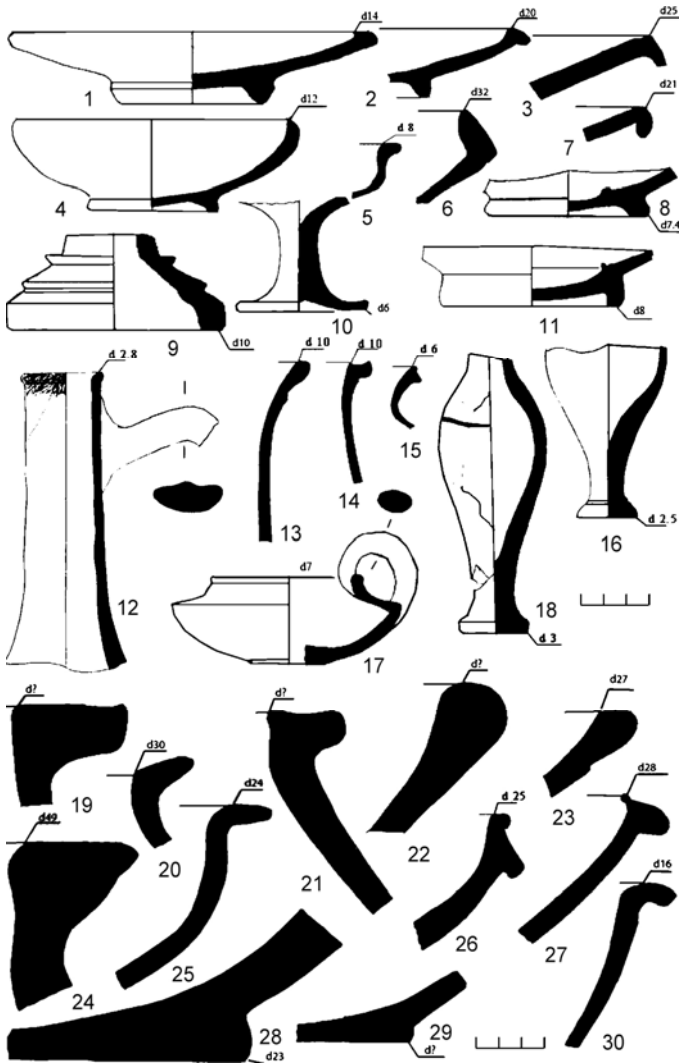

Рис. 1. Нимфей. Красноглиняная керамика: 1 – тарелка; 2, 4, 6 – чаши; 3, 7–8, 11 – рыбные блюда; 5, 10 – курильницы; 9 – подставка; 12 – лагинос; 13–15 – кувшины; 16, 18 – бальзамарии; 17 – светильник; 19, 21, 24, 28 – пифосы; 22–23, 25–27, 29–30 – лутерии

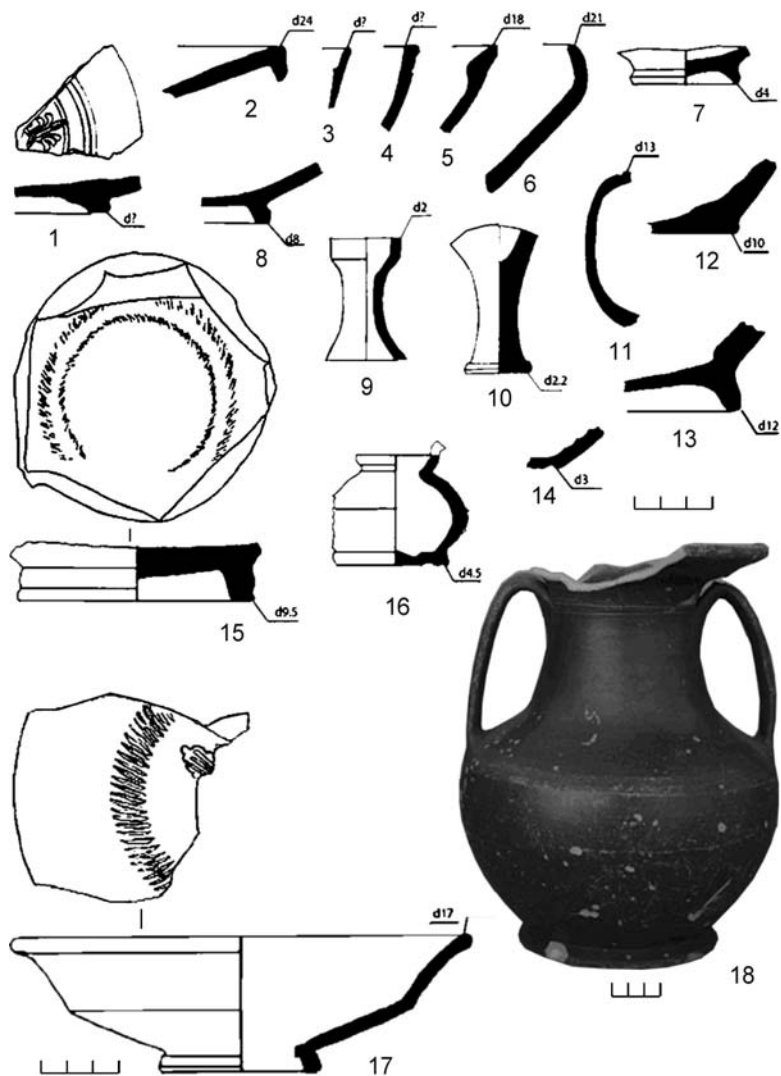

Рис. 2. Нимфей. Сероглиняная керамика: 1 – тарелка; 2 – рыбное блюдо; 3–8, 15, 17 – чаши; 9–10 – бальзамарии; 11–13, 18 – кувшины; 14, 16 – светильники

Среди толстостенных красноглиняных сосудов значительную группу составляют лутерии, большая часть которых синопского происхождения следующих типов (Книпович. 1940. С. 151): с ручками, украшенными пальцевыми вдавлениями, с ручками в виде «катушек», и третий тип представлен лутериями с узким бортиком, глубоким вместилищем и дном на кольцевой подставке (Рис. 1. 22–23, 25–30). Лутериев боспорского производства найдено значительно меньше и они, имея сходную форму с синопскими, отличаются лишь тем, что на их бортике имеются круглые налепы. Лутерии коринфского производства единичны.

Тонкостенная красно- и сероглиняная керамика является наиболее многочисленной среди рассматриваемого материала.

Большая часть красноглиняной керамики сделана из красной плотной глины с известковыми и железистыми включениями, аналогичной глине боспорских клейменных черепиц. Преобладающей формой являются кувшины на кольцевом или плоском поддоне (Рис. 1. № 13–15). Полных профилей сохранилось немного, но многочисленные донья и горла позволяют восстановить форму сосудов. Все типы кувшинов находят близкие аналогии в боспорском материале (Кругликова. 1957. С. 122), однако встречаются и изделия синопских и фасосских керамических мастерских. Некоторые экземпляры украшены по тулову красными, бурыми, чёрными и белыми полосами, белым ангобом или лощением.

К группе закрытых сосудов относятся находки ойнохой и бальзамариев (Рис. 1. 16–18). К немногочисленным экземплярам относятся и фрагменты более поздних родосских лагиносов (Рис. 1. 12) с белым покрытием и росписью черной и оранжевой краской. Светильники представлены закрытыми однорожковыми формами, в основном боспорского производства (Рис. 1. 17), находки которых в нижних слоях засыпи становятся более многочисленными.

Наиболее распространенным типом красноглиняных открытых сосудов среди нимфейских материалов являются чаши с загнутым внутрь краем на кольцевом поддоне или плоскодонные. Размеры их различные, от совсем маленьких, диаметром 6,0–7,0 см, до больших, диаметром до 27,0 см (Рис. 1. 2, 4, 6). Столь же многочисленны находки тарелок (Рис. 1. 1), а также рыбных блюд (Рис. 1. 3, 7–8, 11).

К немногочисленным формам красноглиняной керамики относятся фрагменты курильниц, фляг, цедилок, подставок боспорского производства (Рис. 1. 5, 9–10). В целом красноглиняная керамика повторяет все известные на Боспоре формы сосудов IV–II вв. до н.э., выделенные И. Т. Кругликовой (Кругликова. 1957).

Менее многочисленна группа сероглиняной посуды, в которой выделяются сосуды из тонкого, хорошо отмученного теста, иногда с добавлением слюды, а также изделия из более грубой глины, с мелкими известковыми включениями. Формы повторяют основные формы красноглиняной керамики (Рис. 2). Следует отметить, что некоторые чаши и тарелки подражают аттическим сосудам со штампованным орнаментом и имеют темное покрытие (Рис. 2. 1, 15, 17). Такое же покрытие встречается и на кувшинах (Рис. 2. 18). В целом же формы сероглиняной керамики менее разнообразны.

Особый интерес к этому типу материала вызван находками керамических обжигательных печей на Боспоре, на основании чего можно было с уверенностью говорить о производстве определённой части посуды на месте, так как, по мнению В. Ф. Гайдукевича, «даже потребительский спрос на ремесленно-промышленную продукцию со стороны городского населения колоний едва ли мог удовлетворяться одним импортом, регулярность которого была в зависимости от многих привходящих обстоятельств» (Гайдукевич. 1934. С. 6).

В Нимфее так же, как и в других городах Боспора, существовало собственное керамическое производство по обслуживанию повседневных нужд населения города. Наиболее ранние керамические печи исследователи относят к VI–V вв. до н.э. (Худяк. 1952. С. 257; Цветаева. 1966. С. 17). В настоящее время в Нимфее раскопана обжигательная печь, датирующаяся II–I вв. до н.э., а первыми веками новой эры датируются развалы двух обжигательных печей, выявленных на южном склоне нимфейского плато, и обжигательная печь, обнаруженная в 1969 г. при земляных работах к северу от городища (Соколова. 2001. С. 140–144).

При рассмотрении вопроса о производстве красно- и сероглиняной керамики исследователи полагают, что она чаще всего производилась на месте. Однако одинаковые типы боспорской керамики с афинской и другими городами Северного Причерноморья позволили И. Б. Брашинскому высказать предположение, что она, вне всякого сомнения, служила и предметом международной торговли, так как даже в Афинах часть простой керамики была привозной (Брашинский. 1980. С. 73) Скорее всего, сероглиняная керамика со штампованным орнаментом и черным покрытием, подражающая формам аттической, является привозной.

Предварительное изучение столовой керамики из Нимфея дает интересную дополнительную информацию о хозяйственной деятельности жителей Нимфея и его экономических связях.

Литература

- И. Б. Брашинский.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980.
- В. Ф. Гайдукевич.* Античные керамические обжигательные печи // ИГАИМК. 1934. Вып. 80.
- Т. Н. Книпович.* Керамика местного производства из раскопа И // Ольвия. К., 1940. Т. I.
- Т. Н. Книпович.* Опыт характеристики из станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1928 г. // ИГАИМК. 1934. Вып. 104.
- И. Т. Кругликова.* Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI–III вв. до н.э. // Пантикапей. М. 1957. - (МИА. № 56).
- О. Ю. Соколова.* Новая надпись из Нимфея // ДБ. 2001. Вып. 4.
- О. Ю. Соколова.* О керамическом производстве в Нимфее // Боспор Киммерийский в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001.
- Д. Б. Шелов.* К истории керамического производства на Боспоре // СА. 1954. Т. XXI.
- М. М. Худяк.* Из истории Нимфея V–III веков до н.э. Л., 1962.
- М. М. Худяк.* Раскопки святилища Нимфея 1939–1950 гг. // СА. 1952. Т. XVI.
- Г. А. Цветаева.* Керамическое производство. Нимфей // Керамическое производство и античные строительные керамические материалы. М., 1966. – (САИ Г I–20).

Т. В. Егорова

О чернолаковом импорте в Пантикапее в VI–II вв. до н.э.

Коллекция чернолаковой керамики, найденной при раскопках Пантикапея Боспорской экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина в период с 1945 по 1992 г. и хранящейся в фондах этого музея³³, насчитывает более 2000 фрагментов и целых форм. Около 40 % вещей из этого собрания поддается атрибуции и более-менее узкому датированию. Это довольно значительная выборка, которая позволяет составить общее представление о характере чернолакового импорта в столицу Боспора с последней четверти VI по вторую четверть II в. до н.э. Хронологические рамки обусловлены датами самых ранних и самых поздних чернолаковых фрагментов.

³³ Выражаю глубокую признательность В. П. Толстикову за возможность работы с этой уникальной коллекцией.

Представленный на памятнике набор сосудов в целом характерен для античных поселений (например: Schäfer. 1968; Sparkes, Talcott. 1970; Rotroff. 1997; Drougou. 1991; Брашинский. 1980; Hap-nestad, Stolba, Nastrup. 2002; Егорова. 2009; Масленников. 2012 и др.). Стоит отметить большое разнообразие форм, уступающее лишь Аттике – основному центру производства чернолаковой керамики в античном мире.

В процентном отношении превалирует группа столовой посуды, в которую принято включать различные типы и варианты мисок, солонок, тарелок, блюд, одноручных чаш и пр. Их насчитывается более 63 %, что абсолютно аналогично положению в Северо-Западном Крыму (63,6 %) и на других памятниках Боспора (Масленников. 2008. С. 432). Около 30 % составляет группа сосудов для питья, отличающаяся значительной вариативностью форм. Незначительный процент приходится на крупные сосуды для подачи вина, а также так называемый гинекейский набор – пиксиды, лекифы, арибаллы и проч.

Рассматривая самую многочисленную группу посуды, использовавшейся для сервировки стола, нужно признать, что процентное соотношение форм внутри неё достаточно стандартно. Преобладают миски с отогнутым наружу краем (*Bowl, outturned rim*)³⁴ – 21,4 %. Их ввозили на протяжении всего рассматриваемого периода, что соответствует времени существования и развития формы (Sparkes, Talcott. 1970. P. 128; Rotroff. 1997. P. 157). Почти столько же было тарелок с валикообразным краем (*Plate, rolled rim*) – 20,9 %. Однако их хронологический диапазон существенно уже и укладывается в пределы от середины IV до третьей четверти II в. до н.э. Таким образом, тарелки появляются здесь на 30–50 лет позже начала их производства в Аттике (Sparkes, Talcott. 1970. P. 147). Следующая по общему количеству форма (14,5 %) – солонки (*Saltcellars*), представлена в полном разнообразии вариантов: веретенообразные (*Spool*), с вогнутыми стенками (*Concave wall*), с выпуклыми стенками (*Convex wall*), с эхинообразными стенками (*Echinus wall*), на кольцевом поддоне (*Footed*) – самый многочисленный, и без поддона (*Flat bottom*). Встречаются экземпляры, датирующиеся от рубежа VI–V до середины III в. до н.э. Снижение их поставок отмечается в третьей четверти V – первой половине IV в. до н.э., что соответствует временному падению интереса к ним в Аттике (Sparkes, Talcott. 1970. P. 299–303). Примерно на 30 лет позже начала распространения в античном мире,

³⁴ Здесь и далее в скобках будут приведены англоязычные названия типов по Б. А. Спарксу, Л. Талькотт и С. Ротрофф, поскольку при работе с материалом я опиралась на разработанную ими общепризнанную классификацию. В отечественной историографии могут встречаться иные названия, как дань традиции или вследствие различий при переводе с английского.

в третьей четверти V в. до н.э., в Пантикапее попадают разнообразные по профилировке миниатюрные миски (*Small bowl*), доля которых в данной группе посуды составляла чуть менее 13 %. Очень быстро распространяются в Пантикапее миски с загнутым внутрь краем (*Incurving rim* по Б. Спарксу, или *Echinus bowl* по С. Ротроффу). Встречаются формы, датирующиеся уже последней третью V в. до н.э., то есть временем, когда их только начали выпускать (Sparkes, Talcott. 1970. P. 131, 132). Общий процент таких мисок незначителен (8 %), но это характерно для многих Причерноморских памятников (Егорова. 2009. С. 82). Одноручные чаши (*One-handler*), рыбные блюда (*Fish-plate*) и блюда на высокой ножке (*Stemmed-dish*) представляют весь хронологический ряд соответствующих форм, хотя и составляют только от 7,7 до 4 % соответственно. Миски с профилированной внешней поверхностью (*Convex-concave profile*) датируются второй половиной V в. до н.э. Среди них нет только поздних вариантов. Можно предположить, что на какое-то время они вытеснили солонки, т.к. их производство и поставки в Северное Причерноморье совпало с сокращением выпуска традиционных форм солонок.

Самые ранние формы сосудов для питья датируются последней четвертью VI в. до н.э. Это так называемые чаши типа С (*Cup, type C*) с прямым и изогнутым краем, которые в отечественной историографии часто именуется киликами. В Пантикапее, как и повсеместно, они «доживают» до середины V в. до н.э. Начиная с первой четверти V и до третьей четверти IV в. до н.э. наблюдается наибольшее многообразие сосудов для питья. Одновременно во множестве вариантов сосуществуют от трех до пяти типов. Выходит из моды один тип, ему на смену приходит другой. Только во второй четверти IV в. до н.э. заметно некоторое снижение количества форм, но это является следствием общего падения численности чернолаковой керамики в рассматриваемой коллекции, о чём будет сказано ниже.

Помимо уже упомянутых чаш типа С, к этому времени относятся и другие варианты чаш (*Vicup, Acroscup*). О регулярных поставках скифосов (*Skythos*) можно говорить только с начала V в. до н.э. Это скифосы аттического и коринфского типов. При этом коринфский тип без росписи встречается относительно редко. По-видимому, сюда в больших количествах доставляли высокохудожественные расписные экземпляры. Этим можно объяснить и в целом небольшой процент простых чернолаковых скифосов.

Кубковидные скифосы (*Cup-skyphos*) представлены формами с тонкими (*Light wall*) или массивными (*Heavy wall*) стенками, а также одним экземпляром раннего типа (*Early type*). Пик их импорта пришелся на финал развития формы – конец V – первую четверть IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott. 1970. P. 110–112). В отличие от Аттики, где большее распространение получил первый вариант (*Light wall*), в Пантикапее, как и на многих поселениях Северного Причерноморья, чаще встречается второй (*Heavy wall*). Причем интересно отметить тот факт, что второй вариант считается исторически более важным, т.к. именно от него взяли свое начало кубковидные канфары IV в. до н.э., а от тех уже пошли самые распространенные в эллинистическом мире классические канфары (Sparkes, Talcott. 1970. P. 110).

Такие формы, как кубковидные канфары (*Cup-kantharos*), стемлессы (*Stemless*) (к слову, шесть из восьми известных вариантов) и болсалы (*Bolsal*) поступали в Пантикапеей на протяжении всего периода их бытования в Аттике и в античном мире в целом (Sparkes, Talcott. 1970. P. 98, 107, 117–118). Видимо, эпизодически попадали сюда канфары раннего типа (*Type B*). Немного в это время и классических (*Classical*) канфаров.

В промежутке между последней четвертью IV и серединой III в. до н.э. сосуды для питья представлены значительно слабее. Это аттические скифосы в финальной стадии развития формы и классические канфары. Еще хуже обстоит дело с формами второй половины III – начала II в. до н.э. Этим временем датируются единичные экземпляры.

Наблюдается некоторое своеобразие качественного и количественного состава группы сосудов для питья, не обусловленное хронологически. В этой связи первое, что привлекает внимание – это небольшое число классических канфаров. Их не только мало в процентном соотношении, что можно было бы объяснить степенью исследованности слоев IV – первой половины III в. до н.э. в сравнении с более ранними напластованиями, или большей насыщенностью ранних слоев характерными для того времени формами сосудов для питья, но их мало и в абсолютном количественном исчислении (всего 27 фрагментов). Пока сложно найти объяснение данному феномену. Возможно, это связано с особенностью формирования коллекции: часто от канфаров классической серии находят лишь фрагменты стенок, то есть самую малоинформативную часть сосуда, которая зачастую не попадает в коллекционную опись. При этом довольно большой процент в своей хронологической нише у кубковидных канфаров. Нами уже отмечалось на примере западнокрымских памятников, что число кубковидных канфаров существенно больше в городах, чем на сельских поселениях (Егорова. 2009. С.79). В данном случае, если сравнивать материалы Пантикапее с опубликованной

А. А. Масленниковым чернолаковой керамикой с поселений «царской» хоры европейского Боспора, эта тенденция определенно повторяется (Масленников. 1997; 2008; 2010; 2012).

Пока сложно объяснить преобладание кубковидных скифосов над обычными, при том, что время использования вторых гораздо продолжительнее (вторая половина V – первая четверть III в. до н.э. против начала V – третьей четверти IV в. до н.э.). Тем более что в Аттике – основном центре их производства, ситуация прямо противоположная.

Также непонятно почти полное отсутствие, за редким исключением (всего 4 фрагмента), эллинистических канфаров (*Hellenistic kantharos*) как аттического, так и малоазийского производства.

Если говорить о том, какие производственные центры представлены в данном собрании, надо отметить, что в подавляющем большинстве это Аттика. Восточно-эгейские экземпляры единичны, в отличие, например, от Западного Крыма, где их процент достаточно высок (Егорова. 2009. С. 75). Предположительно это может быть обусловлено приоритетом в торговле с Афинами. Явно прослеживается некоторое запоздание в появлении некоторых новых форм сосудов на Боспоре, в среднем до 30 лет.

По разнообразию и количеству предметов столового набора выделяются два временных отрезка – четвертая четверть V – первая четверть IV в. до н.э. и третья четверть IV – первая четверть III в. до н.э. Исторически первый отрезок совпадает в общих чертах со временем правления на Боспоре одного из самых выдающихся представителей династии Спартокидов – Сатира I, при котором были установлены прочные торговые отношения с Афинами. Второй соотносится со временем правления Перисада I, вошедшего в историю Боспора как один из самых могущественных правителей, и его потомков, и обрывается серией землетрясений, нанесших значительный урон многим поселениям и, в частности, Пантикапею (Толстиков. 2007. С. 255). Не вполне объяснимо резкое снижение чернолакового импорта во второй четверти IV в. до н.э. Предположительно на это могли повлиять некоторые особенности формирования культурного слоя.

Литература

- И. Б. Брашинский. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980.
- Т. В. Егорова. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009.

- A. A. Масленников.* Чернолаковая посуда с поселения Генеральское (западное) // ПИФК. 1997. Вып. IV. Ч. 1.
- A. A. Масленников.* Чернолаковая посуда из раскопок поселения Бакланья скала // ДБ. 2008. Т. 12.
- A. A. Масленников.* Чернолаковая посуда с поселения Генеральское (западное), юго-западный склон // ДБ. 2010. Т. 14.
- A. A. Масленников.* Чернолаковая посуда с поселений «царской» хоры европейского Боспора // ДБ. 2012. Suppl. III. Т. 2.
- В. П. Толстиков.* Акрополь Пантикапея – столицы Боспора Киммерийского. Итоги изучения за 60 лет // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва, Киев, Запорожье, 2007.
- S. Drougou.* Hellenistic pottery from Macedonia. Thessaloniki, 2002.
- L. Hannestad, V. F. Stolba, H. B. Hastrup.* Black-glazed, red-figured, and GW pottery // *L. Hannestad, V. F. Stolba & A. N. Sčeglov* (eds.) *Panskoye I. The Monumental building U 6.* Aarhus, 2002. Vol. 1.
- S. I. Rotroff.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials // *The Athenian Agora.* Princeton, 1997. Vol. XXIX.
- J. Schäfer.* Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin, 1968.
- B. Sparkes, L. Talcott.* Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th cent. b.c. // *The Athenian Agora.* Princeton, 1970. Vol. XII.

В. В. Вахонеев, С. Л. Соловьёв

Подводные археологические исследования Акры (2011–2012 гг.)

Античный город Акра был основан греческими колонистами (возможно, выходцами из Нимфея) в конце VI – начале V в. до н.э. и просуществовал до начала IV в. н.э. Город занимал северо-восточную оконечность мыса к югу от современного п. Набережное (Заветнинский сельсовет Ленинского района АР Крым). Его территория имевшая форму трапеции площадью около 3,5 га, в настоящее время почти полностью скрыта водами Керченского пролива, за исключением небольшого западного участка на песчаной перемычке между озером Яньш и водами пролива. Вследствие трансгрессии Чёрного моря, начавшейся около середины I тыс. н.э., древний город оказался на глубине, достигающей 4 м. Особенности волнового режима в этой части побережья Керченского полуострова привели к тому, что часть культурных слоёв древнего города не была полностью размывта и фундаменты некоторых построек оказались не разрушены, а лишь частично занесены морским песком.

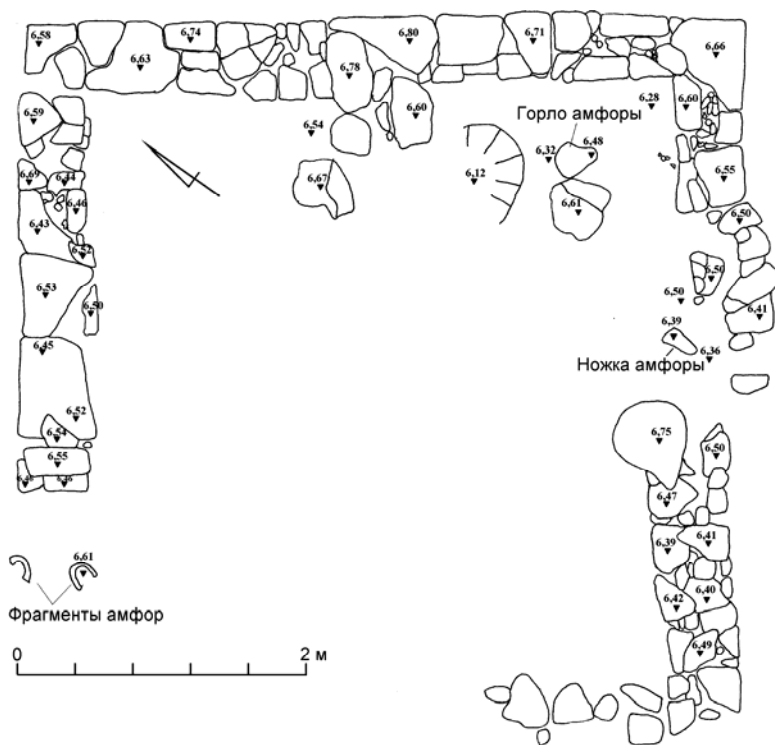

Рис. 1. Акра. Строительный комплекс № 1 (подводный), помещение № 1

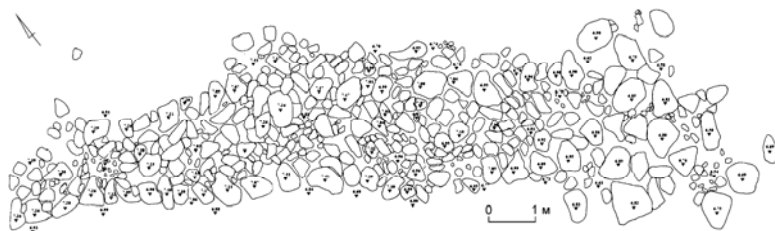

Рис. 2. Акра. «Северная оборонительная стена»

Хорошая сохранность подводных археологических объектов Акры делает её уникальным памятником подводной археологии в Причерноморье, а также прекрасным туристическим объектом.

Исследования города проводились в 1980-е гг. экспедицией под руководством К. К. Шилика, в 1990-е – А. В. Куликова. С 2011 г. на памятнике работает международная подводная археологическая экспедиция Черноморского Центра подводных исследований (рук. В. В. Вахонеев) и Государственного Эрмитажа (рук. С. Л. Соловьёв).

Самые ранние слои относятся или к концу VI или к началу V в. до н.э. В любом случае, именно этим временем датированы некоторые строительные комплексы на так наз. хоре Акры, на поселении Заветное 5. На самой же Акре до сих пор слои этого времени не были выявлены.

Хорошо сохранившимися оказались слои IV в. до н.э. Они самые репрезентативные. Специфический гидрологический режим и волновая деятельность привели к тому, что практически на всей территории затопленной части Акры культурные напластования более позднего времени были практически полностью уничтожены.

К IV в. до н.э. относится сразу несколько интереснейших объектов, выявленных на Акре. В первую очередь, это оборонительная стена города. Она визуально прослеживается на протяжении 150 м по линии СЗ–ЮВ до глубин 2,5 м. Ширина стены до 2,0 м. Кладка двухлицевая, трёхслойная. Внешние фасы сложены в постелистой системе из плохо обработанных камней средних размеров с подтеской по фасу, рядность камней не выдерживается. Средний слой кладки – забутовка из мелких и средних камней. Стена возвышается над грунтом на 1–2 ряда камней. После проведённых раскопок у восточного фаса стены она была открыта в высоту до 1,4 м; работы были приостановлены только на выход крупных каменных камней. Возможно, это мощный развал или, что кажется более вероятным, каменная вымостка, плотно прилегающая к оборонительной стене города (сама стена возведена над некоторыми из камней). Весь полутораметровый культурный слой при раскопках на этом участке представлял собой очень плотный серый суглинок, насыщенный археологическим материалом. Характер слоя, а также анализ находок однозначно свидетельствуют, что данный слой сохранился *in situ*. Скорее всего, мощная оборонительная стена помогла уберечь от размыва культурные напластования IV в. до н.э. и более раннего времени. Практически все керамические находки при исследованиях слоя серого суглинка не выходят за границы IV в. до н.э., среди них особо можно отметить горло гераклеийской амфоры с клеймом ΕΠΚΑΛΛΙΑ / ΑΓΑΘΟΝ 40-х гг. IV в. до н.э.

В 1984 году с западной стороны стены была изучена башня (6 x 6,5 м), толщина стен которой составляла 1,25 м.

В 14 м к северу от участка работ у оборонительной стены при визуальном осмотре дна на глубине 1,6 м было выявлено пять камней встык друг к другу. Данный участок был очищен от песчаных отложений, под которыми были прослежены трассы кладок стен. Часть кладок уходила в грунт. При уборке песка находок практически не было сделано, за исключением ручки родосской амфоры типа I–A с высоким горлом и круглым клеймом ПI/MAP (вторая половина 280-х гг. до н.э.). Дальнейшие работы привели к раскрытию помещения № 1 строительного комплекса № 1 подводный. Помещение площадью 25 м² было ограничено четырьмя кладками толщиной до 0,5 м (Рис. 1). Все кладки постелистые, иррегулярные, двухлицевые. В итоге оказалось, что они или параллельны трассе оборонительной стены, или перпендикулярны ей. Эти наблюдения о планировке и ориентировке данного объекта позволяют высказать предположение о его функционировании одновременно с оборонительной стеной. На полу помещения был зачищен развал гераклейской амфоры, от которой, к сожалению, не сохранились профильные части. При расчистке помещения также были выявлены фрагменты чернолаковой посуды: нижняя часть рыбного блюда с фрагментом граффито ДН, треугольная ручка сосуда с каннелюрами 320–310 гг. до н.э., венчик и стенка краснофигурного кратера. Большинство находок датировано второй половиной IV в. до н.э.

В 20 м на северо-запад от СК 1 на глубине 1–1,1 м под песчаными наносами была выявлена каменная вымостка № 1 площадью 20 м², сложенная из крупных подтёсанных плит неправильной формы и более мелких камней между ними. Вымостка размерами 6 x 3,5 м вытянута по линии СВ–ЮЗ и также может топографически быть соотнесена с предыдущими строительными комплексами (оборонительная стена, СК 1).

Одним из самых примечательных объектов, открытых на Акре в 1980-е гг., был так наз. колодец. Его глубина от верхней кромки до конца кладки (до материковой глины) составила 1 м. При раскопках колодца было найдено большое количество археологического материала: фрагменты амфор, чернолаковой, сероглиняной посуды, фрагменты дерева, в т. ч. со следами обработки. Кроме того, было извлечено несколько целых клеймёных амфор. В ближайшем времени планируется вторично обследовать данный объект и нанести его на современный план (план, составленный в 1984 г., в отчёте в архиве ИА РАН в Москве отсутствует).

В 2011–2012 гг. в северной части городища были проведены работы по графической фиксации участка так называемой «северной оборонительной стены» (Рис. 2). Длина ее достигала 11 м, ширина 2–3 м, она обнаружена на глубине 0,5–1,35 м. Ориентировка стены – СЗЗ–ЮВВ. Восточная часть расширяется и образует условный «уступ» размерами 4,5 x 5 м, который первоначально был принят за башню или бастион. Кладка возвышается над грунтом на 1–2 ряда кладки. В нескольких местах под кладку были сделаны небольшие подкопы с целью проверки наличия нижних рядов кладки, однако ниже камни кладки не были прослежены. Фасы сложены из камней средних и крупных размеров, имеющих следы подтёски. Внутренняя забутовка состоит из мелких и средних бутовых камней, а «уступ» только из крупных камней. Характер кладки, её сохранность (на 1–2 ряда в отличие от юго-западной оборонительной стены), пока не позволяют нам датировать её столь ранним временем, как описанные выше постройки. Возможно, данная конструкция могла выполнять какие-то оборонительные функции в эллинистическое или римское время.

С сожалением следует отметить, что напластования эллинистического времени были полностью смыты в затопленной части города. Строительные остатки и слои римского времени изучались в 1990-х гг. на песчаной пересыпи. Тогда было открыто три домовладения. По достижению уровня грунтовых вод работы были остановлены. Тем не менее, есть возможность предполагать, что на этой небольшой территории ниже сохранились и эллинистические слои. В 2011–2012 гг. в этих местах раскопки не производились.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что, несмотря на то, что подводная археология – достаточно молодая отрасль исторического знания, ее возможности на примере такого памятника, как Ак-ра, позволяют не только восстановить историю этого боспорского городка, но и в целом совершенствовать методику подводных исследований затопленных древних ландшафтов. С начала 2013 г. правительство Крыма приступило к обсуждению вопроса создания на базе Акры первого в Украине подводного археологического парка. В случае его позитивного решения, а также интереса к этому памятнику со стороны общественности будет подготовлен пакет документов о создании такого парка как филиала КРУ «Черноморский центр подводных исследований» при Республиканском комитете АР Крым по охране культурного наследия.

В. М. Стародубцев, Ю. Л. Белик

К вопросу о локализации некоторых объектов археологии на территории, прилегающей к Керченской крепости и крепости Ени-Кале

Мыс Ак-Бурун, ограничивающий с юга Керченский залив, давно привлекает внимание исследователей. Интерес к этой территории, расположенной на расстоянии пешей прогулки от столицы Боспорского царства, закономерен. Известен обширный Ак-Бурунский некрополь, являющийся частью Юз-Обинской гряды. Возможно, захоронения сопровождали постройки культового назначения. Существует гипотеза, рассматривающая Ак-Бурун как место переправы через пролив. Переправе могли сопутствовать сторожевые и оборонительные постройки. Несомненно, что местность использовалась для сельского хозяйства, и на ней могли размещаться поселения и пригородные усадьбы зажиточных горожан. Здесь могли сохраниться следы древних построек.

Одним из оснований для такого предположения являются наблюдения Поля Дюбрюкса, основоположника археологического исследования Керчи. В первой трети XIX в. он описал найденные им на этой территории остатки неких оборонительных стен и башен. Значительная площадь городища и протяжённость каменных стен позволили ему предположить, что здесь в древности размещался город Нимфей. Описание наблюдений, сделанных П. Дюбрюксом, и схема, на которой он обозначил обнаруженные им древние руины, являются едва ли не единственными документами, несущими информацию о постройках на мысе Ак-Бурун. С выходом из печати собрания сочинений П. Дюбрюкса, эти документы стали доступны широкому кругу исследователей (Дюбрюкс. 2010). Это расширило возможности изучения данного интересного участка окрестностей Пантикапея. Предлагаемое вниманию небольшое исследование является в определённой степени результатом публикации текстов и планов, оставленных П. Дюбрюксом.

Справедливо будет заметить, что те или иные вопросы, касающиеся изучения античных поселений и оборонительных сооружений на этой территории, затрагивались, кроме Поля Дюбрюкса, А. Е. Люценко, И. П. Бларамбергом, В. В. Шкорпилом, С. А. Семёновым, В. Э. Куниным, С. А. Шестаковым, Н. Ф. Федосеевым, В. Н. Зинько, Т. Н. Смекаловой, Ю. А. Виноградовым, А. А. Масленниковым и др. Однако этот участок местности в археологическом плане остаётся слабо изученным, что не позволяет воссоздать более

или менее полную картину расположения античных и средневековых объектов археологии, размещавшихся в районе Ак-Бурунского и Павловского мысов. За последние полтора века территории мысов Ак-Бурун и Павловский, а также прилегающие к ним районы, подверглись значительным изменениям. П. Дюбрюкс писал о том, что уже в его время камни древних стен использовались как сырьё для выжигания извести. С 1857 г., после Крымской войны, началось строительство крепости «Керчь», продолжавшееся более 20 лет. В эти годы при отрывке рвов и насыпке валов были перемещены большие массы грунта, для выравнивания эспланады снесены ближайшие курганы и сглажены складки местности. Значительные изменения связаны также с боевыми действиями в годы Великой Отечественной войны и хозяйственной деятельностью в мирное время.

Нами были предприняты попытки сопоставления опубликованного в собрании сочинений плана, составленного П. Дюбрюксом (Дюбрюкс. 2010. С. 204. Рис. 476), с планами и картами строившихся во второй половине XIX в. оборонительных и технологических сооружений, транспортных магистралей, возведенных как в самой крепости, так и ее округе. Проводился анализ архивных данных и сравнение картографического материала второй половины XIX в. с более поздними картами XX в. Это позволило уточнить расположение некоторых объектов, наблюдавшихся П. Дюбрюксом (Рис. 1). На плане П. Дюбрюкса очертания мысов и местности отображены несколько непропорционально, но наблюдавшиеся объекты достаточно точно ориентированы по сторонам света. Описание обнаруженных в 1826 и 1833 гг. стен (Дюбрюкс. 2010. С. 295) позволяет определить их положение на местности. Для локализации использованы реперные точки – оконечности мысов, Павловский курган, балки и возвышенности, то есть объекты, сохраняющиеся длительное время без изменений.

Проведённые наблюдения приводят к выводу, что древние стены, размещавшиеся на территории, попавшей в 1857 г. под строительство крепости, вероятно, не сохранились. Однако некоторые участки внутри крепостной ограды требуют дополнительного изучения. С большей уверенностью можно ожидать выявления следов стен «В», «8» и «Д», оставшихся на эспланаде крепости. Эти участки местности, на которой их наблюдал П. Дюбрюкс, менее других подверглись изменениям за прошедшие 180 лет. Определяется начало пути, который проделал и описал П. Дюбрюкс, снимая план найденных им стен. Это холм, уже почти снесённый при добыче камня, возле которого до начала строительства крепости располагалась сельская усадьба (хутор Соколова).

Рис. 1. Локализация городища, описанного П. Дюбрюксом

К сожалению, участок, обозначенный на плане западнее стены «В», который П. Дюбрюкс и рассматривает как Нимфей (Дюбрюкс. 2010. С. 389), изменён дачным строительством последних десятилетий. Выявление следов древних построек здесь весьма затруднено. В нескольких сотнях метров на юго-запад от этого описанного П. Дюбрюксом городища и на удалении одного километра на запад от крепостного рва по гребню возвышенности, во второй половине XIX в. были построены передовые укрепления крепости в виде земляного вала и рва (Рис. 2).

Ряд исследователей связывает этот объект с поселениями Ак-Бурун II и Ак-Бурун III и сопутствующего им оборонительного вала. Однако мы вынуждены обратить внимание на то, что, вероятно по причине недостаточной изученности событий, которые произошли на этой территории, возникла ошибка. Если учесть, что при возведении фортификационных сооружений уничтожались культурные слои расположенных вблизи античных поселений, курганных и грунтовых некрополей, то вполне объясним факт обнаружения фрагментов керамики, относящейся к античному времени, в толще оборонительных валов Керченской крепости второй половины XIX в. По этому поводу известно свидетельство директора Керченского музея древностей А. Е. Люценко. Он писал, что во время строительства «...работники брали черепки себе, или же сносили их в мешках на строившийся в крепости земляной вал» (Виноградов. 2001. С. 314).

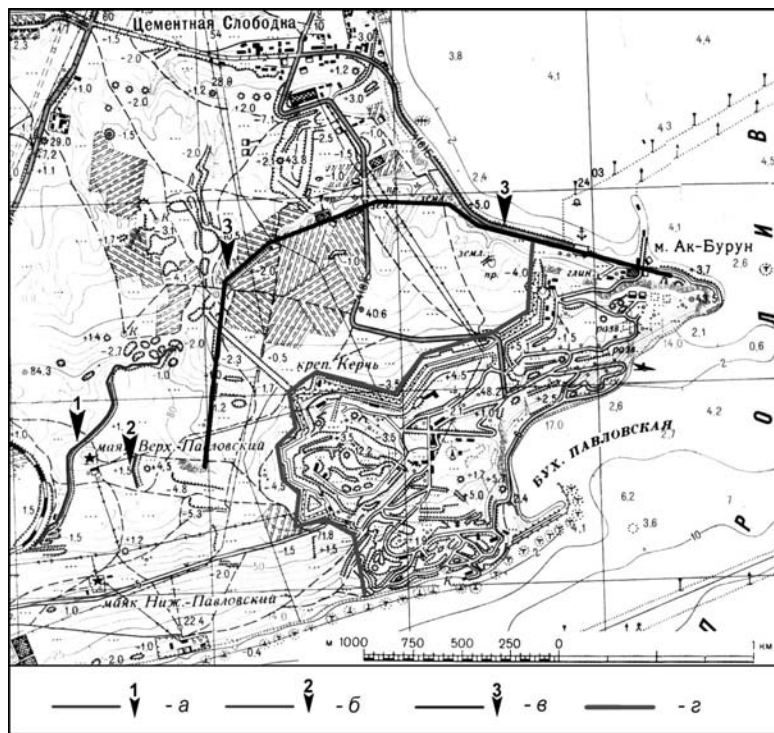

Рис. 2. Схема расположения передовых оборонительных сооружений и железной дороги второй половины XIX в. в районе Керченской крепости (а–б – фортификационные сооружения XIX в.: а – передовой гласис; б – лунет; в – железная дорога XIX века; г – условная граница гребня гласиса главной ограды Керченской крепости)

Подобного рода ошибка могла возникнуть и при идентификации северо-восточного участка так называемого Ак-Бурунского вала. Исследования этого участка, произведённые А. А. Масленниковым, в частности заложенная стратиграфическая траншея, не выявили следов, позволяющих уверенно датировать этот вал античным временем. Сомнение в древности вала появляется и при прочтении описания стены «В», сделанного П. Дюбрюксом. Путь, по которому шёл автор, пролегал в двух десятках метров от хорошо заметного и ныне вала, однако П. Дюбрюкс его не наблюдает. Для опытного исследователя ошибка кажется невероятной.

Изучение документов Инженерного департамента, хранящихся в РГВИА, позволяет с большой долей вероятности принять эту земляную насыпь за участок временной железной дороги, построенной в 1862 г. (Рис. 2). Эта железная дорога была необходима для доставки камня на строительство волнолома и крепостного пирса на северном берегу Ак-Буруна. Железнодорожное полотно пролегло от вершин Юз-Обинской гряды, спускалось в северном направлении, огибало часть долины между крепостью и городом Керчь и, пересекая по мостам ряд балок, выходила к береговой черте (Генеральный план Керченских укреплений. 1864 г. // РГВИА. Ф. 349. Оп. 18. Д. 582. Л. 1).

Рассматривая оборонительные сооружения, отмеченные ранее к западу от Керченской крепости (Шестаков. 1999. С. 105–106. Рис. 1; Масленников. 2003. С. 189–194), необходимо указать несколько архивных карт, на которых указаны передовые укрепления и оборонительные сооружения (люнет, передовой гласис), профиль которых фактически совпадает с направлением валов, отмеченных исследователями. Информативны «Генеральный план окрестностей Керченских укреплений с показанием участков земли, отводимых под крепостные эспланады, 1865 г.» (РГВИА. Ф. 349. Оп. 18. Д. 679) и «План Керченской крепости с окрестностями. 1877 г.» (РГВИА. Ф. 418. Д. 750).

Аналогичная ситуация складывается и с полевыми фортификационными сооружениями, возведенными союзниками в период оккупации города Керчь в 1855–1856 гг. Английские и османские войска возвели в районе крепости Ени-Кале (к западу от нее) целый комплекс фортов, редутов с целью укрепления крепости на случай атаки или осады их русскими войсками. При изучении крепости Ени-Кале нам удалось обнаружить сведения о постройках союзников в этом районе в 1855–1856 гг. Во второй половине XX в. В. В. Веселов в ходе археологических разведок обратил внимание на сохранившиеся фрагменты этих фортификационных сооружений в районе с. Каменка (г. Керчь), что нашло отражение в его дневниках, альбомах и сводной ведомости (Веселов. 2005). Проведя анализ картографического материала, мы можем говорить о том, что ряд сооружений, выявленных В. В. Веселовым, относятся не к античному периоду, а значительно более позднему времени. Наличие керамики в земляных насыпях этих построек объясняется теми же причинами, что и в случае с валами в районе Керченской крепости: при возведении оборонительных построек подвергались разрушению античные и средневековые поселения, некрополи, располагавшиеся вблизи.

Подводя предварительный итог, мы можем кратко заключить следующее:

– схема расположения древних поселений и оборонительного вала в районе м. Ак-Бурун, выполненная С. А. Шестаковым, лишь частично совпадает с рассматриваемым планом П. Дюб-рюкса;

– на топографических картах первой половины XIX в. не обозначены какие-либо особенности рельефа, которые можно было бы связывать с валом на Ак-Буруне;

– наличие керамики в толще насыпи вала не противоречит позднему времени его сооружения, т.к. возведение подобного рода построек связано с огромным объемом земляных работ, что могло привести к уничтожению культурного слоя располагавшихся по соседству сооружений, что подтверждается ходом изучения сооружений на м. Ак-Бурун;

– вал у с. Каменка – это, вероятнее всего, остатки сооружений английского лагеря;

– картографический материал второй половины XIX в. подтверждает, что эти сооружения связаны с крепостями Керчь и Ени-Кале.

Литература

- В. В. Веселов.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуострове в 1949-1964 гг. // ДБ. Supplementum. 2005. Т. 2.
- Ю. А. Виноградов.* Из истории археологических раскопок на мысе Ак-Бурун под Керчью // АВ. 2001. № 8.
- П. Дюбрюк.* Собрание сочинений: в 2-х т. СПб., 2010. Т. I. Тексты.
- А. А. Масленников.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, 2003.
- С. А. Семёнов, В. Э. Кунин.* Разведки на Керченском полуострове // АИБ. 1962. Т. 2.
- И. В. Тункина.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- С. А. Шестаков.* К вопросу о локализации боспорского города Гермисия // АИБ. 1999. Т. III.

Е. А. Молев

«Прото, просто и постэллинизм» на Боспоре

Боспорское государство во все времена своего существования было органичной частью античного мира и сохраняло экономические, политические и культурные связи с ведущими античными государствами. Не исключение в этом и период эллинизма. Однако

встаёт вопрос – в какой мере сам Боспор можно считать государством эллинистического типа?

Эллинизм, как хронологический отрезок истории античных государств охватывает период от походов Александра Македонского (334–323 до н.э.)³⁵ до окончательного установления римского господства на этих территориях, которое датируется обычно падением птолемеевского Египта (30 г. до н.э.). Основные этапы исследований периода эллинизма и важнейшие концепции, выдвинутые различными авторами, были рассмотрены О. В. Лордки-панидзе (Лордкипанидзе. 1986. С. 8–29) и С. Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин. 2008. С. 213–234).

Характерными чертами этого периода, согласно концепции К. К. Зельина, принятой большинством отечественных исследователей эллинизма, являлись «взаимодействие эллинских и местных начал (главным образом восточных) в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре». При этом «социально-экономическое содержание периода эллинизма является результатом развития не только греческого общества, но и развития многих, преимущественно восточных, стран древности» (Зельин. 1955. С. 99–108; Зельин. 1955 а. С. 145–156). Если исходить из этого определения, то государства Балканского полуострова, а также греческие полисы и царства, существовавшие в III–I вв. до н.э. на периферии античного мира, в частности в Северном Причерноморье, нельзя назвать эллинистическими в прямом смысле слова. Там не было столь сложного взаимодействия античной и различных восточных цивилизаций, которое было характерно для стран Передней Азии и Египта. Но и они имели в период эллинизма свою специфику развития.

Особый интерес представляет проблема эллинизма в Причерноморье, так как в данном регионе взаимодействие эллинской и варварской культур было наиболее интенсивным и прослеживается со времени появления в регионе греков. Причём в наибольшей мере характерно это явление для Боспора. В свое время М.И. Ростовцев отметил, что «боспорская власть, создававшаяся в особых исторических условиях и развивающаяся в совершенно особой среде последовательно и почти без перерывов не находит себе полной аналогии ни в одном из уголков античного мира» (Ростовцев. 1989. С. 195). Тем не менее, ряд учёных (и сам он в том числе) выделяли на Боспоре черты, свойственные эллинизму ещё до общепризнанной даты его появления, т.е. задолго до 323 г. до н.э. (Minns. 1913. P. 565, 577, 613;

³⁵ Мне кажется, более справедливым начинать период эллинизма с 301 г. до н.э., когда в результате битвы при Ипсе и смерти Антигона Одноглазого была окончательно похоронена идея о восстановлении единой монархии и утвердились государства нового, эллинистического типа.

Rostovtzeff. 1954. P. 561, 568, 572, 582–588; Rostovtzeff. 1941. P. 597; Латышев. 1909. С. 85–86). Сравнительно большое число черт в государственной системе Боспора, близких по внешней форме системе эллинистических государств, в итоге привело к выделению отдельного периода в его истории, определённого как «протоэллинизм» (Блаватский. 1955. С. 109–115; Блаватский. 1959. С. 14–16; Blavatsky. 1969. Vol. III. P. 49–58, 61–63, 65. Переиздания: Блаватский. 1985. С. 109–122). Эта идея встретила возражения уже в первом обсуждении (Сокольский. 1955. С. 199–204) и в итоге не получила признания по вполне очевидным причинам (Шелов-Коведяев. 1985. С. 182–186; Сапрыкин. 2008. С. 214).

Боспорское государство изначально развивалось по традиционному пути эллинических полисов в колониях: после основания и закрепления на новой территории шел процесс постепенного расширения территории и поглощения менее крупных поселений более значительными. Классическим примером такого пути в Северном Причерноморье может считаться процесс создания Ольвийского полиса (Виноградов. 1989. С. 64–68). Более продвинутыми в процессе расширения своих территорий оказались Херсонес и особенно Боспор. Пантикапей, в отличие от Херсонеса, включил в свой состав не только основанные им самим и иными полисами колонии, но и целый ряд местных варварских племен. Причем этот процесс начался задолго до начала эпохи эллинизма и продолжался и в последующие годы, включая римский период. При этом в процессе формирования Боспорского государства постепенно формировались и такие черты, которые оказались свойственными и эллинистическим государствам:

- завоевание как способ укрепления государства;
- процесс этнического и культурного взаимодействия эллинов и местного населения, в результате чего на Боспоре в итоге даже формируется особая этническая общность «боспоряне» (Strabo. XI, 2, 10) (Молев. 1994. С. 31) (не о таком ли итоге пути развития для своей империи мечтал Александр Македонский!);
- вскоре после подчинения варварских племен правитель Боспора принимает *дополнительно* к существующему уже титулу «архонт» титул «царь»; мы можем быть уверены, что это произошло действительно вскоре, поскольку тот же правитель – Левкон, принял и свой первый титул «архонт» практически сразу после подчинения Феодосии; принятие же титула «царь» потребовало несколько большего времени и только после подчинения четырёх ближайших племен в Азии, когда стало совершенно очевидно превосходство Боспора над варварами этого региона, был принят титул «царь»;

- особо выдающемуся правителю династии – Перисаду I воздаются божественные почести (Strabo. VII, 4, 4);
- опорой власти является наемная армия, которая и осуществляет завоевательную деятельность под руководством правителя;
- в определённой степени можно говорить о филэллинской внешней политике Спартокидов, выразившейся в предоставлении льгот и привилегий отдельным эллинским полисам, прежде всего Афинам; в период эллинизма эта деятельность продолжается: царь Спарток III жертвует Афинам 37 тыс. пудов хлеба в 287 г. до н. э. (IG. I² № 653); боспорский царь Перисад IV и царица Камасария в середине II в. до н. э. совершают пожертвования в храмы Аполлона в Дельфах и в Бранхидах около Милета (Syll.³, 439. Граков. 1939. С. 266–267. № 38–39).

Таким образом, вступая в период эллинизма, Боспору не было никакой необходимости менять свою государственную систему. Разумеется, все тонкости внешней политики правителей эллинистических государств вряд ли были известны боспорянам. Да и маловероятно, чтобы они, находясь на периферии античного мира, стремились к тому, чтобы включиться в активную политическую борьбу в Элладе или даже Малой Азии. Реально мы знаем только о намерениях Эвмела объединить города и племена, окружающие Понт Эвксинский. Тем не менее, правители Боспора поддерживали определенные контакты с эллинистическими державами и какую-то информацию о международных проблемах того времени, несомненно, имели.

Так, в середине III в. до н. э. боспорское посольство прибывает в далекий Египет, где ведет переговоры с представителями могущественного Птолемея II, в том числе, возможно, и о разграничении сфер хлебной торговли (Грач. 1984. С. 86; Сапрыкин. 1986. С. 136). Поэтому мы вправе говорить, что определённые изменения в политической системе Боспора могли происходить и под влиянием эллинистических монархий с учётом их могущества. Однако реальным среди таковых можно, пожалуй, назвать только постепенное закрепление в титулатуре Спартокидов титула «царь», хотя и титул «архонт» применялся время от времени вплоть до последнего Перисада (Карышковский. 1977. С. 26; Шелов-Коведяев. 1990. С. 177–180; Молев, 1994. С. 19).

Таким образом, называть Боспор при Спартокидах государством эллинистического типа достаточных оснований я пока не вижу. Это был конечно же своеобразный государственный организм, но базой его был «полис», постепенно расширяющийся в результате завоевательной деятельности своих тиранов и вышедший в итоге за свои тесные рамки (Ср.: Сапрыкин. 2003. С. 11–35; Saprykin. 2004. P. 85 *suiv.*; Завойкин. 2007. С. 49).

Подчеркну, что это был естественный процесс, ибо «власть не статична, и если она не расширяется, то способна сокращаться», что, по мнению Вудхеда, понимали уже спартанцы накануне Пелопонесской войны (Woodhead. 1970. P. 114.). Процесс расширения полисов и выхода за их традиционные рамки, кстати, происходил не только в колониях, но и в самой Элладе. Афины наиболее наглядный тому пример.

Подчинение Боспора Понту не намного приблизило характер его государственности к эллинистической, поскольку Понт также не принадлежал к числу классических эллинистических государств, и в основе его государственной системы преобладали иранские, а не греко-македонские принципы политического устройства (Сапрыкин. 1996. С. 204–247; Молев. 2011. С. 79). Иранские черты, добавившиеся после присоединения к Понту, обеспечили дальнейший прогресс в развитии Боспорского государства, равно как и более позднее сотрудничество с Римом. Но в любом случае это был процесс естественного развития государственной системы в сложившихся условиях существования античного мира. И я не вижу оснований для того, чтобы говорить о превращении Боспора в эллинистическое государство со времени правления Митридата Евпатора и его преемников (Сапрыкин. 2008. С. 230), равно как и вводить понятие «постэллинизм» в периодизацию истории Боспора. Это был римский период со всеми его особенностями и вариантами.

Литература

- В. Д. Блаватский.* Культура эллинизма // СА. 1955. XXII.
- В. Д. Блаватский.* Процесс исторического развития государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- В. Д. Блаватский.* Античная археология и история. М., 1985.
- Ю. Г. Виноградов.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
- Б. Н. Граков.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
- Н. Л. Грач.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ 1984. № 1.
- А. А. Завойкин.* Образование Боспорского государства. Автореферат дисс... докт. ист. наук. М., 2007.
- К. К. Зельин.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. XXII.
- К. К. Зельин.* Основные черты эллинизма // ВДИ. 1955. № 4.

- П. О. Карышковский.* К вопросу об обращении статеров лисимаховского типа в Причерноморье // Нумизматический сборник. Тбилиси, 1977.
- О. Д. Лордкипанидзе.* «Эллинизм», «эллинистический мир», «эллинистическая культура» (трудности дефиниций) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.
- Е. А. Молев.* Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994.
- Е. А. Молев.* Понтийское царство как наследник Ахеменидов // Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Казань, 2011.
- М. И. Ростовцев.* Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 1989. № 2.
- С. Ю. Сапрыкин.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
- С. Ю. Сапрыкин.* Понтийское царство. М., 1996.
- С. Ю. Сапрыкин.* 2003. Боспорское царство: от тиранов к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1.
- С. Ю. Сапрыкин.* О хронологических границах эпохи эллинизма // История. Мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008.
- Н. И. Сокольский.* О периоде эллинизма в северном Причерноморье // ВДИ. 1955. № 4.
- Ф. В. Шелов-Коведяев.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., Наука, 1985.
- Ф. В. Шелов-Коведяев.* Замечания о динамике титулатуры Спартокидов // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990.
- V. D. Blavatsky.* Il period del protoellenismo sul Bosporo // Atti del settimo congress internazionale di archeologia classica. Roma. 1969. Vol. III.
- М. I. Rostovtzeff.* Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941.
- М. I. Rostovtzeff.* The Bosporan Kingdom // Cambridge Ancient History. 1954.
- S. Ju. Saprykin.* Chora and Polis in the kingdom of Bosphorus in the Classical and Hellenistic periods // Chora and Polis. Schriften des Historischen Kollegs. Kolloquien 54. München, 2004.
- F. G. Woodhead.* Thucydides on the Nature of Power. Cambridge, 1970.

А. В. Подосинов

Ещё раз о протоэллинизме на Боспоре

В апреле 2012 года в Институте всеобщей истории РАН (Москва) в рамках XXIV Чтений памяти В. Т. Пашуто «Миграции, расселение, война как факторы политогенеза» был проведён круглый стол на тему «Образование Боспорского государства: от полиса к царству». В нем участвовали многие известные специалисты по истории Боспорского царства – Ю. А. Виноградов, О. Л. Габелко, Л. И. Грацианская, А. А. Завойкин, А. А. Масленников, Е. А. Молев,

А. В. Сазанов, С. Ю. Сапрыкин, М. В. Скржинская, И. Е. Суриков, Н. Ф. Федосеев, Н. Б. Чурекова, Ф. В. Шелов-Коведяев.

Одной из тем, поставленных перед участниками круглого стола, было понятие «протоэллинизма» (или «предэллинизма») на Боспоре, его терминологическая состоятельность, правомочность употребления этого термина применительно к ранней истории Боспора и др. Большинство историков, начиная с Ф. В. Шелова-Коведяева (Шелов-Коведяев. 1985. С. 182–186), отвергали возможность видеть в доэллинистической истории Боспора элементы эллинизма, которые отмечали ранее Э. Миннс («The rule of the earlier Spartocids foreshadowed the Hellenistic states that arose after Alexander's death, because on the Bosphorus Hellenistic conditions appeared independently» (Minns. 1913. P. 563)), М. И. Ростовцев (Rostovtseff. 1954), В. Д. Блаватский (1985; 1985 а) и некоторые другие. Этот скептицизм был характерен и для большинства участников Круглого стола.

Но не вся аргументация противников «протоэллинизма» кажется мне достаточно убедительной. Некоторые из этих аргументов были недавно критически разобраны мною (Подосинов. 2011. С. 224–232). В частности, я писал тогда: «Встреча греков с варварами произошла на Боспоре раньше, чем на Востоке при Александре Македонском, и уже тогда должна была возникнуть необходимость создания адекватных ситуации форм государственности. Таким образом, и там, и здесь налицо типологически сходные предпосылки и стимулы... Греко-варварский симбиоз не мог не приводить к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа».

А. А. Завойкин в статье, опубликованной по материалам Круглого стола в «Древнейших государствах Восточной Европы» (Завойкин. 2013), критикуя этот мой тезис, пишет: «Признаться, не очень представляю, о каком “симбиозе” (или синтезе) в области политической (“социально-политической”) можно говорить? Позволительно ли думать, что варварские народы, не знающие собственной государственности (по крайней мере, в сколько-нибудь развитых формах), могли обогатить политический опыт эллинов какими-то свежими идеями или традициями?». И в другом месте той же статьи: «Едва ли надо доказывать, что уровень развития политической мысли и практики греков до такой степени превосходил социально-политическое развитие варварских народов (даже перешагнувших рубеж раннегосударственных форм политогенеза), что рассуждать о каком-то “синтезе” неуместно. Позволительно ли вообще здесь говорить о возможности каких-либо заимствований варварских традиций? Мне кажется, что едва ли».

Итак, встает вопрос – можно ли говорить о греко-варварском симбиозе на Боспоре, и мог ли он повлиять на трансформацию государственного устройства Боспора от обычной для греков полисной демократической модели к династической монархии, при том, что наличие такой трансформации не стоит под сомнением?

Когда говорят о греко-скифском искусстве, о скифских курганах на территории крупных городов Боспора, в которых погребалась не только скифская знать, но и боспорские цари, о синдо-греческом взаимодействии, о скифских наёмниках на службе у боспорских владык, о влиянии военного дела местных племён на боспорское, о смешанных браках, об иранских именах в греческих надписях, о варварских корнях царских имён, наконец, о сарматизации Боспора, справедливо предполагают «установление более тесных связей между античным миром и варварским в ряде окраинных государств, в частности на Боспоре» (Блаватский. 1985. С. 109). Вот что, например, пишет о варварских курганах около боспорских городов Ю. А. Виноградов (2005. С. 247): «Появление их в V в. до н.э. представляет собой результат как общего развития греко-варварских взаимоотношений на Боспоре, так и конкретных взаимоотношений данного античного центра (полиса) с тем или иным туземным народом» (см. также: Podossinov. 1996. S. 415–425; Подосинов. 1999. С. 8–15).

Ф. В. Шелов-Коведяев отмечает, что варварская племенная верхушка пользовалась особым расположением боспорских царей, нередко входя в их ближайшее окружение (Шелов-Коведяев. 1985. С. 169: «Варварская аристократия получает доступ в высшие слои боспорского общества и, возможно, к управлению государством, вмешивается в его политику. Всё это было бы невозможно без симбиоза с греками и их полисами»). Но ведь это типичная черта эллинистических монархий, сходство с которыми Боспорского царства так энергично оспаривается исследователем!

О греко-варварском синтезе как обязательной характеристике эллинизма пишет и О. Л. Габелко, при этом отрицательно относящийся к «предэллинизму» на Боспоре как историческому периоду (Габелко. 2009. С. 171, где он считает «реальным показателем существования эллинизма... в том или ином регионе *греко-варварский синтез*»).

Представляется, что греко-варварский симбиоз, который усматривают на Боспоре многие исследователи, не мог не приводить к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа, как это и случилось на Востоке после Александра, где одной из главных особенностей государственного устройства был синтез экономических, социальных и культурных достижений Европы и Азии.

Итак, Завойкин спрашивает, «о каком “симбиозе” (или синтезе) в области политической (“социально-политической”) можно говорить? Позволительно ли думать, что варварские народы, не знающие собственной государственности (по крайней мере, в скольконибудь развитых формах), могли обогатить политический опыт эллинов какими-то свежими идеями или традициями?».

Думается, что сама идея единоличной (царской) власти, чуждая эллинам вплоть до эллинизма, но укоренённая в «варварских» сообществах, должна была способствовать принятию (сначала именно по отношению к варварам, а затем и к грекам) титула «царь», зафиксированного в аутентичных эпиграфических памятниках Боспора, и, тем самым, становлению монархии. Почему варвары должны были непременно «*обогащать*» политический опыт эллинов... свежими идеями» (по выражению Завойкина)? Они могли, наоборот, обратиться «политический опыт» греков к уже пройденным ими этапам исторического развития, а именно, к монархической форме правления, отсутствие которой было бы непонятно для инкорпорированных в Боспорское царство варваров и установления которой требовала историческая ситуация.

В этом же ключе следует рассматривать такие исторически «пройденные» греками элементы культуры, как погребение боспорских «архонтов» в уступчатых каменных склепах, которые известны у греков в крито-микенский период, а у «варваров»-фракийцев были в ходу ещё и в классическое время; золотые маски умерших правителей наподобие крито-микенских и другие архаические для Спартокидского Боспора явления.

Завойкин говорит о «варварских народах, не знающих собственной государственности». Непонятно, как это относится к скифам, у которых уже с первой половины VII в. до н.э. существовало государство с сильной царской властью, имевшей черты деспотической.

Признавая значение варварской культуры для Боспора, И. Е. Суриков также не видит здесь варварского влияния на греческую государственность: «Это влияние, бесспорно, было значительным... Но заключалось оно не в том, что боспорские греки перенимали какие-то политические формы у варваров (государственная система Боспора – явление вполне греческое по своим корням и специфике), а в другом: приходилось постоянно противостоять варварам, и это диктовало определенную линию политической эволюции» (Суриков. 2007. С. 154–155). Думается, что помимо реакции на внешнюю угрозу, именно «противостояние варварам» внутри единого территориального государства, где жили греки и варвары, и вызывало к жизни эволюцию государственного строя. Не следует забывать, что боспорские греки имели дело с двумя видами варваров – оседлыми, ставшими подданными царства, и кочевыми, с которыми

нужно было воевать или договариваться. Оба фактора – каждый по-своему – способствовали возникновению надполисного государства – монархии.

Таким образом, отрицание влияния варварского мира на становление Боспорского царства представляется мне не совсем убедительным.

Литература

- В. Д. Блаватский.* Период протоэллинизма на Боспоре // *В. Д. Блаватский.* Античная археология и история. М., 1985.
- В. Д. Блаватский.* О периоде протоэллинизма в Северном Причерноморье // *В. Д. Блаватский.* Античная археология и история. М., 1985.
- Ю. А. Виноградов.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- О. Л. Габелко.* Ещё раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009.
- А. А. Завойкин.* Образование Боспорского царства: от полиса к царству (некоторые итоги и перспективы дискуссии) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. Отв. ред. *О. Л. Габелко* и *А. В. Подосинов.* М., 2013.
- А. В. Подосинов.* Проблемы взаимоотношений варваров и греков в античном Северном Причерноморье (К вопросу о характере контактных зон) // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР *В. Т. Пашуто.* Материалы к конференции. М., 1999.
- А. В. Подосинов.* Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР *Владимира Терентьевича Пашуто.* Москва, 19–21 апреля 2011 г. Материалы конференции. М., 2011.
- И. Е. Суриков.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадияльно-типологический контекст // Из истории античного общества. Сборник научных трудов. Вып. 9–10: К 60-летию проф. *Е. А. Молева.* Нижний Новгород, 2007.
- Ф. В. Шелов-Коведяев.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // ДГ. 1984. М., 1985.
- E. H. Minns.* Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913.

- A. V. Podossinov.* Barbarisierte Hellenen – hellenisierte Barbaren: Zur Dialektik ethno-kultureller Kontakte in der Region des Mare Ponticum // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums. 9.–14. März 1994 in Berlin. Tübingen, 1996.
- M. I. Rostovtseff.* The Bosporan Kingdom // САН. 1954².

С. Ю. Сапрыкин

Постэллинизм на Бопоре (предпосылки и развитие)

Боспорское государство на протяжении почти девятистолетней истории прошло несколько этапов в социально-экономическом и политическом развитии. После основания греческих апойкий в VI в. до н.э. боспорская государственность развивалась на основе традиционного для греков полисного строя. К концу VI – началу V в. до н.э. на европейском Боспоре сформировались два крупных полиса Пантикапей и Нимфей, причём наиболее быстро по пути урбанизации развивался Пантикапей. В процессе формирования полисного строя ему подчинились более мелкие города Тиритака, Мирмекий, Порфмий, Парфений, что стало следствием организации его полисной хоры. Параллельно как полисные центры развивались Нимфей, Гермонасса, Фанагория, Кепы, Синдская Гавань. Рост экономического и политического влияния Пантикапея как крупнейшего центра наложил отпечаток на его политический строй – в 480 г. до н.э. к власти там пришла олигархическая группировка во главе с Археанактидами, представителями ионийско-милетской аристократии, которая выдвинулась со времени основания апойкии. К V в. до н.э. на Боспоре не сложилось единого государства вследствие полисной автаркии.

Археанактиды укрепили полисные устои Пантикапея. В годы их правления начала формироваться его полисная хора, полисные владения расширились за счет соседних городов, за исключением Нимфея, активно развивались торговля и монетное дело. Как следствие в Пантикапее наметилось противостояние различных слоёв населения, главным образом средних слоев демоса и прежней родовой аристократии в лице олигархии Археанактидов. Это привело к свержению олигархии и установлению тирании, направленной на расширение активности средних слоёв в лице торговцев и ремесленников, как это было ранее в полисах греческой метрополии. Так в 438 г. до н.э. у власти в Пантикапее закрепилась тираническая династия Спартокидов, историческое предназначение которой сводилось к завер-

шению формирования полисного устройства Боспорского государства.

Политика Спартокидов была направлена на расширение могущества Пантикапея, их социальной опорой являлись широкие слои демоса, заинтересованные в вывозе хлеба, доходах от торговли с варварской периферией и возделывания земли на хоре полиса. Первые тираны Пантикапея продолжили политику подчинения других греческих городов Боспора Киммерийского, формируя их союз под главенством Пантикапея. Они сохраняли полисные устои боспорских городов (Нимфея, Тиритаки, Фанагории, Кеп, Гермонассы), основывали новые (Горгиппия, Киммерик) или укрепляли более мелкие города, которые также обладали хорой (Порфмий, Парфений, Китей и др.). К середине IV в. до н.э., когда сложился союз полисов Боспора и Феодосии, в котором Пантикапей стал главным центром, Боспорское государство представляло собой типичное полисное объединение во главе с тиранами Пантикапея (Спартокиды считались архонтами Боспора и Феодосии, т.е. полисными магистратами, наделёнными почти неограниченной властью).

К началу III в. до н.э. полисные владения Пантикапея значительно выросли. Этот полис обладал ближней и дальней хорой, где осёдлые скифские земледельцы-комиты возделывали зерновые; собственную хору продолжали сохранять и другие крупные полисы Нимфей, Фанагория, Феодосия, однако доходы от торговли стекались к пантикапейским тиранам, и не случайно, что на монетном рынке Боспора господствовал полисный чекан Пантикапея. Земли подчинившихся пантикапейским тиранам синдо-меотских племён, которые признавали Спартокидов царями, на самом деле были реорганизованы как своеобразная форма владений всех полисов Боспора, так как свозимый оттуда хлеб способствовал приросту доходов «всего Боспора», т.е. полисов во главе с Пантикапеем и их тиранами.

После кризиса начала III в. до н.э. на Боспоре произошло перераспределение земельного фонда, но полисные формы землевладения были усилены. На хоре Пантикапея и других городов появились укреплённые поселения и крепости, призванные обеспечить контроль полисных властей за сельской периферией путем введения нового административно-территориального деления. Наречение Спартокидов царями не изменило сущности их полисной власти, так как это было сделано для усиления позиций династии в международных делах. Полисные формы власти сохранялись до конца II в. до н.э., доказательством этого являются монеты архонта Гигиенонта.

Усилившиеся к концу II в. до н.э. давление варваров на Боспорское государство, требование дани сарматам, упадок, сокращение количества и гибель сельских поселений и усадеб по всей аграрной периферии Боспора вкупе с резким снижением уровня торговли сельскохозяйственной продукцией вызвали обострение и кризис полисных отношений. Это привело к ослаблению тиранической полисной власти Спартокидов и общеполитической нестабильности. Передача власти Митридату Евпатору в 109–107 гг. до н.э. и провозглашение Боспора наследственным владением понтийского царя, «усыновлённого» последним Перисадам, а тем более уния Боспора и Понта, способствовали возрождению торговли и межпонтийских связей.

Наследственный характер земель в рамках бывшего Боспорского царства позволил резко изменить характер земельных отношений с целью ликвидировать социальный и экономический кризис. В структуре Понтийского государства Боспор рассматривался как источник аграрной продукции и налогов для пополнения казны и снабжения войска. Поначалу Митридат сохранил и восстановил полисное землевладение на Боспоре, предоставив крупнейшим полисам некоторые права политии и автономии (это выразилось в разрешении чеканить монету Пантикапею, Фанагории, Горгииппии, в том числе из серебра). Однако в 80–75 гг. до н.э. царь Понта изменил политику, приступив к сокращению полисных владений как нерентабельных и усилению царского землевладения, ибо он являлся верховным собственником земли в государстве. Поскольку основное количество хлеба поступало в Понт от варваров, то царь ликвидировал посредничество городов в торговле зерном и пошёл на прямые контакты с варварской верхушкой для усиления своих экономических и политических позиций. В то же время он начал привлекать осёдлых варваров в качестве военно-хозяйственных поселенцев на создаваемой им царской хоре. Это должно было повысить рентабельность аграрного производства на хоре и способствовать привлечению варваров для охраны хоры и границ городов. Означенная политика вовлекала сарматов, сармато-меотов, скифов, дандариев и других в процесс эллинизации и укрепляла царские воинские контингенты. Таким образом, опора на полисы при расширении царского землевладения и в процессе создания полуварварских катойкий явилась ярким проявлением эллинизма на Боспоре (и в Понте), что было свойственно классическим государствам эллинистического мира. На смену полисной тирании и полисному строю Спартокидовского Боспора, не пережившему кризиса полисных устоев, пришла прагматичная система власти, полученная по наследству в «родовом» отеческом домене царя царей. Она основывалась на царском землевладении и наследственном характере управления.

С эпохи Митридата Евпатора Боспор в системе Понтийского государства стал превращаться в типично эллинистическое образование. Как только в конце правления (60-е гг. до н.э.) Митридат нарушил баланс взаимоотношений в системе «полисы – царская хора» в пользу последней, ибо ему потребовалось обложить непосильными налогами городское и сельское население боспорских полисов, последние стали выказывать царю неповиновение, что привело к падению его власти. То же самое способствовало ослаблению и поражению его сына Фарнака. Поэтому последующие боспорские цари, преемники и потомки Митридатидов, всегда стремились соблюдать баланс отношений с городами и царскими военно-хозяйственными поселенцами. Этого требовали от них римляне, которые со времени Фарнака активно вмешивались в боспорские дела. Поначалу они ориентировались на полисные центры, стремясь ликвидировать митридатовские традиции в землевладении, однако со времени правления Динамии и Аспурга стали поддерживать эллинистические митридатовские принципы организации власти на Боспоре. Они содействовали усилению царской власти, опиравшейся на полисы или на фиасы и на царское землевладение – катойкии и клерухии в виде укрепленных поселений по всей сельской периферии. Римские власти понимали, что именно царское землевладение, эллинизация варваров и их привлечение на службу в царские войска позволит Боспорскому государству превратиться в мощный заслон для противодействия кочевникам и парфянам. Таким образом, Боспор как вассал Римской империи сохранил эллинистические устои, и только кризис III в. н.э. прервал развитие эллинизма на Боспоре. После готских походов и усиления аланов эллинистическое по сути Боспорское царство стало решительно варваризироваться, утрачивая тот равномерный баланс взаимоотношений между греками и варварами, который наблюдался с конца II в. до н.э. до середины III в. н.э.

Таким образом, период эллинизма на Боспоре, наступивший в конце II–I в. до н.э., можно условно охарактеризовать как постэллинистический, так как хронологически он пришёлся на завершение эллинистического этапа развития античного общества в 30 г. до н.э. В этом феномен Боспорского царства как античного греко-варварского государства.

А. К. Гаврилов

Как Перисад Диофанта вскормил (PPE I², 352)

Речь снова пойдёт о вызвавшем много разнотолков пассаже херсонесского декрета в честь Диофанта (col. 2, l. 34): τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθᾶν νεωτεριζάντων καὶ τὸν μὲν ἐκθρέψαντα αὐτὸν βασιλέα Βοσπόρου Παιρισιάδαν ἀνελότων, αὐτῷ δ' ἐπιβουλεύσαντων....

Развивая точку зрения С. Я. Лурье и Э. Л. Грейс-Казакевич, которые поняли, каждый в своё время, что местоимение αὐτόν относится к одному и тому же лицу, что и αὐτῷ δέ, а значит, судя по содержанию второго из этих местоимений, – к Диофанту, я старался пополнить картину некоторыми соображениями и уточнениями (Гаврилов. 1992. С. 53–73). Последние относились как к самому тексту и толкованию надписи, так и к истории его исследования тогда за 100, а теперь уже за 130 лет, прошедших со времени открытия этого значительного документа. Напомним основные эпизоды в толковании приведённого выше колона.

На первом этапе изучения декрета αὐτόν понималось как подхватывающее аккузатив Σαύμακον, что дало повод для двух различных исторических реконструкций. (1) *Придворная версия о Савмаке*, следуя которой, Савмак – знатный скиф, с юных лет пользовавшийся особым положением при дворе Перисада, чтобы впоследствии устроить дворцовый переворот, кончившийся гибелью воспитавшего его последнего Спартокида. (2) Другая версия была старательно, но неубедительно разработана С. А. Жебелёвым, который за αὐτόν также видел скифа Савмака, но в атмосфере бурного становления в 1930-е гг. (чуждой ему, но захватившей и его) советской идеологии, разработал новую реконструкцию связанных с Савмаком событий. Опираясь на глагол ἐκτρέφειν и гнездо лексем, происходящих от основы τρέφ- (в особенности – социальной категории «вскормленников», θρεπτοί), он предложил видеть в Савмаке некоего скифа, изначально имевшего решительно невысокий социальный статус и поднявшего некие скифские низы на мятеж (νεωτεριζάντων) против последнего боспорского царя. Это *социально-революционная версия* о Савмаке, его мятеже и последовавшем за этим конце монархии.

Новый этап начался с выступления С. Я. Лурье на конференции в Симферополе, которая в обстановке борьбы с «безродными космополитами» оказалась невразумительно отражена лишь в нескольких строках журнала «Вопросы истории» № 12 (С. 183). Полностью текст доклада был опубликован позже в польском переводе (Lurje. 1959. С. 67–78). Лурье обратил внимание на то, что αὐτόν из приведённого колона – в тексте, заметим, высокого литературного достоинства (Chaniotis. 1988) – непременно должно указывать на то же лицо, какое стоит за αὐτῶ δ' ἐπιβου-λευσάντων, то есть на полководца Диофанта. Перисад, таким образом, вскормил Диофанта (не Савмака!). Указание Лурье на несомненную греческую конструкцию, подвергнутое сперва обструкции, а позже разделённое Э. Л. (Грейс-)Казакевич, можно назвать *Диофантовой версией* разбираемого колона.

Каких-либо сведений об отношениях Перисада и Диофанта не имеется, между тем как Савмак сыграл в судьбе последнего Спартокида роковую роль и естественно привлекает к себе внимание всякого, кто читает херсонесский декрет: действия скифа губят боспорского царя, но губят и его самого – он отдан Диофантом на казнь царю Понта. Он обрисован кратко и ярко³⁶, так что интерес к этой фигуре понятен у историков, а их споры вокруг этой фигуры ещё добавляют драматизма этому историческому персонажу. Неудивительно, что и сам Лурье, и другие исследователи продолжали больше размышлять о Савмаке и о том, каких именно скифов и почему он возглавил, чем об отношениях Перисада и Диофанта³⁷.

Действительно, как показал З. В. Рубинзон (Rubinsohn. 1980. С. 50–70), политика, которая настойчиво присутствует в античном декрете, прямо-таки обуревала его исследователей. Рассмотрев в подробностях идеологические проявления как в самом тексте (врожденная беззаконность скифов рядом с цивилизованностью эллинов в отношении самих себя, друг друга и Митрадата Евпатора), так и в перипетиях его исследования в советской России, я старался показать, что идеологическая тенденциозность в обоих случаях была всепроникающей, что не означает, будто она была всеобъемлющей (Гаврилов. 1992. С. 53–73). Ведь несмотря на политическую окраску историко-филологических споров в науке советского времени, к чести последней можно признать, что в рамках этой бурной полемики известную роль играли и чисто научные соображения. Истина, как и

³⁶ αὐτόχευρ в стк. 42 не обязательно подразумевает Савмака с окровавленным оружием в руках – достаточно, если Перисада так или иначе лишили жизни люди Савмака (Gavrilov. 1996. С. 158. Прим. 20).

³⁷ Автор старался показать, что в стк. 39–41, где рассказано о наказании Савмака, простому глазу заметен, а подсчетами числа букв подтверждается своего рода курсив, или разрядка в этих строках (Gavrilov. 1996. С. 158, прим. 19).

заблуждение, редко оказываются *целиком* у одной из противоборствующих сторон. Если умозаключение Жебелёва о первоначальном рабском статусе Савмака покоилось на неубедительных соображениях относительно τρέφω и θρεπ-τός, то указание на лакуну после αὐτόν, выдвинутое В. В. Струве, который был сторонником жебелёвской партии в этом вопросе, оказывается справедливым. Пусть эстампаж Лурье подтверждает чтение αὐτόν и опровергает восполнение αὐτού[ς], которым Струве хотел уничтожить концепцию Лурье, однако после αὐτόν и перед [βα]σιλέα действительно имела лакуна в три или четыре знака. Лакуну эту можно восполнить, повторив эпаналептически артикль τόν³⁸, так что получалось бы: τὸν μὲν ἐκθρέψαντα αὐτόν [τὸν βα]σιλέα Βοσπόρου Παρισιάδαν, что подчёркивало бы эмоциональный момент в этом месте рассказа: совершено злодеяние над боспорским царём, за которое «вскормленный» или «воспитанный им»³⁹ и во всяком случае глубоко ему обязанный герой декрета должен отомстить и отомстит виновнику – Савмаку, отправив его на казнь к начинающему свое историческое восхождение понтийскому царю Митрадату VI Евпатору.

Стараясь поддержать те мнения, которые представлялись мне правильными и найти дополнительные аргументы против неправильных, а также отыскать причины, побуждавшие некоторых исследователей держаться этих последних, я должен был признать, что хотя ἐκθρέψαντα αὐτόν применительно к Диофанту сомнений не вызывает, оно все-таки оставляет нас в некотором недоумении. Если последний Перисад когда-то *вскормил*, или *воспитал* при своём дворе блистательного в будущем полководца Диофанта, разве не было это событием, достойным упоминания в каких-нибудь надписях или даже исторических текстах? Между тем такие свидетельства неизвестны. Потеряв желанную дополнительную деталь для Савмака, мы получили для Диофанта что-то не слишком убедительное.

³⁸ Такое восполнение лакуны было предложено Фритсом Вандерсом (F. Waanders) после моего доклада о декрете Диофанта в Амстердамском Университете в 1989 г. В качестве параллели приведем Grsph. Nub. 519: τὸν Διόνυσον τὸν ἐκθρέψαντά με.

³⁹ По какому-то недоразумению или даже порче в немецком тексте у А. В. Подосинова (Podossinov. 2002. С. 29) получилось так, будто Диофант воспитал Перисада.

Нельзя ли, в самом деле, понять ἐκθρέψαντα каким-нибудь ещё образом? Новое направление могут дать лексемы ξενотροφία и ξενотροφεῖν – обе часто встречаются у историков, начиная чуть ли не с Гекатея Милетского, – у Фукидида, Энея Тактика, Диодора Сицилийского, Иосифа Флавия, Плутарха и т. д. Этими словами характеризовали содержание наёмников в греческих городах со стороны тех, кто совершает найм (нанимающихся в солдаты называли μισθοφόροι или μισθοφοροῦντες). Несколько примеров:

Thuc. VII, 48 4: καὶ χρήμασι γὰρ αὐτοὺς ξενотροφοῦντας καὶ... ἄμα ἀναλίσκοντας καὶ ναυτικὸν πολὺ ἔτι ἐνιαυτὸν ἤδη βόσκοντας. – Синонимы, подобранные в этой фразе, показывают, что семантическая палитра их распространяется от «кормить» до «тратиться», так что τρέφειν не надо понимать буквально.

Diodor. Sic. Bibl. I, 67. 2 (=Hecataeus. F 3 a 264 F 25, 934): διὰ δὲ τῶν μισθοφόρων κατωρθωκῶς τὴν βασιλείαν... διετέλεσε ξενотροφῶν μεγάλας δυνάμεις. Ср. также: *Jos. Flav. Antiquit. Jud.* 13, 249; *De bello Jud.* 1, 61; *Plut. Ages.* 40: εἰδῶς χρημάτων δεομένην τὴν πόλιν καὶ ξενотροφοῦσαν. – Для ξενотροφεῖν нужен не провиант, а деньги!

Также и слово τροφή могло, в частности, означать либо провиант для наёмников, либо даже выдаваемую воинскому контингенту оплату в целом. Так, Эней Тактик (сер. IV в. до н.э.) в сочинении *Περὶ τοῦ πῶς χρὴ πολιορκουμένους ἀντέχειν* говорит следующее (*Aeneas Tact.* XIII): τὸν δὲ μισθὸν καὶ τὴν τροφήν οἱ ξένοι παρὰ τῶν μισθωσαμένων λαμβανόντων. Наёмники получают τροφή от тех, кто их нанимает: μίσθωσις – найм, μισθός – плата, причём μισθώσασθαι со стороны нанимателя зеркально соответствует μισθοφορῆσαι со стороны нанимаемого; близким по смыслу к μισθοφορεῖν было словосочетание τὰς τροφὰς ἔχειν (напр., *Diod. Sic. Bibl.* 18. 10).

Теперь приведём несколько мест, где τρέφω употребляется в контексте содержания наемников, которым много занимались историки, начиная с Парка (Parke. 1933); Гриффит (Griffith. 1968. С. 264–293), а у нас Л. П. Маринович (1975) описали и языковую сторону дела. Плата нормальным образом состояла из провианта (натурой или деньгами, по возможности в начале месяца) и (обычно, но не всегда) денежной платы, которую ожидали в конце месяца. Для нас существенно, что σῖτος (напр. *Thuc.* V. 47) и μισθός, прежде всего указывали на провиант и гонорар resp., но μισθός могло подразумевать и выплату ради провианта, а слова, изначально указывающие на

провиант, могли подразумевать деньги, выдаваемые для приобретения такового; отсюда σιτώνιον и ὀψώνιον, даже и σῖτος; ср. σιτηρέσιον, σιταρχία и др.⁴⁰. Неудивительно, что τρέφω, как и ἐπισιτίζομαι в применении к содержанию наемников имело ту же неопределённость:

Thuc. Hist. 4. 83. 5: αὐτοῦ τρέφοντος τὸ ἡμισυ τοῦ στρα-τοῦ.

Xenoph. Hell. 5. 1. 24: καὶ ταῦτα ποιῶν πλήρεις τε τὰς ναῦς ἔτρεφε καὶ τοὺς στρατιώτας εἶχεν ἡδέως καὶ ταχέως ὑπηρετοῦντας.

Diod. Sic. Bibl. 7. 10. 1: τὰς δὲ οὐσίας ἀναλαβῶν μισθοφόρους ἔτρεφε.

Ср. Ios. Flav. Ant. Jud. 5. 199; *Plut. Caes.* 28. 8. 4; *Plut. Brut.* 27. 1. 4 и др.

Разумеется, это значение нередко встречается и в надписях: τῷ τρέφοντι ἐπὶ τὸ μίσθωμα (ID 24). Любопытна для нас и пара τρέφων ‘наниматель’ – τρεφόμενος ‘нанятый, наймит’. Таким образом, корень треф- / троф- несмотря на богатство имевшихся выражений то и дело появлялся, когда речь шла о *содержании* наёмного войска.

Что касается различных форм глаголов τρέφω и ἐκτρέφω, которые, конечно, очень широко употребительны в греческой литературе в надписях (теперь это нетрудно установить по TLG и по РНЛ), то узус, на первый взгляд, не показывает существенной разницы между ними. Нередко оба они выступают в паре с παιδεύω (*Chariton. Chaer. et Call.* 8. 4. 5 ἐκτρέφειν τε καὶ παιδεύειν, так же *Dio Chrysost. Orationes* 44. 10), изначально подчеркивая более физиологическую – так сказать, материнскую – стадию воспитания, «вскармливание» в самом буквальном смысле. При независимом употреблении (без παιδεύω) (ἐκ)τρέφω начинает обозначать процесс выращивания и воспитания в более широком смысле (см. у Геродота: Powell. 1960². s. v. τρέφω, ἐκτρέφω).

Тем не менее: если мы наблюдали у τρέφω употребления, относящиеся к сфере взаимоотношений нанимателя и наёмника, то их напрасно искать у ἐκτρέφω, будь то в презенсных формах (более 400 раз) или в формах аориста (засвидетельствованы ок. 200 раз) в греческих текстах, отраженных в TLG. В формах аориста, которые

⁴⁰ Формулировки о «насушном» хлебе из *молитвы Господней* обследованы Х. Хайненом на фоне эллинистических документов (Heinen. 2006. С. 407–414), видны расчёты, исходящие из рациона на один день (интересно в этом отношении сравнить καθημερινόν и ἡμερήσιον).

нас интересуют в первую очередь, ἐκτρέφω обычно содержит представление о вскармливании, подразумевая весьма широкую палитру от роста эмбриона в материнском лоне до воспитания полноценного жизнеспособного существа. Лексема необычайно ярко окрашена чувством, ибо означаемый им процесс долог и многотруден, требует щедрости, терпения и любви, а результат, содержащий как биологическое созревание, так и социальную адаптацию юного существа, переживается как антропологически прекрасный; тот, кто совершил это, – благодетель, заслуживающий великой благодарности, между тем как неблагодарность – позор (эта «идеология» отчётливо выражена словами у Полибия, Hist. 6. 6. 2). Эмоциональная коннотация ἐκτρέφω у греков прямо-таки патетична, иной раз отдавая мелодрамой. ἐκτρέφω, таким образом, от «(вы)кормить» через «вскормить» приближается к «выпестовать». Недаром аористные формы ἐκτρέφω иногда указывают и на воспитание учеников или на то, что город (πόλις, χώρα) пестует своих воинов и поэтов (Arsph. Nub. 532, Thesm. 522).

Итак, на плату наёмникам ἐκτρέφω никогда не указывает. Означает ли это, что мысль о плате Диофанту и его контингенту со стороны последнего боспорского царя, которую способно было бы обозначать τρέφω, решительно отпадает для декрета? Заметим, что сочетание ἐκθρέψαντα αὐτόν в нашем тексте эмоционально вполне соответствует картине, нарисованной выше на основании суммы свидетельств об ἐκτρέφω. Перисад, «который выпестовал его (Диофанта)», заслужил его вечную благодарность. Но ведь Диофант, сын Асклепидора, выросший в древней Синопе – видный стратег и *выпестовать* его означает, скорее всего, дать ему возможность профессионального роста – набрать устраивающее его самого, как и боспорского царя, наёмное войско. Здесь вскармливают не младенца, а генерала – ведь именно такому посвящён декрет в целом. При этом стратег мыслится здесь как организатор, распорядитель и средоточие своего контингента⁴¹. Ср. напр.:

⁴¹ В некотором роде это параллельно значению известного оборота οἱ περὶ τινα, когда обозначается окружение, но подразумевается и тот, кто образует его центр; это словосочетание есть и в разбираемой нами строке декрета в применении к Савмаку: τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθᾶν νεωτεριζάντων.

Xenoph. Hellen. 5. 1. 10. 1: Χαβρίας ἐξέπλει εἰς Κύπρον βοηθῶν Εὐαγόρα. Ср.: *Plut. Aem. 7. 3. 2* и т. д.

Действует ли в том же направлении легко ассоциируемая с обозначением платы наемникам основа *τρέφ-*, которую, казалось бы, нетрудно услышать и в *ἐκθρέψαντα*, сказать трудно: с точки зрения рассудка ответ скорее положительный, но картина словоупотребления *ἐκτρέφω*, построенная на достаточно обширном материале, этого не подтверждает (ср. в русском языке пары: «лечь» и «слечь», «пасть» и «напасть» и т. п.): при сильном различии смысла языковому сознанию не до градаций.

Итак, разобранный нами колон с *ἐκθρέψαντα αὐτόν* имплицитно, что когда-то Перисад V *вскормил, взрастил, выпестовал* Диофанта из Синопы, создав условия для того, чтобы одаренный эллин имел возможность сформировать и держать наготове для Боспора боеспособное наёмное войско. Войско Диофанта, таким образом, первично служило боспорскому царю, его содержавшему (тут мы узнаём нечто, чего не знали бы без разобранных нами слов); лояльность обеих сторон признают, как видим, и соседи-херсонеситы. В момент драматического поворота судеб эллинства в Тавриде возмездие за смерть Перисада, не говоря о победах над предприимчивым и опасным предводителем скифов Савмаком, составляло моральный долг Диофанта, теперь бодро перешедшего на службу к молодому и амбициозному понтийскому царю⁴². Свой долг перед прежним партнером и нанимателем, Диофант, по свидетельству херсонесского декрета, выполнил.

Литература

- А. К. Гаврилов.* Скифы Савмака – восстание или вторжение? (IPE I², 352 = Syll.³, 709) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. Отв. ред. *А. К. Гаврилов.* СПб., 1992.
- Л. П. Маринович.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975.
- A. Chaniotis.* Historie und Historiker in den griechischen Inschriften: Epigraphische Beiträge zur griechischen Historiographie. Stuttgart, 1988.
- A. Gavrilov.* Das Diophantosdekret und Strabon // *Hyperboreus.* 1996. Vol. 2, 1.
- G. Griffith. T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Groningen, 1968.
- H. Heinen.* Göttliche Sitometrie: Beobachtungen zur Brotbitte des Vaterunsers // *H. Heinen.* Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte. Stuttgart, 2006.

⁴² Примерно эту идею я взвешивал давно (Гаврилов. 1992. С. 63, прим. 34), однако использование электронных лексикографических инструментов позволяет теперь скорее выявить и основательнее проверить словоупотребление большей части греческих текстов, шепетильно проясняя картину узуса.

- S. Lurie.* Jeszcze o deccrecie ku czci Diofantosa // *Meander.* 1959. Vol. 2.
- H. W. Parke.* Greek Mercenary Soldiers. From the earliest times to the Battle of Ipsus. Oxford, 1933.
- A. V. Podossinov.* Am Rande der griechischen Oikumene // *Das Bosporanische Reich* / Hrsg. von *J. Fornasier* und *B. Böttger.* Mainz, 2002.
- J. E. Powell.* A Lexicon to Herodotus. Hildesheim, 1960².
- Z. W. Rubinsohn.* Saumakos: Ancient History, Modern Politics // *Historia.* 1980. Vol. 29.

В. А. Нюшков

Боспорское царство и Колхида в эпоху Митридата VI

Боспорское царство – государство с тысячелетней историей. Будучи продуктом античного мира, его ойкуменой, оно стало самым северным регионом Причерноморья в распространении античной цивилизации вглубь Евразийского континента. Но здесь, надо отметить и ещё один регион Причерноморья, являвшийся не менее важным в хозяйственном и в экономическом плане, который также подвергался сильному античному воздействию со стороны греческих колонистов, как Колхида, район Восточного Причерноморья⁴³. Их объединяет то, что они находились в сфере античного влияния (древнегреческого, римского и ранневизантийского).

Но всё же главное, что и Боспорское царство, и Колхиду сближало, конечно же, включение их Митридатом VI Евпатором в конце II в. до н.э. в состав Понтийского царства⁴⁴, правителем которого он и был, являясь и одним из самых непримиримых врагов римлян эллинистического востока. Не совсем верно мнение, что «в конце II в. до н.э. Колхида была присоединена к малоазиатским владениям Митридата VI» (Воронов. 2006. С. 144), так как она также, по логике, была присоединена и к Боспорскому царству на то время, когда, как сообщает Страбон, «Митридат Евпатор стал владыкой Колхиды» (Страбон, 2004).

Приобретение Митридатом Колхиды стало важным шагом «к осуществлению грандиозного плана интеграции всех припонтийских земель» (Шелов. 1980. С. 31), т.е. подчинение всего побережья Чёрного моря и в итоге создание чего-то вроде Понтийской имперской федерации. Надо заметить, что правитель Понтийского царства был

⁴³ В данном случае мы касаемся событий Северо-Западной части территории Восточного Причерноморья.

⁴⁴ Не имея сил для дальнейшего сопротивления наседавшим скифам, правитель Боспорского царства Перисад V передал его Митридату VI (История народов. 1988. С. 81).

к этому очень близок, если бы не стал врагом для Рима! Война между Митридатом VI и Римом (это событие нашло отражение во многих письменных источниках того времени (Страбон, Аппиан, Плутарх, Дион Кассий и др.)) докатилась и до региона Восточного Причерноморья – до Западного Закавказья (Колхиды). В это же время, между 105–90 гг. до н.э., когда в Колхиде была окончательно установлена власть Понтийского царства (Сапрыкин. 1996. С. 166), Диоскурия получила автономию и право строительства на своих верфях военного флота Митридата. В свою очередь, данный факт подтверждает «замыслы Митридата относительно установления общепонтийского господства», поскольку они «должны были предусматривать создание больших флотов – торгового и военного, которые могли бы главенствовать на Понте Евксинском и прочно связывать между собой всё побережье этого моря» (Шелов. 1980. С. 32).

Рис. 1. Этнополитическая ситуация в Южном, в Восточном и в Северном Причерноморье в эллинистическую эпоху

Так, в науке постулируется то мирный, то насильственный путь присоединения Колхиды, «хотя встречаются попытки примирить разноречивые сведения утверждением, что независимо от формального права на власть в Колхиде понтийский царь прибег к насильственным действиям» (Сапрыкин. 1996. С. 161). Между тем, Аппиан в своём знаменитом труде, посвящённом Митридатовым войнам, древних предков современных абхазов-гениохов, проживавших в Колхиде, называет союзниками Митридата VI «... в качестве союзников к нему присоединились... гениохи...», далее Аппиан подтверждает союзнические отношения гениохов: «он {Митридат} прошёл мимо гениохов, (дружески) принявших его» (Аппиан. 1994).

Существует такое мнение, что в конце II в. до н.э. кризис единого Колхидского государства, связанного, в частности, с сепаратизмом местных этнополитических образований, тяготившихся верховной властью колхидского царя, облегчил возможность понтийскому царю Митридату VI Евпатору «уже в начале своего царствования присоединить к своим владениям Колхиду, как и некоторые другие области на Кавказе и в Крыму» (Анчабадзе. 1964. С. 163). В этом случае сообщение Помпея Трога Юстина в некоторой степени подтверждает, что Колхида, подобно Боспору и Пафлагонии, была получена Митридатом путём наследования, т.е. мирным законным путём. Такое положение более всего подходит к той ситуации, когда Колхида к тому времени представляла собой многоплеменной этнический мир с тремя крупными этнообъединениями: колхами, гениохами и ахеями⁴⁵ с нестабильной внутренней политической ситуацией, не имевшей централизованного управления. Как известно, Колхида к тому времени была разделена на несколько княжеств (скептухий), во главе которых стояли жезлоносцы, вожди или мелкие династы древних предков абхазов, занявшие нейтральную позицию (Дреер. 1994. С. 27), но и поддерживавшие Митридата VI. Они-то и позволили Митридату, бежавшему от римского полководца Помпея, благополучно достигнуть города Диоскурия и расположиться на отдых. В итоге «Митридат перезимовал в Диоскурах» (Аппиан. 1994) во время третьей и последней для него войны с Римом. «Проведя здесь зиму, царь Понта взвесил свои шансы на продолжение борьбы и решил, что капитулировать ещё рано» (Молев. 2003. С. 248). Однако, согласно греческому историку рубежа двух эр Мемнону, Колхида ещё на начальном этапе царствования Митридата VI

⁴⁵ Последние два племени принадлежали к абхазо-адыгской языковой среде и занимали Центральную (частично) и Северо-Западную часть территории Восточного Причерноморья. Заметим, отмечая победную кампанию Гнея Помпея, римский историк Веллей Патеркул верно локализовал в правильном порядке расположение племён по правую сторону Понта и вглубь от него: колхи, гениохи, ахеи (Веллей Патеркул. 1985).

была завоёвана. «Путём войны он подчинил себе царей вокруг Фасиса вплоть до областей за Кавказом» (Мемнон. 1951). Колхида, таким образом, стала окраиной Понтийского царства или же «внутренними областями Понта», в местностях которого обитали санниги⁴⁶ и лазы (Мемнон. 1951), т.е. племена позднеантичного периода Восточного Причерноморья. Не исключено, что правители отдельных районов Колхиды «не сразу признали власть Митридата в Колхиде законной. Возможно, что они даже оказали ему сопротивление, что позволило Мемнону говорить о подчинении царей вокруг Фасиса (да и не только – В. Н.) военной силой» (Сапрыкин. 1996. С. 165). Нельзя не обратить внимание, что, описывая события Митридатовых войн этот античный автор в то же время недостаточно конкретно пишет о внутренних областях Понта (Инал-ипа. 1995. С. 13).

Вместе с тем, у нас есть серьёзные сомнения в возможности увязывать мирное присоединение Колхиды к владениям Митридата VI с наличием ослабевшего Колхидского царства (возникшего якобы в результате местной производственной базы в VI веке до н.э.) и, тем более, с дальнейшим его распадом в период эллинизма. В то время как сложившаяся прочно полисная система (состоявшая из греческих раннеантичных полисов: Диоскурия, Гиэнос, Эшерское городище) представляла собой в экономическом плане цельное, в каком-то смысле государственное образование, где главную роль играл город-государство Диоскурия⁴⁷. Есть мнение, «что в IV–II вв. до н.э. здесь, возможно, существовало Диоскурийское царство (Бгажба, Лакоба. 2007. С. 60) раннеантичного, колониационного типа⁴⁸. Характеризуя данное положение, Ю. Н. Воронов справедливо отметил: «Уклад городской жизни и связанную с ним государственность на территории Абхазии принесли греки, вскоре связавшие окрестные общины генихов в единую систему экономических связей» (Воронов. 1991. С. 37). Кстати, подобное можно наблюдать и на примере формирования Боспорского царства. «Археологические и нарративные материалы позволяют с высокой степенью уверенности заключить, что система расселения на хоре Боспора с самого раннего времени создавалась на базе полисных земель крупнейших городов. Но только с начала IV в. до н.э. этим полисам, особенно Пантикапею и Феодо-

⁴⁶ Вероятно, соанов имел в виду Мемнон, поскольку «в III–II вв. до н.э. в окрестностях Диоскуриады под эгидой соанов складывается довольно мощное объединение племён из числа генихов» (Воронов. 1998. С. 28).

⁴⁷ В Боспорском царстве, как известно, эту роль играла столица Пантикапей, среди греческих городов колоний: Феодосия, Фанагория, Горгиппия и др.

⁴⁸ В Диоскурии чеканилась собственная монета. Это был единственный полис, получивший право чеканить свою митридатовскую монету, что может свидетельствовать о торгово-экономических связях Диоскурии с Северным Причерноморьем. «Так, в 1936 г. в предместье Сухуми, в местечке Лечкоп, на поверхности земли была найдена тетрадрахма Митридата Евпатора (74 г. до н.э.) (Трапш. 1969. С. 239).

сии, подчинялось значительное число селищ местного земледельческого населения, расположенных на так называемой дальней хоре. Это было результатом активной завоевательной и градостроительной политики первых Спартокидов, когда стало создаваться государство, впоследствии известное как Боспорское царство» (Сапрыкин. 2006. С. 192).

В продолжение темы отдельно хотелось бы остановиться на Эшерском городище. Оно возникло на месте более раннего поселения, являвшегося носителем местной культуры поздней бронзы и раннего железа. Вероятно, греческая община заняла этот район, договорившись с аборигенами этого края. По своему значению Эшерское городище было сельскохозяйственным древнегреческим поселением. Топография и ранняя история позволяет связать его с формированием в этом районе характерной для античного мира системы «полис–хора» («город–село»), которое во второй половине VI в. до н.э. по своим размерам не отличалось от соответствующих северо-причерноморских городов. Особый интерес представляет здесь фортификация, а именно относимая по времени к концу II – началу I в. до н.э., единственная мощная оборонительная стена, опоясавшая вокруг городище, через каждые 30–40 метров с большими прямоугольными башнями. В археологическом контексте они были хорошо изучены Г. К. Шамба (Шамба. 2000. С. 79). «В основание башен положены крупные валуны, залитые известковым раствором с включением обломков черепиц, амфор, скульптур, отёсанных блоков и т.п.» (Кругликова. 1984. С. 148). Определённо её появление связано с римско-пантийским соперничеством за господство в Восточном Причерноморье и относится к ярким образцам военно-инженерного искусства эпохи эллинизма. «Отсеки вдоль внутренней стороны стен, предназначавшиеся для размещения воинов и боевых припасов, толстые стены и огромные башни, которые использовались в качестве позиций для батареи метательных машин, – эти и другие конструктивные особенности включают рассматриваемый памятник в круг северопричерноморских (Пантикапей, Мирмекий) укреплений, датируемых тем же временем (конец II – начало I в. до н.э.) и связываемых со строительной деятельностью Митридата VI Евпатора» (Воронов. 2006. С. 128). Отсутствие же культурных слоёв во второй половине I в. до н.э. может указывать, что городище в это время прекратило своё существование (Шамба. 2000. С. 87). Не исключено, что фортификационное Эшерское сооружение было разрушено во время похода Фарнака (примерно 49 г. до н.э.) или Митридата Пергамского (в 47 г. до н.э.), о чём может свидетельствовать сам Страбон (Тодуа. 1988. С. 142), отмечающий строительство Митридатом Евпатором в Колхиде и на малоазийском побережье 75 укреплений (Страбон. 2004). Данное указание античного географа дало повод

некоторым исследователям (Кругликова. 1984. С. 148; Тодуа. 1988. С. 140) считать, что одно из укреплений это было Эшерское городище, корреляция которого (см. выше) совпадает с крепостными памятниками северопричерноморского круга. Таким образом, Эшерское городище территориально, экономически, политически входило в состав древней Диоскурии и вполне могло быть его городом-спутником.

Итак, если говорить, что «в I в. до н.э. – первой половине III в. н.э. Боспорское царство превратилось в довольно могущественное государство, способное успешно противостоять вторжениям сарматов и играть роль буферной зоны между Римской империей и кочевыми народами Евразии» (Сапрыкин. 2006. С. 221), то Колхида, которая в позднеантичную эпоху приобретает конкретные очертания в виде этнополитических раннегосударственных образований: Лазика, Апсилия, Абасгия, Санигия, включённая в состав Римской империи, стала для последней как стратегическим важным регионом этой части Причерноморья, так и буферной зоной против северных кочевников, и, кроме того, тыловым районом в стремлении Рима к расширению своего влияния на соседние территории. Можно с уверенностью говорить, что эти два региона Причерноморья были не только близки в общеполитическом контексте римской захватнической политики, но и имели тесные связи в экономическом плане, в частности, в первой половине IV в. н.э. Из двадцати четырёх известных монет Северного Причерноморья, найденных в Абхазии, «восемь (т.е. одна треть) чеканены от имени боспорского царя Рискупорида VI» (Шамба. 1981. С. 123).

Очевидно, что «в истории античного общества, пожалуй, наиболее трудным для понимания и наиболее сложным для включения в общую схему развития этого общества является так называемый эллинистический период» (Кошеленко. 1990. С. 7), ярко проявивший себя как в Боспорском царстве, так и в Колхиде в эпоху правления понтийского царя Митридата VI Евпатора.

Литература

- Аппиан*. Римские войны. СПб., 1994.
Веллей Патеркул. Римская история. Воронеж, 1985.
Мемнон. О Гераклее // ВДИ. 1951. № 1.
Страбон. География в семнадцати книгах. М., 2004.
З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964.

- О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба.* История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007.
- Ю. Н. Воронов.* Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998.
- Ю. Н. Воронов.* Колхида в железном веке // *Ю. Н. Воронов.* Научные труды в семи томах. Сухум, 2006. Том 1.
- М. Дреер.* Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания // ВДИ. 1994. № 1.
- Ш. Д. Инал-ипа.* Садзы. Историко-этнографический очерк. М., 1995.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
- Г. А. Кошеленко.* Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
- И. Т. Кругликова.* Античная археология. М., 1984.
- Е. А. Молев.* Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003.
- С. Ю. Сапрыкин.* Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
- С. Ю. Сапрыкин.* На Спартокидовском Боспоре // Античная цивилизация и варвары. М., 2006.
- Т. Т. Тодуа.* Крепости Митридата VI Евпатора в Колхиде // ВДИ. 1988. № 1.
- М. М. Трапи.* Древний Сухуми // *М. М. Трапи.* Труды. Сухуми, 1969. Т. 2.
- Г. К. Шамба.* Абхазия в I тысячелетии до н.э. Сухум, 2000.
- С. М. Шамба.* Монеты Северного Причерноморья, найденные на территории Абхазии // ИАИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Тбилиси, 1981. Вып. X.
- Д. Б. Шелов.* Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 1980. № 3.

В. В. Улитин

**Греко-меотская торговля
в середине III – первой половине I в. до н.э.
(по материалам греческой керамической тары)⁴⁹**

Во второй четверти III в. до н.э. кризис греко-меотской торговли, ярко проявившийся уже в первой четверти того же столетия, достиг своего пика (Улитин. 2011. С. 283, 285). Определённые позитивные изменения наблюдаются лишь с третьей четверти III в. до н.э. По объёмам импорта она превосходит вторую и последнюю четверти III в. до н.э. Можно говорить о небольшом росте объёма торговли, который, тем не менее, скорее всего, даже не приблизился к уровню первой четверти того же столетия.

⁴⁹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00089.

Небольшой подъём торговли наблюдается не только в третьей четверти III в. до н.э., но и во второй половине II в. до н.э. В последнем случае он мог даже превысить уровень торговли третьей четверти III в. до н.э. Возможный рост поставок в третьей четверти III в. до н.э. связан с появлением первых крупных партий родосского вина, а во второй половине II в. до н.э. – с увеличением ввоза не только родосской продукции, но и продукции неизвестного центра («прикубанская» серия эллинистических амфор по С. Ю. Монахову, И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис) и, возможно, Синопы. В первой половине I в. до н.э. объёмы импорта сокращаются до минимума. На протяжении III в. до н.э. ареал поступления импорта сузился, о чём, например, свидетельствует отсутствие находок амфор в меотских могильниках Усть-Лабинской локальной группы (Улитин. 2005. С. 276; Кошеленко, Малышев, Улитин. 2010. С. 277; Улитин. 2011. С. 284–285). Возобновление импорта вина на эти территории произошло не ранее конца III в. до н.э.

В III–I вв. до н.э. в торговые связи было вовлечено заметно меньшее, чем в IV в. до н.э., число меотских поселений. Амфорный импорт известен для памятников Кирпильской группы (Новоджере-лиевское 3 городище), Краснодарской группы (Марьевский курган, Елизаветинское городище № 1, Елизаветинский могильник № 1, могильник Елизаветинского городища № 2, Краснодарское городище КРЭС, Пашковское городище № 6, Пашковский могильник № 6, городище № 2 у хутора имени Ленина, могильник городища № 2 у хутора имени Ленина, могильник городища № 3 у хутора имени Ленина, Старокорсунское городище № 2, могильник Старокорсунского городища № 2, Нововочепшийский могильник) Усть-Лабинской группы (Усть-Лабинский могильник № 2, Воронежский могильник № 3, могильник городища Спорное), Новолабинского городища № 2. Значительно более скромным в сравнении с IV в. до н.э. был ассортимент импортируемого вина. Наиболее активным контрагентом в Прикубанье в этот период был Родос, поставлявший вино до начала I в. до н.э. Свою продукцию экспортировали также Синопа (до конца II в. до н.э.), Кос, Книд, а также неизвестные южнопонтийские и восточносредиземноморские центры (в том числе какой-то центр «круга Родоса» и неизвестный центр – производитель амфор «прикубанской» серии).

Первые крупные партии родосской продукции появляются в Прикубанье в середине III в. до н.э. Родос, вероятно, сразу же занял лидирующие позиции в поставках вина в Прикубанье. Это соответствует представлению о господстве его продукции на рынках Северного Причерноморья (Монахов. 1999. С. 370).

Родосский импорт после возможного снижения объема поставок во второй четверти II в. до н.э., в третьей – четвертой четвертях того же века, судя по всему, достигает максимума. Материалы Прикубанья имеют значение для изучения проблемы оценки общего состояния родосской торговли после объявления Римом в 166 г. до н.э. острова Делоса свободным от пошлин. Обычно считается, что это событие сильно повлияло на состояние родосской торговли и заметно ослабило Родос в экономическом отношении (Бадалянц. 2000. С. 180). Существует и другой взгляд на эту проблему, отрицающий заметное воздействие этого события на развитие родосской торговли (Беликов. 2003. С. 37). Есть основания присоединиться к точке зрения А. П. Беликова, во всяком случае, в отношении связей Родоса с Прикубаньем. Материал из этого района Северного Причерноморья не даёт возможности говорить о сокращении объёмов родосской торговли с середины II в. до н.э. Спад родосского импорта в Прикубанье возможен для более раннего времени – второй четверти II в. до н.э., а с середины века объёмы поставок родосского вина, напротив, возрастают.

Некоторые исследователи даже предположили, что Синопа и Родос поделили между собой сферы влияния в торговле с Северным Причерноморьем. В качестве одного из аргументов они указали на бесспорный, по их мнению, факт экспорта этими центрами различных продуктов: оливкового масла Синопой и вина Родосом (Брашинский. 1963. С. 138; Бадалянц. 1986. С. 99). Однако широкое распространение синопской продукции на меотских памятниках косвенно свидетельствует в пользу того, что в данном случае в амфорах поставлялось вино. Исследователи справедливо отмечали, что интереса к оливковому маслу варвары Северного Причерноморья, использовавшие для приготовления пищи животные жиры, не испытывали (Брашинский. 1984. С. 21; Cook, Dupont. 1998. P. 143). Мнения о том, что Синопа экспортировала большей частью вино, а не масло, придерживается Н. Ф. Федосеев (Федосеев. 1990. С. 15).

Уникальной для Северного Причерноморья является ситуация с импортом второй – четвертой четверти II в. до н.э. неизвестного центра («прикубанская» серия эллинистических амфор по С. Ю. Монахову, И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис) (Лимберис, Марченко, Монахов. 2011). Есть все основания предполагать особенно тесные торговые связи этого экспортёра с Прикубаньем, так как лишь одна амфора этого центра найдена за пределами региона. Высказано осторожное предположение об одном из центров Боспорского царства как о месте производства этих амфор (Лимберис, Марченко, Монахов. 2011. С. 314). Поступление продукции этого неизвестного экспортёра в Прикубанье по имеющимся на сегодняшний день данным ограничивается второй – последней четвертями II в.

до н.э. В последней четверти II в. до н.э. этот центр по объёмам поставок своей продукции мог даже соперничать с Родосом.

Если динамика греко-меотской торговли в общих чертах восстанавливается достаточно надёжно, то её механизм, организация ввиду практически полного отсутствия информации в письменных источниках нам известны крайне мало (исключение – часто цитируемое указание Страбона на роль Фанагории в торговле с местными племенами (Strabo, 11.2.10) (Мальшев. 2000. С. 116)). А. А. Завойкин предполагает, что в эпоху эллинизма в организации хлебной торговли Боспора могли произойти изменения. Он отмечает исчезновение характерных для IV – начала III в. до н.э. декретов как в честь Спартокидов, так и от имени самих этих правителей, дающих различные привилегии иноземным купцам. «Не происходит ли в последующие века (т.е. после начала III в. до н.э. – В. У.) большая “приватизация” сферы зерноторговли, следствием которой стали иные формы регулирования взаимоотношений, нежели при ранних Спартокидах?» – задает вопрос исследователь (Завойкин. 2010. С. 45–46). Изменения, связанные хотя бы отчасти с политическими и экономическими переменами на Боспоре, вероятно, произошли после начала III в. до н.э. и в организации греко-меотской торговли. А. А. Мальшев, ссылаясь на находки фанагорийских монет на Елизаветинском городище, считает их наличие на этом памятнике подтверждением ведущей роли Фанагории в торговле с Прикубаньем в эллинистический период (Malyshev. 2007. P. 964).

В первой половине I в. до н.э. объемы торговли снижаются до минимума, что можно связывать с экономической нестабильностью в Причерноморье в период Митридатовых войн. В начале I в. до н.э. резко сокращается удельный вес находок амфорной тары в Прикубанье (Мальшев. 1994. С. 13). Из экспортёров первой половины I в. до н.э. мы можем назвать лишь Родос, Кос, какой-то восточномедитеранский центр и южнопонтийский центр (вероятно, Гераклею (?)). Продукция этих центров представлена единичными находками. Как выяснил Н. В. Анфимов, на Елизаветинском городище нет ни одной монетной находки, относящейся к периоду последней четверти II – первой половины I в. до н.э. (Анфимов. 1966. С. 162). По его мнению, прекращение денежного обращения на местном рынке Елизаветинского городища № 1 было связано с острым экономическим и политическим кризисом, который переживало Боспорское царство (Анфимов. 1966. С. 162). В начале I в. до н.э. прекращает существование Елизаветинское городище и боспорский эмпорий на нём, что свидетельствует о наибольшем упадке греко-меотской торговли (Анфимов. 1966. С. 162; Мальшев. 1994. С. 13). Смерть Митридата в 63 г. до н.э. и окончательный крах его державы означали начало нового периода в истории Причерноморья, в том числе и в развитии

экономических связей различных его областей. С этого времени на торговлю в бассейне Чёрного моря оказывает своё влияние Рим.

Литература

- Н. В. Анфимов.* Денежное обращение на Елизаветинском городище – эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2.
- Ю. С. Бадаляню.* Торгово-экономические связи Родоса с Северным Причерноморьем в эпоху эллинизма (по материалам керамической эпиграфики) // ВДИ. 1986. № 1.
- Ю. С. Бадаляню.* Эллинистический Родос (керамические клейма IOSPE III как исторический источник: Анализ, проблемы, решения). М., 2000.
- А. П. Беликов.* Торговля Родоса с Северным Причерноморьем после 168 г. до н.э. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2003.
- И. Б. Брашинский.* Экономические связи Синопы IV–II вв. до н.э. // Античный город. М., 1963.
- И. Б. Брашинский.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984.
- А. А. Завойкин.* Архаический, классический и эллинистический периоды // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 2.
- Г. А. Кошеленко, А. А. Малышев, В. В. Улитин.* Торговля // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 2.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, С. Ю. Монахов.* Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор // Боспорский феномен: население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции. СПб., 2011.
- А. А. Малышев.* Античный импорт на Северном Кавказе (по материалам Прикубанья VI–I вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- А. А. Малышев.* Боспор и Прикубанье во второй половине V – середине III в. до н.э. // ДБ. 2000. Т. 3.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М., Саратов, 2003.
- В. В. Улитин.* Амфорный импорт в Усть-Лабинской меотской группе памятников (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани) // Четвёртая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
- В. В. Улитин.* Упадок греко-меотской торговли в первой половине III в. до н.э. и начало заката боспорского хлебного экспорта // Боспорский феномен: население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции. СПб., 2011.

- Н. Ф. Федосеев.* Торговая экспансия Синопы // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века (тезисы докладов V областного семинара). Старочеркасская; Ростов-на-Дону, 1990.
- R. M. Cook, P. Dupont.* East Greek Pottery. London; N.Y., 1998.
- A. A. Malyshev.* Greeks in the North Caucasus // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Oxford, 2007. Vol. II. – (BAR. International Series 1675 (II)).

P.-A. Kreuz

A Cautious Reading of a Well-known Monument. The Attic Relief Sarcophagus from Myrmekion and Its Context

A prominent feature of the Bosphoran necropoleis of the first and second centuries AD are the numerous grave reliefs and famous tomb paintings. Their local imagery with distinctive artistic styles, iconographies and meanings serves as one of our major sources for the regional culture. In addition, wooden sarcophagi constitute a prominent group accompanied by only a few and unadorned examples made of stone. All this is well-known, researched in depth and analysed with great learning. But the dominance of these local monuments and their seemingly normative character bear the risk of obstructing our view on exceptions from this rule and, in consequence, might even lead to over-interpretations of seemingly singular phenomena and their former 'place' in the Bosphoran culture.

This paper is dedicated to one of these exceptions, in fact one of the most prominent pieces of art found on Bosphoran territory: the famous marble relief sarcophagus from Myrmekion, datable to the late 2nd century AD and on display in the Bosphoran collection of the State Hermitage Museum (Hermitage inv. P.1834.110; Robert. 1890. P. 26–29. № 21; Rogge. 1995. P. 139 ff. № 29 Pl.; Саверкина. 1962; Saverkina. 1979. P. 17–19. № 2. Pl. 6–9; www.myrmekion.ru/best_sarcophagus.htm – homepage Myrmekion Expedition of the State Hermitage).

It is against the background of local monuments and traditions that this Attic kline sarcophagus discovered in 1834 deserves particular attention. The lid of the nearly 2,70 m long, 1,20 m deep and about two meters high sarcophagus shows a man and a woman reclining on a lavishly decorated mattress. Both portrait heads are lost, but small parts of a beard of the male portrait are still preserved. The receptacle itself is preserved only fragmentary, large parts are missing from the main relief of the front. However, its depiction can be reconstructed nearly in its entirety thanks to a better preserved matching depiction of another relief sarcophagus, again in the State Hermitage (Rogge. 1995. P. 140 with reference to *Ibid.* №

28). Both show the discovery of the Greek hero Achilles on the island of Skyros. Preserved or ascertainable are (from the left) Diomedes and Odysseus, a seated daughter of Lykomedes and the kneeling Deidameia, then Achilles (feet and small parts of his garment, his face on a separate fragment), and three more daughters of Lykomedes. Episodes from the myth of Achilles also decorate the sides of the sarcophagus: the hero's farewell from Lykomedes (left side), and Achilles with Chiron (right side). Garlands held by two caryatids and a cupid adorn its back side. This imported marble sarcophagus is not only a magnificent and monumental piece of art, but it is also a solitaire in the Bosporan kingdom. In fact it is, so far, the only known relief sarcophagus from a Mediterranean production centre of the Roman imperial period found in the northern Black Sea region in general.

Unusual, too, are the finding circumstances of the fragments and the history of their discovery as described by the director of the Kerch museum of Antiquities, Anton Ashik (Ашик. 1848. §31. С. 41; reproduced in translation by Robert. 1890. P. 26–29. № 21). Important clarifications – but also corrections – were achieved in 1934 on the base of new archival research, excavations and measurements by the Bosporan Expedition of the Leningrad Branch of the Archaeological Institute of the Academy of Sciences (Гайдукевич. 1941. С. 99–100; Гайдукевич, Леви, Прушевская. 1941. С. 140–146; Гайдукевич. 1959. С. 8–10, for the history of archaeological research in Myrmekion see the homepage of the Myrmekion Expedition of the State Hermitage: www.myrmekion.ru). According to Ashik's report, several fragments were found by chance by sailors in 1834 in the Kerch bay, on the promontory of the former Acropolis of Myrmekion.

The sailors chanced here on a cave in the rock, and in this cave found the fragments of the sarcophagus. Subsequent excavations undertaken immediately after notice of the discovery by Ashik, as well as the renewed excavations in 1934, established the 'cave' as a chamber tomb hewn into the rock of the promontory. A fragment of the sarcophagus found in a 13th-century-layer proves that this chamber was destroyed in the Middle Ages at the latest. Nothing is known of skeletal remains of the person or – the lid shows a couple – the persons buried in the sarcophagus. The chamber tomb comprised a large hall or anteroom (according to the publications, the so-called 'dromos') and, adjacent, two smaller chambers of different size next to each other (chambers 'A' and 'B': Гайдукевич. 1941. С. 108. Рис. 9 [map of Myrmekion, area D]; Гайдукевич, Леви, Прушевская. 1941. С. 48. Рис. 49). Remains of wall paintings are not recorded.

While the smaller of the two chambers ('B'), according to Ashik, contained an unadorned marble sarcophagus *in situ*, the slightly more elaborate but robbed larger chamber ('A') with its – again according to

Ashik – small traces of stucco was identified by him as the chamber originally destined for the relief sarcophagus. The complex with its singular sarcophagus also had a unique and striking placement: on the promontory of the acropolis, i.e. outside the local cemeteries and within the settlement area of Myrmekion directly in its back. The prominent place must have been visible even from Pantikapaion in the distance across the Kerch bay.

Not least because of this unusual placement, almost display, of the complex and its relief sarcophagus scholars usually connect both to a member or even king of the local Bosporan dynasty, but not identifiable by name (Гайдукевич. 1959. С. 10; Gaydukevich. 1971. S. 428; website of the Myrmekion Project: king). Early documented remains of a monumental, ‘cyclopean’ stone structure in the area above the chamber complex seem to support this hypothesis, having been interpreted as the vestiges of a krepis of a large burial mound (Гайдукевич. 1941. С. 99–100. Рис. 3 (‘С’); Гайдукевич, Леви, Прушевская. 1941. Рис. 46).

Yet contrary to this accepted interpretation of its location it should be pointed out that the grave chamber was built in the southern flank of the acropolis hill and its entrance lay in the south. The complex was thus oriented towards the sea – and not towards Pantikapaion with its acropolis and basileia across the bay in the west. An intentionally chosen visual axis and, correspondingly, topographical reference that might be interpreted ideologically are therefore not deducible. And even if we trust the interpretation of the stone structure as remains of a krepis of a burial mound: its connection with the chamber several meters apart remains, at least, hypothetical.

But following this widely accepted interpretation of the archaeological context, the supposed royal relief sarcophagus never even met its intended placement: according to the measurements of the larger chamber ‘A’ taken in 1934, its height of max. 1,85 m proved it to be considerably too low for the sarcophagus (Гайдукевич, Леви, Прушевская. 1941. С. 141). Therefore, it was placed – hardly appropriate for such a sumptuous burial and contrary to the postulated original placement – in the so-called ‘dromos’. The consequence of this interpretation as an ultimately failed display and therefore improvised placing of a costly imported luxury object does not lack a certain irony: the only relief sarcophagus ever known from the region possibly connected to a member of the ruling dynasty, has an established place of discovery and even a known placement within its spatial context – but did not conform to it. Correspondingly, the singular sarcophagus has to be ruled out e.g. for questions on the modes of reception of relief sarcophagi and their mythological imagery in the North Pontic cities.

However, a critical review of the evidence provided by grave chamber as well as sarcophagus burial suggests a different, more cautious

reading of the published archaeological data. For the larger of the two chambers is, should it indeed have originally been intended for the relief sarcophagus, not only too low, but ultimately also too short and too narrow: the dimensions of the irregularly shaped, but approximately rectangular chamber 'A' as cited by Gaydukevich et. al. (Гайдукевич, Леви, Прушевская. 1941. С. 141) – length 3,38 m, width 1,90 m – are its maximum dimensions. They aren't to be applied to the rectangular base area of the sarcophagus that should instead be inscribable in the ground plan of the chamber (especially since the maximum dimensions also include the chambers' entrance area). *De facto*, the length of the chamber between the first recess (i.e. the chamber door) and the nearest (i.e. north-western) corner of the rear wall reaches only around 2,7 m, the width of the passage (as the narrowest point) only around 1,7 m (these only rough estimates are based on the plan – cf.: Гайдукевич, Леви, Прушевская. 1941. Рис. 49). That means, that the distance between the chambers' north-western rear corner and its entrance is not really sufficient for a sarcophagus with a length of 2,7 m, and even at its widest point the chamber would leave only a few decimetres of free space.

But even if we were willing to accept the hypothesis of an intended (but ultimately failed) placement of the sarcophagus in chamber 'A': the relief of the sarcophagus (and more so the sculptures of the lid) would have been nearly invisible and unreadable. They would not only be displayed in a downright counterproductive way, but even appear to be given away altogether. Given this total inadequacy of chamber 'A' (and not only its lacking height), the assumption of a willingly accepted improvisation caused by a right from the start faulty planning, lack of knowledge and ignorance of object-specific requirements (for such an expensive burial!) is hardly suited to explain the constellation. Thereupon, it seems questionable to combine a chamber obviously entirely inadequate to the sarcophagus burial at all.

Indeed, it seems more plausible to avoid an immediate connection of the sarcophagus with the chamber at all. For the current interpretation of the outlined constellation neglects an important detail of the grave complex: the so-called 'dromos'. Its maximum length of approximately 4,10 m and maximum width of 4,80 m (Гайдукевич, Леви, Прушевская. 1941. С. 141) as well as its proportions speak – in relation to the general layout of the complex – in my opinion, absolutely against the commonly accepted interpretation and designation as dromos, i.e. a mere corridor, but as an antechamber or hall.

In addition, the western wall of this large antechamber was – according to layout and section 'I-I' published in 1941, but also in contrast to the other walls – straightened artificially over a length of about 2,8 m by a wall exhibiting the monumental aesthetic of ashlar masonry (see the plan in: Гайдукевич, Леви, Прушевская. 1941. Рис. 49 with section I–

I). Gaydukevich et. al. (Гайдукевич, Леви, Прушевская. 1941. С. 141) explain this wall – like other fixtures specified in their plan hatched – with a usage of the complex as a cellar in the 19th century. But the lack of related modern structures above the complex and above all the fact that only this side wall was embellished in this way, speak in my view clearly against such an interpretation of the only inadequately published context as dromos and, later, cellar. Remains of stucco mentioned by A. Ashik for the larger of the two chambers ('A') confirm this scepticism, since they indicate that the complex was finished and not just simply carved into the rock.

But the embellishment only of this western wall of the antechamber may in turn perfectly be explained by the sarcophagus burial. According to such an interpretation the sarcophagus would have been merely added for a new burial to the already existing complex (and after the burial of the smaller chamber 'B' whose entrance it blocks) and would have been placed in front of the western wall that even might have been embellished to serve as a background just for the sarcophagus. Understood in this way, the costly relief sarcophagus (and its burial) would not have been just 'parked' as the result of a suddenly necessary improvisation, but it received its intentional, and prepared, place in the complex as planned. As consequence, the entire complex may no longer be interpreted primarily by reference to the sarcophagus burial. This burial would ultimately be only – albeit unusual, exceptional and with its sarcophagus henceforth dominant – a secondary burial to the older ones of the existing chambers 'A' and 'B', for which the complex was laid out originally. This however means that the general interpretation of the complex with its identification of the deceased person(s) buried in the relief sarcophagus as Bosporan ruler and/or member of the dynasty would be at least subject of discussion.

Finally, the last argument against identification of the deceased with a Bosporan king is provided by the sarcophagus itself: the scanty remains of the missing portrait head of the male figure reclining on the lid. Here we have to assume a portrait head showing clear resemblance to the portrait features of the deceased. And indeed the remains of the beard still recognisable could relate to the dynasty's ruler portraits as known from the Bosporan coinage of this period of the late 2nd and early 3rd century AD, i.e. the reigns of Sauromates II, Rheskouporis II or Kotys III. But in contrast, and this is of particular relevance, there is no indication for the long, streaked hair falling on the shoulders, which is so typical for these portraits that it even can be understood as the dynasty's visual 'trade mark'. The obviously short hair rules out a contemporary royal portrait with a probability bordering on certainty.

All these observations and considerations lead to a different, more cautious and maybe overcritical understanding of the sarcophagus com-

pared to the commonly accepted interpretation. It could have been merely – admittedly – the splendid burial of a non-royal, otherwise prominent member of the Bosporan elite who was buried in an existing, i.e. not created for the relief sarcophagus, grave complex of a prominent (his?) family. Yet the burial with its imported sarcophagus reflects no new fashion or even, in the style of contemporary Roman elites, a new paradigm for the era after the grave reliefs and during the tomb paintings' final phase. Instead, it underlines the scope of efforts and individual solutions employed as local social strategies that we ought to keep in mind when discussing elite behaviour in the later Bosporan kingdom.

Bibliography

- A. Б. Ашик.* Веспорское царство. Одесса, 1848/49. Т. II.
- В. Ф. Гайдукевич.* Мирмекий. Отчёт о раскопках в 1934 г. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М., Л., 1941. – (МИА. № 4).
- В. Ф. Гайдукевич.* Мирмекий. М., 1959.
- V. F. Gaydukevich.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971
- В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская.* Раскопки северной и западной частей Мирмекия // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М., Л., 1941. – (МИА № 4).
- C. Robert.* Die antiken Sarkophagreliefs II. Berlin, 1890.
- S. Rogge.* Die Sarkophage Griechenlands und der Donauprovinzen: Die attischen Sarkophage. Achill und Hippolytos. Die antiken Sarkophagreliefs IX 1. 1. Berlin, 1995.
- И. И. Саверкина.* Мраморный саркофаг из Мирмекия // Культура и искусство античного мира. Л., 1962. – (ТГЭ. Т. 7).
- I. I. Saverkina.* Römische Sarkophage in der Ermitage. Berlin, 1979.

Internet resources

www.myrmekion.ru/best/sarcophagus.htm – Homepage Myrmekion Expedition of the State Hermitage Museum.

О. Ю. Соколова

Новая находка из Нимфея

Во время полевого сезона 2013 года в Нимфее была найдена случайно, вне слоя небольшая плита из желтоватого известняка, в центральной части её имеется круглый выступ, который пересекают два жёлоба, расположенные взаимно перпендикулярно. Центральную площадку от бортов отделяет неглубокий жёлоб, переходящий в узкий слив. Размеры изделия: длина со сливом – 36 см, ширина – 25,0 см, максимальная толщина – 11,5 см, диаметр центральной площадки – 14,0 см (Рис. 1).

Рис. 1. Тарапан. Пол. № Н.13.445. Хранится в КИКЗ

Изготовленные из единого каменного блока подобные предметы обычно называют давилными площадками, тарапанами (Гайдукевич. 1958. С. 376, Стрежелецкий. 1961. С. 114) или переносными монолитными давилными (Винокуров. 1999. С. 18–23).

Находка тарапана в Нимфее не случайна.

Земледелие и хлебопашество играли большую роль в экономике Нимфея с самого начала его существования. А уже к концу V в. до н.э. можно говорить о наличии виноградников и о возделывании его жителями винограда. Косвенным доказательством этому может служить тот факт, что на реверсе нимфейских монет, чеканенных в последней трети V в. до н.э., изображена виноградная лоза (Зограф. 1951. С. 163; Шелов. 1956. С. 30; Грач. 1979. С. 93; Винокуров. 1999. С. 8; Зинько. 2007. С. 191). Граффити с посвящением Дионису (Намойлик. 2004. С. 89. Рис. 1, 9), распространённость дионисийских сюжетов на такой массовой продукции, находимой при раскопках, как керамика (Древний город Нимфей. 1999. С. 36. № 48. С. 38. № 56. С. 44. № 77–78. С. 59. № 127. Ил. на с. 60), разнообразные терракотовые статуэтки и маски, изображающие Диониса и его спутников – силенов, сатиров, менад, найденные в Нимфее, посвящение монументального архитектурного сооружения (входа) Дионису (Сokolova. 2001) позволяют говорить о распространении его культа в Нимфее, что рассматривается как свидетельство большой роли виноделия и виноградарства в жизни боспорских городов (Блаватский. 1953. С. 87; Кругликова. 1975. С. 188–189).

Следует отметить находку в Нимфее ещё двух тарапанов, дактилирующихся первой половиной IV в. до н.э., которые, по мнению Н. Л. Грач, использовались в домашних винодельнях. Один из них имел корытообразную форму с высокими слегка расходящимися бортами и длинным сливом (Грач. 1979. С. 94–98). А вторая давальня, открытая во вторичном использовании в системе водостока второй половины IV в. до н.э., представляла собой круглый тарапан с выступающим сливом (Грач. 1979. С. 98–100). Подобные давальные площадки Н. И. Винокуров относит к переносным монолитным давальням (Винокуров. 1999. С. 18–23).

Определение подобных изделий как тарапанов, давальных площадок или оснований каменных прессов общепринято.

Но существует и другая точка зрения на интерпретацию данных комплексов из Нимфея. А. Н. Щеглов считал, что это были домашние уборные, хотя и не исключал вторичное использование в них оснований от давлен (Щеглов. 1999).

Следует отметить, что новая находка несколько отличается от вышеупомянутых нимфейских тарапанов IV в. до н.э. размерами и наличием в центре круглого выступа, который пересекается двумя взаимно перпендикулярными желобами.

Миниатюрные давальни, подобные нимфейской, по мнению Н. И. Винокурова, могли использоваться в храмовых и домашних святилищах, в частности, для получения особых сортов вина для возлияний богам (Винокуров. 1999. С. 19).

Недавно было высказано сомнение относительно использования небольших переносных давилен при изготовлении вина. По мнению А. В. Куликова и Н. Ф. Федосеева в настоящее время отсутствуют прямые доказательства применения подобных давилен в домашнем виноделии (Куликов, Федосеев. 2013. С. 90–91).

Авторы предлагают ещё одну интерпретацию подобных изделий. По их мнению, давильни с круглыми выступами в центре, сплошными или с крестообразно пересекающимися желобами, подобные новой нимфейской находке, могли использоваться для производства сыра (Куликов, Федосеев. 2013. Рис. 2. 1–4). Но, упоминая о различных формах каменных прессов для изготовления сыров по этнографическим данным, исследователи отмечают, что им не удалось найти полных аналогий боспорским материалам (Куликов, Федосеев. 2013. С. 92).

Таким образом, можно отметить наличие двух основных версий о функциональном назначении миниатюрных давилен, подобных новой нимфейской находке. Но в одном исследователи единодушны: что такие изделия использовались в качестве основания пресса.

Литература

- В. Д. Блаватский.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Н. И. Винокуров.* Виноделие античного Боспора. М., 1999.
- В. Ф. Гайдукевич.* Виноделие на Боспоре // МИА. 1958. № 85.
- Н. Л. Грач.* Древнейшие винодельческие сооружения на Боспоре // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Древний город Нимфей. Каталог выставки. Спб., 1999.
- В. Н. Зинько.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // БИ. Вып. XV. 2007.
- А. Н. Зограф.* Античные монеты М., 1951 – (МИА. № 16).
- А. Н. Куликов, Н. Ф. Федосеев.* Виноделие или сыроделие? (возможная интерпретация каменных оснований переносных прессов) // Таврійські студії. Історичні науки. Симферополь, 2013. № 1 (4).
- И. Т. Кругликова.* Сельское хозяйство Боспора. 1975.
- А. С. Намойлик.* Граффити из раскопок Нимфея (1939–1991 гг.) в собрании Государственного Эрмитажа // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции (12–16 сентября 2004 г.). Киев, Судак, 2004. Ч. I.

- О. Ю. Соколова.* Новые винодельческие комплексы эллинистического времени из Нимфея // Проблемы античной культуры. ТД Крымской конференции. Симферополь, 1988.
- О. Ю. Соколова.* Винодельни эллинистического времени из Нимфея // Septièmes Semaines Philippopolitaines de l'histoire et de la culture Thrace. Resumes. Plovdiv, 9–22.10.1990.
- О. Ю. Соколова.* Новая надпись из Нимфея (предварительное сообщение) // ДБ. 2001. Вып. IV.
- Д. Б. Шелов.* Монетное дело Боспора VI–I вв. до н.э. М., 1956.
- А. Н. Щеглов.* К изучению канализационных устройств в домостроительстве Нимфея IV в. до н.э. // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы, и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. ТД. СПб., 1999.

Ю. А. Виноградов

Уступчатые склепы III в. до н.э. на Боспоре⁵⁰

Каменные склепы с уступчатым перекрытием появились на Боспоре, как принято считать, в конце V – начале IV в. до н.э. Отвлекаясь от некоторых деталей их устройства, можно признать, что на протяжении целого столетия они сохраняли весьма простое устройство: погребальная камера, состоящая из одного четырёхугольного в плане помещения, и ведущий к ней дромос. В ряду таких памятников назову лишь некоторые, ставшие хрестоматийно известными: Царский, Золотой, Мелек-Чесменский, Куль-Оба, некоторые склепы некрополя Юз-Оба.

С. Д. Крыжицкий считает, что в III в. до н.э. склепы с уступчатым перекрытием получили на Боспоре широкое распространение (Крыжицкий. 1993. С. 166). Правильнее, конечно, говорить, что их продолжали здесь строить, поскольку именно в это время стали повсеместно возводиться склепы с арочным перекрытием (в отечественной литературе такое перекрытие еще порой называют коробовым, или клиновым). При этом В. Ф. Гайдукевич правильно отметил, что к концу IV в. до н.э. боспорские уступчатые склепы потеряли присущую им ранее строгую монументальность (Гайдукевич. 1949. С. 250). В это время они приобрели орнаментальную отделку в виде профилированных карнизов, росписи стен и сводов, и т.д.

⁵⁰ Работа выполнена в рамках проекта «Элита Боспора Киммерийского. Традиции и инновации в аристократической культуре» Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН 2012–2014 гг. «Нации и государства в мировой истории».

Новые детали в устройстве боспорских склепов заслуживают специального научного внимания, и их следует рассмотреть на самых показательных примерах, начиная со склепа Золотого кургана. Именно этот памятник был самым крупным по размерам среди всех боспорских склепов. Длина его дромоса составляла 18 м, круглая в плане камера имела площадь 31,40 м при высоте 11 м. Склеп Царского кургана уступает ему по всем этим параметрам. Есть основания считать, что в купольной гробнице Золотого кургана был погребён боспорский царь Евмел, умерший в 304/303 г. до н.э. (Виноградов, 2007; 2010). Среди новых для Боспора деталей отделки этого склепа отмечу всего одну, – он был оштукатурен и окрашен, по всей видимости, в фиолетовый цвет.

Несмотря на недавнее открытие круглого склепа с уступчатым перекрытием под Фанагорией (Кузнецов. 2004), который можно рассматривать как своего рода уменьшенную копию склепа Золотого кургана, следует признать, что это грандиозное по своим масштабам сооружение не оказало особого влияния на дальнейшее развитие боспорской погребальной архитектуры. На обеих сторонах пролива продолжали возводиться склепы четырехугольной в плане формы. Эти памятники, речь о некоторых из которых пойдет ниже, не имели столь больших размеров, как склеп Золотого кургана. Их, как представляется, нельзя считать царскими, но для изучения культуры боспорской элиты III в. до н.э. они имеют очень большое значение.

Новые черты конструкции боспорских склепов отчетливо проявились во втором склепе кургана Большая Близница, открытом в 1864 г. (ОАК. 1864. С. IX–X; Ростовцев. 1914. С. 12, 15 сл.; Гайдукевич. 1949. С. 286; Ернштедт. 1955. С. 254–255; Артамонов. 1966. С. 73; Савостина. 1986. С. 97. № 22). Склеп состоял из двух частей: погребальной камеры и преддверия. Камера имела уступчатое перекрытие из шести рядов, расположенных на четыре стороны. Склеп был расписан по поверхности камня, основным звеном этой росписи было изображение головы богини в плафоне на своде. Изображенную здесь богиню обычно считают Деметрой. Склеп был ограблен, но его можно датировать концом IV в. до н.э. (Савостина. 1986. С. 97, № 22; ср.: Schwazmaier. 1996. S. 137; Pfrommer. 1990. S. 270–274).

Склеп «Пигмеев» был открыт Д. В. Карейшей в 1832 г. в окрестностях Керчи, на продолжении горы Митридат (Ростовцев. 1914. С. 137–149; Савостина. 1986. С. 97, № 25; Тункина. 2010. С. 539–541). Он тоже состоял из двух частей: погребальной камеры и преддверия. Камера имела уступчатое перекрытие из четырех рядов на две стороны, при этом угол нижнего уступа был срезан. Склеп был оштукатурен, окрашен в синий цвет и расписан. Представленная в нем орнаментальная композиция изображает битву пигмеев с журавлями.

Этот склеп обычно датируют II–I вв. до н.э. (Ростовцев. 1914. С. 148; Савостина. 1986. С. 97, № 25), но эта датировка слабо обоснована.

Очень большое научное значение имеет склеп, открытый В. Г. Тизенгаузенем в Султан-Кургане (его также называют Султан-Горой) около станицы Гостогаевской под Анапой в 1883 г. (ОАК. 1882–1888. С. XXVIII; Ростовцев. 1914. С. 111; Виноградов. 2009. С. 317). Несмотря на скудость оставленной исследователем полевой документации, можно констатировать, что склеп состоял из трёх частей – дромоса и двух камер. Одна из этих камер (ближняя к дромосу) имела сравнительно небольшую площадь, другая же была более крупной. Дромос имел плитовое перекрытие, а обе камеры – уступчатое. Камеры к тому же были оштукатурены. Этот склеп обычно датируют в пределах IV–III вв. до н.э. (Ростовцев. 1914. С. 111; Савостина. 1986. С. 97–98, № 26). По сравнению с охарактеризованными выше памятниками, склеп Султан-Кургана выглядит необычно, но он имеет хорошие аналогии в склепах трех Тарасовских курганов, исследованных В. Г. Тизенгаузенем под Анапой в 1882 г.

Тарасовские курганы вообще чрезвычайно важны для понимания развития боспорской погребальной архитектуры в эллинистическую эпоху. Несмотря на то что все они были ограблены, исследователи атрибутируют их в весьма близких хронологических пределах. М. И. Ростовцев считал, что Тарасовские курганы были возведены не ранее первой половины III в. до н.э. (Ростовцев. 1914. С. 111), Е. А. Савостина датирует их первой половиной этого столетия (Савостина. 1986. С. 87).

Первый Тарасовский курган (Ростовцев. 1914. С. 109–110; Савостина. 1986. С. 97, № 23). Обнаруженная здесь погребальная конструкция состояла из дромоса и двух камер. Длинный дромос представлял собой открытую галерею, примыкавшую к входу в склеп. Вход был окаймлён двумя антами и увенчан дорическим фризом и фронтоном. Затем следовала первая камера (вестибюль или преддверие) с плоским покрытием, откуда можно было попасть в главную камеру. Вход в неё тоже был оформлен антами с базами и капителями. Эта камера была перекрыта шестью плитами, составляющими уступчатый свод. Нижний уступ имел четырёхугольные очертания, острые грани других уступов были гладко срезаны. М. И. Ростовцев по этому поводу заметил, что погребальная камера должна была иметь роспись, но археологи её, вероятнее всего, не заметили (Ростовцев. 1914. С. 110).

Второй Тарасовский курган (Ростовцев. 1914. С. 110; Савостина. 1986. С. 97, № 24). Обнаруженный здесь склеп имел более простое устройство. Он состоял из погребальной камеры с уступчатым перекрытием и примыкавшего к ней дромоса с плоским перекрытием из каменных плит.

Третий Тарасовский курган (Ростовцев. 1914. С. 110. Табл. XXXV, 1, XXXVI, 5–8; Савостина. 1986. С. 98, № 27). Погребальная конструкция этого кургана демонстрирует те же части, что и в Первом, но с определенными отличиями. На всем своем протяжении она имела одинаковую ширину, т.е. представляла собой своего рода коридор, разделенный двумя парами выступов на три части. Первым располагался открытый дромос, затем шла небольшая комната, далее – главная погребальная камера. Оба входа были обрамлены антами с базами и капителями; над антами входа в первую камеру располагался фронтон. Обе камеры имели уступчатое перекрытие; в первой он состоял из трех рядов, во второй – из четырёх. Здесь были косо срезаны не только углы, но все выступающие внутрь поверхности плит.

Склепы Тарасовских курганов, как видим, действительно сохранили конструкцию ложного, уступчатого свода, но они четко разделены на две камеры, при этом входы в обе камеры имели богатый архитектурный декор, что ранее не было свойственно для боспорской погребальной архитектуры. М. И. Ростовцев сравнивал фасады склепов Тарасовских курганов с погребальными памятниками Македонии (Ростовцев. 1914. С. 110), и в этом он, как сейчас представляется, был вполне прав. Склеп Султан-Кургана не имел архитектурного декора, как Тарасовские, но он, как и они, был разделён на две камеры. Это членение, на наш взгляд, заслуживает особого внимания исследователей. Должной научной оценки, конечно, заслуживает и тот факт, что некоторые склепы с уступчатым перекрытием уже с конца IV в. до н.э. имели роспись (Большая Близница, склеп Пигмеев).

Вопрос о появлении этих новшеств на Боспоре представляется чрезвычайно сложным. Сугубо гипотетически можно допустить, что все эти изменения объясняются развитием местной традиции, творчеством боспорских архитекторов. С другой стороны, представляется вполне очевидным, что боспорские мастера трудились не в безвоздушном пространстве и были прекрасно осведомлены обо всех новых явлениях, получивших распространение в Средиземноморье. В этом отношении рискну высказать предположение, что обозначенные конструктивные особенности были связаны с широким распространением в античном мире так называемых македонских склепов.

Для них было характерно арочное перекрытие и деление камеры на два неравных по площади помещения. В ряде наиболее престижных памятников открыты настенные росписи. Вход в склепы македонского типа имел каменные или деревянные двери и был богато украшен с помощью колонн, фризов и пр.

Такие памятники были открыты на территории исторической Македонии, чем и объясняется их название, закрепившееся в западной литературе. Наиболее известный памятник такого рода – склеп в Большом кургане у села Вергина, который порой называют гробницей царя Филиппа (см.: Андроникос. 1990; Манцевич. 1980; Andronicos. 1984). Считается, что этот тип погребальных сооружений получил широкое распространение в античном мире после походов Александра Великого, и большинство этих склепов было возведено за 150–200 лет до римского завоевания Македонии в 168 г. до н.э. (Fedak. 1990. P. 104–105; Huguenot. 2008. P. 43–44). Более 80 склепов македонского типа открыто на территории Фракии (см.: Койнова-Мечкуева. 2006. С. 114; Хатлас. 2006; Базайтова. 2006. С. 343–344, 353, обр. 2, 3; Triantaphyllos. 1994. P. 90–91). В их ряду – замечательная гробница, украшенная росписью и скульптурами кариатид, которая была обнаружена 30 лет назад у села Свещари в Болгарии (Чичикова. 1986; 2012). Она к тому же демонстрирует своеобразную планировку: дромос, первая (небольшая) камера, вторая (главная) камера, боковая камера, примыкающая к первой. Все они имеют арочные своды.

В названных боспорских склепах такой свод отсутствует, они по старинке имели уступчатое перекрытие. К сожалению, во всех этих случаях мы не имеем возможности судить, были ли их входы снабжены деревянными дверями, но каменных дверей здесь явно не существовало. Как видим, отличия от склепов македонского типа в перечисленных памятниках имеются, и отличия эти весьма существенны. Более определённо связь с македонскими образцами проявилась в боспорских склепах III в. до н.э. с арочным перекрытием (два склепа, открытые на Васюринской горе в 1868–69 и 1870–71 гг., гробницы II и VII Артюховского кургана, склеп в кургане, раскопанном Вандервейде под Фанагорией, и др.).

Осознавая всю сложность интерпретации боспорских склепов с уступчатым перекрытием, относящихся к III в. до н.э., ещё раз следует обратить внимание на сходство их планировки со склепами македонского типа. Не случайным представляется и то, что уступы перекрытия в очень показательных для этого времени склепах Тарасовских курганов, а также и в склепе Пигмеев в большей или меньшей степени были срезаны, в чём тоже можно видеть отход от старой моды.

На мой взгляд, эти памятники, на которые исследователи наших дней почти не обращают внимания, дают в высшей степени показательный пример адаптации на Боспоре новых идей, пришедших, скорее всего, из Македонии, возможно, через Фракию. Как можно видеть, боспорские архитекторы знали об этих нововведениях, но совсем не стремились их слепо повторять. Меняя план погребальной камеры, разбивая её на две части, они упорно старались сохранить старую, хорошо зарекомендовавшую себя традицию возведения уступчатых перекрытий. Уступчатый свод, как можно полагать, был важен для них не только как достаточно простой приём перекрытия погребальной конструкции, но и как очевидная ассоциация с впечатляющим символом лестницы, ведущей на небеса.

Ю. Н. Кузьмина

Монументальное здание из раскопок 1984–1986 гг. на южной окраине Фанагории: находки и интерпретации

Изучение материалов из раскопок территории у южного склона восточной части верхнего плато Фанагории (раскоп «Южный город») представляет собой особый интерес⁵¹. В ходе охранно-спасательных работ, связанных со строительством коллектора очистных сооружений, в период 1979–1988, 1990–1991 гг. эта часть города исследовалась большими площадями, были получены материалы по истории одного из важных районов города с момента его возникновения и до ранневизантийского времени.

В 1984–1986 гг. на южной окраине Фанагории были исследованы остатки стен монументального здания эллинистического времени, состоявшего из двух помещений, общая площадь которого превышает 30 м² (Рис. 1). Помещение 1 было ограничено стенами А, Б и В, помещение 2 – стенами В, Г и Д⁵². Южная часть здания не сохранилась (Рис. 2).

⁵¹ Работа выполнена в рамках гранта РФНФ 12-31-01293 «Сакральные комплексы Фанагории VI–I вв. до н.э.».

⁵² В отчёте за 1985 г. была изменена нумерация ряда стен и, чтобы избежать путаницы в дальнейшем, мы присвоили стенам единообразные буквенные обозначения: *Стена А* – кладка LIII/2 (в отчёте за 1984 г.); *Стена Б* – кладка LIII/3 (в отчёте за 1984 г.) и 53.2 (в отчёте за 1985 г.); *Стена В* – кладка LIV/4 (в отчёте за 1984 г.) и 53.3 (в отчёте за 1985 г.); *Стена Г* – кладка LIV/1 (в отчёте за 1985 г.); *Стена Д* – кладка 54.2 (в отчёте за 1985 г.).

О том, что это была не ординарная жилая постройка, свидетельствует её архитектурное оформление: на территории, относящейся к данному зданию, а также в непосредственной близости были найдены остатки полихромной штукатурки, рельефные детали декора, фрагменты ордерных деталей и пр. Интересной конструктивной особенностью кладок стен помещения 1 является наличие небольших углублений в блоках ракушечника, выступающих за линию стен и расположенных на одинаковом друг от друга расстоянии, примерно 0,9 м (Долгоруков. 1984. С. 6–7; Долгоруков. 1985. С. 48; Крыкин. 1984–1986. С. 11⁵³). Вероятно, данные блоки были предназначены для установки деревянных подпорок или колонн.

О том, что это было здание общественного назначения, а не ординарная жилая постройка, свидетельствует состав находок из него. Внутри помещения 1 прослежены остатки двух уровней глинобитных полов. Нижний уровень представлял собой тонкую прослойку глины с золой и включением мелких угольков. Его толщина составляла 0,01–0,02 м. В юго-западном углу помещения при расчистке нижнего горизонта пола исследовано скопление обгоревших деревянных плах. При его расчистке обнаружены тонкие полоски бронзы шириной 0,04–0,045 м, длиной 0,16–0,2 м. Вероятно, данное скопление является остатками сгоревшего деревянного ларца с бронзовой окантовкой. Кроме того, в завале были найдены девяносто семь обгорелых астрагалов, бронзовое зеркало без ручки и массивный бронзовый браслет (Долгоруков. 1985. С. 50).

В повседневной жизни эллинов астрагалы использовались для игры. Их часто находят в инвентаре погребений, а также в святилищах. На Западном теменосе Ольвии найдено около пятидесяти астрагалов (Древнейший теменос Ольвии Понтийской. 2006. С. 206). Несколько овечьих астрагалов найдено при раскопках домашнего святилища в помещении А архаического дома в Тиритаке (Гайдукевич. 1952. С. 82). Ряд исследователей интерпретирует астрагалы как средство обмена, своего рода примитивные деньги. Таким образом, через этот тезис Ричард Холмгрен, основываясь, в том числе на теории Бернарда Лаума о том, что практика приношений божествам является основой для обмена между божеством и людьми, создает гипотезу о том, что астрагалы приносились в святилище в качестве замены денег. Кроме того, возможно их использование в магических целях (Laum. 1924. P. 213–216; Holmgren. 2004. P. 213–218).

⁵³ Полевой дневник хранится в архиве Фанагорийской экспедиции ИА РАН.

В небольшом отдалении от остатков деревянного ларца найдена нижняя челюсть собаки. Поверх уровня данного пола шёл слой рушенных сырцов со следами пожара, а затем второй уровень пола. В слое пожара, западнее кладки В, найдена бронзовая монета (Долгоруков. 1985. С. 50)⁵⁴. В грунте заполнения над остатками полов обнаружены терракотовые статуэтки: три однотипные фигурки всадников на статично стоящих лошадях, фрагменты статуэтки, изображающей Геракла, а также женского божества.

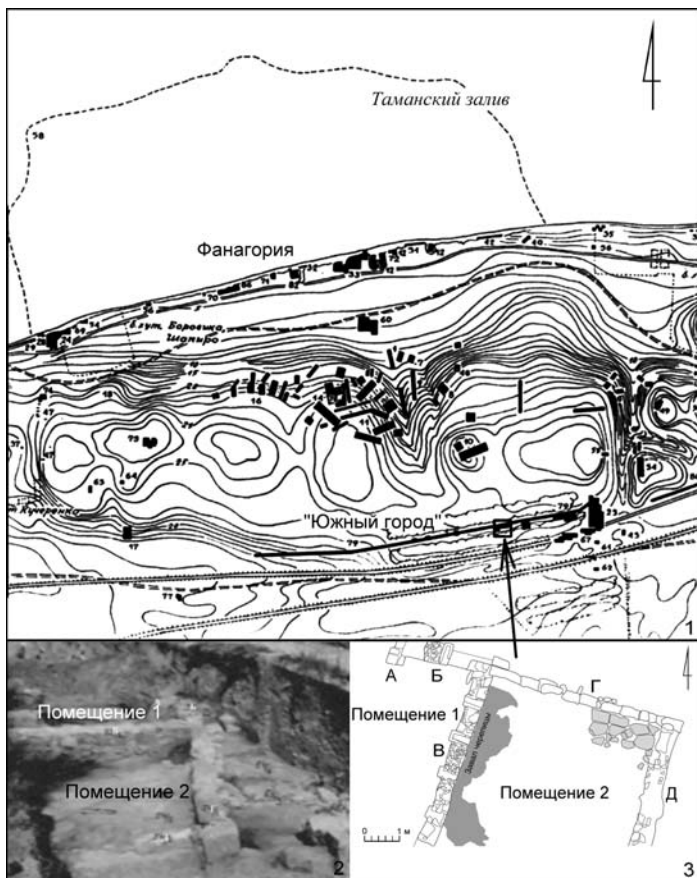

Рис. 1. Фанагория. Раскоп «Южный город»: 1 – ситуационный план; 2–3 – постройка эллинистического времени: 2 – вид с юго-востока; 3 – план

⁵⁴ К сожалению, в этом и описанном далее случаях в отчёте не даётся определение монет и отсутствуют их фотографии.

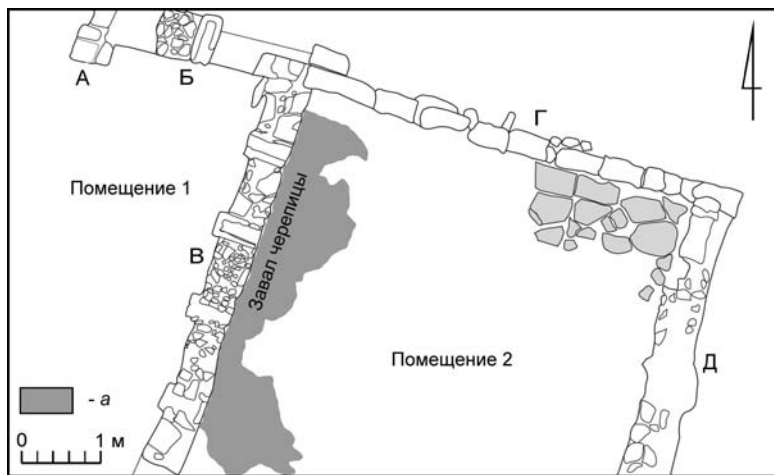

Рис. 2. Фанагория. Раскоп «Южный город». Постройка эллинистического времени: а – завал черепицы

Найденные в комплексе статуэтки всадника широко известны в коропластике Боспора с начала III в. до н.э., а их производство, вероятно, имелось в Фанагории. Традиционно считается, что данный образ является чисто эллинским образцом раннеэллинистического времени, который был привнесён на Боспор с Родоса, где с архаической эпохи терракоты данного типа символизировали почитание конного божества, в противовес культумам конных героев в остальных регионах Греции, которые обычно были связаны с Посейдоном. Статуэтки фракийских всадников часто рассматриваются в контексте локальных героических культов. С. М. Крыкин полагает, что почитание всадника на Боспоре испытало на себе несомненное влияние солярных иранских божеств и символизировало, прежде всего, обожествление власти, знати, аристократии и царя (Крыкин. 1987. С. 59).

Из массового материала в помещении 1 преобладают косские, синопские, колхидские амфоры и амфоры типа Солоха II, датировки которых в целом не выходят за пределы IV–II вв. до н.э. Кроме того, в слое обнаружены фрагменты «мегарских» чаш, эллинистической чернолаковой и буrolаковой керамики, а также фрагменты красноглиняных гончарных сосудов (Долгоруков. 1984. С. 11–12).

На полу помещения 2 найдены фрагмент сероглиняного амфориска, трехгранный втульчатый наконечник стрелы, ядро для пращи, глиняное пряслице, а также терракотовая статуэтка воина с галатским щитом (Долгоруков. 1985. С. 49).

Самые ранние изображения галатских щитов (θυρεός) появляются во второй – третьей четверти III в. до н.э. Одним из наиболее ранних изображений воинов с галатским щитом является граффито из святилища Афродиты и Аполлона в Нимфее первой половины III в. до н.э., с рубежа III–II вв. до н.э. они начинают изображаться на боспорских надгробиях, а со II в. до н.э. появляются терракотовые статуэтки с изображением воинов с галатскими щитами (Трейстер. 1985. С. 133). Н. И. Сокольский предполагал, что, вероятнее всего, это был результат взаимодействия Боспора с Фракией (Сокольский. 1955. С. 23). В. И. Пругло считает, что в III–II вв. до н.э. Спартокиды могли нанимать галатов в качестве наемников (Пругло. 1966. С. 210). М. Ю. Трейстер на основании нумизматических источников полагает, что овальные щиты галатского типа были завезены на Боспор из птолемеевского Египта во второй четверти III в. до н.э. (Трейстер. 1985. С. 133–136).

О том, что в помещении 2, так же как и в помещении 1, произошёл пожар, после которого здание было перестроено, свидетельствует небольшой слой горения вдоль кладки В. В завале сырцов поверх пола второго строительного периода обнаружена золотая бляшка: аппликация или медальон и шесть бронзовых монет (Долгоруков. 1984. С. 7–9). Также вероятно с пожаром связан завал черепицы из кровли крыши в помещении 2. Ширина завала, занимавшего всю западную часть помещения, составляла 1,0–1,50 м. В завале встречены фрагменты черепицы фанагорийского, пантикапейского, синопского и гераклейского производства с преобладанием фанагорийской. Среди завала обнаружены: боспорская керамида с клеймом ΠΑΡΙΣΑΔ[ΟΥ] (№ 133 по полевой описи); косское анэпиграфное клеймо (№ 85 по полевой описи); клеймо на ручке родосской амфоры, датируемое 170–140 гг. до н.э. (№ 71 по полевой описи), а также две бронзовые монеты (Крыкин. 1984–1986. С. 14; Долгоруков. 1985. С. 50).

На основании анализа находок из здания время его существования определяется третьей четвертью III–II вв. до н.э. В. С. Долгоруков выдвигает предположение о том, что гибель здания приходится на рубеж II–I вв. до н.э. и, возможно, связана с митридадовскими событиями на Боспоре.

Сочетание особенностей архитектурных остатков с характерными находками (астрагалы, терракотовые статуэтки), а также отсутствием очевидного жилого контекста данного сооружения позволяет нам предположить, что перед нами общественная постройка,

имевшая в том числе и религиозные функции (к сожалению, из-за плохой сохранности более смелые выводы о её сакральном назначении будут необоснованны), функционировавшая в третьей четверти III – II в. до н.э. на южной окраине Фанагории.

Литература

- В. Ф. Гайдукевич.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. Вып. 25. Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006.
- С. М. Крыкин.* Новые терракоты всадников из Фанагории // КСИА. 1987. Вып. 191.
- В. И. Пругло.* Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М., 1966.
- Н. И. Сокольский.* О боспорских шитах // КСИА. 1955. Вып. 58.
- М. Ю. Трейстер.* Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1.
- R. Holmgren.* «Money on the hoof». The astragalus bone – religion, gaming and primitive money // *Pecus. Man and animal in antiquity.* Rome, 2004.
- V. Laum.* Heiliges Geld. Tübingen, 1924.

Архивные материалы

- В. С. Долгоруков.* Полевой отчёт о раскопках в Фанагории в 1984 году // НА ИА РАН. Р.–1, № 11166, 11166 а. М., 1984.
- В. С. Долгоруков.* Отчёт о раскопках в Фанагории в 1985 году // НА ИА РАН. Р.–1, № 11165, 11166 б. М., 1985.
- С. М. Крыкин.* Полевой дневник. Тетрадь 3 (квадрат LIII). 1984–1986.

А. П. Медведев

Эллинистический некрополь Фанагории: вопросы хронологии и периодизации (в свете раскопок 2005–2007 гг.)

Фанагорийский некрополь изучался раскопками с начала XIX в. История его исследования освещалась неоднократно (Кобылина. 1956; Тункина. 2010; Ворошилова. 2012; Застрожнова. 2013). За более чем полтора столетия раскопок в нем открыто свыше тысячи погребений. Однако до сих пор об этом античном некрополе специалистам известно очень мало, так как издания его материалов немногочисленны. Исследователи в лучшем случае ограничивались суммарной характеристикой полученных результатов и сводными рисунками найденных вещей. Крайне неудовлетворительное состояние с изданием богатейших фанагорийских материалов сказалось на итоговых исследованиях по истории и археологии Фанагории.

В 2005–2007 гг. в Фанагории проведены масштабные исследования Восточного некрополя. В двух раскопах общей площадью 3994 м² открыто 120 погребений, совершавшихся с рубежа IV–III в. до н.э. до середины V в. н.э. Столь длительное развитие погребальной традиции дает возможность проследить существенные изменения в культуре фанагорийцев, в той мере, в какой они отражались в погребальном обряде и составе сопровождающего инвентаря. В докладе анализируются погребения эллинистической эпохи (23 комплекса). Их удалось разделить на три хронологические группы (Рис. 1).

Раннеэллинистические погребения (Рис. 1. 1–11). Открыты только в восточной половине раскопа 2005 г. С них, видимо, и началась практика погребений в этой части некрополя, так как в V–IV вв. до н.э. на месте будущего «города мертвых» располагались жилые сооружения одного из предместий Фанагории (Медведев. 2012. С. 41–42). Лишь после того как они были заброшены, здесь начали совершаться захоронения. По-видимому, раньше городской некрополь имел более скромные масштабы и располагался к западу (Блаватский. 1951. С. 212–214) и к югу от города (Кузнецов. 2010. С. 443).

Все раннеэллинистические погребения совершены в простых грунтовых могилах, в одном случае с использованием сырца (Погр. 19). Ни подбоев, ни склепов, ни каменных ящиков этого времени в Восточном некрополе нами не обнаружено. Погребения представлены только ингумациями. Как правило, в могиле совершалось одно захоронение: в двух случаях это женщины (Погр. 19 и 23), в одном – мужчина (Погр. 22). Характерная поза на спине, вытянуто, руки слегка раскинуты в стороны, чуть согнуты в локтях, кисти иногда прижаты к тазовым костям. Считается, что для Фанагории, как и других греческих некрополей, обычной является ориентировка головой на восток. Однако с раннеэллинистического времени просматривается тенденция хоронить головой и в южную половину круга. Судя по инвентарю, исследованные могилы содержали захоронения рядовых фанагорийцев. В его состав входили: канфар (Рис. 1. 2), близкий типу 23 Афинской агоры (Rotroff. 1997. P. 84. Fig. 5, 23), флаконы (Рис. 1. 3) типа А (Anderson-Stojanović. 1987. P. 108. Fig. 1a), кувшины (Рис. 1. 4), пелики (Рис. 1. 9), леканы (Рис. 1. 10) и солонки (Рис. 1. 11) местного производства. Отметим находку львиноголовых сережек в раннеэллинистическом погребении 23 (Рис. 1. 5) и бронзового зеркала, края которого загнуты на обратную сторону, из погребения 19 (Рис. 1. 8).

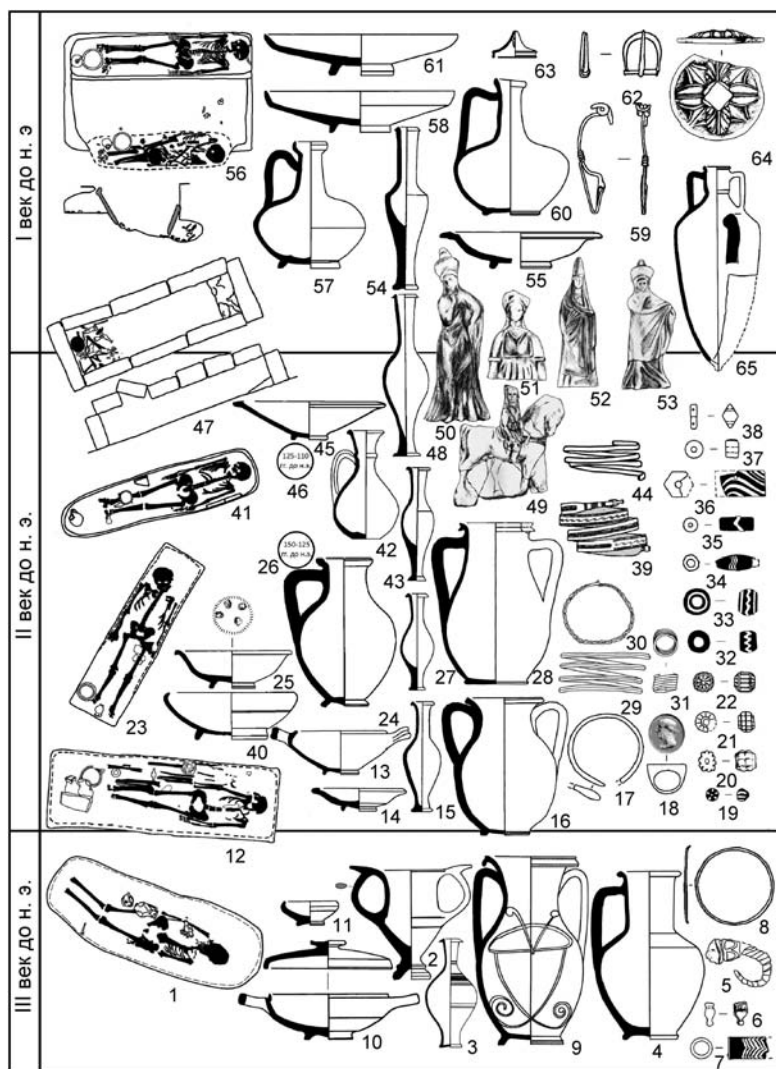

Рис. 1. Хронологическая таблица погребений Восточного некрополя Фанагории эллинистической эпохи

Погребения времени расцвета эллинизма (Рис. 1. 12–43). Больше всего в Восточном некрополе открыто погребений II в. до н.э. (Погр. 8, 15, 49, 56, 60, 62, 69, 74, 109, 110, 113). Основными погребальными сооружениями по-прежнему служили грунтовые могилы, в одном случае с закладом из сырцового кирпича и вторично

использованной плиты надгробия (Погр. 113), хотя ранее в этом регионе встречались погребения в каменных ящиках, в черепичных гробницах и склепах (Сударев. 2010. С. 431. Рис. 7). За исключением широкой могилы для парного погребения 74 (Рис. 1. 12), одиночные захоронения совершены в обычных узких ямах (Рис. 1. 23, 41). Лишь однажды в погребении встречено надгробие (Погр. 62) в виде плоской известняковой плиты, в верхней части которой красной краской нанесена П-образная полоса.

Среди погребений второй хронологической группы абсолютно преобладали женские – их в четыре раза больше, чем мужских. По размерам могилы лишь ограбленное погребение 61 можно квалифицировать как детское. Способ захоронения по-прежнему представлен только ингумацией. Преобладавшее положение погребённых – вытянуто, на спине, с руками вдоль туловища и прямыми ногами. Примерно у половины руки свободно раскинуты в стороны, иногда чуть согнуты в локтях. По ориентации умерших в некрополе сохраняются традиции предшествующего времени. Головой в восточную половину круга лежало 7 погребённых (строго на В всего один), остальные с отклонениями к С или к Ю. Вторую группу составляли захоронения, имевшие южную ориентацию с отклонениями к ЮЗ и ЮВ (6 случаев). Поэтому нельзя уверенно утверждать, что в эллинистическую эпоху абсолютно преобладала восточная ориентировка.

В погребениях этой группы обильно представлен набор посуды местного производства: пелики (Рис. 1. 16, 28), леканы (Рис. 1. 13), тарелки (Рис. 1. 14), кувшины (Рис. 1. 24). Женские захоронения сопровождали чернолаковые чашки аттического производства (Рис. 1. 40), датируемые 225–175 гг. до н.э. (Rotroff. 1997. P. 159), и классические веретенообразные унгентарии (Рис. 1. 15, 27) типа В (Anderson-Stojanović. 1987. P. 109. Fig. 1b). В женских захоронениях встречаются бронзовые многовитковые браслеты (Рис. 1. 29, 39), железные кольца и бронзовые перстни (Рис. 1. 31), в том числе птолемеевского типа (Рис. 1. 18). Большим разнообразием отличаются наборы бус из многоцветного стекла (Рис. 1. 19, 32–36), появляются украшения из египетского фаянса (Рис. 1. 20–22), чаще встречаются стеклянные бусы с металлической прокладкой. Получает распространение обычай оставлять «обол Харона».

Погребения конца II – третьей четверти I в. до н.э. (Рис. 1. 44–65). Эта группа включает девять датированных комплексов: погр. 20 – в косской амфоре 70–50 гг. до н.э.; погр. 50 – по монете и набору керамики, погр. 63/2 – прямая стратиграфия с перекрывающим его захоронением 63/1 начала римской эпохи; погр. 64 – по унгентарию ногайчинского типа 2–3 четверти I в. до н.э.; погр. 69 – по пантикапейской монете 125–110 гг. до н.э.; погр. 83 по подвеске из двух мелких пантикапейских монет и набору бус I в. до н.э.;

погр. 96/1 – по среднелатенской фибуле не ранее середины I в. до н.э.; погр. 96/2 – по подковообразной пряжке не ранее последних десятилетий I в. до н.э.; погр. 98 – по унгентарию и набору терракот от конца II в. до 25 г. до н.э.

Среди позднеэллинистических погребений преобладали не женские (2), а мужские (5). По-прежнему преобладает труположение в простых грунтовых могилах (Рис. 1. 41). Но в это время появляются и каменные ящики (Рис. 1. 47), и подбои с черепичным закладом (Рис. 1. 56), и детские захоронения в амфоре (Рис. 1. 65). Считается, что подбойные погребения получают распространение в боспорских некрополях в IV–III вв. до н.э. (Сударев. 2010. С. 436). Но в раскопах 2005–2007 гг. ни одного раннего подбоя открыто не было. Особый интерес представляет двойной подбой с закладами из черепиц: погребение 96/1 (южное) датирует фибулу «каратабинского» варианта, середины I в. до н.э. – рубежа н.э. (Рис. 1. 59); погребение 96/2 (северное) совершено ближе к концу I в. до н.э., на что указывает подковообразная бронзовая пряжка (Рис. 1. 62). Кажется, этот комплекс обозначает важный хронологический рубеж в культурной истории Фанагории: финал эллинистической эпохи и наступление времени римского влияния. Разнообразие типов погребальных сооружений Восточного некрополя дополняет детское захоронение в косской амфоре (Рис. 1. 65). Аналогичные амфоры с о. Делос и кораблекрушения у о. Антикифера датируются 70–50 годами до н.э. (Empereur, Hesnard. 1987. P. 62. Pl. 4. № 20).

Как и ранее, усопших хоронили на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища и прямыми ногами. Ни в одном из исследованных эллинистических погребений не отмечен варварский обычай скрещивать в голених ноги или помещать одну из рук на нижнюю часть живота, о чем иногда пишут исследователи. В это время преобладает тенденция хоронить погребенных головой в восточную половину круга (на В – 3, на ВСВ – 4, на ЮЮВ – 1).

По-прежнему в погребения ставят пелики и леканы, кувшины (Рис. 1. 42, 57, 60) и тарелки (Рис. 1. 45, 58, 61) местного производства, веретенообразные унгентарии (Рис. 1. 48), появляются поздние флаконы с выделенными плечиками (Рис. 1. 54). Набор украшений включает железные кольца, многовитковые бронзовые браслеты (Рис. 1. 44), бусы из стекла с металлической прокладкой и многоцветные, из сердолика, халцедона, горного хрусталя. В составе инвентаря погребения 98 присутствуют терракоты (Рис. 1. 50–53). В целом, по материалам некрополя фанагорийское общество эллинистической эпохи в этнокультурном отношении выглядит весьма гомогенно. Это был некрополь греческого населения, имевший свою локальную специфику.

В заключение следует остановиться на вопросе о финале эллинистической эпохи в культурной истории Фанагории. В научной литературе начало новой римской эпохи на Боспоре обычно ведут сразу после завершения митридатовой эпопеи. Не отрицая значимости последней для истории Боспора, заметим, что по материальной культуре пучок важнейших инноваций, знаменующих наступление новой эры в истории Фанагории, начинает явственно ощущаться лишь спустя 2–3 поколения после гибели Митридата – не раньше правления Аспурга. Кажется, только с этого времени правомерно говорить о наступлении «римской эпохи» в культуре населения Фанагории. И, наоборот, практически никаких сколь-нибудь заметных перемен в культуре и обрядности фанагорийцев не ощущается ни в середине, ни даже во второй половине I в. до н.э., когда в некрополе сохраняются практически все традиции, характерные для эллинизма. Поэтому вряд ли оправдано широко распространенное в археологии Боспора объединение в одну хронологическую группу погребений I в. до н.э. – I-й пол. II в. н.э. Если полвека назад такая периодизация имела право на существование, то сейчас она представляется анахронизмом, так как в рамки указанного периода попадают и позднеэллинистические комплексы, и захоронения раннеримской эпохи.

Литература

- О. М. Ворошилова.* Некрополь Фанагории в I в. до н.э. – V в. н.э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2012.
- Е. Г. Застрожная.* История археологического изучения Фанагории (конец XVIII – 1940 г.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2013.
- М. М. Кобылина.* Фанагория // Фанагория. М., 1956. – (МИА. № 57).
- В. Д. Кузнецов.* Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. I.
- А. П. Медведев.* Восточное предместье Фанагории // Археология и история Слободской Украины. Харьков, 2012.
- Н. И. Сударев.* Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. II.
- И. В. Тункина.* История изучения // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. I.
- V. R. Anderson-Stojanović.* The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // *AJA*. 1987. Vol. 91.
- J.-Y. Empereur, A. Hesnard.* Les amphores hellénistiques // *Ceramiques hellénistiques et romaines*. Besançon, 1987. II.
- S. I. Rotroff.* The Athenian Agora. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, 1997. Vol. 29.

О. М. Ворошилова

Каменный склеп из раскопок некрополя Фанагории в 2011 г.

В некрополе Фанагории первых веков каменные погребальные сооружения встречаются нечасто. Это обстоятельство связано, прежде всего, с большим дефицитом камня на данной территории. Большинство каменных гробниц, открытых на некрополе, почти полностью разрушены не только и даже не столько грабителями, а в результате «демонтажа» стен склепов сборщиками строительного камня (эта традиция до сих пор существует у местных жителей, собирающих каменные плиты у береговых обрывов, в оползнях и на пашне), которые полностью разбирали известняковые конструкции для своих хозяйственных нужд (Ворошилова, Ворошилов. 2013. С. 114). Ярким примером такого разрушения является находка остатков каменного склепа, исследованного в 2011 г. на восточном некрополе Фанагории.

Погребение обнаружено в центральной части раскопа. На уровне 0,97 м от современной поверхности было зафиксировано пятно камки размером 0,80×0,80 м, рядом с которым, к югу находились остатки трех известняковых блоков (Рис. 1). Они лежали на одной оси и были ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. Центральный блок имел размеры 0,70×0,30×0,30 м. Вплотную к нему с торцевых сторон примыкали еще два блока размером 0,30×0,30×0,30 м. К северо-востоку от них было зафиксировано пятно прямоугольной формы размером 2,80×2,30 м. В ходе выборки пятна были обнаружены фрагменты костей двух детей в возрасте 1,5–2,5 лет и 8–9 лет, а также остатки скелетов двух мужчин 30–39 и 40–49 лет и одной женщины 25–34 лет⁵⁵. Здесь же найдены кремнированные кости третьего мужчины 20–29 лет. После расчистки пятна был обнаружен котлован, на дне которого находились отпечатки от 10 больших каменных блоков, размером 0,70×0,30 м и 2-х маленьких размером 0,25×0,30 м. Судя по отпечаткам, большие блоки располагались по три с юго-восточной, южной, северо-западной сторон и один с западной стороны (Рис. 1). Два меньших блока находились с западной стороны, примыкая к трём сохранившимся блокам. Открытое погребальное сооружение представляет собой остатки каменного склепа, ориентированного по линии юго-запад – северо-восток и имеющего размеры 3,00×2,05 м. Склеп был ограблен с древности (возможно, не один раз) через северо-западный угол, где зафиксиро-

⁵⁵ Антропологические определения выполнены д.и.н. М. В. Добровольской.

ваны остатки камки с человеческими костями, которые, очевидно, были выброшены грабителями. Вероятно, впоследствии известняковые блоки стен склепа были разобраны. Сохранились только остатки каменного заклада. Вход в склеп был смещён к юго-западу и имел ширину 0,60 м. Следы дромоса не обнаружены. На дне камеры склепа на глубине 1,30 м от современной поверхности найден стеклянный бальзамарий типа VI по Н. З. Куниной, Н. П. Сорокиной (Кунина, Сорокина. 1972. С. 168–169), подобная форма сосудов получила распространение во 2-й половине I в. н.э. (Рис. 2. 1). В 0,80 м к юго-востоку от каменного заклада, у юго-восточной стены склепа обнаружена яма овальной в плане формы. Её длина составляла 1,30 м, ширина – 0,40 м, глубина – 0,38 м. В заполнении ямы найдены: два стеклянных бальзамария: один упомянутого выше типа VI по Н. З. Куниной, Н. П. Сорокиной (Рис. 2. 2), второй бальзамарий во фрагментах, определить его тип не удалось; фрагмент стеклянного кувшина (Рис. 2. 3).

Бронзовый перстень со щитком, оформленным спиралью (Рис. 2. 4). Подобные экземпляры известны в комплексах 2-й половины I – начала II в. н.э. (Корпусова. 1983. Табл. IV, 21).

Золотая круглопроволочная серьга с замочком в виде петли и крючка, с обмоткой из проволоки у основания петельки (Рис. 2. 5). Аналогичные по форме серьги встречены в погребальных комплексах 2-й половины I – начала II вв. н.э. некрополя «Золотое» (Корпусова. 1983. Табл. IV. 18, 19), в захоронении II в. н.э. некрополя Тагнаиса (Арсеньева. 1977. Табл. XXXI. 5).

Гешировые и сердоликовые бусы (Рис. 2. 6), вставка в перстень голубого стекла (Рис. 2. 7).

Железный нож (Рис. 2. 8) и два фрагмента ножей.

Фрагментированная бронзовая фибула (Рис. 2. 9), которая относится, вероятно, к дужковым фибулам с двумя иглами, характерным для 2-й половины I – начала II в. н.э. (Кропотов. 2010. С. 165–166).

Фрагменты бронзовых предметов неясного назначения (Рис. 2. 10–12); фрагмент бронзового зеркала (Рис. 2. 13); бронзовый гвоздь (Рис. 2. 14); пантикапейская бронзовая монета 200–120 гг. до н.э.⁵⁶

Краснолаковая чаша формы 30 по Д. В. Журавлёву (Рис. 2. 15). Эта форма получает широкое распространение во II в. н.э., но некоторые экземпляры датируются 2-й половиной I – началом II в. н.э. (Журавлёв. 2010. С. 61).

⁵⁶ Нумизматический материал определен д.и.н. М.Г. Абрамзоном.

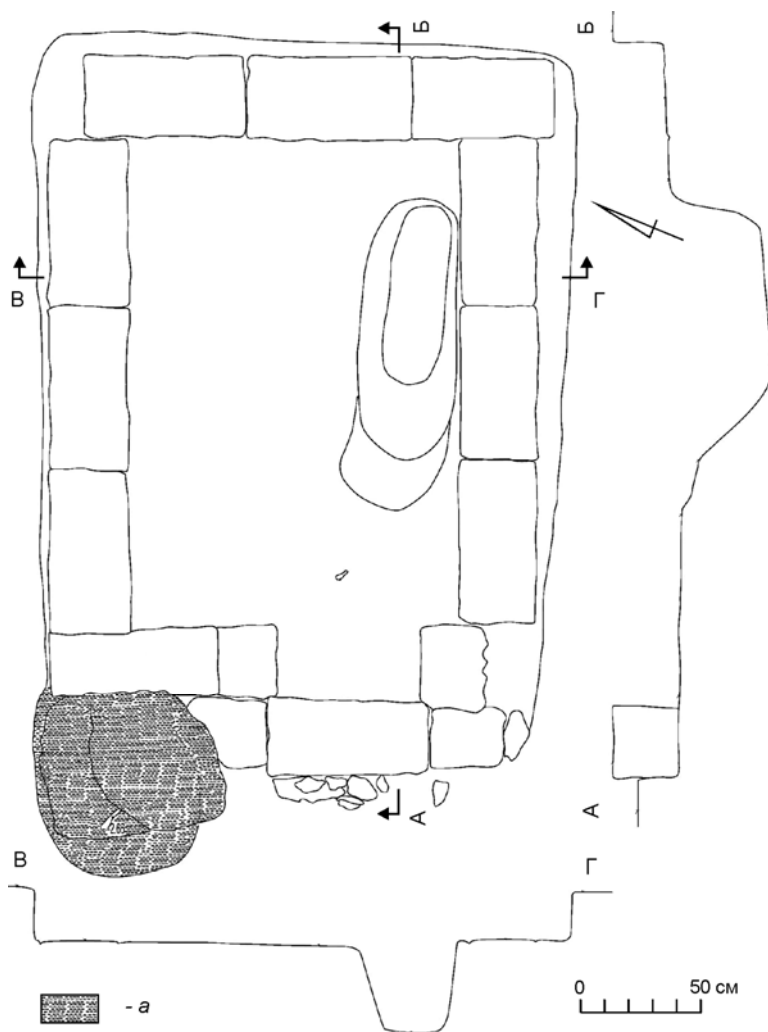

Рис. 1. Каменный склеп. План и разрезы

Фрагмент краснолаковой миски, которая, вероятно, принадлежит форме 12 по Д. В. Журавлёву. Похожие сосуды датируются в пределах 2-й половины I в. (Журавлёв. 2010. С. 53).

Фрагмент терракоты.

По инвентарю захоронение датируется 2-й половиной I – началом II в. н.э. Важно отметить, что склеп является основным погребальным комплексом кургана, воздвигнутого в римскую эпоху. Несмотря на то что на современной дневной поверхности не было зафиксировано никаких признаков курганной насыпи, планиграфические наблюдения позволяют говорить об остатках кургана на исследованном участке древнего кладбища. В пользу данного тезиса свидетельствует тот факт, что вокруг каменного склепа, камерами к нему, располагались пять земляных склепов I–V вв. н.э., образуя своего рода архитектурный ансамбль (Ворошилова, Ворошилов. 2013. С. 112). Выдвинутую гипотезу подтверждают раскопки курганов с хорошо сохранившейся насыпью, где земляные усыпальницы ориентированы по тому же принципу (Кузнецов. 1998. Рис. 86).

Необходимо отметить, что кроме вышеописанного захоронения, к каменным склепам римского времени относятся еще три погребальных сооружения, открытые в некрополе Фанагории. Два из них были обнаружены на восточном некрополе (Долгоруков. 1975. С. 16–19; Медведев. 2009. Рис. 4, 2; Ворошилова, Ворошилов. 2013. С. 114) и один на западном (Кобылина. 1972. С. 34–37). Примечательно, что все они имеют ряд общих признаков: сопоставимые размерные характеристики, идентичная ориентировка сооружения, вход в западной стене, наличие каменных остатков конструкции, погребальный инвентарь римской эпохи и др. Склеп, обнаруженный на западном некрополе, располагался в центре курганной насыпи (Кобылина. 1972. С. 34–37). Вероятно, две другие усыпальницы так же относятся к подкурганым гробницам (Медведев. 2009. Рис. 4, 2; Долгоруков. 1975. С. 16–19).

Таким образом, каменные гробницы и земляные склепы, сгруппированные вокруг них, представляют собой остатки древних курганов, насыпи которых не сохранились до наших дней. находка вышеописанного каменного склепа не только пополнила количество подобных погребальных сооружений римской эпохи, но и позволила по-новому взглянуть на планиграфию некрополя Фанагории.

Литература

- Т. М. Арсеньева.* Некрополь Танаиса. М., 1977.
- О. М. Ворошилова, А. Н. Ворошилов.* Об организации пространства некрополя Фанагории // Боспорские чтения. 2013. Вып. XIV.
- В. С. Долгоруков.* Отчёт о раскопках Фанагории в 1974 г. // Архив ИА РАН. 1975. Р-1. № 5712.
- Д. В. Журавлёв.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. Симферополь, 2010.
- М. М. Кобылина.* Отчёт о раскопках Фанагории в 1972 г. // Архив ИА РАН. 1972. Р-1. № 4805.

- Н. В. Корпусова.* Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев, 1983.
- В. В. Кропотов.* Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.
- В. Д. Кузнецов.* Отчёт о работе Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН за 1998 г. // Архив ИА РАН. 1998. Р-1. № 21157.
- Н. З. Кунина, Н. П. Сорокина.* Стекланные бальзамарии Боспора // Труды государственного Эрмитажа. 1972. Вып. 13.
- А. П. Медведев.* Новые материалы по истории и культуре античной Фанагории (из раскопок Восточного некрополя в 2005–2007 гг.) // Норция VI. Воронеж, 2009.

А. А. Супренков

**Особенности формирования сакрального пространства
на укреплённых сельских поселениях Восточного Крыма
эпохи позднего эллинизма
(на примере городища Золотое Восточное)**

В течение полевых сезонов 2010–2012 гг. отрядом ВКАЭ под руководством автора проводились раскопки на городище Золотое Восточное, расположенном к востоку от села Золотое Ленинского района АР Крым. Ранее (с 1989 по 1992 г.) оно исследовалось А. А. Масленниковым, а до этого в начале 1950-х гг. работы на нём вела И. Т. Кругликова.

Общая площадь исследований в северо-восточной части городища в последние годы составила 800 м². Данный участок занимает соответствующий край плато на вершине большого прибрежного холма, находящийся несколько ниже, чем остальная территория городища. Первый же год раскопок выявил здесь строительные остатки, относящиеся к нескольким периодам.

К первому принадлежала прослеженная на протяжении 4,5 м внешняя стена поселения (№ 3, восточный панцирь) толщиной около 1,2 м, ориентированная с севера на юг (Рис.1. 1, 2). Она сохранилась в высоту до 0,4 м, и её основание лежало на материковом предскальном слое плотной супеси. Тогда же, на участке к востоку от стены сформировался культурный слой серой золистой супеси с фрагментами керамики.

Во втором строительном периоде эта стена была существенно утолщена до 3,3 м за счёт сооружения второго, западного панциря и забутовки. К её северному краю впритык пристроена весьма солидная для сельских поселений Восточного Крыма стена № 1, длиной в 16 м, толщиной 2,5 м и сохранившаяся в высоту до 1,5 м. Она была ориентирована по линии: запад–восток и сложена из крупных и

средних местами слегка подработанных, при этом достаточно тщательно подобранных камней в технике двурядной, трёхслойной, постелистой кладки. На верхних рядах её кое-где лежали очень большие грубо обколотые плиты местного известняка, одна из которых (1,2 × 1,2 × 0,4 м) точно оформляла один из углов. Верхний край этой плиты был почти горизонтальным, что наводит на мысль, что она являлась верхнем камнем стены изначально, хотя такое соотношение ширины и высоты нетипично для греческих стен, если они оборонительные. Начинаясь на востоке, эта стена через 1,2 м прерывалась проходом шириной 1,9 м, в южной части вымощенным плитами. Возможно, тут имелся двухуровневый порог, возвышавшийся на 0,3–0,4 м по отношению к основанию стены. Затем, трасса стены продолжалась ещё на протяжении трёх метров, после чего к её юго-западному углу в том же направлении был пристроен 4,5 метровый участок другой стены (№ 2) толщиной 2,7 м, сохранившейся в высоту до 1,6 м. Таким образом, направление стены № 1 как бы смещалось к югу на 2 м. Вероятно, по изначальному замыслу, эта стена могла поворачивать к северу, где были прослежены остатки её соответствующего трёхметрового участка (№ 4). Однако основание стены попало на яму первого строительного периода и подверглось сильной деформации. Тогда с помощью ещё одной стены (№ 5), всю эту систему укреплений пристроили на восток к северному фасу основной стены на её участке к западу от «порога». Образовавшееся внутреннее пространство было плотно забутовано средними и крупными камнями.

Мощность данной системы стен как будто бы свидетельствует об их оборонительном назначении, что первоначально и предполагалось нами. Далее, в третьем строительном периоде, к юго-западу от данной системы стен сформировался холм зольно-мусорных отложений, который впоследствии заполнил пространство к югу от стен, своеобразно законсервировав их. Какая-то жизнедеятельность имела место на поселении и позднее, что подтверждалось конусовидной хозяйственной ямой, выявленной в южном борту раскопа и прорезавшей напластования упомянутого «зольника».

В 2011 г. раскопки продолжались к северу, югу и западу от описанной площади. Работы на северном участке не выявили практически никаких строительных остатков, кроме двух «отрезков» (до 4 м длиной) маловыразительной стены (№ 7), сориентированной с запад на восток. Она шла как бы параллельно большой стене № 1, к северу от неё. Её ширина не превышала 0,9 м, а в высоту она сохранилось до двух рядов кладки. Скорее всего, она выполняла некую техническую функцию. Исследования здесь показали, что описанный проход в большой стене не являлся собственно входом в какую-

либо замкнутую конструкцию (башню). И это поставило под сомнение оборонительной характер системы больших стен.

Работы в том же сезоне на западе выявили несколько хозяйственных ям первого строительного периода, выкопанных в материке. Они имели круглые горловины с диаметром от 1,1 до 0,8 м, трапециевидную в разрезе форму и расширялись книзу. При этом в некоторых случаях рядом с более глубокой ямой (до 1 м) находилась меньшая (0,3–0,4 м), а горловины глубоких ям прорезали горловины мелких. Такое расположение ям встречается и на других сельских поселениях данного периода в этом регионе. Находки из них были малочисленны и малопримечательны. Работы на южном участке также не выявили каких-либо значительных построек. Зато примерно напротив прохода в большой стене находилась горловина большой овальной ямы, вырытой в материке, а в западной части этого же участка раскопана небольшая стена, стоявшая на слоях зольника и относившаяся уже к позднему хронологическому периоду. Любопытно, что здесь не прослежено продолжения к югу стены № 3. Она, повернув на восток, внезапно оборвалась.

Весьма интересных результатов удалось достичь в ходе работ в 2012 г. Исследования на раскопе продолжились к востоку, югу и западу. На восточном участке был зачищен склон плато, где выявлены следы отпиливания скальных плит, из которых, вероятно, и были сооружены внешние мощные стены. Также здесь была зафиксирована небольшая трёхступенчатая лестница, расположенная примерно напротив поворота стены № 3 к востоку. Это может говорить о том, что вход на этот участок городища находился здесь и функциональное назначение выше упоминавшегося «парадного» прохода с порогом в стене № 1 ставится, таким образом, ещё раз под сомнение.

На южном участке было частично исследовано большое помещение, длина которого составляла не менее 12 м, а ширина не менее 5 м. Оно ограничивалось довольно обычными для сельских поселений стенами шириной до 0,6 м с иррегулярной кладкой из необработанных камней. В высоту они сохранились на 2–3 ряда. Постройка явно была нежилой, какой-либо явный пол отсутствовал, хотя им мог служить «горизонт» материкового песка, понижавшийся к северу. Северные стены этого помещения были разделены широким (около 5 м) проходом, внутри которого выявлена большая продолговатая яма, весьма схожая по форме с вышеописанной. Обе эти ямы располагались напротив друг друга, на расстоянии около 5 м одна от другой и имели примерно одинаковые размеры: длину с запада на восток 4,7 м, ширину с севера на юг 1,6 м. При этом обе они были неглубокие (до 0,4 м). Функциональное назначение этих ям трудно объяснимо. Но необходимо отметить, что к первой яме с юго-востока примыкал сток – канавка в материке длиной 1,8 м, шириной

0,7 м у основания и 1,2 м в устье. Поверхность этого стока была покрыта спрессованной серой супесью. Очевидно, что данная яма не могла служить для сбора воды. Заполнение же ям было довольно обычным – серая супесь с обломками амфор, посуды и костями животных. Следует отметить и то, что они располагались примерно напротив «прохода с порогом» в стене № 1, причём по линии север–юг. И внутри помещения № 2 и снаружи, в материке также выявлены следы нескольких небольших (диаметром до 0,4 м) костровых (?) ямок. Но какая-либо закономерность в их расположении отсутствовала, а их горловины порой перекрывали одна другую.

Напротив прохода, внутри помещения № 2 в нижнем горизонте, была найдена терракотовая статуэтка богини на троне в высоком головном уборе (Кибелы), а рядом – обломок ещё одной терракотовой статуэтки.

Создаётся впечатление, что помещение № 2, а также все ямы внутри и возле него, были как-то связаны как между собой и со стенами № 1–5, хотя ориентация последних немного различается. О возможном сакральном назначении этих построек говорят как находки терракот, так и сама их необычность.

Наиболее же «странные» постройки были раскопаны и исследованы на западном участке. Это частично открытое прямоугольное, вытянутое в длину помещение № 1, состоявшее из двух частей, расположенных на разной высоте. Верхняя, юго-восточная (2,8 × 2,1–2,4 м) была образована стенами из крупных, грубо обработанных камней, поставленных на ребро. При этом один из них имел сложные «очертания» и явно имел декоративную функцию. Нижняя же часть этого помещения, более протяжённая (исследована не полностью, часть уходит в борт раскопа) образована уже обычными стенами в технике двурядной двухслойной кладки из средних и мелких необработанных камней. Ширина её составляла 0,6 м. Две части помещения были соединены между собой канавкой, которая вела с востока на запад от восточной его стены, затем поворачивала на север и «впадала» в яму сложной формы (исследована не полностью). Похожая канавка подходила с востока к восточной стене помещения снаружи, но при этом они не соединялись.

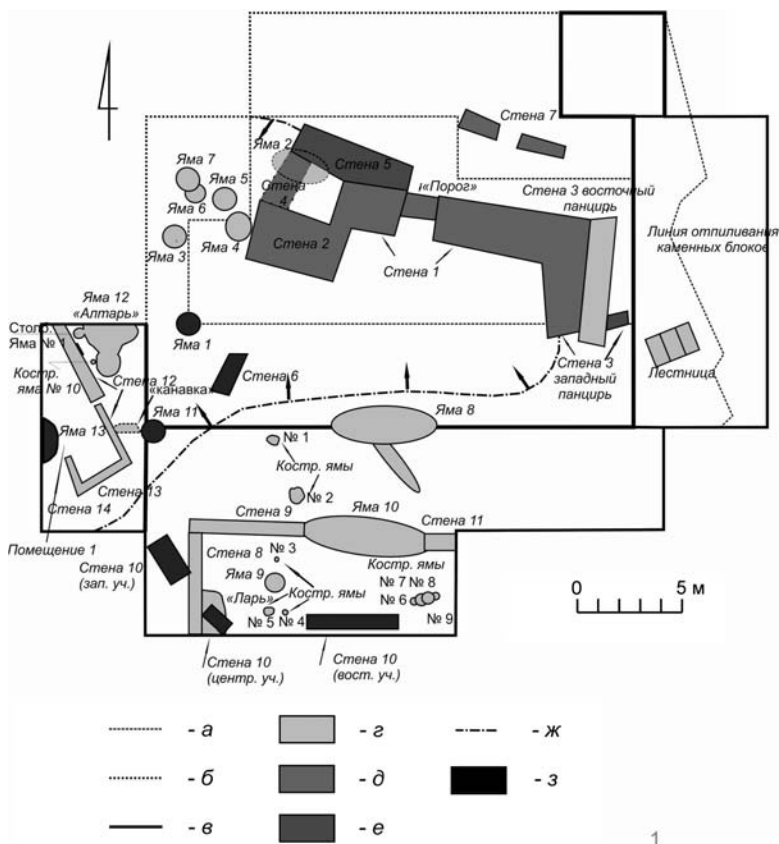

Рис. 1. Городище Золотое Восточное: 1 – раскоп Восточный, план-схема строительных остатков (а–в – границы раскопов: а – 2010 г.; б – 2011 г.; в – 2012 г.; з–з – постройки: з – строительный период I; д – строительный период II; е – строительный период II а; ж – границы распространения слоев золы (строительный период III); з – строительный период IV); 2 – вид с юго-запада

Наконец, здесь, к востоку от северного участка восточной стены помещения, была выявлена и обследована конструкция, названная условно «алтарём». Он состоял из довольно большой ямы, горловина которого имела форму равностороннего треугольника со стороной 2,6 м. Она была выкопана «вокруг» некоего пространства над материковым слоем, где были расчищены следы продолжительного горения (очага?). При этом очаг (?) оказывался внутри треугольника, как бы посередине её западной стороны. Глубина ямы составила около 1 м. Она была заполнена тёмно-серой супесью с угольками, фрагментами печины, раковинами мидий, неизвестковой керамикой и костями животных.

К западу от всей этой конструкции в материке были вырыты две небольшие ямки, одна из которых была, вероятно, костровой, другая столбовой. И наконец, к западу от очага, рядом с ним, ко внешнему фасу стены № 12 (её южной части) был прислонён крупный камень с обожжённой внешней поверхностью.

Судя по всему, вышеописанные объекты (помещение № 1 и «алтарь», состоявший из очага, большой ямы, двух маленьких ямок и плоского камня) связаны между собой, но однозначной интерпретации они пока не поддаются. Складывается впечатление, что постройки, расположенные в этой части поселения, в значительной степени были связаны с некоей культово-сакральной практикой обитателей городища, а так называемые «большие стены» одновременно могли выполнять и оборонительные функции. Это своеобразное «святилище» было устроено на месте хозяйственного двора первого периода, а затем перекрыто «зольником».

Что же касается находок, то их характер говорит о весьма скромном достатке жителей поселения. В основном преобладает амфорный бой. Центры представлены главным образом Синопой и Родосом. Немногочисленны обломки красноглиняной столовой посуды, единичны – чернолаковой. Встречаются фрагменты мегарских чаш. Зато много лепной посуды, в том числе и со следами ремонта. Нумизматические находки крайне редки, но коллекция синопских и родосских клейм за три года раскопок составила более семидесяти экземпляров. По определению Н. Ф. Федосеева, их датировка: первая четверть III – конец II в. до н.э.

В. А. Хриановский

Сакральная топография Илуратского плато

Середину Керченского полуострова – от Чурбашской балки и Чурбашского озера на севере до соленого Тобечикского озера на юге – занимает довольно большая (шириной около 10 км) безымянная возвышенность с несколькими грядами холмов, высота которых достигает 50–120 м над уровнем моря (по балтийской системе). От Керченского пролива она тянется на запад и через 10–15 км понижается, круто обрываясь к солёным озёрам или руслам пересохших рек, затем плавно, пологими склонами спускаясь на степную равнину с отдельными, достаточными высокими известняковыми грядами.

Чурбашская балка – граница этой возвышенности на севере, судя по всему, была руслом древней полноводной реки (сейчас это небольшая, время от времени пересыхающая речка-ручeyк с искусственными запрудами и ставками), протекавшей с запада на восток и впадавшей в Керченский пролив. Огибая северо-западную оконечность возвышенности – небольшое плато, вытянутое с юга на север (1 x 0,3–0,4 км), высотой до 70 м – река делала петлю на север, а затем устремлялась дальше к востоку. В пойме реки, на левом низком берегу сейчас находится село Ивановка. Высокий и крутой правый берег превращал западный и северный склоны известнякового плато в хорошо укрепленное место (Рис. 1). На востоке и юго-востоке его естественной границей является балка протяженностью около 1 км. Верховье её лежит между двумя возвышенностями в южной и юго-западной части плато. К северо-северо-востоку она плавно понижается и расширяется до пересечения с руслом древней реки (нынешней Чурбашской балкой). Перепад её высоты – около 30 м.

Такое удобное и сравнительно безопасное место не могло остаться незамеченным. Есть предположение, основанное на имевшемся в 50-е г. XX в. материале, что уже в эллинистическое время, здесь какая-то жизнь существовала (Гайдукевич. 1958. С. 17). А в 30–50-х гг. I в. н.э. в этом месте – на западной границе Боспорского царства – был основан город-крепость, отождествленный В. Ф. Гайдукевичем с упоминавшимся у Птолемея (Ptol., 6, 5) Илуратом (Гайдукевич. 1950. С. 203–204; Гайдукевич. 1958. С. 14), что подтверждается и современными исследователями (Зубарев. 1998. С. 63–67).

Рис. 1. Илуратское плато. Вид с севера

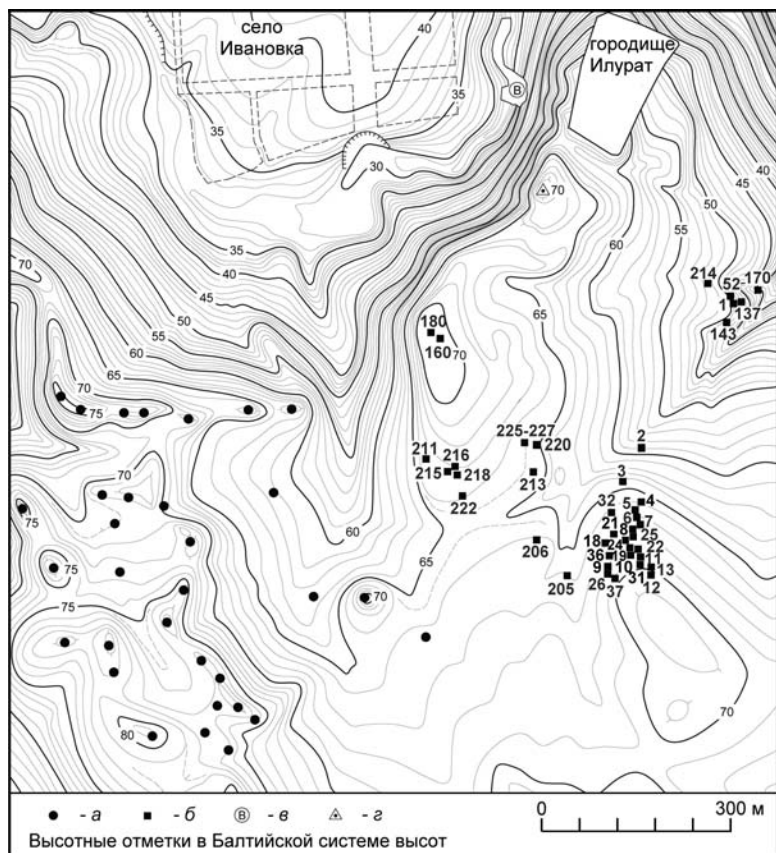

Рис. 2. Илуратское плато. Топографический план (а – курган; б – склеп или иное погребальное сооружение; в – водоем; г – триангопункт)

Первооткрыватель Илурата – Поль Дюбрюкс – считавший его акрополем или укрепленным замком («дворцом царей Босфорских») на планах примыкающей к нему с юга территории 1827–28 гг. отметил в одной версте от цитадели «поле мёртвых» с «гротами» – катакомбный скальный могильник, никак не связывая их между собой (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 80–81, 310; Т. II. Рис. 510). По итогам разведок конца 30-х гг – 40-х гг. XX вв. В. Ф. Гайдукевич упоминает второй – грунтовой – некрополь на территории села Ивановка (получивший название «нижний некрополь»), который, по его мнению, и принадлежал собственно Илурату (Гайдукевич. 1950. С. 189; 1958. С. 138–139). В 1947 г. М. М. Кубланов, возглавлявший отряд ЛГПИ

им. Герцена в составе Боспорской археологической экспедиции, исследовал один из «гrotтов» Дюбрюкса (катакомба № 5) и открыл на плато, в 300 м к востоку от южной крепостной башни Илурата склеп № 1 – новый северный участок некрополя Илурата (Кубланов. 1948. С. 47–53; Гайдукевич. 1950. С. 203–204; Гайдукевич. 1958. С. 138). В отличие от В. Ф. Гайдукевича, который катакомбный могильник к илуратским не причислял (Гайдукевич. 1958. С. 139–140), М. М. Кубланов считал, что все погребально-поминальные комплексы на вершине плато («верхний некрополь») принадлежат обитателям Илурата, даже притом, что они могут относиться к разным этнокультурным традициям (Кубланов. 1983. С. 101; 125–128). А грунтовой «нижний некрополь», на котором практически стоит с. Ивановка (по предварительным данным площадью не менее 5 га), по его мнению, мог принадлежать «ещё не открытым селениям» (Кубланов. 1983. С. 101. Прим. 10).

Однако, не сомневаясь в том, что исследуемый им «верхний некрополь» относится к близлежащему городу-крепости, М. М. Кубланов уже на основании первых пяти полевых сезонов (1968–1970, 1972) отмечал необъяснимое для Илурата как города-крепости с однородным обществом военных поселенцев разнообразие погребальных сооружений (Кубланов. 1973. С. 22. Кубланов. 1983. С. 127–128). Здесь, помимо рядовых грунтовых, вырубных и плитовых могил были открыты и исследованы вырубленные в скальном массиве склепы-катакомбы с пещеровидными камерами, вырубные склепы с искусственными (полуциркульными?) сводами, склепы с полуциркульными сводами, сложенные из блоков известняка, склеп с уступчатым сводом. Непонятным оставалось назначение и хронология нескольких круглых в плане сооружений, вырубленных в скальном массиве и надстроенных кольцевой кладкой.

Последние тридцать полевых сезонов (с 1984 по 2013 г.) выявили еще больший контраст между выявленной на сегодня городской застройкой и масштабом некоторых погребальных сооружений (особенно в юго-западной части некрополя) (Хршановский. 2012 а. С. 441–446). К уже известным типам погребальных сооружений прибавились грунтовые склепы (№ 143 и 170) (Хршановский. 2011. С. 374–380), склепы-катакомбы (№ 214–216, 218) (Хршановский. 2012 б. С. 531–543), намного превосходящие своими размерами большинство известных на некрополе погребальных сооружений такого типа, двухкамерная катакомба, сочетающая элементы склепа, сложенного из блоков известняка и вырубленного в скальном массиве (№ 37) (Кубланов, Хршановский. 1989. С. 31–35) и, наконец, три очень больших склепа, сложенных из блоков известняка и перекрытых полуциркульными сводами (№ 213, 220 и 225) (Хршановский. 2011. С. 386–405).

Экстраординарная величина и величественная архитектура некоторых погребальных сооружений из блоков известняка с полуциркульными сводами, непропорционально большое количество по сравнению с некрополями других боспорских городов (около четверти) склепов и склепов-катакомб, многообразие ритуальных комплексов и святилищ, хронологические рамки (самые ранние находки IV–III вв. до н.э., самые поздние комплексы XIII в.) не вписываются в контекст некрополя небольшого античного города-крепости и время его существования (30-е г. – середина I в. – 60–70 гг. III в.). Именно это обстоятельство, потребовало отказаться от принятого с 60-х годов названия «верхний некрополь», или просто «некрополь Илурата», и ввести для обозначения местонахождений открытых здесь памятников, новый историко-географический термин – «Илуратское плато», сохраняющий географическую привязку к ближайшему античному городу, без указания на однозначную историческую принадлежность ему.

Отказ от исключительно «илуратского» контекста открытых здесь археологических памятников одновременно ставит вопрос об их возможной принадлежности, причине их столь значительной концентрации в этом месте на протяжении почти полутора тысяч лет и, в конечном счёте, о статусе Илуратского плато.

В качестве одного из вариантов решения этой проблемы небезынтересно посмотреть на Илуратское плато не с севера – от города-крепости, а с юга, со стороны возвышенности, частью которой является плато. Здесь в непосредственной близости от южного и юго-западного некрополя на карте археологических памятников Керченского полуострова С. Л. Смекалова обозначены несколько групп курганов. Примерно в 1,5 км к юго-западу от известной на сегодня границы некрополей Илуратского плато – на Михайловской гряде – цепочка более чем из 20 курганов. Ещё ближе – на расстоянии 0,3–0,5 км – в 2013 г. топографической съёмкой Ю. Г. Кутимова и А. В. Реппо была выявлена группа из 23 курганов (Рис. 2). Курганы не исследовались, время их сооружения пока неизвестно. Трудно предположить, однако, что они принадлежат обитателям Илурата (или эллинистического «протоилурата»). Есть основания полагать, что часть погребальных сооружений, расположенных в южной и юго-западной части Илуратского плато первоначально также имели вид курганных. В одних случаях следы курганных насыпей над склепами-катакомбами фиксировались археологически (Кубланов. 1983. С. 101–103). В других – они реконструируются по известным архитектурно-строительным особенностям склепов с уступчатыми и полуциркульными сводами. Для первых земляная курганная насыпь является обязательной, для вторых – весьма вероятной (Савостина.

1984. С. 7, 10). Таким образом, на двух возвышенностях в южной и юго-западной части плато в илуратское время могло быть около 30 курганов, воздвигнутых над склепами с уступчатыми и полукруглыми сводами и вырубленными в скальном массиве склепами-катакомбами. Но в этом случае они, как и более удаленные от Илурата курганные группы, могут принадлежать кочевникам, а некоторые – наиболее крупные – представителям кочевнической (сарматской или сармато-аланской?) знати.

Возможно, ключ к решению этой проблемы в смысловой нагрузке кургана как сакрального объекта, в его семантике. Помимо того, что он является погребальным сооружением, предназначенным для перехода умершего в иной мир, это микрокосм, обеспечивающий связь с предками и одновременно маркирующий жизненное пространство номадов. Нельзя не учитывать то, что для человека, наделённого архаическим (мифопоэтическим) сознанием пространство было «принципиально отлично и от бесструктурного, бескачественного геометрического пространства, доступного лишь измерениям, и от реального пространства естествоиспытателя, совпадающего с физической средой, в которой наблюдаются соответствующие физические явления» (Топоров. 1983. С. 230). Оно не существует как некая абстракция, само по себе, вне заполняющих его вещей, наоборот – конструируется и конституируется ими. В числе таких творящих, «организующих» и «сакрализирующих» пространство объектов, помимо прочего (Топоров. 1983. С. 234), оказываются и некрополи в целом, и отдельные погребально-поминальные памятники, в частности – курганы. Это сотворённое ими пространство обрело свойство «текста» со своим значением и смыслом, понятным современникам и, с большей или меньшей точностью и полнотой, подчас неожиданно, реконструируемым потомками («наши павшие – как часовые» В. Высоцкий).

Если применить это к топографии Илуратского плато, где на севере находится боспорский город Илурат, а на юге – курганный могильник, предположительно принадлежавший кочевникам-номадам, то оно могло восприниматься в древности как сакрализованная демаркационная зона между представителями двух цивилизаций – античной городской и степной. Возможно, именно это качество «сакрального» места объясняет его популярность на протяжении последующего тысячелетия у многих побывавших здесь кочевых народов.

Если это предположение о «курганах-маркёрах» верно, неслучайными могут оказаться и зафиксированные на карте археологических памятников С. Л. Смекалова скопления курганов возле античных поселений на всей возвышенности между Чурбашской балкой – Чурбашским озером и Тюбечикским озером, частью которой является Илуратское плато, и курганная группа возле Нимфея и цепочка на гряде Джург-оба возле Китея. Территория Боспорского царства, в таком случае, предстает своеобразной «чересполосицей», с множеством внутренних демаркационных линий и сакральных зон, понятных его древним обитателям и учитываемых в их жизни.

Литература

- В. Ф. Гайдукевич.* Боспорский город Илурат // СА. 1950. XIII.
- В. Ф. Гайдукевич.* Илурат // Боспорские города. Работы Боспорской экспедиции. 1946-1953 гг. М., Л., 1958. – (МИА № 85).
- П. Дюбрьюкс.* Собрание сочинений. СПб., 2010. Т. I–II.
- В. Г. Зубарев.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998.
- М. М. Кубланов.* Итоги археологических изысканий в районе дер. Ивановка (Керченский полуостров) в 1947 году // Ученые записки Ленингр. Пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 68.
- М. М. Кубланов.* К вопросу об этно-культурной и социальной характеристике илуратцев (по материалам некрополя) // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Краткие тезисы докладов к научной конференции. Л., 1973.
- М. М. Кубланов.* Раскопки некрополя Илурата: Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Сб. научных трудов. Л., 1983.
- М. М. Кубланов, В. А. Хрищановский.* Некрополь Илурата: раскопки 1984–1988 годов // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях. Л., 1989.
- Е. А. Савостина.* Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация). Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1984.
- В. Н. Топоров.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- В. А. Хрищановский.* Склепы I – первой половины II в. н.э. на Илуратском плато // Древности Боспора. М., 2011. Т. 15.
- В. А. Хрищановский.* Боспорский город в зеркале некрополя: проблемы отражения (по материалам исследования городища Илурата и Илуратского плато // XIII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012 а.
- В. А. Хрищановский.* Склеп-катакомбы на Илуратском плато: типология, хронология, проблемы этнокультурной принадлежности // Древности Боспора. М., 2012 б. Т. 16.

А. В. Бонин

Укрепления римского времени на эллинистических памятниках хоры Боспора: общие черты и региональные отличия

Рассмотрим укрепления, которые расположены на территории поселений предыдущих эпох, существующих и в интересующий нас период, а именно на сельских поселениях эллинистическо-римского времени. Крепости, возведённые на уже существующих поселениях, отличаются как по площади, так и по планировке от построенных на «пустом месте». Ко вторым можно отнести так называемые «дома-башни», минимальные как по площади, так и по времени существования, возведённые, несомненно, в местах, имевших некое тактико-стратегическое значение, однако не имевшие, за редким исключением, слёв предшествующего времени. Иначе обстоит дело с укреплениями, возведёнными на уже существовавших в эллинистическое время поселениях, подчас весьма значительной площади. Самым выразительным примером таких фортификаций могут служить «батарейки» Фонталовского полуострова.

К объектам этого типа относят не менее десятка укреплений. Это Батарейки 1 и 2, Ильичёвская батарейка, Патрейская батарейка, Красноармейская батарейка, Каменная батарейка и крепость у пос. За Родину и другие памятники. Таманские «батарейки» являлись, как принято считать, крепостями на сельской территории, постройка которых проводилась по единому замыслу (Толстикова. 1989. С. 57; Сапрыкин. 2002. С. 178). В пользу этой теории, прежде всего, свидетельствует более-менее унифицированная схема планировки укреплений – четырехугольная в плане крепость с почти квадратными башнями по углам, а иногда и на сторонах прямоугольника. Жилые и хозяйственные помещения располагались внутри, вдоль оборонительных стен. В середине предположительно был двор. Площадь укреплений колеблется от 1500 до 10000 м².

Отметим, что все вышеперечисленные укрепления Фонталовского полуострова возводились на обширных неукрепленных поселениях, сравнимых по размерам с городскими центрами Боспора. Так, по сведениям Я. М. Паромова, крепость Батарейка 1 находится на поселении площадью около 84 га, возникшем в IV–III вв. до н.э. (Паромов. 1992. С. 132–138). Так же, по всей видимости, обстояло дело и с поселением Батарейка 2. К сожалению, большая часть поселения находится под современным поселком и точную его площадь определить невозможно, однако можно предположить, что она была

сравнима с поселением Батарейка 1. Датируется неукреплённое поселение Батарейка 2 временем с V в. до н.э. (Паромов. 1992. С. 123–127). Вдвое меньше площадь, занимаемая поселением Ильич-1, где находится Ильичевская батарея – 47 га. Поселение существовало с IV в. до н.э. (Паромов. 1992. С. 95–100). Площадь городища Патрей – около 160 га (Паромов. 1992. С. 171). Площадь поселения Береговой-3 (Каменная батарея) оценивается около 46,5 га, датировка – с IV в. до н.э. (Паромов. 1992. С. 184–188). Площадь поселения Красноармейский 1 (Красноармейская батарея) составляет около 80 га. Памятник существует с VI–V вв. до н.э. (Паромов. 1992. С. 146–154). Несомненно, к приведённым размерам поселений надо относить с известной долей осторожности (к тому же о характере застройки упомянутых памятников в интересующий нас период достоверно ничего не известно), но ясно одно – поселенческие памятники такой величины нигде больше на сельской территории Боспора не зафиксированы. Как и восточнее, так и западнее, укрепления римского времени и «прикрываемые» ими памятники имеют более скромные размеры.

Особняком в ряду крепостей Фонталовского полуострова стоит так называемая «Резиденция Хрисалиска», так как площадь поселения «За Родину 4» составляет всего 3 га (Паромов. 1992. С. 648). Этот памятник известен прежде всего тем, что на его территории располагался лучше всего исследованный культовый комплекс Азиатского Боспора эллинистического времени – Таманский толос. Однако нас интересует более позднее поселение – так называемый «дом Хрисалиска» (III строительный период памятника; датировка Н. И. Сокольского – вторая половина II в. – конец I в. до н.э.). Этот объект представляет собой возведённый на развалинах толоса прямоугольный в плане дом (20,38 x 17,5 м, 356,65 м²) разделённый внутренними перегородками на пять помещений. Тем не менее, заметим, что после разрушения «дома Хрисалиска», который все исследователи вслед за Н. И. Сокольским связывают с войной Полемона I против аспургиан, на городище была возведена крепость, которую можно причислить к «батареям». Это фортификационное сооружение функционировало вплоть до III в. н.э. (Сокольский. 1976. С. 7-55, 89–111).

Весьма схожим с «домом Хрисалиска» является укреплённое здание на Семибратнем городище, расположенном в 28 км к северо-востоку от г. Анапа, близ пос. Чекон. С V по II–I вв. до н.э. на этой территории существовало укреплённое поселение (площадью около 10 га), которое к началу римского времени пришло в упадок. К последнему этапу существования поселения относится открытое в 1938–1940 гг. Н. В. Анфимовым в северо-восточной части городища укреплённое здание, датированное им второй половиной III в. до н.э.

Само здание весьма схоже с описанным выше. Строение прямоугольной формы было ориентировано стенами по сторонам света и имело размеры 22,5 x 19,5 м (438 м²) (Анфимов. 1941. С. 259–263). Похожее строение раскопано на территории Раевского городища, расположенного в окрестностях современной Анапы, у ст. Раевской. В основе оборонительной системы эллинистического времени – валлообразная насыпь, имеющая в плане форму параллелограмма. Её высота в юго-восточной части превышала 7 м. Сверху были построены оборонительные стены шириной около 1,8 м и башни. Площадь городища оценивается в 4 га. В раннеримское время появляется «административный центр» – «цитадель», которая возводится в северо-восточной части на мысу, в наиболее возвышенном месте (перепад высот достигает 60 м). От остального городища укрепление было отделено каменной стеной шириной около 1,8 м (Вязкова, Гольева, Малышев. 2009. С. 224). По данным раскопок В. И. Сизова, в основе «цитадели» – трёхкамерная постройка на мощном каменном цоколе, возведенном на культурном слое позднеэллинистического времени (Сизов. 1889. С. 113–117). Обращает на себя внимание планировочное решение, выделяющее цитадель Раевского городища среди подобных ему памятников – все помещения расположены в ряд, вход в здание прикрывает полукруглая выгородка, что, несомненно, сближает рассматриваемое строение со сторожевыми «домами-башнями», в то же время значительная площадь здания, а также разнообразие комплекса находок ставит поселение в один ряд с таким памятником, как «дом Хрисалиска».

Ещё одним укреплением этого же типа можно считать постройку второй половины I в. до н.э. на городище Чокракский мыс, расположенном на берегу одноименного соленого озера, в Восточном Крыму, на Карларском побережье. Само поселение было основано в IV–III вв. до н.э., потом было заброшено и во второй половине I в. до н.э. на нём снова появляется жизнь, правда ненадолго. На городище раскопано достаточно большое здание площадью 421,5 м² с толстыми стенами и четырьмя внутренними помещениями. Одно из них имело каменное молчание и вполне могло играть роль внутреннего двора (Масленников. 1998. С. 46–50, 111–112). Остальные поселения Европейского Боспора этого времени, подробный анализ которых был сделан А. А. Масленниковым (Масленников. 1998. С. 112–174), не превышают 3 га. «Преимственность» в постройке укреплений выражена сильнее, нежели в западной части царства. Римские укрепления на таких городищах, как Чокракский мыс, Ново-Отрадное, Михайловское и ряде других, если сравнивать с рассмотренными выше памятниками Азиатского Боспора, имели больше связи с предыдущими постройками и развились из многократных перестроек и достроек строений эллинистического времени и, в ко-

нечном счете, их архитектура начинает напоминать «дома-башни» Азиатского Боспора. Наиболее крупные цитадели, как например на городище Артезиан, вряд ли превышали площадь в 1500 м², а размеры прочих не намного отличались от аналогичных строений Азиатского Боспора.

Подобный процесс можно проследить и за пределами Боспора. В этой связи можно упомянуть постройку этого же времени на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму, где в конце II в. до н.э. возводится укрепление, центральная часть которого по планировочному решению и размерам выглядит почти полным аналогом строениям на поселениях «За Родину» («дом Хрисалиска») и Семибратнем городище (Внуков. 2010. С. 45–50. Рис. 1–2).

При рассмотрении укреплений рубежа н.э. «в связке» с неукреплёнными поселениями, на которых они появились, вырисовывается достаточно любопытная картина. Самые крупные фортификации, созданные «с нуля», но на территории значительных по площади неукреплённых поселений характерны лишь для одного, достаточно ограниченного региона Боспора – современного Фонталовского полуострова. Отметим также, что крепости этого района отличались не только наибольшей площадью, но и самыми солидными фортификационными сооружениями – с полноценными башнями, оборонительными стенами и т. д., тогда как для прочих областей Боспора характерно возведение относительно компактных укреплений (площадью от 500 до 1500 м²), представляющих собой блок помещений с усиленными внешними стенами. Одной из характерных черт подобных строений является использование уже существующих строений и укреплений путём их достройки и перепланировки. Всё вышесказанное позволяет предположить определённую зависимость вида и величины укрепления от размеров неукрепленного поселения (численности населения?), региона, и т.д., которая, при более подробном анализе, может выявить новые интересные черты истории Боспора.

Литература

- Н. В. Анфимов.* Новые данные к истории Азиатского Боспора // СА. 1941. VII.
- С. Ю. Внуков.* Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Москва, Киев, 2010. Вып. 1.

- О. Е. Вязкова, А. А. Гольева, А. А. Малышев.* Боспорская сигнально-сторожевая система на полуострове Абрау. Результаты комплексных исследований. // *Abrau antiqua.* Результаты комплексных исследований на полуострове Абрау. М., 2009.
- А. А. Масленников.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Я. М. Паромов.* Археологическая карта Таманского полуострова // Депон. ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992.
- С. Ю. Сапрыкин.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- В. И. Сизов.* Восточное побережье Черного моря // МАК. 1889.
- Н. И. Кольский.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
- В. П. Толстиков.* Фонталовский укрепленный район в истории Боспорского царства // *Археология.* 1989. № 1.

С. Б. Ланцов

Последовательность застройки Кутлакской крепости второй половины I в. до н.э.

Кутлакская крепость располагается в Юго-Восточном Крыму, на западном отроге г. Караул-Оба над Кутлакской бухтой, отстоящей на 4,5 км к юго-востоку от с. Весёлое и на 4 км к западу от пгт. Новый Свет Судакского горсовета (Рис. 1. 1), на территории незавершённого строительства пансионата «Марианида».

С южной стороны плато с укреплением, построенным из камня, внутренней площадью около 1500 м², расположено в 170 м от берега моря, ограничено крутым (60–80°) прибрежным обрывом около 70 м высотой, с западной – краем оврага и склоном холма такой же крутизны. С востока и севера укрепление в древности было вполне доступно. В настоящее время здесь находятся современные котлованы до 20 м глубиной, представляющие собой нулевой цикл незавершенного строительства пансионата.

За 15 полевых сезонов форт был практически изучен изнутри и, частично, снаружи. Нераскопанным внутри крепости остался контрольный участок площадью около 30 м². В 1983 г. памятник исследовал его первооткрыватель (1982 г.) И. А. Баранов. В 1984 г. значительные работы проведены экспедицией Института археологии НАН Украины во главе с Е. А. Паршиной, при активной помощи О. И. Домбровского, которую трудно переоценить. 13 полевых сезонов (1991–2003 гг.) объект изучался экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ под началом автора.

Предполагается, что крепость являлась западным форпостом Боспора в период правления Асандра. На уровнях древней дневной

поверхности и рухнувших полов вторых этажей башен открыт в основном археологически целый материал, представленный разнообразной гончарной и лепной посудой. Стратиграфия культурного слоя и хронология находок свидетельствуют, что памятник является практически единовременным архитектурно-археологическим комплексом, существовавшим не более 50 лет во второй половине I в. до н.э. Благодаря достаточно полной исследованности, высокому уровню сохранности строительных остатков, археологической «однослойности» удаётся проследить общую последовательность его застройки (Рис. 1. 2, 3).

Укрепление имеет периметр обороны около 200 м. В плане оно имеет пятиугольную форму, с четырьмя прямоугольными башнями и бастионообразным выступом по углам. В него вели два входа – с востока и юго-запада.

Стены форта высотой от 1 до 4 м сложены из колотого по слою сланца на глиняном растворе. По всему периметру в оборонительных стенах на отметке 1,5 м от древней дневной поверхности располагались антисейсмические пояса из стволов местного древесного можжевельника. Конструкция оборонительных стен, толщиной от 1,5 до 2,8 м трёхслойная: 2 панциря и забутовка в середине.

Внутри крепости вдоль оборонительной линии располагались четыре каменных дома. Два из них (западный и восточный), очевидно, являлись казармами. Помещения во всех домах, в основном, были жилыми. Сильно отличается от них крайнее южное помещение восточной казармы, находящееся у обрыва. Оно являлось железоплавильной мастерской. Здесь найдены остатки трёх простейших сырцово-каменных горнов, каменный ящик, заполненный окисью железа, фрагменты крицы, шлак и сырьё, которым служили местные железистые конкреции. Рядом с этим помещением располагалась большая, круглая в плане и сложная в разрезе, хозяйственная яма, первоначально, по-видимому, используемая для отжига древесного угля, в значительном количестве необходимого для сыродутного железоплавильного производства.

В середине античного «пентагона», перед восточной калиткой располагалась огороженная со всех сторон каменной забором площадь (140 м²). Сложность его конфигурации, вероятно, была обусловлена назначением: служить дополнительной преградой – помимо внешних фортификационных сооружений – на случай проникновения неприятеля внутрь крепости. В северо-западной части площади располагалась лестница, ведущая на оборонительную стену. В западном углу площади исследована квадратная в плане водосборная цистерна, облицованная каменными стенами, площадью 2 × 2 м и глубиной до 4,5 м от древней дневной поверхности.

За пределами каменной ограды площади в центральной незастроенной части форта, на одинаковом удалении от всех жилых сооружений, полностью исследована заглублённая в материк крупная, овальная в плане, печь с несохранившимся купольным перекрытием, размером до $3,20 \times 2,60$ м, и глубиной до 1,10 м, служившая, очевидно, для обжига лепной посуды, а возможно, и полифункционального назначения.

Вся фортификационная и строительная техника Кутлакской крепости свидетельствует о существовании единого предварительного плана строительства, значительном профессионализме военного инженера, продуманной последовательности и сжатых сроках, если не поспешности, строительства. Наличие построек казарменного типа позволяет предполагать регулярность воинского контингента гарнизона.

На выбранном для строительства месте был удалён только незначительный по толщине дёрн. Первоначально была возведена наиболее крупная двухкамерная прямоугольная центральная восточная башня размером $10,7 \times 8,25$ м. Площадь каждой из камер $3,2 \times 4,8$ м. Башня была как минимум двухэтажная. Затем были построены оборонительные стены, сразу по всему периметру, включая бастионообразный северо-западный выступ, как кажется, на основании предварительно сооружённого фахверкового каркаса из бревен можжевельника, который в дальнейшем мог служить и антисейсмическим целям. Строительство велось одновременно, как минимум двумя бригадами военных строителей. Прослеживаются определенные различия в технике кладки восточной и западной куртин крепости. Во внутреннем фасаде северной куртины по шву стыка кладок четко видно место встречи строительных бригад.

Высотный перепад внутри крепости достигает почти 7 м, и повышение не плавное. Несмотря на это, подошва стен обороны, в основном повторяла неровности первоначального микрорельефа местности (после того как удалили гумус), а не подвергалась предварительной нивелировке. Таким образом, подошва внешних стен укрепления располагалась в основном на поверхности материкового слоя плотной бурой глины с выходами в отдельных местах скальных сланцевых пластов. Обычно подобное строительство без нивелировки территории и без фундамента свидетельствует о недостатке строительных навыков, но в данном случае, несомненно, можно говорить о поспешности строительства и о существовании угрозы гарнизону на открытой местности.

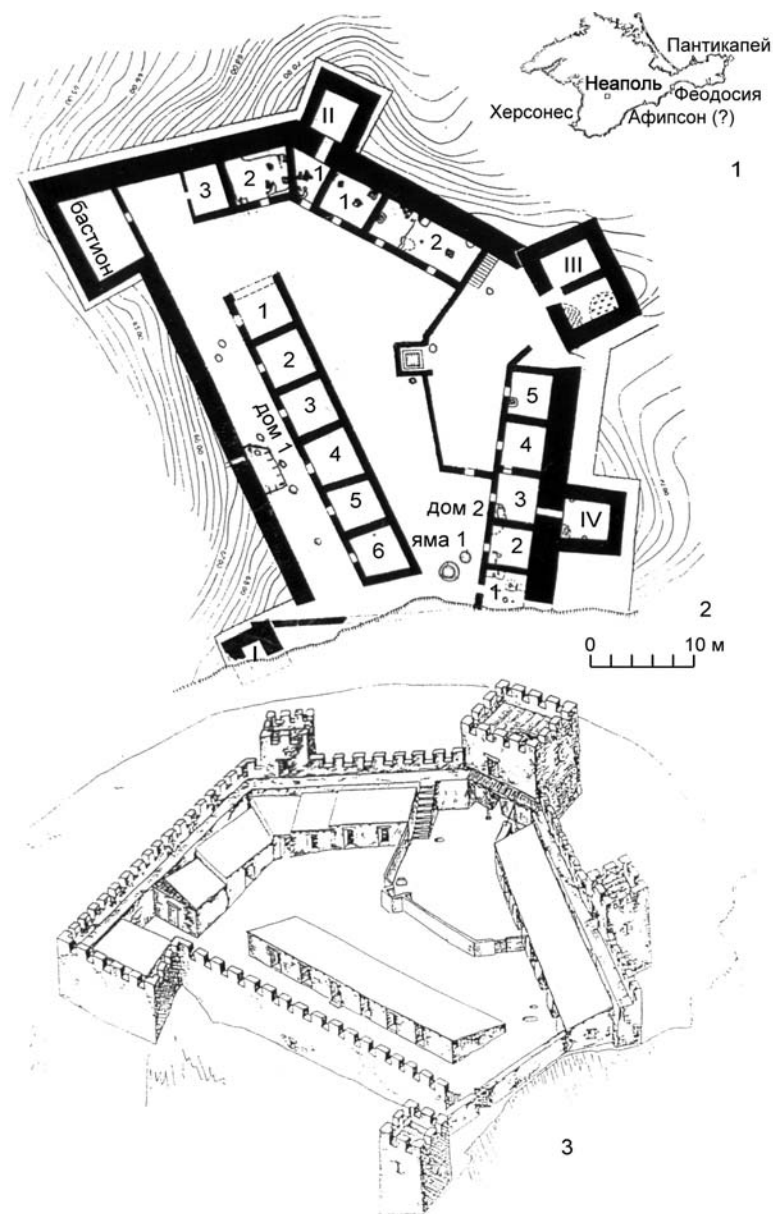

Рис. 1. Кутлакская крепость: 1 – месторасположение; 2 – план; 3 – вариант эскиза реконструкции

Стройматериал внутрь строящейся фортификационной линии завозился, очевидно, на повозках, через юго-западные ворота, которые сразу после этого были перестроены. Оставлена была только калитка шириной 1,5 м, вход в которую прикрывала небольшая башня, построенная после возведения восточной башни и всей оборонительной стены форта. С восточной стороны укрепления сооружение широких ворот вообще не планировалось. Здесь рядом с восточной башней изначально была сооружена калитка шириной 1,5 м исключительно для пешего прохода и проезда гужевого транспорта. Проход с первого на второй этаж восточной башни после возведения общефортификационной линии не предусматривался. Он осуществлялся только с боевого хода куртины, через временный деревянный мостик (икрию).

После возведения стен и внешнего выступа – «бастиона», очевидно, одновременно началось строительство жилой застройки внутри будущей крепости и возведение однокамерных юго-восточной и северной трапециевидных башен, пристроенных (встык) к наружному фасаду оборонительной стены. Входы в них сооружались на месте специально сделанных проломов в ранее построенной стене, что хорошо прослежено в полностью сохранившемся входе в юго-восточную башню.

Контурообразующие каменные стены практически всех жилых и хозяйственных построек и даже отдельных помещений внутри крепости тоже строились без предварительной нивелировки территории. Только внутри заранее выстроенных стен выравнивались полы и поверхности. Достаточно часто подошвы стен выше пола, на высоту до 1 м. Это же касается и обороны со стороны внутреннего фасада. В таких случаях, как выявлено в отдельных местах, фасады нижних материковых «земляночных» бортов и возвышающиеся над ними рукотворные кладки покрывались глиняной штукатуркой, препятствующей разрушению общей стены. Иногда стены помещения пересекали неглубокую балку, тогда подошвы их находились значительно ниже пола, поскольку углубление в рельефе засыпалось грунтом для выравнивания поверхности. По характеру связей между стенами удается проследить последовательность строительства каждого из зданий и помещений. Порой на порядок установки той или иной стены и на характер их сочленения влияли геологические особенности конкретного места.

В случае необходимости применялись разнообразные квалифицированные строительные приёмы, например сооружение фахверка и (или) антисейсмического пояса, строительство мостика (икрии) для усиления обороноспособности главной башни и т.д. При возведении поздних башен использовалась и нивелировка местности и ленточный фундамент, крупными правильной формы камнями ук-

реплялись углы зданий и откосы дверных проемов, в ходе авторского надзора военным зодчим был изменён один из углов бастиона и т. д.

В более спокойном режиме проходило последующее благоустройство внутренней территории: сооружение ограды восточной площади на предварительно выровненном участке; оформление проходов между домами, имеющих форму лестниц, вырубленных в материковой глине; установка деревянных скамеек на улице; засыпка балки, первоначально пересекавшей местность до постройки крепости; сооружение коллектора в системе ливневой канализации; рытье и крепёж стен водосборной цистерны. В ней на дне найден свинцовый строительный отвес. Общая планировка укрепления, регулярность кладки, разнообразие строительных приёмов свидетельствует о высокой квалификации как минимум военного инженера, а возможно, и строителей.

Форт был построен в соответствии с общими нормами античной эллинской фортификации. Подобные укрепления, в определённой степени копирующие ранние персидские образцы, появляются в Греции с VI в. до н.э. (Winters. 1971. P. 42–43; 146–147; 152–153; Bakirtzis, Triantaphyllos. 1990. P. 25, 26) и продолжают возводиться, судя по Кутлакской крепости, до конца эллинизма. Наиболее прямая аналогия, в качестве отдельного составного элемента в более крупной поселенческой структуре, зафиксирована в эллинистической крепости Кардхик на территории современной Албании (Baçk. 1977. P. 67–69; Château. 2010. P. 126. Fig. 1), что свидетельствует об успешной реализации на южном побережье Крыма типового архитектурного проекта, удачно вписанного в рельеф местности.

Литература

- A. Baçk. Les forteresses de Kardhiq et de Delvine (res.). Monumentet. Tiranë, 1977. 13.
- Ch. Bakirtzis, D. Triantaphyllos. and col. Thrace. Athens, 1990.
- Château de Kardhiq. Carte archéologique de l'Albanie. Venice, 2010.
- F. E. Winters. Greek fortifications. Toronto, London, 1971.

С. В. Диденко, О. А. Пуклина

Краснолаковая керамика из Пантикапея в собрании Национального музея истории Украины

Собрание Национального музея истории Украины насчитывает около 800 тысяч экспонатов. Значительную его часть составляет археологическая коллекция, в которую входит более 300 тысяч единиц хранения. Среди них – материалы из дореволюционных раскопок в Керчи. Часть из них была передана Керченским историко-археологическим музеем по акту от 24 июня 1954 г. Наиболее массовой категорией вещей из Пантикапея, хранящихся в НМИУ, является краснолаковая керамика. Практически все сосуды представлены целыми экземплярами, что значительно упрощает процесс поиска аналогий в ныне существующих типологических рядах и позволяет установить достаточно узкие даты. Краснолаковая посуда из Керчи в собрании НМИУ представлена пятью основными группами. Это миски, тарелки, чаши, канфары и кружки с различными оттенками лака – от оранжевого до буро-красного. Большинство сосудов не имеет лакового покрытия в нижней части.

Группа I. Миски. I. 1. Миски на кольцевом поддоне с коническим туловом и загнутым внутрь краем. Это одна из наиболее массовых форм краснолаковой керамики. Такие сосуды производились в разных центрах античного мира, они были широко распространены в Северном и Западном Причерноморье в первые века н.э. и повторяют форму мисок более раннего времени. В опубликованных классификациях краснолаковой керамики эти миски фигурируют под разными названиями. По типологии краснолаковой посуды Юго-Западного Крыма Д. В. Журавлёва – это формы 14.7 и 17.1.1 понтийской сигиллаты А (Книпович. 1952. С. 303; Журавлёв. 2010. С. 54, 55. Табл. 23, 58; 24, 165). Дата: конец I – начало III в.

I. 2. Миска на кольцевом поддоне с косо срезанным внутрь краем, декорирована рядом косых насечек (rouletting). Морфологически приближена к форме 14.4 понтийской сигиллаты А по Журавлёву (Журавлёв. 2010. С. 141. Табл. 23, 157). Датируется в пределах конца II – первой половины III в.

Группа II. Тарелки. II. 1. Тарелки на кольцевом поддоне с чётко выраженным ребром при переходе к вертикальному бортику и слегка отогнутым краем. Вместилище декорировано рядами косых насечек либо клеймом *planta pedis*. В типологическом ряду краснолаковой керамики Юго-Западного Крыма Д. В. Журавлёва фигурируют как форма 1.1.2 понтийской сигиллаты А (Журавлёв. 2010.

С. 41–42. Табл. 11, 59–65). Дата: последняя четверть I – первая четверть II в.

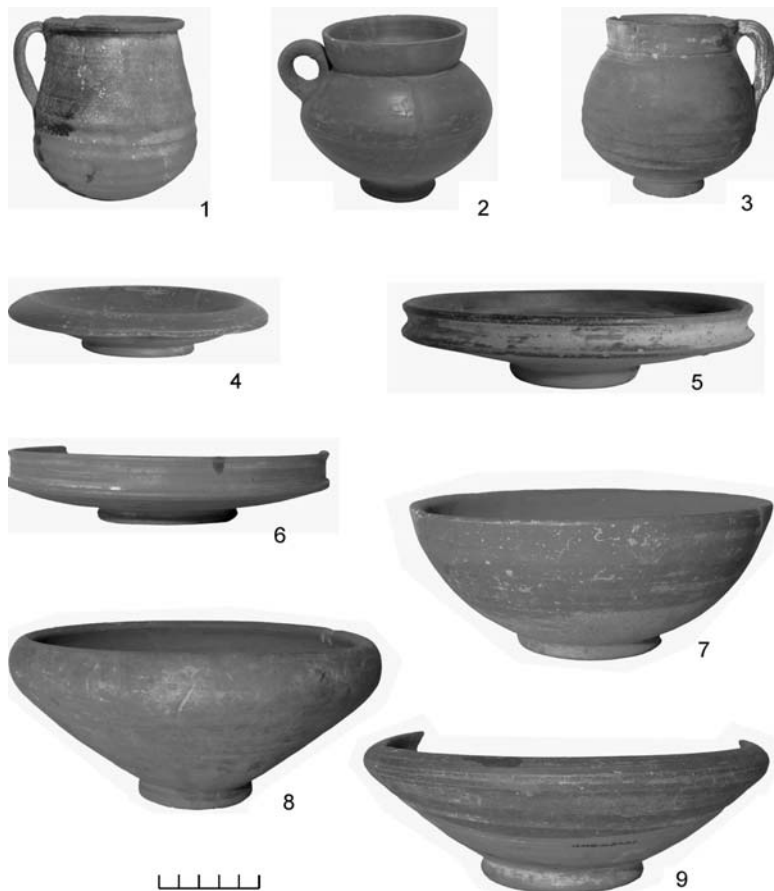

Рис. 1. Краснолаковая посуда из Пантикапея в собрании НМИУ: кружки (1–3), тарелки (4–6), миски (7–9)

П. 2. Тарелка на кольцевом поддоне с полусферическим туловом и сильно отогнутым, нависающим над стенками краем. Форма 7.2 понтийской сигиллаты А по Д. В. Журавлёву (Журавлёв. 2010. С. 50, 51. Табл. 21, 136). Дата: вторая половина I – первая половина II в.

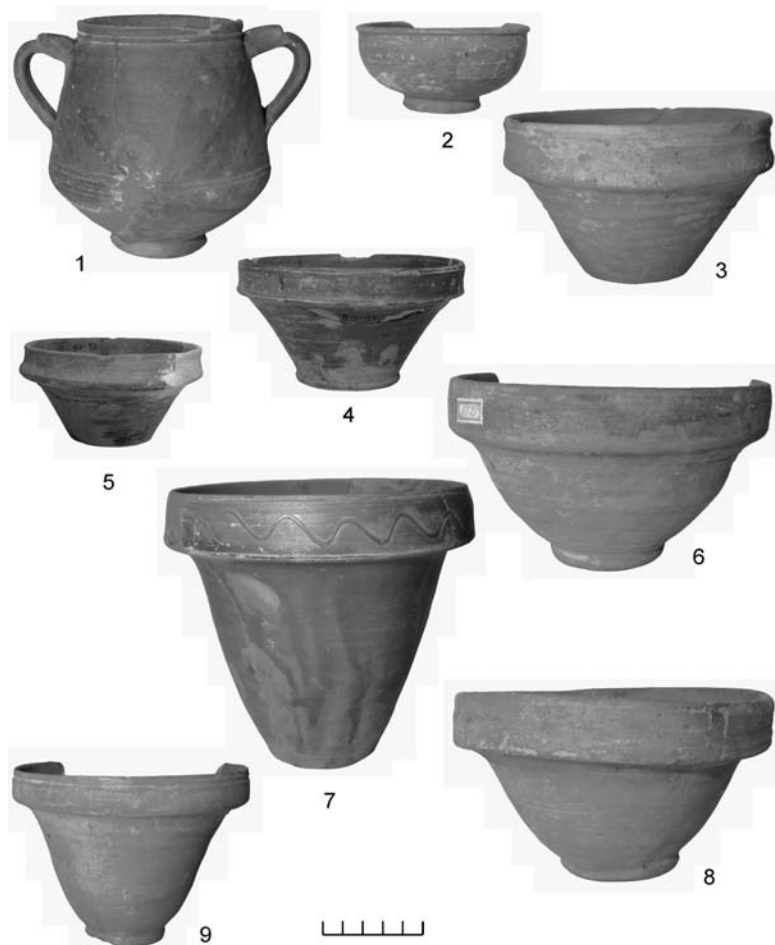

Рис. 2. Краснолаковая посуда из Пантикапея в собрании НМИУ: канфар (1), чаши (2–9)

Группа III. Чаши. III. 1. Краснолаковые чаши с усечённо-коническим туловом и ребром при переходе к вертикальному бортику. Это одна из наиболее распространённых форм чаш римского времени в Северном Причерноморье. Первоначально они были выделены Дж. Хейсом в форму V понтийской сигиллаты (Hayes. 1985. Tab. XXIII, 5, 6). По Д. Журавлёву – это форма 30 понтийской сигиллаты А (Журавлёв. 2010. С. 60, 61. Табл. 27, 194–204; Табл. 28, 205–208). Дата: вторая половина I – III в.

III. 2. Краснолаковые чаши с усечённо-коническим туловом, уступообразно переходящим в высокий, слегка наклонённый внутрь бортик. Разные варианты подобных сосудов были распространены в римский период в Северном и Западном Причерноморье. Их прототипом выступает форма VI понтийской сигиллаты по Дж. Хейсу (Haues. 1985. Tav. XXIII, 7, 8). Хронологические рамки бытования этих чаш достаточно широки – от середины III до первой половины V в. (Айбабин. 1999. Табл. 5, 1; Oraït. 2004. P. 65–66. Pl. 50, 14–17; Шаров. 2007. С. 74–99).

III. 3. Чаша на кольцевом поддоне с полусферическим туловом и отогнутым закругленным краем. По Д. В. Журавлёву – форма 24.1 понтийской сигиллаты А (Журавлёв. 2010. С. 57, 58. Табл. 26, 184). Дата: последняя четверть I – первая четверть II в.

Группа IV. Канфары. Канфар на низком кольцевом поддоне с рудиментарными налепами на петлевидных ручках. Верхняя часть тулова вытянуто-цилиндрической формы, нижняя – усечённо-коническая. По Д. В. Журавлёву – форма 34 понтийской сигиллаты А (Журавлёв. 2010. С. 64, 65. Табл. 32, 33). Дата: середина II – середина III в.

Группа V. Кружки. V. 1. Тонкостенная кружка с петлевидной ручкой, отогнутым венчиком, грушевидным рифлёным туловом и узким плоским дном. По классификации Д. В. Журавлёва – форма 8 краснолаковых кружек (Журавлёв. 2010. С. 94. Табл. 68, 586, 587). Дата: конец II – первая половина III в. (Журавлёв. 2010. С. 94. Табл. 68, 586, 587).

V. 2. Тонкостенная кружка с петлевидной ручкой, высоким, слегка отогнутым венчиком и округлым рифлёным туловом на плитчатой подставке. Форма 1 краснолаковых кружек по Д. В. Журавлёву (Журавлёв. 2010. С. 91, 92. Табл. 64, 542). Дата: I–III вв.

V.3. Кружка с небольшой петлевидной ручкой, высоким отогнутым венчиком и округлым туловом на низком кольцевом поддоне. По классификации Д. В. Журавлёва – форма 4 краснолаковых кружек (Журавлёв. 2010. С. 92, 93. Табл. 67, 574). Дата: конец I – первая половина II в.

Литература

- А. И. Айбабин. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых вв. н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
- Д. В. Журавлёв. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. – (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9.)

- О. В. Шаров.* Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007.
- I. V. Hayes.* Sigillate Orientali // *Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero)*. Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma, 1985.
- A. Opait.* Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th – 6th centuries AD). Oxford, 2004. – (BAR International Series 1274).

Н. И. Винокуров, М. Ю. Трейстер

Портретные медальоны краснолаковых чаш I в. до н.э. – I в. н.э. на поселении Артезиан в Крымском Приазовье⁵⁷

Укрепленное поселение Артезиан, расположенное в 5 км к востоку от Азовского моря и в 3 км к северо-западу от пос. Чистополье, планомерно исследуется российско-украинской Артезианской археологической экспедицией под руководством Н. И. Винокурова с 1989 г. Данная публикация посвящена находкам портретных медальонов на донцах открытых краснолаковых сосудов.

Медальон № 1. Донце краснолаковой чаши или блюда на кольцевом поддоне с медальоном, обрамленным двумя концентрическими валиками (Рис. 1). В низком рельефе голова безбородого молодого человека в профиль влево (Рис. 1. 6). Сохранилась часть стенки и часть кольцевого поддона сосуда. С оборотной стороны дно в центральной части слегка выпуклое (Рис. 1. 3). Глина розовато-коричневая, тонкая, лак – оранжево-коричневый, матовый, жидкий. На внутренней стороне – дефекты, образовавшиеся в результате обжига: трещины по контуру головы и каверна на шее⁵⁸.

⁵⁷ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.1991 «Исследование археологических свидетельств боспоро-римской войны 44/45-49 гг. (по материалам последних раскопок в Крымском Приазовье)». Описание и анализ контекста находок выполнены Н. И. Винокуровым, описание и атрибуция медальонов – М. Ю. Трейстером. Авторы выражают искреннюю благодарность Н. В. Быковской, Е. А. Молеву и В. П. Толстикову за возможность работы с портретными медальонами из раскопок Китея и Пантикапея. Все медальоны хранятся в Керченском историко-культурном заповеднике.

⁵⁸ Дм. медальона вместе с валиками 4,94–5,01 см; макс. выс. рельефа 0,6 см; выс. головы макс. 3,74 см. Кольцевой поддон: в. 0,67 см; шир. 0,59 см; реконстр. дм. ок. 7 см. Склеен из двух фрагментов, небольшой скол в районе шеи, кольцевой поддон сохранился частично. КП–132128. КМАК–13322.

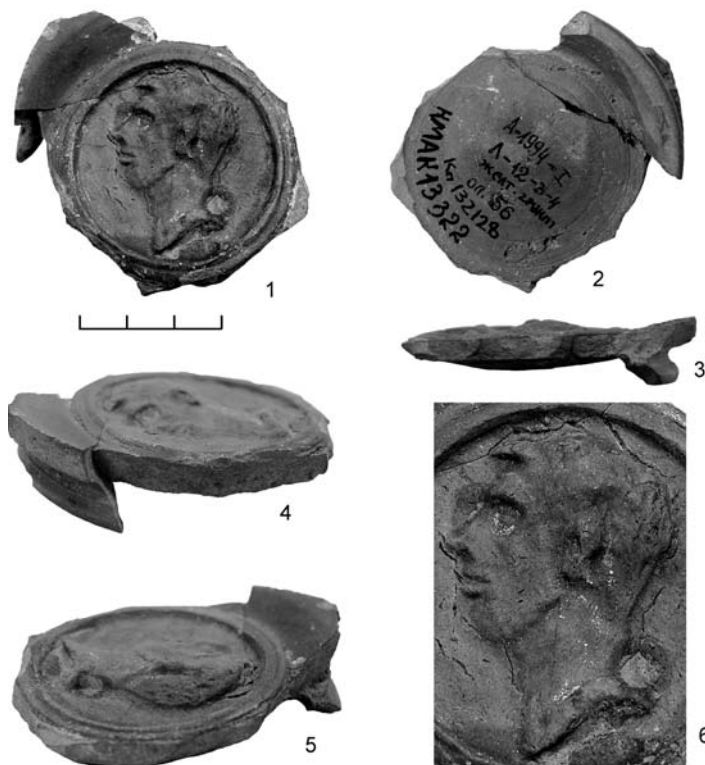

Рис. 1. Медальон № 1 из раскопок Артезиана 1994 г. (КИКЗ. КП-132128. КМАК-13322. Фото М. Ю. Трейстера)

Медальон был найден в 1994 г. на раскопе I в слое мусорного золисто-сырцового сброса, который заполнил котлованы для добычи строительной и гончарной глины. Среди находок преобладали обломки соленов и калиптеров, фрагменты лутериев и пифосов, обломки светлоглиняных широкогорлых амфор типов С-I а-б, С-II а второй четверти I в. до н.э. – середины I – начала II в. н.э., красноглиняных и сероглиняных простых гончарных кувшинов и мисок, краснолаковых мисок и тарелок, кубков с узором в стиле «барботин», чаш. Зольный сброс сформировался в период с рубежа н.э. по начало II в. н.э., а небольшой процент находок⁵⁹ начала II в. н.э. свидетельствует о том, что свалка зольного грунта происходила особенно интенсивно на рубеже н.э. и в I в. н.э.

⁵⁹ Около 5%.

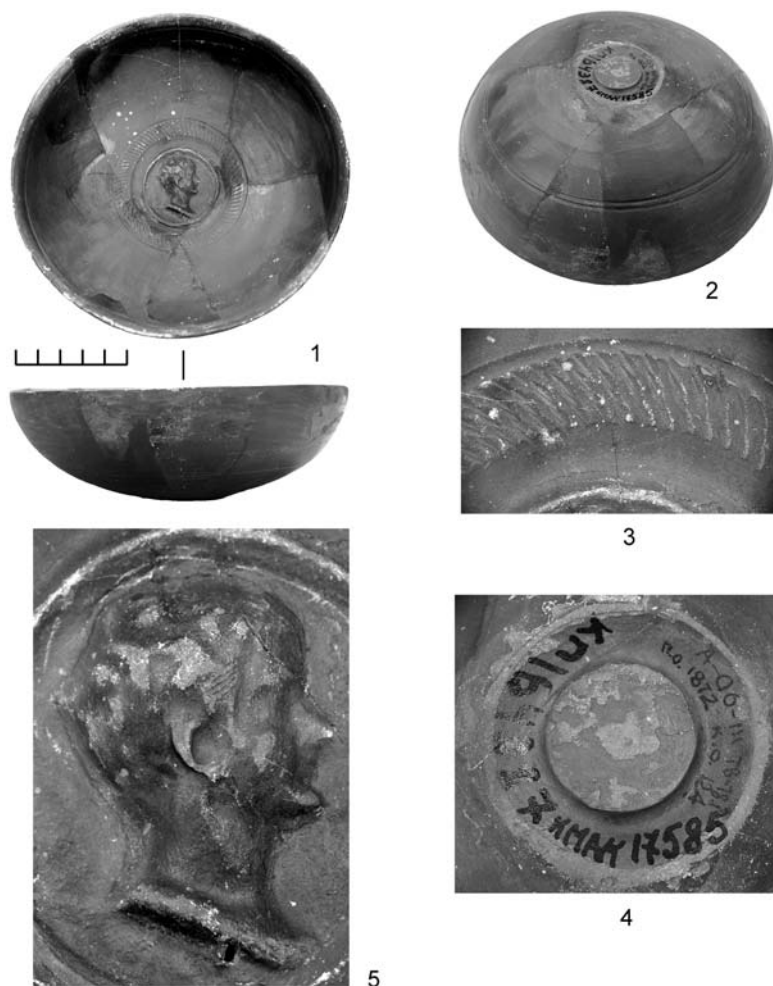

Рис. 2. Фиала с медальоном № 2 (после реставрации, догипсована) из раскопок Артезиана 2006 г. (КИКЗ. КП-164387. КМАК-17585. Фото М. Ю. Трейстера)

Медальон № 2. Фиала краснолаковая полусферической в профиль формы с портретным медальоном (Рис. 2). Концентрическая канавка проходит вдоль края с внутренней стороны, с внешней стороны – две концентрические канавки – в центральной части тулова. Нижняя часть тулова с внешней стороны оформлена мягкими граня-

ми (Рис. 2. 1–3). Снаружи вокруг плоского дна проходит широкая неглубокая канавка (Рис. 2. 4). На дне – рельефный медальон в виде головы безбородого мужчины в профиль вправо, обрамленный валиком (Рис. 2. 1, 6). Вокруг валика – фриз из косых вдавленных линий, с внешней стороны которого походит концентрическая канавка (Рис. 2. 3). Лак матовый, коричнево-красный, средней плотности, с разводами. Глина – плотная, красно-розовая, практически без включений⁶⁰. Медальон был обнаружен в 2006 г. в переотложенном слое пожара ранней цитадели, который датируется временем начала римско-боспорской войны, т. е. 45 г. н.э. (Винокуров. 2007. С. 190–199; Винокуров. 2010. С. 38–44).

Краснолаковые чаши с портретными медальонами известны, прежде всего по довольно многочисленным находкам (в работе К. Вильямс 1998 г. учтён 31 экз.: Williams. 1998. P. 321–336) из Малой Азии и близлежащих островов (Лесбос, Родос, Делос) (см. в целом: Grimm. 2004. S. 70. Anm. 13; см. в частности: Пергам: Hübner. 1993. S. 83–87, 186. № 1–4. Taf. 1–4; Милетополис (?): Kat. Berlin. 2011. S. 577. № 10.11; Троя⁶¹, Митилена на Лесбосе: Colonia. 1974. P. 203. Fig. 4, a–b; Айзаны: AA, 2011. Н. 1. S. 189. Abb. 35; Смирна: Grimm. 2004. S. 68. Abb. 10), хотя они встречаются и в материковой Греции (Афины: Hayes. 2008. P. 51, 197. № 760–762; P. 205–206. № 844–846; Коринф: Edward., 1975. P. 92. № 543. Pl. 55), Македонии (Стоби: Anderson. 1977. P. 109–110, 254. Fig. 41) и на Ближнем Востоке (Александрия, Самария: Anderson. 1977. P. 110 с лит.). Из Метимны на Лесбосе происходит и керамическая форма, вероятно, служившая для изготовления таких медальонов (Buchholz. 1975. S. 71. № В 12, 160. Taf. 29 b).

Различные памятники Северного Причерноморья дали не менее представительную коллекцию находок, насчитывающую на сегодняшний день 24 экземпляра. В этой связи заслуживают внимания как старые находки из Ольвии и Пантикапея, контекст которых неизвестен (Вязьмитина. 1975. С. 228–230, 233–237. Рис. 6; 7, 3–4; 8; 9, 2), так и находки последних десятилетий из Тиры (Савельев. 2013. С. 544–547), Ольвии и округи, Херсонеса (Вязьмитина. 1975. 221. Рис. 1; Рис. 7, 1–2) и Западного Крыма (Вязьмитина. 1975. Рис. 9, 1; Павленков. 1988. С. 256–258; Шапцев. 2007. С. 355. Рис. 1), и прежде всего новые находки на Боспоре:

⁶⁰ Дм. фиалы 15,23–15,32 см; выс. 5,8 см; толщ. стенок по краю 0,49 см. Дно с внешней стороны: дм. 2,14–2,16 см, вместе с канавкой – 3,60–3,63 см. Медальон в пределах валика: выс. 4,3 см; шир. 4,0 см; выс. головы 3,7 см; макс. выс. рельефа ок. 0,65 см. Внешний дм. фриза из насечек 7,1 см. КП–164387. КМАК–17585.

⁶¹ <http://classics.uc.edu/troy/grbpottery/html/various-sig.html>

в Китее⁶² (Молев. 2002. С. 207–208. Рис. 2; 2010. С. 85. Рис. 128–129) и Пантикапее⁶³.

Многие портретные медальоны ранее атрибутировали как изображения Катона Младшего (Richter. 1960. Pls. XLV, 206–207; XLVII, 211–212). Однако эту атрибуцию трудно признать безоговорочно, на что справедливо обратила внимание М. И. Вязьмитина (1975. С. 231). С другой стороны, неоправдана и тенденция отнесения всех или почти всех медальонов к изображениям императоров династии Юлиев-Клавдиев, не основанная на подробном сравнении изображений на медальонах с подобными на монетах и скульптурных портретах, особенно наглядно проявившаяся в отечественной историографии (Вязьмитина. 1975. С. 238–242, Молев. 2002. С. 209; Шапцев. 2007. С. 354–355; Савельев. 2013. С. 547). Значительно больше оснований для сопоставления целой серии известных медальонов, часть которых происходит из Малой Азии и островов Эгейского моря, а также из Греции, с портретным изображением сподвижника и друга Помпея Великого, Гнея Помпея Теофана из Мителены на Лесбосе (Hübner. 1993. S. 87; Williams. 1998. P. 321–336; Grimm. 2004. S. 68–69. Abb. 6–10, 12–16), для портретов которого характерны складки на лбу и глубокая складка, проходящая по краю щеки параллельно крылу носа, несколько выступающий над лбом локон и чёткая обводка прически. Теофан, скончавшийся в 44 г. до н.э., был обожествлён, и его культ на Лесбосе процветал и при его потомках, пока не был запрещен при Тиберии в 33 г. н.э., впрочем, не исключено, что чаши с его портретами начали изготавливать еще при жизни Теофана (о Гнее Помпее Теофане и его портретах см. также: Salzman. 1985. S. 245–260; Morales. 2010. P. 129. Note 7 с лит.). Портретные медальоны из Пантикапея и Китая могут быть отнесены к этой группе. Так, портрет на медальоне из Пантикапея чрезвычайно близок медальону из Смирны в собрании Лувра (Grimm. 2004. S. 68. Abb. 10). Не исключено, что изображение на медальоне из Китая, а также очень близкое ему на медальоне из Кара-Тобе в Западном Крыму (последнее определено М. С. Шапцевым как портрет Августа (Шапцев. 2007. С. 355)), представляют вариант образа того же персонажа с несколько иначе проработанной прической (детально обозначены локоны волос).

Портрет на медальоне № 1 из Артезиана уникален; аналогий ему на известных портретных медальонах нам найти не удалось. Он может быть сопоставлен с портретом Октавиана на денариях восточных монетных дворов во второй половине 30 – начале 20-х гг. до н.э., последних серий до получения им титула Августа в 27 г. до н.э.

⁶² Находка 1992 г.. КП–122348. КМАК–12309.

⁶³ Находка 2002 г.. КП–152852. КМАК–15672.

(Toynbee. 1978. P. 54. Figs. 71–72 (с датировкой 29–27 гг. до н.э.); Mannsperger. 1982. S. 332. Taf. 73, 5–6 (с датировкой 36–35 гг. до н.э.); Boschung. 1993. S. 60. Anm. 247 с лит. Taf. 238, 4–7). Учитывая серьезные дефекты обжига сосуда, проявившиеся, прежде всего на портрете, нельзя исключать и местное изготовление чаши (предположение, которое требует изучения глины и лакового покрытия). В этой связи интересно то, что близкие портретные изображения Августа чеканились на золотых статерах Полемона, Динамии и неизвестного правителя с 14/13 г. до н.э. по 9/10 г. н.э. (ср. Анохин. 1986. С. 82, 148–149. № 255, 259–269, 284–285; Фролова. 1997. С. 194–196. Табл. XI).

Медальон № 2 из Артезиана был предварительно определен одним из авторов как портрет Тиберия (Винокуров. 2007. С. 193; Винокуров. 2010. С. 43. Рис. 6 справа вверху)⁶⁴. По общим округлым пропорциям головы, высокому вертикальному лбу изображенный на медальоне из Артезиана персонаж скорее напоминает Калигулу (ср. форму носа, образующего без перехода тупой угол к вертикальному высокому лбу (Boschung. 1989. Taf. 1–2, 4–5; 7; 12–13; 18–19, 21; 28 etc.; Boschung. 2002. № 15.4. Taf. 47, 4). Обратим внимание на то, что голова изображена в профиль вправо, что редко встречается на известных медальонах керамических сосудов, на которых, как правило, представлены изображения в профиль влево.

Среди редких примеров медальонов с головой в профиль вправо, происходящих преимущественно из Малой Азии, а также из Аттики, укажем на полностью сохранившуюся очень близких размеров чашу, предположительно происходящую из Милетополиса, также без кольцевого поддона, с медальоном, обрамленным венком, и портретом Тиберия или Калигулы (Kat. Berlin. 2011. S. 577. № 10.11). Вероятно подобную же форму имела и чаша с Афинской Агоры с частично сохранившимся медальоном с изображением мужской головы в венке из листьев лавра (Hayes. 2008. P. 205. № 845. Fig. 27. Pl. 45). Фиала, близкая по форме и размерам находке из Артезиана, также с граненой профилировкой нижней части, происходит из раскопок южных ворот Агоры в Эфесе (Gassner. 1997. S. 49, 51. №. 125. Taf. 8).

Обращает на себя внимание тот факт, что медальон № 2 укрывает фиалу, тогда как медальон № 1 – чашу на кольцевом поддоне. В тех редких случаях, когда исследователи при публикации обращали внимание на форму дна сосуда, это были, как правило, сосуды на кольцевых поддонах, как находки с Афинской Агоры (Hayes. 2008. P. 51, 197. № 760–762. Fig. 23) или с Делоса (Richter. 1960. Pl. XLVII, 211; Siebert. 1980. P. 191, 195. Fig. 3; Kogler, Mandel. 2004.

⁶⁴ Здесь чаша сфотографирована склеенной из фрагментов, но недогипсованной.

С. 97–98. Abb. 8). Мы имеем дело с воспроизведением предмета парадного серебра, имевшего пропагандистскую функцию в более дешёвом материале. Немаловажен и тот факт, что наиболее ранние известные нам образцы серебряных фиал с накладными медальонами на донцах, украшенные представленными в профиль изображениями голов божеств относятся ещё к позднеэллинистическому времени, хотя значительно более распространёнными они становятся начиная со второй четверти I в. н.э. (Трейстер. 2007. С. 36–37).

Таким образом, новые находки портретных медальонов открытых краснолаковых сосудов на Боспоре, происходящие из документированных контекстов, не только уточняют области распространения таких памятников и их хронологию, но и представляют новые типы портретов, неизвестные до сих пор не только в Северном Причерноморье, но и в Восточном Средиземноморье. Очевидно, что распространение медальонов с портретами как видного политического деятеля Малой Азии позднеереспубликанского времени, так и римских императоров династии Юлиев-Клавдиев на Боспоре требует серьезного анализа и интерпретации в контексте известных данных о контактах Боспора с Римом во второй половине I в. до н.э. – середине I в. н.э. Очевидно, что назрела задача полной каталогизации портретных медальонов из Северного Причерноморья с качественной фотофиксацией и естественно-научными исследованиями глины и лака образцов⁶⁵.

Литература

- В. А. Анохин.* Монетное дело Боспора. К., 1986.
- Н. И. Винокуров.* Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан // Боспорский феномен. СПб., 2007. Ч. 1.
- Н. И. Винокуров.* Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.) // СΥΜΒΟΛΑ I. М., К., 2010.
- М. И. Вязьмитина.* Портретная эмблема из Золотой Балки // Ольвия. К., 1975.
- Е. А. Молев.* Рельефные медальоны из Китея // АМА. 2002. Вып. 11.

⁶⁵ Низкое полиграфическое качество воспроизведения медальонов из Северного Причерноморья в статье М. И. Вязьмитиной (Вязьмитина. 1975. С. 220–244) делает практически невозможным объективное сопоставление изображений старых и новых находок.

- Е. А. Молев.* Боспорский город Китей // БИ. 2010. Suppl. 6.
- В. И. Павленков.* Фрагмент портретной эмблемы с Южно-Донузлавского городища // СА. 1988. № 1.
- О. К. Савельев.* Портретные рельефные изображения на керамике римского времени из Тиры // Древнее Причерноморье. Одесса, 2013. Т. X.
- М. Ю. Трейстер.* Торевтика и ювелирное дело Северного Причерноморья (эллинистическая традиция) 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. // *В. И. Мордвинцева, М. Ю. Трейстер.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье (2 в. до н.э. – 2 в. н.э.). Т. 1. Симферополь, Бонн, 2007.
- Н. А. Фролова.* Монетное дело Боспора. Т. I. М., 1997.
- М. С. Шапцев.* Портретный оттиск с городища Кара-Тобе // БИ. 2007. Вып. XVI.
- V. R. Anderson.* Pottery of the Late Hellenistic and Early Roman Periods at Stobi. Austin, 1977.
- D. Boschung.* Die Bildnisse des Caligula. Berlin, 1989. – (Das römische Herrscherbild, I. 4).
- D. Boschung.* Die Bildnisse des Augustus. Berlin, 1993. – (Das römische Herrscherbild, I. 2).
- D. Boschung.* Gens Augusta: Untersuchungen zu Aufstellung, Wirkung und Bedeutung der Statuengruppen des julisch-claudischen Kaiserhauses. Mainz, 2002. – (Monumenta artis romanae. 32).
- H.-G. Buchholz.* Methymna: Archäologische Beiträge zur Topographie und Geschichte von Nordlesbos. Mainz, 1975.
- R. Colonia.* Μυτιλήνη – Λείψανα ελληνιστικῆς ὀχυρώσεως // AAA. 1974. VII. 2.
- G. R. Edwards.* Corinthian Hellenistic Pottery. Princeton, 1975. – (Corinth VII. Part III).
- V. Gassner.* Das Südtor der Tetragonos-Agora. Wien, 1997. – (Forschungen in Ephesos. 13/1/1).
- G. Grimm.* «Der als Gott erscheint» Gnaeus Pompeius Theophanes von Mytilene, ein wenig bekannter Wohltäter Griechenlands // Antike Welt. 2004. 35.1.
- J. W. Hayes.* Roman Pottery. Fine-Ware Imports. Princeton, 2008. – (The Athenian Agora. Vol. 32)
- G. Hübner.* Die Applikenkeramik von Pergamon. Berlin, 1993. – (Pergamenische Forschungen. 7)
- Kat. Berlin. 2011 – Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung. Berlin, 2011.
- P. Kogler, U. Mandel.* Italische Einflüsse in der knidischen Keramik der frühen Kaiserzeit // Early Italian Sigillata. The Chronological Framework and Trade Patterns. Leuven, 2004. – (Babesch Suppl. 10).
- D. Mannsperger.* Annos undeviginti natus. Das Münzsymbol für Octavians Eintritt in die Politik // Praestant interna. Festschrift für Ulrich Hausmann. Tübingen, 1982.
- I. A. Morales.* Diplomacy in the Greek Poleis of Asia Minor: Mytilene's Embassy to Tarraco // Classica et Mediaevalia. 2010. 61.

- G. M. A. Richter.* Greek Portraits, II: How were Likeness transmitted in Ancient Times? Small Portraits and Near Portraits in Terracotta. Greek and Roman. Brussels, 1960. – (Collection Latomus, XLVII).
- D. Cn. Salzmann.* Pompeius Theophanes. Ein Benennungsvorschlag zu einem Porträt in Mytilene // RM. 1985. 92.
- G. Siebert.* Un portrait de Jules César sur une coupe à médaillon de *Délos* // BCH. 1980. Vol. 104.
- J. M. C. Toynbee.* Roman Historical Portraits. London, 1978.
- C. Williams.* Late Hellenistic «Portrait Bowls» from Mytilene // Echos du Monde Classique / Classical Views. 1998. 42. (n.s. 17).

К. В. Новиченкова-Лукичёва

Стеклопосуда I в. до н.э. – I в. н.э. на Боспоре и в Южной Таврике

При раскопках святилища у перевала Гурзуфское Седло на Главной гряде Крыма, проводившихся в 1981–1993 гг. под руководством Н. Г. Новиченковой и В. И. Новиченкова, обнаружены разнообразные предметы, использовавшиеся в жертвоприношениях. Наиболее многочисленными находками, наряду с костями жертвенных животных и керамикой, являются фрагменты стеклянных сосудов эллинистического периода (II – первой половины I в. до н.э.) и раннего римского времени (второй половины I в. до н.э. – I в. н.э.) (Новиченкова. 2002. С. 15; Новиченкова-Лукичёва. 2010. С. 321). Посуда раннего римского времени обнаружена в слоях ритуального комплекса с ямками, сооружённого в 30-е – 20-е гг. I в. до н.э. Его сакральный центр представлял собой площадку овальной формы, окружённую ямками, где осуществлялись обряды сожжения останков жертвенных животных. Стеклопосуда разбивалась внутри этого ограждения, и её осколки рассеивались по поверхности. Об этом свидетельствует почти полное отсутствие локальных скоплений фрагментов отдельных сосудов. Полностью не удалось подобрать ни один экземпляр. Однако археологически целая форма во многих случаях реконструируется. Сохранность стекла из раскопок святилища очень хорошая. Оно не утратило яркости и прозрачности за время пребывания в земле.

В I в. до н.э. – I в. н.э. стеклоделательные центры Средиземноморья выпускали продукцию, разнообразную по форме и технике изготовления (Сорокина. 1984. С. 233–234, 257–258. Табл. LXX – LXXI). Посуду изготавливали в технике сердечника или песочно-глиняного ядра, литья, мозаики, прессования, свободного выдувания

и выдувания в форму. Стекло окрашивали в яркие цвета и использовали всевозможные способы декора.

Богатство форм и типов стеклянных сосудов нашло отражение в находках из богатых погребений некрополей Боспорского царства и из культурного слоя святилища у перевала Гурзуфское Седло. До широкого распространения техники выдувания стеклянная посуда относилась к предметам роскоши и была принадлежностью знати.

В святилище у перевала Гурзуфское Седло и в Боспорских некрополях обнаружены следующие похожие сосуды.

Сосуды в технике сердечника. В некрополе Пантикапея найдены два амфориска из коричневого (1905 г., могила 23) и синего (1910 г., могила 47/5) стекла. Тулово обоих сосудов выполнены из глухого стекла и покрыто фестончатым орнаментом. Вертикальные ручки и каплевидные окончания ножек изготовлены из прозрачного стекла (Кунина. 1997. С. 253. Кат. 37; Кунина, Сорокина. 1972. С. 170. Рис. 11–18).

Фрагменты подобного флакона (Рис. 1. 2) выявлены в ямке № 80 б ограждения сакрального центра святилища у перевала Гурзуфское Седло. Амфориск из тёмно-зелёного полупрозрачного стекла имеет орнамент из фестонов на овальном тулове, а также из накладных голубых и жёлтых нитей на узком цилиндрическом толсто-стенным горле и конусовидном дне. Ножка с каплевидным окончанием и узкие вертикальные ручки выполнены из прозрачного светло-зеленого стекла. Венчик утрачен. Н. З. Кунина и Н. П. Сорокина датировали подобные сосуды временем правления Августа (Кунина, Сорокина. 1972. С. 159. Рис. 6–4; Кунина. 1997. С. 253. Кат. 38). Это самые поздние сосуды в технике сердечника, так как к 8 – 15 гг. н.э. они выходят из употребления (Grose. 1989. P. 170. № 170).

Мозаичные сосуды. К шедеврам античного стеклоделия относятся сосуды, выполненные в технике «золотополосного» стекла, которые известны в Средиземноморье и Западной Европе (Goldstein. 1979. P. 32–33; Dusenbery. 1967. P. 38. № 8. Fig. 9; Римское искусство и культура. 1984. С. 158). Н. З. Кунина выявила около двух десятков сосудов с узорами из лент золотой фольги, которые находятся в разных музеях мира и частных коллекциях (Кунина. 1970. С. 224). Три флакона и пиксида из «золотополосного» стекла происходят из некрополя Пантикапея. В окрестностях Керчи в подкурганной плитовой гробнице № 6 в 1883 году найдена пиксида без крышки (Кунина. 1970. С. 224–225; Художественное ремесло. 1980. С. 67. № 274).

В подобной технике изготовлена полихромная чаша с прослойкой золотой фольги, найденная в некрополе Горгиппии (склеп II на улице Горького. 1975 г.). Фиала обнаружена вместе с большим количеством высокохудожественных изделий и предметов из драгоценных металлов (Алексеева, Сорокина. 2007. С. 54. Рис. 6).

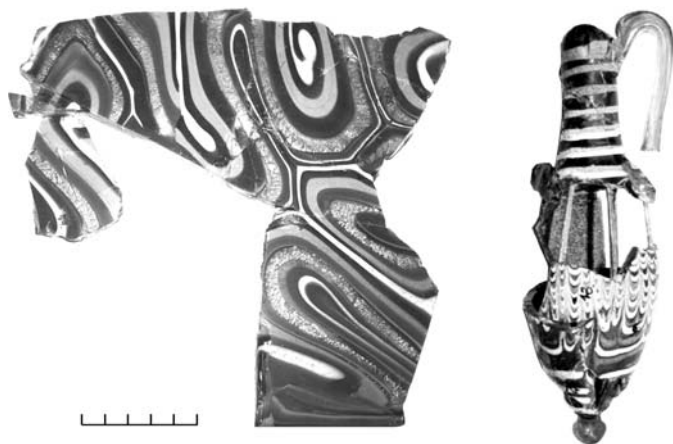

Рис. 1. Полихромные стеклянные изделия из святилища у перевала Гурзуфское Седло

Относительно даты изготовления сосудов из «золотополосного» стекла точки зрения учёных сходны: конец I в. до н.э. – начало I в. н.э. (Fremersdorf. 1932. S. 286), или I в. н.э. (Saldern. 1964. P. 42). Ранее центром их изготовления считалась Александрия Египетская (Кунина. 1970. С. 227–228), в дальнейшем Н. З. Кунина высказала предположение об италийском происхождении флаконов и пиксиды (Кунина. 1997. С. 268. Кат. № 95–98. Ил. № 94, 95). Подобных сосудов в святилище у перевала Гурзуфское Седло не обнаружено, но в слоях ритуального комплекса рубежа н.э. выявлен 71 фрагмент пластины в полихромной ленточной технике с прослойкой из золотой фольги (Рис. 1. 1). Крупная её часть лежала в ямке 80 б вместе с осколками описанного выше амфориска. Предположительно пластина толщиной 0,6–0,8 см имела размеры около 30 x 40 см и ровные зашлифованные края. Изделие состоит из двух слоёв стекла: бесцветной полупрозрачной основы и верхнего слоя, образующего узор из полосок ярко-синего, бирюзового, жёлтого, коричневого и молочно-белого стекла и тонко раскатанных полос золотой фольги, находящихся между двумя слоями прозрачного стекла. Цветовая гамма этого уникального изделия несколько иная, чем у описанных выше сосу-

дов. Для его создания использовались полосы жёлтого и коричневого стекла, в то время как пурпурная полоса у него отсутствует. Подобная пластина с прослойкой из золотой фольги обнаружена впервые. Наиболее вероятная дата её изготовления – вторая половина I в. до н.э.

Выдувные сосуды с росписью эмалевыми красками. Одним из наиболее известных стеклянных изделий из некрополя Пантикапея стала миниатюрная амфора (1910 г. Погребение 47 (5)), тулово которой покрыто изображением виноградных лоз и побегов плюща с сидящими на них птицами (Кунина, Сорокина. 1972. С. 158–159. Рис. 6, 5; Кунина. 1997. С. 289. Кат. № 178). Роспись выполнена эмалевыми красками ярко-жёлтого, зелёного, коричневого, красного и белого цветов.

На Гурзуфском Седле в северной части сакрального центра найдены фрагменты верхней части амфоры (Рис. 2. 1) из светло-зеленого стекла, по форме подобной Пантикапейскому сосуду. В отличие от экземпляра из Пантикапея, украшенного на плечиках оливковой ветвью, в верхней части сосуда из святилища расположены два пояска. Один состоит из жёлтых точек, другой имеет вид гирлянды из красных ягод и зелёных листьев. М. И. Ростовцев посвятил расписным сосудам из стекла Северного Причерноморья отдельное исследование. Амфору из некрополя Пантикапея он относил к последним десятилетиям I в. до н.э. (Ростовцев. 1914. С. 1–26; 119–120). Н. З. Кунина и Н. П. Сорокина считали сосуд продукцией италийских мастеров времени Августа (Кунина, Сорокина. 1972. С. 158–159. Рис. 6, 5; Кунина. 1997. С. 289. Кат. № 178). В святилище на Гурзуфском Седле немало других находок стеклянной посуды, аналогичных боспорским: литые (Рис. 2. 2) и выдувные чаши с рёбрами, стаканы с гравированными поясками, выдувные в форму сосуды с рельефными изображениями (в том числе кубок с мифологическими сценами, стакан с надписью), фигурный сосуд в виде головы, кувшины с цилиндрическим и призматическим туловом, флаконы с накладными нитями и т.д. (Новиченкова. 1994. С. 55–56). С IV века до н.э. у населения Горного Крыма, судя по находкам монет, начали налаживаться связи с Боспорским царством (Novichenkova. 2008. P. 299). Они укрепились во II в. до н.э. (Новиченкова М. В., Новиченкова Н. Г. 2011. С. 372), но особенно прочными стали на рубеже н.э., в период правления Асандра, Динамии, Аспурга и Митридата VIII. Об этом свидетельствует обнаружение большого количества монет этих правителей и импортных стеклянных сосудов, находящихся аналогии в некрополях Пантикапея, Кеп, Горгиипии (Новиченкова. 1994. С. 54–56).

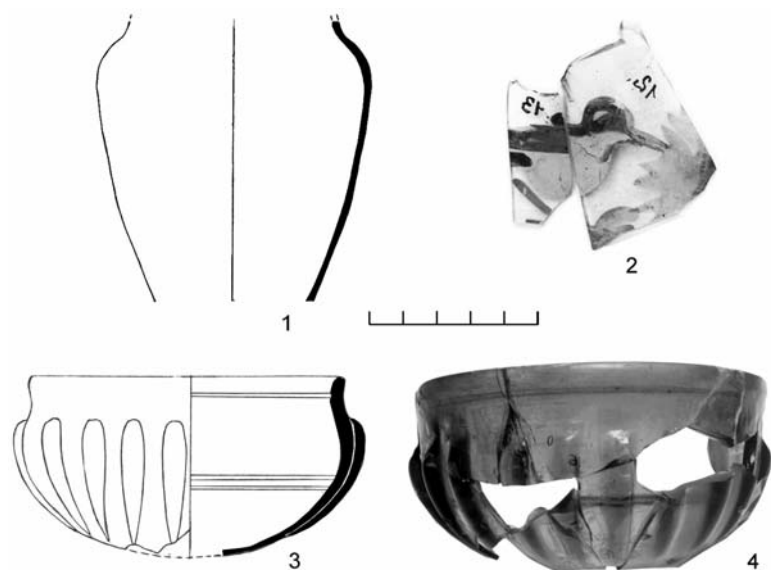

Рис. 2. Стекланные сосуды из святилища у перевала Гурзуфское Седло: 1–2 – фрагмент амфоры с росписью эмалевыми красками; 3–4 – литая чаша с рёбрами

Как отмечалось выше, после изобретения выдувного стекла и на начальных этапах его распространения (вторая половина I в. до н.э. – рубеж н.э.) посуда из этого материала представляла значительную материальную ценность. Именно поэтому стекланные сосуды этого времени встречаются в богатых погребениях Боспорского царства и в святилище у перевала Гурзуфское Седло в Горном Крыму. Вероятно, обрядами жертвоприношения руководила варварская элита, которая могла играть определённую роль в сложных взаимоотношениях Боспора, Херсонеса и Рима (Новиченкова, Новиченкова-Лукичёва. 2009. С. 287). Источники поступления стеклнной посуды, происходившей из различных центров Средиземноморья, в Горный Крым и на Боспор в конце I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. могли быть разными. Но, возможно, часть стеклнных изделий попадала на варварские территории именно с Боспора вместе с боспорскими и римскими монетами и другими престижными ценностями.

Литература

- Е. М. Алексеева, Н. П. Сорокина.* Коллекция стекла античной Горгиипии (I–III вв.). М., 2007.
- Н. З. Кунина.* Группа полихромных стеклянных сосудов из некрополя Пантикапея // СА. 1970. № 3.
- Н. З. Кунина.* Античное стекло из собрания Эрмитажа. СПб., 1997.
- Н. З. Кунина, Н. П. Сорокина.* Стеклянные бальзамарии Боспора. Л. 1972.
- К. В. Новиченкова.* Стеклянные гладкостенные чаши из святилища античного времени у перевала Гурзуфское Седло // МАИЭТ. Т. IX. Симферополь, 2002.
- К. В. Новиченкова-Лукичёва.* Три стеклянных полихромных ритона эллинистического времени из святилища Южной Таврики // Боспорские исследования. Т. XXIII. Симферополь, Керчь, 2010.
- М. В. Новиченкова, Н. Г. Новиченкова.* Комплексы предметов из металла эпохи эллинизма из святилища у перевала Гурзуфское Седло и из Артюховского кургана // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011.
- Н. Г. Новиченкова.* О контактах населения Горного Крыма с Боспором // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4.
- Н. Г. Новиченкова, К. В. Новиченкова-Лукичёва.* Комплексы с оружием и античным импортом II в. до н.э. – I в. н.э. в Горном Крыму и в Прикубанье // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.
- Римское искусство и культура. Выставка Римско-германского музея города Кёльна. *П. Нёльке, М. Ридель* (ред.). Кёльн, 1984.
- М. И. Ростовцев.* Стеклянные расписные вазы поздне-эллинистического времени и история декоративной живописи; Дополнение (с 1 табл.) // ИАК. 1914. Вып. 54.
- Н. П. Сорокина.* Сирийский стеклянный сосуд из собрания Одесского государственного археологического музея // Краткие сообщения о полевых исследованиях ОГАМ за 1963 год. Одесса, 1965.
- Художественное ремесло эпохи Римской империи (I в. до н.э. – IV в. н.э.). Каталог выставки. Л., 1980.
- Е. В. Dusenbery.* Ancient Glass from Cemeteries of Samothrace // JGS. 1967. № 9.
- F. Fremersdorf.* Alexandrinisches Buntglas aus einer Grabummauerung in Köln // Germania Anzeiger. 1932. 16.
- S. M. Goldstein.* Pre-Roman and Early Roman Glass in the Corning Museum of Glass. Corning, 1979.
- D. F. Grose.* Early ancient Glass. The Toledo Museum of Art. New York, 1989.
- N. G. Novichenkova.* Mountainous Crimea: a frontier zone of ancient civilization // Meetings of cultures. Between conflicts and coexistence. Aarhus. 2008.
- A. Saldern.* Ancient Glass in Split // JGS. 1964. № 6.

Е. В. Лурье

Изображения шлемов с составным куполом на Боспоре и археологические реалии

Изображения шлемов на фресках боспорских склепов и на погребальных стелах привлекали внимание исследователей с самого начала изучения Боспорского царства. Ими занимались В. В. Стасов, Г. Кизерицкий, М. И. Ростовцев, В. В. Арндт, В. Ф. Гайдукевич, В. Д. Блаватский, Т. А. Матковская, В. А. Горончаровский, М. Мильчарек, П.-А. Кройц и другие ученые.

На фресках из керченских склепов присутствуют, согласно предложенной мною схеме классификации (Лурье. 2013. Табл. 1, 2), шлемы двух групп и трёх типов:

Группа I. Каркасные шлемы. Тип 1. Сфероконический шлем с продольной дугой каркаса (Bandhelm). Изображён на всаднике из «Стасовского» склепа 1872 г. (Ростовцев. 1913–1914. Табл. LXXVIII).

Тип 2. Конический шлем смешанной конструкции: с вертикальными и горизонтальными дугами каркаса. На изображениях всадников из «Стасовского» склепа 1872 г. (Ростовцев. 1913–1914. Табл. LXXIX, LXXXI), на одном из шлемов из склепа Ашика 1841 г. (Ростовцев. 1913–1914. Табл. LXXXVIII). Условно можно к тому же типу отнести и изображения шлемов из склепа 1873 г. (Ростовцев. 1913–1914. Табл. LXIV).

Группа II. Пластинчатые (ламинарные). На фреске из склепа, открытого А. Б. Ашиком в 1841 г., на всадниках изображены высокие конические шлемы из узких вертикальных пластин; поперечные ребра изображены лишь в одном случае. Присутствуют нащёчники. В одном случае изображены надглазничные вырезы (Ростовцев. 1913–1914. Табл. LXXXVIII).

На боспорских стелах также представлены изображения серии конических шлемов с нащёчками двух групп.

Группа II. Пластинчатые (ламинарные). Видимая часть шлема пешего оруженосца, изображенного на надгробии Менофила, сына Демострата (Рис. 1. 8) (КБН-Альбом. 313. кон. I в. до н.э. – нач. I в. н.э. (КБН. С. 222) имеет семь вертикальных полос, короткий наносник, надглазничные вырезы и массивные нащёчники (Горончаровский. 2003. С. 80).

Рис. 1. Изображения шлемов на боспорских надгробных стелах: 1 – стела из Британского музея; 2 – КБН-Альбом. 584; 3 – КБН-Альбом. 505; 4 – КБН-Альбом. 332; 5 – КБН-Альбом. 278; 6 – КБН-Альбом. 612; 7 – КБН-Альбом. 374; 8 – КБН-Альбом. 313. 1–2 по: Kieseritzky, Watzinger. 1909

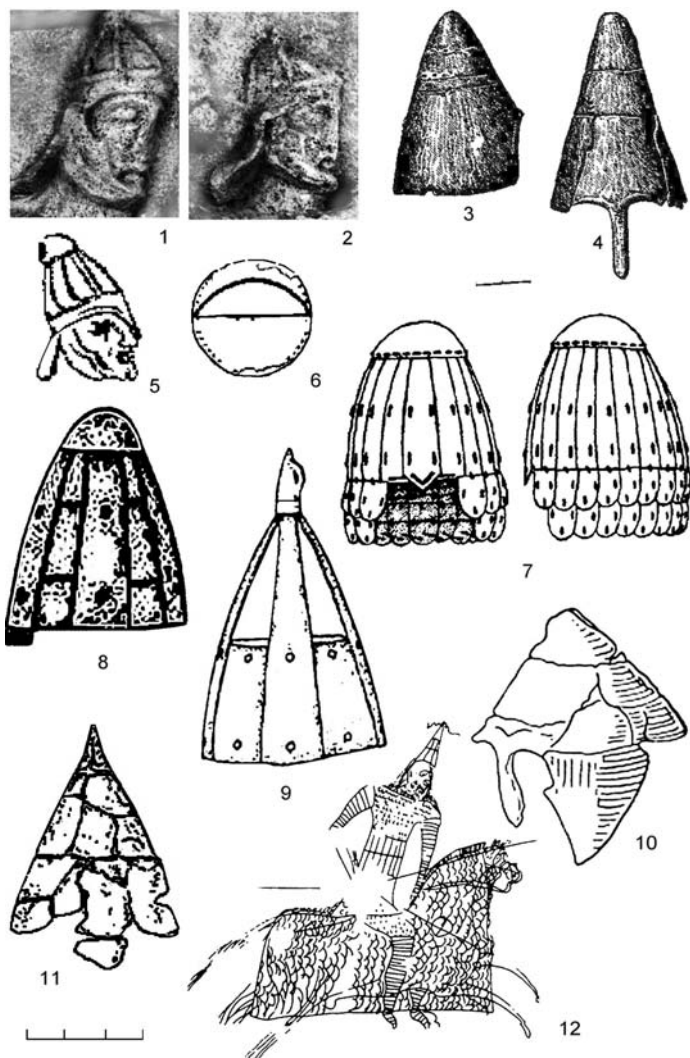

Рис. 2. Аналогии боспорским изображениям шлемов с составным куполом: 1–2 – изображения шлемов с монумента Траяна в Адамклесси (107 г. н.э.); 3–4 – шлемы из Истяцкого клада; 5 – изображение пластинчатого шлема на арке Галерия (Горелик. 1993); 6 – полусферическое навершие шлема из погр. № 97 мог. Лаохэшэнь (Рец, Юй Су-Хуа. 1999); 7 – шлем из погр. № 67 мог. Лаохэшэнь (Рец, Юй Су-Хуа. 1999); 8–9 – шлемы из погр. 6 и 10 мог. у хут. Городской (Сазонов. 1992); 10 – шлем из Золотого кладбища (Берлизов. 1998); 11 – шлем из погр. № 6 Чернышевского могильника (Кожухов. 1999); 12 – изображение каркасного шлема на граффити из Дура-Эвропос (James. 1986)

Шлем из пяти вертикальных полос изображен на стеле Родона, сына Гелиоса (Рис. 1. 3) (КБН-Альбом. 505. I в. н.э. КБН. С. 313).

Невозможно определить конструкцию конических шлемов с нашёпниками, изображённых ещё на четырнадцати стелах из Керчи: 1) Стела Клеона, сына Клеона (Рис. 1. 5) (КБН-Альбом. 278. I в. до н.э. (КБН. С. 205)); 2) Стела Дионисия, сына Дионисия (КБН-Альбом. 307. Кон. I в. до н.э. – первые десятилетия I в. н.э. (КБН. С. 218)); 3) Стела Афения, Ареты, Феофила и Мения (Рис. 1. 4) (КБН-Альбом. 332. I в. н.э. (КБН. С. 232)); 4) Стела Агафуса, сына Гезуса (КБН-Альбом. 328. I в. н.э. (КБН. С. 229–230)); 5) Стела Гая, сына Менодора (Рис. 1. 7) (КБН-Альбом. 374. Втор. пол. I в. н.э. (КБН. С. 251)); 6) Стела Юлия Патия, сына Деметрия (Рис. 1. 6) (КБН-Альбом. 612. Втор. пол. I в. н.э. – перв. пол. II в. н.э. (КБН. С. 361)); 7) Стела Лаодики, жены Феофила (КБН-Альбом. 448. Втор. пол. I в. н.э. (КБН. С. 286–287)); 8) Стела Артемидора, сына Диоги (Рис. 1. 2) (КБН-Альбом. 584. Вт. пол. I – перв. пол. II вв. н.э. (КБН. С. 348–349)); 9) Стела Анфестерия, сына Метрофила, и Аристомеха (КБН-Альбом. 651. Перв. пол. II в. н.э. (КБН. С. 379–380)); 10) Стела Констанция и Мирмека (КБН-Альбом. 738. Сер. II в. н.э. (Kreuz. 2012. S. 873)); 11) Стела из Британского музея (Рис. 1. 1) (Kieseritzky, Watzinger. 1909. № 619; Kreuz. 2012. № 1001. Перв. пол. I в. н.э. (Kreuz. 2012. S. 869)); 12) Обломок стелы из ГИМа (Kieseritzky, Watzinger. 1909. № 618; Kreuz. 2012. № 991. Перв. пол. I в. н.э. (Kreuz. 2012: 865)); 13) Стела из Керченского музея КЛ-187 (Матковская. 1983. Табл. VI, 2; Kreuz. 2012. № 999. Перв. пол. / сер. I в. н.э. (Kreuz. 2012. S. 868)); 14) Стела из Керченского музея КЛ-345 (Матковская. 2001. Рис. 11; Kreuz. 2012. № 989. Втор. пол. I в. н.э. по (Kreuz. 2012: 864)).

В большинстве случаев центральный персонаж показан с непокрытой головой:

– КБН-Альбом. 505 – шлем в руках у слуги, центральный персонаж – пехотинец;

– КБН-Альбом. 248, КБН-Альбом. 313 и КБН-Альбом. 374 – шлем на пешем воине, сопровождающем всадника;

– КБН-Альбом. 307, КБН-Альбом. 332, КБН-Альбом. 651, КБН-Альбом. 738, стела из Британского музея, обломок стелы из ГИМа, обе стелы из Керченского музея (всего 8 экз.) – шлем на всаднике, сопровождающем центрального персонажа;

– КБН-Альбом. 448 – шлем на всаднике, следующем впереди;

– КБН-Альбом. 584, КБН-Альбом. 612 – всадник в шлеме с несколькими лошадьми (как отмечает П.-А. Кройц, на самом деле этот всадник не является центральным персонажем, это нижний рельеф; верхний рельеф утрачен полностью или частично (Kreuz. 2012. S. 269)).

На гражданский костюм главных персонажей, при обилии наступательного вооружения, обратил внимание ещё М. И. Ростовцев (Ростовцев. 1913–1914. С. 329). В. Ф. Гайдукевич объяснял отсутствие на покойном защитного вооружения тем, что «надгробные рельефы изображают воинов не в походно-боевой обстановке, а в парадном виде воина-героя, победителя, выступающего перед зрителем» (Гайдукевич. 1949. С. 385). Вероятно, отсутствие на центральных персонажах доспехов является элементом героизации и не имеет отношения к реальности – так же, как и уменьшенный рост слуг и оруженосцев. В связи с этим интересно наблюдение П.-А. Кройца: на керченских надгробиях почти полностью отсутствуют характерные для Греции и Рима приёмы героизации умерших – обнаженные фигуры, мифологические персонажи или животные, жертвоприношения умершему (кроме сцен, где слуга протягивает покойному чашу) (Kreuz. 2012. S. 307–311). П.-А. Кройц, ссылаясь на Г. фон Галля, отмечает, что изображение воинов с оружием, но без доспехов типично для героических древнеиранских рельефов (Kreuz. 2012. S. 258).

Необходимо упомянуть и о редких изображениях на боспорских надгробиях римской эпохи шлемов абсолютно другого класса – *цельнокованных*. К ним относится, вероятно, шлем воина с мечом, изображённого в позе нападающего, со стелы Фанна, сына Археляя (КБН-Альбом. 292), датирующейся I в. до н.э. (КБН. С. 211) и считающейся по стилистическим особенностям одной из самых ранних боспорских стел (Kreuz. 2012. S. 243–244). К тому же типу принадлежит шлем пешего воина со стелы Дама, сына Гая, стратега тикандитов (КБН-Альбом. 382) и, возможно, самого Дама, который изображен конным, но безоружным, датирующаяся серединой I в. н.э. (КБН. С. 354). Данная стела является одной из очень немногих боспорских стел, где персонажи изображены лицом друг к другу. Шлем полусферической формы с уплощенной макушкой с полями и нащёчником подносит центральному персонажу слуга на стеле Василида, сына Василида (КБН-Альбом. 662) (перв. пол. II в. н.э. (КБН. С. 662)). Интересно отметить, что сюжет стелы (КБН-Альбом. 662) аналогичен сюжету ещё одной стелы (КБН-Альбом. 505), при этом сюжеты КБН-Альбом. 292 и КБН-Альбом. 382 с греческими шлемами нетипичны для боспорских стел римской эпохи.

Археологические реалии. Шлемы первой группы. Шлем 1-го типа первой группы известен нам также по изображению на постаменте колонны Траяна (113 г. н.э.). Археологическая находка шлема данного типа была сделана только в Дура-Эвропос и датируется более поздним временем – 256 г. н.э. (James. 1986. Fig. 16).

Шлемы смешанной конструкции (2-й тип первой группы). Я полагаю, что с большой долей вероятности именно к этому типу

относятся шесть шлемов из могильника у хут. Городской (Адыгя). Автор раскопок, А. А. Сазонов, выделил внутри этой серии два варианта: а) с закруглённым навершием (шлем из погр. № 6) (Рис. 2. 8); б) с ажурной тульей и коническим навершием (Рис. 2. 9) (Сазонов. 1992. С. 248–249; Сазонов, Спасовский, Сахтарбек, Тов. 1995). Вероятно, шлем из кургана № 4 могильника у ст. Некрасовской (инв. № ГЭ 2244/43) также относится к тому же типу. Сходное изображение III в. н.э. происходит снова из Дура-Эвропос (Рис. 2. 12) (James. 1986: Fig. 12). На колонне Траяна дважды встречаются шлемы с горизонтальными дугами каркаса: шлем с восточной стороны постамента колонны и шлемы сарматских катафрактариев с рельефного фриза.

Шлемы с крестовым каркасом ярко выраженной конической формы, нам известны только по римским рельефам: на монументе Траяна из Адамклисси (Румыния) (107 г. н.э.) подобные шлемы защищают головы римских воинов (Рис. 2. 1), также они встречаются среди трофеев на фризе колонны Траяна (113 г. н. э.) и т. д.

Шлемы II группы – из вертикальных пластин связаны своим происхождением с Китаем эпохи Хань. На сегодняшний день известно немало ламинарных шлемов I–II вв. н.э. (Лурье. 2012). Три пластинчатых шлема с полусферическим навершием первой половины I в. н.э. обнаружены на могильнике Лаохэшэнь (уезд Юйшу, провинция Цзилинь, КНР) (Рис. 2. 6, 7) (Рец, Юй Су-Хуа. 1999). Этим же временем датируется шлем, происходящий из погр. 6 кургана 3 Исаковского-1 могильника (Омская область), относящегося к саргатской культуре (Погодин. 1998). В Поволжье в середине I в. н.э. фрагменты ламинарных шлемов зафиксированы в двух погребениях могильника «Андреевский курган» (Мордовия) (Степанов. 1980; Гришаков, Зубов. 2009. С. 32): в наиболее древнем — центральном «вождеском» погребении № 25/1 и в воинском погребении № 50, также относящемся к «первому поколению» андреевских могил. Неопубликованный ламинарный шлем происходит из материалов Кипчаковского могильника (Башкирия) пьяноборской культуры, датирующегося II–I вв. до н.э. (Зубов 2011. С. 68). Другой неопубликованный шлем (по описанию, также из пластин, сходящихся к круглой плоской детали навершия) был найден при грабительских раскопках в Пильне (Зубов, Лифанов, Радюш. 2011. С. 20). В III в. н.э. изображения пластинчатых шлемов встречаются на арке Галерия в Салониках (298–299 гг. н.э.) (Рис. 2. 5). В то же время пластинчатый шлем впервые фиксируется на территории Кавказа – это шлем из кургана 13 мог. у с. Кишпек (Кабардино-Балкария) (Бетров. 1987; подробнее см. Лурье. 2013).

Высокие конические шлемы, возможно, имели горизонтальное деление купола. Аналогичные шлемы были найдены на террито-

рии Золотого кладбища (Рис. 2. 10) (Ленц. 1902. С. 120–123) и в конском погр. № 6 Чернышевского I могильника (Адыгея) (Лесков, Габубев, Днепровский. 1986. С. 169; Кожухов. 1999) (Рис. 2. 11), а также в составе Истяцкого клада в Омской области (Рис. 2. 3, 4).

Вероятно, отсутствие находок шлемов с составным куполом в погребениях первых веков нашей эры на Боспоре можно объяснить спецификой погребального обряда, что вполне соответствует отсутствию изображений доспехов на центральных персонажах надгробий. В Предкавказье мы видим иную погребальную традицию. Хорошо известна целая серия находок шлемов в погребениях могильников у хут. Городского и соседнего аула Ленинохавль, в комплексах могильника «Золотое кладбище», в кургане № 4 могильника у ст. Некрасовской, в конском погребении № 6 Чернышевского I могильника, кургане «Остром» у ст. Ярославской, а также под Анапой (Кожухов. 1999).

Таким образом, можно говорить об использовании шлемов с составным куполом на Боспоре, судя по памятникам изобразительного искусства и археологическим находкам смежных территорий, еще в первой половине I в. н.э. Новые типы шлемов достаточно быстро вытеснили греческие цельнокованные шлемы. Следует также отметить сосуществование *прикубанской*, варварской традиции типов шлемов смешанной конструкции и пришедшей из Китая традиции ламинарных шлемов. На основании хронологии комплексов можно говорить, что ламинарные шлемы появляются в материалах сяньбийских погребений Восточного Китая, памятниках саргатской культуры Западной Сибири, памятниках писеральско-андреевского типа Поволжья практически одновременно с появлением их изображений на боспорских надгробиях – в первой половине I в. н.э. Этот загадочный феномен остается пока неизученным и послужит темой будущих исследований.

Литература

- Н. Е. Берлизов. О нескольких забытых находках круга «Золотого кладбища» // Древности Кубани. Краснодар, 1998. Вып. 8.
- Р. Ж. Бетрозов. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. 1987. Том 3.

- В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М., Л., 1949.
- М. В. Горелик.* Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
- В. А. Горончаровский.* Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб., М., 2003.
- С. Э. Зубов.* Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв. н.э.). Saarbrücken, 2011.
- С. Э. Зубов, Н. А. Лифанов, О. А. Радюш.* Новые памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек. 2011. № 1.
- С. П. Кожухов.* Закубанские катафрактары // Материальная культура Востока. М., 1999.
- Э. Э. Ленц.* Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 120–131.
- А. М. Лесков, Т. А. Габуев, К. А. Днепровский.* Отчёт о работе Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1985 г. М., 1986. // Архив ИА РАН. Р-1. Дело № 10973.
- Е. В. Лурье.* Генезис ламинарных шлемов I–III вв. н.э. // Stratum plus. 2012. № 4.
- Е. В. Лурье.* Шлем из мог. у с. Кишпек и классификация шлемов с составным куполом римского времени // Материалы III Абхазской международной конференции. 2013. (В печати).
- Т. А. Матковская.* Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н.э. // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.
- Т. А. Матковская.* Мужской костюм европейского Боспора первых веков н.э. (по материалам керченского лапидария) // Боспорские исследования. 2001. Вып. I.
- Л. И. Погодин.* Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск, 1998.
- К. И. Рец, Юй Су-Хуа.* К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций (2). Горизонты Евразии. Новосибирск. 1999.
- М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914.
- А. А. Сазонов.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992.
- А. А. Сазонов, Ю. Н. Спасовский, З. Н. Сахтарьек, А. А. Тов.* Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.
- П. Д. Степанов.* Андреевский курган. Саранск, 1980.
- G. von Kieseritzky, C. Watzinger.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.
- P.-A. Kreuz.* Die Grabreliefs aus dem Bosporianischen Reich. Leuven, Paris, Walpole, 2012.

S. James. Evidence from Dura-Europos for the origins of late Roman helmets // Syria. 1986. LXIII.

Е. В. Вдовченко, С. М. Ильяшенко

Тамги Танаиса – этнокультурный контекст явления⁶⁶

Тамги – это ценный источник по взаимодействию оседлого мира и кочевников, еще не в полной мере используемый для раскрытия этой темы. Тамги появляются в Восточной Европе из Центральной и Средней Азии, где эта традиция бытует с эпохи бронзы. Время появления – I в. до н. э. и рубеж эр. Но в целом эта инновация распространяется среди кочевников в среднесарматский период. Появление тамг в Танаисе говорит нам о контактах с кочевниками и проникновении сарматов в город. Конечно, не все тамги связаны с сарматами. Существуют, например, царские знаки, хотя по их поводу не существует единого мнения (Завойкина. 2003; Яценко. 2005; Трейстер. 2011). Но основной объем этих знаков всё же связан с кочевым миром.

По мнению многих исследователей, в сарматском мире тамги – это знаки коллективной принадлежности (клановой, родовой). Они могут быть знаками собственности, знаками присутствия, власти, оберегами (Ольховский. 2001). Однако в настоящее время с изучением тамг связано много вопросов, и универсальных ответов на них не существует.

Во II в. н.э. в Танаис вливается волна переселенцев, и следы иранского влияния мы видим в погребальном обряде, именах жителей города, распространении новых традиций, чуждых грекам, изменении религиозной ситуации. Появление тамг в городе связано, видимо, с этой волной. Тамги в Танаисе встречаются в комплексах II–III вв., т.е. датируются позднесарматским временем. Также тамги встречаются в позднеантичном Танаисе – в комплексах IV–V вв. Среди находок тамг преобладают изображения на плитах, из которых особое внимание исследователей привлекают т.н. «энциклопедии тамг». Тамги также встречаются на сосудах, оселках и других предметах. Анализ предметов, на которые помещали тамги, помогает нам получить важную информацию о населении Танаиса и степной зоны. Они позволяют узнать также об этнокультурных процес-

⁶⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Сарматские тамги Танаиса и его округа: публикация и историческая интерпретация»), проект № 01 (a1) – 12-31-01054.

сах, происходящих в сарматском обществе и в античных городах Боспора.

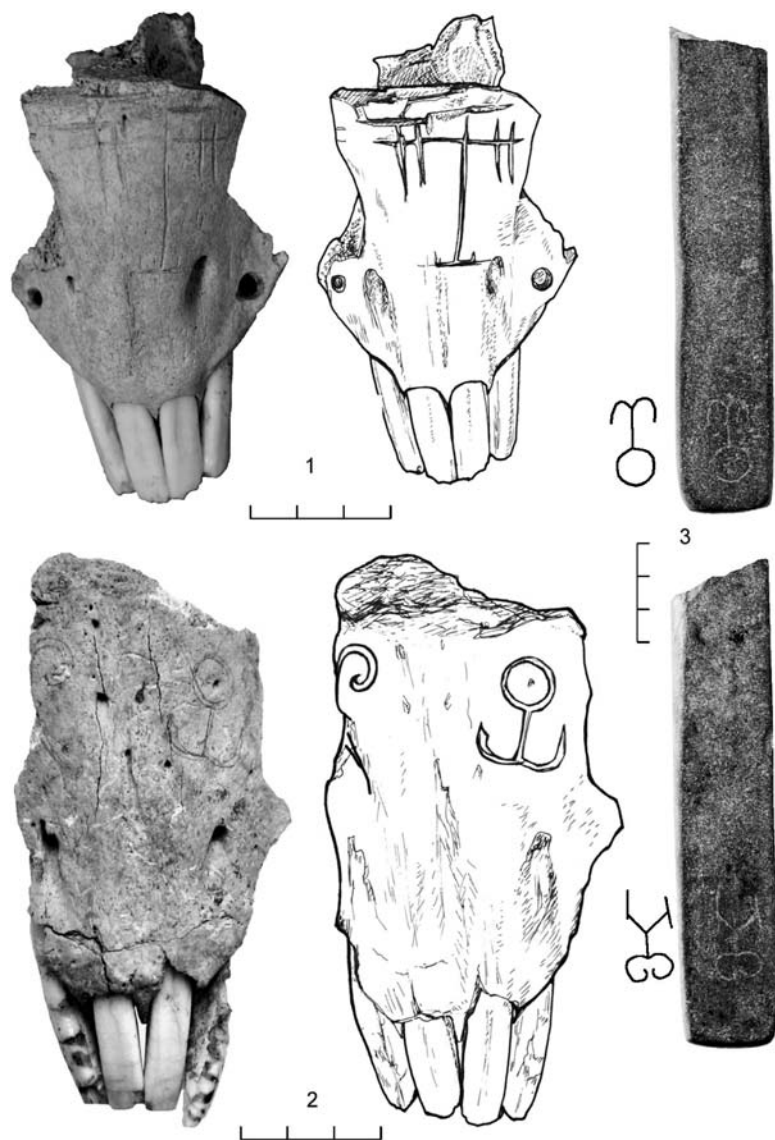

Рис. 1. 1–2 – свиные челюсти с тамгами из Танаиса; 3 – оселок с тамгами на двух сторонах из Темерницкого городища

«Энциклопедии тамг». По мнению С. А. Яценко, помещение на плиты нескольких (иногда десятков) тамг свидетельствует о проведении общественных акций, пиров, политических мероприятий (заключение союза, переговоры и т. п.). По материалам девяти плит «энциклопедий тамг» С. А. Яценко приходит к выводу, что большая часть знаков относится к типам, имевшим основное хождение в степной зоне в I–II вв. н.э., но встречаются и знаки, характерные для II–III вв., т.е. для позднесарматского периода (Яценко. 2001. С. 73–74). Следует обратить внимание на то, что, по мнению С. А. Яценко, энциклопедии являются свидетельством коллективных акций и переговоров, участвовать в которых могли и сарматы из степной зоны, обладающие значительной военной и политической мощью. Поэтому тамги позднесарматского круга на плитах не обязательно говорят об этнокультурном составе населения Танаиса, но могут быть свидетельством политических и культурных контактов с позднесарматскими племенами. Переговоры предполагают несколько сторон, и одной из этих сторон являются степные племена, другой, вероятно, представители города. Также следует обратить внимание на наличие так называемых царских тамг на этих энциклопедиях, что позволяет предположить участие царей или, скорее, их представителей в этих акциях (Яценко. 2001. Рис. 20, 1, 2. Рис. 21, 2. Рис. 22 а).

Новые плиты с тамгами, найденные в Танаисе на XIX раскопе (в южной части основного четырехугольника городища) российско-германским отрядом Нижне-Донской экспедиции ИА РАН в 1993–1995 гг., являются ценным дополнением к уже известным находкам, хранящимся в Новочеркасском музее истории донского казачества (Яценко. 2001. Рис. 20–24). Несмотря на то, что в большинстве своём это обломки плит (иногда очень небольшие), с изображениями от одной до нескольких тамг, в преддверии готовящейся их общей публикации можно уже сейчас сделать некоторые выводы. Прежде всего отметим, что тамги, нанесенные на плиты, ближе тамгам среднесарматской эпохи, нежели позднесарматской.

Тамги на отдельных предметах с городища и некрополя Танаиса дают более адекватное представление о культуре и происхождении сарматской общины города, нежели «энциклопедии», поскольку их принадлежность его жителям более вероятна (хотя для ряда находок мы не можем исключить их проникновение в город и иными путями, т.е. в результате торговли, дарообмена и т.п.). Тамги встречаются на глиняных сосудах (Ильяшенко. 2007. С. 38; Яценко. 2001. Рис. 6, 28), бронзовой обкладке деревянных сосудов (Яценко. 2001. Рис. 6, 23), серебряном канфаре (Яценко. 2001. Рис. 7, 26, 27), свинцовых гириях (Яценко. 2001. Рис. 6, 35), бронзовых зеркалах (Яценко. 2001. Рис. 6, 27), оберегах (кабаньи челюсти с прочерчен-

ными тамгами – Рис. 1. 1-2), оселках (Рис. 1. 3), ткацких грузиках и пр.⁶⁷

Следует пристальное внимание обратить также на тамги из нижнедонских так называемых меотских городищ, число которых растёт. На Рис. 1 показаны предметы со знаками, происходящие из последних раскопок на Недвиговском городище (Рис. 1. 1-2, раскопки 2011 г.), и оселки с тамгами с Темерницкого городища (Рис. 1. 3, раскопки 2012 г.). Тамга в виде якоря на челюсти и на оселке совпадают, и эта тамга относится к знакам позднесарматского круга.

Проблема культурной принадлежности новой группы населения Танаиса, появившейся здесь в середине II в. н.э., не может быть разрешена на данном этапе исследований. Однако рассматриваемые здесь новые материалы позволяют, на наш взгляд, сделать вывод о некоторой близости танаисских знаков с тамгами, характерными для среднесарматского периода. Не исключено то, что это может стать дополнительным аргументом, позволяющим сближать сарматское население Танаиса и носителей среднесарматской культуры⁶⁸. Тамги, оставленные жителями позднеантичного Танаиса IV–V вв., также дают основания для соотнесения этих поселенцев с населением степной зоны I–II вв.

Литература

- Е. Ф. Батиева.* Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону, 2011.
- С. И. Безуглов.* Позднесарматская культура и Нижний Дон (современное состояние проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2010.
- Н. В. Завойкина.* К вопросу о так называемых царских тамгах Боспора (154–238 гг.) // Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
- С. М. Ильяшенко.* Верхний и нижний город Танаис (предварительные наблюдения) // Вестник Танаиса. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области, 2007. Вып. 2. X.

⁶⁷Материал готовится к печати в рамках гранта РГНФ № 01 (а1) - 12-31-01054 «Сарматские тамги Танаиса и его округи: публикация и историческая интерпретация».

⁶⁸ Существует точка зрения о среднесарматском происхождении мигрантов (Яценко. 2011; Батиева. 2011. С. 81) и их позднесарматском происхождении (Шелов. 1974. С. 92; Безуглов. 2010. С. 109). Согласно мнению Е. Ф. Батиевой, усреднённый краниологический вариант Танаиса II–III вв. н.э. определённо обладает сходством с черепами из степных донских погребений среднесарматского периода.

- В. С. Ольховский.* Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Армавир, 2001. № 7.
- М. Ю. Трейстер.* Бронзовые и золотые пряжки и наконечники поясов с тамгообразными знаками – феномен боспорской культуры II в. н.э. // Древности Боспора. 2011. Т. 15.
- Д. Б. Шелов.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н.э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. № 1. 1974.
- С. А. Яценко.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- С. А. Яценко.* Тамги и эпиграфика Боспора: новые версии // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2005.
- С. А. Яценко.* К дискуссии об оформлении этнокультурных общностей кочевников Азиатской Сарматии 2-й пол. II – 1-й пол. III в. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2011. Вып. 12.

С. В. Воронятов

О назначении сарматских тамг в церемониальном конском снаряжении

В прошедший период работы конференций «Боспорский феномен» (1998–2011) вопросы исследования конской упряжи затрагивались неоднократно (Очир-Горяева. 2002. С. 137–145; Шаров. 2008. С. 160–164; 2011. С. 161–166; Беглова. 2009. С. 502–507; Симоненко. 2011. С. 598–602). Особую актуальность, в том числе в связи с недавней организацией ярких выставок в Государственном музее народов Востока и Государственном Эрмитаже, получила тема изучения парадного конского снаряжения позднеримского времени (Аланский всадник... 2005; Сокровища... 2008; Тайна... 2009; Засецкая, Шаров. 2008. С. 62–64; Минасян, Шаблавина. 2009. С. 82–85). Исследователи коснулись вопросов хронологии, классификации и техники изготовления элементов конских оголовий из таких эффектных комплексов, как «погребение с золотой маской», Комаров-II, Аэродром-I.

В настоящей работе хотелось бы рассмотреть вопрос о назначении сарматских знаков в оформлении парадного конского снаряжения римского времени, найденного на территории Боспора и Сарматии.

В литературе можно встретить мнение о том, что детали с сарматскими тамгами конскую сбрую *украшали* (Соломоник. 1959. С. 140; Власкин. 1990. С. 67; Шаров. 2012. С. 218). В большинстве же современных исследований всего лишь констатируется факт на-

личия элементов с изображением тамг в составе парадных конских оголовий. Поставить специальный вопрос о назначении сарматских тамг в конском снаряжении позволяет очень продуктивная, на мой взгляд, идея С. А. Яценко, сжато высказанная в контексте совсем другой темы. Идея заключается в том, что «тамги на металле могли имитировать (или дублировать) реальное таврение коня» (Яценко. 2001. С. 15). Попытаемся развить эту заслуживающую внимания идею, не нашедшую, насколько мне удалось проследить, отражения в многочисленных недавних исследованиях конского снаряжения.

При рассмотрении вопроса о функции элементов с сарматскими знаками в конском уборе обращают на себя внимание предметы, отмечающие те места на теле лошади, на которых ставилось тавро в древности. Это бедро, лопатка и щека (Соломоник. 1957. С. 210–218; 1959. С. 26, 27, 131; Яхтанигов. 1993. С. 65; Симоненко. 1991. С. 63, 64. Рис. 15, 2, 16; 1999. С. 112; Яценко. 2001. С. 12). Такие места, как лопатка и бедро, интересно рассмотреть в сопоставлении с местами размещением фаларов и блях на перекрестьях ремней конской упряжи. Такое место для подтаврка или дополнительного знака, как щека, особенно актуально в сопоставлении с изображениями сарматских тамг на деталях парадных конских оголовий.

Остановимся на двух наборах снаряжения, обнаруженных в могильниках Центральный-VI и Валовый-I на Нижнем Дону (Безуглов. 1988. С. 106, 108. Рис. 3, 4, 5; Симоненко. 2010. С. 233, 234; Аланский всадник... 2005. С. 28, 29; Беспалый и др. 2007. С. 64, 164. Табл. 75; Сокровища... 2008. С. 147). В обоих уборах присутствуют парные бляхи или фалары (Рис. 1. 3, 5), размещавшиеся на нащёчных ремнях узды. Лишь на одной из парных блях каждого убора изображена тамга⁶⁹. Это наблюдение интересно сопоставить с оформлением фигурок конских голов, являющихся наконечниками золотой гривны из мужского погребения в Порогах на Днестре (Симоненко, Лобай. 1991. С. 26–28. Рис. 15), и золотого браслета⁷⁰, обнаруженного на берегу Бугского лимана (Соломоник. 1959. С. 131). Тамги на фигурках, отражающие традицию таврения сарматских лошадей, также присутствуют только на одной, правой щеке животных (Рис. 1. 1, 2). Это сопоставление представляется мне убедительным подтверждением справедливости идеи С. А. Яценко.

⁶⁹ К числу нащёчных блях с тамгами, вероятно, следует добавить серебряную бляху (Рис. 1. 4) из погребения, исследованного при недавних аварийно-спасательных работах на территории некрополя Танаиса (Ильяшенко. 2011. С. 288).

⁷⁰ Пользуюсь случаем поблагодарить Л. А. Некрасову за возможность работать с материалом ОАМ Государственного Эрмитажа. Животных на браслете как лосей определила с некой долей сомнения Э. И. Соломоник (1959. С. 131). Я же присоединяюсь к мнению М. Ю. Трейстера о том, что на браслете, так же как и на гривне из Порогов и браслете из Петрик, изображены стилизованные головки коней (Трейстер. 2006. С. 245, 249).

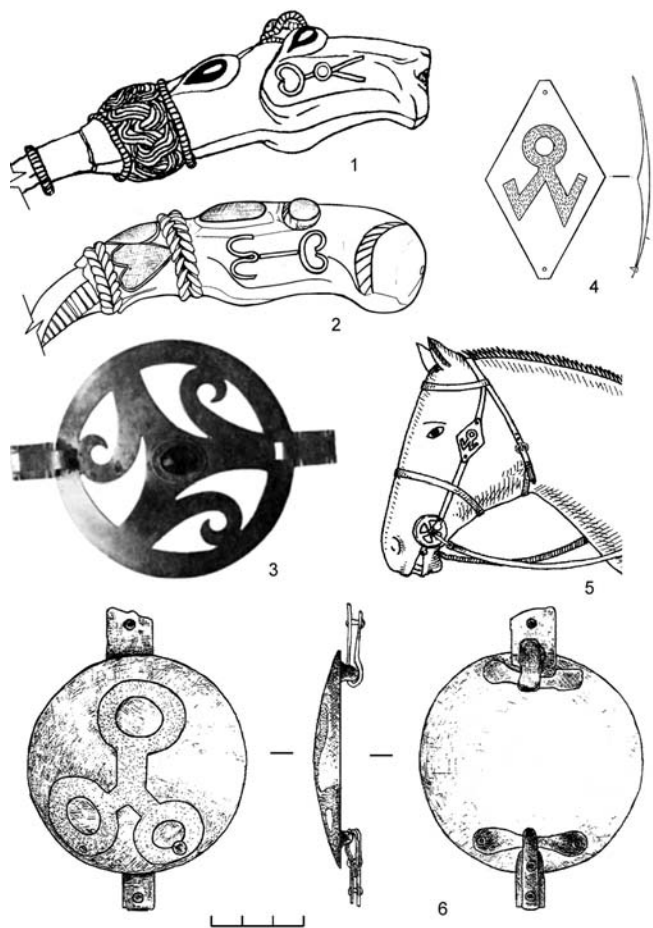

Рис. 1. 1 – один из наконечников золотой гривны из мужского погребения в Порогах (Симоненко, Лобай. 1991); 2 – один из наконечников золотого браслета, найденного на берегу Бугского лимана (рисунок автора); 3 – серебряная бляха из погребения некрополя Танаиса (Ильяшенко. 2011); 4, 5 – серебряный нащёчник из погр. 8, кург. 16 могильника Центральный VI (Безуглов.1988; Симоненко. 2010); 6 – серебряный нащёчный фалар из погр. 1, кург. 25 могильника Валовый I (Беспалов и др. 2007). (1, 2, 4, 5 – без масштаба)

Поскольку подавляющее большинство конских уборов с тамгами содержат большое количество декоративных элементов из драгметаллов, полудрагоценных камней, стекла и являются, скорее всего, церемониальными (Гугуев. 1992. С. 109; Симоненко. 2010. С. 179), идея о дублировании реального таврения выглядит вполне логичной. Ширина различного рода украшенных ремней и размеры фаларов, блях и их композиций таковы, что могут скрывать реальное тавро на лопатке, бедре или щеке лошади (Симоненко. 2010. Рис. 188). В изображении тамг на элементах церемониального снаряжения мог быть практический смысл дублирования скрываемого тавра на теле лошади. Видимо, для всадников было важным, чтобы тавро на животном было заметно при использовании не только повседневного, но и церемониального снаряжения.

Изложенное наблюдение, базирующееся на идее С. А. Яценко, на мой взгляд, следует проецировать на все известные парадные конские уборы римского времени, имеющие в своём составе элементы с тамгами. К их числу относятся уборы из «погребения с золотой маской» и из «погребения 1841 г.» в Керчи, фрагменты уздечного набора из коллекции Е. Запорожского (ДБК. 1854. Табл. XXIX, 4; Соломоник, 1959. С. 137–139; Šarov, 1994. S. 417–432; Тайна..., 2009. С. 168, 169; Сокровища..., 2008. С. 167–169), уборы из погребения 2 кургана 1 могильника Кировский-I и кургана 10 Кобяковского могильника на Нижнем Дону (Ильюков. 2000. С. 102. Рис. 6, 7; Гугуев. 1992. С. 101–112; Яценко. 2001. С. 15), уздечный набор из кургана 2 у пос. Котлубань в Волго-Донском междуречье (Скрипкин. 1989. С. 172–178), детали упряжи из ограбленного кургана 9 могильника Покровка 2 в Оренбургской области и др. (Яблонский и др. 1995. С. 44. Рис. 64–68; Яблонский. 1999. С. 330. Рис. 7).

В случае с данным материалом, как мне кажется, важно, что в парадном уборе обоймы, накладки, подвески, бляхи или наконечники ремней с тамгами находят место, совпадающее, в том числе, с местом реального тавра на теле лошади (см. Гугуев. 1992. С. 107. Рис. 4, 5). Но вариации использования изображений тамг в конском снаряжении могут быть многочисленными. Можно вспомнить инкрустированные и плакированные золотом железные псаии, выполненные в виде тамгообразных знаков из комплексов раннеримского времени: впускное погребение в кургане у станицы Воздвиженской в Прикубанье (Гущина, Засецкая. 1989. С. 101. Таб. V, 48); курган 46 могильника «Царский» на Нижнем Дону (Власкин. 1990. С. 64–68). Не стоит также упускать из вида предметы с тамгами, о месте размещения которых в схеме конского убора мы можем только догадываться: серебряное изделие в виде тамги, обнаруженное между конскими костями где-то над пирамидальным склепом «погребения 1841 г.» (Ашик. 1848. Ч. II. С. 47); серебряная бляха с тамгой из мо-

гильника Нейзац в Крыму (Соломоник. 1959. С. 140; Храпунов. 2011. С. 14. Рис. 4, 1).

Констатируя наличие элементов с тамгами в конском снаряжении, следует руководствоваться наблюдением С. А. Яценко об их очевидной связи с тавром или таврами на теле лошади (2001. С. 15). К тем артефактам, на которых Э. И. Соломоник построила своё исследование «О таврении скота в Северном Причерноморье» (1957. С. 210–218), сейчас можно добавить все известные на сегодняшний момент образцы конского снаряжения, в которых присутствуют элементы с изображением сарматских тамг. Этот материал, по моему мнению, имеет к теме таврения самое непосредственное отношение.

Литература

- Аланский всадник. Сокровища князей I – XII вв. Каталог выставки. М., 2005.
- А. Б. Ашик. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1848. Ч. II.
- Е. А. Беглова. Парадный конский убор в искусстве меотов // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб., 2009.
- С. И. Безуглов. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4.
- Е. И. Беспалый, Н. Е. Беспалая, Б. А. Раев. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый». Ростов-на-Дону, 2007.
- М. В. Власкин. Уздечный набор с тамгообразными псалями из могильника «Царского» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9.
- В. К. Гугуев. Парадный конский убор из кургана 10 Кобяковского могильника // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1.
- И. И. Гущина, И. П. Засецкая. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. М. 1989. Вып. № 70.
- И. П. Засецкая, О. В. Шаров. Декоративные наборы конского снаряжения III–IV вв. н.э. // Сокровища сарматов. Каталог. СПб., 2008.
- Л. С. Ильюков. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
- С. М. Ильяшенко. Аварийно-спасательные исследования на территории некрополя Танаиса // АО-2008. М., 2011.
- Р. С. Минасян, Е. А. Шаблавина. Техника изготовления вещей из погребения Рескупорида // Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб., 2009.

- М. А. Очир-Горяева.* Предметы конской узды и конь в погребальном обряде кочевников Евразии в скифскую эпоху // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб., 2002.
- А. В. Симоненко.* Тамги из Порогов и этническая принадлежность Фарзоя и Инисея // *А. В. Симоненко, Б. И. Лобай.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.
- О. В. Симоненко.* Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // *Археологія.* 1999. № 1.
- А. В. Симоненко.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- А. В. Симоненко.* Конский убор из большого кургана Васюриной горы // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011.
- А. В. Симоненко, Б. И. Лобай.* Погребальные сооружения, обряд и инвентарь // Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.
- А. С. Скрипкин.* Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // *СА.* 1989. № 4. Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб., 2008.
- Э. И. Соломоник.* О тавренных скота в Северном Причерноморье (по поводу некоторых загадочных знаков) // История и археология Древнего Крыма. Киев, 1957.
- Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959. Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб., 2009.
- М. Ю. Трейстер.* Ювелирная мастерская I в. н.э. в Северном Причерноморье (К находке из сарматского погребения в Петриках) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Тр. ГИМ. М., 2006. Вып. 159.
- И. Н. Храпунов.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- О. В. Шаров.* О сходстве и различии конских парадных уборов из погребения с Золотой маской 1837 г. и погребения в Аджимушкае 1841 г. // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 2008.
- О. В. Шаров.* Тамга конского убора из погребения с Золотой маской в Керчи // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011.
- О. В. Шаров.* Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историкографическое исследование // От римского лимеса до Великой китайской стены. *Stratum plus.* 2012. № 4.
- Л. Т. Яблонский.* Некоторые итоги работ комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Евразийские древности. М., 1999.

- Л. Т. Яблонский, Дж. Дэвис-Кимболл, Ю. В. Демиденко.* Раскопки курганных могильников Покровка 1 и 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. М., 1995. Вып. 3.
- Х. Х. Яхтанигов.* Северокавказские тамги. Нальчик, 1993.
- С. А. Яценко.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- О. V. Šarov.* Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin. Marburg, 1994.

З. В. Ханутина

Терракоты из погребально-поминальных комплексов некрополя Китея (раскопки 1991–2011 гг.)

На протяжении 25 полевых сезонов археологическая экспедиция ГМИР – ИИМК РАН (Санкт-Петербург) под руководством В. А. Хршановского ведёт раскопки некрополя боспорского города Китея. Среди разнообразных вещевых находок, обнаруженных в ходе исследований (и доследований после грабителей) погребально-поминальных комплексов были и терракотовые статуэтки. Встречались они нечасто, в основном, фрагментированные, но, тем не менее, представляют большой интерес и как памятники античной коропластики, и как неотъемлемая часть археологического контекста некрополя, несущая информацию о религиозных (в частности хтонических) представлениях жителей города, их культовой и обрядовой практике.

Найденные терракотовые статуэтки принадлежат разным историческим периодам. Как правило, они датируются IV–III вв. до н.э. или II–III вв. н.э. Небезынтересно, что довольно часто в комплексах римского времени наряду с синхронными встречались, по всей вероятности преднамеренно использованные, эллинистические терракоты. При этом нередко для совершения новых погребально-поминальных действий – особенно в юго-западной части некрополя – использовались сооружения (склепы, жертвенные ямы) второй половины IV – начала III вв. до н.э.

Примером такого вторичного использования может служить склеп № 141 (Хршановский. 2013), где в одном слое со следами тризны были найдены подвесная нога и две руки от весьма распространенных во II–III вв. н.э. вотивных статуэток, относящихся к культуре Великой Богини (Рис. 2. 1, 2, 4) и фрагментированная терракотовая статуэтка эллинистического времени (Рис. 1. 2). Это фигура женщины, завернувшейся в гиматий, спадающий с головы на плечи и обра-

зующий горизонтальные складки, под которыми лишь угадываются очертания тела. Лицо почти не проработано (возможно, стёрто). Нижняя часть статуэтки обломана. Полных аналогов изображения обнаружить не удалось, однако по стилю исполнения этой терракоте близки фигурки женщин, закутанных в плащ, найденные в Тире (Клейман. 1970. С. 26–27. Табл. 3, 6–8), датируемые III–I вв. до н.э. В связи тем, что статуэтка найдена на некрополе, она может относиться к культу Деметры, связанному с хтоническим миром – известны похожие терракоты конца V – начала IV в. до н.э., изображающие грустящую Деметру в покрывале (Русяева. 1982. С. 62. Рис. 26, 3, 4).

Близкая по сюжету терракотовая статуэтка, изображающая женщину в высоко подпоясанном хитоне, вертикальными складками спадающем до пят, и накинутом на голову, плечи и спину плаще (Рис. 1. 1) найдена в том же полевом сезоне 1993 г. в центральной части некрополя, в слое над погребением Н-125. В опущенной правой руке женщина держит плоский круглый предмет, напоминающий тимпан (Марченко. 1974. С. 5. Табл. 2, 6)⁷¹, левая рука лежит на бедре. Статуэтка, расколотая на две части, весьма потерта или изготовлена в сильно сработанной форме. Тыльная сторона заглажена. Почти полной аналогией ей представляются нижние части статуэток, найденные в Мирмекии, датируемые второй половиной IV – первой половиной III в. до н.э. (Денисова. 1981. Табл. XI, к, л). Похожая по описанию статуэтка, датируемая II в. до н.э. имеется среди терракот, найденных на городище Китея (Молева. 1989. С. 48). Н. В. Молева предполагает, что статуэтка связана с культом Деметры.

На этом же – центральном – участке некрополя в 1994 году в грабительском отвале был обнаружен еще один фрагмент односторонней женской терракотовой статуэтки – небольшая изящная голова (Рис. 1. 3), выполненная из светлой, плотной, мелкозернистой глины. Ее головной убор – высокий калаф, нижняя часть которого декорирована венком или диадемой, – свидетельствует о ее божественной принадлежности. Волнистые волосы разделены на прямой пробор и уложены валиком. Правильные черты овального лица богини: большие глаза, прямой нос, полные губы несколько искажены, по-видимому, небрежным оттиском или сильно стертой формой. С большой долей вероятности можно предположить, что статуэтка

⁷¹ Ср.: (Денисова. 1981. С. 42.) Автор высказывает точку зрения, что в подобных фигурках узнаваем известный тип ранней «танагрской» статуэтки в виде стройной женщины с зеркалом в правой руке (Kleiner. 1942. Taf. 31 c), «искажённый многократным механическим копированием». Интересно в связи с этим отметить, что среди терракот, найденных на Нимфее, имеется женская фигурка в высоко подпоясанном хитоне, напоминающая китейскую, но стоящая в зеркальной позе: в левой руке она держит круглый плоский предмет, трактуемый в этом случае как веер, правая рука лежит на бедре. Статуэтка датируется IV в. до н.э. (Скуднова. 1970. С. 89. Табл. 33, 5).

изображала Кибелу (Русяева. 1982. С. 81–85), культ которой распространяется на Боспоре с конца V в. до н.э. и приобретает большую популярность в эллинистическое время (Кобылина. 1961. С. 57, 127; Русяева. 1982. С. 81; Молева. 1989. С. 48–49). Близкая по типу женская головка, датируемая V–IV вв. до н.э. также была найдена на китейском городище (Молева. 1989. Табл. 1, 4 а).

К находкам терракот позднего типа в сезоне 1993 г. добавилась еще одна – грубо вылепленная нога (возможно ножка трона или постамента) вотивной статуэтки (Рис. 2. 3) из плитовой могилы Н-147 в центральной части некрополя. Аналогий данному фрагменту пока не выявлено.

Терракота, найденная в 1996 г., в юго-западной, прибрежной части некрополя среди наброски камней («жертвенника»?) в юго-западном углу первой камеры двухкамерного эллинистического склепа Н-206, также является изображением Богини (Кибель?). (Рис. 2. 7). Однако, в отличие от предыдущей, она датируется II–III вв. н.э. Статуэтка, изготовлена весьма грубо и схематично. Голова увенчана высоким модиеподобным калафом, угадываются очертания плаща, спускающегося на плечи из под головного убора. Лицо почти не проработано, нос выполнен «защипом», руки обломаны, но по сохранившимся фрагментам можно предположить, что они были выставлены вперед и в стороны, выделена грудь. Нижняя часть статуэтки утрачена, задняя сторона заглажена, внутри полость. Судя по аналогиям, терракота, скорее всего, изображала Богиню, сидящую на троне. Фигурки подобного типа нередки среди терракот Северного Причерноморья I–III вв. н.э. (Кругликова. 1970. С. 107. Табл. 48, 7; Кобылина. 1970. С. 112. Табл. 52, 11; Силантьева. 1974. С. 35. Табл. 48, 1).

Среди находок 1997 г. вновь оказались фрагменты поздних вотивных терракот: подвесная нога и рука, держащая лепёшку (Рис. 2. 5, 6), а 1998-й принес еще одну женскую головку, (Рис. 1. 4), найденную в грунте заполнения эллинистической жертвенной ямы № 277. Она изображает богиню в stefane. Терракота сильно потерта, имеет утраты, черты лица проработаны слабо. Близкая аналогия этому изображению, датируемая IV–III вв. до н.э., имеется в перечне терракот Елисаветовского городища (Марченко. 1974. С. 7. Табл. 1, 5).

Весьма необычный фрагмент терракоты был найден в 1999 г. в прибрежной части некрополя в верхнем слое большой керамической тризны. Он представлял собой, скорее всего, часть торса какой-то довольно крупной грубо выполненной фигуры. Интересной особенностью этого фрагмента были нанесенные на него два дипинти. Судя по небрежности исполнения, терракоту можно, скорее всего, датировать первыми веками н.э.

Рис. 1. Некрополь Китея (1991–2011). Терракоты IV–II вв. до н. э. (1–5, 8–12); фрагменты терракотовых масок I–II вв. н. э. (6–7)

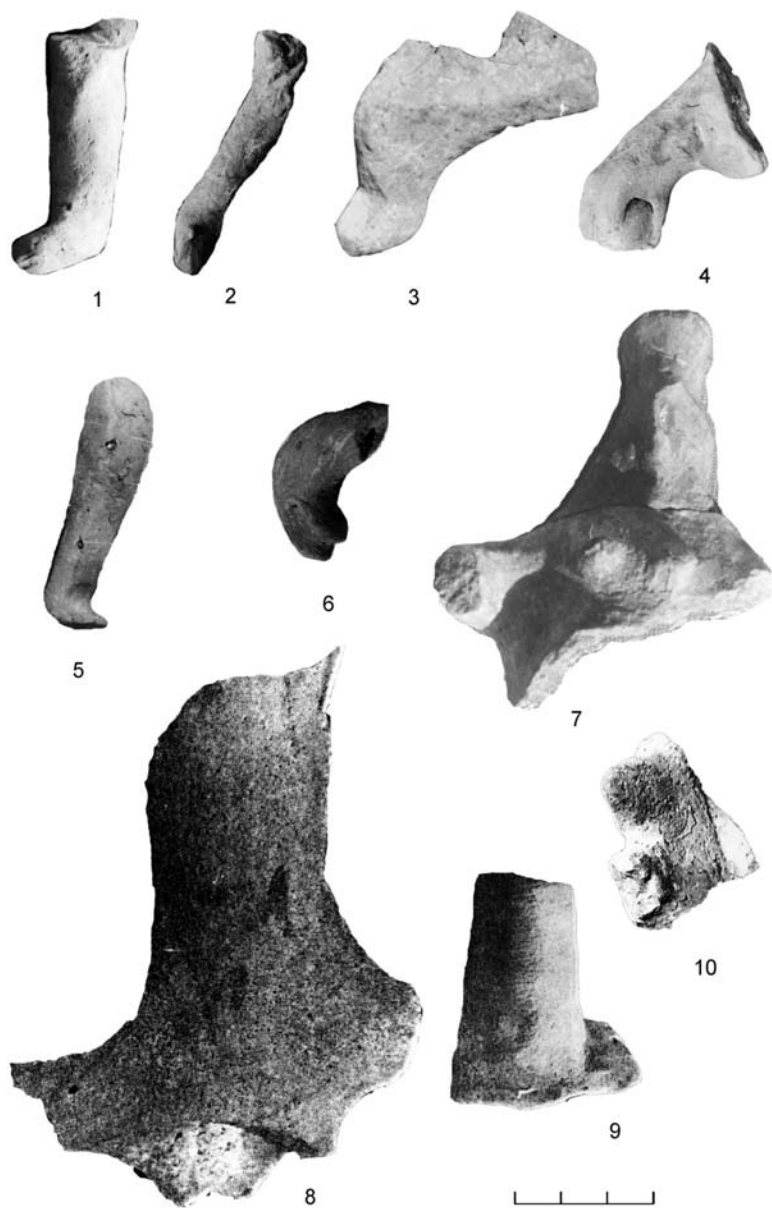

Рис. 2. Некрополь Китея (1991–2011). Терракоты II–III вв. н. э.

Ещё одна терракота – протома богини (Деметры?) (Рис. 1. 5) (раскопки 2000 г.) также происходит из юго-западного участка некрополя. Она была найдена в другом эллинистическом двухкамерном склепе (Н-300), с мешанным археологическим слоем и скорее всего, синхронна времени его сооружения – второй половине IV – началу III в. до н.э. Протома была найдена (возможно, на месте вторичного использования) в скоплении небольших плоских камней, напоминавших грубую кладку, на границе между дромосом и малой камерой. Она представляет собой изображение женщины с округлым полным лицом, правильные черты которого обрамлены прической в виде пластических крупных перевитых прядей. Близкие аналогии в коропластике Боспора датируются достаточно ранним временем – V–IV вв. до н.э. (Пругло. 1970. С. 92. Табл. 98, 7; Кобылина. 1974. С. 20–21. Табл. 15, 5, 23, 1 и др.)

В том же году, в тризне возле двухкамерного склепа Н-263 – одного из самых монументальных сооружений некрополя Китея – была найдена еще одна терракота, напоминающая схематично вылепленный фаллос (Рис. 2. 9). Аналогий этой терракоте не обнаружено, но по стилю исполнения она относится к группе ритуальных терракот, распространенных в I–III вв. н.э.

В 2001 и 2004 г. на некрополе Китея были найдены два фрагмента небольших театральных масок (Рис. 1. 6–7). Подобные маски нередко использовались в Северном Причерноморье для декора деревянных саркофагов. По-видимому, им придавался магический смысл, и они выполняли роль апотропеев, кроме того, они могли символизировать переход умершего из одного состояния в другое. Еще одной причиной связи масок с погребальным культом была «неразделимая связь театра и, соответственно, всего, что имело к нему отношение, с хтоническим культом Диониса» (Ходза. 2005. С. 108).

Незначительные размеры фрагментов не позволяют точно атрибутировать маски. Можно предположить, однако, что одна из них была женской (Рис. 1. 6), а вторая изображала персонаж дионисийского круга (Рис. 1. 7). Похожие маски, датируемые I–III вв. н.э., были найдены при раскопках Пантикапея (Силантьева. 1974. С. 33–34. Табл. 41–43) и Мирмекия (Денисова. 1981. С. 124. Табл. XXVII, б, в).

Весьма любопытными оказались находки 2007 г. в той же юго-западной части некрополя: голова статуэтки старика-актера (Рис. 1. 8) и фрагмент, отдаленно напоминающий фасцию (ликторскую связку) (Рис. 1. 9). Первая была найдена возле склепа Н-300, в непосредственной близости от жертвенной ямы № 277. По очень близкой аналогии одной из терракот кургана Большая Близница (Грач. 1974. С. 38. Табл. 43, 4) она датируется IV в. до н.э. Второй фрагмент – терракотовая колонна (или алтарик), увенчанная лентой (или обвитая змеёй), был случайной находкой в ритуальном комплексе того же раскопа

(XXXIII-A). Аналогий этому терракотовому изделию пока обнаружить не удалось.

В 2010 году был найден фрагмент торса протомы (Рис. 1. 10), в 2011 – фрагменты статуэток или протом с изображением складок одежды (Рис. 1. 11, 12). Все эти фрагменты терракот могут датироваться эллинистическим временем.

Сравнительный анализ типов терракот, найденных в погребениях, и терракот из святилищ и жертвенных ям городища (Кузина, Молева, Матукина. 2010; Молева. 1988; Молева. 1989; Молева. 2008 и др.) показывает большое сходство сюжетов, что, по-видимому, подтверждает универсальность и многоплановость культов Кибелы и Деметры, которым поклонялись и как богиням плодородия, и как хтоническим божествам. При этом можно отметить, что на объектах городища (в зольнике и святилищах) статуэтки встречаются значительно чаще, чем на некрополе. Возможно, это связано с тем, что производительная функция этих богинь для жителей Китея была более значительной, чем их хтоническая ипостась.

Литература

- Н. Л. Грач.* Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близица // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. – (САИ. Г-1-11).
- Н. Л. Грач.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- В. И. Денисова.* Коропластика Боспора. Л., 1981.
- И. Б. Клейман.* Статуэтки из Тиры // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. – (САИ. Г-1-11).
- М. М. Кобылина.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- М. М. Кобылина.* Терракоты из Тасунова // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. – (САИ. Г-1-11).
- М. М. Кобылина.* Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. – (САИ. Г-1-11).
- И. Т. Кругликова.* Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. – (САИ. Г-1-11).
- Н. В. Кузина, Н. В. Молева, А. Н. Матукина.* Комплекс терракотовых статуэток из Китейского святилища (раскопки 2007–2009 гг.) М., 2010. – (ДБ. Т. 14).
- К. К. Марченко.* Терракоты Елисаветовского городища // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. – (САИ. Г-1-11).

- А. А. Масленников.* Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). М., 2012. Т. 2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал.
- Е. А. Молев.* Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985.
- Е. А. Молев, С. А. Шестаков.* Некрополь Китея (по материалам раскопок 1972–1985 гг.) // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж, Белгород, 1991.
- Е. А. Молев, Н. В. Молева.* 25 лет Китейской экспедиции // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород, 1996.
- Н. В. Молева.* О характере раннего Китейского святилища второй половины V–IV вв. до н.э. // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях. Л., 1989.
- Н. В. Молева.* Терракотовые статуэтки из Китейского святилища. Симферополь, Керчь, 2008. – (БИ. Вып. XIX).
- Н. В. Молева.* Терракоты Китейского зольника // Проблемы античной культуры. Симферополь, 1988.
- В. И. Пругло.* Терракоты из Тиритакы // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. – (САИ. Г-1-11).
- А. С. Русяева.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н.э.) Киев, 1982.
- И. Ф. Силантьева.* Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Пантикапей. М., 1974. – (САИ. Г-1-11).
- В. М. Скуднова.* Терракоты из Нимфея // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. – (САИ. Г-1-11).
- И. А. Тульпе, В. А. Христановский.* Эллинистический ритуальный комплекс на некрополе Китея // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 1.
- В. А. Христановский.* Археологическая экспедиция ГМИР в 1999–2008 гг. // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008.
- В. А. Христановский.* Некоторые итоги раскопок некрополя Китея в 2001 году // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2003. Вып. 8.
- В. А. Христановский.* Элитные склепы IV–V вв. до н.э. на юго-западном участке некрополя Китея // В печати. Н. Новгород, 2013.
- Е. Н. Ходза.* Терракоты // Музы и маски: Каталог выставки. СПб., 2005.

М. С. Шанцев

Лепные антропоморфные статуэтки рубежа эр из раскопок городища Кара-Тобе в северо-западном Крыму

Городище Кара-Тобе расположено у г. Саки в Северо-Западном Крыму, между двумя солёными озёрами – Сакским и Сасык. Судя по всему, у городища находилась развилка древних дорог (Внуков, Коваленко, Трейстер. 1990. С. 104–105).

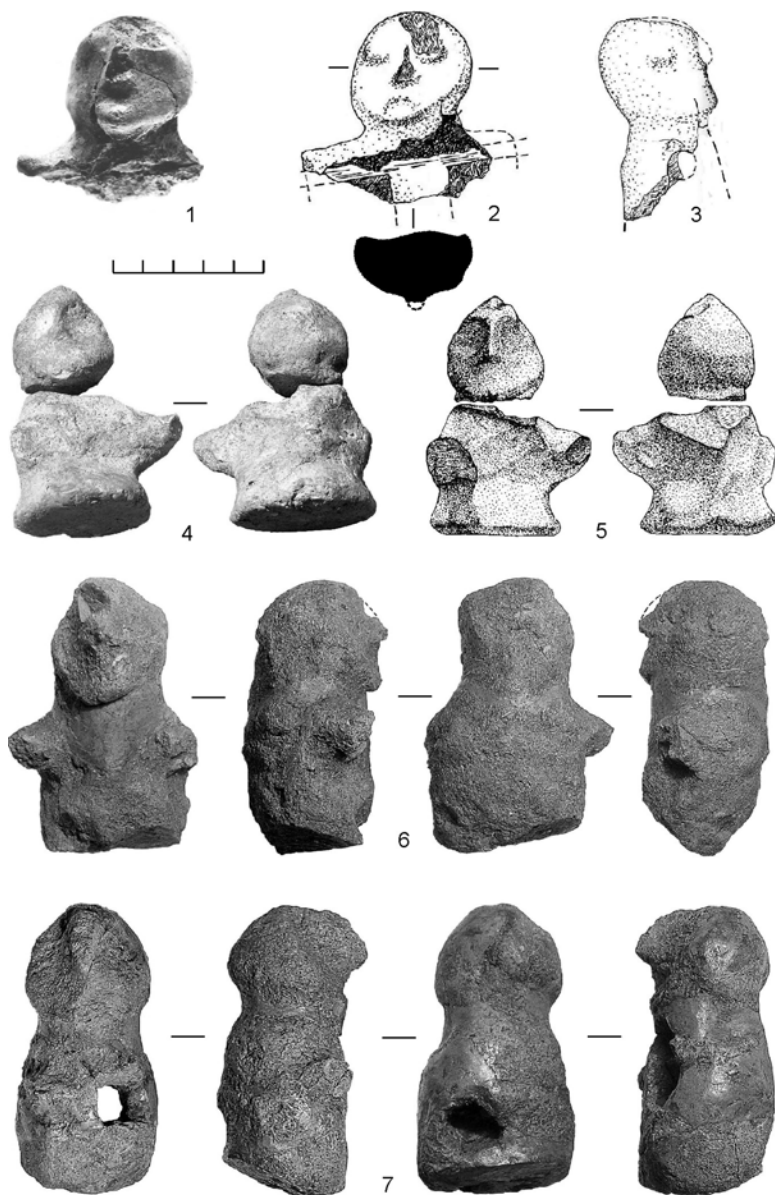

Рис. 1. Лепные фигурки позднескифского времени из раскопок городища Кара-Тобе

Возникает поселение в IV в. до н.э. Наиболее ранними находками являются несколько клейм начала IV в. до н.э. (Внуков. 2007. С. 67). Однако слои этого времени не обнаружены. Возможно, как предполагает С. Ю. Внуков, они были уничтожены в конце II в. до н.э. при строительстве понтийского укрепления. Самые ранние наслоения и строительные остатки, обнаруженные при раскопках, относятся ко II в. до н.э. (Внуков, Коваленко. 2004. С. 306). Однако здесь постоянно встречаются отдельные находки IV–III вв. до н.э. (Внуков. 1999. С. 210). Жизнь на поселении прекращается в конце I в. н.э. (Внуков, Коваленко. 2004. С. 306).

Работа посвящена четырём лепным необожжённым фигуркам, найденным в разное время и в разных местах городища⁷². При описании находок будет указываться год их обнаружения и коллекционный номер.

Фигурка № 1. 93/2619. Происходит из зачистки галечной подсыпки в восточной части площади перед башней (Рис. 1. 1–2). Сохранилась верхняя часть статуэтки, в виде плеч и головы с плоским затылком, с носом, отмеченным защипом и с выступами глаз. Внутри статуэтки имеются отпечатки деревянного крестообразного каркаса. При этом горизонтальная деревянная планка выходила наружу в местах крепления рук и, возможно, их и изображала.

Комплекс, из которого происходит фигурка, в целом датируется 1–3-й четвертями I в. н.э.

Фигурка № 2. 09/30–31. Происходит из хозяйственной ямы №1/09 (Рис. 1. 3–4). Данная статуэтка верхней частью похожа на вышеописанную фигурку. Сохранность экземпляра гораздо лучше предыдущего – сохранилась левая рука и слабо выделенное плоское основание.

Хозяйственная яма № 1 датируется 2-й четвертью – серединой I в. н.э.

Фигурки № 3 и 4. 09/710; 09/710 а. Найдены в одном месте – при зачистке внешнего восточного фасада восточной стены помещения № 61 под подошвой крайних южных камней (Рис. 1. 6, 7). Скульптурки рассыпались при зачистке и высыхании, но их удалось отреставрировать с частичным дополнением утрат.

Статуэтки в целом близки вышеописанным, однако, имеют отличия – в трактовке носа (у них он большой и горбатый) и в отсутствии расширяющегося основания. Их руки были обломаны в древности. Основание частично сохранилось только у статуэтки № 710 а. Оно плоское, никак не выделенное. Особо примечательно, что в «туловище» той же фигурки имеется сквозное отверстие. Его канал не-

⁷² Выражаю глубокую признательность д. и. н. С. Ю. Внукову за возможность воспользоваться материалами его исследований.

много изогнут. Отверстие, видимо, сделано пальцем. Как считает автор находки С. Ю. Внуков, по всей вероятности, это след каких-то ритуальных манипуляций, а сами статуэттки могли быть своеобразной «строительной жертвой». Судя по контексту, находки датируются последней четвертью I в. до н.э. Подобные изделия И. Б. Клейман называет статуэтками в виде антропоморфных пирамидок (Клейман. 1970. С. 78. Табл. 19, 3, 4).

Аналогий подобным изделиям в Северо-Западном Крыму автору найти не удалось, наиболее близкие находки происходят из раскопок Неаполя Скифского (Маликов. 1962. Рис. 2–4). Большинство же мелкой антропоморфной пластики происходит с территории Боспора (Терракоты... 1970. Табл. 48, 7; 49, 3–7; 50, 1–6; 51, 1–2).

Все вышеуказанные аналогии датируются в целом II–III вв. н.э., а Кара-Тобинские экземпляры, судя по контекстам, относятся ещё к концу I в. до н.э. – началу I в. н.э. Такая датировка позволяет считать их наиболее ранними среди изделий подобного рода. Об их кратковременном использовании свидетельствует то, что все они необожжённые.

Назначение найденных на городище Кара-Тобе антропоморфных поделок, вероятнее всего, следует связывать с использованием их в культовой сфере. Фигурки № 3–4 могли использоваться как в качестве строительной жертвы (см. выше), так и являться оберегами возводимого жилища. Статуэтка № 2, обнаруженная в хозяйственной яме № 1/09, вероятнее всего, связана с культом плодородия, косвенно на это указывает находка в этой же яме круглого «хлебца», сделанного из точно такой же необожженной глины. Возможно, «хлебцы» и статуэтка составляли единый ритуальный комплект. С культом плодородия можно связать и антропоморфную поделку № 1 из переотложенного грунта.

Литература

- С. Ю. Внуков. Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск, 1999. Вып. VIII.
- С. Ю. Внуков. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец 2 – 1 половина 1 в. до н.э.) // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Археологические исследования. Симферополь, 2007.
- С. Ю. Внуков, С. А. Коваленко. Монетные находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск. 2004. Вып. XIV.
- С. Ю. Внуков, С. А. Коваленко, М. Ю. Трейстер. Гипсовые слепки из Кара-Тобе // ВДИ. 1990. № 2.

И. Б. Клейман. Статуэтки из святилища у г. Ялты // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. 1970. Вып. Г 1-11. Ч. 2.

В. М. Маликов. Жертвенник из пригородного здания Неаполя Скифского // КСИА АН УССР. 1961. № 11.

Терракоты Северного Причерноморья // САИ. 1970. Вып. Г. 1-11. Ч. 2.

О. В. Шаров

Антропоморфные глиняные статуэтки из раскопок культового комплекса Таракташ в Восточном Крыму⁷³

Краткое описание комплексов. Культовый комплекс Таракташ расположен на склонах одноимённого горного хребта в 0,5 км к северо-востоку от совр. с. Дачное, в 3 км к северу от г. Судак, у юго-восточного побережья Крыма. Место у подножия западной вершины Таракташского хребта имело выгодное стратегическое положение. Это самое узкое место Судакской долины, зажатое между горными хребтами, которые венчают две главные вершины – Бакаташ (тюрк. «Гора-лягушка») и Таракташ (тюрк. «Гора-зуб»). Отсюда полностью просматривается Судакская бухта с близлежащими долинами и контролируется главная дорога, ведущая на север, вглубь Крымского полуострова (Шаров. 2009. С. 459–460).

Летом 1995 г. Горно-Крымской экспедицией КФ ИА НАНУ под руководством В. Л. Мыца на южном склоне Таракташского хребта, на холме Дегермен-Тепе, был заложен раскоп. В пределах раскопа были изучены остатки двух культовых построек и погребение, составляющие единое культовое сооружение «Таракташ-1» (далее: «КСТ-1»), существовавшее с перерывами с середины I в. н.э. по рубеж IV–V вв. н.э. (Мыц, Лысенко, Тесленко, Семин. 1998. С. 1–2; Мыц, Лысенко. 2001. С. 96–97. Рис. 1, 2). В комплексах святилищ были найдены несколько трёхлопастных железных черешковых наконечников стрел, бронзовые смычковые фибулы, фрагменты стеклянных кубков типа «Rieperschale», лепных чашечек, курильниц и алтариков. Особый интерес представляли находки в культовой постройке № 1 археологически целых 270-ти краснолаковых сосудов III–IV/V вв., а в постройке № 2 фрагментов трёх лепных антропоморфных статуэток (Мыц, Лысенко. 2001. С. 96–97. Рис. 1) (Рис. 1. 2).

⁷³ Работа подготовлена в рамках проекта Президиума РАН 2012–2014 гг. «Традиции и инновации в истории и культуре» по теме гранта «Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму. Традиции и инновации в культуре населения Крыма позднеримской эпохи».

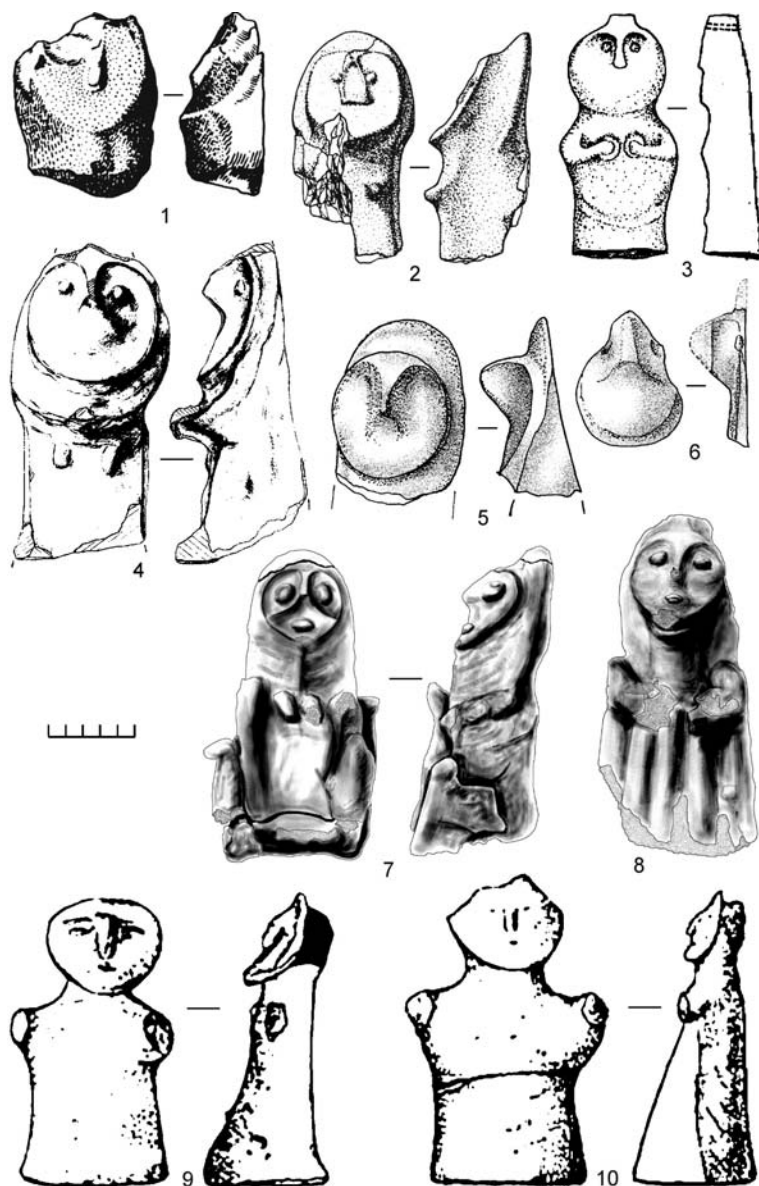

Рис. 1. Антропоморфные глиняные идолы Таракташа и их аналогии: 1 – городище Бедаик-Асар, джегызасарская культура; 2 – «Таракташ-I» («КСТ-I»); 3 – Киммерик; 4 – «Таракташ-IV» («ТРИШ-IV»); 5, 6 – «Таракташ-II» («КСТ-II»); 7, 8 – «Таракташ-III» («КСТ-III»); 9, 10 – Дильберджин

В 2002 г. прямо под гребнем горы Таракташ сотрудниками Славяно-Сарматской экспедиции Государственного Эрмитажа было открыто и исследовано новое культовое сооружение римского времени П-образной формы, получившее название «Таракташ-II» (далее: «КСТ-II») (Щукин, Шаров и др. 2002; Шаров. 2009). С уровня пола, вблизи алтаря, происходят фрагменты двух лепных курильниц на высоких ножках с выступами по краям резервуара. У основания алтаря найдены фрагменты трёх стеклянных сосудов, а между южной стеной и алтарем зафиксировано скопление кальцинированных костей. Антропоморфные идолы лежали в одном метре к югу от южной стены святилища. Они были разбиты и сохранились лишь две личины (Рис. 1. 5, 6), там же лежали составные части маленьких лепных антропоморфных статуэток (руки и ноги) и части еще двух курильниц с подквадратными резервуарами.

В 2006 г. Таракташской археологической экспедицией ИИМК РАН совместно со Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто третье культовое сооружение на западном склоне горы Таракташ, которое получило название «Таракташ-III» (далее: «КСТ-III») (Шаров, Щукин, Палагута. 2007). Оно было открыто на поселении римской эпохи, в центре второй исследуемой террасы. В нем были найдены многочисленные краснолаковые и лепные культовые сосуды, кости жертвенных животных, а на полу, в северо-восточном углу, были найдены две глиняные антропоморфные статуэтки (Рис. 1. 7, 8).

Также на поселении, на южном склоне горы Таракташ, была найдена на раскопе № 4 фигурка антропоморфного глиняного идола (далее: «ТРИШ-IV») (Рис. 1. 4).

Хронология культовых сооружений Таракташа. Датировка культовых комплексов Таракташа очень различна: «КСТ-I» датируется в широких рамках второй половины I в. н.э. – рубежа IV–V вв. н.э., но в святилище № 2 с антропоморфными статуэтками найдены лишь сосуды второй половины IV в. н.э.; «КСТ-II» в рамках второй половины II – первой половины III в. н.э., при наличии отдельных находок IV в. н.э.; «КСТ-III» – узким периодом первой половины – середины II в. н.э.; «ТРИШ-IV» по материалу постройки – концом II – первой половиной III в. н.э.

Таким образом, наиболее ранние статуэтки Таракташа датируются по археологическому материалу первой половиной – серединой II в. н.э. («КСТ-III»), наиболее поздние: второй половиной IV – рубежом IV–V вв. н.э. («КСТ-I»).

Принципы подхода к материалу. Существует, как минимум, два пути рассмотрения проблемы генезиса образов антропоморфных идолов – «примитивов» Таракташа. Можно предполагать совершенно самостоятельное развитие образов антропоморфных идолов в ка-

ждем географическом регионе или в культурах отдельных племен, этносов, и тогда поиск аналогий и определение хронологии комплексов с находками идолов ограничится только узколокальными исследованиями, без привлечения широких аналогий. Если же мы предполагаем, что возможно распространение образов антропоморфных идолов/замены различных божеств во времени и пространстве, то необходимость проведения анализа материала с точки зрения хронологии комплексов с находками идолов в различных удаленных регионах, иконографии фигур, выделения значимых морфологических признаков совершенно очевидна. Я пойду по второму пути и попытаюсь найти истоки происхождения данных примитивов именно в римскую эпоху, т.е. буду анализировать лишь комплексы с находками антропоморфных идолов, которые относятся к узкому временному срезу I в. до н.э. – рубежу IV–V вв. н.э. Этот подход определен самим материалом культового комплекса Таракташ, так как в святилищах, отстоящих друг от друга на расстоянии не более 150–200 м и практически не пересекающихся во времени, зафиксированы совершенно различные по своей иконографии антропоморфные идола. С чем это может быть связано: с заменой разными антропоморфными идолами различных божеств, со сменой иконографии образов во времени или же с привнесением новых образов антропоморфных идолов различными народами в разные эпохи в Восточный Крым? Попробуем разобраться.

Хронология комплексов с находками антропоморфных идолов.

Наиболее ранние и достаточно хорошо датируемые находки антропоморфных глиняных лепных статуэток известны на памятниках меотов в Прикубанье – это находки из слоёв Елизаветинского, Краснодарского, Подазовского, Роговского городищ, Воронежского городища № 3, Пашковского городища № 6 и т.д. Они происходят из слоев II–I вв. до н.э. – I–II вв. н.э. и изготовлены в самой примитивной манере (Емец. 2000. С. 18–19. Таб. IV). С эпохи позднего эллинизма (конец II–I вв. до н.э.) до рубежа II–III вв. н.э. находки примитивных глиняных статуэток известны также и на памятниках «поздних» скифов нижнего Поднепровья и Крыма. Лепные статуэтки известны на городище Чайка, Гавриловском городище, на поселении Золотая Балка I в. до н.э. – I в. н.э., в жертвеннике одного из помещений Неаполя Скифского второй половины II – начала III в. н.э.

Антропоморфные статуэтки известны и в культуре тавров горного Крыма, они происходят из материалов святилищ, но, к сожалению, датируются лишь в очень широких рамках: Ялтинском святилище I–IV вв. н.э., святилище «Гурзуфское седло» I–III вв. н.э.

В комплексах второй половины II – первой половины III в. н.э. примитивные глиняные статуэтки были найдены на сельских поселениях и в городах европейского Боспора (Кругликова. 1970. II; Емец. 2000. С. 18. Таб. I–II): Мысовке, Семеновке, Тасуново, Киммерике (Рис. 1. 3), Илурате, Зеноновом Херсонесе.

Самые поздние находки морфологически близких антропоморфных статуэток, которые датируются в диапазоне III–VI вв. н.э., происходят из центральноазиатского региона (Кругликова. 1977. С. 87–89; Емец. 2000. С. 19–20). Это идолы из Дильберджина III в. н.э. (Рис. 1. 9, 10), идолы, найденные на поселениях джетыясарской культуры IV–VI вв. н.э. (Рис. 1. 1), идолы из святилища Кайрагач в Ошской долине IV–V вв. н.э. и т.д.

Таким образом, если исходить только из данных хронологии, то для самых ранних статуэток Таракташа первой половины – середины II в. н.э. («КСТ-III») можно говорить об их возможной связи с более ранними антропоморфными позднескифскими и меотскими статуэтками. Для статуэток («КСТ-II») конца II – первой половины III в. н.э., исходя из хронологии комплексов, существует ряд аналогий, происходящих из региона Европейского Боспора. Для наиболее поздних статуэток второй половины IV в. н.э., происходящих из «КСТ-I», вероятны все возможные пути их генезиса, включая Центральную Азию.

Иконография статуэток. Я полагаю, чтобы сравнивать антропоморфные статуэтки различных эпох и различных территорий, необходимо выделить основные морфологические признаки, по которым возможен сравнительный анализ: 1) Форма статуэтки: *a* – цилиндрическая, *b* – конусовидная. 2) *a* – Наличие головного убора; *b* – его отсутствие. 3) *a* – Наличие рук; *b* – отсутствие рук. 4) Форма, положение рук. 5) *a* – Наличие ног; *b* – отсутствие ног. 6) Форма, положение ног. 7) *a* – Наличие половых признаков; *b* – их отсутствие. 8) Форма лица: *a* – широколицая, *b* – среднелицая, *v* – узколицая. 9) Нос: *a* – защипом; *b* – вылеплен специально. 10) Форма носа: *a* – широкий уплощенный; *b* – высокий прямой; *v* – средний горбатый; *z* – узкий прямой, *d* – узкий горбатый. 11) Глаза: *a* – вдавления за счет защипа; *b* – налепы; *v* – прочерчены; *z* – проткнуты. 12) *a* – наличие рта; *b* – отсутствие рта. 13) *a* – наличие декора статуэток; *b* – отсутствие декора.

Кратко проанализируем ранние таракташские статуэтки из «КСТ-III» первой половины – середины II в. н.э. По большинству признаков: выделение головного убора (2 *a*), наличие рук (3), широкое лицо (8 *a*), налепы глаз (11 *b*), высокий прямой нос (10 *b*), наличие рта (12 *a*), богатый декор фигур (13 *a*) они не могут сравниваться с более ранними или синхронными им примитивными меотскими и позднескифскими статуэтками, ввиду того, что все перечисленные

выше признаки *отсутствуют у последних*. Таракташские статуэтки несут сугубо индивидуальный образ, который в более позднее время был известен лишь на территории европейского Боспора и Центральной Азии.

Таракташские идолы из «КСТ-II» и «ТРИШ-IV» (Рис. 1. 4–6) конца II – первой половины III в. н.э. обладают также сугубо индивидуальными признаками: головной убор (2 а), широколицость (8 а), высокий нос (10 б), глаза – налепы (11 б), которые указывают на ряд близких по морфологии и хронологии параллелей, происходящих из Дильберджина (Рис. 1. 9, 10).

Антропоморфные статуэтки, происходящие из «КСТ-I» второй половины IV в. н.э. также обладают рядом индивидуальных признаков: головной убор (2 а), широкое лицо (8 а), широкий плоский нос (10 а), налепы глаз (11 б), руки (3 а). По ряду признаков (широколицость, плоский нос) параллели можно найти лишь среди находок из Киммерика (Рис. 1. 3) и материалов джетыасарской культуры Приаралья IV–VI вв. н.э. (Левина. 1996. Рис. 168, 2) (Рис. 1. 1). Большинство из фигурок джетыасарской культуры выполнено весьма примитивно, черты лица не обозначены защипами или налепами, руки часто подняты вверх, что нехарактерно для всех типов северо-причерноморских статуэток, но некоторые из них очень индивидуальны по типу лица, форме глаз, носа, рта и передают местный этнический тип (Левина. 1996. Рис. 168).

Некоторые предварительные итоги. Все таракташские антропоморфные статуэтки имеют акцент, сделанный на личину. Подчёркнутая индивидуальность каждой личины антропоморфных статуэток говорит, по моему мнению, о неразрывной связи с культом предков, конкретным для каждой семьи, общины, рода. Статуэтки олицетворяли конкретных людей или персонажей, и при большом сходстве каждой из скульптур со всеми остальными, каждая из них имеет свои индивидуальные, лишь ей присущие черты. Скульптуры передают не только портретное сходство с прототипом, но и физический тип населения Таракташа. Все статуэтки изображают широколицых людей с плоскими или высокими прямыми носами, близких к одному из типов населения центральноазиатского региона.

Все статуэтки были найдены в культовых постройках, поэтому можно предварительно рассматривать культовые постройки с идолами с индивидуальными личинами как *родовые святилища, связанные с культом предков*. Святилища существовали практически на одном месте, но в разное время, не пересекаясь между собой. Возможно, этим объясняется отсутствие единого канона в создании образа идола или же данное обстоятельство может объясняться приходом различного населения в разное время на склоны Таракташа. Остается открытым вопрос о генезисе ранних антропоморфных идов,

происходящих из «КСТ-III» первой половины – середины II в. н.э. Анализ иконографии антропоморфных фигурок, найденных на памятниках, относимых к культуре меотов и поздних скифов, показал отрицательный результат. Близкие по морфологическим признакам идолы встречены в более позднее время на территории Европейского Боспора и в Центральной Азии. Вероятно, прототипы ранних таракташских статуэток еще не открыты. Я склоняюсь к тому, что необходимо искать их в Центральной Азии, так как материал всех трёх святилищ Таракташа указывает на некоторые центральноазиатские параллели: «широколиций» тип личин всех идолов, курильницы с квадратными основаниями и выступами по бокам резервуара на высоких ножках, подквадратные алтарики, лепная керамика с антропоморфными налепами на стенках. Можно предположить, что в 30–40 гг. II в. н.э. в восточном Крыму появляется население, которое приносит с собой новые культурные традиции, затем по неизвестным причинам в середине II в. н.э. покидает Таракташ, на котором появляются новые переселенцы, основавшие «КСТ-II» уже на рубеже II–III вв. н.э. Поселение и святилище были разрушены и покинуты в середине III в. н.э. и лишь в середине IV в. н.э. на склонах Таракташа появляется вновь новое население и возобновляется культ поклонения предкам в одной из культовых построек «КСТ-I».

Литература

- И. А. Емец.* Лепная антропоморфная пластика Боспора // ДБ. 2000. № 3.
- И. Т. Кругликова.* Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства // САИ. 1970. Г1-11.
- И. Т. Кругликова.* Идолы из Дильберджина // История и культура античного мира. М., 1977.
- Л. М. Левина.* Этнокультурная история восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М., Восточная литература, 1996.
- В. Л. Мыц, А. В. Лысенко, И. Б. Тесленко, С. В. Сёмин.* Отчёт о раскопках позднеантичного святилища у с. Дачное (б. Таракташ) в 1995 году. Симферополь, 1998.
- В. Л. Мыц, А. В. Лысенко.* Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму // Боспорский феномен. СПб., 2001. Ч. 2.
- О. В. Шаров, М. Б. Щукин, И. В. Палагута.* Отчёт о раскопках поселения Таракташ у с. Дачное... в 2006 году. // РА ИА НАНУ. 2007.
- О. В. Шаров.* Святилище на склонах горы Таракташ в восточном Крыму // Боспорский феномен. СПб., 2009.
- М. Б. Щукин, О. В. Шаров, П. В. Шувалов, Л. А. Соколова, И. А. Гарбуз.* Исследования поселения и святилища Таракташ 2 у с. Дачное Судакского района // Отчётная археологическая сессия за 2002 год. Государственный Эрмитаж. СПб., 2002.

Н. Н. Болгов, А. М. Болгова

Поздний Боспор: новые взгляды и подходы

Исследовательское поле в изучении позднеантичного периода истории Боспора (сер. III – 1-я треть VI в.) в последнее время активно расширяется. Это достигается как новыми археологическими исследованиями, так и новым концептуальным историческим осмыслением. Среди новых концептуальных идей, высказанных в печати, на наш взгляд, необходимо выделить следующие.

«Двоеверие» («многоверие»). Достигнутый уровень изучения религиозной жизни на позднем Боспоре позволяет констатировать среди населения одних и тех же городов и поселений сосуществование различных культов, в том числе и христианства. Об этом свидетельствуют паракристианские надписи (Яйленко. 2010. С. 610–711), находки филактериев с надписями в степи близ Китея (Яйленко. 2005. С. 465–514), археологический контекст ряда памятников.

Иудаистский этап эволюции религиозной жизни (или элемент «многоверия»). Общая схема эволюции религиозной жизни на Боспоре выглядит так: античные культы – культ Бога Высочайшего (существуют одновременно) – христианство. Теперь, помимо специфического античного «политеизма», мы должны будем учитывать наличие иудаистических верований и обрядов – если не как этапа в развитии, то, по крайней мере, как значимой компоненты в религиозной мозаике позднего Боспора. При этом иудаизм преемственен по отношению к культу Бога Высочайшего, исчезающего после 1-й четверти IV в. (интерпретация тиритакского храма как синагоги) (Ермолин. 2012 а. С. 150–155).

Характер государства: греко-варварский симбиоз. Эта идея не нова, но относительно позднего Боспора постоянно появляются новые работы, рассматривающие проблему с различных сторон. Это касается личности и этнической принадлежности царя Дуптуна (Храпунов. 2011. С. 352–369), единственного известного по имени царя позднего Боспора; степени «силы» и возможностей центрального аппарата управления – двора; характера местной администрации и местного «самоуправления» (Яйленко. 2010. С. 409–425). Главная проблема – определение общего характера государства, принадлежность его к той или иной политической традиции. Наиболее важны: формальная преемственность по отношению к династии Тибериев-Юлиев первых веков н.э.; глубоко варваризованный характер центральной и местной власти; господство традиционного уклада жизни; локализация отдельных территориально-хозяйственных локусов

(микрозон). Греко-варварский характер (симбиоз) сложившейся к этому времени модели государства восходит здесь еще к греко-скифской эпохе.

Система обороны приобретает очаговый характер. Эта уже достаточно давняя идея недавно наполнилась конкретным содержанием. В диссертации А. Л. Ермолина предложена модель системы обороны позднего Европейского Боспора (Ермолин. 2012 б) с опорой на Узунларский и Тиритакский валы. При этом необходимо учитывать и общую модель организации обороны Европейского Боспора на протяжении всей его истории, предложенную в свое время А. А. Масленниковым.

Население позднего Боспора – «поздние боспоряне». В дополнение и развитие дефиниции «боспоряне» для обозначения варваризованного греческого населения Боспора первых веков н.э. (А. А. Масленников), применительно к еще более варваризованному, или даже смешанному греко-варварскому населению позднеантичного Боспора, связанному местом проживания, характером занятий, материальной культурой, образом жизни, традициями, предложен новый термин «поздние боспоряне» (Ермолин. 2012 б). Изучались также место и роль населения позднеантичного и ранневизантийского Боспора в контексте этнической истории Восточного Крыма (Зінько. 2009).

Роль германцев на позднем Боспоре в последние годы изучается весьма активно. Это вопросы о том, какие именно германские племена в той или иной степени представлены на Боспоре (Левада. 2006; Ярцев. 2009), анализ тех или иных элементов материальной культуры германцев в общем контексте материальной культуры Боспора, локализация мест расселения германцев на Боспоре (Рябцева. 2009) и др.

«Страна Дори» на Боспоре. К предыдущей теме примыкает более локальная идея о размещении прокопиевой «страны Дори» на Европейском Боспоре, прежде всего на Китейской равнине (Ермолин. 2006), до 30–40-х гг. V в. Эта идея имеет сильные и слабые стороны, сторонников и противников (Рябцева. 2010), но, во всяком случае, она стимулирует дальнейшие исторические поиски и интерпретации.

Приход гуннов-утигуров в Крым в 430-е гг. Впервые высказанная М. Б. Шукиным идея о возвращении утигуров в Крым не после распада державы Аттилы, а ранее, теперь получила топографическое обоснование (Ермолин. 2006).

Эталонные памятники позднего Боспора – городище Белинское и Китей. Археологические исследования последних лет на Европейском Боспоре постепенно выдвигают на первый план как эталонные памятники – городище Белинское (для IV в.) (В. Г. Зубарев) и городище и некрополь Китей (для всего периода III–VI вв.) (Е. А. Молев, В. А. Хршановский, А. Л. Ермолин). В частности, открытые в последнее время в Китее сакральные и погребально-поминальные комплексы дают основание для реконструкции духовной жизни «поздних боспорян» или германцев.

Крымское Приазовье – базовый локус позднего Боспора. Масштабные археологические работы ВКАЭ РАН, Артезианской, Белинской экспедиций в Крымском Приазовье (А. А. Масленников, Н. И. Винокуров, В. Г. Зубарев) позволили еще в 90-е годы обосновать идею о том, что этот регион был важнейшим территориально-хозяйственным локусом Боспора. Археологические работы последнего десятилетия подтвердили этот взгляд и расширили представление о сельской территории Европейского Боспора в позднеантичный период.

Феномен деградации позднебоспорского «искусства». В последнее десятилетие активно исследовалась живопись склепов Пантикапея–Боспора (Е. А. Зинько). Главный феномен, нуждающийся в объяснении – примитивизация изображений, которая может быть как проявлением крайней степени варваризации, так неким «новым» художественным стилем.

Обстоятельства и характер византийского завоевания. На основе письменных источников появляются новые работы, уточняющие отдельные детали попадания позднего Боспора вначале в орбиту византийской дипломатии, а затем и политики, обстоятельства мятежа утигуров против филарха Грода, и собственно завоевания Боспора в 520-е гг.

Институт энспондов (федератов) ныне разделяется на энспондов самого Боспора (германцы) и энспондов Византии после завоевания Боспора империей (Болгов, Рябцева. 2010).

Материальная культура позднего Боспора синхронизирована с европейской хронологией древностей эпохи Великих Миграций, уточнены периоды и фазы эволюции материальной культуры Боспора, правда, лишь до конца IV в. (Шаров. 2009).

Изучение человека позднего Боспора и его иконографии. Ряд работ последних лет посвящен изучению картины мира и принципов иконографии человека античного Боспора, в том числе и позднего (Болгов, Красникова. 2010).

Предложен ряд других топографических реконструкций, в том числе модель оптимальной переправы через Керченский пролив,

в частности применительно к позднеантичному времени (Ермолин, Федосеев. 2011), как и ряд других топографических реконструкций.

Таким образом, процесс изучения и переосмысления известных археологических и исторических материалов позднего Боспора в последние годы активно и плодотворно продолжался наряду с масштабными археологическими раскопками. По всей видимости, ближайшие годы привнесут еще немало нового в понимание сложнейших процессов на дальней северопонтийской периферии позднеантичного мира в процессе его постепенной трансформации в средневековый.

Литература

- Н. Н. Болгов, Е. А. Красникова.* Позднебоспорские портреты. Белгород, 2010.
- Н. Н. Болгов, М. Л. Рябцева.* Готские «федераты» Боспора и готы-федераты Византии на Боспоре // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород, 2010. № 1 (72). Вып. 13.
- А. Л. Ермолин.* Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове // Древности Боспора. М., 2006. Т. 9.
- А. Л. Ермолин.* Система расселения, обороны и этноконфессиональный состав населения Европейского Боспора в III–VI вв. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2012.
- А. Л. Ермолин.* Тиритакский феномен // ДБ. 2012. Т. 16.
- О. Л. Єрмолін.* Хорá Дорі Прокопія Кесарійського // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Дрогобич, 2006. Вип. X.
- А. Л. Ермолин, Н. Ф. Федосеев.* Переправа – Порт-Мион – «традиционный Порфмий» // Боспорский феномен. СПб., 2011.
- О. В. Зінько.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VI ст.) Автореф. канд. дисс. Київ, 2009.
- М. Е. Левада.* Другие германцы в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь, Керчь, 2006. Т. XI.
- М. Л. Рябцева.* Боспор и германцы в конце IV– середине VI в. Автореф. канд. дисс. Ставрополь, 2009.
- М. Л. Рябцева.* К вопросу о месте локализации страны Дори // Классическая и византийская традиция. 2010. Белгород, 2010.
- Н. И. Храпунов.* Администрация Боспора в V в. н.э. // Древности Боспора. М., 2011. Т. 15.
- О. В. Шаров.* Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху. Автореф. докт. дисс. СПб., 2009.
- В. П. Яйленко.* Магические надписи Боспора // Древности Боспора. М., 2005. Т. 8.

- В. П. Яйленко.* «О бедном Устане замолвите слово...» (новая позднеантичная надпись из Киммерия на азиатском Боспоре) // *В. П. Яйленко.* Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М., 2010.
- В. П. Яйленко.* Христианские и парохристианские надписи Боспора // ДБ. 2010. Т. 14.
- С. В. Ярцев.* Варварский мир Северного Причерноморья второй половины I – третьей четверти IV в. н.э. Автореф. канд. дисс. М., 2009.

Е. А. Зинько

Актуальные проблемы раннехристианской истории Боспора

Раннехристианская история Боспора постоянно привлекает внимание исследователей, а в последние два десятилетия наблюдается новый всплеск интереса к этой проблематике. Общеизвестно, что в результате «готских» морских походов на Боспоре появились значительные группы малоазийских пленников, среди которых были христиане, в том числе, как предполагал В. Ф. Гайдукевич, представители клира (Гайдукевич. 1949. С. 466). Это предположение базируется в первую очередь на письменных источниках. Так, в описании мученичества святого Афиногена говорится о его путешествии, скорее всего, на Боспор, для выкупа христиан, захваченных готами во время набега 276 г. в Педяхтою в Каппадокии (Maraval. 1999. P. 30–35). По сообщениям древних авторов из портовых городов Боспорского царства, варвары организовывали свои набеги, но они не стремились удержать захваченные восточные провинции Римской империи, а лишь грабили города. Помимо разного рода ценностей, в плен к варварам попадало и значительное количество мирного населения. Византийский автор Зосим подчеркивает именно этот аспект (Zosimus. 1984). Маловероятно, что они могли быть проданы в рабство вглубь варварских территорий. Древние авторы также не сообщают, что какая-либо часть пленных была отпущена за выкуп. Остается предположить, что пленные из восточных провинций, среди которых было немало христиан, так и остались на Боспоре. Они, вероятно, оседали в приморских городах и поселениях, как на черноморском, так и азовском побережье Боспора. В первую очередь это было связано с тем, что здесь находились гавани, в которых формировались пиратские флотилии варваров, а также верфи, на которых строились новые суда и где постоянно нужны были рабочие руки. Но, возможно, не все нашли пристанище в больших боспорских городах, какая-то часть их была расселена в сельских поселениях, прежде всего в тех, которые располагались ближе к морскому побере-

жью, среди которых, по мнению А. А. Масленникова, и Приазовье (Масленников. 1997. С. 47). Эти малоазиатские пленники и послужили той средой, вокруг которой сформировались первые раннехристианские общины Боспора.

Археологических свидетельств существования этих небольших христианских общин в последней четверти III– начале IV в. очень немного, но найдены они все, за небольшим исключением, в приморских городах и поселениях Боспора. В первую очередь обычно приводят находки перстней с христианской символикой в Пантикапее, Феодосии и Китее, датируемые П. И. Диатроптовым III в. (Diatroptov. 1999. P. 224). Все эти города на протяжении истории Боспора являлись крупными портовыми центрами. На Азовском побережье Боспора, при раскопках могильника у дер. Ново-Отрадное, в могиле III в. была найден бронзовый перстень с овальной сердоликовой геммой с изображением креста и двух рыб (Арсеньева. 1963. С. 195. Рис. 3). Археологический контекст, а следовательно, и датировка, перстней из Китая и Ново-Отрадного достаточно неоднозначны. В. А. Хршановский считает, что их нельзя безоговорочно привлекать для доказательства распространения христианства на Боспоре в III в. (Хршановский. 2013). Хотя сам факт присутствия гемм с раннехристианской символикой свидетельствует о многом.

С раннехристианской проблематикой связаны и погребальные комплексы – грунтовые склепы, надгробия, погребальный инвентарь. Так, с конца III в. на некрополях поселений Крымского Приазовья появляется новый тип погребальных сооружений – грунтовые склепы с лежанками, связываемые с притоком нового населения (Масленников. 1997. С. 3). К таким же типам грунтовых склепов, в которых совершались многочисленные подзахоронения, относится большинство погребений на Боспоре с конца III по конец VI в., в том числе и раннехристианские. Однако большинство склепов было ограблено, и о раннехристианском погребальном обряде что-то определенное сказать трудно. Поэтому попытка выделения среди большого массива склепов III–IV вв. раннехристианских является сложной задачей. Так, на пантикапейском некрополе северного склона горы Митридат исследовано несколько сотен грунтовых склепов, инвентарь из которых, в том случае, когда он сохранился, довольно подробно проанализирован (Засецкая. 1993; Айбабин. 1993; Он же. 1999). В этих склепах погребали представителей всех этнических групп и сословий (Ростовцев. 1914. С. 509; Цветаева. 1951. С. 79; Айбабин. 1999. С. 39). Попытки классифицировать эти грунтовые склепы только по погребальному инвентарю (Засецкая. 1993. С. 24–25) представляется недостаточно корректной.

На некрополе Пантикапея III–VI вв. н.э. картографировано более 300 грунтовых склепов на северном склоне горы Митридат

(Зинько. 2003). Все эти участки некрополя имели довольно строгую планировочную структуру, а общая численность грунтовых склепов на северном склоне горы Митридат может составлять не менее 3000 (Зинько. 2003. С. 69). В соответствии с разработанной классификацией выделяется три основных типа грунтовых склепов, наиболее ранние из которых – склепы с прямоугольной погребальной камерой, датируются последней четвертью III – IV в. Те же конструктивные особенности и хронология характерны для грунтовых склепов некрополя Китея (Гайдукевич. 1959) и некрополей Крымского Приазовья (Масленников. 1997).

Понятно, что не все погребальные сооружения могли принадлежать христианам, поэтому основным критерием для выделения раннехристианских памятников является наличие в склепах росписей и вещей с христианской символикой. Сейчас боспорские склепы с геометрическими росписями достаточно достоверно датируются последней четвертью III – IV в. (Зинько. 2001), установлена их типология, изучен вопрос о религиозно-сакральном значении в контексте христианского вероучения этих рисунков, в том числе и геометрических (Зинько. 2003).

Аналогичные росписи с использованием христианских символов украшают ниши и стены склепов в других районах черноморско-средиземноморского бассейна (склеп в церкви «Виноградных гроздей» из Каппадокии, склеп Нимф из Ашкелона середины III в. н.э. (Michaeli. 2001 a. P. 163–170), склеп «Пещера птиц» с горы Олив (Иерусалим), склеп «Lochameu ha-Gtaoth» конца IV – начала V в. н.э., склеп «Givat Namudoth» в Верхней Галилеи III в. н.э. (Michaeli. 2001 b. P. 78–87), склеп из «Djel el Amad» (Северная Иордания) III в. н.э. (Barbet. 1998. P. 43–58). Эти аналогии свидетельствуют о том, что в росписях погребальных памятников христиане Боспора уже на ранних этапах использовали общехристианские символы. В то же время наиболее близкие параллели для росписей боспорских христианских грунтовых склепов дают наскальные христианские храмы Каппадокии (Змеиная церковь, церковь Св. Варвары и др.). В этих храмах под полихромными фресками VII–VIII вв. открыты геометрические росписи III–IV вв., выполненные красной охрой. Учитывая свидетельства письменных источников, можно предположить, что традиции ранних христианских росписей Боспора восходят к малоазийским, а точнее каппадокийским, заимствованиям.

В настоящее время на Боспоре известны небольшая группа надгробий с изображениями крестов и типично раннехристианскими эпитафиями. Подавляющее большинство этих надгробий обнаружено на равнинном участке пантикапейского некрополя (Глинище), значительно меньше их обнаружено на некрополе северного склона горы Митридат. К IV в. исследователи относят шесть памятников – надгробия Евтропия, Евпрепия, Платона, Агораста, сына Луя, Трифона, сына Агафа, Устана, сына Нейкифора (Диатроптов. 1995). Наиболее ранней является эпитафия Евтропия, датируемая 304 г. (Шкорпил. 1900. С. 59). Несмотря на то, что христианских надгробий, точно датируемых IV в. н.э., известно крайне мало, однако ясно, что уже в это время возникли небольшие христианские участки на некрополях Пантикапея: на северном склоне горы Митридат (в районе улиц Госпитальной и Желябова), в районе Глинища и по дороге, ведущей к Царскому кургану.

К 325 г. на Боспоре уже оформилась своя епархия, и боспорский епископ Кадм участвовал в Никейском соборе (Бенешевич. 1908. С. 295; Якобсон. 1958. С. 461). Сообщения о боспорских христианах и об одном из боспорских епископов второй половины IV в. н.э. сохранились в византийских письменных хрониках (Созомен. 1948. С. 302–312).

Судя по всему, христианами в IV в. на Боспоре еще не сооружались специальные постройки для богослужений, а приспособлялись заброшенные погребальные и иные постройки на античных некрополях Пантикапея, Илурата, Китея. Известен факт отправления ранними христианами обрядов в римских катакомбах (Свенцицкая. 1989. С. 102). В Херсонесе для этих целей использовались некоторые погребальные сооружения на территории некрополя (Зубарь. 1991. С. 22–23).

Во второй половине V в. н.э. христианство становится официальной религией Боспорского царства. Но длительное время его христианские общины оставались довольно малочисленными. Лишь в конце V – первой трети VI в. Византийской империей здесь начинается масштабное строительство христианских базилик (Пантикапей–Боспор, Тиритака и др.). Однако вторжение тюрков в 576 г., взявших и разоривших боспорские города и поселения, надолго ввергло Восточный Крым в запустение.

Ю. К. Рогова

К вопросу о датировании изображений христианского креста на погребальных памятниках Боспора

Несмотря на то, что время появления и начала распространения христианства на Боспоре остается актуальной и активно дискутируемой темой, многие аспекты ее остаются слабо изученными. Прежде всего это касается христианских надгробий. До сих пор исследовались в основном надписи, в отрыве от форм памятников, что приводило и приводит во многих случаях к их неверной датировке.

Самым ранним датированным христианским памятником Боспора до недавнего времени считалось надгробие Евтропия (КБН. Add. 3). Плита, найденная на Глинище, в саду дачи К. Верле, в 1889 г., В. В. Шкорпиллом была датирована по трем последним буквам (XAs), которые он посчитал датой по боспорской эре (601 г. боспорской эры = 304 г. н.э.). Однако на рубеже XX–XXI вв. в научной среде появились сомнения в верности такой датировки. По мнению А. Ю. Виноградова, на которое ссылается В. П. Яйленко (Яйленко. 2008. С. 626 – сам А. Ю. Виноградов письменно его не оформил), последние три буквы надписи могут быть сокращением от стандартного для языческих надписей слова «хайре», а надпись (по форме букв) относится к более широкому периоду – IV–VI вв. н.э. В. П. Яйленко привел аргументы, позволяющие подкрепить мнение о более поздней датировке памятника, и наиболее важным, на мой взгляд, является наличие изображения креста.

Точно датированных раннехристианских памятников не так много, и подавляющее большинство их происходит из Рима. Именно по римским памятникам удобнее всего проследить эволюцию раннехристианских символов. Необходимо отметить, что изображение креста на надежно датированных памятниках относится к началу V, а никак не IV в. (см. De Rossi. 1889. Vol. I.). Практически весь IV век самым популярным символом было изображение хризмы (соединение греческих букв «хи» и «ро»), постепенно видоизменившееся в букву «ро», перечёркнутую посередине, напоминающую древнеегипетский анх. Греческие слова, обозначающие орудие казни Иисуса («ставрос» и «ксилон»), ничего, собственно, не говорят о форме этого орудия, поэтому было бы неверным полагать, будто древние изначально представляли себе крест Христа как две перекрещенные перекладины. Попытки датировать изображения креста как раннехристианского символа более ранними периодами (IV, III, II и даже I веком) базируются на довольно шатких основаниях. Необходимо

отметить, что Боспор, безусловно, не был передовым центром христианства в ранний период его существования и, следовательно, было бы слишком большой натяжкой полагать, что кресты на Боспоре появились до того, как они распространились в безусловных центрах христианства, таких как Рим, Малая Азия, Сирия, Палестина, Северная Африка и т.д.

Таким образом, датировка надгробия Евтропия по боспорской эре должна быть признана несостоятельной. Возможным вариантом решения проблемы последних трех букв надписи (слово «хайре» – «радуйся» с формулой «здесь покоится» сочетается плохо, мне известна только одна надпись с таким сочетанием из Констансы, при том, что в ней «хайрете» является восстановлением издателя (Porescu. 1976. № 37)). Но это может быть датировка по какой-либо другой эре, к примеру, актийской. Имя Евтропий на Боспоре не встречается, форма букв и расположение надписи заметно отличаются от остальных христианских надгробий Боспора, поэтому предположение о внебоспорском происхождении погребенного и того, кто составлял эскиз для надписи, не кажется невероятным. Актийская эра, как известно, оставалась в употреблении в некоторых городах Малой Азии и Северной Африки. Такой вариант передвигает датировку памятника в VI в., что представляется вполне вероятным в связи с присоединением Боспора к Византийской империи именно в этот период.

Надо отметить, что среди боспорских погребальных памятников, которые могут быть признаны христианскими, отсутствуют памятники с хризмой (известны в основном граффити), встречающиеся в Херсонесе, и достаточно мало ранних изображений креста с петелькой на вертикальной перекладине, которые были распространены чуть ранее, чем простой крест (равносторонний или с удлинённой вертикальной линией). К этому стоит добавить, что погребальные памятники в виде стел с четырехлистной розеткой, встречавшиеся в Херсонесе и признаваемые некоторыми исследователями наиболее ранними христианскими погребальными памятниками Таврики (Созник, Туровский, Иванов. 1997. С. 72), на Боспоре неизвестны. Безусловно, этот факт не стоит рассматривать как аргумент в пользу позднего появления христианства на Боспоре. Само христианство могло появиться ранее, чем укоренились традиции использовать определенные символы и изображения в погребальной практике. Но позднее укоренение традиций может косвенно свидетельствовать о не очень широком распространении христианства до V в.

Раннехристианских надгробий Боспора на сегодняшний момент известно не очень много (Диатроптов, Емец. 1995.). Большая их часть представляет собой прямоугольные плиты, на которых помещены надписи (чаще всего стандартная формула «здесь покоится имярек») и изображения креста. Есть небольшое количество погребальных памятников, выполненных в форме креста (надгробие Абики, надгробие Феодора, датированное 2-м индиктом, анэпиграфный крест из склепа № 220 на Илуратском плато). Датировать и те, и другие памятники достаточно трудно, в частности потому, что эпиграфические особенности надписей дают слишком широкую датировку, а находки подобных памятников в нетронутых комплексах неизвестны. Форма крестов, помещенных на надгробия, может и должна служить важным элементом, помогающим датировать надгробные памятники и другие христианские погребальные сооружения.

Литература

- П. Д. Диатроптов, И. А. Емец.* Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. 1995. № 2.
- В. В. Созник, Е. Я. Туровский, А. В. Иванов.* Новый христианский памятник из некрополя Херсонеса у Карантинной бухты // Археология. 1997. № 1.
- В. В. Шкорпил.* Три христианские надгробия, найденные в Керчи в 1898 году. Одесса, 1899. – (ЗООИД. № 22. Протоколы. С. 59).
- В. П. Яйленко.* Христианские и протохристианские надписи Боспора. М., 2012. – (ДБ. Т. 14).
- G.-B. De Rossi.* Inscriptiones Christianae Urbis Romae. Roma, 1889. Vol. I.
- E. Popescu.* Inscriptiile grecesti si latine din secole IV–XIII descoperite in Romania. Bucuresti, 1976.

А. В. Зинько

Ещё раз к вопросу об этно-конфессиональной истории ранневизантийской Тиритаки

Проблемы этно-конфессиональной истории ранневизантийской Тиритаки впервые привлекли внимание исследователей в конце 30-х гг. прошлого века в связи с планомерными раскопками этого городища и открытием сравнительно хорошо сохранившегося основания христианской базилики с мраморными колоннами (Гайдукевич. 1940; 1952. С. 67–72). В последнем берлинском издании «Боспорского царства» В. Ф. Гайдукевича (Gajdukevič. 1971) подводится итог исследований этого памятника, который сохраняет свое науч-

ное значение, несмотря на неточности в датировках. Начатый в 2002 г. проект «Боспорский город Тиритака» позволил существенно пополнить источниковедческую базу новыми материалами, содержащими, в частности, новые сведения об этническом составе и конфессиональной принадлежности горожан в ранневизантийское время (Зинько. 2007; 2008; 2011; 2011 а; 2012).

Недавно в известном московском ежегоднике была опубликована весьма сомнительная гипотеза о существовании на территории боспорского города Тиритаки не христианского храма, а синагоги. Утверждая, что «план тиритакской базилики напоминает планы синагог первых веков на Голанах» (Ермолин. 2012. С. 152), израильский автор приходит к выводу, что раскопанный В. Ф. Гайдукевичем христианский храм принадлежал иной конфессии: «... здание, открытое раскопками 1935 г., являлось именно синагогой» (Ермолин. 2012. С. 153). Немаловажным фактом в пользу высказанного предположения Ермолин счёл находку двух фрагментов стенок светлоглиняных амфор, на которые красной краской нанесены изображения минон из раскопок хозяйственной ямы № 26 небольшого домовладения середины IV – первой половины V в. (Зинько. 2011. С. 131). Вероятно, к дате нашего комплекса, автор гипотезы привязывает и тиритакскую постройку, со ссылкой на некий переходный тип синагог IV в.

Незнание стратиграфии строительных комплексов Тиритаки и архитектурного обоснования проекта музеефикации раннехристианской базилики породило у автора из Хайфы «феноменальное» предположение о существовании большой синагоги, в которой могла совершаться ритуалы значительная часть мужского населения города. Вывод о ведущей роли почитателей иудаизма в жизни Тиритаки в IV в. представляется более чем сомнительным. Его можно соотнести только с ранее высказанным этим же автором заключением о стране Дори между Тиритакским и Узунларским валами (Ермолин. 2006. С. 47–48). Непрофессионализм этого автора в решении сложнейших вопросов поздней истории Боспора уже неоднократно отмечался и ранее (Молев. 2010; Зинько и др., 2010). За более чем 80-летний период систематических раскопок города Тиритаки и его некрополя было найдено всего 2 (!) черепка с менорами. В то же время свидетельств христианизации тиритакцев несравнимо больше, и число их постоянно растет. В этой связи следует упомянуть находку мраморной погребальной надписи чтеца Теодора из раскопок 2012 г., которая свидетельствует о высоком иерархическом статусе предстоятеля христианской общины Тиритаки (Twardecki, 2013).

В своё время В. Ф. Гайдукевич связывал сооружение этого раннехристианского храма с активизацией византийской политики на Боспоре в конце V – VI в. (Гайдукевич. 1952. С. 72). Чтобы отвоевать Боспор у гуннов византийскому императору Юстиниану I пришлось снарядить целую военную экспедицию. Перед Юстинианом I стояла задача закрепления за собой новых владений. Утверждение политического господства Византийской империи сопровождалось усиленным насаждением христианства. Одним из важнейших средств осуществления этой задачи являлось сооружение христианских церквей, которые своим «благословением» должны были импонировать населению далеких северных провинций. В этой связи представляется чрезвычайно показательным, что на VI в. приходится строительство многочисленных монументальных базилик в Херсонесе (Завадская. 2001. С. 261). Весьма вероятно, что именно при византийском императоре Юстиниане I в городе Боспоре (Пантикапее) и его окрестностях было также предпринято строительство христианских храмов. К их числу могли принадлежать остатки базилики, открытой в Тиритаке (Гайдукевич. 1940. С. 202). Строительство таких храмов на обоих берегах Керченского пролива производилось византийскими властями, видевшими в насаждении христианства одно из надежнейших средств обеспечения власти Византийской империи над местными жителями и варварскими племенами.

Длительное время христианство на Боспоре сосуществовало с различными языческими культурами. Местные жители зачастую отдавали предпочтение традиционным древним верованиям. Продолжали почитаться боги греческого пантеона, вероятнее всего, в их местной интерпретации. События второй половины V в. н.э. связанные с принятием боспорской правящей верхушкой христианства, коренным образом изменил публичную религиозную практику. Забрасываются старые святилища, и с помощью Византии, начинается строительство христианских базилик. В то же время в частной жизни, в той или иной степени сохранялись и прежние языческие обряды. Поэтому период второй половины V – начала VI в. н.э. можно рассматривать как время перехода общественной культовой практики от языческих обрядов к христианским литургиям.

Всё это подтверждается результатами археологических исследований Тиритаки последних лет. Здесь, в центральной части городища было открыто большое культовое святилище, которое прекратило свое существование не позднее середины V в. А уже в начале VI в. рядом строится усадьба с комплексами рыбозасолочных и дубильных ванн, в каменную загородку которой вкапывают биконический пифос с прочерченным на горле по сырой глине граффито в виде равноконечного христианского креста и надписью на греческом языке – «ΦΙΛΕ» (Зинько. 2011 а. С. 252). Штампы с изображением

христианского символа – креста довольно часты и на краснолаковых тарелках и блюдах, найденных в слоях того же времени.

Судя по исследованным ранневизантийским слоям, Тиритака в V–VI вв. была довольно крупным и важным боспорским городом в южной части западного побережья Керченского пролива. Об этом свидетельствуют городские кварталы с общественными, жилыми и хозяйственными постройками, открытые в 2002–2005 гг. в центральной части города, а также ранее исследованные В. Ф. Гайдукевичем в его южной и восточной частях (Гайдукевич. 1952; 1958). В последние годы аналогичные слои и сооружения исследуются у западной и северной городских крепостных стен. Археологические и эпиграфические источники свидетельствуют, что подавляющее большинство населения Тиритаки в это время составляли, как и ранее, боспорские греки, в среду которых с конца III в. проникает христианское вероучение, ставшее со второй половины V в. основным и официальным вероисповеданием.

Литература

- В. Ф. Гайдукевич.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. Т. VI.
- В. Ф. Гайдукевич.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. М., Л., 1952. – (МИА № 25).
- В. Ф. Гайдукевич.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. М., Л., 1958. – (МИА № 85).
- О. Л. Єрмолін.* Χωρά Δορί Προκοπία Κεσαρίης // Дрогобицкий краєзнавчий збірник. Дрогобич, 2006. Вип. X.
- А. Л. Ермолин.* Тиритакский феномен. М., 2012. (ДБ Т. 16).
- И. А. Завадская.* О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса. Симферополь, 2001. – (МАИЭТ. Вып. VIII).
- А. В. Зинько.* Особенности религиозной жизни Тиритаки V–VI вв. н.э. (по материалам археологических раскопок) // БФ. 2007. Ч. 1.
- А. В. Зинько.* Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002–2005 гг. // Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2008. – (ТГЭ. XLII).
- Е. А. Зинько, В. Н. Зинько, А. В. Зинько.* Основные проблемы этнополитической истории Европейского Боспора в V в. н.э. // Terra barbarica. Lodz, Warszawa, 2010.
- А. В. Зинько.* Амфоры с менарами из раскопок ранневизантийской Тиритаки. Керчь, 2011. – (БЧ. Вып. XII).
- А. В. Зинько.* Этно-конфессиональный состав населения боспорского города Тиритаки в V–VI вв. // БФ. 2011.

- А. В. Зинько.* О застройке боспорского города Тиритака в IV–VI вв. н.э. Керчь, 2012. – (БЧ. Вып. XIII).
- Е. А. Молев.* О вероятности локализации Дороса на месте античного Китея // *Terrabarbatica.* Lodz-Warszawa, 2010.
- V. F. Gajdukevič.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- A. Twarddecki.* Greek poetry in the Bosporan Kingdom // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. – (БЧ. Вып. XIII).

С. Б. Сорочан

Ещё раз о дуках ранневизантийского Херсона и Боспора

К настоящему времени исследователи ранневизантийской Таврики пришли к однозначному мнению о том, что во второй половине VI – VII в. в Херсоне и Боспоре действовал имперский дука, который в надписи 590 г. упомянут с титулом или саном (рангом) стратилат. Дискуссионные моменты возникают лишь с определением времени возникновения и исчезновения здесь этого поста, характера власти и объема полномочий данного чиновника, территории, на которую распространялись его действия (Айбабин. 1999. С. 226; Храпунов. 2000. С. 62; Айбабин. 2001. С. 5; Сорочан. 2004. С. 320–361; Храпунов. 2004. С. 381 сл.; Владимиров и др. 2004. С. 532–534; Сорочан. 2006. С. 298–302; Сорочан. 2008. С. 200–216; Храпунов. 2011. С. 37–50). Спорность вопроса объяснима состоянием источников, ограничивающихся двумя строительными надписями времён правления Юстина II и Маврикия и двумя моливдовулами конца VI – первой половины VII вв., происходящими из Партенита и Севастополя (коллекция К. Д. Смычкова), которые не несут указания на место службы дуки. Последнее обстоятельство не позволяет безоговорочно отнести их к византийской Таврике. Вероятно, по этой же причине Н. А. Алексеенко не включил эти печати в каталог моливдовулов, содержащий сведения об имперской администрации Херсона (Alekseyenko. 2012). Казалось бы, всё ясно со свидетельством о стратилатстве Евпатерия, дуки Херсона, который в 590 г. строил некое «кесарское здание» – кесарион в Боспоре. И ранневизантийские хронисты, и исследователи обычно считают, что стратилатство давалось как сан. Н. И. Храпунов подчеркивает, что «стратилат никак не мог быть гражданским чиновником» (Храпунов. 2011 С. 40). Если это и так, надо учесть, что в представлении агиографов стратилат предстаёт как правитель ромейского города, вершитель гражданского правосудия (церковный суд олицетворял епископ), как судья, выносивший приговоры и отдававший приказы о приведении

наказаний в исполнение (Пайкова. 1990. С. 56, 95, 100). Весьма примечательно, что в ранневизантийской агиографии слова *stratelates* и *dox* были тождественны, являлись абсолютными синонимами и использовались для обозначения верховного представителя имперской власти в провинции, наместника (см.: Войтенко. 2004. С. 28–29. Прим. 29, 31). Из Жития Симеона Столпника (389–459 гг.), написанного его учеником Антонином в последней трети V в., следует, что подобные должностные лица занимались наведением порядка в окрестностях города, организовывали общественные торжества, даже обеспечивали перенос мощей ((Антонина) Житие. 1907. Sec. 23, 28, С. 83–85). И через двести лет в их компетенции бывали сугубо гражданские, финансовые, налоговые дела, как можно понять по печати 679/681 гг., которая принадлежала Косье, стратилату и главному коммеркиарию таможенных складов и округов Еленопонта (*stratilatou kai genikou kommerkiariou apothekes Elenopontou*) (Лихачев. 1924. С. 193, тип VI, 1; Шандровская. 1994. С. 181. Кат. 268.).

Следовательно, верное по сути заключение о том, что «поста стратилата в херсонской администрации не существовало» (Храпунов. 2011. С. 41), не совсем корректно по существу. К слову, если следовать этой логике, в составе херсонской администрации не было и поста дуки, поскольку он подчинялся центральной имперской власти, а не властям провинциального ромейского города. Он вершил дела как правитель пограничного военного округа и с этой точки зрения мог действовать только на имперской провинциальной территории, каким был любой византийский дукат. Херсон и Боспор VI–VII в. не представляли собой исключение. Для них должность дуки понималась как должность начальника большого города, имевшего имперские права и власть правителя провинции. Такой «генерал-губернатор», наместник области, обычно пограничной (в ранней Византии было не менее 13 дукатов, которые стали формироваться с 534 г.), обычно соединял военную власть с гражданской, имел широкие административно-территориальные полномочия, руководил гарнизоном, отрядом лимитанов, контролировал гражданскую, муниципальную администрацию во вверенной ему области, командовал комендантами городов и крепостей (трибунами или комитами), хартулариями, в данном случае военными администраторами, управлявшими отдельными частями дуката, ведал военно-инженерными работами и общественным строительством (фортификация, имперские дворцы, резиденции), следил за действиями судебных инстанций, за местным церковным управлением.

Учреждение дуката в Таврике с центром в Херсоне едва ли можно определенно свести к 575–578 гг., концу времени Юстина II, только на том основании, что в эдикте 575 г. Херсон и Боспор упомянуты по отдельности (Храпунов. 2011. С. 44). Другое дело, распространялась ли юрисдикция дуки Херсона на Боспор до этого времени? Будучи генерал-губернатором Херсона, вероятно, уже с 50–60-х гг. VI в., он действительно мог получить эти полномочия лишь в связи с усилением тюркской военной угрозы Таврике после 575 и особенно к 581 г.

Столь же проблематичен вопрос, располагал ли дука Херсона гражданскими полномочиями. Все, что известно о ранневизантийских дуках, заставляет считать их имперскими чиновниками, совмещающими военные и гражданские управленческие функции. Это не значит, что они верховодили в решении тех вопросов, которые находились в ведении чиновников столичной префектуры претория, «священных щедрот» или магистра официй, но обязательно контролировали их действия на вверенной им территории пограничного округа, помогали осуществлению их функций. Во всяком случае, ни о каких дуках в роли «гражданских наместников» (Храпунов. 2011. С. 45) неизвестно ни в Таврике, ни в других дукатах империи.

Исчезла ли эта должность в Херсоне в период правления Ираклия (Храпунов. 2011. С. 50)? Свидетельств о её существовании позднее первой половины VII в. действительно нет, даже если учесть печати дук из Партенита и Севастополя, то есть с крымской территории. Но в таком случае мы видим, что имперская администрация отсутствовала в Херсоне и на Боспоре в течение почти столетия вплоть до конца VII – начала VIII в., когда можно говорить о рождении системы имперского архонтата, по крайней мере в Херсоне. Поэтому логично предположить, что дукат был формально ликвидирован и заменен архонтатом не ранее последней четверти VII в., поскольку соседство Крымского полуострова с могущественной Хазарией, установившееся к этому времени, вызвало необходимость оформления на здешних землях нового статуса – византийско-хазарского «кондомината», предусматривавшего взаимное мирное сотрудничество (Сорочан. 2001. С. 145–150; Сорочан. 2002. С. 509–543; Сорочан. 2004 а. С. 337–398; Сорочан. 2009. С. 179–181; Сорочан. 2011. С. 350–352). Это обстоятельство не могло не заставить византийцев отказаться от политического режима дуката с его обязательным военным присутствием в пограничном анклав, и перейти к более гибкому режиму архонтата с его иллюзией псевдоавтономии, в котором городу было суждено оставаться вплоть до середины 30-х гг. IX в., когда он был возведён в ранг государственной военно-административной единицы-фемы в связи с развалом все того же «кондоминиума».

Литература

- А. И. Айбабин.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- А. И. Айбабин.* Боспор в конце VI–VII вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001.
- (Антонина)* Житие иже во святых отца нашего Симеона Столпника // Православный палестинский сборник. 1907. Вып. 57. Т. 19. Вып. 3.
- А. А. Войтенко.* Социальный контекст монашеского движения в «Житии преп. Антония Египетского» Свт. Афанасия Александрийского // ВВ. 2004. Т. 63 (88).
- Н. П. Лихачев.* Датированные византийские печати // Известия Российской Академии истории материальной культуры. 1924. Т. 3.
- А. В. Пайкова.* Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии // Палестинский сборник. 1990. Вып. 30 (93).
- С. Б. Сорочан.* Боспор как византийско-хазарский condominium // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001.
- С. Б. Сорочан.* Византия и хазары в Таврике: господство или condominium? // ПИФК. 2002. Вып. 12.
- С. Б. Сорочан.* Око и щит Империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. 5.
- С. Б. Сорочан.* Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII–IX вв. // ПИФК. 2004 а. Вып. 14.
- С. Б. Сорочан.* О дуках Таврики и их моливдовулах // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной конференции. Киев, Судак, 2006.
- С. Б. Сорочан.* О дуках Таврики и их моливдовулах // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. 3.
- С. Б. Сорочан.* Еще раз о времени создания византийской фемы в Крыму // Классическая и византийская традиция. 2009. Материалы III международного научного семинара. Белгород, 2009.
- С. Б. Сорочан.* К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму // Древности. 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2011. Вып. 10.
- А. О. Владимиров, Д. В. Журавлёв, В. М. Зубарь и др.* Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
- М. І. Храпунов.* Адміністрація Херсона наприканці IV–VI ст. // Археологія. 2000. № 1.

- Н. И. Храпунов.* Администрация византийского Боспора в VI в. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник научных материалов V Боспорских чтений. Керчь, 2004.
- Н. И. Храпунов.* К дискуссии о должности дуки Херсона // ВВ. 2011. Т. 70 (95).
- В. С. Шандровская.* Сфрагистика // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. Каталог выставки. СПб., 1994.
- N. Alekseyenko.* L'administration byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux (Occasional monographs-4). Paris, 2012.

Ю. М. Мозаричев

К вопросу о «Хазарии» на Азиатском Боспоре в XI–XII вв.

В последнее время вновь развернулась дискуссия вокруг интерпретации сообщения Иоанна Скилицы об отправке в 1016 г. византийского флота в Хазарию для ее подчинения: «Возвратясь в Константинополь, василевс в январе 6524 г. посылает флот в Хазарию, имеющий в качестве экзарха Монга, сына Андроника Лида, и совместно со Сфенгом, братом Владимира, зятем Василевса, он подчинил страну, когда ее архонт Георгий Цула был пленен в первом же столкновении» (цит. по: Степаненко. 2008. С. 27). В первую очередь, проблематика дискуссии касается локализации Хазарии.

Авторы, помещающие данную историко-географическую область в той или иной части Крымского полуострова, считают, что Георгий Цула Скилицы и Георгий Цула, известный по ряду моливдовулов, одно и то же лицо. Согласно печатям, выделяется не менее 7 представителей рода Цул, живших во второй половине X – второй половине XIII в. Печатаей с именем Георгий Цула атрибутировано 12 экземпляров. Они трех типов: императорский протоспафарий и стратиг Херсона; императорский протоспафарий и стратиг; протоспафарий Боспора (Alekseyenko. 2012. P. 234–236). Все три вида печатей близки между собой и по сфрагистическому типу датируются первой половиной XI в. (Alekseyenko. 2012.).

Учитывая наличие трёх типов и достаточно широкие датировки моливдовулов (теоретически между ними возможен хронологический промежуток минимум до тридцати лет), а также активное участие представителей данной семьи в политической жизни, по крайней мере, Херсона, именно во второй половине X – первой половине/середине XI в. (к этому периоду также относятся: два типа печатей анонимных Цул, императорских спафариев Херсона; Михаила

Цулы; Игнатия Цулы; Льва Цулы; Феофилакта Цулы; Фотия Цулы; Мосика Цулы; Иоанна Цулы (Alekseyenko. 2012. P. 234–236)), не исключено, что здесь мы имеем дело не с одним человеком, а по крайней мере с двумя разными людьми: дядей и племянником, двоюродными (троюродными) братьями либо отцом и сыном. Даже если Георгий Цула всех упомянутых источников одно и то же лицо (что, по нашему мнению, маловероятно), это никак не отвечает на вопрос, о какой Хазарии писал Скилица? Учитывая, что Скилица византиец, его текст должен был отражать именно византийское представление об исторической географии и топонимике того времени – причем, скорее всего, времени жизни самого автора, то есть второй половины XI в.

Готию, Херсон, Боспор и Сугдею можно исключить из числа «претендентов» называться Хазарией. В источниках, в том числе и сфрагистических, употребление по отношению к ним данного названия не зафиксировано. Если допустить, что Крымская Хазария это Северный Крым или часть Восточного, то возникают два противоречия, которые пока никто не попытался объяснить. Если Георгий Цула – правитель небольшой области в Крыму, граничащей с византийскими владениями, неужели его армия была так многочисленна и сильна, что с ней не могли бы справиться воинские подразделения местных фем, и понадобилось не просто присылать флот из столицы, но даже привлекать военные формирования Руси? Где материальные свидетельства Крымской Хазарии X–XI вв.? Ведь кроме Боспора и Сугдеи, поселения и могильники X (по крайней мере, его второй половины) – XI в. в Юго-Восточном и Северном Крыму отсутствуют (см.: Могаричев, Сазанов. 2012. С. 134–136).

Очевидно, что Хазария, упоминаемая Иоанном Скилицей, находилась вне пределов Крымского полуострова. Напомним легенду печатей тмутараканского князя Олега Святославовича (1083–1094): «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии» (Степанова. 2005. С. 542–543). Русские летописи в связи с Тмутараканским княжеством несколько раз упоминают неких хазар. В 1023 г. дружина тмутараканского князя Мстислава, воевавшего с Ярославом Мудрым за отцовское наследство, состояла из касогов, которых он покорил за год до этого, и хазар. Укажем на хронологическую близость и возможную логическую последовательность между покорением Хазарии в 1016 г. и появлением хазар в войске тмутараканского князя в 1023 г. В 1079 г. Олега Святославовича захватили и отправили в Константинополь именно хазары. Тогда власть в княжестве перешла к посаднику Ратибору, назначенному Всеволодом. В 1083 г. Олег вернулся в Тмутаракань из Константинополя и первым делом «перебил хазар» (Повесть временных лет. 1950. С. 299, 336, 339). Вероятно, именно после этого он стал именоваться «архонтом

всей Хазарии». Таким образом, Повесть временных лет в XI в. последовательно связывает хазар с Тмутараканским княжеством. Не появилась ли некая Хазария (не вдаваясь в подробности о ее политическом статусе) на территории бывшего азиатского Боспора в результате мощнейших ударов, нанесенных Хазарскому каганату в 60-е гг. X в. Святославом, и последующего угасания этого государства?

В 2012 г. Н. А. Алексеенко опубликовал моливдовул, легенда оборотной стороны которого гласит: «Богородица, помоги Никифору Алану, вестарху и катепану Херсона и Хазар(ии)». Датируется печать второй половиной XI – рубежом XI/XII в. (Алексеенко. 2012. С. 11).

В середине – второй половине XI в. происходят изменения в системе административно-территориального управления византийских владений в Крыму. С середины IX и до конца X в. эпиграфические и сфрагистические источники фиксируют в качестве местных правителей стратиггов Херсона. С конца X в. к ним присоединяются стратиги Сугдеи и Боспора. Строительная надпись стратига Херсона и Сугдеи Льва Алиата (Латышев. 1898. С. 15–19) позволяет считать, что к 1059 г. Сугдейская фема вошла или была объединена с фемой Херсона. Скорее всего, «укрупнению» крымских фем способствовал внешний, возможно, половецкий фактор, который стал отчетливо проявляться именно с середины XI в.

Следующим шагом Константинополя, очевидно, стало создание нового военно-административного формирования – катепаната, зафиксированного в печати Никифора Алана. Лаврентьевская летопись фиксирует катепана в Херсоне уже в 1066 г.

В 1094 г. Тмутараканское княжество в последний раз упоминается в Повести временных лет. Тогда князь Олег Святославович, вновь ставший здесь правителем не без участия Византии, ушел на Русь и при помощи половцев отвоевал себе Чернигов. Земли его бывшего владения отошли Византии (Литаврин. 1999. С. 502). Известно, что византийские власти не оставляли без внимания эту территорию и в разное время в том же Тмутараканском княжестве доминировало то русское, то византийское влияние, нашедшее отражение в сфрагистике и нумизматике. Тмутаракань в период правления Олега Святославовича, скорее всего, находилась в определенном вассальном подчинении Византии.

Мануил Стравороман в речи, обращенной к императору Алексею I Комнину (1081–1118), утверждал: «Что касается Европы, то враждебную нам ее часть ты усмирил, а из отнятой у нас части немало присоединил, а именно: всю землю, которая заключена между Гемом и Истром и простирается сверху, от гетских пределов, до Евксина, и то, что лежит у Киммерийского Боспора». Это, по аргументированному мнению Г. Г. Литаврина, случилось до 1103 г. и является

ся свидетельством подчинения Тмутаракани Византией (Литаврин. 2000. С. 382).

Вероятно, когда земли на азиатской стороне Боспора вернулись в состав Империи Ромеев, административно они вошли в состав катепаната с центром в Херсоне. Это вполне соответствует упоминавшейся политике «укрупнения» административно-территориальных подразделений, проводившейся в Крыму византийскими властями во второй половине XI в. Очевидно, под влиянием внешнего фактора рычаги и средства управления не «распыляются» по отдельным городам, а сосредотачиваются в удаленном от степей и, соответственно, более защищенном Херсоне – оплоте Византии в Северном Причерноморье.

В целом, мы имеем дело со следованием традициям византийской политики в Северном Причерноморье. Напомним, в 590 г., согласно таманской надписи, дука Херсона Евпатерий на Боспоре «кесарское здание возобновил» (Латышев. 1898. С. 105–109). Причем указанное в надписи строительство, по всей видимости, связано с освобождением этой местности от тюрок и возвращением под имперскую юрисдикцию.

Таким образом, Хазария, известная по печати Никифора Алана, скорее всего, территория на азиатском Боспоре, попавшая под власть Византии после ликвидации Тмутараканского княжества. Является ли «Хазария» византийским эквивалентом Тмутаракани, это часть древнерусского государственного образования или историко-географическая область, включавшая Тмутаракань, – проблема, нуждающаяся в дальнейшем исследовании.

К сожалению, нынешний уровень источниковедческой базы не позволяет говорить, насколько долго Хазария находилась под юрисдикцией Херсона: отсутствуют как сфрагистические, так и эпиграфические источники по данной проблеме. Ничего не сообщают об этом византийские и иностранные хронисты. С одной стороны, это могла быть кратковременная акция, имевшая целью наладить эффективное управление приобретенными землями на начальном этапе, а с другой – из Херсона могли руководить крымскими и окрестными территориями, пока они оставались византийскими.

В 1143 г. Нил Доксопатр писал о власти императора «до Херсона, Хазарии, Готии и Халдии». Приблизительно в это же время поэт Иоанн Цец упоминал «страну матрахов» как расположенную на окраине империи. Мануил I в 1166 г. именовался «августом... зихкийским, хазарским, готским» (Литаврин. 1999. С. 503), а в конце этого столетия некий Никита Пигонит от имени империи собирал подати на Боспоре Киммерийском (Каждан. 1963. С. 93–101).

Уже в XIII–XV вв. термин «Хазария» часто применяли по отношению к итальянским владениям в Крыму, иногда ко всему Крыму или его части, а часто и по отношению ко всей Золотой Орде.

Литература

- Н. А. Алексеенко.* Херсон – Корсунь: от архонтии до катепаната в инфраструктуре византийской административной системы // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012.
- А. П. Каждан.* Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
- В. В. Латышев.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1898.
- Г. Г. Литаврин.* Русь и Византия в XII веке // Византия и славяне. СПб., 1999.
- Г. Г. Литаврин.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
- Ю. М. Мозаричев, А. В. Сазанов.* Крымская Хазария X–XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст) // Хазарский альманах. Киев–Харьков, 2012. Т. 10. Повесть временных лет. М., Л., 1950. Ч. 1.
- Е. В. Степанова.* Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2005. Вып. II.
- В. П. Степаненко.* Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008.
- N. Alekseyenko.* L'Administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux. Paris, 2012.

С. Г. Бочаров

Крепостные сооружения города Боспора – Воспора в XIV–XV вв. Реконструкция

В настоящее время античные и раннесредневековые памятники Керченского полуострова активно изучаются представителями различных археологических школ. На этом фоне Боспорские древности, относящиеся к позднесредневековому времени (XIII–XV вв.) выглядят почти «белым пятном». Но даже самые первые и общие разведочные исследования свидетельствуют о наличии на побережье полуострова поселений и могильников этого времени (Бочаров. 2001. С. 157–161; Бочаров. 2008. С. 12–14; Бочаров, Коваль. 2011. С. 127; Бочаров, Коваль. 2011 а. С. 46–49). Настоящая публикация

посвящена реконструкции фортификационных сооружений Боспора – Воспоро – единственного городского центра региона, резиденции генуэзского консула.

При реконструкции фортификационных сооружений использовались генеральные планы Керчи и ближайших окрестностей города последней четверти XVIII – начала XIX в. (Бочаров. 2001. С. 145–146). Их дополняют материалы археологических раскопок на городской территории XIV–XV вв. (Блаватский. 1957. С. 251–252; Зеест, Якобсон. 1965. С. 62–69; Макарова. 1965. С. 70–76; Макарова. 1982. С. 91–105; Макарова. 1991. С. 121–147; Макарова. 1998. С. 345–362), а также более поздние сообщения путешественников.

В результате сопоставления различных картографических материалов нами был составлен план крепостного ансамбля генуэзского Воспоро. В своем завершенном виде он состоял из цитадели (А), крепостной линии цитадели (В), оборонительного рва цитадели, внешнего оборонительного кольца (С), внешней оборонительной линии (D), крепостного рва (Рис. 1. 1).

Цитадель (А) располагалась на выдающемся в море небольшом мысу (Рис. 1. 1). Площадь укрепленной территории около 0,32 га. Общая длина крепостных стен 207 метров. В цитадели было пять башен и пять куртин. Две башни круглые (А 1 и А 4), полностью закрытые; три прямоугольные, из которых две башни приморского фасада трёхстенные (А 2 и А 3), открытые в сторону города. Одна – защищавшая цитадель со стороны суши четырёхстенная, полностью закрытая (А 5). Справа от неё находились единственные ворота в цитадель (1). По более позднему описанию Эвлия Челеби (1666–1667 гг.) – «это маленькие железные ворота, выходящие на запад» (Книга путешествия. 1999. С. 98). По картографическим материалам цитадель имела плотную застройку, в которой четко выделяются пять небольших кварталов. Во внутреннем пространстве цитадели Эвлия Челеби в середине XVII в. отмечает двадцать домов, одну квартальную мечеть, продовольственный склад, оружейный склад (арсенал) и цистерну для воды (Книга путешествия. 1999. С. 98).

Крепостная линия цитадели (В) (Рис. 1. 1). Со стороны суши западный участок стены цитадели был усилен еще одной крепостной оборонительной линией. Крепостная стена, усиливающая цитадель со стороны суши, имела один барбакан (В I) сложной многоугольной формы, прикрывавший ворота в цитадель (1) и башню цитадели А 5, и две куртины (В I и В II). В центральной части барбакана В I находились единственные ворота крепостной линии цитадели (2), которые располагаются в 12,5 м западнее ворот цитадели (1). Крепостная линия цитадели полностью повторяет пространственное начертание западного (напольного) участка оборонительной стены ци-

тадели. Общая длина крепостной линии около 79 м. Расстояние между куртиной В I и куртиной цитадели А IV составляет 6,2 м, между куртиной В II и куртиной А V – 3,6 м.

Оборонительный ров цитадели усиливает комплекс оборонительных сооружений цитадели со стороны суши. Он повторяет начертание Крепостной линии В. Протяжённость рва цитадели около 79 м (Рис. 1). Ров каменный, вырыт в земле, с востока стенами рва служили куртины крепостной линии В, с запада специальная каменная кладка. Дно рва было земляным. Его ширина от 5,4 до 6,4 м. Глубина рва от 3,0 до 3,5 м. Заполнялся ли ров цитадели водой, неизвестно.

Внешнее оборонительное кольцо (С) располагалось на равнинном прибрежном участке, под восточным склоном горы Митридат, примыкая с запада к цитадели (Рис. 1). Крепостное кольцо длиной около 617 м (без учета стен цитадели) укрепляло приморскую часть города на протяжении 157 м и опоясывало город со стороны суши на протяжении 440 м. В крепостное кольцо вели ворота со стороны суши (3) и калитка (4) со стороны гавани (Рис. 1). Общее количество башен – четыре, семь куртин. Все башни закрытые, первая – прямоугольная в плане, надвратная (С 1); вторая (С 2) – квадратная; третья (С 3) – трапециевидная; четвертая (С 4) – круглая. Единственные крепостные ворота (3) были устроены в прямоугольной башне (С 1). Эвлия Челеби их описывает так: «Со стороны суши находятся большие ворота, выходящие на запад... Эти ворота двойные, с внутренней стороны находится мраморное изображение льва» (Книга путешествия. 1999. С. 97). Приморская калитка (4) находилась слева от круглой башни (С 4), турецкий путешественник дает и ее описание: «Маленькие железные ворота, выходящие на море, смотрят на восток. Через эти не пройдет арба, это очень маленькие отстроенные ворота. С левой стороны... на квадратной мраморной доске изображение [существа] на четырех ногах, с крыльями и верблюжьей головой. Поистине, это удивительное и странное изображение верблюда» (Книга путешествия, 1999. С. 97). По моему мнению, Эвлия Челеби описал генуэзские строительные плиты, украшавшие ворота, декорированные изображениями льва и вероятнее всего, крылатого тельца (грифона?). Вполне возможно, что главные ворота генуэзской крепости носили имя св. Марка или Св. Апостолов, а калитка в приморской стене – Св. Луки.

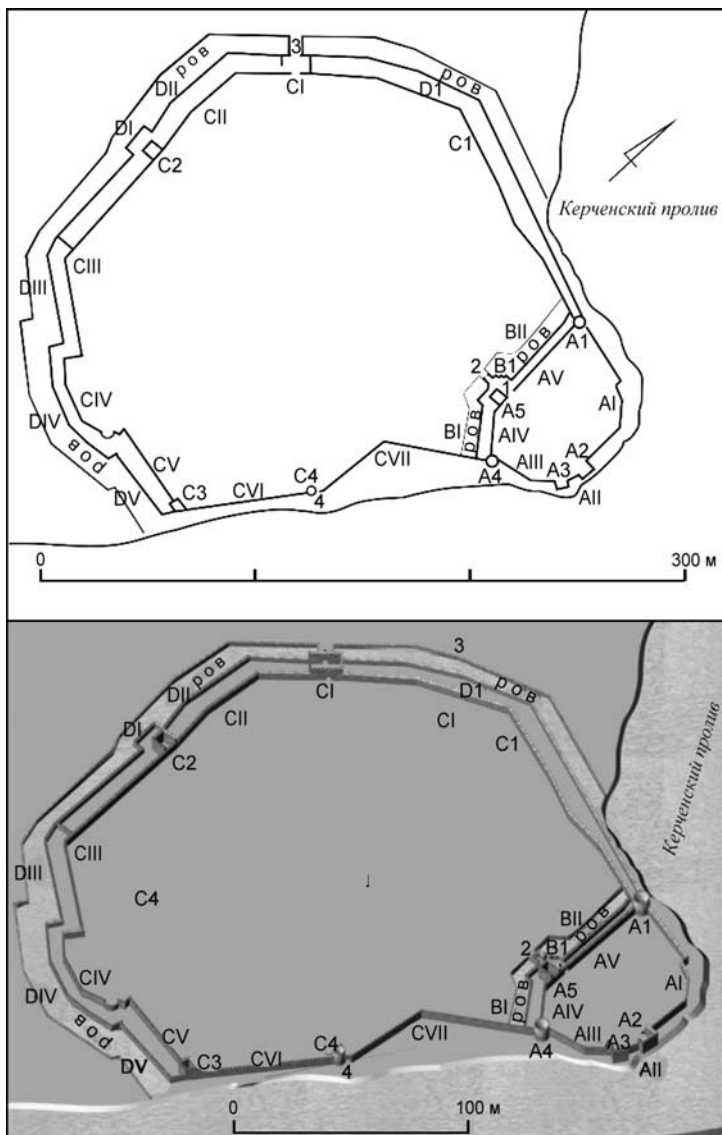

Рис. 1. Фортификационные сооружения Боспора-Востропо: 1 – план; 2 – реконструкция

Внешняя оборонительная линия (D) барбаканов протяженностью около 480 метров с одним барбаканом D 1 (усиливавшим оборону квадратной башни С 2 внешнего оборонительного кольца) и пятью куртинами повторяет пространственное начертание куртин крепостного кольца со стороны суши и отстоит от его стен на 5–7 метров. Крепостной ров протяженностью около 420 метров, глубиной около 5,5–6 метров, был вырыт в земле, повторяя конфигурацию внешней крепостной линии С (Рис. 1). С одной стороны его стенами были куртины этой крепостной линии, с другой стороны – однорядная каменная кладка на известковом растворе. Возможно, ров такой глубины мог заполняться водой. Эвлия Челеби пишет: «...от одного моря до другого прорублен ров. В этом рву во время неверных протекала морская вода, тогда он был заполнен» (Книга путешествия. 1999. С. 97–98).

Площадь городской территории, защищенной крепостными стенами – 3,2 га. Более поздние и точные сведения о городских строениях содержит топографическое описание, составленное при занятии Керчи российскими войсками в 1771 г. В городе и цитадели было: домов до 50 с маленькими дворами, отсутствовали цейхгаузы и магазины, одна баня, один колодец в замке и девять в городе, но все в плохом состоянии, греческая церковь (Иоанна Предтечи) (Рис. 1. 2. А 2), три мечети (Топографическое описание. 1868. С. 192–193).

Письменные источники не сообщают ни о дате возведения крепости в целом, ни о появлении ее отдельных фортификационных составляющих, однако по аналогии с подобными оборонительными сооружениями в Каффе (Бочаров. 1998. С. 82–117) строительство крепости Воспоро относится к 40–80 гг. XIV в. Крепостной ансамбль Воспоро в сравнении с тремя оставшимися укрепленными генуэзскими городами Крымского полуострова (Каффа – 82,0 га, Солдая – 18,81 га, Чембало – 3,46 га) имеет третью по величине площадь – 3,52 га. Тем не менее, такой незначительный по площади укрепленной территории город получает самые мощные крепостные сооружения (Рис. 1. 2). Организация внешнего периметра обороны Воспоро совершенно идентична внешней обороне Каффы. Она состоит из внешнего оборонительного кольца, усиленного крепостной линией с барбаканами и рвом (создается впечатление, что эти крепостные ансамбли задумывались и возводились одним и тем же военным архитектором). Однако при этом усиление цитадели с напольного пространства по такому же принципу – отдельной крепостной линией с рвом – аналогов в Крыму не имеет. Необходимость строительства такого беспрецедентно мощного крепостного ансамбля для защиты такого малого города можно объяснить его стратегическим положением в Боспорском проливе. Крепость Воспоро контролирует основ-

ную морскую магистраль в Тану (золотоордынский Азак) главного и злейшего противника Генуэзского государства – Венецианской республики.

Генуэзские города и фактории крымского полуострова (Gazaria) переходят под протекторат Османской империи летом 1475 г. в результате успешных действий военной экспедиции под руководством Гедик-Ахмет паши (Vasiliev. 1936. P. 262; Cazacu, Kevonian. 1976. P. 496). Территории Горного Крыма и Керченского полуострова входят в состав турецкой провинции (sancak-livâ) Кефе (Veinstein. 1986. P. 223). Центр генуэзских владений Восточного Крыма, резиденция консула город и крепость Воспоро (Vosporo) (Heyd. 1886. P.185; Maggiorotti. 1933. P. 255–257; Balard. 1978. P. 443–444), получает другое имя – Керчь, и становится центром одного из шести административных округов (kazâ) Кефейского санджака (Bennigsen, Lemercier-Quelquejau. 1970. P. 326–327; Veinstein. 1990. P. 585, 587). Выстроенные генуэзцами в XIV в. крепостные сооружения были настолько мощными, что прослужили османам без всякого изменения еще три века. Даже в XVII в. европеец Эмиддио Дортели д'Асколи (1634 г.) высоко оценивает фортификацию города: «Это не очень большая, но сильная крепость, со стенами и рвами, хорошо содержимая, так как стоит на пути московских казаков, которые не раз пытались забраться в нее, но напрасно – их всегда отражали» (Описание Чёрного моря. 1902. С. 122).

Окончательно крепостные сооружения XIV–XV вв. исчезнут после 1821 г., когда по новому генеральному плану уже российской Керчи (Михайлова. 1976. С. 52) была проведена полная перестройка города, в ходе которой снесены все средневековые строения (исключение составляет только церковь Иоанна Предтечи).

Литература

- В. Д. Блаватский.* Раскопки Пантикапея в 1934 г. М., 1957. – (МИА. № 56).
- С. Г. Бочаров.* Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII – вторая половина XV в.) // Причерноморье в Средние века. М., 1998. Вып. 3.
- С. Г. Бочаров.* Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков (Керченский полуостров) // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001.
- С. Г. Бочаров.* Топография османской Керчи XVI–XVIII вв. // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4.

- С. Г. Бочаров.* Поселения Крымского побережья XIII–XV вв. Данные карт-портоланов и археологическая ситуация // Этнические, демографические и духовные взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху, византийский период и средневековье. Симферополь, 2008.
- С. Г. Бочаров., В. Ю. Коваль.* Поселения крымского побережья в системе международной торговли Руси и Средиземноморья. Археологические свидетельства // Труды III (XIX) ВАС. Великий Новгород, Старая Русса, 2011. Т. 2.
- С. Г. Бочаров., В. Ю. Коваль.* Карты-портоланы и археологическая ситуация на крымском побережье в контексте византийско-генуэзской черноморской торговли // Российское византиноведение: традиции и перспективы. М., 2011 а.
- И. Б. Зеест, А. Л. Якобсон.* Раскопки в Керчи в 1963 г. // КСИА 1965. 104. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. *Е. В. Бахревского.* Симферополь, 1999.
- Т. И. Макарова.* Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи). // КСИА 1965. 104.
- Т. И. Макарова.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4.
- Т. И. Макарова.* Боспор – Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991.
- Т. И. Макарова.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. Симферополь, 1998. – (МАИЭТ. Вып. VI).
- М. Б. Михайлова.* Основные этапы формирования Керчи в XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследство. 1976. № 25.
- Описание Чёрного моря и Таврии, составил доминиканец Эмиддио Дортели д'Асколи. Одесса, 1902. – (ЗООИД. Т. XXIV).
- Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской порты во владение Российской империи землям 1774 года. Одесса, 1868. – (ЗООИД. Т. VII).
- А. Л. Якобсон, И. Б. Зеест.* Отчёт о раскопках в Керчи в 1963 г. // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. 1963. Д. 196.
- M. Balard.* La Romanie Génoise (XIII- début du XV-e sicle). Roma, Genova. 1978. Т. I.
- A. Bennigsen, C. Lemerrier-Quellejey.* Le khanat de Crimée au début du XVI siecle. De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane d'après un document inédit des Archives ottomanes // CMRS. 1970. Vol. XIII-3.
- M. Cazacu, K. Kevonian.* La chute de Caffa en 1475 a la lumiere de nouveaux documents // CMRS. 1976. Vol. XVII-4.
- W. Heyd.* Historie du Commerce du Levant au Moyen-âge. Leipzig, 1886. Т. II.
- L. A. Maggiorotti.* Architetti e architetture militari. Roma, 1933. Vol. 1.
- A. A. Vasiliev.* The goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.
- G. Veinstein.* From the Italians to the Ottomanes: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century // MHR. 1986. Vol. 1. № 2.
- G. Veinstein.* Réalités et problèmes de l'implantation Ottomane au Nord de la mer Noire (XVI-e siecle) // İkinci Tarih boyunca Kara deniz Kongres. Samsun, 1990.

II. ВАРВАРСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ БОСПОРА

А. Ю. Алексеев

«Центростремительная» и «центробежная» хронология скифских древностей Северного Причерноморья

Принципы установления хронологии скифских памятников, будь то архаические или классические древности, по своей сути близки и очень часто приводят к возникновению эффекта «центростремительной хронологии», при котором общий временной интервал, установленный в результате различных калькуляций для многих памятников, оказывается предельно сжатым и сконцентрированным вокруг одной или нескольких опорных абсолютных дат.

При отсутствии в скифологии собственных возможностей изначального установления календарной хронологии (Иванчик. 2006) обычным способом является датирование памятников на основании сравнения с комплексами, для которых такие возможности имеются. При этом содержащиеся в них хроноиндикаторы обычно не связаны напрямую со скифской археологией. Для раннескифского периода мы располагаем не более чем десятком закрытых комплексов, относительно надежно датированных на основании присутствия нескифских изделий или их аналогий. Хроноиндикаторами и хронологическими основами признаются различные категории изделий или исторические события (Дараган. 2011. С. 539–541), но чаще всего в их роли традиционно выступает греческая керамика. Так, для периода скифской архаики это, например, погребение Темир-горы на Керченском полуострове с греческой ойнохоей приблизительно 640-х гг. до н.э., курган 16 могильника Новозаведенное II на Ставрополье с фрагментами ионийских сосудов приблизительно 600 г. до н.э. (Маслов. 2012. С. 356), Репяховатая Могила II в Приднестровье с амфорой, точная датировка которой тем не менее до сих пор дискутируется в пределах конца VII и VI в. до н.э. (Дараган. 2011. С. 617–632), и др. Материалы всех этих захоронений сопоставляются с другими скифскими комплексами или с отдельными изделиями, на основании чего и выстраиваются типологические и хронологические схемы. В результате приходится оперировать пучками предметов или комплексов, датированных приблизительно одним и тем же, чаще всего не слишком протяженным временным интервалом. В данном конкретном случае почти весь комплекс древностей этого круга

(во всяком случае его «ядро») замыкается в интервале 40–50 лет, преимущественно в рамках второй половины VII – рубежа VII–VI в. до н.э. Далее при сравнении других скифских материалов с этим комплексом, их датировки чаще всего также попадают в тот же самый интервал, что и приводит к их очевидной концентрации. Возможная протяженность во времени существования различных типов изделий практически не учитывается. И только в некоторых случаях к установленному хронологическому интервалу с обеих сторон могут по разным основаниям, но чаще типологическим, «пристраиваться» другие комплексы, создавая весьма разреженную сеть.

Мало чем отличается от такой схемы и построение хронологических опорных систем для других периодов скифской истории, что, на мой взгляд, демонстрирует серия фундаментальных исследований комплексов амфорных находок из скифских курганов С. В. Полина. В основу этой хронологической системы положены прежде всего тщательные наблюдения над сочетанием комплексов амфорной тары и керамических клейм, усиленные хронологией греческой чернолаковой и расписной посуды, нумизматических материалов и других категорий находок. Эта система выглядит очень прочно выстроенной, но при этом в некоторых своих частях оказывается сжатой «центростремительными» перекрестными связями. Количественное распределение причерноморских погребальных комплексов, которые оказались датированными керамическими материалами в пределах V и IV вв. до н.э. выглядит следующим образом (Бидзиля, Полин. 2012. С. 596): вторая половина V в. до н.э. – 6 комплексов; рубеж V–IV – первая четверть IV в. до н.э. – 12 комплексов; вторая четверть IV в. до н.э. – 14 комплексов; середина – третья четверть IV в. до н.э. – 23 комплекса; конец третьей четверти – последняя четверть IV в. до н.э. – 3 комплекса, два из которых находятся на Таманском полуострове; конец IV–III вв. до н.э. – погребения приднестровских курганов, которых известно более 230 (Тельнов, Четвериков, Синика. 2012. С. 11).

Очевидно, что относительное большинство дат скифских курганов IV в. до н.э. в схеме С. В. Полина оказывается сосредоточенным в середине и третьей четверти этого столетия, причём для многих памятников предпочтение отдается раннему периоду этого интервала – 350–340-м гг. (Мозолевский, Полин. 2005. С. 360–410; Полин. 2010; Полин. 2011; Бидзиля, Полин. 2012). Но один из самых выразительных и одновременно удивительных результатов построения этой системы заключается в том, что в ней практически отсутствуют памятники последней четверти IV и рубежа IV–III вв. до н.э. И это находится в абсолютном противоречии с масштабными историческими событиями последних десятилетий IV в. до н.э. в Скифии

и на Боспоре, в которых участвовали скифы⁷⁴. Прежде всего это боспорская междоусобица наследников Перисада в 310/9 г. до н.э., в ходе которой действовало около 30.000 скифов и скифский царь Агар. На мой взгляд, можно допустить лишь два вероятных объяснения этого несоответствия: либо неверна построенная хронология, исключившая скифские гробницы, включая «царские» курганы, из последней четверти IV в. до н.э., либо неверны даты, установленные для упомянутых исторических событий. Первый вариант выглядит во всех смыслах несравнимо более предпочтительным. Разумеется, можно допустить и выпадение по тем или иным причинам из поля зрения археологов древностей именно этого периода (напр.: Тельнов, Четвериков, Синика. 2012. С. 12), но при нынешнем состоянии источников это объяснение представляется маловероятной натяжкой.

Ещё одно масштабное военно-политическое событие конца IV в. до н.э. с участием скифов относится к Западному Причерноморью – это борьба с диадохом Лисимахом в 313 г. до н.э. Но как раз для этого региона в последние годы стали известны многочисленные скифские погребальные памятники – могильник у с. Глинное и так называемые Тираспольские курганы конца IV – II в. до н.э., существование которых во многом изменило представления о финале и исторической динамике Причерноморской Скифии (Бидзиля, Полин. 2012. С. 585–587).

Немногочисленность или вовсе отсутствие надёжных реперов для других хронологических отрезков скифской эпохи (например, первой половины VII, не говоря уж о VIII в. до н.э., первой половины VI в. до н.э. или начала III в. до н.э.) и формирует ту лакунарность и мозаичность хронологии, которая оказывается характерной для многих исследований настоящего времени. Разумеется, подобная картина может быть отражением и определенных исторических событий, этнокультурных изменений и потрясений, но подчас, как мы видим, она им противоречит.

Противоположную картину, к которой многие исследователи нередко относятся настороженно, мы наблюдаем при использовании методов датирования, независимых от традиционной археологической хронологии. Интервалы калиброванных радиоуглеродных календарных дат для тех комплексов, хронология которых изначально установлена по греческим изделиям, оказываются уже «центробежными», не только расширяющими временные границы (что частично связано с особенностями и нынешними возможностями метода), но в целом сдвигающими их в сторону удревления для раннескифского

⁷⁴ На это не мог не обратить внимание и сам С. В. Полин, но его комментарий ясности в это противоречие не внёс (Бидзиля, Полин. 2012. С. 595, 596).

периода и, наоборот, омоложения для классического периода (Евразия в скифскую эпоху. 2005. С. 224. Рис. 4. 7).

Таким образом тенденции «центробежной» и традиционной «центростремительной» хронологии входят в очевидное противоречие друг с другом, что требует безусловного учёта этих особенностей при хронологических разработках в скифской археологии.

Литература

- В. И. Бидзия, С. В. Полин.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012.
- М. Н. Дараган.* Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2011.
- Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.
- А. И. Иванчик.* Раннескифская хронология в свете древневосточных данных // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2006. Кн. 1.
- В. Е. Маслов.* К проблеме хронологии древностей келермесского горизонта // Российский археологический ежегодник. СПб., 2012. № 2.
- Б. Н. Мозолевский, С. В. Полин.* Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева Могила. Киев, 2005.
- С. В. Полин.* Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // АМА. 2010. Вып. 14.
- С. В. Полин.* Амфоры и клейма из кургана № 32 у г. Орджоникидзе и некоторые вопросы амфорной хронологии // АМА. 2011. Вып. 15.
- Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков, В. С. Синика.* Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь, 2012.

А. С. Балахванцев

К вопросу о времени и обстоятельствах появления скифов в Юго-Восточной Европе⁷⁵

Тысячелетний Боспорский феномен обязан своим возникновением встрече на северных берегах Понта Эвксинского эллинических колонистов и живших там варваров, главную роль среди которых играли скифы. Но если в отношении греков мы располагаем сравни-

⁷⁵ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 11-01-00532а «Культуры скифского круга эпохи архаики на территории Северного Кавказа и Причерноморья (VII–VI вв. до н.э.). Новые данные и подходы».

тельно большим количеством нарративных и археологических источников, позволяющих судить о том, когда и при каких обстоятельствах первые посланцы Эллады появились в Северном Причерноморье, то со скифами всё обстоит гораздо сложнее. Неясно даже, где находился отправной пункт их миграции на Северный Кавказ и в Причерноморье. В современной науке, в связи с существованием значительного сходства в материальной культуре эпохи скифской архаики между памятниками северокавказских и причерноморских кочевников Центральной Азии, широкое распространение получила гипотеза, согласно которой прародиной скифов считаются районы Тувы, Алтая и Синьцзяна (обзор литературы: Раевский и др., 2013. С. 175–198). Однако при этом, к сожалению, забывается, что главным отличительным признаком любого этноса является не связываемая с ним археологическая культура, а присущий ему язык, основные данные о котором происходят из свидетельств нарративной традиции и лингвистических материалов.

Что мы знаем о языках Саяно-Алтая в первой половине I тыс. до н.э.? К северо-западу от Алтая на территории нынешних Новосибирской области и Алтайского края местное население говорило на прасамодийском языке, распад которого по глоттохронологическим данным относится к концу V – середине IV в. до н.э. (Дыбо. 2006. С. 783–784; Дыбо. 2007. С. 135). В прасамодийском языке имеется ряд заимствований из пратюркского, который, в свою очередь, заимствовал несколько прасамодийских слов (Дыбо. 2007. С. 135–149). Единственно возможное объяснение этих языковых контактов заключается в том, что уже в первой половине – середине I тыс. до н.э. Саяно-Алтай был заселен пратюрками. Если же учесть то обстоятельство, что в середине VII – конце IV в. до н.э. пратюркский контактировал с относящимися к восточноиранским языкам согдийским и хотано-сакским (Дыбо. 2007. С. 115–124), то места для скифов на Саяно-Алтае и Синьцзяне просто не остаётся (Грантовский. 1980. С. 72).

Если восточная граница ареала восточноиранских языков определяется по рубежам распространения согдийского и хотано-сакского, то о западной можно судить исходя из наличия контактов между восточноиранскими (в т.ч. и скифским) и северокавказскими языками (Раевский и др. 2013. С. 49–50). Таким образом, в VIII–VII вв. до н.э. народы, говорившие на различных восточноиранских языках, обитали на территориях, протянувшихся от Северного Кавказа до Восточного Казахстана.

Для выделения внутри этой обширной зоны степей региона, занятого собственно скифами, для ответа на вопрос, откуда скифы непосредственно двинулись на Северный Кавказ и в Причерноморье, следует обратиться к анализу данных, содержащихся в труде Геродота. Как известно, по одной из приводимых «отцом истории» версий, т.н. «мидийской», скифы были вытеснены из «Азии» массагетами (Hdt. IV. 11. 1), а по другой, восходящей к Аристею Проконнескому, – исседонами (Hdt. IV. 13. 2). Кажущаяся противоречивость двух этих версий исчезает, если мы привлечем еще одно свидетельство Геродота, согласно которому массагеты обитают «напротив» (ἀντίον) исседонов (Hdt. I. 201). Анализ употребления этого слова у Геродота показывает, что, когда речь шла об объектах, непосредственно не соприкасавшихся друг с другом, оно использовалось для обозначения противоположности «север–юг» (Hdt. I. 72. 3; II. 34. 1) или «запад–восток» (Hdt. II. 34. 1; VI. 47. 2).

Попробуем определить, что конкретно здесь имеется в виду. Массагеты (сака-тиграхауда ахеменидских надписей) занимают у Геродота обширную равнину к востоку от Каспийского моря, за рекой Аракс, которым в данном случае может быть только Амударья – Узбой (Hdt. I. 201, 204. 1). «По праву места и времени» их в первую очередь следует отождествить с ранними саками Присарыкамьшской дельты Амударьи.

Принятие предположения о том, что исседоны жили к востоку от массагетов, например, к северу от Тянь-Шаня, приводит к целому ряду несообразностей. Прежде всего, в таком случае скифы становятся обитателями пустыни Кызылкумов и, стало быть, восточными соседями массагетов. Однако это полностью противоречит данным Аристея Проконнеского, согласно которому к западу от скифов жили не массагеты, а киммерийцы. Наконец, судя по приводимой у Геродота (Hdt. IV. 21–27) картине расселения народов от устья Дона до Уральских гор, исседоны просто не могли быть обитателями Средней Азии. Поэтому в нашем случае речь может идти только о том, что массагеты и исседоны находились «на одном меридиане» (Доватур и др. 1982. С. 185). Наиболее вероятной локализацией исседонов является район Зауралья между Магнитогорском и Челябинском. Следовательно, накануне ухода из «Азии» скифы населяли земли в среднем течении Урала (между Уральском и Орском) и покинули их, подвергаясь давлению со стороны исседонов с севера и массагетов с юга. Под Араксом, который пришлось перейти скифам (Hdt. IV. 11. 1), явно имеется в виду Волга.

Как явствует из приводимых Геродотом сведений, появление скифов на северных берегах Понта привело их к столкновению с жившими там киммерийцами и к поголовному изгнанию последних (Hdt. I. 15, 103. 3; IV. 1. 2, 11, 12, 13. 2). Однако от внимания боль-

шинства исследователей ускользнула одна важная деталь, которая позволяет оценить продолжительность совместного пребывания киммерийцев и скифов в рассматриваемом регионе, а также сделать определенные выводы о характере их взаимоотношений.

Пересказывая содержание поэмы Аристея Проконнесского «Аримаспея», Геродот (Hdt. IV. 13. 2), в частности, сообщает, «что аримаспами вытесняются из [их] страны исседоны, а исседонами – скифы. Обитающие же у южного моря киммерийцы, теснимые скифами, покидают эту страну» (пер. А. С. Балахванцева). В рукописной традиции этого отрывка имеется одно существенное разночтение: ряд наиболее авторитетных рукописей дают чтение ἐκλείειν (Inf. Praes.: покидают), другие – ἐκλείειν (Inf. Aor. II: покинули). В своём недавнем исследовании В. Т. Мусбахова, обратившая внимание на важность этого места, привела аргументы в поддержку чтения ἐκλείειν, отметив, «что в начале VII в. уход киммерийцев из Северного Причерноморья должен был уже быть в прошлом» (Мусбахова. 2011. С. 424). Однако согласиться с этим мнением не представляется возможным.

В самом деле, Аристей сообщает нам, что пришедшие в движение аримаспы вытесняют исседонов, исседоны – скифов, а скифы – киммерийцев. Данное описание полностью подпадает под определение «принципа домино», когда движение на последнем этапе цепочки не может закончиться раньше, чем на предыдущих. Учитывая, что о передвижении аримаспов, исседонов и скифов говорится только в настоящем времени, логично сохранить его и для киммерийцев.

Данный отрывок из Аристея позволяет сделать заключение, что во время его путешествия на северные берега Понта, киммерийцы всё ещё обитали там вместе со скифами, хотя и постепенно вытеснялись последними. Недавно было убедительно продемонстрировано, что путешествие Аристея Проконнесского относится к 680–660 гг. до н.э. (Мусбахова. 2011. С. 432). Именно этим или немногим более поздним временем следует датировать завершение периода сосуществования скифов и киммерийцев в Юго-Восточной Европе.

Но когда начался этот период? Датировка арамейской надписи на раннескифском псалии из Рысайкино концом VIII в. до н.э. свидетельствует о том, что уже в это время скифы находились на границах Ассирии, возможно, в Манне (Балахванцев. 2012. С. 360). Данный факт подтверждает предположение о том, что в Предкавказье они должны были появиться во второй половине VIII в. до н.э. (Грантовский. 1980. С. 73).

Однако есть все основания считать, что это произошло ещё раньше. Дело в том, что хотя из ассирийских и греческих источников нам известно о пребывании киммерийцев в Закавказье и Малой Азии, там не обнаружено памятников черноморовско-новочеркас-

ского типа, которые традиционно связываются с киммерийцами (Гереножкин. 1976. С. 203). Это обстоятельство можно объяснить лишь тем, что к моменту начала переднеазиатских походов киммерийцев, впервые упоминающихся в ассирийских источниках в 714 г. до н.э. (Иванчик. 1996. С. 57) или между 710 и 707 гг. до н.э. (Fuchs. 2012. S. 155–157), их материальная культура уже ничем не отличалась от раннескифской. Понятно, что, как на восприятие киммерийцами уже имевшихся в наличии элементов раннескифской культуры, так и на их участие в выработке новых, требовалось определённое время. Поэтому появление скифов в Предкавказье и Северном Причерноморье вряд ли могло произойти позднее середины VIII в. до н.э. При этом необходимо учесть, что процесс замещения скифами киммерийцев мог идти на различных территориях с разной интенсивностью и завершиться на Северном Кавказе уже к концу VIII в. до н.э., а в Приазовье и на Украине – быть в самом разгаре к моменту путешествия Аристея (ср. Diod. II. 43. 2, 4).

Итак, у нас нет оснований буквально воспринимать слова Геродота о полном вытеснении скифами киммерийцев (Иессен. 1954. С. 130). Как мы видим, период их совместного существования продолжался около ста лет и завершился уже практически на глазах у греков. Весьма вероятно, что процессу культурного слияния скифов и киммерийцев способствовало то, что языки обоих народов принадлежали к восточноиранской подгруппе (Грантовский. 1980. С. 72).

Литература

- А. С. Балаханцев.* Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.
- Э. А. Грантовский.* Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Круглый стол. Выступление // НАА. 1980. № 6.
- А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- А. В. Дыбо.* Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык–основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.
- А. В. Дыбо.* Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М., 2007.
- А. И. Иванчик.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996.
- А. А. Иессен.* Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

- В. Т. Мусбахова.* Аристей Проконнеский и время создания «Аримаспеи» // БФ. 2011.
- Д. С. Раевский, С. В. Куланда, М. Н. Погребова.* Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М., 2013.
- А. И. Тереножкин.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- A. Fuchs.* Urartu in der Zeit // Biainili-Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007. Leuven, 2012. – (Acta Iranica 51).

Т. М. Кузнецова

Скифы и греки в период архаики (мифы и реалии)

В «Истории» Геродота приводится два варианта этногонического предания скифов, появление одного из которых связывается им со скифами, а другого с греками: «Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в то время пустынной, человек по имени Таргитай. А родители этого Таргитая, как говорят (на мой взгляд, их рассказ не достоверен, но они все же так именно говорят), Зевс и дочь реки Борисфена. Такого происхождения был Таргитай. У него родились три сына: Липоксай, и Арпоксай и самый младший Колаксай...» (Hdt. IV. 5). «От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпоксая произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них – цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются сколоты по имени царя; скифами же назвали их греки» (Hdt. IV. 6).

«Вот так рассказывают скифы о себе..., а греки, живущие около Понта, рассказывают следующее: Геракл, угоняя быков Гериона, прибыл в ту, бывшую тогда пустынной землю, которую теперь населяют скифы. ...Когда Геракл прибыл сюда в страну, называемую ныне Скифией (здесь его застигли зима и мороз), то, натянув на себя львиную шкуру, он заснул, а кони его из колесницы, пасшиеся в это время, были таинственным образом похищены... (Hdt. IV. 8). Когда же Геракл проснулся, он отправился на поиски. Обойдя всю страну, он, наконец прибыл в землю, которая называется Гилея. Здесь он нашел в пещере некое существо двойной породы: наполовину ехидну, наполовину – деву... Она сказала ему, что лошади у нее и что она их ему не отдаст, пока он с ней не совокупится. ...Наконец она, возвратив коней, сказала: “Я сохранила для тебя этих коней, забредших сюда, а ты дал награду – ведь от тебя у меня три сына”... (Hdt. IV. 9). Она же, когда родившиеся у нее дети возмужали, сначала дала им имена: одному из них – Агафирс, следующему – Гелон и Скиф – са-

мому младшему... И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов» (Hdt. IV. 10).

Оба варианта предания, безусловно, рождены в Северопричерноморском регионе и принадлежат двум различным народам, пытавшимся аргументировать право на владение указанной территорией, так как в мифах основной акцент падает на обоснование «этнической принадлежности» родоначальника скифов: в одном случае это Таргитай, в другом – греческий герой-бог Геракл.

Обращение к мифологии, в результате чего появились два идентичных предания у различных народов, обитавших в одно время и в одном регионе, свидетельствует о том, что оба народа были пришлыми на оспариваемой территории и появились в Северном Причерноморье почти одновременно, о чем уже приходилось говорить (Кузнецова. 1994. С. 5–11).

Согласно ещё одной легенде о появлении скифов в Припонтийских областях, также изложенной Геродотом, «скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны с массагетами, ушли, перейдя реку Аракс, в Киммерийскую землю... (Hdt. IV. 11). Киммерийцы бежали от скифов в Азию, ...скифы, преследуя их, вторглись в мидийскую землю, повернув по дороге во внутренние области страны. Вот как излагается общее для варваров и эллинов предание» (Hdt. IV. 12).

Как мы видим, это предание принималось не только скифами, но и греками, по всей видимости, не оспаривавшими более раннее появление кочевников на Северных берегах Понта, которое произошло, как говорится, «на глазах у греков», в то время, когда на северо-западе уже существовала Истрия.

Но, согласно преданию, «скифы царя Мадия» пришли и вскоре покинули Северное Причерноморье. Они, перейдя Кавказ, вторглись в Мидию в то время, когда Киаксар Мидийский, победив ассирийцев, осаждал Ниневию – столицу ассирийского царства (Hdt. IV. 103).

Исследование, основанное на сведениях Геродота о скифах, рассмотренных в той последовательности, в которой они были изложены «отцом истории», позволили уточнить и время появления «скифов царя Мадия, сына Протогия» (первых скифов) в Северном Причерноморье (между 614/613 и 608 г. до н.э.), и время вторжения «скифов царя Мадия» в Мидию во время осады Ниневии (608 г. до н.э.), и время 28-летнего скифского пребывания («взбунтовавшиеся скифы», виновники мидийско-лидийской войны – 5/6 лет и «скифы царя Мадия» – 23 года) в Передней Азии – с 614/613 по 585 г. до н.э., и время возвращения скифов с Ближнего Востока (после 585 г. до н.э.).

Падение Ниневии, по общепринятому мнению, приходится на

612 г. до н.э. (Бикерман. 1975. С. 245). Однако исследование показало, что данные источника позволяют говорить о дате падения Ниневии в 608 г. до н.э. (Кузнецова. 2009).

Хронологическая шкала, связанная со скифами и построенная от времени падения Ниневии в 608 г. до н.э. (14-й год правления Набопаласара в Вавилоне), не только привела к согласованию данных Алкмана, Геродота, Помпея Трога, Псевдо-Скимна, найдя обоснование в клинописном материале Вавилона, а также в данных Манефона о Египте, но и позволила определить время выведения первых милетских колоний – Истрии (между 620 и 616/615 гг. до н. э.) и Борисфена (около 608 г. до н.э.).

Власть Мидии над «Верхней Азией», как показало исследование источников, безусловно существовала в VII в. до н.э. – от осады Ниневии до появления «скифов царя Мадия» (608 г. до н.э.) и 35 лет при Астиаге, сыне Киаксара (Hdt. I. 130) – в VI в. до н.э.

Однако поскольку составителю Перизгезы или его «источнику» известно, что Одесс был основан, «когда царем был Астиаг» (Pseudo-Scymn. 748–749 Diller, F 1 Marcotte), и он не синхронизирует время основания Борисфена и Одесса, остается единственная дата – 608 г. до н.э.

Исходя из этого и можно предположить, что после того как «скифы царя Мадия» покинули Северное Причерноморье (608 г. до н.э.), Милет основал город – Борисфен, так как уход скифов предполагал мирное развитие колоний. Дата основания Борисфена базируется на сведениях Псевдо-Скимна, согласно которым Борисфен был основан «во время мидийского владычества» (Pseudo-Scymn. 814 Diller).

Если принять и учесть, что между основанием Истрии и Борисфена, согласно Евсевию, состоялись 3 олимпиады, то время основания Истрии придется на 620 г. до н. э. (608 + 12), согласно Иерониму – 2,5 или 2 олимпиады, т.е. – 618 или 616 гг. до н.э., а это почти не расходится с датой (616/615 гг. до н.э.), основанной на возможном времени ухода «взбунтовавшихся скифов» из Мидии в Лидию, положившего начало пятилетней мидийско-лидийской войне (614/613 – 608 гг. до н.э.), которое могло рассматриваться в Милете как вторжение скифов в Азию (Кузнецова. 2013).

Уже приходилось отмечать, что вероятность полученных дат подтверждается результатами археологических раскопок обоих городов, так как керамический материал Истрии датируется концом VII – первой четвертью VI в. до н.э. (Alexandrescu. 1990. С. 65), а строительные комплексы Березанского поселения, идентифицирующегося с Борисфеном, – не ранее последней четверти VII в. до н.э. (Соловьев. 1989; Чистов. 2011. С. 445).

Письменные источники и данные археологии показывают, что ознакомление греков с Северопричерноморским регионом началось до появления там скифов, а это предполагает непосредственную связь греков с населением Лесостепной зоны, начиная с доколонизационного периода, о чем свидетельствует распределение греческой керамики конца VIII – последней трети VII в. до н.э. (Русяева. 1999. С. 86–87; Мачинский. 2011).

Исходя из этого можно говорить о том, что этногонические предания скифов отразили реальную обстановку в Северо-Западном и Северном Причерноморье периода скифской архаики.

Литература

- Э. Бикерман. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.
- Т. М. Кузнецова. Припонтский регион в период архаики // Боспорский сборник. М., 1994. № 4.
- Т. М. Кузнецова. Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке (по следам Геродота) // Stratum plus. № 3 (2005–2009). 2009. СПб., Кишинёв, Одесса, Бухарест, 2009.
- Т. М. Кузнецова. О дате основания Истрии и Борисфена // Северное Причерноморье – население и контакты архаического периода. 2013 (в печати).
- Д. А. Мачинский. Время основания поселения Борисфен на острове Березань и древнейшие этапы освоения эллинами северных берегов Понта // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011.
- А. С. Русяева. Проникновение эллинов на территорию Украинской Лесостепи в архаическое время (К постановке проблемы) // ВДИ. 1999. № 4.
- С. Л. Соловьев. Строительные комплексы архаической Березани (анализ архитектурно-строительных традиций). Авт. канд. дисс. Л., 1989.
- Д. Е. Чистов. Новые исследования в восточной части Березанского поселения: хозяйственно-промысловая зона середины-второй половины VI в. до н.э.? // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011.
- P. Alexandrescu. Histria in archaischer Zeit // Xenia. 1990. 25.

И. Б. Шрамко, А. В. Новоченко

**Конструктивные особенности земляночных жилищ
последней четверти VII – первой четверти VI в. до н.э.
Западного Бельского городища**

Являясь наиболее древней частью единого комплекса Бельского городища, Западное укрепление отражает традиции переселенцев с Днепровского лесостепного Правобережья, основавших в VIII в. до н.э. в среднем течении Ворсклы и Псла первые неукрепленные поселения. Мигранты не только принесли с собой новые технологии, но на долгие годы определили облик материальной культуры, направленность идеологических воззрений, принципы сооружения и обустройства жилых, хозяйственных и культовых помещений.

Наиболее полно традиции местного населения можно проследить при анализе развития техники домостроительства. Для раннего времени основным видом жилых построек были землянки. Значительная часть их обнаружена в слоях горизонта Б2 конца VII – первой четверти VI в. до н.э. Впервые выделенный стратиграфически при раскопках зольника 28 горизонт Б2 характеризует отдельный хронологический период в развитии Западного укрепления. С ним связаны две землянки, открытые в 1996 г. под зольником 28 (раскопки И. Б. Шрамко), три земляночных жилища, известные по материалам раскопок 1958–1959 гг. на зольниках 11 и 12 (раскопки Б. А. Шрамко, Б. Н. Гракова), а также две землянки, обнаруженные при раскопках последних лет (2009–2012 гг.) на зольнике № 10 (раскопки И. Б. Шрамко, С. А. Задникова). По размерам землянки можно объединить в три группы. Жилища первой группы имели площадь от 25 до 38 м²; второй – от 54 до 62 м²; площадь землянки, отнесённой к третьей группе, составляла около 90 м².

Все перечисленные землянки являлись ядром усадебных комплексов, в которые были включены и хозяйственные постройки. Жилища сооружались с уровня древней дневной поверхности (погребенной почвы), а их нижние части были заглублены в грунт на глубину 1–1,25 м. При этом они различались размерами, занимаемой площадью, очертаниями и ориентировкой котлованов, некоторыми конструктивными деталями, отображающими вариативность подхода к сооружению жилищ в последней четверти – конце VII в. до н.э.

Жилища были заброшены, очевидно, в первой четверти VI в. до н.э. Нижние части (котлованы), постепенно заплывали примыкавшими к их краям грунтами, заполнялись бытовым мусором.

Учитывая, что основным материалом для сооружения и облицовки жилищ местному населению служили дерево и глина – воссоздание внешнего облика построек раннего железного века племен, проживавших на территории лесостепного Поднепровья, сопряжено с объективными трудностями. О многих особенностях древних жилищ мы можем судить лишь по сохранившимся нижним частям сооружений. Но даже при столь ограниченных информативных возможностях источника вырисовывается устойчивая традиция домостроительства раннескифского времени.

Сложная стратиграфия заполнения практически всех жилищ позволяет рассматривать их как полузакрытые комплексы с широким набором предметов материальной культуры, из которых наиболее ценными для установления времени формирования отложений являются характерные виды керамических изделий, металлические предметы, резная кость и античная керамика. Последняя встречена практически во всех археологически зафиксированных строительных объектах, что позволяет достаточно точно сформировать выбор комплексов узкого временного диапазона.

Землянки, соотнесенные нами с горизонтом Б2, характеризуются рядом конструктивных особенностей: а) в плане они имели форму, близкую к четырехугольнику с закругленными углами; б) котлованы жилищ были вырыты с уровня древнего горизонта на глубину 1–1,25 м, ориентированы по линии СЗ–ЮВ (4 землянки); СВ–ЮЗ (2 землянки); в) в них, как правило, имелись хозяйственные ямы, в некоторых случаях прослежены открытые очаги, в стенах – ниши; г) кровля опиралась на несущие балки, была двускатной, перекрывалась соломой или камышом; д) для всех землянок характерно горизонтальное оформление внутреннего пространства, выделение функциональных зон; в двух случаях землянки состояли из двух отдельных камер, в остальных – зонирование пространства осуществлялось в пределах одного помещения; е) в трех случаях вход в землянку был выделен несколькими ступеньками.

Ярким примером двухкамерной землянки последней четверти – конца VII – первой четверти VI в. до н.э., открытой на Бельском городище, может служить жилое помещение № 9, обнаруженное в 1996 г. в зольнике № 28, расположенном в северо-западной части Западного укрепления.

Котлован жилища имел размеры 7,25 x 4 м, глубину 1 м, был ориентирован по линии ЮЗ–СВ. Вход находился в северном углу, где сохранились три неровные, вырезанные в материке ступеньки, высотой 3; 5 и 10 см. Землянка состояла из двух отдельных помеще-

ний (камер) – жилого и хозяйственного, разделенных материковыми выступами.

Жилое помещение. Вдоль стен жилой части землянки были расположены вырезанные в материке возвышения (лежанки), шириной от 0,45–0,5 до 1,15 м, высотой 0,3–0,5 м. На ровном глиняном полу прослежен тонкий тлен растительной подстилки, толщиной 0,5–1 см. В разных частях жилого отсека имелись столбовые ямы. Пять ям при диаметре 0,25–0,26 м имели глубину 0,25–0,35 м. В некоторых из них сохранился коричневый древесный тлен. Две ямы от более крупных столбов, расположенные в центре и южной части помещения, имели диаметр 0,3 м при глубине 0,6–0,68 м от уровня пола землянки.

Хозяйственное помещение имело неровное дно, которое с перепадами в 10–15 см постепенно понижалось к югу до глубины 2,24–2,25 м. Яма была выкопана в полу помещения, с глубины 1 м от края котлована, почти сразу ее стенки постепенно расширяясь, образовывали подбой высотой 0,7 м и глубиной 0,05–0,12 м, ухидивший под пол жилого помещения. Общая глубина ямы от уровня современной поверхности 2,35–2,4 м, диаметр 0,7 x 0,75 м. Кроме того, в северо-западной стенке помещения была вырезана ниша шириной 1,25 м, высотой 0,75 м и глубиной 0,3 м.

От входа в землянку нишу отделял материковый выступ длиной около 1 м, в основании которого были выкопаны три столбовые ямы диаметром 0,2–0,28 м и глубиной 0,4–0,45 м. Наклон стенок одной из ям указывает на то, что опорный столб в этом месте был вкопан под небольшим углом. Общая глубина дна в хозяйственном помещении составила 1,68–1,88 м от уровня современной дневной поверхности.

Хозяйственная яма была заполнена затёчным чернозёмом, который перекрывал пласт рухнувшей материковой глины размером 1,1 x 1,28 м, толщиной 1,3–1,35 м.

Таким образом, открытое помещение представляло собой землянку площадью около 29 м², пол которой был заглублен в древнюю почву и материк на 1 м. Археологически зафиксировано, что жилище имело две отдельные камеры (помещения), которые различались функциональным назначением, и имели свои конструктивные элементы. Особенностью хозяйственного помещения являлась выкопанная в полу яма-погребок и ниша, преднамеренно вырезанная в стене. Между собой они были разделены материковыми ступеньками. Жилое помещение имело широкие лежанки вдоль стен, ровный, утрамбованный пол и несколько столбовых ям разных размеров, среди которых выделялись крупные, предназначавшиеся для установления основных опорных столбов, и ямы средних размеров, служившие дополнительными направляющими в общей конструкции

кровли. Следы очага не зафиксированы, возможно, он был переносным и служил не столько для обогрева, сколько для освещения внутреннего пространства.

Для визуализации внешнего вида землянки применен метод условной графической реконструкции, основанный на исходных археологических данных, планиграфии, стратиграфии, визуальных наблюдениях, который в свою очередь послужил основой для использования метода масштабного макетирования. Последний позволяет дать более точное описание вероятного внешнего вида жилища, его основных конструктивных узлов, оформления внутреннего пространства, проследить возможные более поздние перестройки (ремонт), способствовавшие обновлению всей конструкции.

Получив наиболее точный вариант масштабной макетной реконструкции, с учетом выводов, полученных в процессе анализа первоначальных данных, представляется возможным создание трехмерной виртуальной модели сооружения с использованием метода компьютерного моделирования. Такая реконструкция наглядна, мобильна и как научный инструмент имеет преимущества в виде возможности вносить быстрые изменения в виртуальную реконструкцию в случае уточнения исходных научных данных.

В результате применения комплексного анализа данных, полученных при археологических раскопках, и выделения основных принципов, которыми руководствовалось местное население при сооружении в последней четверти VII в. до н.э. земляночных жилищ, предлагается конкретная модель одного из наиболее сложных вариантов жилой постройки (помещение 9, зольник 28), объединяющей в одном сооружении совершенно разные, самостоятельные с функциональной точки зрения помещения: жилое и хозяйственное.

Общая идея такого сочетания была заложена изначально, на предварительном этапе строительства. По намеченному заранее плану два предполагаемых помещения были отделены друг от друга материковыми выступами, стены котлована одновременно являлись также основой стен будущего жилища. Вход в землянку находился в северном углу котлована и был выделен несколькими материковыми ступеньками, ведущими в хозяйственный отсек, к глубокому погребку, обеспечивавшему сохранность продуктов. Прямо у входа в материковом суглинке была вырезана и небольшая хозяйственная ниша с низкой полочкой. Через хозяйственный отсек, пройдя мимо ниши, можно было попасть в жилую часть помещения. Материковыми ступенями выделялись и зоны отдыха (пристенные лежанки) в жилом помещении. Для реализации основной идеи оформления внутреннего пространства будущей землянки в основном использовались возможности материкового суглинка. Однако для сооружения перекрытия над всей постройкой, требовалось установление надежной кон-

струкции с продуманными архитектурными деталями – узлами. Основным строительным материалом для реализации поставленных задач в данном случае служило дерево. Зафиксированные при раскопках столбовые ямы, их размеры и расположение, а также общая форма котлована, обусловленная совмещением в одном жилище двух помещений, позволили проследить ряд особенностей, связанных с внешним видом стен и перекрытия, их закреплением. Так, можно с определённой долей уверенности утверждать, что крыша была двускатной, лежала на балках, опиравшихся на пять столбов, установленных в хозяйственном и жилом помещениях. Форма южной стороны котлована позволяет предположить, что со стороны фронтона жилой части двускатная крыша переходила в шатровую. В таком случае коньковых бревен могло быть два: одно закреплялось над жилой частью, другое служило для накрытия кровли входа и хозяйственного помещения. Прослежены некоторые технические моменты, связанные с установкой больших столбов. Так, стропила кровли опирались на подпорные стенки из горизонтально лежащих бревен. При рассмотрении отдельного конструктивного узла в хозяйственном помещении, очевидно, что из трех установленных рядом столбов два являлись дополнительными подпорными элементами для удержания изначально стоявшего.

Характер расположения небольших опорных столбов в жилом помещении позволяет предположить, что они служили основой для закрепления перегородки, отделяющей жилую часть от хозяйственной. Данные столбы могли также изменять направляющие несущих балок каркаса кровли у западной стены жилого помещения, вероятно, на них опиралась дополнительная слега. Кроме того, три подобных столба формировали в крыше отверстие, служившее источником поступления света, а при необходимости – дымоходом. Высота кровли по коньку от отметки пола жилой части помещения могла достигать от 2,8 до 3,3 м, уклон крыши составлял около 40–47°, что могло обеспечить должную гидроизоляцию и достаточную прочность при нагрузках. Беспотолочная кровля позволяла комфортно использовать открытый очаг, так как нижний уровень дымового слоя находился под крышей, на достаточной высоте от пола. Крыша дома предположительно перекрывалась соломой или камышом. Стен, расположенных выше уровня котлована, как таковых не было. Скорее всего, их заменяло несколько бревенчатых венцов. Уложенные горизонтально бревна служили также опорой для каркаса перекрытия.

При анализе формы котлована и отдельных конструктивных элементов очевидно динамическое видоизменение сооружения в течение времени его эксплуатации.

Таким образом, землянки Бельского городища последней четверти – конца VII – первой четверти VI в. до н.э. представляли собой углубленные до 1,25 м в грунт помещения площадью от 25 до 90 м².

В плане они имели форму, близкую к прямоугольнику с закругленными углами. Основные элементы жилища (ступени, лежанки, ниши, хозяйственные ямы и т.д.) вырезались в материке и не требовали дополнительных материалов. Стационарные печи в таких жилищах не устанавливались. Небольшие открытые очажки, скорее всего, использовались для освещения и локального обогрева, а не для приготовления пищи. Для сооружения основной и наиболее сложной надземной конструкции – крыши – применяли дерево. Землянки с подобными конструктивными особенностями характеризуют лишь один хронологический период в развитии городища. Жилища предшествующего периода имеют ряд существенных отличий, сближающих их с типами землянок западных областей Лесостепи, в том числе Днепровского Правобережья. В более позднее время местные жители стали отдавать предпочтение наземным постройкам, в том числе и жилищам.

С. А. Задников

**Античная керамика из землянок
конца VII – первой четверти VI в. до н.э.
Западного Бельского городища**

Многолетние исследования зольников Западного Бельского городища показали, что основным типом жилых построек, обнаруженных в слоях горизонта Б2 (последняя четверть – конец VII – первая четверть VI в. до н.э.) являются землянки. В настоящее время известно 7 земляночных жилищ, открытых в разные годы под несколькими зольными насыпями. В заполнении каждой землянки, кроме многочисленных обломков местной лепной посуды, изделий из железа, бронзы и кости, встречалась античная керамика, которая позволила скорректировать датировки жилищ, отнести их к одному хронологическому периоду и определить социальный статус их обитателей.

Одно из первых таких жилищ было обнаружено в 1958 г. Б. А. Шрамко при раскопках зольника 11 (землянка 1). В её заполнении найдено семь фрагментов античных сосудов, среди которых

имелись обломки ручек хиосских амфор с красно-коричневыми полосами. Поверхность сосудов была покрыта облицовкой (Рис. 1. 6, 7). Такие амфоры обычны для второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. (Монахов. 2003. С. 15). Из пяти обломков столовых сосудов выделены обломки ойнохои, столовой амфоры и одного расписного закрытого сосуда. Интересен образец столового сосуда, найденный в верхней части заполнения помещения на глубине 1,1 м. На обломке сохранилось изображение ног скачущих козлов, ниже которого проведена тонкая и широкая полосы черного лака (Рис. 1. 1) (Шрамко Б. 1975. С. 124. Рис. 13, 8; 1985. С. 80; Онайко. 1966. С. 24. Кат № 108). Первоначально Н. А. Онайко, а затем и другие исследователи отнесли данный фрагмент к стилю фикеллура (Онайко. 1966. С. 60. Кат № 108; Бандуровский. 2004. С. 10; Gavriljuk. 2007. P. 635), однако этот небольшой фрагмент, несомненно, является обломком расписной южно-ионийской ойнохои MWG-II или SiA-Ic. Аналогичное изображение козлов можно видеть на ойнохое 625–615 гг. до н.э. из Лувра (Cook, Dupont. 1998. P. 39. Fig. 8. 7). Этим временем мы датируем и находку из Бельска. Возможно, этому сосуду принадлежали и две ручки, украшенные полосами черного лака (Рис. 1. 3, 4) (Онайко. 1966. С. 60. Кат. № 118).

К северо-ионийскому производству первой половины VI в. до н.э. может быть отнесена ручка кувшина, на внешней стороне которой проведена полоса черного лака (Рис. 1. 5), а также обломок закрытого сосуда, на поверхности которого сохранились полосы лака и пурпура (Рис. 1. 2). Н.А. Онайко отнесла его к производству Аттики (Шрамко. 1985. С. 80).

Таким образом, все обломки античных сосудов из заполнения землянки датируются в пределах конца VII – первой половины VI в. до н.э., однако на наш взгляд, заполнение жилища сформировалось в первой четверти VI в. до н.э.

Ещё две землянки были обнаружены экспедицией Б. Н. Гракова и Н. Г. Елагиной в 1958 г. при исследовании зольника 12. В заполнении землянки 2 найдено несколько фрагментов античных амфор и один обломок столового сосуда, который В. Д. Блаватский отнес к коринфскому производству первой половины VI в. до н.э. (Онайко. 1966. С. 60. Кат. 139).

В заполнении землянки 3 встречен один обломок ножки амфоры и фрагмент античного столового сосуда, который Н. А. Онайко отнесла ко времени ранней классики (Онайко. 1966. С. 62. Кат. 179).

В последние десятилетия четыре землянки были открыты экспедицией И. Б. Шрамко под насыпями зольников 28 и 10.

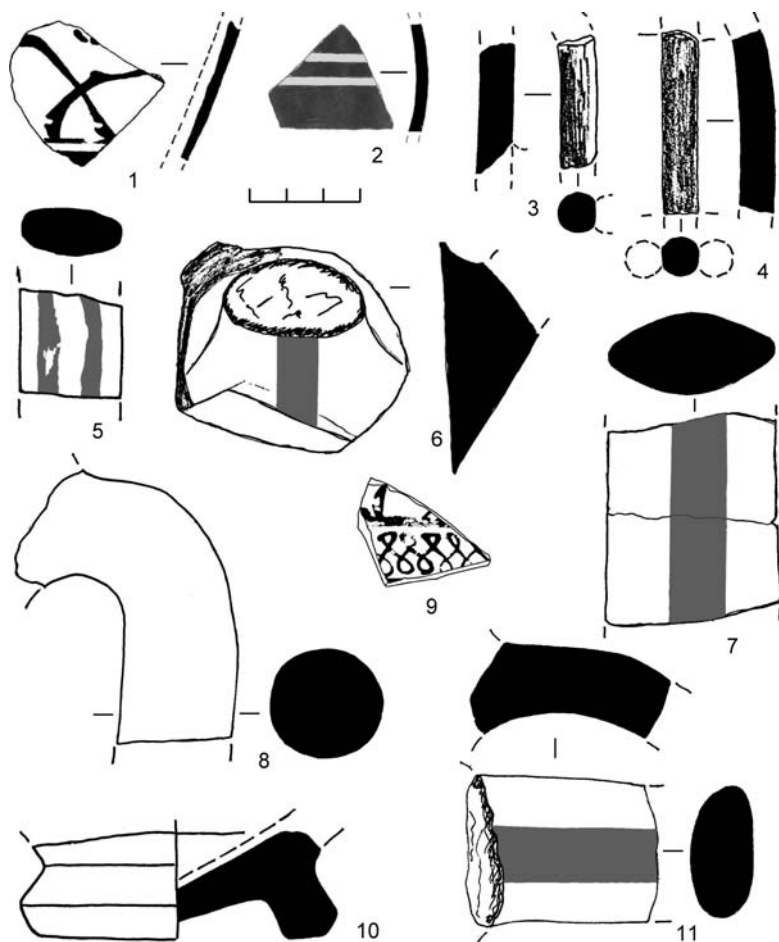

Рис. 1. Античная керамика из земляночных жилищ, обнаруженных на Западном укреплении Бельского городища: 1, 9 – Милет; 2–5 – Северная Иония; 6–7 – Хиос; 8 – Лесбос, с/г; 10 – Милет; 11 – Клазомены. Места находок: 1–7 – землянка 1, зольника 11; 8–10 – помещение 5 (яма 24) из зольника 10; 11 – помещение 9, зольник 28

В двух из них, обнаруженных в зольнике 28, найдены лишь стенки амфор и одна ручка.

В помещении № 9 обнаружено 8 фрагментов стенок (милетского, хиосского (?), клазоменского (?) и протофасосского ⁷⁶) производства и один обломок ручки клазоменской амфоры. По внешней стороне ручки проведена полоса коричневого лака (Рис. 1. 11). В заполнении другой землянки (яма № 26) найдено два фрагмента стенок античных амфор милетского и хиосского (?) производства.

Самое большое количество греческой керамики обнаружено при исследовании землянок в зольнике 10. Так, в помещении № 3 найдено 40 обломков греческой керамики (Задников. 2010. С. 132. Рис. 1, 5, 7, 14, 15, 19, 35, 37, 41). Амфоры представлены венчиками, ножками и стенками клазоменского (конца VII – первой половины VI в. до н.э.), лесбосского (красноглиняная и сероглиняная), милетского (один венчик украшен красными полосами) производства. В нижней части заполнения найдены фрагменты стенки и ручки ойнохой стилиа Middle Wild Goat-I или группы SiA Ic (Задников, Шрамко. 2011. С. 140–141. Рис. 3, 2, 4), а также стенки столового сосуда северо-ионийского производства первой половины VI в. до н.э., который украшали две широкие полосы. Поверхность сосуда была покрыта желтым ангобом. Аналогичные столовые амфоры были найдены в погребальных комплексах у с. Шандровка, Филатовка, на Немировском городище, а также на Березани, Мирмекии и др. (Мухопад. 1998; Корпусова. 1980; Вахтина. 1998. С. 133–134. Рис. 5; Ильина, Чистов. 2012. С. 34. Табл. 39, 1; Бутягин. 2000. С. 172. Рис. 2). В заполнении также встречен обломок дна столового закрытого сосуда северо-ионийского производства. По наружному краю его донной части проведена полоса тёмно-красного лака. Возможно, частью этого сосуда являются обломки стенки тулова и горла с красной полосой.

В целом, с учётом остальных предметов, найденных в жилище, можно предположить, что котлован его нижней части практически полностью был заполнен материальными остатками в первой половине VI в. до н.э. Заполнение землянки было перекрыто отложениями второй-третьей четверти этого столетия.

В помещении № 5 зольника 10 найдено меньшее количество греческой посуды. Амфоры представлены стенкой, ручкой сероглиняной лесбосской (Рис. 1. 8) и ножкой милетской амфор (Рис. 1. 10). Интересен небольшой фрагмент стенки ойнохой южно-ионийского производства, на котором сохранились разделительный пояс плетенки и небольшая часть задней ноги горного козла (Рис. 1. 9). По классификации У. Шлоцхауэра и М. Кершнера данный обломок относится к группе SiA Ic и датируется 630–610 гг. до н.э. (Kerschner,

⁷⁶ Данный фрагмент в этот комплекс, скорее всего, попал случайно и относится к перекрывающему землянку верхнему слою зольника.

Schlozhauer. 2005). Вероятно, заполнение данного жилища формировалось в последней четверти – конце VII в. до н.э.

Таким образом, анализ импортной греческой керамики из землянок горизонта Б2 Бельского городища показал, что их обитатели в разной степени пользовались столовой посудой античного производства, предпочитая вина одних и тех же центров, располагали разными возможностями в их приобретении, а, значит, различались достатком и, возможно, социальным статусом.

Так, в последней четверти VII – первой четверти VI в. до н.э. в большем количестве на городище поступали вина клазоменского производства. Реже встречаются амфоры милетского и лесбосского центров. Почти неизвестен Хиос. Наиболее разнообразна подборка амфор, обнаруженных в землянке № 3 зольника 10. Довольно скромно набор античной посуды в землянках зольника 28.

Столовая керамика представлена южно-ионийскими ойнохоями стиля MWG или группы SiA Ic, северо-ионийскими ойнохоями, кувшинами и амфорами. Подобные дорогие сосуды найдены лишь в трех землянках, отличающихся от других большими размерами и заметным преобладанием обломков греческих амфор разных центров.

В целом самые ранние материалы относятся к последней четверти VII в. до н.э., а самые поздние – к первой четверти VI в. до н.э. – ко времени завершения формирования горизонта Б2.

Литература

- А. М. Бутягин.* Расписная керамика из ранних комплексов Мирмекия (раскопки 1992 г.) // Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии. СПб., 2000.
- М. Ю. Вахтина.* Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- С. А. Задников.* Античная керамика из раскопа 2009 г. на зольнике 10 Западного укрепления Бельского городища // Археологічні дослідження в Україні 2009. Київ, Луцьк, 2010.
- С. А. Задников., И. Б. Шрамко.* Античный импорт третьей четверти VII – первой четверти VI в. до н.э. на Бельском городище (по материалам 2008 и 2009 гг) // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва, Саратов, 2003.

- С. Е. Мухомад.* Расписная родосско-ионийская амфора из кургана у с. Шандровка в Приорелье // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск, 1988.
- Н. А. Онайко.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. М., 1966. – (САИ. Вып. Д 1–27).
- Б. А. Шрамко.* Крепость скифской эпохи у с. Бельск – город Гелон // Скифский мир. К., 1975.
- Б. А. Шрамко.* Жилище VI в. до н.э. на Бельском городище // Вестник Харьковского университета. Харьков, 1985. № 268.
- R. M. Cook, P. Dupont.* East Greek Pottery. L., N.Y., 1998.
- M. Kerschmer, U. Schlotzhauer.* A New Classification for East Greek Pottery // Ancient west & east. Brill, Leiden, Boston, 2005. Vol. 4. № 1.

М. Ю. Вахтина, М. Т. Каиуба

Об особенностях греко-варварских контактов начальной поры колонизации Северного Причерноморья в свете изучения материалов Немировского городища⁷⁷

Введение. Проблема взаимоотношений греческих колонистов и местного варварского населения – одна из ключевых в изучении истории и культуры регионов, охваченных колонизационным движением. Историю греческих колоний иногда называют «пограничной историей» (Leroze. 1968. P. 42), подразумевая особую роль варварской периферии в формировании их культурно-хозяйственного облика и, шире, их исторических судеб. Важнейшими индикаторами, на основании которых мы можем судить о контактах между двумя мирами – греческим и варварским – являются археологические материалы. В их круг входят изделия греческого ремесла, обнаруженные в слоях и комплексах туземных памятников, а также находки, характерные для варварского вещевого комплекса/комплексов, найденные при раскопках античных поселений.

Специфика этих источников часто вызывает принципиальные трудности в их интерпретации, необходимой при разработке проблем «пограничной истории» (Андреев. 2005. С. 7). Особенности сопряжены с изучением археологических источников, связанных с первым, начальным периодом греко-варварских контактов в периферийных районах античной ойкумены. Нет необходимости подчеркивать их огромное значение – на основе интерпретации данных археологии можно судить о времени установления самых

⁷⁷ Работа над темой ведется при поддержке РГНФ, грант № 13-01-00016.

ранних контактов, их источниках, направленности, интенсивности и пр.

Об особенностях греко-варварских контактов начальной поры колонизации Северного Причерноморья. Отношения между греками и варварами устанавливались во всех регионах, вовлеченных в процесс колонизации. Исследователи, изучающие этот феномен на территории Северного Причерноморья, различают, по меньшей мере, две системы взаимодействия античных центров с туземными «народами»: систему взаимоотношений, сложившихся между греческими переселенцами и оседлыми этносами зоны лесостепи, и систему взаимоотношений, установившуюся с кочевниками степей (см., напр.: Вахтина. 1989; Виноградов. 2009. С. 67 сл.; и др.).

Совершенно очевидно, что варвары, населявшие эти две зоны и имевшие кардинальные различия в культурно-хозяйственных укладах, имели также различия и в системе связей с античными центрами. В свою очередь, греки, осваивая новые неизвестные территории и вступая в контакты с различными группами туземного населения, преследовали различные цели и старались извлечь возможные выгоды в зависимости от того, с какими конкретными группами туземцев им приходилось иметь дело.

Различия между обликом, образом жизни, хозяйственным укладом кочевников и земледельцев представляются достаточно явными. Однако столь же очевидно, что и внутри групп и этносов, объединенных в рамках одного культурно-хозяйственного типа, по-видимому, также существовали различия. Так, например, культура оседлых земледельцев Приднепровской лесостепи могла заметно отличаться от культуры синдо-меотских племен Прикубанья. На территории Приднепровской лесостепи, в свою очередь, исследователи определяют различия локальных культур, выражающиеся в специфике вещевых комплексов Правобережья и Левобережья и пр.

Несомненно, этническая неоднородность и самобытность обитавших в Северном Причерноморье разнообразных групп туземцев, которых застали греки—основатели первых постоянных греческих поселений в регионе, были гораздо ярче и выразительней, чем мы можем представить это сейчас, основываясь на доступных нам источниках.

Варварское в греческом контексте. Наиболее выразительными и репрезентативными находками, представленными в архаических слоях и комплексах античных поселений, являются образцы лепной керамики т.н. варварских типов. Они зафиксированы практически на всех ранних греческих поселениях Северного Причерноморья. Изучение такой керамики позволило сделать вывод о неоднородности комплекса лепной посуды и выделить в этом материале типы керамики, которые можно сопоставить с различными этниче-

скими группами, обитавшими в регионе в эпоху появления здесь греческих колонистов.

Для античных поселений Северо-Западного Причерноморья эталонными стали работы К. К. Марченко (Марченко. 1988. С. 107–121; 2005. С. 62, 87), который на основе анализа набора типов лепной керамики пришел к выводу о присутствии в составе жителей «туземного контингента». Изучение конкретных типов лепной посуды позволило исследователю обосновать гипотезу о неоднородности этого контингента, куда входили выходцы из различных районов Северо-Западного Причерноморья (Поднепровья и Среднего Побужья), а также Карпато-Дунайского бассейна (Марченко. 2005. С. 62).

Для архаических греческих поселений Боспорского региона также предпринимались попытки зафиксировать присутствие на раннем этапе их существования конкретных групп варваров (Виноградов. 1991. С. 13, 15; Виноградов. 2005. С. 232; Вахтина. 2009. С. 98).

В рамках предложенного направления нельзя не отметить и иную интерпретацию находок лепной керамики местных типов в слоях и комплексах ранних греческих поселений (см., напр.: Снытко. 2011. С. 130 сл.; и мн. др.)⁷⁸. Точка зрения Н. А. Гаврилюк (Гаврилюк. 2012. С. 418 сл.; и др.) о том, что «лепная керамика теряет возможность своего использования как этнического индикатора присутствия исключительно варварского компонента в составе населения города», представляется вполне вероятной, но не столь очевидной для раннего этапа существования греческих поселений. В своих рассуждениях о варварах исследовательница рассматривает исключительно местный, т.е. северопричерноморский контекст. Между тем варварский компонент в ранних горизонтах той же Ольвии мог быть дунайского происхождения, если принять во внимание неоднородный состав греков-колонистов в Северном Причерноморье, среди которых были представители разных этнических групп, в том числе из нескольких разных областей Подунавья. Именно выходцы из Подунавья, прибывшие на северный берег Понта в составе первых колонистов, могли быть строителями круглых землянок на архаических памятниках региона (см. Кашуба, Левицкий. 2011. С. 522. Табл.).

Греческое в варварском контексте. Для античных центров Северного Причерноморья характерно достаточно быстрое установление контактов с туземным миром. Об этом свидетельствует «широкое» (по сравнению с периферией греческих колоний в других регионах древнего мира) распространение археологического мате-

⁷⁸ Историография этого вопроса слишком обширна, поэтому её невозможно полностью или частично привести в рамках этой небольшой работы.

риала за пределами греческих центров. Чрезвычайно перспективным на современном этапе исследований представляется подход, направленный на то, чтобы наиболее точно и конкретно охарактеризовать тот культурный контекст, тот субстрат, в котором было зафиксировано присутствие античных импульсов. Это помогло бы нам приблизиться к пониманию не только конкретной ситуации, в которой складывались первые контакты и устанавливались связи между двумя культурными мирами: эллинским и варварским, – но и наиболее правдоподобно охарактеризовать механизм этих взаимодействий, их направленность, характер и пр. В подавляющем большинстве античные материалы, распространяющиеся за пределами греческих колоний, представлены находками античной керамики; особенно интересными для изучения являются образцы художественной столовой посуды, так как они представляют собой надежную основу для хронологии.

Результативность предложенного подхода авторы демонстрируют на примере изучения греческой расписной керамики в контексте материальной культуры Немировского городища. В эпоху архаики для района лесостепи Немиров представляется лидером в контактах с античными центрами (Доманский. 1970. С. 52–53; Вахтина. 2005. С. 205). Находки греческой керамики VII в. до н.э. известны и на других «больших» городищах лесостепной зоны Северного Причерноморья. Среди них отметим на Правобережье Трахтемировское городище, откуда происходит одна из самых ранних находок греческой импортной посуды в лесостепи – северо-ионийский килик (bird-bowl), который М. Кершнер датирует второй четвертью VII в. до н.э. (Kerschner. 2006. S. 238–239. Abb. 14), а также на Левобережье Бельское городище, раскопки которого дали большое число находок ранней восточногреческой керамики, сравнительно недавно введенной в научный оборот (Задников. 2007; Задников, Шрамко. 2011; и др.). Изучение образцов античного импорта в контексте материальной культуры этих важнейших региональных центров, несомненно, представляет огромный интерес.

Античная керамика, найденная в процессе раскопок Немировского городища, свидетельствует о достаточно ранних и, по всей вероятности, регулярных контактах его жителей с греческими центрами, пик которых приходится на последнюю треть VII, а затухание – на первую половину VI в. до н.э. (Вахтина. 1998; 2007; и др.). Значительная часть фрагментов расписной керамики относится к периоду SiA Ib (650–630 гг. до н.э.) (Kerschner, Schotzhauer. 2005). К сожалению, античную керамику, найденную при раскопках этого памятника, не всегда удается «привязать» к конкретным комплексам. Значительная ее часть происходит из раскопок зольника; отдельные находки связаны с землянками № 1 и 2. Применение предлагаемого

нами подхода позволяет выявить своеобразие того культурного мира, куда проникали импульсы из далекой Эгеиды.

Более столетия назад А. А. Спицыным была высказана идея о том, что лепная керамика раннего железного века из Немировского городища – это материальное свидетельство контактов его жителей с населением Гальштаттской культуры Средней Европы (Спицын. 1911. С. 155–168). Однако после раскопок, проведенных М. И. Артамоновым в середине XX в., поиск реального выражения этих связей не привел к ясным решениям. Все же был выделен восточноподольский/побужский локальный вариант лесостепной культуры скифского времени, для которого базовым памятником являлось Немировское городище. Дальнейшие исследования немировской коллекции в конце XX в. – Г. И. Смирновой (варварская часть) и М. Ю. Вахтиной (греческая часть) – привели к созданию периодизации: разделению на предскифский, раннескифский доколониционный и раннескифский колониционный этапы (вторая половина VIII – VI в. до н.э.) (Смирнова. 2001. С. 33 сл.; 2002. С. 217–233; и др.). Хотя в основу этой схемы были положены несколько компонентов – местный, скифский и греческий, – однако гальштаттский фактор учитывался как сопутствующий.

Между тем, развитие знаний о гальштатте как эпохе и как культуре применительно к Северному Причерноморью привело к созданию современной концепции о «гальштатте Северного Причерноморья», в состав которого входят гальштаттские культуры / культурные группы из Карпато-Подунавья (На-NP I) и материалы культуры Гальштатт из Средней Европы (На-NP II) (Кашуба. 2012. С. 232 сл.). Эта концепция открывает новые возможности для понимания не только слагающих компонентов местной культурной среды: важно, что именно такая поликультурная среда и скрывалась под наименованием «варвары», которые вступили в первые контакты с греками.

Наши последние разработки позволили в материалах раннего железного века Немирова выявить по меньшей мере пять слагающих компонентов. Из них к числу важных и системообразующих относятся гальштаттские материалы разного происхождения – из Карпато-Подунавья (культуры Басарабь и Бырсешть-Фериджиле) и Средней Европы (Гальштаттская культура) (см. Кашуба и др. 2010. С. 156 сл.; Вахтина, Кашуба. 2012. С. 320 сл. Рис. 1; Kaschuba, Vakhtina. 2012. S. 405 ff.).

Таким образом, отличительной чертой начального этапа греческой колонизации Северного Причерноморья было *поликультурное взаимодействие греков и варваров*. Эллы были представлены главным образом ионийцами со своей специфической культурой и менталитетом. В контакты с ними были вовлечены разные группы

варваров, среди которых были представители местного населения Подунавья. Среди «местных» варваров Северного Причерноморья можно различать не только кочевников и оседлое население – иногда среди них можно выделить отдельные «народы». В регионе присутствовали представители нескольких культурных миров, среди которых в раннескифское время важную роль играло население гальштатских культур и культурных групп Карпатского бассейна и Подунавья, а также выходцы из Восточного Гальштатта Средней Европы.

Литература

- Ю. В. Андреев.* Введение // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- М. Ю. Вахтина.* Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ. 1998. Т. VI.
- М. Ю. Вахтина.* О начале распространения южно-ионийского керамического импорта в варварском мире Северного Причерноморья // БФ. 2004. Т. II.
- М. Ю. Вахтина.* Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища в Побужье // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народж. Олексія Івановича Тереножкіна: Матеріали Міжнародної наукової конференції (16–19 травня 2007 р.). Київ, Чигирин, 2007.
- М. Ю. Вахтина.* Порфмий – город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. 2009. Вып. XXII.
- М. Ю. Вахтина.* Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII–VI вв. до н.э. (к проблеме первых контактов) // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов): Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989.
- М. Ю. Вахтина, М. Т. Каиуба.* Восточноевропейский, гальштаттский и греческий импульсы в материальной культуре раннего железного века Немировского городища // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.
- Ю. А. Виноградов.* Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991.
- Ю. А. Виноградов.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.

- Ю. А. Виноградов.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. 2009. Вып. XXII.
- Н. А. Гаврилюк.* Массовый материал, зонная стратиграфия и комплекс архаической кухонной керамики участка ЮЗА Ольвии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 1.
- Я. В. Доманский.* Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н.э. // АСГЭ. 1970. Вып. 12.
- С. А. Задников.* Столовая античная керамика Бельского городища второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. // БФ. 2007. Т. II.
- С. А. Задников, И. Б. Шрамко.* Античный импорт третьей четверти VII – первой четверти VI в. до н.э. на Бельском городище (по материалам 2008 и 2009 гг.) // Древности Восточной Европы. Сб. научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011.
- М. Т. Кацуба.* О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье – современное состояние исследований // АВ. 2012. № 18.
- М. Т. Кацуба, О. Г. Левицкий.* Круглые жилища раннескифского времени в Северо-Западном Причерноморье: население и контакты, истоки и традиции домостроительства // БФ. 2011. Т. IX.
- М. Т. Кацуба, Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина.* Немировское городище: сто лет археологических исследований // Древние культуры Евразии: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010.
- К. К. Марченко.* Варвары в составе населения Ольвии и Березани во второй половине VII – первой половине VI в. до н.э. Л., 1988.
- К. К. Марченко.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Г. И. Смирнова.* Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // РА. 2001. № 4.
- Г. И. Смирнова.* Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002.
- И. А. Снытко.* Ольвийская тирания, «скифский протекторат» и некоторые вопросы социально-политической и экономической истории Ольвийского полиса позднеархаического и раннеклассического времени // МАСП. 2011. Вып. 12.
- А. А. Спицын.* Скифы и Гальштат // Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911.
- М. Kaschuba, M. Vakhitina.* Moderner Stand der Untersuchungen des früheisenzeitlichen Fundmaterials aus der befestigten Anlage von Nemirov am Südlichen Bug // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. Kraków, 2012.
- M. Kerschner.* Zum Beginn und zu den griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer // EA. 2006. Bd. 12.

M. Kerschner, U. Schotzhauer. A New Classification System for East Greek Pottery // Ancient West & East. Leiden; Boston, 2005.

E. Lepore. Per una fenomenologia storica del rapporto città territorio in Magna Grecia // La Città e il suo Territorio. Napoli, 1968.

Т. В. Рябкова

1-й Разменный (Костромской) и 10-й Разменный курганы⁷⁹

1-й Разменный (Костромской) курган был исследован в 1897 г. Руководил работами старший член Императорской Археологической комиссии Н. И. Веселовский. 1897 г. был для Николая Ивановича очень напряженным. Размах работ, произведенных в 1897 г., поражает воображение. За сезон, длившийся с 20 мая по 17 сентября, Веселовский руководил раскопками в Майкопе, станицах Костромской, Андриюковской, Белореченской, осматривал по поручению ИАК курганы в станицах Бесленевской, Баталпашинской, Царской, древние храмы и развалины старинного города на реке Зеленчук, успел побывать в Самарканде. По завершении работ рукописный отчет был передан в АК (НАИИМК РАН. Ф. 1. 1896. Д. № 204), впоследствии опубликован (ОАК-1897. 1900), предметы по описи переданы в Императорский Эрмитаж (Ку 1897 1/1) и в Императорский Российский исторический музей в Москве (коллекция № 40492).

Уровень научного исследования Н. И. Веселовского для того времени был высоким, ему удалось спасти от разрушения и разграбления уникальные памятники. Из-за гигантского объема работ для детальной фиксации материалов времени было явно недостаточно, кроме этого, методика раскопок глухой траншеей не позволяла исследовать сложности конструкции подкурганного сооружения.

Благодаря оперативному введению материалов раскопок 1897 г. на Кубани в научный оборот, Костромской курган прочно вошел в число эталонных памятников раннескифского периода. Однако более 100 лет этот памятник оставался загадкой, поскольку погрешности в полевой фиксации и отсутствие полной публикации материалов кургана не позволяли судить о его конструкции, погребальном обряде и инвентарном комплексе. Неоднократно предпринимавшиеся попытки преодоления неточностей в описании конструкции подкурганного сооружения, систематизации и интерпретации материалов (Артамонов. 1948; Иессен. 1950; Ольховский. 1995; Алексеев. 1996) демонст-

⁷⁹ Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ «Культуры эпохи скифской архаики Северного Кавказа и Причерноморья». Грант № 11-01-00532а.

рируют недостаток достоверных сведений об этом уникальном памятнике.

В 2007 г. было решено произвести повторное исследование памятника. В результате осмотра курганов близ х. Северный Московского района Краснодарского края одна из десяти насыпей курганной группы «Северный-2» была соотнесена с 1-м Разменным (Костромским) курганом.

На протяжении 2010–2012 гг. Южно-Кубанская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа занималась повторным исследованием памятника, что позволило получить ряд стратиграфических и планиграфических наблюдений, благодаря которым можно реконструировать этапы сооружения насыпи, установить особенности подкурганного сооружения, и верифицировать данные Н. И. Веселовского. При разборке насыпи была собрана представительная коллекция керамического материала.

Анализ рукописного и печатного отчетов и рисунков Н. И. Веселовского позволил установить, что «план деревянной конструкции Костромского кургана был графически воспроизведен и интерпретирован по меньшей мере неточно» (Ольховский. 1995. С. 91). Тем не менее, о высоком качестве этих описаний свидетельствует то, что на их основании В. С. Ольховскому удалось установить наличие таких конструктивных элементов подкурганного сооружения, как «рабочая площадка» на снивелированной насыпи более древнего кургана и деревянное сооружение на этой площадке, что полностью подтвердилось в ходе исследования.

Доследование показало, что курган был возведен над перепланированной насыпью эпохи бронзы. О том, что насыпь древнего кургана была снята до уровня предматерика, свидетельствуют находки в предматериковом слое фрагментов сосудов раннемеотских типов и раковин виноградной улитки (*Helicidae*) (прецеденты существования подобной практики в раннескифское время отмечены, например, в кургане 31 могильника Келермес (Алексеев, Кузнецова. 2001. С. 84)). От древнего кургана сохранились два погребения: одно – в катакомбе, исследованной Н. И. Веселовским и второе – в неглубокой яме, впервые исследованное в 2010 г. (раскопная траншея 1897 г. прошла несколько выше). В рукописном отчете описание погребения в катакомбе очень точное, что свидетельствует не только о профессионализме Николая Ивановича, но и о его непосредственном присутствии на раскопах в это время. Остается лишь сожалеть, что на момент его приезда раннескифское погребение, находившееся над катакомбой, было уже «исследовано» и он описывал его со слов раскопщиков. Вероятно, что данные о наличии 11 погребений под слоем «твердой, точно утрамбованной земли» (АИИМК. Ф. 1. Д. 204. 1896. Л. 59) тоже записаны с их слов, так как в 2010 г. кроме фрагментов

костяка одного человека в заполнении катакомбы, куда все было сброшено, обнаружена лишь одна кость от другого скелета.

После нивелировки насыпи эпохи бронзы на площадке было возведено сооружение в виде холма с уплощённой вершиной, протяженность которого с запада на восток около 26 м, с севера на юг – около 24 м, наибольшая высота от уровня предматерика – 0,8 м (Рис. 1). Перед сооружением холма площадка на предматериковом грунте размечалась, о чем свидетельствуют камни, прослеженные вдоль её границ с запада и востока. С севера и северо-запада у границ подкурганного сооружения расположены неглубокие ямы, заполненные головами лошадей, коров и зубами овцы – жертвенные комплексы. Поверхность холма имела насыщенный коричнево-оранжевый цвет и отличалась чрезвычайной плотностью: видимо, при ее сооружении использовался влажный грунт с добавками органического происхождения (например, ила со дна водоема и травы). О том, что площадка поверхности какое-то время стояла открытой, свидетельствуют многочисленные находки костей животных, фрагментов и развалов сосудов, наконечника стрелы.

На поверхности искусственно сооруженного холма под насыпью было возведено сооружение в виде клетки (сруба), сложенного из плах в 3–4 венца, о чем свидетельствуют зафиксированные в 2011 г. угол рамы и деревянные плахи над ним в ненарушенной раскопом 1897 г. части (Рис. 1). Это согласуется с сообщением Н. И. Веселовского о том, что «были положены горизонтально на сруб четыре другие бревна, образывавшие квадратную площадку...» (ОАК-1897. 1900. С. 12.). Укреплением стенок этой конструкции служили столбики, вбитые в поверхность площадки и зафиксированные с внутренней стороны рамы, – что отчасти подтверждает сообщение Н. И. Веселовского: «к горизонтальным бревнам с внутренней стороны были прислонены вертикальные столбы меньших размеров...» (ОАК-1897. 1900. С. 12). По Н. И. Веселовскому, за границами «четырёхугольника были разложены скелеты лошадей парами – всего здесь оказалось 22 лошади» (ОАК-1897. 1900. С. 14). Однако в сохранившейся части конструкции в траншее 3 за границами рамы были обнаружены сооружения прямоугольной формы в виде колод (два сохранилось полностью и одно частично срезано раскопом 1897 г.) (Рис. 1), незначительно возвышавшихся над поверхностью площадки. Кроме того, судя по расположению зафиксированного угла конструкции, погребальная площадка, размеры которой, по Веселовскому, 3,2 x 3,2 м, никак не могла располагаться прямо над катакомбой. Местоположение угла рамы позволяет либо предположить другие (бóльшие) размеры погребальной площадки, либо опровергнуть сообщение о том, что «под плотно утрамбованной землей была обнаружена рама, приходившаяся прямо под шат-

ром и своими размерами соответствовавшая четырехугольному основанию его» (ОАК-1897. 1900. С. 14). Важным результатом повторного исследования является фиксация перекрытия деревянного сооружения на площадке тонким чёрным слоем – вероятно, использовалось некое подобие войлока (кошмы?), перекрывавшееся, в свою очередь в некоторых местах слоем песчано-глинистой обмазки, на котором фиксировались следы тризны в виде частей разбитых сосудов. Данные о наличии шатрового сооружения под насыпью не подтвердились – отпечатки сгоревших плах на поверхности искусственно сооруженного холма не были уложены систематически, а имели характер наброски. О том, что конструкция, особенно в центральной части, подвергалась сожжению, свидетельствуют отпечатки сгоревших плах на поверхности площадки и остатки полностью сгоревших столбов в центральной части насыпи, равно как и значительное количество перегоревшего грунта и углей в выкидах из раскопов Веселовского. В отчетах Н. И. Веселовского упоминается о том, что по четырем углам шатра стояли толстые, вертикально поставленные бревна, глубоко закопанные в материк, и именно к ним были положены горизонтально на сруб четыре другие бревна, образывавшие квадратную площадку (ОАК-1897. 1900. С. 12). Реально под насыпью были обнаружены остатки двух сгоревших столбов, действительно вкопанные в материк, но не на «глубину сажени», а на глубину 0,7 м. (Рис. 1). Расстояние между ними и расположение их таково, что невозможно отождествить их с угловыми бревнами. На дне раскопа 1897 г. прослежена еще одна яма от столба (Рис. 1), вкопанного гораздо глубже (возможно, именно этот столб и имелся в виду Н. И. Веселовским?). Связь этих столбов с конструкцией подкурганного сооружения неясна.

После того как погребальная конструкция была сожжена, начали возводить насыпь, расположение слоёв которой демонстрирует чередование грунта с органическими прослойками. С юга прослежены плетеные (?) конструкции, служившие дополнительным укреплением насыпи.

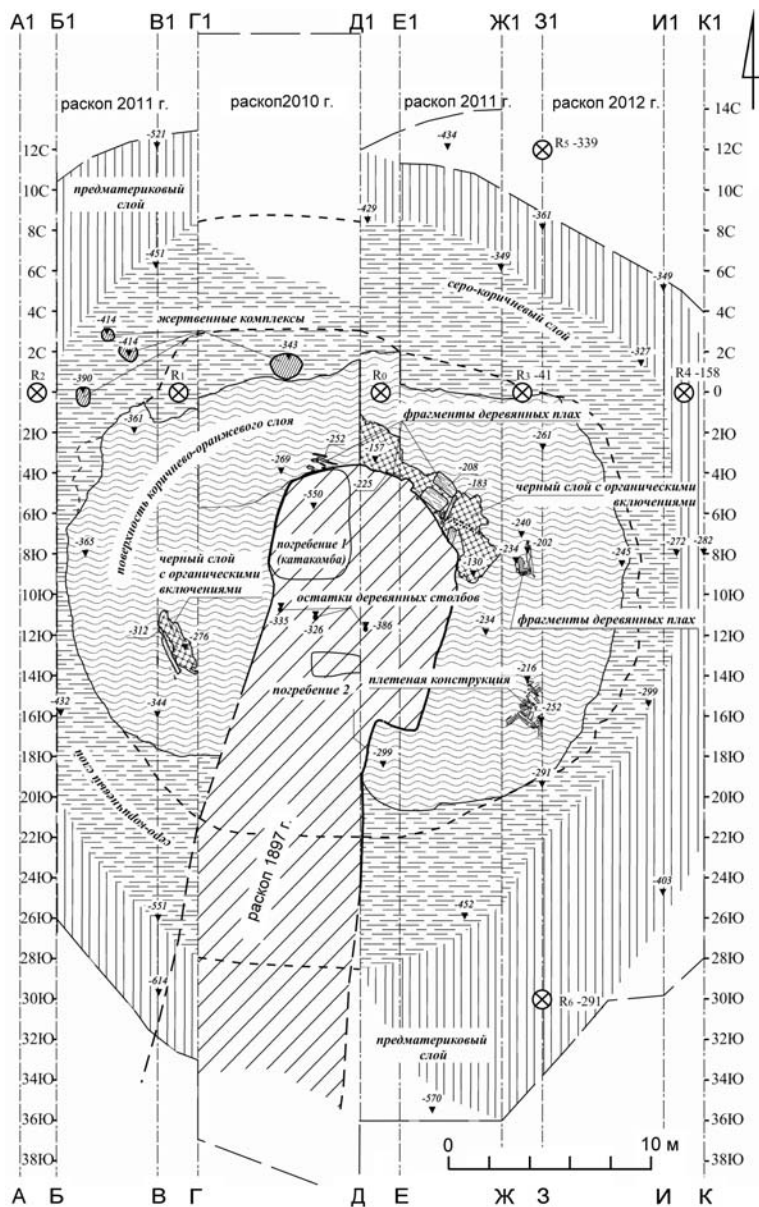

Рис. 1. 1-й Разменный (Костромской) курган. Общая схема

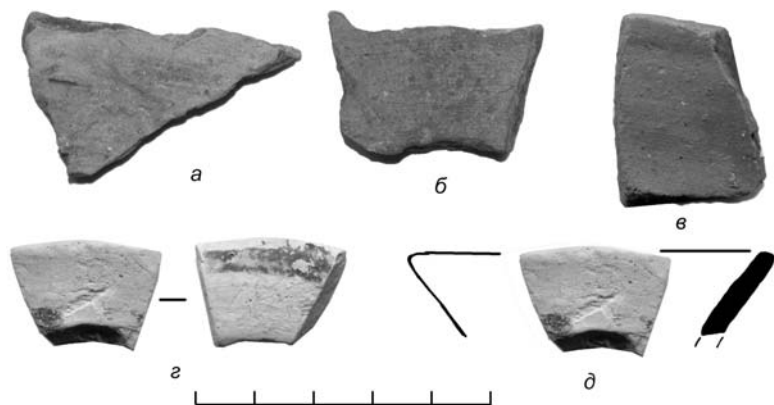

Рис. 2. 1-й Разменный (Костромской) курган. Фрагменты античных сосудов: а, в – самосско-милетских амфор, б – сероглиняной лесбосской амфоры; г–д – венчик ионийского кувшинчика

Время создания памятника может быть уточнено благодаря находкам фрагментов стенок амфор самосско-милетского производства (Рис. 2. а, в), сероглиняной лесбосской амфоры (Рис. 2. б), фрагмента венчика миниатюрного кувшинчика с отогнутым краем (Рис. 2. г) южно-ионийского производства. Аналогии кувшинчику известны в материалах Березанского поселения (Доманский и др. 2006. Илл. 22, 3; Чистов и др. 2012. Табл. 32, 6). Предположительно, датировка сосудов этого типа определяется в рамках рубежа VII–VI – начала VI в. до н.э.⁸⁰

10-й Разменный курган расположен рядом с 1-м Разменным курганом к востоку. Насыпь высотой 1 м и диаметром 16 м имела следы грабительских перекопов в центре. Под насыпью обнаружено погребение человека, сопровождавшееся пятью конскими захоронениями, совершёнными на уровне древней поверхности. Взнузданные лошади были уложены вокруг человеческого погребения головами к югу правильным полукругом с запада, с севера на этом же уровне обнаружена каменная выкладка (Рис. 3). Погребение человека было полностью уничтожено грабительскими перекопами. В пользу того, что оно было совершено на уровне древней поверхности, свидетельствует тот факт, что контуры могильной ямы проследить не удалось – неправильные очертания границ ямы на всех зафиксированных уровнях и уменьшение её ко дну не позволяют принять за реальные границы древней могильной ямы ни один из прослеженных конту-

⁸⁰ Выражаю искреннюю признательность ст. н. с. ОАМ Государственного Эрмитажа Ю. И. Ильиной за определение античной керамики и консультацию.

ров. Кости человека обнаружены в заполнении перекопов на разных уровнях.

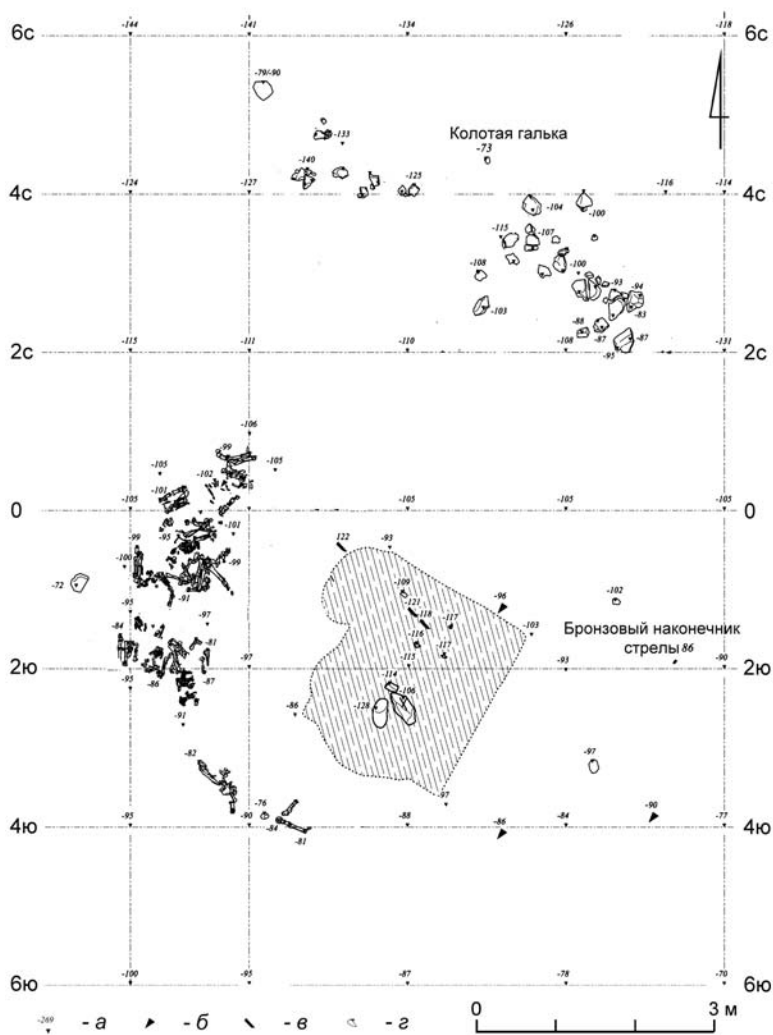

Рис. 3. 10-й Разменный курган. Центральная часть насыпи. План (а – нивелировочные отметки; б – фрагменты керамики; в – фрагменты костей; г – камни)

Над могилой, вероятно, был установлен памятный знак – в заполнении грабительской воронки обнаружены подработанные стелобразные камни. О времени совершения захоронения позволяют судить немногочисленные находки, обнаруженные близ конских захоронений. Железные петельчатые удила имеют широкий хронологический диапазон. Бронзовый распределитель уздечного ремня, имеющий аналогии в материалах 29 кургана Келермеса (Галанина. 1997. Кат. 402) и курганов 2, 3, 7 могильника Красное Знамя (Петренко. 2006. Кат. 124, 131, 221), дата которых определяется в границах второй половины VII в. до н.э. (Петренко. 2006. С. 112), позволяет отнести время создания данного памятника к этому же периоду.

Таким образом, в курганной группе Разменные две насыпи относятся к раннескифскому времени, что позволяет предполагать вероятность наличия синхронных захоронений в неисследованных курганах этой группы.

Литература

- А. Ю. Алексеев.* О так называемых «нащитных эмблемах» скифской эпохи // Между Азией и Европой. Материалы конференции, СПб., 1996.
- А. Ю. Алексеев, Т. М. Кузнецова.* Келермес (1990 г. – курган № 31) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. – (МИАР. Вып. 3).
- М. И. Артамонов.* Третий Разменный курган у ст. Костромской // СА. 1948. X.
- Л. К. Галанина.* Келермесские курганы. М., 1997.
- Я. В. Доманский, В. Ю. Зуев, Ю. И. Ильина, К. К. Марченко, В. В. Назаров, Д. Е. Чистов.* Материалы Березанской античной археологической экспедиции. СПб., 2006. Т. 1.
- А. А. Иессен.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. XII.
- В. С. Ольховский.* Первый Разменный курган у станицы Костромской // Историко-археологический альманах. Армавир, М., 1995.
- В. Г. Петренко.* Краснознаменский могильник. Москва, Берлин, Бордо, 2006.
- Т. В. Рябкова.* Начальный этап доисследования Костромского кургана // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. СПб., М., Великий Новгород, 2011. Т. 1.
- Д. Е. Чистов, В. Ю. Зуев, Ю. И. Ильина, А. К. Каспаров, Н. Ю. Новосёлова.* Материалы Березанской (Нижебугской) античной археологической экспедиции. СПб., 2012. Т. 2.

Л. С. Марсадолов

Календарные символы на двух культовых предметах из Ольвии и Келермеса

На территории Евразии в I тыс. до н.э. сформировались сложные сакрально-научные календарные представления о 12-месячном и 12-летнем календарях, отличающихся значительными региональными особенностями. В данной статье рассматриваются два предмета с календарной символикой, возможно, изготовленные в боспорских мастерских в разное время.

Один из культовых предметов эллинистического времени (Рис. 1) был найден в Ольвии в 1901 г. и приобретён А. А. Бертье-Делагардом, передавшим его в Одесский музей (Штерн. 1911. Табл. III). Сакрально-функциональное назначение этого предмета из бронзы окончательно не выяснено – был ли он курильницей-жаровней (Штерн. 1911. С. 34), или имел другое культовое назначение. Высота объекта вместе с длинной массивной ручкой – 40 см, диаметр круглого, слегка выпуклого диска – 22 см. В центре диска находится погрудное изображение Бога-Солнца, с округлым нимбом и семью лучами вокруг головы. По окружности диска расположены 12 рельефных изображений знаков зодиака. Центральный луч от Бога-Солнца указывает на созвездие Овна, вероятно, начальную точку отсчёта, за которым по кругу помещены зодиакальные знаки – Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей и Рыбы. В *верхней части* ручки находится стилизованное растительное изображение *лотоса или пальмовой ветки*, а в *нижней части* – *голова грифона*.

Другой, более ранний уникальный предмет VII в. до н.э. – круглое серебряное зеркало диаметром около 17 см, возможно, с обломанной ручкой, с вертикальным бортиком на тыльной стороне, украшенное 8 накладками из электра с разнообразными изображениями (Рис. 2), было найдено археологом-любителем Д. Г. Шульцем в 1904 г. в кургане № 4/III у станции Келермесской, близ города Майкопа в Предкавказье (Галанина. 2006). За более чем 100-летний период изучения келермесского зеркала было высказано много интересных наблюдений и обобщений по стилистическому, технологическому, хронологическому и семантическому анализу этого зеркала – работы С. А. Жебелёва, Б. А. Фармаковского, М. И. Ростовцева, А. А. Иессена, М. И. Максимовой, М. И. Артамонова, Л. В. Копейкиной, Д. А. Мачинского, Л. С. Марсадолова, Д. С. Раевского, Л. К. Галаниной, А. Ю. Алексева, В. А. Киселя, М. Ю. Вахтиной,

Т. М. Кузнецовой, С. С. Бессоновой и др. (см. обзор разных точек зрения – Кисель. 2003). Большинство исследователей считают, что в верхней части зеркала должно находиться изображение крылатой богини, держащей в руках двух кошачьих хищников (Рис. 2. Сектор-6; Максимова. 1954; Мачинский. 1998; Кисель. 2003 и др.).

Представляется возможным реконструировать правильную ориентацию зеркала в пространстве, используя две широкие прямые линии, пересекающие круг под прямыми углами, которые делят предмет на 4 большие части по 90° (Рис. 2). В течение года солнце проходит 6 значимых астроточек восходов и заходов: 2 точки по линии весеннего и осеннего равноденствия (восток-запад, восход-заход); 2 точки по линии наивысшего подъёма вверх – летнего солнцестояния, на СВ и СЗ; 2 точки по линии максимального спуска вниз – зимнего солнцестояния, на ЮВ и ЮЗ. Ещё двумя секторами на зеркале обозначена важная линия – Верх-Низ = Север-Юг.

Для ориентации среди звёзд всегда были нужны постоянные опорные точки, а для этого ещё в древности использовали положение Солнца в дни равноденствий и солнцестояний. Смена 4 времён года на Земле зависит от наклона земной оси. По современным расчётам наклон земной оси колеблется от $22,1^\circ$ до $24,5^\circ$ и сейчас равен $23,5^\circ$. В верхнем секторе-4 вертикально изображена колонна ионического типа, за которую держатся два сфинкса. Следует особо отметить, что наклон колонны и дерева на зеркале равен $22,5^\circ$, а над колонной на боковом серебряном бортике находится «Ш-образный» выступ-мушка, сделанный в древности. Округлое отверстие было проточено и на бортике над ручкой в верхней части композиции из шести животных на зеркале-календаре из Усть-Бухтармы на Западном Алтае (Марсадолов. 1982; 1999).

Колонну на зеркале поддерживают *два мифических крылатых сфинкса*, стоящих на реалистически изображённой пантере. Противоположной точкой Верха и Неба является Низ – Земля и подземный мир, где изображены грифон и 2 сидящих сфинкса с прямо поставленными головами, смотрящие друг на друга (сектор-8). У находящиеся *в движении верхних сфинксов* головы направлены назад, в противоположные друг от друга и от колонны стороны – влево и вправо. Только мифические крылатые сфинксы могут поддерживать невидимую земную ось, которая совершает круговой оборот вверх и неподвижна внизу. Грифон является типичным представителем нижнего подземного мира (Марсадолов. 1996). Кроме Верха и Низа, Севера и Юга, другим не менее важным направлением является Восток-Запад, что также соответствует Восходу-Заходу Солнца и Луны, Правому-Левому. Восток – символ Восхода Солнца, как каждый день, так и в дни весеннего и осеннего равноденствия. С восходом солнца, переходом от тьмы к свету, исчезают ночные страхи, заго-

няются назад тёмные силы. В секторе-2, соответствующим Востоку, Восходу Солнца, Весне и Равноденствию, изображены два антропоморфных одинаковых существа – вероятно, весеннее небесное созвездие Близнецов, которые активно борются со стоящим грифоном (Рис. 2). Глубокая семантическая составляющая запечатлена в этой динамичной композиции. Схватка передаёт то мгновение борьбы, когда её исход ещё неясен – момент равенства сил = Равноденствие.

По линии равноденствия, в противоположном Востоку западном секторе-6, соответствующем Западу, Заходу Солнца, изображена крылатая богиня – Дева, стройная, без выделенной груди, с тонкой талией, держащая в руках за передние лапы по одному кошачьему хищнику (пантере или барсу?). Длинная юбка Девы украшена узорами по 2 меандра в каждом из 6 рядов. Возможно, число меандров отражает календарные основы – 2 полугодия по 6 месяцев = 12 месяцев = 1 год (Рис. 2).

Восточный сектор-2 расположен выше горизонтальной линии В-3, а западный сектор-6 – ниже этой линии (Рис. 2). Вероятно, это связано с тем, что *на востоке* после восхода солнце поднимается *вверх*, а *на западе* после захода солнце опускается *вниз*. Эта идея сформировалась довольно рано и нашла широкое отражение (Марсадалов. 2010). Сдвиг секторов относительно 2-х осевых линий был просто необходим, чтобы придать динамизм общей сакральной композиции и изображениям на зеркале.

Наиболее важным представляется не только анализ изображений по отдельным секторам, а общий синтез круговой композиции на зеркале, составленной из 24 разных образов (Рис. 2).

В центре зеркала помещён показанный сверху *цветок лотоса*, который *расцветает на восходе солнца* и закрывается на закате (Марсадалов. 2003). Центральный ассиметричный цветок имеет 16 лепестков, по 2 лепестка в каждом из 8 секторов. В двух секторах в восточной части между крупными лепестками нанесены небольшие ромбовидные выступы-знаки, которые, как «стрелки», указывают на начало и завершение в отсчёте временных и пространственных структур – Восход солнца в день весеннего равноденствия и точку Восхода в день зимнего солнцестояния.

Через сектор-2 – точку Восхода Солнца Весной, отмеченную верхней «стрелкой», проходит линия равноденствия с «агрессивной» сценой борьбы двух Близнецов с грифоном. Близнецы стоят ногами на так называемой четырехрядной плетёнке, ограниченной 2 линиями сверху и снизу, назначение которой из предшествующих работ учёных остаётся неясным и не объяснённым. Эта плетёнка больше всего напоминает волны или «рябь» на воде. Не исключено, что так символически были показаны предшествовавшие дню весеннего равноденствия одно или два небесных зимне-весенних созвездия

Рыб/Водолея, а также созвездие Рака, предшествующее дню летнего солнцестояния в секторе-3. Это предположение находит подтверждение в противоположном секторе-6 – осеннего равноденствия (Рис. 2). Верхняя часть наряда крылатой Девы покрыта «чешуйками» (Кисель, 2003). Рыбья «чешуя» украшает только *верхнюю половину одеяния Девы*, а в противоположном секторе-2 *символ «Воды»* находится в его *нижней части*.

Переход от Весны к Лету (сектор-3) представлен в вертикальной части деревом с листвой и мирно идущей хищной львицей. Вероятно, дерево не только характеризует пышный рост растительности летом, но и символизирует Мировое Древо с пятью ветвями (двумя нижними, двумя средними/верхними и одним центральным), лежащее в основе мировоззренческих систем у многих народов в древности. В нижней части сектора изображено спокойно лежащее копытное животное – Баран (Овен) – символ завершившейся Весны. Линия под лапами львицы, вероятно, свидетельствует, что баран ограждён от нападения хищника. Если восточная точка самого высокого восхода в день летнего солнцестояния представлена спокойной *львицей*, то точка Захода – сценой терзания *львом* быка (Рис. 2). Бык в точке Заката повернут головой в сторону лежащего барана в точке Восхода, а на Небе весеннее созвездие Быка=Тельца также следует за созвездием Барана=Овна (Рис. 1 и 2).

Переход от Лета к Осени (сектор-5). День осеннего равноденствия 22 сентября в середине I тыс. до н.э. соответствовал на небе участку между созвездиями Девы и Весов. Поэтому в *секторе-6* Дева в статичной позе, со стройным туловом и разведёнными в стороны руками, напоминает Весы, на которых в равновесии удерживаются два хищника кошачьей породы (Рис. 2).

Переход к Зиме (сектор-7). Зимний период, по сравнению с летним, у зверей характеризуется гораздо меньшим количеством пищевых ресурсов, а иногда и дракой между собой из-за добычи. С астрономической точки зрения, всё гораздо сложнее. В этой гегемонически выстроенной композиции *меньший по размерам* Лев, смотрящий назад на заход, выступает в качестве символа уходящего Лета, опирающегося на Козла=Зиму, тогда как другой, *большой по размерам* Лев, *глядящий вперёд по ходу солнца* и стоящий на голове Барана=Весны, символизирует неизбежность грядущего перехода к весне и лету, что и отражено в противоположном секторе-3, где показаны фигуры Барана=Весны и Львицы=Лета (Рис. 2).

Рис. 1. Бронзовый культовый предмет (жаровня?), найденный в Ольвии в 1901 г. (по: Штерн 1911, табл. III)

Восход в день зимнего солнцестояния (сектор-1). В верхней части изображены основные приметы перехода от Зимы к Весне – прилёт птиц (с юга) и выход медведя после спячки (нижняя часть его туловища ещё опущена вниз?). Внизу сектора, отделённое линией от верха, находится изображение хищника семейства собачьих – лиси-

цы (Вахтина. 2000) или шакала (Кисель. 2003). Голова бегущего хищника повернута назад и смотрит на сидящего грифона в предыдущем секторе-8. Собака или лиса у многих народов являются посредниками между мирами живых и мёртвых, между Небом и Землёй. Гипотеза М. Ю. Вахиной может быть дополнена и астрономическими данными, т.к. созвездие Лисички на небе находится недалеко от созвездия Орла, а между ними – созвездие Стрела, изображения которых также есть в этом секторе.

Таблица 1. Сопоставление зодиакальных образов-знаков из Келермеса и Ольвии с другими календарными системами

<i>Ниппурский (+шумеро- ассирийский) ка- лендарь III-I тыс. до н.э.</i>	<i>Ольвия, 12-месячный (+ современный)</i>	<i>Келермесское зеркало VII в. до н.э.</i>	<i>Совпадение</i>
Баран	Баран (Овен)	Баран	+
Бык (Небесный)	Бык (Телец)	Бык	+
Великие Близнецы	Близнецы	Близнецы	+
Рак	Рак	<i>Волны ? *</i>	?
Лев	Лев	Лев	+
Дева (Борозда)	Дева	Дева	+
Весы	Весы	Весы (руки Де- вы с хищника- ми)	+
Скорпион	Скорпион		
Пабыльсаг (Стре- лец)	Стрелец		
Рыбокозлѐнок (Ко- зерог)	Козерог (Козѐл)	Козѐл	+
Великан (Водолей)	Водолей	<i>Волны ?*</i>	?
Рыба (Хвосты)	Рыбы	<i>Волны ?*</i>	?

* Возможно, эти знаки изображены символически, в виде «волн=плетѐнки» (сектор-2)

Солнечный и зодиакальный круг замкнулся в секторе-1, обозначенном нижней «стрелкой». Новый годовой период постепенно вступал в свои права. Таким образом, на зеркале наблюдается *чередование мирных и агрессивных сцен*: Весна *борется* с Зимой (Близнецы с Грифоном), ранняя Весна *мирно* переходит в Лето (Львица с Бараном) до высшей летней точки (Лев с Быком), Лето *мирно* переходит в Осень (Кабан, Дева с пантерами), голодная Зима полна ожидания Весны (сектора-7 и 1) и т.д. (Рис. 2).

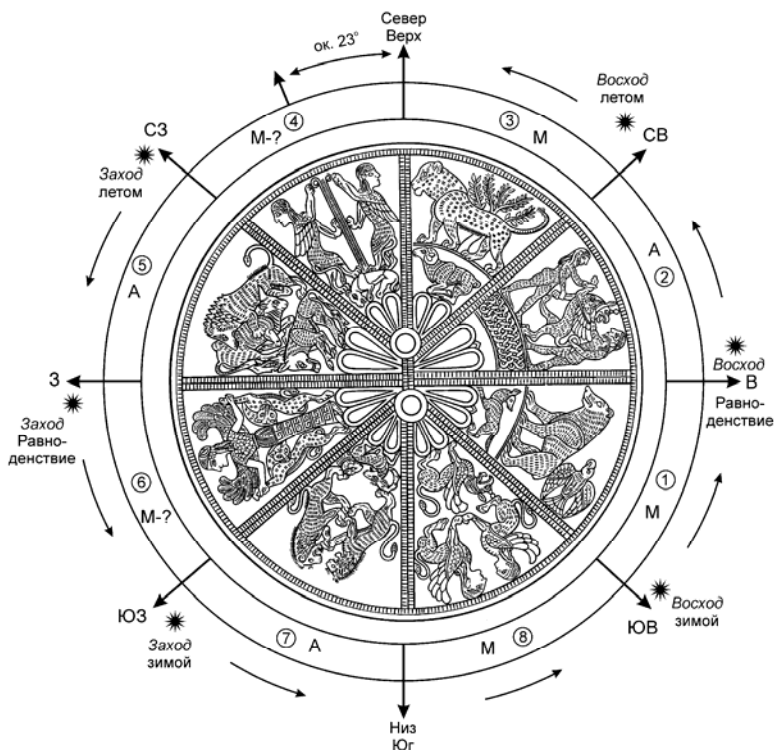

Рис. 2. Серебряное зеркало с 8 накладками из электра, найденное в кургане № 4/Ш, у станицы Келермесской в 1904 г. Связи разметки и изображений на зеркале с пространственными и астрономическими координатами Сокращения: М – мирные сцены, А – агрессивные сцены (прорисовка и разметка Л. С. Марсадалова)

Если сравнить зодиакальные образы, изображённые на Келермесском зеркале, с древними и современными календарями (Табл. 1), то можно выявить между ними как большое сходство, так и некоторые отличия.

На зеркале из Келермеса семь зодиакальных знаков-образов совпадают с ныне широко распространённым 12 месячным зодиакальным календарём, истоки которого уходят во III–II тыс. до н.э. и ранее (Табл. 1, 1-й столбец; Емельянов. 1999; Раевский. 1995), а окончательное его формирование многие учёные относят к середине I тыс. до н.э. Не стоит забывать, что на зеркале имеется только 8 секторов, а не 12. Поэтому, вероятно, как уже отмечалось выше, ряд знаков мог быть изображён символически, в виде «волн» – созвездия

Рыб и Рака. Если наложить зодиакальные образы келермесского зеркала на карту звёздного неба, то можно видеть, что они располагаются вдоль основного «круга» эклиптики, вдоль которого солнце проходит в течение года, что определяет смену временных сезонов. Такие образы как Кабан=Свинья, Пантера=Барс=Тигр, Собака и Птица имеют соответствия в часовых и 12-летних календарях восточных народов. Все исследователи отмечают большое стилистическое сходство и влияние этих звериных образов из восточных кочевнических регионов на келермесские изображения.

Вероятно, наряду с *небесными созвездиями*, на зеркале также отражены и *фенологические аспекты с опорой на смену основных сезонных природных и хозяйственных явлений* (Рис. 2). *Весна* – прилёт птиц, просыпается медведь. *Лето* – деревья с листвой, сытые животные. Переход к *Осени* – охота на кабана. *Зима* – голодное время, борьба за добычу и т.д. Фенологические календари у многих народов мира предшествуют зодиакальным. В Центральной Азии, в Китае и других странах долгое время бытовали фенологическо-зодиакальные календари.

Изображения на зеркале из Келермеса – это не карта звёздного неба, а образное представление об основных небесных созвездиях, через которые проходит солнце в течение дня и года. Общее между предметами с календарной символикой из Келермеса и Ольвии заключается в том, что *внизу находятся* изображения грифонов, *вверху* – Барана=Овна, в *восточной части* – Близнецы без одежды, а также ряд общих зодиакальных знаков – Баран, Бык, Близнецы, Лев, Дева, Весы и Козерог.

В целом семантически сложная сакральная композиция на зеркале VII в. до н.э. из Келермеса представляет собой слитое в природно-сакральном круговороте, единое мифологизированное Пространство и Время, в форме зодиакально-сезонного календаря. На более позднем культовом предмете из Ольвии 12-месячный зодиакальный календарь представлен в завершённом виде.

Литература

- М. Ю. Вахтина. Келермесское зеркало, сектор б: лиса, медведь и птица // Stratum plus. Kishinev, 2000. № 3.
- Л. К. Галанина. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб., 2006.
- В. В. Емельянов. Ниппурский календарь и ранняя история зодиака. СПб., 1999.
- В. А. Кисель. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.
- М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. XXI.

- Л. С. Марсадолов.* Зеркало из алтайской коллекции П. К. Фролова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1982. Вып. 47.
- Л. С. Марсадолов.* Художественные образы и идеи на Великом степном пути Евразии в IX–VII вв. до н.э. // Международная конференция по первобытному искусству. 3–8 августа 1998. Труды. Кемерово, 1999. Т. 1.
- Л. С. Марсадолов.* Пазырыкский грифон и современность // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. СПб., 1996.
- Л. С. Марсадолов.* Реальные и сакральные лотос и древо у древних кочевников Алтая // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 2003. Вып. 2.
- Л. С. Марсадолов.* Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан, 2010.
- Д. А. Мачинский.* О семантике Келермесского зеркала // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. К 90-летию со дня рождения. Тезисы докладов. СПб., 1998.
- Д. С. Раевский.* История Зодиака: факты, гипотезы, реконструкции // ВДИ. 1995. № 4.
- Э. Р. фон Штерн.* Несколько античных бронз из коллекции Одесского музея // ЗООИД. 1911. Т. 29.

Р. Исмагил

Танаис: река и город

Треть века тому назад Б. А. Рыбаков писал, что «...карту геродотовой Скифии необходимо создавать заново» (Рыбаков. 1979. С. 15–16). Десять лет тому назад Д. А. Щеглов (не знавший о наших работах) отнёс к числу решённых идентификацию трёх рек – Тираса, Гипаниса, Борисфена, к числу условно решённых – идентификацию Гиргиса, или Сиргиса (= Северский Донец), Танаиса (= Дон), Оара (= Волга), к числу нерешённых – идентификацию Пантикапа, Гипакириса и Герра (Щеглов. 2002. С. 258). Но и сейчас проблему установления этногеографии Большой Скифии нельзя считать состоявшейся.

Ключевым объектом скифского логоса Геродота и всей античной литературной традиции является парный гидроним – озеро Меотида с его притоком Танаисом. Эта река, восьмая в списке Геродота, отделяла не только Европу от Азии, но и скифов от савроматов (Herod., IV, 20–21, 115–116). Локализация савроматов и всего круга восточных, затанаиских племён (будинов, тиссагетов, отделившихся скифов и пр.), находится в прямой зависимости от отождествления Танаиса с той или иной современной рекой. На наш взгляд, Гиргис (Herod., IV, 57) и Лик (Herod., IV, 123, 124) уверенно отождествляются с такими заволжскими реками, как левый приток Волги (Большой) Ирғиз и приток Урала Илек (Исмагил. 2001. С. 103–108;

2002. С. 174–182; 2004. С. 77–94). Что касается реки Оар, то её большинство учёных отождествляют с крупнейшей рекой современной Европы (Й. Реннел, К. Риттер, Г. Раулинсон, Е. Боннель, К. Мюлленхоф, И. Маркварт, М. Кис-слинг, А. Германн и др.). Эти исследователи опоры для своей версии искали в сообщении Птолемея и других римских авторов, знавших Волгу под именем реки Ра, близким её современному названию у поволжских финнов (Рава).

Несмотря на то, что целостной и непротиворечивой реконструкции этногеографии Скифии, построенной на анализе данных Геродота, до сих пор не существует, археологи при решении своих практических задач исходят из положения о том, что Танаисом Геродота может быть Дон и только Дон (см., напр.: Пузикова. 2001. Карта 1; Медведев. 2008. С. 7 сл.; Яблонский. 2007. С. 6, прим. 7). Этот постулат стал отправной точкой и для выработанной М. И. Ростовцевым в 1910-х гг. первой в отечественной историографии научной концепции генезиса савроматской культуры, весьма благосклонно принятой сегодня многими отечественными учёными. Считается, что «отец истории» не знал о Волге, а если и знал, то под именем Оар и, опираясь на весьма туманные сведения, сообщил о ней ряд фантастических данных (например, о впадении Оара в Меотиду = Азовское море и т.д.).

Историографическим отражением сложившейся в савроматской (сарматской) археологии парадоксальной ситуации стало получившее у нас широкое распространение положение о возможности существования двух разновидностей савроматов: «реальных» (они же «письменные», или «савроматы Геродота») и «археологических» (Пьянков. 1987. С. 1–3; Скрипкин. 2008. С. 11 сл.). Первыми признаются памятники доно-волжского варианта савроматской культуры, вторыми – варианта самаро-уральского.

Как известно, Геродот называет две цифры, касающиеся территории обитания савроматов к востоку от Танаиса (Herod., IV, 21, 116), кардинально отличающиеся друг от друга. Рассмотрим ещё раз оба пассажа «Истории», касающиеся локализации савроматов.

Пассаж первый (Herod., IV, 21): «Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишённую и диких, и культурных деревьев. Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом».

Пассаж второй (Herod., IV, 116): «Перейдя Танаис, они (амазонки и вступившие с ними в брак скифские юноши. – *Р. И.*) прошли к востоку на расстояние трёх дней пути от Танаиса и на расстояние трёх дней [пути] от озера Меотиды в направлении северного ветра. Прибыв в ту местность, в которой они теперь обитают, они заселили её».

Первый пассаж размещён в начале скифского логоса, в большом блоке из пяти глав (Herod., IV, 21–27), описывающем, как считается, торговый путь от скифов на восток (Доватур и др. 1984. С. 244). Собственно савроматам в нём посвящена только маленькая глава 21, которую они ещё и делят вместе с будинами. Второй пассаж находится ближе к концу скифского рассказа, в составе экскурса, сообщающего об образе жизни, быте и обычаях ряда скифских и нескифских народов (Herod., IV, 102–117). Наибольшее внимание в нём уделено легендарной версии происхождения савроматов (Herod., IV, 110–117). Очевидно, только благодаря указанному мифу, изложенному с беспрецедентной полнотой, этот народ на страницах четвёртой книги по популярности занял второе после скифов место.

Оба отрывка начинаются с практически одинаковых словосочетаний («Если перейти реку Танаис...», и «Перейдя Танаис...»). Такой же формулой предваряется и описание земель и народов, находящихся на правом берегу ещё двух рек из списка Геродота (Herod., IV, 18, 19): «Если перейти Борисфен, первая от моря страна Гилея ...», и «...если перейти реку Пантикап, живут уже скифы-кочевники...» (Ср. Herod., IV, 20: «По ту сторону Герра находится та земля, которая называется царской...»). В первую очередь, эта особенность, разумеется, объясняется общей композицией скифского логоса, описывающего народы Скифии последовательно с запада на восток. Настораживает другое: Танаис – единственная река Скифии, описание которой начинается с указанной формулы дважды, что заставляет внимательно присмотреться и к другим противоречиям в тексте двух отрывков. Помимо разного количества дней пути, в них говорится и о разных векторах движения, – северном, в одном случае, и северо-восточном – в другом. К сожалению, они не слишком чётко отличаются между собой; если бы речь шла о таких ортогональных парах направлений, как например, северное–южное, или западное–восточное, вряд ли у кого-нибудь возник бы соблазн считать один отрывок продолжением другого. Этой особенностью источника не совсем корректно попытался воспользоваться тот же Б. А. Рыбаков (стремившийся доказать реальность скифского похода Дария, за два месяца якобы успевшего с почти миллионной армией от Истра = Дуная не только дойти до Танаиса = Дона, но и вернуться обратно), подозревающий Геродота в «нечёткости ориентировки по странам света» и считающий, что «опасно каждое указание на север

или восток понимать слишком определённо, буквально» (Рыбаков. 1979. С. 53). Тем не менее, в данном случае факты источника следует предпочесть рассуждениям современного комментатора. Очевидные отличия между двумя отрывками начинают просматриваться в строках, где речь идёт о расстояниях и о состоянии растительности. В первом сообщении савроматы оказываются жителями «страны, лишённой и диких, и культурных деревьев», начинавшейся сразу от берега Меотиды, и заканчивающейся в 15 днях пути к северу от этого озера. Во втором, правда, никаких подробностей о состоянии растительности не даётся, что косвенно говорит о том, что земля не была степной или пустынной. *Ad hoc* в этом можно усмотреть молчаливое сопоставление савроматской земли с землёй скифов (с которыми, напомним, бок о бок проживали савроматы). Скифы жили в условиях сопоставимого с савроматским климата, но в деталях всё же отличном от него, о чём и говорит неполное совпадение описаний в первом и втором отрывках. Что касается расстояний, то во втором отрывке приводится одна-единственная (а не две, как в первом, и к тому же не совпадающая ни с одной из них) цифра относительно места расселения савроматов (три дня пути), хотя ясно, что обитать на участке земли протяжённостью в один день пути такой большой народ, как савроматы, никак не мог. В учёном мире отношение к двум принципиально несопоставимым цифрам Геродота (линейное расстояние длиной пятнадцать дней пути, в первом случае, и точка на расстоянии трёх дней пути от Меотиды или устья Танаиса – во втором), мягко говоря, различное: настороженное в первом случае, и доверительное – во втором. Дело в том, что популярная идея о тождестве Танаиса с Доном может поддерживаться единственно версией о трёх днях пути, причём пути именно в направлении на северо-восток. Локализовать савроматов на северном побережье Азовского моря (и, тем более, по обоим берегам Дона) решались, кажется, только Ф. Брун и М. И. Ростовцев (Доватур и др. 1982. С. 363). Версия о пути в северном направлении протяжённостью в 15 дней имеет смысл только в случае, если с Танаисом идентифицировать Волгу.

Итак, установлено, что в рассмотренных отрывках речь идёт о двух парах разных гидронимов – озере (море) и впадающей в него реке. Во втором отрывке, «мифологическом», речь идёт о Танаисе – Доне и Меотиде – Азовском море; в первом, «географическом», безусловно, имеются в виду Волга с Каспийским морем. Как следует оценивать системные противоречия между двумя разобранными отрывками?

Природа непоследовательности Геродота (точнее, его источника) очевидна или, имея в виду водную природу предмета нашего интереса, – прозрачна. После работ В. И. Абаева стало общепринятым видеть в «Танаисе» иранскую основу «тан(а)» – «река». Географ и топонимист А. М. Малолетко считает его иранским (скифским), дополненным греческим окончанием «-ис» (Малолетко. 1987. С. 52–53). На самом деле, имя собственное «Танаис» восходит к общетюркскому имени нарицательному «тениз» (казах.), «тенгиз», «дингез» (татар., башкир.) – «море», «озеро». Вполне вероятно, что в древности основным значением этого слова было «река»⁸¹. Греки, плохо разбиравшееся в тонкостях скифского и савроматского языков, имя нарицательное «танаис» («река») стали воспринимать как имя собственное «Танаис», которым они обозначали ряд крупных рек систем Аральского, Каспийского и Чёрного моря.

О Танаисе в античном мире знали, по меньшей мере, начиная с VI в. до н.э. «Название Танаис прилагалось в древности к трём рекам – Сырдарье, Кубани и Дону. Между тем, современные исследователи, как правило, отождествляют Танаис с Доном...» (Куклина. 1985. С. 143). Но ограничивалась ли идентификация Танаиса только этими тремя реками? Танаис, как новая граница между побежденной Селевкидской державой и победившей Римской республикой в ходе Сирийской войны 192–189 гг. до н.э., зафиксирован условиями Апамейского мира 188 г. до н.э. (Полибий (XXI, 43–48), Диодор (XXIX, II), Ливий (XXXVIII, 37–39), Аппиан (Сириака, 44)). Опираясь на сообщение Страбона (XVII, III, 24), называющего в качестве границы Галис, крупнейшую реку Малой Азии, впадающую в Чёрное море восточнее Синопы, большинство историков обоснованно полагают, что под Танаисом здесь подразумевается современный Кызыл-Ирмак. Только недоразумением можно объяснить появление умозрительной гипотезы, предполагающей, что раздел сфер влияний между Римом и Селевкидским государством уже в начале II в. до н.э. (!) мог проходить по Танаису=Дону (Журавлёв. 1986. С. 25–26).

Другой вариант идентификации Танаиса находим в «Новой истории» ранневизантийского историка Зосима. Рассказывая об обороне Римом своих придунайских земель, он излагает эпизод, произошедший при одном из императоров: «...Скифы (готы. – *Р. И.*), перейдя через Танаис (Истр. – *Р. И.*), стали опустошать разные местно-

⁸¹ С севера в Каспийское море впадала Волга, имеющая мощную дельту. В античной географии широкое хождение имела теория о том, что Каспий являлся заливом внешнего, или Северного (Ледовитого, Кронийского, Амальхийского) океана (Плиний, NH, II, 167; V, 97; Мела, III, 5, 38, 44; Присциан, *Perieg.*, 56–59, 644–721, etc). Поэтому Волга вследствие своего размера могла восприниматься не только как река, но и – через промежуточное понятие «морской пролив» – как море, актуализировавшееся уже в постскифскую эпоху.

сти во Фракии...». Современные комментаторы разделяют мнение П. Весселинга, отмечавшего «эту ошибку Зосима, который, конечно, прочтя в источнике, что местожительство готов было вокруг Танаиса, из-за своей поспешности удержал это имя во всём своём рассказе» (Wesseling. Itin. Anton. Aug. S. 225 (Mendelssohn)). О том, что это не так, говорит описание тем же Зосимом событий, происшедших через некоторое время (в 322 г.): «Константин, узнав, что савроматы, живущие у Меотийского озера, переправившись на судах через Истр, опустошают подвластную ему землю, повёл против них войска...» (Zos., ΙΣΤΟΡΙΑ ΝΕΑ, II, 21). Савроматов возглавлял царь Равсимод. Константин рассеял савроматов, которые, пересев на суда, вновь вторглись на территорию империи. Равсимод погиб. Нет никаких сомнений, что одна река, современный Дунай, одним и тем же автором последовательно названа Танаисом и Истром, а то обстоятельство, что Кызыл-Ирмак и Дунай именовались Танаисом спустя столетия после Геродота, говорит о наличии прочной античной литературной традиции, видевшей в Танаисе не только имя собственное, но и имя нарицательное.

А. П. Медведев назвал нашу гипотезу об идентификации Танаиса Геродота с Волгой «абсурдной», полагаясь на «убийственный» аргумент: основавшие в III в. до н.э. в устье Дона город греки назвали Танаисом (Медведев. 2008. С. 7). Ему и невдомёк, что античность знала как минимум пять рек под именем Танаис. У скифов и савроматов гидроним тениз/дингез означал только имя нарицательное – «крупная река»; у заимствовавших в форме «танаис» этот термин понтийских греков он известен ещё и как имя собственное. Эта гипотеза подтверждается тем, что каждый из четырех понтийских Танаисов имел и второе название (Гипанис = Кубань, Галис = Кызыл-Ирмак, Истр = Дунай и, наконец, Дон). Имя Танаис носили несколько рек, а также город, возникший довольно поздно, в III в. до н.э., на одном из танаисов, впадавшем в дальний угол Меотиды (здесь – Азовского моря), что исключало возможность какой-либо ошибки с его идентификацией.

Таким образом, денотатом Танаиса Геродота, который историк принимал за один гидроним, на самом деле являются две реки: не только общепринятый Дон (Herod., IV, 116), но и Волга (Herod., IV, 20, 21, 57). Это значит, что широко распространённая гипотеза о наличии савроматов двух видов – реальных (исторических), и «археологических» – не имеет под собой решительно никакой почвы. Савроматы Геродота жили на обширной территории дальнего Заповжья (от северного побережья Каспийского моря на юге до находящейся в «пятнадцати днях пути» к северу условной линии Самара–Стерлитамак) и Волго-Донского междуречья (в «трёх днях пути» к северо-востоку от дельты Дона), в целом совпадающей с ареалом

«савроматской археологической культуры», ими же преимущественно и созданной.

Литература

- А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Ю. Е. Журавлёв.* «Танаис» в Апамейском мирном договоре Рима с Антиохом III // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 г. Азов, 1985.
- Р. Исмаил.* Танаис Геродота: Дон или Волга? // Ватандаш. Уфа, 2000. № 4.
- Р. Исмаил.* Танаис и другие восточные реки Геродота. Ранние тюркизмы в «скифском логосе» // ВАП. 2002. № 2.
- Р. Исмаил.* Заволжье и Южный Урал в «скифском логосе» Геродота // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Уфа, 2004.
- И. В. Куikliна.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
- А. М. Малолетко.* Топонимические свидетельства пребывания саков на Алтае // Проблемы археологии Степной Евразии. Тез. конф. Кемерово, 1987.
- А. П. Медведев.* Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.
- А. И. Пузикова.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001.
- И. В. Пьянков.* Скифы и сарматы реальные и «археологические» // Проблемы археологии степной Азии (Тез. докл.). Кемерово, 1987. Ч. II.
- Б. А. Рыбаков.* Геродотова Скифия. М., 1979.
- А. С. Скрипкин.* К шестидесятилетию выхода в свет статьи Б. Н. Гракова «ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата и сарматов)» // НАВ. 2008. № 9.
- Д. А. Щеглов.* Три источника скифской географии Геродота // БФ. Погребальные памятники и святилища. 2002. Ч. II.
- Л. Т. Яблонский.* Проблемы хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения в свете новейших материалов из Южного Приуралья // Региональные особенности раннесарматской культуры. Волгоград, 2007. Вып. II.

В. Ю. Кононов, А. В. Иванов

Соседи Азиатского Боспора в VI–IV вв. до н.э.

Вопрос о соседях греческих колонистов на азиатской стороне Боспора поднимался уже не раз, но, как нам видится, менее актуальным он не стал. В данной работе авторами ставится задача акцентировать внимание исследователей на исторических процессах и племенах, непосредственно граничивших с территорией Азиатского Боспора в VI–IV вв. до н.э.

После скифских походов, которые в значительной степени перекроили этнокарту Кубани, начинается особый этап в развитии племен Прикубанья – этап сложения культур. В процессе скифского перемещения в Закубанье на основе протомеотской культуры (часть меотского населения, вероятно, принимала участие в скифских походах) складывается Меотская АК. Она занимает практически всю территорию Средней Кубани и предгорную зону (Каменецкий. 2000. С. 74–108; Каменецкий. 2011, 201–207). Другая же часть автохтонного населения, занимавшая территорию Нижней Кубани (территория Абинского и Крымского районов), подверглась, по всей вероятности, значительному «удару» со стороны скифов и прекратила (приостановила) своё развитие, что подтверждается отсутствием памятников оседлого меотского населения (Каменецкий. 2001). Существует мнение, что территория эта перешла под контроль кочевого (или полукочевого) населения скифоидного облика – к язаматам (Новичихин. 2006), однако оно на сегодняшний день археологически не подтверждается.

Переселение в Лесостепь скифов происходило несколькими маршрутами (отчасти об этом свидетельствует и ледовые походы), один из которых, по-видимому, проходил вдоль русла Кубани, через Тамань в Крым. Этим, возможно и объясняется некоторое запустение территорий Нижней Кубани и Тамани в первой половине VI в. до н.э.

Несколько иная ситуация сложилась на территории Черноморского побережья в районе Анапы–Новороссийска. Здесь на основе протомеотского населения VIII–VII вв. до н.э. (Новичихин. 2006; Эрлих. 2007) складывается племенной массив, объединенный одной археологической культурой (Новичихин. 2009. С. 289–291), куда, судя по всему, были инкорпорированы синды, керкеты и тореты (Алексеева. 2000; Новичихин. 2009). Таким образом, накануне греческой колонизации территории, куда были выведены апойкии, серьезно различались по количеству и составу населения.

Следующий этап в истории и развитии племён Прикубанья начинается с появлением на территории Азиатского Боспора первых греческих колонистов. На раннем этапе греческой колонизации азиатской части Боспора, согласно новым исследованиям (Иванов, Сударев. 2012. С. 192–197), греческие поселения в таманском регионе возникали у древних дорог и у поселений (если не на них), принадлежавших местному населению, и, по всей видимости, этот процесс происходил относительно мирным путем. Косвенно это подтверждается основанием на Черноморском побережье ряда крупных колоний (Торик, Синдская Гавань) и довольно быстрыми темпами развития хоры азиатской части, в отличие от европейской (Прокопенко. 2007. С. 65–69), где ее выведение, по-видимому, было сопряжено с известными трудностями из-за близости скифской кочевой орды.

Первым, кто встретил греков, было незначительное население Тамани, а также синды. Благодаря брачным союзам, вовлечению в обменно-торговые процессы и т.д. на протяжении второй половины VI–V в. до н.э. происходит консолидация греческих колонистов и синдов. Раннемеотский облик культуры синдов довольно быстро сменяется на новый, греческо-варварский, что и породило множество вопросов, связанных с выделением собственно синдских памятников (Завойкин. 2011). В регионах Нижней Кубани ни в VI, ни в V в. до н.э. особых «подвижек» не происходит, местное население, как и памятники, связанные с ним, очень незначительны. Складывается впечатление, что эта территория заселялась меотами не столь активно, как, например, Правобережье Кубани, но вот причины, по которым так сложилось, пока что непонятны.

Для времени ранних Спартокидов мы располагаем несколько большими сведениями о населении региона. С конца V в. до н.э. Спартокиды начинают вести активную политику с целью присоединения прилегающих к Боспору плодородных земель, как на западе, так и на востоке. Попытка вмешаться в политическую жизнь племен Прикубанья (в данном случае речь идет о синдах и язаматах) привела к военному конфликту, в который была втянута значительная часть населения Азиатского Боспора и Прикубанья, что нашло отражение в легенде о Таргитае.

Победа над Феодосией освободила военные силы Боспора и позволила перебросить их на другую сторону пролива. В первой половине IV в. до н.э. к Боспору была присоединена Синдика, что нашло отражение в посвянительной надписи Левкона I, воздвигшего статую Фебу-Апполону в Лабрите после победы над Октамасадом, сыном царя синдов Гекатея (Горончаровский. 2007. С. 186).

Подчинение Синдики открыло возможность дальнейшей территориальной экспансии в отношении меотских племен. Данный факт отразился в Боспорской эпитафике. Левкон I первоначально

именуется архонтом Феодосии и Боспора, позднее добавляются – царь синдов, торетов, дандариев и псессов (Гайдукевич. 1949. С. 58–60).

Согласно современным исследованиям, торетов помещают в районе Новороссийска–Геленджика, дандариев – на территории Славянского района. Локализация псессов на данный момент не установлена. Однако открытый одним из авторов меотский могильник Фуражан, относящийся к IV в. до н.э. и расположенный в Крымском районе, где памятники меотской АК этого времени ранее не были известны, позволяет с определенной долей осторожности соотнести его с племенем псессов. Косвенно это подтверждается и его близким расположением к территории синдов, и соответствием перечню в титулатуре.

В надписях преемника Левкона – Перисада I (348–309 гг. до н.э.), в перечне племен происходят некоторые изменения. В одной из надписей с титулом Перисада за синдами следуют тореты и дандарии, псессы же «выпадают». В другой Перисад титулуется «царем синдов» и «маитов» (меотов); ещё в двух – за маитами следуют ранее не упоминавшиеся фатеи и досхи. Фатеев помещают на территории на правом берегу Кубани от Ангелинского Ерика до ст. Марьянской, а, возможно, и до Елизаветинской (Марченко, Лимберис. 2001. С. 91). Локализация досхов также не установлена, но, исходя из последовательности перечисления меотских племен и расположения локальных групп памятников, за фатеями следуют досхи – т.е. племена, обитавшие выше по течению р. Кубань, а это уже Краснодарская группа памятников. Возведение укреплений на поселениях этой группы (Марченко, Лимберис. 2009) совпадает по времени с включением племени досхов в список подвластных племен.

Ведение боевых действий, направленных на покорение меотских племен Прикубанья, подтверждается не только возведением укреплений на городищах местного населения, но и надписью на надгробии «о пафлагонском наемнике в боспорской армии, сражавшемся в стране меотов» (Гайдукевич. 1949. С. 61).

Впрочем, нет уверенности в том, что боспорские правители во всех случаях добивались признания за ними верховной власти со стороны местных племен силой оружия. В тех случаях, когда племенная знать была вовлечена в торговлю с боспорскими городами, экономические выгоды этой торговли могли толкать ее на мирное присоединение к Боспору. Прежде всего, это относится к синдам, которые по всем признакам и раньше были тесно связаны с Боспором. Что же касается племен, которые были подчинены последними (фатеи и досхи), то можно заключить, что они могли сохранить относительную самостоятельность, и, возможно, имели собственных

правителей и войска, как, например, фатейский царь Арифарн, участвовавший в распрях сыновей Пересада (Гайдукевич. 1949. С. 62).

Создается впечатление, что власть боспорских правителей над всеми этими племенами не отличалась устойчивостью. Под влиянием различных обстоятельств одни из этих племён, вероятно, временами отпадали от Боспорского государства, другие присоединялись к нему. О неустойчивости границ боспорских владений на азиатской стороне пролива сообщает и Страбон.

Литература

- В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М., Л., 1949.
- В. А. Горончаровский.* Исследование теменоса в южной части Лабриса (Семибратнего городища) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007.
- А. А. Завойкин, Н. И. Сударев.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Части I и II // ДБ. 2006. Т. 9 и 10.
- А. В. Иванов, Н. И. Сударев.* К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // ДБ. 2012. Т. 16
- И. С. Каменецкий.* Греки и меоты // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
- И. С. Каменецкий.* О скифах на Кубани // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар, Анапа, 2001.
- С. В. Каиаев.* Общеполитическая ситуация в Северном причерноморье в V в. до н.э. и материалы некрополя Артюшенко-2 // Боспорский феномен: проблема соотношений письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- В. Д. Кузнецов.* Фанагория в архаическое время // Пятая Кубанская археологическая конф. Материалы конференции. Краснодар, 2009.
- В. Е. Максименко.* О савроматской этнической принадлежности язаматов и языгов // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье. Новочеркасск, 1987.
- И. И. Марченко, Н. Ю. Лимберис.* О локализации меотского племени фатеев // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар, Анапа, 2001.
- А. Н. Новичихин.* К вопросу о походах скифов в земли синдов // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар, Анапа, 2001.
- Н. А. Онайко.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- С. Н. Прокопенко.* Становление хоры боспорских городов VI – начала V в. до н.э. // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 1999.
- Скилак Кариандский.* Перипп обитаемого моря. Перевод и комментарии *Ф. В. Шелова-Коведяева* // ВДИ. 1988. № 1. № 2.
- В. Л. Строчкин.* Синдские монеты: взгляд из «Синдики» // ДБ. 2012. Т. 16.

В. Р. Эрлих. К дискуссии о скифах на Кубани // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.

Н. Ф. Шевченко

Боспор и варвары Восточного Приазовья в IV в. до н.э. – I в. н.э.

Приазовье на территории Краснодарского края включает две ярко выраженные ландшафтные зоны. Южная часть, по большей части входящая в Большую пойму Кубани, представляет собой сплошную полосу болотистых плавней, севернее которых расположены сухие степи, высокими обрывами выходящие к Азовскому морю. По сообщению Страбона на всём этом побережье живут меоты, а боспорские правители нередко захватывают области вплоть до Танаиса, при этом, азиатские меоты подчинены частью владельцам торгового центра на Танаисе, частью – боспоранам. Особенно отмечены последние правители – Фарнак, Асандр и Полемон.

В настоящее время версия о расселении земледельческих племен в Приазовье общепринята, и здесь, по мнению И. С. Каменецкого, выделяются два локальных варианта меотской культуры: на правобережье Кубани, в её большой дельте, располагалась земля дандариев, севернее – кирпичские городища, отнесенные к язаматам (Каменецкий. 1985. С. 164) (Рис. 1). Далее к северу поселения железного века неизвестны, хотя описания Страбона, в первую очередь, касаются этой территории с её богатыми рыбными промыслами. Отсутствие здесь памятников может объясняться размывом берега, отступившим на некоторых участках на 4–5 км (Артюхин. 2007. С. 313–328). Например, у основания Должанской косы при сильном ветре вымываются античные монеты, среди которых боспорские IV–III вв. до н.э. и римский денарий II в. н.э.

Существующие в литературе датировки двух вариантов меотских памятников Приазовья позволяют считать, что они бытовали в одно время и, возможно, были культурно связаны. Однако проведенные исследования уточнили хронологию и показали, что между ними существует значительный временной разрыв, а территориальное размещение определено не племенными различиями, а спектром политических причин, связанных с историей Боспорского царства.

В письменных источниках племена дандариев упоминаются с VI в. до н.э. (Гекатей) по I в. н.э. (Тацит). Территориальная их локализация на правобережье Кубани в пределах большой поймы была предложена В. П. Шиловым (Шилов. 1950. С. 119). С тех пор эта позиция принципиально не пересматривалась, и только по мере накопления археологического материала границы расселения были расширены на восток вплоть до Ангелинского Ерика. Все поселения на этой территории отличаются небольшими размерами, малым слоем, отсутствием оборонительных сооружений и уверенно датируются IV–III вв. до н.э. (Анфимов И. 1987. С. 27; Каменецкий. 1989. С. 233). Однако на поселении у х. Беликов зафиксированы фрагменты хиосских пухлогорлых амфор второй половины V в. до н.э. (Анфимов И. 1987. С. 27; Анфимов Н. 1981. С. 135). А на Красноармейском поселении найдено более 30 клейменных ручек от амфор Синопы и Родоса, датированных III–II в. до н.э. (Анфимов Н. 1985. С. 60). Следовательно, время бытования этих поселков можно расширить как минимум от вт. пол. V до нач. II в. до н.э. Более поздний материал на этой территории отсутствует, за исключением поселения Свистельниково (Каменецкий. 1968. С. 265; Каменецкий. 2001. С. 4), на котором поздний материал представлен двумя фрагментами светлоглиняных амфор с профилированными ручками.

Территория распространения поселений, условно сопоставимых с дандариями, была довольно обширной – на севере она началась от плавней Кирпильского лимана, а на востоке могла проходить по Ангелинскому Ерику до Кубани (Каменецкий. 2000. С. 77). Слой не очень мощный, но насыщенный античной керамикой, включая чернолаковую посуду и обильный амфорный материал. Особенностью «дандарских» поселений, принципиально отличающей их от меотских памятников других территорий, являются клады и отдельные боспорские монеты, встречающиеся здесь сравнительно часто. В общей сложности мы знаем о пяти кладах, которые очерчивают границу области с денежным обращением. Вероятно, эта граница соответствует границе Боспорского царства на начало III в. до н.э. (Анфимов. Н. 1988. С. 139, 143; Аптекарев. 1989. С. 64). Массовое сокрытие кладов происходит в конце первой – начале второй четверти III в. до н.э., а к середине столетия относится последнее титулатурное указание на подчиненность всех меотских племен боспорскому правителю. Отсюда можно предположить, что с этого времени Боспор формально теряет власть над частью варварских земель, включая степи Приазовья. Фиксируется упадок, но, видимо, часть поселков продолжают функционировать, сохраняя тесные экономические связи с Боспором. Переломный момент наступает только в начале II в. до н.э., когда в степи правобережья Кубани начинается массовое переселение кочевников, определяемых в литературе как

сираки. К этому времени все известные здесь меотские поселения прекращают своё существование. Надо полагать, что жители уходят к западу, в болотистые районы, не представляющие интереса для номадов. По крайней мере, единственное поселение, где есть материал первых веков нашей эры, Свистельниково, находится в плавневой зоне практически на границе Боспора (Каменецкий. 2001. С. 5).

Во II в. до н.э. постоянного меотского населения в степной части Восточного Приазовья уже нет, но, так же как на раннем этапе, дандарии продолжают фигурировать в источниках, сохраняясь вплоть до I в. н.э. То есть на фоне длительной «литературно-эпиграфической» истории дандариев выделяется период IV–III вв. до н.э., в котором появляются яркие бытовые и погребальные памятники. Нельзя с уверенностью говорить, что эти поселки оставлены именно дандариями, но бесспорно, что их появление и последующее существование были связаны с политикой Боспора, если не определялись ею. Ведущая роль сарматов в вытеснении этого племени с его степных территорий в начале II в. до н.э. наиболее вероятна. Следующий этап меотской истории Приазовья начинается с появлением городищ на Кирпилях. Городища этой группы расположены значительно севернее основной массы «дандарских» поселений и принципиально отличаются от них структурой и размерами. Как правило, городища находятся на береговой террасе в естественно защищенных местах и практически все построены по единой схеме. Центр посёлка занимает цитадель, окруженная рвом, выходящим концами к воде. Сразу за внутренним рвом расположен нижний посёлок, тоже окружённый рвом, но значительно меньших размеров. Дважды отмечены случаи, когда цитадель окружают два пояса нижнего посёлка, разделённые рвом. Однако внешний ров окружает всё городище целиком. На некоторых памятниках отмечено существование неукреплённого посада. В группу входят 23 городища, вытянутые по берегам реки Кирпили и лиманов от ст. Роговской до г. Приморско-Ахтарска. Их компактное расположение и удалённость от меотских центров нижнего Прикубанья позволяет предположить единство происхождения всей группы. Характер материальной культуры исследованных памятников не оставляет сомнений, что кирпильские городища относятся к кругу бытовых памятников позднемеотского периода (Анфимов Н. 1971. С. 866) и хронологически тяготеют к его начальному этапу. Материалы многолетних раскопок хорошо стратифицированного Новоджерелиевского городища № 3 и Роговского № 1 позволяют отнести их основание к первой четверти I в. до н.э. (Шевченко. 2005. С. 299).

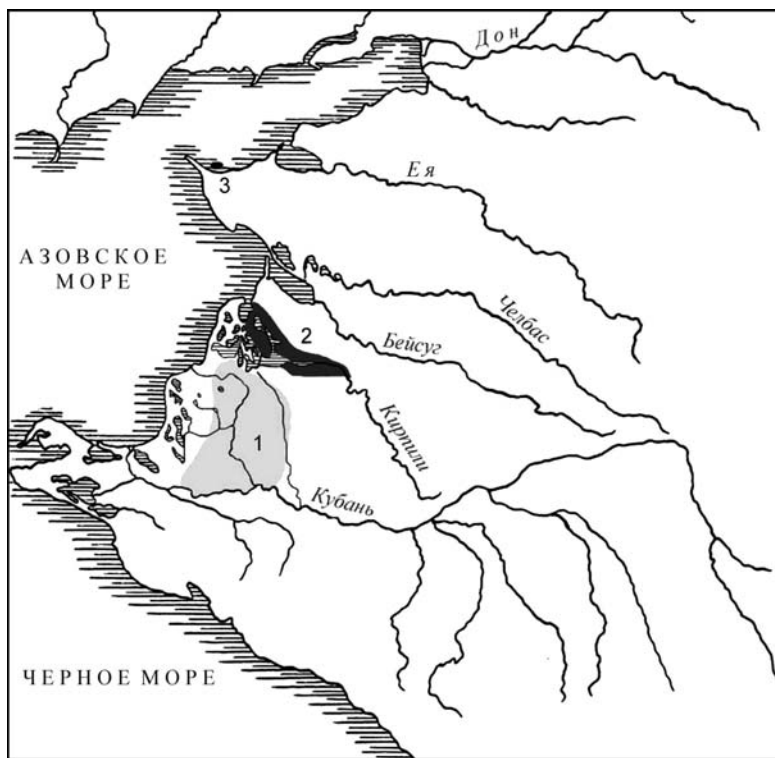

Рис. 1. Три группы памятников на территории Восточного Приазовья: 1 – памятники IV–III вв. до н. э., сопоставляемые с дандариями; 2 – кирпичильская группа городищ; 3 – монетные находки у основания Должанской косы

С разной степенью полноты хронологическому определению поддаются двадцать памятников. Везде наиболее ранним надежно датируемым слоем является слой I в. до н.э. На пятнадцати городищах зафиксирован материал I в. н.э., хотя можно предполагать, что слои этого времени есть на всех памятниках. На Большом реданте, Новоджерелиевском 3, Степном 1 городища отмечены вещи, которые можно датировать началом II в. н.э. Не исключено, что сюда можно включить городище Степное 2.

Таким образом, можно уверенно говорить, что попытка удревнения нижней даты для части кирпичильских городищ до III–IV и даже V–VI вв. до н.э. не находит подтверждения в археологическом материале. Городища возникают не ранее начала I в. до н.э., и происходит это очень быстро, далеко в степи в зоне сарматских кочевий.

Понимая, что рубеж II–I вв. до н.э. был расцветом «сиракского» периода в истории Прикубанья, вряд ли можно серьёзно полагать, что меоты вторглись в степь и захватили территорию так далеко от собственной «метрополии». Следовательно, причина была другой, и ею вполне могла быть целенаправленная политика Боспорского государства, у границ которого в течение 10–15 лет появилась эта группа городищ.

Время первой войны с Римом, то есть 80-е годы I в. до н.э., было пиком влияния Митридата VI на северочерноморских варваров. В это время ему подчиняются многие племена, живущие вдоль восточного берега Азовского моря, в том числе дандарии и сарматы (Аппиан, Плутарх). Хорошо известно, что одним из направлений политики царя была попытка использовать в собственных интересах экономический и военный потенциал варварских племен. Именно на этом политическом фоне в приазовской степи, занятой сарматами, появляются 23 меотских городища, общий облик культуры которых носит выраженный земледельческий характер: ямы с остатками зерна, пифосы, каменные жернова, серпы и т.д. В западной части группы городища расположены недалеко от моря, среди лиманов, и, возможно, во многом были ориентированы на рыболовство. Н. В. Анфимов отождествляет реку Кирпили с Малым Ромбитом, где, по сообщению Страбона, находились крупные рыбные ловли (Анфимов Н. 1950. С. 95). Трудно сказать, какой из аспектов взаимоотношений был наиболее важным, но надо полагать, что продовольственный имел для Митридата большое значение.

Максимальная строительная активность на городищах приходится на I в. до н.э., к концу столетия происходит спад, а в первой половине I в. н.э. большинство городищ прекращают своё существование. Количество меотского населения в долине р. Кирпили сокращается в первую очередь за счёт небольших поселков. При этом везде жизнь прекращается после в той или иной мере продолжительного периода упадка, а не в результате разового разгрома.

Третья группа памятников могла находиться на побережье Азовского моря между ст. Камышеватовской и Ейским лиманом, В связи с размытием береговой черты следы поселений здесь отсутствуют, поэтому более или менее уверенно можно говорить лишь о рыболовных стоянках в районе Должанской косы. Только в этих местах были островки, сопоставимые с Большим Ромбитом, на котором (исходя из противопоставления Малому с меотским населением) существовали боспорские рыбные промыслы или фактория.

Нумизматические находки указывают на то, что стоянки существовали как минимум с эпохи раннего эллинизма. Этому способствовало обилие рыбных запасов и расположенность вблизи морского пути к устью Дона.

Выводы могут быть сформулированы в трёх основных тезисах:

1. В степной части Большой поймы Кубани т.н. поселения «дандариев» в виде маленьких неукрепленных поселков возникают в IV в. до н.э. и приходят в упадок в начале следующего столетия. Существуют как область с денежным обращением, вероятно, входившая (минимум до начала III в. до н.э.) в состав Боспора.

2. Городища на Кирпилях появляются как единая группа в первой четверти I в. до н.э. При активных торговых связях с Боспором существуют до рубежа эр. Период стагнации и гибель большинства городищ приходится на первую половину I в. н.э.

3. Появление рыболовецких поселений т.н. Большого Ромбита могло быть синхронным экономическому подъему Боспора в IV в. до н.э. Рыбные ловли сохранялись и в римское время.

Таким образом, археологически прослеженное освоение территории Восточного Приазовья оседлым населением во второй половине I тыс. до н.э. происходит в несколько не связанных между собой этапов разными племенами. Объединяющим фактором является только участие в процессе Боспорского государства в качестве организующей или направляющей силы. Вывод хозяйственных переселенцев обеспечивал решение продовольственных задач, стоящих перед разными боспорскими правителями. После утраты контроля государства над данными территориями в силу экономических или политических причин поселения быстро приходят в упадок.

Литература

- И. Н. Анфимов.* Меотские поселения правобережья нижнего течения р. Кубани // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск, 1987.
- Н. В. Анфимов.* Основные этапы развития меотской культуры эпохи раннего железа на Северо-Западном Кавказе // Actes du VII Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Prague, 1971.
- Н. В. Анфимов.* Клад пантикапейских монет IV в. до н.э. из Восточного Приазовья // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе. 1981.
- Н. В. Анфимов.* Керамические клейма из поселения станицы Красноармейской (Краснодарский край) // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы докладов. Баку, 1985.

- Н. В. Анфимов.* Клад пантикапейских монет из г. Славянска на Кубани // СА. 1988. № 4.
- А. З. Антекарев.* К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV – первой половине III в. до н.э. // I Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1989.
- Ю. В. Артюхин.* Перестройки береговой зоны Азовского моря, как фактор некоторых исторических событий XVIII–XX вв. // Историко-географический сборник. Краснодар, 2007. Вып. 1.
- И. С. Каменецкий.* Новый меотский могильник в Приазовье // СА. 1968. № 2.
- И. С. Каменецкий.* Локальные варианты меотской культуры // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы докладов. Баку, 1985.
- И. С. Каменецкий.* Меоты и другие племена Северо-Восточного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- И. С. Каменецкий.* Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар, 2000.
- И. С. Каменецкий.* У границ Азиатского Боспора // МИАК. 2001. Вып. 1.
- Н. Ф. Шевченко.* Краснолаковая и рельефная штампованная керамика из материалов раскопок кирпичельских городищ // IV Кубанская Археологическая Конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 2005.
- В. П. Шилов.* О расселении меотских племён // СА. 1950. XIV.

С. Н. Сенаторов

Лепная керамика античного Порфмия второй половины VI – начала III в. до н.э.

Лепная керамика античных городов Европейского Боспора является одной из важных категорий археологических находок, отражающей взаимоотношения греческих колонистов и местного варварского населения древней Таврики в позднеархаическое и эллинистическое время. При этом если керамика таких полисов, как Пантикапей, Нимфей, Мирмекий или Тиритака, изучена и опубликована сравнительно полно, то лепная орнаментированная посуда, например, Порфмия, остается малоизвестной. Опубликованы лишь общие сведения о находках здесь лепной орнаментированной керамики (Кастанаян. 1984. С. 342. Табл. CLI, 5; Вахтина. 2009. С. 98, 118. Рис. 21, 1, 3).

В настоящей работе предлагается краткая характеристика лепной орнаментированной керамики античного городища Порфмий, найденной в 1953–1979 гг. Порфмийским отрядом Боспорской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Е. Г. Кастанаян. Все находки известны автору лишь по отчётам и

полевым дневникам раскопок Порфмия, хранящимся в научном архиве ИИИМК РАН⁸².

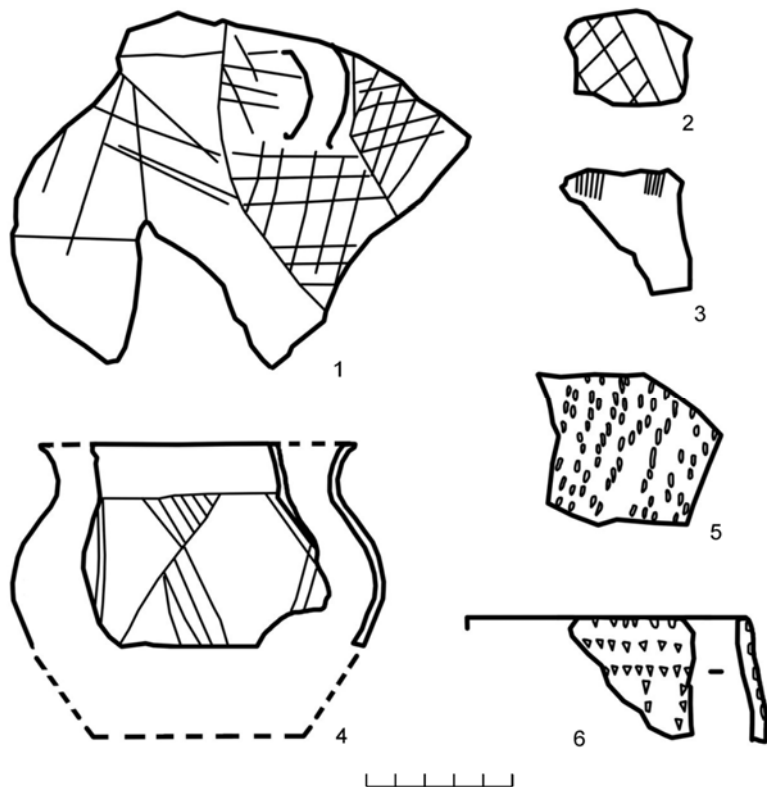

Рис. 1. Лепная керамика: 1–5 – Порфмий: 1 – 1979 г. Раскоп В. Шурф в помещении. Глубина 0,55–0,75 м; 2 – 1973 г. Кв. 25 и 26, внутри двора М и юго-восточной части помещения Н. Слой на глубине 1,17 м от вымостки № 86; 3 – 1973 г. Слой; 4 – 1953 г. Кв. 13, шт. 5–6, глубина 1,4 м от точки И; 5 – 1953 г. Кв. 9, шт. 4–5. Слой на глубине 1,4 м от точки К; 6 – Поселение Каменка. 1965 г. Кв. 3в. Слой на глубине 0,15–0,4 м

Почти вся рассматриваемая лепная посуда найдена в культурном слое городища, который Е. Г. Кастанаян условно разделила на три периода.

⁸² Автор выражает искреннюю благодарность Т. Ф. Аскиркиной, М. Ю. Вахтиной, Ю. А. Виноградову, Н. Л. Грач, Е. Г. Кастанаян, Е. А. Катюшину, Н. К. Качаловой, О. Ю. Соколовой, Е. Г. Старковой и В. П. Толстикову за помощь в работе.

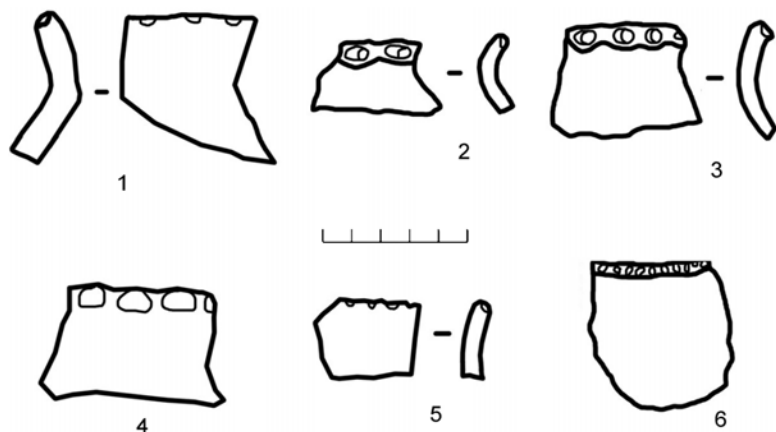

Рис. 2. Порфмий. Лепные горшки: 1 – 1977 г. Слой; 2 – 1973 г. Кв. 25 и 26, ниже уровня вымостки № 86 на 0,58 м. Слой, штык 8; 3 – 1973 г. Кв. 25 и 26, внутри двора М и юго-восточной части помещения Н. Слой на глубине 1,17 м от вымостки № 86; 4 – 1978 г. Вымостка двора Ж. Слой на глубине 0,67 м; 5 – 1975 г. Шурф в полу помещения Т. Зачистка материкового слоя на глубине 0,9–0,96 м от пола и подошвы северной оборонительной стены; 6 – 1975 г. Северо-Западный квартал, шурф под полом помещения Р. Слой на глубине 0,3 м ниже подошвы стен № 81 а и 102

Первый период исследовательница отнесла ко второй половине VI – первой половине V в. до н.э. (далее все даты до н.э.), второй – ко второй половине V – первой половине IV в. и третий – ко второй половине IV – первой половине III в. до н.э. (Кастанаян. 1971. Л. 14). Кроме того, на всей раскопанной площади городища открыты слои с мешаным материалом позднеархаического – эллинистического времени.

В этих слоях на различных участках раскопа найдена лепная орнаментированная керамика, которую можно связать с четырьмя культурно-хронологическими группами.

К первой группе относятся два фрагмента керамики эпохи средней и поздней бронзы. Первый фрагмент, открытый в слое с материалами IV – начала III в. (Кастанаян. 1953. Л. 18⁰⁶. Рис. 13), представлен стенкой горшка с наколами, которые были нанесены на тулово сосуда в несколько рядов (Рис. 1. 5). Сходный по типу орнамент известен на керамике эпохи средней бронзы из раскопок Илурата (Гайдукевич. 1958. С. 17–18. Рис. 6, 2), а также на сосудах поселения Каменка (раскопки В. Д. Рыбаловой в 1965 г. Фонды ГЭ. Оп. 216. 1965 г. № К-143; Рис. 1. 6). Вторым фрагмент, найденный в слое конца VI – середины IV в., относится к стенке хозяйственного сосуда,

украшенного горизонтальным валиком с косыми насечками (Кастанаян. 1971. Л. 9–11. Фотоархив ИИМК РАН № 77581. О.2833/95. № 2532/53). Подобный орнамент известен на керамике сабастиновской культуры и на горшках первого этапа кизил-кобинской (далее КК) культуры XII–IX вв. в Горном и Предгорном Крыму (Сенаторов. 2002. С. 14–16). Э. А. Кравченко посуду с таким орнаментом относит к дотаврскому периоду КК культуры хронологических горизонтов I–IV–УБ (поселение Уч-Баш) второй половины XI – первой половины VIII в. (Кравченко. 2011. С. 235. Рис. 195).

Ко второй группе относится всего один фрагмент стенки, вероятно, кувшина с гребенчатым орнаментом раннего типа (Рис. 1. 3), который был найден в слое V в. вместе с обломками хиосских пухлогорлых амфор (Кастанаян. 1973. Л. 33; Фотоархив ИИМК РАН. № I-84213. О.2984/135. № 2618/117). Керамика с таким орнаментом характерна для третьего этапа КК культуры Предгорного и Юго-Западного Крыма второй половины VI – первой половины IV в. по периодизации автора (Сенаторов. 2002. С. 18) или, по периодизации Э. А. Кравченко, для таврского периода этой культуры хронологических горизонтов VII–К и VIII–К (Керкинитида) середины VI – середины IV в. (Кравченко. 2011. С. 235. Рис. 195).

К третьей группе относятся три фрагмента, вероятно, кувшинов (один фрагмент с петлевидной ручкой на плече) с резным орнаментом в виде заштрихованных треугольников (Рис. 1. 1–2, 4) восточно-крымского или айвазовского типа второй половины VI – начала III в. (Сенаторов. 2002. С. 18–19). Первый фрагмент был найден в слое V–IV вв. (Кастанаян. 1979. Л. 10), второй – в слое V в. (Кастанаян. 1973. Л. 33. Рис. 16), а третий – в слое IV–III вв. (Кастанаян. 1953. Л. 92–93. Рис. 74; Кастанаян. 1984. С. 342. Табл. CLI, 5).

Наконец, в четвертую группу входят горшки, орнаментированные пальцевыми вдавлениями или насечками по краю венчика, условно «скифского типа» (Рис. 2. 1–6). Находки венчиков таких сосудов по слоям городища распределены следующим образом: 1) в слое второй половины VI – первой половины V в. найдено 2 фрагмента (Кастанаян. 1971. Л. 11; Кастанаян. 1972 а. Л. 40); 2) в слое второй половины – конца VI–IV в. – 4 фрагмента (Кастанаян. 1973. Л. 20. Рис. 10; Л. 33. Рис. 16; Кастанаян. 1976. Л. 19 Кастанаян. 1975. Л. 14; Рис. 2. 2–3, 6); 3) в слое V–IV вв. – 2 фрагмента (Кастанаян. 1971. Л. 9; Аскиркина. 1978. Л. 9–10. Рис. 5). (Рис. 2. 4). Еще 11 фрагментов венчиков таких сосудов встречены в слоях датированных концом VI – IV в. (Кастанаян. 1972б. Л. 10. Фотоархив ИИМК РАН. № I-80733. О.2837/142. № 2587/71. П/о № 72/20–24. Найдено 4 фрагмента; Фотоархив ИИМК РАН. Порфмий 1973 г. № I-84190. О.2984/112. № 2618/94. Найдено 4 фрагмента; Виноградов. 1975. Л. 15, 17 об. Рис. 17. (Рис. 2. 5); Кастанаян. 1976. Л. 17; Фотоархив

ИИМК РАН. Порфмий 1977 г. № I-102087. О.3129/143. № 2820/79 (Рис. 2. 1).

В Восточном Крыму хозяйственные горшки с вдавлениями на венчике встречаются повсеместно. В закрытых и условно закрытых керамических комплексах такие горшки найдены вместе с посудой, украшенной резным орнаментом айвазовского типа, например, в хозяйственной яме Нимфея второй половины VI – первой трети V в. из раскопок М. М. Худяка в 1952 г. (Сенаторов. 2005. С. 297. Рис. 1, 3–4). Кроме того, в округе Феодосии к таким комплексам можно отнести: 1) слой поселения Новопокровка-I начала V – первой трети III в. (Гаврилов. 2004. С. 163–164, 296, 301. Рис. 35, 54–68; Рис. 40, 1–38); 2) хозяйственную яму первой половины IV в. поселения Журавки-1 из раскопок Е. А. Катюшина в 1975 г. (Сенаторов. 1999. С. 295, 303. Рис. 1, 1–2, 9–10, 12); заполнение разведочного шурфа поселения Новопокровка-3 первой половины IV в. (Гаврилов. 2004. С. 163–164, 332. Рис. 71, 5–6).

Лишь в одном случае обломок горшка с вдавлениями на венчике найден в хозяйственной яме Пантикапея третьей четверти VI в. вместе с фрагментом чернолощёного кубка (раскопки В. П. Толстикова в 1984 г.), украшенного ранним типом гребенчатого орнамента, характерного для третьего этапа КК культуры (Сенаторов. 2007. С. 208–209. Рис. 1, 1–3).

Таким образом, рассматриваемая керамика позволяет сделать следующие выводы.

1. На месте античного Порфмия, вероятно, существовало поселение или могильник эпохи средней – поздней бронзы;

2. На всех этапах существования античного городища в комплексах лепной керамики преобладали хозяйственные горшки с вдавленным орнаментом на венчике «скифского типа»;

3. Лепная столовая посуда в основном украшалась резным орнаментом айвазовского типа, характерного для памятников Восточного Крыма второй половины VI – первой трети III в.;

4. В состав греческого населения Порфмия во второй половине VI – первой половине IV в., судя по находкам керамики айвазовского типа, вероятно, входили варвары местных оседлых (восточный вариант КК культуры или восточные тавры) и кочевых скифских племен Восточного Крыма. Здесь же находились и немногочисленные выходцы из таврских племен Предгорного и Юго-Западного Крыма, о чем свидетельствуют находки КК керамики с гребенчатым орнаментом.

Подводя итоги, можно сделать заключение о том, что варварское население античного Порфмия во второй половине VI – первой трети III в. по своему этнокультурному составу почти полностью совпадает (за исключением меотского компонента) с варварским населением других городов Боспора, например, Нимфея (Колтухов. 2004. С. 78, 83) или Пантикапея.

Литература

- Т. Ф. Аскиркина.* Полевой дневник Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР. Порфмийский отряд. Полевой сезон 1978 г. Раскоп А // НАИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1978 г. Д. № 91.
- М. Ю. Вахтина.* Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2009. Вып. XXII.
- Ю. А. Виноградов.* Полевой дневник. Порфмий 1975 г. // НАИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1975 г. Д. № 89.
- А. В. Гаврилов.* Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
- В. Ф. Гайдукевич.* Илурат: Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. МИА. № 85.
- Е. Г. Кастанаян.* Дневник № 2 раскопок на городище Порфмия в 1953 г. // НАИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г. Д. № 118.
- Е. Г. Кастанаян.* Отчет о раскопках Порфмия в 1971 г. // НАИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. № 71.
- Е. Г. Кастанаян.* Отчёт о раскопках Порфмия в 1972 г. // НАИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. № 89.
- Е. Г. Кастанаян.* Полевая опись. Порфмий 1972 г. Список 18 // НАИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1972. Д. № 91.
- Е. Г. Кастанаян.* Дневник раскопок № 1 Порфмий 1973 г. // НАИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1973 г. Д. № 71.
- Е. Г. Кастанаян.* Отчёт о работах Порфмийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР за 1975 год // НАИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1975 г. Д. № 86.
- Е. Г. Кастанаян.* Отчёт о работах Порфмийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР за 1976 год // НАИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1976 г. Д. № 99.
- Е. Г. Кастанаян.* Отчёт о работах Порфмийской экспедиции ЛОИА АН СССР за 1979 год // НАИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1979 г. Д. № 68.
- Е. Г. Кастанаян.* Таблица СLI. Орнаментация лепных сосудов // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. – (Археология СССР).
- С. Г. Колтухов.* Лепная керамика скифского населения Степного и Предгорного Крыма // ХСб. 2004. Вып. XIII.
- Е. А. Кравченко.* Кизил-кобиньска культура у Західному Криму. Київ; Луцьк, 2011.

- С. Н. Сенаторов.* О Восточно-Крымской лепной керамике середины VI – первой трети III в. до н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
- С. Н. Сенаторов.* Лепная керамика кизил-кобинской культуры: Типология и хронология: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ИИМК РАН. СПб., 2002.
- С. Н. Сенаторов.* К вопросу о происхождении Восточно-Крымской керамики айвазовского типа // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- С. Н. Сенаторов.* Кизил-кобинская керамика с ранним гребенчатым орнаментом середины VI – первой половины IV в. до н.э. из Восточного Крыма // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Часть II.

М. А. Котин

Лепная керамика из позднеантичного «некрополя Джург-Оба» (к вопросу об этнической принадлежности)

В результате работ с 2003 по 2005 г. на позднеантичном «некрополе Джург-Оба» (Єрмолін. 2003; Єрмолін.2004; Єрмолін. 2005; Єрмолін. 2006), который является возвышенным северо-западным участком обширного некрополя боспорского города Китей, был обнаружен интереснейший материал, дающий новую информацию для изучения позднеантичного Боспора.

Особое место среди находок некрополя занимает лепная керамика. Для данной публикации были взяты только археологически целые формы сосудов, а также фрагменты сосудов с художественными элементами. Мелкие обломки венчиков и ножек не учитывались из-за невозможности определения их типа и, следовательно, нахождения аналогий.

Посуда. Кувшины. Тип № 1. Кувшин с овалоидным туловом и гиперболоидным горлом (Рис. 1. 1). Аналогии данному кувшину можно найти среди погребений IV в. до н.э. Акташского могильника, а также III–I вв. до н.э. и III–IV вв. н.э. Предкавказья (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк. 1988. С. 48, 69. Рис. 22, 9; Абрамова. 1993. С. 42. Рис. 9, 16; Абрамова. 1997. С. 10. Рис. 7, 9).

Тип № 2. Кувшин с эллипсоидным туловом и гиперболоидным горлом (Рис. 1. 2). Аналогии данному кувшину можно найти среди погребений II–III в. н.э. Неаполя Скифского и некрополя Совхоз 10 (Дашевская. 1991. С. 29. Табл. 49, 7; Пиоро. 1990. С. 150. Рис. 40, 2). Кроме того, обнаружены северокавказские аналогии III–I вв.

до н.э. и III–IV вв. н.э. (Абрамова. 1993. С. 42. Рис. 9, 25; Абрамова. 1997. С. 21–22. Рис. 67, 2).

Горшок. Тип № 1. Горшок с биконическим туловом и гиперболоидным горлом (Рис. 1. 3). Подобные горшки встречаются в слоях первых веков н.э. Калос-Лимена, городища Булганак (Дашевская. 1991. С. 18. Табл. 18, 2, 4; 19, 5; Уженцев. 1997. С. 196. Рис. 5, 1; Власов. 1997. С. 228–229. Табл. II, 8).

Кружки. Тип № 1. Кружка с овалоидным туловом и усеченно-коническим горлом (Рис. 1. 4). Аналогии встречаются в погребениях некрополя Скалистое III, относящихся ко II–III вв. н.э., и склепах IV–V вв. н.э. могильника Совхоз 10 (Богданова, Гущина, Лобова. 1976. С. 136. Рис. 5, 53; Высотская. 1998. С. 257, 266. Рис. 4, 2, 8). В слоях рубежа эр подобные кружки встречаются в Мирмекии (Кастанаян. 1981. С. 45–46. Табл. VII, 8).

Тип № 2. Кружки с эллипсоидным туловом и усеченно-коническим горлом (Рис. 1, 5, 6). Аналогии кружкам можно найти в погребениях I–III вв. н.э. могильников Неаполя Скифского и Скалистое III (Дашевская. 1991. С. 30. Табл. 50, 7; Высотская. 1979. С. 112. Рис. 45, 10). Кроме этого подобные сосуды встречаются в погребениях I–II вв. н.э. Ханкальского могильника, III–IV вв. н.э. Хумаринского могильника на Кавказе и некрополя Заморское на Керченском полуострове, а также в погребении V в. н.э. могильника Лучистое в Крыму (Абрамова. 1993. С. 141. Рис. 53, 15; Абрамова. 1997. С. 112. Рис. 68, 11; Корпусова. 1973. С. 37. Рис. 6, 8; Айбабин, Хайрединова. 1998. С. 277–279. Рис. 7, 1).

Художественные элементы. Среди рассматриваемой нами лепной керамики имеются фрагменты сосудов с художественными элементами. Можно выделить несколько категорий украшений сосудов. Первая, наиболее интересная на наш взгляд, – зооморфные ручки; вторая – это собственно орнаментированная керамика (фрагменты).

Сосуды с ручками, выполненными в виде животных, которые переданы подчас весьма схематично, достаточно часто встречаются в слоях памятников I–V вв. н.э. (чаще всего на кувшинах и кружках). Они характерны для сарматской культуры и представляют значительную группу керамического материала из сарматских памятников Предкавказья, Северного Прикаспия и Северного Причерноморья.

Среди материалов, обнаруженных на позднеантичном участке некрополя Китея, данная категория находок представлена пятью фрагментами. По характеру изображения животного или его трактовки их можно разделить на три группы:

1. Ручка в виде собаки (Рис. 2. 1). Происходит из заполнения склепа, выявленного и обследованного ещё в 1928 г. Ю. Ю. Марти (Гайдукевич. 1959. С. 228–230) и заново исследованного в 2004 г.

экспедицией КФ ИА НАНУ. По обнаруженным амфорным фрагментам и краснолаковой керамике, а также по нумизматическому материалу склеп датируется IV–V вв. н.э. (Котин. 2010. С. 156).

2. Ручки в виде птицы (Рис. 2. 2). Один фрагмент обнаружен в том же склепе, что и ручка, описанная выше (Котин. 2010. С. 156). Второй – навершие ручки коричневоглиняного сосуда – найден в склепе, раскопанном в 2003 г. и датированном IV–V вв. н.э. (Рис. 2. 3) (Котин. 2010. С. 156).

3. Ручки в виде животных, изображенных настолько схематично, что только при внимательном рассмотрении можно увидеть фигуру или же отдельные элементы животного (Рис. 2. 4, 5). Оба фрагмента были обнаружены в 2002 г. при повторном исследовании склепа, изученного в 1928 г. Ю. Ю. Марти, который датируется IV в. н.э. (Гайдукевич. 1959. С. 228–229. Рис. 97–99; Котин. 2010. С. 157). Подобные изображения достаточно часто встречаются на сарматских памятниках и датируются I–IV вв. н.э. (Котин. 2010. С. 157).

Орнаментированная керамика. Несмотря на свою примитивность, лепная керамика во многих случаях не лишена художественных элементов. Это говорит о том, что лепная посуда предназначалась не только для использования ее в качестве кухонной; она выполняла в быту, по-видимому, и более широкие функции как столовая посуда. Основными видами украшений лепной керамики из погребений рассматриваемого некрополя являются прочерченные полосы, налепы, насечки, а также рельефные выступы. Иногда имеет место сочетание некоторых из перечисленных видов орнамента. Практически все фрагменты обнаружены в склепах, датированных IV–VI вв. н.э.

Вдавленный орнамент. Для данного вида орнамента характерны вдавления (Рис. 3. 6; 2. 6) и насечки (Рис. 3. 4, 5), располагающиеся на внешней или внутренней стороне венчика и краев сосудов, а также на ручках.

Рельефный орнамент представлен на трех фрагментах, которые украшены маленькими округлыми налепами, расположенными в двух случаях – на верхнем прилепе ручки (Рис. 3. 1, 2), в третьем – на внутренней части венчика тарелки (Рис. 3. 3) (Котин. 2010. С. 156).

Данные типы орнамента были наиболее распространенными способами украшения посуды различных народов начиная с эпохи бронзы. Поэтому они не могут являть собой черты, характерные для одного определенного этноса (Власов. 1997. С. 283).

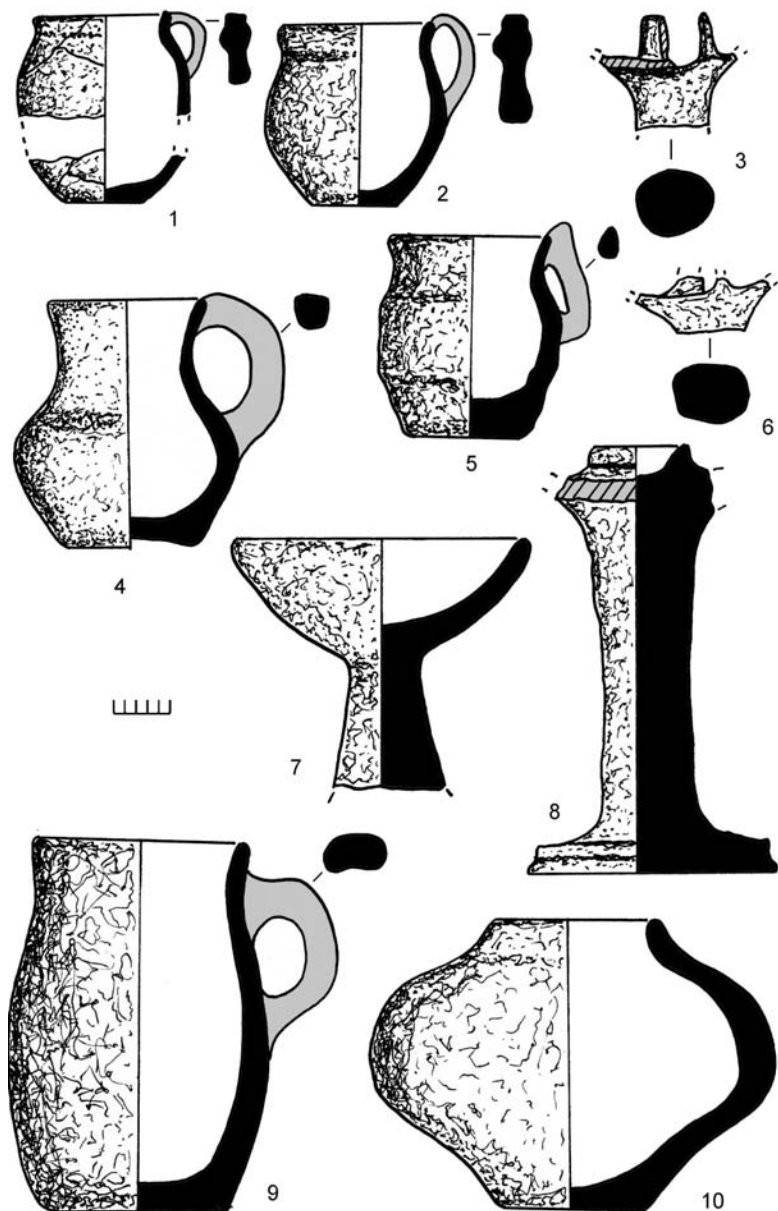

Рис. 1. «Некрополь Джург-Оба». Лепная керамика

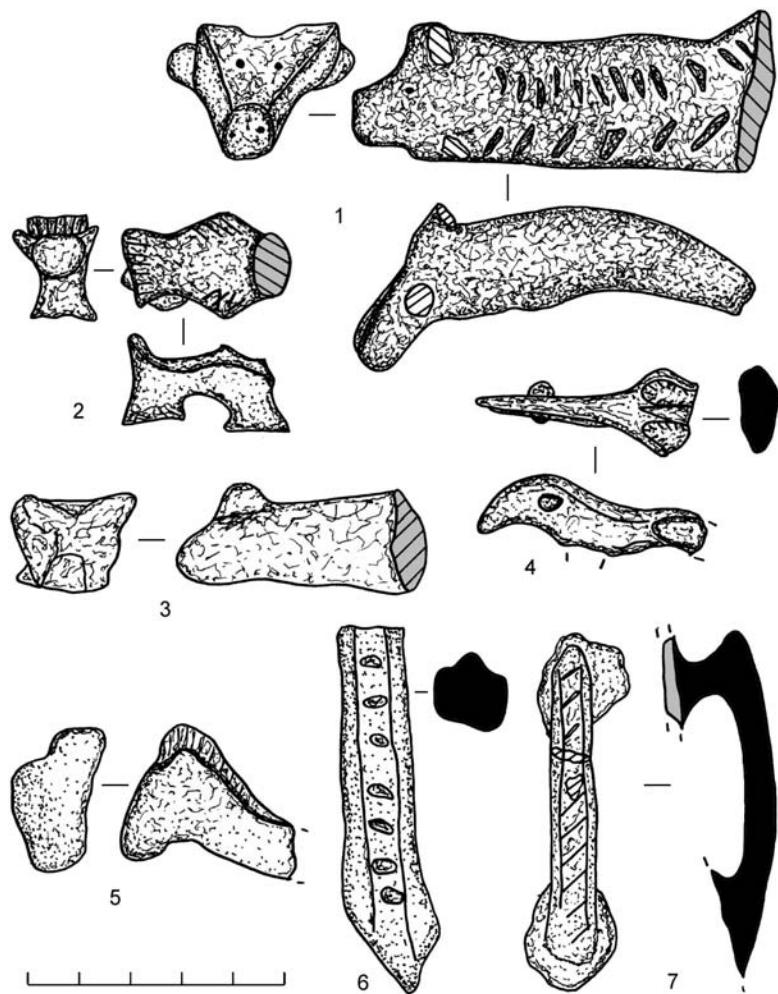

Рис. 2. «Некрополь Джург-Оба»: 1–5 – фрагменты зооморфных ручек; 6–7 – фрагменты орнаментированных ручек

Резной орнамент отмечен на пяти фрагментах. Из склепа № 7 происходят ручка с диагональными, параллельными друг другу полосами, находящимися на внешней стороне (Рис. 2. 7) и часть стенки с резным геометрическим сюжетом (Рис. 3. 9), который представляет собой как бы возрождение геометрического орнамента IV в. до н.э. Остальные обломки найдены в склепе № 1, датированном IV–VI вв.

н.э. (Котин. 2010. С. 156). На двух стенках нанесен один и тот же сюжет (Рис. 3. 8, 10), что позволяет предположить, что они – от одного сосуда.

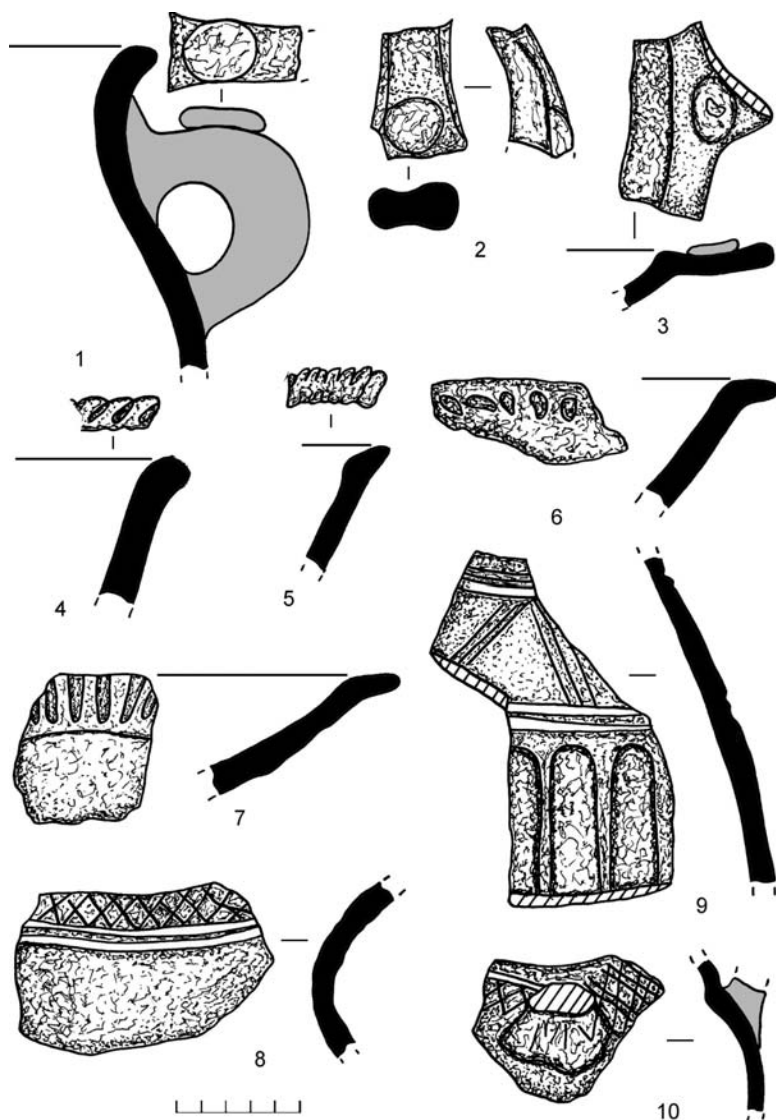

Рис. 3. «Некрополь Джург-Оба». Фрагменты орнаментированной лепной керамики

Все вышеперечисленные формы рассматриваемого типа орнамента обнаружены на сосудах, датированных в пределах IV в. н.э., и характеризуют, по всей видимости, основные тенденции развития резного орнамента в указанное время. Подобная орнаментация находит свои аналогии во многих культурах Северного Причерноморья второй половины III–IV вв. н.э. (черняховская культура, Нижний Дон, памятники типа Озерное-Инкерман, Боспор), и, возможно, являются собой германские и аланские элементы (Голенко, Юрочин, Синько, Джанов. 1999. С. 95. Рис. 4).

Подводя итоги, следует отметить, что лепная керамика составляет небольшой процент относительно всех остальных находок, хотя и отличается разнообразием форм и присутствием орнаментированных фрагментов. Многие сосуды найдены во фрагментах, это связано, прежде всего, с многократными грабежами погребений начиная с древности и заканчивая нашими днями.

О принадлежности погребенных к германо-аланскому кругу могут также свидетельствовать зооморфные ручки, которые являются сарматским элементом культуры (а «аланы», как известно, было одним из названий сарматских племен). Подобные ручки на сосудах, как уже говорилось, встречаются на памятниках Предкавказья, Северного Прикаспия и Северного Причерноморья с I в. до н.э. вплоть до V в. н.э. Интересно отметить тот факт, что зооморфные ручки продолжают бытовать в V в. н.э., и еще позднее в аланских памятниках предгорья и горных районов Кавказа, между верховьями Кубани и Терека (Виноградов. 1961. С. 45, 46), тогда как в аланских памятниках Крыма они в это время уже полностью отсутствуют.

Таким образом, на основании лепного материала из раскопок западного участка некрополя Китея можно предположить, что в IV–V вв. н.э. здесь хоронили представителей германо-аланской группы населения, либо представителей этноса, который настолько соприкасался с этой группой, что перенял некоторые элементы ее материальной культуры.

Литература

- М. П. Абрамова.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.
- А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова.* Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму. Симферополь, 1998. – (МАИЭТ. Вып. VI)
- С. С. Бессонова, Е. П. Буянтян, Н. А. Гаврилюк.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. К., 1988.
- Н. А. Богданова, И. И. Гущина, И. И. Лобода.* Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. 1976. № 4.

- В. Б. Виноградов.* К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сборник МГУ. М., 1961.
- В. П. Власов.* Лепная керамика позднескифского Булганакского городища. Симферополь, 1997. – (БИАС. Вып. 1).
- Т. Н. Высотская.* Неаполь – столица государства поздних скифов. К., 1979.
- Т. Н. Высотская.* Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии. Симферополь, 1998. – (МАИЭТ. Вып. VI)
- В. Ф. Гайдукевич.* Некрополи некоторых Боспорских городов (по материалам раскопок 1928–30-х гг.) М., Л., 1959. – (МИА. № 69).
- О. Д. Дашевская.* Поздние скифы в Крыму. М., 1991. – (САИ. Д–1–7).
- Е. Г. Кастанаян.* Лепная керамика Боспорских городов. Л., 1981.
- В. Н. Корпусова.* Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 1973. № 8.
- М. А. Котин.* Художественные элементы лепной керамики из погребений некрополя Джург-Оба (Восточный Крым) // ANTIQVITAS IVVENTAE. 2010. Вып. 5.
- И. С. Пиоро.* Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). К., 1990.
- В. Б. Уженцев.* Постройка типа мегарон из раскопок Калос Лимена. Симферополь, 1997. – (БИАС. Вып. 1)
- О. Л. Єрмолін.* Археологічні дослідження некрополя Джург-Оба (Керч) в 2002 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2003. Вип. VII.
- О. Л. Єрмолін.* Археологічні дослідження некрополя Джург-Оба (Керч) в 2003 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2004. Вип. VIII.
- О. Л. Єрмолін.* Археологічні дослідження некрополя Джург-Оба (Керч) в 2004 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2005. Вип. IX.
- О. Л. Єрмолін.* Археологічні дослідження некрополя Джург-Оба (Керч) в 2005 році // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2006. Вип. X.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Импортная парадная керамика VI–IV вв. до н.э. из могильников меотских городищ Краснодарской группы⁸³

Находки привозной парадной посуды в меотских погребениях, в отличие от античных некрополей Северного Причерноморья, нельзя отнести к массовому материалу. Подобные вещи являлись предметами роскоши для населения городищ, удаленных от границ Боспора. На памятниках, расположенных вблизи его восточной окраины, находки импортной керамики более многочисленны и разнообразны. Нами уже была систематизирована и атрибутирована коллекция чернолаковых сосудов из Прикубанского могильника (Лимбе-

⁸³ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00089.

рис, Марченко. 2009; 2010). В настоящей работе дается типологический и хронологический анализ импортных сосудов из могильников городищ Краснодарской группы.

Сосуды VI–V вв. до н.э. Чернолаковые сосуды аттического производства и их фрагменты (в основном это поддоны, использованные вторично в качестве чашечек) присутствуют в 16 комплексах из могильников городищ Старокорсунского № 2 (СК–2), Старокорсунского № 3 (СК–3), хут. Ленина № 2 и 3 (Л–2 и Л–3). Учтены и случайные находки (Лимберис, Марченко. 2012. С. 47–49. Рис. 25, 26, 27, 13, 14).

Скифосы аттического типа (skyphos: Attic type) представлены четырьмя целыми экземплярами и поддонами от трех сосудов. Наиболее ранним является скифос из погребения СК–2 119 з (Рис. 1. 1), которому по материалам Афинской агоры ближе всего сосуд 500–480 гг. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 338). Погребение датируется первой половиной V в. до н.э.

Скифос из комплекса СК–2 270 в имеет на нижней стороне дна два круга с точкой в центре. Здесь же процарапано граффити в виде буквы П с косой чертой справа (Рис. 1. 2). Сосуд относится концу первой – второй четверти V в. до н.э. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 341, 358, 359). Датировка погребения определяется в рамках второй четверти – середины V в. до н.э.

Два сосуда из Л–2–1982, п. 4 и СК–3, п. 450 (Рис. 1. 5) можно датировать серединой – третьей четвертью V в. до н.э. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 343, 344). Оба погребения относятся ко второй половине V в. до н.э.

В комплексах СК–2 199 в, СК–2 261 в и Л–3–1983, III/20 присутствовали обточенные поддоны с концентрическими кругами на нижней стороне от скифосов первой – третьей четвертей V в. до н.э. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 336–344. Pl. 16). Погребения из Старокорсунского могильника датируются второй половиной V в. до н.э., а с хут. Ленина – серединой – второй половиной V в. до н.э.

Чашевидные скифосы (cup-skiphos). В п. 34 1976 г. могильника Старокорсунского городища № 2 был найден сосуд, полностью покрытый лаком, на дне – два круга с точкой в центре (Рис. 1. 4). Аналогии с Афинской агоры относятся к первой четверти V в. до н.э. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 575, 578). Датировка комплекса ограничивается первой половиной V в. до н.э.

В четырёх погребениях первой половины – середины V в. до н.э. были найдены чернофигурные сосуды, представленные одним целым экземпляром, фрагментами стенок с росписью и поддоном.

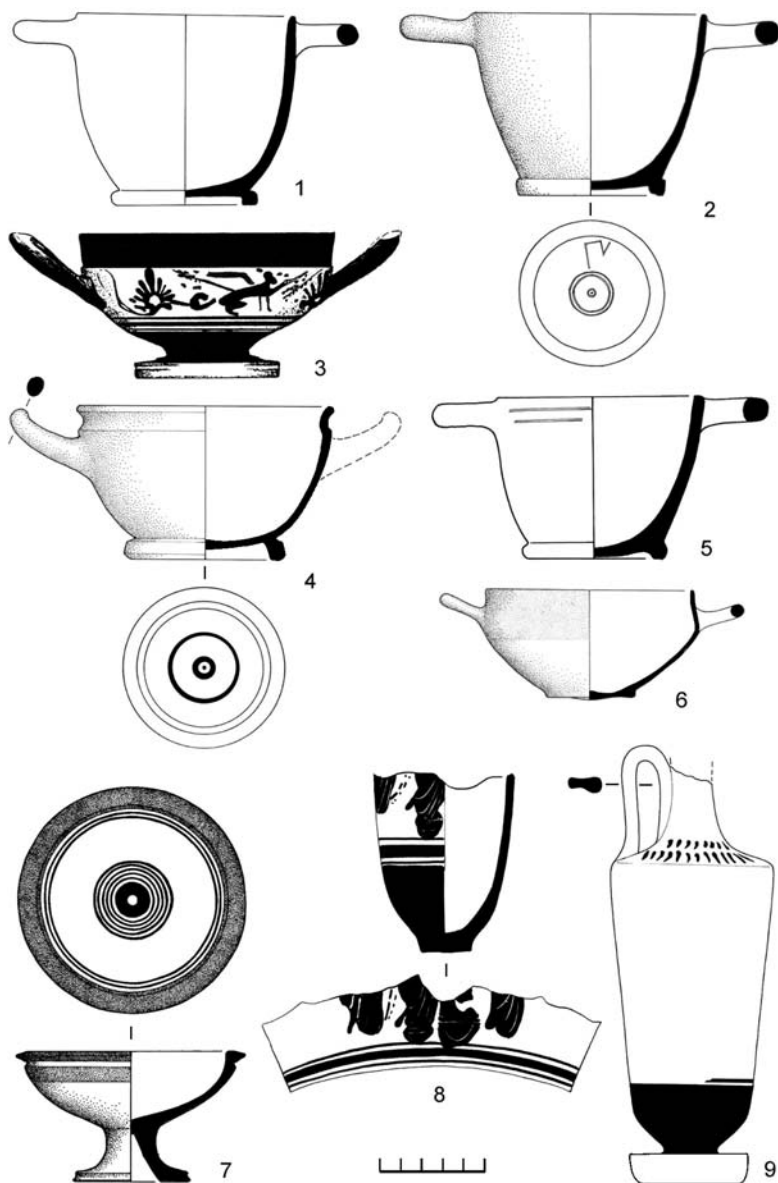

Рис. 1. Сосуды из раннемеотских погребений: 1 – СК-2 119 з; 2 – СК-2 270 в; 3 – Л-3-1982, I/5; 4 – СК-2 п. 34 1976 г.; 5 – СК-3 п. 450; 6 – СК-2 269 в; 7 – СК-2 260 в; 8 – СК-2 ПМ; 9 – Л-2 ПМ

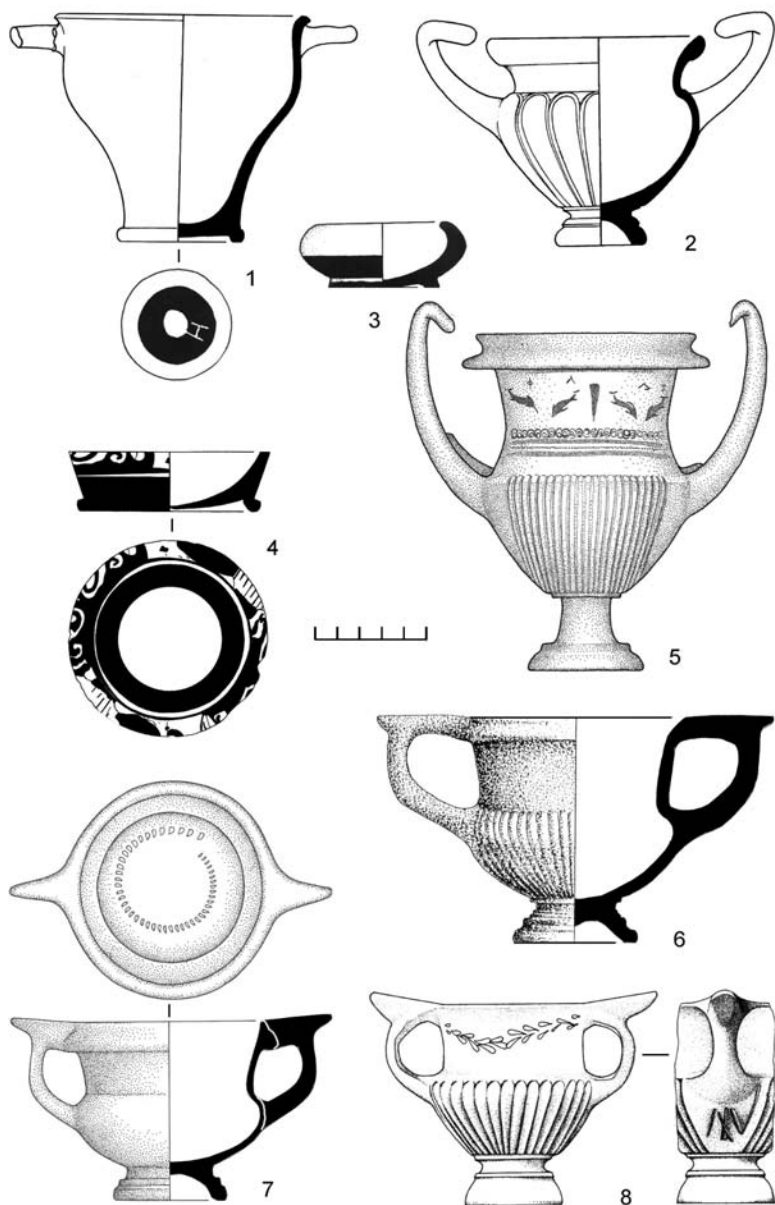

Рис. 2. Сосуды из погребений IV в. до н.э.: 1, 2 – СК-2 294 з; 3 – СК-2 114 в; 4 – СК-2 54 в; 5 – СК-2 1 в; 6 – Л-2-1980 п. 13; 7 – СК-2 645 з; 8 – СК-2 39 в

Целый сосуд из Л–3–1982, I/5 (Рис. 1. 3) по стилю росписи принадлежит группе мастера Хаймона (или примыкающей к ней подгруппе Ланкут) первой четверти V в. до н.э. (Горбунова. 1983. С. 11. Кат. № 147–150, 154; Лимберис. 1994. С. 38, 39). Аналогичные сосуды с росписью в манере этого мастера – не редкость в греко-варварских некрополях Северного Причерноморья. Чаши-скифосы из раскопок ольвийского некрополя датируются 480–470 гг. до н.э. (Скуднова. 1988. С. 66, 131. Кат. № 84, 3; 206, 1). На некрополе поселения Артющенко-2 такой сосуд найден в п. 6 второй четверти V в. до н.э. (Кашаев. 2009. С. 194–197. Рис. 6, 3). Находки сосудов этого типа в Елизаветовском некрополе датируются первой четвертью V в. до н.э. (Брашинский. 1980. С. 52. Табл. XIII. Кат. № 53–156). Целый сосуд («килик») из Уляпского могильника исследователи включили в группу импортов конца VI – V в. до н.э. (Лесков, Беглова, Ксенофонтва, Эрлих. 2005. С. 50, 76. Рис. 160, 8. Фото на вклейке). Приведенные аналогии позволяют и уляпский сосуд отнести к первой четверти V в. до н.э.

В двух ограбленных в древности погребениях (Л–3–1982, III/12 и СК–2 260 в) были найдены фрагменты стенок с остатками росписи. В комплексе Л–3–1983, I/2 поддон чашевидного скифоса использован вторично в качестве чашечки.

Неопределённые поддоны. Их двух погребений (СК–2 271 в и Л–3–1983, III/10) происходят поддоны чаш или киликов, по-видимому, последней четверти VI в. до н.э. (Sparkes, Talcott. 1970. № 401, 415). Оба погребения датируются первой половиной V в. до н.э. Аналогичный обточенный (судя по рисунку) поддон был найден в комплексе 15/8 первой хронологической группы Уляпского могильника (Лесков и др. 2005. С. 52, 76. Рис. 172, 14).

В погребении второй половины V в. до н.э. под валом городища № 2 хут. Ленина имеется поддон, сохранность которого не позволяет определить тип сосуда.

Чашечка (Рис. 1. 5) типа *stemless (small: class of Agora P 10359)* из комплекса СК–2 269 в относится к 480–470 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott. 1970. № 454–456). Практически полная утрата лакового покрытия свидетельствует об интенсивном и длительном использовании сосуда в быту, поэтому погребение датировано второй четвертью V в. до н.э.

Лекифы (lekythos) относятся к типу расписных цилиндрических. Оба сосуда являются случайными находками.

Лекиф, найденный на могильнике № 2 у хут. Ленина (Рис. 1. 9), имеет палочный и лучевой орнамент на плечиках, подставка непрофилированная. Верхняя часть горла с венчиком утрачена в древности. Рисунок стёрт.

Нижняя часть тулова такого же лекифа происходит с могильника Старокорсунского городища № 2 (Рис. 1. 8). Подставка и верхняя часть сосуда утрачены. Сохранились остатки росписи, изображающей края одежд и стопу в сандалии, развернутую вправо.

Утрата росписи не позволяет определить принадлежность сосудов к какой-либо мастерской. Однако форма указывает на первую половину V в. до н.э. (Sparkes, Talcott. 1970. № 1115–1119; Горбунова. 1983. С. 10, 11. Кат. № 123–142). К этому времени относятся и находки лекифов этого типа из архаических некрополей Северного Причерноморья (Скуднова. 1988. С. 53, 131. Кат. № 52, 6; 206, 2; Сударев. 1994. С. 112. Табл. 4, в; Кашаев. 2009. С. 194. Рис. 3, 2; 5, 3).

Кроме чернолаковых сосудов имеются три сосуда восточно-греческого или ионийского происхождения (точнее центры производства не локализованы).

Вазочки (stemmed dish) встречены совместно с чернолаковыми чашевидными скифосами в погребениях первой половины V в. до н.э.

Вазочка из комплекса СК–2 260 в (Рис. 1. 7) орнаментирована концентрическими полосами и тонкими линиями красно-коричневого лака. Подобным образом раскрашено «блюдечко» на низкой ножке второй половины (или конца) VI в. до н.э. из к. 447 у с. Журовка (Ильинская. 1975. С. 26, 58. Табл. XII, 19). В Аттике чернолаковые вазочки этой формы были широко распространены в последней четверти VI – первой четверти V в. до н.э. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 973–975, 978).

Такая же вазочка была найдена в п. 34 1976 г. СК–2. Лаковое покрытие полностью утрачено.

Ваза-фруктовница (fruit-stend) из случайных находок на берегу водохранилища в районе могильника городища № 2 хут. Ленина. Сосуд украшен полосами буро-красного лака по венчику, изнутри и на ножке. Подобные чаши часто встречаются в архаических некрополях VI в. до н.э. Довольно близкий по форме тулова и венчика сосуд происходит из раскопок Ольвии 1928 г. Он отличается формой полой конической ножки и полосами лака на внешней стороне⁸⁴. К первой половине VI в. до н.э. относится похожий сосуд с выделенным венчиком и полосами лака на внутренней стороне и на ножке из некрополя Ассоса (Stupperich, Dreßler. 2006. S. 32, 33, 42. Kat. 17. Abb. 8). По форме тулова с вертикальным краем и выступающим венчиком наиболее близка вазочка из некрополя Токры, также имеющая полую коническую ножку. Такие вазочки, предположи-

⁸⁴ Информация об этой вазе и рисунок предоставлены А. В. Буйских, за что мы ей искренне благодарны. Сосуд хранится в Николаевском краеведческом музее Республики Украина (А-2408).

тельно, относят к родосскому (?) производству и датируют периодом около второй четверти VI в. до н.э. (Boardman, Hayes. 1966. P. 66, 67. Kat. 870. Fig. 27. Pl. 50).

Сосуды IV в. до н.э. Чернолаковые сосуды (всего 8 целых и 2 поддона) относятся к аттическому импорту. Девять из них происходят из погребений могильника Старокорсунского городища № 2, один – хут. Ленина № 2.

Скифосы аттического типа (skyphos: Attic type) представлены одним целым экземпляром и придонными частями от двух сосудов.

Скифос из комплекса СК–2 294 з (Рис. 2. 1) с узкой придонной частью, отогнутым венчиком и тремя окружностями на нижней стороне дна относится к 350–330 гг. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 351, 352). Аналогия (Sparkes, Tallcott. 1970. № 350), приведенная в нашей первой работе, не совсем точна, хотя по дате (375–350 гг.) согласуется с типом второго чернолакового сосуда (*cup-kantharos: moulded rim*). Первоначальную датировку погребения второй четвертью IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2005. С. 220) нужно изменить на середину этого столетия, чему не противоречит хронология амфорной тары.

Вторично использованная придонная часть скифоса (СК–2 1987, I/A) с немного зауженными стенками. Снаружи на дне – два больших круга, в центре – маленький. Сопоставление с образцами Афинской агоры позволяет датировать сосуд 375–350 гг. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 350).

Придонная часть скифоса (Рис. 2. 4) с ровными стенками и росписью в беглом стиле (сохранились ступни, края одежды, окончания волют) была найдена в погребении СК–2 54 в II в. н.э., которое разрушило более раннее захоронение. Целый скифос этого типа, датирующийся 400–375 гг. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 349), происходит из погребения второй четверти IV в. до н.э. Прикубанского могильника (Лимберис, Марченко. 2010. С. 323. Рис. 1, 2).

Канфары классической серии (kantharos). Формованный венчик (moulded rim). Канфар из комплекса СК–2 645з изнутри орнаментирован незамкнутым кругом насечек (Рис. 2.7). Соответствующие по пропорциям сосуды второй – третьей четвертей IV в. до н.э. Афинской агоры также имеют орнаментацию (Sparkes, Tallcott. 1970. № 698, 699, 700). Совместно в погребении найдена амфора неустановленного дорийского центра середины – третьей четверти IV в. до н.э. (Монахов, Кузнецова. 2009. С. 159, 160).

Канфар (Л-2-80, п. 13) с каннелюрами на стенках тулова и шишечкой на нижней стороне поддона (Рис. 2. 6) также должен быть отнесен к экземплярам второй четверти – середины IV в. до н.э. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 698, 699), чему примерно соответствует и хронология амфор Эрифр типов П-А и IV из этого погребения (Монахов. 2012. С. 116, 122).

Аналогичные канфары встречены в некрополе Панское I в погребениях, датирующихся 375–340 и 375–325 гг. Время бытования канфаров этого типа в Северном Причерноморье определяется в рамках второй – третьей четвертей IV в. до н.э. (Рогов. 2011. С. 44, 45, 118. Табл. 70, 7, 8, 10, 11, 13).

Гладкий венчик (plain rim). Канфар (СК-2 39 в) с гладким венчиком и ребристым туловом, под ручками прочерчены перекрещивающиеся линии. На горле – роспись жидкой глиной красного цвета в стиле «западного склона»: гирлянда лавровых листочков (Рис. 2. 8). Ранее, опираясь на близкую по пропорциям аналогию из Афинской агоры (Sparkes, Tallcott. 1970. № 711), мы отнесли этот сосуд к третьей четверти IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2009. С. 264; Лимберис, Марченко. 2005. С. 223). Однако соотношение наибольшего диаметра и высоты сосуда имеет коэффициент 0,86, что по методике С. Ротрофф, успешно примененной Т. В. Егоровой, соответствует первой четверти III в. до н.э. (Егорова. 2009. С. 25). Датировка канфаров с ребристыми стенками с Афинской агоры, имеющих более высокий коэффициент (0,93), определяется в пределах третьей – четвертой четвертей IV в. до н.э. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 711; Rottroff. 1997. № 6). Сосуд из некрополя Панское I (коэффициент 0,88) с гирляндой плюща и прочерченным орнаментом под ручками датируется временем около 320–310 гг. (Hannestad, Stolba, Blinkenberg Hustrup. 2002. P. 128. Cat. B 7. Pl. 62). Аналогичный канфар из Прикубанского могильника (коэффициент 0,8) был найден в погребении конца IV – начала первой четверти III в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2010. С. 332. Рис. 3, 7). Такие признаки, как приземистое тулово и короткое широкое горло, учитывая «пограничный» коэффициент, всё-таки дают возможность соотнести сосуд из СК-2 39 в с ранними образцами этой серии. В большой степени это подтверждает наличие в погребении синопской амфоры, датировка которой ограничивается последней третью или даже точнее – 20-ми годами IV в. до н.э. (Монахов. 1999. С. 447; Монахов, Кузнецова. 2009. С. 159).

Кубковидные канфары с формованным венчиком (cupkantharos: moulded rim). Сосуд из комплекса СК-2 294 з (Рис. 2. 2) с округлым туловом с широкими округлыми ребрами, отчерченными острым инструментом. Под ручками прочерчено по три длинных остроугольника, расположенных вершинами вверх. В нашей работе по хронологии меотских комплексов с античными импортами сосудов

был определён неточно (Sparkes, Tallcott. 1970. № 670; Лимберис, Марченко. 2005. С. 220). На самом деле по Афинской агоре он соответствует типу *globular* с такой же датировкой 375–350 гг. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 668).

Канфар (СК–2 1 в) на высокой ножке (*tall stem*) с ребристыми в нижней части стенками. На горле – накладная роспись жидкой глиной бежевого цвета в стиле «западного склона»: дельфины над волнами. Выше росписи – надпись ΦΙΛΙΑΣ (Рис. 2. 5). Идентичный сосуд с такой же надписью происходит из Афинской агоры (The Dikeras Group). Эта группа датируется в пределах 270–260 гг. (Rotroff. 1991. P. 72–74. № 29. Fig. 6. Pl. 21; Rotroff. 1997. № 85). Дата комплекса – середина III в. до н.э. (Лимберис, Марченко. 2005. С. 224).

Кубковидный канфар (СК–2 297 з) с узкими рёбрами на стенках, под ручками прочерчено два остроугольника, расположенных вершинами вверх. При первой публикации мы отнесли этот канфар к тому же типу (Sparkes, Tallcott. 1970. № 670), что и сосуд из комплекса СК–2 294 з (Лимберис, Марченко. 2005. С. 220, 221). Однако отсутствие венчика все-таки не позволяет уверенно его атрибутировать. По форме приземистого тулова с выраженными плечиками ему ближе сосуды с гладким венчиком 375–350 гг. (Sparkes, Tallcott. 1970. № 673, 674). На датировку погребения второй четвертью IV в. до н.э. это не повлияло (Лимберис, Марченко. 2005. С. 220).

Солонка на поддоне (*saltcellar: footed*). Сосуды для сервировки стола представлены единственным экземпляром солонки с загнутым краем, на кольцевом поддоне (СК–2 114 в). На дне с нижней стороны процарапана буква Н (Рис. 2. 3). Из материалов Афинской агоры по форме вместилища наиболее близки экземпляры 375–350 гг., имеющие сильно загнутый округленный край, заостренный венчик и утолщенные на перегибе стенки, что характерно для третьей четверти IV в. до н.э. Отличием нашего сосуда является выпуклая внешняя поверхность донца (до уровня поддона, но без утолщения) и отсутствие желобков на стыке поддона со стенкой и на подошве поддона. Подошва поддона плоская, как у чашечек типа *broad base*. А это уже признаки сосудов последней четверти IV – первой четверти III в. до н.э. (Sparkes, Tallcott. 1970. P. 167. № 943–945; Rotroff. 1997. № 1053, 1057; Егорова. 2009. С. 39). По-видимому, нашу солонку можно отнести к «переходным» экземплярам конца IV – начала III в. до н.э.

Хронологический анализ сосудов позволяет отнести время появления импортов этой категории на правобережье Кубани к первой половине VI в. до н.э., что совпадает с началом заселения меотами новой территории (Лимберис, Марченко. 2012. С. 166). Поэтому можно предположить, что торговые отношения меотов с боспорскими греками с самого начала имели регулярный характер и товар поступал даже в отдаленные районы с небольшим временным интервалом.

Литература

- И. Б. Брашинский.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980.
- К. С. Горбунова.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.
- Т. В. Егорова.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009.
- В. А. Ильинская.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев, 1975.
- С. В. Кашаев.* Некрополь Артющенко-2 // Боспорские исследования. Симферополь – Керчь, 2009. Вып. 22.
- А. М. Лесков, Е. А. Беглова, И. В. Ксенофонтова, В. Р. Эрлих.* Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н.э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М., 2005.
- Н. Ю. Лимберис.* Раннемеотские погребения у хутора им. Ленина // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Погребения VI–V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ правобережья Кубани // МИАК. Краснодар, 2001. Вып. 1.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Хронология комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. Краснодар, 2005. Вып. 5.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // Древности Боспора. М., 2010. Т. 14.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар, 2012.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999.
- С. Ю. Монахов.* Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н.э.: дополнения к классификации // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь. 2012.
- С. Ю. Монахов, Е. В. Кузнецова.* Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие «боспорские» или «ран-

- нехерсонесские») // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009.
- Е. Я. Рогов.* Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. Симферополь, 2011.
- В. М. Скуднова.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Н. И. Сударев.* Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей) // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4.
- J. Boardman, J. Hayes.* Excavation at Tocra 1963–1965. The Archaic Deposits I. BSA, Oxford, 1966. Suppl. Vol. 4.
- L. Hannestad, V. F. Stolba, H. Blinkenberg Hastrup.* Black-Glazed, Red-Figure, and Grey Ware Pottery // Panskoye I. The Monumental Building U 6. Aarhus, 2002. Vol. 1.
- S. I. Rotroff.* Attic West Slope vase painting // *Hisperia*. 1991. № 60.
- S. I. Rotroff.* Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade table ware and related material // *The Athenian Agora*. Princeton. 1997. Vol. 29.
- R. Stupperich.* Ausgrabungen in Assos. Asia Minor Studien. Bonn, 2006. Bd. 57.
- B. C. Sparkes, L. Talkott.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // *The Athenian Agora. Results of Excavations*. Princeton, 1970. Vol. 12.

М. В. Русяева

Сюжеты и стиль эллино-скифской торевтики в контексте развития классического искусства Эллады

Эллино-скифская торевтика – одно из наиболее самобытных направлений в искусстве Боспора IV в. до н.э. Посуда и ритуальные предметы, головные уборы и личные украшения, одежда, вооружение и конская узда из скифских курганов декорированы антропоморфными, зооморфными и орнаментальными изображениями. Типично скифская форма большинства из этих вещей, использование золота и серебра – несомненные свидетельства их изготовления специально для скифов. По мнению ученых, эти произведения – результат тесных взаимоотношений как между Боспорским царством и разными государствами Греции, так и боспорской элиты со скифскими царями. Они поступали к скифским вождям не только в виде дани, откупа, специальных дипломатических и свадебных даров, платы за помощь в военно-политических конфликтах, но и в качестве торгового обмена.

Наиболее знаменитые произведения эллино-скифской торевтики (гребень, горит и чаша из Солохи, пектораль из Толстой Могилы, амфора из Чертомлыка, кубок и гривна из Куль-Обы, чаша из Гаймановой Могилы, кубок из Воронежского кургана, ритуальный предмет из Передериевой Могилы) украшены многофигурными сце-

нами, посвященными легендам и героическому эпосу скифов, их сакральным таинствам. Широко известны обивки горитов и ножен мечей т.н. «чертомлыкской» серии, горитов из Карагодеуашха и Вергины с изображениями эллинских мифологических персонажей, гомеровского эпоса и сцен из их военной «истории». К исследованию этих изделий неоднократно обращались ученые разных поколений и научных школ, известные скифологи и антиковеды. Множество концепций и гипотез посвящено семантике сюжетов, иконографии и иконологии образов эллино-скифской торевтики. Варианты интерпретации изображенных на них многофигурных сцен достаточно разнообразны. Остановимся на некоторых из них. В отношении рельефов на чаше из Солохи были высказаны следующие предположения: сцены конной охоты скифов (Ростовцев. 1914. С. 84); изображение боспорских царей-братьев Спартока II и Перисада I (Половцова. 1918. С. 30); новая сюжетная схема одного из подвигов скифского Геракла (Граков. 1950. С. 14); героический эпос с изображением единоборства с фантастическим хищником (Бессонова. 1983. С. 116, 117); борьба представителей «среднего» и «нижнего» миров, т.е. «мира живых» и «мира смерти» (Кузнецова. 1993. С. 79); ритуальная победа над хищниками, привлечение заступнической, плодородной силы Великой богини (Балонов. 1996. С. 137); легенда о неуловимой рогатой львице и её отражение в религиозных театрализованных праздниках (Русяева. 2005. С. 118–119).

Аналогичная по форме, но с другим сюжетом чаша из Гаймановой Могилы также имеет несколько совершенно разных трактовок: изображение социальной верхушки скифского общества (Бідзіля. 1971. С. 55); мифолого-эпическая традиция царских скифов (Мачинский. 1973. С. 25–26); изображение военной капитуляции на чаше, используемой для церемониального винопития (Даниленко. 1975. С. 88); сцены из «эллинской» легенды о происхождении скифов с изображением Геракла-Таргитая и трех его сыновей (Раевский. 1977. С. 36–39); неизвестный миф, легенда или эпическое сказание (Jacobson. 1995. P. 206); сцена побратимства (Fuhrmeister. 1997. S. 167 f.). По мнению М. Ю. Трейстера, ключевая сцена была определена Раевским верно как передача некоего предмета (Трейстер. 2012. С. 622).

Отсутствует какое-либо единство взглядов учёных и в отношении интерпретации двух главных действующих персонажей верхнего фриза пекторали из Толстой Могилы. В этой сцене видели, например: изготовление рубашки-панциря, заканчивающейся боевым чешуйчатым поясом (Манцевич. 1975. С. 14; Манцевич. 1980. С. 105); ремесленников-общинников, шьющих одежду из овечьей шкуры (Ильинская. 1976. С. 32); мастеров, шьющих одежду из овечьей шкуры к какому-то празднику (Мозолевський. 1979. С. 219, 225, 226;

Скржинская, 1998. С. 230; Вахтина, 2005. С. 379–380); изображение потомков знатных скифских родов энареев, утративших свою мужскую силу и посвятивших себя служению Аргимпасе – Афродите Урании (Мачинский. 1978. С. 144–146). По мнению Д. С. Раевского, пектораль – это космограмма, выражающая идею о мироздании как противопоставлении – и пространственно, и качественно, и функционально – двух миров (грядущего и потустороннего). В образах двух скифов учёный видел воплощение скифских мифологических персонажей Пала и Напа (или Колакская и Арпокская), поддерживая одновременно и точку зрения Б. Н. Мозолевого об отображении какого-то ритуального действия, совершающегося в обусловленное календарное время, или даже конкретного скифского мифа (Раевский. 1985. С. 196, 200; Раевский. 2006. С. 489–490, 494). Позднее были высказаны и другие гипотезы: изображение двух царей: боспорского Левкона I и скифского Атея или его сопровителя перед посвящением последнего в дионисийские таинства (Русяева. 1992. С. 34–46); политико-религиозное значение золотого руна в руках главных действующих персонажей как символа царской власти (Metzler. 1997. S. 177 ff.); обрядовое одеяние правителя, которое надевалось во время праздников, связанных с плодородием и возобновлением царской власти (Шауб. 1999. С. 6 сл.; Шауб. 2007. С. 128–129).

На произведениях эллино-скифской торевтики есть сюжеты, не вызывающие особых дискуссий. Так, две версии легенды Геродота о старых скифах, вернувшихся после воинственных походов из Передней Азии, и вступивших в противоборство с юношами, родившимися от браков их жен с ослепленными рабами (Hdt. IV, 3–4), представлены на рельефных фризах горита из Солохи и ритуального предмета из Передериевой Могилы (Граков. 1971. С. 81; Moruschenko. 1993. S. 121–124; Русяева. 1996. С. 45; 1997. С. 55–62; Русяева. 1999. С. 208–215). Однако сложно согласиться с Е. А. Савостиной, что на предмете из Передериевой Могилы коленопреклоненные безбородые фигуры, вооруженные мечами и одетые в скифские мужские костюмы, – это жены старых скифов, которых они решили наказать (Савостина. 2001. С. 289).

Существуют и другие работы торевтов, сюжеты которых рождают новые версии и гипотезы. Среди них – накладка на ножны меча из кургана Чертомлык, по мнению Е. В. Власовой, являющаяся дипломатическим подарком скифам от Александра Македонского. Фигуру № 6 в центре композиции исследовательница интерпретирует как образ Александра-Ахилла в битве македонцев с персами (Власова. 2007. С. 243–249; Власова. 2012. С. 73–74).

Обратившись к нескольким наиболее показательным произведениям торевтики с изображением скифов и эллинов, нельзя не признать, что эта тема все еще не исчерпана. Ученые по-разному пони-

мают мировоззрение и жизнь кочевых скифов IV в. до н.э. Это свидетельствует о неоднозначном и неординарном историко-культурном значении драгоценных вещей из скифских курганов. В свою очередь, это способствует постоянному возвращению к изучению не поддающихся точному определению сюжетов.

В последнее время появились публикации, в которых авторы пытаются выделить мастеров отдельных произведений эллино-скифской торевтики, порой произвольно объединяя их в группы на основании стилистических особенностей трактовки отдельных фигур, растительной орнаментики и декора. В. Рудольф выделяет т.н. «чертомлыцкого мастера» и его мастерскую, работавшую на протяжении с 359/340 по 300/290 гг. до н.э. Главной отличительной чертой изделий этой мастерской (две пекторали из Толстой Могилы и Большой Близницы, амфора из Чертомлыка, гривна из Куль-Обы, гребень из Солохи, пара браслетов из Большой Близницы, три точильных камня из курганов Талаевский, Куль-Оба и Малая Близница) он считает миниатюрную скульптуру, поразительно точные наблюдения природы, орнаментiku и использование стеклянных накладок. Различный стиль исполнения этих предметов В. Рудольф объясняет эклектизмом греческого искусства конца IV в. до н.э. и желанием заказчиков (Рудольф. 1993. С. 85–88).

Е. А. Савостина, критически подойдя в гипотезе В. Рудольфа, на основе анализа изображений выделила «Мастера Пекторали» (Толстая Могила) и «Мастера Солохского гребня» как профессионального скульптора, работавшего в ювелирной технике (гребень и чаша из Солохи, амфора из Чертомлыка) (Савостина. 1999. С. 201–202; Савостина. 2001. С. 285–286). В отношении круга изделий «Мастера Солохского гребня» Е. А. Савостина позднее пришла к выводу, что некоторые из них, возможно, были объединены без достаточных на то оснований, место их производства до сих пор точно не установлено (Савостина. 2012. С. 323–325).

По мнению ученых, произведения эллино-скифской торевтики могли быть выполнены: в боспорских мастерских (Грач. 1984. С. 107; Boardman. 1994. P. 204; Vokotopoulou. 1995. 259; Калашник. 1995. С. 261; Русяева. 1998; Русяева. 2005. С. 117; Treister. 1999; Трейстер. 2009. С. 439; Трейстер. 2010. С. 240); приезжими (странствующими) или специально приглашенными в Пантикапей золотых дел мастерами из Малой Азии, Италии, Македонии или Аттики (Pfrommer. 1982. P. 166; Савостина. 1999. С. 200; Treister. 1999. P. 79; Русяева. 2002. С. 136–137); быть импортом из Афин (Мозолевский. 1979. С. 179; Русяева. 1998) или из Македонии (Грач. 1984. С. 107; Treister. 2003. P. 67–72; Трейстер. 2010. С. 236). Определение автора каждого изделия и объединение их в отдельные стилистические

группы, кроме визуального осмотра, требует тщательного исследования с привлечением многочисленных аналогий.

Изображения кочевых скифов выполнены в стиле «этнографического реализма» и с достоверностью передают их внешний вид и знание реалий жизни. Мы имеем конкретное представление о воинском доспехе, костюме, его украшениях, этническом типе скифов – строении их тела, характерных особенностях лиц, причесок. Кроме антропоморфных фигуративных композиций, эти изделия украшены сложными растительно-геометрическими орнаментами и зооморфными образами со сценами охоты, терзания, мирного сосуществования животных и птиц. Традиции эллинского искусства высокой и поздней классики, положенные в основу построения многофигурных сцен и орнаментики, привели исследователей к выводу, что произведения эллино-скифской торевтики выполнены одаренными эллинскими скульпторами и торевтами (Калашник. 1995. С. 261; Русяева. 1998. С. 158–168; Савостина. 2001. С. 286; 2012. С. 324).

Определение эллино-скифского искусства как целостного художественного стиля впервые было предложено М. И. Ростовцевым. В свое время В. Д. Блаватский отметил, что вопрос о том, как следует трактовать термин «эллино-скифское искусство», очень сложен, ибо в него можно вкладывать совершенно разное содержание в его самом узком и самом широком понимании: в первом случае речь может идти об искусстве, возникшем вследствие эллино-скифского синкретизма, в котором нашли отражение элементы художественной культуры обоих народов (Блаватский. 1985. С. 132). Именно это, с моей точки зрения, в большей степени согласуется с термином «эллино-скифское искусство», к которому, прежде всего, принадлежат произведения торевтики с изображением скифов.

Е. А. Савостина общую стилистику пластического декора произведений торевтики с изображением скифов из Северного Причерноморья разделяет на два принципиально разных направления. К первому – «классическому» – она относит большинство произведений, наследующих стиль высокой и поздней классики. Ко второму – «неклассическому» – изображение битвы старых и молодых скифов на ритуальном предмете из Передериевой Могилы, выполненное, хотя и под влиянием греческой классики, но несущее в себе принципы иного пространственно-пластического видения (Савостина. 2001. С. 287–288). Сами же вещи исследовательница вполне резонно относит к «боспорскому стилю» (Савостина. 1999. С. 203; Савостина. 2001. С. 289–291; Савостина. 2012. С. 323–325).

Сравнительный анализ причерноморской торевтики и монументального искусства Эллады в сопоставлении с литературными свидетельствами античных авторов дает возможность составить целостное представление о культуре и взаимоотношениях эллинов и

скифов. Практически все многофигурные композиции выполнены в виде рельефных фризов. Среди них выделяются классический (строгий) тип рельефа (ритуальные кубки из Куль-Обы, Частых курганов и т.п.) и т.н. «живописный» рельеф (золотые и серебряные обивки горитов «чертомлыкской» и «карагодеуашхской» серий). Строгий тип рельефа преимущественно характерен для сцен из легенд и героического эпоса скифов, «живописный» – для эллинских мифологических сюжетов, созданных иногда под влиянием прославленных произведений живописи и скульптуры.

Достаточно точные сюжетные и стилистические аналогии некоторым изображениям на предметах торевтики можно найти в монументальной рельефной скульптуре классической Эллады. Композиционные аналогии сценам охоты на чаше из Солохи представлены как на рельефах (Памятник Нереид в Ксанфе в Ликии, саркофаг сатрапа из Сидона), так и в произведениях монументальной погребальной живописи IV в. до н.э. (гробница-мавзолей в Александрово). Стилистическими аналогиями фигурам охотников на чаше из Солохи являются всадники панафинейской процессии фриза Парфенона, гребня из Солохи и аппликационных пластин из Куль-Обы. На обивках горитов «чертомлыкской» серии постановка отдельных фигур, изображение мебели и драпировок находят параллели в рельефах восточного фриза Парфенона и Гестифиона, ликийского Героона в Трисе. Последний во многом стал основой для постановки фигур греческих и персидских воинов, их жестов и размещения в пространстве на обивках ножен мечей этой же серии. Их мастер был хорошо знаком с монументальными рельефами храма Аполлона в Бассах и фризами Мавзолея в Галикарнасе. В другой сцене битвы между старыми и молодыми скифами на обивке горита из Солохи есть определенные заимствования из рельефов фиалийского фриза, Памятника Нереид и храма Ники Аптерос в Афинах. Отметим, что в основе пространственного решения скульптурных фризов гребня из Солохи и пекторали из Толстой Могилы лежит треугольник фронтона эллинского храма с центробежным и центростремительным построением композиции.

В произведениях эллино-скифской торевтики прослеживается отношение художников к проблеме выражения лица, мимики и портрета. Здесь можно выделить несколько направлений: идеализирующее (под влиянием произведений древнегреческих историков и писателей); этнографический реализм в изображении скифов; конкретизация душевного состояния и передача индивидуального облика человека. Мастер пекторали из Толстой Могилы, вероятно, принадлежал к скульптурной школе Скопаса. Индивидуальная, эмоциональная, а, возможно, и портретная характеристика главных действующих персонажей на этой пекторали в корне отличается от обобщенно-типических, идеализированных образов скифов на большинстве изделий эллино-скифской торевтики. Проработанное в деталях лицо пожилого мужчины с широкой лентой на голове, его эллинизированная прическа, немного искривленный нос, мешки под глазами и морщинистый лоб по выразительности и проникновенности образа ничем не уступают знаменитому миниатюрному портрету Филиппа II из Вергины. Подобный, одновременно этнический и портретно-индивидуальный, подход к натуре известен в портрете Мавсола.

Таким образом, на Боспоре в IV в. до н.э. на основе общеэллинистских традиций классического искусства греческие мастера, наблюдая местное население, создали совершенно новые сюжеты и композиции, которые раскрывали различные стороны жизни скифских племен, предпочтения торевтов, заказчиков и то, как они отражали детали быта и культуры, которые не сохранили нам литературные источники того времени. Несомненно, понимание этих сюжетов и композиций было неодинаковым, поскольку скифы и греки находились на разных ступенях исторического и культурного развития. В этих изделиях выражен характерный для всего искусства эллинов эстетический принцип с его основными канонами – тектоникой, синтезом, ритмом и пропорциональностью.

Литература

- Ф. Р. Балонов.* Kissos; Hedera Helix; плющ: некоторые аспекты // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. СПб., 1996.
- С. С. Бессонова.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- В. І. Бідзія.* Дослідження Гайманової Могили // Археологія. 1971. № 1.
- В. Д. Блаватский.* Греко-скифское искусство // *В. Д. Блаватский.* Античная история и археология. М., 1985.
- М. Ю. Вахтина.* Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н.э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.

- Е. В. Власова.* Накладка на ножны меча из Чертомлыкского кургана // БФ. 2007. Ч. II.
- Е. В. Власова.* Накладка на ножны меча из Чертомлыкского кургана // 2012. – (ТГЭ. Т. LXIII).
- Б. Н. Граков.* Скифский Геракл // КСИИМК 1950. № 34.
- Б. Н. Граков.* Скифы. М., 1971.
- Н. Л. Грач.* Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // 1984. – (ТГЭ. Т. XXIV).
- В. Н. Даниленко.* Исторические сюжеты некоторых шедевров эллиноскифской торевтики // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тез. докл. юбил. конф. К., 1975.
- В. А. Іллінська.* Зображення ремісників на античних виробах з Північного Причорномор'я // Археологія. 1976. № 20.
- Ю. П. Калашиник.* Золото Боспора. Дополнительные материалы из собрания Государственного Эрмитажа // *Д. Уильямс, Дж. Огден.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э. СПб., Славия, 1995.
- Т. М. Кузнецова.* «Ποτήριον» Скифского логоса Геродота // ПАВ. 1993. № 4.
- А. П. Манцевич.* Изображение «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи // *Archeologia.* 1975. XXVI.
- А. П. Манцевич.* Золотой нагрудник из Толстой Могилы // *Thracia Serdicae.* 1980. Vol. V.
- Д. А. Мачинский.* О смысле изображений на некоторых произведениях грекоскифской торевтики и о значении их для понимания истории скифов IV–III вв. до н. э. // Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973.
- Д. А. Мачинский.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // *Культура Востока. Древность и раннее средневековье.* Л. 1978.
- Б. М. Мозолевський.* Товста Могила. Киев, 1979.
- С. Половцова.* Объяснение изображений на драгоценных вещах из Солохи проф. Сворносом // ИАК. 1918. Вып. 65.
- Д. С. Раевский.* Очерки идеологии скифо-сакских племен (Опыт реконструкции скифской мифологии). М., 1977.
- Д. С. Раевский.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Д. С. Раевский.* Мир скифской культуры. М., 2006.
- М. И. Ростовцев.* Воронежский серебряный сосуд. СПб., 1914. – (МАР № 34).
- В. Рудольф.* Большая пектораль из Толстой Могилы: работа «Чертомлыкского мастера» и его школы // *Археологические вести.* СПб., 1993. № 2.
- М. В. Русяева.* Основной сюжет на пекторали з Товстої Могили // *Археологія.* 1992. № 3.
- М. В. Русяева.* Зіставлення свідчень античних авторів з зображеннями кочових скіфів на пам'ятках торевтики // *Археологія.* 1996. № 1.

- М. В. Русяева.* Відтворення історичного переказу про битву старих і молодих скіфів // Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького. Київ, 1997. Вип. 1.
- М. В. Русяева.* Елліно-скіфське мистецтво IV ст. до н. е. (археологічні пам'ятки торевтики з зображенням скіфів). Автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства. Київ, 1998.
- М. В. Русяева.* Эллино-скифская торевтика в контексте развития монументального искусства Эллады конца V–IV в. до н.э. // Музейні читання. Київ, 1998.
- М. В. Русяева.* Золотой предмет ритуально-культурного назначения из кургана Передериева Могила // БФ. 1999.
- М. В. Русяева.* Основной сюжет на золотых обивках горитов «чертомлыкской серии» // БИ. 2002. Вып. II.
- М. В. Русяева.* Серебряная чаша из кургана Солоха // БИ. 2005. Вып. IX.
- Е. А. Савостина.* Греческая торевтика на скифские темы: заметки о стиле скульптурного декора // БФ. 1999.
- Е. А. Савостина.* Боспорский стиль и сюжеты Геродота в пластике Северного Причерноморья // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). Монография о памятнике. М., 2001. Т. 2.
- Е. А. Савостина.* Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь; Керчь, 2012.
- М. В. Скржинская.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- М. Ю. Трейстер.* Серебряные сосуды из тайника Чмыревой Могила // ДБ. 2009. Вып. 13.
- М. Ю. Трейстер.* Импортная металлическая посуда в Скифии. Атрибуции и интерпретации исторического контекста // ПИФК. 2010. № 1.
- М. Ю. Трейстер.* Серебряные сосуды из тайника Гаймановой Могила // *В. И. Бидзиля, С. В. Полин.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012.
- И. Ю. Шауб.* Италия – Скифия (Иконография и семантика одного сюжета) // Итальянский сборник. СПб., 1999. № 3.
- И. Ю. Шауб.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007.
- J. Boardman.* The Diffusion of Classical Art in Antiquity. London, 1994.
- K. Fuhrmeister.* Zweiergruppen und Brüdermotiv? // *K. Stähler* (ed.). Zur graeco-skythischen Kunst. Archäologisches Kolloquium Münster, Eikon 4. 24.–26. November 1995. Münster, 1997.
- E. Jacobson.* The Art of the Scythians. The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World. Leiden; New York; Köln, 1995.
- D. Metzler.* Die politisch-religiöse Bedeutung des Vlieses auf dem skythischen Pektoreale aus der Tolstaja Mogila // *K. Stähler* (ed.). Zur graeco-skythischen Kunst. Archäologisches Kolloquium Münster, Eikon 4. 24.–26. November 1995. Münster, 1997.
- A. A. Moruschenko.* Der skythische Perederi-Kurgan // Aus den Schatzkammern Eurasiens: Meisterwerke antiken Kunst. Zürich, 1993.
- M. Pfrommer.* Grossgriechischer und mittellitalischer Einfluss in der Rankenornamentik frühhellenistischer Zeit // JDI. 1982. Bd. 97.

- M. Treister.* The Workshop of the Gorytos and Scabbard Overlays // Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine / *E. D. Reeder* (ed.). New York, 1999.
- M. Treister.* Metal Vessels from Zelenskaja Gora Barrow and Related Finds from Karagodeuashkh // Ancient West & East. 2003. Vol. 2. № 1.
- J. Vokotopoulou.* Führer durch das Archäologische Museum Thessaloniki. Athen, 1996.

А. В. Вертиенко

«Кто впереди колесницу правит...» – к значению сюжета на рельефе из Трёхбратнего кургана

Одним из наиболее интересных и сложных аспектов «боспорского феномена» является межкультурный синтез в погребальном искусстве Скифии и Боспора, в частности такой его составляющей как монументальная скульптура. Боспорские греки-колониисты, оторвавшись от «ядра» метрополии, пошли собственным путём в развитии монументальной скульптуры, как в техническом, так и в содержательном плане. Одновременно и скифы Северного Причерноморья получили новые решения для развития собственного искусства. Это взаимодействие происходило на уровне формы (греческая работа, художественное решение и иконография) и содержания (синтез греческой и скифской мифологии). При этом вопрос о степени межкультурного взаимовлияния во многом остается дискуссионным.

Классическим образцом «неклассической» культуры Боспора является рельеф из «Старшего» Трёхбратнего кургана (Савостина. 1989. С. 93), которому посвящена значительная историография (Кирилин. 1968. С. 178–188; Бессонова. Кирилин. 1977. С. 128–139; Бессонова. 1982. С. 111–113; 1983. С. 113–115; Яковенко. 1985. С. 338–339; Савостина. 1989. С. 92–93; 1995. С. 110–119; 2012. С. 128–140; Зинько. 1999. С. 188–194; Русяева. 2000. С. 130–134; Кройц. 2008. С. 131–140). В данном сообщении мы дополним ее некоторыми новыми наблюдениями.

В основе нашего «чтения» рельефа положено указание Е. А. Савостиной на значимость «двуслойности» стелы (Савостина. 1995. С. 110–119; 2012. С. 132–133) (Рис. 1) (Савостина. 2012. С. 130. Рис. 96). По нашему мнению, наличие в ней двух пространственных пластов (или планов) может отображать разновременные фазы композиции. Таким образом, рельеф может совмещать в себе два этапа разворачивания запечатленного в нем религиозно-мифологического изобразительного повествования. Для корректного понимания по-

следовательности пластов следует учесть такую особенность архаического восприятия течения времени, характерную для древних греков, как размещение прошлого перед человеком (а не позади него, как в нынешней временной картине мира) (Степанов. 1985. С. 20–22). Более раннее событие, таким образом, должно быть размещено дальше от наблюдателя, нежели последующее. Т.е. в «прочтении» сюжетов рельефа первым следует изображение встречи героя-всадника и богини (или героизированной умершей).

Колонны и фронтоны наиска, обрамляющие фигуру божества на заднем плане, по нашему мнению, не следует рассматривать как часть балдахина четырехколесной повозки или «храма-повозки» (Бессонова, Кирилин. 1977. С. 131–132; Бессонова. 1982. С. 111–113), но как архитектурный элемент (Савостина. 2012. С. 132–133). В пользу этого могут указывать имеющиеся несомненные сходства с архитектурой боспорских склепов. Орнамент карниза с дентикулами встречается на многих наисках, использовавшихся в качестве надгробного памятника⁸⁵. В росписи более поздних склепов ордерный фриз с дентикулами заменяется их рисунком («склеп Деметры»). Изображения фронтона венчают многие надгробия. Еще более близкой аналогией является рисунок богини на троне, обрамленном колоннами и фронтоном в «склепе Сорака». Таким образом, богиня на стеле встречает всадника на пороге погребального сооружения – в наиске.

Точкой «перехода» (разделения миров) выступает столб, на котором (или над которым?) подвешен горит. В качестве аналогий можно привести надгробия КБН № 88, № 400, Эрмитаж № 29 и роспись саркофага 1900 г., где горит подвешен над алтарем или возле него (саркофаг 1900 г.). Возможно, именно исходя из этих аналогий можно предложить трактовку «неясного» (Савостина. 2012. С. 131) значения тонкой рельефной линии, отходящей от горита вверх под углом, как изображения ремня, на котором он подвешен. Есть пример, где горит изображён подвешенным на дереве (роспись «склепа Анфестерия»), что находит параллели на скифской торевтике (пектораль из Толстой Могилы, парные бляхи-застежки из Сибирской коллекции Петра I). Обычай подвешивания горита/колчана в могиле демонстрируют погребения кочевников как в Северном Причерноморье (Бердянский и Большой Рыжановский курганы, Чертомлык (?), Толстая Могила (?)), так и на Алтае (Чугунов. 1996. С. 87–89).

⁸⁵ Лапидарная коллекция КИКЗ. Инв. № 1314; № 2256; № 461; № 958; № 1612.

Рис. 1. Рельеф из «Старшего» Трёхбратнего кургана

При рассмотрении сцен с подвешенным горитом исследователи обратили внимание, что он подвешен на *живом* дереве, что связано с идеей возрождения (Яценко. 1989. С. 123) и маркировкой сакрального пространства (Балонов. 1984. С. 21). Д. А. Мачинский трактовал его как мировое дерево и видит в этой сцене отображение идеи травестизма героя (эйнерея) и его приобщения к женскому началу (божеству) (Мачинский. 1978, С. 143–145). Данная гипотеза

опирается на сообщение Геродота об обычае массагетов подвешивать колчан (фарётра) у входа в кибитку (ср.: Нр., Аег., 25) перед «сообщением» (μύϋουσι) с женщиной (Herod., Hist., I, 216). Упомянутый обычай может объясняться «хтоничностью» женщины в архаическом сознании, где «общение» с ней могло представляться эквивалентом «смерти» и требовало соответствующих магико-обрядовых действий, направленных на её преодоление.

Отметим, что в хеттском царском погребальном ритуале «образ/изображение» умершего на двухколесной боевой колеснице перевозили к «палатке», где его усаживали на золотой престол и приносили жертвоприношение. Само же тело перевозили к месту кремации на тяжелой четырехколесной повозке (Гамкрелидзе, Иванов. 1984. С. 726). Забальзамированное тело умершего скифского царя перед погребением 40 дней возили на (четырёхколесной) повозке («женском» транспорте, эквивалентном понятию смерти) по всем областям Скифии (Herod., Hist., IV, 71). По всей вероятности, примеры обнаруженных повозок в скифских захоронениях связаны с транспортом погребального кортежа (Бессонова. 1982).

На композиции мерджанского ритона подобную столбу с горитом роль «точки перехода» играет шест с черепом коня между изображением героя и богини. Изображение черепа здесь символизирует, скорее, не жертву (коня) богине, как трактуются, в частности, и кони на рельефе из Трёхбратнего кургана, а мотив потери умершим героем коня при переходе/переправе в иной мир (обряде перехода)⁸⁶. Не случайным может оказаться, что голова коня находится на одной оси со столбом.

Вопрос о персонификации богини на рельефе (равно как и то, что именно она передает своей правой рукой в правую руку всаднику⁸⁷) остаётся открытым. Многие исследователи склонны к отождествлению её с Деметрой, что однако не может быть однозначно доказано. С другой стороны, элементы композиции стелы находят параллели в росписи «склепа Деметры» и могут быть увязаны с популярными в погребальном искусстве Боспора мифологемами Деметры

⁸⁶ В нартовском эпосе в рассказе «О путешествии Сослана в загробный мир» конь героя гибнет, дав ему возможность вернуться в мир живых. Этот же лейтмотив повторяется в осетинском «Посвящении коня усопшему».

⁸⁷ Построение этой детали сцены соответствует той же схеме, что и в искусстве сасанидского Ирана, и, шире, индоевропейскому представлению о положительном смысле правой стороны (Гамкрелидзе, Иванов. 1984. П. С. 784–786; Ермоленко. 2010. С. 115). В сценах инвеституры царь получает символ царской власти правой рукой из правой же руки Ахурамазды. В т.н. «свадебных» сценах «невеста» (показана слева) получает брачный венец из правой руки «жениха» (показан справа) Ермоленко. 2010. С. 114). Согласно *Бундахшину* IV, 1 (Чунакова 1997, С. 271), первый смертный Гайомарт оказывается после смерти слева от Ормазда (букв. «по левый глаз») (Чунакова. 1997. С. 327, Ком. 52)).

и Кору-Персефоны (Зинько. 1999). Из числа возможных иранских параллелей наибольший интерес вызывает образ богини вод и плодородия Ардвисуры-Анахиты⁸⁸ (Анаит), чей культ получил распространение и на Боспоре (Сапрыкин. 2009. С. 245–265). Эту богиню здесь отождествляли с Афродитой Уранией⁸⁹ (Сапрыкин. 2009. С. 245, 252), но прослеживается и ее связь с культом Деметры и Кору. В контексте взаимосвязи «богини» и «возничего» показателен фрагмент из Яшта 5, в котором Ардвисура Анахита призывает мужчину (героя): «Кто впереди колесницею правит, поводья держит колесницы, движущийся в своей колеснице, (такого) мужчину призывая, так думая в мыслях, “кто меня восславит?”...» (Яшт 5, 11; Geldner. 1889. P. 84)⁹⁰.

Сцену следующего пространственно-временного пласта, переднего плана рельефа, по нашему мнению, следует рассматривать как продолжение и развитие предыдущего сюжета (диагональ «всадник–возничий» (Савостина. 2012. С. 139)). Целесообразно применить тот же метод, что был предложен нами для истолкования центральной сцены с тремя персонажами сахновской пластины⁹¹ (см.: Вертиненко. 2009). Таким же образом, на рельефе из Трёхбратнего кургана фигуру юного колесничего по правую руку от богини можно интерпретировать, не как «наиболее условную фигуру всей композиции», имеющую «второстепенное и подчиненное положение» (Бессонова. Кирилин. 1977. С. 132), но как изображение вознесения души переродившегося героя⁹² на двухколёсной квадриге в иной мир⁹³. По-

⁸⁸ В Иране Ардвисура-Анахита была по своей сути синтетическим божеством, и получила культовое почитание при Артаксерксе II. Первоначально ее атрибутами были цветок лотоса и кувшин, но с ростом популярности количество атрибутов возросло: добавились гранат, жемчуг и шкатулка. В этой связи любопытно отметить наличие двух треугольных пластин с изображением лотоса у шейных позвонков и предплечья погребенной в «Старшем» Трёхбратном кургане женщины, и на покрывале нашивной бляшки с изображением крылатой богини с кувшином и фиимиатером (Кирилин. 1968. С. 181, 182. Рис. 3, 5, 183–184).

⁸⁹ Ее неизменным атрибутом был голубь у груди. Изображение птицы (голубя?), выполненный краской, просматривается и на фронте рассматриваемой стелы.

⁹⁰ Связь Ардвисуры-Анахиты с эсхатологическими представлениями в 5 *Яште* не прослеживается, однако упоминается, что всадник на коне может объехать протоки Ардвиза за 40 дней (Яшт 5, 4; ср.: Яшт 13, 7; Бундахишн, XIII, 1), что переключается с мотивом 40-дневного пути от моря до земли Герр (места царского некрополя) по Геродоту (Herod., Hist., IV, 53). Ср. значение «сорокодневия-чилья» у иранских народов.

⁹¹ Примечательно, что тип горита героя на сахновской пластине наиболее близок к изображенному на рельефе из Трёхбратнего кургана (Бессонова, Кирилин. 1977. С. 137. Прим. 18).

⁹² В иранских представлениях – в пятнадцатилетнего юношу.

⁹³ Ср.: Савостина. 2012. С. 138–139. Ритуальным отображением этой мифологемы можно считать обычай колесничих либо верховых скачек, устраивавшихся у многих индоевропейских народов, в том числе греков и, вероятно, скифов, в честь умершего (Балонов. 2000).

добный мотив характерен не только для греческих представлений, но и для иранских. В пехлевийском сочинении *Арда-Вираз намаг* сообщается: «И я увидел души хороших господ и правителей, от которых, когда они въезжают в (этот) свет на золотых колесницах, исходят величие, добро, сила и победа» (12, 14) [...] «И я увидел души воинов ... с оружием героев ... на удивительной колеснице в великой славе, силе (и) победе» (14, 7) (Чунакова. 2001. С. 104, 105). Отмеченное же выше наличие аналогичного мотива у хеттов (двухколесная колесница – транспорт души / четырехколесная – тела до погребения) может доказывать его архаичность, восходящую к индоевропейской древности.

Литература

- Ф. Р. Балонов.* Пектораль из Толстой Могилы как модель мифопоэтического пространства-времени // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (Материалы заседаний «круглого стола» 22–24 декабря 1994 г.). СПб., 1994.
- Ф. Р. Балонов.* Колесничные ристания как форма погребального жертвоприношения // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М., 2000.
- С. С. Бессонова.* О скифских повозках // Древности Степной Скифии. К., 1982.
- С. С. Бессонова.* Религиозные представления скифов. К., 1983.
- С. С. Бессонова, Д. С. Кирилин.* Надгробный рельеф из Трёхбратнего кургана // Скифы и сарматы. К., 1977.
- А. В. Вертиенко.* К интерпретации семантики золотой пластины из Сахновки // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 2009.
- Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 2.
- Л. Н. Ермоленко.* О 'левом' и 'правом' в композиции сасанидской торевтики // Торевтика в древних и средневековых культурах. Барнаул, 2010.
- Е. А. Зинько.* Сакральная скульптура сельской округи Нимфея // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
- Д. С. Кирилин.* Трёхбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.

- П.-А. Кройц.* Рельеф из Старшего Трёхбратнего Кургана // Трёхбратние курганы. Курганная группа второй половины IV – III в. до н.э. в Восточном Крыму. Симферополь, Бонн, 2008.
- Д. А. Мачинский.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
- А. С. Русяева.* К интерпретации известнякового рельефа из Трёхбратнего кургана на Боспоре // Боспорские чтения. Керчь, 2000. Вып. 1.
- Е. А. Савостина.* Сюжет и композиция стелы из Трёхбратнего кургана // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
- Е. А. Савостина.* Тема надгробной стелы из Трёхбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах. Армавир, М., 1995. Вып. 1.
- Е. А. Савостина.* Эллада и Боспор. Греческая скульптура на северном Понте. Симферополь, Керчь, 2012.
- С. Ю. Сапрыкин.* Религия и культы Понта Эллинистического и Римского времени. М., Тула, 2009.
- Ю. С. Степанов.* Счёт, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1989. № 5.
- К. В. Чугунов.* Археологические параллели одному изобразительному мотиву в искусстве ранних кочевников Евразии // Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Тезисы конференции. Улан-Удэ, 1996.
- О. М. Чунакова.* Зороастрийские тексты. Суждение Духа разума (Дадастан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. М., 1997.
- Э. В. Яковенко.* Скифы на Боспоре (греко-скифские отношения в VII–III вв. до н.э. Дисс... д.и.н. Чернигов, 1985.
- С. А. Яценко.* Сарматские и скифские элементы в антропоморфных изображениях Прикубанья конца IV – первой половины III в. до н.э. // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989.
- K. F. Geldner.* Avesta. The Sacred books of the Parsis. Vol. II: Vispered and Khorda Avesta. Stuttgart, 1889.

Л. И. Бабенко

О семантике композиции пекторали из Толстой Могилы

Одним из наиболее ярких проявлений контакта двух цивилизаций – скифской и древнегреческой – явилось создание торевтами целого ряда шедевров, украшенных разнообразными сюжетами из скифской жизни. Среди дошедших до наших дней творений заслуженно первенствует пектораль из Толстой Могилы, созданная гени-

альным мастером-ювелиром, вероятнее всего, боспорского происхождения, либо же творившим в одной из боспорских мастерских.

Несмотря на образные дефиниции сущности пекторали как «синтеза скифо-античной мысли» (Мозолевский. 1978) или «образца реконструкции скифской традиции в греческой передаче» (Петрухин. 2001. С. 149), до сих пор среди исследователей нет единодушия в том, насколько глубоко мастер был знаком с нюансами скифской мифологии. Наличествуют мнения диаметрально противоположные – от полного понимания ювелиром мифологической семантики создаваемого им инокультурного сюжета (Лелеков, Раевский. 1988. С. 223) до поверхностного знакомства лишь с его внешней канвой (Скржинская. 2001. С. 251). Несопоставимо большие трудности при постижении заключенного в композиции пекторали смысла испытывают современные исследователи. И хотя первые работы, специально посвященные трактовке семантики пекторали, появились сразу же после её открытия (Мозолевский. 1978; Мачинский. 1978; Раевский. 1978), до настоящего времени не прекращаются попытки нового осмысления её сюжетов, а данная проблема всё так же далека от своего окончательного разрешения. Настоящая работа ставит целью обратить внимание на некоторые не замеченные ранее нюансы композиции пекторали, которые могли бы способствовать более полному пониманию заложенного в ней смысла.

Наибольшим разнообразием мнений отличаются толкования смысла центральной сцены верхнего фриза пекторали – предложено не меньше двух десятков различных трактовок и содержания самой сцены, и участвующих в ней персонажей. Среди прочих звучали суждения исследователей, которые полагали наличие в этой сцене идеи рождения. Так, Б. Н. Мозолевский предполагал вероятность изображения здесь части ритуала, имитирующего рождение первогероя (Мозолевский. 1979. С. 225), С. С. Бессонова допускала возможность интерпретации сцены как приобщения царя к сакральному знанию через обряд «нового рождения» (Бессонова. 1991. С. 91), Ю. Б. Полидович полагал, что, исходя из общего контекста композиции, сцена изготовления наряда должна соотноситься с актом зачатия/рождения (Полидович. 2006. С. 84). Данная точка зрения может быть поддержана изложенными ниже соображениями.

Узловое содержание центральной сцены очень явственно исходит из композиционного строения самой пекторали и заложенных в ней числовых структур. Практически всеми исследователями было отмечено резкое различие сюжетов верхнего и нижнего фризов, трактуемое Д. С. Раевским как противопоставление «этого мира» и «мира иного», реализованное посредством ряда бинарных оппозиций. Наиболее зримым из этих противопоставлений является преобладание в нижнем фризе мотивов, связанных с идеей смерти, в верх-

нем – мотивов рождения, продолжения жизни (Раевский. 1985. С. 189).

Тема смерти на нижнем фризе реализована посредством троекратного повторения сцены терзания лошади парой грифонов, двух сцен нападения пары кошачьих хищников на оленя и кабана и еще двух сцен преследования зайца собакой. Таким образом, в нижнем регистре пекторали насчитывается семь актов смерти.

Противостоящая смерти тема жизни/рождения на верхнем фризе воплощена посредством шести пар животных – лошади–жеребёнка, коровы–телёнка, козы–козлёнка, по две каждой, т.е. самок и приплода, знаменующих факт состоявшегося рождения. Нельзя согласиться с трактовкой сцен доения юношами овец как синонима кормления и отдыха после него (Раевский. 1978. С. 119, 120). Обе эти сцены резко отличаются от отсутствия приплода, с одной стороны, а наличие человеческих персонажей и собственно овец, шкура которых является центром композиции всей пекторали, по смысловому содержанию объединяет их непосредственно с центральной сценой. Таким образом, становится совершенно очевиден дисбаланс между количеством смертей на нижнем фризе (семь) и рождений на верхнем (шесть). Подобное красноречивое несоответствие нарушает гармонию всей пекторали даже как художественного произведения, а уж тем более это противоречит устоям архаического мировоззрения, в котором «смерть всегда соотносена с рождением, могила – с рождающим лоном земли. Рождение – смерть, смерть – рождение – определяющие (конститутивные) моменты самой жизни» (Бахтин. 1965. С. 58), и которое всецело было присуще ираноязычным народам, включая скифов (Кузьмина. 1976. С. 69; Раевский. 1978. С. 124, 124). Если «животные, терзаемые в нижнем регистре, погибают для того, чтобы произошел акт рождения, воплощенный в образах верхнего регистра» (Раевский. 1985. С. 191), то количество смертей–рождений должно быть равным. Поэтому логика композиционной структуры пекторали просто не оставляет иных вариантов для толкования доминирующего смысла центральной сцены как содержащего в себе идею рождения, доводя, таким образом, число рождений, представленных в верхнем фризе, до семи, и тем самым уравновешивая баланс смертей–рождений на пекторали и восстанавливая казалось бы нарушенное равновесие.

Декларируемая здесь семикратность актов рождения–смерти – побуждает хотя бы косвенно затронуть проблему числовой символики изобразительного текста пекторали, вызывавшей постоянную заинтересованность исследователей, отмечавших присутствие в ее композиции разнообразных бинарных, тернарных, пентарных структур. Число семь, вероятно из-за своей неприметности в структуре пекторали, было как-то оставлено без должного внимания. Однако

символика этого числа, занимавшая в мировоззрении скифов одно из ведущих мест, могла воплотиться и в композиции пекторали. Так, расположенные в среднем фризе пекторали фигурки пяти птиц трактовались в связи с пятичленной моделью мира (Раевский. 1985. С. 231; Михайлин. 2005. С. 36). Однако достаточно чуть более внимательного взгляда, чтобы убедиться, что птиц на пекторали немного больше, а именно семь, считая двух, размещенных по краям верхнего фриза и всегда ускользавших при подсчете общего их количества.

Наиболее же зримый и безусловный пример даёт семичастная структура самой пекторали, состоящей из четырёх витых жгутов и трёх орнаментальных фризов между ними. Если рассматривать каждый жгут как отдельное шейное украшение – гривну, одну из наиболее характерных инсигний власти социальной верхушки скифского общества, подчеркивающих высокий статус её владельца, а три орнаментальных фриза как своеобразный эквивалент точно таких же «ажурных» гривен, исполненных в иной, более зрелищной манере, то пектораль, в самой упрощённой интерпретации, следует воспринимать как семь гривен, одновременно одетых на шею её владельца, что, безусловно, должно являться и выражением высочайшего ранга её обладателя.

Наибольшую сложность представляет идентификация персонажей центральной сцены. Значительная часть исследователей, при всем разнообразии мнений, склонна видеть в них персонажей-доминантов – первопродков, двух царей или вождей, претендентов на царство, правителя и наследника, правителя и жреца и т.д. Ключ к пониманию сущности этих персонажей могут дать две очень интересные иконографические аналогии, подобранные Б. Н. Мозолевским для центральной сцены пекторали. Первая представлена золотой чашей из Хасанлу, на нижнем ярусе которой находится изображение двух обращённых друг к другу и сидящих на корточках мужчин, которые держат за руки и голову третьего, центрального персонажа. Вторая – каменной табличкой из Мёзии с изображением пары мужчин, растягивающих двумя руками шкуру, за которой на плоском камне на коленях находится третий персонаж (Мозолевский. 1979. С. 221–223. Рис. 137, 138). Камнем преткновения, препятствующим более полному сходству сюжетов, является участие в указанных сценах третьего, центрального персонажа, на которого и направлены действия боковых участников ритуала, и, соответственно, его отсутствие в сцене на пекторали. Б. Н. Мозолевский склонен был объяснять подобное несовпадение изображением разных по времени стадий проведения одного и того же ритуала: на пекторали – подготовкой к нему и уже свершаемым актом на чаше и табличке (Мозолевский. 1979. С. 224).

Предложенные Б. Н. Мозолевским аналогии и трактовки вызвали возражения Д. С. Раевского, отрицавшего наличие единого смысла сцен ввиду не столько «разности объекта, на который направлено действие основных персонажей: на пекторали - одеяние, на чаше - человек», сколько несовпадению самого действия – шитью в первом случае и облачению третьего персонажа, вообще отсутствующего на пекторали - во втором (Раевский. 1985. С. 231). То есть в критике Д. С. Раевского отсутствие третьего персонажа играет значимую роль. На отсутствии третьего человека в сцене на пекторали построена и критика предлагаемых Б. Н. Мозолевским иконографических параллелей в рецензии на монографию Б. А. Шрамко (Шрамко. 1984. С. 278, 279). При решении «проблемы третьего персонажа» необходимо учитывать разный характер использования предметов, содержащих изображения указанных сцен, – чаши, таблички и пекторали. В двух первых случаях мы имеем дело с законченными в семантическом и функциональном смысле изделиями, и, соответственно, полной изобразительной версией проводимого ритуала. Пектораль же являлась личным украшением, отражавшим социальный статус и сакральную сущность её обладателя. Во время функционального использования пектораль находилась на груди её владельца, все сюжеты, представленные на пекторали, имели к нему прямое отношение и были направлены непосредственно на него. То есть, облачаясь в пектораль, владелец должен был органично вписаться в наличествующий сюжет и поэтому для полного осмысления композиции пекторали необходимо учитывать и присутствие в ней персоны её обладателя. Непосредственное участие в композиции пекторали её носителя (царя), воплощавшего мировую ось, дополняет отсутствующий мотив мирового дерева как вертикали, предполагал В. Я. Петрухин (Петрухин, 2001. С. 147).

Таким образом, в контексте изложенных соображений, становятся очевидными возможные причины отсутствия третьего персонажа – ввиду полной его неуместности вследствие наличия в «натуральном» виде. Из этого следует, что и растягивающие рубаху персонажи, несмотря на их доминирующее положение в центре верхнего фриза и всей пекторали в целом, занимали хоть и важное, даже ключевое значение, участвуя в кульминационном моменте ритуала, но всё же играли в нем роль второстепенных, подчинённых субъектов. Главным персонажем композиции пекторали, как и всего проводимого с её использованием ритуала, был её владелец. То есть «жреческая», а не «царская», идентификация персонажей центральной сцены, предложенная Б. Н. Мозолевским (Мозолевский. 1979. С. 224), выглядит в этом случае более предпочтительной.

Литература

- М. М. Бахтин.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- С. С. Бессонова.* «Мужское» и «женское» в сакральной сфере скифов // Духовная культура древних обществ на территории Украины. К., 1991.
- Е. Е. Кузьмина.* О семантике изображений на чертомлыцкой вазе // СА. 1976. № 3.
- Л. А. Лелеков, Д. С. Раевский.* Инокультурный миф в греческой изобразительной традиции // Жизнь мифа в античности. М. 1988. Вып. XVIII. Ч. I.
- Д. А. Мачинский.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л. 1978.
- В. Ю. Михайлин.* Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005.
- Б. М. Мозолевський.* Синтез скифо-античної думки // Всесвіт. 1978. № 2.
- Б. М. Мозолевський.* Товста Могила. Київ, 1979.
- В. Я. Петрухин.* «Золотое руно»: Св. Георгий и «скифская космограмма» // МИФ. 2001. 7.
- Ю. Б. Полидович.* Пектораль – символ жизни и смерти // Журнал о металле. Донецк. 2006. № 3–4 (9).
- Д. С. Раевский.* Из области скифской космологии (Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы) // ВДИ. 1978. № 3.
- Д. С. Раевский.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- М. В. Скржинская.* Скифия глазами эллинов. СПб., 2001.
- Б. А. Шрамко.* Рец. на: Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ, 1979 // СА. 1984. № 1.

М. Ю. Трейстер

Образ Пана на обкладке перекрестья меча из Толстой Могилы (о некоторых аспектах «греко-скифского» стиля в торевтике IV в. до н.э.)

Подробное описание меча, в частности его рукояти (Черненко. 1975. С. 157–161; Мозолевський. 1979. С. 68–73. № 135. Рис. 52–56; С. 178–179), освобождает меня от необходимости повторного описания. Отмечу лишь, что на округлом навершии изображён в профиль олень, на брусковидной, слегка расширяющейся в центре рукояти, – лев, нападающий на козла, на треугольном перекрестье со слегка выпуклыми боковыми сторонами и выемкой в основании – сидящий Пан с двумя фигурами козлов по сторонам (Рис. 1. 1). Е. В. Черненко (1975. С. 163) обратил внимание на то, что ножны короче и шире клинка, что предполагает их некомплектность и изготовление раз-

ными мастерами, в пользу чего свидетельствуют, по его мнению, и разные стили оформления обкладки рукояти и ножен. Б. Н. Мозолевский (1979. С. 70) отмечал, в свою очередь, разнообразность изображений на навершии, рукояти и перекрестье меча.

По своей конструкции меч относится к варианту с клинком в форме сильно вытянутого равномерно сужающегося к концу треугольника с клиновидными прорезями по оси клинка. Е. В. Черненко, насчитавший одиннадцать мечей с клинком подобной конструкции, известных только в курганах IV в. до н.э., отмечает, что семь из них имели рукояти, обтянутые золотой пластиной (Черненко. 1975. С. 163). К ним относятся, в частности, серия из четырёх мечей, найденных в Чертомлыке и меч из Пятибратнего кургана № 8. Хотя Е. В. Черненко (1975. С. 157) и определяет форму навершия рукояти как овальную, оно отличается от вытянутых по горизонтали овальных наверший других скифских мечей с золотыми обкладками рукоятей, например, из Чертомлыка, Пятибратнего кургана № 8 или кургана № 7 у с. Колбино и имеет практически округлую форму.

Если на перекрестьях мечей из кургана № 3 группы Частых курганов, курганов № 7 и 36 у с. Колбино и Пятибратнего кургана № 8 представлены композиции в виде протом двух сидящих друг напротив друга орлиноголовых грифонов, а на перекрестье меча из Большой Белозёрки – двух стоящих напротив друг друга косуль, то на перекрестье меча из Толстой могилы изображены сидящий со скрещенными ногами Пан, играющий на сиринге, и два лежащих козла – по сторонам от него (Рис. 1. 1; 2. 1).

Необычный мотив декора перекрестья⁹⁴ был справедливо отмечен Е. В. Черненко (1975. С. 61), который указал, что сидящий в такой позе Пан известен только на одном рельефе середины IV в. до н.э., а Пан в сопровождении козлов – в изображении в гроте на Фазосе. На самом деле хранящийся в Берлине и происходящий из Афин рельеф с надписью (IG II/III² 2934), на который ссылался Е. В. Черненко, датируется временем ок. 340–330 гг. до н.э. (Güntner. 1994. S. 128. № A53 с лит., Taf. 12, 1; cf.: Edwards. 1985. P. 529–539. № 30: 320–310 гг. до н.э.) (Рис. 2. 3). Это не единственный аттический рельеф с изображением Пана, играющего на сиринге и сидящего в такой позе. Как правило, он изображается на периферии рельефов с изображением танцующих нимф (Hausmann. 1960. S. 58–61; Fuchs. 1962. S. 242–249; Edwards. 1985. P. 68–70; Güntner. 1994. S. 12–13, 15–18, № A9, Taf. 2, 1; A16, Taf. 3; A17–18, Taf. 4; A37, Taf. 8; A53; Marquardt. 1995. S. 299–300; Kaltsas. 2002. P. 218–221, № 450,

⁹⁴ Символике декора меча был посвящён доклад Ю. Б. Полидовича на конференции «Ювелирное искусство: взгляд сквозь века» (Музей исторических драгоценностей Украины, Киев, 14 ноября 2011 г.), к сожалению, оставшийся неопубликованным.

454, 458, 459), при этом большая часть их датируется временем не ранее 330–320 гг. до н.э. и происходит из Аттики, хотя известны находки в Мегаре и Мегалополисе в Аркадии. В любом случае, нет ни одного такого рельефа с подобным изображением Пана, который датировался бы ранее третьей четверти IV в. до н.э.

Лишь на трёх из рельефов: 1) найденном в Аттике и датированном последней четвертью или концом IV в. до н.э., слева от погрудного изображения Пана, играющего на сиринге, представлена фигура козла (Güntner. 1994, 121, № A22; Kaltsas. 2002. P. 220–221. № 458); 2) на найденном в гроте на горе Парнес у Филе в Аттике и датированном началом III в. до н.э. справа от фигуры сидящего со скрещенными ногами Пана изображены головы трех козлов (Fuchs. 1962. *Veil.* 65, 2; Edwards. 1985. P. 618–624. № 54; Güntner. 1994. S. 125. № A44. *Taf.* 9, 1) (Рис. 2. 4); 3) найденном в Мегаре и датированном последней четвертью IV в. до н.э. – головы трёх козлов справа от фигуры Пана, сидящего со скрещенными ногами и играющего на сиринге, но изображённого в профиль (Edwards. 1985. P. 737–742. № 77; Güntner. 1994. S. 124. № A37. *Taf.* 8, 2). Что касается изображений в гроте в Лимене на Фазосе, то Пан представлен не сидящим фронтально, а вполборота влево, откинувшись с опорой на согнутую в локте левую руку, и перед ним один за другим изображены три козла (Devambe. 1976. P. 121. *Fig.* 3; Holtzmann. 1994. P. 117–122. № 50 с лит. *Pl.* XXIX). Таким образом, это изображение, датирующееся не ранее середины IV в. до н.э., а, вероятно, концом столетия (ср.: Devambe. 1976. P. 120), не может служить ни параллелью, ни прототипом изображения на рукояти меча из Толстой Могилы.

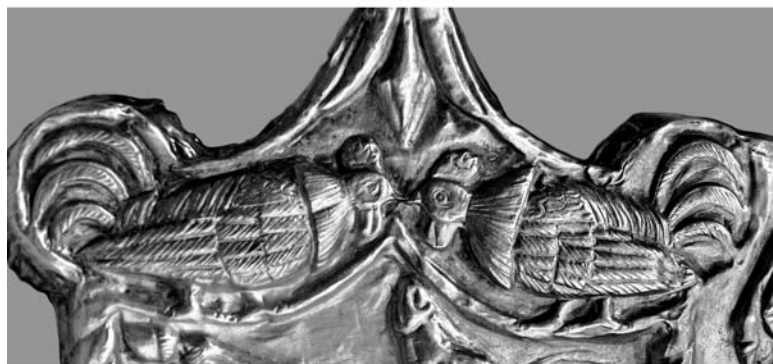
Другие изображения сидящего со скрещенными козлиными ногами Пана с козлиной головой (*bocksgestaltiger Typ* – по Marquardt. 1995. S. 299), играющего на сиринге⁹⁵, и датирующиеся IV в. до н.э. ни в вазописи, ни на бронзовых зеркалах неизвестны (см.: Marquardt. 1995. S. 287–301), хотя Пан, как и на аттических рельефах, довольно часто изображается в сценах с нимфами, с Афродитой и Эротом, а образ Пана с козлиной головой в IV в. до н.э. используется все реже и в основном в аттической вазописи (Marquardt. 1995. S. 288).

Особого внимания заслуживают изображения Пана, сидящего со скрещенными ногами и играющего на сиринге, в центральной части золотой диадемы в форме фронтона из Эретрии, украшенной побегами растительного орнамента (Treister. 2001. P. 181. *Fig.* 91), и на подобной диадеме, приобретённой в Афинах и хранящейся в Лувре (*Coche de la Ferté.* 1956. *Pl.* XVIII, 1).

⁹⁵ На краснофигурной пелике из Пантикапея середины IV в. до н.э. мы встречаем изображение Пана, сидящего со скрещенными ногами, но он играет на двойной флейте (Скржинская. 2010. С. 174. Рис. 46).

1

2

Рис. 1. Детали изображений на обкладках рукояти и ножен меча из Толстой Могилы: 1 – Пан с козлами на обкладке перекрестья, 2 – бой петухов на обкладке ножен. Киев, Музей исторических драгоценностей Украины, инв. № 2492–2493 (фото музея)

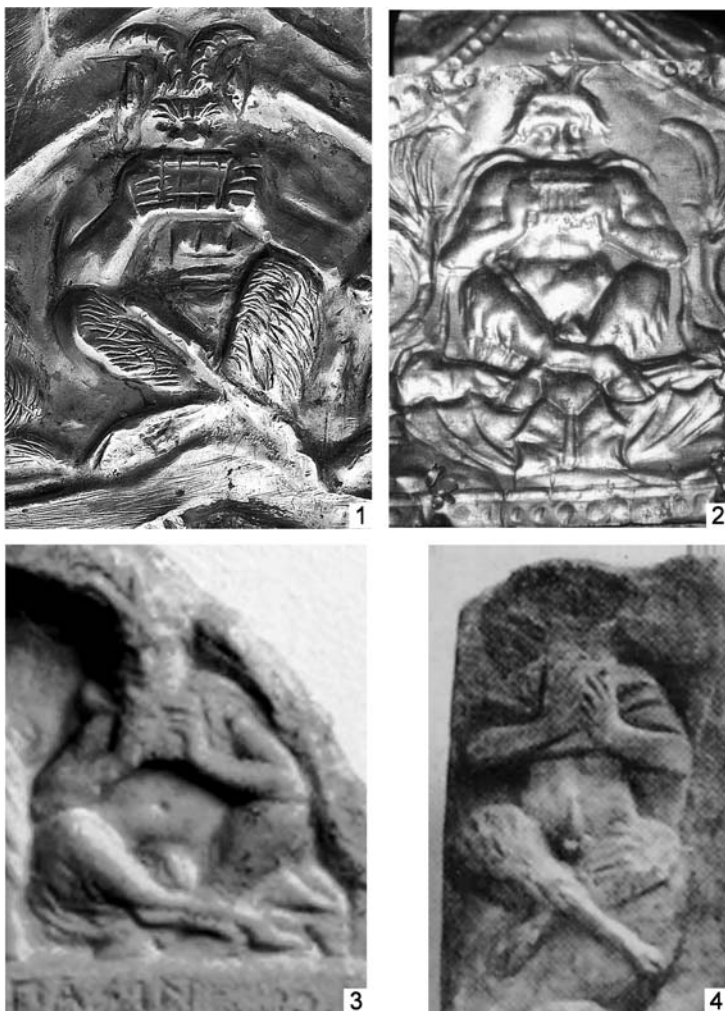

Рис. 2. Изображения сидящего со скрещенными ногами и играющего на сиринге Пана в торевтике и на аттических рельефах: 1 – обкладка перекрестья меча из Толстой Могилы; 2 – диадема из Эретрии (Афины, Национальный археологический музей, инв. хр. 737); 3 – рельеф из Афин (Берлин, Античное собрание, инв. № 709 (K87)); 4 – рельеф из грота на горе Парнес у Филы в Аттике (Афины, Национальный археологический музей, инв. № 1448)

Интересно, что изображение Пана на диадеме из Эретрии закрыто приклепанном кусочком фольги с изображением играющей

на лире Музы, и видно только с оборотной стороны в негативной передаче. Хотя диадема и была найдена в гробнице, датирующейся третьей четвертью II в. до н.э., часть находок в ней могут быть более ранними (Williams. 1996. P. 123). Это касается, безусловно, и диадемы, о чем свидетельствуют и форма, и декор последней (Treister. 2001. P. 176–181).

Сцена нападения львицы на козла, представленная на обкладке рукояти, так же как изображение на перекрестье, не имеет параллелей в произведениях торевтики греко-скифского стиля, при этом изображение львицы, в том числе трактовка деталей гривы, находят наиболее близкие параллели на верхнем фризе обкладок горитов чертомлыцкой серии. Сопоставимы и образы львов на обкладке ножен меча из Толстой Могилы.

Ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть здесь сцены схватки животных и образ львиноголового грифона на обкладках ножен меча, но одна сцена, безусловно, заслуживает пристального внимания. Это изображение схватки петухов в устье ножен (Рис. 1. 2). Если меч находился в ножках, эта сцена была расположена непосредственно под изображением Пана с козлами. Интересно, что такой сцены нет ни на одной из других золотых обкладок ножен парадных мечей из скифских курганов IV в. до н.э. И Е. В. Черненко (1975. С. 61), и Б. Н. Мозолевский (1979. С. 178–179) не оставили её без внимания, при этом Б. Н. Мозолевский остановился на этой теме более подробно, отмечая распространение сюжета в античном искусстве и приводя несколько примеров этому. Интересно, что, не занимаясь подробным анализом ни иконографии изображения Пана, ни битвы петухов, Б. Н. Мозолевский, тем не менее, приходит, на мой взгляд, к правильному предположению об их происхождении из аттического искусства.

Если для сцены с изображением битвы петухов это предположение в большей степени может базироваться не только на иконографии сюжета, получившего распространение как в вазописи, прежде всего, аттической чернофигурной, так и в торевтике, начиная с архаического времени (см. в целом: Hoffmann. 1974. S. 195–220; Varginger. 2002. P. 90–95; Grabow. 2003. S. 140–142), но и на хорошо известных из литературных источников фактах о популярности петушинных боев у афинской золотой молодежи, и оформлении в V в. до н.э. боевого петуха как статусного символа в афинском обществе (Hoffmann. 1974. S. 199–200; 210–213), то анализ иконографии Пана позволяет сделать практически однозначный вывод о происхождении образа. Интересно, что ко времени создания обкладок меча из Толстой Могилы, в IV в. до н.э., произошли определенные изменения социальной значимости петушинных боев. Петушинные бои институционализировались, стали элементом дионисийского культа и

неотъемлемой частью программы третьего дня Анфестерий (Hoffmann. 1974. S. 218–219).

Итак, на мой взгляд, нет оснований говорить о стилистическом расхождении декора обложек рукояти и ножен меча из Толстой Могилы. Уникальные для торевтики так называемого греко-скифского стиля сцены с изображением сидящего Пана, играющего на сиринге, в окружении двух козлов (на перекрестье меча) и боя петухов – на ножнах переданы в иконографии заимствованной из современного созданию меча искусства Аттики. Символика этих изображений вполне вписывается в круг сцен с изображением схваток кошачьих хищников и копытных животных, переданных в иконографии, также характерной для греческого (не только аттического) искусства середины IV в. до н.э. По сути, на вложенном в ножны мече из Толстой Могилы мы встречаем ту же композиционную схему, что и на обкладках горитов чертомлыцкого типа, когда фризы со сценами схваток животных обрамляют центральную композицию, представляющую собой цитату из произведения античного искусства на тему греческой мифологии. Ничего типично «скифского» ни в декоре меча из Толстой Могилы, ни в декоре этих обложек (кроме того, что они, вероятно, были изготовлены специально для потребителей из круга высшей скифской аристократии) нет. Термин «греко-скифское» искусство по отношению к рассмотренным памятникам торевтики следует понимать очень условно – как произведения, большинство из которых было изготовлено греческими (в широком смысле) мастерами для варварских (в широком смысле) потребителей. Соответственно, это понятие включает в себя и произведения на «скифскую тему», т.е. изделия, украшенные изображениями скифов, но прежде всего это были изображения животных с акцентом на сцены терзания, востребованные заказчиками и, вероятно, не случайно ассоциировавшиеся в представлениях греков с варварским кочевым миром Северного Причерноморья. Для соображений о том, где был изготовлен и украшен золотыми обкладками меч из Толстой Могилы – на Боспоре, или в других центрах Северного Причерноморья, о чём в свое время писали и Е. В. Черненко (1975. С. 165), и Б. Н. Мозолевский (1979. С. 179), нет пока никаких весомых оснований, кроме наблюдений общего характера.

Литература

- Б. М. Мозолевський.* Товста Могила. К., 1979.
- М. В. Скржинская.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Е. В. Черненко.* Оружие из Толстой Могилы // Скифский мир. Киев, 1975.
- J. M. Barringer.* The Hunt in Ancient Greece. Baltimore, 2002.
- É. Coche de la Ferté.* Les bijoux antiques. Paris, 1956.
- P. Devambez.* La 'grotte de Pan' à Thasos // Mélanges d'histoire ancienne et d'archéologie offerts à Paul Collart. Lausanne, 1976.
- C. Edwards.* Greek Votive Reliefs to Pan and the Nymphs. Ph. Diss. New York University 1985.
- W. Fuchs.* Attische Nymphenreliefs // Athenische Mitteilungen. 1962. 77.
- E. Grabow.* Der Hahn – Haustier oder Dämon? Frühe. Hahnbilder auf griechischen Vasen // Griechische Keramik im kulturellen Kontext. Vasensymposium in Kiel 24.–28.9.2001. Münster, 2003.
- G. Güntner.* Göttervereine und Göttersammlungen auf attischen Weihreliefs. Untersuchungen zur Typologie und Bedeutung. Würzburg, 1994.
- U. Hausmann.* Griechische Weihreliefs. Berlin, 1960.
- H. Hoffmann.* Hahnenkampf in Athen: Zur Ikonologie einer attischen Bildformel // Revue Archéologique. 1974. Fasc. 2.
- B. Holtzmann.* La sculpture de Thasos. Corpus des reliefs. I. Reliefs à theme divin (Études Thasiennes. 15). Paris, 1994.
- N. Kaltsas.* Sculpture in the National Archaeological Museum, Athens. Los Angeles, 2002.
- N. Marquardt.* Pan in der hellenistischen und kaiserzeitlichen Plastik (Antiquitas 3, 33). Bonn, 1995.
- M. Treister.* Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics (Colloquia Pontica. 8) Leiden, Köln, Boston, 2001.
- D. Williams.* The Kyme Treasure // A. Calinescu (ed.). Ancient Jewelry and Archaeology: Proceedings of International Symposium dedicated to the memory of Burton Y. Berry. Bloomington, September 1991. Bloomington, Indianapolis 1996. P. 117-129. (ed.). The Art of the Greek Goldsmith. British Museum Press. London, 1998.

В. К. Гугуев

О прямой аналогии сцене жертвоприношения на кувшине из кургана у с. Красный Кут

В 1989 г. археологическая экспедиция Таганрогского музея-заповедника под руководством П. А. Ларенка в Весёловском районе Ростовской области в ходе исследования кургана 4 в могильнике Красный Кут обнаружила набор бронзовой посуды римского време-

ни. В его состав входил уникальный бронзовый кувшин со сценами Троянского цикла. Автор раскопок любезно предоставил мне и М. Ю. Трейстеру возможность издать материалы этого интересного комплекса. Нами была подготовлена статья объёмом около двух авторских листов для одного из выпусков «Вестника древней истории». Однако из-за размера русскоязычная публикация этого памятника так и не увидела свет. Статья была издана в *Revue Archéologique* (Guguev, Treister. 1992).

В публикации вокруг сюжетов, изображённых на кувшине, была организована дискуссия в виде круглого стола с привлечением специалистов в области античной тореvтики и иконографии. Моя скромная роль в дискуссии в основном ограничивалась анализом археологического контекста находки.

В результате плодотворного сотрудничества в интерпретации основной сцены композиции был достигнут консенсус – наиболее вероятным был признан сюжет жертвоприношения Поликсены на могиле Ахилла. С той или иной степенью вероятности в ходе дискуссии были идентифицированы все персонажи, изображённые на сосуде. Заявленный объём работы позволяет использовать в тексте лишь конечные выводы, подытоженные в ходе обсуждения М. Ю. Трейстером. Основной целью данной заметки является попытка предложить прямую аналогию основной сцене орнаментальной композиции кувшина, что не было сделано в первой публикации. Но прежде коротко рассмотрим археологический контекст, в котором был найден кувшин, так как это имеет непосредственное отношение к дате находки, тем более что русско-язычные публикации этого комплекса отсутствуют.

Курган 4 содержал единственное погребение, заключённое внутри округлого в плане рва ровика диаметром около 10 м с перемычкой в восточной части. В ЮЮВ части рва лежали три черепа коров. Погребение располагалось в центре кургана и было ограблено в древности. Могила размерами 2,1 x 1,9 м имела подквадратную форму и была ориентирована углами по странам света. По остаткам скелета *in situ* – погребённая (женщина 25–30 лет) была вытянута головой на восток и лежала по диагонали могилы. На дне ямы и в заполнении были найдены четырнадцать янтарных пронизей неправильной формы, девять подцилиндрических коралловых бусин, пятнадцать бисерин из египетского фаянса, семнадцать полусферических золотых тиснёных бляшек, белая пастовая шаровидная бусина и подвеска грушевидной формы из тёмно-зелёного стекла. Последняя – единственная из набора, являющаяся хронологическим индикатором. Подобные бусы отнесены Е. М. Алек-сеевой к типу 162 и датируются II–III вв. н.э. (Алексеева. 1982. С. 27, 30, 32).

Рис. 1. Кувшин из кургана у с. Красный Кут (1–2, 4–5): 1 – общий вид; 2 – ручка; 3 – прорисовка геммы из Берлина (по: Сагус 1900); 4 – фрагмент композиции; 5 – развертка орнаментального фриза

Такая датировка представляется верной. Мне известны ещё двенадцать комплексов с подобными бусами. Они содержат сильно-профилированные фибулы с длинной плоской спинкой либо лучковые 4–5 вариантов по Амброзу, что позволяет сузить их дату и датировать второй половиной II – первой половиной III в. н.э.

В 3 м к ЮЮВ от погребения в округлой в плане ямке был устроен тайник. В нём были найдены: бронзовое ситечко типа Эггерс 160, фрагментированный железный ковшик, от которого сохранилась веслообразная ручка, и бронзовый кувшин с отогнутым наружу закруглённым краем, веретенообразным туловом на кольцевом поддоне с изогнутой в виде вопросительного знака ручкой (Рис. 1). Тулово кувшина украшено чеканкой, ручка – накладным литьем (Рис. 1. 2).

Несмотря на хорошую изученность изделий типа Эггерс 160, хронологическая позиция ситечка в комплексе неоднозначна. Данные изделия изготавливались в Италии и провинциях во второй половине I в. н.э. и на протяжении всего II в. н.э. Однако из известных мне 14 находок ситечек в Северном Причерноморье большинство происходит из погребений сарматской знати конца II – первой половины III в. н.э. Вероятно, прежде чем попасть в могилы кочевников, подобные изделия проделывали длинный и долгий путь. Для нас важна нижняя хронологическая граница изделий типа Эггерс 160, т. к. она позволяет исключить из датировки комплекса первую половину I в. н.э.

Малопригоден для датировки комплекса бронзовый кувшин. Сосуд уникален. Ближайшей аналогией ему представляется бронзовый кувшинчик, найденный 1837 г. в Швейцарии в местечке Аванш (Leibundgut. 1976. S. 121 Taf. 63. 1). Морфологически сосуд почти повторяет наш экземпляр, однако отличается от него меньшими размерами. Тулово кувшинчика украшено посредством чеканки дионисийскими сценами. На горле инкрустацией серебром нанесен орнамент в виде побега плюща. Место изготовления (Александрия?) и дата (I в. н.э.?) кувшина дискуссионны.

Не менее уникальной представляется ручка манычского кувшина. Наиболее близкий аналог её композиционной схемы был обнаружен М. Ю. Трейстером в Лувре (инв. № 2825), предположительно датировемый эпохой Антонинов (Lamb. 1969. P. 236). Подобно нашему образцу ручка выполнена в технике накладного литья и увенчана женской фигуркой (по М. Ю. Трейстеру – персонификация Трои), поза и детали которой не оставляют сомнения в наличии у двух изделий единого прототипа. Этот вывод подтверждается наличием на отростках ручки из Лувра двух лежащих фигур («поверженных варваров»), композиционно соответствующих аналогичным украшениям рукоятки нашего кувшина. Таким образом, завершая ана-

лиз материалов кургана с точки зрения хронологии, в качестве наиболее вероятной даты рассматриваемого комплекса с известной долей условности можно принять вторую половину II в. с возможностью захода в III в. н.э. Датировка кургана позднесарматской эпохой на первый взгляд вступает в противоречие с отдельными элементами погребального обряда рассматриваемого памятника. Такие черты, как квадратная могила в сочетании с ориентировкой ямы углами по странам света, диагональное положение костяка, наиболее характерны для I – начала II в. н.э. К числу среднесарматских обрядовых норм относятся и специально устроенные под насыпью кургана тайники с приношениями, в состав которых входят дорогие предметы западного и восточного импорта.

Вместе с тем, для кочевого населения междуречья Дона и Волги II–III вв. н.э. характерно переживание обрядовых норм, типичных для предшествующей эпохи (Безуглов, Гугуев. 1988. С. 26). Более надёжным хронологическим индикатором в данном случае служит обычай деформации черепа, зафиксированный у погребённой. Этот обычай распространяется у донских сарматов не ранее середины II в. н.э. (Батиева. 2011. С. 41). Не менее типичен для позднесарматской эпохи ритуал сооружения вокруг кургана кольцевидного ровика с перемычкой. Этот обряд повсеместно распространен по всему ареалу позднесарматской культуры. Серия таких курганов конца II – начала III в. н.э. была исследована в степных могильниках Подонья, некрополях Танаиса и Кобякова (Гугуев. 1983. С. 78; Ларенок. 2011. С. 302–335).

Таким образом, анализ погребального обряда рассматриваемого памятника, несмотря на наличие некоторых архаических черт, позволяет отнести его к позднесарматской культуре, что соответствует предложенной выше дате кургана. Перейдём теперь к более детальному описанию найденного в погребении кувшина.

Тулово сосуда выковано из одного листа бронзы. В месте соединения листа внутри заметен технологический шов. Снаружи на горле нанесён орнамент в виде перевитых побегов плюща и виноградной лозы (Рис. 1). Контур рисунка глубоко проработан резцом и инкрустирован серебром (лоза) и медью (плющ). Основная композиция орнаментального фриза, помещённая на тулове сосуда, выполнена чеканкой. Детали проработаны гравировкой. Дно сосуда литое с подработкой на токарном станке. Ручка литая, фигурки сплошь покрывают ручку, образуя многоярусную композицию. Они отлиты отдельно и припаяны к стволу. Композицию открывает изображение повозки на основании атташа (Рис. 1. 2). Повозка четырёхколесная, запряжена парой низкорослых животных, напоминающих мулов. В кузове повозки лежат четыре округлых предмета («дары»). Над повозкой помещено погребальное ложе с телом мужчины (Гектора).

Над ним в месте перехода атташа в ствол ручки изображена трёхфигурная композиция. Слева снизу изображена в профиль фигура коленопреклонённого старца, одетого в короткий плащ и фригийский колпак (Приам). Руки персонажа согнуты в локтях и находятся перед грудью. Старец преклонил колени перед сидящим справа сверху от него героем с обнажённым торсом (Ахилл). Его правая рука слегка согнута в локте, кисть лежит в ладони стоящего от него справа персонажа. Это мускулистый обнажённый юноша в крылатом головном уборе с накидкой на плече (Гермес). Его правая рука вытянута, левая согнута в локте, кисть лежит под ладонью сидящего от него слева персонажа. Следующий ярус отделён от предыдущего полоской «земли». В средней части ручки помещены две фигуры. Слева от зрителя показан бородатый мужчина в остроконечном головном уборе, коротком плаще с обнажённым правым плечом (Одиссей). В поднятой вверх руке, обращённой к персонажу верхнего яруса, герой держит какой-то округлый предмет, напоминающий те, что лежат в повозке. Справа от него помещена стоящая анфас фигура обнажённого мужчины (Диомед?). Его левая рука вытянута, правая согнута в локте, прижата к груди. Ниже по стволу ручки находится сидящая анфас женщина, одетая в ниспадающий хитон (Фетида?). Героиня прижимает к правой стороне груди округлый предмет. Следующий ярус занимает еще один женский персонаж. На голове героини – аттический шлем (Афина). Панцирь образует на груди складки, пояс обнажён, ноги задрапированы. В левой руке героиня держит удлинённый уходящий за спину изогнутый предмет. Шлем упирается в женскую фигуру, увенчивающую композицию (персонификация Трои). Героиня сидит на возвышении, по обе стороны от которого лежат два круглых и два овальных щита. Она одета в ниспадающий складками плащ, левая нога слегка выдвинута вперёд, руки сложены на правом колене. На концах верхнего прилепа ручки, по обе стороны от воительницы помещены две одинаковые полулежачие фигуры (речные божества). Их тела задрапированы в хитоны, головы утрачены. Орнаментальный фриз кувшина представляет сюжетную композицию (Рис. 1. 5). Её открывает сидящая женская фигура с собранными в пучок на затылке волосами, одетая в хитон с каймой. Героиня опирается левой рукой на алтарь, из которого произрастает куст (Артемиды?). С куста к фигуре протянута лента, с алтаря свисает гирлянда. Героиня сидит так, что как бы наблюдает за следующей сценой. В ней принимает участие обнажённый мужчина с вьющимися волосами и рельефной мускулатурой (Неоптолем?). Через его левое плечо переброшен плащ, из-под складок которого выглядывает округлое навершие короткого меча или кинжала. Само оружие зажато в правой руке героя. Напротив мужского персонажа изображена в профиль влево женская фигура, задрапированная в складчатый плащ

(Гекаба?). В её причёске заметна диадема. Левая рука героини согнута в локте, кисть обращена к мужскому персонажу. В правой руке зажат край киматия, внутри которого угадывается какой-то предмет (?). Позади женской фигуры помещён ещё один персонаж, сидящий вполоборота к зрителю на скале (Ахилл). Он как бы наблюдает за описанной выше сценой. У героя вьющиеся волосы, перехваченные лентой. Он практически обнажён, наброшенный плащ прикрывает лишь спину. Подчёркнуто рельефно передана мускулатура героя. Правая рука персонажа вытянута, её кисть лежит на округлом навершии кинжала в ножнах. Бутероль ножен якоревидной формы упирается в колено героя.

Заключительная часть композиции представлена сценой, в которой мужской персонаж пытается нанести удар кинжалом полулежащей героине, причём мужская фигура напоминает героя в первой сцене композиции, тогда как женская – фигуру, сидящую у алтаря. Персонаж показан в профиль, слегка наклонившись в сторону поверженной героини. В опущенной правой руке сжимает обнажённый кинжал, левой рукой держит героиню за волосы. Последняя изображена в хитоне с обнажённой грудью. Она пытается согнутой левой рукой освободиться от захвата, а правой – сдерживать руку с кинжалом. Под героиней помещен щит. На заднем плане за женским персонажем изображен героон, над которым возвышается каннелированная колонна с ионийской капителью. На капители колонны изображён одетый в свободную одежду облокотившийся на щит псюхе. С портика храма спускается гирлянда; на одну из колон повешена махайра. Эта последняя сцена по динамике и эмоциональному напряжению, очевидно, является в композиции основной. Совершенно ясно, что перед нами – сцена жертвоприношения молодой женщины на могиле воина. Показательно, что обряд исполняет молодой человек, что позволяет видеть в нём Неоптолема, а в его жертве – Поликсену. Данный сюжет обнаруживает поразительное сходство с изображением, помещённым на гемме из собрания музеев Берлина (инв. № 6889), изданной в 1900 г. Адольфом Фуртвенглером (Furtwangler. 1900. Band. 1. Taf. XXIV, 3; Band 3. S. 229). Описание сюжета автором практически дословно соответствует тексту, касающемуся аналогичной сцены на кувшине. Увеличенная прорисовка этой геммы имеется в капитальном труде современника Фуртвенглера – Пола Каруса – «История Дьявола и идеи Зла» (Paul Carus. 1900. P. 11). Оба автора едины в интерпретации данной сцены как изображения жертвоприношения Поликсены на могиле Ахилла. Следует заметить, что изображения на кувшине и гемме не абсолютно идентичны. Так, фигурка псюхе Ахилла на сосуде опирается на щит и развернута влево от зрителя, а не вправо, как на гемме (Рис. 1. 3). У Неоптолема на гемме сбоку слева чётко показаны ножны кинжала, на кувшине они

лишь угадываются в контурах непонятого предмета позади героя. Поликсена на гемме показана как бы сидящей на возвышении, а не полулёжа, как на кувшине.

Сюжет жертвоприношения Поликсены, как известно, отсутствовал у Гомера, но был широко популярен в античной мифопоэтической традиции по крайней мере с VIII в. до н.э. (Арктин Милетинский, Квинт Смирнский, Софокл, Еврипид, Овидий). Изображения этого сюжета известны по меньшей мере с VII в. до н.э., однако они довольно разнообразны. В то же время нет сомнений в том, что на кувшине и гемме использована одна и та же цитата с какого-то изобразительного памятника, ставшего каноническим, вероятно, ещё в эллинистическую эпоху. Таким памятником могла быть картинная галерея на акрополе, которую описывает Павсаний: «...налево от Пропилей находится здание с картинами... тут же картина, изображающая, как рядом с могилой Ахилла готовится к закланию Поликсена» (Павсаний. XXII, 4, 6).

Путь, которым набор посуды попал в погребение сарматки, вряд ли был простым. Представляется, что кувшин может быть наиболее ранним предметом в инвентаре погребения и, вероятно, датируется не позднее рубежа н.э. Не исключено, что сосуд поменял ряд хозяев и первоначально мог принадлежать зажиточному боспорянину, например – жителю Танаиса. Блестящие образцы торевтики, как показали раскопки Г. Е. Беспалого 2012 г. на Западном участке городского некрополя были в обиходе танаисцев уже с эллинистической эпохи.

Литература

- Павсаний.* Описание Эллады. В 2 т. / пер. С. П. Кондратьева. М., 2002.
- Е. М. Алексеева.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., Наука, 1982. – (САИ. Вып. Г I–12).
- С. И. Безуглов, В. К. Гугуев.* Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I–III вв. н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. – Тезисы докладов к конференции. Азов, 1988.
- Е. Ф. Батиева.* Население Нижнего Дона (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону, 2011.
- В. К. Гугуев.* Новые подкурганые захоронения в Танаисе и их этническая принадлежность // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- В. А. Ларенок.* Погребальные комплексы с ровиками в некрополе Кобякова городища первых вв. н.э. // ИАИАИАНД. Вып. 25. Азов. 2011.
- A. Furtwängler.* Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum. Leipzig, Berlin, 1900.
- A. Leibundgut.* Die Römischen Bronzen der Schweiz. Bd. II. Mainz 1976.
- W. Lamb.* Ancient Greek and Roman Bronzes. Chicago, 1969.
- P. Carus.* The History of the Devil and the Idea of Evil. Chicago, 1900.

V. K. Guguev, M. Ju. Trejster. Une cœnochoé de bronze scènes mythologiques proviennent d'un kourgane sarmate de la réde Rostov // Revue Archéologique. 1992. N. 2.

С. А. Яценко

О процессе антропоморфизации в скифском искусстве IV в. до н.э.

Хронология курганов скифской знати, основанная на сочетании данных по радиоуглеродному анализу и двум видам керамики, ещё может уточняться, хотя «амфорная» версия С. В. Полина парадоксально лишает Скифию могил последней трети IV в. до н.э. Но их относительная хронология остается вполне стабильной. Это делает возможным проследить этапы антропоморфизации скифского искусства в течение столетия и её логику⁹⁶. Для мира ранних кочевников это явление уникально (так, у номадов Южного Казахстана, входивших или соседствовавших с империей Ахеменидов, а также у кочевников, граничивших с китайскими царствами (луфань, жун и др.) в могилах известны по 3–5 примитивных композиций туземной работы). Самые ранние греко-скифские изображения выявлены в боковой могиле Солохи (400–380 по А. Ю. Алексею, 380–370 по С. В. Полину), где похоронен Октамасад или его наследник. Похоже, он впервые обратился к услугам греков-ювелиров, и вскоре скифская знать получила большую серию реалистических изображений, иллюстрировавших мифо-эпические устные тексты. Видимо, этим были нарушены и некие серьезные религиозные и психологические преграды в обществе «классических» скифов. Важен перечень изделий и связанных с ними сюжетов в этой могиле. Это три крупных предмета с эпическими сценами – атрибуты знатного воина (гребень со сценой сражения, чаша со сценами «волшебной» охоты и горит с поединком молодых воинов со стариками). Четвертый сюжет представлен на бляшках штанов царя (их символика была связана с магией мужской плодовитости). Это два юноши держащие вместе ритон, выполняя некий ритуал (для «побратимства» на деле использовали килик: Herod. IV. 70); в близком по времени кургане 3-го ранга (по Ю. В. Болтрику) в Бердянске они представлены уже на головном уборе женщины. Изобразительная программа царя очевидна: на заказанных вещах нет женских образов и господствуют сцены героического эпоса; при этом на крупных вещах надлежало отметить гра-

⁹⁶ Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

вировкой даже детали узоров тканей одежды. Вскоре для прослойки греко-варварской элиты в Пантикапее также стали создаваться изделия со скифскими сюжетами. В «кургане Патиниотти» (375–350 по Алексею) и затем Куль-Обе сохранились бляшки с мужчиной, держащим священный шаровидный кубок и горит.

Следующий этап представлен пятью курганами 350–320 гг. по Алексею или 360–350 гг. по С. В. Полину (Толстая и Гайманова Могилы, Чертомлык, Мелитопольский, Пять Братьев), когда отмечаются признаки ослабления единства Скифии. Важнейшие курганы того времени концентрируются у Днепра (к западу от владений царских скифов при Геродоте), а в более восточных допустимы новые центры силы. Среди образов появляются и женские, а изображения персонажей обоих полов известны также и в женских могилах. На фоне вероятных внутренних конфликтов, начавшегося оседания nomadов и усиления присутствия кочевой аристократии в Лесостепи представляется важным появление около середины IV в. до н.э. только к востоку от Днепра серии ритуальных сосудов, на которых изображены предполагаемые варианты легенды о происхождении царской власти у скифов (Her. Hist. IV. 5–6, 20, 56). Эти сюжеты, вероятно, подчеркивали законность политических притязаний восточных групп в федерации скотов. Не менее актуальными для скифских заказчиков в данное время становятся легенды о происхождении скифов (в них обосновывались, среди прочего, власть скифов над племенами Лесостепи: Hist. IV. 8–10). В могиле скифского князя в Куль-Обе, проживавшего вне своих владений, часть одежды украшалась сценами с тематически близким сюжетом «испытания стрелков-претендентов на престол».

Еще одна важная тема греко-скифского искусства – эпизоды предполагаемых эпических сказаний. На бляшках из Пяти Братьев (сделаны раньше остальных с нового штампа), Чмыревой Могилы и в Верхнего Рогачика правый из двух борющихся мужчин, заметно заслоняющий левого, хватает противника за пояс. Такому эпизоду много текстовых параллелей в поздних кочевых эпосах. К эпическим сюжетам «волшебной охоты» можно отнести погоню за зайцем на бляшках из Куль-Обы и Александрополя и стреляющего из лука всадника-аристократа на монетах Атея. Другое новшество середины IV в. – появление женских образов. Самым ранним сегодня можно считать изображение богини – прародительницы скифов у мужчин в Цымбаловой Могиле (второй ранг по Болтрику, 350–340 гг. по Алексею, до 350 г. по Полину) и его серебряную копию в Толстой Могиле. Её иконография заимствована у позднеархаического образа Горгоны, т.к. оба персонажа оказались связаны с водой, конями, а также с мотивом отрубленной головы (И. Ю. Шауб). Видимо, позже богиню стали помещать на женских предметах костюма (Куль-Оба,

центральное; Песочин; склеп № 1012 в Херсонесе). Другой женский персонаж, воплощенный в это время – предполагаемая Аргимпаса на зооморфном троне (с иконографией ближневосточного происхождения) на женских «калафах». С середины IV в. до н.э. на правом берегу Днепра мы видим целую специфическую серию изображений и предметов, связанных, среди прочего, с символикой жертвоприношения (амфора с подготовкой к закланию коней и бляшки с изображением богини и мужчины у алтаря в Чертомлыке; сосуд – прототип для диадемы из Сахновки).

Около 330 г. до н.э. по А. Ю. Алексееву, в правление следующего после Атея царя (по С. В. Полину – в сер. IV в. до н.э.), начинают производиться артефакты с сюжетами других типов. Это самые популярные греко-скифские изделия, известные во всех скоплениях могильников – бляшки с сидящей богиней и стоящим юношей; поза последнего скопирована со скифских изваяний. Видимо, их делали в Пантикапее, т.к. наиболее новый штампель отмечен в Куль-Обе; в богатейших степных Чертомлыке и Огузе его качество хуже. В Мелитополе 50 таких бляшек украшали парадный мужской пояс, а в Чертомлыке (камера 5) нашиты на какую-то мужскую одежду. Популярность этого мотива связана с воплощением представлений о загробной жизни (А. В. Вертиенко). Вне владений степных скифов в женском головном уборе появляются более детальные сцены такого типа с 5 или 10 персонажами, включающие богиню и нескольких мужчин (Карагодеуаш, Сахновка).

Среди поздних сюжетов, воплощённых греческими мастерами, есть два, исходно связанных с империей Ахеменидов. Это погоня (попарно) шести всадников за копытными на женском уборе из Песочина (ср. то же на персидском мече из Чертомлыка). То же происхождение имеет «Хозяин зверей» на горите из Соболевой Могилы. Петушинные элементы его облика тоже вполне укладываются в круг представлений иранцев (ср. популярность петушков в пазырыкской культуре, статус петуха как спутника Митры и Ахура-Мазды и т. п.).

Интересна переработка скифскими мастерами известных им греческих изображений. Сравним бляшки с двумя сидящими мужчинами и ритонном в Солохе и позже – в Бердянске. В поздней версии в композиции произошли любопытные изменения, вероятно, более точно отражающие представления скифов. Правый персонаж уже не касается рукой ритона. Изменилась и положение ног: вместо сидения на коленях сидят в редкой позе, когда ноги впереди образуют ромб и соединяются пятками. Следующий сюжет – с терзанием сидящего мужчины грифоном. В женском костюме на греческих бляшках из Чертомлыка персонаж одет и имеет длинную прическу с узлом надо лбом; однако на подвесках убора из Новосёлки (на том же Правобережье) он уже почти лежит; у него босые ноги, а прическа совсем

другая (очень короткая); укрупнены кисти рук. На мужских атрибутах этот сюжет изображался иначе: на конской узде из Волковцов композиция очень схематична, двухголовый грифон терзает уже отрезанную мужскую голову. От бляшек греческой работы с младенцем Гераклом, душащим змей (Куль-Оба), у скифских из Архангельской Слободы у персонажа остались обнаженные гениталии. Однако остальное заметно изменилось: прическа стала длиннее, он уже одет (в кафтан-*sisma*, запахнутый налево, на нем туфли с длинным острым носком – принадлежность аристократии); правой рукой он указывает на свое лицо, а левой, видимо, держит сосуд.

На близких к греческому прототипу подвесках с сидящей на троне Аргимпасой (?) из Большой Знаменки лицо богини трактовано еще реалистично, а вверху изображены две Сирены. На других сходных подвесках богиня изображена уже с поднятыми в стороны руками («Оранта»). На образце из Любимовки складки одежды трактованы еще в античном духе. Однако здесь уже видим очень крупные кисти рук, короткую и толстую шею и большое круглое лицо. Головной убор здесь другой формы (не шапка с широкими боковыми выступами, а что-то вроде цилиндрического «калафа»). Одну из более поздних версий развития этого образа отражают, вероятно, подвески из Толстой Могилы. Здесь верхняя часть хитона превратилась в короткую распашную кофту, а нижняя стала выглядеть как геометрический узор из радиальных лучей. На щеке одной из подвесок изображена татуировка в виде трех параллельных полос. В дальнем лесостепном Мастюгино в костюме подчеркнуты ожерелье и украшенный бляшками пояс. Ещё один погрудный образ богини (с вероятным прототипом в позднеархаической скульптуре) видим на бляшках женского головного убора у в ногах мужчины из кургана 1 в Волковцах. В скифской версии явно произошла переработка прототипа, что видно даже при сравнении двух разных вариантов бляшек в одном уборе. В одном из них лицо идеально круглое, шея стала короткой и массивной, ожерелье лишилось подвесок, из-под платка свисают неизвестные у замужних греческих женщин косы.

Интересно и внесение дополнительных деталей на бляшках греческого производства. В Носаках бляшки «Сидящая богиня и юноша», сделанные изношенным штемпелем, подправлены: сделаны более четкими глаза и рот, и (что особенно важно) рядом мелких насечек подчеркнут декор из бляшек на бортах и воротах кафтана у юноши и длинного халата у богини.

Туземный мастер на днепровском Правобережье (Сахновка) воспроизвел в тиснении сложную композицию с 10 персонажами не дошедшего до нас греко-скифского сосуда. Копировался не подлинник, а какая-то скифская копия (видимо, уже приспособленная для головного убора). Автор первой копии по каким-то причинам более точно воспроизвел (с реалистичными деталями лиц и силуэтом фигур) персонажей 2, 7–9 и гораздо более схематично (видимо – с дополнительной гравировкой после некачественного тиснения) – других персонажей. У фигур, подправленных скифским мастером, не выделены пряди волос, нижняя часть ног тонкая, зато добавлены грубые складки одежд у богини и крайних мужчин № 1 и 10.

Важны также представления о человеческой фигуре и о функциях персонажей на предметах торевтики, сделанных скифскими мастерами. Для этих изображений характерны крупная голова и обычно короткие ноги. У мужских персонажей подчеркнут силуэт прически, у женских волосы укрыты головным убором. Особенно интересны ажурные золотые пластины с эпическими сценами: сражение воинов в доспехах (Геремесов) или охота всадника на оленя под деревом (Гюновка); в обоих случаях всадник сидит в седле «поженски»; у него при широких плечах очень узкая талия, отражающая своеобразный идеал красоты кочевого героя-воина. В первом случае всадник (как обычно в древних иллюстрациях к эпическим текстам) находится слева; он убивает пешего врага копьем в горло. В Гюновке много внимания уделено декору костюма. Обнаженный Папай (?) на наверхших из Лысой Горы и из Марьянского – единственный среди собственно скифских персонажей имеет длинную бороду.

М. Н. Дараган, О. Е. Буравчук

Наборы для рукоделия из погребений Степной Скифии

Социальная активность женщины в древнем обществе долгое время не привлекала внимание исследователей. Судя по погребальному инвентарю, в распоряжении женщины, помимо украшений, всегда имелись наборы принадлежностей для прядения и ткачества, аккуратно уложенные в шкатулки.

В ряде женских погребений степной Скифии конца V–IV вв. до н.э. встречаются детали деревянных шкатулок, реже – целые или же археологически целые. Все они без исключения относятся к предметам греческого импорта. К сожалению, шкатулки, как и их содержимое, сохранились во фрагментах, так как происходят из грабленных погребений. Преимущественно встречаются костяные накладки, крепившиеся на деревянную основу, костяные шарниры, реже металлические детали. Находки костяных накладок известны, и большая часть их систематизирована, однако содержимое шкатулок не было объектом специального исследования. Между тем, эта категория находок необычайно интересна.

Для женщин шкатулка (небольшой ящик с крышкой для мелких вещей) всегда являлась важным атрибутом. В ней хранили драгоценности, туалетные принадлежности, а также наборы для рукоделия. Шкатулки с наборами для рукоделия, которые были неотъемлемой частью женского быта – наиболее типичный инвентарь в женских погребениях, поэтому они представляют наибольший интерес для исследователя.

Наборы для рукоделия, найденные в шкатулках. В кургане 4 у с. Владимировка были найдены фрагменты шкатулки с инвентарем, в том числе костяные накладки от самой шкатулки, детали костяного гребня и костяного наборного веретена, а также два пряслица. В погребении 2 кургана 11 у с. Львово была найдена похожая шкатулка с костяным гребнем и наборным веретеном. В погребении 3 кургана 2 у с. Каиры – деревянная шкатулка со следами синей и розовой краски и костяными накладками, содержащая фрагменты наборного костяного и двух деревянных веретен, бусы и пряслице. Накладки деревянной шкатулки из погребения 3 кургана 33 у с. Катериновка металлические. В шкатулке хранилось костяное фигурное наборное веретено, пряслице и железные стержни (возможно, иглы). В погребении у с. Солдатское найдены фрагменты шкатулки, также содержавшие костяное наборное веретено, глиняное и бронзовое пряслица.

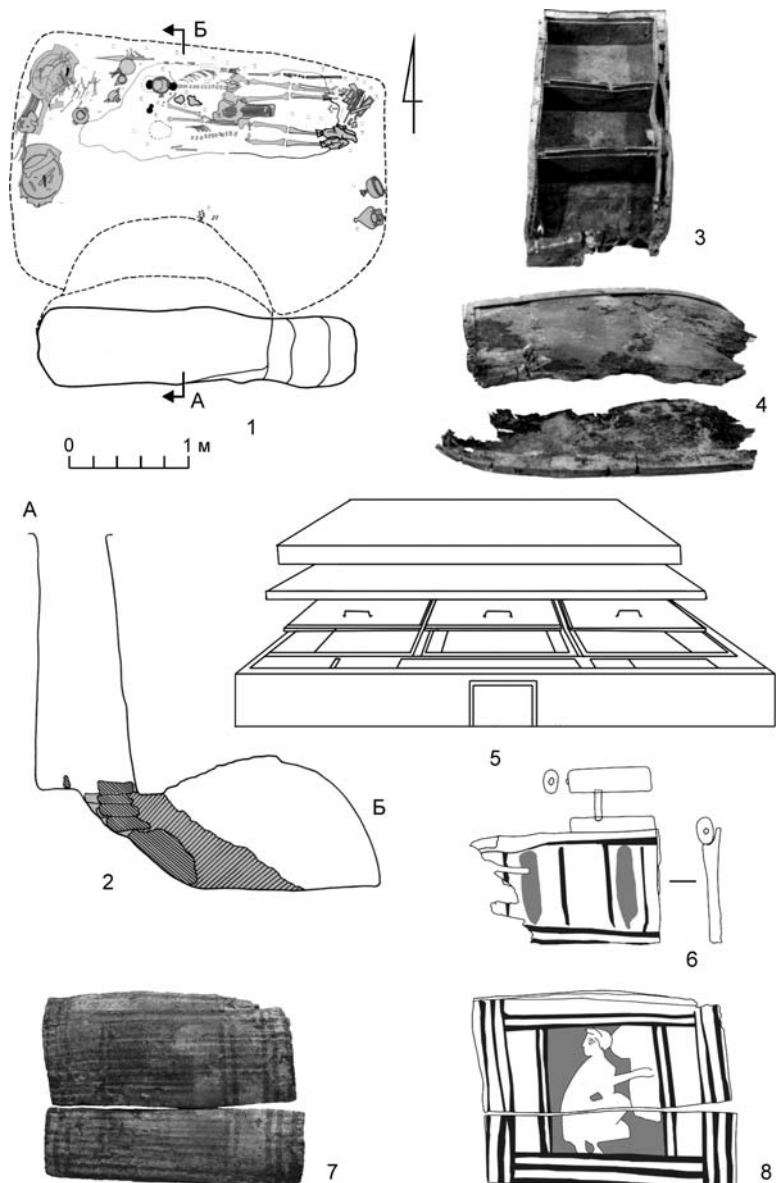

Рис. 1. Погребение у с. Булгаково: 1–2 – план и разрез; 3–5 – шкатулка, фото и реконструкция; 6–8 – крышка шкатулки с росписью, фото и про-
рисовка

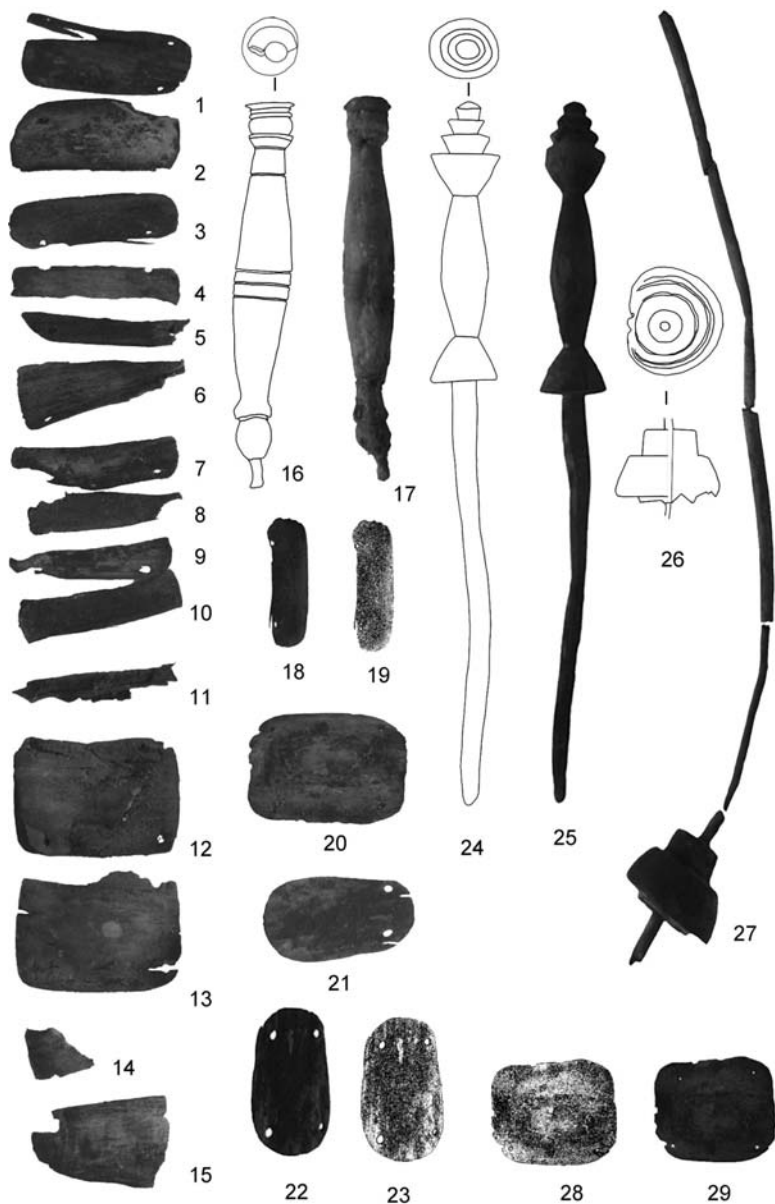

Рис. 2. Погребение у с. Булгаково: 1–15, 18–23, 28–29 – дощечки для плетения; 16–17, 24–27 – веретёна, фото и прорисовки

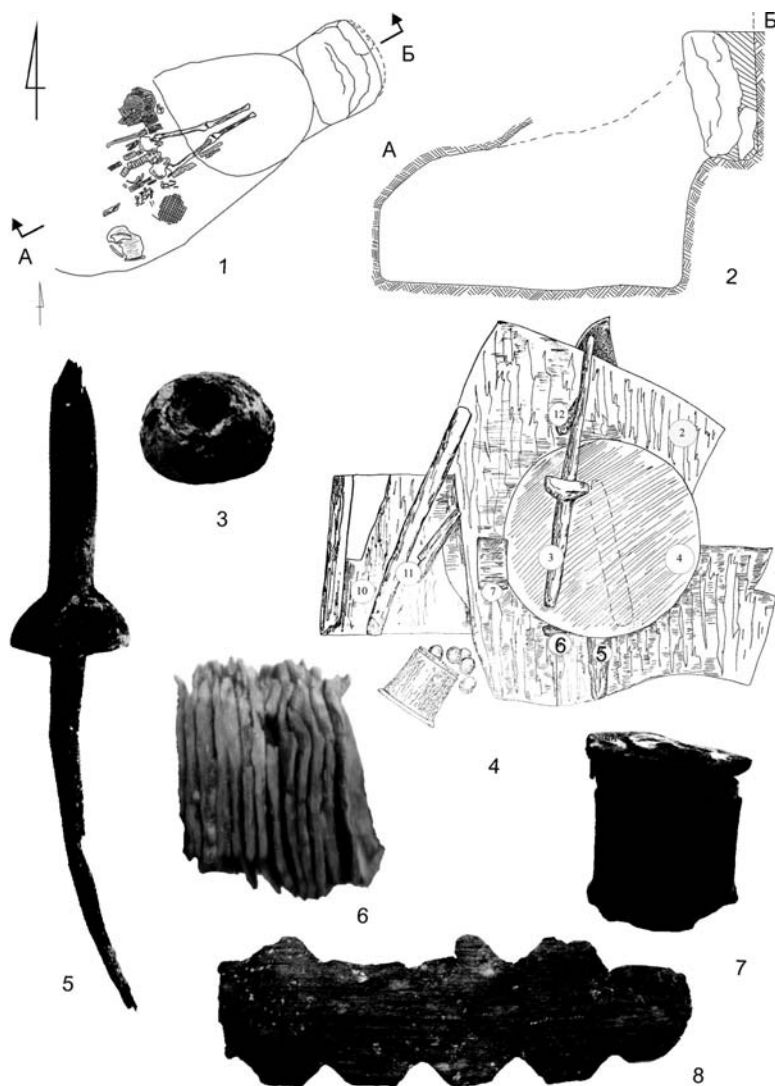

Рис. 3. Погребение у с. Фрунзе: 1–2 – план и разрез; 3 – пряслице; 4 – содержимое шкатулки, план; 5 – веретено; 6 – дощечки; 7 – пиксида; 8 – намотка. 3 – свинец; 5–8 – дерево

В погребении 2 кургана 10 у с. Ново-Каменка найдена деревянная шкатулка с железной иглой, керамическим пряслицем и бу-

синами, аналогичными тем, которыми была украшена одежда погребённой. Также в шкатулке находились небольшие кусочки минеральных красок – жёлтой, тёмно-красной и чёрной. В погребении 3 (камера 2) кургана 2 у с. Зеленое в женском погребении была найдена большая шкатулка с богатым инвентарем: краснофигурный лекиф, красноглиняная ойнохоя, две деревянные пиксиды с органическими остатками, сохранились бронзовое зеркало, бронзовое пряслице, шило и деревянное веретено. В погребении 8 кургана 4 могильника Мамай-гора была найдена шкатулка с костяным веретеном и свинцовыми пряслицами. В погребении 1 кургана 29 у с. Пришиб найдена необычная, изготовленная из цельного деревянного бруска, прямоугольная шкатулка с тремя внутренними отделениями, разделёнными перегородками. Возле шкатулки лежали три пряслица.

Следует отметить, что в ряде погребений шкатулки найдены не были, однако присутствовали наборы для рукоделия, которые могли находиться в шкатулках. Эти погребения грабленные, поэтому инвентарь в них сохранился частично. К таким мы относим погребение 3 кургана 2 из группы Трёхбратних курганов, где были найдены костяные обкладки и бронзовая пластинка с кольцом от деревянной шкатулки, а от рукодельного набора сохранилась бронзовая игла и костяное веретено. В погребении 2 кургана Тетянина могила среди костяных пластин декора шкатулки встречались мелкие обломки дерева, а возле развала шкатулки найдены биконическое пряслице из черного полированного камня, бронзовое биконическое пряслице с остатками деревянного веретена и обломки железных стержней (игл?). В погребении 3 Казенной могилы возле правой ноги погребённой лежали вместе костяное веретено со свинцовым грузиком, 17 железных шильев и железная втулка. В Гаймановой могиле костяные обкладки деревянных шкатулок, веретёна, пряслица и иглы найдены в погребении 2 северной гробницы 1, а в погребении 3 гробницы 4 – фрагменты трех костяных веретён. В погребении 2 кургана 1 курганной группы II у с. Первомаевка найдена костяная пластинка, костяное наборное веретено и свинцовое пряслице с остатками деревянного стержня. В погребении 3 Хоминой могилы обнаружены детали шкатулки, костяного гребня и костяного наборного веретена. Костяные детали веретён и шкатулок были найдены в восточной могиле Бердянского кургана, в северной могиле Огуза, в Александрополе, в центральном погребении кургана 14 и в погребении 2 кургана 11 у с. Гюновка. В двух случаях рукодельные наборы были вне шкатулок. Так, в погребении 1 кургана 2 у с. Великая Знаменка рукодельный набор, состоящий из свинцового пряслица, двух костяных наборных веретён, нескольких железных проколов и игл, а также набора украшений, был просто прикрыт лопаткой крупного животного. В погребении

бении 3 кургана 11 у с. Акимовка сложносоставное веретено лежало под костями коня.

Детали внешнего декора шкатулок. В ряде погребений найдены только костяные части декора шкатулок. Они представляют собой фрагменты однотипных костяных прямоугольных или трапециевидных пластин, гладких с одной стороны и шероховатых с другой. Зафиксированы также находки однотипных костяных шарниров, аналогичные тем, что встречаются в наборах для рукоделия, например в погребении 1 кургана 3 и погребении 3 кургана 2 Трёхбратних курганов; кургане 1 группы Первомаевка IV; погребении 2 кургана 4 у с. Давыдовка, кургане 3 у с. Ольговка; погребении 2 Бабиной могилы, курганах 1, 10 и 21 с. Гюновка, кургане Кара-Тюбе, кургане Чертомлык и др. (Бидзиля, Полин. 2012. С. 392. Прим. 217). В погребении 2 кургана Каменская Близница, помимо костяных накладок найдена бронзовая литая ручка шкатулки.

Следует отметить, что все эти артефакты найдены в скифских погребениях первой половины – третьей четверти IV в. до н.э. Представление о том, как могли выглядеть подобные шкатулки, дает реконструкция ларца из Огуза (Фиалко, Болтрик. 1986. Рис. 1. 1 г).

Аналогичные пластины от декора шкатулки найдены на Теменосе Ольвии. В погребении Е могильника Дервени конца третьей – начала четвертой четверти IV в. до н.э. была также найдена шкатулка, от которой сохранились многочисленные костяные пластины, совершенно идентичные найденным в скифских погребениях, а также пластины с изображением фигур Афродиты и Эрота, грифонов, терзающих оленей, и пластины с овоидным рельефным узором. В этой шкатулке хранились пять фигурных деталей от нескольких костяных веретен (Temelis, Touratsoglou. 1997. P. 197). Некоторые из элементов декора шкатулок соответствуют изображениям в произведениях греческой вазописи. Это круглые фигурные аппликации из Солдатского и Трёхбратних курганов; фигурные аппликации из курганов Кара-Тюбе и Огуз; пластины с овоидным узором из Александрополя.

Концом V в. до н.э. датируются шкатулки, от которых сохранились однотипные узкие прямоугольные костяные пластины, украшенные меандром. Такие пластины были найдены в погребении 1 кургана 13 у с. Великая Знаменка, в кургане Близнец и в кургане Малый Чертомлык. Аналогичные пластины с меандром найдены также на Ольвийском теменосе, в погребениях А 60 и Д 2 некрополя Артющенко-2, где они датируются последней четвертью V в. до н.э. Именно так декорированы шкатулки и на античных краснофигурных вазах.

Во всех перечисленных случаях сохранившиеся детали наборов для рукоделия – это веретена, пряслица и иглы, иногда гребни⁹⁷. В контексте приведённых данных логично рассматривать и серию грабленных погребений, в которых найдены только костяные веретена (последнюю сводку см.: Бидзиля, Полин. 2012. С. 376. Прим. 205), аналогичные найденным в наборах.

Пряслица и деревянные веретена являются едва ли не обязательным атрибутом женских погребений степной Скифии IV в. до н.э. Как видно, и веретёна, и пряслица могут быть изготовлены из различных материалов, иметь разные размеры, а порой и форму. Это несущественно. Важна лишь их функция – изготовление пряжи (Гаврилюк. 1987. С. 116).

В цикле производства тканей веретена отражают только начальный процесс, связанный с получением нити. Не случайно в работах Н. А. Гаврилюк, углублённо занимавшейся вопросами домашнего ремесла в Скифии, речь всегда шла только о развитии прядения у скифов. Ведь объективных данных, позволяющих говорить о качестве, практически не было (найденные в погребениях ткани могли быть и импортными). Этот пробел ликвидируют наборы для рукоделия и ткачества из погребения 2 кургана 5 у с. Булгаково и погребения у с. Фрунзе.

Погребение 2 кургана 5 у с. Булгаково датируется третьей четвертью IV в. до н.э. (Гребенников. 1996. С. 32–33; Гребенников. 2008. С. 78–79)⁹⁸. В ногах женского скелета был найден деревянный короб, от которого сохранились тонкие деревянные полосы, а также один крупный фрагмент боковой стенки с врезным орнаментом и стилизованным изображением оленя (грифона). Внутри короба находились: нитки шерстяной пряжи, три деревянные веретена разных типов, пряслице из стенки амфоры, деревянные гребешок и пирамидальный брусок, а также еще две деревянные шкатулки.

Первая сохранилась фрагментарно, но даже по этим фрагментам можно восстановить ее внешний облик и конструктивные особенности. Полностью сохранилась крышка шкатулки (в двух фрагментах). Сохранились также фрагменты задней стенки с шарниром, дно шкатулки, второй шарнир, а также мелкие фрагменты других стенок. Поверхность шкатулки была покрыта белой минеральной краской. Крышку украшал рисунок, выполненный черной краской минерального происхождения. Посредине поля тонкой черной двойной линией выделен квадрат. В нем на красном фоне располагается

⁹⁷ Составные костяные гребни могли исполнять функцию прядильного гребня – использоваться для расчесывания пряжи.

⁹⁸ Авторы искренне признательны А. Ю. Алексееву, В. С. Бочкарёву, Ю. С. Гребенникову, Ю. И. Ильиной, В. И. Ключко, С. В. Полину за помощь в работе с материалами этого погребения.

рисунок женской фигуры. Женщина сидит на корточках, в повороте вправо, голова повернута назад, одна рука прижата к груди (?), вторая протянута вперед к висящему куску ткани (полотенцу?).

Вторая шкатулка сохранилась почти полностью. Она сделана из цельного деревянного бруска, имеет три отделения и три ряда крышек. Верхняя крышка крепилась шарнирной петлей. Так как не осталось следов окислов металла на дереве, можно предположить, что петля была кожаная. На внутренней стороне крышки сохранились остатки кожи, приклеенной по всей поверхности. На одном участке сохранилась часть греческой надписи. Ближе к краю крышки с лицевой стороны – остатки окислов железа и фрагменты скоб от внутреннего замка. Вторая крышка – пенального типа, но вынимавшаяся сверху и не использовавшаяся как пенал, на ней следов потери нет. Третий ряд – это крышки, закрывающие все отделения шкатулки, причем каждая закрывает только одно отделение. На передней части крышек имеются следы окислов железа и фрагменты железных скоб замка. Элементами крепления можно также считать ряд очень мелких штырьков, толщиной чуть более миллиметра, расположенных на их задней части. На передней планке шкатулки имеется отверстие от замка. Вероятно, он был вынут или утерян еще до помещения в могилу, так как следов окислов металла на поверхности шкатулки в районе замка нет. О его системе мы можем судить только по конструктивным особенностям его крепления во внутренней полости передней планки шкатулки.

Интересно содержимое этой шкатулки. В боковом отделении находились семена предположительно проса, в двух других отделениях – тонкие четырехугольные деревянные дощечки со скругленными углами и четырьмя отверстиями по краям, железная игла и различные виды пряжи. Дощечки были трех разных типов, отличающихся размерами и формой. Всего в шкатулке было не менее 19 экземпляров.

Погребение у с. Фрунзе датируется последней четвертью V в. до н.э. Среди погребального инвентаря были обнаружены фрагменты деревянного короба, бронзовое зеркало, чернолаковый килик, деревянное круглое веретено с утолщением в форме усеченного конуса, свинцовое пряслице, деревянная намотка, деревянная пиксида с крышкой, внутри которой сохранились остатки черного порошка и орехи лещины, округлый деревянный штырь, заостренный с обоих концов, а также малая деревянная шкатулка квадратной формы 12 x 12 см с остатками белой и голубой краски на дне и стенках. Ря-

дом с развалом шкатулки было найдено не менее 20 спекшихся деревянных дощечек (Гаврилов. 1993. С. 201–205)⁹⁹.

Все деревянные изделия из обоих наборов уникальны и зафиксированы впервые. Примечателен, например, тот факт, что веретена сделаны на токарном станке и, вероятно, также были одной из категорий греческого импорта.

Особого внимания заслуживают деревянные дощечки из этих погребений. Они являются ни чем иным, как деталями набора для ткачества¹⁰⁰. Ткачество – процесс технически сложный, подразумевающий, во-первых, разделение нитей на основу и уток (уток – нить, пропускаемая под прямым углом к нитям основы), а во-вторых, разделение самих нитей основы на две или более групп (самое простое – пополам, на чётные и нечётные), которые можно разводить под углом друг к другу. Этот угол называется «зев» и служит для продёргивания утка. Известны разные типы качества, из которых самые привычные на вертикальном или горизонтальном ткацком станке. Наряду с этими техниками существовало также ткачество на дощечках (*tablet-weaving*), и именно в таком типе ткачества и использовались наши дощечки. Через все отверстия дощечек продевали нити основы. При вращении дощечек осуществлялась замена верхних нитей основы нижними, в образованный зев прокидывался уток. Таким образом, нити основы соединялись между собой витым переплетением, а с нитями утка вертикально-горизонтальным. Заправка дощечек нитями различных цветов и различное направление их вращения дают возможность создавать узоры диагоналями, полосами и т.д. Дощечки поворачиваются в любую сторону и в каком угодно порядке, нити перекручиваются, и создаются неограниченно сложные узоры. На дощечках ткали тесьму, пояса, ленты для лямок или оторочки одежды и т.д. Чем больше используется дощечек – тем шире, сложнее и красивее получается изделие. Изделия, выполненные в этой технике, были не только красивы, но и исключительно прочны. Ведь для такой техники требуются очень плотные нити, поскольку при натягивании основы непрочные просто порвутся. В то же время

⁹⁹ Расписные ларцы с откидными крышками известны в ряде боспорских погребений IV в. до н.э. (курган у станицы Таманской, Глинище) (Сокольский. 1971. С. 124–127. Рис. 38). Трехсекционная деревянная шкатулка из Булгаково совершенно уникальна. Шкатулки с подобным трехчастным делением известны в это время, но изготовлены они из бронзы. В погребении В могильника Дербени были найдены две полукруглые шкатулки с тремя отделениями и крышкой, в одной из которых сохранились органические остатки (Temelis, Touratsoglou. 1997. P. 195, 103), а в погребении возле Ставрополюса найдена цилиндрическая бронзовая шкатулка, разделенная на две равные части по горизонтали, каждая из которых является вместилищем (Rhomipoulou. 1989. P. 194–218, Pl. 45–58).

¹⁰⁰ В публикациях дощечки из Булгаково были названы костяными «пуговицами» (Гребенников. 1996. С. 33), а из Фрунзе – гребнем (Гаврилов. 1993. С. 202).

при ткачестве на дощечках с четырьмя отверстиями одновременно скручиваются четыре нити, которые, естественно, должны быть и достаточно тонкими.

В погребении из Булгаково дощечки были трех различных типов с соответствующими нитям разной толщины разного размера отверстиями по краям. Каждое из трех различных веретен из этого же набора, вероятнее всего, соответствует определенному типу дощечки. Каждое веретено имело свои особые параметры (вес, длина, тип пряслица). Соответственно, каждый тип сырья соотносился с пряслицем особой массы и веретеном определенной длины. Возможно, набор из Булгаково предназначался для тканья изделий различного назначения. В погребении же из Фрунзе однотипным дощечкам соответствует и одно веретено.

Самые ранние из сохранившихся изделий этого вида ткачества относятся к культуре Древнего Египта. Отдельные дощечки известны и в погребениях начала раннего железного века в Италии, Западной и Центральной Европе. Найдены также готовые изделия или их фрагменты, выполненные в подобной технике¹⁰¹, из гальштатских могильников (Гальштат, Хохдорф, Хохмихеле), Караймекоса и др. (Gleba. 2008. P. 139), но именно в двух скифских погребениях впервые зафиксированы полноценные наборы для ткачества на дощечках. Примечательно, что в погребении у с. Булгаково дощечки хранились в необычайно сложной по своему устройству шкатулке, в буквальном смысле под тремя замками, что, безусловно, указывает на их ценность. Действительно, значение данных находок сложно переоценить, ведь именно они являются археологическим подтверждением существования ткачества в Скифии.

Обратим внимание и на тот факт, что в обоих случаях погребенные женщины сопровождалась также оружейными наборами (Гребенников. 2008. С. 78–79; Гаврилов. 1993. С. 202). Это справедливо и для большей части остальных погребений с рукодельными наборами или их деталями. Традиционно скифские женские погребения с оружием относят к амазонкам, которые «умению верховой езды и военному делу овладевали едва ли не с младенчества. При этом женским работам они не обучались вовсе. Каждодневные тренировки были обязательными» (Фялко. 2011. С. 24). Конечно, можно спорить о степени сложности прядения и ткачества как рода деятельности, но им, как правило, также обучали с юного возраста. Так что скифские женщины оказываются более разносторонне развитыми, а их жизнь более многогранной, и именно содержимое шкатулок

¹⁰¹ Механическое чередование нитей, заправленных в отверстия, происходит при помощи вращения дощечек в направлении на себя или от себя. При помощи вращения дощечек в одном направлении получают спиральное переплетение, которое ни на каком другом инструменте получить невозможно.

открыло совершенную новую страницу, в большей степени бытовую, из жизни так называемых скифских «амазонок», которые, как оказалось, в совершенстве владели не только оружием.

Литература

- В. И. Бидзия, С. В. Полин.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012.
- А. В. Гаврилов.* Скифское погребение у с. Фрунзе в Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма. 1993. Вып. IV.
- Н. А. Гаврилюк.* Прядение у степных Скифов // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Ю. С. Гребенников.* Погребение у с. Булгаково – уникальный памятник скифо-античной культуры // ДП. 1996.
- Ю. С. Гребенников.* Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). Николаев, 2008.
- Н. И. Сокольский.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. – (МИА 178).
- Е. Е. Фиалко.* Костяные изделия из кургана Огуз // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Е. Е. Фиалко.* Амазонки причерноморских степей // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж, 2011.
- Е. Е. Фиалко.* Скифский курган с античными импортами у с. Зелёное // Боспорские исследования. XXVI. Симферополь, Керчь, 2012.
- Н. Н. Чередниченко, Е. Е. Фиалко.* Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. 1988. № 2.
- M. Gleba.* Textile Production in Pre-Roman Italy. Oxford, 2008.
- P. Themelis, I. Touratsoglou.* Oi Tatoi tou Derbeniou. Athens, 1997.
- K. Rhotiropoulou.* Κλειστά ταφικά σύνολα υστεροκλασικών χρόνων απ Θεσσαλονίκη // Φύλια Ἑπη εἰς Γεώργιον Ε. Μυλωνάν. Athenes, 1989. 3.

Е. А. Беглова

Закубанье в III в. до н.э.

Данные тезисы появились как попытка обобщить мнения исследователей об исторических событиях и социально-экономических процессах, происходивших в III в. до н.э. как в северопричерноморском регионе, так и в Закубанье, являющемся составной частью этой огромной степной зоны. В основном данный период характеризуется следующими явлениями: социально-экономический кризис Боспорского царства, так называемый «хиатус» III в. до н.э. в южно-русских степях и сарматское нашествие на Кубань и в Северное Причерноморье, начавшееся во второй половине IV в. до н.э. Иногда темы объединяются: хиатус возник потому, что началось сарматское нашествие (Берлизов и др. 1995. С. 130;), оно же стало одной из глав-

ных причин экономического кризиса Боспора (Улитин. 2011. С. 283–285).

Практически все исследователи Северного Причерноморья констатируют социально-экономический кризис Боспорского царства, возникший на рубеже IV–III вв. до н.э. и поразивший ранее сложившуюся систему греко-варварских отношений этого региона. Одной из важнейших причин экономического упадка считают изменение политической обстановки в Средиземноморье, экономический упадок Афин, основного потребителя боспорского хлеба и импортера вина и масла на Боспор. «Происходит структурная перестройка боспорской экономики» (Завойкин. 2010. С. 35).

Среди внутренних причин северопричерноморского региона, вызвавших дестабилизацию, на первое место выдвигается вторжение сарматских племен (Завойкин. 2010. С. 45). Так, по мнению Ю. А. Виноградова и К. К. Марченко, появление сарматских племен на рубеже IV–III вв. до н.э. нанесло «смертельный удар по внутренне ослабленной Скифии... В конечном итоге он привел к значительно более глубокому ...кризису всей системы в целом, постепенной дестабилизации каждой из трех выделенных подсистем. ...Этот период охватывает рубеж VI–III – середину III в. до н.э.» (Виноградов, Марченко. 1991. С. 153). Как проявление этого «факта» – прекращение функционирования Елизаветинского городища в конце III в. до н.э. Авторы вместе с тем отмечают, что «жизнь на большинстве аграрных поселений региона, как эллинских, так и туземных, продолжалась... до середины III в. до н.э., ...именно в это время она достигла своего максимума» (Виноградов, Марченко. 1991. С. 153).

В одной из последних обобщающих работ, посвященной истории Боспора, говорится, что в эпоху раннего эллинизма «это государство переживает острый политический, финансовый и экономический кризис, связанный с дестабилизацией обстановки в Северном Причерноморье вследствие передвижений сарматов (в частности сокращается хора в Восточном Крыму)» (Завойкин. 2010. С. 45). Вместе с тем в городах Азиатского Боспора прослеживается экономический подъём, обусловленный расцветом торговли и ремесла и проявившийся в максимальной освоенности территории Таманского полуострова в III–II вв. до н.э. (Завойкин. 2010. С. 43).

В большинстве работ «сарматское нашествие», «утверждение сираков и их господства» становится основной характеристикой эпохи раннего эллинизма в северопричерноморском регионе, и на Кубани в частности (Десятчиков. 1977. С. 47; Виноградов, Марченко. 1991. С. 153; Марченко. 1996. С. 113–122; Завойкин. 2010. С. 43–45; Улитин. 2011. С. 283–285). Напомним, что в наиболее полном исследовании, посвященном сиракам Кубани к периоду конца IV – начала III в. до н.э. отнесены 17 из 410 известных автору комплексов, что составляет 4,2 %. Вторая хронологическая группа, охватывающая III в. до н.э. насчитывает 32 комплекса, что составляет менее 8 % (Марченко. 1996. С. 84–86).

В работе 1995 г., посвященной сарматским памятникам восточного Закубанья, краснодарские исследователи писали: «В IV в. до н.э. (вероятно, во второй его половине) здесь появляются памятники смешанного савромато-прохоровского облика... Далее наступает почти двухсотлетнее запустение степей Закубанья...» (Берлизов, Каминская, Каминский. 1995. С. 130). Отметим, что к сармато-савроматским памятникам IV в. до н.э. ими отнесено 28 погребальных комплексов (в таблице названы лишь 6, среди которых и знаменитый Курджипский курган с каменной гробницей) из 336 известных авторам (Берлизов, Каминская, Каминский. 1995. С. 120–122), т.е. в процентном выражении количество сарматских памятников в Закубанье на раннем этапе даже выше, чем на правом берегу.

Обратимся к археологии. Вторая половина – конец IV в. до н.э. в памятниках меотов Закубанья характеризуется как период расцвета культуры. Такие яркие памятники, как Воронежские, Некрасовские курганы, II Тенгинское городище и святилища его некрополя, Уляпские некрополи, Серегинский, Говердовский, Михайловский, Начерзийский и Псекупские могильники, а также ряд других, не столь полно исследованных, демонстрируют стабильность ситуации и самодостаточность населения, оставившего их. На II Тенгинском городище исследована весьма сложная система укреплений, защищавшая население этого центра в междуречье Кубани и Лабы. Остатки рва зафиксированы на Уляпском городище.

Большинство из вышеназванных памятников продолжают функционировать и в III в. до н.э. Прекращают свое существование на рубеже IV–III вв. до н.э. лишь Тенгинское II городище и могильник Начерзий. Первый памятник находится в междуречье Лабы и Кубани, второй – несколько западнее, на р. Шунтук (приток р. Марты).

На рубеже IV–III и в III в. до н.э. появляется ряд новых памятников. Огромное Новолабинское IV городище не имело ни валов, ни рвов, опоясывающих его по периметру. Рядом с ним (в 6 км к востоку) на полстолетия позже возникает еще одно крупное Тенгинское городище (на западной окраине одноименной станицы), также не имевшее укреплений. В устье реки Пшиш начинает функционировать Ново-Вочепшийский могильник.

Сравнивая характеристики погребального обряда IV и III вв. до н.э. в могильниках Закубанья, исследователи не выявляют никаких особых изменений, позволивших бы говорить о значительном влиянии других культур или о приходе новых групп населения, повлиявших на погребальные традиции меотов. Некоторое своеобразие демонстрирует Серегинский могильник (Адыгея), где отмечен достаточно высокий процент могил, использовавшихся для многоразовых захоронений, что в целом нехарактерно для меотов. На могильнике Новолабинского IV городища исследован ряд погребений, где зафиксированы «братские могилы»(?) или погребенные «со следами насилия»(?) (Раев, Беспалый. 2006. С. 14. Рис. 11, 18–2, 35–14; Беглова. 2009. С. 11–14)

Наиболее яркие отличия между IV и III вв. до н.э. фиксируются в святилищах. В первую очередь это наблюдается в увеличении числа приносимых в жертву людей, что весьма наглядно демонстрируют тризновые комплексы Новолабинского (Раев, Беспалый. 2006. С. 30. Рис. 30) и Тенгинского могильников (Беглова. 2004. С. 88–107). Памятники расположены рядом, в районе, ограниченном Кубанью с севера и Лабой с юга, и не исключено, что подобные комплексы являются локальной особенностью, вызванной определенными историческими событиями, неизвестными нам. Отметим, что в меотских памятниках к югу от Лабы или в правобережных кубанских могильниках тризн, аналогичных тенгинским и новолабинским, пока не найдено.

Подчеркнём, что именно в жертвенных комплексах III в. до н.э. мы наблюдаем широкое распространение новых типов конского убора – пластинчатых налобников и нагрудников.

К началу III в. до н.э. исчезает скифское влияние в облике материальной культуры меотов. С III в. до н.э. появляются новые категории посуды (канфары, ойнохойи) и типы зеркал (зеркала с ручкой-штырем), псалиев (крестовидные).

В области торгово-экономической жизни резко сократился импорт в виде амфор и чернолаковой керамики. В Закубанье эта тенденция проявилась еще в последней четверти предыдущего столетия.

Научные исследования последних 15 лет (Лимберис, Марченко. 2005. С. 223–225) дают основания все-таки выделять среди массы

раскопанных погребений комплексы III в. до н.э. И эта тенденция имеет свои результаты. На сегодня можно назвать не менее полусотни комплексов III в. до н.э. среди нескольких тысяч раскопанных меотских погребений, таким образом сняв вопрос о «запустении степей Закубанья». Необходимо отметить, что трудности их выделения связаны с одной стороны отсутствием античных импортов, на которых основана абсолютная датировка, с другой стороны со слабой разработкой детальной хронологии меотской культуры в целом.

Всё вкратце вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы:

1. Без сомнения, боспорский кризис в торговых контактах с Афинами отразился и на меотах. В Закубанье керамический импорт в III в. до н.э. почти не встречается, что является основной трудностью при выделении и датировании комплексов.

2. Вместе с тем культура продолжает развиваться и генерировать собственными ресурсами инновации в некоторых областях материальной культуры: в конском снаряжении и уборе, в керамике.

3. Исследование памятников междуречья Лабы и Кубани позволяет предположить, что на рубеже IV–III или в начале III в. до н.э. здесь происходили какие-то военные действия, в результате которых исчез один крупный центр (Тенгинское II городище) и появился новый, еще более крупный (Новолабинское IV городище). Основания для этого дают материалы некрополя Новолабинского городища, где найдены погребения людей со следами насилия.

4. Присутствие в III в. до н.э. сираков в Закубанье ни единым фактом убедительно не обосновано. Михайловский могильник, возникший в IV в. до н.э. и продолжавший функционировать впоследствии, по всей совокупности признаков является одним из многих меотских могильников. А незначительное количество сиракских комплексов, исследованных на правобережье Кубани, говорит лишь о начальном этапе их проникновения в регион, но никак не об их нашествии, господстве и даже влиянии на культуру меотов.

Литература

- Е. А. Беглова.* Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // Орус: междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. Вып. 3.
- Е. А. Беглова.* Новые исследования могильника IV Новолабинского городища // Пятая кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009.

- Н. Е. Берлизов, И. В. Каминская, В. Н. Каминский.* Сарматские памятники восточного Закубанья. Хронология и хронография // Историко-археологический альманах. Армавир, Москва, 1995. Вып. 1.
- Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1.
- Ю. М. Десятчиков.* Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977.
- А. А. Завойкин.* Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н.э.) // Античное наследие Кубани. В 3-х томах. М., 2010. Т. II.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5.
- Б. А. Раев, Г. Е. Беспалый.* Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону, 2006
- В. В. Улитин.* Упадок греко-меотской торговли в первой половине III в. до н.э. и начало заката боспорского хлебного экспорта // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011.

Л. С. Воротинская

К вопросу о кельто-скифских взаимодействиях в Северном Причерноморье в III–II вв. до н.э.

Конец IV–III вв. до н.э. – это период активной экспансии кельтов на восток. К середине III в. до н.э. кельты обосновались в Карпатской котловине, овладели Фракией, т.е. находились непосредственно на границах Скифии, где к тому времени рухнула держава «скифов царских» (Шукин. 1994. С. 83). Вопрос о взаимодействии кельтов и скифов в III–I вв. до н.э. в Северном Причерноморье неоднократно поднимался исследователями в научной литературе. В последнее время появились новые данные и исследования по этой проблеме, требующие осмысления как с точки зрения так называемой западной, т. е. кельтской археологии, так и со стороны скифской. В то же время встаёт вопрос: с какими именно кельтами вступали в контакт поздние скифы Северного Причерноморья.

В 1995 году у с. Глинное на левобережье Нижнего Днестра был открыт крупный скифский курганный могильник, который исследовался в 1995–2012 гг. Высокая насыщенность памятника небольшими курганными насыпями (исследовано 115 курганных насыпей, 113 из которых были сооружены в скифское время, изучено 181 скифское погребение), неограбленность подавляющего большинства захоронений, прекрасная сохранность целого ряда син-

хронных погребальных сооружений и близость погребального обряда отличают этот памятник. Датировка памятника определяется по обнаруженным в закрытых комплексах амфорным клеймам Синопы и Родоса, а также некоторым типам фибул. По совокупности датировок время функционирования могильника приходится на период III – середины II в. до н.э. (Синика. 2004. С. 110–114; Тельнов, Четвериков, Синика. 2012. С. 10). Доминируют захоронения III типа по Б. Н. Гракову или III и V типов по В. С. Ольховскому (Граков. 1964. С. 123–124; Ольховский. 1991. С. 26–28). По форме катакомбы этой группы близки к катакомбам скифских захоронений IV – начала III в. до н.э. Поднепровья на границе с Лесостепью в бассейне р. Тясмин. По керамическому комплексу в составе инвентаря, территориально и хронологически наиболее близки нижнедунайские захоронения в катакомбах III типа (Яровой, Четвериков. 2000. С. 8, 9, 17; Редина. 2000. С. 28–30).

Среди находок, найденных в погребальных комплексах этого могильника, имеется много предметов латенского происхождения (Синика. 2011. С. 184–187). Обращают на себя внимание находки фибул в погребениях могильника Глиное. В настоящее время опубликованы лишь некоторые из них (Яровой, Четвериков. 2000. С. 6–9), но известно, что они были найдены почти в 40 % погребений (Тельнов, Четвериков, Синика. 2012. С. 9). Всего было найдено 72 фибулы в 62 захоронениях (Синика. 2011. С. 185). Это фибулы раннелатенской и среднелатенской конструкции. Среди среднелатенских фибул есть застёжки, украшенные спиралями и восьмёрками на ножке. Они известны по целому ряду пунктов Северного Причерноморья (Кропотов. 2010. С. 54–56. Рис. 23. 3, 5). Такие фибулы изредка встречаются в зарубинецких погребениях среднего Поднепровья и Припятского Полесья, где их принято называть расчленёнными. Они являются одним из важнейших хроноиндикаторов зарубинецкой культуры. По ним определяют раннюю дату зарубинецких могильников – фазой $C_{1a} - C_2$ относительной хронологии латена, т. е. последняя треть III в. до н.э. – последняя четверть II в. до н.э. (Ерёменко, Щукин. 1998. С. 70–79). Считается, что происхождение фибул с восьмёрками на спинке или на конце ножки связано с балкано-дунайским регионом, с культурами кельто-иллирийского круга. На иллирийских памятниках Боснии восьмёркообразный мотив широко применялся в орнаментации многих украшений ещё в гальштатское время. В Румынии, Венгрии, Чехии, Словении, Сербии восьмёрками и спиралями декорировали раннелатенские и среднелатенские фибулы как на спинке, так и на ножке (Каспарова. 1978. С. 81, 82, там же литература по этому вопросу). Похожие фибулы также встречаются в Северной Германии на памятниках ясторфской культуры (Peschel. 1972; Brandt. 2001. S. 74–75. Karte 3, 7).

К сожалению, в настоящее время комплексы с латенскими фибулами скифского могильника у с. Глинное не опубликованы. Возможно, эти комплексы могут стать источником для уточнения относительной и абсолютной хронологии таких фибул.

Помимо фибул латенских типов привлекают внимание находки элементов поясной гарнитуры. Речь идет о простых поясных крючках без Т-образного крепления для ремня, у которых оба конца загнуты в крюки. Из комплексов могильника Глинное происходит 14 таких крючков. В 20 захоронениях встречены крючки-застёжки с одним загнутым окончанием и выступом (Синика. 2011. С. 185). Серия подобных крючков найдена на памятниках ясторфской культуры (Müller. 1985. Taf. 60, 7, 8, 24, 27; Babeş. 1993. Abb. 27). Пока материалы из могильника Глинное не опубликованы. О них упоминает Ю. П. Зайцев, приводя аналоги элементам поясной гарнитуры III–I вв. до н.э. на позднескифских памятниках Крыма (Зайцев. 2011. С. 584–592). Такие поясные крючки найдены в погребениях группы Поянешти-Лукашевка, генетически связанной с ясторфской культурой (Babeş. 1993. Abb. 26). В контексте восточных аналогий, наверное, уместно упомянуть о находке такого крючка в Подесенье у хутора Гребля в Черниговской области. Он был найден во время раскопок Т. П. Вальковой на памятнике, предварительно отнесённом ею к более поздней киевской культуре (Валькова. 1990; Val'kova, Shevchenko, Schukin. 1992. Fig. 16, 2). Там же в Подесенье в районе хуторов Гребля и Лески Черниговской области известны случайные находки коронообразных гривен, основная зона концентрации которых – территория ясторфской культуры Дания – Северная Германия. В Сумском Посеймье исследованы памятники типа Харьвики, германского круга, вероятно, связанные с этими находками (Обломский, Терпиловский. 1994; Обломский. 2000). М. Б. Шукин предполагал, что находки гривен-корон могут быть связаны с германским племенем скиров, упоминаемым в декрете в честь Протогена. Согласно этому декрету скиры заключили союз с галатами и осадили Ольвию (IRE, I², 32). Декрет был написан, вероятно, в начале II в. до н.э., а события, описываемые в нём, относятся к периоду между 280–270 и 230–220 гг. до н.э. (Шукин. 1993; Андреева. 2004).

Скорее всего, упоминаемые в декрете галаты были кельтами из областей Подунавья. Проникновение кельтов к востоку от Карпат хотя и слабо, но фиксируется немногочисленными памятниками и иллиро-кельтской гидронимией (Мачинский. 1973. С. 52–64).

Ю. П. Зайцев, анализируя поясную гарнитуру поздних скифов в Крыму, приводит довольно многочисленные параллели с европейскими материалами времени среднего и позднего латена. Нельзя не согласиться с его выводами о «кельто-скифском смешении» в Крыму, тем более что в данном контексте учтено огромное количество

комплексов (около четырёх тысяч погребений) (Зайцев. 2011. С. 585–592). Очевидно, позднескифские памятники Тираспольской группы также явились отражением тех же кельто-скифских взаимодействий или смешений. Вполне возможно, что в этих процессах приняли участие и германские племена, оставившие памятники типа Поянешти-Лукашевка и коронообразные гривны в Подесенье.

Литература

- С. Э. Андреева.* Ещё раз к вопросу о датировке декрета в честь Протогена // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.
- Т. Р. Валькова.* Охоронни розкопки била с Гребля Менского района на Черниговщине // Охорона та охоронни дослидження пам'яток археології на Україні. Вінниця, 1990.
- В. Е. Ерёмко, М. Б. Шукін.* К вопросу о хронологии восточного латена и позднего предримского времени // АСГЭ. 1998. Вып. 33.
- Ю. П. Зайцев.* «Позднескифский» костюм как этноэндиатор (на примере элементов поясной гарнитуры III–I вв. до н.э.) // Боспорский феномен. Материалы международной конференции. 2011.
- К. В. Каспарова.* Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2.
- В. В. Кропотов.* Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.
- Д. А. Мачинский.* Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. 1973. № 15.
- А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский.* Посейм'я у латенський час // Археологія. 1994. Вип. 3.
- А. Н. Обломский.* Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи-3 // Stratum plus. 2000. № 4.
- В. С. Ольховский.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III в. до н.э.). М., 1991.
- Е. Ф. Редина.* К вопросу о формировании Тираспольской группы скифских памятников // Чобручський археологічний комплекс і древніє культури Подністрів'я. Матеріалы полевого семінара. Тирасполь, 2000.
- В. С. Синика.* К вопросу о хронологии памятников Тираспольской группы // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Киев, Судак, 2004. Часть I.

- В. С. Синика.* О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Древность: историческое знание и специфика источника. Мат-лы междунар. научн. конф., посвящ. памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. 2011. Вып. V.
- Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков, В. С. Синика.* Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь, 2012.
- М. Б. Щукин.* О галатах и дате декрета Протогена // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993.
- М. Б. Щукин.* На рубеже эр. СПб., 1994.
- Е. В. Яровой, И. А. Четвериков.* К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Материалы полевого семинара. Тирасполь, 2000.
- M. Babeş.* Die Poieneni–Lukaşevka–Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den Jahrhunderten vor Christi Geburt. Bonn, 1993.
- J. Brandt.* Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf soziopolitische Entwicklungen in der vorrömischen Eisenzeit. Internationale Archäologie. München, 2001.
- R. Müller.* Die Grabfunde der Jastorf- und Latènezeit an unterer Saale und Mittelbe // Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle. 1985. Bd. 38.
- K. Peschel.* Fibeln mit Spiralfuß // Zeitschr. Arch. 1972. B. 6.
- T. P. Val'kova, Y. Y. Shevchenko, M. B. Schukin.* New finds of «Kronenhalsringe» in the Chernigov Region, Ukraine and some Problems of their interpretation // Acta Archeologica. 1992. T. 63.
- J. Werner.* Bemerkungen zu nordischen Trachtzubehör und zu Fernhandelsbeziehungen der Spätlatènezeit im Salzburger Land. Spätes Keltentum zwischen Rom und Germanien. München, 1979.

А. Е. Пуздровский

Крымская Скифия и Боспор в системе «Великого Шёлкового пути»

В слоях Неаполя Скифского обнаружены кости верблюда, позволившие В. И. Цалкину связать их с торговлей с Закавказьем и Закаспийской областью (Цалкин. 1960. С. 50). Т. Н. Высотская, развивая эту идею, отметила, что аналогичные находки в Фанагории, Танаисе, Пантикапее и Илурате «прямо указывают на торговый путь с Боспора, по которому купцы из Закаспия и Закавказья попадали в столицу скифов» (Высотская. 1979. С. 97).

В. И. Павленков обратил внимание на более широкий ареал находок костей верблюда-бактриана в слоях римского времени в Северном Причерноморье (Южно-Донузлавское городище и «Чайка» в Крыму, Каменское на Нижнем Днепре, Ольвия). Основываясь на сообщении о прибытии послов к Августу из Индии, а также скифов, сарматов, албанцев, иберов и мидийцев (RGDA, 31), им было высказано предположение, что караваны с восточными товарами по «понтийско-бактрийскому» пути и его ответвлениям доходили до Центрального и Северо-Западного Крыма. По нему и «Степному пути» римляне могли получать индийские и китайские товары, даже когда «шёлковый путь» из Малой Азии на Восток закрывался из-за войн с Парфией (Павленков. 1991. С. 90–92).

Подтверждением данной гипотезы послужило обнаружение в 1996 г. на Усть-Альминском некрополе в богатом женском захоронении середины – третьей четверти I в. н.э. (склеп 620), наряду с другими предметами восточного и западного импорта, китайской лаковой шкатулки (Loboda, Puzdrovskij, Zajcev. 2002. Abb. 18, 4; 23). Остатки лакового покрытия с орнаментом от аналогичных шкатулок обнаружены еще в нескольких склепах (603, 612, 642) и полностью реконструируемая форма еще одной – в склепе 720 (Puzdrovskij, Zajcev. 2004. Abb. 6). Эти факты позволяют предполагать поступление на Усть-Альминское городище определенной партии таких предметов, а также продолжение их производства на рубеже эр. Анализ ткани одежды из мужского погребения склепа 620 показал, что она представляла собой шелк, окрашенный в нити пурпуром (Крупа. 2000. С. 117, 118. Табл. 5).

Дальнейшие раскопки некрополя выявили несколько десятков погребений сарматской знати второй половины I – первой половины II в. н.э. в грунтовых склепах-катакомбах, что может свидетельство-

вать о нахождении в устье р. Альмы ставки одного из сарматских вождей.

Большое количество импортных античных вещей второй половины I – начала II в. н.э. в могильниках Юго-Западного и Центрального Крыма, а также памятниках типа «Золотого кладбища» в Прикубанье может свидетельствовать об активизации торговых связей между римскими провинциями и странами Востока, прежде всего Индией и Китаем.

О связях Крымской Скифии с Центральной Азией свидетельствуют и другие находки. В могиле 700 Усть-Альмы (вторая четверть II в. н.э.) найден парадный меч в деревянных ножнах с четырьмя лопастями у перекрестия и в нижней части клинка украшенными бронзовыми бляхами с позолотой (Пуздровский. 2007. Рис. 87, 5). Наиболее хронологически близкие параллели оформлению ножен известны на Дону, в могильнике Центральный VI (курган 16, погр. 8). Богато орнаментированные ножны и лопасти известны и в других в погребениях I в. н.э.: курган № 1 у Зубовского хутора (Прикубанье), погребение 4 в Тилля-Тепе (Афганистан), курган у г. Азова (Нижний Дон), Косика (Нижнее Поволжье), Горгиппия (Азиатский Боспор). Большинство исследователей усматривают прототипы таких ножен в деревянных моделях погребений Горного Алтая.

Из Усть-Альмы и могильника Заветное (Алма-Кермен) происходят длинные мечи (92 см) с рукоятью-штырём и ромбовидным перекрестием (Пуздровский. 2007. Рис. 87, 8; Волошинов, Масыкин. 2007. Рис. 8, 8). А. С. Скрипкин пришёл к выводу, что древнейшими прототипами таких мечей является китайское клинковое оружие, а в эпоху Хань начиная со II–I вв. до н.э. оно поступало к окружающим кочевым народам, либо изготавливалось по китайским образцам. Крымские находки близки как экземплярам, найденным в Поволжье–Приуралье, так и в западном ареале (Золотая Балка, Весняное, Рошава Драгана).

Китайские и другие восточные товары могли попадать в Северное Причерноморье как по закавказской трассе «Великого Шелкового пути», так и по Северному Пути, который связывал Китай через Восточный Туркестан и закаспийские степи, низовья Дона с дунайскими провинциями Рима, а также через Прикубанье и кавказские перевалы с восточноримскими провинциями (Луболесниченко. 1985. С. 93–94; Берлизов. 1992. С. 32–35). Для китайских, как и для римских купцов, на этом пути (в китайских источниках – «меховой путь»), проходящем через Южное Приуралье и Нижнее Поволжье, одним из основных предметов торговли служили высокоценные меха.

Указание Страбона, что верхние аорсы «вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев» (Strabo, XI, 5, 8), часто понималось как осуществление сарматами самостоятельной транзитной или посреднической меновой торговли (Лукьяшко. 1984. С. 164). Однако Ю. Г. Виноградов показал, что дословный перевод отрывка свидетельствует лишь о конвоировании аорсами караванов за мзду (Гугуев. 1992. С. 127). По мнению Н. Е. Берлизова сарматы брали с китайских купцов натуральную плату за пропуск караванов через свои территории в обе стороны и их охрану в пути, причем как товарами восточного, так и западного происхождения (Берлизов. 1992. С. 33, 34).

Находки шёлковых тканей китайского производства зафиксированы в некрополе Пантикапея: в кургане, раскопанном Д. Карейшей в 1842 г., и в могиле 28, исследованной О. В. Шаровым и В. И. Зинько в 1990 г. Из Средней Азии, Индии, Междуречья, вероятнее всего, ввозились ковры. Возможно, именно эти дорогие предметы обихода, орнаментированные разноцветными квадратами и ромбами, изображены в росписи склепа № 9 Неаполя Скифского. Кроме того, в Крымскую Скифию могли поступать различные пряности и благовония, а также крупные океанические раковины и раковины-каури, кораллы (Красное море, Индийский океан), служившие амулетами, подвесками, либо использовавшиеся в качестве вместилищ косметических средств (Неаполь, Усть-Альма).

Все больше в сарматских погребениях Нижнего Дона, Прикубанья, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, т.е. на трассе Северного пути встречается китайских зеркал. Есть обломки одного такого зеркала и на Усть-Альме (Пуздровский. 2007. Рис. 127, 8). К восточному импорту относятся и массивные дисковидные зеркала большого диаметра (более 20 см) в деревянных футлярах, а также зеркало «бактрийского» типа (Пуздровский 2007. Рис. 127, 1, 2).

Редкими находками для Крыма являются железные трехлопастные черешковые массивные наконечники стрел, предназначенные для стрельбы из лука «гуннского» типа (Битакский могильник, Усть-Альма). Из Усть-Альминского могильника происходят алебастровые сосуды с ручками в виде лежащих фигурок животных, лепные курьильницы (Пуздровский. 2007. Рис. 83–85; 138, 1, 4–6), многочисленные золотые украшения. Эти предметы имеют аналогии в сарматских памятниках Северного Причерноморья, Прикубанья и Нижнего Поволжья и могли поступать в Крымскую Скифию путём межплеменного обмена, либо в качестве платы за предоставление благоприятной обстановки для торговых операций между Востоком и Западом, т.е. выражаясь современным языком – за создание «зоны свободной торговли».

В погребениях I–II вв. н.э. Неаполя Скифского и Усть-Альмы часто находят «битумные лепешки», «комки вара», «смолу». В склепе 620 комков смолы хранилось в китайской шкатулке, в специальном футляре из бересты. Недавно, после анализа аналогичных предметов из погребений Прикубанья, был сделан вывод о том, что они являются сырцом-опием с Памира (Берлизов. 1992. С. 29). Помимо чисто наркотического действия, это сырьё могло использоваться и в медицинских целях.

Ещё одной категорией импорта были лошади среднеазиатской (ахалтекинской) породы, особенно ценившиеся в среде знати. Они изображены на стене склепа № 9, граффити из здания А Неаполя Скифского, на фресках, надгробных памятниках и граффити Боспора (Бабенчиков. 1957. Рис. 13; Дашевская. 1962. Рис. 7, 7, 11, 12, 14; Ростовцев. 1913–1914. Табл. LXIV, LXXVIII, LXXIX, LXXXIV, LXXXVIII; Десятчиков. 1972. С. 68–77; Шургая. 1983. С. 96–100).

Находки на Усть-Альминском некрополе подтверждают значение городища и его гавани как центра международной торговли (Высотская. 1994. С. 46, 92, 138–140, 144, 145). Из порта в устье Альмы могло осуществляться каботажное плавание вдоль Западного Крыма в направлении Ольвии, Тиры и придунайских провинций.

Обеспечение караванной торговли требовало создания определённой инфраструктуры. Возможно, именно с этой целью на Европейском Боспоре в I в. н.э. возводятся или реконструируются крепости типа Илурата, а в Предгорном Крыму возрождается сеть позднескифских городищ. Функционирование данной трассы могло осуществляться лишь в русле политических и экономических договорённостей между Боспором и правителями (сарматскими вождями) Крымской Скифии. Рим также был заинтересован в стабильном поступлении восточных товаров.

Противоречия и конфликты между этнически неоднородным варварским населением Крыма и античными государствами нашли отражение во многих эпиграфических документах I–II вв. н.э. Боспорским царям приходилось неоднократно восстанавливать свое главенство на полуострове, о чём может свидетельствовать и недавно опубликованная надпись из Керчи (см.: Сапрыкин. 2005. С. 45–81).

Таким образом, в I–II вв. н.э. Крымская Скифия через Боспор и кочевнический мир была связана этническими и экономическими связями с Центральной Азией, а через этот регион – с Индией и Китаем.

Литература

- В. П. Бабенчиков.* Некрополь Неаполя Скифского // ИАДК. Киев, 1957.
- Н. Е. Берлизов.* Сарматы на Великом Шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III археологического семинара. Новочеркасск, 1992. Ч. II.
- А. А. Волошинов, В. В. Масякин.* Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005–2006 гг.) // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
- Т. Н. Высотская.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
- Т. Н. Высотская.* Усть-Альминское городище и могильник. Киев, 1994.
- К. В. Гугуев.* Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // ВДИ. 1992. № 4.
- О. Д. Дашевская.* Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА. 1962. № 2.
- Ю. М. Десятчиков.* Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4.
- Е. И. Лубо-Лесниченко.* Великий шёлковый путь // ВИ. 1985. № 9.
- Т. М. Крупа.* Застосування методів природничих наук при дослідженні текстилю IV ст. до н.е. – IV ст. н.е. (за матеріалами Криму) // Археологія. 2000. № 3.
- С. И. Лукьяшко.* О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- В. И. Павленков.* Скифы Северо-Западного Крыма в системе «Великого шёлкового пути» // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. конф. Симферополь, 1991. Часть I.
- А. Е. Пуздровский.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914. Атлас.
- С. Ю. Сапрыкин.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2005. № 2.
- И. Г. Шургая.* Изображение всадника и коня из Илурата // КСИА. 1983. Вып. 174.
- В. И. Цалкин.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа М., 1960. – (МИА. № 53).
- I. I. Loboda, A. E. Puzdrowskij, Ju. P. Zajcev.* Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'- Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // Eurasia antiqua. Berlin, 2002. Bd. 8.
- A. E. Puzdrowskij, Ju. P. Zajcev.* Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'- Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999 // Eurasia antiqua. Berlin, 2004. Bd. 10.

Ю. П. Зайцев

Неаполь Скифский – Ак-Кая – Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III–I вв. до н.э.

Несмотря на длительную историю изучения, проблемы взаимоотношения крымских варваров и Боспорского царства в эпоху эллинизма обычно рассматривались довольно лаконично и всего в нескольких основных аспектах.

Так, для середины III в. до н.э. крымские скифы, якобы отесненные сарматами из степей Северного Причерноморья, называются в качестве военной угрозы в связи с катастрофическими событиями на Боспоре (Зубарь, Зинько. 2006. С. 95–142; Виноградов. 2009. С. 76).

Основной же акцент всегда приходился на временной промежуток последней трети II – начала I вв. до н.э.: время событий Митридатовых войн и царствования Скилура и Перисада V.

Между тем, недавние археологические исследования на территории предгорного Крыма дали новые принципиально важные материалы к разработке обозначенной темы.

Так, было начато и продолжается исследование нового интереснейшего памятника в Центральном Крыму – городища Ак-Кая/Вишенное.

Памятник расположен на правом берегу реки Биюк-Карасу в 6 км севернее г. Белогорска и достигает площади ок. 10 га. Его фортификационная система в плане представляет собой ломаную линию, примыкающую к скальным обрывам (Рис. 1. 1), и состоит из основной оборонительной стены, башен и протейхизмы на северном фланге.

Предварительная хронологическая колонка городища базируется на 130-ти амфорных клеймах Херсонеса, Синопы и Родоса, большая часть которых хорошо стратифицирована.

Время возникновения крепости может быть отнесено к концу IV в. до н.э., когда были построены оборонительная стена шириной ок. 2,5 м, протейхизма и одна башня на северном фланге. На начальном этапе существования – в 70-е гг. III в. до н.э. – происходит первая пожарная катастрофа (пожар № 1), слой которой затем был перекрыт мусорными отложениями небольшой мощности. На их поверхности зафиксирован горизонт глиняно-плетневых (турлучных) сооружений, которые дважды гибли в пожарах (№ 2 и 3) в середине III в. до н.э. В это же время происходит двукратное утолщение оборонительной стены и возведение нескольких новых башен.

Следующий пожар (№ 4) случился в последней четверти III в. до н.э. или на рубеже III–II вв. до н.э. Наиболее выразительный комплекс этого горизонта связан со святилищем у восточной оборонительной стены, на полу которого обнаружен набор керамических алтарей, чернолаковых и лепных сосудов, а также семистрочное граффити на стенке родосской амфоры.

После этого пожара, с начала II в. до н.э. начинается ослабление контроля над состоянием фортификационных сооружений и «зрастание» территории крепости большими и малыми зольниками.

Слой золистого гумуса, перекрывающий слои пожара № 4, сменяется жилыми поверхностями и слоем пожара № 5, который датируется серединой – третей четвертью II в. до н.э.

Верхние горизонты памятника относятся в целом к концу II – I в. до н.э. и представлены многочисленными каменными постройками и хозяйственными ямами. С некоторыми из этих объектов связаны слои пожаров № 6 и 7 с выразительными керамическими комплексами, из которых более ранний может быть датирован ок. 70–60 гг. до н.э.

Во второй половине I в. до н.э. (возможно в 40-е гг. до н.э.) в южной части «большой» крепости, к этому времени уже совсем утратившей оборонительные сооружения, возникает «малая» крепость площадью ок. 1 га (Рис. 1. 2), которая просуществовала до первой половины – середины I в. н.э. и погибла в пожаре.

Территориально и хронологически с ранним периодом существования крепости Ак-Кая/Вишенное можно связать многочисленные коллективные захоронения в каменных подкурганых гробницах (Рис. 2. 5), которые являются традиционными для крымских варваров начиная с IV в. до н.э. (Кропотов. 2009. С. 217, Зайцев, Мордвинцева. 2010 С. 176; Колтухов. 2012. С. 106).

Значительная площадь, развитая фортификация и выразительный археологический материал позволяют предполагать, что в III – начале II в. до н.э. городище Ак-Кая/Вишенное являлось ключевым объектом, вероятно столичной варварской крепостью как в масштабах Крыма, так, возможно, и всего Северного Причерноморья.

Полное совпадение хронологии пожарных катастроф этого населённого пункта с более западными (хора Херсонеса) и более восточными (хора Европейского Боспора) территориями предоставляет большие возможности для определения его роли в соответствующих политических событиях. Так, весьма вероятными будут выглядеть «участие» крепости Ак-Кая в междоусобной войне сыновей Перисада I, например, в качестве ставки скифского царя Агара, куда

бежал Перисад, сын Сатира¹⁰² или же отождествление данного памятника с известной крепостью Фат¹⁰³. Однако, все эти версии пока не могут иметь надёжного обоснования до появления новых археологических доказательств.

Неварварская (греческая) фортификация (ломаный контур оборонительных линий, устройство протейхизмы и т. п.) может указывать на некий античный центр, заинтересованный в формировании центра варварской «силы» у западных границ Боспорского царства. Очевидное же преобладание херсонесского импорта на раннем этапе существования городища позволяет предполагать в качестве такового Херсонес Таврический.

Постепенная утрата оборонительных функций городища Ак-Кая/Вишенное с начала II в. до н.э. по времени совпадает с возникновением другого важнейшего позднескифского памятника – Неаполя Скифского.

История этого широко известного городища начинается с первой четверти II в. до н.э. (вероятно 180-е гг. до н.э.), когда здесь возникло несколько «усадб» с мощными каменными оградами. Место их расположения – на треугольном плато между обрывами скал и глубокой балкой – было отгорожено низким (высотой до 1,7 м) валом с двусторонней каменной облицовкой, к которому с napольной стороны примыкало несколько зольников. Оборонительные возможности этого вала были утрачены довольно быстро: один из упомянутых зольников полностью перекрыл соответствующий участок вала и даже начал «пересыпаться» на крепостную территорию¹⁰⁴. В этот начальный период в материальной культуре населения Неаполя Скифского отчетливо прослеживается греческое (ольвийское) влияние, выразившееся, помимо прочего, в ассортименте терракотовых статуэток (Кибела, Деметра, Афродита) и наборе специфических литейных форм из ручек родосских амфор¹⁰⁵. С другой стороны, также заметны культурные контакты с варварским населением нижнего Приднестровья (форма для изготовления характерного конского налобника, некоторые типы лепных курильниц).

В активную фазу своего существования Неаполь Скифский вступает в 150–140-е гг. до н.э., когда происходит коренная реконструкция оборонительных сооружений и превращение их в сложную фортификационную систему с воротами, башнями и протейхизмой.

¹⁰² Наличие такой ставки вблизи границ Боспорского царства предполагала еще Э. И. Соломоник (1952. С. 114).

¹⁰³ Локализацию крепости Фат в Крыму, на р. Салгир (притоком которой является р. Биюк-Карасу) предполагал ещё В. В. Латышев.

¹⁰⁴ Данные раскопок и уточнение хронологии – по материалам раскопок 2011 г. (Зайцев. 2012. С. 34–35).

¹⁰⁵ Раскопки 1958, 1959, 1989, 1992, 2011 гг.

Тогда же напротив центральных ворот поэтапно начинает развиваться комплекс Южного дворца, который выполнял функции царской резиденции и святилища «царского» культа. (Зайцев. 1997; Зайцев. 2003. С. 42–43). Первый в истории Неаполя пожар (№ 1), вероятно, связанный с военным захватом крепости, произошел ок. 130–129 г. до н.э. и был прослежен на многих участках городища и пригородной территории (Зайцев. 2003. С. 14).

Знаковым событием в истории Неаполя в начале 120-х гг. до н.э. стало сооружение перед фасадом Южного дворца мавзолея-героона «могущественного» Аргота – антовой постройки в дорическом стиле, в которой находились статуарные посвящения греческим богам (Зайцев. 2003. Рис. 35–46).

Примерно в это же время снаружи крепости было устроено парадное привратное святилище, позднее включенное в конструкцию западной оборонительной башни и превращенное в аристократический коллективный склеп¹⁰⁶. Главное и самое богатое мужское захоронение в каменной гробнице, обнаруженное здесь, отождествляется с царем Скилуром, умершим ок. 114–112 гг. до н.э. (Шульц. 1953. С. 40–41; Зайцев. 2001. С. 46).

Слой тотального разрушения, зафиксированный на территории Южного дворца и вдоль оборонительных сооружений, датируется началом последнего десятилетия II в. до н.э. и связывается с событиями Диофантовых войн (Зайцев. 2003. С. 21).

С конца II и на протяжении всего I в. до н.э. Неаполь Скифский продолжает существовать в качестве большого укрепленного поселения с нерегулярной застройкой, не имеющего явных признаков царской столичной крепости.

В отличие от городища Ак-Кая/Вишенное, с Неаполем Скифским связан другой тип погребальных памятников – грунтовые катакомбы (в подавляющем большинстве с коллективными захоронениями), образующие либо грунтовые некрополи, либо впущенные в насыпи более ранних курганов (Рис. 2. 3, 4). Несмотря на малочисленность данных, кажется очевидным наиболее раннее проявление этого феномена на западном побережье Крыма (некрополи Кульчук и Беляус), его связь с территорией нижнего Приднестровья (воинское погребение у с. Чистенькое (Колтухов, Зайцев. 2004) и распространение цепочкой с запада на восток, вплоть до Феодосии (Гаврилов, Труфанов. 2012) и сельской территории европейского Боспора (Корпусова. 1983).

¹⁰⁶ Этот объект в основном известен как «мавзолей Скилура».

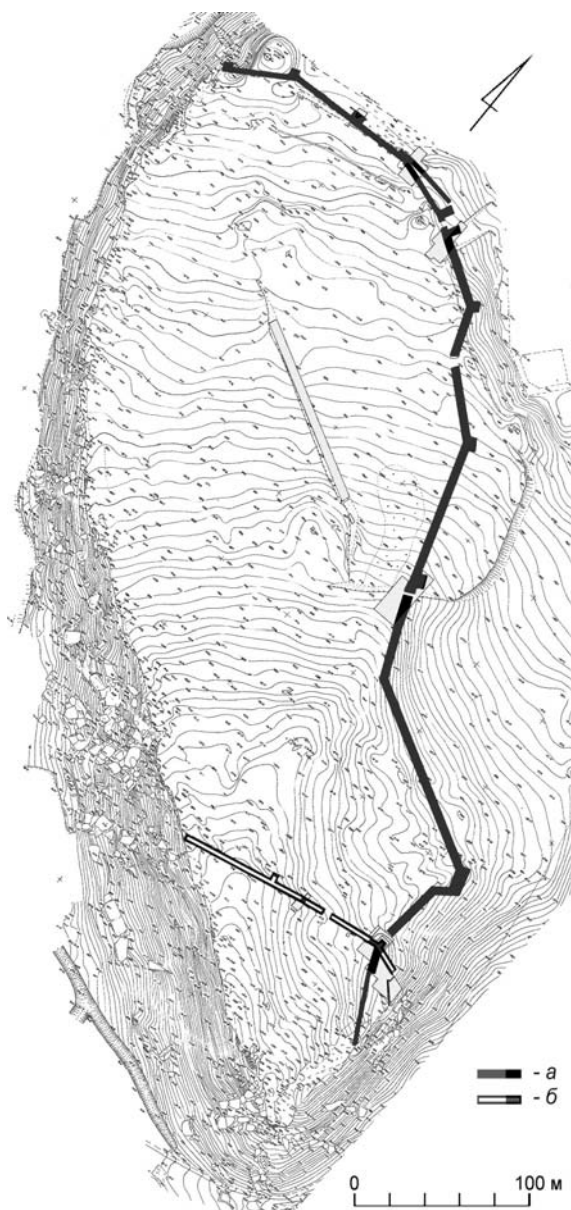

Рис. 1. Городище Ак-Кая/Вишенное. Условные обозначения: *a* – оборонительные стены конца IV – I вв. до н.э.; *b* – оборонительные стены I в. до н.э. – I в. н.э.

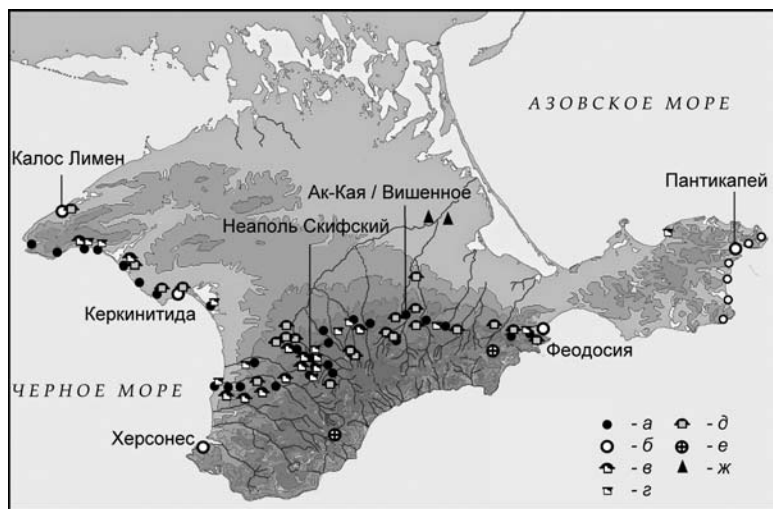

Рис. 2. Археологические объекты Крыма III–I вв. до н. э.: *а* – позднескифские городища и поселения; *б* – греческие города; *в* – коллективные и одиночные катакомбы, впущенные в курганы; *г* – грунтовые некрополи с коллективными и одиночными катакомбами; *д* – подкурганные каменные гробницы с коллективными захоронениями; *е* – горные святилища; *ж* – ритуальные (вотивные) клады

Учитывая многие другие данные, можно сформулировать вывод о зарождении «неапольского» (коллективно-катакомбного) варианта позднескифской культуры в конце III – начале II в. до н.э. и расцвет во второй половине II – первой половине I в. до н.э. При этом ощутимы его северо-западная (приднестровско-ольвийская) «окраска»¹⁰⁷ и очевидно европейское (среднелатенское) содержание (Зайцев. 2011. С. 591–592).

Создается впечатление, что к середине II в. до н.э. вектор политических и культурных приоритетов смещается от «аккайского» к «неапольскому» варианту позднескифской культуры и сопровождается расцветом новой столичной (царской) крепости.

В контексте темы данной работы важно отметить, что именно с этим («неапольским») вариантом позднескифской культуры Крыма связаны имена Аргота и Скилура – вероятных инициаторов и активных проводников политики сближения с Боспором. Именно ко второй половине II в. до н.э. относятся все свидетельства о династических браках между крымскими варварами и аристократической верхуш-

¹⁰⁷ Ср. Пуздровский. 2007. С. 198–199.

кой Пантикапея (Виноградов. 1987; Виноградов, Зайцев. 2003) и именно в это время отношения между ними стали наиболее дружественными и взаимовыгодными¹⁰⁸.

Вероятно, в этот период крымские варвары воспринимали Европейский Боспор в известном смысле как «свою» территорию со всеми вытекающими последствиями.

Некоторое время назад была сформулирована версия о том, что археологическая культура так называемых поздних скифов стала результатом функционирования системы торговых магистралей и маршрутов сообщения по линии Восток–Запад, и в этом случае большая часть варваров Крыма была вовлечена в процесс их обслуживания, т.е. была в известном смысле «транзитной культурой» (Зайцев. 2003. С. 46). Основу же этой культуры во второй половине II – первой половине I в. до н.э. составляли три основных компонента – варварский, причерноморский греческий и европейский (среднелатенский).

В таком контексте упоминание фракийцев и меотов в эпитафии Аргота, на которых была «ниспростёрта божья кара» (Зайцев, Виноградов. 2003), могло иносказательно обозначать крайние западные и восточные точки маршрутных трасс, которые контролировали во II в. до н.э. подданные Аргота и Скилура. Археологическим подтверждением существования таких «транзитных зон» как раз и является упомянутая цепочка грунтовых склепов-катакомб в некрополях и курганных насыпях (Рис. 2. 3, 4), в большинстве случаев связанных с позднескифскими городищами (Рис. 2. 1) и поселениями.

Хорошо известные события конца II в. до н.э. – скифо-херсонесский конфликт, прибытие понтийского полководца Диофанта, передача Перисадом V власти Митридату VI Евпатору, восстание Савмака и его поражение – расстроили налаженный механизм взаимоотношений Боспора и варваров Крыма. Археологическим свидетельством тех событий являются следы катастроф на многих памятниках предгорного Крыма и многие выразительные находки, связанные с пребыванием понтийских войск на территории полуострова (Сапрыкин. 1996. С. 132–150; Гаврилов. 2010).

Литература

Ю. А. Виноградов. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. 2009. Вып. 22.

¹⁰⁸ На этом фоне весьма необычным выглядит утверждение о том, что второй этап кризиса на Боспоре явился следствием резко возросшей агрессивности скифов при Скилуре и Палаке (Зинько. 2007. С. 179–80).

- Ю. Г. Виноградов.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1.
- Ю. Г. Виноградов, Ю. П. Зайцев.* Новый эпитафический памятник из Неаполя Скифского (предварительная публикация) // Археология 2003. № 1.
- А. В. Гаврилов.* Курганы Юго-Восточного Крыма // Stratum Plus. 2010. № 3.
- А. В. Гаврилов, А. А. Труфанов.* Могильник II–I вв. до н.э. городища Куру-Баш (по материалам раскопок 2011 г.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвящённых 1800-летию г. Судака. Археологический альманах. Донецк, 2012. Вып. 28.
- В. Н. Зинько.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н.э.) // БИ. Вып. 2007. Вып. 15.
- В. М. Зубарь, В. Н. Зинько.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. // БИ. 2006. Вып. 12.
- Ю. П. Зайцев.* Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3.
- Ю. П. Зайцев.* Неаполь Скифский. II в. до н.э. – III в. н.э. Симферополь, 2003.
- Ю. П. Зайцев.* «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры 3–1 вв. до н.э.) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011.
- Ю. П. Зайцев.* Раскопки Южного дворца и участка центральных крепостных ворот Неаполя Скифского // Археологічні дослідження в Україні. Київ, 2012.
- Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева.* Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей к юбилею *О. А. Махневой.* Археологический альманах. Донецк, 2010. Вып. 22.
- С. Г. Колтухов.* Скифы Северо-Западного Крыма в 7–4 вв. до н.э. // Археологический Альманах. Донецк, 2012. Вып. 27.
- В. Н. Корпусова.* Некрополь Золотое. Киев, 1983.
- В. В. Кропотов.* Курган с «коллективным погребением» 4 в. до н.э. в Предгорном Крыму // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию *С. А. Скорого.* Киев, 2009.
- А. Е. Пуздровский.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э.. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- С. Ю. Сапрыкин.* Понтийское царство. Москва, 1996.
- Э. И. Соломоник.* О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952.
- П. Н. Шульц.* Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.

Е. А. Попова

**Культовая практика позднескифского населения
Северо-Западного Крыма и Боспорцев:
археологические параллели**

Реконструкция идеологических представлений древнего общества по археологическим материалам – задача сложная. Как известно, информационные возможности археологических источников по самой их природе ограничены. В особенности это касается исследования тех областей жизни, которые непосредственно не связаны с её материальной стороной. В этом смысле обрядово-ритуальная деятельность представляет собой феномен вещественного, которое должно быть объяснено в связи с духовной сферой жизни общества. Отчасти именно интерпретация материальных свидетельств культовой практики представляет затруднения, поскольку мы зачастую имеем дело с обычными бытовыми предметами, ставшими явно священными сами или связанными с определенно культовыми артефактами (сакрализация профанного). В этом случае значительную, если не главную, роль играет контекст, т.е. местонахождение предметов в определенных сооружениях, их расположение относительно друг друга и т. д. Но прежде чем мы приступим к описанию объектов, надо сказать несколько слов о правомочности проведения аналогий между памятниками Северо-Западного Крыма и Боспора. Хорошо известно, что одни и те же предметы в разных культурах могли иметь совершенно разное значение. Можем ли мы сопоставлять материалы Крыма и Боспора, опираясь на чисто визуальное сходство памятников и проводить аналогии при их интерпретации? Поэтому необходимо определиться, в одной ли мировоззренческой системе находились общества рассматриваемых регионов. Этот аспект неизбежно приводит нас к вопросу об их этническом составе в позднеэллинистическое время. Каждое племя, народ, социальная общность в своем мировоззрении отражали мир своего обитания, свой образ жизни. О сходстве материальной культуры поздних скифов и населения Боспора уже говорилось неоднократно (Попова. 2011. С. 136–147). Сходные условия жизни обуславливали и сходные религиозно-культовые представления и, соответственно, ритуально-обрядовую практику. Население обоих регионов было оседлым земледельческим, и при этом тесно связанным с греческими идеологическими представлениями, что и отразилось в его культовой практике. Так что сопоставление представляется вполне правомочным.

В Северо-Западном Крыму более всего материалов, связанных с культовой практикой так называемого позднескифского населения, фиксируется на городище «Чайка» в Евпатории. Вещественные свидетельства делятся на несколько категорий объектов, связанных с культово-обрядовыми действиями: это святилища, домашние жертвенники и зольник.

В предместье, к югу от основного позднескифского поселения, было открыто помещение, несомненно, культового назначения. Это помещение № 11. Площадь его – около 18 м². Первоначально назначение помещения, по-видимому, было хозяйственным. Но во втором периоде оно становится культовым. Снаружи к южной стене пристраивается небольшая кладка, придавшая планировке помещения вид мегаронного сооружения. В трех углах располагались очаги. Около одного из них лежали два черепа барашков. В центре помещения был устроен глиняный столик размером 0,80 x 0,90 м, высотой 0,10 м. На столике видны следы интенсивного горения. Такого типа столики использовались в качестве жертвенников. Рядом со столиком стоял миниатюрный терракотовый алтарик, представлявший копию греческого алтаря на профилированном основании. В верхней части его – углубление со следами горения. Подобные алтарики известны по материалам североприморских античных центров. Наш алтарик наиболее близок экземпляру, происходящему из так называемой резиденции Хрисалиска, опубликованному Н. И. Соколовским, который датировал его второй половиной II – третьей четвертью I в. до н.э. и связывал вотивные предметы, в том числе алтарик, с культом богини плодородия, возможно, Афродиты (Соколовский. 1976. С. 93–94). В связи с этим особо значимой представляется находка в слое разрушения помещения № 11 фрагмента терракотовой статуэтки Афродиты Анадиомены, воспроизводившей фигуру богини с дельфином. Полные аналогии такой статуэтке происходят только с Боспора – из Пантикапея (Кобылина. 1961. Табл. X. 1–2) и из Горгиппии (Терракотовые статуэтки. 1974. Табл. 57. 1, 3). Датируются эти статуэтки I в. до н.э. – I в. н.э.

Эти атрибуты – алтарик и статуэтка Афродиты – свидетельствуют о том, что позднескифское население поклонялось греческим божествам, используя при этом и чисто греческие вотивные предметы. Причем аналогии этим вещам мы находим на Боспоре.

Комплекс описанных вотивов дополняется находками здесь же миниатюрных лепных сосудиков, подражающих греческим культовым чашам, так называемым чашечкам на ножках (Зайцева. 2000. С. 68 сл.). В помещении было найдено также большое количество астрагалов, иногда с отверстиями. Астрагалы трактуются как талисманы и обереги.

Все рассмотренные обстоятельства позволяют относить помещение № 11 к культовым, то есть домашним святилищам. Датируется помещение I в. до н.э. – первой четвертью I в. н.э.

Аналогичные помещения-святилища на Боспоре – помещение № 3 усадьбы близ Порфмия (Вахтина. 2002. С. 95–98) и помещение № 11 поселения Полянка (Масленников. 2006. С. 21 сл.).

Святилище у Порфмия датируется концом III–II в. до н.э. Находки терракот в нем по семантике (Афродита) и ритуальному назначению (алтарики) абсолютно совпадают с чайкинскими находками. Святилище у Порфмия может рассматриваться как отражение истоков традиции устройства подобных святилищ поздними скифами.

Святилище Полянки, относящееся к тому же времени, что и чайкинское, совмещает два типа культовых объектов: святилище и домашний жертвенник. Здесь приходится обратиться к интерпретации А. А. Масленниковым одной детали культового комплекса помещения № 11 Полянки, а именно – ямы с амфорой. Судя по описанию, ямка глубиной 0,40 м была опущена ниже пола и в ней захоронена амфора с сожженными костями. К сожалению, принадлежность костей не определяется автором. Сверху ямка была прикрыта каменным жерновом с отверстием. А. А. Масленников интерпретировал этот объект как своего рода героон. Однако чайкинские материалы, как кажется, показывают, что подобные жертвенники устраивались и в жилых помещениях. На городище Чайка зафиксировано шесть жертвенников в помещениях, входивших в жилищно-хозяйственные комплексы (Попова. 1990. С. 196–203). Они делятся на типы, два из которых по конструкции аналогичны полянкинскому: это 3-й тип, где жертвенная ямка с костями домашних животных, опущенная ниже пола, но не перекрывающаяся им, прикрыта верхней частью сосуда; 5-й тип, где жертвенник состоял из камня с отверстием, огороженного каменной оградкой. Сохранение костей жертвенных животных – варварская традиция. Таким образом, мы имеем типичное для позднеэллинистического времени смешение ритуальной практики греческой и варварской.

Домашние жертвенники демонстрируют одномоментные и повторяющиеся обряды. Ямки под полом – обряд придания дому жизнеспособности, поэтому захоранивались младенцы или молочные животные (барашки). Это отражение культа, связанного с сакрализацией пространства дома путем принесения строительных жертв. Ямки же с сосудами – для повторяющихся ритуалов жертвоприношений богам.

Ещё одним аргументом в пользу интерпретации помещения Полянки как героона А. А. Масленников считает «заклад» проема. Но в описании сказано, что проем был «плотно завален бутовым камнем» (Масленников. 2006. С. 21). Естественно, что при разрушении здания проем заполнился камнем.

Одним из главных культов, отраженных в находках помещения Полянки, был культ плодородия, т.к. терракотовые статуэтки в основном связаны с Деметрой, Афродитой, Дионисом и их спутниками (Масленников. 2006. С. 27–37). Основным культом, отправлявшимся населением Чайки, был также культ плодородия. Суммируя все сказанное, надо отметить, что одним из главных божеств, которому поклонялись поздние скифы и боспорцы в эллинистическое и позднеэллинистическое время была, по-видимому, Афродита, о чем свидетельствуют находки терракотовых статуэток (Порфмий, резиденция Хрисалиска, Полянка, Чайка). Это лишний раз доказывает тесную связь культуры так называемых поздних скифов с греческой культурой.

Ещё один объект, несомненно, связанный с обрядовыми действиями, это зольничный холм. Он состоял из суглинистых слоев, насыщенных золой, значительным количеством фрагментов печины, керамики и костей животных. В нижнем слое довольно компактно располагалось несколько ямок, заполненных обломками очагов и чистой золой. Ямки устраивались в песке, перекрывшем разрушенный жилищно-хозяйственный комплекс. Они имели округлую форму диаметром в среднем около 0,80 м, глубиной от 0,10 до 0,40 м. В них были аккуратно сложены крупные фрагменты печины от очагов и зола. Это свидетельствует об особом отношении к остаткам отслуживших печек. В заполнении ямы 32 были обнаружены фр-ты керамики, печины и кости животных. У дна ямы лежал фрагментированный терракотовый алтарик с рельефными изображениями. Сохранилась значительная его часть, которая позволяет судить о сюжете изображения, представляющего три женские фигуры, взявшиеся за руки. Это довольно распространенный мотив хоровода нимф. Размеры сохранившейся части алтарика: высота 11 см, диаметр верхней части – 7,5 см. Алтарик имел округлую форму. В верхней части находилось углубление. В античной мифологии нимфы – второстепенные божества. Однако они связаны с весьма важной частью культа плодородия – необходимостью наличия достаточного количества воды. Одним из значений этого слова, по античным лексикографам, было такое понятие, как «источник», то есть водный ключ, родник. О популярности этого сюжета на Боспоре в позднеэллинистическое время свидетельствует находка рельефов с нимфами на Тамани (Савостина. 2012. С. 246–257).

Устройство ямок для захоронения остатков очагов и выбросов золы указывает на культовый характер зольника, во всяком случае, его нижних слоев. Бережное отношение к остаткам печей отражает существование культа огня и домашнего очага в этот период. О культовом характере объекта свидетельствуют и некоторые находки. К предметам, которые можно интерпретировать как культовые, относятся упомянутый выше терракотовый алтарь, а также найденные в засыпи одной из более поздних зерновых ям глиняные модели зерен, плодов оливок и выпеченного хлеба. Использование рассматриваемой площади как культового места продолжалось, видимо, чуть дольше, чем до середины I в. до н.э.

Зольники сопровождают многие античные и варварские поселения и представляют зачастую сложные объекты для интерпретации. Также многочисленны зольники боспорских поселений, они присутствуют как на сельских поселениях (Масленников. 2007. С. 408, сл.), так и в городах (Гайдукевич. 1965. С. 28–37; Молева. 2002. С. 107–122). Интерпретация всех зольников как культовых оспаривается А. М. Бутягиным (Бутягин. 2002. С. 91). Однако зольник Мирмекия второй половины V в. до н.э. признаётся им имевшим сакральное значение. В слое наблюдались «скопления печины... являвшиеся разрушенными очагами». Представляется возможным предположить, что это тоже «захоронения» отслуживших очагов, как в чайкинском зольнике, о чем говорит их компактное залегание. В таком случае мы имеем отражение начала традиции подобного обращения с остатками очагов, которая сохранялась поздними скифами.

Таким образом, культовая практика населения Северо-Западного Крыма позднеллинистического времени и Боспора практически аналогичны и многие обряды, совершавшиеся поздними скифами, находят свои аналогии в ранних боспорских материалах.

Литература

- А. М. Бутягин.* Новые исследования раннего мирмекийского зольника // БФ. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002.
- В. Ф. Гайдукевич.* Мирмекийские зольники-эсхары // КСИИМК. 1965. Вып. 103.
- М. Ю. Вахтина.* Материалы домашнего святилища из усадьбы близ Порфмия // БФ. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002.
- К. И. Зайцева.* Культовые чаши I в. до н.э. – IV в. н.э. из Северного Причерноморья // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- М. М. Кобылина.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- А. А. Масленников.* Античное святилище на Меотиде. М., 2006.

- Н. В. Молева.* Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002.
- А. А. Масленников.* Сельские святилища Европейского Боспора. М., 2007.
- Е. А. Попова.* Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // СА. 1990. № 3.
- Е. А. Попова.* Позднескифская культура: история изучения, проблемы, гипотезы // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2011. № 1.
- Е. А. Савостина.* Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь, Керчь, 2012.
- Терракотные статуэтки. Придонье и Таманский полуостров // САИ. ГИ-П. М., 1974. Ч. I–II.

В. Ю. Зуев

О появлении сарматов в степях Евразии по археологическим данным¹⁰⁹

Сарматская археология возникла в советской науке как самостоятельное направление в конце 40-х годов XX века на основе парадигмы савромато-сарматского историко-культурного единства (Граков. 1947. С. 100–121). Сама парадигма о тождестве и исторической преемственности савроматов и сарматов появилась в условиях доминирования стадияльных представлений о существовании и смене культур как сугубо автохтонных процессов. Более того, она была заострена против буржуазной теории миграционизма, разработанной в отношении сарматов М. И. Ростовцевым, который назывался политическим врагом советского строя и науки, а его методы работы определялись Граковым как «порочные».

Б. Н. Граков написал свою статью о единой автохтонной савромато-сарматской культуре в сложных условиях начинающейся в это время борьбы с космополитизмом, когда от Гракова руководством ИИМКа требовалось обличить и идейно разгромить кого-либо из буржуазных учёных, и тем самым продемонстрировать верность марксистской идеологии в частности – учению Н. Я. Марра о стадияльности исторического развития. Граков играл своими знаниями виртуозно, построив статью на скрытой иронии по поводу любимой марксистами теме матриархата. Взяв за отправную точку сообщение Псевдо-Скилака, что савроматы – народ женоуправляемый, а у сарматов, по данным римских историков, женщины вынуждены всю жизнь заниматься только домашним хозяйством, он попытался доказать, что оба народа стадияльно тождественны в своей культуре, и что на археологических материалах из Поволжья и Приуралья можно проследить этапы угасания матриархата от женозави-

¹⁰⁹ Полную версию доклада см.: Зуев. 2013. С. 26–36.

симых савроматов (потомков амазонок) к совершенно маскулинным сарматам. Отличие разновременных археологических материалов Граков предлагал объяснять постепенной – стадийно автохтонистской – трансформацией единой кочевой культуры, названной им савромато-сарматской (Граков. 1947. С. 100–121).

В статье Б. Н. Гракова было всё: систематизация археологического материала, освоенного автором в 20–30-е годы, виртуозное манипулирование письменными источниками, неявная ирония над марксизмом и его трактовками роли женщины в истории, смелость (Граков опирался и ссылался в статье на переписку с учёными, которые были репрессированы или покончили с собой, являясь тогда официально признанными внутренними врагами СССР). Не было в статье лишь одного – доказательства тождества исторических савроматов и сарматов (Тохтасьев. 2005. С. 291–306). Но этого коллеги Гракова не заметили тогда, не видят этого и сегодня, составляя в честь основополагающей для советской сарматологии статьи лестные отзывы по случаю юбилея её издания (Скрипкин. 2008. С. 11–35. Ср. детальный разбор статьи Гракова: Зуев. 2003. С. 588–593. А. С. Скрипкин не ссылается на эту работу). Сам Б. Н. Граков, в 1955 г., оценивая свою гипотезу о единстве «савромато-сарматской» культуры, написал в Большой Советской Энциклопедии, что «тождество савроматов и сарматов доказано ныне окончательно» (Граков. 1955). В последующие годы, трудами его учеников, была детально разработана концепция единой савромато-сарматской культурно-исторической общности, которая бытовала на просторах от междуречья Дона и Волги до Зауралья от VI в. до н.э. до IV в. н.э. (Смирнов. 1964; Мошкова. 1989). Однако Б. Н. Граков переоценил окончательность решения вопроса о савромато-сарматском тождестве.

В 1971 г. со своей аналитической работой о письменной традиции относительно проблемы появления сарматов на исторической арене в Северном Причерноморье выступил Д. А. Мачинский (Мачинский. 1971. С. 30–54). Он убедительно доказал отсутствие указаний на тождество савроматов и сарматов в античной литературной традиции, и обосновал для эпохи архаики времён Аристеев Проконесского своё распределение различных древних народов от Задонья до Зауралья. Его взгляды полностью принял К. Ф. Смирнов, согласившийся считать Приуралье и Зауралье зоной обитания исседонов (Смирнов. 1977. С. 19). Но, понимая, что такой вывод разрушает концепцию Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнов выдвинул более чем сомнительный компромисс, утвердившийся в отечественной сарматологии. К. Ф. Смирнов предложил локализовать исторических савроматов в междуречье Дона и Волги, но в плане археологии считать все древности Поволжья и Приуралья памятниками единой «савроматской» археологической культуры, существующей в двух локаль-

ных вариантах. Так в науке появилось раздвоенное понятие – исторических и археологических савроматов. Наиболее последовательно эту идею в наши дни поддерживает А. С. Скрипкин (Скрипкин. 2009). То, что с исторической точки зрения это является нонсенсом (этнос не имеет никакого отношения к древностям, которые называются по его имени), нисколько не смущает сарматологов, пытающихся всеми силами хоть что-то сохранить в науке от парадигмы Гракова. Как результат – появляется всё больше исторических странностей: так, например, В. Д. Кубарев, находя прямые параллели между древностями Алтая и Приуралья VI–IV вв. до н.э., вынужден был писать (в археологическом смысле) о савроматах, живших... на Алтае (Кубарев. 2002. С. 127–139)!

Не удалось сторонникам идеи Гракова отстоять и археологическое единство «савроматской» культуры Волго-Уральского региона. Работами М. А. Очир-Горяевой было настолько убедительно доказано культурное различие Задонья, Поволжья и Приуралья в VI–IV вв. до н.э., что М. Г. Мошкова была вынуждена признать, «что, по-видимому, со временем эта концепция [М. А. Очир-Горяевой. – В. 3.] восторжествует» (Мошкова. 1994. С. 9).

Долгое время последователи граковской парадигмы настаивали на том, что зарождение собственно культуры исторических сарматов, которой в археологии соответствует прохоровский культурный комплекс (специфичный погребальный обряд, набор вооружения, утвари и произведений ювелирного искусства), происходило «в недрах археологически понимаемой “савроматской” культуры». Этот процесс, по их мнению, протекал в пределах второй половины IV в. до н.э. Доказательством служила неверно определяемая хронологическая позиция эпонимного памятника раннесарматской культуры – курганов у дер. Прохоровка. Однако, как показали мои работы (Зуев. 2003), подкреплённые результатами исследования этих курганов под руководством Л. Т. Яблонского (Яблонский. 2010), у дер. Прохоровки располагались разновременные группы курганных насыпей. В северной группе были сосредоточены захоронения, относящиеся к V–IV в. до н.э. (памятники филипповского горизонта, или периода). В южной группе – захоронения раннесарматской культуры – второй половины II–I в. до н.э. (памятники прохоровского горизонта, или периода)¹¹⁰. Поскольку между памятниками филипповского и прохоровского культурных горизонтов во всём ареале Приуралья и Поволжья, имеется значительный хронологический разрыв – надёж-

¹¹⁰ Следует отметить, что Л. Т. Яблонский этого деления прохоровских курганов не принимает. Но докопать памятник это ещё не значит понять его. Подчеркну особо, что под понятиями прохоровского горизонта, памятниками и предметами прохоровского типа я понимаю исключительно круг древностей, найденных в Южной группе Прохоровского курганного могильника.

но датируемые III в. до н.э. памятники отсутствуют, – то парадигма автохтонного формирования раннесарматской культуры в Приуралье в период IV–III вв. до н.э. оказывается несостоятельной, как и историческое единство культур реальных савроматов и сарматов.

Эта идея вызвала большой резонанс среди сарматологов, отрицающих саму возможность такого расклада археологических материалов. Появилось множество вариаций хронологических решений «проблемы хиатуса III в. до н.э.» – от особого метода «зажатых датировок» В. М. Клепикова, предложившего выделить памятники III в. до н.э. по сочетанию хроноиндикаторов IV и II в. до н.э. в закрытых комплексах (Клепиков. 1998), до попыток удревнить само понятие «памятники прохоровской культуры» до VI в. до н.э. исходя из того, что «савромато-сарматская» археологическая культура не может быть дискретной как историческое явление и в ней всё эволюционно взаимосвязано. Сторонники этой весьма запутанной идеи не отделяют исторических и «археологических савроматов» от сарматов, и не признают условности понимания «савроматской» археологической культуры. Они критикуют последователей К. Ф. Смирнова – в частности, А. С. Скрипкина – за идею условного понимания археологической «савроматской» культуры и считают вполне реальной жизнь исторических савроматов и «вызревших» в их среде исторических сарматов на просторах от Заволжья до Приуралья (Исмагил. 2002. С. 174–182).

М. Г. Мошкова и А. С. Скрипкин, оставаясь на позициях традиционной хронологии раннесарматской культуры, указали, что для констатации наличия или отсутствия хронологических разрывов археологических колонок сарматских древностей, необходима многолетняя кропотливая работа по проверке соотношения не только памятников Поволжья и Приуралья, но и каждой категории инвентаря археологического прохоровского культурного комплекса, рассматриваемой в отдельности. При этом они не сомневались, что проделанная ими работа типологического анализа инвентаря убедительно свидетельствует о непрерывной эволюции форм оружия, керамики, утвари и произведений искусства в археологических комплексах IV–II вв. до н.э. из Приуралья и Поволжья (Мошкова. 2001. С. 244–249; Скрипкин. 2000. С. 22–23). В последнее время выяснилось, однако, что вся база проделанной ими типологической работы – это 60 погребений из 43 памятников, которые К. Ф. Смирнов рассматривал как финальные «савроматские» памятники IV в. до н.э., а М. Г. Мошкова – самые ранние прохоровские (Зуев. 2004. С. 207–208). Таким образом, «случайно» получилось, что конец «савроматской» археологической культуры и начало раннесарматской (прохоровской) представлен одними и теми же памятниками. В результате на сегодняшний день в науке не существует доказательно построен-

ных типологических колонок «савромато»-сарматских древностей, что подтверждает наличие хронологического разрыва между древностями филипповского и прохоровского культурных горизонтов.

Убеждает в этом и работа по сравнению технологий производства мечей и кинжалов Приуралья VI–IV и II–I вв. до н.э. (Терехова. 2011; Зуев, Карташов. 2011). Они не сводятся к единой традиции производства. Более того, функционально совершенно различны в боевом применении. Оружие прохоровского типа является абсолютной новацией и не может быть выведено из эволюции форм перекрестий и наверший, ранних клинков, как считают сторонники идеи культурной эволюции филипповского и прохоровского горизонтов древностей. Клинки финального этапа филипповского горизонта, найденные на одной территории, и (по мнению эволюционистов), относящиеся к одному и тому же времени, ни разу не совстречаются в одном археологическом комплексе с клинками прохоровского типа (Зуев. 1998; Симоненко. 2010).

Парадоксальную картину по хронологическому распределению предметов ювелирного искусства в погребальных комплексах сарматской культуры привела в своей работе В. И. Мордвинцева (Мордвинцева. 2011. С. 592–597). Она стоит в целом на традиционных позициях датирования сарматских древностей – с рубежа IV–III в. до н.э. по первые века н.э. В Поволжье она выделила три хронологических периода, по которым распределила все известные погребальные комплексы, в которых присутствуют ювелирные украшения¹¹¹. Однако в рамках первого периода у неё происходит «интересное» распределение материала. В первые 150 лет (III – первая половина II в. до н.э.) раннесарматской истории в междуречье Дона и Волги, Заволжье и Нижнем Поволжье золотые украшения найдены только в пяти женских погребениях. Это были поштучно: «височные кольца простых форм и, в более редких случаях (на пять-то погребений! – В. З.), перстни с гладкими выпуклыми щитками, аналогии которым имеются в скифских древностях Северного Причерноморья и Прикубанья» (Мордвинцева. 2011. С. 593). Даже из приведённой цитаты становится ясна необоснованность датировки этих находок раннесарматским временем. Из этого следует, что в указанный исторический период в Поволжье практически нет сарматских погребений с золотыми украшениями. В. И. Мордвинцева объясняет это отсутствием связей сарматов с «античными центрами» ювелирного производства и интереса эллинов к региону Поволжья. Как она считает, с середины – второй половины II в. до н.э. ситуация меняется. «Появляются комплексы, которые по составу и качеству инвентаря

¹¹¹ «III–I вв. до н.э. (65 комп.), I – 1 пол. II вв. н.э. (65 комп.), 2 пол. II – 1 пол. III в. н.э. (17 комп.)» (Мордвинцева. 2011. С. 593).

резко отличаются от большинства других захоронений» единого периода развития культуры (Мордвинцева. 2011. С. 593). К следующему столетию (вторая половина II – I в. до н.э.) в Поволжье отнесены 60 комплексов мужских и женских элитарных захоронений ранних сарматов, которые изобилуют ювелирными украшениями греческого, среднеазиатско-ближневосточного и китайского производства. «Многие из них являются прямыми импортами с далёких восточных территорий (Западная Сибирь, Монголия) или сделаны на месте по этим образцам» (Мордвинцева. 2011. С. 593).

В. И. Мордвинцева, придерживаясь традиционной периодизации раннесарматской культуры, рисует невероятную историческую картину. Получается, что за трёхсотлетний период существования единой раннесарматской культуры, в первые 150 лет, мужчины вообще чурались золота, а женщины были идилически скромны. Зато со второй половины II в. до н.э. что-то резко меняется: появляется удивительное разнообразие произведений ювелирного искусства, а также техник их производства! Из полуторовекового прозябания в качестве «глухого угла» Поволжье превращается чуть ли не в центр ойкумены, причём исключительно благодаря торговым связям. Для меня совершенно очевидно, что в середине II в. до н.э. в степи Приуралья и Поволжья приходит новая волна кочевников, оставившая многочисленные погребения с ярко выраженным прохоровским культурным комплексом вещей, заимствованных в Китае, Средней Азии, на Ближнем Востоке, и именно с этой волной кочевников и следует связывать появление сарматов. При этом можно допустить, что сложение орд этих номадов происходило чуть раньше – в бурной истории III – начала II в. до н.э. Но становление этой кочевой культуры происходило никак не в Приуралье и Поволжье эволюционным путём – по наследству от номадов, живших здесь в IV в. до н.э.

Завершая отступление о ювелирном искусстве сарматов, сошлюсь на мнение И. П. Засецкой, которая в ряде работ констатирует «отсутствие корней сарматского звериного стиля в художественных изделиях савроматов» Поволжья и Приуралья (Засецкая. 2011. С. 255–256).

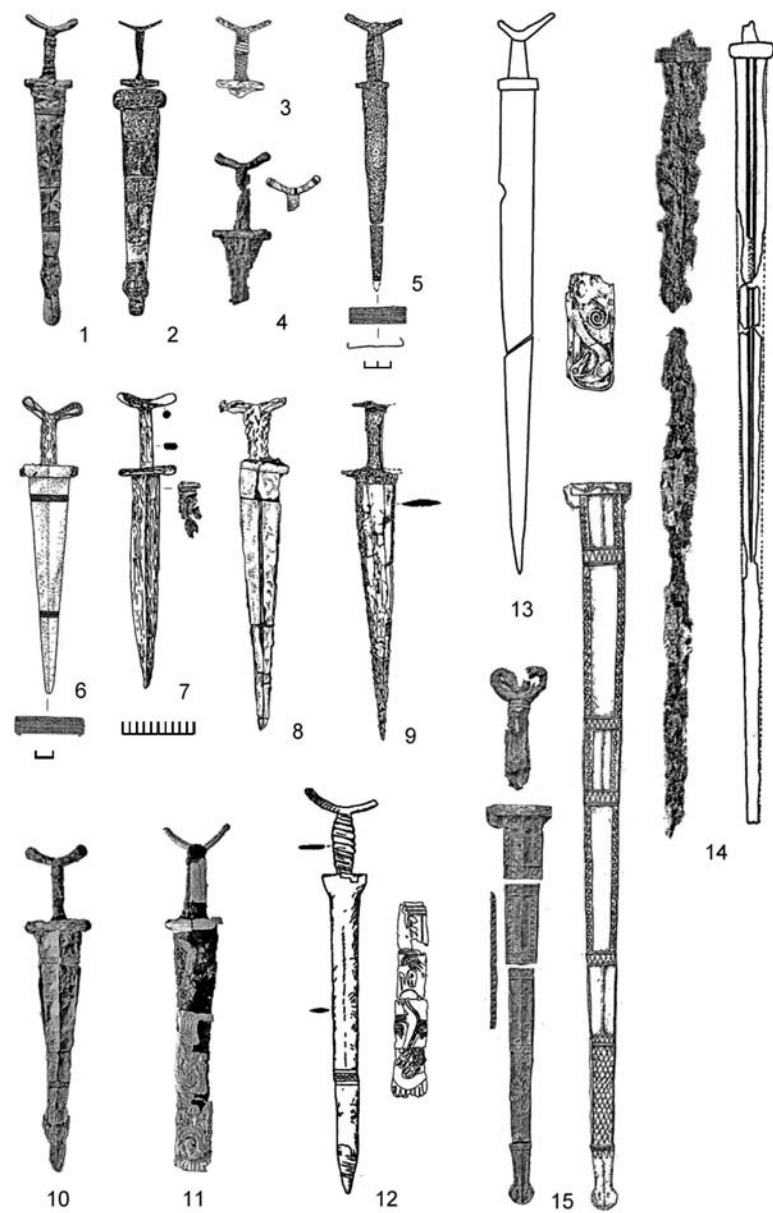

Рис. 1. Церемониальные кинжалы и мечи прохоровского типа с обкладками золотом: 1 – Красногорский кург. Погр. № 2; 2 – Прохоровка. Южная группа. Кург. 1. Погр. 1; 3 – Горбатый мост. Кург. 4. Погр. 1; 4 – кинжал из коллекции Щукина (Гос. Исторический Музей); 5 – Покровка 2. Кург. 17. Погр. 2; 6 – Белокаменка-II. Кург. 7. Погр. 3; 7 – Короли. Кург. 4. Погр. 1; 8 – Барановка-I. Кург. 10. Погр. 9; 9 – Писаревка-II. Кург. 6. Погр. 2; 10 – Верхнее Погромное. Кург. 7. Погр. 6; 11 – Жутово. Кург. 27. Погр. 4; 12 – Раздольная. Кург. 7. Погр. 13; 13 – ОПХ «Рассвет». Кург. 1. Погр. 19; 14 – Саламатино. Погребение 1902 г.; 15 – Буерова могила

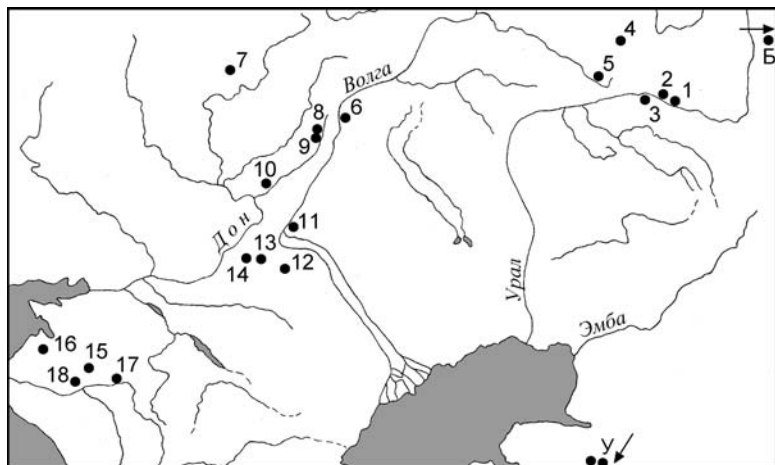

Рис. 2. Локализация комплексов II-I вв. до н.э. с церемониальными клинками прохоровского типа: 1 – Красногорский кург.; 2 – Горбатый мост. Кург. 4. Погр. 1; 3 – Бердянка V. Кург. 4. Погр. 4; 4 – Прохоровка. Южная группа. Кург. 1. Погр. 1; 5 – Покровка 2. Кург. 17. Погр. 2; 6 – Белокаменка-II. Кург. 7. Погр. 3; 7 – Короли. Кург. 4. Погр. 1; 8 – Барановка-I. Кург. 10. Погр. 9; 9 – с. Саламатино. Погребение 1902 г.; 10 – Писаревка-II. Кург. 6. Погр. 2; 11 – Верхнее Погромное. Кург. 7. Погр. 6; 12 – Ханата. Кург. 8. Погр. 2; 13 – Жутово. Кург. 27. Погр. 4; 14 – Октябрьский-V. Кург. 1. Погр. 1; 15 – Раздольная. Кург. 7. Погр. 13; 16 – Буерова могила; 17 – Тифлисская. Кург. 18; 18 – ОПХ «Рассвет». Кург. 1. Погр. 19; Б – Байкара. Сарматское погр.; У – плато Устюрт. Ритуальные комплексы с каменными изваяниями в урочищах Улыгыз и Байте

Таким образом, приведённые примеры доказывают, что методичный, кропотливый анализ всех категорий инвентаря прохоровского археологического комплекса подводит к признанию того факта, что древности этого культурного горизонта независимы в своём происхождении от культуры номадов, живших в Приуралье и Поволжье V-IV в. до н.э.

Говоря о древностях прохоровского археологического комплекса, необходимо взглянуть за пределы Приуральского региона и поставить вопрос – когда же появляются в восточном Причерноморье и далее на восток материалы этого культурного горизонта? Работами последнего десятилетия убедительно доказано, что древностей прохоровского типа нет ранее второй половины II в. до н.э. на всём протяжении от Приуралья до Северного Причерноморья. (Симоненко. 2010; Глебов. 2010; Клепиков. 2002). Попытки доказать, что в лесостепной зоне Приуралья есть древности прохоровского горизонта IV в. до н.э., основываются только на верности сарматологов граковской парадигме о единстве «савромато-сарматской» культуры и на игре с понятием «прохоровский горизонт древностей» в силу того, что этот тогильник состоит из двух разновременных групп V–IV и III–I вв. до н.э.

Интересно и весьма симптоматично, что наиболее ранние образцы мечей и кинжалов прохоровского типа дают археологические комплексы, где эти клинки представлены в церемониальном виде – когда ножны и рукояти этих клинков плакетированы золотом (Рис. 1). Распространение подобных комплексов показано на карте (Рис. 2). Они дают чёткий хронологический горизонт, раньше которого ни оружия, ни других составляющих археологического комплекса прохоровского типа просто нет на всём протяжении степей от Западной Сибири и Средней Азии в целом до Северного Причерноморья. А раз так, то весьма вероятно, что именно древности этого культурного горизонта маркируют появление и распространение исторических сарматов из глубин азиатских степей. Такова археологическая картина появления в евразийских степях древностей сарматского круга. Возможно, формирование сарматской культуры происходит, по меткому определению М. И. Ростовцева (Ростовцев. 1929. С. 9), чуть ранее в глубинах Срединной Азии. Но древности V–IV вв. до н.э. из Приуралья и Поволжья вряд ли корректно называть савроматскими, а уж тем более – сарматскими. Скорее всего, они оставлены неизвестными нам по этнонимам номадами, чей культурный облик определялся скифскими традициями Евразийского пояса степей. В первые десятилетия III в. до н.э. они сошли с исторической арены как самостоятельные исторические субъекты, задолго до прихода в степи Приуралья и Поволжья сарматских орд.

Таким образом, граковская парадигма о савромато-сарматской культуре, равно как и все её позднейшие дериваты, родившись как отрицание взглядов М. И. Ростовцева на дискретную, миграционную природу формирования сарматской культуры, не оправдывает своего энциклопедического статуса и не является окончательной для объяснения ранней истории и археологии сарматов.

Литература

- В. П. Глебов.* Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н. э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., ИА РАН, 2010.
- Б. Н. Граков.* Гунякократорбевеи (пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3.
- Б. Н. Граков.* Сарматы // БСЭ. 2-е изд. 1955. Т. 38.
- И. П. Засецкая.* Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб., 2011.
- В. Ю. Зуев.* К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной научной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998.
- В. Ю. Зуев.* Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье (По итогам экспедиции 2001 г.). СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа).
- В. Ю. Зуев.* О некоторых попытках модернизации сарматской периодизации // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.
- В. Ю. Зуев.* Сарматская концепция М. И. Ростовцева и Прохоровские курганы // Парфянский выстрел. М., РОССПЭН, 2003.
- В. Ю. Зуев.* О времени активного выступления сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: історія, політологія. Маріуполь, 2013. Вип. 4–5. – (Тематичний спецвипуск).
- В. Ю. Зуев, П. Н. Карташов.* Типология и технология производства клинкового оружия на стыке скифской и сарматской эпох (по материалам Южного Приуралья) // Европейская Сарматия. Материалы международной конференции в честь М. Б. Щукина. СПб., Нестор-История, 2011. – (XIV чтения памяти Анны Мачинской).
- Р. Исмаил.* Танаис и другие восточные реки Геродота. Ранние тюркизмы в «скифском логосе» // ВАП. 2002. № 2.
- В. М. Клепиков.* Сарматы IV–III вв. до н.э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1998.
- В. М. Клепиков.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002.
- В. Д. Кубарев.* «Савроматы» на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2.
- Д. А. Мачинский.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13.

- В. И. Мордвинцева.* Контакты варваров Нижнего Поволжья с античными центрами (III в. до н.э. – сер. III в. н.э.) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011.
- М. Г. Мошкова.* Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности. Доклад на соискание... д-ра ист. наук. М., 1989.
- М. Г. Мошкова.* Предисловие // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха. М., 1994.
- М. Г. Мошкова.* О наболевших проблемах сарматской археологии // На acad. Дмитри Сергеевич Раевски. Αλοθέοσις. София, 2001. С. 244–249. – (Миф. Вып. 7).
- М. И. Ростовцев.* Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929. – (Seminarium Kondakovianum. Σκοπτικά. I).
- А. В. Симоненко.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- А. С. Скрипкин.* Значение научного наследия Б. Н. Гракова в разработке проблем сарматской археологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеодемография, антропология и археология. М., 2000.
- А. С. Скрипкин.* К шестидесятилетию выхода в свет статьи Б. Н. Гракова «ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата и сарматов)» // НАВ. 2008. Вып. 9.
- А. С. Скрипкин.* Савроматы Геродота // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. Сб. статей в честь *И. П. Засецкой*. СПб., 2009.
- К. Ф. Смирнов.* Савроматы. История и культура ранних сарматов. М., Наука, 1964.
- К. Ф. Смирнов.* «Савроматы» и «сарматы» // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
- Н. Н. Терехова.* Технология производства мечей и кинжалов Южного Приуралья скифского и сарматского времени // Европейская Сарматия. Материалы международной конференции в честь М. Б. Щукина. СПб., Нестор-История, 2011. – (XIV чтения памяти Анны Мачинской).
- С. Р. Тохтасьев.* Saugomatae – Sarmatae – Sarmatae // Херсонесский сборник. 2005. Вып. XIV.
- Л. Т. Яблонский.* Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М., 2010.

В. И. Мордвинцева

О появлении хоронима Сарматия в Северном Причерноморье

Сарматы и Северное Причерноморье – неразрывно связанные между собой дефиниции. Выделение Северного Причерноморья в особый субрегион греческой цивилизации не случайно. Северо-восточная периферия средиземноморско-черноморского бассейна,

«Нашего моря», как называли его древние географы (Подосинов, Скржинская. 2001. С. 21), с его развитым морским сообщением является одновременно наиболее западной оконечностью степного пояса Евразии, по которому проходили сухопутные маршруты. Здесь греки – земледельцы, мореплаватели, торговцы – познакомились с совершенно иным типом культуры – жителями степи, подвижными скотоводами, воинами-всадниками. Культурное своеобразие данного региона выразилось в том, что он стал ареной столкновения культур с разными типами ментальности (Khazanov. 1984. P. 84; Крадин, Скрынникова. 2006. С. 49, 59).

Всё побережье Понта представлялось человеку античной культуры как одно целое, как далекая периферия ойкумены, население которой называли в общем Pontici, т.е. «понтийцы» (Подосинов. 2002. С. 29; Подосинов, Скржинская. 2011. С. 78. Комм. 73). Каждый причерноморский город обладал своей спецификой, и вряд ли северочерноморские колонии представляли собой в сознании греков некую обособленную территорию внутри понтийского региона. Специфику северочерноморской территории определяют, таким образом, скорее не греческие поселения, а их варварское окружение, которое в разное время в греко-римской нарративной традиции называли скифами, или сарматами, а населенную ими территорию – Скифией, или Сарматией.

Древнеионийские авторы называли эту часть древней ойкумены Скифией (Herod., Hist. IV, 99–101). Но уже в римской традиции практически тот же регион определен как Сарматия. На карте Агриппы конца I в. до н.э., известной через Плиния Старшего, Сарматия и Скифия Таврика занимали земли между Днепром и Волгой, а также Северный Кавказ (Подосинов. 2002. С. 57). Помпоний Мела (сер. I в. н.э.) описывал Сарматию как большую страну, расположенную восточнее Германии, между Вислой и Истром (Mela, De chor. III, 33), земли же к западу от Танаиса он заселяет различными племенами, первыми из которых названы скифы (Mela, De chor. II, 2). Клавдий Птолемей (II в. н.э.) разделил Сарматию на Европейскую и Азиатскую части. Он определил границы Европейской Сарматии Сарматскими горами (Карпаты), Германией и рекой Вислой на западе, Боспором Киммерийским, Меотийским озером и рекой Танаисом на востоке, Понтийским морем на юге, Венедским заливом Сарматского океана и неизвестной землей на севере (Ptol., Geogr. III, V, 1–18). Азиатскую Сарматию он разместил между Европейской Сарматией на западе и Скифией с частью Каспийского моря – на востоке, государствами Кавказа – на юге, и неизвестной землей – на севере (Ptol., Geogr. III, VIII, 32). Неустойчивость в определении западной и восточной границ Сарматии в греко-римской нарративной традиции,

возможно, отражает динамику этнополитической ситуации, фиксируемой в различные периоды истории.

Топоним «Сарматия» является этнохоронимом, т.е. обозначает обширную историческую область, примыкающую к северному побережью Черного и Азовского морей (объект номинации), названную по одному из обитавших в ее пределах народов (признак номинации) в силу существующего внешнеполитического интереса (мотив номинации). Известно, что подобные наименования формируются в течение длительного времени, в условиях относительной политической стабильности, после чего обычно закрепляются в письменном виде (Моця. 2011. С. 10–12). Важно отметить, что название Сарматия появилось как экзохороним, т.е. было генерировано в иноэтнической, внешней по отношению к ее обитателям среде, где существовала развитая литературная традиция и были разработаны первые графические карты мира. После того как этот хороним был отображен на римских картах, которые использовались прежде всего в политико-пропагандистских и дидактических целях (Подосинов. 2002. С. 15), в сознании человека греко-римской культуры он стал прочно ассоциироваться с конкретной территорией. Созданные в Римской империи карты, в отличие от словесных описаний маршрутов в периплах и перизгесах, видимо, стали структурировать сознание ее жителей и фактически формировать реальность (Андерсон. 2001. С. 189). Как и в случае с колониальной политикой Нового времени, древние карты выполняли также задачу разграничения мест обитания народов, устанавливая их территориальные пределы там, где, с политической точки зрения, они заканчивались (Андерсон. 2001. С. 192).

Обозначение Восточной Европы как «Сарматии» восходит к карте мира, составленной по «Хорографии» римского политического деятеля Марка Випсания Агриппы в конце I в. до н.э. (Подосинов, Скржинская. 2011. С. 123. Комм. 249). Существует мнение, что этнотопоним «Сарматия» появился уже в IV в. до н.э. (Мачинский. 1973. С. 45–46) со ссылкой на переданное Антигоном Каристским сообщение Каллимаха о зловонном озере в Сарматии, упомянутом Гераклидом (Antig., Hist. Mirab. 152, 97). Однако авторами эллинистического периода этот хороним не употребляется. В то же время, у авторов I в. н.э. этнотопоним «Сарматия» встречается как уже вполне устоявшийся термин, хотя название «Скифия» для обозначения того же региона никогда полностью не выходит из употребления. Видимо, к I в. до н.э., т.е. перед тем, как топоним «Сарматия» был зафиксирован на графической карте мира, он уже получил признание в устной традиции, поскольку в древности введение новых фактов в научную литературу воспринималось современниками с подозрени-

ем, предпочтение отдавалось сведениям, освященным временем и авторитетом великих имен (Подосинов. 2002. С. 27).

Естественным образом встает вопрос о причинах смены одного хоронима (Скифия) другим (Сарматия). Видимо, в данном регионе усилилась уже существующая или появилась новая группа населения, название которой стало эпонимным для всей территории, занимаемой варварскими народами к северу от черноморского побережья. Поскольку оба названия являются экзоэтнотопонимами, очевидно, что произошедшие изменения были значимыми именно в глазах внешнего наблюдателя.

Ставший эпонимным для территории Северного Причерноморья этноним сарматы вовсе не обязательно должен означать именно «этнос» в современном понимании данного термина. Поскольку название «Сарматия» возникло в рамках инокультурной нарративной традиции, то в качестве эпонима для него внешним наблюдателем могла быть выбрана только наиболее активная часть варварского населения этого региона, с которой контактировали, вели переговоры, заключали союзы представители греко-римской цивилизации. Скорее всего, этнонимом «сарматы» была обозначена некая элитарная группа, являющаяся субъектом международной политики, объединенная сознанием собственной общности и, видимо, в стремлении мобилизовать вокруг себя большее число сторонников генерирующая групповые черты и символы (Тишков. 2003. С. 117). Интересно, что М. И. Ростовцев, выделяя «сарматские» памятники Приуралья, под сарматами имел в виду «господствующий класс населения» (Ростовцев. 1918. С. 81), хотя это его мнение выражено кратко, без развернутого обоснования.

Этот вывод косвенно подтверждается письменными и эпиграфическими свидетельствами, которые относятся к эпохе, предшествующей появлению топонима Сарматия (IV–II вв. до н.э.). К сожалению, источники этого времени малочисленны (см. Rostowzew. 1931. S. 6–8; Столба. 1993. С. 56).

В кратком отрывке сочинения Полибия упоминается факт участия одного «из владык Европы сармата Гатала», а также представителей Херсонеса, в заключении договора 180/179 г. до н.э. между малоазийскими правителями (Polyb., Hist. XXV, 2, 12–13). Видимо, в данном случае европейские сарматы в лице их лидера как субъект международного права выступили одним из гарантов мирного соглашения. По мнению С. Р. Тохтасьева, это упоминание могло означать политический контроль сарматов над европейскими территориями, в то время как само место их локализации могло оставаться в районе Танаиса и Меотиды (Тохтасьев. 2005. С. 295). М. И. Ростовцев относил к тому же времени события легенды о сарматской царице Амаге, переданной Полиэном, который, видимо,

опирался на некий херсонесский источник (Rostowzew. 1931. S. 116–118, 123). По легенде, царица защищает Херсонес, находящийся под протекторатом сарматов, от напавших на него скифов.

Ольвийский декрет в честь Протогена (IPE I². № 32), датированный 20–10 гг. III в. до н.э. (Виноградов. 1989. С. 182), подробно описывает угрожающее положение Ольвии. В источнике прямо не называются сарматы, хотя упомянутые в декрете этнонимы саи и савдараты некоторые ученые относят к сарматским племенам (Виноградов. 1997. С. 106; Тохтасьев. 2005. С. 295). В соответствии с текстом декрета, регулярную дань с этого города получал царь Сайтафарн, который в случае своего недовольства ее объёмом мог выступить против него с военным походом.

Ю. Г. Виноградов в херсонесском декрете «о несении Диониса» (IPE I². № 343) восстанавливает чтение «сарматы» по окончанию «*ατατ*» и возможно предвещающей их букве «*ρ*», отпечаток верхней части которой сохранился, по его мнению, на эстампаже (Виноградов. 1997. С. 115). Упоминанием сарматов может также считаться херсонесский декрет времени Диофанта, в котором говорится о нападении скифов и «са...» на город Калос Лимен (IPE I². № 353).

Все эти источники в той или иной мере свидетельствуют о наличии института «покровительства» греческих полисов, прежде всего Херсонеса и Ольвии, со стороны контролирующей степь политических группировок. Эффективными средствами воздействия этих группировок на оседлое население Северного Причерноморья были, с одной стороны, организация военных набегов, с другой – защита от подобной опасности. Примеры подобных взаимоотношений оседлого земледельческого и подвижного кочевого населения хорошо известны в мировой истории (Khazanov. 1984. P. 84), в частности, на Боспоре (Виноградов. 1987. С. 66–67).

Таким образом, смена названия исторической области Скифия хоронимом Сарматия свидетельствует, видимо, о появлении новых политических партнеров эллинских городов где-то в конце III – начале II в. до н.э., но не должно с необходимостью означать заселение степи Северного Причерноморья «сарматскими племенами» в это время (Тохтасьев. 2005. С. 295). Более того, эта территория могла быть населена многими этническими группировками, как это показывают источники VII книги «Географии» Страбона – Посидоний и Артемидор (Rostowzew. 1931. S. 37).

Литература

- Б. Андерсон.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с английского *В. Г. Николаевой.* М., 2001.
- Ю. Г. Виноградов.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1.
- Ю. Г. Виноградов.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
- Ю. Г. Виноградов.* Херсонесский декрет о «несении Диониса» IPE. I². 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3.
- Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова.* Империя Чингис-хана. М., 2006.
- Д. А. Мачинский.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1973. Вып. 13.
- О. Моця.* Українці: народ і його земля (етапи становлення). Київ, 2011.
- А. В. Подосинов.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- А. В. Подосинов, М. В. Скржинская.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2011.
- М. И. Ростовцев.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918. – (МАР. Вып. 37).
- В. Ф. Столба.* Демографическая ситуация в Крыму в V–II вв. до н.э. (по данным письменных источников) // ПАВ. № 6. 1993.
- В. А. Тишков.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- С. Р. Тохтасьев.* Saugomatae – Sarmatae – Syrmatae // Херсонесский сборник. 2005. Вып. XIV.
- А. М. Khazanov.* Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984.
- М. Rostowzew.* Skythien und der Bosphorus. Bd. 1. Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen. Berlin, 1931.

С. В. Ярцев

К вопросу о достоверности присутствия герулов на Боспоре

Германское племя герулов хорошо известно по многочисленным источникам на территории Западной и Восточной Европы (Буданова. 2000. С. 199). Однако без достаточно веских на то оснований герулов размещают ещё и на берегах Меотиды, связывая с этим германским племенем факты, относящиеся к истории приазовских варваров. Анализ источников позволяет усомниться в таком положении дел.

В первую очередь обращает на себя внимание восходящее к не дошедшему до нас сочинению Аблавия сообщение Иордана (*Iord. Get.* 117–118), которое часто воспринимается без должного критического осмысления. Именно исходя из специфики этого текста появляется возможность отождествления наименований *heruli / eluri* и идентификации их с хорошо известными герулами. При этом совершенно не учитывается наличие в тексте собственных этимологических построений. Таким образом, герулы и элуры признаются разными формами названия германского племени (Васильевский. 1912. С. 353–364; Кулаковский. 1913. С. 130–132; Васильев. 1921. С. 1–2; Гайдукевич. 1949. С. 443–447; Амброз. 1969. С. 263; Пиоро. 1990. С. 40; Безуглов, Гудименко. 1993. С. 173; Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов. 1999. С. 79–90; Лавров. 2000. С. 338–339; Юрочкин. 2000. С. 128–131; Вольфрам. 2003. С. 82–84; Щукин. 2005. С. 146–149; Казанский. 2006. С. 31; Левада. 2006. С. 215; Schmidt. 1934. S. 458). Однако из-за такого подхода возможность происхождения имени элугов от характерных черт береговой линии Меотиды (греческих *τό ἔλος, τά ἔλη* – «болото», «заболоченные пространства»), то есть, как на то и указывает Аблавий, не получает должного объяснения (Иордан. 1960. С. 266. Прим. 370).

При этом, несмотря на то что личность Аблавия не удается идентифицировать, мнение исследователей единодушно: Аблавий черпал информацию для своих сочинений из готских героических легенд, преданий и народных песен (Буданова. 2001. С. 155). Иордан называет Аблавия только когда говорит о «крайней части Скифии», которая прилежит к Понту (*Iord. Get.* 28), о побережье Понта в Скифии (*Iord. Get.* 82), или, как в данном случае, о племенах живущих около Меотиды (*Iord. Get.* 117) (Иордан. 1960. С. 197. Прим. 72). Это свидетельствует о значительной осведомленности Аблавия об этих районах, а значит, и о важности сообщаемых им сведений. Поэтому мы вправе допустить, что этимология, которую приводит Аблавий, несмотря на кажущуюся простоту, вполне может соответствовать исторической действительности. Тем более что присутствие в его конструкции весьма точного указания на болотистые берега Меотиды, где действительно и жили элуры, явно говорит о том, что Аблавий хорошо знал, о чем писал.

В своё время отличать примеотийских элугов от германских герулов предложил А. Д. Удальцов (Удальцов. 1947. С. 12), что сразу нашло поддержку у Л. А. Ельницкого, увидевшего в элурах приазовское скифо-сарматское объединение (Юлий Капитолин. 1949. С. 262. Прим. 2). В дальнейшем подобного взгляда стали придерживаться А. М. Ременников (Ременников. 1954. С. 91), Е. Ч. Скржинская (Иордан. С. 266. Прим. 370), Д. Б. Шелов (Шелов. 1972. С. 304).

Особо следует отметить вывод А. Д. Удальцова, отождествившего приазовских элугов с коренным населением Меотиды (Удальцов. 1947. С. 12), и важнейшее заключение А. М. Ременникова, по мнению которого имя элугов в конечном итоге распространилось на целый ряд племен по Меотиде, в том числе и на боранов, о которых в 60-е годы III в. н.э. уже ничего не слышно (Ременников. 1954. С. 91).

В связи с этим важно отметить, что впервые элуры упоминаются еще у грамматиков II в. н.э. Элия Геродиана и Аркадия (Ael. Herod. VIII. 202; Arkad. VIII. P. 72). Следовательно, эти свидетельства должны относиться к какому-то другому населению, не имеющему ничего общего с варварами, осуществлявшими морские походы во второй половине III в. н.э. Заметим, что в предшествующее время, еще до возведения городищ на крутых склонах вокруг Танаиса, здесь существовал ряд укрепленных и неукрепленных поселений, датируемых V–III вв. до н.э. Они располагались непосредственно в районе болотистой дельты, на небольших возвышенностях, окруженных протоками и затопляемыми лугами (городища Елисаветовское и Кагальник, поселения Бугры IV, V, VI, Дугино I и II, поселение около Каратаево, Казачий Ерик). После возникновения Танаиса и увеличения роли земледелия в хозяйстве его округа поселения начинают тяготеть к коренному берегу дельты без выхода на морское побережье. Однако и в это время многие из них продолжают занимать надпойменную террасу, а иногда даже пойму (Каменецкий. 1993. С. 12–13). Население античных городов уже тогда могло называть жителей подобных поселений элурами, причем вне всякой зависимости от их этнической принадлежности. В дальнейшем это наименование могло быть применено к меотийцам.

Современник событий, афинский историк и политический деятель Дексипп, возглавивший оборону Афин во время нашествия варваров в 267 г., в сохранившейся части своего труда не определяет этническую принадлежность нападавших, называя их просто врагами (Dexipp. Fr. 21). Однако то, что это были элуры, а не герулы, доказывает сохраненное Стефаном Византийским свидетельство Дексиппа: «гелуры, скифский народ, о них [упоминает] Дексипп в 12-й книге “Хроники”» (Steph. Byz. P. 29). Зосим, описывая это же нападение участников похода, называет только «скифами» (Zosim. I. 39). Требеллий Поллион – «скифами» и «готами» (SHA. Gallien. 13, 6 – 10). Заметим, что последний автор начало похода описывает так: «Между тем скифы, переплыв Евксин, вошли в Истр...» (SHA. Gallien. 13, 6). Заход флота из Меотиды в устье Дуная определенно говорит о комбинированном типе похода. В связи с участием в нем придунайских варваров вполне допустимо, что среди них были и герулы. Возможно, это объясняет, почему поздние авторы Синкелл

(VIII в.) и Зонара (XII в.), которые и без того уже были достаточно далеки от всех нюансов, связанных с варварскими наименованиями, по созвучию приписали герулам организацию и осуществление экспедиции 267 г. (Syncell. 717; Zonar. XII. 24).

Подобное недоразумение повторилось и при описании следующего, такого же комбинированного нападения 269 г. Зосим весьма точно разделил участников этого похода на две группы. В первой он называет традиционных «скифов», которые были ободрены «...предыдущими удачными набегами» (Zosim. I. 42, 1). Здесь автор имеет в виду тех, кто принимал участие в предыдущих морских нападениях. Вероятно, «скифы» Зосима тождественны «меотийцам» Вописка. Этот автор в написанной им биографии императора Аврелиана (270–275 гг. н.э.) сообщил, что император Клавдий (268–270 гг. н.э.) поручил Аврелиану ведение «всей войны против меотийцев» (SHA. Aurelian 16, 4). Следовательно, организаторами и главными исполнителями похода 269 г. были варвары Меотиды.

Вторая группа участников похода 269 г., по Зосиму, состояла из «герулов, певков и готов». «Скифы» соединились с ними у реки Тиры (Zosim. I. 42, 1). Исходя из упоминания Днестра и певков, живших на острове Певка в устье Дуная (Strabo. VII. 3. 17; Tacit. Germ. 46), речь в данном случае может идти только о придунайских варварах. Интересно, что Поллион перечислил участников этого похода одним списком. При этом он назвал все те же упомянутые Зосимом племена, добавив к ним только гепидов и, по-видимому, заменив меотийцев кельтами (SHA. Claud. 6, 2). На эту мысль наводит то, что у Поллиона (кроме упомянутых кельтов) отсутствуют этнонимы, с которыми можно было бы связать собственно приазовских варваров. Таким образом, никто из перечисленных авторов не размещает герулов в Приазовье. Автор же VIII в. Георгий Синкелл, следуя каким-то своим представлениям, опять из всех участников похода сообщает только о герулах, напавших, как следует из текста, во главе огромного флота на римские земли (Syncell. p. 720). Хотя на самом деле вполне очевидно, что, несмотря на то что германцы-герулы и участвовали в войне с Римом в общей коалиции племен, они никогда не были в Приазовье.

Если отождествление с герулами фибул типа «монструозо» и железных гребешков справедливо, то в связи со всем вышесказанным становится понятным отсутствие этих вещей на берегах Меотиды. «Чудовищные» фибулы в Восточной Европе первых веков нашей эры встречаются только в долине Западного Буга и Днестра (Щукин. 2005. С. 145, 147. Рис. 50), а гребешки – там же и далее на восток по границе лесостепи (Щукин. 2005. С. 147–149. Рис. 51), то есть в тех районах, где восточные герулы и были засвидетельствованы письменными источниками.

В заключение еще раз отметим, что не существует ни одного достоверного источника, свидетельствующего о пребывании герулов в Приазовье. Более того, учитывая сложный этнический состав приазовских варваров, можно утверждать, что ни одно из старых племенных наименований, имеющих к тому же яркую этническую окраску, не могло с успехом распространиться на все данное общество. Выходцы из различных племен, какими представляются приазовские варвары III–IV вв. н.э., не могли ассоциировать себя с каким-нибудь одним, устоявшимся, варварским племенным именем. Отсюда возникновение у жителей античных городов по отношению к этим соседним «неведомым народам» (Amm. Mag. XXII.VII. 10), обобщённых наименований, далеких от племенной и этнической идентификации (таких, как «элурь») – «варвары заболоченных пространств», или «меотийцы» – «варвары, живущие на берегах Меотиды»), употребившихся наравне с обычными эпитетами «скифы», «савроматы», «варвары», «враги», что, в какой-то степени, и нашло свое отражение в письменных источниках.

Литература

- А. К. Амброз.* Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья – Приазовья. М., 1969.
- С. И. Безуглов, И. В. Гудименко.* Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. 1993. № 1.
- В. П. Буданова.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.
- В. П. Буданова.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001.
- А. А. Васильев.* Готы в Крыму // ИРАИМК. 1921. Т. 1.
- В. Г. Васильевский.* Житие Иоанна Готского // Труды: В 4-х т. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
- Х. Вольфрам.* Готы. СПб., 2003.
- В. К. Голенко, В. Ю. Юрочкин, О. А. Синько, А. В. Джанов.* Рунический камень с г. Опук в Крыму и некоторые проблемы истории северо-причерноморских германцев // ДБ. 1999. Т. 2.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Getika / Перевод и комментарии *Е. Ч. Скржинской.* М., 1960.
- И. С. Каменецкий.* Городища донских меотов: Вопросы датировки. М., 1993.

- М. М. Казанский.* Германцы в Юго-Западном Крыму в Позднеантичное время и в эпоху Великого Переселения народов // Готы и Рим. Киев, 2006.
- Ю. А. Кулаковский.* История Византии. Киев, 1913. Т. 1.
- В. В. Лавров.* Восточные германцы в Приазовье в III–IV вв. н.э. // *Stratum plus.* 2000. № 4.
- М. Е. Левада.* «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XI.
- И. С. Пиоро.* Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеантичный период и раннее средневековье). Киев, 1990.
- А. М. Ременников.* Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. М., 1954.
- А. Д. Удальцов.* Основные вопросы этногенеза славян // СЭ. 1947. Т. VI–VII.
- Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
- М. Б. Щукин.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.
- Юлий Капитолин* / Комментарии *Л. А. Ельницкого* // ВДИ. 1949. № 3.
- В. Ю. Юрочкин.* Готы-трапезиты на пограничье Боспора // Пантикапей-Боспор-Керчь – 26 веков древней столице. Керчь, 2000.
- L. Schmidt.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. München. 1934. Bd. 1: Die Ostgermanen.

Р. Б. Схатум

Ранние погребения на средневековом могильнике Казазово 1

На сегодняшний день могильник Казазово 1 является самым крупным из средневековых некрополей на территории Северо-Западного Кавказа по количеству раскопанных погребений. В общей сложности в 1972 г. было раскопано до 900 захоронений. Он занимал практически всю территорию меотского Гатлукаевского городища № 2, кроме цитадели и окружающего ее рва. На некрополе были выделены две хронологические группы, отнесенные к средневековой эпохе. Первая, так называемая болгарская группа погребений, включает 212 захоронений¹¹² конца VII – IX в. (Тарабанов. 1983 а. С. 150, 155). Вторая хронологическая группа насчитывает в три раза с лишним больше захоронений – 674. Она была отнесена к адыгской средневековой культуре X–XIII вв. (Тарабанов. 1983 а. С. 149, 150)¹¹³. Исследованный мной материал из некрополя (предметы вооружения

¹¹² В другой, причём одновременной публикации В. А. Тарабанов указывает, что ранний т.н. болгарский могильник хазарского времени насчитывает 190 погребений (Тарабанов. 1983 б. С. 95).

¹¹³ Позднее В. А. Тарабанов несколько уточнил ее датировку: X – начало XIII в. (Тарабанов. 1988. С. 65). Впрочем, в другой своей публикации автор относит позднюю группу погребений к середине X – XIII в. (Тарабанов. 1983 б. С. 94, 95).

и быта) позволяет отнести позднюю группу к середине – второй половине XIII – первой половине – середине XIV в. Что касается ранней группы ингумационных захоронений хазарского времени, то, по крайней мере, ее основную часть можно датировать в пределах IX в., возможно, даже второй и последней третью этого столетия и началом X в.

Однако при измерении клинкового оружия ранней группы Казазово 1 мной было установлено, что два из 21 экземпляра относятся не к «саблям», как они обозначены в описи, а к мечам, так как они имеют обоюдоострые прямые клинки и черены характерной формы. Один из рассматриваемых экземпляров происходит из подъемного материала (ПМ 5100/5457) и, вероятно, находился в разрушенном погребении. Его размеры следующие: общая длина составляла 93,8 см, из которой длина клинка 83 см, а черена – 10,8 см. С учетом того, что острие сохранилось не полностью, общая длина меча изначально составляла не менее 95 см, соответственно клинка – около 85 см. Сохранившаяся ширина клинка не менее 3 см, а толщина – 0,5 см. Несмотря на плохую сохранность, его форма прослеживается как постепенно равномерно сужающаяся к острию полоса. Черен представлял собой узкий четырехгранный (?) штырь, сужающийся к концу. Его ширина в основании – 1,3 см, а к концу сужается до 0,8 см. Такая форма выковывалась специально для удобства насаживания на него деревянной рукояти. Переход черена в основание клинка – под тупым углом, со скосом. Судя по конфигурации и размерам, подобные мечи происходят из позднемеотских памятников, датирующихся обычно I–II вв. н.э. (см. напр.: Сазонов. 1992. С. 250. Рис. 2, 12; 5, 1; 6, 2; 7, 1; 8, 2; 9, 4 и др.). Н. И. Сокольский отнес их к боспорскому клинковому оружию 2 типа и по своему происхождению связал с так называемыми «меото-прикубанским» клинковым оружием (Сокольский. 1954. С. 147, 148). Вероятно, автор имел в виду меотские мечи широко распространенные, особенно на Кубани в IV в. до н.э. Впрочем, А. М. Хазанов, также отнёсший в своей классификации рассматриваемые мечи к 2 типу, считает, что они были распространены на Боспоре в первые века нашей эры под влиянием сарматов и ничего общего с меотскими длинными кавалерийскими мечами не имеют (Хазанов. 1971. С. 17, 18). Близкой точки зрения придерживаются и другие исследователи (Виноградов, Горончаровский. 2009. С. 178, 179).

Второй двулезвийный меч, происходящий из п. 34 «С» (КМ 5100/2522) несколько отличается от предыдущего. Переход черена в основании его клинка оформлен под прямым углом, а лезвия расположены почти параллельно друг другу. Длина сохранившейся части меча 83,9 см, длина клинка – 77 см, а черена – 6,9 см. Ширина в основании клинка 4 см, ближе к острию – 2,8 см. Ширина черена в основании 2 см, ближе к концу – 1,4 см. С учетом того, что часть острия, лезвий клинка, а также черена утрачены, общая длина меча составляла примерно 90–95 см. Подобное оружие встречается на Северо-Западном Кавказе обычно в пределах III–VII вв. Изначально я предположил, что захоронение относится к более узкому хронологическому диапазону – III–IV вв. н.э. Похожие мечи были найдены, например, в III группе могильника Южная Озерейка (см. напр.: Шишлов. 1999. Рис. 17, 1–4). В этом случае получалось, что рассматриваемое захоронение 34 «С» синхронно по времени существованию Гатлукаевского городища № 2, датированного Н. В. Анфимовым на основе подъемного материала III–IV вв. н.э. (Анфимов. 1972. С. 83). Однако найденный в этом же погребении сероглиняный кружальный сосуд находит аналогии в болгарских памятниках VII–IX вв. В сравнении с меотскими изделиями он более грубой отделки, а его стенки имеют явные характерные следы лощения с помощью «жесткой травы». Подобный признак характерен для болгарской раннесредневековой керамики хазарского времени, в том числе и на рассматриваемом памятнике (Тарабанов. 1983 а. С. 152, 153). Фрагмент прямоугольной железной пряжки из этого же комплекса также позволяет датировать п. 34 «С» временем не ранее второй половины – конца VI – VII вв. В сочетании с упомянутым сосудом нижнюю дату можно сузить до середины – второй половины VII в. В то же время наличие меча в погребении сужает верхнюю дату примерно до середины VIII в., так как во второй половине VIII – X в. для населения Северо-Западного Кавказа характерны сабли, а не мечи. Таким образом, рассматриваемый комплекс можно датировать в пределах второй половины VII – первой половины – середины VIII в. Эти данные, с одной стороны, подтверждают то, что наиболее ранние захоронения болгарской группы относятся, «вероятнее всего, к концу VII в.» (Тарабанов, 1983а. С. 155). С другой стороны, пока не ясно до конца, связаны ли хронологически подобные комплексы с более поздними погребениями могильника Казазово 1, относящимися к IX – началу X в.

Судя по длине и конфигурации оба рассматриваемых меча происходящие с могильника Казазово 1, могли быть отнесены В. А. Тарабановым¹¹⁴ к «хазарским» саблям, то есть входить в число

¹¹⁴ Или Н. В. Анфимовым.

21 экземпляров так называемой болгарской группы погребений (Тарабанов. 1983 а. С. 151). С учетом сохранности обоих предметов, а также при их беглом визуальном осмотре, рассматриваемые мечи вполне могли быть приняты за сабли хазарского времени.

Кроме того, к более раннему времени, вероятно, относится и погребение 121 «С», в котором костяк был ориентирован головой на запад-северо-запад, а руки были вытянуты вдоль тела. В захоронении была обнаружена кольчуга, сплетенная из железных и бронзовых колец, а также бронзовая подвеска в виде витого стержня с петелькой на нижнем конце, бронзовая округлая пряжка с подвижным язычком и круглая янтарная бусина. Кольчуга представляла собой спёкшуюся массу в форме прямоугольника (частично повреждена скрепером). Она располагалась на ногах от таза до дистальных концов голеней. Ее длина 70 см, ширина – 50 см. Верхняя часть кольчуги (у таза) оторочена бронзовыми колечками. По всей ее поверхности были прослежены отпечатки холщовой ткани. Кольчуги подобного покрова обычно встречаются в позднемеотских захоронениях I – начала – первой половины III в. н.э. в х. Городском (п.п. 1, 4, 6, 8, 10, 16, 21), у а. Ленинохабль (п.п. 31, 135, 142) (см. напр.: Сазонов. 1992. С. 249, 250. Рис. 16; Сазонов и др.. 1995. С. 118; Ждановский. 1977. С. 48; Схатум. 2001. С. 61, 62, 96) и в других памятниках. Бусина состоит из четырех фрагментов, она круглой формы, плоская с одной стороны и выпуклая – с другой. Ее диаметр 5,5–5,6 см, а высота – до 1,5 см, в центре имеется округлое отверстие диаметром 0,8 см. Вероятно, она относится к навершию меча, так называемого боспорского типа. Похожее изделие, близкое по форме и размерам рассматриваемому, происходит из кургана 11 ст. Тифлисской (ныне ст. Тбилисской. – *Р. С.*) (Хазанов. 1971. Табл. XIV, 4). Подобные навершия характерны для I – первой половины III в. н.э. Впрочем, они бытовали и позднее – в середине – второй половине III в. н.э. (Безуглов. 2000. С. 181). Бронзовая пряжка с подвижным язычком, обнаруженная в этом же погребении, также находит многочисленные аналогии в памятниках первых веков нашей эры. Похожие экземпляры круглой формы известны, например, в нескольких погребениях могильника у х. Городского (Сазонов. 1992. С. 255. Рис. 7, 12; Сазонов и др.. 1995. С. 119. Рис. 2, 3; Рис. 4, 2). Однако рассматриваемая пряжка имела округлую, близкую к овальной форму (1,6 x 1,4 см), с толщиной проволоки 0,3 см. Как удалось установить, подобные параметры характерны для изделий III–IV вв. н.э. Похожие поясные экземпляры происходят из Высочино VII, кургана 12 (тип IIa), датированного первой половиной III в. н.э., и из Покровки 2, кургана 9 (тип II б), отнесенного В. Ю. Малашевым к 250–300 гг. н.э. (Малашев. 2000. Рис. 1; 4, Г, 2; 7, Б, I). По мнению А. В. Пьянкова, подобные пряжки появляются примерно в середине III в. н.э. и продолжают существо-

вать в первой половине IV в. и, возможно, вплоть до гуннского нашествия 375 г., не исключая какое-то время после него, то есть до последней четверти IV – начала V в. н.э.¹¹⁵. Это позволяет датировать п. 121 «С» с кольчугой в пределах III–IV вв. н.э., а наиболее вероятное время захоронения отнести к середине – второй половине III в. н.э.

Возможно, ранних погребений первой половины – середины I тыс. н.э. на могильнике Казазово 1 было больше. При описании ориентировки погребенных для ранней так называемой болгарской группы погребений могильника В. А. Тарабанов отметил следующее: «Здесь погребённые были положены, в основном, головой на север-северо-запад или на восток-юго-восток, хотя северо-восточная ориентировка преобладает» (Тарабанов. 1983 а. С. 150). Вполне вероятно, что захоронения с северо-западной ориентировкой, или какая-то их часть, отнесенные В. А. Тарабановым к болгарским погребениям хазарского времени, на самом деле могут принадлежать к позднемеотской археологической культуре или к населению, хоронившему на рассматриваемом памятнике во второй половине III–VII вв. Традиция положения покойного головой в западном секторе была широко распространена в I–II вв. н.э.; она существовала и позднее у населения Северо-Западного Кавказа в III–VII вв. Возможно, также не случайно В. А. Тарабанов в другой своей публикации при рассмотрении этнического происхождения погребений хазарского времени, к болгарским захоронениям отнес уже не 212, а лишь 190 (Тарабанов. 1983 б. С. 95). Можно предположить, что остальные комплексы (их более двух десятков), вызвали у него сомнения относительно их этнической и хронологической атрибуции как болгарских хазарского времени.

Таким образом, помимо наиболее поздней и самой многочисленной адыгской группы погребений, относящейся к золотоордынской эпохе, и так называемой болгарской группы хазарского времени, на могильнике Казазово 1 можно отметить наличие и более ранних захоронений позднеантичного времени. Отдельные предметы, как, например, меч из подъемного материала, находят аналогии в материалах позднемеотских памятников I–II вв. н.э., таких, как у х. Городского, Ленинохабльский, Ахтырский Лиман II и другие. Находки кольчуг для середины – второй половины III – IV в. н.э. на Северо-Западном Кавказе являются редкостью (см. напр.: Шишлов. 1999. С. 17, 18) и в данном случае датировка этим временем п. 121 «С», где был обнаружен данный вид доспеха, позволяет восполнить белые пятна в истории изучения защитного вооружения рассматриваемого региона. Что касается погребения 34 «С» то, вероятно, оно

¹¹⁵ Хочу выразить благодарность А. В. Пьянкову, уточнившему датировку пряжки.

относится к кругу древнеболгарских раннесредневековых памятников. По набору инвентаря оно является одним из наиболее ранних и может быть датировано в пределах второй половины VII – первой половины VIII в.

Подводя итоги, можно отметить, что анализ инвентаря из погребений могильника Казазово 1 свидетельствует о том, что часть захоронений с некрополя относится к позднеантичному времени и эпохе Великого переселения народов. Дальнейшие исследования позволят уточнить приведенные выше предварительные наблюдения, полученные в ходе изучения археологического материала с могильника Казазово 1, а также, возможно, выявить новые данные.

Литература

- Н. В. Анфимов.* Археологические памятники нижнего течения рек Марта, Пчаса и Псекупса // СМАА. Майкоп, 1972. Т. III.
- Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009.
- А. М. Ждановский.* О погребальном обряде ранней группы захоронений Ленинохабльского могильника // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
- В. Ю. Мальшев.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д, 2000. Вып. 1.
- А. А. Сазонов.* 1992. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // ВАА. Майкоп, 1992.
- А. А. Сазонов, Ю. Н. Спасовский, З. Н. Сохтарек, А. А. Тов.* Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.
- Н. И. Сокольский.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.
- Р. Б. Схатум.* Из истории военного дела предков адыгов. Краснодар, 2001.
- В. А. Тарабанов.* Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983 а. Вып. II.
- В. А. Тарабанов.* Этническая принадлежность ранней группы погребений Казазовского могильника // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-н/Д., 1983 б.

- В. А. Тарабанов.* Исследования средневековых памятников в районе аула Казазова Адыгейской автономной области в 1986 г. // XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
- В. А. Тарабанов.* Вооружение и снаряжение всадника VIII–X вв. в могильниках Казазово I и II // I Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1989.
- А. М. Хазанов.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- А. В. Шишлов.* Могильник античного времени у с. Южная Озерейка // Исторические записки. Новороссийск, 1999. Вып. 3.

В. Ю. Юрочкин

Готы на Боспоре: историографические традиции и современные тенденции

«Готский вопрос» представляет собой особый феномен отечественной исторической и археологической науки. Он неоднократно становился предметом идеологических и политических спекуляций. В то же время подходы к его изучению повлияли на формирование методологии и направлений развития историко-археологической мысли в СССР (Юрочкин. 2013. С. 392–393).

Как известно, единственным источником о готах на Боспоре (помимо свидетельств о морских походах варваров из устья Меотиды во второй половине III в.) и переселении их вместе с гуннами с европейского на азиатский берег пролива является рассказ Прокопия Кесарийского (Procop. Bell. Got. VIII. 5). Это событие обычно относят к середине V в. Как впоследствии убедительно показал А. А. Васильев, в различных списках Прокопия фигурируют два варианта наименования готов-переселенцев: «тетракситы» и «трапезиты» (Vasiliev. 1936. P. 65–69).

На начальном этапе изучения вопроса (первая половина XIX в.) эти разночтения породили целый ряд недоразумений. С. Сестренцевич-Богуш по не вполне ясным причинам разделял керченско-таманских готов-«тетракситов» и «трапезитов». Последние, по его мнению, составляли отдельную группу, проникли в Крым в конце IV столетия и получили свое название «от греков» по месту проживания на плоской вершине «Синап-Дага-Трапезуса». Трапезиты отождествлены с готами страны Дори, столицей их назван Мангуп, позднее – Готия (Сестренцевич-Богуш. 1806. С. 276). Эта искусственная дифференциация «этнонимов» привела к путанице и дискуссиям, отраженным в работах ряда авторов (Карамзин. 1989. С. 56; Муравьев-Апостол. 1823. С. 188; Мурзакевич. 1837. С. 49–50; Арсений. 1873. С. 60).

В 60–80-х гг. XIX в. в период оживленной дискуссии вокруг так называемой «Записки готского топарха», затеянной «норманистами» (Н. П. Ламбин, А. А. Куник) и «антинорманистами» (С. А. Геденов, Д. И. Иловайский), вновь обострился интерес к керченско-таманской ветви готов. «Записка», как тогда считали, позволяла поставить вопрос о происхождении «Приазовской Руси» и времени образования Тмутараканского княжества. Впоследствии выяснилось: данный «документ» сфальсифицирован его издателем – К. Газе (Sevcenko. 1971). Между тем эта дискуссия стала начальной вехой в истории идеологизации «готского вопроса» в России.

Забавным примером указанной историографической путаницы является «древнее караимское» стихотворение, сфальсифицированное А. Фирковичем. В нем повествуется о якобы имевшей место успешной войне хазар с князем Гатамом, предводителем народа «тетраков», базировавшимся в крепости Дори (Гаркави. 1877. С. 107–108).

Дискуссия вокруг «Записки готского топарха» стимулировала формирование в 70-х гг. XIX в. новой «парадигмы Ф. К. Бруна – А. А. Куника», оказавшей огромное влияние на всю последующую историографию «готского вопроса» (Брун. 1880; Куник. 1874). Ученые четко разделяли готов Дори (южного и юго-западного Крыма) и керченско-таманских готов – тетракситов. Этой «парадигме» близка позиция В. Г. Васильевского, поддержавшего версию о происхождении названия Таматархи-Тмутаракани от племенного названия «тетракситы» (Васильевский. 1912. С. 378). В 1880 г. он привлек к разработке этой темы своего студента С. Ф. Платонова (Медведев. 2011). Через полстолетия причастность к «готскому вопросу» трагически отразилась на судьбе академика С. Ф. Платонова, репрессированного по так называемому «Академическому делу» (Формозов. 2006. С. 192–194).

Развитию и популяризации «парадигмы Бруна–Куника» в Европе способствовала монография В. Томашека (Tomaschek. 1881) и исследование Р. Ловэ, который доказывал, что тетракситы и жители Дори являлись не собственно готами, а потомками приазовских герулов (Loewe. 1896. С. 211).

С Боспором связано и становление крымско-готской археологии, фактически начавшейся с находок раннесредневековых пальчатых фибул, сделанных в Керчи британским врачом Д. МакФерсоном во время Крымской военной кампании (McPherson. 1857). Огромная заслуга в готской атрибуции боспорских раннесредневековых украшений «инкрустационного» и «звериного» стилей принадлежит французскому ученому барону Ж. де Баю. Подобные изделия он связывал с готами-тетракситами, а широкое распространение «готского стиля» считал следствием продвижения готов из Восточ-

ной Европы в Западную (Вауе. 1888. С. 9–10). Это мнение подверг критике российский исследователь Э. Р. фон Штерн, полагавший, что «готский стиль» восходит к эллинскому ювелирному ремеслу Малой Азии и Боспора (Штерн. 1897. С. 11–15). Альтернативная идея происхождения «инкрустационного» стиля была предложена Н. П. Кондаковым и И. И. Толстым. Они полагали, что он восходит к полихромным изделиям Азии (Толстой, Кондаков. 1890. С. 147).

П. О. Бурачков выдвинул версию: загадочные знаки римского времени с территории Боспора и Северного Причерноморья (в настоящее время именуемые «сарматскими») принадлежат к кругу памятников германской рунической эпиграфики (Бурачков. 1875).

Важнейшим этапом в развитии крымско-готской археологии стало открытие могильника Суук-Су на крымском Южнобережье и целого ряда погребальных комплексов с вещами «готского» или «инкрустационного» стиля в керченском некрополе на г. Митридат (р-н Госпитальной улицы). Эти памятники стали считаться эталонными для древностей «области крымских гот». А вот исследователи могильников кавказского побережья (район Туапсе, Геленджика и Новороссийска), хотя и отмечали здесь предметы, аналогичные найденным в Суук-Су, но не решались отождествлять их с древностями тетракситов (Саханев. 1914. С. 165–175).

После событий 1917 г. версия о «восточном», точнее сарматском (аланском) происхождении причерноморского «инкрустационного стиля» получила развитие в работах М. И. Ростовцева (Ростовцев. 1918. С. 138–139). В начале 1930-х гг. она стала базой для выделения «готской группой» ГАИМК (под руководством В. И. Равдоникаса) особой «сармато-готской культуры», якобы являвшейся стадией внутреннего развития автохтонного населения Крыма (Равдоникас. 1932. С. 92).

А. А. Васильев, подробно рассмотревший вопрос о «тетракситах» и «трапезитах» в своем фундаментальном исследовании о готах Таврики, предпочёл вернуться к мнению о связи наименования «трапезиты» с г. Чатырдаг-Трапезус (Vasiliev. 1936. P. 68–69).

В предвоенные и послевоенные годы «готский вопрос» стал предметом политических и идеологических спекуляций. Проблема боспорских готов фактически не освещалась в литературе.

Важным этапом стало открытие в 1974 г. близ Новороссийска могильника Дюрсо с инвентарем второй половины V в., который был характерен для германских древностей эпохи Великих миграций. В настоящее время данный некрополь принято рассматривать в качестве эталонного памятника тетракситов (трапезитов), переселившихся с европейского Боспора (Щукин. 2005. С. 453–455).

С конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., после преодоления политико-идеологических барьеров, тема готов Крыма становится весьма

популярной в отечественной науке. Проблемы их пребывания на Боспоре в позднеантичный период и раннем средневековье рассмотрены в многочисленных работах А. И. Айбабина, Н. Н. Болгова, А. Л. Ермолина, И. П. Засецкой, М. М. Казанского, А. А. Масленникова, И. С. Пиоро, С. В. Ушакова, О. В. Шарова, М. Б. Шукина и др., а также в диссертациях А. В. Зинько, М. Л. Рябцевой, В. А. Сидоренко, Э. А. Хайрединовой, С. В. Ярцева. Высказывалась версия о локализации главной крепости готов-трапезитов на плоской вершине г. Опук (наивысшей точке Керченского полуострова), в которой, возможно, следует видеть Трапезус (Юрочкин. 2000. С. 126–134). Дискутировался факт находки на г. Опук памятника рунической эпиграфики (Хлевов. 2001). Предложены новые варианты локализации места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове перед их совместным переселением на Тамань (Масленников. 1997. С. 43; Ермолин. 2006). Рассматривались гипотезы о размещении готской области Дори на территории Керченского полуострова (Ермолин. 2006. С. 45–51; Зубарев, Ярцев. 2007. С. 335–336).

В целом, современный этап исследований характеризуется как публикацией нового археологического материала, так и стремлением объективно оценить «готский фактор» в политической и культурной жизни Боспора позднеантичной и раннесредневековой эпохи.

Литература

- Арсений.* Готская епархия в Крыму // ЖМНП. 1873. № 1.
- Ф. К. Брун.* Черноморские готы и следы их долгого пребывания в Южной России // Черноморье. Одесса, 1880. Ч. 2.
- П. О. Бурачков.* О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России // ЗООИД. 1875. Т. IX.
- В. Г. Васильевский.* Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
- А. Гаркави.* По вопросу о иудейских древностях, найденных Фирковичем в Крыму // ЖМНП. 1877. июль.
- А. Л. Ермолин.* Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове // Древности Боспора. 2006. Т. 9.
- О. Л. Ермолин.* Хóра. Дорі Прокопія Кесарійського // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2006. Вип. X.
- В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев.* К вопросу о расселении приазовских германцев в Крыму // ПИФК. 2007. Вып. 17.

- Н. М. Карамзин.* История государства Российского. В двенадцати томах. М., 1989. Т. 6.
- А. А. Куник.* О записке Готского топарха: по поводу новых открытий о Таманской Руси и крымских готах // ЗАН. 1874. Т. 24. Кн. 1.
- И. П. Медведев.* Студенческий реферат С. Ф. Платонова «О местопребывании готов-тетракситов» // АДСВ. 2011. Вып. 40.
- И. М. Муравьев-Апостол.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823.
- Н. Н. Мурзакевич.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.
- В. И. Равдоникас.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. 12. – (Готский сборник / Grim Gotica).
- М. И. Ростовцев.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- В. В. Саханев.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 годах // ИАК. 1914. Вып. 56.
- С. Сестренцевич-Богучи.* История царства Херсонеса Таврийского. История о Таврии. СПб., 1806. Т. 1.
- И. И. Толстой, Н. П. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3: Древности времен переселения народов. СПб., 1890.
- А. А. Формозов.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2006.
- А. А. Хлезов.* Об историко-культурной интерпретации керченских рун // ANAXAPΣIΣ. Севастополь, 2001.
- М. Б. Щукин.* Готский путь. СПб., 2005.
- В. Ю. Юрочкин.* «Готский» и «славянский» вопросы в послевоенном Крыму // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Харьков, 2013.
- В. Ю. Юрочкин.* Готы-трапезиты на пограничье Боспора // Пантикапей. Боспор. Керчь. 26 веков древней столице. Керчь, 2000.
- J. Baye.* Les bijoux Gothiques de Kersch // Revue archeologique. 1888.
- R. Loewe.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Halle, 1896.
- D. McPherson.* Antiquities of Kertch, and researches in the Cimmerian Bosphorus with remarks on the ethnological and physical history of the Crimea. London, 1857.
- I. Sevcenko.* The date and author of the so-called Fragments of Toparcha Gothicus // Dumbarton Oaks Papers. 1971. № 25.
- W. Tomaschek.* Die Goten in Taurien. Wien, 1881.
- A. A. Vasiliev.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.

III. АНТИЧНЫЕ ЦЕНТРЫ СРЕДИЗЕМНОГО И ЧЁРНОГО МОРЕЙ

D. Braund

Never mind the Pollux: «Scythians on stilts», Hermes and the birth of Athenian comedy

In this paper I wish to draw attention to a vase which has become rather famous among those who study the early history of Greek comic drama, but which seems to have been neglected by those concerned with the Black Sea, for whom it may also have some interest. This is a vase held in the James Logie Collection of the University of Canterbury in Christchurch, New Zealand (Green. 1979. P. 7–8, Pl. 9; also: Green. 2009).

This Athenian black-figure vase is an amphora, produced in about 540 BC and decorated by the so-called Swing Painter (Fig. 1). Side A (as usually imagined) shows a scene from conflict between Centaurs and Lapiths, which is usually taken to show the rather obscure myth of Kaineus. However, my concern is Side B (so-called) which shows five men on stilts. Their identity is unknown, but they wear tall pointed caps, with ear-flaps, of a kind that has often been taken to suggest that they are in some sense Scythians, though others may wear such caps too. The five men all have full beards, too, which would suit Scythians among others. Their clothing, however, is not particularly Scythian, apart from the aforementioned caps, insofar as they do not wear trousers but short chitons. On top of these they wear, in three cases, white corselets of uncertain material, of which one (the central figure) has a pronounced texture, which has been compared to feathers, but might well be wool, for example. Leather has also been suggested for these corselets (Bóhr. 1982. P. 50), while bone-plate should not be discounted either. The two other figures (one at the front and perhaps therefore the leader of the group) wear corselets which resemble animal skins. Animal skins, leather and wool might suit Scythians well enough. However, there is nothing else in the scene to indicate a Scythian identity: we should observe the absence of bows, quivers and indeed any other weapon. Clearly, we cannot be at all sure that these are meant to be Scythians, but their «Scythian» characteristics (especially the caps) require some explanation nevertheless, as indeed does the unparalleled scene as a whole.

Fig. 1. Athenian black-figure amphora by Swing Painter

The vase has been much discussed by students of Greek theatre, who take it to show an early comic chorus. In consequence, the image of these «Scythians» is usually set in the context of a small group of other images on vases which seem to depict comic performances before the traditional date for the beginning of comedic performance in the City Dionysia at Athens in 486 BC. These scholars usually explain the image with reference to a passage of the second century lexicographer Julius Pollux, who mentions the existence of dances on stilts, apparently in Sparta.

And the *gypones*, moving on wooden poles, used to dance, clothing themselves in diaphanous Tarentine garments. (Pollux, 4. 104–5).

On the basis of this piece of Pollux, it is repeatedly affirmed (rarely with any hint of doubt) that the vase shows such a dance on stilts and (the argument goes) that the dance must have been in a comic context, because the image itself is humorous. However, although this view has become a firm orthodoxy, it is not without substantial problems. Is this indeed a comic scene? The depiction of figures in peculiar dress might suggest as much, while we are familiar with barbarians in general and Scythians in particular in comic contexts both in drama (e.g. Aristophanes' *Thesmophoriazousae* and *Lysistrata*, amongst much else) and in later vase painting (the so-called Eurymedon vase of about 460 BC). However, it must be observed that the scene is by no means as obviously comic as it might be (cf. The Painter of Berlin 1686, ABV 297. 17, where comedy is clear): is it comic at all, and in what sense? On that issue we need to be especially careful with the Swing Painter in that his manner of depicting figures seems to convey a sense of comedy to some (modern) viewers when comic performance was apparently not at stake, as in his depiction of Kaineus, for example, on Side A of this very vase (Böhr .1982. P. 43). Meanwhile, the whole notion of a dance is less certain than scholarly unanimity might seem to suggest. There is no aulete, as with other images with which historians of early Comedy tend to group this vase, nor do we see any riding of animals, as with the horses, dolphins and ostriches of those other scenes (e.g. Rusten. 2006). And although it is sometimes claimed that the five figures show uniformity, that is not really true: their clothing is broadly similar, but it also shows obvious variety, while the two figures in front are looking straight ahead and the three figures behind them are looking downwards. The figures on the vase seem to walk, but there is no real sign that they are dancing: are we to imagine a very stately dance, perhaps encouraged by the difficulty of using stilts? Perhaps, but the figures may simply be walking. The passage of Pollux has been crucial to the creation of this interpretation of a comic choral dance, but we should observe that he says nothing of comedy and that he seems to locate the stilt-dance in Sparta, whereas this is an Athenian vase. Are we to assume that the painter in Athens was seeking to convey a Spartan custom for whatever reason, or are we to assume that stilt-dancing was also practised in Attica? And what of the diaphanous Tarentine garments? The mention of Taras suits Sparta well, but there is no sign of such garments on our vase, where the five men are clearly not dressed in any kind of diaphanous costume. Further, the vase image shows the stilts very visibly, but we may at least observe that the use of stilts is at its most effective when the stilts themselves are concealed, which gives the impression of an extraordinarily tall figure. Pollux is not very clear on the matter, but his meaning may well be that the light garments of the *gy-*

pones covered the stilts, which would in turn explain his mention of these garments at all. Therefore, in view of all these doubts, we must ask precisely what there is to connect the passage of Pollux with the image on the vase, beyond the fact that the connection is always made by modern scholars. The answer is simple: the only certain link between the two is the use of stilts. That leaves us to consider how else stilts may have been used in archaic Greece.

At this point we may consider another text, which (as far as I am aware) has never been associated with the vase image. This is an archaic text, not a detail of late lexicography. For the *Homeric hymn to Hermes* relates how Hermes walked on stilts while stealing the cattle of Apollo. The passage has often been mistakenly understood as meaning that Hermes used gigantic sandals, but as scholars have now seen, the god used stilts:

[But] he (i.e. Hermes) himself – the impossible fellow – was crossing the sandy region without either leaving the road, or going on his feet, or on his hands – he had some other device and was rubbing such monstrous tracks, as if someone were walking on slender oak trunks.

(*Homeric hymn to Hermes*, 346–9, transl. West. 2003)

John Chadwick seems to have been the first scholar to grasp that stilts are meant (Chadwick. 1996. P. 50–51). By using stilts (made of oak?) the famously-crafty Hermes sought to conceal his theft of Apollo's cattle by leaving tracks which suggested a huge being. It is important to realize that the use of stilts was also clever and appropriate in that it concealed also the direction of movement, for Hermes had taken the trouble to drive the cattle backwards and that ruse would be rendered more effective if his own tracks were not obviously heading forwards. The tracks left by stilts were not obviously moving either backwards or forwards. Here we touch upon a theme of tracks and footprints which may take us in many different directions. We may think of the great strides of Hercules, as indicated presumably by what was surely a particularly large footprint shown near Tyras (Hdt. 4. 82). Or we may recall the strange role of footprints in recognition in Athenian tragedy (Torrance. 2011). At the same time, we may also recall other myths of cattle raiding, though of course there are no cattle on our vase and some other kind of undertaking may be imagined, including another type of theft. It should be noted that among the Swing Painter's other works is the depiction of just such a theft, by four men of Crete who tried to steal the honey of the sacred bees of the cave in which Zeus was born there. As is usual in stories of such thefts, they too had used a trick, for they came protected in bronze armour against the bees, though that was no protection from the wrath of Zeus, who turned them into birds of omen (Böhr. 1982. P. 46; Ant. Lib. 19 for the myth). The downward gaze of the rear three figures on our vase has

sometimes been taken to indicate their unsteadiness on their stilts, but we might better explain it in terms of the tracks of the group as they make their way from left to right: the first two figures look ahead as they lead the way, but the rear three have tracks to look down at, drawing in that direction the thoughts of the viewer of the vase. This would indeed have been a comic dance if the dancers were not fully competent on their stilts!

The cattle-theft of Hermes is unlikely to be the direct subject of this vase image. The problem is not that Hermes was a newborn child in the Homeric hymn (a prodigious one, of course), for the god regularly appears in this role in archaic Greek art depicted as a bearded male (LIMC s.v.). The problem is rather that Hermes' theft was a lone undertaking, whereas the vase shows a party of five. It is true that there were different versions of his theft in circulation in archaic Greece (e.g. Hägg. 1989), whether by Alcaeus, perhaps Hesiod or others, but there seems no firm foundation to imagine a version of the story that made Hermes one of a group. However, Hermes' theft is important for the interpretation of the vase image, because it offers a rather different kind of explanation, which is not built around the obscure stilt-dancing of Pollux (which is in any case problematic, as we have seen), but relates to the central themes of theft, deception and tracks (e.g. Pratt. 1993; cf. Shelmerdine. 1986, observing links to Odysseus). But what kind of image is this? We may still have a comic scene of some kind, rather as Hermes' theft could be a theme for humour (as in Sophocles' *Trackers*, a satyr-play). And it remains possible that the figures are in some way Scythians, for we may recall the association between Scythians and cattle (notably, the Scythian *boukolos* Teutaros, who worked for Heracles' father, Amphitryon). We may recall also the role of the Scythian as outsider or, as some would have it, the Other, though the Greeks who played at being Scythians were youths, not the bearded men of our vase. Finally, if we wish to press the possibility that this is somehow the story of Hermes' theft of Apollo's cattle, we should recall that from these cattle (and a tortoise) Hermes fashions the first lyre, for the working of flesh, not least into musical instruments, was considered a very Scythian practice among Greeks.

It is clear that much remains unclear. Green has pointed out that Epicharmus made reference to stilt-walking (conceivably even dancing) in his lost comedy, *Persians* (fr. 112K): who was using stilts and for what purpose is unclear, though Persians might wear pointed caps, of course. That (and Hesychius' mention of other Greek words for stilt-users) offers an alluring line of enquiry, but no more (Green. 1979. P. 7). We have seen that uncertainty prevails about the most fundamental matters, so that the repetition of orthodoxy is unwarranted and unsatisfactory. Is this an early comic chorus? Is Hermes relevant in any direct way? Are these figures at all Scythians? And what are they doing on their stilts? However, while broadening discussion beyond the orthodoxy, it seems worth extending

consideration of the Swing Painter's image of these five "Scythians on stilts" beyond the study of the origins of comic drama in Athens to give it a small place also in Black Sea studies.

Bibliography

- E. Böhr.* Der Schaukelmaler. Mainz, 1982.
J. Chadwick. Lexicographica graeca. Oxford, 1996.
J. R. Green. CVA: New Zealand. Fasc.1. Oxford, 1979.
J. R. Green. The Logie collection. Canterbury UP. Christchurch, 2009.
T. Hägg. Hermes and the invention of the lyre. An unorthodox version // *Symbolae Osloenses* 64. 1989. P. 36–73.
L. Pratt. Lying and Poetry from Homer to Pindar: Falsehood and Deception in Archaic Greek Poetics. Ann Arbor, 1993.
J. S. Rusten. Who «Invented» Comedy? The Ancient Candidates for the Origins of Comedy and the Visual Evidence // *AJP* 127. 2006. P. 37–66.
S. Shelmerdine. Odyssean Allusions in the Fourth Homeric Hymn // *TAPA* 116. 1986. P. 49–63.
I. Torrance. In the footprints of Aeschylus // *AJP* 132. 2011. P. 177–204.
M. L. West. Homeric hymns; Homeric apocrypha; lives of Homer. Cambridge, Mass., 2003.

Е. Д. Начинкина

О полном имени Флавия Арриана

О полном имени Флавия Арриана, труды которого по описанию черноморского побережья столь ценны для тех, кто изучает историческую географию этого региона, единого мнения в науке нет. Он родился в конце I в. н.э. (прим. 90 г. н.э.) в Вифинии и был римлянином греческого происхождения. Разберем по порядку проблемы, связанные с каждым из компонентов его имени.

Возникновению споров вокруг граенюмен Арриана способствует то, что он сохранился лишь на одной надписи, найденной в Афинах (Peppas-Delmouzou. 1970. P. 377–380). Эта грекоязычная надпись представляет собой часть постамента статуи императорской эпохи, на котором сохранилось три строки:

Α(ῶλον) Φλ(άβιον) Ἀρριανὸ[ν] / ὑπατικὸν φιλό[σο] / φο[ν]

Эту надпись однозначно относят к Флавию Арриану из Нико-
медии, слушателю Эпиктета и историку Александра Великого, кото-
рый получил афинское гражданство, а также был архонтом в Афинах
в 145/6 г. н.э.

Ргаепомен сокращен в этой надписи, как это обычно делалось,
до первой буквы. Надпись немного повреждена, и скол приходится
как раз на начало строки, раскалывая букву горизонтально примерно
на середине. Таким образом, на фотографии отчетливо видно, что
выбирать приходится между *лямбдой* и *альфой*, что в данном случае
означает – между именами Авл и Луций.

Характер скола, который именно в этом месте в середине пер-
вой буквы в строке поворачивает и идёт горизонтально от одной на-
клонной галсы до другой, а затем снова устремляется наискосок и
вниз, – на что мое внимание обратила Н. А. Павличенко – наводит на
предположение, что перед нами *альфа*, то есть имя следует восста-
навливать как Авл.

Nomen Flavius относится к разряду так называемых «династи-
ческих» имен, то есть имен, полученных от одного из императоров.
К тому же типу относятся имена Iulius, Antonius, Octavius, Cosceius,
Ulpus, Aelius, Septimius (McLean, 2002. P. 115). Такой nomen может
означать, что семья Арриана получила римское гражданство от од-
ного из императоров из династии Флавиев еще до рождения писате-
ля. В эпоху империи люди, получавшие гражданство, получали
обычно ргаепомен и nomen правящего императора. Однако это не
являлось обязательным правилом, так как новый гражданин мог вы-
брать имя по своему усмотрению, и многие жители провинций брали
имя тех из соотечественников, которые обладали большим влиянием
у себя на родине и дольше владели римским гражданством (Vox.
1931. P. 205).

Что касается cognomen Arrianus, то оно может свидетельство-
вать о том, что семья писателя была каким-то образом (в результате
усыновления, например) связана с римским родом Арриев, так как
усыновляемый человек брал себе, как правило, полное имя усынови-
теля, добавляя к нему свой изначальный nomen с суффиксом -an
(Fraenkel. 1935. Sp. 1662).

Нельзя, впрочем, упускать из виду того, что, как показывает
Кайанто (Kajanto. 1965. P. 33), подобный cognomen с суффиксом -an-
мог иметь самое различное происхождение и необязательно говорил
об усыновлении. Это мог быть cognomen, образованный от nomen
матери: например, сын Марка Порция Катона (род. в 234 г. до н.э. и
умер в 149 г. до н.э.) от первого брака был назван по имени матери
Лицинии М. Porcius Cato *Licinianus*, а сын от второго брака М.
Porcius Cato *Salonianus* получил cognomen по имени матери Салонии.

На основании того, что в I–II вв. н. э. особенно часто такой *cognomen* отражал именно имя матери, Пелхем без всяких сомнений говорит, что мать Арриана носила имя Аррия (Pelham. 1896. P. 626).

Кроме того, подобный *cognomen* мог быть образован от *nomen* любого из родителей или даже от *nomen* деда; и наконец, *cognomen* такой модели мог быть дан ребенку при рождении независимо от каких-либо родственных связей (Kajanto. 1965. P. 33, 109).

Учитывая общую ономастическую картину в I–II вв. н.э., нарисованную Б. Салвеем (Salway. 1994. P. 124–131), мы бы ожидали увидеть у римского гражданина греческого происхождения, жившего во II в. н.э., его личное греческое имя, стоящее после *cognomen* Арриан. Между тем в единственной, уже упомянутой нами, надписи, где мы видим его более или менее полное официальное римское имя, он назван Авл (или Луций?) Флавий Арриан. В прочих надписях мы видим лишь *nomen* и *cognomen*: IG III 1116: [ἄρχωντος] / Φλ(αουίου) Ἀρριανοῦ Παϊανιέος; IG III 1029; 1032: οἱ πρυτάνεις τῆς Πανδιονίδος φυλῆς Παϊανιείς / Φλ. Ἀρριανός.

В Библиотеке патриарха Фотия имеется пассаж (*Phot. Bibl.* 58 p. 17 a 25), из которого следует, что Арриан получил прозвище «новый Ксенофонт»:

ἐπωνόμαζον δὲ αὐτὸν **Ξενοφῶντα νέον**. διὰ δὲ τὸ τῆς παιδείας ἐπίσημον ἄλλας τε πολιτικὰς ἀρχὰς ἐπιστεύθη καὶ εἰς τὸ τῶν ὑπάτων ἀνέβη τέλος. <...> ἰσχνὸς δὲ τὴν φράσιν ἐστὶν καὶ μιμητὴς ὡς ἀληθῶς Ξενοφῶντος.

Его называли **новым Ксенофонтом**. Из-за отличного воспитания ему были доверены различные политические должности, и он даже дошел до должности консула. <...> Обладает изящным стилем речи и воистину является подражателем Ксенофонта.

До появления в 1967 г. статьи Ф. Стадтера Flavius Arrianus: the New Xenophon (Stadter. 1967. P. 155–161) интерпретация этого фрагмента, а также аналогичного фрагмента из словаря Суды (*Suid.* s. v. Ἀρριανός: Ἀρριανός: Νικομηθεύς, φιλόσοφος Ἐπικτήτειος, ὁ ἐπικληθεὶς νέος Ξενοφῶν. *Арриан из Никомедии. Философ, последователь Эпиктета, называемый Новым Ксенофонтом*), сводилась к тому, что из-за особенностей своего литературного стиля, похожего на стиль Ксенофонта, Арриан носил прозвище «новый Ксенофонт».

Однако в 1967 г. Ф. Стадтер высказал предположение, что полное имя Арриана не исчерпывалось обычными *tria nomina* римского гражданина, но имело вид Луций Флавий Арриан Ксенофонт – он понимает имя Ксенофонт как собственно личное греческое имя Арриана, основываясь на следующих соображениях.

Помимо сообщений Фотия и Суды, обращает на себя внимание то, что Арриан, многократно ссылаясь на знаменитого Ксенофонта, часто добавляет к его имени различные пояснения. Помимо «Ксенофонта Афинского» (Ξενοφῶν ὁ Ἀθηναῖος: Сун. V, 6) и «Ксенофонта сына Грилла» (Ξενοφῶν ὁ τοῦ Γρύλλου: Anab. II, 8, 11; Сун. I, 1; Tact. 29, 8) он говорит то «старший Ксенофонт» (Ξενοφῶν ὁ πρεσβύτερος Per. XII, 5; XXV, 1), то «Ксенофонт, который был раньше» (Ξενοφῶν ὁ πάλαι Сун. III, 5), то «тот Ксенофонт» (Ξενοφῶν ἐκεῖνος (Сун. XVI, 7; XXI, 2; XXV, 4; XXX, 2; Per. I, 1; II, 3).

Стадтер, объясняя наличие упомянутых определений при ссылках на Ксенофонта, предлагает обратить более пристальное внимание на то, что в трактате «Об охоте» Арриан называет себя и Ксенофонта тезками и гражданами одного города (Афин):

...ὁμώνυμός τε ὦν αὐτῷ καὶ πόλεως τῆς αὐτῆς καὶ ἀμφὶ ταῦτὰ ἀπὸ νέου ἐσπουδακώς, κυνηγέσια καὶ στρατηγίαν καὶ σοφίαν (...будучи ему тезоименитен и происходя из одного и того же города, и с юности занимаясь теми же предметами: разведением собак, командованием и философией) (Сун. I, 4).

Интересно, что слово ὁμώνυμος встречается в текстах Арриана (помимо названного места) еще три раза. Один раз в Анабасисе Александра в пятой книге (Anab. 5, 21, 3), где появляется тэзка индийского царя Пора, взятого Александром в плен; и дважды в трактате «Об охоте» (Сун. XVI, 6; XXII, 2). Оба раза речь идет о Ксенофонте. Причем, раз задав систему обозначений (ὁμώνυμος ἑαυτοῦ (ἑμός) = Ξενοφῶν), Арриан уже употребляет ее как нечто само собой разумеющееся.

Стадтер утверждает, что определения необходимы, чтоб отличить Арриана от Ксенофонта, так как, хотя произведения этого автора дошли до нас под именем Флавия Арриана, сам он, выводя себя в качестве героя повествования, дважды называет себя Ксенофонт.

ὁ δὲ ἡγεμῶν τῆς πάσης στρατιᾶς **Ξενοφῶν** – *(командующий всем войском **Ксенофонт**)* (Acies contra Alan. 10).

οἱ δὲ ἐπίλεκτοι ἵππεις ἀμφ' αὐτὸν **Ξενοφῶντα** ἔστωσαν – *(отборные конники будут находиться при самом **Ксенофонте**)* (Acies contra Alan. 22).

То, что в «Диспозиции против аланов» Арриан говорит о самом себе, следует из того, что Арриан, защищая вверенную ему провинцию от нашествия аланов, сам стоял во главе войска (Bosworth. 1977. P. 217). В остальных произведениях он говорит о себе в первом лице.

До появления необходимости оспаривать точку зрения Стадтера, эти три факта гармонично дополняли сообщение Фотия и Суды. Так, на взгляд Э. Шварца (Schwartz. 1895. Sp. 1230–1247), дело выглядит следующим образом: Арриан еще в юности получил прозвание «новый Ксенофонт». После такого общественного признания, Арриан взял себе это имя в качестве литературного псевдонима. В пользу этой точки зрения говорит и высокое мнение Арриана о собственной персоне, который с легкостью ставит себя в один ряд не только с Ксенофонтом, но и с Гомером (Arr. Anab. I, 12, 4–5).

Это предположение не вызвало сочувствия у ученых: Дж. Оливер (Oliver. 1982. P. 128) и Э. Босворт (Bosworth. 1988. P. 26–27) объявляют его несостоятельным, однако обоснованные возражения появляются только в статье Г. Амелинга 1984 года (Ameling. 1984. S. 119), где автор объявляет основанием для умозаключений Стадтера тот факт, что в рукописи (Palatinus gr. 398, 18r) Кинегетик имеет заголовок Ἀρριανοῦ κυνηγετικός, измененный на Ξενοφώντος Ἀθηναίου τοῦ δευτέρου κυνηγετικός.

Эти слова действительно вписаны в рукопись над именем Арриана другой рукой (судя по форме отдельных букв, той же, которой перечисляется содержание рукописи, где трактат «О псовой охоте» обозначен как Ξενοφώντος κυνηγετικός). Это, безусловно, еще раз свидетельствует о широкой известности Арриана под именем «нового Ксенофонта», однако не дает оснований считать, как это делает Амелинг, абсурдной трактовку имени Ксенофонт как данного при рождении.

Впрочем, Стадтер, как мы видели, в своем рассуждении опирается вовсе не на атрибуцию произведений, предложенную в рукописи, а на свидетельства самого Арриана.

То, что Арриан так или иначе получил имя Ксенофонт, не вызывает сомнений. Предметом спора является лишь время получения этого имени: имеем ли мы дело с почетным прозвищем, полученным уже взрослым человеком, или здесь имеет место явление, более характерное уже для христианской культуры, когда человек, получив имя прославленного святого, повторяет, случайно или намеренно, его жизнь.

Что касается имен великих людей, то, как пишет Кайанто (Kajanto. 1967. P. 18–19), в античности детей нередко называли в честь какого-нибудь великого человека, стремясь к тому, чтоб у него всегда был перед глазами пример его знаменитого тезки. Однако чрезвычайно трудно решить, имеем ли мы дело с именем, данным в честь великого деятеля прошлого, или по какой-то другой причине, если это не сказано прямо.

Анализ распространенности имени Ксенофонт по A Lexicon of Greek Personal Names (LGPN. Vol. I – Va. s.v.) делает очевидным, что грек в конце I в. н. э. вполне мог носить это имя в качестве личного.

Материал, собранный Амелингом (Ameling. 1984. S. 120–121), ясно показывает, что почетное прозвание никоим образом не было связано с личным именем человека. В этом и состоит сложность, мешающая согласиться с тем, что Арриан был еще в детстве назван Ксенофонтом, так как в этом случае личное имя и почетное прозвание удивительным образом совпали бы.

Литература

- G. L. Ameling.* Flavius Arrianus neos Xenophon // Epigraphia Anatolica. 1984. № 4.
- A. B. Bosworth.* Arrian and the Alani // Harvard Studies in Classical Philology. 1977. № 81.
- A. B. Bosworth.* From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation. Oxford, 1988.
- H. Box.* Roman Citizenship in Laconia: Part I // The Journal of Roman Studies. 1931. № 21.
- T. A. Corsten.* Lexicon of Greek Personal Names. Oxford, 2010.
- E. Fraenkel.* Namenwesen // Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. 1935. № XXXII.
- I. Kajanto.* The Latin Cognomina // Commentationes Humanarum Litterarum. 1965. № 26. 2.
- I. Kajanto.* Supernomina. A Study in Latin Epigraphy // Societas Scientiarum Fennica. 1967. № 40.
- B. H. McLean.* An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine (323 BC. – AD. 337). University of Michigan. 2002
- J. H. Oliver.* Arrian in Two Roles // Hesperia Supplements. 1982. № 19.
- H. F. Pelham.* Arrian as a Legate of Cappadocia // English Historical Review. 1895. № 44.
- D. Peppas-Delmouzou.* Βάσις ἀνδριάντος τοῦ Ἀρριανοῦ // Athens Annals of Archaeology. 1970. № 3.
- B. Salway.* What's in a Name? A Survey of Roman Onomastic Practice from c. 700 BC. to AD. 700 // The Journal of Roman Studies. 1994. № 84.
- E. Schwartz.* Arrianus IX // Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. 1895. № 3.
- Ph. A. Stadter.* Flavius Arrianus: the New Xenophon // Greek, Roman & Byzantine Studies. 1967. № 8.
- Ph. A. Stadter.* Arrian of Nicomedia. Chapel Hill, 1980.

С. Ю. Монахов, Н. Ф. Федосеев

Амфоры Икоса

Поводом к написанию этой заметки стало открытие одного замечательного комплекса в Керчи. В 2001 году на ул. Циолковского А. В. Куликовым были проведены спасательные работы по трассе газопровода. На небольшом участке были выявлены культурные напластования глубиной до 2,25 м. Среди находок зафиксировано 139 амфорных клейм Синопы, Фасоса, Гераклеи, Родоса, Аканфа, Книда, Коса и Икоса, что позволяет уверенно предполагать, что время накопления комплекса охватывает всю вторую половину IV и самое начало III в. до н.э. Монетные находки подтверждают этот вывод¹¹⁶. В нашу задачу не входит исчерпывающий анализ этого богатого комплекса, основное внимание мы уделим одной находке – фрагменту амфорного горла с клеймом ΙΚΙΟΝ на ручке (Рис. 1. 2–5), который, как нам представляется, позволяет локализовать одну известную группу амфор.

Клейма Икоса не являются чем-то редким в керамической эпиграфике, хотя встречено их не очень много (Palaczyk, Schönberger. 2003. P. 224; Jöhrens. 1999. Taf. 25. № 21). Б. Н. Граков по материалам Северного Причерноморья (IPE-III) выделял 16 клейм Икоса 4-х различных штампов, хотя на самом деле их значительно больше¹¹⁷. Тем не менее, очевидно, что клеймение амфор на Икосе не было систематическим и регулярным, и осуществлялось только периодически. Кроме того, на сегодняшний день мы не имеем никаких данных о том, почему на Икосе в легенде клейм присутствует только этникон, и никогда не фигурируют имена фабрикантов или магистратов, как это было принято в центрах, где осуществлялось систематическое клеймение.

Серьезный прорыв в изучении амфорного производства на Икосе был сделан в 80-е годы А. Дульгери-Инцесилоглу, исследовавшей несколько амфорных мастерских на Пепарете и Икосе, что позволило ей вместе с И. Гарланом идентифицировать керамическую тару Пепарета, опознав в ней хорошо известную в Причерно-

¹¹⁶ Материалы готовятся к публикации автором раскопок. Коллекция керамических клейм обработана Н. Ф. Федосеевым. Авторы заметки признательны А. В. Куликову за любезное разрешение использовать материалы его раскопок.

¹¹⁷ Из находок последних десятилетий, не вошедших в свод Б. Н. Гракова: одно клеймо найдено на поселении Генеральское-Западное, еще одно – на поселении Пустынный Берг, третье – с поселения Бельнякое-2 и четвертое – из моря близ Севастополя.

море серию тары так называемого типа Солоха-II (Doulgéri-Intzessiloglou, Garlan. 1990). Вместе с тем авторы отмечают тот факт, что, судя по фрагментам профильных частей амфор из мастерских, и на Пепарете и на Икосе производились одновременно как высокие конические амфоры типа Солоха-II (Пепарет-I), так и амфоры пифоидной формы с широким яйцевидным туловом (Пепарет-II).

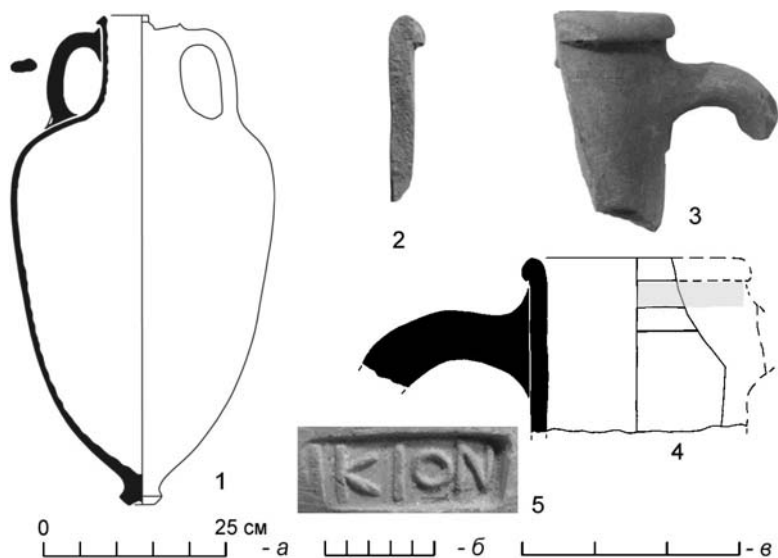

Рис. 1. Амфоры Икоса: 1 – из мастерской в Панермосе на Пепарете; 2–5 – горло амфоры из зольника на ул. Циолковского в Керчи. Масштабы: а – для 1, б – для 2–4, в – для 5

Авторами была издана целая амфора из мастерской Панермос на Пепарете (Рис. 1. 1)¹¹⁸, причём они отмечают, что в мастерской Цукалия на Икосе среди бракованной продукции во множестве присутствуют фрагменты именно таких сосудов. Кроме того, там же обнаружена ручка амфоры с клеймом IKION Doulgéri-Intzessiloglou, Garlan. 1990. P. 371, 375, 376. Fig. 7. 21–26; Δουλγερη-Ιντζεσιλογλου, Σκαφίδα, Καμπουρολου. 1999. P. 406–408; Ατανασσороγλου. P. 501–502¹¹⁹. Время бытования выпусков

¹¹⁸ Параметры амфоры: высота 67 см, диаметр тулова – 36 см.

¹¹⁹ Исследования на Икосе, прежде всего в районе мастерской Цукалия, были продолжены в 1999–2000 гг. в рамках совместного греко-американского проекта. На сего-

амфор обеих серий (Пепарет-I и Пепарет-II) не выходит за рамки первой половины – третьей четверти IV в. до н.э. (Doulgéri-Intzessiloglou, Garlan. 1990. P. 378, 379).

Вернёмся к находке в Керчи, которая важна для нас потому, что этот фрагмент амфорного горла с клеймом IKION на ручке (Рис. 1. 2–5)¹²⁰ совершенно точно соответствует по морфологии и характеру глины выделенному А. Дульгери-Интцесилоглу и И. Гарланом пифоидному типу Пепарет-II (амфора из мастерской в Панермос). А поскольку керченское горло имеет на ручке клеймо, то принадлежность его Икосу сомнений не вызывает.

Визуальные характеристики керченской находки следующие: глина светло-коричневого цвета с редкими включениями мелкого известняка и слюды. Снаружи – густой и очень плотный темно-коричневый ангоб. Это абсолютно точно соответствует характеристикам глины так называемых «псевдо-херсонесских» или «псевдобоспорских» амфор, которые уже неоднократно анализировались в отечественной литературе (Зеест. 1960. С. 98; Монахов. 1989. С. 42 сл.), и в очередной раз ставшие предметом исследования совсем недавно (Монахов, Кузнецова. 2009. С. 148–161; Monachov, Kuznetsova. 2011. P. 245–258)¹²¹. Очень характерна профилировка венца – он небольшой, клювовидной формы.

Именно форма венца подвигла И. Гарлана искать аналогии амфоре из мастерской Панермос (рис. 1. 1) среди разнообразных серий тары с грибовидными венцами, хорошо известными в Причерноморье (Doulgéri-Intzessiloglou, Garlan. 1990. P. 386. Fig. 35). Как нам представляется, это предположение не имеет под собой оснований.

Не возвращаясь к многолетней дискуссии, которая изложена в публикациях 2009 и 2011 г., напомним, что представительная серия «псевдохерсонесских» амфор последовательно считалась то «боспорской», то «херсонесской» ранних выпусков. В последних работах С. Ю. Монаховым и Е. В. Кузнецовой было высказано предположение, что «...амфоры рассматриваемых нами групп были выпущены в мастерских нескольких центров-производителей... центр (центры), где производились такие амфоры, скорее всего, находился где-то в Северной Эгее, скорее даже в Пропонтиде...» (Монахов, Кузнецова. 2009. С. 160; Monachov, Kuznetsova. 2011. P. 250). Эта

дняшний день в окрестностях мастерской Цукалия обнаружено 5 амфорных клейм с этниконом IKION см.: Παπάγιοφ. 2010. P. 194.

¹²⁰ Аналогии этому штампу: IPE III, № 4, 6, оба клейма из Ольвии.

¹²¹ Нужно отметить, что впервые о возможной принадлежности этих амфор к продукции Пепарета высказался Г. А. Ломтадзе (см.: Ломтадзе, Масленников. 2004. С. 150) со ссылкой на находку фрагмента горла с клеймом IKION на ручке из Керчи, правда, почему-то относя эту находку не к Икосу, а к Пепарету.

гипотеза теперь выглядит умозрительной, в настоящее время уверенно можно говорить о том, что производство таких пифоидных амфор было налажено именно на Икосе, который наравне с Пепаретом был одним из крупнейших центров-импортёров вина в керамической таре в Причерноморье.

На сегодняшний день в Причерноморье зафиксировано более 70 находок подобных амфор, 19 из них обнаружены в комплексах, где они встречены в контексте с иными группами надёжно датированных керамических находок. Особенно много таких комплексов выявлено на Кубани, в меотских некрополях «Прикубанский», «Старокорсунский № 2», «Усть-Лабинский». Встречены они в Порфмии, в комплексе ямы в украинской лесостепи, в курганах на Дону, на Днестре и в других местах (Лимберис, Марченко. 2005. С. 221 сл., 262 сл. Табл. 11, 28; Улитин. 2005. С. 277; Монахов, Кузнецова. С. 148 сл.; Monachov, Kuznetsova. 2011. P. 245 ff.). Во множестве этих комплексов пифоидные амфоры производства Икоса синхронизируются с клеймёными гераклеийскими и фасосскими, неклеймёными синопскими, мендейскими, косскими, книдскими амфорами, хронология которых разработана достаточно надёжно. Эти комплексы позволяют с высокой долей уверенности говорить о том, что производство данной серии амфор началось примерно в 80-е гг. IV в. до н.э. и продолжалось на протяжении второй–третьей четвертей IV в. до н.э. Комплексы, содержащие более ранние и более поздние сосуды схожей морфологии, пока не известны.

Все это позволило создать достаточно аргументированную типологическую и хронологическую классификацию амфор производства Икоса, главные пункты которой приведены ниже.

Амфоры *первой группы* (варианта) – крупные пифоидные сосуды, имеющие, как правило, достаточно высокое горло. Венец чаще всего клювовидный с небольшой подрезкой снизу, как у амфоры из Панермоса и у горла из Керчи (Рис. 1). Отличительной особенностью группы является наличие перехвата на ножке. К ней относится множество сосудов из Прикубанского и Старокорсунского меотских некрополей, из кургана № 18 могильника «Колбинский I» и некоторые другие (Рис. 2. 1, 2)¹²².

¹²² Амфоры Икоса иллюстрируются в данной заметке на рис. 2 выборочно. Исчерпывающая информация о всех амфорах, в том числе с их параметрами, приведена в цитированных статьях: Монахов, Кузнецова, 2009; Monachov, Kuznetsova. 2011.

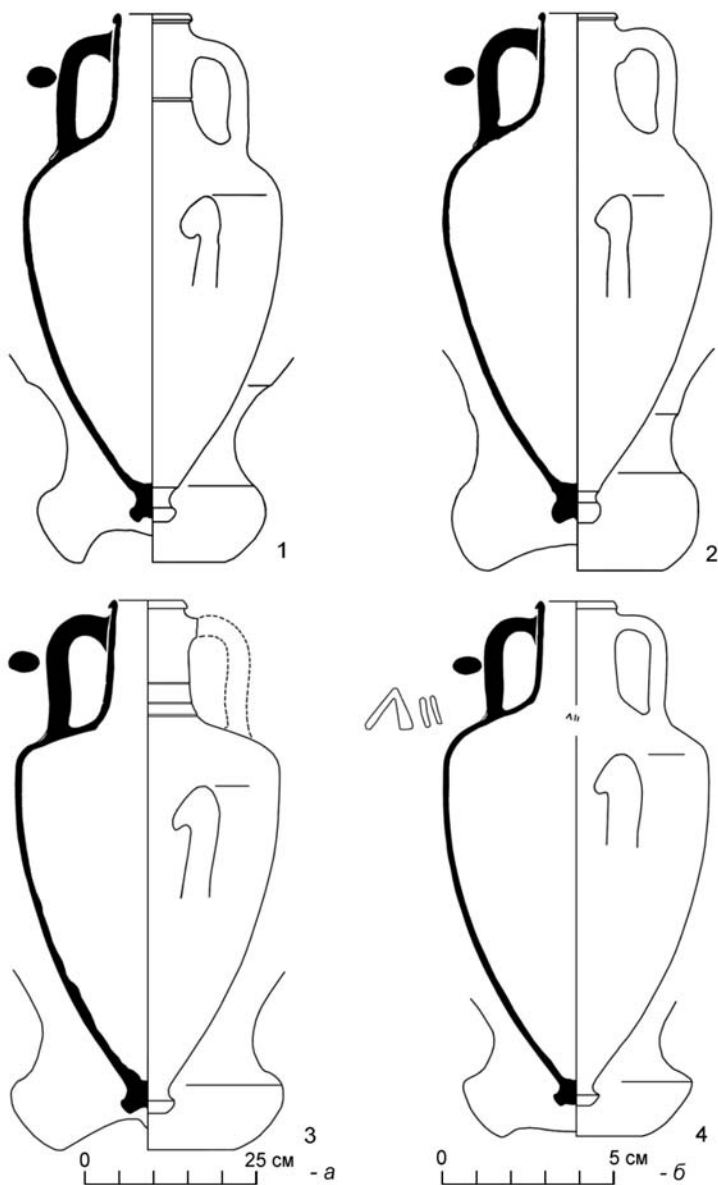

Рис. 2. Амфоры Икоса из Прикубанского некрополя: 1–2 – первая группа, из пог. 33, 93; 3–4 – вторая группа, из пог. 353, 393. Масштабы: *a* – для амфор, *b* – для ножек

Необходимо подчеркнуть, что для амфор этой группы присуще многообразие профилировки ножки, при том что некое единство все-таки наблюдается. Представляется, что это многообразие связано с тем, что данный вариант тары выпускался во множестве мастерских, причем на протяжении достаточно продолжительного времени (вторая четверть – середина IV в. до н.э.). И наконец, надо отметить, что помимо полностандартных амфор в рамках этого варианта известны фракционные сосуды. Они имеют вытянутые пропорции – высокое горло с валикообразным венцом с плавным переходом от плеч к коническому тулову (Монахов, Кузнецова, 2009. Табл. 4. 1–3).

Прочие амфоры можно отнести ко *второй морфологической группе* (варианту). Это также довольно крупные пифоидные сосуды на массивной невысокой ножке. Анализ имеющихся в нашем распоряжении комплексов, содержащих амфоры данной группы, показывает, что изготовление этих сосудов началось примерно в середине четвертого столетия. В отличие от сосудов первой группы у этих амфор отсутствует перехват на ножке. В нее попали образцы из ряда погребений Прикубанского и Старокорсунского некрополей на Кубани, из некрополей Херсонеса и Панского-1, из Сладковского могильника и другие (Рис. 2. 3, 4). Здесь также прослеживается существование нескольких фракций стандарта. В хронологическом отношении амфоры второй группы выпускались в пределах середины – третьей четверти IV в. до н.э.

В контексте всего вышенаписанного возникает вопрос, без решения которого обойтись трудно. Дело в том, что неклеимая амфора из Панермоса найдена не на Икосе, а в мастерской на о. Пепарет. Полные аналогии этому сосуду не имеют клейм, за одним исключением – круглое клеймо с «дельтой» из погр. 180 Прикубанского некрополя, которое не дает привязки к центру производства. С другой стороны, амфорное горло с этниконом ΙΚΙΟΝ на ручке из Керчи надежно атрибутирует эту находку. Можно предположить, что амфоры обеих групп производились одновременно и на Пепарете и на Икосе, тем более, что по некоторым данным Икос в интересное нас время находился под контролем Пепарета. Однако только на Икосе по неизвестным нам причинам иногда на амфорах оттискивались клейма с этниконом.

Таким образом, на сегодняшнем этапе мы можем согласиться с главным выводом А. Дульгери-Интцессилоглу и И. Гарлана о том, что на Пепарете и Икосе на протяжении большей части IV в. производилось два типа амфор: Пепарет-I (прежний тип Солоха-II) и Пепарет-II (прежний тип «псевдохерсонес»), который теперь будет правильнее называть Пепарет-II – Икос. Однако амфоры с грибовидными венцами из северопричерноморских находок, приводимые

А. Дульгери-Интцессилоглу и И. Гарланом в качестве аналогии последнему типу, не могут считаться продукцией Пепарета и Икоса.

Литература

- И. Б. Брашинский.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.
- И. В. Бруяко.* Материалы к археологической карте Нижнего Поднестровья // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 2005.
- И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора. М., 1960.
- В. И. Кац.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. Краснодар, 2005. Вып. 5.
- Г. А. Ломтадзе, А. А. Масленников.* К реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре Европейского Боспора // ПИФК. 2004. Вып. XIV.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.
- С. Ю. Монахов, Е. В. Кузнецова.* Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009.
- В. В. Улитин.* Амфорный импорт в Усть-Лабинской меотской группе памятников (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани) // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
- Н. Ф. Федосеев, А. Л. Ермолин, А. В. Куликов.* Керамический комплекс из района рыбоконсервного завода в Керчи // ДБ. 2008. Вып. 12-II.
- Е. Атанасороглу.* Tsoukalia // Αρχαιολογικοί Δελτίοι. Χρονικά. Αθήνα, 2009. Vol. 55.
- Y. Garlan.* L'interprétation des timbres amphoriques «à la roue» d'Akanthos // BCH. 2006. Vol. 130.
- A. Doulgéri-Intzessiloglou, Y. Garlan.* Vin et Amphores de Péparéthos et d'Ikos // BCH. 1990. Vol. 114.
- Α. Δουλγερη-Ιντζέσιλογλου, Εβ. Σκαφίδα, Εβ. Καμπουρούλου.* Θέση Τσουκαλιά Ελληνοαμερικανικό πρόγραμμα εμφανειακής έρευνας στην Αλόνηθο (αρχαία Ικο) // Αρχαιολογικοί Δελτίοι. Χρονικά. Αθήνα, 1999. Vol. 54.
- G. Jöhrens.* Kerameikos: griechische Amphorenstempel spätklassischer und hellenistischer Zeit // Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Athen. Abt. 1999. Bd. 114.

- S. Ju. Monachov, E. V. Kuznetsova.* About one series of amphorae from unknown Dorian centre IV BC (former «Bosporus» or «early-Chersonessian») // Production and trade of amphorae in the Black Sea. Patabs-II. Sofia, 2011.
- Τ.-Μ. Πανάγωφ.* Η σφράγιση των αρχαίων ελληνικών εμπορικών αμφορέων. Παρουσίαση και αξιολόγηση των κέντρων παραγωγής. Διδακτορική διατριβή. Αθήνα, 2010.
- M. Palaczyk, E. Schönerberger.* Amphorenstempel. Grabungen 1964–2001 // Eretria. 2003. Vol. XII.

Κ. Μ. Παναϊοτωφ

О култе Деметры и Персефоны в Аполлонии Понтийской

Деметра и Персефона – Кора, которые почитались вместе, являлись не только покровительницами плодородия и земледелия. Кора почиталась как богиня загробной жизни, её фигурки часто находят в могильниках. Также они были связаны с обрядами увядающей и воскресающей природы. Земледельческие обряды и культы, особенно Деметры и Кору-Персефоны, были широко распространены во всём греческом мире и имели большое значение (Русяева. 1979. С. 35). О почитании Деметры и Персефоны в Аполлонии Понтийской не сохранилось письменных свидетельств, эпиграфических памятников или граффити. Археологические раскопки на территории города и некрополя в последние годы, однако, значительно расширили представления о сущности культа Деметры и Персефоны в этой апойкии. К памятникам этого культа относятся терракотовые одиночные и парные статуэтки стоящей и сидящей на троне богини, инвентарь святилищ и могил, незначительные строительные остатки.

В результате археологических раскопок на мысе Скамни, который занимает северо-восточную часть Старого города Созополя, в 2011 г. выяснилось, что для жителей Аполлонии и Созополя эта ветреная сторона города всегда была священным местом. Уже в VI в. до н.э. выступающие в море скалы с многочисленными щелями превратились в святилище. В исследуемом районе находятся остатки от архаического периода до конца XIX в. Здесь были обнаружены основания средневековых крепостных стен и угловой башни, двух часовен (XI и XIX в), базилики (XII–XIV вв.) и некрополь (XI–XIX в.). Их строительство почти полностью уничтожило остатки древнейших времён. Тем не менее, в некоторых местах прямо над скалой сохранились слои с высокой концентрацией древних материалов, толщиной от 0,10 до 0,20 м.

Рис. 1. Находки на мысе Скамни: 1–4 – головы статуэток; 5 – богиня, сидящая на троне; 6 – Деметра в образе печальной женщины

За исключением подъемного материала, к греческому периоду можно отнести часть стены из небольших известняковых блоков, сохранившихся на месте алтаря (?), и двух прямоугольных структур из небольших квадров, фрагменты эллинистических коринфских черепиц, которые свидетельствуют о зданиях. Прямоугольные известняковые структуры напоминают обеденные столы в храмах, на которых размещались терракоты (Alroth. 1988. P. 196–199). На исследованной территории зафиксированы углубления в скале, некоторые из них в средние века были использованы в качестве водосборников в церкви и в башне.

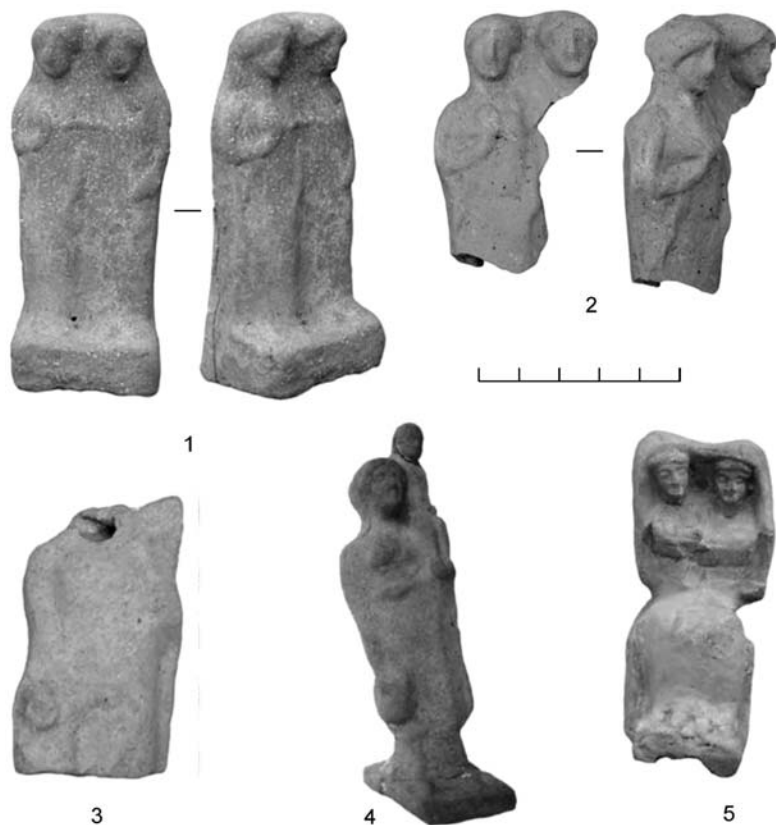

Рис. 2. Парные статуэтки из Аполлонии. 1, 2 – Деметра и Персефона; 3 – Деметра с маленькой Корой; 4 – Деметра с Корой на плече (некрополь Аполлонии, УПИ 5172, мог. 20); 5 – Деметра и Персефона на троне (Археологический музей, г. Созополь). 1–3 – найдены на мысе Скамни

Несмотря на незначительные остатки монументальных сооружений и нарушения слоя, основная масса керамических находок позволяет сделать выводы о месте мыса Скамни в топографии древней Аполлонии Понтийской. Среди материалов доминируют две группы: терракотовые статуэтки и миниатюрные керамические сосуды, которые могут иметь только вотивные функции. К этим материалам следует добавить и несколько мелких фрагментов керносов, которые также подразумевают религиозную деятельность. Процентная доля этих находок слишком велика для обычного городского культурного слоя. Миниатюрные терракотовые горшочки можно

найти практически везде на раскопанных участках, как правило, прямо на скале и в углублениях на её поверхности, где они были случайно брошены.

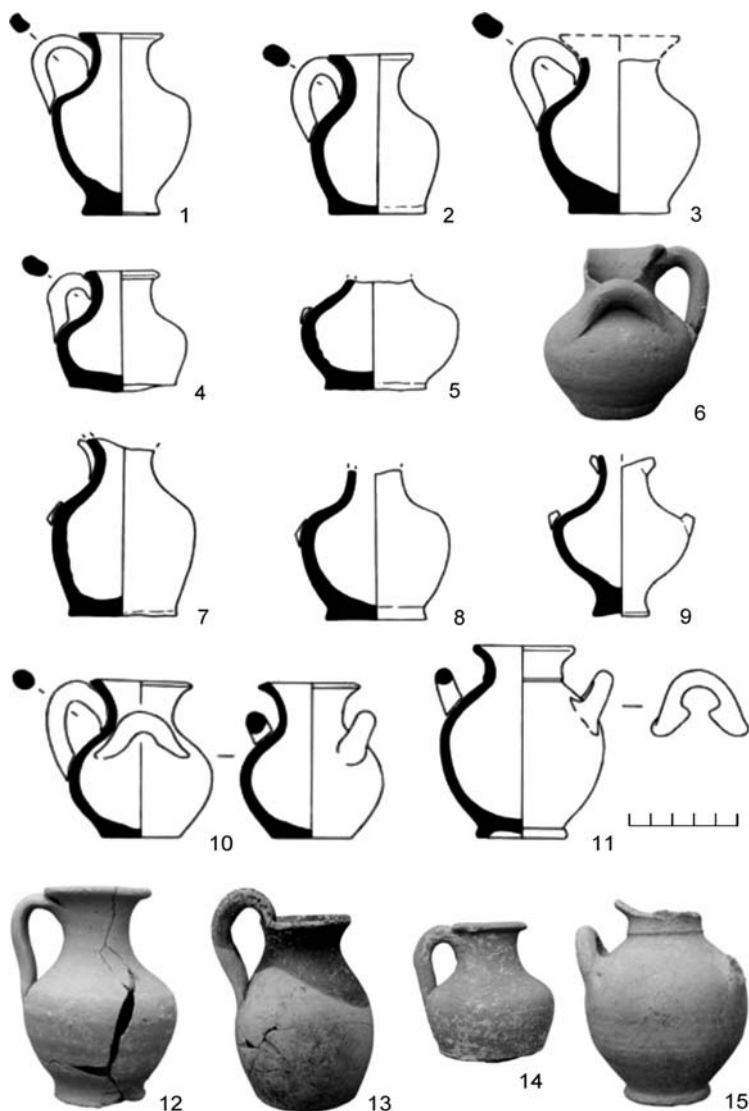

Рис. 3. Миниатюрные вотивные сосуды, найденные на мысе Скамни в Созополе

Среди терракотовых статуэток, безусловно, доминируют женские персонажи – 211 от общего числа 286 целых и фрагментированных терракот. Можно выделить несколько групп одиночных (Рис. 1) и парных (Рис. 2) фигур. Для большинства из них типичны небольшие размеры, массовое производство и низкое качество изготовления, вероятно, местное.

Только одна статуэтка сидящей богини из найденных на мысе Скамни полностью сохранилась (Рис. 1. 5). Она относится к архаическому ионийскому типу (VI в. до н.э). Передняя часть оттиснута в форме, а задняя – исполнена от руки. Фронтально фигура изображает женщину, неподвижно сидящую на троне с высокой спинкой. Волосы скрываются под покрывалом или шапочкой с острым верхом. Лицо с крупными чертами, массивный подбородок, длинный нос и улыбающийся рот, глаза миндалевидные. Под одеждой видны очертания груди. Ноги поставлены на прямоугольный выступ трона. Руки изображены рельефно, не отделяясь от тела. Правая рука поддерживает грудь, а согнутая левая рука лежит на животе.

На исследованном участке на мысе Скамни были найдены также десятки сохранившихся фрагментарно терракот сидящей богини и головы аналогичных статуэток (Рис. 1. 1–4), которые имеют типичные прически. Покрывало остаётся неизменным, иногда с рельефным валиком надо лбом. Идентичные статуэтки найдены в детских и женских могилах (Panayotova, Hermary. 2010. P. 248–249. С. 3. Pl. 120 a) аполлонийского некрополя и связываются с культом Деметры (Дремсизова. 1948. С. 54. Обр. 64; Дремсизова, Тончева. 1971. С. 30. № 15). Изображение сидящей богини широко распространено в древней Греции, но из-за отсутствия определённых атрибутов трудно отличить иконографию Деметры и Персефоны (Merker. 2000. P. 43).

В группе парных статуэток из Аполлонии выделяется два варианта изображения «*τὴ θεῶν*» (Русяева. 1979. С. 36) – Деметра с маленькой Корой и Деметра со взрослой Корой. В первом варианте богиня изображена стоящей и правой рукой держит дочку за руку (Рис. 2. 3) или Кора сидит на её левом плече (Рис. 2. 4). Второй вариант представляет собой изображение обеих богинь в идентичных позах стоя, одна из них представлена с согнутой правой рукой на груди (Рис. 2. 1, 2). Трудно различить детали их одежд, но есть общее покрывало (гиматий) на головах. Черты лица совсем сглажены. В одном из погребений аполлонийского некрополя была найдена статуэтка (Дремсизова. 1963. С. 227. Табл. 138. № 803), изображающая пару богинь, сидящих на троне в одинаковых позах. Ц. Дремсизова видит в статуэтках не только богинь плодородия, но также и защитниц мёртвых. Аналогичная статуэтка хранится в Археологическом музее в Созополе (Рис. 2. 5).

Преобладание женских персонажей среди находок на мысе Скамни сохраняется и в более поздний период (IV–III вв. до н.э.), когда появляются статуэтки, представляющие женщину с закутанным лицом (Рис. 1. 6), гораздо менее многочисленные изображения танцующей женщины, комиков и животных. Некоторые из них отличаются высоким качеством и, наверное, они импортные. К этому периоду относятся и фрагменты более крупных и представительных статуэток, снова изображающих женские персонажи. Гипотезу, что на мысе Скамни находилось святилище, где Деметра почиталась вместе со своей дочерью Корой, также обосновывают крошечные сосуды – упомянутые выше 1300 миниатюрных ваз (Рис. 3). Представлены только различные формы закрытых сосудов – миниатюрные (высота около 10 см) кувшины, амфоры, гидрии и другие. Преобладает местное производство, но находятся и более роскошные импортные вазы, которые позволяют определить точно хронологию святилища. В «ритуальных хранилищах», обозначенных № 1 и 2, были найдены чернофигурные и другие архаические сосуды (в том числе миниатюрные ольпы), которые можно отнести к первой половине VI в. до н. э. В ритуальном хранилище № 3, которое содержит наиболее миниатюрные горшочки, был найден маленький лекиф с сетчатым орнаментом, которой датируется второй половиной – последней четвертью IV в. до н.э. Открытые здесь фрагментированные амфоры и посуда для приготовления пищи напоминают о ритуальных праздниках, организуемых в святилище – известная практика в греческом мире. Керамика, хотя и сильно фрагментирована, указывает на период активного функционирования святилища между VI и III вв. до н.э.

Терракотовые статуэтки и миниатюрные кувшины находят параллели в десятках объектах греческого мира, интерпретируемых как святилища Деметры и Кору (Croncite. 1997. P. 51–54. Pl. I–XI; Macrì. 2010. P. 331, 347–350). Расположение святилища на мысе, выступающем в море, не единичный случай. Это место на краю древнего города обеспечивало желанную для святилища Деметры изоляцию, необходимую для выполнения определённых ритуалов. Аналогичную позицию – мыс, выдающийся в море – имеет святилище Деметры (Тесмофорос) в Милете. Оно находилось на самом северном холме в городе (Хумейтепе), который в древности был мысом в море (Croncite. 1997. P. 445–447). Территориальный охват святилища Деметры и Персефоны в Аполлонии Понтийской пока остается неясным (в исследуемом районе не обнаружен периболос).

Найденный в некрополе краснофигурный лекиф аполлонийского художника с изображением элевсинских богов Деметры, Персефоны, Триптолема и др. (Иванов. 1963. С. 92–94. Табл. 13–16, № 36) ещё раз свидетельствует о существовании в Аполлонии Понтийской обрядов, сходных с элевсинскими.

Литература

- Ц. Дремсизова. Теракоти от некрополя на Аполония // Аполония на Черно море. 1948. РП. П.
- Ц. Дремсизова. Теракоти от некрополя на Аполония // Аполония. София, 1963.
- Ц. Дремсизова-Нелчинова, Г. Тончева. 24 Антични теракоти в България. София, 1979.
- Т. Иванов. Антична керамика от некрополя на Аполония // Аполония. София, 1963.
- А. С. Русяева. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979.
- B. Alroth. The Positioning of Greek Votive Figurines // Early Greek Cult Practice. Proceeding of the First International Simposium at the Swedish Institute at Athens, 26–29 June. 1986. Stockholm, 1988.
- S.-M. Croncite. The Sanctuary of Demeter at Mytilene. A Diachronic and Contextual Study. A thesis submitted for the degree of Doctorate of Philosophy in the University of London, 1997.
- M. M. Macrì. Forme di culto nel *Thesmophorion* di c.da Parezza. Caulonia tra Crotona e Locri. T. 2. Atti del Convegno Internazionale, Firenze, 30 maggio – 1 giugno 2007. Firenze 2010.
- G. Merker. The Sanctuary of Demeter and Kore. Terracotta Figurines of the Classical, Nellenistic, and Roman Periods // Corinth. 2000. T. XVIII. Part IV.
- K. Panayotova, A. Hermay. Figurines et objets divers en terres cuites, vase plastique // Apollonia du Pont (Sozopol). La nécropole de Kalfata (V^e–IIIe s. Av. J.–C.). Feuilles franco-bulgares (2002–2004). Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine, 5. 2010.

Л. В. Носова

Ещё раз о культе Великой Богини у местного населения Северного Причерноморья

Оживление интереса к теме Великого женского божества Северного Причерноморья в немалой степени обусловлено раскопками (прежде всего на Боспоре) сакральных памятников и их трактовкой, а также намеченной исследователями связью обрядовых объектов, в частности зольников, с отправлением культа Великой Богини-Матери (Денисова. 1985; Шауб. 1999; Виноградов. 2000; и др.). Отдельное внимание в проблематике северопонтийского культа *de cette*

Figure Universelle уделяется её священным животным, в первую очередь собаке и коню. Кости *Canis familiaris* и *Equus caballus*, обнаруженные в местах отправления религиозной практики, часто рассматриваются как остатки жертвоприношений Великой богине.

Например, захоронения собак выделяются как основной признак принадлежности Великой Богине зольников Мирмекия и Китея (Денисова. 1985. С. 107; Шауб. 2008. С. 160). Какие собаки «захоронены» в зольниках – умерщвлённые в ритуальных целях или же умершие в силу естественных причин? Первое, независимо от способа жертвоприношения, предполагает кровавую жертву; второе, исходя из признания зольника обрядовым объектом, – наличие в культе некоего божества священным собак и традиции их погребения в пределах сакральной зоны. Из ссылок на памятники лесостепи, из остеологии (в основном разрозненные кости, а не целые скелеты) следует, что речь идет о жертвоприношении.

Так как немалую часть населения Северного Причерноморья, включая и Боспор, составляли эллины, взглянем на ситуацию с позиции культовой практики колонистов. Как и во многих других культурах, в греческой «*dogs were associated with birth and healing, as well as the rites of passage in youth and the rites of purification in death*» (Trantalidou. 2006. P.98). Это подтверждается сообщениями древних авторов и археологическими раскопками.

Рождение и смерть – две тайны, вокруг которых вращаются религиозные представления человечества; «...рождение есть переход из инобытия в наш мир, а смерть есть переход из нашего мира в инобытие, в другой мир;... переход из одного возрастного статуса в другой есть тоже аналог рождения» (Дьяконов. 1990. С. 108). Соответственно эллины сопоставляли собаку с женскими божествами: «родовспомогательницами» Артемидой, Илифией (\approx Артемида) и Герой; охотницей Артемидой и «ночной охотницей» Гекатой и др. Эфебы Лакедемона в ночных обрядах, очевидно инициаций, приносили щенков в жертву Эниалию (= Аресу) (Paus. III, 14). В зарубежной археологии начали уделять значительно больше внимания палеозоологическим материалам, что, по-видимому, и послужило одной из причин «появления» костей собак в собственно греческих святилищах. Массовые захоронения маленьких детей и собак открыты в Афинах неподалеку от Гефестиона и предполагаемого священного участка Афродиты Урании (Luce. 2008. P. 285). В 2001 г. скелеты «*de plusieurs chiens*» вместе с фрагментами расписной посуды, ткацкими грузилами и т. п. были обнаружены в Элевсинеоне (Luce. 2008. P. 292). Кстати, последний факт – не единственный, ставящий под сомнение полное отрицание ассоциации Деметры и собак.

Что касается мужской половины греческого пантеона, то, помимо «*the dogs connected to the infernal regions*» (Кербер; собака Гер-

меса), собаки фигурируют в культе богов очищающих и исцеляющих: главного Очистителя – Аполлона и его сына, врачевателя Асклепия. Первому нечасто, но жертвовали собак (Boessneck, Shaffer. 1986. P. 285–294, 300; Lacam. 2008. P. 29, 34; Sergis. 2008. P. 73; etc.). При храмах второго держали священных собак; в святилищах Асклепия находят кости собак, «which were presumably the leftovers from sacrifices» (Dauphin. 1999. P. 420). В. Буркерт полагает, что на божества-целителей эллинов повлиял культ вавилонской богини здоровья Гулы, изображавшейся с собакой. Это влияние улавливается не только в присутствии в культе Асклепия собак, но, возможно, и в этимологии имени греческого бога – Гулу называли также «*azugallatu*», или «великий врач». Аккадское *azugallatu* немецкий ученый коррелирует также и с зафиксированными на острове Анафе эпитетом Аполлона «Асгеллат», и с наименованием посвященного божеству праздника Асгелии (Burkert. 1992. P. 17–19, 75–9; против: Bremmer. 2008. P. 254, 258–259). Таким образом, гипотеза о жертвоприношениях собак в Северном Причерноморье, в частности в Ольвии, Аполлону Врачу¹²³ (≈ Малеату, о собаке в его культе см., например: Rupp. 2006. P. 37) или Ликею (Русяева. 1992. С. 47) допустима. Однако нужно признать, что частота встречаемости костей собак на причерноморских культовых объектах всё же несравнимо выше, чем на памятниках Греции или Малой Азии. Данное обстоятельство заставляет искать местные корни явления, в чём можно вполне согласиться с другими исследователями, не разделяя, однако, их точку зрения на жертвоприношения собак как посвященные лишь Великой Богине (скорее, всё же богиням).

И. Ю. Шауб (2007. С. 172) считает понтийского Аполлона Врача местным божеством, вероятно, фракийского происхождения, подтверждение чему видит в популярности культа Асклепия во Фракии римского времени. Действительно, фракийские святилища Асклепия первых веков н.э. – не редкость, впрочем, как и святилища Аполлона, Зевса, Диониса и др. (Венедиков. 1996. С. 24–25). Вне конкуренции был разве что Герой-Всадник – более 2000 опубликованных рельефов из почти 350 местонахождений (Dimitrova. 2002. P.210). Влияние фракийской культуры на Северное Причерноморье, определенное сходство религиозных представлений обитателей лежащих к западу и северу от Понта земель не отрицаются учеными. Поэтому попробуем взглянуть на проблему «*Equus*» – «*Canis*» и оценить ситуацию в Северном Причерноморье через призму столь

¹²³ О почитании Аполлона-целителя жителями Милета – метрополии большинства причерноморских колоний – мы знаем из позднейших источников: «ἰατρὸς γὰρ ὁ Ἀπόλλων» (Strabo, 14. 1. 6).

же неоднозначного, как и «Великая Майка», конного мужского персонажа в религии соседней Фракии.

В Скифии, как и во Фракии, изображения всадника появляются около IV в. до н.э. (в южной Фракии ещё раньше, см.: Златковская. 1968), но истоки культа, несомненно, древнее. На Востоке культ Всадника обычно связывают с кочевническими народами; часто считается, что на Западе его распространение обусловлено также восточными, *in particular*, иранскими, влияниями. Существует и иная точка зрения – о параллельном Востоку, но конвергентном развитии культа на Западе, в регионах разведения лошадей (в Беотии, Фракии, Фессалии, Македонии), где конь был непременным спутником не только царя-всадника, но и «an inseparable companion to a man of high class» (Petsas. 1978. P. 197). Пик распространения сюжетов с всадником и на Востоке, и на Западе приходится на начало нашей эры.

Во Фракии votивные рельефы с изображением Всадника приносили в святилища, судя по найденным там же надписям, Зевса и Аполлона (Dimitrova. 2002. P. 217–219), что указывает на уранизм / соляризм Конника. С другой стороны, образ Всадника широко представлен на погребальных памятниках, что свидетельствует о его корреляции с хтоническим миром. Таким образом, Герой-Всадник выступает как урано/солярно-хтоническое (ср. с универсальной Великой Богиней) божество, но второго, по мнению некоторых исследователей, плана – как мужской паредр «Великой Майки», занимавшей более высокую ступень в иерархии, т.е. образ Героя вписывается в мифологему об умирающем и воскресающем мужском божестве при постоянно пребывающей бессмертной богине. Д. Ботева полагает, что всадник занимает «une position subordonnée dans le système religieux thrace», доказательство чему – рельефы, где *Heros Equitans* изображен с другими божествами и где на его подчиненное положение указывают меньшие по сравнению с основным (?) божеством, размеры фигуры Всадника и размещение его изображения или в нижней части поля, или в нижнем регистре (Boteva. 2000. P. 114).

Интересно другое. Посвящения полисемантическому *Heros* 'у и его изображения, наряду с посвящениями «хозяину» и изображениями последнего, встречаются в большинстве святилищ Фракии. Более того, греческие и римские, судя по именам и атрибутам, божества «хозяева» (тот же Асклепий, Аполлон, Зевс, Дионис, Гермес, Сабазий, Сильван и т.д.), кроме традиционной для каждого из них иконографии, порой представлены со своими же атрибутами, но не в характерной манере – верхом на коне (Венедиков. 1996).

Невзирая на разноречивость суждений о роли *Horseman*'а, по лемику о его божественной или героической сущности и на все приметы его «второстепенности», следует признать: всадник – центральный мужской персонаж в изобразительном ряду фракийских (в

самом широком смысле) божеств. В представлении обитателей Фракии (судя по «царским» курганам, и населения Северного Причерноморья) *высшее* существо, – будь то божество, герой или царь, – это существо *конное*.

Один из ранних памятников, подтверждающих последний тезис – клад из Летницы. Не останавливаясь на тонкостях фракийского орфизма (с ним связывают «съкровище от Летница»), обозначаю лишь «надконкретные» элементы-символы, которые вводят вещи из Летницы в семантический ряд, известным образом объединяющий аппликации IV в. до н.э. с памятниками I–III вв. н.э.

На бляхах из Летницы представлены всадники, согласно признаку отсутствия или наличия бороды, двух социально-возрастных групп – юноша и взрослый мужчина. На 5 бляшках (Рис. 1. 1–5) над крупами коней помещены изображения отсечённых (?) голов – символы жертв (Иванов В. В. 1974. С. 104). За спиной скачущих влево всадников находятся конские головы, у скачущих вправо – человеческие: две – похоже, головы самих всадников, одна голова – женская. При попытке выделить парные бляхи конского оголовья логичной представляется разбивка по направлению движения всадников (вправо – влево) и по атрибутам, размещённым над крупом коня. При таком делении заменой человека (*caput humanum*) видится конь (*caput equi*). На одной пластине за спиной скачущего влево бородатого всадника изображено животное (жертвенное? атрибут?). Болгарские исследователи определяют его как собаку (Дерменджиев. 2012. С.53) или волка (Венедиков. 1996. С. 15) – волчицу (Бошнакова. 2000. С. 46: «мужское–женское» в анималистической подборке из Летницы, по мнению исследовательницы, разграничено подчеркнутым изображением фаллоса у самцов). Судя по трактовке хвоста животного («бубликом»), речь идет о собаке (Рис. 1. 6).

При «дешифровке» подобных «наборов» необходимо учитывать все факторы – возрастную категорию героя и направление его движения (оппозиция «левое–правое»), в какой руке всадник держит копьё (леворукость как символ иного мира); опущено копьё или его держат наперевес; расположение человеческих голов («стоя» или лицевой частью вниз) и голов коней (по ходу или против движения – «левое–правое») за его спиной и т.д. В связи с этим, напрашивающееся объединение в пару аппликаций «всадник / женская голова» и «всадник / собака» (Рис. 1. 1–6) вряд ли правомерно. Во-первых, всадники относятся к разным возрастным классам (безбородый – бородастый); во-вторых, безбородый всадник выбивается из общего ряда: он единственный из движущихся вправо верховых персонажей, кто держит копьё в правой руке и не одет в чешуйчатый панцирь (Дерменджиев. 2012. С. 24). Предположение, что «волк»-собака – замена женского персонажа (Великой богини-матери по

А. Бошнаковой, против: Дерменджиев. 2012. С. 53), допустимо, тем более что всадник на той же пластине держит в руке круглодонную чашу, считающуюся женским символом (приобщение к Великой богине?), в отличие от мужского символа – копья. Сохранившиеся бляшки – лишь часть комплекта украшений конской амуниции (Овчаров. 2005. С. 54), поэтому предложенное комбинирование аппликаций более чем условно. Вместе с тем, из доступного материала вытекает, что основное действующее лицо данного «повествования» – присутствующий на большинстве пластин всадник (вероятно, не один и тот же).

Самый распространенный сюжет, представленный на фракийских вотивных рельефах начала христианской эры, – охота всадника на кабана. Если отклонить жанровую трактовку подобных сцен и интерпретацию их как сцен вечной охоты в потустороннем мире или мире богов, гипотетически можно предположить, что: 1) собака заменяет Великую Богиню, часто отсутствующую в сценах с Всадником; 2) постоянные спутники Всадника – конь и собака – указывают на двойственную, солярно-хтоническую природу самого Всадника и являются животными-атрибутами Героя.

«Бог и жертва очень тесно связаны друг с другом, и классическая античность наглядно выразила это в формулах $\dot{\iota}\epsilon\rho\acute{o}\nu$ (священное место) – $\dot{\iota}\epsilon\rho\epsilon\dot{\iota}\omicron\nu$ (жертва, жертвенное животное), sacer – sacrificare. Изначально бог и его животная жертва, по видимому, вообще идентичны; бога убивают, съедают, уничтожают, и все же в дальнейшем, при повторении ритуала, он чудесным образом возрождается». В дошедшей до нас письменной традиции прослеживаются лишь отголоски подобных представлений, и часто «*is no longer possible to distinguish what was metaphor and what was belief. Dionysos is an exception*» (Burkert. 1985. P. 64–65). Геродот указывает Диониса как наиболее почитаемое фракийцами божество. Зафиксированная письменными и археологическими памятниками связь Всадника с Дионисом (Picard. 1956. P. 23–24; Пенкова. 1985) делает допустимым распространение особенностей культа Диониса (двойственность, изоморфизм – терзатель и растерзываемый, бог/жрец/жертва одновременно и т.д.) и на фракийский культ (Иванов В. И. 1994. С. 73–78). Взятый отдельно фрагмент сцены охоты – набросавшаяся на вепря собака – сопоставим со сценами терзания, характерными для дуалистичных божеств цикличности; к ним принадлежали сам Дионис и дионисийские божества. Гипотетически можно даже допустить, что присущие иконографии Героя-Всадника животные-атрибуты (конь, собака/лев, а возможно, и ка-

бан/бык/олень, то есть терзатели и терзаемые)¹²⁴ – не только посвященные Герою животные-жертвы, но териоморфные образы самого полисемантического божества. Для иллюстрации сказанного приведу два памятника. Первый – мраморное изваяние из Брестника (округ Пловдива). Скульптура изображает всадника с копьем; под брюхом галопирующего коня – «a lion is chasing a bull» (Избрани скулптурни паметници. 2011. С. 33), причем передние ноги коня опираются на морду быка, т.е. конник попирает и хищника, и его добычу (Рис. 1. 8). Главный персонаж соотносится с обоими животными из сцены терзания как божество и его атрибуты и одновременно, по-видимому, жертвы. Правомерность предположения подтверждается наброшенной на спину коня шкурой, по определению болгарских исследователей, пантеры, которая как бы дублирует «живого» кошачьего хищника и символизирует подчиненность/подвластность зверя Герою-Охотнику. Похожая по символике надгробная плита конца II – начала III в. хранится в Будапеште (Mihailov. 1983. P. 26–28. Fig. 24). При достаточно традиционной иконографии (Рис. 1. 9), на мраморном рельефе имеются интересные детали. У всадника нет копья, правая рука поднята в жесте «*benedictio latina*», свойственном «фракийскому Дионису» Сабазию. В качестве попоны для коня использована шкура собаки/волка, практически повторяющая изображенную под всадником нападающую на кабана собаку. Атрибуция собаки мужскому божеству представляется очевидной. Наконец, Феодорит (393? – 457), описывая языческие обряды в Восточной Римской империи в правление Валента, упоминает одетых в козлиные шкуры поклонников Диониса, раздирающих «в вакхическом безумии собак» (Theod. *Hist. Ecclesiast.* V, 20). Любопытно, что на рельефах римского времени рядом с «традиционным» Дионисом, – в небриде, с тирсом и канфаром, – фракийскими мастерами нередко изображалась «отдесно малка, недостатъчно характеризирана пантера» (Филовь. 1912. С. 33.), своими размерами и посадкой больше напоминающая собаку (Рис. 1. 7).

¹²⁴ Об архаичной связи и равноценности охотника и жертвы, об охоте как жертвоприношении (см.: Burkert. 1985. P. 65–66; 1997. P. 120). Охота юношей на вепря – один из древних фракийских и македонских *rite de passage* (Соболев. 2012. С. 598; там же см. об эпитете фракийского Ἡρώς'а – «всадник», «бог лошадей»).

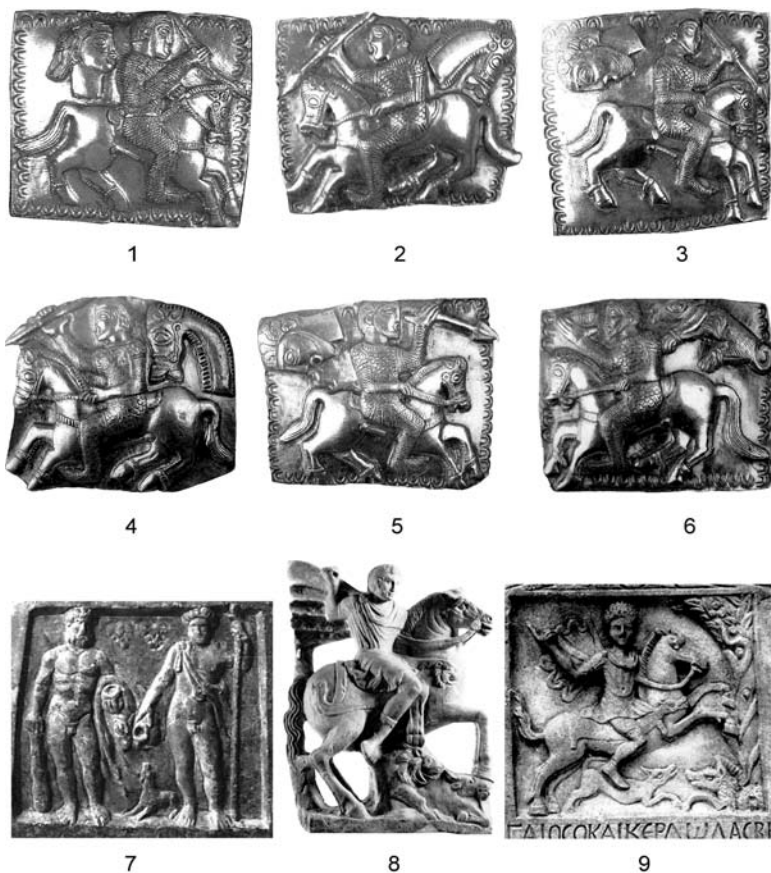

Рис. 1. 1–6 — бляшки из Летницы (по: Венедиков. 1996); 7 — votивная плита III в. н.э. из Сердика, Болгария (по: Избрани скулптурни паметници 2011, С. 69, № 44); 8 — мраморная статуя «фракийского всадника» середины III в. н.э. Брестник, Болгария (по: Избрани скулптурни паметници 2011, С. 33, № 9); 9 — мраморный рельеф конца II – начала III в. н.э. (по: Mihailov G. 1983, № 60–61, P. 27, Fig. 24)

Слиянием культа греческого Ахилла с культом «безымянного конного Героя» обусловлены, возможно, жертвоприношения собак в Бейкушском святилище (по количеству особей на собак приходится 24 %, см.: Журавлёв, Маркова, Сычёва. 1990. С. 98–99). Если изначально Ахилл и был «умирающим и воскресающим божеством, спутником Великой богини эгейско-малоазийского круга» (Шауб. 2007. С. 197), то со временем стал вполне «самоценным» божеством,

вписывающимся не в орбиту Великой Матери, а в дионисийский круг. Отсюда переданные Филостратом Старшим легенды о растерзании Ахиллом девушки и об одержимых Ахиллом (\approx Дионисом) конях, разорвавших дерзких амазонок, – сюжеты типичные для Диониса (Антропорреста, Оместа, Омадия).

О соподчинении Великой Богине мужского *acolyte* можно говорить в случае пластины из Мерджан. На ней представлена, вероятно, сцена «священного брака» (круглый сосуд – в руках женского божества, ритон – в руках всадника). Женский персонаж изображен рядом с всадником, но не верхом. Утверждение, что конь чаще всего выступает заместителем женского божества (Иванов В. В. 1974; Мачинский. 1978. С. 135 и др.), далеко не самоочевидно (см., например: Шнирельман. 1987). Голова коня всадника находится *vis-à-vis* конского черепа на столбе (ср. с букранием как знаком святылища в греческой вазописи). Голова/череп животного вообще (реже – человека) соотносилась с образом жертвы. Конская жертва посвящена, бесспорно, богине, но конь здесь является животным-атрибутом и заместителем всадника. В рассказе Геродота о происхождении скифов от Геракла и змееной девы (Hdt., IV, 8–10) мы сталкиваемся со своего рода инверсией той же мифологемы: Геракл гнал быков, но похищены были кони, которых герой «обменял» на самого себя. Крайне упрощенно ситуацию можно свести к тезису: во многих ритуалах, в которых у греков мы видим быка (или быка-жертву, или *theos tauros*), у автохтонов Северного Причерноморья, как и у фракийцев, фигурирует конь.

Мне приходилось касаться неоднозначных моментов в интерпретации зольников и такого феномена, как Великая Богиня (Носова. 2013). Столь же неоднозначными представляются попытки ассоциировать почти исключительно с культом Великой Богини жертвоприношения в Северном Причерноморье собак и коней. Разбирая мифологизированные образы этих животных, мы неизбежно выходим не только на женские, но и мужские божества, будь то эллинский пантеон или «варварские» религиозные персонажи. Фракийское влияние на культуру населения Северного Причерноморья общепризнано. Поэтому кости собак на античных памятниках региона могут быть истолкованы не только как остатки жертвоприношений Аполлону Врачу или Асклепию, но и Дионису, Дионису Арею, Сабазию, Ахиллу и просто безымянному *Heros*'у; посвящения им известны и в Ольвии, и на памятниках Боспора. Здесь приведены греческие имена лишь отдельных богов и героев, с почитанием которых могут быть соотнесены жертвоприношения «священных животных Великой Богини-Матери». Список имён мужских божеств (как и число их безымянных аналогов) может увеличиться.

В заключение – небольшая ремарка. Терракотовые фигурки всадника обнаружены в погребениях боспорских некрополей эллинистического и римского времени (Медведев. 2010. С. 353–356), в эллинистическом зольнике Мирмекия (о всаднике как о паредре богини: Денисова. 1985. С. 92). Случайно или нет, но «Агафон – Герою» – пока единственное полное посвящение из «зольничного» святилища Китея.

А. И. Терещенко

**Подводно-археологические исследования
торгового судна «Змеиный-Патрокл» (IV в. до н.э.)
в Чёрном море (полевые сезоны 2011–12 гг.)**

В 2011–12 гг. подводно-археологической экспедицией «Наварэкс» под руководством автора в сотрудничестве с Институтом археологии НАН Украины были проведены исследования затонувшего судна «Змеиный-Патрокл» середины IV в. до н.э. в акватории о. Змеиный. Кораблекрушение произошло в 650 м к северо-западу от острова на глубине 34 м. Прилегающая территория была просканирована при помощи гидролокатора бокового обзора на частоте 770 кГц, на базе чего была составлена карта района. Для видеокартирования на объект была наложена сетка 40 × 20 м с шагом 1 м. Видеосъемка была проведена с водяного коридора 1,5–2 м. Для масштабирования стоп-кадров на подводный видеобокс был установлен лазерный масштаб. Видео-мозаика корабельной аварии была составлена из 2124 стоп-кадров, что позволило составить план-схему затонувшего судна, план расположения его груза и оснастки (Рис. 1).

Археологический объект представляет собой скопление транспортных амфор в виде вытянутого эллипса, повторяющего контуры корпуса судна размером 24 × 8 м, разрезанного песчаной полосой на две части. Возвышение над грунтом 1,7 м. Диаметральная плоскость проходит по курсовому углу 215°. На поверхности деревянные детали корпуса отсутствуют, но под осадками прощупываются деревянные конструкции на расстоянии до 2 м от груза.

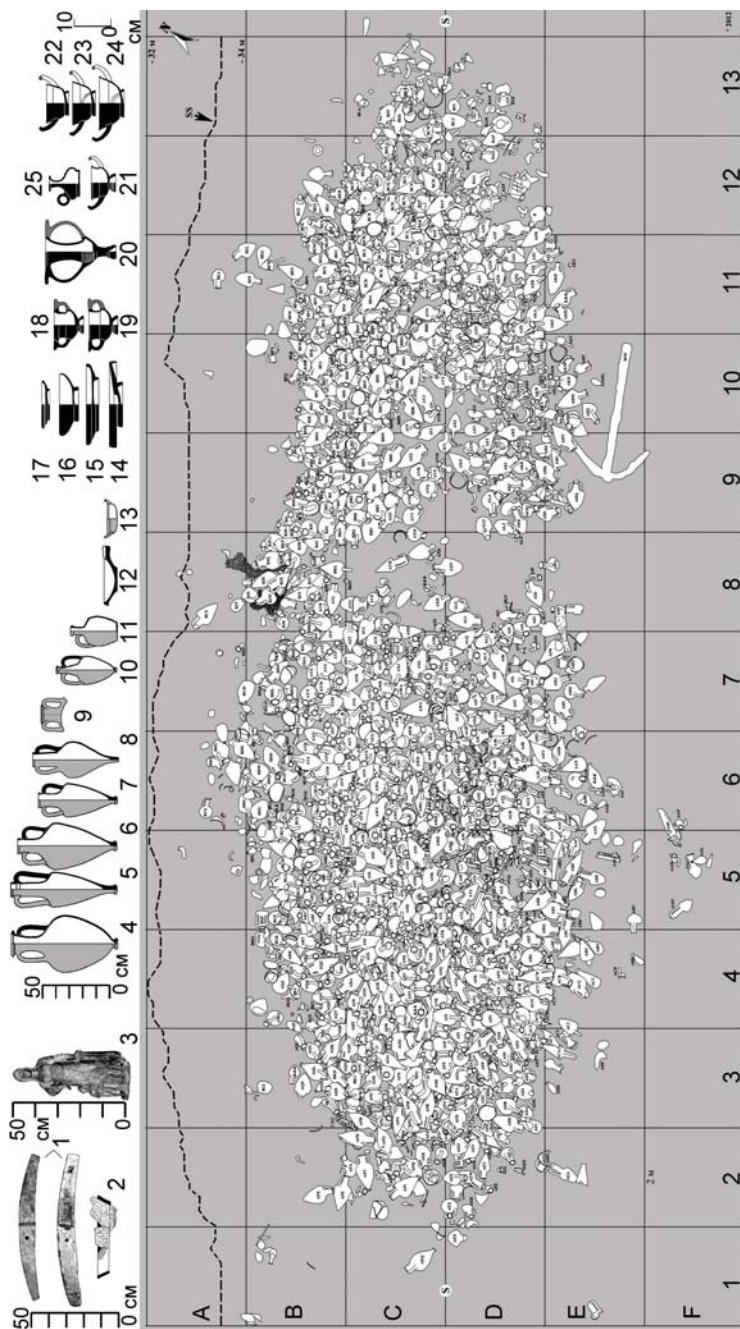

Рис. 1. План-схема античного торгового судна «Змеиный-Патрокл» IV в. до н. э.: 1 – свинцовый шток деревянного якоря (ABQ, E5; ADK, D3); 2 – свинцовая контрмара с деревянными частями якоря (AAS, E5); 3 – мраморная статуэтка Деметры и Коры (CAG, B3); 4 – амфора Пепарет III (BLA, C13; BIY, D13; AEG, D2); 5 – амфора Пепарет I (ABZ, E5; AWM, C6); 6–7 – амфора Пепарет II (две фракции)(ABB, D5; ANB, C5; AWZ, C5; меньшая фракция AFD, D4); 8 – амфора Лесбос–К I–C (BEG, B11); 9 – горлышко амфоры Коринф B (AEG, D6); 10 – амфора узкогорлая (BCQ, C12); 11 – кувшин (BJ, B7); 12 – mortar (AJO, D6); 13 – кастрюля (BOC, D6); чернoлаковая посуда: 14 – рыбное блюдо; 15, 17 – тарелка с округлым венцом; 16 – эхиноя; 18–20 – канфары; 21 – чаша-канфар; 22–24 – чаша-скифос; 25 – гуттус. SS – продольный разрез. Шаг сетки – 2 м. (Видеосетка – О. А. Гуркало, А. Е. Ивлев, В. А. Коростиенко; видеосъемка – А. П. Куракин, видео-мозаика – А. И. Терещенко, Наварэкс’2012)

В носовой части сосредоточена амфорная тара, почти полностью занесённая илом; большинство экземпляров мелко фрагментировано (Рис. 1. C13, D13). Не исключено, что судно встретилось с донной поверхностью именно носовой частью. Однако в самой оконечности уцелели три амфоры с грибовидным венцом большого объёма типа Солоха I (Пепарет III). Рядом с ними за несколько метров находилась светлоглиняная узкогорлая амфора II–III вв. н.э. с повреждённым венцом и поддоном ножки. В этой части судна преобладают полнoстандартные амфоры типа Пепарет II емкостью 22 л. На данный момент поверх амфор второго типа выявлены 7 полуамфор типа Пепарет I и 14 полуамфор Пепарет II. Нагромождение амфор по правому борту более «приземистое» за счёт большего числа фрагментированной тары. Не исключено, что железный двурогий якорь XVIII–XIX вв., вдоль этого борта является тому виной. По кромке левого борта некоторым амфорам удалось сохранить более или менее вертикальное положение, как они находились при первоначальной трюмной упаковке, которая после разрушения деревянного корпуса рассыпалась. Семь амфор второго типа откатились от общей группы на расстояние до 2 м. Среди них находилась красноглиняная лесбосская полуамфора середины V в. до н.э. с ножкой, в виде усечённого конуса. Как попала сюда эта амфора – пока остается загадкой.

По мере удаления от носовой оконечности в направлении кормы амфорное нагромождение редет, появляется всё больше песчаных участков. В песчаной полосе, пересекающей судно поперек в 3 м от его середины, были обнаружены шесть амфор первого типа, канфар с каннелированным туловом III в. до н.э. и средиземноморская ракушка – каури. С левой стороны на протяжении трех метров в расположении амфор прослеживается четкая линия. Возможно, они

стояли вдоль борта судна, который со временем разрушился или был сломан упавшей на него мачтой. Над левым бортом амфорное нагромождение значительно выше над поверхностью дна. Возможно, судно лежит с небольшим креном на этот борт.

Песчаная полоса делит исследуемый археологический объект на две части: носовую и кормовую. Они несколько различаются, как по уровню (высота скопления амфор над грунтом) (Рис. 1. S–S), так и по репертуару находок (амфоры, полуамфоры, чернолаковая посуда).

В кормовой части скопление амфорной тары более объемно, расположено полукругом, спадая на оба борта. Над левым бортом среди амфор второго типа были обнаружены чернолаковая чаша-скифос середины IV в. до н.э. и османский кумган XVI–XVII вв. Ближе к правому борту, в середине нижней части разбитой пополам амфоры находились три чернолаковых рыбных блюда.

Среди керамической посуды, при отсутствии амфорных скоплений, в этой части корабля были найдены глиняный мортар, кастрюля, кувшин, фрагмент горла коринфской амфоры, вероятно, принадлежавшие экипажу судна и использовавшиеся для приготовления пищи. Возможно, именно в этом квадрате располагался корабельный камбуз.

В отличие от груза, размещённого в носовой части корабля, кроме амфор основного типа Пепарет II, в кормовой части появляются в большом количестве полуамфоры обоих типов, лежащих на боку поверх основного груза. По левому борту керамическая тара прослеживается на полосе, длиной 8 м. Здесь же обнаружена целая «стенка» из трёх слоёв почти вертикально расположенных амфор. Нижний слой в виде горлышек, которые выступают из грунта, вероятно, поддерживается еще одним слоем амфор, который занесён осадками. Характерной особенностью этих слоёв является то, что их амфорные ручки расположены не вдоль борта, а перпендикулярно к нему.

В большом ассортименте была представлена в этой части корабля и чернолаковая посуда.

По правому борту поверх полуамфор первого типа располагались остатки деревянного якоря в виде свинцового съёмного штока и контромары с деревянными фрагментами веретена и лапы, а почти на самой корме ещё один съёмный шток аналогичной конструкции.

По мере приближения к корме ширина амфорного скопления уменьшается, но именно в этой полосе зафиксированы самая высокая точка судна (1,7 м) – полностандартная амфора типа Пепарет II, и наибольший уклон к поверхности грунта. Почти на самой корме по центру находилась амфора с грибовидным венцом типа Пепарет III

(Солоха I), а на левом борту между амфорами находилась мраморная статуэтка.

В итоге коллекцию вещей с затонувшего корабля составили (см. Рис. 1): два свинцовых штока, свинцовая контромара с остатками деревянного якоря; свинцовая обшивка; пять типов амфор: Пепарет I (2 экз.), Пепарет II (4 экз.), Пепарет III (3 экз.), Лесбос-К I-С, Коринф В; глиняная посуда – узкогорлая амфора, кувшин с носиком (кумган), mortar, кастрюля, широкогорлый кувшин; чернолаковая посуда – рыбные блюда (44 экз.), тарелки с округлым венцом (15 экз.), эхиной (12 экз.), канфары (41 экз.), канфар с профилированным венцом, канфар с каннелированным туловом, чаши-канфары (38 экз.), чаши-скифосы (76 фрагментов), гуттус (3 экз.); мраморная статуэтка; раковина-каури.

На базе сохранившихся фрагментов деревянного якоря была сделана его реконструкция. Лапы якоря крепились к веретену при помощи шпонки, проходящей через них насквозь, а место их разветвления было усилено свинцовой контромарой. Свинцовый шток был съёмным и проходил через прорезь в веретене.

Из всего комплекса корабельной керамической тары на поверхность были подняты целые амфоры пяти типов. Предварительная атрибуция дает возможность отнести их к амфорам производства о. Пепарет, Лесбоса и Коринфа. Если тип полуамфор Пепарет I (Рис. 2. 5) не вызвал каких-либо затруднений в определении, то два последующие типа остаются дискуссионными. Наиболее массовая амфорная тара на судне представлена полностандартными (Рис. 2. 4) и фракционными амфорами типа, прошедшего в отечественной археологии ряд идентификаций, – раннехерсонесских, «псевдохерсонесских» и на данный момент византийских (по С. Ю. Монахову, 1989, 1999, 2009). Высказано предположение, что по своим морфологическим характеристикам их следует отнести к производству о. Пепарет к типу Пепарет II (по И. Гарлану и Е. И. Савченко). Амфоры типа «Солоха I» (Рис. 2. 3), которые обнаружены на носу и корме судна, скорее всего, использовались для запасов пресной воды, и производились во многих центрах, не исключая и о. Пепарет (отнесены к новому типу Пепарет III). Веским доказательством их предназначения являются обнаруженные внутри амфоры среди набившегося туда ила и ракушки 15 кусочков чёрного кремня (13,6 гр.), который с давних времён использовался для обеззараживания и сохранения воды. Амфора варианта Лесбос-К I-С (по С. Ю. Монахову) середины V в. до н.э., обнаруженная среди амфор типа Пепарет II, выходит за рамки датировки основного груза на целое столетие. На данный момент этот факт не находит объяснения (Рис. 2. 6).

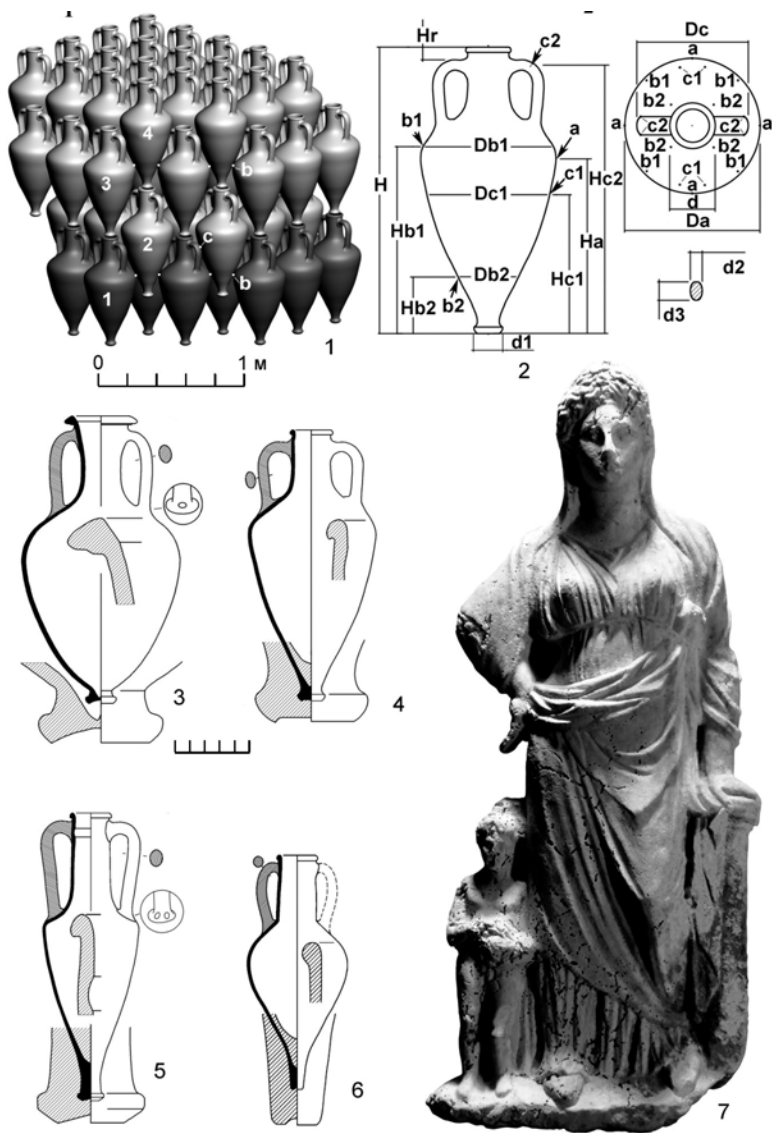

Рис. 2. 1 – Модель четырёхслойной трюмной упаковки амфор; 2 – основные характеристики корабельных амфор; 3–6 – амфоры (Пепарет III, Пепарет II, Пепарет I, Лесбос–К I–С); 7 – мраморная статуэтка Деметры и юной Коры

На основе частично сохранившейся первоначальной упаковки амфор была создана модель четырёхслойной загрузки амфор в трюм торгового судна (Рис. 2. 1). Анализ модели поставил несколько актуальных вопросов по проектированию древнегреческими мастерами корабельных транспортных амфор для оптовой торговли. Приведены основные геометрические характеристики амфор участвовавших в этом процессе (H_a – высота, D_a – максимальный диаметр, D_c – размах ручек, d – наружный диаметр венца, d_1 – диаметр ножки, H_r – уровень ручек и их сечение (d_2, d_3) (см. Рис. 2. 2). Возможно, амфорная упаковка станет ключом к пониманию эволюции античной транспортной тары, приспособляемой для увеличения торговых оборотов.

Керамическая посуда экипажа состоит из мортара и кастрюли, и какого-либо специфического морского исполнения в их конструкции не обнаружено. Свои аналоги они нашли на Афинской агоре среди посуды второй половины IV в. до н.э.

Ассортимент чернолаковой посуды разнообразен и имеет некоторые характерные особенности. Граффити КТН (1 экз.), но в большем количестве ФІ (11 экз.), расположены снаружи на дне сосудов, пальметты все семилепестковые, что может говорить о единстве гончарной мастерской, а граффити о метке мастера, а не владельца сосуда. На многих изделиях сохранился отпечаток другого сосуда, что свидетельствует о способе их перевозки – стопкой. Каждый тип посуды нашёл свой прототип на Афинской агоре. Средний интервал бытования подобных изделий ограничен промежутком от 350 до 325 гг. до н.э., что дает возможность сузить до четверти века время произошедшего кораблекрушения.

Редкой находкой является мраморная статуэтка (H – 44,5 см) богини Деметры с Корой. Деметра представлена женщиной в расцвете сил. Пышные волнистые волосы разделены прямым пробором и спадают на уши, украшенные серьгами. Миндалевидные глаза слегка прикрыты веками. Прямой греческий нос, полные щеки, небольшой рот с выпуклой нижней губой, массивный подбородок, широкая шея разделена двумя валиками. Поверх хитона, поддерживающего бюст за счёт колпоса, и спадающего мягкими складками до лодыжек, накинута гематий, покрывающий голову, и локти обеих рук. Два угла его связаны узлом возле левой груди. На ногах Деметры сандалии. Правая нога опорная стоит прямо, левая согнута в колене, которое выступает немного вперед.левой рукой она опирается на алтарь, правая тыльной стороной ладони упирается в бок. К правой ноге Деметры головой, плечом и локтём прижимается нагая девочка (Кора). Она стоит в той же позе, что её мать – опираясь на правую ногу, левая чуть согнута в колене. Волосы Кору собраны пучком на

голове, взгляд немного опущен. В руках, сведённых перед собой на уровне пояса, она держит небольшое животное (котёнка?).

Анализируя весь керамический комплекс, можно констатировать, что это торговое судно в промежутке 350–325 гг. до н.э. осуществляло морские рейсы между о. Пепарет в Эгейском море и полисами Северного Причерноморья, гружёное вином, оливковым маслом и чернолаковой посудой, но, вероятно из-за погодных условий, потерпело крушение возле о. Змеиный (Левке). Исследование этого редкого археологического объекта будет продолжено. Помимо чисто археологических исследований предстоит осуществить целый комплекс работ, связанных с музеефикацией античного судна.

В. Л. Строкин

«Золотой век»

Эта расхожая метафора тотчас приходит на ум при одном лишь упоминании Боспора в IV в. до н.э., а, пожалуй, наиболее ярким символом столетия, дающим наглядное представление о переживаемом тогда государством Спартокидов пике своего могущества, являются помпезные золотые монеты столичного чекана. Трудно переоценить значение этих великолепно исполненных нумизматических памятников и в деле реконструкции эмиссионной практики Пантикапея – они считаются одними из самых надёжно датированных монет раннего времени (особенно статеры III группы) и поэтому служат основой для построения как относительной, так и абсолютной хронологии серебряной и медной чеканки этого центра в IV в. до н.э. (Зограф. 1951. С. 172 сл.; Шелов. 1956. С. 91 сл.).

Уместно напомнить, что датировка золота Пантикапея основывается главным образом на результатах предпринятого К. Реглингом исследования клада 1930 г. с о. Принкипо (Мраморное море); в нём, наряду с кизикинами, лампсакинами и статерами Филиппа II Македонского, находились 16 статеров Пантикапея – по одному экз. I и II групп и 14 экз. III группы (Regling. 1931. S. 1, 2). Ввиду того, что единственными надёжно датированными монетами клада являются золотые статеры Филиппа II, выпускавшиеся с 356 по 336 г. до н. э., то, опираясь на каталог Л. Мюллера (Müller. 1855), К. Реглинг пришел к выводу, что клад был сокрыт в 335 г. до н.э. (Regling. 1931. S. 42). Эта датировка была безоговорочно принята отечественными нумизматами и до сих пор остается незыблемой.

А между тем, ещё более полувека тому назад Ч. Сэлтман пересмотрел хронологическую классификацию Л. Мюллера и пришёл к категорическому заключению, что статеры со значком + возле биги выпускались не в самом конце правления Филиппа II (как думал, в частности, К. Реглинг), а открывают его золотую чеканку (Selzman. 1955. P. 201). Если эта принципиально важная поправка авторитетного британского специалиста ускользнула от внимания отечественных нумизматов, то Е. И. Похитонов резонно экстраполировал её на клад из Принкипо и предложил новую датировку этого комплекса, и, соответственно, золотой чеканки Пантикапея (Pochitonov. 1968). Но, вопреки всем ожиданиям, эта большая аналитическая статья удостоилась лишь двух предельно лаконичных и притом сугубо негативных рецензий. В. А. Анохин счёл её неприемлемой «в большей своей части» (Анохин. 1986. С. 31, 32), а, по мнению Н. А. Фроловой, «само изменение даты клада, базирующееся только на одном наблюдении над формой колеса в типе золотых статеров Филиппа II, представляется недостаточно достоверным, и строить на нём далеко идущие исторические выводы было бы неправомерно» (Фролова. 2002. С. 287). Поскольку приходится лишь гадать о причинах появления такой, мягко говоря, странной реакции (особенно ввиду того, что слова «колесо» – по-чешски «kolo» – в статье Е. И. Похитонова нет!), назрела необходимость положить конец этим вопиющим недоразумениям и кривотолкам, а главное воздать должное пражскому нумизмату – он проделал поистине титаническую работу: свёл воедино разрозненные данные о статерах Филиппа из 120 музейных и аукционных каталогов и установил следующее:

1. «В золотой чеканке Филиппа II Македонского абсолютно доминируют монеты с тремя видами дифферентов: молния (Müller. № 1) – 58 экз..., трезубец (Müller. № 59) – 73 экз..., канфар (Müller. № 108) – 33 экз. Причём в сумме они значительно превосходят монеты со всеми прочими дифферентами. Важно подчеркнуть, что среди Филипповых статеров нашего клада не было ни одной монеты этих наиболее распространённых видов... Этот факт ясно показывает, что на момент сокрытия клада данные монеты ещё не были введены в обращение» (Pochitonov. 1968. S. 56).

2. «Только что говорилось о значительном превосходстве группы монет с тремя дифферентами (молния, трезубец, канфар. – В. С.), где неизменно присутствует значок X над всеми остальными... Между тем, все монеты нашего клада помечены значком + и поэтому, вне всяких сомнений, принадлежат к начальной фазе чеканки Филипповых статеров, а уже вслед за ними выпускались статеры со значком X. Ведь невозможно представить, чтобы при сравнительном изобилии статеров Филиппа в кладах (27 экз. – В. С.) в нём не были бы представлены экземпляры со значком X, если бы он был

сокрыт в конце правления Филиппа или же в самом начале правления Александра, как утверждает Реглинг» (Pochitонов. 1968. S. 56).

3. «Мюллер зафиксировал 80 разновидностей Филипповых статов. К ним я добавил ещё 10, которые удалось найти в новых каталогах... Несложно заметить, что соотношение пяти типов, имеющих в нашем кладе, к известным на сегодняшний день 90 самым решительным образом укрепляет нашу точку зрения, доказывая, что все монеты клада принадлежат к самому началу правления Филиппа II» (Pochitонов. 1968. S. 54, 55).

4. Об этом же свидетельствует как прекрасная сохранность всех без исключения статов Филиппа, находившихся в Принкипском кладе, так и демонстрируемое ими значительное число одинаковых штемпелей (Pochitонов. 1968. S. 56).

5. «...имеет смысл посмотреть на соотношение числа типов (кизикских. – В. С.) статов IV группы к числу типов, имеющих в кладе. Оно составляет 50 : 26, что убедительно свидетельствует о том, что время сокрытия клада не только не совпадает с прекращением чеканки кизикинов, но обе даты довольно далеко отстоят друг от друга. Наличие в кладе... 122 статов IV группы позволяет предполагать, что около половины монет этой группы чеканились позже даты тезаврации нашего клада» (Pochitонов. 1968. S. 57).

Исходя из этих наблюдений, а также общепринятого ныне мнения, что золотая чеканка Филиппа II Македонского началась в 356 г., Е. И. Похитонов пришёл к выводу, что Принкипский клад был сокрыт около 355 г., статы Пантикапея III группы выпускались между примерно 360 и 350 гг., а золотая чеканка этого центра осуществлялась в период около 380–330 гг. (Pochitонов. 1968. S. 58). Если первая цифра близка к традиционной датировке золотой чеканки Пантикапея – ок. 375–300 гг. (Зограф. 1951. С. 176; Шелов. 1956. С. 213. Табл. III. 29), – то последнюю Е. И. Похитонов обосновывает так. Во-первых, предпринятые Александром Великим в 334–331 гг. военные действия против Персии привели к фактической изоляции Чёрного моря вообще и Боспора Киммерийского в частности от остального греческого мира, сделав невозможным снабжение хлебом Афин и других городов Эгеиды; тем самым Пантикапей надолго лишился прежних огромных барышей и возможности для продолжения золотой чеканки. Во-вторых, даже такой мощный эмиссионный центр, как Кизик, около 330 г. был вынужден свернуть производство электровых монет, не выдержав натиска золота Филиппа и Александра. «Невозможно представить, чтобы в этих условиях Пантикапей смог бы выпускать своё золото до 300 г., т. е. на протяжении ещё целых 30-ти лет!» (Pochitонов. 1968. S. 53). Эти, в общем-то вполне резонные соображения можно дополнить рядом других.

Общеизвестно, что в конце 330-х гг. произошли настолько глубокие перемены в жизни всего греческого мира, что их принято связывать с наступлением новой эпохи – эллинизма. Причём имеются достаточно веские основания полагать, что эти метаморфозы пагубно сказались на боспорской хлебной торговле. Как верно заметил Е. И. Похитонов, «Теперь Боспор уже не мог диктовать свои цены на хлеб, ибо главным его потребителем отныне становится Александр» (Pochitonov. 1968. S. 59). Столь же глубокие перемены произошли и в финансовой сфере – царское македонское золото быстро заполонило рынки всего греческого мира, включая боспорский. В этой связи становится не только вполне оправданным, но и, в сущности, неизбежным последний шаг пантикапейских монетариев: они перевели свои золотые статеры (VI группы) на аттический стандарт, тем самым приравняв их к статерам Филиппа и Александра (Зограф. 1951. С. 175; Шелов. 1956. С. 96). К сожалению, нумизматы не уделили должного внимания этому событию, а ведь даже самый поверхностный анализ позволяет с довольно высокой степенью надёжности определить место последнего и, очевидно, кратковременного этапа в золотой чеканке Пантикапея – 5 лицевых штампов (Фролова. 2002. С. 291) – на хронологической шкале. Но прежде следует ещё раз заострить внимание на том, что редукция пантикапейского золота – это вынужденная ответная реакция боспорских властей на произошедшие накануне коренные изменения в денежном обращении Причерноморья, где функции главного межполисного платёжного средства окончательно перешли от кизикинов (к которым приравнивались статеры Пантикапея I–V групп (Зограф. 1951. С. 173–175; Шелов. 1956. С. 135, 136; Анохин. 1986. С. 36, 37)) к македонскому золоту. И хотя этот переломный момент не поддаётся точной датировке, а время прекращения электровой чеканки Кизика твёрдо не установлено, однако последнее событие, вне всяких сомнений, имело место при Александре Великом (336–323 гг.), а точнее вскоре после окончательного разгрома персов в битве при Гавгамелах (331 г.). В высшей степени примечательно, что в скором времени исчезают не только дарики и кизикины, но и все прочие золотые и электровые чеканки греческих автономных центров: около 330 г. – Лампсака, а в 326 г. – Фокеи и Митилены (Шелов. 1956. С. 138). Это находит естественное объяснение в проведённых тогда Александром мероприятиях по унификации денежного обращения в Империи (Казаманова. 1969. С. 82). Важно акцентировать внимание на том, что прекращение выпуска кизикинов сопровождалось быстрым их исчезновением из торгового оборота. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что все найденные на Боспоре золотые статеры Александра Великого происходят из подкурганых гробниц, «тогда как кизикины в погребениях никогда не попадались. Объясняется это, вероятно, тем,

что именно в последней трети IV в. на Боспоре распространился обычай класть в могилу монеты» (Шелов. 1956. С. 138). С другой стороны, судя по наличию в Пуленцовском кладе из Тамани статеров Филиппа II (при отсутствии александровских) (Герц. 1870. С. 45, 46), а также по словам Демосфена (XXXIV. 23), македонское золото стало активно проникать на Боспор ещё при жизни Филиппа II, т. е. до 336 г. до н.э., а уже при его сыне Александре «в огромном количестве хлынуло» в Понт (Шелов. 1956. С. 138).

Вышеизложенные данные делают фактически неизбежным следующее итоговое заключение. Последний выпуск золота Пантикапея (VI группы) осуществлялся в период около 333–330 гг. (Pochitov. 1968. S. 58), а скорее около 335–330 гг. до н.э. (с учётом того, что время жизни каждого из пяти лицевых штемпелей (см. выше) вряд ли превышает один календарный год).

Если же притерживаться традиционных взглядов на время прекращения золотой чеканки Пантикапея (ок. 300 г. до н.э.), то выходит, что в последней четверти IV в. во всей греческой ойкумене выпускалось золото только двух видов: македонское (главным образом Александра Великого прижизненных и посмертных выпусков) и Пантикапея. Но поверить в этот «боспорский феномен» невозможно ещё и вот почему. Если в классическую эпоху сырьевой базой для осуществления золотой чеканки Пантикапея (не располагавшего собственными месторождениями драгметаллов) являлись иноземные монеты – главным образом Филиппа II, Лампсака и персидские дарики, – то в новых геополитических условиях, возникших в конце третьей четверти IV в., боспорские власти оказались перед жёсткой дилеммой: либо свернуть производство золотых монет, либо перечекивать своими штемпелями македонское золото – на тот момент оно уже безраздельно господствовало на внешнем рынке. Важно подчеркнуть, что третьего здесь не дано, а последняя операция была лишена всякого практического смысла (как и в случае с кизикинами), ибо влекла за собой лишь ничем не оправданные накладные расходы (связанные с перегонкой аттического золота Филиппа и Александра в собственную аттическую же монету). Но наряду с этим существовало и другое, пожалуй, не менее серьёзное препятствие.

Дело в том, что в последней трети IV в. до н.э. на Боспоре наблюдается резкое ухудшение военно-политической обстановки и, как следствие, торгово-экономической ситуации. Так, незадолго до 328/7 г. Перисад I вёл войну со скифами, которая нанесла тяжелый удар по внешней торговле и финансам (*Dem.* XXXIV. 8. 36). Причем, «Судя по замечанию Полиена (VII. 37) об изменчивости военной судьбы Перисада, воевать боспорскому династу приходилось нередко, главным образом в Прикубанье (о чем свидетельствует эволюция его титулатуры...)» (Завойкин. 2004. С. 67). Не случайно, что именно

в последней четверти IV в. до н.э. впервые наблюдается значительное (примерно на 20 %) снижение импорта вина в регион, что в совокупности со следами военных действий, зафиксированных на ряде прикубанских поселений, небезосновательно связывается с последствиями вторжения кочевых сарматских племен (Улитин. 2011. С. 282 сл.); по меньшей мере при Евмеле (309–304 гг.) сарматы начинают теснить и скифов (см.: Терещенко. 2010. С. 62). Остается заметить, что ожесточенная борьба сыновей Перисада I за престол в 310/9 гг. развернулась опять же в азиатской части Боспора (*Diod.* XX. 20–24), откуда поступала львиная доля боспорского товарного хлеба (Кузнецов. 2001. С. 108, 109). Поэтому не приходится сомневаться в том, что эта война была способна «в короткий срок опустошить государственную казну» (Шелов. 1956. С. 149), а также привести к резкому сокращению бюджетных доходов.

Вышеизложенные сведения рисуют достаточно ясную и, вместе с тем, довольно мрачную картину – она не оставляет Пантикапею ни малейших шансов на сохранение золотой чеканки в последней четверти IV в. до н.э.; вряд ли до его конца дожила и серебряная. Иначе говоря, всё указывает на то, что «золотой век» на Боспоре в действительности оказался значительно короче, чем это принято считать, а истоки глубокого финансово-экономического кризиса, разразившегося здесь в первой половине III в. до н.э., по всей видимости, следует искать в бурных событиях конца 30-х – начала 20-х гг. IV в. до н.э., происходивших как на самом Боспоре, так и вокруг него.

Литература

- В. А. Анохин. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
К. К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.
А. Н. Зограф. Античные монеты. М., Л., 1951.
А. А. Завойкин. Краткий очерк истории Боспора VI – первой четверти III вв. до н.э. // ПИФК. 2004. Т. XIV.
Л. Н. Казаманова. Введение в античную нумизматику. М. 1969.
В. Д. Кузнецов. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2001. № 1.

- А. Е. Терещенко.* Истоки экономического кризиса III в. до н.э. // РА. 2010. № 4.
- В. В. Улитин.* Упадок греко-меотской торговли в первой половине III в. до н.э. и начало заката боспорского хлебного экспорта // БФ. Население, языки, контакты. 2011.
- Н. А. Фролова.* Каталог золотых статеров Пантикапея // ДБ. 2002. Т. 5.
- Д. Б. Шелов.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.
- L. Müller.* Numismatique d'Alexandre le Grand, suivie d'un appendice contenant les monnaies de Philippe II, et III. Copenhagen, 1855.
- E. Pochitonov* Nové datování antichnich minci z nalezu na ostrové Principo // NS. X. Praha. 1968.
- K. Regling.* Der griechische Goldschatz von Prinkipo. Berlin, 1951. – (Z. f. N. 41).
- Ch. Seltman.* Greek coins. 2. London, 1955.

Т. Л. Самойлова

Тира и Южный Понт в доримский период

Тира, являясь греческой колонией, естественно, была частью античного мира и была связана с другими центрами этого мира, в том числе и с полисами Понта. Для раннего этапа её существования прослеживаются связи с родосско-ионийским регионом, Хиосом, Аттикой, Истрией и Ольвией. В более поздний период круг ее контактов расширяется. В IV в. до н.э. устанавливаются тесные связи с Южным Понтом. Наиболее значительными полисами этого региона были Гераклея и Синопа, которые в это время пережили период расцвета (Сапрыкин. 1986. С. 101 и сл.). О связях Тире с этими полисами говорят в первую очередь данные керамической эпиграфики.

Контакты Тире с Гераклеей Понтийской прослеживаются с рубежа V–IV вв. до н.э. и до сер. III в. до н.э., что фиксируется благодаря находкам большого числа амфор этого центра (приблизительно треть от числа амфорных фрагментов IV в. до н.э.). Клейм финального этапа гераклейского клеймения крайне мало. В это время Гераклею уверенно теснит ее соседка Синопа и другие греческие центры (Фасос, Родос, Самос). Расцвет Синопы так же приходится на IV в. до н.э., но она начинает играть заметную роль на рынке Тире лишь со второй половины IV в. до н.э. Достаточно много было обнаружено клейм самой ранней группы с изображением орла на дельфине. Затем наблюдается устойчивый рост числа клейм Синопы, особенно в III в. до н.э. Из этого центра в больших количествах поступало вино и масло в амфорной таре, а также кровельная черепица, которая составляет больше половины всей черепицы в Тире, лутерии, краска синопиды.

Кроме этих двух главных центров Южного Понта свою лепту в торговые связи с Тирой вносили и более мелкие города, такие как, например, Амастрий, который имел развитое керамическое производство в 300–285 гг. до н.э. (Габелко, Кузнецова. 2010. С. 320–339). Фрагменты амфор этого центра также были обнаружены в Тире. Связи с Южным Понтом по данным керамической эпиграфики прослеживаются вплоть до конца клеймения в Синопе. Спад в торговле с Синопой, который фиксируется по данным керамической эпиграфики из Тиры в конце III в. до н.э., может быть связан со сложной политической ситуацией, вызванной стремлением понтийских царей Митридата III и Фарнака I подчинить этот полис. Правда, в дальнейшем благодаря продуманной политике понтийских царей в отношении подчиненных городов южного берега Чёрного моря Синопа переживает новый экономический расцвет (Максимова. 1955. С. 183). Это подтверждается и находками амфорных синопских клейм в Тире: после уменьшения их числа в период конца III – начала II в. до н.э. наблюдается резкое их увеличение (Самойлова. 1988. С. 56).

Всплеск торговли Синопы с городами Северного и Северо-Западного Причерноморья связан не только с ее экономическим подъемом, но и с особенностями внешней политики понтийских царей. Фарнак I (Polyb. XXV. 2, 12), начинает проводить политику объединения всех эллинов Понта Евксинского под своей эгидой. В 179 г. до н.э. образовалась коалиция в составе Понтийского царства, Херсонеса и царя сарматов Гатала. Есть предположение, что было заключено соглашение и между Ольвией, которая стремилась обезопасить себя от окружавших ее варваров, и Фарнаком (Виноградов. 1989. С. 230).

Эта политическая ситуация не могла не коснуться и Тиры. Она должна была быть включена в общий процесс формирования гегемонии Понтийского царства в Причерноморье. Подтверждением этого является то, что в Варне была найдена фрагментированная надпись, свидетельствующая о тесных политических отношениях между Одессом, расположенным значительно западнее Тиры, и Фарнаком (Виноградов. 1989. С. 230). Как в Ольвии, так и в округе Тиры проживало достаточно воинственных варварских племен, что могло представлять реальную угрозу. Естественно, тирасскому полису было выгодно иметь покровителя в лице царей Понтийского государства.

В начале своего правления понтийский царь Митридат Евпатор активно продолжает политику покровительства греческому миру своего предшественника, что усиливает положение его державы в Причерноморье. Постепенно греческие города Северо-Западного и Западного Причерноморья обращаются к Митридату за помощью

как против Рима, так и против варваров, и он вводит в них свои гарнизоны. Среди таких полисов оказывается и Ольвия (Шелов. 1983. С. 41). Вхождение Ольвии в состав Понтийского царства произошло в самом начале последнего десятилетия II в. до н.э. (Виноградов. 1989. С. 259).

К сожалению, в Тире не было найдено никаких эпиграфических источников, которые могли осветить политические взаимоотношения города с Митридатом. Неизвестны и условия возможного вхождения полиса в состав Понтийского государства. Тем не менее, близость типов ряда поздних монет Тиры к монетам митридатовской державы (Карышковский, Клейман. 1985. С. 79–80), а так же достаточно многочисленные находки последних в слоях конца II – начала I в. до н.э., позволяют предположить, что город находился в сфере ее влияния, а скорее всего, входил в ее состав на тех же условиях, что и Ольвия. Ряд материалов, в том числе уже упомянутый декрет в честь Нила, свидетельствуют в пользу сохранения городом определенной автономии в этот период (Самойлова. 1988. С. 101). Обнаруженные многочисленные изделия импортного происхождения говорят, что Тира продолжала оставаться важным торговым портом. В этот период очень представительна коллекция синопских амфорных клейм, а также других предметов из Синопы. Для этого периода значительно число понтийских монет (Самойлова, Булатович. 2008. С. 158).

Но политика Митридата косвенно способствовала не только определенной консолидации окружающих Черное море племен и античных центров, но и истощению их экономических ресурсов. Борьба понтийского царя с Римом приводила к нарушениям в торговле, а его поборы, необходимые для ведения войны, отрицательно сказывались не только на античных центрах, но и на варварских племенах.

В конце II – первой трети I в. до н.э. римляне активизируют свое наступление в районе Дуная. Они наносят поражение бесам, фракийскому племени, бывшему союзником Митридата и захватывают ряд западнопонтийских городов. Тира выходит из числа союзников понтийского царя (Шелов. 1983. С. 41). Тем не менее, связи Тиры с южным Понтом не прекращаются. В одном из помещений, погибшем в пожаре, который датируется временем похода Буребисты (сер. I в. до н.э.), было найдено около 20 понтийских монет, датируемых этим же временем (Самойлова, Остапенко. 2009).

Таким образом, связи с южным Понтом носили устойчивый характер начиная с рубежа V–IV вв. до н.э.

Литература

- О. А. Габелко, Е. В. Кузнецова.* Синойкизм Амастрия и амфорное производство в полисах Южного Понта (2-я пол. IV – 1-я треть III в. до н.э.) // АМА. 2010. Вып. 14.
- Ю. Г. Виноградов.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
- П. О. Карышковский, И. Б. Клейман.* Древний город Тира. К., 1985.
- М. И. Максимова.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М., Л., 1955.
- Т. Л. Самойлова.* Экономические связи Тире с античными городами в V–I вв. до н.э. // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. К., 1981.
- Т. Л. Самойлова.* Тира в VI–I вв. до н.э. К., 1988.
- Т. Л. Самойлова, С. А. Булатович.* Нумизматические находки последних лет в Тире и основные этапы развития её экономики в доримский период // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на Черноморското крайбрежие. Варна, 2008.
- Т. Л. Самойлова, П. В. Остапенко.* Основные направления торговых связей античной Тире по нумизматическим данным // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009.
- С. Ю. Сапрыкин.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
- Д. Б. Шелов.* Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2.

Д. Е. Чистов

Тип «Дома колониста» в Северном Причерноморье архаического периода

Термин «дом колониста» был предложен С. Д. Крыжицким для описания особого типа постройки, характерного для раннего этапа жилого домостроительства античных центров Северного Причерноморья. В узком смысле под «домом колониста» подразумевается наземная, как правило, однокамерная структура (Крыжицкий. 1985. С. 59), а в расширительном понимании – практически любое изолированное однокамерное сооружение архаического времени, независимо от его формы в плане – прямоугольной, круглой или овальной, а также степени заглубленности в грунт, конструкции стен и перекрытия (Крыжицкий. 1993. С. 41–42). Между тем, на примере материалов Березанского поселения можно уловить довольно заметное различие между специфической группой строительных объектов, которые будут именоваться в дальнейшем «домами колониста»

и прочими типами заглубленных в грунт жилых и хозяйственных комплексов, исследованных на поселении.

В числе отличительных особенностей сооружений интересующего нас типа назовём прежде всего достаточно значительную внутреннюю площадь – хоть и весьма скромную при сопоставлении с более поздними многокамерными каменно-сырцовыми домами, однако всё же достаточную для жилой и хозяйственной активности небольшой семьи. Отчетливо выраженная жилая функция таких построек подтверждается наличием стационарных очагов и печей, порой неоднократно подновлявшихся, а также многократными глинистыми промазками полов. «Минимальная самодостаточность» постройки данного типа принципиально отличает ее от земляночных структур меньших размеров, которые могли группироваться в хозяйственные модули, состоявшие из нескольких объектов (Буйских С.Б. 1986. С. 27; Крыжицкий. 1993. С. 36–37). Обязательными признаками комплексов указанной группы следует также считать четырехугольный план и наличие положенных с уровня дна котлована каменно-сырцовых стен (либо же глинобитных стен с каменными обкладками, каменных облицовок стенок котлована и т.п.), очевидно, сближающих их по конструкции с наземными домами. При этом степень заглубленности пола самого помещения относительно древней дневной поверхности может заметно различаться, и, по всей видимости, вообще не имеет решающего значения как конструктивный признак. В этом отношении можно согласиться с В. Д. Кузнецовым (Кузнецов. 1995. С. 110), указывающим на отчетливое различие между заглубленным в грунт домом, построенным в соответствии с греческой строительной техникой, и многочисленными земляночными комплексами, имевшими легкие глино-плетневые стены или не имевшими их вовсе¹²⁵.

В материалах раскопок Березанского поселения мы на сегодняшний день имеем несколько примеров сооружений, подходящих под указанные выше признаки. В их числе прежде всего отметим полуземлянку XLI, раскрытую в северо-западной части острова, на раскопе СЗ-Б в 1985–1986 гг. (Доманский, Виноградов, Соловьёв. 1989. С. 36; Solovyov. 1999. P. 59–63; Соловьёв. 2008). Она представляла собой сооружение размерами 4,20 x 6,60 м, заглубленное относительно древней дневной поверхности на 1 м (Рис. 2. 4). По периметру котлована находились каменно-сырцовые стены толщиной около 0,5 м. Расположение четырех столбовых ямок по продольной оси постройки указывает на двускатную безраспорную конструкцию

¹²⁵ Из этого, однако, не следует, что необходимо согласиться и с дальнейшими выводами В. Д. Кузнецова, фактически отрицающими сам факт жилого использования комплексов второго типа в античных центрах Северного Причерноморья (Кузнецов. 1995. С. 115–116).

кровли. Многослойные промазки полов, а также многочисленные печи и очаги из перевернутых амфорных горл свидетельствуют о долговременной эксплуатации данного сооружения. Керамический комплекс позволяет датировать комплекс второй четвертью VI в. до н.э. Также на раскопе СЗ-Б была раскрыта еще три полуземлянки, отличавшиеся большими размерами, тщательной отделкой стен котлована, и наличием печей и очагов из перевернутых амфорных горл. У одной из них (полуземлянки XLVII), была прослежена стена из сырцовых кирпичей, близких по размерам тем, что применялись позднее в наземном домостроительстве (Solovyov. 1999. Fig. 42. P. 59; Соловьёв. 2008. С. 235. Ил. 23).

Сооружение, представляющее собой очень близкую аналогию полуземлянке XLI, раскрыто в ходе раскопок 2012 г. на участке «О–Западный», в северо-восточной части Березанского поселения (Чистов, Ильина. 2013). Помещение 18 представляло собой большую (9,10 x 3,90 – 4,80 м) полуземлянку прямоугольной формы. Пол постройки заглублен в грунт относительно уровня древней дневной поверхности приблизительно на 0,5 м. Глинобитные стены толщиной 0,50–0,60 м, по всей видимости, были возведены при помощи глиняной заливки в какой-то опалубке (структура кирпичной кладки в массиве стены не читалась). Отверстия, располагавшиеся в толще стены с интервалом в 1,14–1,19 м, очевидно, представляли собой следы деревянных столбов, служивших ее внутренним каркасом. Глинобитные стены также имели каменную облицовку внутренней поверхности. Пол помещения неоднократно подновлялся. Расположение столбовых ямок по центральной оси помещения позволяет реконструировать двускатную безраспорную кровлю. В пределах помещения 18 раскрыто множество деталей, позволяющих отчасти реконструировать его интерьер – столбовые ямки различных размеров, остатки печей и очагов. Керамический материал, обнаруженный в помещении, позволяет датировать его в пределах второй четверти – середины VI в. до н.э.

Схожее сооружение (СК 43), датированное несколько более поздним временем (серединой – третьей четвертью VI в. до н.э.), было раскрыто на том же участке всего лишь в 11,5 м к востоку. Оно представляло собой большую прямоугольную полуземлянку размерами 6,30 x 4,90 м, в юго-восточном углу которой находилась хорошо сохранившаяся купольная глинобитная печь. Следов сырцовых или каменных стен по периметру комплекса выявить не удалось, однако завал камней в ее заполнении мог принадлежать каменной кладке или облицовке восточной стены (Чистов и др.. 2012. С. 59–61).

Таким образом, датировка построек этой группы на Березани, по всей видимости, укладывается в рамки второй – третьей четвер-

тей VI в. до н.э. Поскольку на сегодняшний день они обнаружены на двух достаточно удаленных друг от друга участках раскопок, можно предполагать, что появление подобных сооружений не было локальным явлением, характерным только для какого-то определенного района поселения. При этом прослеживается определенная связь между расположением комплексов данного типа и планировкой последующего раннего этапа наземной каменно-сырцовой застройки: «дома колониста» оказываются либо одинаково ориентированы с более поздними домами (Полуземлянка ХLI, помещение 18), либо даже вписываются в квартальную сеть поселения (СК 43 расположена вдоль городской улицы, существовавшей до первой трети V в. до н.э.).

Небольшие однокамерные постройки схожего типа достаточно типичны для наиболее раннего периода наземного каменно-сырцового домостроительства греческих городов Северного Причерноморья. Хотя в ходе раскопок Ольвии прямоугольные заглубленные в грунт сооружения с хорошо сохранившимися каменно-сырцовыми кладками по периметру пока не выявлены, два подобных сооружения архаического периода раскрыты в 1,5 км к югу от городища, на пос. Широкая Балка (Рабичкин. 1951. С. 114–117). Одно из них (комплекс «Ж») представляло собой прямоугольную постройку площадью около 6 м^2 ($2,70 \times 2,20 \text{ м}$), глинобитный пол которой был заглублен на 0,65 м от уровня материка. Западная и восточная стены помещения от уровня пола были оформлены полигональной кладкой, в северо-западной части помещения находились остатки очага (Рабичкин. 1951. Рис. 31).

Из комплексов Пантикапея к числу аналогичных построек можно, безусловно, отнести раскрытый В. Д. Блаватским на Верхнем Митридатском раскопе т.н. «дом эмпора» – однокамерное сооружение площадью около 8 м^2 , заглубленное в грунт на 0,1–0,12 м (Блаватский. 1957. С. 8–9. Рис. 2–3. С. 13–14), а также исследованный на Центральном раскопе дом № 1 – однокамерную постройку площадью около 16 м^2 с каменно-сырцовыми стенами и полом, заглубленным относительно древней дневной поверхности на 0,5–0,6 м (Толстиков. 2001. С. 390–391). Обе постройки относятся ко времени перехода к наземному домостроительству в Пантикапее, который приходится на рубеж третьей – последней четвертей VI в. до н.э. (Толстиков. 2001. С. 390). Следует также заметить, что весь участок ранней жилой застройки Пантикапея, раскрытый на северном склоне западного плато, демонстрирует преобладание очень небольших по площади домов (Марченко. 1979. С. 166. Рис. 1), что, очевидно, не в последней степени диктовалось рельефом этого района города.

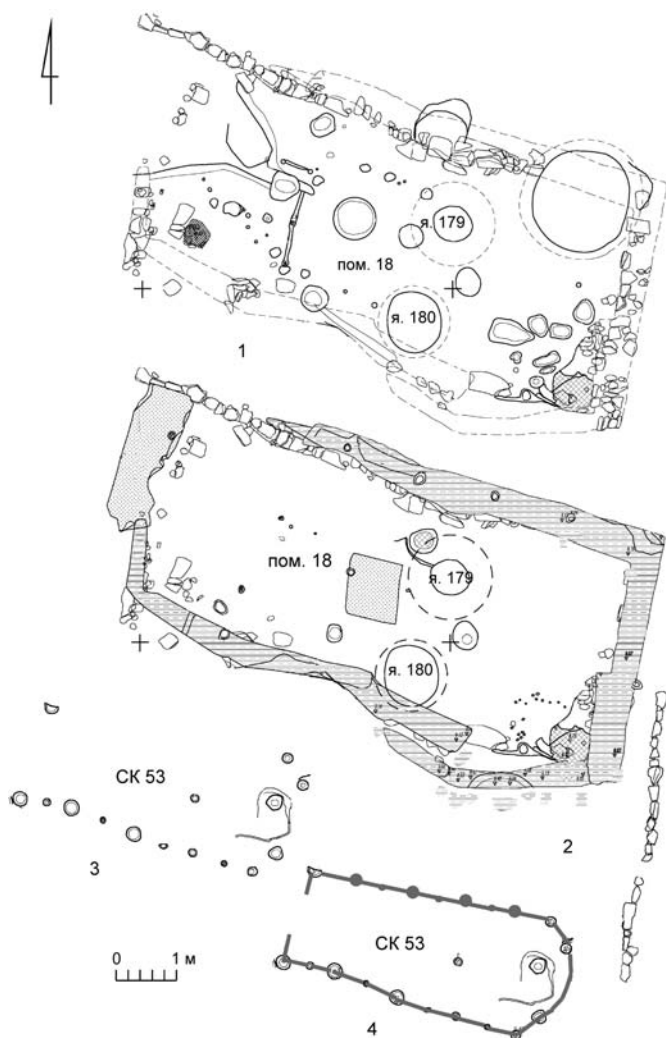

Рис. 1. 1–2 – Берзаны, раскоп «О-Западный», помещение 18: 1 – уровень раннего пола, каменные обкладки стен и выкладки из мелкого бута под подошвой глинобитных стен; 2 – уровень позднего пола и контуры глинобитных стен); 3–4 – Берзаны, раскоп «О-Западный», СК 53: 3 – расположение выявленных столбовых ямок; 4 – реконструкция плана глино-плетневой апсидной постройки

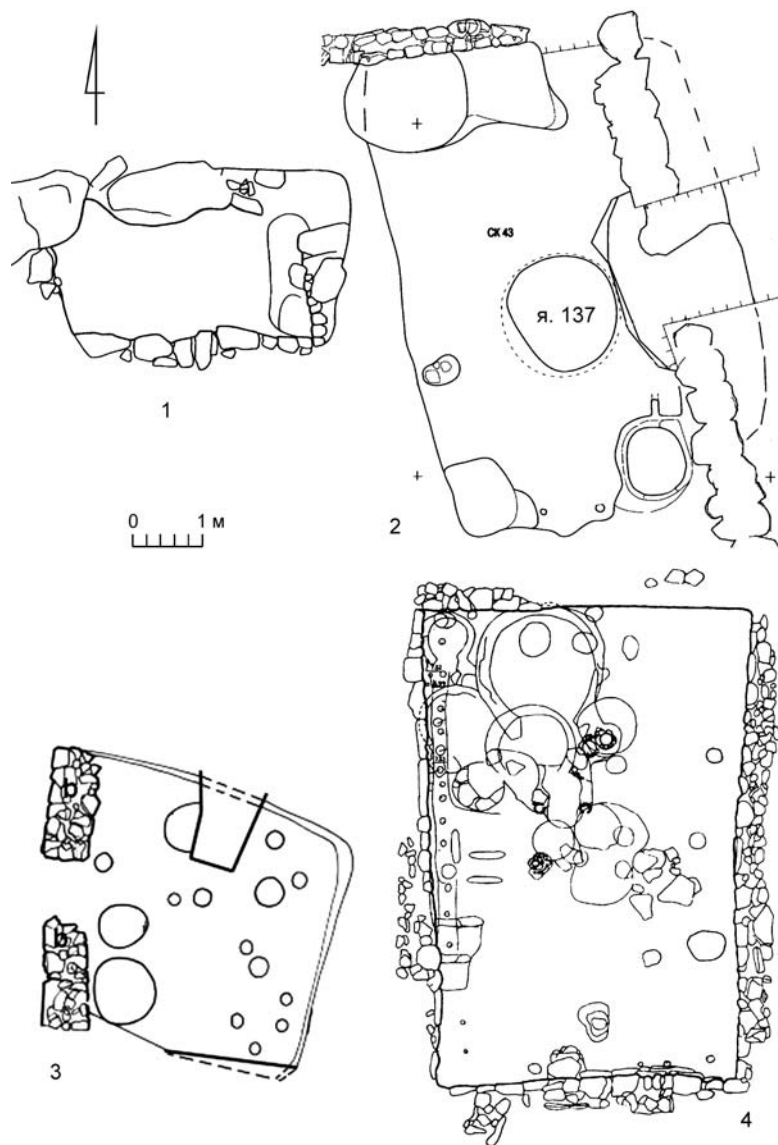

Рис. 2. 1 – Мирмекий, участок «С», полуземлянка С-XVI; 2 – Березань, раскоп «О-Западный», СК 43; 3 – Мирмекий, участок «П», полуземлянка П-VIII (по: Butyagin, 2007. Fig. 1); 4 – Березань, раскоп «Северо-Западный Б», полуземлянка XLI (по: Solovyov, 1999)

К интересующему нас типу сооружений следует также отнести некоторые из полуземлянок, раскрытых в Мирмекии. Один из таких комплексов (С-ХVI), датируемый в рамках двух последних четвертей VI в. до н.э., представлял собой прямоугольную постройку площадью 9 м², несколько заглубленную в грунт между скальными выходами. Промазки пола свидетельствуют о ее долговременном использовании; по двум сторонам котлована выявлены каменные кладки (Butyagin. 2007. P. 23. Fig. 12). Остатки сырцовых стен с каменными цоколями по периметру котлована были обнаружены также у двух неглубоких прямоугольных полуземлянок, раскрытых на раскопе «П» (Виноградов 1992, с. 102, 105; Butyagin. 2007. Fig. 1. 7, 8). Площадь полностью раскрытого комплекса (П-VI) составляет 16 м²¹²⁶. Подобная строительная техника, по мнению А. М. Бутягина, применялась в Мирмекии с последней четверти VI в. до н.э. Ни в одной из вышеперечисленных землянок не найдены стационарные очаги, однако следы огня на некоторых участках стен свидетельствуют о применении переносных жаровен.

К сходному типу сооружений можно было бы также отнести подпрямоугольную (максимальные размеры – 7 x 2,4 м) постройку второй пол. VI в. до н.э., раскрытую в Порфмии. Судя по описанию и фотографиям, данным в публикациях (Vakhtina. 2003. P. 46–47; Вахтина. 2009. С. 97. Рис. 17), у этого здания реконструируются сырцовые стены, в основании которых находились мелкие необработанные камни, выложенные в один ряд цепочкой. Вместе с тем, такие особенности этого объекта, как необычно тонкие (около 10 см) каменные «цоколи» – выкладки и отсутствие прямых углов заставляют предполагать либо крайне плохую сохранность, либо же неверную его интерпретацию в качестве строительных остатков здания.

Однокамерная постройка второй пол. VI в. до н.э. с сырцовыми стенами (дом № 6, т.н. «дом скульптора») раскрыта в Фанагории (раскоп «Верхний город», 1978 г.). Помещение площадью 12,5 м² было заглублено в грунт на 0,6–0,7 м. По мнению В. Д. Кузнецова, сохранившаяся часть этого сооружения представляла собой подвал (полуподвал?), над которым был возведён ещё один этаж. Высота последнего гипотетически вычислена автором исходя из общего объёма сырца, заполнившего заглубленную часть постройки при её разрушении (Кузнецов. 1995. С. 106, 110–111). Следует заметить, что объёмная реконструкция однокамерного, но двухэтажного сооружения столь небольших размеров, имевшего вход через полуподвал, а также отдельный вход по лестнице с внешней стороны фасада в по-

¹²⁶ Благодаря начальнику Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа А. М. Бутягина за предоставленные сведения.

мещение второго этажа (Кузнецов. 2001. С. 12–13. Рис. 2), не находит аналогий и, очевидно, имеет невысокую степень достоверности.

В ходе новейших раскопок Верхнего города Фанагории раскрыт целый участок городской застройки второй половины VI в. до н.э., состоявший из домов с сырцовыми стенами, лишёнными каменных цоколей. Судя по предварительным публикациям, на наиболее раннем этапе застройки преобладали дома весьма скромной площади – около 10–20 м² (Кузнецов. 2010. С. 450–451), что, наряду с небольшой шириной улиц и переулков, объясняется авторами раскопок ограниченными размерами холма, на котором размещалось ранее поселение (Кузнецов. 2001. С. 12).

Небольшие однокамерные дома с каменными цоколями преобладали в период поздней архаики и на раскопанном участке Анапского поселения (Синдской гавани), хотя предшествующий им наиболее ранний дом (дом № 1) конца VI в. до н.э. состоял по меньшей мере, из трех помещений (Алексеева. 1990. С. 21. Рис. 1).

Интересной аналогией или же развитием типа «дома колони-ста» являются однокамерные сооружения с общими боковыми стенами, сблокированные в квартал. Подобные постройки, датируемые V в. до н.э., выявлены при раскопках Фанагории (Долгоруков. 1990), и Киммерика (поселение на горе Опук, холм А: Кругликова. 1958. С. 234–238. Рис. 11; Крыжицкий. 1982. С. 64). Постройки Фанагории и Киммерика сближает наличие отдельных дворов перед входами в каждую «секцию», и очагов, расположенных в центральной части помещений, причём на раннем этапе существования дома полы отдельных помещений были заглублены (до 0,4 м) относительно древней дневной поверхности. Площадь помещений составляла от 11,8 до 25,16 м. Дома первой четверти V в. до н.э., раскрытые на раскопе «Южный город» Фанагории, отличались специфической строительной техникой – они имели глино-плетнёвые стены, крепившиеся на каркас из вкопанных деревянных столбов. Площадь отдельных помещений с очагами, судя по опубликованному плану, варьировалась от 21,5 до 27,5 м² (Долгоруков, Колесников. 1993. С. 116, 119. Рис. 3). Автором раскопок была предложена интерпретация этих построек в качестве жилищ, возведённых в короткие сроки по экономичной технологии в связи с прибытием новой большой волны колонистов и возникшей по этой причине необходимостью быстрого расселения значительного количества новых жителей города (Долгоруков, Колесников. 1993. С. 130). Вместе с тем, наличие следов металлургического производства и сам факт расположения плетнёвых построек на окраине архаической Фанагории позволили В. Д. Кузнецову оспорить их жилое назначение, и предложить атрибуцию таких сооружений в качестве ремесленных мастерских, целенаправленно вынесенных на периферию городской застройки (Кузнецов. 1995. С. 114).

С. Д. Крыжицкий (в приложении к комплексам из Киммерика) определял постройки подобной планировки как «дома мегаронного типа» (Крыжицкий. 1993. С. 44). С формальной точки зрения такое определение применимо (особенно с учетом остатков очагов в центральной части помещений), однако следует принимать во внимание, что ближайшие аналогии подобным сблокированным в «кластеры» мегаронным домам прекращают существование на 100–150 лет раньше, не позднее второй половины – конца VII в. до н.э., трансформируясь в некоторых случаях в многокамерные структуры (Mortis. 1998. P. 28–29, 64).

Таким образом, сужение смысла введённого С. Д. Крыжицким термина «дом колониста» исключительно до однокамерной изолированной расположенной жилой постройки прямоугольной формы, со стенами, выполненными из глины и камня в различных техниках, и полом, в разной степени заглубленным в грунт (или вообще не заглублённым), позволяет нам очертить круг конструктивно схожих построек, относительно немногочисленных, однако известных во многих северочерноморских центрах, имеющих архаические слои. Изучение наиболее ранних напластований Березанского поселения показывает, что комплексы этого типа не следует рассматривать в контексте дискуссионной проблемы происхождения и использования земляночных структур на античных поселениях Северного Причерноморья в архаическую эпоху. На самом Березанском поселении количество объектов с такими характеристиками очень невелико, а время их бытования тяготеет к середине VI в. до н.э. Между тем весьма многочисленные комплексы более раннего времени, определяемые как постройки жилого или хозяйственного назначения, представлены исключительно полуземлянками округлой или подпрямоугольной формы. Для некоторых из них зафиксированы легкие глино-плетнёвые стены¹²⁷, большинство и вовсе не имеет следов надземных вертикальных стен¹²⁸. При этом ни одной наземной каменно-сырцово-постройки с материалами первой половины VI в. до н.э. на Березанском поселении не обнаружено за всю историю исследований памятника. Почти нет следов и каких-либо следов более лёгких наземных каркасно-столбовых конструкций, которые могли бы

¹²⁷ См. пример круглой полуземлянки со следами глино-плетневых стен по периметру котлована: (Чистов и др.. 2012. С. 9–13. Ил. 4, 7)

¹²⁸ Следует, однако, заметить, что в ряде случаев зафиксированы обкладки или перегородки в бортах округлых полуземлянок первой пол. VI в. до н.э., сложенные из сырцовых кирпичей (Чистов и др.. 2012. С. 12. Ил. 18). Такие «заклады» использовались, например, в местах прорезания более ранних котлованов, где рыхлые стенки сооружения могли легко осыпаться. Этот пример демонстрирует, что техника сырцово-кладки могла быть вполне знакома хозяевам подобных полуземлянок, хотя в силу каких-то причин они не считали нужным систематически ей пользоваться.

датироваться еще первой половиной VI в. до н.э., и служить жилищами колонистам «первой волны».

В этой связи можно лишь упомянуть обнаруженные на участке «О-Западный» в ходе раскопок 2010 г. два скопления столбовых ям от каких-то навесов, точную форму которых определить не удалось, а также контуры небольшой глино-плетнёвой апсидной постройки (Чистов. 2011. С. 450–453. Рис. 1, 3. 1). Последняя (СК 53) имела размеры около 4,50 x 1,95 м. Постройка в плане была прямоугольной, однако ее восточная стенка имела форму полукруглой апсиды. На центральной оси сооружения выявлена столбовая ямка, которая могла служить для установки одной из опор, поддерживавших двускатную кровлю. Точная датировка вышеперечисленных объектов затруднительна, поскольку они были выявлены ниже уровня погребённой почвы, однако перекрывались напластованиями низвелировки пожара последней четверти VI в. до н.э.. Таким образом, они могут быть синхронны как полужемлянкам первой половины VI в. до н.э., так и первым каменно-сырцовым домам 540-х гг. до н.э. Тем не менее, отдельные находки, сделанные в столбовых ямках «навесов», а также стратиграфические наблюдения (слои пожара «затекают» в столбовые ямки, в некоторых из них зафиксированы остатки сгоревших столбов) позволяют все же отнести эти объекты к третьей четверти VI в. до н.э.

Подводя итог сказанному выше, можно охарактеризовать «дом колониста» как особый тип изолированной однокамерной постройки, характерный для первых десятилетий перехода к массовому наземному домостроительству в античных центрах Северного Причерноморья, и предназначенный для долговременного проживания малой семьи¹²⁹. Появление подобных объектов на Березанском поселении, по видимому, относится к одной, достаточно короткой фазе, непосредственно предшествовавшей началу массового строительства наземных каменно-сырцовых домов. В ходе последующего строительства часть таких жилищ могла быть снесена и заменена

¹²⁹ Расчёт площади такой постройки, который позволил бы однозначно интерпретировать ее в качестве жилища отдельной семьи, наталкивается на непростую проблему определения необходимого пространства под крышей в расчёте на одного жителя. Если исходить из цифры в 10 м² на человека как минимальной для архаического периода (Morris. 1991. P. 31), площадь дома для малой семьи не может составлять менее 30–50 м², хотя следует принимать во внимание то обстоятельство, что подобные сооружения могли возводиться в особых обстоятельствах, с минимальными затратами материалов и времени, а многие боспорские наземные каменно-сырцовые дома также не достигают указанных размеров. Из перечисленных выше комплексов приведенным критериям в наибольшей степени соответствуют березанские полужемлянки ХLI (раскоп СЗ-Б), СК 46, помещение 18 (раскоп О-Западный), площадь которых варьируется в пределах 25–35 м². Боспорские комплексы заметно уступают им по размерам: так, площадь самой крупной из землянок Мирмекия (II-VI), дома № 1 на акрополе Пантикапея и «дома скульптора» в Фанагории варьируется в пределах 12,5–16 м².

многокамерными домами, другая же часть оказалась включена в систему городской застройки. Вместе с тем, хотя общая тенденция к увеличению площади жилого дома в течение архаического периода в Северном Причерноморье несомненна, последовательный переход от однокамерных построек типа «дома колониста» к сооружениям с большим количеством помещений, сблокированным в городские кварталы, очевидно, не наблюдался повсеместно.

В некоторых случаях небольшие размеры позднеархаических жилищ могут быть обусловлены рельефом раскопанных участков застройки городов Северного Причерноморья (Пантикапей, Фанагория), хотя для других, казалось бы, менее значимых центров этого же периода (Мирмекий, Порфмий) фиксируются следы сблокированных в кварталы многокамерных домов значительной площади (Butyagin. 2007. P. 24. Fig. 2; Vakhtina 2003. P. 51. Fig. 18–20). Не исключён и временный возврат к однокамерным структурам после каких-то потрясений, как это, возможно, зафиксировано в Синдской гавани. В этой связи можно привести пример позднеархаических Клазомен, где раскрыта целая серия небольших апсидных и «криволинейных» построек второй половины VI в. до н.э. (Ersoy. 2007. P. 156–169. Fig. 2. 6, 7). Все подобные объекты связаны с одним коротким хронологическим этапом, непосредственно следовавшим за временным запустением города после персидского завоевания в 546 г. до н.э., и являлись, по всей видимости, жилищами первых поселенцев, возвратившихся в старые Клазомены не более чем двумя десятилетиями позже, в 530/20 гг. до н.э. Эти сооружения имели каменно-сырцовые стены, а в одном случае, на раннем этапе существования дома – глино-плетнёвые (Ersoy. 2007. P. 162, 169).

Как показывает приведенный выше пример, специфические обстоятельства, диктовавшие необходимость срочного возведения жилья, в отсутствие регламентации способны были стимулировать временное возвращение греческих поселенцев к весьма архаичным формам построек. Это может быть справедливо для различных форм жилища железного века (криволинейных и апсидных структур, небольших одно- и двухкомнатных домов, в том числе – построек мегаронного типа), сменяющихся в греческом мире начиная с VII в. до н.э., в рамках глобального процесса структурной трансформации жилища (Lang. 2005. P. 14, 31–32) более сложными и стремящимися к стандартизации многокомнатными зданиями.

Заглубление в грунт пола небольшого изолированного «дома колониста» не связано, как нередко предполагают, с климатическими условиями, поскольку не дает никаких преимуществ для отопления небольшими открытыми очагами или переносными жаровнями. Распространение этого приёма в Северном Причерноморье могло быть обусловлено адаптацией местных негреческих домостроитель-

ных традиций (Крыжицкий. 1982. С. 27; Solovyov. 1999. Р. 70) или заимствованием строительных практик, распространённых с раннего железного века в Малой Азии (Tssetskhladze. 2004. Р. 267–268), возможно, даже при непосредственном участии выходцев из этого региона (Соловьёв. 2008. С. 228–231). Строительство заглублённых жилищ могло также иметь и собственно греческие корни (Бутягин. 2001). Независимо от происхождения этой строительной техники, применение приёма заглубления пола помещения на практике могло диктоваться, в первую очередь, прагматическими соображениями – экономией материалов и снижением требований к мощности несущих стен. Последнее особенно актуально для построек, строившихся собственными силами, в сжатые сроки и из плохо высушенного кирпича. Возвращаясь к примеру помещения 18 на раскопе «О» Березанского поселения, можно заметить, что в данном случае при возведении глинобитных стен вообще не применялись кирпичи (следовательно, не надо было тратить время на их просушку), однако глинобитные стены были предусмотрительно усилены внутренним деревянным каркасом и каменной обкладкой.

В заключение отметим, что наличие в той или иной степени заглублённых помещений характерно и для многокамерных каменно-сырцовых домов Березани второй половины VI – начала V в. до н.э. Однако связь этой особенности с более ранней строительной традицией (как это полагал В. В. Лапин) не вполне очевидна, поскольку не всегда можно установить функцию таких помещений, и пока не зафиксированы случаи «встраивания» сооружения типа «дома колониста» в более поздний многокамерный комплекс¹³⁰. В качестве наиболее распространённого примера такой постройки следует упомянуть дом № 2 на раскопе «О», исследованный В. В. Лапиным (Крыжицкий. 1982. С. 16. Рис. 4. С. 27). В ходе недавних раскопок на том же участке был частично исследован дом третьей четверти VI в. до н.э., одно из помещений которого (судя по вкопанным по углам нижним частям амфор, имевшее хозяйственное назначение) было заглублено относительно древней дневной поверхности на 0,2–0,3 м (Чистов и др. 2012. С. 50–52). На 0,65 м относительно уровня поверхности двора заглублены два не сообщавшихся помещения дома второй пол. VI в. до н.э. (№ 2), открытого на Северо-Западном раскопе (Solovyov. 1999. Р. 67–68). По мнению С. Д. Крыжицкого, развитие приёма заглубления отдельных помещений последовательно приводит к появлению полуподвалов, а затем и подвалов (Крыжицкий. 1984. С. 27), однако, по-видимому, различные формы «верти-

¹³⁰ В случае с помещением 18 зафиксировано возведение многокомнатного здания со сходной ориентацией к югу от этой постройки и их сосуществование на протяжении неустановленного времени.

кальной» организации дома вполне могли сосуществовать. Так, в ходе раскопок 2011 г. на границе участков «О» и «Р-1 в» к западу от рассмотренной выше полуземлянки (помещения 18) был частично исследован полуподвал очень значительной площади – не менее 33 м² (длина – 7,4 м, ширина – не менее 4,5 м), существовавший с начала третьей четверти VI в. до н.э. до последней четверти – конца того же столетия (Крутилов, Чистов. 2012. С. 334)¹³¹.

Литература

- Е. М. Алексеева.* Раннее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н.э.) // КСИА. 1990. 197.
- А. М. Бутягин.* Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы научной конференции. СПб., 2001. Ч. 1.
- С. Б. Буйских.* Первичный жилищно-хозяйственный модуль раннеантичных поселений Ольвийской хоры // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. ТД III Конф. Мол. Ученых. М., 1986.
- Ю. А. Виноградов.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- М. Ю. Вахтина.* Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. XXII.
- В. С. Долгоруков.* Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. 197.
- В. С. Долгоруков, А. Б. Колесников.* Новый тип строительных комплексов в Фанагории // РА. 1993. № 1.
- Я. В. Доманский, Ю. Г. Виноградов, С. Л. Соловьёв.* Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.
- В. П. Толстиков.* Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 2001. № 4.

¹³¹ Эта постройка, возможно, входила в комплекс многокамерного дома, ранее раскрытого на участке «Р-1в», однако могла располагаться изолированно. Стенки котлована, заглублённого в грунт на 0,60–1,0 м, по периметру были укреплены каменными цоколями, надстроеными сырцом. Сооружение, вероятно, использовалось для хозяйственных нужд, о чём свидетельствуют многочисленные углубления для установки амфор и одна фрагментированная лесбосская красноглиняная амфора середины VI в. до н.э., вкопанная с уровня раннего пола.

- С. Д. Крыжицкий.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Киев, 1982.
- С. Д. Крыжицкий.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- И. Т. Кругликова.* Киммерик в свете археологических исследований 1947–1951 гг. // МИА. 1958. № 85.
- В. В. Крутилов, Д. Е. Чистов.* Работы экспедиции Гос. Эрмитажа на острове Березань // АДУ 2011 р. Киев, 2012.
- В. Д. Кузнецов.* Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. № 6.
- В. Д. Кузнецов.* Раскопки последних лет в Фанагории // Таманская старина. СПб., 2001. Вып. 1.
- В. Д. Кузнецов.* Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. М. 2010. Том. 1.
- И. Д. Марченко.* О планировке Северного склона Пантикапея (К проблеме изучения агоры) // СА. 1979. № 2.
- Б. М. Рабичкин.* Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. 1951. 40.
- С. Л. Соловьёв.* «Дом колониста» в археологическом контексте архаической Березани // ТГЭ. 2008. XLI.
- В. П. Толстиков.* Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 2011. № 4.
- Д. Е. Чистов.* Новые исследования в восточной части Березанского поселения: хозяйственно-промысловая зона середины – второй половины VI в. до н.э.? // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Мат. конф. СПб., 2011.
- Д. Е. Чистов, В. Ю. Зуев, Ю. И. Ильина, А. К. Каспаров, Н. Ю. Новосёлова.* Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. (Исследования на о. Березань в 2005–2009 гг.) СПб., 2012. Т. 2.
- Д. Е. Чистов, Ю. И. Ильина.* «Дома колонистов» на Березанском поселении – археологический контекст и историческая интерпретация // Боспорские чтения (материалы конференции). Керчь, 2013 (в печати).
- A. M. Butyagin.* Archaic Myrmekion // Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphoros. 7th–1st centuries BC. Oxford, 2007. – (BAR International series 1729).
- Y. Ersoy.* Klazomenai: 900–500 B. C. History and Settlement Evidence // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Thessaloniki, 2004.
- Y. Ersoy.* Notes on History and Archaeology of Early Clazomenae // Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme, Panionion-Symposium. Milesische Forschungen Mainz, 2007. Bd. 5.

- F. Lang.* Structural Change in Archaic Greek Housing // Ancient Greek houses and households: chronological, regional, and social diversity. Philadelphia, 2005.
- I. Morris.* The early Polis as the City and State // City and Country in the Ancient World. New York, 1991.
- I. Morris.* Archaeology and archaic Greek history // Archaic Greece: New approaches and new evidence. Duckworth, 1998.
- G. Tsetskhladze.* On the earliest Greek Colonial Architecture in the Pontus // Pontus and the outside world. Colloquia Pontica. Vol. 9. Leiden, Boston, 2004.
- S. L. Solovyov.* Ancient Berezan: The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea Leiden, 1999. – (Colloquia Pontica. Vol. 4).
- M. Ju. Vakhtina.* Archaic buildings of Portmion // Cauldron of Ariantas. Aarchus. 2003. – (BSS Vol. 1).

Е. А. Акимова

Ахилл в греко-варварской торевтике Северного Причерноморья

Культ древнегреческого героя Ахилла был популярен не только у эллинов, но и среди местного варварского населения. Об этом свидетельствуют памятники торевтики, происходящие из скифских курганов. Это накладки на ножны скифских мечей и гориты. Все эти предметы, выполненные из золота, найдены в скифских царских курганах и датируются 340–320 гг. до н.э.

Пластинчатые накладки на ножны мечей со сценами из жизни героя происходят из курганов Чаян (Рис. 1. 1, 2), Чертомлык (Рис. 1. 3) и Восьмого Пятибратнего кургана (Елизаветовское городище). Вероятно, все они были изготовлены в одной матрице, т.к. изображения основного горизонтального фриза идентичны. Различаются лишь сюжеты лопастей. Причиной подобных отличий была техника изготовления накладок. Изготавливались ножны при помощи оттиска и протирания золотого листа по матрице, которая, вероятно, была бронзовой. Сама же матрица могла отливаться в технике утраченной восковой модели, причём для получения оттисков мастер пользовался комбинацией матриц – отсюда разница в изображениях.

Батальная сцена главного фриза накладок трактуется разными исследователями неоднозначно. С точки зрения В. К. Мальмберга, здесь представлено сражение греков с персами при Марафоне (см.: Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991. С. 104). И. В. Яценко, А. М. Хазанов и др. видят в этих изображениях сцены битвы греков со скифами

(Раевский. 1980. С. 60). По нашему мнению, данный сюжет является сценой из греческой мифологии, представляющей сражение греков с варварами и амазонками, где главным персонажем является Ахилл (Раевский. 1980. С. 60–63; Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991. С. 104–105). В этом случае центральную сцену следует понимать как вариант очень распространённого в вазописи сюжета убийства Ахиллом Пентесилеи. Ахилл изображён в виде юноши с волнистыми волосами и лицом, лишённым бороды и усов, в отличие от других греков. Из оружия при нём меч и щит, доспехи отсутствуют; Ахилл изображен почти обнажённым (Рис. 1. 2). Подобное художественное решение соответствует иконографии героя, отображённой в произведениях вазописи данного периода. Приблизительно с конца VI – начала V в. до н.э., Ахилл «теряет» бороду и усы, фигура его утрачивает вытянутость, характерную для более ранних изображений. Иконографическая традиция героя, представленная в памятниках северопонтийской торевтики, могла быть заимствована из греческой вазописи.

Каждая накладка имеет обрамление узким фризом со сценами терзания и борьбы зверей. Подобная тема известна как в греческом, так и в скифском искусстве архаического времени. На треугольных выступах накладок из кургана Чертомлык и Восьмого Пятибратнего кургана грифон терзает голову оленя; а на накладке из кургана Чаян – показаны фигуры львов, один из которых вскочил на спину оленя, а другой (справа) вцепился в горло лани. В левой части фриза помещены фигуры двух противостоящих друг другу грифонов и пальметки. Композиции со сценами терзания, ведущие своё происхождение из Передней Азии, символизируют внезапность и неумолимость смерти, что согласуется с местом находки данных предметов. Такие композиционные схемы вообще характерны для скифской торевтики, в особенности для тех памятников, которые перекликаются с греческими и исполнены греками.

Вторую группу предметов, изображающих Ахилла, составляют обкладки горитов. Серия из четырёх горитов, называемая по месту первой находки «чертомлыкской», однозначно трактуется исследователями как связанная с троянским циклом и с Ахиллом. Обкладки происходят из Ильинецкого и Мелитопольского курганов. Ещё одна обкладка горита была найдена вместе с уже упомянутой накладкой на ножны меча в кургане Чертомлык (Рис. 2. 4, 5). По мнению Д. С. Раевского, совместная находка предметов скифского вооружения в Чертомлыкском кургане подтверждает связь сюжета на ножнах именно с Троянским циклом (Раевский. 1980. С. 67). Аналогичная парная находка ножен и горита была сделана в Восьмом Пятибратнем (Елизаветовском) кургане.

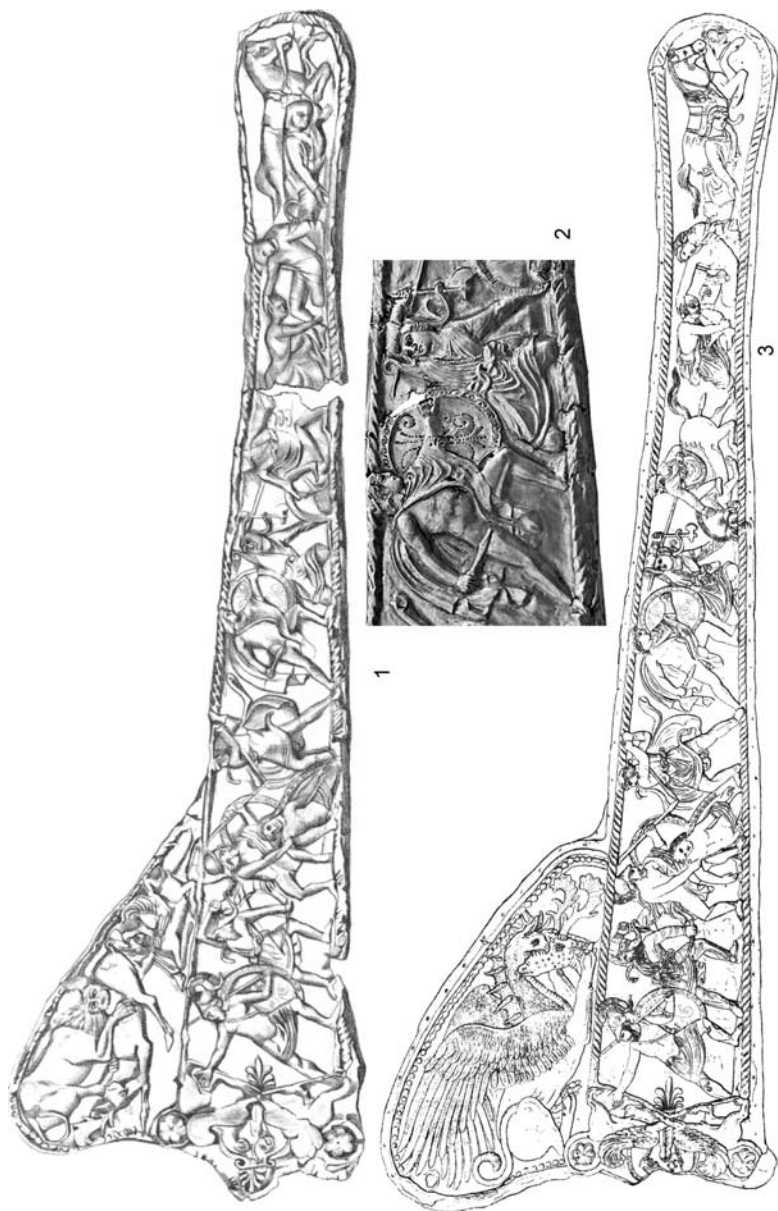

Рис. 1, 3 – накладки на ножны меча: 1 – Чаян, 3 – Чертомлык; 2 – деталь композиции на ножнах из кургана Чаян. 1 – прорисовка А. Н. Щеглова

Накладки идентичны, оттиснуты с одной матрицы. Между накладками существуют мельчайшие различия в деталях и в тщательности отделки, которые появились при дополнительной обработке. Эти различия носят, в общем, случайный характер и лишь подчеркивают однотипность всех накладок этой серии (Черненко. 1981. С. 87, 89). Первой из накладок была выполнена Мелитопольская (она более чётко выполнена по сравнению с другими, и её композиция восходит к греческим статуарным композициям IV в. до н.э.).

Сюжеты накладок связаны не с битвами Ахилла, а с его мирной жизнью: жизнь Ахилла на острове Скирос во дворце царя Ликомеда, опознание Ахилла Одиссеем, прощание героя с царем Ликомедом и Деидамией, пребывание Ахилла под стенами Трои (Фармаковский. 1911. С. 45–118). На горитах изображение Ахилла идентично его иконографии на ножнах: юноша без усов и бороды, без доспехов (плащ накинут на обнажённое тело), вооружённый мечом и щитом (Рис. 2. 5). Можно сделать вывод, что существовала определенная традиция изображения героя в торевтике. В верхней части обкладок горитов, так же как и в случае с ножнами, присутствуют сцены терзания и борьбы зверей.

Следует также упомянуть, что близкими аналогиями «чертомлыкской» серии являются также серебряная фрагментированная обкладка из кургана Карагодеуашх на Кубани и идентичная ей, но золотая, обкладка боспорского происхождения из гробницы Филиппа II в Виргине (Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991. С. 107; Уильямс, Огден. 1995. С. 176–177). Изображения на них отличаются от таковых на вышеупомянутых горитах, хотя, по-видимому, там также представлены сюжеты Троянского цикла. Тем не менее, композиция и стиль позволяют считать эти изделия одновременными или почти одновременными.

Итак, обе серии памятников – накладки на ножны мечей и накладки на гориты являются составной частью скифского вооружения, но изображают сюжеты греческой мифологии, связанные с Ахиллом и Троянской войной. Кроме того, в двух случаях – в Чертомлыкском и Восьмом Пятибратнем курганах были найдены накладки и на ножны мечей, и гориты. Где же были изготовлены скифские по форме, но греческие по содержанию памятники?

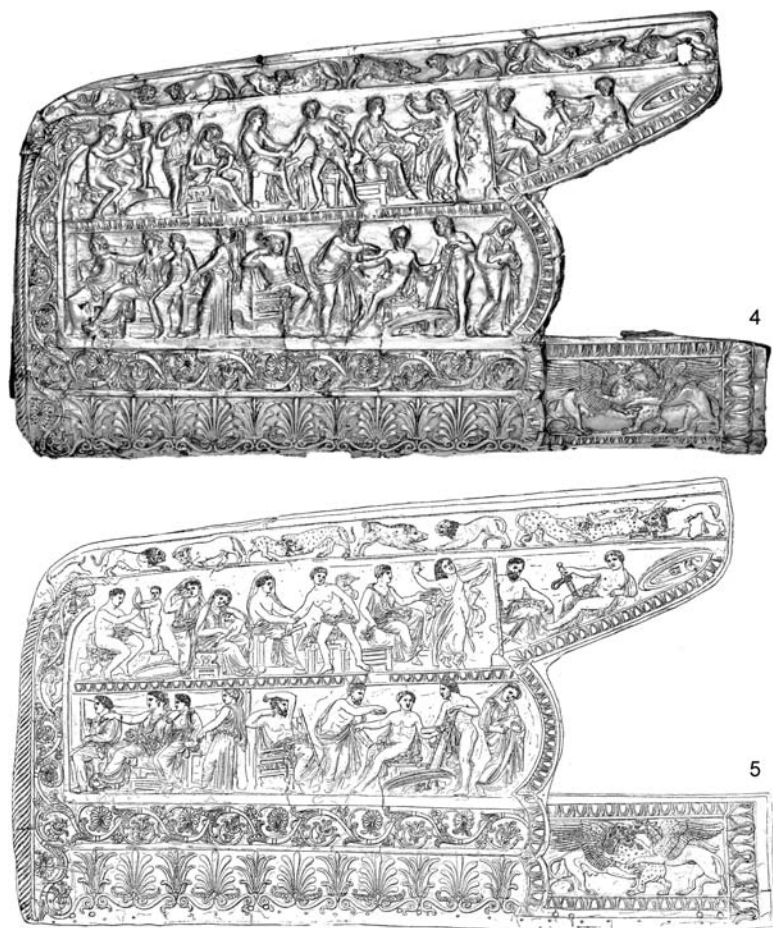

Рис. 2. Накладка на горит из кургана Чертомлык: 4 – фото; 5 – прорисовка

Некоторые исследователи считают, что памятники были выполнены в Греции специально для варваров (Уильямс, Огден. 1995. С. 175–177); однако большинство придерживается той точки зрения, что такие изделия изготавливались в боспорских мастерских местными греческими мастерами (Русяева. 1975. С. 182; Трейстер. 1989. С. 98–99). Вторая точка зрения представляется более убедительной, т.к. наличие подобных мастерских зафиксировано археологически, а все вышеупомянутые предметы найдены в непосредственной близости от Боспора.

Не вызывает сомнений, что мастера, создававшие подобные изделия с греческим сюжетом, должны были быть уверены, что скифский заказчик поймёт и примет такие сюжеты, так как создаваемый образ был известен и грекам, и скифам. По мнению Е. В. Переводчиковой, несмотря на то, что в изделиях представлены сцены из греческой мифологии и эпоса, смысл этих изображений вполне соответствовал скифской идеологии. Данные предметы, вероятно, были созданы греческими мастерами по скифскому заказу, т.к. варварские ремесленники, работавшие с бронзовыми изделиями, не могли выполнять сложные работы по золоту (Переводчикова. 1993. С. 66, 68). Наличие же сюжета, связанного с Ахиллом, на вещах, изготовленных специально для скифской аристократии, можно объяснить тем, что в это время культ героя в Северном Причерноморье переживает расцвет (что подтверждается археологическими данными – подношениями в главном местном святилище Ахилла – на о. Левка (см.: Охотников, Островерхов. 1993. С. 108).

Возможно, такие золотые накладки на оружие изготавливались боспорскими мастерами специально для погребений варварской знати. В пользу такого предположения может свидетельствовать символика на предметах, а именно – образы, отражающие доминирование смерти над жизнью. Во-вторых, подобные изделия относятся к ритуальному облачению скифских царей. Такое оружие, по-видимому, изготавливалось для отправления религиозных церемоний и после смерти владельца проходило последний ритуал – захоронение. При этом оружие само служило объектом поклонения. Свидетельство тому можно найти у Геродота (Herod. IV. 62). Он описывает посвященные скифскому божеству, отождествленному с Аресом, огромные алтари – жертвенники из хвороста. На вершине алтаря водружался железный меч-акинак, служивший символом божества. Именно мечу «ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже ещё больше, чем прочим богам», а также каждого сото-го пленника (Herod. IV. 62). С. С. Бессонова предположила, что культ оружия у скифов развился именно из погребального культа, из почитания оружия умерших воинов-героев (Бессонова. 1983. С. 59).

Сакральный характер мечей подчёркивается тем, что у скифов, вероятно, существовал ритуал изъятия вещей из могил, и в первую очередь – мечей (Кузьмин. 1991. С. 148). Такое изъятие могло происходить тайно и совершаться представителями рода или семьи. Оно, скорее всего, происходило одновременно с другими обрядами, совершаемыми спустя год после смерти царя (Herod., IV, 72).

Оружие с изображением сцен из жизни Ахилла пользовалось популярностью у скифов, что могло иметь место при условии почитания божества, с которым отождествлялся греческий герой. В IV в. до н.э. культ Ахилла в Северном Причерноморье, как было сказано, переживает расцвет, поэтому скифам культ греческого героя-бога, несомненно, был знаком. Причиной появления на скифских накладках греческого героя могли быть определенные ассоциации, соотносившие его с местным богом со схожими функциями. У скифов им мог быть бог Тагимасад, почитаемый царями в качестве родоначальника (Herod. IV. 59). Для Ахилла и Тагимасада могли быть общими такие черты, как хтонизм, связь с водной стихией, с женским божеством (Бессонова. 1983. С. 22; Шауб. 2002. С. 187, 189). Однако неверным было бы считать, что степные кочевники полностью отождествляли Ахилла с Тагимасадом или с другим схожим божеством. Вероятно, любые подобные ассоциации могли иметь место только в среде городского варварского населения, контактировавшего с эллинами. Возможно ещё одно объяснение популярности оружия с изображением Ахилла у скифских вождей. Изображение Ахилла на горитах могло иметь магический характер: пластинами со сценами из жизни Ахилла, непревзойденного воина, погибшего от роковой стрелы, покрывались гориты, предназначенные для хранения лука и стрел. Стрелы, взятые из этих горитов, несли смерть и таким непобедимым героям, каким являлся Ахилл. Этот мотив мог быть близок скифам, которые были известны в античном мире как первоклассные стрелки (Черненко. 1981. С. 85).

Итак, сюжеты из жизни Ахилла характерны для в памятников торевтики, произведённых в Северном Причерноморье. Известно два типа подобных памятников – золотые ножны и золотые обкладки горитов. Обе серии выполнены примерно в одно и то же время боспорскими мастерами и предназначены для царских захоронений. Причинами появления сюжетов с образом героя на оружии являются распространение культа Ахилла в Северном Причерноморье, а также возможное соотнесение греческого героя скифским варварским населением с местным божеством со сходными функциями.

Литература

- А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурзин, Р. Ролле.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991.
- С. С. Бессонова.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Н. Ю. Кузьмин.* Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, методы, цель. СПб., 1991.
- С. Б. Охотников, А. С. Островхов.* Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993.

- Е. В. Переводчикова.* Скифский звериный стиль и греческие мастера // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III археологического семинара. Новочеркасск, 1993. Ч. II.
- Д. С. Раевский.* Эллинические боги в Скифии? // ВДИ. 1980. № 1.
- А. С. Русяева.* Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. Киев, 1975.
- М. Ю. Трейстер.* Матрицы из Пантикапея (к вопросу о боспорской торевтике IV в. до н.э.) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989.
- Д. Уильямс, Дж. Огден.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV вв. до н.э. Каталог выставки. СПб., 1995.
- Б. В. Фармаковский.* Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах // Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1911.
- Е. В. Черненко.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- И. Ю. Шауб.* Ахилл на Боспоре // БФ. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Т. I.

Т. М. Шевченко

Об одном аспекте культа Матери богов в Ольвии

В Ольвии, как и в других античных центрах Северного Причерноморья, Мать богов почиталась со времени основания полиса до первых веков н.э. (Русяева. 1972; Кобылина. 1978. С. 10–13). Наибольшее количество её изображений, выполненных преимущественно в терракоте, датировано эллинистическим временем. Под влиянием традиций разных регионов Эллады, в частности Афин, Родоса и Малой Азии, сформировался тип местных терракот, изображающих сидящую на троне богиню с фиалой в правой руке и тимпаном в левой, а также нередко со львёнком. Такой же она представлена в каменной скульптуре. Фиала символизировала дары земледельческим богиням – приношения в виде плодов и зёрен на блюде или в чаше. Тимпан использовался в ритуалах, где практиковались безудержные танцы. Существует мнение, что, в отличие от духовых инструментов, ударные ассоциировались с иноземными религиозными практиками, мистериальными празднествами (Burkert. 1985. P. 102).

Не менее значимым являлось изображение ещё одного атрибута – львенка. Если в архаический период единственным вариантом было размещение животного на коленях богини, то начиная с эллинистического времени способы его изображения становятся более

разнообразными (Русяева. 1982. С. 86). Возникает вопрос, имел ли этот факт какие-либо предпосылки в мифологической или ритуальной сферах, либо был обусловлен сугубо эстетическими требованиями. В Ольвии известны единичные находки изображений взрослого льва или льва гипертрофированных размеров, сидящего рядом с богиней либо везущего её верхом (Кобылина. 1978. С. 11. Рис. 5, 7, 9; Русяева. 1982. С. 88). Как известно, Мать богов, сидящая на льве, считается «вариантом изображения сирийской Атаргатис, восточной Афродиты», но такого рода изображения были более востребованы в первые века н.э., когда шире, чем раньше, распространялись восточные верования. Другой вариант изображения в терракоте – подлокотники трона в виде лежащих львят (Русяева. 1979. С. 106). Однако в этом случае речь идёт скорее о декоративном значении этих атрибутов. Смысловое же наполнение могли иметь изображения попирающая львенка ногой или обеими ногами. На статуе из Приены ступни Матери богов стоят на спине лежащего льва. Существует мнение, что терракотовые изображения наследовали этому монументальному произведению (Кобылина. 1978. С. 11).

Изображений Матери богов, ноги которой опираются на льва, сравнительно немного. В Ольвии на сегодня известно порядка десяти фрагментов таких терракот. В Научных фондах Института археологии НАНУ хранятся образцы, происходящие из раскопок Л. М. Славина – в домашнем святилище дома в районе агоры, и Е. И. Леви – в ботросе полисного святилища (Леви. 1959; Русяева. 1972. С. 38; Шевченко. 2012. С. 75–76. Рис. 1). На Боспоре яркими находками являются терракоты из раскопок на г. Митридат и в Мирмекии (Кобылина. 1974. С. 51. Табл. 61, 5; Денисова. 1981. С. 53. Табл. XV, а). Крайне суммарно изображалась богиня со львом под ногами на боспорских статуэтках I–II вв. н.э. (Античное... 1999. С. 34. № 50; Данутина. 2011. С. 223. Рис. 1, 1, 2).

Сам сюжет попираения ногами льва выводят из малоазийской религиозной традиции (Денисова. 1981. С. 52, 53). В литературе известны атрибуты льва как астрального символа, благодаря которому Матери богов приписывают функции владычицы небосвода (Кобылина. 1978. С. 10), или всего лишь как символа обеспечения богиней плодovitости стад (Богатова. 1998). Очевидно, непосредственное значение льва – символ власти Матери богов над всей природой. Также очевидно, что лев был самым ярким зловецким символом великого женского божества, воплощаемого Матерью богов (Neumann. 1974). Ф. Ф. Зелинский в символизме льва, особенно в терзании львом быка, видит отображение тайны, которую скрывали инициированные в мистерии в честь Матери богов (Зелинский. 1996. § 11). Для непосвящённых известно было лишь то, что лев подвластен этой богине.

Мать богов не вписывалась в греческую генеалогию: она являлась прародительницей всех богов, владычицей природы и животных (Burkert. 1985. P. 178). Отсутствие родственных связей с другими богами обусловлено заимствованием культа из Фригии. До сих пор остаётся открытым вопрос, воспринимался ли этот культ как иноземный или как собственно греческий (Burkert. 1985. P. 177; Parker. 1997. P. 188–194, 197). Уместно подчеркнуть, что в терракотах рассматриваемый атрибут изображали именно как детёныша льва, то есть менее грозное и хищное существо, спокойно лежащее на коленях богини. Можно допустить, что в таких особенностях воплощался «эллинизированный образ» Матери богов, которая в греческом мире приобрела более гуманные черты.

Таким же покорённым выглядит львенок, попираемый ногами Матери богов. Лев как символ дикой, безудержной природной силы тут покорён социумом, порядком, который представляет увенчанная башенной короной и восседающая на троне богиня. В древнегреческой литературе безудержным и близким природе показывался мир варваров. Возможно, его воплощением было изображение льва. Размещение этого символа в ногах богини, его покорность и прислуживание, могли отображать представления ольвиополитов, а как показывают многочисленные параллели, и других понтийских греков, а особенно боспорян, о месте варваров в эллинском космосе.

Интересно, что на некоторых ольвийских терракотах образ Матери богов с львёнком под ногами дополнен более мелкими фигурами, стоящими и сидящими по обеим сторонам трона (Леви. 1959. С. 12. Рис. 3, 4; 1970. № 18. Табл. 17, 2). На статуэтке из раскопок Л. М. Славина 1959 г. такой сюжет сочетается с львёнком на коленях богини (Шевченко. 2012. С. 76–77. Рис. 2).

Известны также более крупные изваяния, где изображены фигуры, стоящие у трона Матери богов (Кобылина. 1978. С. 12. Рис. 10, 12, 14). Одна из трёх причерноморских известняковых плит с такими рельефами происходит из Ольвии, остальные – из Боспора. Судя по однозначным атрибутам, в этих фигурах следует усматривать Гермеса и Кору-Персефону (Кобылина. 1978. С. 12; Русяева. 1972. С. 39; Русяева. 1979. С. 108, 111). Можно согласиться, что рельефные плиты являются еще одним проявлением хтонизма в культе Матери богов, о котором уже многое сказано (Русяева. 1972. С. 37–39; Русяева. 1979. С. 101, 112). Однако важно подчеркнуть, какие именно черты культа отображали связь с загробным миром.

Оформление плиты из Ольвии напоминает сформированное с эллинистического времени строение надгробий, в то время как боспорские образцы ближе вотивным плиткам, используемым в провинциально-римских культах (Щеглов. 1969). В нижней части ольвийской плиты имеется шип, указывающий на то, что она была ча-

стью большей конструкции. Как известно, наземные погребальные сооружения античных некрополей часто состояли из более грубо обработанного постамента и вычурной верхней части с изображениями и надписями. Не только формальные признаки приближают эту плиту к надгробиям, но и содержание изображений: возле Матери – божество, провожающее умершего в загробный мир (Гермес) и встречающее его там (Персефона).

В произведениях коропластики изображения второстепенных фигур отличаются размерами: они не выше уровня подлокотников трона. Этим они напоминают изображения адорантов возле богов на votивных плитах или возле фигур героизированных предков на надгробиях. С хтонической стороны культа Матери богов был также связан её атрибут – львёнок. Сама фигура этого животного напоминает о классических греческих каменных знаках на могилах: в виде сфинкса или льва (Burkert. 1985. P. 194). Лев под креслом сидящей женщины изображен на нескольких афинских надгробиях V в. до н.э. Одним из вариантов их трактовки является отождествление с могильными маркерами жриц Матери богов (Parker. 1997. P. 346).

Таким образом, хтоническая сторона культа Матери богов в Ольвии отображается в особенностях изображения богини. Очевидно, жители северной окраины ойкумены разделяли представления о варварском мире как «другом», «далеком», «потустороннем», несмотря на то что в реальности он был близко. Votивные терракоты с изображением львёнка в ногах богини отображают представления о торжестве порядка и покорении варварских, безудержных, загробных сил. Такими ольвиополиты хотели видеть варваров в своем космосе, хотя на самом деле последние далеко не всегда были безопасными и контролируемыми. Культ Матери богов обеспечивал преодоление страха перед хаосом, то есть всем, что находится за пределами полиса и за пределами жизни. Нередко в сюжетах, где богиня попирает ногами львёнка, образ могущественной богини дополняют божества, напрямую связанные с подземным царством. Это проводник умерших Гермес и похищенная Аидом Кора-Персефона. Терракотовые votивы в виде восседающей на троне богини с такими атрибутами могли предназначаться как для общественных, так и для домашних святилищ. Среди каменных плит с аналогичными сюжетами форма ольвийской недвусмысленно напоминает надгробие. Интересно, что оба типа культовых вещей в тот же период были распространены и на Боспоре, где отношения с варварами тоже складывались непросто.

Литература

- Античное художественное ремесло в собрании Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля: Каталог. Омск, 1999.
- О. В. Богатова.* Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности: К проблеме религиозного синкретизма в античности. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. СПб., 1998.
- В. И. Денисова.* Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л., 1981.
- Ф. Ф. Зелинский.* Религия эллинизма. Томск, 1996.
- М. М. Кобылина.* Мастерские пантикапейских коропластов // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей. М., 1974. – (САИ Г1–11).
- М. М. Кобылина.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978.
- Е. И. Леви.* Терракоты из цистерны ольвийской агоры // КСИИМК. 1959. Вып. 74.
- Е. И. Леви.* Описание терракот теменоса // Терракоты Северного Причерноморья. Ч. I. М., 1970. – (САИ Г1–11).
- А. С. Русяева.* Культ Кібели в Ольвії // Археологія. 1972. № 7.
- А. С. Русяева.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979.
- А. С. Русяева.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н.э.). Киев, 1982.
- А. С. Русяева.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Т. М. Шевченко.* Матір богів в Ольвійській теракоті елліністичного періоду // Археологія і давня історія України. 2012. Вип. 8.
- А. Н. Щеглов.* Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969. – (МИА № 150).
- W. Burkert.* Greek Religion / J. Raffan (transl.). Cambridge, MA, 1985.
- E. Neumann.* The Great Mother. An Analysis of Archetype. Princeton, 1974.
- R. Parker.* Athenian Religion. A History. Oxford, 1997.

А. А. Голик, С. Н. Ляшко, В. А. Папанова

Домашнее святилище ольвийской усадьбы IV в. до н.э.

В последнее десятилетие возрос интерес украинских и российских исследователей к древнегреческим сакральным комплексам Северного Причерноморья, в том числе и к домашним святилищам. В частности отдельные аспекты, связанные с домашними культами и святилищами неоднократно затрагивались в публикациях М. Ю. Вахтиной, В. В. Крапивиной, В. Н. Зинько, В. Г. Зубарева, В. М. Зубаря, Ю. Н. Кузьминой, А. А. Масленникова, Н. В. Молевой, Ю. А. Мякохода, А. С. Русяевой, Т. Л. Самойловой, И. Ю. Шауба, Т. Н. Шевченко, А. Н. Щеглова и др. Кроме того, четвертая конференция «Боспорского феномена» (2002 г.) непосредственно была посвящена погребальным памятникам и святилищам Северного Причерноморья и Боспора.

Необходимо отметить, что домашние святилища весьма редко выделяются в жилых домах Северного Причерноморья (Крыжицкий. 1971; Крыжицкий. 1993; Крапивина. 2012. С. 183). Это связано с тем, что неизвестно, как выглядели домашние святилища и какие критерии необходимо учитывать при их изучении¹³² (Русяева. 2001. С. 43; Русяева. 2005. С. 180–181; Крапивина. 2012. С. 183).

Древние греки верили в связь человека с окружающим его миром и природой. При этом они понимали, что природа не только добра к ним, но и агрессивна. Поэтому единственным надежным укрытием человека мог быть только дом (Нильссон. 1998. С. 89). По этому поводу Гесиод в «Трудах и днях» писал: «дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно»¹³³ (Hesiod, Opera, vs. 365). Домашние святилища играли важную роль в защите семьи, дома, скота, так как в них умилостивляли и просили помощи у «семейных»¹³⁴ богов.

В этом аспекте вызывает интерес домашнее святилище, раскопанное на приольвийской усадьбе единоличного пользования, датируемой началом – 30-ми гг. IV в. до н.э. (Ляшко, Папанова. 2009. С. 104; Lyashko, Papanova. 2011. P. 211–219). Дом из четырех помещений (№ 10–13) с домашним святилищем был раскопан в северо-

¹³² Ю. Н. Кузьмина к первостепенным критериям эллинских святилищ Боспора в VI–I вв. до н.э. относит – свидетельства литературной традиции, найденные *in situ* эпиграфические памятники, природно-географический фактор, а также местоположение и архитектурный облик святилища (Кузьмина. 2011. С. 9).

¹³³ Перевод см. Гесиод. Полное собрание текстов. Пер. В. В. Вересаева, О. П. Цыбенко. М., 2001.

¹³⁴ О данном термине см. Т. М. Шевченко. 2010. С. 215

восточной части этой усадьбы. Два его помещения № 12 и 13 заглубленные, а два – наземные № 10–11, с каменно-сырцовыми и сырцовыми стенами на глинисто-гумусных цоколях (Рис. 1; 2. 1). В качестве строительного материала использовались полуобработанные и бутовые камни (ракушечник, известняк), окол мрамора. Камни грубо обколоты, плохо выкадрованы и обработаны. Лицевые поверхности подобраны не очень тщательно. Швы между камнями шириной 0,01–0,04 м. Камни кладок уложены на глинистом гумусированном растворе.

Отметим, что строительство наземных и заглубленных помещений на каменных и глинисто-гумусных цоколях с сырцовыми и каменно-сырцовыми стенами на усадьбе началось во второй трети IV в. до н.э. (Ляшко, Папанова. 2009. С. 103; Lyashko, Papanova. 2011. P. 216).

В северо-западной части помещения № 11 выявлены три хозяйственные ямы № 10–12 и небольшой каменный алтарь. Яма № 12 круглая в плане, впущена в материк на 0,84 м. Ее заполнение – рыхлый желто-глинистый грунт. При разборке заполнения обнаружены амфоры середины – третьей четверти IV в. до н.э.: синопская амфора первого типа, нижняя часть средиземноморской (псевдохерсонес) амфоры без ножки с отверстием на тулове, верхняя часть гераклейской амфоры (тип Ia) с дипинти, две нижние части хиосских колпачковых амфор, нижняя часть средиземноморской амфоры, фрагменты амфорных стенок, обломки костей животных, мелкие камни (Ляшко, Папанова. 2008. С. 11–12, 21–22).

Небольшой алтарь неправильной круглой формы был сложен из двадцати трех полуобработанных и бутовых камней (известняк, гранит, галька). Камни в центре алтаря обожжены. Такие примитивные алтари из необработанных камней и галек известны в греческих святилищах (Yavis. 1949. P. 87). В Ольвии алтари из гальки раскопаны на Западном теменосе (Русяева. 1991. С. 133).

В аспекте рассматриваемой темы особый интерес представляет помещение № 12 (Рис. 1; 2. 2), расположенное в северо-западной части дома, с наземными каменно-сырцовыми и сырцовыми стенами (Ляшко, Папанова. 2008. С. 13–14). Внутри помещения выявлен очаг открытого типа, округлый в плане (верхний диам. – 0,59 x 0,65 м, нижний диам. – 0,58 x 0,6 м) и заглубленный в материк на 0,04 м от уровня пола. Очаг имел сырцовый, слабо обожженный под слегка конусовидной формы.

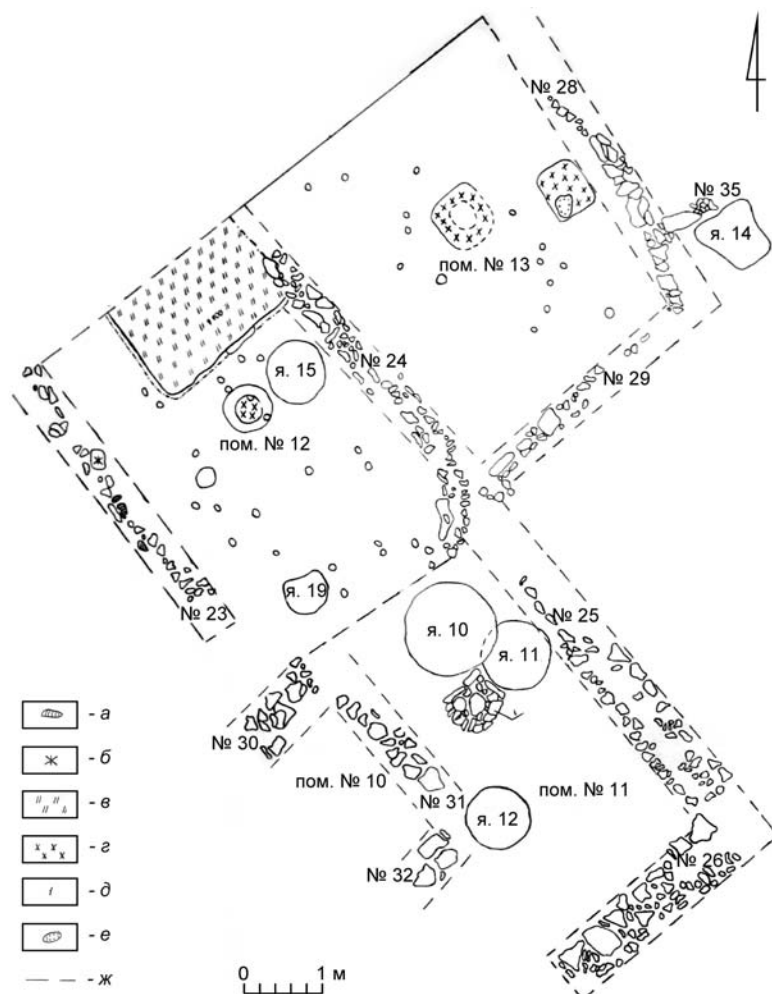

Рис. 1. Приорьевская усадьба IV в. до н. э. Дом со святилищем. План. Условные обозначения: а – керамика; б – жёрнов; в – глинобитная площадка; г – очаг; д – алтарь; е – сырец; ж – условные границы помещений

В этом помещении раскопаны две хозяйственные ямы (№ 15 и 19) и двадцать шесть овальных ямок разной глубины. Яма № 15 (диам. устья – 0,6 м) находилась под восточной стенкой (кладка № 24), которая ее перекрывала на треть. Заполнение ямы – рыхлый золи-

стый грунт с незначительным материалом (фрагментированный красноглиняный кувшинчик, красноглиняное дно от большого кувшина, фрагменты амфорных стенок, сероглиняного, кухонного и лепных сосудов, кости животных, мелкий бут) (Ляшко, Папанова. 2008. С. 23).

Яма № 19 (диам. устья – 0,18 м) необычной конструкции выявлена в юго-западной части помещения. Ее устье ограждала каменная стеночка, сложенная из мелкого известнякового бута. Заполнение – рыхлый желтоглинистый грунт без материала. Не исключено, что данная яма могла служить ботросом (Ляшко, Папанова. 2009. С. 23–24).

В северо-восточном углу помещения № 12 раскопана глинобитная прямоугольная площадка, выступающая над уровнем пола на 0,25 м, вытянутая по линии юго-запад–северо-восток (Рис. 2. 2). Сверху её дополнительно промазали жидкой глиной, а с запада, юга и севера облицевали сырцовыми валиками. Размеры площадки – 1,95 x 1,5 м. Аналогичные глинобитные площадки раскопаны в Тире в доме I–Ф, датируемом IV–II вв. до н.э., которые интерпретированы как жертвенники (Фурманська. 1962. С. 124; Самойлова. 1988. С. 22; 2002. С. 15).

В помещении № 12 по углам на уровне пола *in situ* выявлены сосуды, оставленные после жертвоприношений и возлияний (Ляшко, Папанова. 2008. С. 14). В юго-восточном углу обнаружены три лопатки крупного рогатого скота, поверх которых лежали псевдохерсонесская амфора второй четверти IV в. до н.э., а вокруг нее обломок каменного растиральника и два камня. Здесь же – развал амфоры типа Менде (мелитопольский вариант) середины – третьей четверти IV в. до н.э. и нижняя часть хиосской колпачковой амфоры, укрепленная снизу обломком другого растиральника. В нижней части хиосской колпачковой амфоры находился красноглиняный кувшин. В северо-восточном углу (под южной стенкой глинобитной площадки) лежал серолощённый кувшин с округлым туловом без ручки на низкой кольцевой подставке IV до н.э., а с южной стороны от него – лопатка крупного рогатого скота и камень (Рис. 2. 2).

В юго-западной части помещения (к северу от дверного проема) раскопана нижняя часть амфоры без ножки. В северо-западной части помещения (впритык к западной стенке) обнаружена нижняя часть амфоры неизвестного центра, внутри которой находился обломок растиральника и аналогичный предмет подпирал ее с востока. С запада от нее впритык лежал серолощённый кувшин с конусовидным туловом, с широким горлом с рельефными полосами на низкой кольцевой подставке. Кроме того, в северо-западном углу помещения найдена археологически целая краснофигурная микрокальпида с меандровым узором на тулове и волютами на плечиках IV в. до н.э.

Рис. 2. Дом со святилищем: 1 – вид с севера; 2 – помещение № 12, вид с юго-востока; 3 – деталь

Все сосуды, оставленные под восточной стенкой помещения № 12, лежали горлом на восток, а под западной стенкой – на север.

В помещении № 13 под восточной стенкой выявлены печь, сложенная из сырцовых кирпичей, и очаг открытого типа с прямоугольным глинобитным подом. В восточной стенке с внутренней стороны в основании кладки № 28 были орфостатно установлены на ложках три каменных жертвенника, которые использовали вторично в виде оберегов. Первый жертвенник – алтарь варианта I а (Папанова. 2004. С. 190; 2006. С. 147) из архитектурной детали имел две чаши фиалообразной формы со стоками по ложковой стенке. Второго жертвенника аналогичного первого, но сделанного более небрежно. Контуры фиалообразной чаши только намечены, а сток из чаши вырезан по постелистой и ложковой стенкам. Третий жертвенник – алтарь варианта I б (Папанова. 2006. С. 147. Рис. 72) с чашами квадратной формы, с омфалами по центру и со стоками по постелистой и ложковой стенкам (Ляшко, Папанова. 2008. С. 15–18).

Главным элементом «семейной» религии, связанным с семьей и домом, являлся очаг, который отождествлялся с богиней Гестией (Русяева. 2001. С. 43; Шевченко. 2010. С. 145), которая по воле Зевса заняла место в каждом доме в виде очага (Ном. Нумм. IV, 21–31). Вполне вероятно, что возле трёх очагов, выявленных в доме, молились этой богине, возвращаясь домой, во время свадеб, рождения детей, первой называли ее в клятвах и молитвах.

Возле алтаря в помещении № 11, по всей видимости, совершались жертвоприношения и возлияния в честь Зевса Геркея как защитника дома и семьи (Нильсон. 1998. С. 91; Русяева. 2001. С. 49).

Отметим еще одну находку на усадьбе, связанную с жертвоприношениями. Это небольшая чашечка от керноса. Чашечки керноса заполнялись фруктами, вином и маслом, а в центре ставился светильник. Такие дары на керносе приносили и умершим на третий день Анфестерий.

Таким образом, в данном доме находилось домашнее святилище (помещение № 12). Однако жертвоприношения совершались не только в нем, но и возле алтаря и очагов. Почитание богов, покровителей дома и семьи, сопровождалось совершением культовых обрядов, которые являлись неотъемлемой частью повседневной жизни жителей ольвийской усадьбы.

Литература

В. В. Крапивина. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // БИ. 2012. Вып. XXVI.

- С. Д. Крыжицкий.* Жилые ансамбли древней Ольвии. К., 1971.
- С. Д. Крыжицкий.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. К., 1993.
- Ю.Н. Кузьмина.* Эллинские святилища Боспора в VI–I вв. до н.э. (по материалам раскопок сакральных комплексов Азиатского Боспора). Автореферат дисс. на соискание ученой степени к.и.н. М., 2011.
- С. Н. Ляшко, В. А. Папанова.* Ольвийская усадьба IV в. до н.э. // Старожитности Степового Причерномор'я і Криму. Запоріжжя, 2009. Вип. XV.
- М. Нильссон.* Греческая народная религия. СПб., 1998.
- В. А. Папанова.* Алтари некрополя Ольвии // Старожитності Степового Причерномор'я і Криму. Запоріжжя, 2004. Вип. XI.
- В. А. Папанова.* Урочище Сто могил: некрополь Ольвии Понтийской. К., 2006.
- А. С. Русяева.* Исследования западного теменоса в Ольвии // ВДИ. 1991. № 4.
- А. С. Русяева.* Домашні святилища і культу в античних містах Північного Причерномор'я в VI–II ст. до н.е. // Археологія. 2001. № 2.
- А. С. Русяева.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. К., 2005.
- Т. Л. Самойлова.* Тира в VI–I вв. до н.э. К., 1988.
- Т. Л. Самойлова.* К вопросу о культовых сооружениях Тира // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб., 2002.
- А. І. Фурманська.* Розкопки Тіри в 1958 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. II. К., 1962.
- Т. М. Шевченко.* Домашні святилища у північно-східному районі Херсонеса // БИ. 2010. Вып. XXIII.
- S. Lyashko, V. Papanova.* Olbio Estate of the 4-th century B.C. // PONTIKA 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Oxford: BAR International. – Series 2240, 2011.
- Ph. D. Yavis* Greek Altars. Origin and Typology // Archaeological Study in the History of Religion. St. Louis University Press, 1949. № 86. – (St. Louis University Studies, Monograph Series. Humanities, No. 1).

Архивные материалы

- С. Н. Ляшко, В. А. Папанова.* Отчёт. Охранные раскопки участка «Усадьба» (юго-западная часть некрополя Ольвии) // НА ИА НАНУ. К., 2008/1 г.
- С. Н. Ляшко, В. А. Папанова, П. А. Назаров.* Отчёт. Охранные раскопки на участке «Усадьба» (юго-западная часть некрополя Ольвии) в 2009 г. // НА ИА НАНУ. К., 2009/7 г.

И. А. Снытко

Погребальные сооружения некрополей хоры Ольвии VI–III вв. до н.э.: этнокультурный и социальный аспекты

В Нижнем Побужье, на исторически сложившейся территории сельской округи Ольвии (Крыжицкий и др. 1989. С. 8–9; Буйских. 2009. С. 225; Снитко. 2012 а. С. 31–42), к настоящему времени зафиксировано и частично исследовано 14 некрополей позднеархаического и раннеклассического времени VI–V и 12 могильников IV–III вв. до н.э. (Снитко. 2009; Снытко. 2011; Снитко. 2012. С. 165). В ходе многолетних работ исследовано более 500 захоронений VI–III вв. до н.э., существенно дополнивших информацию о погребальном обряде, культуре и социальном составе населения сельской округи этого времени.

Погребальные сооружения некрополей хоры Ольвии VI–III вв. до н.э. представлены тремя основными типами – ямы, подбой и земляные склепы.

Ямные могилы, составляющие более половины всех известных захоронений, в свою очередь, по определённым признакам распределяются на пять подтипов:

1. Узкие, подпрямоугольные в плане ямы, как правило, ориентированные широтно, имеющие обычно размер 1,8–2,0 x 0,7–1,0 м (в зависимости от роста погребённого) и глубину 2,0–2,5 м от современной дневной поверхности, без дополнительных конструкций. Применялись в VI–III вв. до н.э.

2. Узкие подпрямоугольные ямы, преимущественно ориентированные широтно, по размерам и глубине аналогичные предыдущему подтипу. Могилы имели каменные, либо деревянные перекрытия. Иногда использовалась забутовка могилы известняковым камнем. Известны на протяжении VI–III вв. до н.э.

3. Ямы, по форме, ориентации и размерам аналогичные предыдущим, борта которых облицованы известняковым камнем, иногда тщательно обработанным, по типу квадр (так называемые «каменные гробницы»). Известны на протяжении VI–III вв. до н.э.

4. Большие широкие подпрямоугольные в плане ямы, ориентированные преимущественно широтно. Наибольшие имели размеры 2,5–3,0 x 1,0–1,5 м и глубину 2,0–3,0 м. Зафиксированы различные варианты таких ям по размерам, когда могильные сооружения готовились для детей и подростков (Снитко. 2011. С. 16). Для перекрытия могил, в основном, использовалось дерево и реже – известняковый бут. Как в Ольвии (Козуб. 1987. С. 9–30; Скуднова. 1988. С. 7) и

на Березани (Капошина. 1956. С. 220; Лапин. 1966. С. 227; Копейкина. 1980. С. 104), так и на сельских некрополях они характерны только для позднеархаического и раннеклассического времени (Снитко. 2011. С. 16). В Северном некрополе у с. Прибугское исследовано 69 широких прямоугольных ям (Снитко. 2011. С. 16).

5. Ямы, по форме, ориентации и размерам аналогичные подтипу 4, перекрытые курганными насыпями. Имели одноярусные, а иногда и двухъярусные деревянные перекрытия. Нижний ярус, вероятнее всего, имитировал саркофаг. Реже для перекрытий использовались известняковые камни. В отдельных случаях для укрепления курганных насыпей и в апотропеических ритуальных целях возводились каменные кромлехи. Такой тип захоронения использовался только в VI–V вв. до н.э. (Снитко. 2011. С. 11–22). На сельских могильниках исследовано 38 подкурганных ямных могил.

Подбойные могилы. Конструкция состояла из входной ямы и подбоя, устроенного в продольной стенке входного колодца. Размеры входных ям (1,8–2 x 1–1,2 м) и подбоев приблизительно одинаковы. Глубина – 1,5–2,5 м от современной дневной поверхности. Кроме стандартных подбойных могил – больших и глубоких, встречаются сооружения средних и малых размеров, где были захоронены дети и подростки. Ориентация подбоев и входных ям широтная, иногда с незначительными отклонениями. Входы в подбои в большинстве случаев перекрывались каменными закладками. Зафиксированы амфорные и комбинированные с ними перекрытия (Снитко. 2009. С. 28). Большинство подбоев являются одиночными захоронениями. Однако, как и в Ольвии, иногда в них были зафиксированы по два и более костяка (Снитко. 2009. С. 29). Над некоторыми подбойными могилами возведены небольшие курганные насыпи. Традиция погребения в подбоях известна в Ольвии с последней трети VI – самого начала V в. до н.э. (Козуб. 1987. С. 33; Папанова. 2006. С. 92), где уже в первой половине столетия они составляли 33 % всех захоронений (Козуб. 1974. С. 12). На сельских некрополях обряд захоронения в подбоях фиксируется с конца второй четверти – середины IV в. до н.э. (Снитко. 2009. С. 28).

Земляные склепы состояли из дромоса и погребальной камеры. Ориентация конструкций в основном широтная. Дромосы ступенчатые или в виде наклонного пандуса. Камеры почти всегда были продолжением дромосов по форме и ориентации. Обычная глубина склепов – 2,5–3,0 м от современной дневной поверхности. Входы в камеры перекрывались сырцовыми либо каменными закладками (Снитко. 2009. С. 30). Размеры камер различны, в зависимости от числа захороненных в них людей. Земляные склепы служили семейными усыпальницами и были прототипом монументальных каменных склепов, появившихся в некрополе Ольвии в эллинистическую

эпоху (Козуб. 1974. С. 17; Папанова. 2006. С. 116). Земляные склепы зафиксированы не на всех некрополях. Их найдено только 14 на четырёх могильниках. Почти над каждым земляным склепом была возведена небольшая курганная насыпь. В Ольвии земляные склепы появляются с начала IV в. до н.э. (Козуб. 1974. С. 15–17. Рис. 3). Самые ранние сооружения этого типа датируются рубежом V–IV вв. до н.э. (Папанова. 2006. С. 102). Земляные склепы на некрополях хоры появляются только во второй половине IV в. до н.э. и в большинстве относятся к последней четверти IV – первой половине III в. до н.э. (Снитко. 2009. С. 30).

В позднеархаическую и раннеклассическую эпоху на сельских некрополях единственным типом погребального сооружения была яма в различных вариациях, соответствующих имущественному и социальному положению умерших. Беднейшее и рядовое население хоры захоранивалось в ямах первых трёх подтипов. Среди населения средней зажиточности, как и в некрополе Ольвии, были популярны большие широкие ямы с деревянными перекрытиями либо каменной забутовкой (подтип 4), о чём свидетельствует и весь связанный с ними комплекс погребальной церемонии. Над отдельными большими прямоугольными ямами (подтип 5) возводились курганные насыпи, изредка с дополнительной конструкцией в виде каменного кромлеха. Эти могилы, безусловно, принадлежали представителям высшей социальной и имущественной категории колониального населения хоры (Снытко, Липавский. 1990. С. 139; Снитко. 2011. С. 19).

В первой половине IV в. до н.э. ямы продолжают оставаться единственным типом погребального сооружения на некрополях сельской округи Ольвии, что, возможно, свидетельствует об изначальной социальной и имущественной однородности контингента населения, участвовавшего в процессе внутренней колонизации территории полиса на новом этапе, интенсивно начавшемся на рубеже V–IV вв. до н.э. (Крыжицкий и др. 1989. С. 99; Буйских. 2009. С. 230; Снытко. 2011 а. С. 464–471). Подбойные захоронения появляются лишь во второй четверти – середине IV в. до н.э. Следует отметить, что подбойные могилы различаются и по монументальности сооружения, иногда с возведением курганных насыпей. Данный факт подтверждает различие материальных возможностей у семей тех, кто был захоронен в различных по сложности обустройства подбоях.

В последней трети IV в. до н.э. на сельских могильниках появляется самый сложный тип погребального сооружения – земляные склепы. Почти над каждой такой могилой была возведена курганная насыпь. Сооружение земляных склепов в это время свидетельствует о выделении высшей социально-имущественной категории в среде отдельных ольвийских сельских общин.

Разновременное появление сложных погребальных конструкций (подбои, земляные склепы) на некрополях хоры Ольвии свидетельствует о постепенности процесса социально-имущественной дифференциации в среде сельского населения Ольвийского государства на протяжении IV в. до н.э.

На сельских кладбищах пока не зафиксированы каменные склепы, характерные для некрополя Ольвии эллинистического времени. Объяснением этому может быть вероятное отсутствие среди жителей периферии представителей наивысшей полисной знати. Не исключено, что известнейшие ольвийские аристократические кланы, имея земельные участки на хоре, и постоянно проживая в городе, предоставляли свои земельные владения в аренду, либо вели хозяйство, целиком используя труд сельскохозяйственных рабов – ойкетов. Именно с таким способом ведения хозяйства, на наш взгляд, возможно, связано и появление на хоре т.н. «коллективных» усадеб в последней четверти IV в. до н.э., отличающихся от индивидуальных усадеб бедностью и однообразием (Крыжицкий и др. 1989. С. 102–103; Буйских. 2009. С. 233).

Типы погребальных сооружений сельских некрополей по своим особенностям и технологии обустройства полностью аналогичны известным ольвийским, что свидетельствует о единых с городом традициях и эллинской культуре населения хоры в VI–III вв. до н.э.

Литература

- С. Б. Буйских. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2009. Т. XV.
- С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1956. № 50.
- Ю. И. Козуб. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н.е. Київ, 1974.
- Ю. И. Козуб. Погребальные сооружения Ольвии и её округи // Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время. Киев, Наукова думка, 1987.
- Л. В. Копейкина. Исследования архаического некрополя Березанского поселения // АИУ в 1978–1979 гг. Тезисы докладов XIII конференции ИА АН УССР. 1980.
- С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешко. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- В. В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- В. А. Папанова. Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской. Киев, 2006.
- В. М. Скуднова. Архаический некрополь Ольвии. Л., Искусство, 1988.
- І. О. Снитко. Поховальний обряд населення хори Ольвії IV–III ст. до н.е. // Археологія. 2009. № 3.

- І. О. Снитко.* Підкурганні поховання некрополів хори Ольвії VI–V ст. до н.е. // Археологія. 2011. № 1.
- І. А. Снытко.* Проблемы реколонизации хоры Ольвии рубежа V–IV вв. до н.э. // БФ. Население, языки, контакты. СПб., 2011.
- І. А. Снытко.* Древнегреческие некрополи Нижнего Побужья IV–III вв. до н.э.: особенности исторической топографии, характер и структура // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь. 2012.
- І. О. Снитко.* Ще раз про межі Ольвійського поліса // Археологія. 2012. № 4.
- І. А. Снытко, С. А. Липавский.* Античные сельские некрополи VI–V вв. до н.э. в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990.

А. В. Ивченко

Земляной склеп из некрополя Ольвии эллинистического времени

Земляной склеп № 2 2010 г. был обнаружен в юго-восточной части раскопа Северный мыс 1. Этот раскоп находится на естественном мысу западного склона Заячьей балки, уже существовавшего в античное время и расположенного чуть ниже ее верховьев. При этом близость этого мыса к территории городища, возможность визуального контроля над ним со стен города, вариативность ведущих к нему путей сообщения (добраться до него можно было как от Северных, так и от Западных ворот), определили его значимость и активное использование на всем протяжении жизни ольвийского полиса. Характер этого использования менялся в зависимости от тех целей и задач, которые были вынуждены ставить перед собой обитатели Ольвии.

Археологические объекты, расположенные на территории раскопа Северный мыс 1, можно разделить на две основные категории. Первые – поселенческие. Они связаны с предместьем Ольвии, которое упоминается еще Геродотом (Козуб. 1979. С. 3–34). Соответствующий ему археологический материал достаточно надежно атрибутирован Ю. И. Козуб (Козуб. 1980. С. 108; Козуб. 2003. С. 21). Предмесье появляется на рубеже VI–V вв. до н.э. в результате концентрации населения в пределах социального пространства, существовавшего на тот момент и четко определённого топографически, и, самое главное – управленчески. Есть основания предполагать, что до возникновения предмесья на рассматриваемой территории совершались захоронения. Однако активная хозяйственная деятельность ольвиополитов в дальнейшем привела к их разрушению, вследствие

чего информативность этих археологических объектов крайне незначительна (Ивченко. 2010. С. 147–148).

Преращение использования этой территории в качестве жилой площадки связывается с походом Зопириона (Козуб. 2003. С. 124–125). С этого момента здесь начал функционировать один из участков некрополя, который эксплуатировался жителями Ольвии практически до конца времени её существования.

Погребальные сооружения на данном раскопе представлены тремя основными типами, характерными для ольвийского некрополя римского и эллинистического времени, – простые грунтовые ямы, подбойные могилы и грунтовые склепы. Однако встречаемость двух первых типов имеет свою специфику относительно остальной части некрополя. В количественном отношении они суммарно уступают склепам. При этом подбойные захоронения встречаются исключительно как впускные в дромосы склепов. Ямные погребения малочисленны и малоинформативны. Единственным инвентарным среди них является погребение римского легионера (Крапивина, Ивченко. 2010. С. 237). Остальные представляют собой человеческие костяки, положенные в неглубокие ямы преимущественно неправильной формы, или в старые хозяйственные ямы, часто на момент захоронения не до конца засыпанные или заплывшие грунтом.

Таким образом, основным типом погребальных конструкций на раскопе Северный мыс 1 являются грунтовые склепы, появляющиеся здесь в раннеэллинистическое время и бытующие на всем протяжении существования некрополя. Ко времени развитого эллинизма относится склеп № 2, найденный в 2010 г. Склеп был разграблен в древности, но, несмотря на это, из него происходит интересный набор керамических сосудов местного производства (Ивченко. 2011. С. 147–148). Сами сосуды подробно рассмотрены в статье О. Е. Буравчук, публикуемой в настоящем сборнике, поэтому основная цель данной работы – публикация конструктивных особенностей самого сооружения.

Склеп состоял из дромоса, каменного заклада и камеры. Камера была ориентирована на северо-восток, вход в дромос находился с её юго-западной стороны. Склеп был как минимум один раз ограблен, грабительский ход сверху вёл в переднюю часть камеры. Дромос (Рис. 1. 1) был вырыт в рыжем материковом суглинке и имел вытянуто-прямоугольную форму (длина от начала до каменного заклада 5,30 м, ширина 1,37 м у входа и 1,15 м у заклада). Стенки его практически отвесные, неровные. Он состоял из десяти ступенек и пандуса. Все ступеньки прямоугольные, ширина каждой из них одинакова на всем ее протяжении. Внешние стенки ступенек покатые, плавно переходящие в следующую ступеньку. Глубина дромоса возле начала заклада 2,76 м от уровня выявления.

В пёстром рыхлом мешаном супесно-суглинистом заполнении было встречено большое количество разновременного материала, датирующегося в пределах V–IV – II в. до н.э. Особо надо отметить бронзовую ольвийскую монету 180–170 гг. до н.э., пять небольших (размером 0,7–0,8 x 0,7–0,8 см) бронзовых пластинок, покрытых желтым металлом, и две полихромные бочонковидные бусины, которые наиболее характерны для IV в. до н.э. (Алексеева. 1978. С. 34–35).

Заклад двухслойный, по фронту имеет длину 1,19 м со стороны дромоса и 1,14 м со стороны камеры. Его ширина 0,79 м в северной части и 0,93 м в южной. Высота заклада 0,45–0,48 м со стороны дромоса и 0,56–0,77 м со стороны камеры. Он лежит на земляном порожке высотой 0,36–0,40 м со стороны дромоса и 0,22 со стороны камеры. С этой стороны в северной части порожка сделано небольшое углубление длиной 0,36 и высотой 0,16 м. Сложен из крупных необработанных камней. Со стороны дромоса прослеживаются три горизонтальных ряда заклада, со стороны камеры – шесть. Размеры камней в среднем 0,44 x 0,22; 0,38 x 0,18 и 0,38 x 0,30. Промежутки между крупными камнями заложены бутом.

Относительно камеры дромос был сдвинут к югу: его юго-восточная стенка с небольшим отклонением переходила в юго-восточную стенку камеры. Камера имела подквадратную форму и была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Размеры её 2,67–2,37 x 2,60–2,44 м. Высота двух сохранившихся углов камеры 1,14 и 1,20 м, высота свода по центру тыльной стенки – 1,29 м.

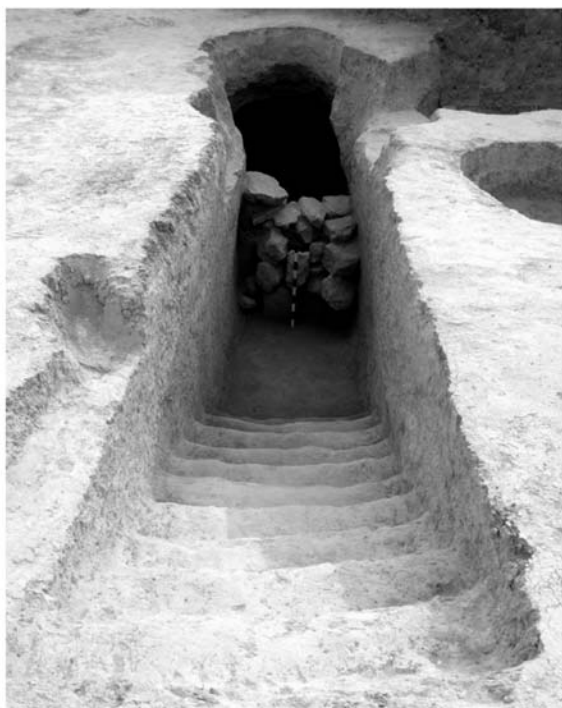
Верхняя часть заполнения камеры мешанная, состоявшая из рыхлой гумусированной супеси и суглинка. В ней встречалось большое количество полуистлевшего дерева и отдельные ломанные человеческие кости, а также мешанный разновременной материал, в целом соответствовавший материалу из заполнения дромоса. Среди мелких человеческих костей, найденных в камере, некоторые принадлежали крупному массивному мужчине.

В полу камеры попарно были сделаны 4 ровика, перпендикулярные продольной оси погребения (Рис. 1. 2). Стенки всех ровиков отвесные, неровные, дно плоское. В ровиках и между ними, а также вдоль стенок камеры зафиксированы многочисленные фрагменты дерева (в том числе плахи), белая подсыпка и отдельные бронзовые и железные гвозди, которые маркируют наличие деревянных конструкций в погребении. Очевидно, этим же конструкциям (саркофагам?) принадлежали найденные на уровне дна захоронения свинцовые ручки-скобы (целые и фрагментированные) и пять резных деревянных накладок-аппликаций (подобные рельефные украшения саркофагов, только гипсовые и терракотовые, хорошо известны на Боспоре) (Ворошилова. 2012. С. 81–89).

Найденная в захоронении посуда (см. статью О. Е. Бурав-чук), кроме двух целых амфорисков, в большинстве своем представлена развалами очень плохо обожжённых или просто высушенных на солнце красно- и сероглиняных сосудов (преимущественно курильниц), покрытых полихромной росписью. Интересно отметить, что между фрагментами одного из развалов расписной сероглиняной курильницы было найдено большое количество компактно лежавших золы и угля. Помимо сосудов, к находкам, изготовленным из необожжённой или плохо обожжённой глины, можно отнести одиннадцать сферических бусин диаметром 0,5–0,7 см, найденных в разных частях камеры.

Ввиду сильной степени потревоженности камеры, остальной погребальный инвентарь также сохранился очень плохо и фрагментарно. К украшениям и предметам личного обихода можно отнести бронзовое овальной формы навершие рукояти ножа, два фрагмента лезвия железного ножа, обломок костяного веретена длиной 2,1 см, шесть небольших костяных муфт, одна из которых сохранилась целиком, а остальные – наполовину, округлую вставку из белого матового стекла диаметром 1,2 см и высотой 0,6 см, два полукруглых фрагмента профилированной деревянной крышки от пиксиды диаметром 2,7 см и высотой 0,9 см, две раковины (каури и рапан). Среди прочих находок можно назвать два бронзовых дельфина, не поддающиеся точной датировке (вероятно, попавшие в камеру при заплывании грабительского хода), две половинки железного кольца, фрагмент деревянной втулки и цилиндрическое изделие из мрамора, с одного конца обломанное, с другого – округлое, сферической формы. Его длина 12,4 см, диаметр на сломе 3,6 см, на уцелевшем конце 2,3 см.

Исходя из датировок сосудов, встреченных в данном погребении, этот склеп можно датировать концом III – первой половиной II в. до н.э. В целом его ориентировка, конструкция и погребальный инвентарь соответствуют комплексам эллинистического времени, найденным как на раскопе Северный мыс 1, так и на ольвийском некрополе вообще. Особый интерес в данном случае представляет набор керамических сосудов с богатой росписью и некачественным обжигом, изготовленных, очевидно, исключительно в погребальных целях.

1

2

Рис. 1. Некрополь Ольвии. Земляной склеп эллинистического времени: 1 – дромос и заклад; 2 – дно погребальной камеры

Литература

- Е. М. Алексеева.* Античные бусы Северного Причерноморья. М. 1978. – (САИ. Г-1-12).
- О. М. Ворошилова.* Рельефные украшения деревянных саркофагов Фанагории // РА. 2012. № 2.
- А. В. Ивченко.* Раскопки некрополя Ольвии // АДУ за 2010 р. Київ–Полтава, 2011.
- Ю. І. Козуб.* Передмістя Ольвії // Археологія. 1979. Вип. 29.
- Ю. І. Козуб.* Исследования предместья и некрополя Ольвии // Археологические исследования на Украине в 1978–79 гг. Тезисы. Ужгород. 1980.
- Ю. І. Козуб.* Розкопки передмістя та некрополя Ольвії в 2001 р. // Археологічні відкриття 2001–2002. Вип. 5. К., 2003.
- Ю. І. Козуб.* Розкопки передмістя та некрополя Ольвії в 2002 р. // Археологічні відкриття 2001–2002. Вип. 5. К., 2003.
- В. В. Крапивина, А. В. Ивченко.* Новые находки на участке Северный мыс 1 некрополя Ольвии // АДУ за 2009 р. Київ, Луцк, 2010.

О. Е. Буравчук

Расписная керамика эллинистической эпохи из земляного склепа Ольвии

Местная керамика городов Северного Причерноморья все чаще привлекает к себе внимание исследователей. Основные черты местной керамики Ольвии определены Э. Р. фон Штерном, Т. Н. Книпович, М. Б. Парович-Пешикан и К. И. Зайцевой. Ими опубликованы сосуды различных форм, найденные на территории раскопа «И» и некрополя Ольвии, хранящиеся в собраниях Государственного Эрмитажа, музеев Одессы, Киева, Николаева и Херсона. Большинство сосудов, изданных исследователями, найдены на некрополе Ольвии, но иногда установить происхождение сосудов крайне трудно – это покупки и подарки меценатов конца XIX – начала XX в. Иногда место и обстоятельства находки неясны по причине утери документов и паспортов сосудов. Однако по глине и технике обработки поверхности эти сосуды схожи с паспортизированными находками из Ольвии, так что не вызывает сомнения их ольвийское происхождение. К сожалению, так и не вышла монография по диссертации К. И. Зайцевой, где наиболее полно рассмотрены комплексы земляных склепов Ольвии с наборами местной расписной керамики эллинистического времени, но часть сосудов были изданы ею в отдельных статьях и публикациях.

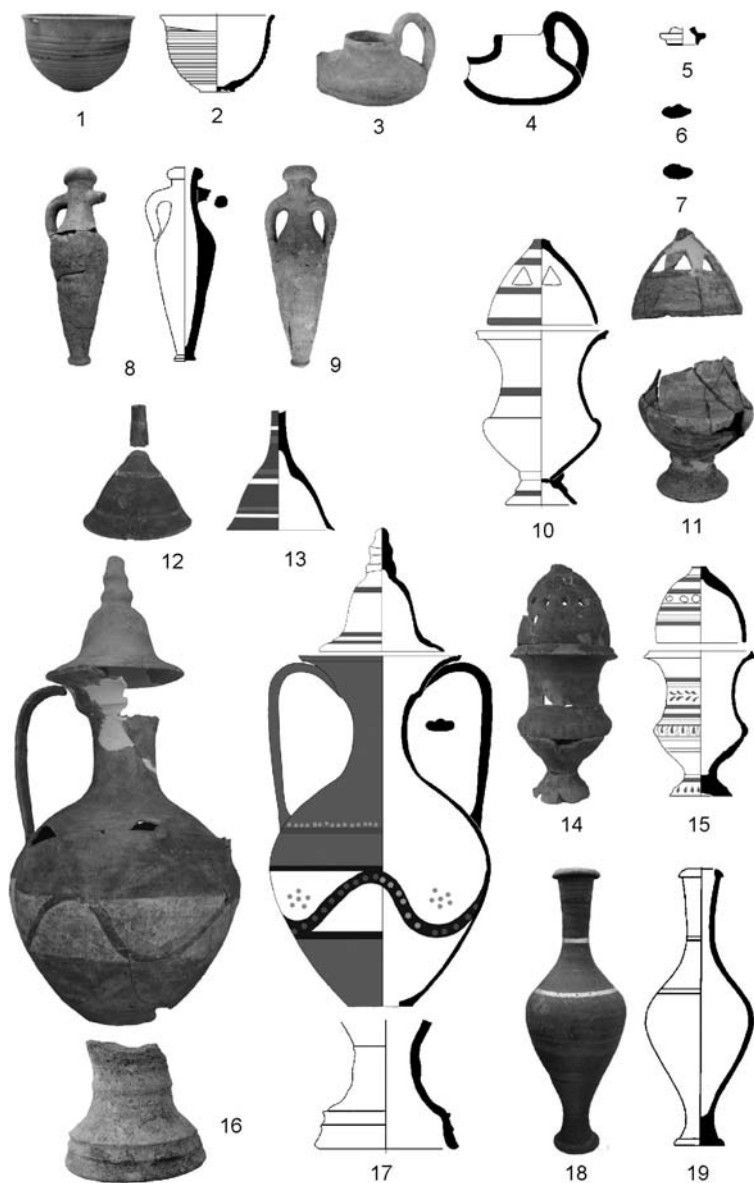

Рис. 1. 1–2 – чаша; 3–4 – светильник; 5 – крышка сырцовой пиксиды; 6–7, 12–13, 16–17 – амфоры: 6–7 – ручки, 12–13 – крышки, 16–17 – с крышкой и подставкой; 8–9 – амфориск; 10–11, 14–15 – курильницы с крышкой; 18–19 – бальзамарий

Последние находки склепов с комплексами местной эллинистической керамики были обнаружены в начале XX века. Тем более интересен земляной склеп сезона 2010 г. (Северный мыс 1, погр. 2) с богатым набором местной расписной керамики эллинистического времени.

Земляной склеп располагался в квадратах 34, 35 и 40. Камера ориентирована на северо-восток, вход в дромос с юго-западной стороны. Данное погребение было ограблено ещё в древности, о чем говорит характер разрушения склепа и наличие разновременного материала в заполнении дромоса и верхней части камеры, а также плотный слоистый затёк, перекрывающий придонную часть склепа. Склеп предназначался для захоронения двух человек, погребённых в деревянных украшенных расписными деревянными накладками саркофагах со свинцовыми ручками. По данным антропологии, один из них, был, скорее всего, крупный мужчина. Определить гендерную принадлежность второго погребённого не представляется возможным из-за крайней фрагментарности найденных костей.

Интересующая нас керамика находилась в придонной части склепа, ниже уровня плотного затёка, располагаясь несколькими крупными скоплениями между остатками саркофагов, в ровиках от их ножек и под стенками склепа. Большая часть керамики слабо или совсем не обожжена.

Керамический комплекс склепа состоял как из импортной керамики, так и керамики местного производства. К импортной керамике относится сероглиняный расписной бальзамарий (О-2010/Некр/266), относящийся к IV типу по М. Б. Парович-Пешикан (Парович-Пешикан. 1974. С. 110). Этот тип бальзамария типичен для ольвийского некрополя, хотя сосуды подобного типа встречаются по всему Средиземноморью. Плотный черепок указывает на то, что бальзамарий был хорошо обожжен. По горлу и плечам он украшен двумя горизонтальными полосами белого цвета. Сосуд был заполнен пеплом и органическими остатками. Ближайшая аналогия – сосуд из мог. 109/1901 г.

Среди местной керамики хочется отметить каннелированную краснолаковую чашу с полусферическим туловом (О-2010/Некр/268). Тулово на невысоком плоском поддоне, венчик слегка отогнут. Лак низкого качества, слегка вытерт на венчике и дне, что говорит о ее употреблении в быту. М. Б. Парович-Пешикан относит данный вид чашек к I типу полусферических чаш с горизонтальными каннелюрами (Парович-Пешикан. 1974. С. 90–91). Она аналогична происходящей из раскопок 1900 г. Эта чаша вместе со светильником – единственные сосуды, сделанные не специально как погребальный инвентарь, а как предметы ежедневного употребления. Отметим также лепной светильник (О-2010/Некр/267) закрыто-

го типа (тип IV), подобный описанным О. Ф. Вальдгауером и Т. Н. Книпович (рожок отбит, ручка высокая, петлевидная, дно полусферическое).

Два толстостенных слабо обожжённых красноглиняных амфориска (О-2010/Некр/257-258) находились в центральной части погребения. Один целый, у второго не хватает ручки и поврежден венчик. Нижний край ручек обоих амфорисков закреплен в месте максимального расширения тулова. Подобный тип встречается как на некрополе, так и в жилых кварталах. Несколько фрагментов подобных сосудов, явно сделанных в одной мастерской, были найдены на участках ЮЗА и НГС.

После комплексной реставрации, произведенной в 2012 г., выяснилось, что в отчете часть сосудов неправильно интерпретирована.

К комплексу погребальных сосудов относится амфора (О-2010/Некр/263). Часть стенок и горло ошибочно отнесены к инв. № 261, 262, 264. После реставрации выяснилось, что данный сосуд относится к редкому оригинальному типу местной ольвийской эллинистической керамики – амфорам с крышкой на отдельно сделанных, не прикрепленных к сосудам подставках. По форме данный тип амфор напоминает аттические чернофигурные панафинейские амфоры IV–III вв. до н.э. и аналогичные им александрийские чернофигурные и чернолаковые малоазийские амфоры. Однако ольвийские гончары внесли изменения в этот, отличный от привозных тип сосудов. Амфоры местного производства более массивные, с сильно отогнутым венчиком. Горло узкое, немного расширяясь книзу, плавно переходит в округлые плечики, которые сливаются с яйцевидным или шаровидным туловом. Ручки прикреплены под краем венчика или к валику на горле. Отличаются от привозных типов также и крышки. Самое же главное отличие данного типа сосудов от импортных в том, что они ставились на отдельно сделанные, не прикрепленные к сосуду подставки, форма которых не находит аналогий в греческой керамике. Следует отметить также, что на дне части сосудов имеются широкие сквозные отверстия. То есть дно перфорировалось изначально, пока сосуд не был обожжен. Итак, ольвийские гончары создали своеобразные, специфически ольвийские типы амфор, лишь отдаленно напоминающие греческие образцы. Близка к этой группе и стеклянная амфора с крышкой из бывшего собрания А. Фогеля.

Упомянутая выше амфора (О-2010/Некр/263) обожжена неравномерно. Нижняя часть имеет хороший обжиг, горло же обожжено настолько слабо, что в силу этого даже была затруднена гипсовка сосуда. Венчик амфоры сильно отогнут, ручки крепятся к валику на горле, касаясь венчика и плавно изгибаясь, нижним краем крепятся к плечам сосуда. Горло узкое, цилиндрическое, плавно переходит в яйцевидное сильно сужающееся книзу тулово. Дно перфорировано

до обжига. Глина оранжево-красная, типично ольвийская, с небольшой примесью песка. Сосуд покрыт черной краской, состоящей из сажи и какого-то органического связующего. Под ручкой нанесена полоса красной охристой краски. Над красной полосой – полоса точек яркого розового цвета. Обе полосы прослеживаются не по всему сосуду. Ниже перегиба формы тулова – белая широкая полоса, ограниченная полосами черного цвета. По белой полосе черной краской нанесено изображение волны, на которой также располагаются точки розового и красного цвета. Кроме того, прослеживаются, по крайней мере, две точечные розетты, нанесенные розовой краской на белом фоне пояса, а на поясках сохранились следы голубой краски. Аналогична амфора, купленная в 1900 г., хранится в Одесском археологическом музее (А-69017). К описанной амфоре относятся крышка (в отчете причисленная к инв. № 264 и определенная как крышка курильницы) и подставка (О-2010/Некр/261, определенная в отчете как горло сосуда). Крышка сделана из той же глины, обжиг хороший. Она, как и амфора, покрыта такой же черной краской из сажи и расписана чередующимися белыми и красными полосами. Аналогична крышке из Государственного Эрмитажа (Инв. № Ол. 484) из земляного склепа № 7 1900 г. На подставке, которая сделана из той же глины, следов краски не сохранилось.

В склепе находились как минимум еще две подобные амфоры. Об этом свидетельствует еще одна крышка такой же амфоры (О-2010/Некр/259), фрагменты венчика (немного отличного от венчика нашей амфоры, но также плохо обожженного) и две ручки от двух разных амфор: одна светлой красно-оранжевой глины, вторая зеленоватой. По форме и размеру ручки абсолютно аналогичны ручкам первой амфоры. Крышка археологически целая, светлой красно-оранжевой глины. Хорошо видны три полосы красно-охристого цвета. По качеству и цвету аналогична одной из ручек и венчику.

Помимо прочего, в этом склепе были найдены две расписные курильницы с крышками. Обе они принадлежат к типу II (по К. И. Зайцевой). Это курильницы вытянутых пропорций, без ручек. Первая – массивная высокая курильница хорошо обожжена, покрыта белой краской, по тулову и ножке располагается красная полоса. Коническая крышка также покрыта белой краской и украшена четырьмя полосами красного цвета. Между средними полосами – примерно посередине формы – весьма небрежно прорезаны треугольные отверстия. По глине, способу изготовления и форме крышка отличается от изделий ольвийского производства, глина визуально похожа на боспорскую.

Вторая курильница с крышкой абсолютно сырцовая. Крышка округло-конической формы орнаментирована чередующимися желтыми и красными полосами, в её верхней части прорезаны круглые

отверстия. Курильница орнаментирована аналогично курильнице из мог. № 110 1901 г. (ГИМ № 41931). На горло нанесены красная и желтая полосы, ниже располагается стилизованный растительный орнамент – гирлянда из листочков красного цвета. Под гирляндой две тонкие красные полосы и широкая желтая (по плечикам сосуда). В самой широкой части курильницы – чередующиеся крупные капельки желтого и мелкие красного цвета, ограниченные узкой полосой желтого цвета. На ножке сосуда еще две полосы желтого и красного цвета и редкий капельный орнамент красного цвета.

Комплекс включает фрагменты еще трех мелких необожженных сосудов. Идентификация их крайне сложна. Один, скорее всего, фрагмент крышки пиксиды. Еще два, по-видимому, придонные части каких-то флаконов или амфорисков. Зафиксированы также однанадцать глиняных необожженных бусин диаметром 0,5–0,7 см (О-2010/Некр/№№ 282–292).

Чаша с рельефным туловом, светильник, амфориски и расписные курильницы характерны для ольвийского некрополя эллинистического времени (III–II вв. до н.э.). Бальзамарий относится к типу IV подобных сосудов из ольвийского некрополя, датирующихся второй половиной III – началом II в. до н.э. Амфора описанного типа отнесена К.И. Зайцевой к первой половине III в. до н.э., что противоречит всему остальному комплексу склепа и сопутствующему керамике инвентарю. По совокупности комплекса мы можем сдвинуть эту дату в самый конец III в. до н.э. Таким образом, земляной склеп 2010 г. можно датировать концом III – первой половиной II в. до н.э.

Литература

- К. И. Зайцева. Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры) // ТГЭ VII. Л., 1962.
- К. И. Зайцева. Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
- Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И» // Ольвия. К., 1940. Т. 1.
- М. Б. Парович-Пешикан. Некрополь Ольвии эллинистического времени. 1974.
- Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году. СПб., 1903. – (ИАК. Вып. 8).

В. В. Крапивина

О торговле Ольвии в первые века н.э. (по данным амфорной тары)

Торговые связи Ольвии в I–IV вв. н.э. уже ранее были предметом специального исследования (Крапивина. 2001. С. 256–261), однако скорее в общем плане, без тщательного исследования конкретных групп материала.

Согласно эпиграфическим данным, Ольвия поддерживала торговые связи уже с рубежа эр с малоазийскими и южнопонтийскими центрами: Синопой, Пергамом, Самосом, Косом, Византием (IRE. I². № 79). Во второй половине II – первой половине III вв. н.э. торговля послегетской Ольвии достигает наибольшего для первых веков нашей эры расцвета. Почти все надписи, характеризующие торговые связи Ольвии в первые века нашей эры, относятся к этому времени. Наиболее полный перечень торговых контрагентов города содержит декрет в честь Феокла, сына Сатира, которого увенчали посмертно золотыми венками следующие города: Никомедия, Никея, Гераклея, Византий, Амастрия, Тий, Прусса, Одесс, Томи, Истрия, Каллатис, Милет, Кизик, Апамея, Херсонес, Боспор, Тира, Синопа (IRE. I². № 40). Апамея, Никомедия, Никея, Византий, Пруса, Гераклея, Амастрия, Каллатис – упоминаются в надписи, сохранившейся фрагментарно (IRE. I². № 41). Ещё в одной надписи названы прусийцы, гераклеоты, византийцы (НО. № 51). Есть надписи в честь жителя Прусы (НО. № 47), надгробие синопейца (НО. № 101), надгробия боспорян (IRE. I². № 202–204). В Томи найдена надпись с упоминанием ольвиополита Сатира, а также надпись, в которой Томи, Истрия, Аполлония и другие западнопонтийские города чувствуют своего «благодетеля» из Ольвии (Златковская. 1951. С. 112).

По археологическим материалам, в I–III вв. н.э. фиксируются связи с Синопой, Самосом, Византием, Боспором, Атикой, Малой Азией, Александрией Египетской, Средиземноморьем, западными провинциями Римской империи. В I – первой половине II в. н.э. в целом немногочисленный италийский импорт на рубеже I–II в. н.э. сменяется более значительным импортом из западных провинций Римской империи.

В конце III–IV вв. н.э., после восстановления жизни в Ольвии после готского разгрома, она в значительной степени оказывается в стороне от торговых путей. Торговые связи резко сокращаются, тем не менее, в это время они фиксируются с Боспором, Малой Азией, западными провинциями Римской империи, Северной Африкой.

При этих, достаточно общих сведениях, изучение конкретных групп материала позволяет их дополнить и уточнить, в частности, это касается такой важной группы материала, как амфоры.

Амфоры этого времени рассматриваются в соответствии с двумя этапами в истории Ольвии – до разгрома города в 269–270 гг. и после восстановления жизни здесь в конце 80-х-начале 90-х гг. III в. н.э. При этом для последнего этапа следует учесть, что жизнь в Ольвии не прерывается в течение IV в. н.э. и навсегда прекращается лишь в последней четверти IV в. н.э. Таким образом, представленные здесь позднеантичные материалы датируются в этом диапазоне. В отличие от Танаиса, здесь сохранились слои первой половины IV в. н.э. и отсутствуют слои последней четверти IV – V в. н.э. Это обстоятельство может быть определяющим при датировке материала, в том числе и амфор.

Амфоры конца I – III в. н.э. в Ольвии представлены двумя основными группами: 1. Большие амфоры с достаточно широким горлом, красной, оранжевой, тёмно-розовой глины. Иногда по поверхности они покрыты тёмно-бурым или светлым ангобом. 2. Небольшие амфоры с узким горлом, светлой глины различных оттенков, от светло-жёлтого до салатного и розоватого. Известны также отдельные типы амфор, которые не могут быть включены в эти группы, но они единичны. Описание типов амфор и их подробная характеристика не входят в задачи данной публикации.

Первая группа представлена в основном амфорами, которые производились на Боспоре: 1) тип Зеест 75 (Зеест. 1960. Табл. XXXI. 75); Абрамов 6. 16–6. 18 (Абрамов. 1993. Табл. 54), 2) тип Зеест 72 (так называемые мирмекийские), Абрамов 6. 11–6. 13; 3) тип Зеест 73, Абрамов 6. 14, 4) тип Зеест 76, Абрамов 6. 19–6. 20, 5) тип Зеест 80, Абрамов 6. 21–6. 23¹³⁵; 6) тип Зеест 84, 85, Абрамов 6. 30–6. 35. Все эти типы амфор в Ольвии достаточно многочисленны, датируются концом II – третьей четвертью III в. н.э.

Вторая большая группа амфор представлена типом Шелов D (Шелов. 1978. С. 18–19. Рис. 7), Зеест 91–93, Абрамов 6. 8–6. 10. Они производились в центрах Южного Причерноморья, в районе Гераклеи Понтийской (Arsen'eva, Kassab Tezgör, Naumenko. 1997. P. 189–190), продолжали линию амфор типов Шелов А–С. Их датируют концом II – III вв. н.э., первой половиной III в. н.э., IV в. н.э. Амфоры этого типа многочисленны в Ольвии, они использовались в III – начале IV в. н.э.

Три типа амфор относятся к переходной группе. Отличаются от вышеописанных, первый – цветом глины, второй – размерами,

¹³⁵ Дж.А. Рили предполагал их северо-эгейское или причерноморское производство (Riley. 1983. P. 188).

третий – датировкой. Они представлены: 1) тип Зеест 90, Абрамов 7. 18. Вероятно, амфоры производились в различных мастерских. Их развитие началось с I в. н.э. и продолжалось до середины VII в. н.э. (Ораїт. 1996. Р. 208). В Ольвии они немногочисленны, датируются концом II – III в. н.э.; 2) тип Крапивина 27 (Крапивина. 1993) – небольшие амфоры, близки амфорам боспорского производства. Их датируют от II – первой половины III вв.н.э. до 70–80-х годов III – IV в. н.э. В Ольвии они, вероятно, датируются в пределах всего III в. н.э.; 3) тип Зеест 79, Капитан II (Kapitän. 1972. Р. 248. Fig. 4) – предположительно производился в районе Эгейского моря, в западной части Малой Азии, или в Восточном Средиземноморье, датируется концом II–IV вв. н.э., но широко распространяется во второй половине III–IV вв. н.э. (Riley. 1983. Fig. 84, 243. Р. 190–193; Peacock, Williams. 1986. Fig. 112. Р. 193). В Ольвии они появляются около середины III в. н.э., отсутствуют в слое первого «готского» разгрома города 235–238 гг. Находки амфор этого типа вместе с типом D обычны также для слоев последней четверти III – начала IV в. н.э.

Таким образом, на амфорном материале конца II – III в. н.э. фиксируются интенсивные торговые связи Ольвии с центрами Малой Азии и Причерноморья, в том числе с Боспором.

Амфоры последней четверти III–IV вв. н.э. в Ольвии далеко не так многочисленны, как амфоры конца II–III вв. н.э., что свидетельствует о сокращении торговых связей. Но они также могут быть разделены на две группы: 1. Достаточно крупные амфоры с более или менее широким горлом, оранжевой или тёмно-розовой глины, некоторые – со светлым покрытием по поверхности. 2. Небольшие амфоры с узким горлом, светлой глины различных оттенков (от светло-жёлтого до розового).

Первая группа представлена следующими типами: 1) тип Зеест 96, 97, Абрамов 7. 21–7. 23 производился на Боспоре во второй половине III – IV в. н.э. (по мнению большинства исследователей). В Ольвии амфоры этого типа датируются концом III – IV в. н.э.; 2) тип Самойлова 5 (II) (Самойлова. 1978), Крапивина 26 датируется концом III – IV в., центр производства неизвестен. В Ольвии одна такая амфора была найдена в яме с амфорами типов Шелов D и Капитан II. Они встречаются редко и могут датироваться IV в. н.э. Амфоры этого типа могут быть развитием типа Зеест 72 (т. наз. мирмекийской). Похожий тип в коллекции из Синопы назван мирмекийским и датирован IV в. (Kassab Tezgör, Lemaitre, Pieri. 2003. Р. 179. Pl. V, 21, Pl. X), датируется второй половиной III – IV в. А. Опайт установил четыре эволюционных фазы этого типа амфор, которые он датирует IV–VI вв. н.э. (Ораїт. 1996. Р. 216–218. Р. 290. Pl. 20). Тип E, вариант I а он датирует только IV в. Именно он преобладает в Ольвии. Центр производства – Южное Причерноморье, главным образом, Синопа:

район Демирчи (Kassab Tezgör. 1995. P.180. Fig. 1, 4, 5; Kassab Tezgör, Dereli. 2001. P. 219. Fig. 14, 17, A).

Вторая группа амфор представлена двумя типами: 1) тип Шелов Е, F, Зеест 104, датируется от конца III – IV в.н.э. до IV–V вв. н.э. Амфоры этого типа производились в центрах Южного Причерноморья, в частности, в районе Гераклеи Понтийской (Arsen'eva, Kassab Tezgör, Naumenko. 1997. P. 187, 189–190); 2) тип Шелов F, Зеест 105, датируются IV в. н.э. (по И. Зеест), второй половиной III – IV в. н.э. (по Д. Шелову и А. Абрамову). Они также производились в центрах Южного Причерноморья, хотя не зафиксированы в районе Гераклеи Понтийской (Arsen'eva, Kassab Tezgör, Naumenko. 1997). Д. Шелов считал, что тип F предшествовал типу Е. Сейчас можно считать доказанным их сосуществование, как минимум, какое-то время. Их находят в одних и тех же слоях. Более того, амфоры этого типа могут иметь одни и те же дипинти (Ильяшенко. 2005. С. 420, 423–425. Рис. 2). Амфоры типов F и Е были распространены в Северном Причерноморье в III – первой половине V в. н.э. В Ольвии они были найдены в слоях III–IV вв. н.э., при этом преобладают амфоры типа Е.

В целом, изучение амфорного материала из слоёв первых веков н.э. Ольвии фиксирует сохранение традиционных связей города с Синопой, Самосом, Византием Боспором, Аттикой, Малой Азией, Александрией Египетской, Средиземноморьем, западными провинциями Римской империи.

В конце III – IV в. н.э., после восстановления жизни в Ольвии после готского разгрома, торговые связи сокращаются и сводятся к торговым контактам с Боспором, Малой Азией, западными провинциями Римской империи, Северной Африкой.

Литература

- А. П. Абрамов. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. Вып. 3.
- И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
- Т. Д. Златковская. Мёзия в I–II вв. нашей эры. М., 1951.
- С. М. Ильяшенко. Надписи группы *α/π* на позднеантичных амфорах Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- В. В. Крапивина. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993.
- В. В. Крапивина. Торговые связи Ольвии с античным и варварским миром в I–IV вв. н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной конференции. СПб., 2001.

- Т. Л. Самойлова.* Основные типы амфор I–IV вв. н.э. из Тире // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.
- Д. Б. Шелов.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. // КСИА. 1978. 156.
- T. M. Arsen'eva, D. Kassab Tezgör, S. A. Naumenko.* Un depotoir d'atelier d'amphores a pate claire. Commerce entre Heraclee du Pont et Tanais a l'epoque romaine // *Anatolia Antiqua*. 1997. V.
- G. Kapitän.* Le Anfore del Relitto Romano di Capo Ognina (Siracusa) // *Recherches sur les Amphores Romaines*. Rome, 1972.
- D. Kassab Tezgör.* Sinop'ta seramik ve anfora atölyelerinin incelenmisi // *Kazi Sonuçları Toplantısı*. Ankara, 1995. XVI.
- D. Kassab Tezgör, F. Dereli.* Rapport de la fouille de Demirci-Sinop 2000 // *Anatolia Antiqua*. 2001. IX.
- D. Kassab Tezgör, S. Lemaitre, D. Pieri.* La collection d'amphores d'Izmail Karakan a Sinop // *Anatolia Antiqua*. 2003. XI.
- A. Opaït.* Aspecte ale vieții economice din provincia Scythia (secolele IV–VI p. Ch.). Producția ceramicii locale și de import. București, 1996.
- D. P. S. Peacock, D. F. Williams.* Amphorae and the Roman economy. New York, 1986.
- J. A. Riley.* Typology of the Hellenistic and Roman Coarse Pottery of Berenice // *Supplements to Libya Antiqua*, 1983. V. Vol. 2.

В. П. Былкова, С. О. Немцев

Метрология и хронология ножек амфор IV в. до н. э. (закрытые комплексы Белозерского поселения)

Белозерское поселение примыкает с юго-востока к пос. Днепровский Белозерского р-на Херсонской области. Прежде здесь протекала река Корабелька (один из протоков в устье Днепра на правом берегу). Памятник известен с конца XIX в., но систематические раскопки начаты в 1991 г. экспедицией Херсонского краеведческого музея и продолжаются с 1998 г. по настоящее время (с перерывами) экспедицией Херсонского государственного университета. Площадь памятника в пределах условных границ составляет приблизительно 2 га, восточная (прибрежная) его часть была разрушена строительными работами при создании завода по разведению осетровых рыб. Большая часть сохранившейся территории подвергалась плантажной вспашке. Основным раскопом IV открыто около 4 тыс. м², т. е. пятая часть поселения уже исследована (Былкова, 2007; 2008; Вулкова, 2011).

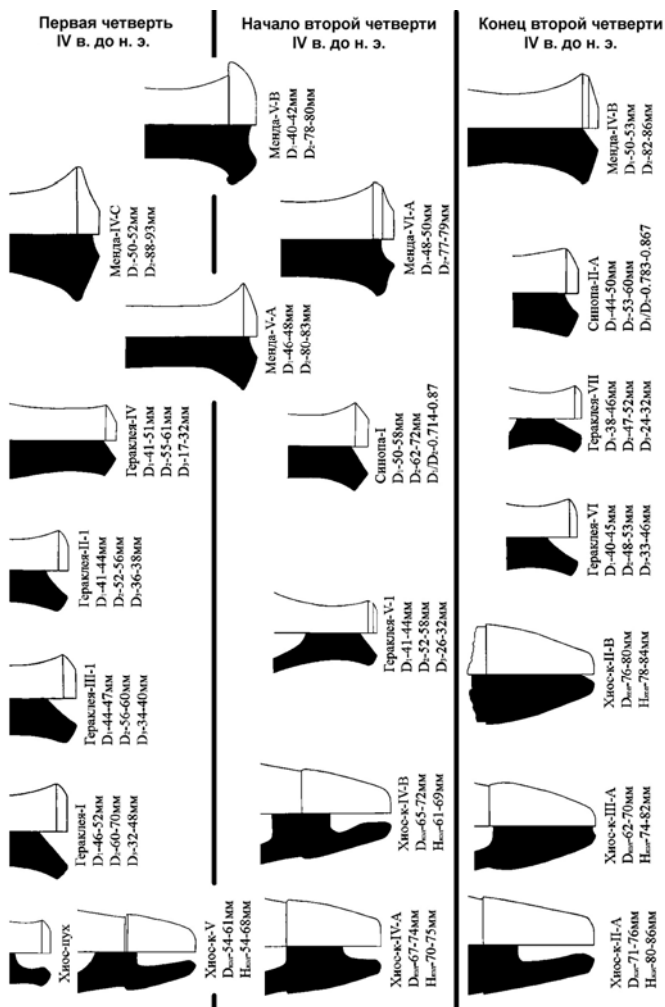

Рис. 1. Схема диахронического сочетания размерных групп ножек амфор (Хиоса, Гераклеи, Синопы, Менды) в первой половине IV в. до н.э.; D_1 – диаметр ствола, D_2 – диаметр максимального расширения, D_3 – диаметр углубления на подошве (Гераклея, Синопа, Менда); $D_{кол}$ и $H_{кол}$ – диаметр и высота колпачка для ножек амфор Хиоса

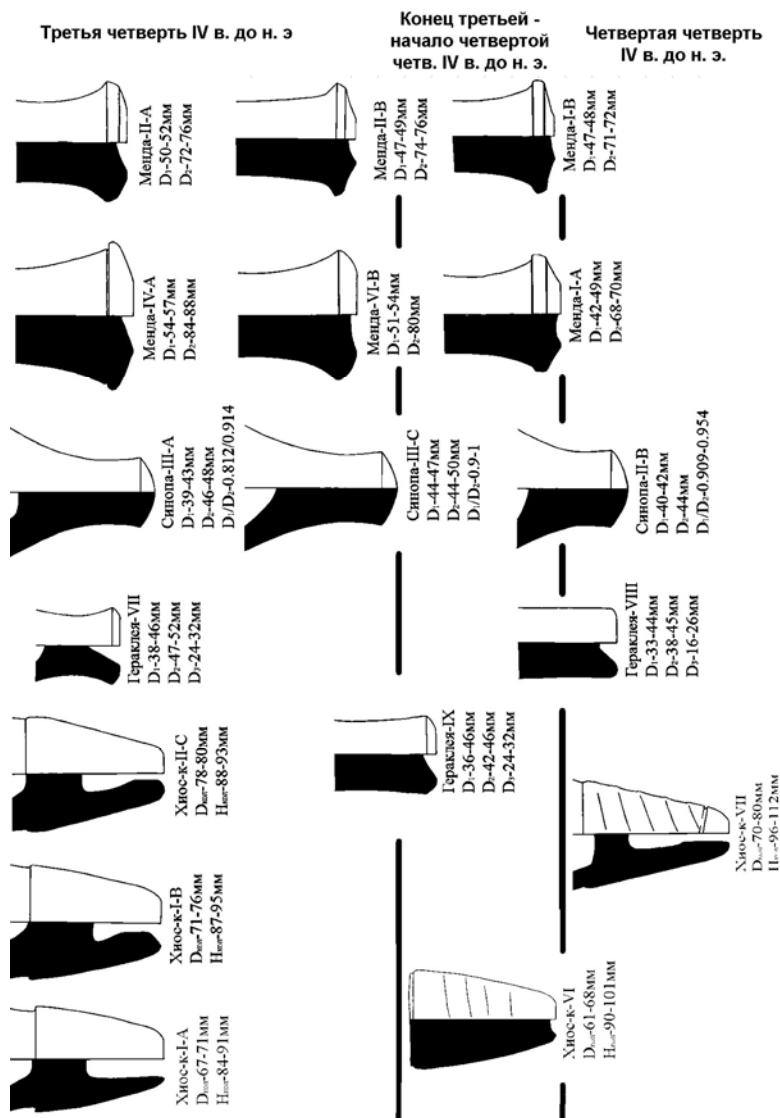

Рис. 2. Схема диахронического сочетания размерных групп ножек амфор (Хиоса, Гераклеи, Синопы, Менды) во второй половине IV в. до н.э.: D₁ – диаметр ствола, D₂ – диаметр максимального расширения, D₃ – диаметр углубления на подошве (Гераклея, Синопа, Мелда); D_{кол} и H_{кол} – диаметр и высота колпачка для ножек амфор Хиоса

В результате проведения раскопок выяснилось, вопреки первоначальным представлениям о скифском характере данного памятника, что это было сельское поселение, облик которого близок поселениям ольвийской сельской округи времени её наибольшего распространения. По всей площади раскопа прослеживаются два основных строительных периода в пределах IV – первой четверти III в. до н. э. Переход от раннего этапа строительства к позднему осуществился благодаря единовременной перепланировке, в ходе которой ранние грунтовые объекты были полностью засыпаны и забиты строительным мусором. В результате для раннего периода застройки мы имеем закрытые комплексы, содержание которых позволяет синхронизировать керамический материал, в первую очередь, амфоры и чернолаковые сосуды. Перестройка на поселении осуществилась в последней четверти IV в. до н.э., и жизнь продолжалась далее без перерыва, о чем свидетельствует, в частности, то, что самые поздние типы керамики в объектах раннего периода являются самыми ранними на объектах следующего этапа застройки.

В рамках предлагаемого доклада представлены три комплекса находок из самых больших ям, содержавшие профильные фрагменты амфор Хиоса, Менды, Синопы и Гераклеи вместе с чернолаковой керамикой и другими материалами. Их начали засыпать во второй четверти IV в. до н. э., а позже сверху добавили мусор третьей четверти этого столетия. Самой ранней является огромная зерновая яма № 149, немного позже использовалась яма № 76 А и самой поздней в рамках раннего периода застройки является яма № 112. Содержащиеся в этих комплексах материалы позволяют проверить хронологию амфор, предложенную одним из авторов на основании метрологических данных. В результате метрологического анализа ножек амфор выявлены размерные группы и высказано предположение о том, что метрические характеристики отражают хронологические изменения (Былкова, Немцев. 2007; Былкова, Немцев. 2009; Немцев. 2012; Немцев. 2013). Размерные группы выделены на основании анализа метрических характеристик ножек амфор с применением метода просчета евклидова расстояния. Этот метод дал хорошие результаты в работе с амфорами римского времени (Внуков. 2005. С. 54). На рис. 1 и 2 приведены диапазоны разброса значений диагностирующих признаков. Полученные в итоге размерные группы были выстроены в эволюционные ряды с учетом эволюционных рядов типов целых форм амфор, с которыми они коррелируют, и состава закрытых комплексов. Абсолютные даты предлагаются в следующем хронологическом порядке: первая четверть, ранняя вторая четверть, поздняя вторая четверть (Рис. 1), третья четверть, конец третьей – начало последней четверти, последняя четверть IV в. до н.э. (Рис. 2).

Яма № 149 имеет большой объём и заполнялась в течение длительного периода. Непосредственно на дне и в придонной её части были выявлены самые ранние материалы, соответствующие времени, когда большая зерновая яма была превращена в мусорную. Это колпачковые ножки хиосских амфор размерных групп Хиос-к-V (3 экз.) и Хиос-к-IV-A (3 экз.). В этом наборе присутствует одна ножка хиосской амфоры «позднепухлогорлого» типа, относящаяся еще к V в. до н.э. (Рис. 1). Единичные фрагменты таких амфор найдены на поселении вместе с материалами первой половины IV в. до н.э. Эти находки сочетаются с выразительными фрагментами чернолаковых сосудов. Несколько фрагментов принадлежат двум широкогорлым чашам со скошенным внутрь краем венчика, они покрыты густым матовым лаком. Они могут быть отнесены к первой четверти IV в. до н.э. (Blondé. 1985. С. 294–295). Только в этом комплексе найден фрагмент dna большого блюда, который имеет довольно сложный штампованный орнамент в виде линии ов и линии расходящихся пальметт над ними, окаймленных линией насечек (rouletting). Он характерен для первой половины IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott. 1970. P. 129–131; Pl. 59, № 826). Здесь представлена находка фрагмента килика с утяжеленным краем (heavy cup-kotyle). Они датируются первой половиной IV в. до н.э. (Cook. 1965. P. 144–145, Fig. 1:3, Pl. 45: a-5, c-4, d-2). Самые ранние фрагменты расписных сосудов относятся ко второй четверти IV в. до н.э., фрагменты же тонкостенных скифосов с волотами могут датироваться его серединой (Moore. 1997. № 1301, 1304). Можно также отметить находку простого кубка-канфара из светло-оранжевой ольвийской глины на сплошном поддоне, подобные сосуды датируют первой половиной IV в. до н.э. (Зайцева. 1984. С. 111–121. Табл. II, 2; IV, 1).

Остальные одиннадцать амфорных ножек из заполнения ямы № 149 датируются серединой-третьей четвертью IV в. до н.э. (Хиос-к-I-B, Хиос-к-II-C, Гераклея-VI, Гераклея-VII, Гераклея-IX, Синопа-II-A) (Рис. 2). Им соответствует дата пяти амфорных клейм середины – третьей четверти IV в. до н.э.; еще четыре гераклейских клейма найдены во фрагментах и плохо пропечатаны. Двустрочное гераклеское клеймо Андроника ...ΕΡΚΕΝΑΣ/...ΠΙ ΑΝΔΡΟ относится к подгруппе III-B 370–350 гг. до н.э. по классификации В. И. Каца (Кас. 2003. P. 269, 276). Синопские клейма: одно – Мнесия, второе – Эсхина, на третьем сохранилась только эмблема «орёл на дельфине». Эсхин и Мнесий идут друг за другом, завершая I группу и начиная II группу соответственно. Указанная эмблема использовалась фабрикантами I группы и подгруппы II-A. В хронологии Н. Коновичи такие клейма датируются 335–333 гг. до н.э., в соответствии с хронологической схемой Н. Ф. Федосеева – рубежом 350–340-х гг. до н. э. Обнаружено также книдское клеймо ΠΑΘ в виде монограммы.

Фрагменты чернолаковых сосудов, среди которых представлены тонкостенные килики на низких профилированных поддонах, килики с утолщенным отогнутым краем и высокими ручками, а также канфары с тяжелым краем, приземистым туловом, на невысокой профилированной подставке – принадлежат к типам второй–третьей четвертей IV в. до н.э. Индивидуальной находкой является расписной миниатюрный (высота 5,7 см) лебес. Сама форма встречается в середине IV в. до н.э. (Boardman. 1989. № 388), но аналогии этому маленькому сосуду, покрытому геометрическим и растительным орнаментом, пока не найдено. В экспозиции Керченского музея выставлен близкой формы сосуд небольших размеров с почти полностью стёршимся орнаментом, но он по меньшей мере вдвое больше нашего.

Яма № 76-А большого объема, находящаяся в заглубленной постройке № 76, содержит материалы ранней второй четверти (времени начала сбора мусора) и третьей четверти (времени полной засыпки). Три колпачковых ножки хиосских амфор относятся к ранней второй четверти (Хиос-к-IV-А, Хиос-к-II-А, Хиос-к-III-А) (Рис. 1). Имеется находка ножки фасосской амфоры пифоидного типа порфмийской серии, которые датируются первой третью IV в. до н.э. (Монахов. 2003. С. 64). Три ножки амфор Гераклеи Понтийской входят в одну размерную группу Гераклея-VII (вторая поздняя – начало третьей четверти IV в. до н.э.) (Рис. 1). Самой поздней является колпачковая ножка Хиос-к-I-В третьей четверти IV в. до н.э. (Рис. 2). 30 фрагментов чернолаковых сосудов относятся к киликам, чашам, канфарам, лекифу, краснофигурным скифосам второй–третьей четвертей IV в. до н.э., один фрагмент канфара имеет накладной орнамент.

Яма № 112 также имела большую вместимость и использовалась позже других. В её заполнении и на дне обнаружен материал, датирующийся серединой–третьей четвертью IV в. до н.э. Это три колпачковых ножки – Хиос-к-II-В, Хиос-к-I-В и ножка с характеристиками двух групп Хиос-к-II-В/II-С; две синопские ножки группы III-С; ножка Гераклея-VI (Рис. 1, 2). В придонной части заполнения были найдены фрагменты краснофигурного скифоса середины IV в. до н. э. (Мооге. 1997. № 1304). В гравевом заполнении найдены фрагменты чернолаковых канфара и скифоса второй–третьей четвертей IV в. до н.э.

В рамках небольшого объёма данного сообщения нет возможности подробно разобрать поставленную проблему. Можно лишь наметить направление исследования и указать, что полученные результаты метрологического анализа ножек амфор, использующиеся для хронологических выводов, не вступают в противоречие с данными, полученными другими способами, а также отметить определенное совпадение дат разных групп материала в данных закрытых комплексах.

Литература

- В. П. Былкова.* Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон, 2007.
- В. П. Былкова.* Белозерское поселение в контексте синхронных археологических памятников // Проблемы археологии Восточной Европы. Харьков, 2008.
- В. П. Былкова, С. О. Немцев.* Разработка типологии «колпачковых» ножек хиоских амфор на основе статистического анализа формально выделенных признаков // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2007.
- В. П. Былкова, С. О. Немцев.* Статистико-комбинаторный анализ как основа типологии и хронологии «колпачковых» ножек (по материалам Белозерского поселения) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009.
- С. Ю. Внуков.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М., 2003.
- К. И. Зайцева.* Ольвийские кубки и канфары VI–IV вв. до н.э. // ТГЭ. XXIV. 1984.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М., Саратов, 2003.
- С. О. Немцев.* К проблеме хронологической классификации «колпачковых» ножек амфор Хиоса IV в. до н.э. // БИ. 2012. Вып. XXVI.
- С. О. Немцев.* Можливості метрологічного аналізу амфорного матеріалу для побудови хронології на прикладі колекції з поселення Кателіно 1 // Археологія. 2013. № 2.
- Fr. Blondé.* Un remblai Thasien du IV siècle avant notre ère. A. La ceramique // BCH. 1985. Vol. 109.
- J. Boardman.* Athenian Red Figure Vases. The Classical Period. London, 1989.
- V. Bylkova.* Belozerskoe as a settlement in a Greek-Barbarian 'Contact Zone' // PONTIKA 2008: Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Ed.: E. Papuci-Władyka, M. Vickers, Ja. Bodzek, D. Braund. 2011. – (BAR International Series 2240).
- J. M. Cook.* Old Smirna: Forth-Century Black Glaze // BSA. 1965. 60.

- V. I. Kas.* A New Chronology for the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantas. Ed.: P. Guldager Bilde, J. Hojte, V. F. Stolba. Aarhus, 2003. – (Black Sea Studies. 1).
- M. B. Moore.* Attic Red-figured and White-ground Pottery. The Athenian Agora. 1997. XXX.
- B. A. Sparkes, L. Talcott.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC. The Athenian Agora. XII. 1970.

С. В. Ушаков, Е. С. Лесная, М. И. Тюрин

Херсонесские «землянки»: историографические мифы и археологические реалии

Одна из главных проблем античной истории и археологии Причерноморья – изучение процесса основания и становления колоний (апойкий). Есть ряд нерешенных вопросов и в изучении ранней истории Херсонеса Таврического. Речь идёт о существовании (или отсутствии) особого рода жилых комплексов, получивших в литературе название «землянок», или «полуземлянок». Открыты они были случайно, в ходе планомерных раскопок в Северо-Восточном районе Херсонеса.

Материалы этих работ в полном объёме так и не были опубликованы, хотя стали в дальнейшем частью созданной М. И. Золотарёвым концепции ранней истории херсонесского полиса. Автор исходил, во-первых, из теоретически постулируемого единства исторического процесса в эпоху Великой греческой колонизации, и, во-вторых, из находок конкретных памятников, напоминающих типичный «дом колониста», обнаруженных и описанных в Северо-Западном (о. Березань – Борисфенида и Ольвия Понтийская) (Крыжицкий. 1982. С. 11–14; Буйских С. Б. 2004; Буйских С. Б. 2005) и Северо-Восточном Причерноморье (прежде всего Боспор Киммерийский). Они представлены землянками и полуземлянками – однокамерными, реже двухкамерными, прямоугольными или круглыми в плане постройками (размер их колеблется от 6 до 14 м²), заглублёнными в землю (Крыжицкий. 1982. С. 12). В Ольвии первые землянки и полуземлянки появляются с середины VI в. до н.э., в Никонии они известны с конца этого столетия – начала V в. На Березани – с конца VI в. до н.э., а в Ольвии с начала V в. до н.э. земляночные сооружения сменяются наземными сырцово-каменными постройками (Крыжицкий. 1993. С. 42).

Херсонес Таврический, традиционно выделяющийся на фоне других греческих колоний Северного Причерноморья, и в вопросах земляночного домостроительства сохранил свою специфичность.

Заключается она в том, что городище располагается на скальных породах различной плотности, где твёрдые скальные пласты чередуются с мягкими слоями мергелистой глины (или мергелистого известняка). Остатки слоёв античного времени «прячутся» в небольших скальных углублениях, ямах, и на участках древних улиц. Слоистая, с мягким мергелем, и непрочная известняковая скала в районе Херсонеса позволяла устроить необходимые углубления без излишних трудовых затрат.

Впервые углублённые в скалу «пашенные» ямы (регулярные и нерегулярные по форме, размеры одной из них – 3,45 x 1,90 x 1,30 м), открытые в Северном районе возле Шести-столпного храма, отмечал в своих дневниках Р. Х. Лёпер. Он кратко описал находки из их заполнения, в частности, фрагменты чернофигурной и краснофигурной посуды, чернолаковой керамики, светильник, доньшко котилы, фрагменты терракот (Гриневич. 1930. С. 113–114).

Позже, в 1983 г., скальные углубления прямоугольной и округлой формы были открыты М. И. Золотарёвым в Северо-восточном районе Херсонеса, в центральной части III квартала. Именно он интерпретировал их, по аналогии с подобными сооружениями Ольвии и Борисфена, как полуземлянки – древнейшие жилища дорийского Херсонеса. В 1985 и 1989 гг. схожие углубления регулярной формы были обнаружены в этом же районе.

Альтернативную идею функционального предназначения данных структур предложил С. Ю. Сапрыкин, считая их карьерами для добычи строительного камня (Сапрыкин. 1998. Р. 234), на которые они, конечно, совсем не похожи. По мнению В. М. Зубаря, в Херсонесе обнаружены не полуземлянки, а подрубки скалы при строительстве неких сооружений, появление которых можно объяснить деятельностью носителей кизил-кобинской культуры, населявших территорию Херсонеса ещё до появления здесь греческих колонистов (Зубарь. 2005. С. 70–72). Такому выводу противоречат находки *in situ* керамики, в частности, амфорной тары на «полу» этих сооружений, на что справедливо указала А. В. Буйских. По её мнению не все из открытых углублений можно считать остатками жилых построек, предшествовавших появлению регулярной планировочной системы (Буйских. 2008. С. 36). В критике «земляночного» этапа домостроительства Херсонеса В. М. Зубарь пытался опереться и на наблюдения А. М. Буягина по поводу строительства уже в ранний период на Боспоре (в Торице) сразу наземных жилищ, а не землянок (Зубарь. 2005. С. 70). В. М. Зубарь обращал также внимание, на то, что «очень близкие по размерам и конфигурации вырубывы» (глубина 0,25–0,9 м, длина 2–3 м, ширина 0,7–0,8 м) были найдены также у Стрелецкой бухты ещё

в 1937 г. и интерпретированы как остатки погребальных сооружений догреческого населения (Николаенко. 1999. С. 26; Николаенко. 2001. С. 52; Зубарь. 2005. С. 70).

Однако никто из оппонентов не обратился непосредственно к материалам раскопок – описям, чертежам и вещам, хранящимся в архиве и фондах НЗХТ, а также к отчетам о раскопках. Наша работа затруднялась тем, что некоторые архивные материалы по разным причинам оказались недоступны для изучения. К сожалению, не все желаемые находки из заполнения «землянок» нам удалось обнаружить в фондах заповедника. Единственный из исследователей, кого по-настоящему заинтересовали эти находки – С. Ю. Монахов, опубликовал комплексы амфор из «Ямы № 1» и «Ямы № 2», открытых М. И. Золотарёвым в 1983 г. (Монахов. 1999. С. 238, Табл. 97; С. 215–216, Табл. 90), а также некоторые сосуды из «землянок» 1989 г., о которых будет сказано ниже.

Первая из них (раскопки 1983 г.), овальная в плане яма Н ($h = 0,8$ м; $D = 1,9$ м) (Рис. 1. 1) имела дополнительный трапециевидный выруб, впоследствии интерпретированный как «тамбур». На дне ямы обнаружено скопление амфор Гераклеи, фрагменты «ионийской», чернолаковой и расписной краснолаковой посуды, лепной горшок (или котел) скифского типа первой четверти IV в. (Золотарёв. 1983. С. 12).

Во второй яме γ ($h = 0,5$ м; $D = 2,9 \times 1,65$ м) (Рис. 1. 2) обнаружены сильно обожжённые камни. На дне этой ямы, как и предыдущей, зачищены глинобитные полы с раздавленными амфорами (Золотарёв. 1983. Рис. 46, 50), многочисленные фрагменты чернолаковой керамики; все находки представляют закрытый археологический комплекс, относящийся, по мнению автора раскопок, к первой четверти IV в.

В 1985 г. в ходе раскопок во дворе квартала VI были обнаружены ещё три скальных сооружения («ямы») (Золотарёв. 1985. Рис. 12–18), аналогичные открытым в 1983 г. Первое из них находилось в западном углу двора, второе – в центре, а третье – в южном углу (почти уничтоженное средневековой кладкой). Находки из них (Золотарёв. 1985. Рис. 20–22, 26, 27) однородны и не выходят за рамки (верхние) первой трети IV в.

В 1989 г. в III квартале в помещении 42 а удалось обнаружить и зафиксировать остатки еще одного такого жилого комплекса овальной формы, размеры которого реконструировались как $2,2 \times 3,8$ м. На глинобитном полу сооружения с пятном прокаленного грунта (место, где был очаг) лежали раздавленные амфоры, в заполнении – фрагменты разнообразных сосудов, куски сырцовых кирпичей.

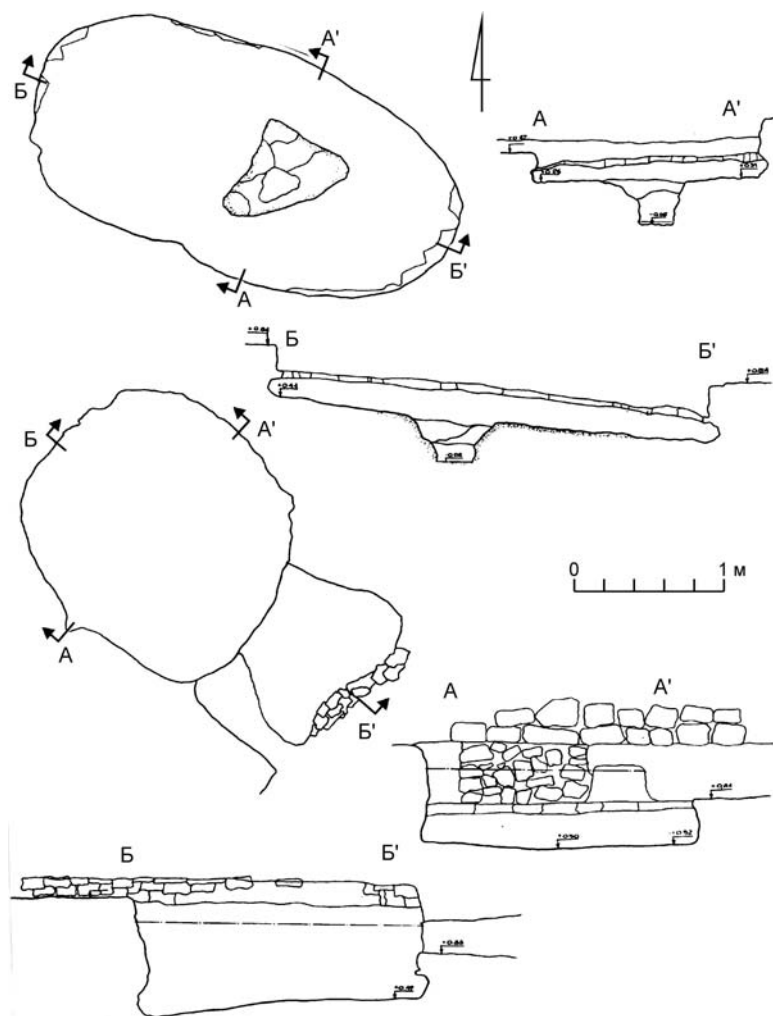

Рис. 1. Жилые комплексы 1983 г. из III квартала Херсонеса. Планы и разрезы (Золотарёв. 1998, 2005)

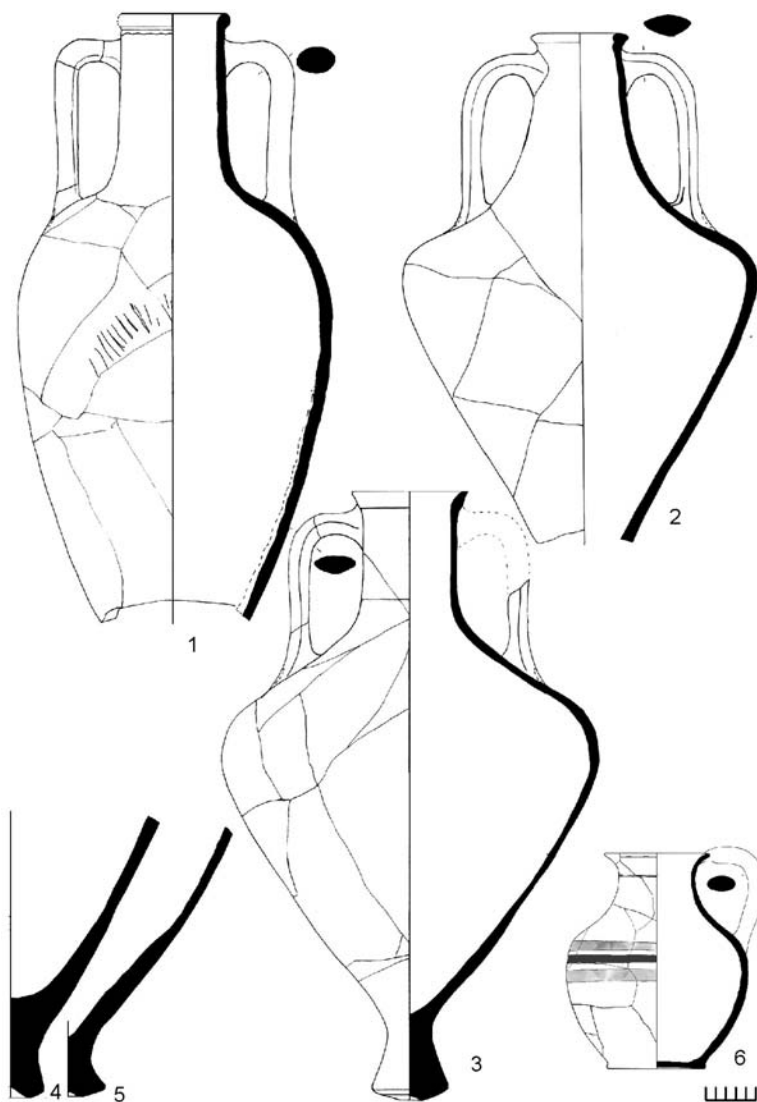

Рис. 2. Амфоры и кувшин из жилого сооружения 1989 г. III квартала Херсонеса

Керамический комплекс, обнаруженный на полу конструкции 1989 г., состоял прежде всего из нескольких амфор, в т.ч. одной целой формы. Во-первых, это амфора неизвестного центра (Рис. 2. 1,

к/о № 1/37174). Высокое горло сосуда оканчивается валикообразным венцом, тулово имеет удлинённые пропорции, на нижних прилепах овальных в сечении ручек – углубления; нижняя часть сосуда не сохранилась, черепок в из-ломе коричнево-красный, с примесью кварца, на тулово нанесено граффити – около тридцати радиальных насечек, расположенных полукругом. Следующий сосуд – амфора производства Синопы (Рис. 2. 2, к/о № 2/37174), варианта I-A, первой трети IV в. (определение: Монахов. 2003. С. 126). Третий экземпляр представлен мендейской амфорой (Рис. 2. 3, к/о № 5/37174) раннего варианта типа II (II-A) (определение: Монахов. 2003. С. 91. Табл. 62, 1). Следующие тарные сосуды: нижняя часть синопской амфоры (Рис. 2. 4, НВФ) конического типа, вариант I-A (ср.: Монахов. 2003. С. 146. Табл. 100, 3); нижняя часть мендейской (Рис. 2. 5, к/о № 4/37174) амфоры II типа с «рюмкообразной» ножкой (вариант II-A?) рубежа V–IV вв. до н.э. (ср.: Монахов. 2003. С. 91. Табл. 62, 2); фрагментированная амфора Гераклеи пифоидного типа, варианта I-1 (определение и рисунок: Монахов. 2003. С. 127. Табл. 86, 2). Здесь же обнаружен фрагментированный кувшин (Рис. 2. 6, к/о № 57/37174). Под плоским отогнутым широким (D = 10 см) венцом – неглубокая борозда; короткое горло плавно переходит в тулово сферической формы. Массивная овальная в сечении ручка поднимается чуть выше венца, декорирована вертикальной полосой красной краски. Еще три горизонтальные полосы украшают тулово сосуда в месте его наибольшего расширения (две полосы нанесены красной краской, между ними одна полоса – серой). Дно слегка вогнутое. Черепок оранжевый на сколе, с примесью песка.

Таким образом, рассмотрение основного материала из заполнения херсонесских «землянок» (хронологические рамки: вторая половина – конец V – первая треть IV в. до н.э.) и их конструктивных особенностей (тамбуры, глинобитные полы, прокаленные огнем, сырцовые кирпичи) не оставляет сомнения в их археологической (исторической) реальности.

Литература

- А. В. Буйских.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. 2008. Suppl. 5.
- С. Б. Буйских.* Об особенностях земляночного строительства Нижнего Побужья в колонизационный период // Боспор Киммерийский и варварский мир: этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь, 2004.

- С. Б. Буйских.* Земляночное домостроительство эпохи колонизации Северного Причерноморья (на примере Нижнего Побужья) // БИ. 2005. Вып. IX.
- Ю. Г. Виноградов, М. И. Золотарёв.* Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Вып. IX.
- Ю. Г. Виноградов, М. И. Золотарёв.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999.
- К. Э. Гриневич.* Северо-Восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лёпера // ХСб. 1930. Вып. 3.
- М. И. Золотарёв.* Отчёт о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса (III квартал) в 1983 г. // Архив НЗХТ. Д. 2391.
- М. И. Золотарёв.* Отчёт о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1985 г. // Архив НЗХТ. Д. 2637.
- М. И. Золотарёв.* Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. 1998. Вып. IX.
- М. И. Золотарёв.* Херсонес Таврический. Основание и становление полиса // ХСб. 2005. Вып. XIV.
- В. М. Зубарь.* Херсонес и Западная Таврика в последней четверти VI – середине IV в. до н.э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н.э. Очерки истории и культуры. Киев, 2005.
- В. М. Зубарь.* Еще раз о времени основания Херсонеса Таврического // БИ. 2010. XXIII.
- С. Д. Крыжицкий.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982.
- С. Д. Крыжицкий.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–I вв. до н.э. 1999.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.
- Г. М. Николаенко.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Севастополь, 1999. Ч. I; 2001. Ч. II.
- S. Y. Saprykin.* The foundation of Tauric Chersonesus // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology. 1998.

Е. Я. Туровский

К вопросу о зависимости Херсонеса Таврического от Боспорского царства по нумизматическим и эпиграфическим данным

В историографии давно сложилось стойкое убеждение, что после гибели Митридата Евпатора Херсонес оказался в зависимости от боспорских правителей. Об этой зависимости прямо говорит Страбон, не доверяя которому нет оснований: «С тех пор и до на-

стоящего времени город херсонесцев подчинен властителям Боспора» (Strabo. VII. 4. 3). Нужно отметить, что вряд ли удастся однозначно ответить на вопрос, к какому времени относится это свидетельство великого географа – к моменту передачи власти Фарнаку после смерти Митридата VI (Зубарь. 1994. С. 14–15; Зубарь. 1998. С. 8) или к более поздним временам (Анохин. 1977. С. 74; Виноградов. 1992. С. 139). Обе точки зрения имеют свои доводы в свою пользу; поскольку, по образному выражению Ю. Г. Виноградова, неизвестно до какого момента простирается «срок годности» исторических справок Страбона (Виноградов. 1992. С. 131). Однако, если принять первый вариант, смущает множественное число в слове «правитель» – получается, что после Митридата правил один только Фарнак. Следует подчеркнуть, что источники хранят молчание о форме и степени зависимости Херсонеса от Боспора.

Представляется, что формы этой зависимости при различных правителях и в различные годы значительно отличались – от формального признания симмахии и патроната боспорских властителей над городом до кабальных отношений, связанных с налоговым гнетом и военно-политическими обязательствами. Впрочем, скорее всего, город никогда не терял независимость полностью. Первым правителем после Митридата на Боспоре стал его сын Фарнак (63–47 гг. до н.э.). Существуют разные точки зрения относительно форм зависимости Херсонеса от Боспора при этом царе: от сохранения тех же форм зависимых отношений, что и при Митридате (Зубарь. 1994. С. 12), до фактически номинальной зависимости (Кадеев. 1981. С. 12–16). Думается, что для однозначных выводов сведений недостаточно.

Какие заключения позволяют сделать данные нумизматики? Сам факт чеканки городской монеты при Фарнаке ничего особенно не показывает, поскольку городские монеты в Херсонесе выпускались и при Митридате Евпаторе. Для херсонесских монет времени Фарнака характерно появление портрета царя на лицевой стороне (Туровский. 2011. С. 387, 388). Это обстоятельство, скорее всего, следует рассматривать как косвенное свидетельство дальнейшего ущемления суверенитета Херсонеса.

Другим косвенным свидетельством нелюбви херсонеситов к Фарнаку служит факт их дипломатической активности на пути к обретению независимости от Боспора, как только такая возможность образовалась. С неудачной попыткой Митридата Пергамского после гибели Фарнака свергнуть узурпатора Асандра и захватить боспорский престол, по-видимому, совпадает по времени посольство в Рим Г. Юлия Сатира, сына Феагена (IPE. I². № 691). В результате дипломатических усилий этого человека городу была дарована Цезарем свобода-элеветерия и избавление от уплаты налогов (Виноградов.

1997. С. 20; Ростовцев. 1917. С. 1–3; Анохин. 1977. С. 74; Зубарь. 1994. С. 13).

По-видимому, свидетельством существования антибоспорских настроений в Херсонесе, вызванных политикой Фарнака, является чрезвычайная редкость его монет. Вряд ли этот факт следует объяснять малым размером эмиссии; скорее, с получением городом «свободы», гарантированной Римом, монеты с портретом ненавистного Фарнака были целиком изъяты из обращения и переплавлены для производства новых монетных выпусков.

Думается, что времена так называемой «первой элевтерии» были встречены жителями Херсонеса с большим воодушевлением. Весьма вероятно, что размер налогов, возлагаемых на Херсонес боспорским правителем, был столь велик, что серьезно подрывал благосостояние граждан. Военная помощь Боспора вряд ли была особенно эффективной, поэтому Херсонес стремился установить прямые контакты с Римом, который в ряде случаев освобождал пограничные города от налогов с тем, чтобы эти средства использовались для укрепления их обороноспособности (Abbott, Johnson. 1926. P. 53; Зубарь. 2004. С. 37).

Рассмотрим теперь важный и давно обсуждаемый в научной литературе вопрос – когда начинается «первая элевтерия», и когда она заканчивается?

Текст декрета в честь Гая Юлия Сатира свидетельствует, что его усилиями Херсонес получил права свободного города. М. И. Ростовцев определял дату посольства между маем 46 и январем 45 г. до н.э. (Ростовцев. 1917. С. 1–3). Нужно отметить, что согласно преобладающей в историографии точке зрения первая элевтерия длилась очень недолго и завершилась или сразу же после убийства Цезаря (Ростовцев. 1917. С. 18; Белов. 1948. С. 97; Голенко. 1964. С. 50), или около 42 г. до н.э., когда Марк Антоний лишил некоторые города Востока дарованных ранее элевтерий (Голубцова. 1951. С. 72; Кадеев. 1981. С. 15; Сапрыкин. 1987. С. 55). В правомерности таких выводов усомнился В. М. Зубарь. Он справедливо отметил, что вряд ли имеющиеся в настоящее время данные позволяют безоговорочно утверждать, что в конце 40-х гг. до н.э. элевтерия была утрачена Херсонесом, и он вновь оказался под властью боспорских царей (Зубарь, 1987. С. 116–129; Зубарь. 2004. С. 38).

Не вдаваясь в хорошо известные подробности захвата власти на Боспоре Асандром, отмечу, что в 40-е гг. I в. до н.э. в Крыму сложилась следующая геополитическая ситуация: с одной стороны, не признанный Римом Асандр; с другой стороны, Херсонес, получивший от Цезаря элевтерию. Естественно предположить, что Асандр, женившись на Динамии, вполне резонно полагал себя законным правопреемником Митридата и не оставлял мысли подчинить Херсонес.

К сожалению, почти полное отсутствие письменных источников позволяет лишь приблизительно реконструировать события. Ко времени Асандра относятся только легенда о подвиге Гикийи (Const. Porth. De adm. Imp., 53) и херсонесский декрет середины второй половины I в. до н.э., в котором речь идет о гражданине, избавившем город от тирана (ΙΡΕ. I². 355). Кроме того, картину дополняют данные херсонесской нумизматики.

Обратимся к херсонесским выпускам времени первой элевтерии. Известно две разновидности этих монет, которые, скорее всего, были по номиналу оболами. Первая имеет надпись ΕΛΕΥΘΕ ΧΕΡΣΟΝΗΣ, изображение бодающего быка на лицевой стороне и Девы, поражающей лань, а также монограмму ΠΑΡ на оборотной; вторая представлена монетами с теми же типами, меняющимися местами: на лицевой стороне Дева с ланью и надпись ΧΕΡΣ ΕΛΕΥ, на оборотной – бык и имя ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ.

В. А. Анохин предполагает, что обе разновидности выпускались параллельно на протяжении трех-четырёх лет. При этом, соглашаясь с А. В. Орешниковым, что данные монеты сопоставляются с «первой элевтерией», полученной Херсонесом от Цезаря в 45 г. до н.э. (Орешников. 1922. С. 159–164), он, тем не менее, датирует выпуски в каталоге 47–44 гг. до н.э. (Анохин. 1977. С. 60–61, 148). На мой взгляд, это совершенно невозможно. Чеканка монет с упоминанием элевтерии в Херсонесе могла начаться не ранее 45 г. до н.э., и началась она с монет первой разновидности. Эти монеты имеют монограмму ΠΑΡ, что объединяет их с предыдущими выпусками времени Митридата VI и Фарнака. По номиналу этот выпуск, очевидно, обол. По всей видимости, выпускались такие монеты много лет (при этом, может быть, и не каждый год), поскольку ранние выпуски монет этого сорта имеют диаметр 24–25 мм, вес до 16 г (например, эрмитажный экземпляр № 251 – 25 мм; 15,53 г), а более поздние редуцированные экземпляры имеют диаметр 20–21 мм, вес 5–7 г.

Затем выпускаются монеты второй разновидности, когда изображения лицевой и оборотной стороны меняются местами, исчезает монограмма ΠΑΡ и появляется личное имя – Аполлонид. Это последний случай употребления личного имени в легенде херсонесской монеты. На мой взгляд, предположение, что имя принадлежит контролирующему монетному магистрату, нужно однозначно исключить. Практика маркировки монет именами монетных магистратов в Херсонесе была прекращена не менее чем за 80 лет до названного выпуска (Туровский. 2012. С. 176). К тому же, не подлежит никакому рациональному объяснению факт механического удаления этого имени из легенды монеты (Туровский, 2011. С. 389). Кому могло помешать имя монетного магистрата? Поскольку дата выпуска монет второй разновидности по времени примерно совпадает с

датой декрета (IPE. I². № 355), не кажется слишком смелым предположить, что имя Аполлонид принадлежит тому самому неизвестному тирану, от которого избавил город неизвестный гражданин. О том, что его правление длилось, скорее всего, не один год, показывают опять же монеты с именем Аполлонид. Лучшие экземпляры имеют вес 9–12 г и диаметр 23–25 мм; явно деградированные экземпляры имеют вес 5–7 г и диаметр 20–21 мм.

Вернемся к характеристике документа IPE. I². № 355. Относительно его датировки исследователи высказывали разные точки зрения. В. В. Латышев относил его ко времени Тиберия; Е. С. Голубцова к I в. до н.э. (Голубцова. 1951. С. 95–97), М. И. Ростовцев, В. Н. Дьяков, В. А. Анохин к I в. н.э. (Ростовцев. 1917. С. 15; Дьяков. 1941. С. 90; Анохин. 1977. С. 78), Э. И. Соломоник к рубежу эр (Соломоник. 1984. С. 9). На мой взгляд, наиболее убедительно выглядит точка зрения на датировку надписи В. И. Кадеева, который датировал ее между 29 и 23 гг. до н.э. (Кадеев. 1981. С. 15). Эту датировку поддержал В. М. Зубарь (Зубарь. 1987. С. 122–123; Зубарь. 2004. С. 40).

Напомню краткое содержание декрета в честь неизвестного гражданина. Возвратившись в Херсонес (где он пребывал и сколько отсутствовал, надпись не сообщает), он нашел граждан во власти тирана. Далее идет сильно поврежденный фрагмент, из которого явствует, что чествуемый гражданин «без пролития крови сделал город счастливым» (вероятно, содействовал свержению тирана). Затем перечисляются заслуги гражданина как великого эвергета. Упоминаются смуты, организованные сторонниками тирана, и сообщается о том, что тиран подошел к городу с большим войском (Ростовцев, 1917. С. 15). И наконец, усилиями чествуемого гражданина захват города был предотвращен.

Можно предполагать, что свергнутый тиран мог обратиться за помощью только к Боспору. Очевидно, что арбитром в разрешении конфликта между Херсонесом и Боспором выступил Рим. Таким образом, принятая в 24 г. до н.э. городская эра знаменовала собою, скорее всего, не подвиг легендарной Гикии, а реальное свержение тирана или достижение нового status quo между Херсонесом и Боспором.

Дальнейшие отношения между двумя государствами осуществлялись посредством послов и имели все черты отношений независимых субъектов. Если зависимость Херсонеса от Боспора как-то и декларировалась, то она имела скорее номинальный характер.

Литература

- В. А. Анохин.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977.
- Г. Д. Белов.* Херсонес Таврический. Л., 1948.
- Ю. Г. Виноградов.* Херсонес, Боспор и Рим // ВДИ. 1992. № 3.
- К. В. Голенко.* Состав денежного обращения в Херсонесе в I в. до н.э. // ВДИ. 1964. № 4.
- Е. С. Голубцова.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже н.э. М., 1951.
- В. Н. Дьяков.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. № 3–4.
- В. М. Зубарь.* Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. № 2.
- В. М. Зубарь.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерк военно-политической истории. Киев, 1994.
- В. М. Зубарь.* Основные этапы исторического развития Херсонеса в середине I в. до н.э. – первой половине II в. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры / Коллектив авторов. Харьков, 2004.
- В. И. Кадеев.* Херсонес Таврический в первые века н.э. Харьков, 1981.
- А. В. Орешиников.* Олицетворение общины Херсонеса Таврического на монетах // ИРАИМК. 1922. Т. II.
- М. И. Ростовцев.* Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. Вып. 63.
- С. Ю. Сапрыкин.* Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикий) // СА. 1987. № 1.
- Э. И. Соломоник.* Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984.
- Е. Я. Туровский.* Об отношениях Боспора и Херсонеса во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. по нумизматическим данным // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы междунауч. конференции. СПб., 2011.
- Е. Я. Туровский.* Херсонес Таврический в III–II вв. до н.э. // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь, 2012.
- F. F. Abbott, A. C. Johnson.* Municipal Administration in the Roman Empire. Princeton, 1926.

С. В. Ушаков, Е. В. Струкова

Херсонесский Дионис: к религиозной и культурной жизни греков Причерноморья в античную эпоху

Сакральная сторона жизни греческого, как и любого древнего общества, была во многом для него ведущей. Не случайно со второй половины XX в. наблюдается взрыв интереса исследователей к этой теме, в том числе и на примере греков Причерноморья, что нашло отражение во многих работах (Русяева. 2005. С. 8 сл.). Тема остается

актуальной, так как в разных региональных центрах вполне предсказуемо складывалась свое-образная обстановка, определяемая обстоятельствами как внешними, так и внутренними. Что же касается культа Диониса, то краткий анализ основных публикаций по теме позволяет заключить, что среди богов и героев он в них представлен как бы «на втором плане».

Однако, как представляется, культ Диониса имел большое значение в подавляющем большинстве причерноморских полисов. В том числе, например, в Западном Причерноморье, как в ионических полисах – Истрии, Дионисиополе, так и, особо, в дорических – Месембрии (культ Диониса Элевтерия), Каллатисе (где имелось святилище Диониса Дасимеоса – «Густолист-венного») (Русяева. 2005. С. 399–402). В Северном Причерноморье культ был развит в Ольвии (Русяева. 2005. С. 396–398), на Боспоре Киммерийском (в Пантикапее) имелось святилище (Русяева. 2005. С. 407), почитали Диониса и в других боспорских центрах (Молева, 2002. С. 151–154). В Южном Причерноморье культ получает особое развитие при Митридате VI Евпаторе, когда приобретает статус официального и царского, а правитель предстает в образе «Нового Диониса». Особо почитался в Синопе и Амисе, где имелись терракотовые и бронзолитейные мастерские, производившие изображения Диониса и его спутников (Сапрыкин. 2009. С. 94–107). Можно согласиться с Н. В. Кузиной, что распространение Дионисийского культа являлось в условиях Причерноморья своеобразным критерием эллинизации, а праздники в честь Диониса были одними из самых распространенных (Кузина. 2004).

Херсонес Таврический среди других причерноморских центров отличается значительным своеобразием: основанный как дорическо-ионический полис, он превратился в крупное территориальное государство в Западном Крыму с развитым виноградарством и товарным виноделием. Нельзя также забывать о существовании театра и месяца Дионисия и празднества Дионисий (IRE. I. № 344) в Херсонесе.

Основные источники, прежде всего археологические, связанные с культом Диониса в Херсонесе, исключительно многочисленны и разнообразны. Это, во-первых, скульптура (АСХ. 1976. С. 14–20; № 1–18), изделия коропластов (изображения Диониса и его спутников как олицетворения также и хтонической стороны культа) (Белов. 1930. Рис. 3, 28; САИ. 1970. Табл. 12. 1–4, 6, 8), граффити (посвятительные надписи) (Граффити античного Херсонеса. 1978. № 625, 626, 627). Вполне вероятным представляется предположение о существовании святилища Диониса как на ближней (Русяева. 2005. С. 191) и дальней (Зубарь, 2005.

С. 386) хоре, так и в самом Херсонесе, что являлось обычным правилом в греческих полисах.

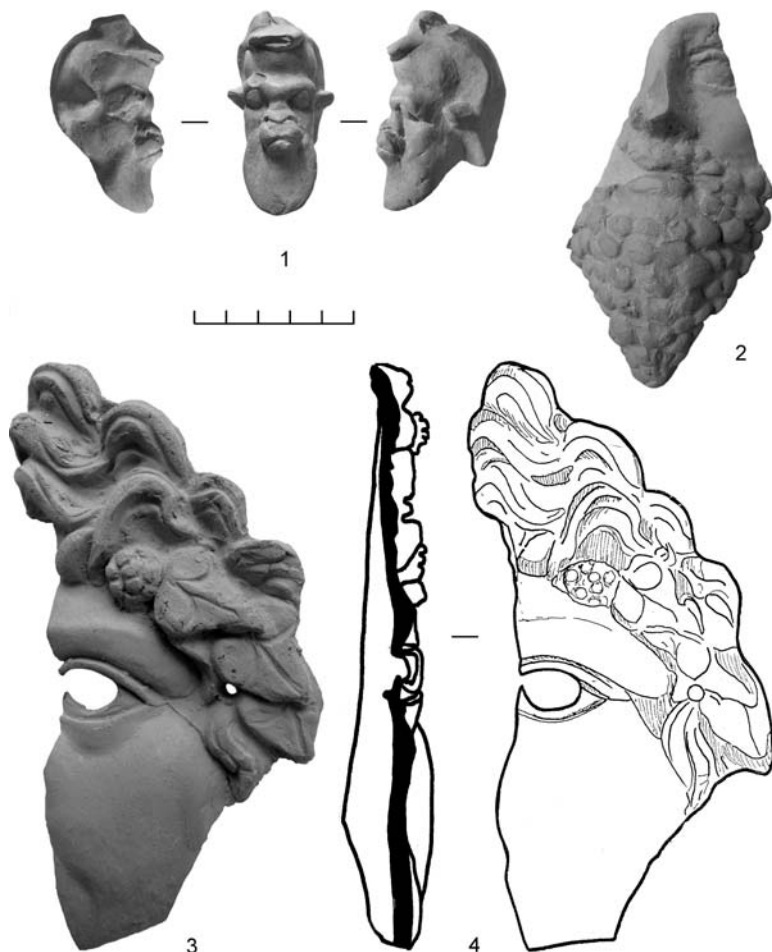

Рис. 1. Терракоты из квартала XCVII Херсонеса

К римскому времени (III в.) можно отнести бронзовую матрицу, найденную в могиле, вероятно, мастера, изготовлявшего с её помощью металлические рельефы Диониса (Трейстер. 1991; Русяева. 2005. С. 404). Кроме того – рельеф с изображением маски силена и мраморную плиту с изображением Диониса и его свиты

(Белов. 1936. С. 55. Рис. 32; 1940; Соколов. 1999. С. 438–446. Илл. 112, 113).

Свидетельства развитого культа Диониса в Херсонесе все время пополняются новыми находками. Три из них происходят из недавних раскопок в Северо-Восточном районе городища (XCVII квартал).

Первая находка – фрагментированная театральная (?) маска, изображающая молодого бога вина и виноделия, происходит из раскопок 1992 г. в пом. 12 (Рис. 1. 3, 4). Маска (немного меньше её половины, сохранившиеся размеры – 8 x 18 см) изображает лицо молодого мужчины в венке из плюща. Глина красного цвета, с мелкими включениями извести в тесте. Хорошо проработаны выщипанные локоны, имеется небольшой рог, сохранилось одно сквозное отверстие для подвешивания маски. Несколько напоминающая нашу маска бородатого Диониса, датируемая III в. до н.э., была найдена в Херсонесе в 1896 г. (детское погребение № 611). Еще одна близкая аналогия – маска Диониса из Приены (Малая Азия), находившаяся в археологическом музее Константинополя. Что же касается маски, найденной в пом. 12, то она вполне могла использоваться в празднествах Великих Дионисий, когда торжественные процессии шествовали из района театра до Теменоса и обратно.

Вторая находка – голова терракотовой статуэтки Пана или Силена из плотной хорошо отмученной глины серого цвета (1994 г., у цистерны в помещении 8) (Рис. 1. 1). У изображенного персонажа – выпуклый лоб, борода в виде лопасти подпрямоугольной формы, острые торчащие уши, на темени – рога (обломаны, сохранилось их основание) и выпяченные губы. Все это придает ему явные «козлиные» черты. Уместно вспомнить, что в греческой сатировской драме комические актеры подражали сатирам и Силену – спутникам Диониса, пародирующим, в свою очередь, эпические битвы богов и героев (Силен – это старый сатир: Раус. I, 23, 6; Зубарь. 2005. С. 384). Аналогии подобным находкам многочисленны – в качестве примера можно привести терракотовые статуэтки сатиоров-воинов из разных музеев Европы, рассмотренные Ф. Броммером (1943). Известно, что Пан помогал Зевсу в борьбе с титанами (Мифы. С. 278). С середины V в. до н.э. он изображался то в облике молодого сатира, то в облике Силена или обезьяноподобного уродца (Мифы. С. 280). Именно последний очень напоминает нашего персонажа.

Еще одно изображение Диониса найдено в 2003 г. в пом. 10 (нижний, 5 слой). Оно представляет собой небольшую маску (протому?) (два соединяющиеся фрагмента – размеры 6,5 x 11 см) с изображением мужской головы (Диониса-Винограда) (Рис. 1. 2). Сохранилась левая часть лица (щека, глаз), нос, губы и борода в виде

виноградной кисти. Ближайшие аналогии известны по находкам в Херсонесе («в насыпи некрополя на месте бывшего скотного двора» в 1909 г.), на Боспоре (Пантикапей, Мирмекий, Порфмий). Кстати, здесь же, в этом квартале располагался значительный винодельческий комплекс с ваннами для брожения сусле, давящими площадками (не сохранились), пифосарием.

Таким образом, роль дионисийского культа в Херсонесе представляется исключительно значимой как в эллинистическое, так и римское время. Культ его многозначен, связан с театральными празднествами, Великими Дионисиями, где его сопровождали «ряженые» (в образе неизменных спутников Диониса – силенов и сатиров). Возможно, маски Диониса использовались для изображения божества при помощи специально наряженных столбов (Русяева. 2005. С. 408). Существовали святилища, где почитали Диониса. Не меньшее значение в культе имели вотивные приношения и погребальные обряды.

Разнообразные источники (коропластика, скульптура, граффити, остатки святилищ и пр.) свидетельствуют об исключительной важности Диониса для всех понтийских греков, не только как покровителя виноградарства, но и защитника смертных в потустороннем мире.

Литература

- Г. Д. Белов. Терракоты Херсонеса из раскопок 1908–1914 гг. // ХСб. 1930. Вып. III.
- Г. Д. Белов. Отчёт о раскопках Херсонеса за 1935–1936 гг. Севастополь, 1938.
- Г. Д. Белов. Херсонесские рельефы // ВДИ. 1940. № 3/4.
- Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). Киев, 1978.
- В. М. Зубарь. Херсонес и Западная Таврика в последней четверти VI – середине IV в. до н.э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н.э. Очерки истории и культуры. Киев, 2005.
- Н. В. Кузина. Праздники в честь Диониса в античных государствах Северного Причерноморья // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь, 2004.
- Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2.
- Н. В. Молева. Дионисийские вотивы в сакральных комплексах Китея // БФ. 2002.
- А. С. Русяева. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005.
- С. Ю. Сапрыкин. Религия и культы Понта эллинистического и римского периода. М., Тула, 2009.

Г. И. Соколов. Ольвия и Херсонес (ионическое и дорическое искусство). М., 1999.

Терракоты Северного Причерноморья // САИ Г 1–11, М., 1970.

М. Ю. Трейстер. Бронзовая матрица з Херсонеса // Археология. 1991. № 1.

F. Brommer. Satirspiltterrakoten // Archäologischen Anzeiger Beiblatt zum Jahrbuch des Archäologischen Instituts. 1943. Bd. 58. III–IV.

В. Р. Эрлих, С. Чандрасекаран

Украшения эллинистического времени из могильника Псенафа (Адыгея)

В 2011–2012 гг. в процессе реконструкции газопровода Майкоп–Сочи Кавказской экспедицией Государственного музея Востока были открыты и исследованы могильник и долговременное святилище Псенафа на окраине города Майкопа (более 400 погребальных и ритуальных комплексов). В предлагаемом сообщении речь пойдет о ряде украшений из драгоценных металлов эллинистического времени, обнаруженных в наиболее богатых погребениях и ритуальных комплексах могильника. Рассматривать их мы будем по функциональным категориям.

Фибулы-броши. Фibuла-брошь, обнаруженная в верхней части насыпи кургана (находка 15) (Рис. 1. 1, 2), изготовленная из золота (проба 700°), представляла собой сложное ювелирное изделие, основой которого составляла круглая пластина. По краям пластины пунсоном с оборотной стороны выбит ряд «жемчужин», ближе к центру – два ряда из восьми и четырёх овальных лепестков, идущих по кругу. К оборотной же стороне была припаяна золотая игла, раскованная с одной стороны. Приёмник иглы был утрачен в древности. К пластине крепились семь округлых петель¹³⁶ для крепления подвесок. Место их крепления с лицевой стороны было закрыто «кантом» из ребристой проволоки, идущей по кругу. Лицевая сторона изделия была богато украшена филигранным орнаментом. Скать из разомкнутой рубчатой золотой проволоки проходила у края изделия, огибая выпуклины – «жемчужины». В пространстве между центральной частью и рядами «жемчужин» сохранились четыре округлых каста. Вставки в них утрачены. В центральной части изделия также находился округлый каст, украшенный в верхней части «лепестками» или полуовами с рубчатой проволочкой по краю, которые зажимали округлый камень – кварц, дымчатого цвета с прожилками с одной стороны и темно-серый с другой. В нем было просверлено отвер-

¹³⁶ Крепление петель для подвесок организовано весьма оригинально, при помощи сложенных пополам и запаянных выступов пластины. В них были вставлены петли.

стие, в которое были вставлены две тонкие золотые ленты. Причем с лицевой стороны их края лишь слегка выступали из отверстия, а с оборотной темной стороны – они расходились в разные стороны, огибая камень. Отметим, что камень свободно вращается внутри каста, что, очевидно, было и в древности.

Пространство между четырьмя округлыми периферийными кастами заполнено четырьмя лепестками скани, отходящими от ряда «жемчужин». В этом же пространстве находились и четыре симметричные фигурки птиц (?). Полые фигурки, обращенные головками к краям изделия, были спаяны из двух половинок. Стык закрыт напаянной рубчатой провололочкой. Глаза птиц показаны шариками зерни, вокруг которого напаяна рубчатая провололочка. От глаза в сторону клюва отходит дуговидный лепесток, также выполненный рубчатой провололочкой, очевидно, так мастер хотел показать глазницу. На головах фигурок с каждой стороны имеется по три изогнутых дуговидных «лепестка», выполненных также из рубчатой проволоочки, очевидно, показывающие оперение головы. Оперение на остальном теле фигурки показано семью горизонтальными и тремя вертикальными дугами скани из рубчатой проволоки на каждой половинке фигурок. Изделие первоначально имело семь подвесок на цепочках, выполненных сложным плетением «из петли в петлю» из четырех золотых провололочек. Большая часть подвесок утрачена. Однако, судя по оставшимся, к цепочкам крепились на петлях «полумесяцы» из золотой пластинки, с напаянной золотой провололочкой по краю. По краям «полумесяцев» имелись петли, к которым в свою очередь крепились цепочки с золотыми «солярными» дисками, имевшими припаянные петельки для крепления. Таким образом, в первоначальном виде изделие должно было иметь семь «полумесяцев» и соответственно четырнадцать «солярных» дисков. Диаметр диска броши – 4,15 см, длина предмета с подвесками – 16,3 см. При всей редкости публикуемого изделия отметим его близость к серии фибул с подвесками II–I вв. до н.э. – это броши из Ново-Вочепшия (случайная находка) (Каталог Москва, 1987. № 140; Catalog Locarno, 1990, № 248; Мордвинцева, Трейстер, 2007. III. Таб. 61, В/1. 10); из Курганника (Мордвинцева, Трейстер. 2007. Т. III. Таб. 31, А 119.14. Рис. 22), из погребения 177 Тенгинского грунтового могильника (Беглова. 2005. С. 177. Рис. 3,4; Мордвинцева, Трейстер. 2007. Т. III. Таб. 41, А 270, 4; Беглова. 2010. С. 416. Рис. 11, 2), случайная находка из Карачаево-Черкессии (Catalog Токуо. 1991. S. 91. № 87; Мордвинцева, Трейстер. 2007. Табл. В/1. 5), из частной коллекции в Англии (Masterpieces.... 2008. P. 58–59. № 15), из Ногайчикского кургана (Мордвинцева, Трейстер. 2007. А 159. 21. Табл. 33. Рис. 18). В то же время среди изделий вышеприведенной серии лишь броши из Псенафы и Карачаево-Черкессии выделяются имеющимися четырьмя

припаянными фигурками животных. По нашему мнению, появление многочисленных подвесок и серег в виде полых фигурок животных в Прикубанье в эллинистическое время связано с влиянием колхидской ювелирной школы. Судя по тому, что фибула-брошь из Псенафы, как и фибула из Карачаево-Черкессии стоят ближе всего к своим колхидским прототипам (имеют фигурки животных), мы с определенной долей вероятности можем предложить для них более широкую дату III–II в. до н.э.

Из погребения 62 происходит фибула ромбовидной формы из золота 750° пробы (Рис. 2. 5). Размеры: 2,85 x 2,2 см. В центральной части имеется каст овальной формы, в который вставлен сердолик. Края основы слегка загнуты и декорированы четырьмя сканными проволочками, имеющими двусторонние «завитки» у краев ромба. В центры завитков напаяны шесть шариков зерни. На оборотной стороне сохранилась петля для крепления иглы и пластинчатый приемник. Игла утрачена. По данным В. И. Мордвинцевой, ей известно не менее 13 подобных ромбических брошей, происходящих из Прикубанья и Крыма (Неаполь-Скифский). Датируются они преимущественно II–I вв. до н.э. (Мордвинцева и др., 2010. С. 34), что не противоречит комплексу погр. 62, в котором была обнаружена рассматриваемая нами фибула.

Весьма редкую форму представляет проволочная фибула подпрямоугольных очертаний, свернутая в виде двух рядов спиральных петель из тонкой серебряной (проба 980°) проволоки (Рис. 1. 3). Приёмник оформлен в виде большой петли, на одном из краёв прямоугольной спинки, игла на противоположном краю – утрачена. Размеры: 4,2 x 0,8 см. Она происходит из погребения 76 и, скорее всего, является латенским импортом. Фибулы с проволочными спинками известны среди кельтских древностей начиная с IV – начала III в. до н.э. (Catalog Venice. 1991. Fig. P. 273). По стилю и технике изготовления ей наиболее близка серебряная подвеска (?), найденная на дакском городище Piatra Scaviu в позднелатенском слое (Pora. 1971. P. 268. Figs. 14, 20)¹³⁷.

Детали ожерелий (подвески и бусы). Подвеска-кулон (Рис. 2. 6) с агатовой (халцедоновой) вставкой, овальной в плане, из золота 730° пробы происходит из погребения 62. Края агата закреплены двусторонней рамкой из разнонаправленных зубчиков-«полуов», обрамленных сканной проволочкой, держащих камень и имеющейся как лицевой, так и с оборотной стороны. С лицевой стороны изделие украшено двумя поясками-лентами с напаянными проволочными «косичками», располагающимися крест-на-крест. Пересечение лент украшено шестилучевой розеткой с шариком зерни в центре. В верх-

¹³⁷ Благодарим Kerstin Hellström за указание на эту аналогию.

ней части к рамке припаяна рельефная петля для подвешивания. Камень с лицевой стороны слабовыпуклый, уплощённый с оборота. Размеры: 2,3 x 1,8 x 0,9 см (оп. 756). Наиболее близкой аналогией этому кулону является медальон со стеклянной вставкой из хутора Ленина и из грабительских раскопок в Прикубанье (Анфимов. 1985. Фото на с. 171; Мордвинцева, Трейстер. 2007. Кат. А126/1; С 4. 3; Мордвинцева и др. 2010. Кат. 251). Исследователи датируют их II–I вв. до н.э., что вполне соответствует дате погребения. В то же время декорировка лентами крест-на-крест имеется у подвески из халцедона из кургана близ Армавира, датирующегося I в. н.э. (Анфимов. 1985. Фото на с. 218; Мордвинцева, Трейстер. 2007. Кат. А24,3).

Фрагментированная золотая (проба 470°) подвеска в виде фигурки животного, спаянная из двух половинок (Рис. 1. 4). Предмет деформирован, голова утрачена. С двух сторон фигурки напаяна золотая проволочка, концы которой закручены в волуэты, передающие мускулатуру задних и передних конечностей. Подобный прием имеется на деформированной подвеске в виде фигурки животного, происходящей из погребения II в. до н.э. из района Тимашевска (Мордвинцева и др. 2010. Кат. 552).

К предметам, восходящим к колхидской школе ювелирного искусства, можно отнести и округлую бусину-пронизь, роскошно украшенную грануляцией из погребения 62 (Рис. 1. 5) (ср. Махарадзе, Tsereteli. 2007. Color photo. 1). Ближайшие ей аналогии за пределами Колхиды имеются в Тенгинском могильнике (Мордвинцева, Трейстер. 2007. Кат. А/268.6; А268/7; Беглова. 2010), а также бусины с зернью из разрушенного комплекса 1950 г. у станицы Воронежской и Мезмая (Мордвинцева и др. 2010. Кат. 75 а, 75 б; 298). Три подобные бусины входили в состав ожерелья, случайно обнаруженного в районе города Сочи в 1981 г. (Каталог Москва. 2002. Кат. 638; Мордвинцева, Трейстер. 2007. Кат. В.1/1.15).

Ожерелье из 9 реберчатых биконических золотых бус (проба 833°), спаянных из двух половинок, обнаружены в погр.70. (Рис. 3. 5). В колхидских погребениях подобные бусы в ожерельях начинают встречаться, начиная с V в до н.э. (Вани, погр. 11) (Catalog Berlin. 2007. P.110; 114, 118, 119). Однако, скорее всего, мы можем предполагать их местное производство. Штамп для производства половинок реберчатой бусины яйцевидной формы обнаружен в кургане 5 у аула Уляп (Каталог Москва. 1987. Кат. 36).

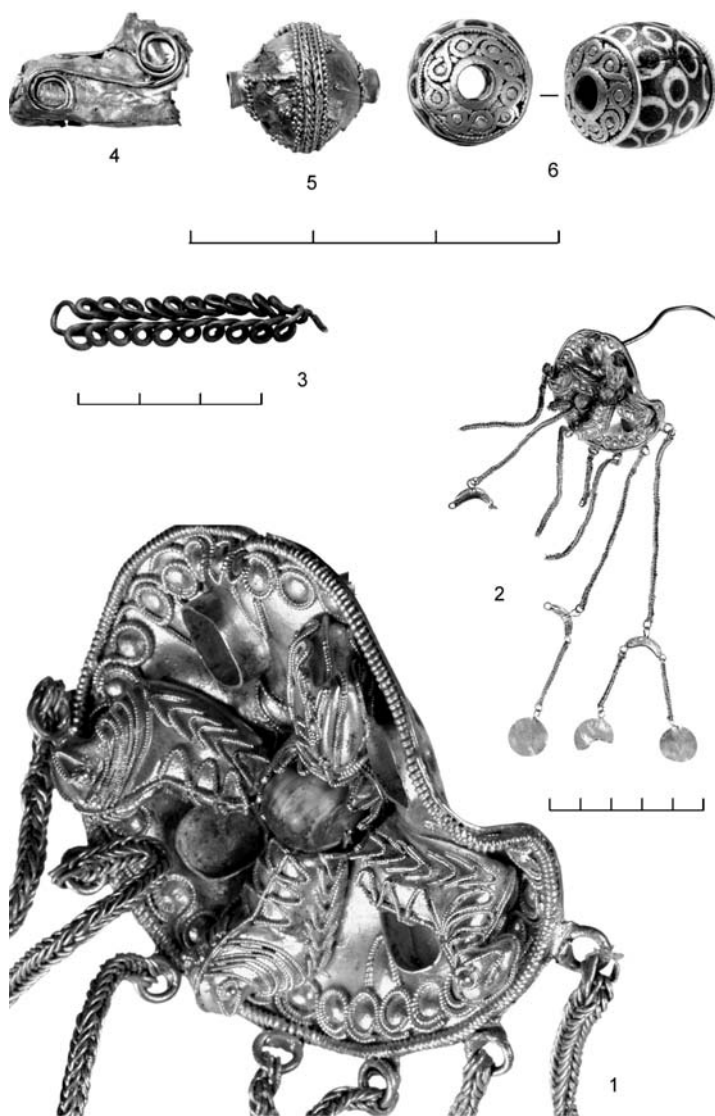

Рис. 1. Могильник Псенафа. Украшения из кургана 1: 1–2 – фибула-брошь из насыпи (находка 15); 3 – фибула из пог. 76; 4 – подвеска из пог. 60; 5 – бусина из пог. 62; 6 – бусина из скопления 67. 1–2 – золото, кварц; 3 – серебро; 4–5 – золото; 6 – золото, стекло

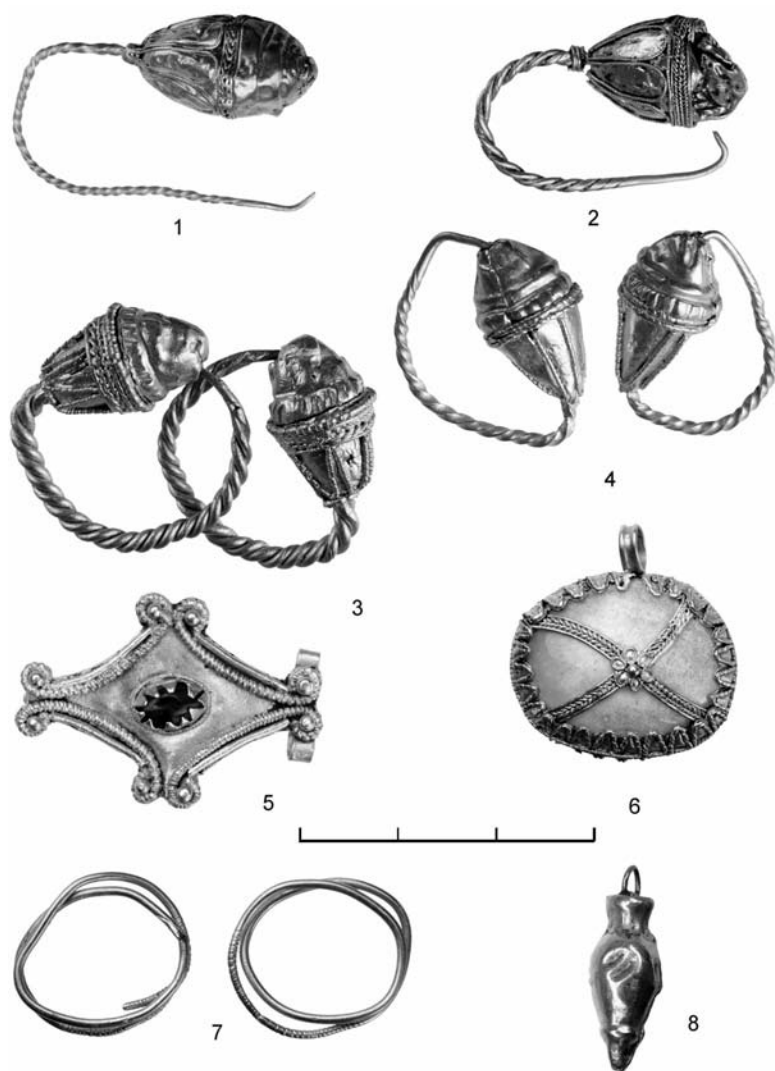

Рис. 2. Могильник Псенафа. Украшения из кургана 1: 1 – серьга из пог. 48; 2 – серьга из пог. 55; 3 – серьги из пог. 70; 4 – серьги из пог. 76; 5 – фибула-брошь из пог. 62; 6 – кулон из пог. 62; 7 – височные подвески из пог. 49; 8 – подвеска из насыпи. 1–4, 7–8 – золото; 5 – золото, сердолик; 6 – золото, агат

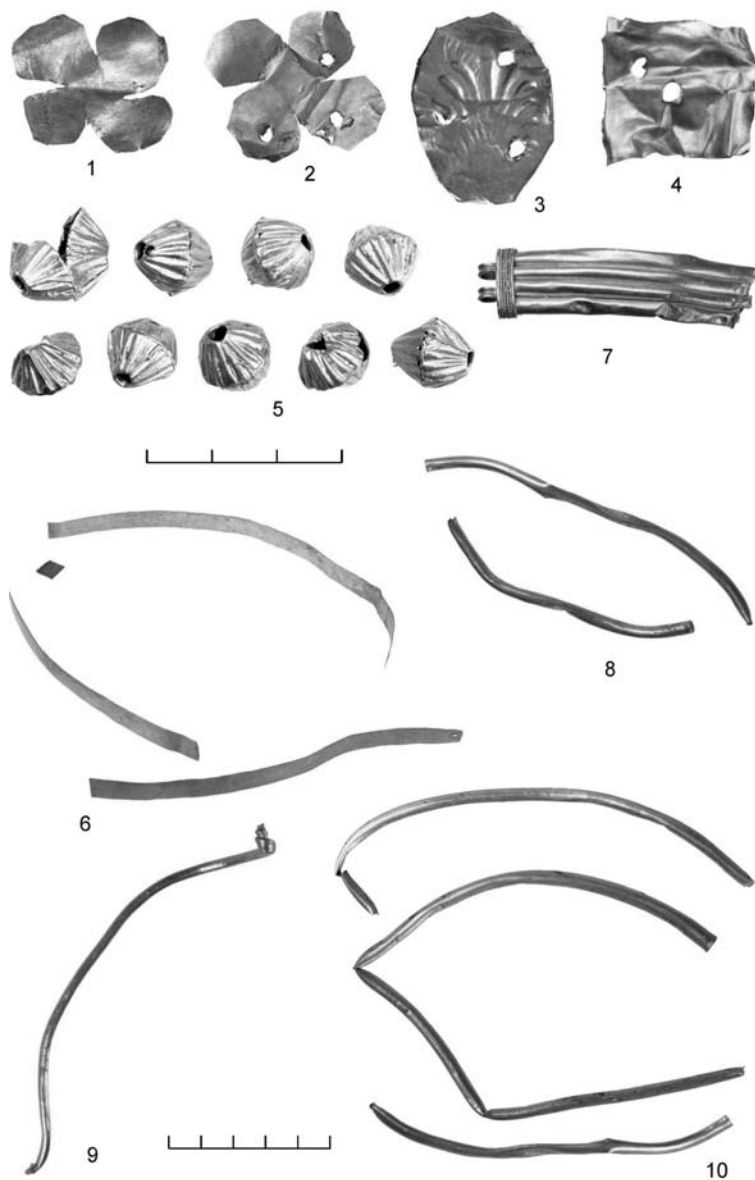

Рис. 3. Могильник Псенафа. Золотые украшения из кургана 1: 1–3 – нашивные бляшки из погр. 80; 4 – бляшка из погр. 89; 5 – ожерелье из погр. 70; 6 – фрагмент гривны (?) из насыпи; 7 – налобный венчик из погр. 70; 8 – браслет из насыпи; 9 – браслет из погр. 89; 10 – гривна из погр. 62

Весьма интересна бусина из скопления 67 с катушковидной основой, выполненной из золота 780° пробы (Рис. 1. 6). Боковые грани катушки украшены напаянным орнаментом в виде «бегущих волнот», расположенных по кругу с окружностью в центре. Орнамент выполнен из уплощенной проволоочки. По краю напаян зубчатый бортик с обращенными вовнутрь зубчиками. Катушка сверху покрыта стеклянной массой синего стекла с синими «глазками» на белом фоне. Размеры: длина 1,15; диаметр 1,0 см. Близкие аналогии подобным ювелирным изделиям нам неизвестны.

К деталям ожерелий можно отнести и подвеску в виде амфорки из золота (проба 630°), обнаруженную в насыпи кургана (нах. 17. Рис. 2. 8). На данном изделии мастер старательно пытался показать «кубаревидную» ножку амфоры, очевидно, воспроизводя амфору «усть-лабинского» типа.

Серьги и височные кольца. В четырех погребениях могильника (№ 48, 55, 70, 76) встречены золотые серьги с головками льва (Рис. 2. 1–4), восходящие к эллинистическому типу XIII/4, т. наз. Löwenkopforhrringe (Pfrommer. 1990). Головки этих серёг спаяны из двух частей, одна из которых представляет конический колпачок с лепесками, а другая моделирована в виде морды льва. Исследуя подобные серьги из Прикубанья, хранящиеся в Краснодарском музее, В. И. Мордвинцева со своими соавторами выделила два варианта подобных серег: вар. 4.1 – изящные экземпляры с тщательно проработанными деталями, происходящие с Таманского полуострова (Мордвинцева и др. 2010. С. 14. Кат. 89, 396, 397, 554), и вар. 4.2, который представлен более крупными и более схематичными экземплярами, происходящими из меотских погребений Кубани (Мордвинцева и др. С. 15. Кат. 109, 197, 233, 549). Следуя этой схеме, мы можем отнести все обнаруженные в могильнике к последнему варианту. В то же время они существенно отличаются между собой деталями и качеством работы. На наиболее ранних экземплярах из погребений 70 и 76 (Рис. 2. 3; 2. 4) морда льва моделирована гораздо качественнее и ребриком показана грива животного, что восходит к образцам вар. 4.1. Другой признак, отличающий ранние экземпляры – более массивная петля и треугольная форма лепестков на колпачках. На более поздних экземплярах (погр. 48 и 55, Рис. 2. 1, 2) ребрик-грива отсутствует, львиная морда весьма условна и сама головка имеет бутоновидную форму. В погребении 70 ранний подвариант такой серьги встречен с птолемеевским перстнем с изображением Арсиной III, позволяющим датировать этот комплекс не позже середины II в. до н.э., а наиболее редуцированная форма этого варианта серьги обнаружена в погребении 48 вместе с зеркалом-подвеской, встречающимися не ранее I в. до н.э. Отметим также, что ранние серьги из погр. 70 и 76 имеют высокую пробу металла (800° и 900°)

соответственно, а поздня, из п. 48, выполнена из более низкопробного золота (590°).

В погребении 49 обнаружены височные подвески из проволочки, свёрнутой в 2 оборота из золота 750°. Края проволочек имеют рубчатые насечки (Рис. 2. 7). Подобные золотые и серебряные височные подвески неоднократно встречались в кубанских комплексах III–II вв. до н.э. (Мордвинцева и др., 2010. Кат. 265, 392, 500).

Гривны и браслеты. В погребении 62 обнаружены три фрагмента гривны из полой трубочки с запаянными расширяющимися концами (Рис. 3. 10). Браслет из полой трубочки был обнаружен вне комплекса (Рис. 3. 8), еще один фрагмент такого же браслета происходит из погребения 89 (Рис. 3. 9). Подобные гривны и браслеты известны в комплексах II–I вв. до н.э. из Курганинска и Тенгинской (Мордвинцева и др. 2010. Кат. 203, 205, 212; Берлизов. 2012. С. 48. Рис. 4, 5–7; Беглова. 2005).

В насыпи обнаружена часть гривны или браслета с шарнирным замком размером 4,3 x 1,0 x 0,3 см из золота 750° пробы. Она выполнена из четырёх спаянных вместе трубочек. Сохранился шарнир в виде колпачка овального в плане, стороны которого украшены двумя рядами сканных «косичек» из тонкой проволоки. К гладкой стороне «колпачка» припаяны две петельки «шарнира» (Рис. 3. 7). Почти полная аналогия разломанной гривне этого типа происходит из ритуального комплекса (объект 10) Курганинского могильника. Мордвинцева и её соавторы датируют этот комплекс в интервале II в. до н.э. – I в. до н.э. (Мордвинцева и др. 2010. Кат. 209; Берлизов. 2012. С. 48. Рис. 4, 8).

Из погребения 70 происходят фрагменты налобного венчика в виде плоской ленты с отверстиями на концах (Рис. 3. 7).

В погребениях 80 и 88 встречены нашивные бляшки-аппликации. Они достаточно грубо вырезаны из листового золота и имеют форму четырехлепестковых розеток (Рис. 3. 1, 2), овала со штампованным отпечатком пальметты (Рис. 3. 3), и квадрата (Рис. 3. 4). На большинстве блях имеются отверстия для пришивания.

Таким образом, новые находки из Псенафы прекрасно иллюстрируют ювелирное искусство меотских племён эллинистической эпохи.

Литература

Н. В. Анфимов. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.

- Е. А. Беглова.* Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. М., 2005. Вып. 4.
- Е. А. Беглова.* Позднеэллинистический и римский периоды // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. III.
- Н. Е. Берлизов.* Сарматское святилище в Восточном Закубанье. // Историко-археологический альманах. Армавир, М., 2012. Вып. 11.
- Каталог Москва. 1987. – Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987.
- Каталог Москва. 2002. – На краю Ойкумены. Каталог выставки. М., 2002.
- В. И. Мордвинцева, М. Ю. Трейстер.* Произведение торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. Симферополь, 2007.
- В. И. Мордвинцева, Е. И. Хачатурова, Т. В. Юрченко.* Сокровища Древней Кубани. Симферополь, Краснодар, 2010.
- Catalog Berlin. – Medeas Gold – Neue Funde aus Georgien. Altes Museum Berlin. Tiflis, 2007.
- Catalog Locarno. – I Tesori I tesori dei kurgani del Caucaso Settentrionale. Nuove scoperte degli archeologi sovietici nell'Adygeja e nell'Osetia Settentrionale. Roma, 1990.
- Catalog Tokyo. – The Treasures of Nomadic tribes in South Russia. Tokyo, 1991.
- Catalog Venice. – I Celti. direzione scientifica: Sabatino Moscati (coordinamento). Milano, Bompiani, 1991.
- Masterpieces... 2008. – *N. Adams* (ed.): Masterpieces of Ancient Eurasian Art. Vol. 1. Selected Object of Gold and Silver from private Western European and North American collection. 6th century BC – 2nd century AD. London, 2008.
- G. Maxaradze, M. Tsereteli.* Sairkhe. Tbilisi, 2007 (груз., с англ. переводом)
- A. Popa.* Cetatea dacică de la Piatra Craivii // Sesiunea de comunicări a muzeelor de istorie 1964. I. București. 1971.

Д. В. Журавлёв

Понтийская сигиллата: региональный феномен в Причерноморье¹³⁸

Среди краснолаковой керамики первых веков н.э., распространённой на берегах Чёрного моря, особое место принадлежит понтийской сигиллате, которая в I–III вв. н.э. доминировала на местном рынке.

¹³⁸ Доклад подготовлен в рамках проекта, финансируемого фондом Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung).

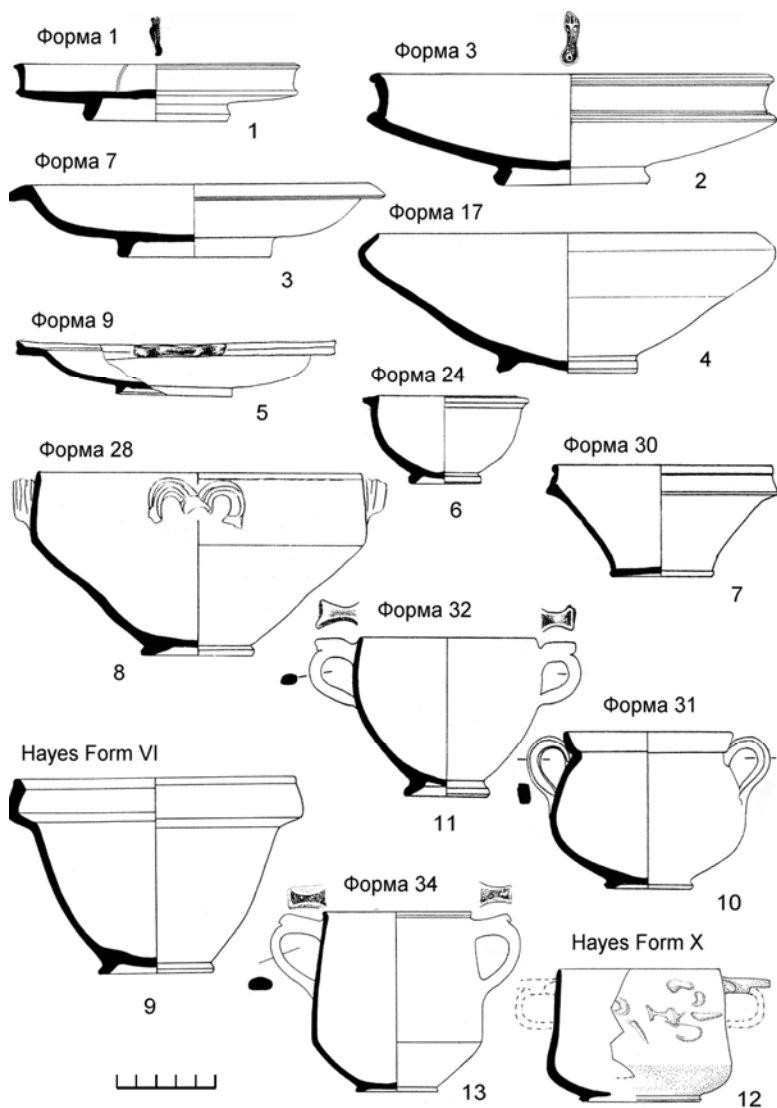

Рис. 1. Наиболее распространенные формы Понтийской сигиллаты А (1–8, 10, 11, 13 – могильник Бельбек IV (ГИМ)); 9-12 – Пантикапей (КИКЗ)

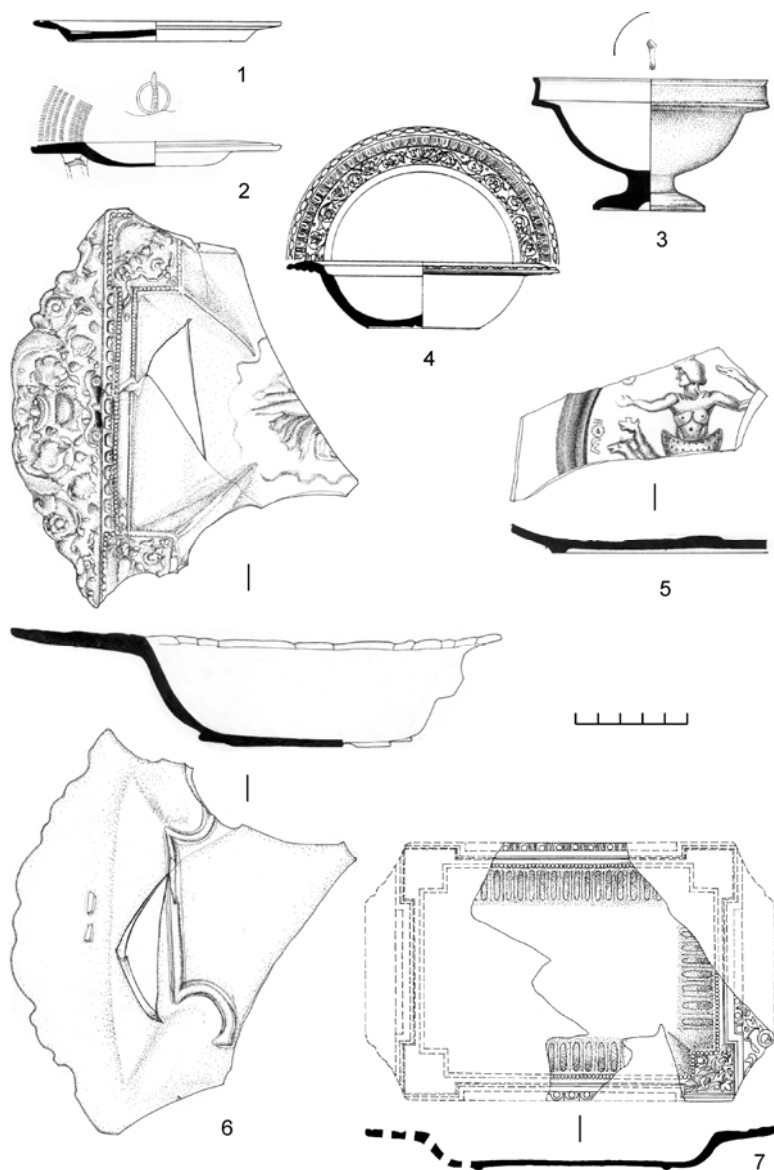

Рис. 2. Наиболее распространенные формы Понтийской сигиллаты В и рельефные блюда понтийского производства. 1, 4, 5 – могильник Бельбек IV (ГИМ); 2, 6, 7 – Пантикапей (ГИМ; КИКЗ); 3 – Ольвия (ГИМ)

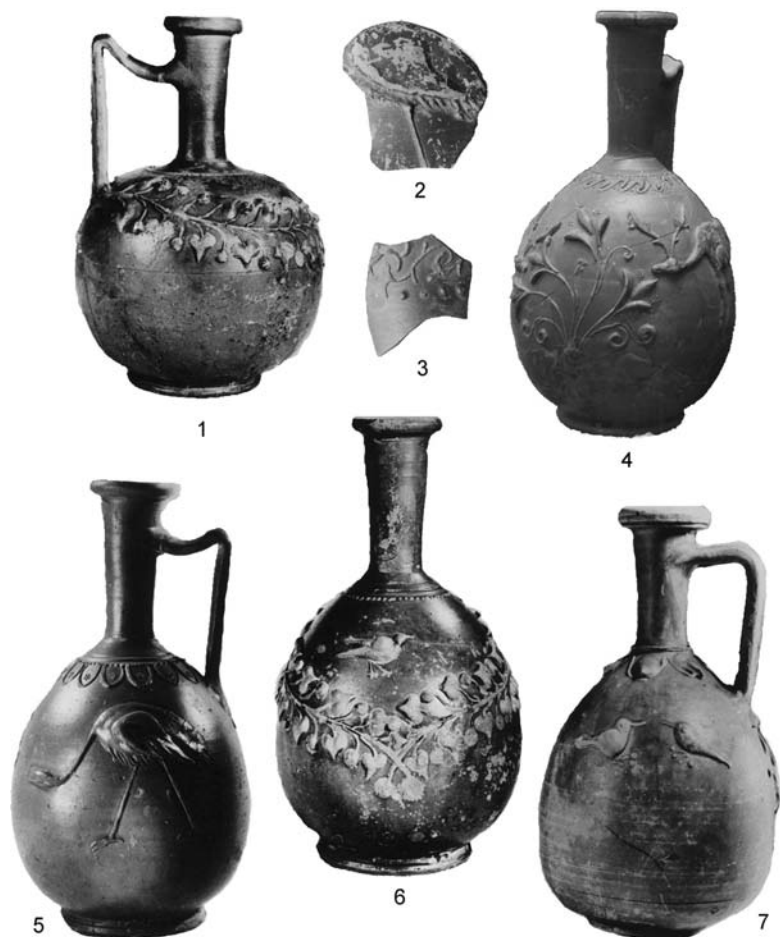

Рис. 3. Кувшины с орнаментом en barbotine: 1, 5–7 – Пантикапей, некрополь, ГЭ; 2, 3 – Пантикапей, городище, ГМИИ; 4 – Горгиппия, Анапский музей

История исследования. К понтийской сигиллате относится вся «пергамская» и большая часть «малоазийской» краснолаковой керамики по терминологии Т. Н. Книпович (Knirowitsch. 1929; Книпович. 1952). Понтийская сигиллата была выделена Дж. Хейсом в 1985 г. на основании русскоязычных публикаций, а также коллекций из «Южной России», хранящихся в европейских музеях (Haues. 1985. Tav. XXII–XXIII). Дж. Хейсом была создана и первая классификация

основных форм понтийской сигиллаты. Дальнейшие исследования понтийской сигиллаты связаны с работами К. Домжалевского, Д. В. Журавлёва и Э. Кюнелът. В настоящее время термин «понтийская сигиллата» получил распространение и в русскоязычной литературе.

Помимо понтийской, в Причерноморье производились и другие группы керамики, имевшие лишь локальное распространение, в частности херсонесская (Ушаков. 2004) и боспорская (Домжалевский, Журавлёв. 2003. С. 89–92) сигиллаты. Значительное распространение имела и мезийская сигиллата, производимая на территории современной Болгарии (Sultov. 1985) – она, правда, производит впечатление более поздней имитации понтийской сигиллаты.

Центры производства понтийской сигиллаты пока не определены. Скорее всего, это был не один, а несколько городов, производящих керамику близкого облика. Глина и характер лакового покрытия сосудов, относимых к понтийской сигиллате, различны и образуют несколько групп. Наиболее вероятным регионом-производителем этой столовой посуды на сегодняшний день представляется Южное Причерноморье, слабо изученное археологически. В свое время мной были выделены три основные группы этой керамики, получившие литерные обозначения: А, В и С (Zhuravlev. 2000), хотя эта классификация предварительна и, несомненно, будет пересмотрена.

Происхождение. Не исключено, что в числе организаторов производства понтийской сигиллаты, во всяком случае, на начальном этапе, могли быть италийские мастера. Это хорошо объясняет некоторые заимствования, которые видны в продукции понтийских мастерских – формы сосудов, элементы декора и характер клеймения. Так, например, тарелки Hayes. 1985. Form I = Журавлёв. 2010, формы 1–4 – наиболее распространенный тип посуды понтийской сигиллаты – восходят к *Conspectus formarum*. 1990. Form 20 арретинского производства, чаши Hayes. 1985. Form V = Журавлёв. 2010, форма 30 – к *Conspectus formarum*. 1990. Forms 22–23 и т.п. Основные приемы орнаментации также пришли из Италии, правда, иногда через посредство иных группы восточной сигиллаты, в первую очередь *ESB*. Набор основных приемов декора также был близок практически во всех центрах-производителях, но это объясняется, скорее, общими тенденциями в развитии керамического производства, чем простым заимствованием. Среди них – техника барботина, украшение дна сосуда кольцевой нарезкой или орнаментом с помощью специального колесика (*rouletting*). Замечу, что за редким исключением для понтийской сигиллаты нехарактерны сосуды, изготовленные в форме, да и аппликативные рельефы были редки.

Особенно хорошо влияние итальянской сигиллаты заметно в характере клеймения. Преобладающим типом клейма для понтийской сигиллаты был отпечаток ступни – *planta pedis*, возникший на керамике итальянского производства в послеавгустовский период (15–20 гг. н.э.). Правда, на сосудах понтийского производства клейма в виде отпечатка ступни за редким исключением были анэпиграфны (Журавлёв. 2001). Одно из клейм на понтийских тарелках – ГАЮУ в рамке *tabula ansata* – может быть именем латинского мастера в греческой транскрипции.

В числе предшественников, а потом и современников понтийской сигиллаты выступает и тонкостенная керамика, или *pareti sottili*. Примеров имитации популярных тонкостенных сосудов понтийскими мастерами очень много. Так, одна из наиболее широко распространенных в Причерноморье форм кубков Hayes. 1985. Form X (Рис. 1. 12) с орнаментом в технике барботина наследует форму итальянских тонкостенных сосудов (Marabini Moevs. 1973. Pl. 37–38, 78–79). При этом интересно отметить, что заимствуется как форма сосуда (Marabini Moevs. 1973. Form XXIX. P. 88–89, датированная I в. до н.э.), так и орнамент (Marabini Moevs. 1973. P. 180–181, относящийся ко времени Тиберия).

Массово распространенные в Северном Причерноморье кубки формы 31 (Рис. 1. 10) также имеют прототипы среди итальянских сосудов *pareti sottili* I в. н.э. (см. например: Plesnicar–Gec. 1972. P. 268. Pl. L, 91; Ricci. 1985. P. 268–269. Tipo 1/124. Tav. LXXXV, 5). Надо упомянуть и серию близких по форме сосудов «эгейской серии» третьей четверти I в. н.э. из Восточного Средиземноморья, в частности, из Пафоса, с барботинным орнаментом (Hayes. 1991. Fig. XXII, 19) и Коринфа (Slane. 1990. P. 63, 93–94; Fig. 22. Pl. 12, № 140, 193), один из которых украшен орнаментом *en barbotine*.

Еще одним прототипом понтийской сигиллаты были металлические сосуды. Помимо отдельных деталей (например, ручек у кубков) гончары воспроизводили форму целых сосудов (кубков и чаш). Особенно эти заимствования видны на примере блюд овальной или четырехугольной формы, получивших широкое распространение в Причерноморье с конца II в. н.э. и особенно в первой половине III в. н.э. (Рис. 2. 5–7). Но эта тема требует специального исследования.

Хронология. Первые сосуды, которые можно достоверно отнести к понтийской сигиллате, относятся ко второй четверти I в. н.э. или немного ранее. Пик ее производства приходится на вторую половину I – первую половину II в. н.э., а затем её количество начинает постепенно снижаться – повсеместно появляется керамика локального производства. Тем не менее, понтийская сигиллата присутствует в комплексах и III в. н.э. Позднее, уже с середины IV в. н.э., в Причерноморье начинает доминировать группа Pontic Red Slip Ware.

Распространение. Понтийская сигиллата преобладает среди находок высококачественной столовой посуды в Северном Причерноморье. Ее находки известны также в Восточном Причерноморье, а также на Южном берегу Черного моря (подробнее см. Zhuravlev. 2011). Помимо этого находки понтийской сигиллаты зафиксированы в Италии, Малой Азии, Греции и даже Северной Африке, правда, в незначительном количестве (Gasparri. 1970. P. 66; Kenrick. 1985. P. 271–282; Hayes. 1985. P. 92–96; Williams, Zervos. 1989. P. 21. Pl. 7, 24; Zelle. 1997. Abb. 57; Lund. 2007. P. 187–188, 191; Hayes. 2008. P. 54, 203. Fig. 26. Pl. 45, N 823–829). Вероятно, за пределами бассейна Черного моря понтийская сигиллата не могла конкурировать с другими группами столовой посуды и не имела торгового значения, хотя ее находки периодически фиксируются в разных центрах.

Группы понтийской сигиллаты. Среди сосудов понтийской сигиллаты А представлен практически весь ассортимент форм – тарелки, миски, чаши, блюда (Рис. 1). Кроме того, из похожей глины изготовлены многочисленные кувшины, столовые амфоры и другие закрытые сосуды (см. Журавлёв. 2010, с литературой). Начиная с середины II в. н.э. начинает проследиваться ухудшение качества сосудов понтийской сигиллаты А, прекращается клеймение, а немного позднее исчезает и без того бедный декор. В то же время в роли парадной столовой посуды самого высокого качества выступает понтийская сигиллата В (Рис. 2. 1–4), датирующаяся в целом II в. н.э., и представленная в основном небольшими мисками, тарелками, чашами.

Несомненно понтийскими являются и блюда овальной, круглой или четырехугольной формы, в изобилии находимые в Северном Причерноморье в слоях конца II – первой половины III в. н.э. (список находок см. Zhuravlev. 2002. Fig. 24, 30, с библиографией). При этом стоит отметить большую вариабельность и глины, и лакового покрытия этих блюд. Если овальные или круглые блюда с изображением сфинкса, Гелиоса на колеснице (Рис. 2. 5), сцены жертвоприношения и т.п. в принципе могут быть сопоставлены с поздними образцами понтийской сигиллаты А, то высококачественные четырехугольные блюда с рельефным краем (Рис. 2. 6–7) ближе, скорее, к понтийской сигиллате В. Обращает на себя внимание рельефное блюдо из Пантикапея с изображением Эрота (Рис. 2. 7), поддон которого выполнен в виде *tabula ansata*. Находки подобных блюд известны на Балканах (Čremošnik. 1962. Tav. VI, 1, 1a, 2a), в Карпатском бассейне (Sanie. 1981. Pl. 20, 3; 21, 7; 22, 1; 24, 8), и даже в Греции (Hayes. 2008. P. 55–56. Fig. 27, № 847; Pl. 46, № 847–853).

С понтийской сигиллатой явно связана и большая группа лагиносов с орнаментом *en barbotine* (Рис. 3). Из некрополя Пантикапея происходит много подобных сосудов (Соколова. 1984), известны

они также в Горгииппии и в Восточном Средиземноморье (Hill. 1946. P. 68–79; Megaw. 1954. P. 175. Pl. XIb; Slane. 1987. P. 381. Pl. 57, № FW 602; Unterkircher. 1983. S. 211. Taf. 43, 3; Hayes. 2008. P. 54–55. Pl. 45, 830–833).

Заключение. Таким образом, в настоящее время есть основания говорить о возникновении понтийской сигиллаты не позднее второй четверти I в. н.э. под влиянием италийской сигиллаты, италийской тонкостенной керамики, а также краснолаковой керамики восточного производства, в частности, восточной сигиллаты В. Эта керамика не является продукцией одного центра производства, и изготавливалась в разных городах, вероятно, по единому стандарту. На протяжении двух сотен лет (середина I – середина III в. н.э.) понтийская сигиллата доминировала среди столовой посуды высокого качества в городах Северного Причерноморья.

Литература

- К. Домжалский, Д. В. Журавлёв.* Боспорская сигиллата // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
- Д. В. Журавлёв.* К вопросу о клеймах *planta pedis* на римской керамике // АΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова. ХСб. 2001. Т. XI.
- Д. В. Журавлёв.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. 2010. Supplementum 9.
- Т. Н. Книпович.* Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935 – 1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
- Е. К. Соколова.* Краснолаковые лагиносы римского времени из некрополя Пантикапея (собрание Эрмитажа) // ТГЭ. 1984. Т. XXIV.
- С. В. Ушаков.* Херсонесская сигиллата (к постановке проблемы) // ХСб. 2004. Т. XIII.
- E. Ettlinger, B. Hedding, B. Hoffmann, P. M. Kenrick, G. Pucci, K. Roth-Rubi, G. Schneider, S. Schnurbein, C. Wells, S. Zabehlicky-Scheffenegger.* Conspetus formarum terrae sigillatae Italico modo confectae. Materialien zur römisch-germanischen Keramik, 10. Bonn, 1990.
- I. Čremošnik.* Nalaz terre sigillata chiare iz Višiča (Čaplijina) // Glasnik zemaljskog muzeja u Sarajevu. Arheologija. Nova serija. XVII. Sarajevo, 1962.
- C. Gasparri.* Sigillata Orientali // Le Terme del Nuotatore. Scavo dell'ambiente I. Ostia II, Studi Miscellanei. 1970.

- J. W. Hayes.* The Hellenistic and Roman Pottery // Paphos. III. Nicosia, 1991.
- J. W. Hayes.* Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio), Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma, 1985.
- J. W. Hayes.* Roman pottery. Fine Ware Imports. Princeton, 2008. – (The Athenian Agora. Vol. XXXII.)
- D. K. Hill.* Roman Jugs with Barbotine Decoration // JWalt. 1946. 9.
- P. M. Kenrick.* The Fine Pottery, Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Tripoli, 1985. Vol. III. Part 1.
- T. Knipowitsch.* Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit den aus den Griechenstädten an der Nordküste des Schwarzen Meeres; I. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Eremitage. Materialien zur römisch-germanischen Keramik, IV. Frankfurt a.M., 1929.
- J. Lund.* The Circulation of Ceramic Fine Wares and Transport Amphorae from the Black Sea Region in the Mediterranean, c. 400 BC – AD 200 // The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges. Black Sea Studies. 6. Aarhus, 2007.
- M. T. Marabini Moevs.* The Roman Thin Walled Pottery from Cosa (1948-1954) // Memoirs of the American Academy in Rome. 1973. Vol. XXXII.
- A. H. S. Megaw.* Archaeology in Cyprus, 1953 // JHS. 1954. Vol. LXXIV.
- L. Plesnicar-Ges.* Keramika Emonskih nekropol. Ljubljana, 1977.
- A. Ricci.* Ceramica a pareti sottili // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio), Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma, 1985.
- S. Sanie.* Civilizația Romană la est de Carpați și romanitatea pe teritoriul Moldovei (sec. II î.e.n. – III e.n.). Iași, 1981.
- K. W. Slane.* The Fine Ware // Tel Anafa. The Hellenistic and Roman Pottery. II, i. Ann Arbor. 1997.
- K. W. Slane.* The Sanctuary of Demeter and Kore. The Roman Pottery and Lamps. Princeton, 1990. – (Corinth. Vol. 18. Pt. 2).
- B. Sultov.* Ceramic Production on the Territory of Necropolis ad Istrum (IInd– IVth century) // Terra antiqua Balkanica. 1. Sofia, 1985.
- E. Unterkircher.* Terra Sigillata aus dem Heraion von Samos // AM. 1983. 98.
- C. K. Williams, O. H. Zervos.* Corinth, 1988: East of the Theater // Hesperia. 1989. Vol. 58.1.
- M. Zelle.* Die Terra Sigillata aus der Westtor–Nekropole in Assos // Asia Minor Studien. Bonn, 1997.
- D. Zhuravlev.* Terra Sigillata and Red Slip Pottery from the Late Skythian Necropoleis of the South-Western Crimea (1st – 3rd Centuries AD) // RCRF Acta 36. Abingdon, 2000.

- D. Zhuravlev. Terra Sigillata and Red Slip Pottery in the Northern Pontic Region (a Short Bibliographical Survey) // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. 2002. Vol. 8. № 3–4.
- D. Zhuravlev. Early Roman Fine Ware from Pompeiopolis // Pompeiopolis. I. Eine Zwischenbilanz aus der Metropole Paphlagoniens nach fünf Kampagnen (2006–2010). Schriften des Zentrum für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes. 21. Langenweißbach, 2011.

Т. Н. Джаксон

Балтийское море Адама Бременского¹³⁹

Адам Бременский, автор хроники «Деяния архиепископов гамбургской церкви» (1070-е гг.), называет то море, которое мы сегодня знаем как Балтийское, Балтийским (будучи к тому же первым, кто ввел этот гидроним), Варварским и Скифским морем, а также Скифскими, или Меотийскими, болотами, Гетскими пустынями или Скифским берегом.

Упомянув в главе II, 18 *Скифское море* как границу Саксонии, Адам ссылается на свой источник знаний об этом море («О природе этого моря кратко пишет Эйнхард в “Деяниях Карла”, когда говорит о Склаванской войне») и в главе II, 19 приводит из него пространную цитату: «От Западного океана, – говорит он, – на восток простирается некий залив, на неизвестную притом длину, ширина же [его] нигде не превышает ста миль, а во многих местах, как обнаруживается, [даже] меньше. Вокруг этого залива обитают многие народы. Ведь северное побережье и все острова на нем занимают даны и свеоны, которых мы именуем норманнами. Южный же берег населяют склавы и разные другие народы, среди которых самые главные – [как раз те,] на кого король тогда пошел войной – вильцы, которых он разбил и покорил за один поход, который он совершил самолично, так что они ко всему прочему решили [также] никоим образом не отказываться исполнять [королевские] повеления» (Адам. 2012. С. 337–338). Любопытно, что *Балтийское море* Адам называет здесь *Скифским* и дословно цитирует далее Эйнхарда, который не дает этому морю вообще никакого названия, да и скифов на его берегах не помещает – о скифах у Эйнхарда речь вообще не идет нигде. Однако, согласно Эйнхарду, «северное побережье и все острова на нем занимают даны и свеоны», а, как можно видеть в главе I, Адам обозначил миссию архиепископа Унни к северным народам (конкретнее – как раз к данам и свеям) как проповедь слова Божьего *скифам*. Значит, для Адама насельники данной области – не *норманны*, как их

¹³⁹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 11-01-00382а.

называет Эйнхард, но *скифы*, а море, на берегах которого они живут, – *Скифское*. Ниже, в главе IV, 10, Адам озвучит этот способ именованья водных пространств по обитателям прилегающих территорий, причем применительно именно к Балтийскому морю: «Его также именуют морем Варварским или Скифским по варварским народам, которые обитают на его берегах» (Адам. 2012. С. 426). Соответственно, и в II, 18 *Скифское море* – термин Адама (а не его источника), что подтверждается его комментариями в двух следующих главах, где он лишний раз подчеркивает, что это было описание Эйнхарда, а дальше он будет говорить от себя (II, 20: «Это он. Мы же, коль скоро столько раз [уже] заходила речь о склавах, полагаем, что будет излишним, если мы скажем...»), и тут же называет северной границей Склавании («обширной области Германии», населенной «винулами») *Скифское море* (II, 21. С. 338). Хотя, конечно, следует оговориться, что термин *Скифское море* (но не Балтийское) есть у Лукана в «Фарсалии» (I, 18). Вслед за Адамом *Скифское море* (= Балтийское) присутствует у Оттона Фрайзингенского (сер. XII в.), а у Хельмольда из Бозау (до 1177 г.) – просто прямое заимствование из Адама. Ещё одна характеристика Балтийского моря в тексте Эйнхарда породила, на мой взгляд, еще одну ментальную конструкцию Адама, в которой путем логических размышлений он соединил конкретный источниковый материал со своими абстрактными литературными познаниями. Я имею в виду приводимые Адамом в II, 19 слова Эйнхарда о том, что «от Западного океана... на восток простирается некий залив, на неизвестную притом длину». В главе IV, 10, применяя, как он сам говорит, «способ разъяснения», т. е. излагая «более полно» то, что Эйнхард «обрисовывает вкратце», Адам так трактует название этого моря: «Этот залив [местные] жители называют Балтийским, потому что он тянется на большое расстояние через скифские области вплоть до Греции, наподобие пояса. Его также именуют морем Варварским или Скифским по варварским народам, которые обитают на его берегах» (Адам. 2012. С. 426). Действительно, лат. *balteus* – это «пояс», и такое народно-этимологическое толкование Адама вполне понятно. Почему залив тянется «через скифские области» и называется *Скифским морем*, – мы выше выяснили. Но почему «вплоть до Греции»? Причем это – не разовая оговорка: в IV, 1 сообщается, что из Шлезвига «обыкновенно отправляются корабли в Склаванию, либо в Сведию, либо в Семланд *вплоть до Греции*» (Адам. 2012. С. 421); в IV, 16 – что с острова Борнхольм плывут «к варварам и в *Грецию*», а в Курланд съезжаются «со всего света... за пророчествами, а больше всего *из Испании и Греции*» (Адам. 2012. С. 429).

Отвергая весьма правдоподобные возможные объяснения, А. В. Назаренко подчеркивает, что поскольку «картина мира» средневекового человека «покоилась на традиции и авторитете», ему «было крайне трудно вообразить, что на земле есть уголок, о котором ничего не написано у Плиния, Солина, Орозия, Исидора и т. п.». Так и Адам нашел по данному вопросу авторитетное суждение римского ученого-компилятора V в. н.э. Марциана Капеллы, «что “Меотийские болота” (античное название Азовского моря) являются “залливом Северного океана”. Результатом стало прямое отождествление Балтики и Меотиды со ссылкой на Марциана, фундаментальное для всей географической картины Адама Бременского» (Назаренко. 1999. С. 276). Менее категоричен (и, как мне представляется, гораздо более близок к истине) автор был в более ранней своей работе: одной из причин уникального для средневековой географической литературы отождествления Балтики и Меотиды он назвал контаминацию сведений информаторов-современников с данными ученой традиции (и в частности, того же Марциана – De Nuptiis. VI, 619), а главной – противоречивость реальной информации Адама, согласно которой можно было доплыть на восток и до Руси, и до Греции (Назаренко. 1989). В приведенной же формулировке из работы 1999 г. акценты у А. В. Назаренко, по моему мнению, несколько смещены. Во-первых, *не* при отождествлении Балтики и Меотиды Адам ссылается на Марциана (заметим в скобках, что представление о Меотиде как о заливе Северного океана Адам мог обнаружить и в другом своем источнике – «Фарсалиях» Лукана – Phars. III, 277). Приведем цитату из Адама: «Вот то, что я хотел сказать об этом Балтийском, [или Варварском,] заливе. Я не встречал о нем никаких упоминаний ни у кого из ученых [мужей], кроме как у одного, о котором мы писали выше, у Эйнхарда. Полагаю, что древние [римляне] знали это море под именами Скифских, или Меотийских болот, “гетских пустынь”, а также “скифского берега”, который, по словам Марциана, “густо населен множеством разнообразных варваров”. “Там, – пишет он, – геты, даки, сарматы, аланы, {невтры,} гелоны, антропофаги, троглодиты”» (IV, 20. С. 431). Во-вторых, Адам упомянул в этом абзаце одного лишь Марциана, но, как отмечают издатели, переводчики и комментаторы его текста, Марциану здесь принадлежит слово о варварах, населяющих *скифский берег*, и следующее далее их перечисление (De Nuptiis. VI, 663); *Гетскую пустыню* Адам заимствовал из «Георгик» Вергилия (III, 462), *Меотийские болота* – у Орозия (I, 2, 5.52) или у Иордана (38; 44). *Скифских болот* нет ни в одном известном источнике Адама, однако стоит обратить внимание на рассказ Иордана (38) о начальном расселении готов («Мы читали, что первое расселение [готов] было в Скифской земле, около Мэотийского болота»; второе – в Мизии, Фракии и Дакии; третье – на Понтийском

море, снова в Скифии...» – Иордан. С. 68), где в связь поставлены *Скифская земля* и *Меотийское болото*. Именно этот, не упомянутый Адамом (однако выявляемый исследователями) источник, и мог дать ему основание для «сотворения» *Скифских болот*, тождественных, с одной стороны, его собственному *Скифскому морю* (т. е. Балтийскому), а с другой стороны, – *Меотиде* античных авторов.

В результате Шлезвиг, Борнхольм, Юмне (Волин), «Острогард России» и Греция оказались для Адама маршрутами одного водного пути. Я с известной долей скептицизма отношусь к утверждению, что «наряду с реальной топографией, где Русь замыкает Балтику с востока, возникает своеобразная “теневая” топография, в которой Меотида как бы спроецирована на Балтийское море, а Греция – на Русь» (Назаренко. 1999. С. 277). Скорее, на мой взгляд, стоит говорить не о некоей «проекции», словно бы подразумеваемая при этом современную карту, а, напротив, принимать ментальную карту ученого клирика, не совершавшего дальних плаваний, как смешение сведений, добытых путем не только основательного изучения всех доступных ему сочинений, но и обстоятельных расспросов современников. Именно эти расспросы, и в первую очередь его скандинавских информаторов, должны были приоткрыть перед Адамом ту отразившуюся в памятниках древнескандинавской письменности картину мира, в которой ойкумена делилась на четыре четверти – южную, северную, западную и восточную (Джаксон. 1994). Эти четверти можно представить как четыре сектора земного круга с центром либо на северной оконечности датских островов, либо в Южной Скандинавии (Джаксон, Подосинов. 2000). К восточной четверти в этом делении ойкумены относятся все земли по берегам Балтийского моря, которое в древнескандинавской письменности носило название Восточного моря, и земли в глубине Восточной Европы. На востоке тем самым оказывались Швеция, земли финнов, эстов, куршей, карел, прибалтийских славян, Польша, Русь, а также Константинополь и Рим, куда ездили «Восточным путем» (Джаксон. 1997). Движение из одной области в другую определялось не по реальным показаниям компаса, а в соответствии с принятыми наименованиями этих областей, то есть направление движения было выражено в терминах цели. Движение в пределах четвертей тоже описывалось в соответствии не с показаниями компаса, а с названиями четвертей. Соответственно, движение внутри восточной четверти, из одной точки в любую другую, почти всегда обозначалось как движение «на восток» (или «с востока»). Именно такое мировидение, подкрепленное к тому же знанием о существовании активно функционирующего водного пути, по которому можно добраться «из варяг в греки», и должно было, на мой взгляд, найти отражение в труде Адама Бременского в форме *Балтийского моря / Скифского моря / Скифского болота / Меотий-*

скго болота, протянувшегося от Скандинавии далеко на восток, вплоть до Руси и Греции.

Литература

- Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В. В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012.
- Т. Н. Джаксон. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994.
- Т. Н. Джаксон. «Восточная часть мира»: ментальная карта средневекового скандинава // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 1997. № 3.
- Т. Н. Джаксон, А. В. Подосинов. Норвегия глазами древних скандинавов: к вопросу о специфике древнескандинавской ориентации по странам света // Другие средние века: К 75-летию А. Я. Гуревича. М.; СПб., 2000.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. “Getica” / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1997.
- А. В. Назаренко. Реальность и ученая традиция в представлениях Адама Бременского (XI в.) о Северной и Восточной Европе // XI Всесоюзная конференция по изучению... Скандинавских стран и Финляндии. М., 1989. Ч. 1.
- А. В. Назаренко. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999.

В. И. Кац

К предыстории появления в свет Каталога амфорных клейм округа античной Феодосии

Где-то в начале 2011 г. С. Ю. Монахов получил электронный вариант рукописи монографии А. В. Гаврилова «Амфорные клейма хоры Феодосии» с просьбой быть научным редактором представленной работы. Сергей Юрьевич, зная, что мне приходилось в своё время заниматься обработкой клейменого материала из фондов феодосийского музея, попросил меня познакомиться с монографией и дать заключение. Просьба была выполнена незамедлительно и результаты беглого знакомства с рукописью были пересланы А. В. Гаврилову.

В рецензии отмечалось, что сама по себе идея издать столь обширный (более 1500 экз.) клейменный амфорный материал, полученный в результате разведочных и раскопочных работ на памятниках крупного крымского региона, вполне продуктивна и своевременна. Однако представленная работа, к сожалению, выполнена не на должном профессиональном уровне.

Во-первых, содержание монографии – «Амфорные клейма хоры Феодосии» – не вполне соответствует названию:

1) охвачен регион, далеко выходящий за пределы хоры Феодосии (памятники Присивашья и восточной части Степного Крыма);

2) вместе с тем приведён не весь клейменный материал, зафиксированный в этом регионе: представлены клейма, обнаруженные исключительно на поселениях, и только упомянуты, но не включены в Каталог оттиски на амфорах из могильников.

Во-вторых, далеко не все задачи, поставленные во введении работы, в дальнейшем были реализованы:

1) с одной стороны, относительно благополучно обстоит дело с использованием клейм как основного хроноиндикатора жизни поселений данного региона;

2) с другой стороны, анализ распределения клейм во времени и пространстве проведён поверхностно, представленные в заключении выводы слабо аргументированы;

3) если не считать десятков имён «новых» гераклейских магистратов (среди которых фигурирует даже некий Азик – см. Новопокровка 1, № 275), появившихся в результате ошибочного восстановления и интерпретации легенд в повреждённых клеймах, каких-либо обещанных во введении «уточнений и дополнений в хронологическую классификацию фабрикантских и магистратских клейм Гераклеи Понтийской и Синопы» не появилось;

В-третьих, странно обстоит дело с характеристикой современного состояния хронологии тех серий клейм, которые встречены. Она поверхностна, и занимает всего один столбец во введении. Автор отмечает наличие разночтений в хронологии, но не объясняет, почему им выбрана та или иная хронологическая система. В результате при датировке клейм появляются расхождения.

Существенные замечания касались и основной части монографии, которая разделена на 50 параграфов, каждый из которых содержит информацию о клейменом материале, обнаруженном на отдельных поселениях региона. Все параграфы выполнены по одной схеме: местоположение поселения, условия находки на нём амфорных клейм, их описание и датировка, наличие на памятнике других датированных материалов (в первую очередь монет), корреляция полученных датировок и в итоге вывод о хронологических рамках существования поселения. Во второй части каждого параграфа приве-

дены в табличной форме каталоги клейм, обнаруженных на данном памятнике.

Проделанная автором работа оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, установленные хронологические рамки жизни поселений могут с определёнными корректировками быть приняты. Однако каталоги клейм оформлены с нарушением тех требований, которые предъявляются сейчас к изданиям такого рода (Garlan. 2004; Кац. 2007. С. 22–37).

Проиллюстрировано более 80 % публикуемых клейм. Качество фотографий вполне приличное, что позволяет в большинстве случаев проверить, а при необходимости исправить предложенное автором чтение надписей в публикуемых оттисках.

Правда, автор во введении указывает, что «на фотографиях размеры клейм незначительно изменены в сторону увеличения, что сделано с целью улучшения различения легенды и эмблемы». Между тем в последнее время стало общепринятым давать фотографии в масштабе 1:1, что позволяет надёжно идентифицировать и сравнивать штампы, которыми оттиснуты клейма. Предложенное же автором нововведение вносит в эту работу дополнительную путаницу. Кроме того, «незначительное» увеличение масштаба ничуть не улучшает «различение легенд и эмблем». При наличии хорошей фотографии для этой цели вполне можно использовать увеличительное стекло.

Наконец, вряд ли можно признать удачным систему, которая применена при распределении клейменого материала внутри таблиц. Автор решительно отказался от сложившейся в российской керамической эпиграфике системы разбивки материала по группам, внутри которых оттиски помещены в алфавитном порядке. В его таблицах клейма «расположены в хронологическом порядке в соответствии с хронологическими рамками их бытования, принятыми в современной научной литературе». Необходимо отметить, что предложенная система не является чем-то новым. Она заимствована из четырёх каталогов клейм, относительно недавно появившихся на Западе (Avram. 1996; Conovici. 1998; Garlan. 1999; Garlan. 2004). Мне уже приходилось отмечать нелогичность и нерациональность этой системы (Кац. 2007. С. 45). Автор пренебрёг практически всеми замечаниями, которые были высказаны С. Ю. Монаховым, и в результате этого его Свод оказывается бесполезным для рядовых археологов. Не секрет, что последние обращаются к каталогам клейм исключительно для того, чтобы обнаружить аналогии встреченным ими оттискам и получить информацию об их датировке. В отмеченных выше западных изданиях эту информацию при определённых усилиях удаётся получить. Самим каталогам предшествуют обширные очерки, посвящённые хронологии каждой из публикуемых серий клейм и

содержащие схемы, указывающие на порядок, в котором стоят оттиски отдельных магистратов в самом каталоге. Кроме того в обязательном порядке в конце издания приведён указатель имён фабрикантов и магистратов, встреченных в публикуемых клеймах. В представленной монографии подобная информация и какие-либо индексы отсутствуют.

Однако не эти, хотя и серьёзные, но вполне устранимые недочёты в оформлении таблиц являются главным недостатком представленного свода керамических надписей. Куда более серьёзным дефектом является масса ошибок, допущенных на предварительной стадии работы с клеймами. Уже при первом знакомстве с таблицами удалось зафиксировать более 200 случаев ошибок в локализации клейм, чтении и интерпретации надписей в повреждённых оттисках, в их датировках.

Все вышеотмеченные наблюдения присутствовали в отзыве на монографию «Амфорные клейма хоры Феодосии», который был отправлен автору. Кроме того, к нему был приложен список номеров клейм Каталога, чтение и интерпретация надписей в которых вызывала сомнение. В итоговом заключении отмечалось, что данный вариант монографии с точки зрения методики анализа материала является вчерашним днём керамической эпиграфики, а по степени его предварительной обработки – позавчерашним. Указывалось, что выпускать в свет монографию в том виде, как она представлена, нерационально, так как пострадает прежде всего авторитет самого автора. Необходимо в первую очередь перепроверить все клейма, включенные в таблицы и исправить ошибочные чтения. Если это не будет сделано, то, чтобы не вводить в заблуждение читателей, потребуется издание объёмной работы по исправлению допущенных ошибок.

Однако в конце того же 2011 г. монография вышла из печати (Гаврилов. 2011) Какие же исправления были внесены по сравнению с первым вариантом? Их крайне мало и в основном они касаются названия монографии. Теперь она озаглавлена — «Амфорные клейма округа античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников)». Подзаголовок появился явно неслучайно. Он должен был нейтрализовать обвинение в том, что не был проведён достойный анализ распределения публикуемых клейм во времени и пространстве. Новый, более нейтральный вариант названия действительно лучше соответствует содержанию, чем первый. Однако продолжают оставаться определённые сомнения в том, корректно ли называть скифские поселения Присивашья феодосийской округой. В связи с изменившимся названием косметические поправки были проведены и в текстовой части работы. Термин «хора» был заменён на «округу». Однако не везде эта операция прошла успешно. В результате, мы встречаем такое странное противопоставление, как

«хора и сельская округа» (Гаврилов. 2011. С. 6), или ещё более странное сочетание – «направление торговых связей хоры полиса округи» (Гаврилов. 2011. С. 340). В остальном, как текстовая часть монографии, так и таблицы клейм не претерпели сколь-нибудь серьёзных изменений.

Таким образом, А. В. Гаврилов либо из-за отсутствия времени, либо по каким-то иным причинам проигнорировал переданные ему замечания. Особенно печально, что не были внесены поправки в те номера таблиц клейм, которые ему были указаны. Поэтому работу над ошибками пришлось проводить мне. В ходе более тщательного изучения Свода теперь внесены исправления уже более чем в 600 экземпляров, почти в три раза больше, чем при предварительном просмотре.

Ошибки в восстановлении, чтении и интерпретации надписей в клеймах имеют самый различный характер. У 20 % магистратских оттисков (в основном гераклеийских и синопских) либо исправлены, либо заново прочитаны имена фабрикантов, что в большинстве случаев не повлияло на предложенную автором датировку. Для четырех оттисков локализация была проведена ошибочно. Кроме того, не исключено, что большинство клейм, определённых автором как хиосские, в действительности не принадлежат этому центру, так как не приведены достаточно веские доказательства такой локализации.

Всего А. В. Гавриловым были установлены даты для 884 клейм, что составляет немногим менее 58 % от общего количества. Однако этот процент оказывается ещё более низким. Необходимо отнять из общего числа датированных экземпляров 55 оттисков, главным образом гераклеийских, в которых предложенное автором восстановление легенды более чем сомнительно. Но это ещё не всё. Среди оставшихся клейм для 203 экземпляров даны ошибочные даты. В большинстве случаев (138 экз.) это обусловлено неправильными восстановлениями надписей в повреждённых клеймах; в 28 случаях неправильно определена принадлежность клейма (магистратские выданы за фабрикантские или наоборот); в 36 синопских клеймах ошибочно определены омонимы. В результате оказывается, что автор правильно датирует немногим более 40 % клейм коллекции, что указывает на крайне низкую эффективность проделанной работы.

В чём же причины того, что выполненная А.В. Гавриловым работа по первичной обработке клейменого материала оказалась мало эффективной? Причин этому несколько.

Во-первых, крайне узок находящийся в распоряжении автора банк данных по клеймам. Конечно, при первичной обработке клейм автор, как и большинство исследователей, занимающихся изданием клейменого керамического материала, встретился со значительными трудностями, так как практически отсутствуют определители по основным сериям оттисков. Чтобы обнаружить искомые аналогии, приходится «прочёсывать» гору литературы. В библиографии же к монографии отмечен всего десяток работ, содержащих подобный материал. Тем не менее, автор сообщает во введении, что он трудился в библиотеках всех археологических миссий в Афинах. Интересно было бы узнать, чем ему помогла эта работа при написании монографии? В его коллекции более 90% клейм принадлежат причерноморским центрам, которые являются экзотическим материалом для западных керамистов. Практически вся литература по клеймам этих центров издана на русском языке. Десяток же указанных в библиографии работ иностранных авторов был вполне доступен и в Крыму. Надо было ехать не в Афины, а в Москву, где в архиве Института археологии находится и вполне доступна рукопись Корпуса керамических клейм из Северного Причерноморья (ИРЕ. III). Начиная с 50-х гг. прошлого века все советские исследователи, публиковавшие крупные коллекции керамических клейм, основательно прорабатывали этот Корпус в поисках аналогий. А. В. Гаврилов пренебрёг этой возможностью, а зря. По крайней мере, количество ошибочных восстановлений легенд клейм сократилось бы в несколько раз.

Во-вторых, приступая к обработке столь большой коллекции клейм, А. В. Гаврилов явно не обладал достаточным опытом для проведения столь сложной работы. Например, при наличии хорошо известного автору каталога-определителя фасосских клейм раннего периода (Garlan. 1999), в котором проиллюстрированы все известные штампы, ошибки в чтении легенд этой серии клейм, казалось бы, должны быть сведены к минимуму. Но этого не произошло. Процент правильно датированных фасосских оттисков приблизительно тот же, что и по клеймам всей коллекции.

В заключение нельзя не отметить ещё несколько моментов, характеризующих рецензируемую монографию. Прежде всего, явно прослеживается какая-то спешка при её издании. Если и проводилась корректура, то сделана она была поверхностно. Иначе чем объяснить пропуски порядковых номеров в некоторых таблицах (см. Новопокровка 1, № 185, 332, 333; Узун Сырт – вершина – № 53, 58); отсутствие информации в отдельных столбцах (см. Ближнее I, № 69; Ближнее III, № 70–77); разночтения в информации, содержащейся в разных столбцах, характеризующих одно и то же клеймо (см.: Алмазное № 1, Надежда № 4; Новопокровка 1 № 130–137) и т.п. Не была проведена тщательная сверка клейм коллекции Е. М. Кальского,

составляющей более трети всего публикуемого материала. У оттисков пятой части коллекции отсутствует указание на место их хранения. Между тем большая часть этих клейм находится в Феодосийском музее и имеет соответствующие фондовые номера.

Возникает вопрос и о том, проводилось ли редактирование работы? Не говоря о наличии в ней логических сбоев, некоторые несуразности не мог не заметить редактор, даже если он и не является специалистом по керамической эпиграфике. Так, при характеристике синопского клейма, обнаруженного на поселении Васильковое I (Гаврилов. 2011. С. 41), в тексте оно определяется как принадлежащее астиному Мнесиклу I, в пятом же столбце таблицы уже Естиею (видимо Гестиею) I. Правда, в действительности это клеймо содержит имя астинома Гикесия. И таких несуразностей много.

Наконец, возникает вопрос и о том, как эта явно недоработанная монография вышла в свет? В выходных данных указано, что она утверждена к печати Учёным советом столь уважаемого научного учреждения, как Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины по решению довольно представительной (пять докторов исторических наук) редакционной коллегии. Понять членов коллегии в какой-то степени можно, рукопись была сопровождена четырьмя (видимо, положительными) отзывами сотрудников института. Однако странно, что члены коллегии не обратили внимания на то, что ни один из этих рецензентов никогда всерьёз не занимался керамическими клеймами. Прежде чем рекомендовать рукопись к печати, необходимо было получить рецензию специалиста в области керамической эпиграфики. И возможность заполучить такого специалиста в Крыму у редакционной коллегии была – это сотрудник Керченского историко-культурного заповедника Н. Ф. Федосеев, который знаком с публикуемым материалом, так как он даже был соавтором А. В. Гаврилова в первой вышедшей в свет работе, посвящённой керамическим клеймам этого региона (Гаврилов, Федосеев. 2002). Однако, к сожалению, эта возможность не была реализована, и мы в результате получили то, что и должны были получить.

Литература

- A. B. Гаврилов.* Амфорные клейма округа античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) // Археологический альманах. № 24. Донецк, 2011.
- A. B. Гаврилов, Н. Ф. Федосеев.* Амфорные клейма из античных памятников округа Феодосии // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
- В. И. Кац.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ. Симферополь, Керчь, 2007. Вып. XVIII.
- A. Avram.* Les timbres amphoriques. 1. Thasos // Histria-VIII. Bucarest, Paris, 1996.
- N. Conovici.* Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbres composes) // Histria vol. VIII Bucarest, 1998.
- Y. Garlan.* Les Timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Paris, 1999.
- Y. Garlan.* La publication des timbres amphoriques Grecs // Epigrafia amphórica. Barcelona, 2004.
- Y. Garlan.* Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue (Varia anatolica 16). Istanbul, Paris, 2004.

IV. МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В АРХЕОЛОГИИ БОСПОРА И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

С. Л. Смекалов

Обобщение и систематизация сведений о поселениях Европейского Боспора¹⁴⁰

Обобщение и систематизация сведений об археологических памятниках – вопрос, который периодически возникает по мере накопления результатов новых исследований, проводимых различными авторами. В данной работе уделено внимание одной категории объектов, а именно археологическим памятникам Европейского Боспора, относимым исследователями к поселениям. Рассматривались объекты, расположенные на территории Крыма восточнее 35° восточной долготы. Использовалась информация, содержащаяся в основополагающих публикациях И. Т. Кругликовой и В. В. Веселова (Кругликова. 1975; Веселов. 2005), работах других авторов, изданных в конце XX и в XXI в., отчётах Крымского филиала института археологии, также использовались предварительные результаты археологических разведок, выполненные археологами Украины и России в период до 2010 г. включительно и собранные в имеющейся у автора данной публикации базе данных¹⁴¹. Критерием отнесения того или иного объекта к «поселениям» являлись либо соответствующие указания в литературе, либо мнение исследователя, проводившего разведки. Возможно, в ряде случаев отнесение памятника к поселениям является ошибочным, и, наоборот, какие-то из объектов, которые В. В. Веселов, И. Т. Кругликова и современные исследователи обозначают как «скопление фрагментов керамики», не обнару-

¹⁴⁰ Работа выполнена по гранту РФФИ № 13-06-00081 «Структура сельских территорий Европейского и Азиатского Боспора в период эллинизма: общее и особенное».

¹⁴¹ Данная работа не ставит целью введение в оборот новых памятников, указание их точных координат, а также указаний на авторство того или иного исследователя, так как полное перечисление памятников с соответствующими ссылками – это материал для отдельной публикации. Ограничимся поэтому лишь перечнем имен исследователей, труды, отчеты и предварительные данные разведок которых использованы при подготовке фрагмента базы данных, относящегося к Европейскому Боспору: Д. В. Бейлин, Н. И. Винокуров, А. В. Гаврилов, В. К. Голенко, А. Л. Ермолин, В. Н. Зинько, С. Г. Колтухов, А. В. Куликов, А. А. Масленников, Л. Ю. Пономарёв, С. Л. Смекалов, Н. Ф. Федосеев, О. Д. Чевелёв.

жив следов каких-либо строительных структур или культурного слоя, впоследствии окажутся «поселениями».

На Рис. 1 представлена схема расположения ранее известных, а также выявленных в последние десятилетия поселений, а в Табл. 1 и 2 приведено сравнение некоторых имеющихся об этих памятниках сведений ¹⁴². На Рис. 2 приведено расположение ранее известных, а также выявленных в последнее время поселений для периодов IV–III и II–I вв. до н.э.

Таблица 1. Общие сведения об изученности поселений Европейского Боспора, расположенных восточнее 35° в.д.

Когда обнаружены	Всего VI в. до н.э. – III в. н.э.	GPS или крупномас- штабные карты	Раскопки	Шурфовки
Кругликова– Веселов и предыдущие исследовате- ли	390	70	53	3 ¹⁴³
Исследова- ния конца XX и XXI в.	187	165	24	20
Общее кол-во поселений	577	235	77	23

¹⁴² Возможно, в исследованиях, оказавшихся вне поля зрения автора, для части памятников, включенных в базу данных, имеются иные сведения относительно их датировок и степени изученности, однако вряд ли это существенно повлияет на общие соотношения, приводимые в таблицах.

¹⁴³ Столь малое число шурфовок, скорее всего, свидетельствует о неполноте, имеющейся в базе данных информации о шурфовках.

Таблица 2. Общие сведения о хронологии поселений Европейского Боспора, расположенных восточнее 35° в.д.

Когда обнаружены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кругликова–Веселов и предыдущие исследователи	390	12	34	352	348	186	188	127	127	126
Исследования конца XX и XXI в.	187	3	43	149	145	39	36	38	43	30
Общее кол-во поселений	577	15	77	501	493	225	224	165	170	156

1 – Всего VI в. до н.э. – III в. н.э.; 2 – VI в. до н.э.; 3 – V в. до н.э.; 4 – IV в. до н.э.; 5 – III в. до н.э.; 6 – II в. до н.э.; 7 – I в. до н.э.; 8 – I в. н.э.; 9 – II в. н.э.; 10 – III в. н.э.

Первый вывод, который можно сделать, рассмотрев Табл. 1, довольно парадоксален. В 70-е г. XX в. территория была изучена в некотором смысле лучше, чем она изучена в настоящее время. Действительно, из 390 поселений, известных в то время, точные координаты имеются всего лишь для 70, однако для остальных локализация на местности была известна сотрудникам работавших в те годы экспедиций. Положение 320 прочих поселений точно неизвестно, и вряд ли даже в неопубликованных пока дневниках И. Т. Кругликовой оно описано точнее, чем в изданной сводной ведомости В. В. Веселова. Работающие в настоящее время специалисты, по-видимому, если и бывали когда-то на этих памятниках, то вряд ли смогут указать их точное положение на местности. Вместе со 187 поселениями, выявленными в последние десятилетия, координаты которых в большинстве случаев уже определены по GPS, оказывается, что сейчас нам фактически известно $70+187 = 257$ поселений, вместо 390, известных в 70-е г. XX в. Оценивая работы последних десятилетий (Рис. 1), можно сделать следующие основные заключения. Достаточно тщательно изучен большой район территории – хора Феодосии (работы А. В. Гаврилова).

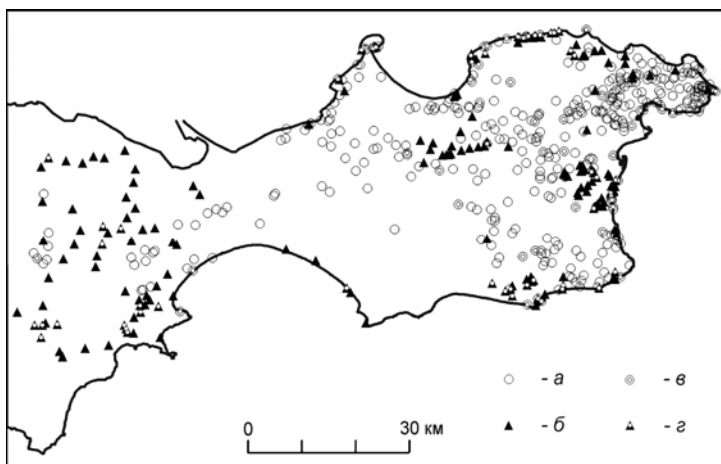

Рис. 1. Известные к 70-м гг. XX в. и вновь выявленные поселения Европейского Боспора VI в. до н.э. – III в. н.э.: *а* – поселения, выявленные Кругликовой и Веселовым и ранее; *б* – поселения, выявленные в конце XX и в XXI вв.; *в-г* – поселения, на которых проводились раскопки или шурфовки

Если разведками Веселова охвачены, главным образом, памятники центральной части этой зоны, то разведками А. В. Гаврилова охвачена практически вся территория от Черного до Азовского морей. Другой район, обследование которого можно, наверное, считать законченным – это хора Нимфея, изучение которой проводилось под руководством В. Н. Зинько. Характерно, что памятники, выявленные там, открыты в основном до 2000 г. и новых объектов в XXI в. практически не обнаружено. Также проведены обширные разведки практически вдоль всего побережья Чёрного и Азовского морей восточнее Ак-Монайского перешейка. Вместе с тем, в центральной части Керченского полуострова выявлен лишь ряд поселений в районе Парпачского хребта западнее Узунларского вала¹⁴⁴. Учитывая то, что точная идентификация поселений в центральной части полуострова с поселениями по Кругликовой–Веселову практически невозможна, следует предположить, что отсутствие «новых» поселений в этой части полуострова говорит о том, что разведки там практически не проводились.

¹⁴⁴ В разведках последнего десятилетия на Керченском полуострове принимали участие многие исследователи, но в значительной степени эти разведки проводились А. Л. Ермолиным.

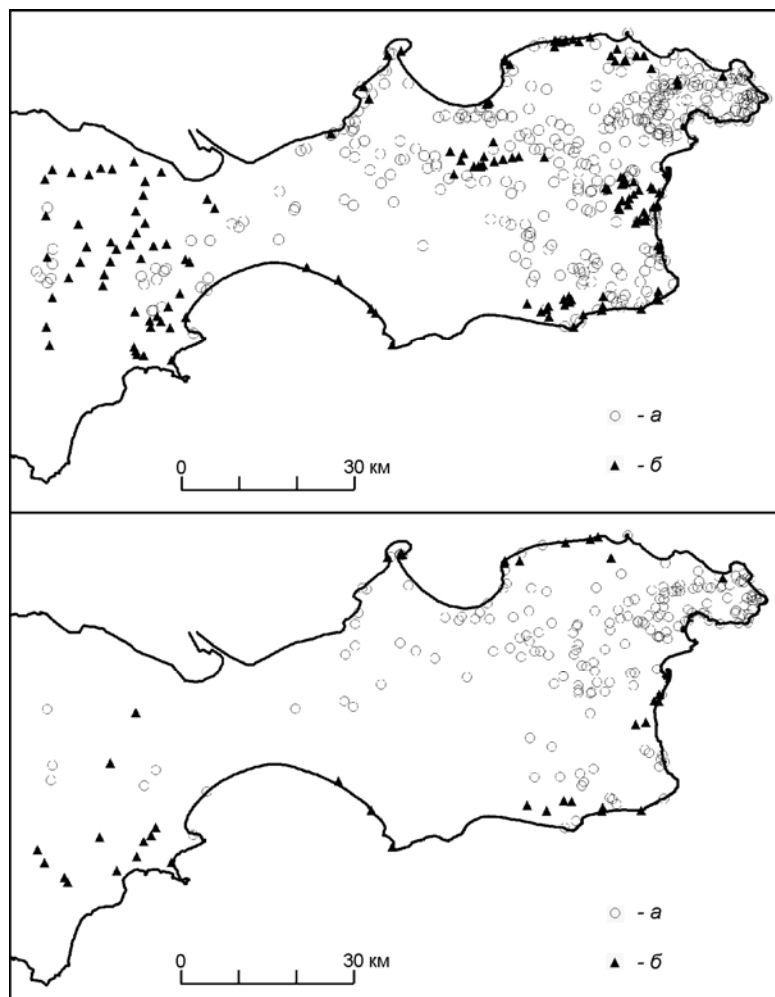

Рис. 2. Известные к 70-м гг. XX в. и вновь выявленные поселения Европейского Боспора: 1 – IV–III вв. до н.э.; 2 – II–I вв. до н.э. (поселения, выявленные Кругликовой и Веселовым и ранее; б – поселения, выявленные в конце XX и в XXI в.)

Представляется интересным сравнение количества поселений IV–III и II–I вв. до н.э. (Табл. 2, Рис. 2) по материалам И. Т. Кругликовой, В. В. Веселова и последующим исследованиям. В первом случае это соотношение $(352+348):(186+188)=1.87$, во втором $(149+145):(39+36)=3.92$, т. е. цифры отличаются более чем в два раза. Пока сложно как-либо интерпретировать этот факт, учитывая неравномерность «новых» исследований, однако в какой-то степени это, наверное, может свидетельствовать о более глубоком характере кризиса II в. до н.э., чем это следует из сокращения поселений по И. Т. Кругликовой и В. В. Веселову.

Завершая данный обзор, хочется обратить внимание на некоторые методические моменты, касающиеся проведения разведок. Если в отношении хоры Феодосии и хоры Нимфея имеющиеся материалы свидетельствуют, что было проведено сплошное обследование территории, и понятны границы этой территории, то в отношении остальных разведок у автора имеются лишь сведения, касающиеся обнаруженных памятников, но нет данных о полных маршрутах разведок или границах обследованной территории при сплошных разведках. В том случае, если маршруты не прямолинейны, а контуры сплошных разведок достаточно сложные, при обследовании сопряженной территории неминуемо возникает повторное обследование ранее изученных участков, либо остаются необследованные зоны между участками. С нашей точки зрения, систематическое изучение территории целесообразно проводить по площадям, соответствующим квадратам картографической сетки на листах топографической карты масштаба 1:100.000. Данные карты в настоящее время являются картами наиболее крупного масштаба, имеющимися в свободном доступе. Каждый квадрат имеет размеры 2 x 2 км, что позволяет отображать соответствующий участок на листе формата А 4 в масштабах до 1:10.000 (в одном сантиметре 100 м). Этого достаточно для выделения отдельными знаками объектов, отстоящих друг от друга на расстоянии более 10 м, и позволяет в большинстве случаев однозначно проводить идентификацию объектов на местности. Нумерация квадратов проводится в соответствии с координатами юго-западного угла квадрата, обозначенными на топографических картах Генерального Штаба СССР (система координат Гаусса–Крюгера для эллипсоида Красовского – Пулково 1942). При подготовке к разведке проводится распечатка космических снимков Google Earth и топографических карт соответствующих квадратов с обозначением уже известных объектов. Как показывает опыт работ, обследование такого квадрата на открытой местности можно провести группой из двух-трех человек, снабженных GPS-навигаторами, в течение одного рабочего дня. При этом фиксируются не только обнаруженные археологические объекты, но и автоматически записываются треки

перемещения исследователей по участку, что позволяет объективно оценить детальность обследования.

Литература

- В. В. Веселов.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. М., 2005. Supplementum. Т. II.
- И. Т. Кругликова.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

Н. Л. Кучеревская

О консервации скульптуры из осадочных камнеподобных пород

Среди погребений в боспорских некрополях довольно часто встречаются захоронения лошадей, однако помещение в могилы или могильные насыпи скульптурных изваяний лошадей – явление достаточно редкое. Фрагментированное изваяние лошадиной головы было обнаружено при раскопках некрополя Китея археологической экспедицией под руководством В. А. Хршановского в 2012 г.

Фрагмент изваяния представляет собой вытянутую, расширяющуюся кверху лошадиную морду с уплощенной передней поверхностью, на которой горизонтальной неглубокой насечкой намечен рот (Рис. 1. 1). Вокруг области носа и в направлении вверх просверлены отверстия, обозначавшие места крепления узды. Верхняя часть головы утрачена.

Скульптура найдена в грабительском слое, содержащем материал первых веков н.э., над конским погребением. Захоронения лошадей или отдельных их частей (головы, ног) связаны с верой в способность коня воскрешать умерших и совершались с целью передать умершему физические силы коня, сексуальные силы коня, гарантировать ему легкий путь на небо в обитель предков, возрождение на том свете и т.п. По-видимому, скульптурное изваяние конской головы имело те же функции.

Изваяние было выполнено специально для погребальных целей. Об этом мы можем судить на основании структуры материала, из которого изготовлен памятник – мягкий мергель¹⁴⁵, рассыпающийся, содержащий многочисленные внутренние полости и пружинящие трещины, в которых скопились органические (корни травянистого растения) и почвенные наслоения. Из-за хрупкости материала

¹⁴⁵ Мергель – осадочная камнеподобная горная порода смешанного глинисто-карбонатного состава.

и размеров фрагмента¹⁴⁶ напрашивается вывод, что это не могла быть статуя в полный рост животного. Видимо, было совершено ритуальное захоронение лишь изображения головы и, возможно, конечностей коня. Эти фрагменты должны были замещать целое изображение, т.к. являются основными носителями свойств коня, таких как мобильность, выносливость и сила, а также символом доблести и мужества, символом избранности, атрибутом власти и т.д.

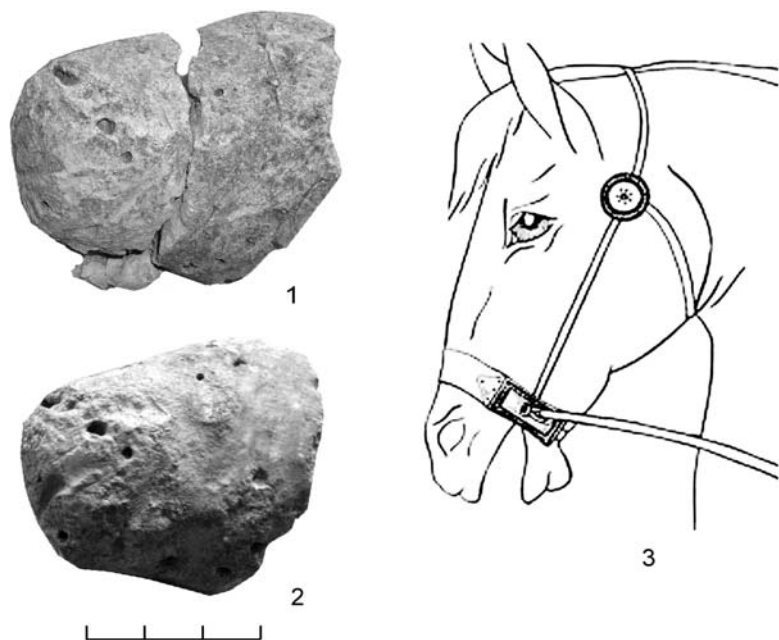

Рис. 1. 1 – скульптурное изваяние конской головы до реставрации; 2 – после реставрации; 3 – реконструкция упряжи

В полевых условиях фрагмент скульптуры был покрыт слоем клея ПВА, что позволило археологам доставить памятник в фонды Керченского историко-культурного заповедника. Памятник развалился на два крупных и множество мелких фрагментов.

В процессе реставрации объекта применение метода экспресс-анализа на качественное содержание хлоритов, сульфатов, нитратов сразу же позволило отказаться от объяснения причины разрушения камня вследствие его засоления. Было проведено структурное укрепление мергеля кремнийорганическим составом Steinfestiger OH.

¹⁴⁶ Длина фрагмента (максимальная) 27 см; высота 21 см; ширина 23 см.

Укрепление производилось путем пропитки камня кистевым способом трёхкратно, до прекращения впитывания камнем состава в следующем режиме: первый цикл – три пропитки с интервалом 20 мин, перерыв в течение 40 мин; второй и третий циклы в таком же режиме. В процессе последней пропитки один из фрагментов (верхний) развалился на 2 крупные части по месту трещины. Полимеризация состава в камне продолжалась три недели при температуре +5°C.

Плотность мергеля укрепилась, но недостаточно для того, чтобы проводить склейку фрагментов. После предварительной пропитки склеиваемых поверхностей 30 % раствором паралоида в ацетоне мелкие сколы были подклеены 50 % раствором этого же клея, далее проводилась склейка поэтапно. Швы склейки и крупные утраты были исполнены мастикой на основе клеевого раствора паралоида с наполнителем (песком).

В результате проведенных реставрационных мероприятий структура мергеля была укреплена, было предотвращено дальнейшее разрушение памятника, ему придан экспозиционный вид (Рис. 1. 2). Отверстия, просверленные для обозначения мест крепления узды, позволили предложить реконструкцию конской сбруи (Рис. 1. 3). Кроме того, был приобретен неоценимый опыт консервации памятников из осадочных камнеподобных пород.

Г. П. Гарбузов

Некоторые результаты сплошных разведок в округе Фанагории¹⁴⁷

Несмотря на многолетнюю историю исследований и значительное число выявленных археологических памятников в округе античной Фанагории, археологическую изученность хоры Фанагории следует всё же считать весьма низкой – и с точки зрения полноты учета археологических памятников, и с точки зрения изучения отдельных памятников, и с точки зрения знаний о зарождении и развитии сельской округи Фанагории как единой целостной поселенческой системы. Очень малая часть из числа античных сельских поселений хоть в какой-либо мере исследовалась раскопками. К ним можно отнести поселения Приморский-11¹⁴⁸ («Двенадцатый километр») на западной границе предполагаемой хоры Фанагории, Вышестеблиевская-15 («Водопроводное») и Вышестеблиевская-10 на

¹⁴⁷ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 13-06-00081а).

¹⁴⁸ Наименования поселений, если это не оговорено особо, соответствуют наименованиям на археологической карте Таманского п-ова, составленной Я. М. Паромовым (Паромов. 1992).

южной границе хоры, Приморский-23, Сенной-11 (вновь выявленный памятник, работы Таманской экспедиции ИА РАН). Все современные выводы о составе и структуре поселенческой системы в округе Фанагории основываются, таким образом, в основном на результатах разведок разных лет и авторов. Наиболее последовательные из этих разведок ориентировались, кроме случайных сборов подъемного материала, на визуальное дешифрирование имевшихся коллекций архивных аэрофотоснимков. Однако, практически все эти разведки не занимались специальным исследованием округи Фанагории, так как они решали более общие задачи. Неполнота существовавших представлений о сложности поселенческой системы на хоре Фанагории стала наглядной после проведения археологических разведок, выполненных по схеме действительно сплошного обследования в рамках работ Таманской экспедиции ИА РАН в 2005–2012 гг.

Для обследований использовалась методика археологической съемки с последовательным осмотром исследуемых участков с интервалами между наблюдателями 3–4 м и регистрацией местоположения археологического материала на поверхности почвы, в большинстве случаев фрагментов керамики, с помощью портативных GPS-приёмников (Гарбузов. 2008; Гарбузов. 2010; Гарбузов, Завойкин. 2009)¹⁴⁹. По этим данным в среде и инструментами ГИС рассчитывалась затем плотность керамики (число фрагментов керамики на единицу площади) и по определенному единому пороговому значению этой плотности производилась объективная оценка возможных границ античных сельских поселений. В качестве такого универсального порога выбрана плотность 0,3 фрагмента керамики на один квадратный метр. Подобный формальный подход, т.е. выделение границ поселений по плотности пространственного распределения керамики, широко практикуется в археологических проектах, реализованных и реализуемых в разных регионах Средиземноморья с целью изучения систем расселения, в первую очередь античных. Так как результаты полевой съемки достаточно сильно зависят от условий видимости археологического материала на поверхности почвы, в наших работах для получения максимально достоверных данных, сопоставимых с точки зрения погрешностей, обследовались только хорошо возделанные виноградники, сады и свежераспаханные поля, занимающие наиболее плодородные земли хоры Фанагории.

Общая площадь всех обследованных по такой методике участков в округе Фанагории (Рис. 1) на данный момент составляет око-

¹⁴⁹ Отличительными чертами методики являются ее неструктурный характер и возможность проверки результатов обследований повторными съемками.

ло 7,8 км² (три отдельных целостных участка, их площади равны приблизительно 4,6, 2,6 и 0,6 км²). При оценке общей площади хоры в диапазоне 50–75 км² её обследованная часть занимает от 10 до 16 % общей площади. В пределах обследованных участков выявлено не менее 46 самостоятельных областей высокой концентрации археологического материала, происхождение которых связано, наиболее вероятно, с распаханymi культурными слоями сельских поселений. Выявленные следы поселений имеют разные размеры (Гарбузов. 2010), от компактных областей площадью в доли гектара (остатки небольших усадеб), до обширных областей площадью 10–15 га (поселения Солёный-3, Сенной-2) со сложной внутренней структурой распределения керамики¹⁵⁰. Интерпретация областей с высокой концентрацией керамики как следов сельских поселений вполне соответствует принципу составления известной археологической карты Таманского полуострова Я. М. Паромова (Паромов. 1992). Но при довольно сходном, в общем, подходе к выделению поселений, указанная карта наглядно демонстрирует ограниченные возможности маршрутных или выборочных разведок – на всей обследованной нами площади на карте отмечено не более 16 поселений. Сравнение данных карты с результатами сплошных обследований показывает, что из поля зрения предшествующих разведок выпало много небольших памятников, а в тех случаях, когда прежняя локализация памятников в целом подтверждается, практически всегда ранее предложенные границы поселений (особенно у крупных памятников) не соответствуют границам и структуре распространения археологического материала, причем это несоответствие может быть весьма значительным.

Для всей обследованной площади в округе Фанагории фиксируется плотность около 5,9 поселения (обособленной области высокой концентрации керамики) на 1 км²¹⁵¹. Важно отметить, что пространственное распределение выявленных поселений демонстрирует, даже вблизи столь крупного центра как античная Фанагория, заметную неоднородность, например, обследования показали, что обширная целостная территория площадью 2,5 км² к северу от поселения Солёный 3 свободна от каких-либо поселенческих памятников. Неравномерность размещения поселений приобретает после сплош-

¹⁵⁰ На Таманском полуострове, как показывают результаты наших разведок вне округи Фанагории, площадь областей с «поселенческой» плотностью керамики может превышать 20–25 га. Примером служат области, связанные с сельскими поселениями Кучугуры-5/7 (два ранее выделенных памятника составляют в действительности, с точки зрения плотности археологического материала, единое образование) и Виноградный-4.

¹⁵¹ Эта величина вполне сопоставима с плотностью таких областей («сайтов»), даваемой сплошными обследованиями в Средиземноморье – типичная плотность «сайтов» лежит в этом регионе в диапазоне от 2 до более чем 6,5 на 1 км² (Гарбузов. 2010).

ных обследований – в рамках возможностей методики – силу установленного факта, в то время как в случае археологических карт, основанных на маршрутных разведках, отсутствие памятников почти всегда поднимает вопрос о пропусках данных. Доказанная сплошными обследованиями неравномерность размещения служит характерной особенностью, которую необходимо объяснить и учесть при моделировании развития поселенческой системы.

Во время полевых съемок наблюдатели собирали заслуживающий особого внимания археологический материал, в основном профильные части амфор, и фиксировали его местоположение. Амфорный материал по возможности датировался специалистами, так что в результате обследований каждый выявленный памятник был соотнесен с определенной выборкой атрибутированной и датированной керамики, позволяющей дать памятнику хронологическую характеристику. В условиях систематической сплошной съемки выборки датированной керамики достигают внушительных объемов и существенно превосходят в этом плане коллекции датированной керамики, полученные при проведении случайных сборов на памятниках. Например, к поселению Солёный-3 (Паромов. 1992. С. 341–342) было отнесено около 75 датированных фрагментов керамики (с исключением отмеченных в списке подъемного материала фрагментов амфор «эллинистического времени неопределенных центров» и керамики без датировок), в то время как сплошной осмотр участка этого поселения, на котором выделяется сложная структура из ряда областей высокой концентрации керамики, дал суммарно 939 датированных фрагментов (Гарбузов, Завойкин. 2009). Очевидно, что вторая выборка значительно более репрезентативна и с гораздо большей статистической достоверностью описывает детали частотных распределений по хронологическим периодам, центрам производства керамики и т.п. Немаловажно также, что все датированные фрагменты имеют пространственную привязку – это позволяет, например, строить карты плотности датированной керамики для отдельных хронологических периодов.

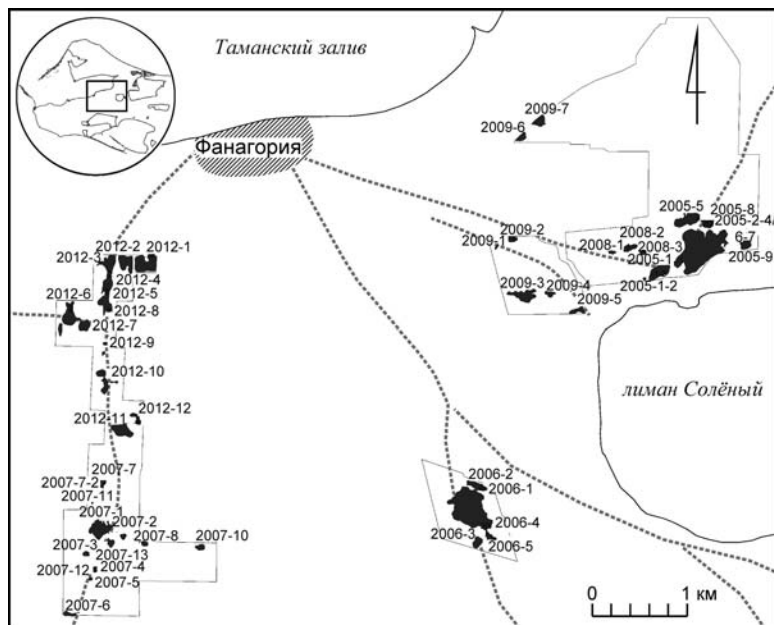

Рис. 1. Участки сплошного обследования в округе Фанагории и выявленные в их пределах области высокой концентрации керамики. Пунктиром обозначены древние дороги

Рассматривая выявленную обследованиями систему поселений с точки зрения двух основных составляющих, пространственной и хронологической, можно отметить очевидное присутствие в ней поселений разных рангов (Гарбузов. 2010) и заметные вариации «интенсивности потребления» на поселениях в различные хронологические периоды¹⁵². Эти вариации отражают, как можно предположить, определенные этапы в процессах формирования и развития поселенческой системы в округе Фанагории.

¹⁵² В качестве условной оценки «интенсивности потребления» на поселениях в тот или иной хронологический период принимается, исходя из возможностей методики обследований, количество фрагментов амфорной керамики, датированных соответствующим временем. Этот показатель вполне может быть использован для сравнительного анализа – во-первых, все выявленные поселения подвергаются приблизительно равному антропогенному воздействию (неоднократная плантажная вспышка и т.п.), во-вторых, обследования всех поселений велись по единообразной методике в условиях хорошей заметности археологического материала.

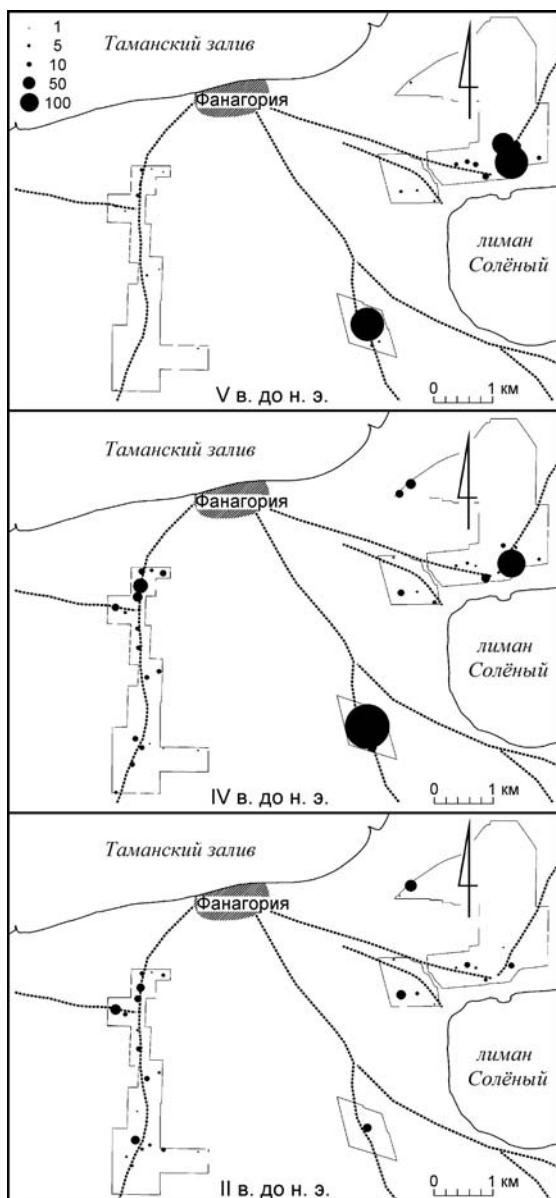

Рис. 2. Распределение датированной керамики по выделенным в ходе обследований областям (хронологические периоды V, IV и II вв. до н.э.). Число фрагментов керамики пропорционально размеру символов соответственно шкале, приведённой на рисунке

По всей видимости, указанные процессы шли неравномерно, в результате чего активно осваиваемые в ранний период части хоры Фанагории со временем теряли свою относительную значимость (по крайней мере, резко снижался уровень потребления расположенных там поселений), поселенческая система перестраивалась и приобретала более однородный вид с преобладанием множества относительно небольших центров. Подобная перестройка хорошо прослеживается на представленных на Рис. 2 схемах, учитывающих число датированных фрагментов керамики определенного периода времени, приходящихся на каждое поселение (схемы построены для V, IV и II вв. до н.э.).

Помимо общего изучения расположения памятников и их основных свойств (размеры, хронология), особого внимания заслуживает характер взаимосвязи памятников с природной средой, отношение к природным ресурсам и путям коммуникаций. В этом смысле пожалуй один из самых интересных вопросов – соотнесение результатов обследований с природными условиями долины к югу от Фанагории, по которой многие исследователи проводят один из «страбоновых» рукавов Кубани. Обследования обнаруживают, например, в самых низких местах этой долины, там, где следовало бы ожидать речное русло, существовавшие по крайней мере с V–IV вв. до н.э. античные поселения, приуроченные к хорошо заметной древней дорожке, пересекающей долину.

Проведенные обследования рассматриваются нами как один из необходимых этапов работ по созданию современной археологической карты сельской территории античной Фанагории, включающей в себя разнообразную информацию как об археологических памятниках всех типов, так и о состоянии природной среды. Полученные в ходе обследований результаты позволяют планировать продолжение полевых работ по описанной выше простой методике с целью максимально полного покрытия предполагаемой территории хоры Фанагории сплошными разведками и выявления по возможности всех потенциальных поселений, с составлением подробной схемы существовавшей на этой территории поселенческой системы.

Литература

- Г. П. Гарбузов.* Интенсивная археологическая съёмка как способ количественного описания античного культурного ландшафта // Археология и геоинформатика. ИА РАН. Отдел охранных раскопок. Группа «АГИС». М., 2008. Вып. 5. CD-ROM.
- Г. П. Гарбузов.* Оценка площадей античных сельских поселений в округе Фанагории // ПИФК. 2010. № 1.

Г. П. Гарбузов, А. А. Завойкин. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации // ДБ. 2009. Т. 13.

Я. М. Паромов. Археологическая карта Таманского полуострова // Депонировано в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г. 1992.

А. С. Цинько

Геофизические исследования крепости на поселении Вышестеблиевская-11

Раскопки были и остаются главным методом изучения археологических памятников. Иногда археолог представляет, с чем примерно ему придется столкнуться: каковы будут планировка и характер изучаемого объекта, структура культурного слоя, качественный состав материала и т.д. В этом ему помогает современный уровень теоретических представлений о данной эпохе или культуре, сумма эмпирических знаний, а также интуиция. И все же никогда нет полной уверенности, что раскоп заложен в «нужном» месте. Все это заставляет археологов обращаться к методам, которые применяют в смежных отраслях естественных наук. Наиболее приемлемыми оказались методы геофизической разведки. Эти методы позволяют выявлять некоторые погребённые объекты, не нарушая поверхностного слоя почвы и не разрушая памятник и сам исследуемый объект (Франтов. 1965. С. 244–251; Франтов, Пинкевич. 1966. С. 26). Применение геофизических методов в несколько раз сокращает объем земляных работ и стоимость археологической разведки. Кроме того, существенным преимуществом геофизических методов разведки является возможность послойного изучения археологического памятника (Журбин. 2006. С. 2–4). Во время геофизических поисков слой не нарушается. По результатам съёмок можно составить планы расположения залегающих под грунтом объектов ещё до начала земляных работ.

В данной работе будут показаны возможности применения одного из геофизических методов разведки, а именно магниторазведки, на примере исследования сельского античного поселения Вышестеблиевская-11, в частности, расположенной на его площади крепости римского времени – «батарейки», как называют такие крепости на Таманском полуострове.

Целью геофизических исследований являлась локализация археологических объектов на археологическом памятнике Вышестеблиевская-11 на участках, планируемых для раскопок в будущем.

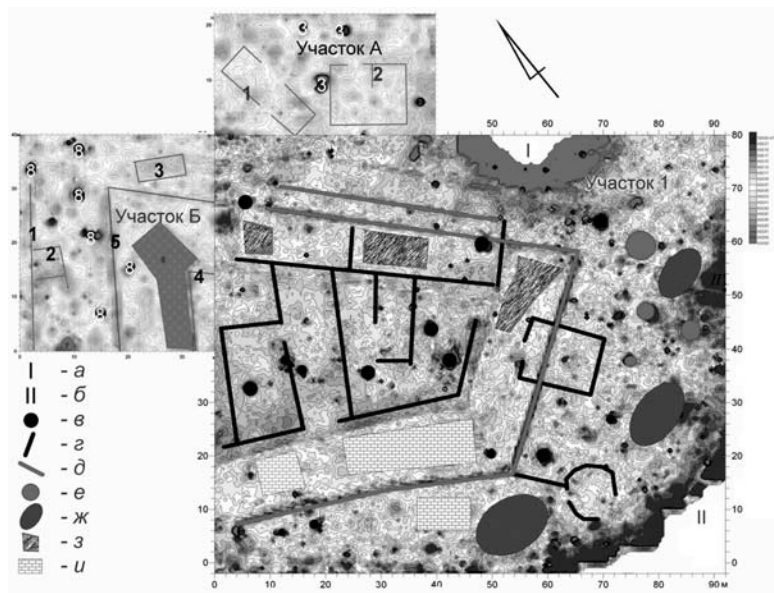

Рис. 1. Условные обозначения: *a* – аномалия от триангуляционного пункта; *б* – аномалия от берегового обрыва; *в* – железные предметы; *г* – погребенные остатки стен; *д* – канавы, видимые на поверхности; *е* – засыпанные ямы, цистерны; *ж* – зольники (?); *з* – внутренние помещения, возможно, покрытые золой; *и* – разрушенные стены, завалы камней

В 2007–2008 гг. эти исследования выполнялись сотрудником Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова С. Л. Смекаловым. Общее руководство работами осуществлялось начальником Таманского отряда Боспорской экспедиции С. В. Кашаевым.

Вышестеблиевская-11 – это памятник сельской территории Азиатской части Боспора Киммерийского, состоящий из поселения и крепости-«батарейки». Он расположен недалеко от станицы Вышестеблиевская (Темрюкского района Краснодарского края) на северо-западном берегу Кизилташского лимана. Поселение занимает территорию около 20 га, его границы были определены по распространению подъемного материала, визуальным наблюдениям и данным аэрофотосъемки.

По мнению Е. Я. Рогова, Вышестеблиевская крепость («батареика») вместе с остатками укреплений поселения Старотитаровская-17, Токаревской «батареикой» и укреплением в Сухой балке составляла оборонительную линию южной стороны Таманского по-

луострова. Эти четыре крепости, расположенные по берегу Кизилташского лимана в 4–6 км друг от друга, были построены во II в. до н.э. и контролировали русло Кубани, устье которой располагалось на месте современного лимана (Рогов. 1999. С. 34).

Основная часть поселения в 1960–1970-е гг. была занята военной ракетной частью, после ликвидации которой территория была подвергнута глубокой распашке плантажным плугом. В 1998 г. на поселении были проведены разведочные работы, а в 1999 г. начаты стационарные раскопки.

Для обследования территории памятника был использован метод магнитной разведки. Суть метода состоит в выявлении объектов, магнитные свойства которых отличаются от магнитных свойств окружающей среды. Абсолютная величина среднего значения модуля вектора индукции магнитного поля Земли увеличивается от экватора к каждому из полюсов в пределах примерно от 35000 до 70000 нТл (нано-тесла). Объекты, расположенные вблизи поверхности, обладают различными собственными магнитными свойствами и влияют на формирование локального магнитного поля, т.е. создают так называемые «магнитные аномалии». Значение поля в области аномалии может отличаться от среднего значения в данной местности на величины от долей нанотесла до тысяч нанотесла.

Способ применения магниторазведки для выявления приповерхностных объектов заключается в измерении магнитного поля в точках регулярной сети измерений с мелким шагом при близком расположении датчика к поверхности. На основании интерпретации получаемых карт магнитного поля (по форме, значениям и знаку аномалий) можно делать выводы о наличии под землей тех или иных структур как геологического, так и антропогенного характера. Магниторазведка является эффективным, неразрушающим и скоростным методом получения информации о подземных объектах. Современные приборы для измерения магнитного поля (магнитометры) позволяют определять его величину с точностью до сотых долей нанотесла за доли секунды. Работы выполнялись при помощи квантового магнетометра ПКМ-1 производства ФГУ НПП «Геологоразведка» (Санкт-Петербург).

Территория крепости в настоящее время не используется и представляет собой частично заросшее сорной травой плато, возвышающееся на 2–3 метра над уровнем окружающих полей.

При проведении геофизических разведочных работ в 2007 г. на ее поверхности был разбит Участок 1 площадью 0,7 га (Кашаев. 2008) (Рис. 1). В 2008 г. магнитная съемка выполнялась на двух участках «батарейки» (Кашаев. 2009) (Рис. 1, участки А и Б).

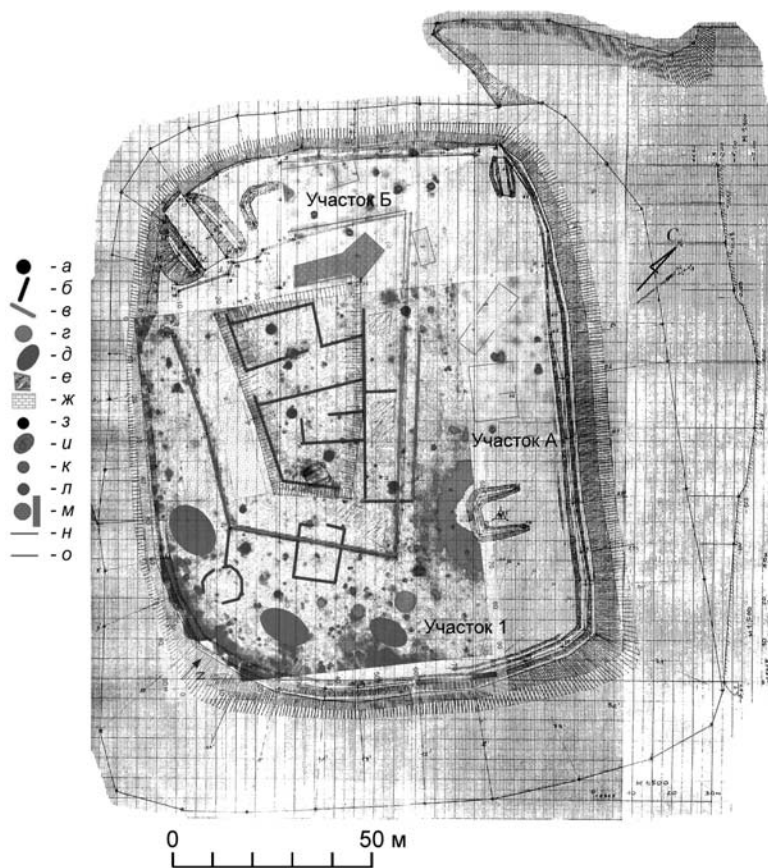

Рис. 2. Условные обозначения: *a* – железные предметы; *b* – погрёбённые остатки стен; *v* – канавы, видимые на поверхности; *g* – засыпанные ямы, цистерны; *d* – зольники (?); *e* – внутренние помещения, возможно, покрытые золой; *ж* – разрушенные стены, завалы камней; *з* – железные объекты, находящиеся вблизи поверхности (по большей части современный мусор, осколки, детали от с/х машин и т. п.); *u* – зольник, горелый слой; *к* – отдельные ямы, заполненные магнитными материалами (золой, мусором); *л* – печи, очаги, места интенсивного горения; *м* – завалы немагнитных камней, вымостки (известняк, ракушечник); *н* – линейные структуры из материалов, дающих положительные магнитные аномалии (рвы, канавы, заполненные поверхностным грунтом и мусором); *о* – линейные структуры из материалов, дающих отрицательные магнитные аномалии (стены из известняка, каменные обкладки)

По результатам съемки 2007–2008 гг. получены карты магнитного поля и интерпретационный план (Рис. 1 и 2). План крепости был выполнен Я. М. Паромовым в 2001 г. (Рис. 2).

Магнитное поле на обследованных участках характеризуется значительным числом аномалий. На Участке 1 ряд аномалий может быть связан с объектами археологического характера (Рис. 1). Это, во-первых, небольшие по величине (5–10 нТл), но протяженные отрицательные аномалии, образующие линии, пересекающиеся под углами, близким к 90° . Данные аномалии могут быть связаны с погребёнными остатками крепостных стен и других каменных построек из немагнитного известняка. В некоторых местах можно предположительно говорить о том, что бывшие каменные сооружения сильно разрушены и представляют завалы камней.

Положительные аномалии также могут быть связаны с некоторыми типами археологических объектов. Положительные аномалии, имеющие значительную величину (20–40 нТл) и малую площадь локализации, могут быть связаны с засыпанными ямами, цистернами. Аномалии меньшей величины (5–10 нТл), но большей площади могут соответствовать зольникам либо внутриквартальным площадкам, также возможно содержащим в грунте значительное количество золы. Узкие линейные положительные аномалии, опоясывающие центральную часть «батарейки», порождены видимыми на поверхности канавами, которые были прорыты, или, по крайней мере, обновлялись в недавнее время. Общее представление о возможном расположении крепостных и жилых помещений также дает интерпретация, представленная на Рис. 2.

Структуры, которые прослеживаются на участках А и Б, в целом являются продолжением структур, идущих по периметру центральной части крепости (Рис. 1). Линейную аномалию 1 можно связать с внешней оборонительной стеной, идущей по краю возвышенности, на которой находилась крепость. Возможно, к ней примыкает башня 2. В северной части выделяется область 3, где, вероятно, находятся остатки небольшого прямоугольного здания. Аномалия 4, возможно, связана со стеной, ограждающей комплекс внутренних построек крепости, а аномалия 5 вызвана рвом, ограждающим центральную часть. Аномалия 6 может быть связана с понижением, заполненным золой или содержащим слой пожара. На месте аномалии 7 можно ожидать хозяйственную яму, заполненную мусором или золой. Номером 8 отмечены аномалии, связанные с железными предметами.

Исследовать оставшиеся части крепости не представляется возможным, так как северный и западный углы крепости заняты раскопками 1970-х годов и перекрыты слоем отвала. В восточном углу крепости установлен массивный железный триангуляционный знак,

дающий обширную область «засветки» и перекрывающий все аномалии (Рис. 1, аномалии I и II).

Результаты проделанных работ позволяют сформулировать следующие выводы: на территории крепости поселения Вышестеблиевская-11, безусловно, присутствует комплекс построек и других объектов, связанных с хозяйственной деятельностью, и поскольку магниторазведка позволяет выявить детали структуры этого комплекса, её целесообразно провести также на необследованной части «батарейки». На участке, на котором в 2007–08 гг. проводилась магниторазведка, можно говорить о наличии антропогенных структур. В результате проведенных работ были выявлены погребённые остатки стен крепости и помещений, хозяйственные ямы или цистерны, зольники (?).

Все выводы, которые были сделаны на основе рассмотрения результатов геофизической разведки, на сегодняшний день являются предварительными, окончательные же выводы можно будет сделать после компьютерного анализа.

Опыт использования геофизических методов исследования археологических памятников позволит отработать надежную методику неструктивного изучения археологических объектов и более разумно и экономично использовать имеющиеся ресурсы.

Литература

- И. В. Журбин.* Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения. Автореф. дисс... д.и.н. М., 2006.
- С. В. Кашаев.* Отчёт о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2007 г. СПб., 2008.
- С. В. Кашаев.* Отчёт о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2008 г. СПб., 2009.
- Е. Я. Рогов.* Укреплённые поселения Таманского полуострова // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999.
- Г. С. Франтов.* Применение геофизических методов разведки в археологии // Археология и естественные науки. М., 1965.
- Г. С. Франтов, А. А. Пинкевич.* Геофизика в археологии. Л., 1966.

А. В. Одрин

Некоторые итоги и перспективы изучения зернового хозяйства Боспора

Зерновое хозяйство относится к числу тех отраслей экономики Боспора, которые постоянно пребывали в фокусе внимания исследователей. Традиционно оно считается ведущей отраслью боспорского сельского хозяйства и основной его экспортной отраслью в позднеклассическое и раннеэллинистическое время. Однако, взгляды на его характер существенно менялись по мере накопления новых данных, главным образом археологических и археоботанических, что существенно усложнило ту довольно простую и, на первый взгляд, убедительную картину, которая первоначально сложилась лишь на базе информации письменных и эпиграфических источников. Последнее относится прежде всего к трем вопросам: 1) о составе зерновых культур, выращивавшихся на Боспоре, о региональных различиях в этом составе и о его эволюции во времени; 2) о системах земледелия, применявшихся при выращивании зерновых; 3) об экспортном потенциале зернового хозяйства Боспора в разные периоды его истории.

При традиционном взгляде на боспорское зерновое хозяйство оно представляется ориентированным на производство основной¹⁵³ экспортной зерновой культуры греческого мира – мягкой пшеницы. Однако реальная картина оказывается намного более сложной: на поселениях Керченского Приазовья и в Мирмекии наблюдается бикультура мягкой пшеницы и ячменя (Лебедева. 1991; Pashkevich. 2001), в Гермонассе в архаическое время в посевах полностью преобладал ячмень (Зеест. 1965. С. 54), а на хоре Феодосии, кроме пшениц и ячменя, активно выращивали просовидные хлеба – просо и могар (Гаврилов. 2004. С. 104). Просовидные хлеба используются и как зернофуражные культуры, так что их культивирование может служить свидетельством развития животноводства¹⁵⁴, но никак не экспортно-ориентированного земледелия. Вопрос же о возможности экспорта ячменя остается открытым. Впрочем, бикультура пшеницы и ячменя может быть и свидетельством использования трехпольной системы земледелия, о чем речь подробнее пойдет ниже.

¹⁵³ По крайней мере, насколько это следует из данных письменных и эпиграфических источников.

¹⁵⁴ Развитие этой отрасли подтверждается и палеозоологическими данными (Каспаров. 2002)

При оценке продуктивных возможностей зернового хозяйства Боспора нельзя обойти стороной вопрос об аграрных технологиях, практиковавшихся боспорянами. Часто исследователи априорно предполагают использование на всей территории Боспора лишь одной системы земледелия: двупольной (следуя Ксенофону) либо трехпольной. Кстати говоря, подобные представления характерны для оценки аграрных технологий греческого мира в целом (см., например: Isager, Skydsgaard. 1992). К сожалению, учитывая существенные различия между отдельными частями греческого мира в природных условиях, демографическом потенциале колоний и других аспектах, навряд ли стоит считать, что за всё время существования независимых греческих государств и во всех освоенных греками районах земледельческие технологии были одними и теми же. Логичнее было бы предположить как раз обратное. Между тем, в нашем распоряжении отсутствуют прямые и однозначные указания на то, какими именно были эти технологии, к примеру, на Боспоре¹⁵⁵.

Очевидно, что ввиду отсутствия необходимых прямых данных следует привлечь данные косвенные: соотношение в находках озерных и яровых культур, состав сорных растений, засорявших посевы зерновых, наличие или отсутствие следов размежевания¹⁵⁶ и др. Однако на сегодняшний день подобная работа не проведена, даже в самом предварительном виде.

С вопросом о системах земледелия тесно связан и вопрос об экспортном потенциале зернового хозяйства Боспора. Очевидно, что чем совершеннее аграрные технологии, тем выше урожаи, а, значит – и возможности производить продукцию на экспорт. Впрочем, проблема с определением систем земледелия не является единственной, с которой сталкивается исследователь, стремящийся, пусть и в первом приближении, оценить урожайность зерновых на Боспоре. Другим весьма немаловажным фактором, затрудняющим подобные реконструкции, является невозможность оценить отличие природных условий античного времени от сегодняшних не на качественном, а на количественном уровне. Ведь, к примеру, выражение «более влажный по сравнению с современным» климат может означать разницу в количестве годовых осадков и в 50 мм, и в 100 мм, и даже в 300 мм. Между тем, чем оно выше, тем меньшей является рискованность степного земледелия, что более чем существенно влияет на урожайность зерновых. А в прошлом существенное увеличение или наоборот – уменьшение количества осадков приводило даже к сме-

¹⁵⁵ Или, вернее, в тех или иных районах Боспора.

¹⁵⁶ Например, наличие следов размежевания является однозначным аргументом против использования переложной системы в ее «классическом» варианте (Одрін. 2011. С. 61).

щению ландшафтных зон к югу или северу от сегодняшних (см., например: Герасименко. 2000).

Еще одним существенным естественным фактором, определяющим урожайность сельскохозяйственных культур, и зерновых в том числе, является почвенное плодородие. Вполне вероятно, что характеристики почв прошлого по основным показателям могли значительно отличаться от современных. Однако пока что невозможно достаточно надежно определить, к примеру, какой процент гумуса содержали почвы Боспора в античное время, был ли он больше или меньше современного. То же самое можно сказать и о других важных их характеристиках. Между тем, если естественное плодородие почв Боспора античного времени существенно отличалось от плодородия почв современности, то любые реконструкции урожайности сельскохозяйственных культур, сделанные на основе одних лишь современных данных, окажутся ошибочными.

Кроме того, нельзя исключать, что почвенный покров Боспора мог отличаться от современного и за счет большей распространенности гидроморфных (например луговых) и полугидроморфных (к примеру, лугово-черноземных) почв. Ведь многие исследователи на основании археологических данных предполагают, что, в частности, речная сеть Керченского полуострова в античное время была значительно более густой, чем ныне. Однако при этом отсутствуют достаточно надежные ее реконструкции, проведенные на основании геологических данных. Между тем, эти данные могут опровергнуть многие, кажущиеся ныне надежными, палеогидрологические реконструкции, как это уже произошло при исследованиях дельты Кубани.

Подводя итоги краткого обзора проблем, с которыми сталкивается исследование зернового хозяйства Боспора, можно сказать вполне определенно, что по мере накопления новой информации, картина развития этой отрасли становится значительно более сложной, чем представлялась ранее. Впрочем, очевидно, что в дальнейшем по мере появления новых данных, прежде всего археоботанических и палеогеографических (в особенности палеоклиматических), степень гипотетичности наших реконструкций будет уменьшаться.

На сегодняшний же день наиболее перспективными представляются два направления будущих исследований:

1. Дальнейшее выяснение состава зерновых культур, выращивавшихся на Боспоре, что должно позволить установить как временные, так и территориальные различия.

2. Реконструкция систем земледелия различных районов Боспора на базе анализа информации археобиологических дисциплин, археологии, а также сравнительно-этнографических данных.

Литература

- А. В. Гаврилов.* Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
- Н. П. Герасименко.* Динаміка змін клімату та ландшафтів лісостепу та степу України у 3–1 тис. до н.е. // Україна та глобальні процеси: географічний вимір. Т. 2. К., Луцьк, 2000.
- И. Б. Зеест.* Арханские слои Гермонассы // КСИА. 1965. № 83.
- А. К. Каспаров.* Скотоводческое хозяйство поселения Волна 1 // ТС. 2002. Вып. 3.
- Е. Ю. Лебедева.* Палеоботанические исследования на античных памятниках Восточного Крыма // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. К., 1991.
- О. В. Одрін.* Зернове господарство Ольвійського полісу в VI – першій половині III ст. до н.е. // Україна в Центральньо-Східній Європі. Вип. 11. К., 2011.
- S. Isager, J. E. Skydsgaard.* Ancient Greek agriculture: an introduction. L., N.Y., 1992.
- G. A. Pashkevich.* Archaeobotanical studies on the northern coast of the Black Sea // Eurasia Antiqua. 2001. Band 7.

А. К. Каспаров

Костные остатки из зольников Мирмекия: изменение ситуации в разные эпохи

Зольник любого античного населенного пункта обычно являлся не только местом для сброса мусора, но играл немаловажную сакральную роль в жизни обитателей этого поселения. По сути, зольник представлял собой своеобразное официальное городское комплексное святилище, где отправлялись культы многих богов, в первую очередь тех, кто покровительствовал земледелию и плодородию (Молева. 2002 а). Поэтому фаунистические остатки, обнаруживаемые в слоях зольника, всегда являются результатом не только обычного сброса бытовых отходов, но и неких культовых действий, которые, возможно, в определенной степени определяли и сам состав этих находок.

На территории городища Мирмекий, находящегося в черте современного города Керчь в Восточном Крыму, обнаружено и исследовано к настоящему моменту два зольника. Это зольник 1, который формировался главным образом в течение второй половины

V века до н.э. и зольник 2, образование которого происходило в течение III–II вв. до н.э. Оба объекта расположены на раскопе И, в западной части поселения. Причем зольник 2 располагается практически над зольником 1, однако он начал образовываться лишь через сто лет после того, как первый зольник был заброшен и здание, построенное на его месте, было разрушено. По своему размеру второй зольник был гораздо больше первого и занимал значительно более обширную площадь.

Целью данной работы была попытка проследить изменение в видовой и анатомической структуре костных коллекций из отложений этих зольников и попытаться увязать полученные результаты с предполагаемой экономической и исторической ситуацией на Мирмекии в те времена.

Костные остатки, обнаруженные на зольниках Мирмекии и в синхронных им обычных культурных слоях поселения были сгруппированы в следующие хронологические группы: материалы из зольника 1 – 450–400 гг. до н.э.; нижние слои зольника 2 – 300 – примерно 220 гг до н.э., верхние слои зольника примерно 220–150 гг. до н.э., слои поселения 450–400 гг до н.э. и слои поселения синхронные зольнику 2, – 300–150 гг. до н.э. К сожалению, слои поселения датированы менее подробно и разделить материалы оттуда согласно отдельным этапам формирования зольника 2 не представилось возможным.

Полученные данные приведены в Табл. 1.

Таблица 1. Видовой состав фаунистических остатков из зольников Мирмекии и синхронных им городских слоёв

ВИДЫ	1	%	2	%	3	%	4	%	5	%
	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%
Еж	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,02
Заяц-русак	-	-	1	0,03	3	0,3	10	0,6	10	0,23
Кошка	1	0,2	2	0,1	5	0,6	1	0,1	4	0,09
Лиса	2	0,3	3	0,1	1	0,1	-	-	18	0,41
Кабан	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,02
Благ.олень	-	-	-	-	1	0,1	1	0,1	4	0,09
Осел	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,02
Лошадь	33	5,7	127	3,5	30	3,5	133	8,1	272	6,20
Корова	188	32,7	614	17,2	137	15,9	415	25,4	1140	25,97

Овца	25	4,3	191	5,3	43	5,0	87	5,3	195	4,44
Коза	28	4,9	30	0,8	10	1,2	25	1,5	92	2,10
Овца или Коза	179	31,1	882	24,6	220	25,6	530	32,4	1070	24,37
Свинья	16	2,8	128	3,6	38	4,4	77	4,7	160	3,64
Собака	28	4,9	669	18,7	228	26,5	87	5,3	664	15,13
Дельфин	12	2,1	80	2,2	17	2,0	13	0,8	46	1,05
Птицы	6	1,0	221	6,2	44	5,1	67	4,1	179	4,08
Черепаша	-	-	-	-	-	-	-	-	3	0,07
Рыбы	57	9,9	631	17,6	84	9,8	191	11,7	530	12,07
ВСЕГО	575	100	3579	100	861	100	1637	100	4390	100,00

1 – Зольник 1; 2 – Зольник 2. Низ; 3 – Зольник 2. Верх; 4 – Поселение 450–400 г. до н.э.; 5 – Поселение 300–150 г. до н.э.

Яснее сходства и различия в составе фауны по этим группа видны в таблице 2, где эти данные представлены в более общем виде.

Таблица 2. Общая структура фаунистических коллекций из зольников Мирмекия и синхронных им городских слоёв (в %)

ВИДЫ	1	2	3	4	5
Лошадь	5,7	3,5	3,5	8,1	6,2
Корова	32,7	17,2	15,9	25,4	26
МРС	40,3	30,8	31,7	39,2	30,9
Свинья	2,8	3,6	4,4	4,7	3,6
Собака	4,9	18,7	26,5	5,3	15,1
Дельфин	2,1	2,2	2	0,8	1
Птицы	1,0	6,2	5,1	4,1	4,1
Рыбы	9,9	17,6	9,8	11,7	12,1
Прочие	0,5	0,2	1,2	0,7	1

1 – Зольник 1; 2 – Зольник 2. Низ; 3 – Зольник 2. Верх; 4 – Поселение 450–400 г. до н.э.; 5 – Поселение 300–150 г. до н.э.

Более наглядно изменения структуры фаунистической коллекции в слоях зольников с течением времени представлены на диаграмме (Рис. 1).

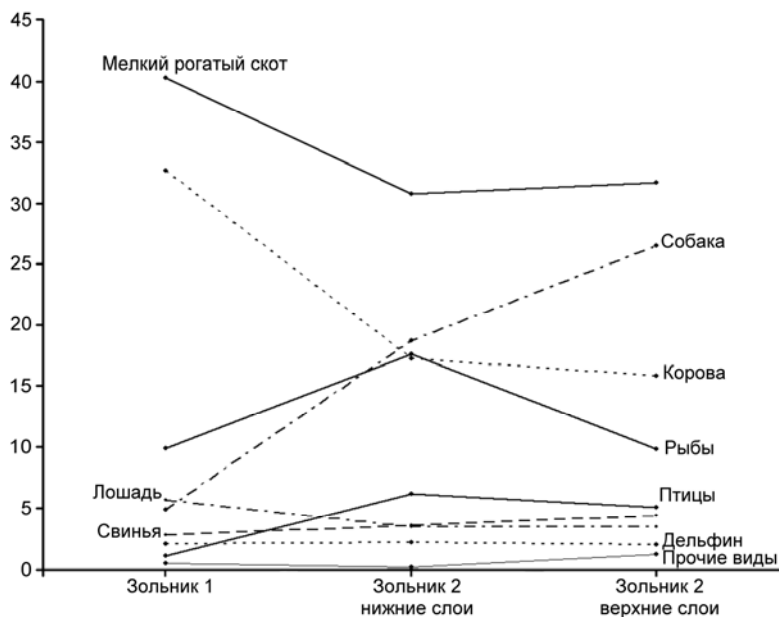

Рис. 1. Мирмекий. Изменение структуры фаунистической коллекции зольников

На графике видно, что в зольнике 1 в период примерно поздней архаики-классики помимо мелкого рогатого скота (МРС), который доминирует всегда, обильны оказываются и кости коровы. Остальных всех заметно меньше. Рыбы на третьем месте по численности остатков. Остальные – свинья, лошадь, птицы, на которых на Мирмекии активно охотились, остатки дельфина и немногие прочие виды крайне немногочисленны. Найдены в зольнике 1 и кости собаки. Процент ее остатков невелик и в целом почти соответствует таковому на поселении вообще. В целом, однако, процентный состав фаунистической коллекции из зольника 1 несколько отличается от такового просто в слоях поселения. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в зольнике выше процент костей крупного рогатого скота. И несколько ниже процент костей лошади. Доля мелкого рогатого скота почти равна таковой в городских слоях. Фрагментов костей свиньи и собаки, рыб и остатков прочих видов незначительно

меньше, а птиц заметно меньше, чем в слоях поселения. То есть в зольник отправляли остатки главных пищевых видов – коровы и мелкого рогатого скота. Причём остатки коровы отправляли в зольник специально, потому они аккумулировались там в несколько большем количестве.

Через сто лет, когда началось формирование нижней части зольника 2, ситуация выглядела иначе. В III–II вв. до н.э. – начале эллинизма, фаунистическая ситуация на поселении изменений почти не претерпела (Табл. 2). Отличие состоит в том, что среди костных остатков в городских слоях почти втрое увеличилась доля собаки и несколько уменьшилась доля остатков овец и коз. Объяснение этому состоит, вероятно, в том, что Мирмекий в то время увеличился в размерах и был процветающим поселением. Увеличение численности населения способствовало увеличению поголовья собак, как домашних, так и бродячих, бездомных, которые могли без труда находить себе пропитание среди городского мусора, отходов разделки скота и т.д. Население процветающего города стало питаться лучше и доля менее деликатесной баранины несколько сократилась. Процентаж же остальных животных почти не изменился, поскольку почти не изменился жизненный уклад горожан. Рыба, птица и свинина являются по-прежнему не очень значительной составляющей в рационе населения.

А вот ситуация в нижних слоях зольника 2 отличается от зольника 1 значительно (Рис. 1). В первый период его формирования доля костей мелкого рогатого скота сокращается и практически не отличается от таковой в эллинистических слоях поселения. Доля же коровы не возрастает, как на городище, а падает, и падает весьма заметно, почти что в два раза. Несколько уменьшается и процент костей лошади. Сильно возрастает доля костей рыб. Она увеличивается вдвое. В то время как в обычных эллинистических городских слоях по сравнению с поздней классикой – всего на 1 %. С 1 до 5 % увеличивается в сборах и количество костей птиц. В городских же слоях за это время оно не меняется (Табл. 2). Таким образом, в начале эллинистического периода пищевой рацион той группы жителей Мирмекия, которые насыпали этот зольник, отличался от остальных его обитателей. Гораздо большую, чем прежде, роль в их питании начали играть рыба и пернатая дичь, то есть продукты, добываемые так сказать «естественным путем». Баранина и в равных количествах говядина и рыба являлись основой их мясного рациона в те времена. Отдельно следует отметить очень большое увеличение в зольнике количества костей собак. Оно на несколько процентов превышает таковое в обычных слоях поселения. Учитывая, что зольник формировался искусственно, и туда отправлялись преимущественно пищевые отходы, такое большое количество костей собаки, которую на

Боспоре использовали в пищу редко и всегда в исключительных ситуациях, является, очевидно, следствием каких-то ритуально-культовых действий.

Собака в античных культовых практиках являлась хтоническим существом, и в вазописных сюжетах, а также на барельефах надгробных камней символизировала смерть, потусторонний мир и даже загробное блаженство (Молева. 1998; 2002). Жертвоприношения собак использовались в культах, связанных с идеями возрождения, плодородия, защитных и очистительных. Так, например, на поселении Береговой-4 на Таманском полуострове, в центральной части, где располагалось святилище Деметры и Коры, площадки для жертвоприношений, ограда и алтари, среди костных остатков собака занимала второе место – 22,1 %, на первом же был мелкий рогатый скот – 36,1 % (Абрамов, Сударев. 2011). В первом периоде формирования зольника 2 имеет место совершенно аналогичная ситуация. Примечательно, что по археологическим данным зольник 2 начали насыпать в начале III века до н.э. именно над разрушенным святилищем Деметры. Таким образом, учитывая определенное оскудение пищевого рациона и обилие остатков животного, вовлеченного в хтоническую ритуалистику, можно предполагать, что жизнь на Мирмекии (во всяком случае у тех социальных групп, которые формировали зольник 2) заметно ухудшилась.

Можно отметить, что количество остатков дельфина в слоях зольников никак не изменяется в зависимости от степени обилия рыбьих костей. Обычно дельфин, хотя и на более низком уровне практически повторяет колебания доли рыбьих костей. Это вполне закономерно. Дельфин – побочная, нежеланная добыча рыбаков, ловивших рыбу сетями. Молодые неопытные дельфины время от времени запутывались в них и погибали под водой без воздуха, повреждая сети и доставаясь разгневанным рыбакам в виде подгнивших туш вместо ожидаемого рыбного улова. Потому на поселении, где осуществлялось рыболовство, процент костей дельфина, как правило, коррелирует с процентом остатков ихтиофауны. Обилие рыб подразумевает более активное рыболовство, большее количество поставленных сетей и большее количество погибших в них дельфинов. В данном случае мы это не наблюдаем. Несмотря на заметные колебания доли ихтиологических остатков, количество дельфина остается стабильным в зольниках во все периоды. Это лишний раз говорит нам о том, что в зольник попадали именно специально помещаемые туда пищевые отходы, а не аккумулирующийся естественным путем остеологический мусор. Дельфинов в обычных ситуациях на Боспоре в пищу не употребляли. Однако при этом обращает на себя внимание то, что в отложениях зольников относительное

количество костей дельфина оказывается всегда больше, чем в городских слоях (Табл. 2).

В период формирования верхней части толщи зольника 2 ситуация несколько изменилась. Рыба перестала играть ведущую роль в питании создателей зольника. Доля ее остатков уменьшилась вдвое и стала даже несколько меньше, чем просто на поселении. Количество же костей собаки продолжает резко увеличиваться и достигает 26 %, почти в два раза больше, чем в среднем по поселению в период эллинизма. Однако в главном фаунистическая ситуация не меняется. Доля остатков крупного рогатого скота не изменилась и продолжает оставаться низкой по сравнению с поселением. Процент остатков же овец и коз соответствует таковому в городских слоях. Доля остальных групп животных практически остается прежней.

В целом, пищевая ситуация на Мирмекии за период времени со второй половины V в. по начало II в. до н.э. существенно не менялась (Табл. 2). Единственное серьезное отличие – трехкратное увеличение в материалах доли костей собаки и заметное уменьшение, на 10 % доли мелкого рогатого скота. Последнее может говорить даже о некоем возрастании благосостояния обитателей поселения.

По материалам же зольников мы наблюдаем другую картину. Во второй половине V в. до н.э. пищевые остатки зольника 1 говорят о достатке и изобильном питании тех, кто насыпал его в этот период и о том, что их жизнь в этом смысле практически не отличалась от жизни прочих обитателей городища. Более того, в зольник отправлялись преимущественно остатки качественного мяса. Доля остатков коровы и мелкого рогатого скота здесь значительно превышает все остальные категории костей. Среди фрагментов костей коров, овец и коз доля остатков задней части туши, то есть наиболее богатой высококачественным мясом области, составляет 25,7 % от количества их костей. Этот показатель для синхронных слоев поселения – 25,4 %, то есть практически такой же (Табл. 3). Это говорит о достаточно качественном питании горожан, которые, вероятнее всего и насыпали первый зольник.

Затем ситуация на поселении, как уже говорилось, почти не меняется, а вот материалы нижних слоев зольника 2 говорят о значительном изменении в рационе его создателей. Доля домашних животных, являющихся источником мясного пропитания – коровы, мелкого рогатого скота и даже лошади снижается, а птиц и рыб существенно увеличивается. То есть налицо заметное ухудшение материального положения тех, кто насыпал зольник, в отличие от остальных обитателей эллинистического Мирмекии. В это время и процент задних частей туш в материалах несколько падает. Мясное питание становится более скудным и качество его ухудшается. Кости собак помещают в зольник в значительно большем количестве и

среди них появляются фрагменты (1,2 %), несущие на себе следы целенаправленной разделки – резки или рубки. В эллинистических слоях городища таких остатков лишь 0,5 %.

Таблица 3. Некоторые дополнительные характеристики остеологических коллекций из слоёв поселения и зольников разного времени на городище Мирмекий (в %).

	1	2	3	4	5
Остатки, повреждённые собакой	11,3	6,1	7,4	9,4	8,5
Остатки, обожжённые в огне	1,4	0,8	0,5	3,1	0,8
Остатки, имеющие следы резки, рубки и т.д.	1,9	3,2	3,0	1,4	2,8
Кости собаки со следами резки	-	1,2	2,2	-	0,5
Доля задней половины тела для крупного и мелкого рогатого скота	25,7	21,1	28,5	25,4	24,7

1 – Зольник 1; 2 – Зольник 2. Низ; 3 – Зольник 2. Верх; 4 – Поселение 450–400 г. до н.э.; 5 – Поселение 300–150 г. до н.э.

К началу II в. птицы и рыбы в зольнике уже не так многочисленны, как в первой половине III в. до н.э. Таким образом, можно констатировать, что мясо домашних копытных вновь занимает основное место в диете хозяев зольника. Процент остатков задней части туши в этот период наибольший: даже выше, чем просто по поселению. Однако, если кости коз и овец на зольнике 2 составляют в этот период такую же долю, как и на городище, процент костей коровы здесь по-прежнему почти в два раза ниже, чем в эллинистических городских слоях. То есть, хотя мясное питание и улучшилось по сравнению с предыдущим периодом, оно остается по-прежнему все-таки менее качественным, чем у основной массы горожан. (см. Табл. 3). Процент костей собаки в верхних слоях зольника 2 возрастает многократно. И доля ее остатков, несущих на себе порезы, в этот период наивысшая.

Вообще представляется, что с течением времени сакрализация такого места, как зольник, на Мирмекии возрастала. Примечательно, что количество костей, погрызенных собаками, в зольнике 1 составляет 11,3 % – больше, чем просто на поселении. Это значит, что собаки, не испытывая особых затруднений, посещали зольник целенаправленно и с легкостью находили там пропитание для себя. В зольнике 2, при том, что численность собак вообще заметно выросла, грызенные ими кости составляют уже только 6–7 %. Значит, доступ на зольник для них в эллинистическое время был уже проблематичен, хотя и возможен время от времени. Увеличение с течением времени количества костей собак, животных, связанных с хтоническими богами, часть которых перед помещением в зольник специально расчленяли, также свидетельствует, на наш взгляд, об увеличении сакральности зольника.

Ответ на вопрос, что послужило причиной тому, что создатели зольника 2 помещали в него пищевые остатки менее качественных категорий, и другого состава, чем те, что захоранивались в обычных культурных слоях городища, следует искать в исторических и бытовых реалиях того времени, которые могут быть прояснены археологическими данными.

Литература

- В. В. Абрамов, Н. И. Сударев.* Жертвоприношение собаки на поселении Береговой 4: ещё один сюжет в сакральной жизни Боспора // Боспорский Феномен: Население, языки, контакты. СПб., 2011.
- Н. В. Молева.* Собака в религиозных представлениях боспорян // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998.
- Н. В. Молева.* Собаки в сакральном мировоззрении древних греков // Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002.
- Н. В. Молева.* Греческое и варварское в религиозном мировоззрении городской общины Китея // Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002 а.

В. Г. Зубарев, М. О. Жутенкова

Фаунистические остатки из раскопок городища «Белинское» (по результатам работ 1996–2012 гг.)

Одним из показателей, дающим нам представление о хозяйственной деятельности древних сообществ, является остеологический материал, присутствующий в большей или меньшей степени на всех античных поселениях. Не исключением в этом ряду является и городище «Белинское» – крупное поселение на западной окраине сель-

скохозяйственной хоры Европейского Боспора. За 17 лет исследований здесь найдено и обработано значительное количество археозоологического материала и, в первую очередь, костей домашних животных. Полученные данные позволяют ответить на некоторые вопросы, связанные с этой стороной хозяйственной деятельности населения городища в различные периоды его истории.

В данном исследовании мы попытались проследить изменение состава стада домашних животных на протяжении двух первых периодов в истории городища. Рубежом между ними являются события середины III в. н.э. Выбор такого временного промежутка не случаен, так как в ходе варварских походов городище «Белинское» подверглось разрушению, а после этого, по-видимому, произошла частичная смена населения. Одним из проявлений этой смены и могут стать изменения в составе стада домашних животных.

Определение состава стада домашних животных осложняется неполнотой остеологического материала, имеющегося в нашем распоряжении. Однако поскольку в первую очередь нас интересует не столько состав, сколько выявление тенденций в его изменении, то возможно использовать простой подсчёт количества костных останков того или иного животного. Результаты, основанные на таком подсчёте, представлены ниже в виде таблицы и диаграмм (См. Схему).

Полученные данные однозначно свидетельствуют о том, что во второй период происходит резкое увеличение доли крупного рогатого скота в составе стада Белинского городища на фоне столь же резкого уменьшения доли мелкого рогатого скота. В этой связи интересно посмотреть, как данное обстоятельство вписывается в общую тенденцию развития скотоводства на Боспоре.

И. Т. Кругликова высказала в своё время предположение, что жители боспорских городов предпочитали разводить крупный рогатый скот. Он давал больше мяса и мог использоваться как тягловая рабочая сила. Причём доля крупного рогатого скота в первые века резко возрастает (Кругликова. 1966. С. 127–128). Это обстоятельство отмечается и другими исследователями. В частности В. И. Цалкин, сравнив между собой состав костных остатков из поселений до нашей эры и из поселений нашей эры, пришёл к выводу, что «в памятниках до нашей эры мелкий рогатый скот по количеству особей преобладает над крупным рогатым скотом, тогда как в поселениях нашей эры наблюдаются обратные соотношения» (Цалкин. 1960. С. 93).

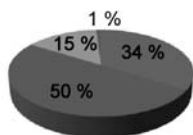
В. Д. Блаватский, отмечая увеличение количества крупного рогатого скота в римских слоях, расценивает это явление как показатель рустификации городов. В результате этого процесса население, ранее широко занимавшееся ремёслами и торговлей, всё больше об-

ращается к земледелию (Блаватский. 1953. С. 104). Однако, по мнению В. И. Цалкина «сокращение мелкого рогатого скота и увеличение количества крупного рогатого скота совершенно отчётливо выражено уже в эллинистическое время». Отсюда и процесс рустификации в начале нашей эры достигает «своего наибольшего развития» (Цалкин. 1960. С. 100).

	1 период	2 период
	%	%
КРС	34	59
МРС	50	13
Лошадь	15	22
Свинья	1	6

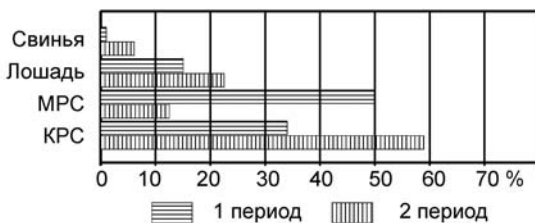
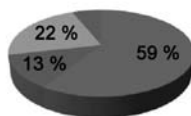
Состав стада 1 период

■ КРС ■ МРС ■ Лошадь ■ Свинья

Состав стада 2 период

■ КРС ■ МРС ■ Лошадь ■ Свинья

Состав стад в городах и поселениях был в основном одинаков, однако географическое расположение той или иной области, города, поселения накладывало отпечаток на количественное соотношение в них различных видов скота. В большинстве случаев за лидирующее место боролись поголовья крупного и мелкого рогатого скота, второе место с переменным успехом занимали лошади и свиньи. В крупных греческих городах, таких как, например, Пантикапей, отдавали предпочтение свинье, кости лошади в свою очередь преобладали в отдалённых неэллинизированных поселениях. Это явление

объясняется как следствие сохранения обычая употреблять в пищу лошадиное мясо (Кругликова. 1966. С. 128; Цалкин. 1960. С. 98).

Из приведённой выше диаграммы видно, что Белинское городище во втором периоде вполне вписывается в общую тенденцию. В составе стада преобладает крупный рогатый скот, где ведущую роль играет корова, имевшая многофункциональное значение: использование в пищу мяса, молока, а также использование коровы как тяглового животного. Наличие последней функции на Белинском городище подтверждается результатами анализа остеологического материала из раскопок 1999 г., проведённого А. К. Каспаровым, выявившим у старых особей склеротические разрастания, вызванные большими нагрузками на конечности (Каспаров. 2001. С. 270)

Остеологические остатки лошади, которая в процентном соотношении занимает третье место в обоих периодах, представлены в основном зубами. Возраст особи в среднем составляет 12–14 лет. Лошадей использовали для перевозки тяжестей, о чём свидетельствуют два сросшихся поясничных позвонка (Каспаров. 2001). То, что лошади использовались для работы, а не для езды, подтверждает и их коренастость.

Выводы А. К. Каспарова основаны на анализе костей животных, найденных преимущественно в слое золистой супеси, перекрывавшей остатки оборонительной стены на раскопе «Северный». Он достаточно уверенно датируется последним периодом в истории городища (вторая половина IV – середина V в. н.э.) и, следовательно, отражает заключительную фазу в эволюции состава стада домашних животных. Начало же этому процессу было положено во второй половине III в. н.э.

Картина первого периода (начало II – 70-е гг. III в. н.э.) выглядит несколько необычно. В это время мы уже должны наблюдать уверенное лидирующее положение в стаде крупного рогатого скота, однако 50 % приходится на мелкий рогатый скот. Возможно, такому положению дел способствовала удалённость городища от крупных центров, его пограничный статус и отсутствие на начальном этапе достаточного количества гражданского населения. Нужно было время на развитие и преобразования. Резкое увеличение доли крупного рогатого скота на втором этапе как будто бы подтверждает эти предположения. Однако смена произошла слишком резко и отнюдь не в тот момент, когда городище переживало период расцвета. Серьезные изменения накапливались не поступательно, а свершились одним скачком. Единственным объяснением этому может быть сильное и, вполне возможно, навязанное воздействие населения с другим хозяйственным укладом.

Литература

- В. Д. Блаватский.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- А. К. Каспаров.* Фаунистические остатки поселения Белинское в Восточном Крыму // БФ. 2001.
- И. Т. Кругликова.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966.
- В. И. Цалкин.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 53.

С. А. Шестаков

Керченская «батарейка» – об одной археологической находке с некрополя Тиритаки 1983 г.

Общеизвестна «багдадская батарейка», найденная в 1936 г. близ Багдада Вильгельмом Кёнигом. Глиняный горшочек содержал медный цилиндр и железный стержень. Металлические детали были изолированы между собой битумом. Предмет, определённый как древнейший гальванический элемент, хранится в Багдадском музее (Багдадская батарейка. Электронный ресурс). Похожее изделие найдено в Керчи, в погребении некрополя Тиритаки (Шестаков. 1984. С. 11). Разница между двумя предметами достаточно существенная: багдадский представляет собой глиняный сосуд, керченский – медный цилиндр. И хотя эти предметы не вполне подобны, они конструктивно близки. Несомненно, что оба предмета применялись для одинаковой цели.

Керченский предмет обнаружен при следующих обстоятельствах (Шестаков. 1980–1983. С. 104–133). В марте 1983 г. при рытье траншеи для силового кабеля на территории агломерационной фабрики Камыш-Бурунского железорудного комбината, построенной полностью на некрополе Тиритаки, было выявлено несколько погребений. Охранные раскопки произведены сотрудниками Керченского музея. Предмет, о котором идёт речь, найден в погребении № 1, исследованном автором.

Погребение представляло собой грунтовую могилу, перекрытую четырьмя плитами из рифового известняка. В нём в вытянутом положении с ориентацией на восток лежал костяк молодого человека (зубы не стёрты). Рост 170–180 см. Череп лежал на левом боку. Перед лицевой частью черепа находились конечные фаланги пальцев левой руки. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте поперёк тулова. Кости кисти этой руки, кроме конечных фаланг, располагались у локтевого сустава левой руки. Кости грудного

отдела скелета: ключицы, рёбра, лопатки имели следы действия огня или окраски. В заполнении могилы содержалось много древесных угольков и мелких фрагментов амфорных стенок, а на дне посыпка из песка. Погребальный инвентарь располагался следующим образом. У ключиц найдена серебряная фибула с тетивой и завязкой на ножке, но без иглы. Между костей ног находилась напутственная пища – бедренная кость животного – и железный нож. С правой стороны таза найдена круглая бронзовая пряжка и оселок. С внешней стороны стопы правой ноги на дне могилы лежал опрокинутый краснолаковый кувшин с небольшой пробойной. В этой части погребения находились детали интересующего нас предмета, похожего на пиксиду. Предмет был преднамеренно разобран и необъяснимым образом размещён в могиле среди погребального инвентаря. Все его детали располагались на дне могилы, на одном уровне. Близко от кувшина лежала верхняя крышка внешней стороной вверх, а рядом железный стержень. Стержень был полностью окислен, поэтому сохранить его не удалось. По замерам на месте: его длина – 7,0 см, диаметр – 0,4 см. Далее от крышки находился корпус, в котором содержался материал чёрного цвета, похожий на битум, а рядом – свинцовая трубочка. За корпусом лежало донце этого прибора внешней стороной вверх и стеклянный бальзамарий. Медное колечко находилось у левого плечевого сустава. Находки из раскопок некрополя Тиритаки хранятся в Керченском музее за исключением некоторых предметов.

Таким образом, в погребении № 1 найдены следующие предметы:

1. Кувшин краснолаковый (КМАК- 10880);
2. Бальзамарий стеклянный (КМАС-1088);
3. Нож железный, со следами деревянной рукояти, которая не сохранилась (КМ-5523);
4. Точильный брусок (КХ-15816);
5. Пряжка бронзовая круглая (КМ-5524);
6. Фибула миниатюрная серебряная с выпуклой спинкой и подвязной ножкой;
7. Колечко медное, свёрнутое из узкой полоски встык;
8. Изделие медное, похожее на пиксиду, из трёх деталей;
9. Свинцовая трубочка;
10. Железный стержень – не сохранился.

На основании комплекса находок дата погребения – вторая половина I в. н.э. Этим временем датируется и загадочное изделие.

Изделие состоит из шести деталей (Рис. 1): 1. Медный цилиндр. Высота – 51 мм, диаметр – 36 мм. Свёрнут из медного листа длиной 13,5 мм, толщиной 1,4 мм с нахлестом в 12 мм без прочного соединения. Нижняя часть на 23 мм заполнена мастикой чёрного цвета, похожей на битум.

Рис. 1. Керченская «батарея». Детали и внешний вид в сборе

2. Дно со штампованной выпуклостью для сопряжения с цилиндром. Диаметр – 42,4 мм; диаметр выпуклости 34,5 мм, высота выпуклости 2,4 мм.

3. Крышка с такой же выпуклостью и с круглым отверстием в центре, диаметром 7,3 мм. Диаметр 40,8 мм.

4. Свинцовая трубка. Высота 25,0 мм. Диаметр: сверху – 19,0; середина – 16,8 мм, внизу – 18,0 мм. Свёрнута из листа длиной 64 мм, толщиной 1,3 мм, с нахлестом в 3,0 мм.

5. Медное колечко. Диаметр 24,6 мм; высота 5,0 мм. Свёрнуто встык из полоски длиной 8,2 мм.

6. Железный стержень. Длина 70 мм; диаметр 4,0 мм.

Изделие, обнаруженное в погребении в разобранном виде, уверенно восстанавливается из пяти имеющихся деталей (Рис. 1). Дно и крышка в соответствии с размерами состыковывались с цилиндром. Свинцовая трубка занимала место внутри цилиндра, о чем свидетельствует отпечаток, сохранившийся на поверхности битум-

ного заполнения. Шестая деталь – не сохранившийся железный стержень – проходил сквозь отверстие в крышке, сквозь свинцовую трубочку и упирался в слой битума, о чем свидетельствует сохранившийся след. Все щели в цилиндре были заделаны битумом. Этим же материалом укреплены дно и крышка. Железный стержень тоже был изолирован в отверстии крышки битумом от непосредственного контакта с ней. Плохая сохранность деталей прибора, утраты меди и свинца, каверны в них указывают на то, что прибор применялся как химический реактор. В качестве реактива применялся, по-видимому, уксус. Предположительно, в приборе изготавливался препарат, содержащий соли меди и свинца. Мазь, составленная на основе этого продукта и растительных или животных жиров, могла применяться при лечении экземы и дерматитов. При упорном лечении и передозировке препарат мог вызвать побочные явления в виде отравления свинцом и медью, что, вероятно, и привело к летальному исходу. Таким образом, этот нюанс даёт некоторое представление о состоянии медицины на Боспоре.

Суждение об использовании этого и подобных приборов в качестве именно гальванических элементов – не вполне точно. Изготовление фармакологического средства происходило в процессе химической реакции, сопровождавшейся электролитической диссоциацией, а это приводило к образованию электрического тока. Следовательно, предмет, предназначенный для другой функции, можно считать батареей только условно, как прибор, всё-таки дающий электрический ток. В настоящее время изготавливается копия «батарейки» для постановки эксперимента.

Литература

- Багдадская батарейка [Электронный ресурс] – [ru.wikipedia.org/wiki/Багдадская батарея](http://ru.wikipedia.org/wiki/Багдадская_батарея).
- С. А. Шестаков. Охранные раскопки тиритакского некрополя в 1983 году // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Перечень работ участников конференции 1–3 августа 1984 г. Керчь, 1984.
- С. А. Шестаков. Дневник раскопок и наблюдений 1980–1983. № 3.

V. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

И. В. Тункина

Ф. Дюбуа де Монпере – исследователь позднескифских городищ Крыма¹⁵⁷

Швейцарский натуралист и путешественник Ф. Дюбуа де Монпере (1798–1850) в 1832–1834 гг. изучал юг Российской империи, в том числе древности Тавриды (Кноерфлер. 1988; Тункина. 2002. С. 97–103; Дюбуа де Монпере. 2009. С. 5–10). Он издал 6-томное описание своего путешествия, иллюстрированное роскошным атласом. Этот труд до сих пор остается одним из самых цитируемых и используется многими специалистами в области археологии Причерноморья как первоисточник, зафиксировавший состояние ряда исчезнувших или полуразрушенных памятников в начале 1830-х гг. Значительно больший объем информации представляют рукописные материалы обладавшего острым глазом и ясным умом путешественника, прежде всего его рисунки и планы, не искаженные последующим литографированием. Материалы Ф. Дюбуа де Монпере, относящиеся к России, были приобретены Императорской Академией наук у вдовы ученого в 1903 г. и сегодня хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. В Симферополе Ф. Дюбуа де Монпере останавливался в гостевом домике имения главного инспектора шелководства на юге России Х.Х. Стевена, расположенном в долине Салгира напротив городища Керменчик, которое в 1831 г. было отождествлено директором Одесского и Керченского музеев древностей И. П. Бларамбергом с Неаполем Страбона. Путешественник принимал участие в еженедельных дружеских обеденных журфиксах Стевена, проходивших каждый четверг, где обменивались новостями и дискутировали гости хозяина, в том числе А. Я. Фабр и П. И. Кёппен, занимавшиеся крымскими древностями. По словам Ф. Дюбуа де Монпере, журфиксы никогда не пропускались теми путешественниками, кто оказывался поблизости от Симферополя: «Кто смог бы перечислить имена всех, кто являлся из Германии, Швейцарии, Франции или Швеции и находил гостеприимство и по-

¹⁵⁷ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00005а, РГНФ, проект № 12-01-00008а.

лезные инструкции в этой скромной комнате? Сколько страниц моего дневника были написаны в этом мирном приюте!» (Dubois de Montpéreux. 1843 а. С. 395; Дюбуа де Монпере. 2009. С. 125). С 1827 по 1834 г. помощником Х. Х. Стевена состоял известный исследователь древностей Крыма, будущий академик П. И. Кёппен, который в 1829 г. приобрел имение Карабах на южном берегу юго-западнее Алушты. Здесь гостеприимный хозяин также принимал многих путешественников, нередко сопровождая их при осмотре окрестностей. Ф. Дюбуа де Монпере писал, что «господин Кёппен, такой образованный, усердный и добросовестный в его исследованиях по истории и древностям Крыма, был для меня лучшим и самым приятным из проводников» (Dubois de Montpéreux. 1843 а. С. 449; Дюбуа де Монпере. 2009. С. 147). В июле 1834 г. Ф. Дюбуа де Монпере нашел время для изучения столицы Таврической губернии и её окрестностей. Еще в 1827 г. на городище Керменчик близ Симферополя были случайно открыты несколько надписей с посвящениями греческим божествам и с упоминанием скифского царя Скилура (IPE. I². № 668), который вместе с сыном Палаком был известен по «Географии» Страбона (*Strabo*, VII, 3,17; 4,3,7) и по крайне редким монетам, чеканенным в Ольвии. В том же году И. П. Бларамберг провел раскопки городища и посчитал Керменчик одной из построенных властителем Скифии крепостей. Эти укрепления перечислены древним географом в следующем порядке – Палакий, Хаб (Хабон, Хабеи) и Неаполь. Они служили опорными пунктами в войнах скифов против полководцев Митридата VI Евпатора (*Strabo*, VII, 4,3,7). И. П. Бларамберг в газетных статьях 1827 г. ещё не решался соотнести реальные археологические остатки на Керменчике с конкретным топонимом, упомянутым Страбоном, но к 1831 г. антикварий склонился к выводу о тождестве Керменчика с Неаполем. В 1828–30 гг. И. П. Бларамберг занялся разведками с целью определения местонахождения двух других крепостей Скилура. Через несколько лет после появления трёх статей в «Journal d'Odessa» («Одесском вестнике») И. П. Бларамберг написал большую статью о трех тавро-скифских крепостях, которые, согласно Страбону, были построены скифским царем Скилуром (Blaramberg. 1831; пер.: Бларамберг. 1889. С. 56–69). И. П. Бларамберг локализовал вторую тавро-скифскую крепость Палакий у входа в Балаклавскую бухту. Третью крепость Хабон (Хаб, Хабеи, Хавон) И. П. Бларамберг искал в окрестностях Кафы (Феодосии) и соотнёс с городищем, находящимся «в 5 верстах» южнее с. Огуз, неподалеку от Эски-Крыма (Старого Крыма).

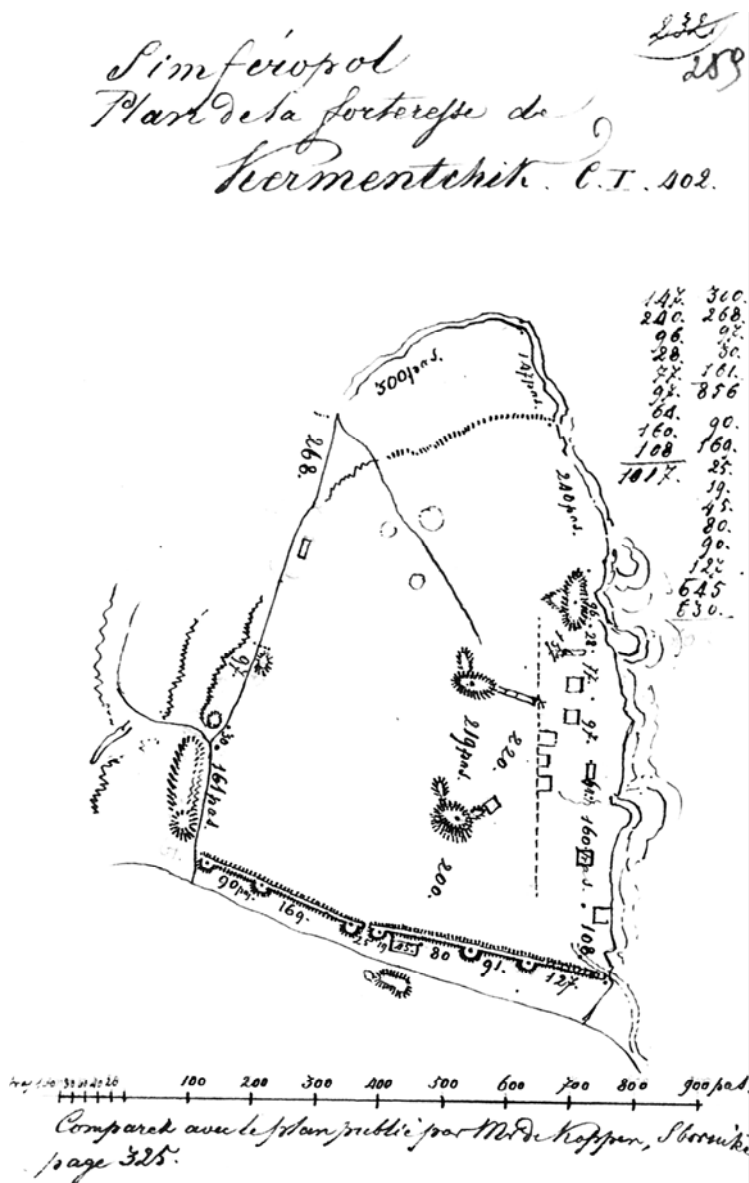

Рис. 2. Ф. Дюбуа де Монпере. «Симферополь. План городища Керменчик. Сверен с планом, опубликованным Кеппенем, [Крымский] сборник, с. 325». На фр. яз. СПФ АРАН Ф. 86. Оп. 1. Д. 23. Л. 259. Публикуется впервые

Речь идёт о средневековом укреплении, известном как Кордон-Оба в современном п. Курортное (Нижние Отузы) близ Лисьей бухты. И. П. Бларамберг полагал, что здесь существовала греческая колония, возможно Афинеон, или порт скифо-тавров (*Anon. PPE*, 76(50), 78(52), 82(56)), которая могла существовать рядом с «Хавоном под покровительством скифов», как аналогичная «греческая колония родосцев» в Керменчике–Неаполе (Blaramberg. 1831. P. 27–34; Бларамберг. 1889. С. 67). Опираясь на Страбона, И. П. Бларамберг сделал вывод, что «угнетающее могущество» царя Скилура простиралось не только до Ольвии, как доказывают его монеты, но и на всю южную часть Тавриды, включая южный берег полуострова от Балаклавы до Феодосии. «Главные притоны» тавро-скифов, занимавшихся грабежом в Тавриде, были построены на пограничных окраинах побережья Крыма – от Балаклавы на западе, т.е. на границе с Херсонесом Таврическим, с которым вел войну Скилур, до долины с. Отузы на востоке, на границе с Боспорским царством; на севере контролируемые скифами земли простирались до Симферополя. Три главные крепости тавро-скифов – прежде всего Керменчик–Неаполь, располагавшийся на перекрестке торговых путей к Перекопу, Кучук-Ламбату, Алуште и пр. – контролировали ситуацию на всем полуострове (Blaramberg. 1831. P. 35–36; Бларамберг. 1889. С. 68).

Ф. Дюбуа де Монпере сам включился в поиски позднескифских крепостей и в дискуссию об их локализации. К 1833 г. А. Я. Фабром и П. И. Кёппеном были открыты как минимум шесть позднескифских селищ с убежищами-акрополями, разбросанными на протяжении десятков километров по внешнему краю предгорий – Ак-Кая/Вишенное, Меловое, Зуйское (Борут-Хане), Коньч (Монтанай), Альма-Кермен (Заветное), Кермен-Кыр (Красное). Эти «варварские города», по предположению В. Г. Зубарева, были расположены вдоль дороги, отмеченной на карте древнегреческого географа Клавдия Птолемея, которая связывала предгорье с побережьем (Зубарев. 2005. С. 229). Из крепостей Скилура, писал Ф. Дюбуа де Монпере, «известны некоторые в Балаклаве или Символоне, Инкермане или Ктеносе, Манкупе или Мангуте... Неизвестно, где были расположены другие» (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 83. Л. 17 об.). В письме от 9 апреля 1835 г. Ф. Дюбуа де Монпере сообщил П. И. Кёппену, к тому времени переведенному на службу из Крыма в Петербург, что он был занят поисками *семи* скифских крепостей Скилура, которые окружали Гераклеийский полуостров. Позднее текст этого письма, подлинник которого украшен набросками находок из некрополя Керменчика (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 83. Л. 17 об. – 18), был издан П. И. Кёппеном в русском сокращённом переводе (Письмо. 1835. С. 292–301) и вошёл в текст описания путешествия швейцарца

(Dubois de Montpréaux. 1843 b. P. 382–387; Дюбуа де Монпере. 2009. С. 287–288).

Одну из крепостей швейцарский ученый нашел в долине Бельбека, в двух верстах от устья реки, «на холме, лежащем по левой стороне». Квадратный фундамент «четвероугольного замка, занимающий всю ширину узкого холма», был еще хорошо виден, как и «канал, проводивший в то время воду» из Бельбека к подножию крепости; «вообще видны в окрестностях сего возвышения развалины из кирпичей, обломки сосудов и следы прежних жилищ». Укрепление находилось в 2 км от с. Любимовки (ныне Нахимовский район Севастополя). Скорее всего путешественник открыл Усть-Бельбекское городище в 2 км от устья р. Бельбек (Кёппен. 1837. С. 243; Высотская. 1972. С. 63, 65; Дашевская. 1991, 5, 49 № 53; Колтухов. 1999. С. 120), однако в современной историографии открытие этого памятника ошибочно приписывают Н. М. Печёнкину и относят к началу XX в. (Печёнкин. 1905. С. 30).

Вторую крепость, аналогичную Бельбекской, Ф. Дюбуа де Монпере обнаружил в 4 или 5 верстах (4,26–5,33 км) от Симферополя у Салгира: «Вы там найдете на вершине холма на левом берегу следы вала, жилищ, несколько небольших курганов и обломки глиняной посуды» (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 83. Л. 17 об. –18; Письмо. 1835. С. 292–293). Путешественник отметил, что Керменчик был построен в верховьях Салгира для защиты долины реки, а со стороны степи ее защищала другая крепость, расположенная над деревней Сарайлы-Кият на небольшом мысу, отделенном оборонительной стеной, «по обе стороны которой разбросаны сильно стертые руины жилищ, обломки керамики и несколько небольших курганов». Эта позднескифская крепость, расположенная в 6 км к северо-западу от Симферополя на левом склоне долины р. Салгир, сегодня известна под названием городища Кермен-Кыр, или Красное (ныне в черте с. Мирное Симферопольского района АРК) (Пуздровский. 2008). Не доезжая Симферополя, примерно на полпути между Керменчиком и Сарайлы-Кият Ф. Дюбуа де Монпере отметил «возвышающийся на краю осыпи белого рухляка большой курган; в нем оказалось множество костей, сваленных вперемешку, как после битвы» (Dubois de Montpréaux. 1843 b. P. 387, 388; Дюбуа де Монпере. 2009. С. 288). В бумагах путешественника сохранился ситуационный план с обозначением этих памятников (Рис. 1).

В конце августа 1834 г. Ф. Дюбуа де Монпере изучил городище Керменчик и окружающие его могильники. Он первым из исследователей провел раскопки, обмеры и зарисовки погребальных сооружений, описал найденный инвентарь и обнародовал собранную информацию о Западном и Восточном некрополях Керменчика. Ф. Дюбуа де Монпере снял план (Рис. 2) и кратко описал само горо-

дище Керменчик, которое он назвал «безымянной резиденцией царя скифов Скилура, врага Митридата» (Dubois de Montpréaux. 1843 а. Р. 389; 1843 в. Р. 378–387; Дюбуа де Монпере. 2009. С. 122, 285–288). Следовательно, швейцарец не согласился с локализацией И.П. Бларамбергом Неаполя Страбона на Керменчике. Ф. Дюбуа де Монпере правильно заметил особенность месторасположения позднескифских городищ – они строились на холмах, с одной стороны ограниченных рекой, с другой – глубокими балками. Верхушки холмов плато, где возводились цитадели, всегда отсекали линии валов с оборонительными стенами.

Публикация неизданных материалов Ф. Дюбуа де Монпере позволит разрушить сложившиеся историографические штампы о времени открытия и приоритете в изучении ряда памятников археологии Крыма.

Литература

- И. П. Бларамберг.* О местонахождении трёх тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбонам, с картами, планами, снимками надписей и рисунками древних мраморов / Пер. с фр. *А. Л. Бертье-Делагарда* // ИТУАК. 1889. № 7.
- Ф. Дюбуа де Монпере.* Путешествие в Крым: (Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 тт. / Пер. с фр., предисл. и примеч. *Т. М. Фадеевой.* Симферополь, 2009.
- Т. Н. Высотская.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
- О. Д. Дашевская.* Поздние скифы в Крыму. М., 1991. – (САИ. Вып. Д1–7).
- В. Г. Зубарев.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.
- П. И. Кёппен.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. – (Крымский сборник. Вып. 1).
- С. Г. Колтухов.* Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.
- Н. М. Печёнкин.* Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. 1905. № 38.
- Письмо. 1835 – Письмо г-на Дюбуа к П. И. Кёппену. Покрой (Виленской губ.), 9 апреля 1835 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1835. Т. 16. № 5.
- А. Е. Пуздровский.* Скифское городище Кермен-Кыр // Херсонесский колокол: Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности *В. Н. Даниленко.* Симферополь, 2008.
- И. В. Тункина.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

- de J. Blaramberg.* De la position des trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon, avec carte, plans, copies d'inscriptions et dessins d'après des marbres antiques. Odessa, 1831.
- F. Dubois de Montpéroux.* Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Gorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843 a. Т. 5.
- F. Dubois de Montpéroux.* Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Gorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843 b. Т. 6.
- D. Knoepfler.* Frédéric Dubois de Montperreux (1798–1850) // Histoire de l'Université de Neuchâtel. Hauterive, 1988. Т. 1: La première Académie, 1838–1848. P. 257–304.

В. Ф. Санжаровец

**Некоторые замечания, рассуждения и уточнения,
касающиеся текстов статей и комментариев
к «Собранию сочинений» Поля Дюбрюкса**

Выход в свет собрания сочинений «зачинателя керченской полевой археологии» Поля Дюбрюкса (Дюбрюкс. 2010), стал заметным событием в современном антиковедении. Издание заслуженно получило похвальную оценку в рецензии одного из мэтров российского боспорovedения А. А. Масленникова, назвавшего его, в частности, «чрезвычайно полезным, интересным и поучительным» (ВРГНФ. 2012. № 1 (66). С. 269–273). Вероника Шильц, член-корреспондент Академии надписей и изящной словесности (Франция), прорецензировав этот труд, отметила в заключении: «Нет никаких сомнений, что эта книга – важная веха не только в истории изучения Киммерийского Боспора, но и, в более широком смысле, в истории археологии» (CRAI. 2013).

Признавая вполне справедливыми оценки, касающиеся значения самого издания и достижений в области справочно-библиографического оформления книги, отмеченных дипломами на престижных книжных конкурсах, обратимся к содержанию текстов статей и комментариев, к тем вопросам, которые возникают при детальном знакомстве с ними, и выскажем собственное мнение по этому поводу, что и станет целью настоящей работы.

Но прежде, вновь возвращаясь к важности данного события, заметим, что публикация всего научного наследия «пионера боспорской археологии», издание соответствующих статей, комментариев и справочных материалов действительно делают это собрание сочинений, в чём не сомневается составитель и один из авторов этого монументального труда И. В. Тункина, настольной книгой «для всех

историков-антиковедов и археологов, изучающих историю памятников Боспорского царства» (Тункина. 2010. С. 10).

Добавим, кроме того, что это замечательное произведение является ценным источником для историков-краеведов, а публикация в полном объеме рукописей Павла Алексеевича позволила по-новому оценить его роль в истории Керчи и признать его еще и пионером керченского краеведения (Санжаровец. 2012 б. С. 226).

В данной статье, опираясь на личный опыт многолетних краеведческих исследований, обратим внимание на единичные фактические неточности, выскажем и обоснуем свои суждения по поводу некоторых спорных вопросов, затронутых в статьях, постараемся выявить отдельные ошибочные представления, касающиеся нахождения или происхождения местных топонимов, названий самих географических объектов. Внимательное прочтение текстов позволит увидеть, насколько это возможно, незамеченные опечатки.

Прежде всего, о сведениях, относящихся к мемориальной доске Павлу Дюбрюксу, действительно установленной в 1996 г. на фасаде дома № 12 по ул. Пирогова (Тункина. 2010. С. 23). Это стало возможным благодаря стараниям не только С. А. Шестакова, но и прежде всего Г. Б. Григорьева, вот уже почти 20 лет успешно занимающегося с группой энтузиастов увековечиванием в Керчи, в частности, памяти различных исторических деятелей императорской эпохи (Санжаровец. 2011). К сожалению, в тексте доски содержатся, как теперь становится понятным, ошибочные данные о датах жизни и времени проживания здесь Дюбрюкса, но, главное, – для увековечения было выбрано не совсем то место. Достоверно известно, благодаря исследованиям М. Б. Михайловой (Михайлова, 2007. С. 198), что усадьба Дюбрюкса располагалась вдоль современной ул. Курсантов, которая, по нашим сведениям, в 1858–1924 гг. носила название ул. Троицкой, а в народе именовалась Соборным спуском. Стало быть, усадьба находилась не внутри XXXIV квартала (План..., 1837), а занимала угловое положение, чему сегодня соответствует двор, принадлежащий дому № 10 по ул. Пирогова, на котором и следовало установить мемориальную доску. Помещавшаяся на этом доме с 1994 г. доска, посвящённая жившему здесь известному поэту русскому зарубежья Ю. К. Терапиано (1892–1980), не являлась тому препятствием. Подобное соседство не противоречило бы истине. К слову, имя археолога формально было увековечено еще в 1992 г. переименованием пер. Безбожников в пер. Поля Дюбрюкса, однако это решение горисполкома так и осталось на бумаге.

Точная дата смерти Павла Алексеевича – 1 августа 1835 г. – стала известна благодаря заметке, помещённой в «Одесском вестнике». Очень обидно, что при переводе на новый стиль вкралась неточность (очевидно, это просто описка) и появились цифры «1/12» (хотя в издании имеется и верная дата: «13 августа 1835 г.») (Дюбрюкс. 2010. Т. I, С. 26, 103). Не хотелось, чтобы повторилась в данном случае судьба одной досадной опечатки, допущенной при издании книги Ю. Ю. Марти, в которой указана дата основания Керченского музея древностей: «2/15 июня 1826 г.» (Марти. 1926. С. 3–4). Ошибочные сведения, к сожалению, в последующем неоднократно тиражировались (Иваненко, Галченко. 1996. С. 3; Лазенкова. 1998. С. 2000. С. 80; Непомнящий. 2001. С. 10). Музей, как документально установлено, действительно был открыт 2 июня, а разница между датами юлианского и григорианского календаря в XIX в., как известно, составляет 12 дней. Кстати, у Марти есть и правильная дата («2/14»), помещённая в оглавлении той же книги (Марти, 1926. С. 93).

Место захоронения Павла Дюбрюкса до сих пор не установлено. Поэтому, сведения Л. М. Лазенковой о том, что он был похоронен в часовне-мавзолее, воздвигнутой над могилой И. А. Стемпковского, слишком мало назвать «не проверенными и достаточно сомнительными» (Тункина, 2010. С. 26). Откуда у автора подобного рода информации (Лазенкова. 1998. С. 8; Лазенкова. 1999. С. 76; Лазенкова. 2000. С. 157), воспринятой в качестве непреложной истины (Федосеев. 2001. С. 21), такие конкретные данные, источник происхождения которых никогда не назывался. Можно лишь догадываться, что почерпнуты они у С. А. Шестакова с последующей интерпретацией. Дело в том, что в появившихся в периодической печати статьях вышеназванного керченского историка и археолога (Шестаков. 1994; Шестаков. 1998. С. 4) было высказано сначала предположительно, а затем вполне утвердительно мнение о том, что Дюбрюкс был похоронен «у подножия часовни». Причём сделано это было без всяких ссылок на источник сведений. Как выяснилось из дополнительных расспросов, об этой могиле ему стало известно благодаря общению со старым школьным учителем, выпускником керченской гимназии М. С. Стемпелем, рассказывавшем, что возле часовни были похоронены то ли дочь Стемпковского, то ли Дюбрюкс. А поскольку градоначальник был бездетным, С. А. Шестаков пришёл к выводу, что упокоиться в этом месте мог именно П. Дюбрюкс. В общем, комментарии, как говорится, излишни, но для того чтобы окончательно убедиться в неправдоподобности (если не сказать, абсурдности) всех этих версий, зададимся вопросом. Если бы действительно Дюбрюкса погребли в часовне или рядом с ней, разве об этом не было бы известно? О таком поразительном факте –

в Керчи вновь предадут земле на вершине холма, где молва похоронила самого Евпатора – не сообщил бы «Одесский вестник» во всё той же заметке о смерти археолога? Мимо могилы прошел бы Н. Н. Мурзакевич, посетивший Керчь в 1836 г. (!) (ЖМНП. 1837. Ч. 13. №3. С. 681), её бы не описал В. И. Чернопятков в «Некрополе Крымского полуострова» (Чернопятков. 1910. С. 268)? И последнее. Вопреки сложившемуся мнению, часовня Стемпковского не была снесена в 1944 г. во время строительства обелиска Славы. В полуразрушенном состоянии она продолжала стоять на прежнем месте еще несколько лет. Памятник хорошо виден на кадрах аэрофото съемки 1948 г., его помнит 92-летний А. М. Усык, впервые прибывший в Керчь в 1950 г. и ставший зам. архитектора города. По его мнению, снести то, что оставалось от часовни (кто бы стал воссоздавать в ту пору культовое сооружение) могли к 1955 г., к юбилейному Дню Победы, отмечать который планировалось особо торжественно и масштабно. Потому на топографических картах местности середины 1950-х гг. мы её уже не находим. После демонтажа всё сравнивали с землёй, однако сохранялись нетронутыми фундамент и самая могила Стемпковского. Не будем касаться всех обстоятельств её полного уничтожения в 1966 г. (это тема отдельного исследования), но по имеющимся у нас сведениям, речь в данном случае идет только об одних останках нового времени: костяке «с эполетами». Все остальные захоронения вокруг бывшей часовни, имели отношение к средневековому некрополю.

Возможная версия о могиле внутри костела, по католическим традициям, является абсолютно бесперспективной. За какие заслуги могли оказать подобную честь пусть и синдик, но отнюдь не священнику, к тому же не действующего, а только строившегося храма? И, главное, не имевшего для этих целей подвального помещения и соответствующего склепа. Находящееся у стен церкви безымянное захоронение является совершенно случайным и относится к периоду Великой Отечественной войны.

Что касается действительного места погребения П. Дюбрюкса, для нас, более чем очевидно, это – давно уничтоженное («Старое») христианское кладбище на Митридите, на которое крайне осторожно, в качестве одной из версий, указывал в свое время С. А. Шестаков (Шестаков. 1994). Только там хоронили всех умерших в ту пору католиков, протестантов, григориан и православных горожан и для этого не требовались ни завещания, ни специальные разрешения церковных иерархов, достаточно было принадлежать к одной из христианских общин города. В начале 80-х гг. XIX в. кладбище было закрыто и спустя время стало приходить в запустение. Судя по сведениям, собранным вышеназванным Чернопятковым, на нём практически не сохранились могилы 1-й половины

века, упоминаются лишь 6 эпитафий 1840-х гг., в том числе относящиеся к семейным склепам (Чернопятов. 1910. С. 33, 146, 214, 270, 305, 310). Поэтому сложно представить, чтобы оставалась неразрушенной могила человека, чьи потомки уже давно не проживали в Керчи.

Видел ли А. С. Пушкин в августе 1820 г. Дюбрюкса, поскольку писал о некоем французе, в котором действительно угадывается Павел Алексеевич? Если Ж.-П. Гавинье, Э. Рамос и В. Шильц, комментируя свою статью, лишь задаются вопросом: «Встречался ли с Дюбрюксом Пушкин?» (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 108), если Е. В. Власова предполагает, что поэт мог слышать об археологе в Одессе у Стемпковского (Власова. 1999. С. 41), И. В. Тункина убеждена, что гидом Раевских и Пушкина в Керчи был именно Поль Дюбрюкс (Тункина, 2010. С. 41). Подобную идею уже выдвигал Д. С. Кирилин, у которого Дюбрюкс оставался в роли экскурсовода вплоть «до самой Феодосии» (Кирилин. 1979). Неясно только, на чем всё это в обоих случаях основано. Если попутная остановка в Керчи с позднего вечера 15-го и до утра 16-го августа составляла, по нашим расчётам, 14–15 часов, реально ли было при таком дефиците времени думать об экскурсиях и общении с гидом– знатоком древностей? Поэтому, по-прежнему полагаем, что Митридат, куда А. С. Пушкин «тотчас отправился» на закате солнца ради «Митридатова гроба» и «следов Пантикапеи», он осматривал самостоятельно, в чём убеждают нас и его оценки увиденного (Санжаровец. 2004. С. 136, 142, 143), а на «Золотом холме» путешественники могли побывать в сопровождении провожавшего их Н. Ю. Патиниоти («К пределам...», 2010. С. 60–61). Встречавший гостей у Адмиралтейской пристани, он препроводил их на ночь в генералитетский дом, где во время ужина и мог зайти разговор о Дюбрюксе, но археолог был представлен в столь неприглядном свете, что у Пушкина сложилось о нём именно такое – «какой-то француз» – неуважительное мнение. Патиниоти, похоже, терпеть не мог человека, которому покровительствовали не только в Одессе, но и в самом Петербурге, судя по тому, какой недружелюбный характер в отношении Дюбрюкса носили его рапорты в ходе разбирательства по поводу незаконных раскопок кургана, названного в последующем именем этого капитан-лейтенанта (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 156–161).

Без топонимов, представленных в собрании сочинений, была бы неполной картина топонимического многообразия берегов Киммерийского Боспора, что нами в целом уже подтверждено (Санжаровец. 2012 а). Однако объём статьи не позволяет осуществить такое же подробное изучение оставшихся географических названий. Особенно хотелось разобраться, каким образом Керменчик превратился у Дюбрюкса в Кермиш-Келечик – название, созвучное «Кармыш-

Келечи», отдаленному от Илурата селению, где одно время имелась экономия «Пантикапея». «Kartouchkelesi» (но не «Кермеш-Келечик») есть на рисунке Дюбуа (Дюбрюкс. 2010. Т. II. С. 226), видевшего эту деревушку севернее дороги на Феодосию вблизи современного с. Ленинское. Но, очевидно, это задача уже отдельного исследования, хотя о нескольких из этих топонимов упоминалось в статье, посвящённой Дюбрюксу-краеведу (Санжаровец, 2012 б). Пока же обратим внимание на некоторые неточности. Почему-то Хрониевский курган переместился из района Еникале «на протяжении горы Митридат», а почтовая станция Сенная представлена как «станция» (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 36, 535, 70), каковой она никогда не была. Кроме того, м. Кара-Бурун, к тому моменту, когда окончательно локализовали Нимфей (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 80, 672), уже много десятилетий был известен под названием Камыш-Бурун, и его не называли «Павловский». Последний расположен в другом месте (Санжаровец. 2012 а. С. 450, 462). Еникальский мыс никогда не именовали Змеиным или Карантинным, нет в Керчи мыса «Глейки», это название поселка, ближайший к нему мыс – Голубиный («м. Сирен», по Дюбрюксу), но никак не «Южный» (Дюбрюкс. 2010. Т. I. С. 671, 672, 677). Он – южный по отношению ко всему мысу Фонарь и не более того. Чурубаш Татарский (с 1948 г. с. Огородное, по местному «Сабанджи») вошел в 1963 г. в состав Приозёрного и самостоятельным селом не является.

Вместе с тем, мелкие недочёты никоим образом не умаляют значение этой фундаментальной работы. Нет сомнения, что двухтомник останется в истории боспорovedения «нетленным памятником» не только «первооткрывателю древностей Боспора», но и всем, кто был причастен к его созданию.

Литература

- Е. В. Власова.* Поль Дюбрюкс и археологические исследования в Керчи // БФ: Греческая культура на периферии античного мира. Материалы междунауч. конф. СПб., 1999.
- П. Дюбрюкс.* Собрание сочинений в 2-х томах. Сост. и отв. ред. *И. В. Тункина.* Т. I. Тексты. 728 с. Т. II. Иллюстрации. 312 с. СПб., «Коло», 2010.
- П. И. Иваненко, Н. В. Галченко.* К 170-летию Керченского музея древностей. Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь. 1996.
- Д. С. Кирилин.* Пушкин в Керчи // Керченский рабочий. 1979. № 108.

- «К пределам дальным...»: Очерки путешествия А.С. Пушкина по Крыму / Под ред. проф. В. П. Казарина. Симферополь, 2010.
- Л. М. Лазенкова.* Керченский музей древностей. Основатели. Керчь, 1998.
- Л. М. Лазенкова.* Керченский музей древностей. Основатели // БФ: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
- Л. М. Лазенкова.* Керченский музей древностей: Основатели // Пилигримы Крыма – Осень-99 (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме). Материалы. В 2 томах. Симферополь. 2000. Т. 1.
- М. Б. Михайлова.* Градостроительная деятельность в Астрахани и Керчи архитекторов А. П. Дигби и А. А. Дигби (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века) // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования. М., 2007. Вып. I.
- А. А. Непомнящий.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века). Био-библиографическое исследование. Симферополь, 2000.
- А. А. Непомнящий.* Один из основателей Керченского музея древностей: Поль Дюбрюкс. Керченскому музею древностей – 175 лет. Мат-лы межд. конф. Керчь, 2001.
- План и новый проект для города Керчи. Петергоф. 1837. 11 июня // Фонды КИКЗ, КМТИ-2473.
- В. Ф. Санжаровец.* О «Митридатовой гробе» и «Золотом холме», или о керченских впечатлениях А. С. Пушкина // Крымский Пушкинский научный сборник. Симферополь, 2004. Вып. 4 (13).
- В. Ф. Санжаровец.* Вдоль Босфора Киммерийского. Из истории происхождения топонимов крымского берега и акватории Керченского пролива // Топонимика Крыма 2011. Симферополь, 2012 а.
- В. Ф. Санжаровец.* Этнографические и исторические зарисовки, посвященные Еникале и Керчи, в трудах Поля Дюбрюкса // Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. Симферополь, 2012 б.
- В. Ф. Санжаровец.* Живя настоящим, помни о прошлом: [из истории переименования улиц и увековечивания имен и событий дореволюционного прошлого города] // Боспор. 2011. 7, 14, 21 апр., 12 мая [электронный ресурс] – www.kerch-museum.com.
- И. В. Тункина.* «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // *Поль Дюбрюкс.* Собрание сочинений в 2-х томах. СПб., «Коло», 2010.
- Н. Ф. Федосеев.* Судьбы керченских археологов // Керченскому музею древностей – 175 лет. Материалы международной конференции. Керчь, 2001.
- В. И. Чернопятов.* Некрополь Крымского полуострова // Записки Московского Археологического Института. М. 1910. Т. XI.
- С. А. Шестаков.* Археолог Павел Дюбрюкс // Керченский рабочий. 1994. № 122.
- С. А. Шестаков.* Керченский некрополь // Боспор. 1998. № 40.

Н. В. Быковская

Полевой дневник К. Р. Бегичева – как источник по истории археологических исследований на Керченском и Таманском полуостровах

В современной археологии наличие подробного отчета, фиксирующего научные результаты, полученные в ходе раскопок или разведок на памятнике, является неременным условием для исследователей. Необходимость тщательнейшим образом подготовленного отчета, включающего не только описание работ, но и графические материалы, описи находок, фотографии и рисунки найденных вещей и другую информацию, характеризующую открытые объекты, представляется очевидной и ни у кого не вызывает сомнений.

В первой же половине XIX в., на начальном этапе становления археологии как науки, подобной документации никто не вёл, что значительно снижает научную ценность полученных результатов. В ходе раскопок, производившихся на Керченском полуострове в 30-е – 40-е гг. XIX в., в бытность А. Б. Ашика и Д. Карейши описание раскопок в лучшем случае сводилось к некоторым сведениям об открытом погребальном сооружении и перечислению наиболее интересных в художественном отношении найденных вещей. Тем более не велись полевые журналы раскопок, с планами раскопанных могил и другими иллюстративными материалами.

Новый, поистине революционный подход к организации археологических исследований на юге России наметился к середине XIX в. и связан с Керченским музеем древностей. К этому времени стремление к открытию шедевров античного искусства становится всего лишь одним из побудительных мотивов в организации раскопок. В кругах, близких к археологическим исследованиям, среди кабинетных ученых зреет понимание того, что пласт культуры, открытый в ходе раскопок, нуждается в дистанционном осмыслении, невозможно без данных, которые можно зафиксировать только *in situ*. В таком контексте интерес начинают вызывать не только предметы искусства, но и рядовые бытовые вещи. Все более очевидной становится истина, что найденные в ходе раскопок вещи необходимо сопровождать не только рисунками, но и точным описанием мест и обстоятельств находки, причем не только в богатых гробницах, но и в простых захоронениях. В середине XIX в. новый подход к археологическим исследованиям был закреплён в правительственных распоряжениях.

В 1852 г. министром внутренних дел графом Л. А. Перовским на имя Керчь-Еникальского градоначальника князя Д. Н. Гагарина были направлены «Правила для производства археологических разрытий в Керчи и ее окрестностях» (Марти. 1926. С. 19–20), что само по себе говорит об исключительном значении документа. Главным и основным правилом, на основании которого теперь полагалось производить раскопки, являлось требование вести «подробный и отчетливый журнал», даже в том случае, если раскопки не сопровождались «примечательными» находками. В журнале ежедневно необходимо было обстоятельно описывать местность, где производились работы, ход работ, а также найденные предметы. Этим же документом предписывалось предоставлять рапорты о ходе работ, а затем ждть решения о том, какие вещи будут отправляться в Петербург. Вскрытие гробницы должно было производиться в присутствии трех человек, с составлением протокола по окончании работ. Особое внимание в документе уделялось фиксации вещей, которые могли подвергнуться разрушению под действием «внешнего воздуха». Кроме «Правил» в течение 1852 г. в Керченский музей были направлены ещё несколько циркулярных документов, в которых речь шла о точной фиксации контекста находки.

Реализация нового подхода к организации археологических исследований, проводившихся Керченским музеем древностей в Керчи и на Таманском полуострове вплоть до 1853 г., когда на должность директора был назначен А. Е. Люценко, была возложена на К. Р. Бегичева, исполнявшего на тот момент должность директора музея. Впервые в истории археологических исследований на территории бывшего Боспорского царства он стал вести полевой, или «черновой» журнал, в который ежедневно вносил записи о раскрытых археологических объектах. Этот примечательный документ, несмотря на практически полную утрату архива Керченского музея в годы Великой Отечественной войны, всё же сохранился (Архив КИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. 1588).

Авторство документа прямым образом в дневнике не обозначено, но ряд косвенных данных, в числе которых – почерковедческая экспертиза, позволяющая с уверенностью утверждать, что это именно тот дневник, который К. Р. Бегичев вёл в 50-е гг. XIX в. Имеющиеся в архиве заповедника документы, написанные рукой Бегичева, дают образцы почерка, которые визуальнo идентичны почерку автора дневника (См., напр.: Архив КИКЗ. Оп. 2. Ед. хр.109. Ч.1. Л. 259). Кроме того, анализ текстовых заимствований из дневника более поздними авторами, приведенными ниже, подтверждает это предположение.

В полевом, или «черновом» журнале К. Р. Бегичева содержатся данные об археологических раскопках, предпринятых Керченским музеем древностей в 1851–1856 гг. Примечательно, что первые записи в журнале раскопок были сделаны в октябре 1851 г., т.е. ещё до опубликования «Правил для производства археологических разрытий в Керчи и её окрестностях» графом Перовским. Первые дневниковые записи зафиксировали раскопки курганов вдоль Карантинной дороги и возле Татарской слободки.

Дневник представляет собой несколько сброшюрованных тетрадей в лист с карандашными записями о результатах произведенных раскопок в Керчи, на Таманском полуострове и в Черномории, несколько страниц посвящены Александропольскому кургану, к раскопкам которого Керченский музей привлекался в период Крымской войны. Карандашные заметки, связанные с раскопками этого кургана, сопровождают рисунки. Кроме того, часть листов журнала использована К. Р. Бегичевым в качестве черновиков для подсчетов, связанных с оплатой работ.

Новый подход к раскопкам древностей, предусматривавший ведение журнала раскопок, составление описей, съемку топографической карты, получил положительную оценку современников. Так, действительный член Одесского общества истории и древностей П. В. Бейкер, который в июле 1852 г. посетил Керченский музей, одобрил все эти нововведения.

Признанием удачного исполнения Бегичевым возложенного на него поручения можно считать и то, что его черновой дневник неоднократно использовался различными авторами в качестве источника для описания раскопок этого времени.

Частично записи из журнала К. Р. Бегичева были опубликованы еще при его жизни в «Записках Одесского Общества истории и древностей» в 1853 г. Материалы об исследованных в 1852 г. курганах по северному склону от горы Митридат к Золотому кургану были присланы для печати Керчь-Еникальским градоначальником генерал-майором князем Д. И. Гагариным. Об авторстве заметок в публикации ничего не сказано, однако стилистический анализ текста позволяет сделать вывод о том, что его автор – Бегичев. В научных кругах изданные в 1853 г. материалы получили достаточно высокую оценку: «Должно сожалеть о том, что подобного журнала не вели прежние керчинские раскрыватели могил: в 20-ть с лишком лет наука от таких наблюдений далеко бы подвинулась: мы бы имели уже “курс Черноморских Эллинских древностей”» (ЗОИИД. 1853. С. 540).

Дневниковые записи К. Р. Бегичева в процессе подготовки исторического обзора археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII в. до 1859 г. использовал и К. К. Герц

(Герц. 1876). В предисловии к книге автор упоминает в числе источников, использованных в ходе работы над книгой, «черновой журнал раскопок» штабс-капитана К. Р. Бегичева, «писанный им собственноручно» и доставленный Герцу из архива Керченского музея древностей (Герц. 1876. С. 2). Указывает Герц и на то, что журнал был написан Бегичевым карандашом, что, учитывая необходимость ведения его в полевых условиях, представляется вполне понятным. По свидетельству Герца, на момент его знакомства с дневником в нем было 290 страниц (Герц. 1876. С. 2), часть из которых на сегодняшний день утрачена. О журнале Бегичева Герц упоминает несколько раз. Он неоднократно не только ссылается на него с указанием страниц (Герц. 1876. С. 50, 55, 70), но и напрямую цитирует текст дневника.

На сегодняшний день полевой журнал К. Р. Бегичева не потерял своей актуальности. Если информация о раскопках на Таманском полуострове, по сути, воспроизведена К. К. Герцем, то части дневника, касающиеся исследований на Керченском полуострове, так и остались неопубликованными. Они содержат ценнейшие сведения об обстоятельствах находок целого ряда памятников, методике раскопок того времени, особенностях конструкций погребальных сооружений. К. Р. Бегичев первым в полевых условиях попытался описать погребальные комплексы некрополей рядового населения Боспора IV–III вв. до н.э. и первых веков нашей эры, найденные в разных частях Керчи, сопровождая эти заметки собственными интересными наблюдениями по поводу погребальных обрядов. Наконец, в журнале не только зафиксированы открытые археологические объекты, но и изложены некоторые предложения о направлениях археологических исследований археолога-практика середины XIX в., развитые впоследствии А. Е. Люценко.

Конечно, с точки зрения сегодняшнего исследователя информация, имеющаяся в дневнике, не может считаться исчерпывающей, привязки к местности в тексте даны с использованием урбанистических и географических объектов, в некоторых случаях уже не существующих, и носят слишком общий характер. Нет сведений и о том, сохранились ли планы открытых погребений и рисунки, иллюстрирующие найденные вещи. Применительно к опубликованной части дневника за 1852 г. рисунки и чертежи так и остались неизданными (Тункина. 2002. С. 303).

Подобные соображения, однако, не умаляют значения того факта, что в середине XIX в. в археологической науке осознали необходимость составления полевой документации в ходе исследования археологических объектов, точно фиксирующей обстоятельства находки артефактов, в число которых стали включать и рядовые бытовые вещи. Журнал, который вел К. Р. Бегичев, стал, по сути, одним

из первых полевых журналов в археологических исследованиях на юге России.

Все это делает актуальным изучение наследия К. Р. Бегичева, публикация которого позволит сделать достоянием науки результаты раскопок первой половины XIX в., которые велись Керченским музеем на Керченском и Таманском полуостровах.

Литература

- К. К. Герц.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. М., 1876.
- К. К. Герц.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.
- Ю. Ю. Марти.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
- И. В. Тункина.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Археологические разыскания в Керчи, произведенные в 1852 г. по северному склону, идущему от горы Митридата к Золотому кургану. Сообщ. кн. *Д. Гагарин.* // ЗООИД. 1853. Т. 3.

А. Г. Кузьмищев

Э. Р. фон Штерн и боспорские древности

В последнее время специальное предметное изучение истории археологических исследований приобретает в нашей науке (в том числе и в антиковедении) все более широкое распространение. Создаются фундаментальные аналитические работы как по истории археологии в целом (Платонова. 2010; Клейн. 2011), так и по истории изучения отдельных археологических памятников, регионов, культур или периодов (см. например: Тункина. 2002; Зубарь. 2009), а также по истории развития археологии в конкретных городах или научных центрах, музеях, университетах (см. например: Тихонов. 2003; Охотников. 2010).

К числу исследователей классических древностей, на которых была так щедра отечественная историческая наука конца XIX – начала XX в. относится и талантливый учёный-антиковед конца XIX – начала XX в. Эрнст Романович фон Штерн (1859–1924).

Как археолог широкой научной общественности Э. Р. фон Штерн более всего известен благодаря проведенным им в 1904–1909 и 1913 гг. планомерным археологическим раскопкам древнегреческого поселения на о. Березань (Кузьмищев. 2012. С. 434). Э. Р. фон Штерну также принадлежит приоритет в начале археологических исследований в Аккерманской крепости и возле неё (в 1900, 1903 и

1912 гг.), что привело к созданию научно обоснованной локализации в этом месте античной Тире. Специалисты по энеолиту ценят его как одного из видных учёных, стоявших у истоков исследования трипольских древностей, а именно как первооткрывателя знаменитого поселения Петрены в тогдашней Бессарабии (раскопки 1902–1903 гг.) (Кузьмищев. 2012 а. С. 140).

В то же время научный спектр исследований Э. Р. фон Штерна был гораздо шире и не ограничивался данными памятниками. Только за одесский период деятельности из-под пера Э. Р. фон Штерна вышло более двухсот научных трудов, посвященных проблемам истории Древней Греции и Рима, греческой колонизации Северного Причерноморья, истории и культуре Ольвии, Херсонеса и Боспора Киммерийского¹⁵⁸. Именно рассмотрению вклада Э. Р. фон Штерна в исследование античного Боспора и посвящена данная заметка.

Наиболее известной научной работой Э. Р. фон Штерна, связанной с регионом Боспорского царства, является его монографическое исследование по керамике античной Феодосии (Штерн. 1906). Мы же в данной заметке рассмотрим другие, не столь известные публикации, касающиеся находок непосредственно с территории Керченского полуострова.

Все работы, связанные с изучением непосредственно боспорских древностей, были изданы Э. Р. фон Штерном с 1895 по 1900 г., т.е. ещё до начала его активной археологической деятельности. Всего Э. Р. фон Штерном было опубликовано 8 научных работ тематически связанных с Боспором, а также зачитано четыре доклада на заседаниях Одесского Общества истории и древностей. Так на заседании № 303 от 27 февраля 1897 г. был представлен доклад: «О золотых вещах, найденных весной 1896 г.»; на заседании № 312 от 2 октября 1898 г. доклады: «О содержании раскопанной в 1896 году на Глинице в Керчи могилы и о научном значении сделанных там находок», а также: «Два надгробия из Керчи, поставленные от имени религиозного общества в память усопших их членов» и четвертый доклад на заседании № 339 от 22 ноября 1901 г.: «О так называемом храме Геркулеса в г. Керчи; по последним раскопкам д. чл. К. Е. Думберга». Первые два доклада в переработанном и дополненном виде были напечатаны в ЗООИД в качестве статей (Штерн, 1897, С.1–15; Штерн, 1898, С.271–292), третий вошел в состав публикации протоколов заседаний Одесского общества, четвертый, к сожалению, опубликован не был.

¹⁵⁸ Библиографию Э. Р. фон Штерна до его отъезда из Одессы см: *Протектантизм*. Сб. статей в честь Э. Р. фон Штерна. Одесса. 1912. С. 9–22. Полную библиографию Э. Р. фон Штерна см: Каго. 1925. S. 96–103. (составитель – W. Göber).

Первой работой Э. Р. фон Штерна, тематически связанной с боспорскими древностями, была: «Вновь найденная лекана из Керчи с изображением Дионисова тиаса» Штерн. 1895. С. 19–64).

Здесь Э. Р. фон Штерн вводит в научный оборот краснофигурную лекану, попутно выясняя назначение данного типа сосудов. По мнению Э. Р. фон Штерна, леканы составляли принадлежность женского обихода и предназначались для хранения ароматических жидкостей (Штерн, 1895, С. 19–20). Далее Э. Р. фон Штерн описывает сюжеты, встречающиеся на леканах, рассматривает особенности дионисийского культа в контексте его влияния на античное искусство, приводит аналогии и исследует особенности различных типов изображения Диониса в вазописи. Благодаря комплексности и тщательности своей работы он смог отнести керченскую лекану по стилю вазописи к последней четверти V в. до н.э. (Штерн. 1885. С. 60; Жебелев. 1901. С. 96).

Уже в этой статье проявилась яркая особенность научного таланта Э. Р. фон Штерна, его неизменное убеждение, что археолог не должен давать в своих исследованиях только сырой археологический материал, а напротив, обязан включать его в широкий круг культурной истории, не только опубликовать находки, но приводить их аналогии, показывать их место в общеисторическом процессе, чтобы, по меткому выражению Д. П. Шестакова: «единичное исследование сделать исследованием групповым» (Шестаков. 1925. С. 149).

Следующая статья Э. Р. фон Штерна: «Расписная ваза из Керчи» вводит в научный оборот краснофигурную пелику приобретенную в 1894 г. Одесским обществом. Э. Р. фон Штерн провёл сравнительный анализ украшающих пелику фигур, уделив особое внимание центральному сюжету росписи сосуда – «отдыхающему Гераклу» и сидящей напротив него Афине. Проанализировав характер вазописи, Э. Р. фон Штерн счёл возможным датировать пелику второй половиной IV в. до н.э. Проведя широкий ретроспективный обзор античной вазописи с аналогичными сюжетами, он пришел к выводу о том, что керченская пелика: «представляет собою только повторение уже известных типов и не вносит, что касается композиции, ничего существенно нового в разработку сюжета» (Штерн. 1896. С. 104). Далее Э. Р. фон Штерн приводит в качестве аналогии пелику из Берлинского музея где изображен аналогичный сюжет, показаны те же фигуры – Геракл, Афина, Ника, Геба, Иолай – но при этом распределение фигур по площади другое, отличаются также их атрибуты и, в некоторых случаях, внешность персонажей. Схожесть не только композиции, но даже положения тел персонажей привела Э. Р. фон Штерна к мысли о том, что: «греческие живописцы-керамисты работали по... образцам и шаблонам, ходившим по рукам в их мастерских. От художественного и умственного образования отдельных

вазовых живописцев зависела индивидуализация и более или менее удачный подбор и композиция этих типов» (Штерн. 1896. С. 108).

В 1897 г. Э. Р. фон Штерн на основании ранее сделанного устного доклада опубликовал статью «К вопросу о происхождении “готского стиля” предметов ювелирного искусства». В ней он вводит в научный оборот находки из склепа с парным (мужским и женским) погребением, раскопанным в Керчи «на Глинище» летом 1896 г. и проданные Одесскому обществу неким Ермолаем Запорожским (Штерн. 1897. С. 1–2). Уникальность материала состояла в том, что он происходил из единого комплекса и был достаточно многочисленным (туда входили меч с золотой рукоятью, золотые бляхи и пластина от орнаментации его ножен, золотые пряжки и перстни с драгоценными камнями, золотая диадема с оттиском монеты императора Рима и т.д.). Внимательно проанализировав инвентарь погребения, в том числе оттиск монеты Максимиана Геркулия (285–305) на золотой диадеме, Э. Р. фон Штерн датировал захоронение 293–311 гг. н.э. После обстоятельного исторического экскурса по позднеантичной истории Боспора, он пришел к выводу о том, что в склепе была погребена греческая чета и находки из него не могут являться работой готских мастеров, поскольку: «трудно предполагать, чтобы пришедший с севера народ мог обладать совершенной и своеобразной техникой обработки благородных металлов. Наоборот, этот восприимчивый к культуре народ именно здесь, на юге, познакомился с высокоразвитым золотых дел мастерством, с промыслом металлургии... усвоив себе этот способ работы... готы распространили добытые здесь на юге знания дальше и оставляли следы своего мастерства всюду по длинному пути своих скитаний. Но зачатки и источник т.н. «готского стиля» мы должны искать в греческом художественном ремесле Малой Азии и Боспора». (Штерн. 1897. С. 14–15; см. также: Жебелёв. 1901. С. 105).

В конце 1896 г. в Керчи «на Глинище» грабителями была раскопана ещё одна гробница. Сразу же после того как Э. Р. фон Штерн узнал об этом, он обратился к В. В. Шкорпилу с просьбой собрать максимально подробные сведения как об устройстве склепа, так и о найденных там предметах. Именно благодаря предупредительности последнего выяснилось, какие находки входили в инвентарь погребения, и что те вещи, которые были предложены на продажу Одесскому обществу, составляют единый комплекс из этого склепа. Э. Р. фон Штерн настоял на немедленной покупке данных предметов.

Введению в научный оборот всего комплекса из этого погребения была посвящена следующая работа Э. Р. фон Штерна по рассматриваемой тематике: «Содержание гробницы, раскопанной в 1896 году в Керчи». Э. Р. фон Штерн максимально подробно для

своего времени описал представленные в комплексе находки, уделяя внимание даже, на первый взгляд, не очень существенным деталям. Показательно в этом отношении, насколько подробно и тщательно он исследовал металлический замок от не сохранившегося деревянного сундука, вникая даже в самые мельчайшие тонкости его конструкции, приводя к нему аналогии и снабдив исследование широким экскурсом в историю данного типа замков (Штерн. 1898. С. 274–278). В конце публикации, исследовав все находки из комплекса, Э. Р. фон Штерн задается вопросом: «Можно ли определить, к какому периоду относится этот склеп и можно ли установить, представителю какого народа он принадлежит?». Далее он пишет: «Но может быть, найдут постановку такого вопроса вообще неуместной, так как между открытыми в нашей гробнице предметами отсутствуют... монеты, фибулы и расписные вазы... не лучше ли, скажут, при таком характере... воздержаться от всяких... предположений в исторической области и довольствоваться одним обнаружением материала». Выход из положения он видит в следующем: «Я не отрицаю доли основательности в подобном взгляде... но мне тем не менее кажется, что каждый археолог, прежде чем довольствоваться этой служебной ролью простого регистратора, должен ставить себе вопрос, нельзя ли из подлежащего его рассмотрению материала вывести какого-нибудь исторического заключения; и даже в том случае, если его изыскания в этом отношении дадут отрицательный результат, сама постановка этого вопроса и попытка его решения не лишены научного значения». (Штерн. 1898. С. 283–284). Отступление от основной темы публикации Э. Р. фон Штерн объяснял тем, что: «на мой взгляд, пора высказаться против весьма распространенного приема многих из нынешних археологов преподносить ученой публике как бы принципиально сырые «материалы» даже там, где при надлежащей обработке этих материалов собственно историческая задача археологии могла быть выполнена» (Штерн. 1898. С. 284).

В завершении публикации материала склепа, на основании находок, Э. Р. фон Штерн предположил, что данная керченская гробница была создана в начале нашей эры, а погребенный в ней принадлежал к варварскому, но сильно эллинизированному населению, что объясняло, почему в погребении с одной стороны соседствовали глубоко художественные вещи, а с другой – множество золотых изделий, богатый конский набор, по при этом некоторая безвкусица, например сочетание на сундуке: «изящного серебряного замка с толстыми грубо починенными медными ляжками» (Штерн. 1898. С. 291).

В публикации 1900 года «Два надгробия из Керчи, поставленные от имени религиозного общества в память усопших их членов» Э. Р. фон Штерн установил, что первое из них было поставлено в

память члена «религиозного общества» Стратоника, сына Токона, а второе в честь некоего неизвестного лица, продатировав оба надгробия II–III вв. н.э. (Штерн. 1900. С. 128–132; Жебелёв. 1901. С. 104). В том же номере «Записок Одесского общества» выходят работы Э. Р. фон Штерна: «Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации» (Штерн. 1900. С. 1–21), «Античная глазированная посуда с юга России» (Штерн. 1900. С. 22–56) и «Две хранящиеся в Одесском музее аттические вазы строгого краснофигурного стиля» (Штерн. 1900. С. 73–100). В первых двух публикациях в числе прочего археологического материала рассматриваются и находки с территории Боспора Киммерийского, например среди глазурованной керамики подробно описан кубок (по терминологии Э. Р. фон Штерна, «миска») с рельефным изображением, происходивший из грабительских раскопок в Керчи (Штерн. 1900. С. 36). Внимательно изучив композицию на кубке, Э. Р. фон Штерн пришёл к выводу, что неизвестный александрийский мастер I века н.э. изначально создавал эскиз к кубку со сценой из жизни рыбаков, но потом, сообразуясь со вкусами населения Северного Причерноморья, добавил в уже готовую жанровую сцену фигуру Ифигении, и превратил композицию в сюжет «возвращение Ифигении из Тавриды» (Штерн. 1900. С. 43–44; Жебелёв. 1901. С. 99).

В третьей публикации описано два краснофигурных сосуда, из них первый – краснофигурный килик, купленный Одесским музеем Общества в Керчи. На нем изображена сцена встречи Елены и Менелая после разгрома Трои. Э. Р. фон Штерн подробно исследует сюжет росписи, широко привлекает аналогии, в том числе сведения античных авторов, повествующие о данном эпизоде. Проведя глубокую комплексную научную работу Э. Р. фон Штерн приходит к выводу о том, что в VI–V вв. до н.э. существовало три схемы изображения встречи Менелая и Елены после падения Трои, одна из которых нашла отображение в керченском экземпляре. В заключение публикации Э. Р. фон Штерн на основании существующих аналогий отнес килик к работам мастера Амасиса II (Штерн. 1900. С. 92; Жебелёв. 1901. С. 98).

Подводя итог, отметим, что в исследованиях Э. Р. фон Штерна, посвящённых боспорским древностям, в полной мере проявилось исключительное внимание исследователя к деталям, сочетание комплексной работы историка, археолога и искусствоведа с очень широкой научной базой, стремление переходить от частного к общему. Это позволило сделать достаточно точные для своего времени исторические построения и выводы, пересмотреть ряд старых датировок. Именно в работе над боспорскими древностями Э. Р. фон Штерн пришёл к выводу о том, что античные вазописцы пользовались шаблонами в своей массовой работе, переосмысливали сюжеты в угоду вкусам покупателей, но, тем не менее, даже на периферии античного мира достаточно часто встречались высокохудожественные изделия, импортировавшиеся из различных центров античного мира.

Как справедливо отметил Э. Д. Фролов, Э. Р. фон Штерн был: «одним из самых выдающихся ученых-классиков, чьи научные интересы простирались на все области античной истории – греческую, римскую и причерноморскую, а занятия отличались сочетанием работы историка, археолога и искусствоведа» (Фролов. 2001. С. 49).

Литература

- В. М. Зубарь.* Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005 гг.) // МАИЭТ. 2009. Suppl. 6.
- Л. С. Клейн.* История археологической мысли. СПб., 2011. Т. I–II.
- А. Г. Кузьмищев.* Археологические исследования Э. Р. фон Штерна: Березань, Тира, Петрены // Археологія і давня історія України. Київ, 2012 а. Вип. 9.
- А. Г. Кузьмищев.* Березань в археологических исследованиях Э. Р. фон Штерна // БИ. 2012. Вып. XXVI.
- С. Б. Охотников.* Археология в Одессе. Одесса, 2010.
- Н. И. Платонова.* История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
- И. Л. Тихонов.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историко-графические очерки. СПб., 2003.
- И. В. Тункина.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Э. Д. Фролов.* Немецкий профессор в русском университете: Эрнст Романович фон Штерн (1859–1924 гг.) // Сб. статей в честь 70-летия Г. Л. Курбатова. СПб., 2001.

- Д. П. Шестаков.* Научная деятельность Э. Р. фон Штерна // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете. Казань, 1925. Т. 33. Вып. 1.
- Э. Р. фон Штерн.* Феодосия и ее керамика // Музей Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1906. Вып. III.
- Э. Р. фон Штерн.* Античная глазированная посуда с юга России // ЗООИД. 1900. Т. 22.
- Э. Р. фон Штерн.* Вновь найденная лекана из Керчи с изображением Дионисова тиаса // ЗООИД. 1895. Т. 18.
- Э. Р. фон Штерн.* Два надгробия из Керчи // ЗООИД. 1900. № 22, Протокол 320 заседания.
- Э. Р. фон Штерн.* Две хранящиеся в Одесском музее аттические вазы строго краснофигурного стиля. // ЗООИД. 1900. Т. 22.
- Э. Р. фон Штерн.* Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации // ЗООИД. 1900. Т. 22.
- Э. Р. фон Штерн.* К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства (археологические заметки по поводу золотых вещей, найденных в Керчи летом 1896 года) // ЗООИД. 1897. Т. 20.
- Э. Р. фон Штерн.* Расписная ваза из Керчи // ЗООИД. 1896. Т. 19.
- Э. Р. фон Штерн.* Содержание гробницы раскопанной в 1896 году в Керчи // ЗООИД. 1898. Т. 21.
- G. Karo.* Ernst von Stern. Leipzig, 1925. – (Biographisches Jahrbuch für die Altertumswissenschaft // Begründet von Conrad Bursian. Jg. 45.)

Е. Г. Застрожнова

**Курган I из раскопок В. Д. Блаватского
на территории Фанагории в 1939 г.
(неопубликованные материалы)**

Фанагория – столица Азиатского Боспора в древности, в настоящее время является крупнейшим античным памятником на территории Российской Федерации (Кузнецов. 2010. С. 430). История археологического изучения этого города насчитывает уже более двух столетий (Виноградов. 2009. С. 248–401; Гункина. 2010. С.20–129). Тем не менее, в научный оборот введен далеко не весь объём материала. По сей день наименее изученным остаётся довоенный этап (1921–1940) археологического изучения этого античного центра. В документах Научного архива Института истории материальной культуры, в отчёте В. Д. Блаватского за 1939 г. была обнаружена информация о раскопках Кургана I на территории поселка Сенной. Примечательно, что данные о раскопках этого кургана отсутствовали в опубликованных отчётах самого исследователя (Блаватский. 1940. С. 287–299; Блаватский. 1951. С. 189–226). Из всего богатого

материала, который был получен в ходе раскопок, лишь три терракоты были опубликованы М. М. Кобылиной (Кобылина. 1974).

Археологические раскопки на территории Фанагории проводились в 1939 г. экспедицией в составе сотрудников Государственного исторического музея и Государственного музея изобразительных искусств (М. М. Кобылина, И. М. Блаватская, А. К. Коровина, Н. В. Анфимов, Н. В. Пятшыева, И. Б. Зеест, И. М. Лосева) под руководством В. Д. Блаватского (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1–1939. Д. 181. Л. 1). Раскопки указанного кургана не были поставлены в план работ экспедиции, а были начаты по просьбе местных жителей, так как в рыхлую землю у основания кургана провалилась лошадь. Рядом с этим местом и был заложен раскоп (Рис. 1). В нём было прослежено пятно рыхлого грунта, которое оказалось старой грабительской ямой, в которую и попала лошадь. В грабительской яме были найдены бронзовые трехлопастный наконечник стрелы, железный гвоздик и фрагмент черепной кости. У краёв ямы были обнаружены квадры известняка. К востоку от неё был разбит раскоп, в центральной его части на глубине 0,25–0,35 м от поверхности была обнаружена группа из восьми истлевших, плохо сохранившихся бревен. На брёвнах и рядом с ними было зафиксировано несколько камней, на которых сохранились следы камки. В северной части раскопа были обнаружены мелкие фрагменты листового золота и три терракотовые розетки со следами позолоты, служившие украшениями для шляпок гвоздей. В восточной части было выявлено зольное пятно, в котором находилось горло амфоры, фрагменты чернолаковой посуды и фрагмент чернофигурной ольпы, относящейся к V в. до н.э.

В этом же раскопе было обнаружено несколько гробниц. В одной из них был погребён ребёнок, ориентированный головой на юг. В состав инвентаря входили: фрагментированный бальзамарий, две терракоты в виде Эрота с петухом и Эрота верхом на дельфине (№ 85, 87 по: Кобылина. 1974. С. 28), бронзовые браслет и два перстня, а также различные бусины (лигнит, паста, стекло). Ниже уровня могилы был найден краснолаковый светильник с изображением орла и бронзовая бусина II в. н.э. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1–1939. Д. 181. Л. 99).

Далее был зафиксирован однокамерный земляной склеп, в который вел дромос, заполненный землей. Около дромоса, поперек погребальной камеры располагался детский костяк, ориентированный головой на юго-восток. Сохранившаяся длина костяка – 0,76 м. Возле обеих рук ребенка было найдено по браслету, у левой ноги находился еще один браслет. Рядом с черепом лежали в беспорядке несколько бусин (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1–1939. Д. 181. Л. 102).

Погребальная камера имела в плане неправильную трапециевидную форму, в ней было обнаружено пять погребений (Рис. 2). Первое, женское погребение, находилось у юго-восточного борта камеры. Костяк располагался в прямоугольном деревянном гробу, голова погребённой была ориентирована на север. На правой ноге умершей были обнаружены следы детского костяка, ориентированного на юг. Длина сохранившегося женского костяка – 1,55 м, детского – 0,46 м. У черепа женского костяка находился венчик из шести больших и шести маленьких золотых листиков, у левого плеча и грудных позвонков сохранились следы от серебряных предметов, возможно, фибул. Рядом с грудными позвонками были обнаружены золотые трубчатые пронизи, сердоликовые и пастовые бусины, а также бронзовая фибула. На фаланге безымянного пальца правой руки погребённой было найдено бронзовое кольцо, недалеко от него — оникс в золотой оправе. Между бедренными костями и справа от правой голени находились две бронзовые фибулы, рядом с ними располагался фрагментированный железный нож. В ногах женщины были найдены: фрагментированный стеклянный бальзамарий, маленькая серебряная пряжка, семь бронзовых браслетов, большая бронзовая пряжка, большой и маленький бронзовые перстни, а также бусины (лигнит, оникс, янтарь, паста). У юго-восточного борта, в южном углу камеры были зафиксированы следы прямоугольной деревянной шкатулки. В ней обнаружили железную проколку, бусину и бронзовое кольцо (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1–1939. Д. 35. Л. 101).

У северо-западного борта камеры склепа было обнаружено второе женское погребение. Костяк находился в деревянном гробу, головой ориентирован на юго-запад. В районе тазовых костей женского костяка были зафиксированы следы плохо сохранившегося детского костяка, ориентированного головой на юго-запад. Сохранившаяся длина женского костяка – 1,35 м, детского – 0,45 м. На правой руке ребенка был массивный бронзовый браслет. В его ногах находились: ритон (металлический? глиняный?) с изображением Силена, раздавленная краснолаковая миска и терракота в виде Атти-са с собакой и птицей, сохранившая следы росписи красной и голубой краской (№86 по: Кобылина. 1974. С. 28), а также два стеклянных бальзамария, фрагменты железного ножа и бронзовая бусина. На правой руке женского костяка был найден бронзовый браслет, на груди – бронзовая пряжка и фибула плохой сохранности, поблизости находилось бронзовое зеркало (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1–1939. Д. 35. Л. 102).

Рис. 1. Курган I на территории посёлка Сенной. Общий вид раскопок с запада (НА РО ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1–1939. Д. 182. Л. 12)

Посередине камеры, на деревянном подстиле был обнаружен костяк, ориентированный головой на юго-запад. Длина сохранившегося костяка – 1,35 м. На фаланге указательного пальца левой руки находился золотой перстень, у правой руки – перстень с ониксом. В районе шейных позвонков располагались пять золотых и две сердоликовые пронизи. В северном углу склепа была найдена группа беспорядочно лежащих костей. Около них находились обломки железных стержней, фрагменты деревянной шкатулки, фрагментированные железный и бронзовый ключи, бронзовые пластины (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1–1939. Д. 35. Л. 102).

Этот склеп был определён исследователем как семейный и отнесен к римскому времени (I–II вв. н.э.). Подводя итог, В. Д. Блаватский предположил, что курган был насыпан в конце V – начале IV в. до н.э. Центральное погребение кургана не сохранилось, зафиксирована лишь принадлежащая ему тризна. Помимо этого, принимая во внимание большое количество вывороченных квадров, В. Д. Блаватский предположил, что курган использовался вторично для монументального впускного каменного склепа IV–III вв. до н.э., который был разобран на камень, а затем – для земляного семейного склепа I–II вв. н.э., который чудом сохранился непо потревоженным (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1–1939. Д. 35. Л. 102).

Представляется актуальным и важным более полная публикация представленных материалов в рамках отдельного исследования с привлечением самих археологических артефактов, которые, скорее всего, поступили на хранение в ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Литература

- В. Д. Блаватский.* Раскопки в Фанагории в 1938–1939 г. // ВДИ. 1940. № 3–4.
- В. Д. Блаватский.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19.
- Ю. А. Виноградов. Императорская Археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия. СПб., 2009.
- М. М. Кобылина.* Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. (Придонье и Таманский полуостров). М., 1974. – (САИ Г1–11).
- В. Д. Кузнецов.* Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 1.
- И. В. Тункина.* История изучения // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 1.

Архивные материалы

- НА РО ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1–1939. Д. 35.
- НА РО ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1–1939. Д. 181.

А. Л. Ермолин

Итоги работы Керченской охранно-археологической экспедиции за 2000–2008 гг. (По материалам разведок)

В задачи КОАЭ входили как охранно-археологические раскопки, так и археологические разведки, связанные с обследованием территорий, отходящих в частную собственность. Археологические разведки проводились на Керченском полуострове вплоть до г. Феодосия. В ходе работ были выявлены десятки поселений, а также уточнено местоположение уже известных памятников. Всего на Керченском полуострове находится более шестисот подобных памятников, выявленных в разное время начиная с начала XIX в. Здесь представлена только юго-восточная часть Керченского полуострова. На сегодняшний день в этой части насчитывается 178 памятников археологии эпохи поздней бронзы – раннего железа – конца IV – начала III в. до н.э. (Рис. 1). На поселениях, датированных эпохой поздней бронзы и раннего железа, выявлена керамика, описанная в статье И. Т. Кругликовой (Кругликова. 1955. С. 74–92). Все упомянутые ниже поселения являются варварскими. Характерной особенностью организации поселений и их составной частью являются отдельные усадьбы, расположенные группами по 8–10 (в среднем) на площади до 10 га. Более ранние поселения, где присутствует лепная керамика кизил-кобинского типа и меотская, как правило, располагались вдоль степных балок, где преобладали пастбищные угодья. Для поселений IV – начала III в. до н.э., где орнаментированная лепная керамика отсутствует, характерно расположение на южных склонах возвышенностей и гряд, где расположены пахотные земли. Даже по этим косвенным признакам можно говорить о переориентации хозяйств с преобладанием животноводства к зерновым хозяйствам. Отдельную группу поселений составляют т.наз. города; на обозначенной территории расположен один боспорский город, упоминаемый в эллинистическое время, это Нимфей. Другие, «малые» города Боспора – Тиритака, Акра, Китей и Киммерик, – упоминаются только в начале I в. до н.э. (Strabo. XI, 2, 8), но тем не менее предполагается их существование в более раннее время. В ходе разведок прилегающей к Китею территории было зафиксировано распространение керамики и культурных отложений V – начала III в. до н.э. на площади до 26 га. Материал V – начала III в. до н.э. зафиксирован на некрополе Тиритаки, в 200–300 м от основного городища. Вся территория порта Акра затоплена морем и говорить что либо о её размере в античное время нет оснований.

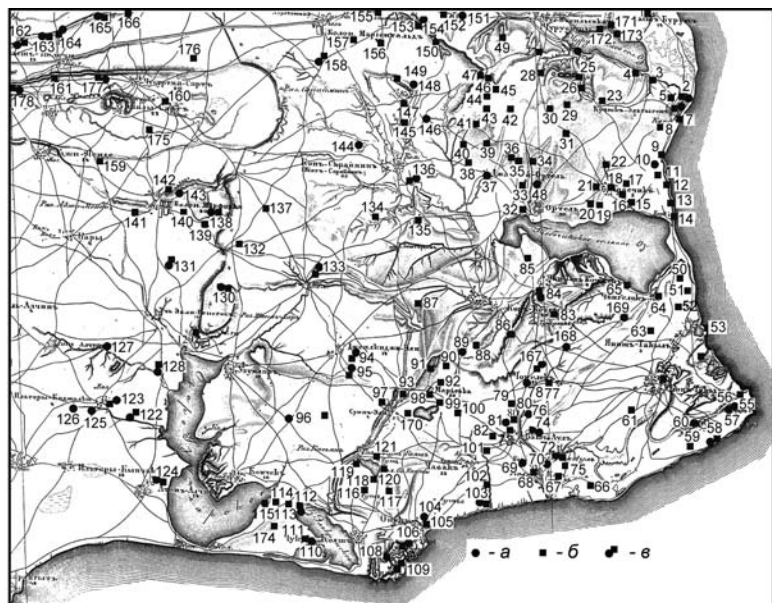

Рис. 1. Поселения VII – начала III в. до н.э. в юго-восточной части Керченского полуострова: а – VII – начало VI вв. до н.э.; б – IV – первая половина III в. до н.э.; в – VII – начало III в. до н.э. 1. Тиритака. 2. Нимфей. 3. Нижне-Чурбашское – 1. 4. Нижне-Чурбашское – 2. 5. Эльтиген – Западное. 6. Поселение по ул. Рубежной. 7. Эльтиген – Музей. 8. Героевка – 6. 9. Героевка – 4. 10. Эльтиген – 2. 11. Героевка – 3. 12. Героевка – 2. 13. Героевка – 1. 14. Героевка – 5. 15. Тобечик – 1. 16. Тобечик – 2. 17. Тобечик – 6. 18. Тобечик – 3. 19. Тобечик – 8. 20. Тобечик – 9. 21. Тобечик – 5. 22. Тобечик – 7. 23. Южно-Чурбашское. 24. Чурбаш – 2. VII–VI вв. до н.э. 25. Чурбаш – 8. 26. Чурбаш – 9. 27. Чурбаш – 1. 28. Чурбаш – 5. 29. Огоньки – 6. 30. Огоньки – 5. 31. Огоньки – 4. 32. Огоньки – 1. 33. Поселение V–IV вв. до н.э. (Выявлено КОАЭ, № 9 от 01.11.08 г.) 34. Огоньки – 3. 35. Джанкойский Бугор 1. 36. Джанкойский Бугор 2. Поселение IV–III вв. до н.э. (Выявлено КОАЭ, № 9 от 01.11.08 г.) 37. Поселение VII–VI вв. до н.э. 38. Поселение № 97 (Веселов. 2005. Тб. 11). 39. Поселение IV–III вв. до н.э. (Выявлено КОАЭ, №15 от 01.11.08 г.). 40. Огоньки II (Кругликова. 1975. С. 261, № 164). 41. Поселение № 612 (Веселов. 2005. Тб. 65). VII–III вв. до н.э. 42. Поселение IV–III вв. до н.э. (Выявлено КОАЭ, № 15 от 01.11.08 г.). 43. Поселение № 613 (Веселов. 2005. Тб. 65). 44. Поселение IV–III вв. до н.э. (Выявлено КОАЭ, № 16 от 01.11.08 г.). 45. Чурбашский Маяк – 1. 46. Чурбашский Маяк – 2. 47. Поселение IV–III вв. до н.э. (Выявлено КОАЭ, № 30 от 01.11.08 г.). 48. Поселение Огоньки 2 (Зинько. 2003. С. 206). 49. Поселение Чурбаш – 3. 50. Поселение № 121 (Веселов. 2005. Тб. 14). 51. Поселение № 119 (Веселов. 2005. Тб. 14). 52. Поселение № 118 (Веселов. 2005. Тб. 14). 53. Акра. 54. Заветное 1. 55. Поселение VI–III вв. до н.э. (Исследовано КОАЭ, № 5 от 08.12.08 г.). 56.

Поселение VII–VI вв. до н.э. (Выявлено КОАЭ, № 2 от 09.12.08 г.). 57. Отдельная усадьба IV–III вв. до н.э. (Выявлена КОАЭ, № 3 от 09.12.08 г.). 58. Китей. 59. Поселение Чатр Тау. V–III вв. до н.э. 60. Поселение Джурга Оба Западное. VII–III вв. до н.э. 61. Поселение № 496/493.-12 (Веселов. 2005. С. 51). 62. Поселение IV–III вв. до н.э. расположено на территории современного села Заветное в южной его части. (Выявлено Куликовым А.В., там же найдены фрагменты керамики VII–VI вв. до н.э.) 63. Заветное IV. 64. Заветное V. 65. Поселение Костырино. (Веселов. 2005. С. 49. № (154) 181/124.-10; Кругликова. 1975. С. 260. № 154). 66. Поселение Кыз Аульский маяк. (Веселов. 2005. С. 50. № (157) 187/130.-4; Кругликова. 1975. С. 260. № 157). 67. Поселение № 495 (Веселов. 2005. Тб. 52). 68. Поселение № 498 (Веселов. 2005. Тб. 52). 69. Поселение. VII в. до н.э. (Выявлено КОАЭ, №№ 11–12 от 26.11.08 г.). 70. Поселение. VII–VI вв. до н.э. (Выявлено КОАЭ, №№ 13–16 от 26.11.08 г.). 71. Поселение № 492 (Веселов. 2005. Тб. 52). 72. Поселение. VII – начала VI вв. до н.э. (Выявлено КОАЭ, №№ 18–21 от 26.11.08 г.). 73. Поселение № 490 (Веселов. 2005. Тб. 52). 74. Поселение № 489 (Веселов. 2005. Тб. 52). 75. Поселение № 491 (Веселов. 2005. Тб. 52). 76. Поселение. (Выявлено КОАЭ, №№ 26–29 от 26.11.08 г.). VII – начало VI вв. до н.э. 77. Поселение № 138 (Веселов. 2005. Тб. 17; Обследовалось КОАЭ). 78. Поселение. (Выявлено КОАЭ, № 9 от 27.11.08 г.) VII – начало VI вв. до н.э. 79. Поселение. (Выявлено КОАЭ, №№ 12–14 от 08.11.08 г.) IV–III в. до н.э. 80. Поселение № 496 (Веселов. 2005. Тб. 52; Обследовалось КОАЭ). 81. Поселение. (Выявлено КОАЭ, № 15 от 29.11.08 г.). VII–VI вв. до н.э. 82. Поселение. (Выявлено КО-АЭ, №№ 7–13 от 29.11.08 г.). VII–III в. до н.э. 83. Поселение. (Выявлено КОАЭ, № 3 от 08.11.08 г.). IV–III в. до н.э. 84. Поселение. Выявлено КОАЭ, № 6 от 27.11.08 г. VII–III в. до н.э. 85. Поселение. IV–II в. до н.э. (Выявлено КОАЭ, № 2 от 21.03.09 г.). 86. Поселение. (Выявлено КОАЭ, №№ 30–32 от 29.11.08 г.). IV–III в. до н.э. 87. Поселение № 110 (Веселов. 2005. Тб. 13). 88. Марьевка IV. VII–III вв. до н.э. (Исследовалось КОАЭ в ноябре 2008 г.). 89. Поселение № 114 (Веселов. 2005. Тб. 13). VII–III вв. до н.э. 90. Марьевка I, оно же поселение № 103 (Веселов. 2005. Тб. 12). 91. Марьевка II. 92. Вязниково III. 93. Поселение № 104 (Веселов. 2005. Тб. 12). 94. Поселение № 487 (Веселов. 2005. Тб. 51). VII–III вв. до н.э. 95. Поселение № 486 (Веселов. 2005. Тб. 51). VII–III вв. до н.э. 96. Поселение № 105 (Веселов. 2005. Тб. 12). VII–VI вв. до н.э. 97. Марьевка V. 98. Поселение № 485 (Веселов. 2005. Тб. 51). VII–IV вв. до н.э. 99. Марьевка III или № 106 (Веселов. 2005. Тб. 12). VII–VI вв. до н.э. Обследовалось КОАЭ. 100. Вязниково II. 101. Поселение. (Выявлено КОАЭ, №№ 10–11 от 02.11.08 г.). VII–III в. до н.э. 102. Поселение Чебацкое западное. 103. Поселение Чебацкое Южное, № 494 (Веселов. 2005. Тб. 52). VII–IV вв. до н.э. 104. Поселение. (Выявлено КОАЭ, № 20 от 01.12.08 г.). 105. Поселение Опукское Восточное. V–III вв. до н.э. 106. Поселение. (Выявлено КОАЭ, № 13 от 15.11.08 г.). VII–VI вв. до н.э. 107. Зольный холм на горе Опук, охватывающий период от конца VI–V вв. до н.э. до первой половины VI в. н.э. 108. Отдельные фрагменты керамики на плато Опук. VII–VI вв. до н.э. (Выявлено КОАЭ, № 8 от 15.11.08 г.). 109. Поселение Холм А. VI–IV вв. до н.э. 110. Приозерная. Стоянка (поселение) и могильник эпохи поздней бронзы. 111. Сельская усадьба. VI – начало V вв. до н.э. – 1-ой половины III вв. до н.э. (Повторное обследование усадьбы и стоянки проведено КОАЭ, № 15 и № 16 от 02.12.08 г.).

112. Поселение Каяшское Северное. (Обследовано КОАЭ, №№ 24–30 от 02.12.08 г.). IV–III вв. до н.э. 113. Каяшский вал I. IV–III вв. до н.э. 114. Каяшский вал II. 115. Каяшский вал III. 116. Киркояшское Юго-Западное. 117. Киркояшское Восточное. 118. Киркояшское Второе. 119. Киркояшское Северо-Западное. 120. Киркояшское без названия (Последнее). 121. Киркояшское Северо-Восточное. 122. Поселение. (Выявлено КОАЭ, №№ 8–10 от 20.12.08 г.). VII–III в. до н.э. 123. Поселение. (Выявлено КОАЭ, № 3 от 20.12.08 г.). VII–III в. до н.э. 124. Поселение. (Выявлено КОАЭ, № 18 от 20.12.08 г.). VII–III в. до н.э. 125. Поселение. (Выявлено КОАЭ, № 7 от 20.12.08 г.). VII–VI в. до н.э. 126. Поселение. (Выявлено КОАЭ, № 6 от 20.12.08 г.). VII–VI вв. до н.э. 127. Поселение. (Выявлено КОАЭ, № 2 от 20.12.08 г.). VII–VI вв. до н.э. 128. Поселение. (Выявлено КОАЭ, №№ 11–15 от 20.12.08 г.). VII–III в. до н.э. 129. Поселение № 449 (Веселов. 2005. Тб. 48). 130. Тамарино III. 131. Тамарино II. 132. Тамарино I. 133. Сокольское II. 134. Поселение. (Выявлено КОАЭ в ноябре 2008 г.). IV–III в. до н.э. 135. Поселение № 617 (Веселов. 2005. Тб. 66). 136. Поселение № 101 (Веселов. 2005. Тб. 12). VII–III вв. до н.э. (Исследовалось КОАЭ в ноябре 2008 г.). 137. Марфовка VII. 138. Марфовка V. 139. Марфовка VI. 140. Марфовка III. 141. Марфовка II. 142. Марфовка IV. 143. Поселение № 437 (Веселов. 2005. Тб. 47). VII–VI вв. до н.э. 144. Поселение № 100 (Веселов. 2005. Тб. 14). VII–VI вв. до н.э. 145. Поселение № 566 (Веселов. 2005. Тб. 59). IV–III вв. до н.э. 146. Поселение № 99 (Веселов. 2005. Тб. 11). VII–VI вв. до н.э. 147. Поселение № 567 (Веселов. 2005. Тб. 59). IV–III вв. до н.э. 148. Поселение № 564 (Веселов. 2005. Тб. 59). VII–VI вв. до н.э. 149. Поселение № 553 (Веселов. 2005. Тб. 58). IV–III вв. до н.э. 150. Поселение № 558 (Веселов. 2005. Тб. 59). VII–III вв. до н.э. 151. Поселение № 599 (Веселов. 2005. Тб. 63). VII–IV вв. до н.э. 152. Поселение № 593 (Веселов. 2005. Тб. 62). IV–III вв. до н.э. 153. Поселение № 556 (Веселов. 2005. Тб. 59). IV–III вв. до н.э. 154. Поселение № 593 (Веселов. 2005. Тб. 62). VII–IV вв. до н.э. 155. Поселение № 596 (Веселов. 2005. Тб. 63). IV–III вв. до н.э. 156. Поселение № 554 (Веселов. 2005. Тб. 58). VII–III вв. до н.э. 157. Поселение № 549 (Веселов. 2005. Тб. 58). IV–III вв. до н.э. 158. Поселение № 551 (Веселов. 2005. Тб. 58). VII–III вв. до н.э. 159. Поселение Марфовка I. 160. Поселение Новоселовка I. 161. Поселение Фонтан. 162. Поселение. (Выявлено КОАЭ, №№ 28–38 от 20.11.08 г.). VII–III вв. до н.э. 163. Поселение. (Выявлено КОАЭ, № 4 от 24.11.08 г.). VII–III вв. до н.э. 164. Поселение. VII–III вв. до н.э. (Выявлено КОАЭ, №№ 24–27 от 20.11.08 г.). 165. Поселение. (Выявлено КОАЭ, №№ 19–22 от 20.11.08 г.). VII–III вв. до н.э. 166. Поселение. (Выявлено КОАЭ, №№ 1–9 от 20.11.08 г.). VII–III вв. до н.э. 167. Поселение № 139 (Веселов. 2005. Тб. 17). VII–III вв. до н.э. (Исследовалось КОАЭ в ноябре 2008 г.). 168. Поселение № 122 (Веселов. 2005. Тб. 14). 169. Поселение № 121 (Веселов. 2005. Тб. 14). 170. Поселение № 484 (Веселов. 2005. Тб. 51). VII–III вв. до н.э. 171. Васильевка. 172. Поселение № 81 (Веселов. 2005. Тб. 10). IV–III вв. до н.э. 173. Поселение № 568 (Веселов. 2005. Тб. 59). IV–III вв. до н.э. 174. Поселение Каяшское Западное. 175. Поселение Новоселовка III. 176. Поселение Новоселовка II. 177. Поселение Сазоновка II. 178. Поселение Сазоновка

Интересные данные дали шурфовки территории, непосредственно прилегающей к Нимфею. На территории, ограниченной ул. Рубежной, Угловой и Галины Петровой было заложено 60 шурфов, в которых выявлен материал конца VI – начала III в. до н.э., а также строительные остатки (в очень плохом состоянии, видимо камень от построек использовался вторично при строительстве в римское время и т.д.). На северо-западной стороне ул. Рубежной расположено поселение IV – начала III в. до н.э. под названием Эльтиген Западное. Из вышесказанного можно сделать вывод, что Нимфей в IV – начале III в. до н.э. состоял из района, заселенного греческим населением и пригорода, состоящего из отдельно стоящих варварских усадеб. Какая-либо городская планировка в варварском пригороде не выявлена, но на обрыве, в юго-восточной части выявлен зольный холм, подобный китейскому. Общая площадь Нимфея с пригородом составляет около 30 га.

О Киммерике мы имеем представление только по раскопкам на Холме «А» И. Т. Кругликовой (Кругликова, 1975. С. 36), да и первые упоминания о нем относятся к первым векам н.э. (Anon. PPE. 76 B; Страбон в ошибочном изложении (Strabo. XI,11,5)).

В последнее время всё больше фактов находок лепной керамики с характерным орнаментом в комплексах с импортной – греческой керамикой. Это известные боспорские города и поселения, такие как Мирмекий, Нимфей, Холм «А» (Киммерик?), поселение Южно-Чурубашское (Рис. 1. 23), Чебацкое Южное (Рис. 1. 103), Джурга Оба Западное (Рис. 1. 60) и ещё ряд поселений, перечисленных ниже, где была найдена лепная орнаментированная керамика и изделия из кремня. По моему мнению, И. Т. Кругликова совершенно точно определила дату подобных поселений, это VII–VI вв. до н.э., многие поселения доживают до начала III в. до н.э. В статье В. Д. Рыбаловой (Рыбалова. 1974. С. 19–49. Рис. 15) была сделана попытка передатировать подобную лепную керамику, но сравнение фрагментов керамики из Каменки с многоваликовой керамикой совершенно некорректно и неубедительно. Был ещё один костяной псалий и бронзовый топор (подъёмный материал) из Глеек, но датировать по двум находкам, одна из которых вне археологического контекста, тоже преждевременно.

Итак, жители этих деревень встретили греческих купцов (более вероятно, греки встретились с племенной верхушкой), которые на условии выращивания местным населением необходимых видов и сортов зерна будут завозить в обмен на зерно свои товары.

С достоверностью можно говорить о присутствии греков только в Нимфее, вся же остальная юго-восточная часть была варварская, а импортная греческая керамика лишь подтверждает факт торговли с греками. Подобная ситуация складывалась и на всем Кер-

ченском полуострове, где признаки греческого населения (находки архитектурных деталей храмов) найдены только в Пантикапее (есть три фрагмента в Мирмекии, но этого недостаточно, чтобы делать выводы о наличии там храма). Еще одно утверждение, что в Мирмекии (это касается и других мест) приезжие греки жили в землянках, совершенно неприемлемо, я даже уверен, что ни один грек не прожил в землянке и одного дня. Это утверждение исходит из того факта, что даже на поселениях VII–VI вв. до н.э. население жило в каменных домах. Т.е. для того, чтобы построить примитивное наземное жилище, уйдёт не больше времени, чем на строительство землянки.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. С приходом скифов и захватом ими южных степей, часть киммерийского населения уходит в Крым (Керченский полуостров) и оседает там. В процентном отношении поселения с материалом VII в. до н.э. составляют около 32 %, т.е. в юго-восточной части подобных поселений насчитывается 56, а на всем полуострове их около 200. Наличие киммерийцев и их доминирующее большинство дало все известные названия, созвучные с киммерийцами.

2. Боспорские города в конце VI – начале III в. до н.э. представляли собой варварские протогорода с греческими центрами – эмпориями. Это касается Пантикапея и Нимфея, о Китее можно пока говорить только как о большом варварском поселении, в остальных городах Боспора выявлены только остатки отдельных построек этого времени, и о планировке их нет ни малейшего представления.

3. Организовав товарное производство зерна и поступление товаров из Греции, греки принесли еще и элементы греческой культуры и письменность в варварский Боспор, правящей же элитой являлась племенная варварская знать. Являясь посредниками в торговле зерном, правящая верхушка во главе с боспорским царём в IV в. до н.э. создала царские эмпории (усадыбы), что дает возможность полностью исключить прямой контакт греков с непосредственными производителями зерна, именно IV в. становится «золотым» для Боспорского царства.

4. Боспорское царство изначально являлось варварским с доминирующим киммерийским населением. Греки, организовав торговлю, привнесли как элементы греческой культуры, включая письменность, так и организовали ремесленные производства. В начале III в. до н.э., сельское население покидает поселения и в то же время приходят в упадок греческие центры, это хорошо видно на примере Нимфея, где греческая часть города находится под зольником.

Литература

- В. В. Веселов.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. 2005. Supplementum II.
- И. Т. Кругликова.* Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму // СА. 1955. Вып. XXIV.
- И. Т. Кругликова.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- В. Д. Рыбалова.* Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. Л., 1974. Вып. 16.

С. В. Кашаев, М. С. Павлова, А. С. Цинько

Пятнадцать лет Таманскому отряду Боспорской экспедиции ИИМК РАН

В 2013 году исполняется 15 лет Таманскому отряду Боспорской экспедиции ИИМК РАН. Как и ранее, отряд продолжал исследования в южной части Таманского полуострова и занимался изучением сельских памятников античного времени.

В заметках, посвященных истории Таманского отряда, были описаны организационные особенности первых лет и обозначены основные направления работы отряда в 1998–2008 гг. В это время были проведены разведки в южной части Таманского полуострова, раскопки поселения и грунтового некрополя Артющенко-2, раскопки поселения Вышестеблиевская-11 (Кашаев. 2005. С. 64; Кашаев. 2008. С. 113).

В отличие от первых лет работы, когда проводились разведки больших площадей или отдельных памятников без специальной техники, в последние годы разведочные работы проводились с использованием различного геофизического оборудования.

Первые геофизические исследования в рамках работ отряда, провели в 2001 г. сотрудники фирмы Sontec В. Шифельбан и Б. Копфер. Была проведена магниторазведка на площади поселения и крепости на памятнике Вышестеблиевская-11. Основной задачей разведок являлась попытка локализации археологических объектов (Stahler. 2002. P. 117; Цинько. 2008. С. 177). По результатам этих разведок был заложен небольшой Раскоп-2.

В 2007–2009 гг. геофизические разведки на поселениях Вышестеблиевская-11, Артющенко-2 и некрополе проводились С. Л. Смекаловым. Целью проведения работ являлось исследование площади памятников геофизическими методами с использованием магнитометра.

В результате этих работ на поселении Вышестеблиевская-11 были сняты геофизические планы двух участков в районе Раскопа 1 и Раскопа 3, а также план земляной крепости, который отчетливо показал наличие оборонительных сооружений, внутреннюю планировку, а также отдельные объекты и комплексы на территории крепости. Планы еще двух участков сняты на поселении и некрополе Артющенко-2. Они показали наличие аномалий, связанных с древними антропогенными структурами.

В 2008–2012 гг. сотрудниками «Лаборатории неразрушающего контроля» ООО «ПЭС» (руководитель К. А. Смольников) проводились исследования с использованием георадара на территории поселения и некрополя Артющенко-2.

Разведки на этих памятниках показали наличие геофизических аномалий, что в дальнейшем было подтверждено раскопками. Таким образом, использование георадара продемонстрировало свою эффективность при поиске археологических объектов на сельских памятниках античного времени на Таманском полуострове.

Основным памятником, на котором продолжались раскопки Отряда в 2008–2012 гг., оставалось поселение и некрополь Артющенко-2. На поселении по результатам геофизических разведок был заложен Раскоп-5. Его исследование проводилось совместно с Бугазским отрядом под руководством Ю. А. Виноградова. Площадь Раскопа-5 составила более 160 м². Обнаружена серия хозяйственных ям и различных комплексов IV–II вв. до н.э.

Наибольшие работы Отряда в последние годы были проведены на грунтовом некрополе Артющенко-2. Своеобразным рубежом в исследовании памятника стал 2009 г. Именно в этом году на некрополе были зафиксированы следы крупномасштабных грабительских работ. За 2009–2012 гг. на его территории было обнаружено более 60 грабительских шурфов. На поверхности возле большинства из них находились обломки человеческих костей, фрагменты керамики, железных предметов и другие находки из разорённых захоронений.

Все грабительские шурфы были нанесены на план некрополя. Полученная картина позволяет оценить примерные места расположения погребений, степень разрушения некрополя и масштабы нанесенного ущерба.

Таблица 1. Исследования на некрополе Артющенко-2 (площади, номера и количество погребений).

1	2	3	4	5
2002	0	-	1; 2	2
2003	43	A1 – A3	3 - 6	4
2004	133	A1'–A3', A11', A12', B1'–B3', B11', B12'	7 - 13	7
2005	320	A10, A11, B4–B11, A4'–A10', B4'–B10', B36'	14 - 25	12
2006	470	A11-A14, B11-B14, B8– B14, Г8–Г14, Д8–Д14, E8-E11	26 - 35	10
2007	494	B1–B7, Г1–Г7, B1'–B8', Г1'–Г8'	36 - 51	16
2008	495	Д1–Д7, E1–E7, Д1'–B8', E1'–Г8', A12'–A14', B13'–B20'	52 - 66	15
2009	570	B9'–B14', Г9'–Г14', Д6'–Д17', E6'–E17'	67-81 Г1–Г5	16 5
2010	389	Ж10–Ж8, 310–38, И10– И8, К10–К8, М10–М8, Л10–Л8, B15'–B17', Г15'–Г17'	82-101 Г6–Г9	20 4
2011	412	Ж 5'– Ж17', З 5'–З 17'	102-115 Г10, Г11	13 2
2012	320	Ж 3– Ж4', З 3–З 4', B18'–B20', Г18'–Г20'	116-126 Г12	11 1
Всего:	3646		1-126 Г1–Г12	126 12

1 – год исследования; 2 – вскрытая площадь, м²; 3 – исследованные квадраты; 4 – № исследованных погребений; 5 – количество погребений

Общая исследованная площадь на некрополе в 2003–2012 гг. около 3600 м², обнаружено 138 погребений, из которых 12 доследовано за грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г». Проведенные работы и находки позволили определить его хронологию и составить представление о его размерах. Стало понятно, что северная граница некрополя расположена более чем в 100 м от современного берегового обрыва, а его протяженность с запада на восток составляет не менее 200 м. Таким образом, можно прийти к заключению, что площадь некрополя по самым

примерным оценкам, была не менее 20000 м². Учитывая среднюю плотность захоронений – одно погребение на 25 м², можно высказать предположение, что некрополь содержал не менее 800 погребений.

Наиболее ранние захоронения датируются рубежом VI–V в. до н.э., а самые поздние – II в. до н.э. Около 70 % датированных погребений укладывается в промежуток примерно в сто лет, между началом V и началом IV в. до н.э.

На самых северных и самых восточных исследованных участках, помимо захоронений V–IV в. до н.э., фиксируется возрастающее количество могил III–II вв. до н.э. Это позволяет предположить, что топографически некрополь распространялся с юго-запада на северо-восток. Возможно, он располагался параллельно доминирующей возвышенности, на которой расположено поселение.

Таким образом, на южных и западных участках могильника преобладают погребения конца VI – начала IV в. до н.э., а на северных и восточных участках – могилы периода эллинизма.

На поселении Вышестеблиевская-11 последние раскопочные работы отряда были проведены в 2008 г., а последние разведочные работы с применением геофизического оборудования – в 2009 г. Сложная ситуация с финансированием привела к остановке работ на этом интересном памятнике.

На Раскопе-1, расположенном вдоль берегового обрыва к юго-западу от крепости, общая площадь, исследованная в 1999–2008 гг., составила около 850 м². Было обнаружено 57 хозяйственных ям и 16 строительных комплексов. Открытые на Раскопе-1 строительные комплексы и хозяйственные ямы относятся к разным хронологическим этапам жизни поселения, и датируются второй половиной V в. до н.э. – VII–X вв. н.э.

В северо-восточной части Раскопа-1 открыт участок Дороги-1 и серия строительных комплексов. Обнаруженные тут строительные комплексы (СК-8 – СК-14) находились по обеим сторонам Дороги-1, и в их расположении угадывался определенный порядок. Скорее всего, они составляли один из кварталов поселения (Кашаев. 2012. С. 193).

Материалы из раскопок Таманского отряда были представлены на различных конференциях и отражены в публикациях, их обработка и введение в научный оборот продолжается. Некоторые результаты проведенных работ и отдельные погребения уже опубликованы (например: Ворошилов, Кашаев. 2010. С. 66; Кашаев. 2009. С. 188; Кашаев. 2010. С. 88; Кашаев. 2013. С. 52; Цинько. 2007. С. 321).

Таким образом, накопленный в результате исследований материал уже сейчас требует определённого обобщения и дает основание для включения данных памятников в широкий историко-культурный контекст Таманского полуострова в античное время.

В заключение хочется поблагодарить всех, кто оказывал помощь и принимал участие в работах Таманского отряда – добровольцев, волонтеров и организованные группы практикантов:

– студентов и выпускников кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета;

– студентов кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета и их руководителей: Н. А. Павличенко, Т. Б. Путилову;

– студентов кафедры древнего мира Саратовского государственного университета (СГУ) им. Чернышевского и их руководителей: д.и.н. С. Ю. Монахова, к.и.н. Е. В. Смыкова;

– студентов историко-филологического факультета Мурманского государственного университета и их руководителя Т. М. Гольшеву.

В целом, археологическая экспедиция – это не только ежегодные работы, это круг друзей, которые год за годом рады встречаться на берегах Черного моря, менять привычные бетонные коробки городских квартир на палатки, не балующие комфортом, но столь любимые за время поездок. Каждый год отмечается «День Археолога», пишутся новые песни, придумываются настоящие церемонии, потому что за один-два месяца в экспедиции каждый проживает целую жизнь.

Так сложилось, что год за годом в экспедицию приезжают все, кому не безразлична судьба археологических памятников и их историческое наследие. За 15 лет в составе отряда побывало огромное количество человек, работы велись на разных памятниках, были открыты многие страницы истории Таманской земли. По итогам экспедиций была написана не одна научная работа, а находки можно увидеть в Таманском музейном комплексе.

Литература

- А. Н. Ворошилов, С. В. Кашаев.* Клинковое оружие из некрополя Артюшенко-2. М., 2010. – (ДБ. Т. 14).
- С. В. Кашаев.* Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН (1998–2004 гг.) // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича. СПб., 2005.
- С. В. Кашаев.* Десять лет Таманскому отряду Боспорской экспедиции ИИМК РАН // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного

- 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 2008.
- С. В. Кашаев.* Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–05 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь, Керчь, 2009. – (БИ. Т. XXII).
- С. В. Кашаев.* Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки. Москва–Киев, 2010. Вып.1.
- С. В. Кашаев.* Строительные комплексы и планировка застройки поселения Вышестеблиевская-11 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. – (БЧ. XIII).
- С. В. Кашаев.* Раскопки некрополя Артющенко-2 в 2010–2012 гг. // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тезисы научной конференции. СПб., 2013.
- А. С. Цинько* Парное погребение воинов в некрополе Артющенко-2 // АΤΙQVITAS UVVENTAE. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Саратов, 2007.
- А. С. Цинько* Геофизические исследования крепости на поселении Вышестеблиевская-11 // АΤΙQVITAS UVVENTAE. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Саратов, 2008.
- К. Stahler.* Die antike Siedlung Vysesteblievskaja-11 // Das Bosporanische Reich. Mainz am Rhein, 2002.

VI. MEMORABILIA

Валентина Владимировна Крапивина (1950–2013)

Памяти Валентины Владимировны Крапивиной

30 марта 2013 г. после тяжелой болезни ушла из жизни археолог-античник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела античной археологии Института археологии НАН Укра-

ины, начальник Ольвийской археологической экспедиции, научный руководитель Национального заповедника «Ольвия», непреременный участник «Боспорского феномена» Валентина Владимировна Крапивина. Ушла Хозяйка и Душа Ольвии...

Мы потеряли прекрасного специалиста, верного друга, вдумчивого, добросовестного и невероятно талантливого исследователя, организатора науки, отважного защитника археологических памятников, прекрасного, умного человека.

В. В. Крапивина родилась 29 августа 1950 г. в г. Днепропетровске в семье военнослужащего. Вскоре семья переехала в Киев, где Валя закончила школу с золотой медалью и поступила в Киевский государственный педагогический университет им. А. М. Горького, где изучает английский (её свободное владение разговорным английским всегда отмечали коллеги-иностранцы). После года обучения талантливая студентка-отличница, мечтой которой всегда была археология, решает уйти из пединститута и поступает, преодолев огромный конкурс, на первый курс исторического факультета Киевского государственного университета им. Т. Шевченко, который закончила с отличием в 1973 г. Ещё студенткой она начинает ездить в экспедицию в Ольвию, где постигает археологическую науку под руководством Л. М. Славина. С 1973 г. вся жизнь В. В. Крапивиной связана с Институтом археологии НАН Украины, в котором она прошла свой путь ученого – от лаборанта до старшего научного сотрудника, начальника крупнейшей постоянно действующей Ольвийской экспедиции.

В 1988 г. В. В. Крапивина защищает кандидатскую диссертацию, которая впоследствии стала основой её монографии «Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э.» (Киев, 1993), которая по сей день остается едва ли не единственной обобщающей работой по археологии Ольвии римского времени. Валентина Владимировна – автор более 200 научных трудов, среди которых несколько монографий и коллективных трудов по археологии Ольвии (она совершенно справедливо считала, что работы, посвященные результатам раскопок такого сложного, многослойного памятника, как Ольвия, должны быть именно коллективными). Несмотря на тяжёлую болезнь, с которой Валентина Владимировна буквально сражалась более двух лет, за последний год ею написано 12 интереснейших статей. В данном сборнике публикуются материалы доклада, который был закончен за два дня до её смерти.

Валентина Владимировна удивительным образом сочетала в себе казалось бы совершенно несовместимые качества: огромные организаторские способности, твердость и решительность с доброжелательным отношением к людям, умением и желанием вникнуть в их проблемы. По-видимому, в этом заключается ее феномен – мно-

голетнее руководство большой экспедицией (через экспедицию в сезон проходило 300–400 человек, которых она знала по именам, знала их семьи, личные истории, которые часто ей приходилось «разруливать»). Благодаря твёрдой, последовательной позиции В. В. Крапивиной, её беззаветной любви к памятнику, заповедник Ольвия приобрёл статус национального. Одно из важнейших следствий этого – прекращение грабежей, как в Ольвии, так и на Березани. Петербургские археологи никогда не забудут, сколько сил потратила В. В. Крапивина, чтобы сохранить возможность работы экспедиции Государственного Эрмитажа на о. Березань и всегда будут хранить атмосферу доброжелательного сотрудничества археологов наших стран, какую так заботливо и тепло умела создавать она.

Валентина Владимировна активно работала в международных проектах, среди которых украинско-датский, украинско-французский, несколько украинско-российских, которые обязательно заканчивались выходом научных изданий. Она принимала участие в работе многих международных конференций. Её имя хорошо известно среди историков и археологов-античников.

Валентина Владимировна Крапивина была ярким, разносторонне образованным, неординарным человеком. Оставив яркий след в нашей науке, она объединяла в себе профессионализм учёного, высокие моральные качества, человечность. Многим будет не хватать её открытости, доброты, мягкости, женского обаяния. Не случайно проводить в последний путь Валентину Владимировну (маму Валю) пришлось столько людей. Это огромная непоправимая утрата не только для родных и близких, но и для античной археологии в целом. Ушел добрый, мудрый, порядочный человек. Светлая ей память!

Н. А. Гаврилюк, В. Ю. Зуев

Материалы к библиографии
Валентины Владимировны Крапивиной¹⁵⁹

1977

1. Раскопки центрального квартала в Ольвии // АО-76. М., 1977. С. 325–326. (В соавторстве с *Н. А. Лейтунской*).

1978

2. Раскопки центральной возвышенности и северо-западного района Верхнего города Ольвии // АО-77. М., 1978. С. 343–344. (В соавторстве с *С. Д. Крыжицким, А. И. Кудренко, С. Н. Мазарати*).

1979

3. Орнаментация серолощёной керамики римского времени из Ольвии // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 96–100.
4. Основные объекты работ Ольвийской экспедиции // АО-78. С. 354–355. (В соавторстве с *С. Д. Крыжицким, А. И. Кудренко, С. Н. Мазарати*).

1980

5. Весовые гири Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 83–98.
6. О весовой системе Ольвии (IV–II вв. до н.э.) // Проблемы античной истории и классической филологии. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции. Харьков, 1980. С. 97.
7. Сероглиняная керамика Любимовского городища // Археологические исследования на Украине в 1978–79 гг. Тезисы докладов XVIII конференции. Днепропетровск, 1980. С. 97.

1981

8. К истории Ольвии во II–III вв. н.э. Актуальные проблемы археологических исследований на Украине. Тезисы докладов республиканской конференции молодых учёных. Киев, 1981. С. 86.

¹⁵⁹ Составитель – *В. Ю. Зуев*. Приношу благодарность за предоставленные материалы из личного архива *В. В. Крапивиной* её родным: *Е. П. Крапивину, П. Е. Крапивину, Ю. В. Бобкову*. А также *А. Г. Кузьмищеву* за помощь в работе. Звёздочкой отмечены работы, которые не удалось просмотреть de visu.

1982

9. Реферат на книгу С. А. Беляевой «Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV в.» // Реферативный журнал. Киев, 1982. С. 34–35.

1984

10. О характере застройки Ольвии во II–III вв. н.э. Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 201–214.

1985

11. О направленности экономики Ольвии в первые века нашей эры // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985. С. 39–40.
12. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии римского времени // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985. С. 21–22. (В соавторстве с *А. В. Гудковой*).
13. Входила ли Ольвия в состав государственного образования Бурбисты? // Тезисы докладов и сообщений совместной школы-семинара «Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н.э. – I пол. I тыс. н.э. на юго-западе СССР и сопредельных регионов». Ужгород, 1985. С. 38–41.

1986

14. Архаические весовые гири Березани и Ольвии // Ольвия и её округа. Киев, 1986. С. 105–111.
15. Винодельни первых веков нашей эры в Ольвии Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев, 1986. С. 52–64. (В соавторстве с *А. И. Кудренко*).

1987

16. Простая столовая керамика // Культура населения Ольвии и её округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 71–79.
17. Весовые гири // Культура населения Ольвии и её округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 131–133.
18. Исследования в юго-восточной части цитадели Ольвии // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции (Суздаль, 1987). Москва, 1987. С. 132–133.

1988

19. Ольвия в первые века нашей эры (по данным археологии). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев, 1988. 18 с.

20. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков н.э. // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 82–103. (В соавторстве с *А. В. Гудковой*).
21. Неопубликованные гири из раскопок Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 186–194.
22. Новые votivные надписи из Ольвии // Проблемы античной культуры. Тезисы докладов Крымской научной конференции. Симферополь, 1988. Ч. III. С. 269–270. (В соавторстве с *А. С. Русяевой*).
23. До політичної історії Ольвії середини I ст. до н.е. // Археологія. 1988. Вип. 63. С. 12–19.

1989

24. Залізний перстень з Ольвії // Археологія. 1989. Вип. 3. С. 106–109.
25. К исторической топографии юго-восточной части цитадели Ольвии // Проблеми історії та археології давнього населення Укр. РСР. Тези доповідей. Одеса, жовтень 1989. – Київ, 1989. С. 109. (В соавторстве с *В. В. Назаровым*).

1990

26. Методика проведения археологических работ с учащимися. Учебно-методическое пособие. Киев, 1990. 68 с.
27. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. Препринт. Киев, 1990. 48 с. (В соавторстве с *А. В. Гудковой*).
28. К проблеме формирования керамического комплекса черняховских памятников степи // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов конференции. Одесса, 1990. С.25–27. (В соавторстве с *А. В. Гудковой*).

1991

29. О двух «готских» разгромах Ольвии // Древнее Причерноморье. Тезисы докладов конференции памяти П. О. Карышковского. Одесса, 1991. С. 47–49.
30. З приводу статті Д.Браунда. Археологія. 1991. № 3. С. 31–32.
31. Про роботу координаційної ради «Ольвія та її сільська округа» // Археологія. 1991. № 4. С. 147–149. (В соавторстве с *С. А. Беляевой*).

1992

32. Вотивный рельеф с Митрой из Ольвии // История и археология Слободской Украины. Тезисы докладов Всеукраинской конференции. Харьков, 1992. С 11–18.
33. Консервация и музеефикация памятников Нижнего Побужья. Состояние и проблемы // Материалы заседаний координационного совета «Ольвия и её сельская округа» в 1991 г. Препринт. Николаев, 1992. С. 11–18.

34. До історії Ольвії в IV–I ст. до н.е. // Археологія. 1992. № 4. С. 17–34. (В соавторстве с А. С. Русяевой).

1993

35. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. 184 с.
36. К проблеме этнического состава населения Ольвии в первые вв. н.э. // Україна–Греція: історія та сучасність. Тези міжнародної наукової конференції. Київ, 1993. С. 71–73.
37. Об исторической топографии курганного некрополя Ольвии // Sevtopolis.Burial Mounds in South-East Europe. First International Simposium. Kazanlak, 1993. P. 75–76.
38. Населення й оточуюче середовище в античних державах Північного Причорномор'я // Оточуюче середовище і стародавнє населення України (матеріали до теми). Препринт. Київ, 1993. С. 66–72. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким).

1994

39. Рельеф с Митрой Тавроктоном из Ольвии // Древнее Причерноморье. КСОАМ. Одесса, 1994. С. 168–171.
40. Роль ландшафта в хозяйственной деятельности населения Нижнего Побужья в конце III – IV вв. н.э. // Ольвия-200. Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 200-летию археологического открытия Ольвии. 5–9 сент. 1994 г., с. Парутино. Николаев, 1994. С. 65–68.
41. Ещё раз о контактах Ольвии и племен черняховской культуры // Ольвия-200. Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 200-летию археологического открытия Ольвии. 5–9 сент. 1994 г., с. Парутино. Николаев, 1994. С. 36–38. (В соавторстве с А. В. Гудковой).
42. Исследования 1989–1993 гг. в юго-восточной части цитадели Ольвии // Ольвия-200. Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 200-летию археологического открытия Ольвии. 5–9 сент. 1994 г., с. Парутино. Николаев, 1994. С. 68–70. (В соавторстве с А. В. Буйских).
- Рец. на № 40–42: В. Ю. Зувев, Д. В. Журавлёв. Ольвия-200. Международная археологическая конференция, посвящённая 200-летию археологического открытия городища Ольвии // ВДИ. 1995. № 4. С. 220–223; V. Zuev, D. Juravliov. Olbia in the Roman Period // Limes.A cura di Giuacarlo Susini. Bologna, 1994. P.177–191.
43. Торговые связи Ольвии в первые века нашей эры // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VII научной конференции. Ростов-на-Дону, 1994. С. 76–78.
44. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. 1994. № 2. 18–44. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким, Н. А. Лейпунской).
45. Про етнічний склад населення Ольвії в перші ст. н.е. // Археологія. 1994. № 2. С. 123–129.

46. A Quarter-Century of Excavations at Olbia Pontica // *Classical Views*. University of Calgary Press, 1994. Т. XXXVIII. N. S. 13. № 2. P. 181–205. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким).
47. Archaeological News from Olbia and its Chora // *Ancient Civilization from Scythia to Siberia*. Leiden, 1994. Vol. 1. № 1. P. 40–44. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким).
48. Olbia in the Roman Period // *Limes. A cura di Giaucarlo Susini*. Bologna, 1994. P. 177–191.

1995

49. Археологические исследования в Ольвии в 1995 году // История, этнография, культура. Новые исследования. Тезисы докладов краеведческой конференции. Николаев, 1995. С. 28–32. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким).
50. О критериях периодизации исторического развития античных государств Северного Причерноморья (на примере Ольвии) // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов научной конференции. Белгород-Днестровский, 1995. С. 28–30. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким, Н. А. Лейпунской).
51. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 69–78. (В соавторстве с Ю. Г. Виноградовым).
52. The City of Olbia in the I–IV Centuries A.D. // *Classical Views*. University of Calgary Press, 1995. Т. XXXIX. N. S. 14. № 3. P. 355–375.

1996

53. О надписи агораномов из Ольвии // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Тезисы докладов. Одесса, 1996. С. 60–61.
54. Методика проведения полевых археологических исследований в Ольвии // *Greeks in the Black Sea*. International Conference.-Fessaloniki. 7–10 of March, 1996. *
55. Славин как исследователь античного города Ольвии // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию проф. Л. М. Славина. Киев, 1996. С. 31–34.
56. Итоги (1972–1996) и перспективы изучения Ольвии // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию проф. Л. М. Славина. Киев, 1996. С. 99–101. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким).
57. Итоги и перспективы изучения Ольвии // *Greeks in the Black Sea*. International Conference.-Fessaloniki. 7–10 of March, 1996. * (В соавторстве с С. Д. Крыжицким).
58. About Cult of Tauroctonus Mithra in Olbia // The 7th International Congress of Thracology. May 20–26, 1996. Constanta, Mangalia, Tulcea. Romania. Reports and Summaries. Bucharest, 1996. P. 399.

59. Grautönige scheibengedrehte Keramik aus Tyras, Olbia und Tschernjachow Kultur (vergleichende Analyse) // *Il Mar Nero*. 1995/96. B. II. S. 61–82. (В соавторстве с *А. В. Гудковой*).
60. Olbia si «gotii» in sec. III–IV e.n. // *A III – A sesiune anuala a comisiei mixte Romano-Ucraineană de istorie, arheologie, etnografie și folclor*. Mai–Junii 1996. *Resumatele comunicărilor*. Galanesti-Suceava, 1996. S. 13–14.

1997

61. Ольвия. Николаев, 1997. 24 с. – (Научно-популярная серия: Страницы истории Южной Украины). (В соавторстве с *Н. А. Лейтунской*).
62. Античные весовые гири Ольвии и Херсонеса // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. – Севастополь, 1997. С. 63–65.
63. Комплекс жилых домов II–III вв. н.э. в юго-восточной части Верхнего города Ольвии // Новые страницы древней истории Южной Украины. Тезисы международной конференции. Николаев, 1997. С. 23–24
64. Археологические исследования в юго-восточной части Ольвии в 1996–1997 гг. // Матеріали II Миколаївської обласної краєзнавчої конференції: “Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження”. Миколаїв, 1997 Т. I. С. 25–26. (В соавторстве с *А. В. Буйских*).
65. Находки граффити с изображением воинов в Нижнем Побужье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 147–152. (В соавторстве с *В. В. Назаровым*).
66. Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982–1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 122–127. (В соавторстве с *А. В. Буйских*).
67. Античні пам'ятки Північного Причорномор'я // Українські культурні цінності в Росії. Археологічні колекції України. Київ, 1997. С. 83–98.
68. Л. М. Славін і дослідження античного міста Ольвії // *Археологія*. 1997. № 4. С. 815.
69. About Cult of Tauroctonus Mithra in Olbia // *The Thracian World at the Crossroads of Civilizations*. I. Bucharest, 1997. P. 80–90.

1998

70. Хрестоматия по истории древнего мира. Эллинизм. Рим. Под ред. *В. Г. Боруховича, С. Ю. Монахова, В. Н. Парфёнова*. Москва, 1998. 525 с. (В соавторстве с *В. Г. Боруховичем, В. И. Кащеевым, В. И. Кацем, Д. Е. Лукоциным, Е. А. Молевым, С. Ю. Монаховым, В. Н. Парфёновым, С. К. Сизовым, Е. В. Смыковым, В. Н. Строговецким, А. В. Хазиным*).
71. О методике полевых археологических исследований в Ольвии // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. Київ, 1998. С. 159–163.

72. Археологічні дослідження 1998 р. в південній частині Ольвії // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. Київ, 1998. С. 85–87. (В соавторстве с А. В. Буйських и В. В. Крутиловым).
73. Ольвія у другій половині I ст. до н.е. – третій чверті III ст. н.е. // Давня історія України. Київ, 1998. Т. 2. С. 395–411.
74. Ольвія в останній чверті III – середині - третій чверті IV ст. н.е. // Давня історія України. Київ, 1998. Т. 2. С. 465–468.
75. Побут // Давня історія України. Київ, 1998. Т. 2. С. 426–434.
76. Olbia and Roman Troops in the 3-rd – 4-th Centuries A.D. // The Roman Frontier at the Lower Danube 4-th – 6-th centuries. The 2-nd International Symposium. Bucharest, 1998. P. 187–193.

1999

77. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Харьков, 1999. 681 с. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким, А. С. Русяевой, Н. А. Лейпунской, М. В. Скржинской, В. А. Анохиным).
78. Кухонная и столовая керамика позднекифских городищ Нижнего Поднепровья // 100 лет черняховской культуре. Сборник научных статей. Киев, 1999. С. 298–321. (В соавторстве с Н. А. Гаврилюк).
79. О римском гарнизоне Ольвии в середине III в. // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 76–83. (В соавторстве с В. М. Зубарем).
80. Нижне Побужжя в III–IV ст.н.е. (до історії взаємовідносин греків та варварів) // Україна-Греція: історична спадщина і перспективи співробітництва (м. Маріуполь, 27–29 травня 1999 р.). Збірник наукових праць міжнародної науково-практичної конференції. Маріуполь, 1999 Т. I. Ч. 1. С. 96–99.
81. Olbia, Tyrag and Burebista // Interacademica. I. Bucuresti, 1999. P. 43–46.

2000

82. Новая латинская надпись и некоторые вопросы истории Ольвии в середине III в. н.э. // Stratum plus. 2000. № 6. С. 225– 233. (В соавторстве с В. М. Зубарем).
83. Study of materials stability surrounding with loess-clay-loam rocks on example of «OLVIA» monument of Ukrainian Northern Prichernomorja // Abstracts of Materials International Youth Nuclear Congress. April 9–14, 2000. Bratislava, 2000. * (В соавторстве с V. Kadoshnikov, B. Zlobenko, V. Manichev, L. Demchenko, T. Golovko).
84. Study of the archaeological materials dissolution at interaction containing clay loam within ancient dirt Ukrainian Northern Prichernomorja // Abstracts of Materials International Conference on Radioactive Waste Disposal, September 4–6, 2000. Berlin, 2000. * (В соавторстве с B. Zlobenko, V. Kadoshnikov, V. Manichev, L. Demchenko).

2001

85. Методика проведення польових археологічних робіт з учнями. Київ, Видання друге, 2001. 447 с.

86. О коллегии агораномов в Ольвии в первые века нашей эры // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы IX международной конференции. Ростов-на-Дону, 2001. С. 108–110.
87. Статуэтка Афродиты из Ольвии // Археологические вести. СПб., 2001. № 8. С. 172–174.
88. Торговые связи Ольвии с античным и варварским миром в I–IV вв. н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной конференции. СПб., 2001. С. 256–261.
89. Древнейшее поселение на о. Березань // Античные памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 2001. С. 11–14. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким).
90. Новые находки виноделен в Ольвии // Ольвия и античный мир. Материалы международных научных чтений, посвященных 75-летию образования заповедника «Ольвия». Киев, 2001. С. 73–74. (В соавторстве с В. В. Крутиловым).
91. Новые находки восточногреческой керамики из Ольвии // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной конференции. СПб., 2001. Ч. II. С. 21–29. (В соавторстве с А. В. Буйских).
92. О восточногреческой керамике из раскопок Ольвии (новые материалы) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы IX международной конференции. Ростов-на-Дону, 2001. С. 46–49. (В соавторстве с А. В. Буйских).
93. Ольвия Понтийская // Античные памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 2001. С. 15–70. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким).
94. Ольвія: проблеми охорони та археологічні дослідження // Археологія. 2001. № 4. С. 4–19.
95. Побут населення античних держав Північного Причорномор'я // Історія Української культури. Київ, 2001. Т. 1. С. 410–430. (В соавторстве с М. В. Скржинской).
96. Розвиток справи охорони Ольвії та її зв'язок з археологічними дослідженнями // Ольвия и античный мир. Материалы международных научных чтений, посвященных 75-летию образования заповедника «Ольвия». Киев, 2001. С. 5–8.
97. Художні ремесла населення античних держав Північного Причорномор'я // Історія Української культури. Київ, 2001. Т. 1. С. 496–511. (В соавторстве с М. В. Скржинской).
98. Brief Information about Catastrophic Situation with Olbia Pontica // Ольвия и античный мир. Материалы международных научных чтений, посвященных 75-летию образования заповедника «Ольвия». Киев, 2001. С. 152–153.
99. Despre sanctuarele casnice de la Nordul Marii Negre // Interacademica. II–III. București, 2001. P. 103–108.

2002

100. Ботрос святилища Афродиты в Ольвии // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной конференции. СПб., 2002 Часть II. С. 24–29.
101. Взаимоотношения Ольвии и варваров в III–IV веках н.э. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы X международной конференции. Ростов-на-Дону, 2002. С. 122–126.
102. К вопросу о «закрытых комплексах» в археологии // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002. С. 105–107.
103. Краткие итоги работ на участке Р-25 в Ольвии в 2000-2001 годах // Археологічні відкриття в Україні у 2000-2001 рр. Київ, 2002. С. 140–152.
104. Ольвия, Тира и Бурбиста // Карпати в давнину. Матеріали Міжнародного симпозіуму. Carpatica-Carpatika. 2002 Вип. 15. С. 129–134.
105. Ямы-погребя позднерхаического времени из Ольвии // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции (16–22 сентября 2002 г.) Киев-Судак, 2002. С. 142–145.
106. О виноделии в Ольвии в первые века нашей эры // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002. С. 45–56. (В соавторстве с В. В. Крутиловым).
107. Охранные раскопки в южной части Нижнего города Ольвии в 2001 году (краткие итоги) // Археологічні відкриття в Україні у 2000-2001 рр. Київ, 2002. С. 152–155. (В соавторстве с А. В. Буйских, В. В. Крутиловым, Д. М. Хмелевским, А. И. Смирновым).
108. Наукові читання «Ольвія та античний світ» // Археологічні відкриття в Україні у 2000-2001 рр. Київ, 2002. С. 281–283. (В соавторстве с А. С. Русяевой).
109. The New Data on the Board of Agoranomoi in Olbia in the Roman time // Cites grecques, societies indigenes et empires mondiaux dans la region nord-ponitique: origines et developpement d'une koine politique, economique et culturelle (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.). Congres international. 14–16 novembre, 2002. Bordeaux, 2002. P. 206-210.

2003

110. Коллегия агораномов в Ольвии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 140–147.
111. Из истории позднеэллинистической Ольвии // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы X международной конференции. Ростов-на-Дону, 2003. С. 27–28. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким).
112. Работы Березанской (Нижнебугской) античной экспедиции в 2002 г. // Отчётная археологическая сессия за 2002 г. Тезисы докладов. СПб.,

- Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 33–35. (В соавторстве с Я. В. Доманским, Н. С. Бекетовой, К. К. Марченко, И. В. Осокиным).
113. Bronze Weights from Olbia // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A. N. Shcheglov on the occasion of his 70th birthday. Aarhus, 2003. P. 117–130.
114. Olbian Chora // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. I. P. 507–561. (В соавторстве с С. Д. Крыжицким и Н. А. Лейтунской).
115. Olbia // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. I. P. 389–465.

2004

116. Ольвия – музей под открытым небом. Научно-популярная брошюра. Николаев, 2004. 12 с.
117. Виноградарство, виноделие и виноторговля в Ольвии // Карпатика. 2004. Вип. 31. С. 193–201.
118. Изделия из стекла с поселения на о. Березань // *Borysthenika-2004*. Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э. Р. фон Штерном. Николаев, 2004. С. 31–34.
119. Коллегия агораномов в Ольвии // Боспорские исследования. Симферополь, Керчь, 2004. Вып. V. С. 127–141.
120. О некоторых проблемах хронологии и датировки многослойных памятников на примере античной Ольвии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной конференции. СПб., 2004. С. 67–75.
121. Ольвия во II–I вв. до н.э. (к постановке проблемы) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Киев, Судак, 2004. Часть I. С. 70–77.
122. Памятники античной археологии и туризм в Украине // Исторический и зелёный туризм в Восточном Крыму. Материалы научно-практической конференции. Керчь, 2004. С. 52–54.
123. Свинцовая пластина с сарматскими знаками из Ольвии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 205–208.
124. О металлургическом производстве в Ольвии (цветные металлы) // Палеоэкономика давнього населення України (IV тис. до н.е. – IV ст. н.е.). Киев, 2004. С. 66–87 (в соавторстве с В. И. Маничевым, В. В. Крутиловым).
125. О римском гарнизоне Ольвии в середине III в. // ВДИ. 2004. № 4. С. 166–178. (В соавторстве с В. М. Зубарем).
126. Охоронні роботи Ольвійської експедиції в центральній частині Верхнього міста Ольвії (ділянка Е) 2003 р. // Археологічні відкриття в Україні у 2002–2003 рр. Київ, 2004. С. 174–176. (В соавторстве с А. В. Буйских, В. В. Крутиловым, А. И. Смирновым).

127. Результати досліджень 2002–2003 рр. на ділянці Р-25 в Ольвії // Археологічні відкриття в Україні у 2002–2003 рр. Київ, 2004. С. 177–181. (В соавторстве с *А. В. Буйських*).
128. Эколого-геохимические исследования почвенных палеоэкосистем на примере археологических памятников Украины // Минералогический журнал. 2004. Том 26. № 2. Апрель–Июнь. С. 67–79. (В соавторстве с *В. И. Маничев, А. А. Высотенко*).
129. About the Sanctuary of Aphrodite of the Vth Century B.C. in Olbia // Aspects of Spiritual Life in South-East Europe from Prehistory to Middle Ages. International Symposium. Summeries. Iasi, 2004. P. 35–37.

2005

1304. К исторической топографии территории цитадели Ольвии Понтийской // Black Sea Area in the Hellenistic World System. Tbilisi, 2005. P. 54–56.
131. К проблеме сохранения и музеефикации земляных сооружений // Античный город: проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов. Материалы международного colloquium. Керчь, 2005. С. 44–45.
132. О соотношении письменных и археологических источников на примере Ольвии I в. до н.э. – III в.н.э. // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 186–192.
133. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ. № 1. 2005. С. 67–73. (В соавторстве с *П. Д. Диатроповым*).
134. Нижнеднепровские городища (к проблеме возникновения и развития) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Материалы VI Боспорских чтений. Керчь, 2005. С. 66–73. (В соавторстве с *Н. А. Гаврилюк*).
135. Нові результати досліджень на території Верхнього міста Ольвії // Древнее Причерноморье. VI чтения памяти профессора П. О. Карышковского. Материалы международной конференции. Одесса, 2005 С. 64–72. (В соавторстве с *А. В. Буйських*).
136. Римский военный диплом из Ольвии // Херсонесский сборник. Памяти М. И. Золотарёва. Севастополь, 2005. Выпуск XIV. С. 197–210. (В соавторстве с *А. И. Иванчиком*).
137. Problems of Chronology of the Late Hellenistic Strata in Olbia // Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400–100 BC. – Aarchus, University Press, 2005. P. 249–257.
138. An Inscription of Mithradates VI Eupator's Governor from Olbia // ACSS. 2005. Vol. 11. № 3–4. P. 167–180. (В соавторстве с *П. Д. Диатроповым*).

2006

139. Исследования последних лет в южной части Верхнего и Нижнего города Ольвии // ПОНТИКА–PONTICA–ПОНТИКА. International Confer-

- ence. Recent researches at the Northern Black Sea coast Greek colonies. 18.03.2006. Krakow, 2006. P. 2–3.
140. Новые данные о культе Афродиты в Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Москва, 2006. С. 188–198. – (Труды ГИМ. Вып. 159).
141. О застройке Ольвии в конце III–IV вв. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Окоз. Материалы VII Боспорских чтений. Керчь, 2006. С. 180–188.
142. Простая столовая посуда. Хозяйственная и кухонная керамика, лагиноссы, лутерии. Другие изделия из керамики. Весовые гири. Другие изделия из камня // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006. С. 181–191, 201–202, 204–205. – (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum. 2).
143. Исследования в юго-восточной части римской цитадели Ольвии (участок Р-25) в 2004–2005 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Київ, Запоріжжя, 2006. С. 230–237 (В соавторстве с А. В. Буйских).
144. Охранные работы на участках Л-1 и НГФ в Ольвии в 2004–2005 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Київ, Запоріжжя, 2006. С. 238–241. (В соавторстве с Д. Н. Хмелевским).
145. Amphorae of the IIIrd–IVth Centuries AD in Olbia Pontica // The International Round-Table Conference. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Batumi, Trabzon, 27th–29th April, 2006. List of Abstracts. P. 21–22.

2007

146. Вотивная свинцовая пластина из Ольвии с Гераклом и Никой // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Санкт-Петербург, 2007. С. 127–132.
147. Металлообрабатывающая мастерская в Ольвии и ее связь со святилищем Афродиты // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Материалы VIII Боспорских чтений. Керчь, 2007. С. 188–194.
148. О концепции музеефикации античной Ольвии // Античный город: проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов. Материалы II международного colloquium. Керчь, 2007. С. 24–26.
149. Ольвия и её роль в эллинизации населения Побужья и Поднепровья // Античный мир и варвары. Ольвия, Скифия, Боспор. Москва, Киев, Запорожье, 2007. С. 5–17.
150. Ольвия, Тира и готы в III–IV веках н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы XII международной конференции. Ростов-на-Дону, 2007. С. 84–87.
151. Постскифские городища Нижнего Поднепровья и Ольвия // Древности Северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 2007. С. 52–65. (В соавторстве с Н. А. Гаврилюк). – (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 4).

152. Римский военный диплом 157 г., выданный матросу Флавиева Мезийского флота // Древности Северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 2007. С. 66–83. (В соавторстве с *А. И. Иванчицом*). – (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 4).
153. Сіроглиняна кераміка Ольвії VI–V ст. до н.е. // Археологія. 2007. № 1. С. 98–106.
154. Античні держави Північного Причорномор'я // Україна – хронологія розвитку з давніх часів до пізньої античності. Київ, 2007. С. 352–459. (В соавторстве с *С. Д. Крыжициком* и *В. М. Зубарем*).
155. Olbia and the Barbarians from the First to the Fourth Century AD // Classical Olbia and the Scythian Word. Oxford, 2007. P. 161–172. – (Proceedings of the British Academy. Vol. 142).
156. Olbia Pontica in the III–IV centuries A. D. // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Oxford, 2007. P. 591–626.
157. Lower Dnieper settlements and the Influence of Greek Culture (IInd century B.C. – IInd century A.D.) // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Oxford, 2007. P. 563–590. (В соавторстве с *Н. А Гаврилюк*).
158. Nouvelles données sur le collége des agoranomes d'Olbia à l' époque romaine // Une Koiné Pontique. Cités Grecques, Sociétés indigenes et Empires Mondiaux sur le littoral Nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.). Bordeaux, 2007. P. 111–123. (В соавторстве с *А. И. Иванчицом*).

2008

159. Домашние святилища конца 2 – первой трети 3 в. н.э. в Ольвии и Тире // Этнические, демографические и духовные взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху, византийский период и средневековье. 11 Заседание Совместной Комиссии по исследованию в области истории, археологии, этнографии и фольклора НАН Украины и Румынской АН (22–27 сентября 2008 г., Симферополь). Тезисы. Симферополь, 2008. С. 26–30.
160. Исследования последних лет в южной части Верхнего и Нижнего города Ольвии // Понтика 2006. Новейшие исследования греческих колоний Северного Причерноморья. Краков, 2008. С. 95–110.
161. О разгроме Тиря в первой половине III в. н.э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 2008. Выпуск VIII. С. 191–198.
162. О финальном этапе истории Ольвии // Наукові праці. Науково-методичний журнал. Миколаїв, 2008. С. 76–78. – (Серія «Історичні науки». Спецвипуск. Т. 96, Вип. 83).
163. Оборонительные сооружения II–III вв. н.э. в юго-восточной части Ольвии // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008. С. 139–146.
164. Ольвия Понтийская // *Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец*. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Том III. Северное Причерноморье – пространство взаимодействия цивилизаций. М., 2008. С. 505–516.
165. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008. С. 73–81. (В соавторстве с *К. Домжальским*).

166. Проблеми збереження археологічного надбання України в умовах глобалізації // *Духовність українства ХХІ століття*. VIII Всеукраїнська науково-практична конференція. Кіровоград, 2008. *
167. Olbia Pontica in the 3rd-4th Centuries AD. Late Antiquity or Post Antiquity? // *Pontika 2008: Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times*. International Colloquium at the Institute of Archaeology Jagiellonian University, Cracow 21–26 April 2008. Abstracts. Cracow, 2008. P. 44.
168. The Problems of Comparative Analyses of Grey Ware from Forest-Steppe and Classical States of the North-West Black Sea Littoral in Early Iron Age // *Pontic Grey Wares*. International Conference. Bucurest, Constantza, 2008. * (В соавторстве с *М. Н. Дараган*).
169. Late Hellenistic Red Slip Ware in Olbia // *Pottery, Peoples and Places: Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery*. International Conference. 27–29 November, 2008. Program, Participants list, Abstracts, Abstract illustrations. 2008. P. 45.
170. Trading Connections of Olbia Pontica in the 1st – 4th Centuries A.D. // *Omăgiu lui Gavrița Simion la a 80-a aniversare*. Constantza, 2008. P. 201–204.

2009

171. Мраморная статуэтка Афродиты из Ольвии // *Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира*. СПб., 2009. С. 381–384.
172. О позднеэллинистической краснолаковой керамике из Ольвии (по материалам участка НГС) // *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*. XV. Збірник наукових праць. Матеріали конференції «Проблеми скифо-сарматської археології Північного Причорномор'я (До 110-річчя з дня народження Б. М. Гракова)». Запоріжжя, 2009. С. 76–79.
173. О природном разрушении южной части Верхнего города Ольвии и перспективах ее исследования // *X Боспорские чтения*. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 233–239.
174. Об общей характеристике и археологическом контексте надписей Ольвии // *Ольвийские древности*. Сборник научных трудов памяти В. М. Отрешко (1949–1999). Киев, 2009. С. 281–284.
175. Тира, Ольвия и варвары в III в. н.э. // *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время*. Ростов-на-Дону, 2009. С. 196–205. С. 196–205.
176. Ceramics from Sinope in Olbia Pontica // *Sinope*. The results of Fifteen years of researches. Abstracts. Sinope, 2009. P. 58.
177. Local Grey Ceramics of the VI–Vth centuries BC in Olbia // *Il Mar Nero*. 2004/2006. T. VI. P. 97–117.
178. Les inscriptions d'Olbia du Pont. Caracteristiques generales et contexte archeologique // *Etudes anciennes* 42. Le grec du monde colonial antique. I. Le N. et N.-O. de la Mer Noire. Actes de la Table Ronde de Nancy 28-29 septembre 2007. Ed. *Guy Vottero*. Paris, 2009. P. 67–80.
179. Grey Table Ware from Late Archaic – Early Classical Complexes of the Central Quarter of Olbia Pontica // *PONTICA*.–XLII. Supplementum I. Pon-

tic Grey Wares. Constantza, 2009. P. 67–76. (В соавторстве с *Н. А. Лейпунской*).

2010

180. The Lower City of Olbia (sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. Ed. by *N. A. Lejpunskaja, P. Guldager Bilde, Ja. Munk Højte, V. V. Krapivina, S. D. Kryzickij*. Aarhus, 2010. Vol. 1, 2. – (BBS 13).
181. О металлообработке и гончарстве в Ольвии в конце 3–4 вв. н.э. // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы. Керчь, 2010. С. 232–239.
182. О святилищах Афродиты в Ольвии // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VII Международной научной конференции. 28–29 октября 2010 г. Харьков, 2010. С. 43–44.
183. Опыт музеефикации архитектурно-строительных комплексов в Ольвии (на примере участка Р-25) // Боспорские исследования. XXIV. Керчь, 2010. С. 332–354.
184. Новые находки на участке Северный мыс 1 некрополя Ольвии // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, Луцьк, 2010. С. 235–237. (В соавторстве с *А. В. Ивченко*).
185. Основные итоги работ на участке Р-25 в Ольвии в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Москва, 2010. Выпуск 1. С. 108–117. (В соавторстве с *А. В. Буйских*).
186. Дослідження південної частини Верхнього міста Ольвії 2009 року // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, Луцьк, 2010. С. 232–234. (В соавторстве с *А. В. Буйских, Д. М. Хмелевским*).
187. Amphorae of the 3rd–4th Centuries A.D. in Olbia Pontica // PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006. Paris, 2010. P. 69–73. Pl. 37–39.
188. Home Sanctuaries in the Northern Black Sea Littoral // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Ed. by *E. Petropoulos and A. Maslennikov*. Thessaloniki, 2010. P. 127–147, 155–164.
189. New Data on the Significance of the Cult of Aphrodite in Olbia Pontica // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Ed. by *E. Petropoulos and A. Maslennikov*. Thessaloniki, 2010. P. 148–154, 165–170.

2011

190. Два домашних святилища римского времени в Ольвии и Тире // Древнее Причерноморье. Одесса, 2011. Вып. IX. С. 220–226.

191. Методика полевых археологических исследований античных памятников (на примере Ольвии Понтийской) // Методика полевых археологических исследований. Выпуск 4. Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. М., 2011. С. 71–90.
192. О предметах с сарматскими знаками из Ольвии // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 199–203.
193. Об этническом составе населения Ольвии в первые века н.э. (к проблеме корреляции данных археологии и лингвистики) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 485–492.
194. Новый производственный комплекс позднеархаического времени из Ольвии // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 204–210. (В соавторстве с А. В. Буйских).
195. Дослідження ділянки Р-25 в Ольвії 2008 року // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. Київ, 2011. С. 162–164. (В соавторстве с А. В. Буйских).
196. Дослідження ділянки Р-25 в Ольвії 2010 року // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Полтава, 2011. С. 202–203. (В соавторстве с А. В. Буйских).
197. Ceramics from Sinope in Olbia Pontica // ACSS. 2011. Vol. 16, № 1–2. P. 467–477.
198. Grey Ware in Olbia and in the Settlements of the Chernyakhov Culture in the Lower Bug Region. Current State of Research and Possibilities for Further Investigations // Drehscheibentöpferei im Barbaricum. Technologietransfer und Professionalisierung eines Handwerks am Rande des Römischen Imperiums // Bonner Beiträge. 13. Eds. Ja. Bemann, M. Hegewisch, M. Meyer, M. Schmauder. Bonn, 2011. S. 417–428. (В соавторстве с E. Schultze).
199. Olbia Pontica and its Role in Hellenization of the Region of Lower Bug and Lower Dnieper // Russia and the Mediterranean. Proceedings of the First International Conference (Athens, 19–22 May 2005). Eds. O. Katsiard-Hering, A. Kolia-Dermitzaki, K. Gardikas. Athens, 2011. Volume I. P. 63–81.
200. Olbia Pontica in the 3rd–4th Centuries AD. Late Antiquity or Post Antiquity? // Pontica 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st–26th. April 2008. Eds. E. Papuci-Władyka, M. Vickers, Ja. Bodzek, D. Braund. Krakow. Oxford, 2011. P. 203–209.
201. The Population of Olbia Pontica in the First Centuries AD. The Ethnic Problem // Antiquites istro-pontica: Melanges d'histoire ancienne offerts a Alexandru Suceveanu. Eds. M. V. Angelescu, I. Achim, A. Baltac, V. Rusu-Bolindet, V. Bottez. Cluj-Napoca, 2011. P. 59–69.

2012

202. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // Боспорские исследования. 2012. XXVI. С. 182–217.
203. О находке двух мраморных скульптур в Ольвии в 2010 году // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VIII Международной научной конференции. Харьков, 2012. С. 40.
204. Ольвия Понтийская и варвары в I–IV вв. н.э. // Карпатика. 2012. Вип. 40. С. 91–123.
205. Планировочная структура Ольвии первых вв. н.э. // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 225–232.
206. Три мраморные статуэтки Афродиты из Ольвии // Древности Боспора. 2012. № 16. С. 239–246.
207. Дослідження ділянки Р-25 в Ольвії // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. Луцьк, 2012. С. 325–326. (В соавторстве с А. В. Буїських).
208. Olbia Pontica. The Main Results of Investigations (2006–2010) // Etudes pontiques. Histoire, historiographie et sites archeologiques du bassin de la mer Noire Ed. P. Burgunder 2012. P. 261–278. – (Etudes de lettres. 1–2).

2013

209. Позднеантичный период истории Ольвии Понтийской // ВДИ. 2013. № 1. С. 77–94.
210. О торговле Ольвии в первые века н.э. (по данным амфорной тары) // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. Материалы международной конференции. СПб., 2013. С. 60–64.

На июнь 2013 г. в печати находятся ещё 26 работ В. В. Крапивинной.

Пиа Гулдагер Билде (1961–2013)

Памяти Пиа Гулдагер Билде

Весть о смерти Пиа Гулдагер Билде пришла в Петербург холодным и тусклым январским днём, сразу после Рождественских каникул. Мы знали, что Пиа долгие годы с необычайным мужеством и терпением боролась с тяжелой болезнью, но всё же не сразу смогли принять это известие.

О научных достижениях Пиа Гулдагер Билде, о её творческом пути и вкладе в развитие античной истории и археологии наверное, гораздо лучше напишут её датские друзья и коллеги. То, что она успела сделать в своей жизни, оценка её творчества, её научной дея-

тельности, конечно же, заслуживает серьезного, подробного и тщательно подготовленного биографического исследования. Нет сомнений, что такое исследование будет со временем написано. Здесь же мы просто хотим отдать скромную дань любви и памяти этому замечательному человеку, чей уход всегда будет осознаваться нами как огромная утрата.

Пи́а знали и любили многие. Прекрасные черты её характера, активная жизненная позиция, широта души и натуры, ум, деликатность, искренний интерес и теплота в отношении с окружающими и общее, какое-то особое, лишь ей присущее обаяние привлекали к ней наши сердца. Это обаяние чувствовали все, кто с ней общался – в течение долгих лет или же нескольких минут.

Профессиональные интересы связывали Пи́а с ИИМК РАН, где мы с ней и познакомились, когда она впервые пришла в наш Отдел для работы над материалами Тарханкутской археологической экспедиции. Пи́а высоко ценила работы Александра Николаевича Щеглова в Северо-Западном Крыму и их значение для понимания древней истории Северного Причерноморья. Связи с Петербургом и его научным миром расширились, когда Пи́а стала директором «Центра изучения Северного Причерноморья» (Centre for Black Sea Studies) Университета г. Орхус (Дания). «Центр», просуществовавший менее 10 лет (2002–2010), внёс огромный вклад в изучение античной археологии Понтийского региона. Сотрудники, привлеченные Пи́а (среди них были как сложившиеся учёные, так и перспективные молодые исследователи из разных стран, в том числе из России и Украины) и работавшие над научными проектами, составляли уникальный коллектив, трудившийся с большим энтузиазмом и «отдачей». Душой центра, конечно же, была Пи́а. Её энергия, азарт, одарённость, профессионализм, сочетание логики и интуиции при постановке научных задач делали её прекрасным руководителем, способным не только генерировать идеи, но и успешно претворять их в жизнь. Отдельно следует сказать о серии публикаций «Центра» – Black Sea Studies, первый том которой, сборник статей под общим названием «Котёл Арианта», вышел в свет в 2003 г. и был посвящён 70-летию юбилею А. Н. Щеглова. К настоящему времени опубликованы 14 томов этого издания. Среди различных направлений деятельности «Центра», включавшей археологические раскопки, проведение научных конференций, «круглых столов», семинаров, отметим лишь некоторые, наиболее близкие и интересные для нас, исследователей, живущих и работающих на территории бывшего СССР. В их числе – начавшийся в 2003 г. проект по исследованию Ольвии (участок НГС), выполнявшийся совместно с украинскими учеными и завершившийся двухтомным изданием «The Lower City of Olbia (sec-

tor NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD» (BSS. 1910.Vol. 13).

В 2007–2008 гг. «Центр» совместно с другими зарубежными научными учреждениями, в числе которых был Крымский филиал Института археологии НАН Украины, начал успешно работать над комплексным Джарылгачским проектом на территории Западного Крыма.

Заседание оргкомитета по случаю закрытия Боспорского феномена 2007 г. Слева направо: *В. Ю. Зуев, В. А. Христановский, С. В. Кашаев, М. Ю. Вахтина, П. Гулдагер Билде, О. Ю. Соколова, С. Хандберг.* Санкт-Петербург. Фото *В. Ю. Зуева*

В 2007 г. Пиа и «Центр» выступили нашими соорганизаторами в деле подготовки и проведения научной конференции «Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок», о чём мы всегда вспоминаем с чувством особой теплоты и благодарности. Работать с Пиа было хорошо и интересно – ей было присуще редкое сочетание талантливости и трудолюбия, серьёзного, ответственного отношения к работе и лёгкости общения. В день открытия конференции Пиа организовала прием в Датском Культурном Центре Петербурга, позаботилась о том, чтобы было запасено достойное участников конференции угощение и очень волновалась – ей всё время казалось, что мы плохо информировали участников о назначенном мероприятии, что, возможно, на приёме будет малоллюдно, что никто не придёт... Конечно же, пришли все, и Пиа была очень рада, была радушной хозяйкой, такой, какой бывала у себя дома – она любила приглашать гостей и умела их принять.

К сожалению, в 2010 г. «Центр» был вынужден прекратить свою деятельность, так как не получил необходимого государственного финансирования для дальнейшего развития. Известие о его закрытии вызвало у всех нас чувство глубочайшего недоумения и сожаления, буквально потрясло. Пиа, стойко борováшаяся за возобновление исследований «Центра», продолжала работать в Университете г. Орхуса. Она планировала новые, интересные проекты и направления работы, включавшие, как всегда, широкое международное сотрудничество... Среди этих планов была и небольшая, «домашняя» конференция под рабочим названием «Жизнь после жизни», которую предполагалось организовать и провести совместно с Отделом античной культуры ИИМК РАН. Мы собирались обсудить сложный круг вопросов и попытаться хотя бы отчасти понять, как древние греки и римляне представляли себе этот важный рубеж – переход между нашим и иным миром, что же в их понимании происходило с человеческой душой после окончания физического бытия. Мы наметили сроки, список приглашённых докладчиков... Плану этому не суждено было осуществиться, и сейчас мне видится в этом что-то символическое...

Пиа Гулдагер Билде покинула наш мир 10 января 2013 года. 18 января родные и друзья простились с ней в часовне Западного кладбища городка Силкеборд. Мы будем помнить её, думать о ней с любовью и благодарностью.

М. Ю. Вахтина

Борис Ильич Бабич (1954–2013)

Слово о Борисе Ильиче Бабиче

В жизни археологов происходит немало встреч с самыми разнообразными людьми, чему в немалой степени способствуют обстоятельства нашей кочевой жизни. Но есть встречи особого рода, без которых своё последующее существование на земле уже невозможно представить. Для меня и для многих других петербуржцев (ленинградцев), принимавших участие в раскопках под Керчью, именно такой была встреча с Борисом Ильичом Бабичем. Эта встреча произошла 30 лет назад и как-то очень быстро переросла в прочную дружбу.

Наши сердца буквально сжались от боли, когда мы узнали, что 10 февраля 2013 г. он скончался в Москве от обширного инфаркта, скончался страшно рано, не дожив даже до пенсионного возраста.

Борис был на четыре года младше меня, он родился 24 июля 1954 г. Родился, конечно, в Керчи, и я уверен, что другого места для такого события просто невозможно вообразить. Для всех нас он был олицетворением Керчи, лучших сторон характера жителей этого по-

лустепного-полуморского города. Яркий, как солнечный керченский день, буквально брызжащий энтузиазмом, щедро рассыпающий жемчужины удивительных керченских баек, порой уморительно смешных, порой горько-солёных, как волна Керченского пролива, – таким он был человеком. Да, теперь уже был...

Как мы со временем узнали, предки Бориса были родом из Греции и перебрались в Керчь в конце XVIII в. Питая к ним большое уважение, он порой прибавлял к своей фамилии приставку Мариники, и это по-своему отражает его характер, его понимание своего места на земле, своего положения среди других людей. Бабич-Мариники обожал Грецию и то великое культурное наследие, которое Эллада даровала всему миру. Эта любовь, правда, иногда проявлялась в весьма своеобразной форме. К примеру, по случаю Нового года или какого-нибудь другого праздника он мог прислать открытку, написанную по-русски, но греческими буквами. Получив такое послание впервые, я долго терялся в догадках, что бы это могло значить, но потом понял, что Борис имеет на это полное право, эта шутка для него абсолютно органична.

Вспомним старую, но очень верную сентенцию об универсальной художественной одарённости древних эллинов. В этом отношении Борис был их достойным наследником. Ещё ребёнком он начал заниматься в изостудии Дома пионеров г. Керчи, интересуясь античной скульптурой и мозаиками. Совсем в юном возрасте ему посчастливилось поработать на раскопках Мирмекия под руководством В. Ф. Гайдукевича. С этого момента Борис проявил тягу к занятиям археологией, и, казалось бы, сама судьба готовила для него путь археолога-антиковеда. Однако в жизни любого человека случаются удивительные повороты. Такой поворот случился и в жизни Бориса Ильича, – он стал студентом Московского полиграфического института. Закончив обучение, Борис работал мастером наборного цеха Центральной типографии г. Кишинёва (1977–1983 гг.). Там он стал участником студии С. А. Одайника. Очевидно, именно в Кишинёве в полной мере окреп его талант как оригинального художника в области росписи фарфора, а также в сфере мозаичных композиций. Надо признать, что на этом поприще Борис с годами достиг очень высокого уровня мастерства.

Борис Ильич любил Петербург и неоднократно бывал в нашем городе. Прогуливаясь со мной по петербургским улицам и переулкам, он уделял внимание не только признанным архитектурным шедеврам, но и с огромным интересом рассматривал мозаики, украшающие фасады некоторых домов. Его оценки этих произведений были в высшей степени любопытны. О некоторых мозаиках он отзывался не очень лестно, – «и я сделал бы не хуже». Рядом с другими не скрывал своего восхищения. К примеру, относительно мозаичных

картин Спаса-на-Крови он непременно замечал: «Мне так не сделать». Эти слова – дань глубочайшего уважения к великим российским художникам. Да, Борис умел ценить чужой талант и не завидовал успехам других людей.

Вернувшись в Керчь в 1983 г., он стал трудиться начальником цеха деколи на Керченском металлургическом комбинате им. П. Л. Войкова. Эти деколи, надо признать, придавали, казалось бы, обычной бытовой посуде вид настоящих произведений искусства. Я уж не говорю о копиях античных сосудов, к примеру, чернофигурных лекифов, которые можно назвать в своём роде шедеврами. Эти лекифы непременно с удовольствием покупали все приезжающие в Керчь и, конечно, не только археологи.

Именно в этом, 1983 году произошла наша первая встреча. Борис появился на городище Мирмекий, где тогда работал отряд Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), перед собой он катил коляску со своим малюткой-сыном Павликом. В сообщество питерских археологов он вошёл очень легко, буквально очаровав нас своими рассказами о прошлом Керчи, об удивительных судьбах некоторых керчан и т.п. «Человек-гора» – так почти с восторгом мы о нём стали отзываться. В данном случае имелась в виду не только монументальность его фигуры, что само по себе верно, но и безусловный масштаб личности.

Вскоре на Мирмекии появилась и жена Бориса Ильича, Ольга Павловна Бабич, тогда служившая в Керченском историко-археологическом заповеднике. Она, так сказать, была нашим куратором, осуществляя непосредственную связь петербургских и керченских археологов. Без всякого преувеличения можно сказать, что с семьёй Б. И. Бабича у мирмекийцев сложились очень прочные, дружеские связи.

Он был душой керченских краеведов, и знать о городе и окрестностях больше, чем знал Борис, по-моему, просто невозможно. Ему явно хотелось, чтобы все его окружавшие понимали и любили город Керчь так же, как он сам. Всем своим существом Борис Ильич болел за сохранение старой Керчи, керченской самобытности, керченского духа. За это он вёл бескомпромиссную борьбу всю свою жизнь. Но и этого мало! В 1983–89 гг Борис руководил греческим клубом «Ларус», а с 1989 по 2007 гг. являлся председателем Керченского греческого культурно-просветительского общества. Мы порой подшучивали над ним: «Боря, ну посмотри на себя! Какой ты грек? Ты стопроцентный хохол!». Он глядел на нас своими огромными, грустными глазами и говорил со всеми чарующими украинскими интонациями: «Да грек я, грек...».

Борис Ильич, как я уже говорил, не был археологом, но для боспорской археологии он сделал не меньше, чем некоторые специа-

листы в этой области, я уж не говорю о чиновниках от культуры. Он организовал восемь археологических сезонов на раскопках античных памятников Восточного Крыма. На раскопки привлекались обычные керченские ребята, порой даже так называемые трудные. Некоторые из них стали профессиональными археологами и теперь уже ведут самостоятельные исследования. Бог знает, от каких бед спас их этот человек!

Всем своим существом Борис Ильич боролся за сохранение античных руин Восточного Крыма. Приходя на Мирмекий, он непременно заботился, чтобы обнаруженные во время раскопок завальные камни складировались отдельно. Их он намеревался использовать при будущих реставрационных работах на городище. Увы, организовать эти работы на профессиональном уровне так и не удалось. Ничего не получилось и с проведением раскопок на Змеином мысу, о которых так мечтал Борис. На этом мысу, расположенном совсем недалеко от Мирмекия, чуть севернее от него, сохранились кой-какие античные остатки, но со времён Императорской археологической комиссии никаких археологических исследований там не предпринималось. Наш отряд был готов помочь Борису, выделить часть сил, обеспечить профессиональное руководство и т.д. На пути реализации этого проекта стеной встали крымские чиновники. Лучше не вспоминать, какими нелестными эпитетами награждал их потом Борис Ильич!

Для Мирмекийского отряда он тоже сделал очень многое. Приезжая на городище, мы неоднократно узнавали о постигшей нас неприятности – всё оборудование (лопаты, столы, скамейки, колья для палаток и пр.), хранившееся в каком-нибудь сарайчике, разграблено, сам сарайчик сожжён, а, значит, нам придётся всё начинать по существу с пустого места. Нет, не всё, ибо на помощь к нам непременно приходил Борис Ильич! Он бегал по кабинетам различных начальников, объяснял важность археологических раскопок в Керчи и просил, просил, просил... Кое-что ему удавалось получить, и наши потери уже не казались столь страшными.

Никогда не забуду, как он приходил на Мирмекий с ведрами спелых персиков, высыпал их на стол и наблюдал, как не очень сытые археологи буквально набрасывались на это крымское лакомство. Довольная улыбка тогда долго не сходила с его лица. Он вообще любил делать добро, приносить людям радость.

Перестроечное и особенно постперестроечное лихолетье Борис Ильич переживал очень тяжело. Развал Советского Союза для него, как и для многих других, стал огромной личной трагедией. Керченские деколи оказались никому не нужны, но Борис не терял надежды продолжить свою творческую деятельность и перебрался в Москву, где пытался реализовать мечту о производстве художест-

венной посуды. Что-то у него получалось, что-то нет... Жить в огромном мегаполисе, вдали от семьи, вдали от любимой Керчи, конечно, было очень и очень непросто. Здесь у него случился инсульт, но Борис сумел побороть этот страшный недуг (во всяком случае, он заставил в это поверить себя и других) и опять рвался к работе.

Там, в Москве я видел его последний раз, и произошло это в апреле 2012 г. Наш друг стремился показать, что ничего особенного в его жизни не произошло, что он по-прежнему полон сил и энергии. Однако, было заметно, что от былой «шаровой молнии» почти ничего не осталось. Борис быстро утомлялся, хотя всеми силами пытался скрыть это, его обычные рассказы стали сбивчивыми, прежнего весёлого задора в них почти не осталось.

Последним его подарком для археологического сообщества стали кружечки, изготовленные им к конференции «Боспорский феномен» 2011 г. На этих кружечках были золотом нанесены имена всех специалистов, ведущих раскопки на берегах Керченского пролива. На вручённом мне экземпляре я нашёл своё имя, пытался найти имя Б.И. Бабича, но напрасно...

Тело Бориса Ильича было перевезено в Керчь. Иначе быть просто не могло! 15 февраля его отпели в церкви Иоанна Предтечи, в реставрации которой он когда-то принимал участие, а затем похоронили на новом кладбище между Капканами и Опасным, возле Турецкой крепости. Брат Бориса Ильича, Пётр Ильич Бабич, в своём письме ко мне от 10 марта 2013 г. описал это событие следующими словами: «Могилу высекали три дня в известняке, получилась как склеп, на вершине горы. Вокруг видно море. Когда мы его засыпали его любимыми камнями, вышло солнце, и заахали, запричитали, заплакали альбатросы. Сама природа прощалась с Великим Руссом – Бориславом».

Да, мы потеряли выдающегося человека, Человека с большой буквы! Без него наш мир стал ещё менее позитивным, ещё менее ярким, ещё менее добрым.

Ю. А. Виноградов

*Дмитрий Алексеевич Мачинский (1937–2012)
Старая Ладога. 2007 г. Фотография Н. Ю. Смирнова*

Памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского

Летом 1982 года в адыгейском ауле Уляп, где базировалась Кавказская археологическая экспедиция, от Феликса Балонова я узнал, что в нашем Университете на историческом факультете Дмитрий Алексеевич Мачинский читает спецкурс, посвященный скифо-сарматскому искусству. Заинтересовавшись, уже в следующем учебном году я стал его «вольнослушателем». Мне, как, думаю, и многим другим, присутствовавшим на его занятиях, запомнились полутёмная аудитория, диапроектор и негромкая речь Дмитрия Алексеевича с

неповторимым вопросительно-утвердительным «да?» в конце фразы. Известные произведения скифо-сарматского искусства в его рассказах раскрывали свой, скрытый от непосвященного в тайны мифоритуального сознания, дополнительный смысл, свою семантику. Благодаря этому спецкурсу разгадка смысла, зашифрованного в древних произведениях искусства или – шире – в археологических памятниках, в археологическом контексте, стала и для меня увлекательнейшим занятием на всю жизнь.

Учеников у Дмитрия Алексеевича было много. Вряд ли он запомнил великовозрастного «вольнотрушателя» одного из своих спецкурсов. Но через 15 лет пути наши вновь пересеклись. В декабре 1998 года на первом «Боспорском феномене». Дмитрий Алексеевич оказался в числе двух десятков участников конференции. Может быть, его привлекло своей тогдашней новизной название – «Боспорское царство как историко-культурный феномен». Может быть, что-нибудь другое... Этого мы уже не узнаем.

По общим воспоминаниям та, первая конференция, удалась. Удалась, наверное, редким сочетанием достаточно высокого научного уровня, дружеской доброжелательной атмосферы и какой-то лёгкости и веселья от общей бедности – после дефолта прошло всего четыре месяца. Скромнен был и товарищеский ужин, который уж никак не тянул на «банкет» в традиционном и привычном смысле этого слова. Лакомством, пользовавшимся наибольшим успехом, оказались придуманные (и изготовленные) Наташей Молевой бутерброды: черный хлеб с солеными огурцами. Под водку они шли «на ура». Первые произнесённые тосты и первые выпитые рюмки были, естественно, связаны с прошедшей конференцией, подведением её итогов, пожеланиями продолжить это успешное начинание... И вдруг, воспользовавшись паузой, Дмитрий Алексеевич берёт слово и начинает каяться перед единственным иностранным участником – Кршиштофом Домжальским за свое (и наше) Отечество: участие России в разделе Польши. Это было совершенно неожиданно. Все замерли. Кршиштоф в ответ на эмоциональное выступление Дмитрия Алексеевича очень спокойно сказал, что всё было сделано в рамках геополитики того (и не только того) времени и каяться-то, собственно, не в чем... Не суть диалога важна в этой истории. Она запомнилась самим поступком Дмитрия Алексеевича, его порывом, замешанным на обострённой совестливости и готовности взять на себя если не все «грехи мира», то своего далеко небезгрешного отечества.

После этого мы сблизились с Дмитрием Алексеевичем, а со временем, посмею сказать, подружились. При том, что у него была своя ежегодная конференция в Старой Ладоге, он стал активным сторонником, пропагандистом, автором и участником всех последовавших «Боспорских феноменов», вплоть до предпоследнего – в но-

ябре 2011 года. Многие проблемы, так или иначе связанные с проведением этих конференций, изданием их материалов, публикациями его «подшефных» авторов, часто и подолгу обсуждались по телефону. Но не только они.

Дмитрий Алексеевич болезненно остро переживал все происходившее в стране в первое десятилетие XXI века. Наметившиеся тенденции не прибавляли ему оптимизма. И все-таки, как кажется, в его злых, афористически точных определениях и характеристиках нашего общества таилась надежда на перемены. Перемены к лучшему, которых он, увы, не дождался...

После завершения одного из последних «Боспорских феноменов», кажется, VIII, «товарищеский ужин» был заказан в небольшом китайском ресторане на 1-й линии, у Тучкова моста. Как это бывает, участником банкета оказалось несколько больше, чем участников конференции. Один именитый коллега, считая, что он имеет больше прав, попросил гостью – реставратора из Киева, освободить ему место за праздничным столом. Та в слезах устремилась к выходу. Дмитрий Алексеевич, который оказался свидетелем этой сцены, рванулся за ней. Я – следом за ними. Общими усилиями, уже на улице, на углу 1-й линии и Среднего проспекта, гостью удалось догнать, уговорить вернуться. И место нашлось, и питья хватило, и закуски... Для немолодого уже человека с очень больным сердцем – поступок немного странный. Но не среагировать на оскорбление, нанесённое женщине, не попытаться немедленно исправить ситуацию Дмитрий Алексеевич не мог.

Как мне кажется, он жил по законам своей совести, взыскательно предъявляя счёт окружающим людям, современному обществу, существующей власти. Называл вещи своими именами, давал хлёсткие, нелицеприятные оценки, не думая о последствиях. Поддавшись эмоциям, он мог быть пристрастен, даже несправедлив. Но как мало сегодня людей, которые сохраняют представление о том «что такое хорошо и что такое плохо», имеют свои принципы, следуют или по крайней мере стараются следовать им в жизни.

С уходом Дмитрия Алексеевича их стало ещё меньше.

В. А. Хрищановский

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
- АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- АДЖ – М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914. Т. 1.
- АИБ – Археология и история Боспора. Керчь.
- АО – Археологические открытия. М.
- АМА – Античный мир и археология. Саратов.
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
- АСХ – Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.
- БИ – Боспорские исследования, Симферополь, Керчь.
- БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник.
- БС – Боспорский сборник, М.
- БФ – Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции. СПб.
- БЧ – Боспорские чтения. Керчь.
- ВАП – Вопросы археологии Поволжья. Самара.
- ВВ – Византийский временник. М.
- ВИ – Вопросы истории.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ВРГНФ – Вестник Российского гуманитарного научного фонда.
- ГЭ – Государственный Эрмитаж.
- ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
- ДБ – Древности Боспора. Международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.
- ДБК – Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. СПб. 1854.
- ДД – Донские древности. Азов.
- ДП – Древнее Причерноморье. Одесса.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
- ЗОАО – Записки Одесского археологического общества.
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
- ИА – Институт археологии.
- ИАК – Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб.
- ИАДК – История и археология древнего Крыма.
- ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
- ИАИЯЛИ – Известия Абхазского института языка, литературы и истории.
- ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
- ИРАИМК – Известия Российской Академии истории материальной культуры.
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.

- КБН – Корпус боспорских надписей. Л., 1965.
- КБН-Альбом – Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. Под ред. А. К. Гаврилова. СПб., 2004.
- КИКЗ – Керченский историко-культурный музей-заповедник.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.; Л.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
- МАК – Материалы по археологии Кавказа.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
- МИС 1 – *Б. Н. Граков*. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
- МОБЧМ – Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону.
- НА ИА РАН – Научный архив Института археологии РАН.
- НАА – Народы Азии и Африки. М.
- НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
- НАИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии Наук.
- НВА ГИМ – Научно-ведомственный архив Государственного исторического музея.
- НАМА – Национальный археологический музей в Афинах.
- НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический».
- НМИУ – Национальный музей истории Украины. Киев.
- НЭ – Новости эпиграфики. М.
- ОАК – Отчёт Императорской археологической комиссии СПб.
- ОГАМ – Одесский Государственный археологический музей.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва, Магнитогорск, Новосибирск.
- ПССА – Проблемы скифо-сарматской археологии. Запорожье.
- РА – Российская археология.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
- СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
- СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
- СЭ – Советская этнография. М.
- ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
- ТС – Таманская старина. СПб.
- ХСб – Херсонесский сборник. Севастополь.
- ΑΑΑ – Αρχαιολογικά Ανάλεκτα ἐξ Αθηνών / Athens Annals of Archaeology.
- ΑΑη – Archäologischer Anzeiger des Deutsches Archäologisches Institut. Berlin.
- ΑJA – American Journal of Archaeology.
- ΑJP – American Journal of Philology.

- AP – Anthologia Palatina.
- ATL 1 – *B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor*. The Athenian Tribute Lists. Cambridge, 1939. Vol. 1; Princeton, 1946. Vol. 2.
- BAR – British Archaeological Reports. Oxford.
- BCH – Bulletin de correspondance hellénique.
- BSA – The British School at Athens.
- CMRS – Cahiers du monde Russe et Soviétique.
- CRAI – Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
- CVA – Corpus vasorum antiquorum. Russia. The Pushkin State Museum of Fine Arts. Moscow, 1996.
- EA – Eurasia Antiqua. Berlin.
- ID – Inscriptions de Délos.
- IG – Inscriptiones Graecae.
- IPE – *B. Latyshev*. Inscriptiones antiquae orae septentrionales Pontii Euxini Graecae et Latinae. Petropoli. 1885–1916. Vol. I, I², II, IV.
- JDI – Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.
- JGS – Journal of Glass Studies.
- LGPN – A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by *P. M. Fraser & E. Matthews*. Oxf., 1987–2010. Vol. I–V A.
- LIMC – Lexicon Iconographicum Mythologiae classicae. Artemis & Winkler Verlag (Zürich, München, Düsseldorf), 1981–1999.
- MHR – Mediterranean Historical Review.
- PHI – The Packard Humanities Institute – Greek Epigraphy (<http://epigraphy.packhum.org/inscriptions/>)
- RGDA – Res Gestae divi Augusti.
- RM – Römische Mitteilungen.
- SEG – Supplementum epigraphicum Graecum.
- TAPA – Transactions of the American Philological Association.
- TLG – Thesaurus Linguae Graecae.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие.....	I–IV
I. Боспорское царство на периферии античного мира	
<i>А. А. Масленников</i> (Москва) Тёмные века боспорской истории.....	5–13
<i>N. K. Gourouva</i> (London) The early Bosporan settlements: poleis or pre-poleis?.....	13–17
<i>В. П. Толстиков</i> (Москва) Новые материалы к локализации древнейшего теменоса Пантикапея.....	18–20
<i>В. П. Яйленко</i> (Москва) Политическое состояние Боспора в VI–V вв. до н.э.....	20–25
<i>Н. Ф. Федосеев</i> (Керчь) К вопросу о существовании полисных магистратур на Боспоре.....	25–33
<i>В. П. Копылов</i> (Ростов-на-Дону) О времени распространения импортной греческой керамики архаического времени на островной части дельты Дона.....	33–40
<i>А. В. Батасова</i> (Санкт-Петербург) Пространственный анализ расположения поселений на раннем этапе греческой колонизации Таманского полуострова.....	40–44
<i>А. Е. Терещенко</i> (Санкт-Петербург) «Аполлонийская» чеканка на Боспоре Киммерийском. В поисках эмитента.....	44–52
<i>П. Г. Столяренко</i> (Керчь) Новые данные об архаической оборонительной стене Парфения.....	52–57
<i>В. Н. Зинько</i> (Керчь) Актуальные вопросы ранней истории Тиритакки.....	57–61
<i>И. А. Тульпе</i> (Санкт-Петербург) Некрополь – поле реконструкции мировоззренческих констант.....	62–66
<i>Я. М. Паромов</i> (Москва) Характерные черты погребального обряда раннеантичных могильников Таманского полуострова.....	67–72
<i>В. А. Горончаровский</i> (Санкт-Петербург) Престижные предметы из погребальных комплексов синдской аристократии.....	73–78
<i>И. Ю. Шауб</i> (Санкт-Петербург) Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели.....	78–82
<i>С. В. Кашаев</i> (Санкт-Петербург) О хронологии погребальных комплексов некрополя Артющенко-2.....	82–86
<i>Д. В. Бейлин, Л. Ю. Пономарёв</i> (Керчь) Комплекс хозяйственных ям поселения Бондаренково VII.....	87–91
<i>Д. В. Грибанов</i> (Харьков) Левкон I, Мемнон и Аркадия: к вопросу о месте Боспора в международной политике периода фиванской гегемонии.....	92–96

<i>Е. В. Власова</i> (Санкт-Петербург) Куль-Оба. Кто погребен?.....	96–100
<i>А. А. Завойкин</i> (Москва) «Царская хора» и ранние Спартокиды..	100–107
<i>М. В. Скржинская</i> (Киев) Досуг населения античного Боспора..	107–111
<i>Н. В. Завойкина, Н. А. Павличенко</i> (Москва, Санкт-Петербург) Новое античное письмо из округи античного Патрея.....	111–115
<i>И. Е. Суриков</i> (Москва) Греческое имя Дем(ос) на Боспоре? К интерпретации одного недавно опубликованного граф- фито.....	115–120
<i>Н. В. Молева</i> (Нижний Новгород) Боспорские антропоморфные изваяния с обозначенными чертами лица (происхожде- ние традиции).....	121–125
<i>Е. В. Фокеева</i> (Москва) Боспорские гермы и особенности гер- мы Демарха.....	126–130
<i>Е. А. Савостина</i> (Москва) Мастера боспорских стел. Горгип- пийская группа.....	131–137
<i>Л. Г. Шенко, Ю. В. Атроценко</i> (Донецк) Тенденции развития боспорского ремесла в VI–II вв. до н.э.....	137–143
<i>М. И. Венцова</i> (Донецк) Орудия труда и предметы быта в по- гребальной практике Боспора.....	143–148
<i>Н. А. Гаврилюк</i> (Киев) Лепная керамика Боспора IV–I вв. до н.э.	148–155
<i>А. М. Бутягин, В. П. Колосов</i> (Санкт-Петербург) Керамические материалы из раскопок зольника 2 городища Мирмекий: комплексный анализ.....	155–161
<i>С. А. Данильченко</i> (Всеволожск) Столовая керамика из раско- пок Нимфея (2008–2012 гг.).....	161–166
<i>Т. В. Егорова</i> (Москва) О чернолаковом импорте в Пантикапее в VI – II вв. до н.э.....	166–171
<i>В. В. Вахонеев, С. Л. Соловьёв</i> (Киев, Санкт-Петербург) Под- водные археологические исследования Акры (2011–2012 гг.).....	171–175
<i>В. М. Стародубцев, Ю. Л. Белик</i> (Керчь) К вопросу о лока- лизации некоторых объектов археологии на территории, прилегающей к Керченской крепости и крепости Ени- Кале.....	176–181
<i>Е. А. Молев</i> (Нижний Новгород) «Прото, просто и постэл- линизм» на Боспоре.....	181–186
<i>А. В. Подосинов</i> (Москва) Ещё раз о протоэллинизме на Боспо- ре.....	186–191
<i>С. Ю. Сапрыкин</i> (Москва) Постэллинизм на Боспоре (пред- посылки и развитие).....	191–194
<i>А. К. Гаврилов</i> (Санкт-Петербург) Как Перисад Диофанга вскормил (IRE I ² , 352).....	195–202
<i>В. А. Ньюшков</i> (Сухуми) Боспорское царство и Колхида в эпоху Митридата VI.....	202–208
<i>В. В. Улитин</i> (Краснодар) Греко-меотская торговля в середине III – первой половине I в. до н.э. (по материалам гречес- кой керамической тары).....	208–213

<i>P.-A. Kreuz</i> (Bochum) A Cautious Reading of a Well-known Monument. The Attic Relief Sarcophagus from Myrmekion and Its Context.....	213–218
<i>О. Ю. Соколова</i> (Санкт-Петербург) Новая находка из Нимфея...	219–222
<i>Ю. А. Виноградов</i> (Санкт-Петербург) Уступчатые склепы III в. до н.э. на Боспоре.....	222–227
<i>Ю. Н. Кузьмина</i> (Москва) Монументальное здание из раскопок 1984–1986 гг. на южной окраине Фанагории: находки и интерпретации.....	227–232
<i>А. П. Медведев</i> (Воронеж) Эллинистический некрополь Фанагории: вопросы хронологии и периодизации (в свете раскопок 2005–2007 гг.).....	232–237
<i>О. М. Ворошилова</i> (Москва) Каменный склеп из раскопок некрополя Фанагории в 2011 г.....	238–243
<i>А. А. Супренков</i> (Москва) Особенности формирования сакрального пространства на укрепленных сельских поселениях Восточного Крыма эпохи позднего эллинизма (на примере городища Золотое Восточное).....	243–248
<i>В. А. Хриановский</i> (Санкт-Петербург) Сакральная топография Илуратского плато.....	248–255
<i>А. В. Бонин</i> (Москва) Укрепления римского времени на эллинистических памятниках хоры Боспора: общие черты и региональные отличия.....	256–260
<i>С. Б. Ланцов</i> (Симферополь) Последовательность застройки Кутлакской крепости второй половины I в. до н.э.....	260–265
<i>О. А. Пуклина, С. В. Диденко</i> (Киев) Краснолаковая керамика из Пантикапея в собрании Национального музея истории Украины.....	266–270
<i>Н. И. Винокуров, М. Ю. Трейстер</i> (Москва, Берлин) Портретные медальоны краснолаковых чаш I в. до н.э. – I в. н.э. на поселении Артезиан в Крымском Приазовье.....	270–278
<i>К. В. Новиченкова-Лукичева</i> (Ялта) Стеклянная посуда I в. до н.э. – I в. н.э. на Боспоре и в Южной Таврике.....	278–283
<i>Е. В. Лурье</i> (Санкт-Петербург) Изображения шлемов с составным куполом на Боспоре и археологические реалии.....	284–292
<i>С. М. Ильяшенко, Е. В. Вдовиченков</i> (Ростов-на-Дону) Тамги Танаиса – этнокультурный контекст явления.....	292–296
<i>С. Д. Воронятов</i> (Санкт-Петербург) О назначении сарматских тамг в церемониальном конском снаряжении.....	296–302
<i>З. В. Ханутина</i> (Санкт-Петербург) Теракотта погребально-поминальных комплексов некрополя Китея (раскопки 1990–2011 гг.).....	302–309
<i>М. С. Шапцев</i> (Симферополь) Лепные антропоморфные статуэтки рубежа эр из раскопок городища Кара-Тобе в северо-западном Крыму.....	309–313

<i>О. В. Шаров</i> (Санкт-Петербург) Антропоморфные глиняные статуэтки из раскопок культового комплекса Таракташ в восточном Крыму.....	313–319
<i>Н. Н. Болгов, А. М. Болгова</i> (Белгород) Поздний Боспор: новые взгляды и подходы.....	320–324
<i>Е. А. Зинько</i> (Керчь) Актуальные проблемы раннехристианской истории Боспора.....	324–327
<i>Ю. К. Рогова</i> (Санкт-Петербург) К вопросу о датировании изображения христианского креста на погребальных памятниках Боспора.....	328–330
<i>А. В. Зинько</i> (Керчь) Ещё раз к вопросу об этно-конфессиональной истории ранневизантийской Тиритаки.....	330–334
<i>С. Б. Сорочан</i> (Харьков) Ещё раз о дуках ранневизантийского Херсона и Боспора.....	334–338
<i>Ю. М. Могаричев</i> (Симферополь) К вопросу о «Хазарии» на Азиатском Боспоре в XI–XII вв.....	338–342
<i>С. Г. Бочаров</i> (Симферополь) Крепостные сооружения города Боспора – Воспоро в XIV–XV вв. Реконструкция.....	342–348

II. Варварское окружение Боспора

<i>А. Ю. Алексеев</i> (Санкт-Петербург) «Центростремительная» и «центробежная» хронология скифских древностей Северного Причерноморья.....	349–352
<i>А. С. Балахванцев</i> (Москва) К вопросу о времени и обстоятельствах появления скифов в Юго-Восточной Европе.....	352–357
<i>Т. М. Кузнецова</i> (Москва) Скифы и греки в период архаики (мифы и реалии).....	357–360
<i>И. Б. Шрамко, А. В. Новоченко</i> (Харьков) Конструктивные особенности земляночных жилищ последней четверти VII – первой четверти VI в. до н.э. Западного Бельского городища.....	361–366
<i>С. А. Задников</i> (Харьков) Античная керамика из землянок конца VII – первой четверти VI в. до н.э. Западного Бельского городища.....	366–371
<i>М. Ю. Вахтина, М. Т. Каиуба</i> (Санкт-Петербург) Об особенностях греко-варварских контактов начальной поры колонизации Северного Причерноморья в свете изучения материалов Немировского городища.....	371–378
<i>Т. В. Рябкова</i> (Санкт-Петербург) 1-й Разменный (Костромской) и 10-й Разменный курганы.....	378–385
<i>Л. С. Марсадолов</i> (Санкт-Петербург) Календарные символы на двух культовых предметах из Ольвии и Келермесса.....	386–394
<i>Р. Исмагил</i> (Уфа) Танаис: река и город.....	394–400
<i>В. Ю. Кононов, А. В. Иванов</i> (Краснодар) Соседи Азиатского Боспора в VI–IV вв. до н.э.....	401–405

<i>Н. Ф. Шевченко</i> (Краснодар) Боспор и варвары Восточного Приазовья в IV в. до н.э. – I в. н.э.	405–411
<i>С. Н. Сенаторов</i> (Санкт-Петербург) Лепная керамика античного Порфмья второй половины VI – начала III в. до н.э.	411–417
<i>М. А. Котин</i> (Керчь) Лепная керамика из позднеантичного «некрополя Джург-Оба» (к вопросу об этнической принадлежности).....	417–424
<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко</i> (Краснодар) Импортная парадная керамика VI – IV вв. до н.э. из могильников метотских городищ Краснодарской группы.....	424–434
<i>М. В. Русяева</i> (Киев) Сюжеты и стиль эллино-скифской торевтики в контексте развития классического искусства Эллады.....	434–443
<i>А. В. Вертиенко</i> (Киев) «Кто впереди колесницею правит ...» – к значению сюжета на рельефе из Трёхбратнего кургана	443–449
<i>Л. И. Бабенко</i> (Харьков) О семантике композиции пекторали из Толстой Могилы.....	449–454
<i>М. Ю. Трейстер</i> (Берлин) Образ пана на обложке перекрестья меча из Толстой Могилы (о некоторых аспектах «греко-скифского» стиля в торевтике IV в. до н.э.).....	454–461
<i>В. К. Гугуев</i> (Ростов-на-Дону) О прямой аналогии сцене жертвоприношения на кувшине из кургана у с. Красный Кут.....	461–469
<i>С. А. Яценко</i> (Москва) О процессе антропоморфизации в скифском искусстве IV в. до н.э.....	469–473
<i>М. Н. Дараган, О. Е. Буравчук</i> (Киев) Наборы для рукоделия из погребений Степной Скифии.....	474–484
<i>Е. А. Беглова</i> (Москва) Закубанье в III в. до н.э.....	484–489
<i>Л. С. Воротинская</i> (Санкт-Петербург) К вопросу о кельтоскифских взаимодействиях в Северном Причерноморье в III–II вв. до н.э.....	489–493
<i>А. Е. Пуздровский</i> (Симферополь) Крымская Скифия и Боспор в системе «Великого Шёлкового пути».....	494–498
<i>Ю. П. Зайцев</i> (Симферополь) Неаполь Скифский – Ак-Кая – Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III–I вв. до н.э....	499–506
<i>Е. А. Попова</i> (Москва) Культурная практика позднескифского населения Северо-Западного Крыма и боспорцев: археологические параллели.....	507–512
<i>В. Ю. Зуев</i> (Санкт-Петербург) О появлении сарматов в степях Евразии по археологическим данным.....	512–522
<i>В. И. Мордвинцева</i> (Симферополь) О появлении хоронима Сарматия в Северном Причерноморье.....	522–527
<i>С. В. Ярцев</i> (Тула) К вопросу о достоверности присутствия герулов на Боспоре.....	527–532
<i>Р. Б. Схатум</i> (Краснодар) Ранние погребения на средневековом могильнике Казово 1.....	532–538

- В. Ю. Юрочкин* (Симферополь) Готы на Боспоре: историографические традиции и современные тенденции..... 538–542

III. Античные центры Средиземного и Чёрного морей

- D. Braund* (London) Never mind the Pollux: «Scythians on Stilts», Hermes and the birth of Athenian comedy..... 543–548
- Е. Д. Начинкина* (Санкт-Петербург) О полном имени Флавия Арриана..... 548–554
- С. Ю. Монахов, Н. Ф. Федосеев* (Саратов, Керчь) Амфоры Ико-са..... 554–561
- К. М. Панайотова* (София) О культе Деметры и Персифоны в Аполлонии Понтийской..... 561–567
- Л. В. Носова* (Одесса) Ещё раз о культе Великой Богини у местного населения Северного Причерноморья..... 567–576
- А. И. Терещенко* (Одесса) Подводно-археологические исследования торгового судна «Змеиный-Патрокл» (IV в. до н.э.) в Чёрном море (полевые сезоны 2011–12 гг.)..... 576–583
- В. Л. Строкін* (Темрюк) «Золотой век»..... 583–589
- Т. Л. Самойлова* (Одесса) Тира и Южный Понт в доримский период..... 589–592
- Д. Е. Чистов* (Санкт-Петербург) Тип «Дома колониста» в Северном Причерноморье архаического периода..... 592–606
- Е. А. Акимова* (Нижний Новгород) Ахилл в греко-варварской торевтике Северного Причерноморья..... 606–613
- Т. Н. Шевченко* (Киев) Об одном аспекте культа Матери богов в Ольвии..... 613–617
- А. А. Голик, С. Н. Ляшко, В. А. Папанова* (Киев, Бердянск) Домашнее святилище ольвийской усадьбы IV в. до н. э..... 618–624
- И. А. Снытко* (Николаев) Погребальные сооружения некрополей хоры Ольвии VI–III вв. до н.э.: этнокультурный и социальные аспекты..... 625–629
- А. В. Ивченко* (Киев) Земляной склеп из некрополя Ольвии эллинистического времени..... 629–634
- О. Е. Буравчук* (Киев) Расписная керамика эллинистической эпохи из земляного склепа Ольвии..... 634–639
- (†) *В. В. Крапивина* (Киев) О торговле Ольвии в первые века н.э. (по данным амфорной тары)..... 640–644
- В. П. Былкова, С. О. Немцев* (Херсон, Киев) Метрология и хронология ножек амфор IV в. до н. э. (закрытые комплексы Белозерского поселения)..... 644–651
- С. В. Ушаков, Е. С. Лесная, М. И. Тюрин* (Симферополь, Бахчисарай) Херсо-несские «землянки»: историографические мифы и археологические реалии..... 651–657
- Е. Я. Туровский* (Севастополь) К вопросу о зависимости Херсонеса Таврического от Боспорского царства по нумизматическим и эпиграфическим данным..... 657–662

- С. В. Ушаков, Е. В. Струкова* (Симферополь, Севастополь) Херсонесский Дионис: к религиозной и культурной жизни греков Причерноморья в античную эпоху..... 662–667
- В. Р. Эрлих, С. Чандрасекаран* (Москва, Берлин) Украшения эллинистического времени из могильника Псенафа (Адыгея)..... 667–676
- Д. В. Журавлёв* (Москва) Понтийская Сигиллата: региональный феномен в Причерноморье..... 676–685
- Т. Н. Джаксон* (Москва) Балтийское море Адама Бременского... 685–689
- В. И. Кац* (Саратов) К предыстории появления в свет «Каталога амфорных клейм округи античной Феодосии»..... 689–696

IV. Методы естественных наук в археологии Боспора и Северного Причерноморья

- С. Л. Смекалов* (Тула) Обобщение и систематизация сведений о поселениях Европейского Боспора..... 697–703
- Н. Л. Кучеревская* (Керчь) О консервации скульптуры из осадочных камнеподобных пород..... 703–705
- Г. П. Гарбузов* (Ростов-на-Дону) Некоторые результаты сплошных разведок в округе Фанагории..... 705–712
- А. С. Цинько* (Санкт-Петербург) Геофизические исследования крепости на поселении Вышестеблиевская-11..... 712–717
- А. В. Одрин* (Киев) Некоторые итоги и перспективы изучения зернового хозяйства Боспора..... 718–721
- А. К. Каспаров* (Санкт-Петербург) Костные остатки из зольников Мирмекия: изменение ситуации в разные эпохи... 721–729
- В. Г. Зубарев, М. О. Жутенкова* (Тула) Фаунистические остатки из раскопок городища «Белинское» (по результатам работ 1996–2012 гг.)..... 729–733
- С. А. Шестаков* (Керчь) Керченская «батарея» – об одной археологической находке с некрополя Тиритаки 1983 г... 733–736

V. Из истории изучения Боспорского царства

- И. В. Тункина* (Санкт-Петербург) Ф. Дюбуа де Монпере – исследователь позднескифских городищ Крыма..... 737–744
- В. Ф. Санжаровец* (Керчь) Некоторые замечания, рассуждения и уточнения, касающиеся текстов статей и комментариев к «Собранию сочинений Поля Дюбрюкса»..... 744–750
- Н. В. Быковская* (Керчь) Полевой дневник К. Р. Бегичева – как источник по истории археологических исследований на Керченском и Таманском полуострове..... 751–755
- А. Г. Кузьмищев* (Киев) Э. Р. фон Штерн и боспорские древности..... 755–762

<i>Е. Г. Застрожнова</i> (Санкт-Петербург) Курган I из раскопок В. Д. Блаватского на территории Фанагории в 1939 г. (неопубликованные материалы).....	762–767
<i>А. Л. Ермолин</i> (Хайфа) Итоги работы Керченской охранно-археологической экспедиции за 2000–2008 годы. (По материалам разведок).....	768–774
<i>С. В. Кашаев, М. С. Павлова, А. С. Цинько</i> (Санкт-Петербург) Пятнадцать лет Таманскому отряду Боспорской экспедиции ИИМК РАН.....	775–779

VI. Memorabilia

<i>Н. А. Гаврилюк, В. Ю. Зуев</i> (Киев, Санкт-Петербург) Памяти Валентины Владимировны Крапивиной. Материалы к биобиблиографии.....	780–799
<i>М. Ю. Вахтина</i> (Санкт-Петербург) Памяти Пиа Гулдагер Билде.....	800–803
<i>Ю. А. Виноградов</i> (Санкт-Петербург) Слово о Борисе Ильиче Бабиче.....	804–808
<i>В. А. Хриановский</i> (Санкт-Петербург) Памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского.....	809–811
Список сокращений.....	812–814

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН

Греки и варвары на Евразийском перекрёстке

Материалы международной научной конференции
Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.

Составление и структура сборника, предметная обработка текстов,
вёрстка, макетирование, внесение корректурных исправлений,
запись PDF-версии макета:

В. Ю. Зуев

Редакция, компьютерная обработка иллюстраций:

В. Я. Стеганцева

Корректор: *А. М. Никитина*

Подписано в печать 30.10.2013. Формат 60 x 90 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 42,8

Тираж 300 экз. Заказ № 3590

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Нестор-История»

СПб., ул. Розенштейна, д. 21

Тел. (812) 622-01-23